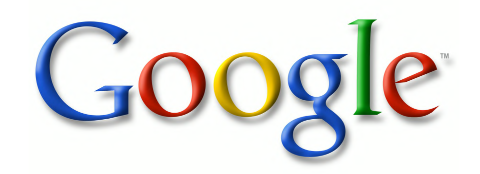
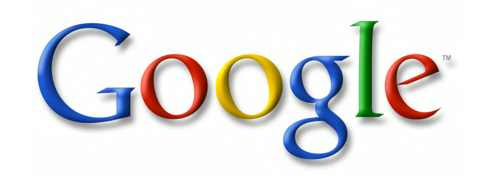

Google

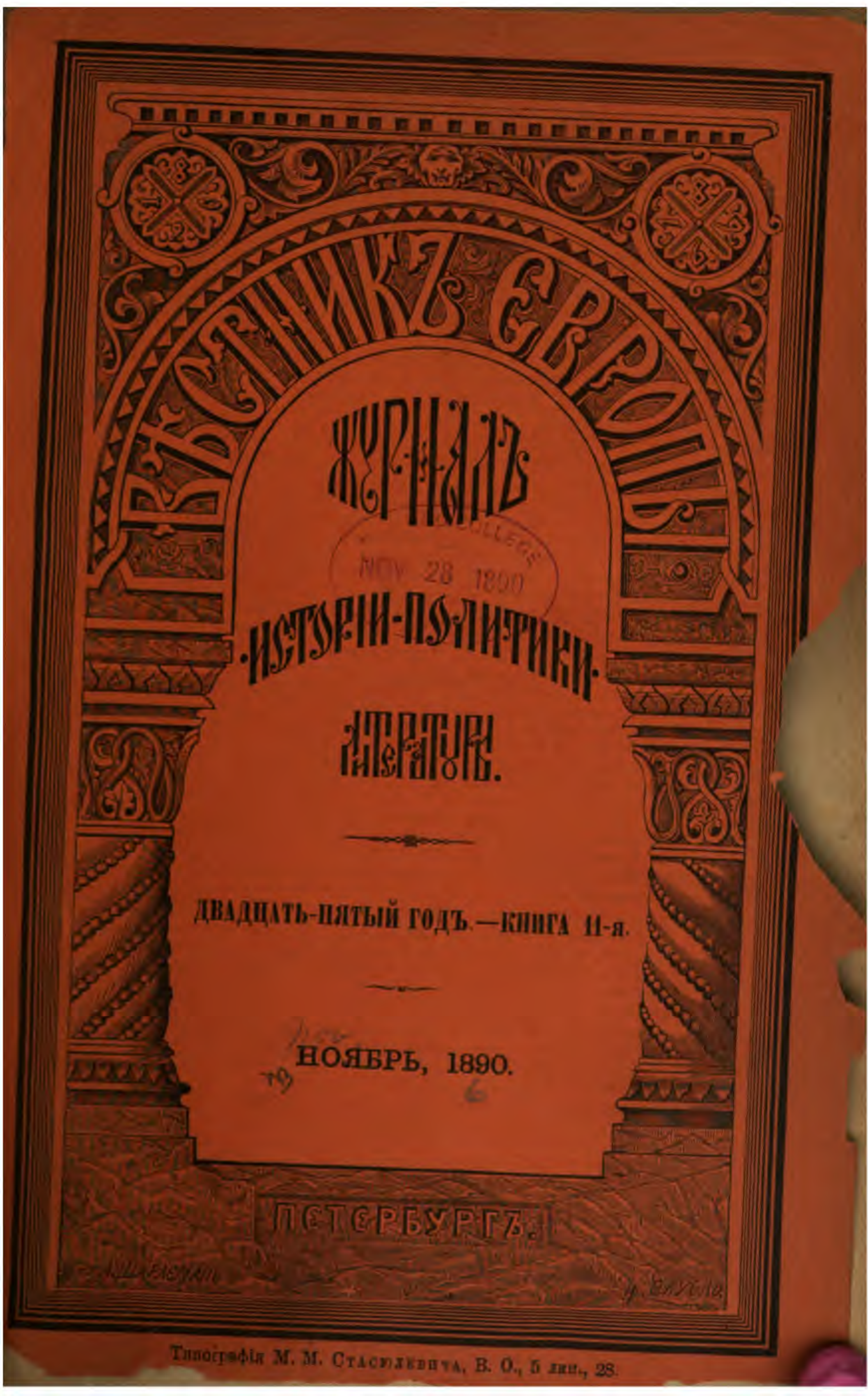


ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LIV. — ТОМЪ CCCXX. — 1/13 НОЯБРЯ, 1890.



Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1890.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1891 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

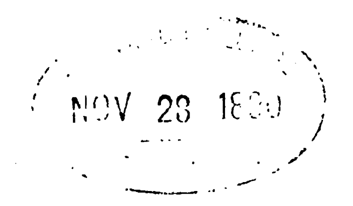
Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1890

1890, Nov. 28 - Dec. 29.
Sever fund.

(1747)



МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Посвящается моимъ ученикамъ и ученицамъ.

IV *).

Подробно разсказалъ я вамъ о моихъ товарищахъ и друзьяхъ для того, чтобы вы могли составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, каковъ я былъ тогда самъ, по пословицѣ: „скажи, съ кѣмъ ты знакомъ,—и я скажу, кто ты таковъ". Но такъ какъ мое знакомство не ограничивалось предѣлами университетской усадьбы, то поведу васъ своими воспоминаніями по московскимъ урочищамъ и улицамъ съ переулками.

Поведу васъ сначала опять на Собачью площадку, въ Дурновскій переулокъ, гдѣ, помните, я постучался къ Кастору Никифоровичу Лебедеву. Когда онъ возвратился въ Москву,—принялъ во мнѣ живѣйшее участіе, которымъ, впрочемъ, я не могъ долго пользоваться, потому что онъ черезъ нѣсколько времени перебрался въ Петербургъ. Ему не удалось пристроиться къ университету. Онъ раздражилъ противъ себя нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, представивъ научные ихъ взгляды и убѣжденія въ каррикатурномъ видѣ, въ написанной имъ сказкѣ о царѣ Горохѣ. Можете сами прочесть ее: она была напечатана, кажется, въ „Русской Старинѣ". Въ Петербургѣ онъ промѣнялъ ученую карьеру на юридическую, успѣшно и съ отличіемъ служилъ чиновникомъ министерства юстиціи и скоро вошелъ въ милость у министра, графа Панина; былъ командированъ за границу,

*) См. выше: октябрь, стр. 645.

именно въ Пруссію, для нагляднаго и практическаго ознакомленія съ судебнымъ дѣлопроизводствомъ, и по возвращеніи напечаталъ подробный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ занималъ должность оберъ-прокурора правительствующаго сената въ Москвѣ, а потомъ должность сенатора въ Петербургѣ.

Теперь переберемся за Москву-рѣку, на Донскую улицу, къ церкви Ризъ-положенія. Наискосокъ противъ этой церкви къ сторонѣ Калужскихъ воротъ въ то время выходилъ на улицу длинный заборъ; воротами входишь на большой дворъ, будто площадь, покрытый зеленой травой. На этомъ лугу, налѣво стоялъ небольшой каменный домъ, построенный въ XVIII столѣтіи, двухъ-этажный, съ толстыми-претолстыми стѣнами, окна маленькія, внизу съ желѣзными рѣшотками, заржавѣлыми отъ многолѣтія; наружная дверь тоже была желѣзная и такая же ржавая; къ ней поднимались по двумъ каменнымъ ступенямъ, изрытымъ и истертымъ до-нельзя. Отдѣленный отъ двора рѣшеткою, простирался большой лугъ; на немъ кое-гдѣ высокія столѣтнія дерева съ голыми сучьями наверху. Тутъ лѣтомъ паслись двѣ, три коровы. Въ правомъ углу этой луговины рядами тянулись грядки со всякимъ овощемъ, огороженныя плетнемъ. Этотъ пустырь, не тронутый въ 1812 г. французами, описываю вамъ для того, чтобы дать понятіе, какъ тогда жилось въ Москвѣ широко и привольно. Недаромъ иностранцы называли нашу древнюю столицу колоссальной деревнею. Я васъ ввожу въ одно изъ помѣстій этой деревни. Этотъ домъ, болѣе похожій на крѣпость или тюремный замокъ, принадлежалъ Натальѣ Васильевнѣ Купечниковой, старой дѣвицѣ лѣтъ за пятьдесятъ; она занимала верхній этажъ, а въ нижнемъ жила ея родственница и старинная подруга, Елизавета Романовна Верховцева, вдова, съ своимъ сыномъ Аполлономъ Ильичемъ. Она была родная сестра моего вотчима, который давно уже скончался, когда я прибылъ въ Москву.

Аполлонъ Ильичъ былъ замѣчательно красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ правильными, такъ-называемыми античными чертами лица, съ большими карими глазами, брюнетъ; позднѣе носилъ длинныя и тонкія бакенбарды, которыя изящно обрамляли его смуглое лицо. Въ обществѣ онъ производилъ эффектъ, какъ своей наружностью, такъ и отличнымъ голосомъ: у него былъ замѣчательный теноръ. Онъ служилъ въ опекунскомъ совѣтѣ и впослѣдствіи дослужился до званія почетнаго опекуна. До глубокой старости умѣлъ сохранить свою красоту

разными искусственными средствами. До послѣдняго времени его можно было видѣть предсѣдательствующимъ на выпускныхъ экзаменахъ Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ.

По пріѣздѣ въ Москву, я не замедлилъ отправиться на Донскую улицу. Елизавета Романовна и Наталья Васильевна приняли меня какъ родного. Я у нихъ проводилъ по праздникамъ цѣлые дни, а случалось и гостилъ по недѣлямъ въ вакантное время. Лѣтомъ мнѣ привольно было гулять по большому лугу и читать свою книгу подъ тѣнью развѣсистаго дерева. Аполлонъ Ильичъ оказывалъ мнѣ дружеское снисхожденіе и при случаѣ давалъ мнѣ уроки, какъ вести себя въ обществѣ прилично, посвѣтски, съ соблюденіемъ собственнаго достоинства.

Изъ лицъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть у Верховцевыхъ, самымъ интереснымъ былъ для меня Сергѣй Николаевичъ Глинка, авторъ пользовавшихся нѣкогда большой извѣстностью Писемъ Русскаго Офицера. Онъ всегда являлся во фракѣ и бѣломъ высокомъ галстухѣ, на ногахъ ботфорты.

Къ обѣимъ обитательницамъ стариннаго дома у Ризъ-положенія вотъ что̀ писала моя матушка, отъ 7-го августа 1834 г.:

„Почтенныя, добрыя, милыя мои сестры, Елизавета Романовна и Наталья Васильевна! Голубушки мои, очень вы обрадовали меня вашимъ письмомъ. Я не сомнѣвалась, чтобы вы приняли моего Ѳедора чужимъ. Матушки мои, васъ Богъ наградитъ за вашу родственную ему ласку. Боюсь, не охладилъ бы онъ васъ: онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ,—и его кромѣ наукъ ничто, кажется, не разгорячитъ. И если что̀ вамъ въ немъ не будетъ нравиться, пожалуйста останавливайте, не смотря на его ростъ, а помните его лѣта; выдерите уши, если онъ заслужитъ. Да вотъ онъ уже и заслужилъ. Каково невниманіе! Не писалъ. Если бы не вы, мои друзья, то я не знала бы на что̀ и подумать. Теперь, слава Богу, покойна, что онъ живъ. Родныя мои, узнайте, что за квартира, можно ли ему стоять на ней".

Еще къ нимъ же отъ 16-го октября того же года: „Милыя мои, добрыя, безцѣнныя сестры! Голубушки вы мои, если бы вы знали, какъ вы меня обязываете вашей лаской къ моему Ѳедору. Васъ за это Господь наградитъ. Вы, мой другъ, сестрица Наталья Васильевна, пишете, что въ одной комнатѣ спите съ Ѳеденькой. Это мы часто съ нимъ дѣлали дома, и вѣрно, когда онъ ночуетъ у васъ, то полагаетъ, что онъ близокъ къ матери".

Затѣмъ, мое знакомство въ Москвѣ ограничивалось пріѣзжими изъ пензенской губерніи,—больше изъ уѣздныхъ городовъ

и деревень, нежели изъ самой Пензы. Ихъ было довольно, но я обращу ваше вниманіе только на двухъ помѣщицъ: на Капитолину Яковлевну Никифорову и Маѳу Андреевну Владыкину. О первой я много слышалъ хорошаго, но лично не былъ съ нею знакомъ; вторую же зналъ коротко, давно пользовался ея расположеніемъ и очень любилъ ее.

Когда Никифорова ѣхала въ Москву, мой двоюродный дядя, Андрей Сергѣевичъ Сергѣевъ, рекомендовалъ ей меня, а мнѣ написалъ, чтобы я явился къ ней непремѣнно. Изъ его письма я зналъ, что она пріѣхала съ сыномъ, годомъ старше меня, который поступаетъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и съ дочерью моихъ лѣтъ. Это было въ концѣ сентября, я только-что поступилъ въ университетъ, чувствовалъ себя на верху блаженства, но ни мундира, ни вицмундира у меня еще не было. Какъ же мнѣ явиться къ новымъ знакомымъ въ старенькомъ сюртучишкѣ? Я уже заранѣе гордился своимъ студенческимъ мундиромъ, при шпагѣ, съ треуголкой. Дамъ, дескать, себя знать передъ будущимъ гвардейцемъ и передъ его молоденькой сестрицей, и положилъ идти къ нимъ тогда, когда будетъ готова моя амуниція. Ждалъ, ждалъ, наконецъ надѣли на меня вицмундиръ, а мундира все еще нѣтъ. Я уже рѣшился-было надѣть чужой, отъ кого-нибудь изъ товарищей старшихъ курсовъ, но у нихъ форма была еще съ малиновыми воротниками и только съ насъ, новобранцевъ, пошли синіе воротники, тѣ самые, какіе приняты и теперь. Ничего больше мнѣ не оставалось, какъ надѣть мундиръ Власовскаго съ малиновымъ воротникомъ и явиться, наконецъ, къ Никифоровымъ на Спиридоновку. Разсказываю вамъ эти пустыя подробности, да и вообще упоминаю о Никифоровыхъ для того только, чтобы вы прочли, какъ моя матушка дѣлаетъ мнѣ выговоръ.

Отъ 11-го декабря того же года: „Да вотъ еще твоя глупость непростительная. Тебя благодѣтельный твой дядя рекомендовалъ почтеннымъ своимъ знакомымъ: первое, ты его не благодарилъ, а второе, не былъ у почтенной Никифоровой, и велишь, чтобы я за тебя благодарила дядю. Меня это все очень огорчаетъ и даетъ мысль о тебѣ, какъ о неблагодарномъ и нечувствительномъ. А тебѣ ли разбирать приличныя платья? У тебя есть вицмундиръ, онъ одинъ у тебя, и ты вездѣ, гдѣ должно, можешь въ немъ быть, и эта твоя нечувствительность къ почтенному и лестному для тебя знакомству меня огорчила. Я не воображала, чтобы мой сынъ былъ такъ нечувствителенъ къ благодѣяніямъ милаго и добраго своего дяди. А я за все это сержусь

на тебя. Подумай хорошенько, и ты почувствуешь, что ты стоишь этого. И если ты хочешь со мной помириться, то исполни все это: пиши дядѣ приличное его благодѣяніямъ письмо, сходи, или даже ходи къ Никифоровой и извинись, что не могъ раньше быть, потому что не хотѣлъ показаться имъ невѣжливымъ и быть въ вицмундирѣ, но не дождался мундира. Если тебѣ покажется грубо письмо мое, то подумай хорошенько и ты увидишь, что я правду отъ тебя требую и прошу въ такихъ обстоятельствахъ быть почувствительнѣе. У Никифоровой будь непремѣнно. Доброму, милому Кастору Никифоровичу мою душевную благодарность и почтеніе скажи, милымъ сестрамъ тоже. Аполлону Ильичу также кланяйся. Я радуюсь, что ты въ восхищеніи отъ своихъ лекцій; но, мой другъ, и еще скажу, что одно безъ другого не годится: приличіе и благодарность—это чувства не послѣднія для молодого человѣка"...

Теперь прошу васъ вмѣстѣ со мною отъ Спиридоновки перенестись въ Зубово, къ Неопалимой-Купинѣ, въ деревянный домъ съ мезониномъ, въ переулкѣ, который съ задней стороны этой церкви тянется параллельно Смоленскому бульвару. Въ этомъ домѣ поселилась, пріѣхавшая въ Москву изъ чембарскаго уѣзда, помѣщица Мареа Андреевна Владыкина съ своимъ сыномъ, годомъ моложе меня, Алексѣемъ Степановичемъ, и съ его гувернеромъ французомъ, Александромъ Богдановичемъ Ломбаромъ, который при мнѣ былъ учителемъ французскаго языка въ нашей гимназіи. Моя матушка давно была съ нею знакома, и когда обѣ онѣ овдовѣли, матушка—послѣ моего вотчима, а Владыкина—послѣ мужа, ихъ знакомство перешло въ дружбу; обѣ—молодыя вдовы и ровесницы. У Владыкиной я нашелъ такой же радушный родственный пріемъ, какъ и у Верховцевыхъ. Сверхъ того, мои посѣщенія Владыкиныхъ приносили намъ обоюдную пользу. Мареа Андреевна поручила мнѣ давать уроки русскаго языка и исторіи ея сыну, который тогда готовился къ поступленію въ военную службу. Впослѣдствіи онъ служилъ въ гусарахъ.

Изъ посѣтителей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать у Владыкиной, назову вамъ Бѣлинскаго, котораго она знала еще мальчикомъ и говорила ему „ты". Его отецъ, уѣздный лекарь, въ теченіе многихъ лѣтъ былъ у ней въ имѣніи домашнимъ врачемъ и пользовался ея расположеніемъ и довѣріемъ. При этомъ замѣчу вамъ кстати, что и Бѣлинскій былъ моимъ учителемъ русскаго языка въ 1829 г., когда я только-что поступилъ въ первый классъ гимназіи, а онъ, только-что кончивши въ ней курсъ, не могъ за недостаткомъ средствъ отправиться въ московскій уни-

верситетъ, какъ онъ намѣревался, и, оставаясь въ Пензѣ, въ званіи ученика гимназіи, занималъ вакантную должность учителя. Странно, что именно отъ той далекой поры врѣзалось въ мою память, какъ у него въ классѣ мы учили наизусть:

О, Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества...

И еще:

О, дѣти, дѣти! Какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду. И вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей...

V.

Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ слагался мой характеръ въ періодъ студенчества, я долженъ познакомить васъ съ письмами моей матушки. Въ нихъ я находилъ для себя и чувствовалъ охранительную силу, которая должна была сдерживать и утолять мои стремленія и порывы въ охватившей меня новой жизни казеннокоштнаго товарищества. Но сначала мнѣ слѣдуетъ разсказать вамъ, кто такая была моя матушка и какова была она.

Моя матушка, дочь армейскаго офицера Ивана Андреевича Андреева, участвовавшаго въ Суворовскомъ походѣ черезъ Альпы въ Италію, родилась въ г. Керенскѣ въ 1802 г., а въ 1816-мъ, четырнадцати лѣтъ отъ роду, вышла замужъ за моего отца Ивана Ивановича Буслаева, состоявшаго въ должности керенскаго уѣзднаго стряпчаго. Въ началѣ XVIII столѣтія его прадѣдъ Акимъ Никитичъ былъ „съ приписью подьячій" керенской канцеляріи воеводскаго правленія, жалованъ указомъ Петра Великаго въ 1723 г. помѣстнымъ окладомъ „ста-шестидесятью четвертями".

Будучи шестнадцати лѣтъ, моя матушка родила меня 13-го апрѣля 1818 г., а когда мнѣ минуло только-что пять лѣтъ, я остался при ней сиротою. Вотъ что значится въ ея записной книжкѣ, которую я берегу вмѣстѣ съ ея письмами: „Первое мое замужество—въ 1816 г. ноября 8-го дня. Жила съ мужемъ шесть лѣтъ и шесть мѣсяцевъ и двадцать-пять дней, то-есть, онъ скончался 1823 года іюня 3-го числа, и съ тѣхъ поръ-то веду дни бѣдственные".

Мнѣ очень хотѣлось бы покороче ознакомить васъ, во-первыхъ, съ чертами лица и вообще съ наружностью моей матушки

и, во-вторыхъ, съ ея характеромъ; но ни того, ни другого сдѣлать не могу, какъ слѣдуетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя чувствовать, мы жили съ ней одною жизнію, совокупно радовались однѣми и тѣми же радостями, горевали въ однѣхъ и тѣхъ же печаляхъ, однообразно проводили день за днемъ въ тѣхъ же привычкахъ, и потому я не могъ сознательно отрѣшиться отъ этого нераздѣльнаго существованія и сдѣлать мою матушку предметомъ для своихъ наблюденій. Иное дѣло—казеннокоштные студенты, мои товарищи по нумеру, которыхъ я могъ характеризовать вамъ подробно: тутъ било мнѣ въ глаза новизною, непривычныя впечатлѣнія останавливали на себѣ мое вниманіе и изощряли во мнѣ наблюдательность, а потомъ въ продолженіе многолѣтнихъ сношеній и знакомства съ этими товарищами и друзьями они окрѣпли и глубоко врѣзались въ памяти, какъ готовый матеріалъ для воображенія. Что касается до моей матушки, то я жилъ съ нею вмѣстѣ только до шестнадцати-лѣтняго моего возраста, да еще потомъ провелъ съ ней одинъ мѣсяцъ въ Москвѣ, куда она пріѣзжала зимою навѣстить меня, когда я былъ уже на второмъ курсѣ. Послѣ этого я уже не видалъ ее: она скончалась въ 1836 г., тридцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. Обо всемъ этомъ я разскажу вамъ подробно, гдѣ слѣдуетъ.

Моя матушка была высокаго роста, тѣлосложенія крѣпкаго, ни худа, ни полна. Портрета отъ нея не осталось. Какъ ни стараюсь, рѣшительно не могу въ своемъ воображеніи представить ея лицо въ полной совокупности его очертаній; вѣроятно, и прежде никогда не могъ я этого сдѣлать. Впрочемъ нѣкоторыя подробности ея физіономіи иной разъ мелькнутъ въ моей памяти, и затѣмъ мерещутся, будто смутныя фигуры въ потемкахъ.

Лобъ у ней былъ, кажется, широкій, но какіе были глаза—совсѣмъ не помню, голубые или сѣрые, а носикъ—хорошо помню—былъ немножко вздернутъ, что̀ придавало ей на мой взглядъ особую грацію. Губки были прехорошенькія. Но что особенно рисуется въ моемъ воображеніи, такъ это ея длинные и густые русые волосы. Она заплетала ихъ въ двѣ толстыя косы и накладывала ихъ себѣ на голову въ видѣ вѣнка. Она была блондинка и, какъ я хорошо помню, гадала о себѣ въ картахъ на бубновую даму.

Когда я зажмурю глаза, эти отдѣльныя черты, каждая по себѣ, разсыпаются врознь, мелькая передо мною, какъ звѣздочки въ небѣ, и никакъ не хотятъ собраться вмѣстѣ, чтобы слиться въ одно цѣльное и полное представленіе дорогого мнѣ образа. Здоровья она была необыкновенно крѣпкаго, „гигантскаго и не-

износимаго", какъ она сама о себѣ говорила. Она не знала усталости и не остерегалась ни холода, ни даже мороза. Въ зимнее время она выходила наружу, не набросивъ ничего на свое платье, не покрывъ головы и не надѣвши теплыхъ сапогъ на легкія туфли, и такъ перебѣгала по снѣжному двору во флигель или по хозяйству въ кухню, а то и въ амбаръ. Въ лѣтніе жары, когда все живое изнемогаетъ отъ духоты, она любила прохлаждаться въ погребѣ, сидя съ какимъ-нибудь рукодѣльемъ на одной изъ ступеней лѣстницы, спускающейся въ яму. Съ крѣпкимъ здоровьемъ въ ней соединялась физическая сила. Она любила ухаживать за опасно больными, безъ сна проводить у ихъ изголовья цѣлыя ночи, поворачивать и поднимать ихъ. Когда мнѣ было шесть и даже семь лѣтъ, она носила и держала меня на рукахъ подолгу, если это оказывалось почему-либо нужнымъ.

Говорить вообще о ея характерѣ и объ умственныхъ и нравственныхъ ея качествахъ я не буду изъ опасенія, чтобы не дать вамъ повода заподозрить мои слова въ пристрастіи сыновней любви. Обо всемъ этомъ можете судить сами изъ подробностей повѣствованія, къ которому теперь и возвращаюсь послѣ этого краткаго эпизода.

Мы остановились на кончинѣ моего отца, о которой вы узнали изъ словъ моей матушки въ ея записной книжкѣ. Онъ опасно занемогъ еще въ Керенскѣ и для излеченія былъ переведенъ въ Пензу, гдѣ мѣсяца черезъ два и померъ. Моя матушка не могла уже воротиться на житье въ Керенскъ, гдѣ была она такъ счастлива съ своимъ мужемъ, и съ тѣхъ поръ навсегда водворилась въ Пензѣ, въ которой прежде не бывала ни разу.

Вскорѣ купила она себѣ домъ на высокомъ, крутомъ берегу рѣки Пензы, въ гористой мѣстности, на вершинѣ которой разстилается городская площадь съ соборомъ, съ присутственными мѣстами, съ гимназіею, съ семинаріею, дворянскимъ собраніемъ и театромъ, принадлежавшимъ тогда нѣкоему Гладкову, а также съ казенными зданіями для губернатора и архіерея. За площадью черезъ нѣсколько домовъ поднималась широкимъ гребнемъ старая березовая роща, которая называлась тогда „гуляньемъ". Отъ рощи гора понижается крутыми спусками, покрытыми кустарникомъ, которые ниспадаютъ на широкую и далекую равнину съ лугами и нивами. Съ этой низменности направо отъ „гулянья" поднимается церковь Боголюбской Божіей Матери при кладбищѣ, на которомъ покоится прахъ моего отца.

Крутой берегъ, на которомъ стоялъ нашъ домъ, направо идетъ въ городъ къ городской площади, а налѣво постепенно

спускается на разстояніи домовъ двадцати пяти и, наконецъ, ниспадаетъ до уровня воды широкою песчаною полосою тамъ, гдѣ у послѣдняго дома рѣка круто поворачиваетъ налѣво. Дома черезъ четыре внизъ отъ нашего, перекинутъ мостъ черезъ рѣку съ этой нагорной стороны на низменную, прямо къ нашей приходской церкви Казанской Божіей Матери. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время тамъ вразсыпную торчали кое-гдѣ вдоль берега только убогія лачуги съ огородами, а за ними далеко и широко простиралась песчаная низменность, которая въ весенній разливъ вся покрывалась водою.

Нашъ домъ былъ съ мезониномъ и выходилъ къ набережной палисадникомъ, въ которомъ были разбиты между клумбами цвѣтовъ дорожки, покрытыя пескомъ; вдоль рѣшетчатаго забора поднимались невысокіе кусты сирени и воздушнаго жасмина. Передняя часть дома состояла изъ залы и гостиной, которая для насъ съ матушкой была вмѣстѣ и кабинетомъ, гдѣ мы оба читали какую-нибудь книгу или я училъ уроки, а она что-нибудь работала.

Въ то время бумажныхъ обоевъ еще не было въ употребленіи, и стѣны этой комнаты были покрыты темнолазуревой краской, а бѣлый потолокъ разрисованъ гирляндами и букетами изъ тюльпановъ, розъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ.

У стѣны, отдѣляющей гостиную отъ залы, стоялъ диванъ, а передъ нимъ круглый столъ. Надъ диваномъ висѣли въ рамкахъ подъ стекломъ двѣ небольшія гравюры, одна подъ другой. Верхняя, поменьше, должна была изображать Наполеона I на островѣ Святой Елены, хотя самого императора на ней не было видно. Былъ только представленъ высокій берегъ надъ моремъ, налѣво роща, переднее дерево которой рѣзко вырисовывалось по бѣлому фону причудливыми изгибами своего ствола и сучковъ. Рядомъ съ этимъ деревомъ, немножко отступя, стояло тоже искривленное деревцо, немного пониже. Вотъ и все. Вамъ говорятъ, что это Наполеонъ на островѣ Святой Елены, а вы его не видите и до тѣхъ поръ не найдете, пока вамъ не укажутъ на бѣлую полосу бумаги, очерченную извилистыми линіями обоихъ деревъ. Тогда вмѣсто полосы пустого пространства вы увидите бѣлую мраморную статую самого императора, стоящаго бокомъ, съ античнымъ профилемъ его лица, въ треугольной шляпѣ и мундирѣ: онъ стоитъ, по своему обычаю, скрестивъ руки на груди. И когда вы разгадаете этотъ фокусъ, вы уже всегда будете видѣть между двумя деревьями не пустое пространство, а мраморную статую, въ формѣ силуэта.

Да, и въ ту пору для насъ съ матушкой „онъ былъ властитель нашихъ думъ".

Нижняя гравюра была побольше и значительно длиннѣе въ ширину; на ней въ трехъ кругахъ было изображено по портрету: на одной сторонѣ поясной портретъ императора Николая Павловича, на другой—императрицы Александры Θедоровны, а между ними въ серединѣ—цесаревича Наслѣдника Александра Николаевича, лѣтъ семи отъ роду, въ курточкѣ и съ отложнымъ и очень широкимъ полотнянымъ воротникомъ. Отъ матушки я уже зналъ тогда, что онъ мнѣ ровесникъ, что родился въ томъ же году и въ томъ же мѣсяцѣ, какъ и я, только четырьмя днями моложе меня. „Гляди на него, мой дружокъ (она любила называть меня такъ): онъ вѣдь будетъ твоимъ царемъ".

Спустя многіе десятки лѣтъ, черезъ цѣлое полстолѣтіе, въ скорбные дни, послѣдовавшіе за 1-мъ числомъ марта 1881 года,— не знаю, какими судьбами вдругъ воскресла въ моей памяти эта гравюра съ тремя портретами, давнымъ-давно забытая мною, и свѣтлый образъ милаго мальчика съ добрыми, привѣтливыми глазками не переставалъ носиться въ моемъ воображеніи, будто утѣшая меня и озаряя своимъ присутствіемъ мои мрачныя, горькія думы.

Особенно помнится мнѣ угольное окно нашей гостиной. Подолгу сиживали мы у него съ матушкой другъ противъ друга. Она повѣряла мнѣ свои заботы и планы, свои надежды и опасенія, свои горькія печали и немногія радости, которыя рѣдко выпадали на ея долю послѣ того, какъ она лишилась моего отца. Эти дружескія бесѣды сливаются въ моихъ воспоминаніяхъ съ широкою панорамою, которая изъ окна передъ нами разстилалась. Направо верхняя часть города своими спусками круто ниспадала къ самой рѣкѣ, а налѣво за рѣкою поднимались холмы, покрытые темною зеленью дремучаго сосноваго бора. Передъ окномъ изъ-подъ крутого берега тянулась широкая и далекая равнина. На ней на разстояніи версты отъ города съ лѣвой стороны виднѣлась роща, передъ которой бѣлѣла церковь Всѣхъ Святыхъ съ городскимъ кладбищемъ; направо же, верстъ на двѣнадцать по небосклону, тянулась гора, при подошвѣ которой стояло село Валяевка, куда ходили на богомолье къ источнику святой воды.

Вдоль задней стороны дома тянулась крытая галерея съ крыльцомъ. Передъ ней на дворѣ стояли рядомъ амбаръ съ сусѣками для овса, крупы и всякаго другого снадобья, сарай съ сѣноваломъ наверху и конюшня, а при ней собачья конура съ

большимъ чернымъ псомъ, Барбосомъ, или—какъ его обыкновенно кликали—Барбоскою. По другую сторону двора, образуя прямой уголъ съ этими строеніями, стояли кухня, флигель и у самыхъ воротъ погребъ. Небольшое пространство между погребомъ и флигелемъ, покрытое кровлею, предназначалось для курятника.

Въ самомъ углу, который приходился прямо противъ воротъ, былъ входъ въ садъ съ разными фруктовыми деревьями. Отлого спускался онъ внизъ къ длинной полосѣ огорода съ поперечными грядами капусты, огурцовъ и всякой другой зелени. Тамъ же внизу была построена баня.

У матушки, по наслѣдству отъ ея отца, а моего дѣда, была крѣпостная дворня. Овдовѣвъ, осталась она съ хорошими средствами, которыя не только обезпечивали ея существованіе, но и давали возможность располагать удобствами жизни.

Самыя раннія мои воспоминанія относятся ко времени, когда мы поселились въ нашемъ пензенскомъ домѣ. Прежде всего возникаетъ передо мною глубоко врѣзавшееся въ моей памяти событіе, которое поразило меня ужасомъ и нестерпимою жалостью. Это было утромъ послѣ обѣдни въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Матушки не было дома; я ждалъ ее въ гостиной. Вдругъ слышу говоръ, шумъ и суетню, и вслѣдъ за тѣмъ опрометью вбѣгаетъ матушка, хватаетъ меня въ объятія и прижимаетъ къ своему окровавленному лицу. Вотъ только этотъ одинъ моментъ, ошеломившій меня, какъ ударъ грома, и застрялъ въ моей памяти. Не будь его, я бы давно забылъ и не разсказалъ бы вамъ о благочестивомъ обычаѣ, который въ день Пасхи справляла моя матушка, въ первые года своего вдовства. Послѣ обѣдни она отправлялась въ острогъ христосоваться съ колодниками и одѣлять ихъ кусками кулича и пасхи. На этотъ разъ между заключенными былъ одинъ сумасшедшій. Онъ сидѣлъ въ особой каморкѣ. Въ порывѣ восторженнаго состоянія духа моя матушка непремѣнно должна была похристосоваться и съ нимъ, вѣруя и надѣясь, что благовѣстіе о воскресеніи Христа и въ этомъ безумномъ воскреситъ остолбенѣлыя его мысли и просвѣтитъ померкшій разсудокъ: но безумный стремглавъ бросился къ ней и укусилъ ее въ щеку.

Къ этому же далекому времени относится и другое событіе, но оно не промелькнуло передо мною однимъ мгновеніемъ, а протянулось въ моей памяти длиннымъ слѣдомъ томительной и жуткой боязни. Съ ранней молодости у моей матушки была, горячо любимая ею, подруга, которая потомъ вышла замужъ за городничаго въ уѣздномъ городѣ, отъ Пензы верстахъ въ сорока,

именно въ Мокшанѣ. Передъ самымъ началомъ весенней оттепели, послѣ трудныхъ родовъ, она опасно захворала и вызвала мою матушку къ себѣ. Рѣшительно не помню, какъ мы попали въ Мокшанъ, долго ли моя матушка ухаживала за своею больною подругой и какъ на ея рукахъ она и скончалась. На другой или на третій день послѣ ея похоронъ матушка рѣшила почему-то немедленно же оставить домъ городничаго и вернуться въ Пензу, несмотря на весенній разливъ Суры и впадающей въ нее рѣки Пензы, который теперь отдѣлялъ Мокшанъ отъ нашего дома.

Въ Мокшанъ мы пріѣхали на саняхъ, а оттуда отправились на колесахъ въ тарантасѣ. Путь шелъ большою дорогою по песчаной низменности, на которую спустился сосновый лѣсъ съ тѣхъ темно-зеленыхъ холмовъ, которые—помните—виднѣлись изъ угольнаго окна нашей гостиной. Передъ нами прямо тянулась столбовая дорога, которая вдали превращалась въ каналъ, а по обѣимъ сторонамъ его вмѣсто береговъ поднимался сосновый лѣсъ. Сначала мы ѣхали по грязи и по мокрому песку и вскорѣ затѣмъ по водѣ, въ которую мало-по-малу сталъ погружаться нашъ экипажъ; она покрыла уже и ступицы колесъ, но не успѣла еще подняться до кузова, какъ мы подъѣхали къ платформѣ, пристроенной къ какому-то домику, стоящему—какъ сейчасъ вижу—на правой сторонѣ затопленной разливомъ дороги. У платформы стояла большая лодка съ нѣсколькими гребцами; мы перебрались въ нее со всѣмъ нашимъ багажемъ и тронулись съ мѣста. По мѣрѣ того какъ уровень дна спускался ниже, разливъ становился все глубже и глубже. Сначала мы измѣряли его верстовыми столбами. Вотъ высунулся изъ воды одинъ только на-половину, а слѣдующій затѣмъ торчалъ ужъ одной верхушкой, будто кочка. Теперь пришлось соображаться только съ высокими стволами деревъ этой необычайной аллеи; но и стволы, чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ глубже и глубже тонули въ водѣ. Наконецъ, дорога съузилась отъ торчащихъ съ обѣихъ сторонъ сучьевъ сосноваго лѣса. Надобно было держаться по самой серединѣ, чтобы лодка не задѣла сучокъ и не опрокинулась. Тутъ еще легко можно было справиться, покамѣстъ слѣды нашей аллеи обозначались по обѣимъ сторонамъ хотя бы маленькими зелеными вѣтками сосновыхъ верхушекъ. Но и онѣ потонули, и гребцамъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ приходилось такъ направлять нашу лодку, чтобы она не наткнулась на невидимый подъ водою сучокъ и не перевернулась вверхъ дномъ. Однако мы еще не спаслись отъ всѣхъ бѣдъ опаснаго плаванія; самая большая ожидала насъ далѣе.

Передъ нами разстилалась гладкая, какъ зеркало, равнина широкаго разлива, но не въ далекомъ разстояніи по ней поперекъ перекинулась широкая волнистая полоса бураго цвѣта. Это былъ слѣдъ, отмѣченный русломъ бурливой рѣки на поверхности стоячей воды разлива. Когда мы стали приближаться къ этой полосѣ, намъ казалось, что мы направляемся по прозрачному хрустальному берегу къ водовороту мчащагося впередъ потока. Чтобы безопасно перебраться черезъ него, надобно было умѣючи попасть въ него и умѣючи изъ него выбраться: нельзя было направить лодку ни подъ прямымъ угломъ, ни подъ слишкомъ косымъ; въ томъ и другомъ случаѣ она непремѣнно перекувырнулась бы. Но пензенскіе лодочники были мастера своего дѣла, и мы благополучно спустились въ шипучій водоворотъ, понеслись по волнамъ потока и долго не могли изъ него выбраться: это гораздо опаснѣе и труднѣе, чѣмъ попасть въ него. Тутъ нужна ловкая сноровка, пріобрѣтаемая опытностью и привычкою, и, благодаря Бога, мы успѣшно проскользнули на другую сторону.

На всѣ эти подробности моихъ смутныхъ и тоскливыхъ впечатлѣній, вѣроятно, наводила мое вниманіе матушка, соображаясь съ веселою болтовнею лодочниковъ, которые привыкли неустрашимо бороться съ опасностями водной стихіи.

Да, въ характерѣ моей матушки твердая рѣшимость соединялась съ геройскою отвагою ея отца, Суворовскаго солдата, который переходилъ въ альпійскихъ горахъ черезъ Чортовъ-Мостъ.

Лѣтомъ 1825 года проѣзжалъ черезъ Пензу императоръ Александръ Павловичъ. Его ждали въ соборѣ. День клонился къ вечеру. На площади толпилась сплошная масса простонародья и поднималась вверхъ по длиннымъ ступенямъ широкой и высокой лѣстницы, ведущей къ южнымъ вратамъ собора. Отсюда долженъ былъ войти государь. Начинало уже смеркаться, а собравшуюся въ церкви такую же сплошную толпу нарядныхъ дамъ и мужчинъ въ парадной формѣ ярко освѣщали зажженныя паникадила, лампады и свѣчи. Тутъ были и мы съ матушкой. Она держала меня на рукахъ. Когда государь вошелъ въ соборъ, она въ сумятицѣ разступившейся передъ нимъ публики приноровилась такъ, что мы очутились впереди, и онъ близехонько прошелъ около насъ.

Въ томъ же году зимою мы были съ матушкой свидѣтелями другой церемоніи, которая своей мрачной безотрадностью составляла рѣзкій контрастъ съ этимъ свѣтлымъ торжествомъ. Дѣло было ночью. На площади, тоже у собора, только съ сѣверной его стороны, а не съ южной, тоже собрался народъ, но не

сплошною толпою, какъ тогда, а кучками врозь, которыя тихо двигались изъ стороны въ сторону, медленно подходили къ церкви и отступали назадъ. При свѣтѣ луны на бѣломъ снѣгу и у бѣлой стѣны собора поднималась громадная черная колесница безъ лошадей, подъ чернымъ же балдахиномъ; на колесницѣ стоялъ саркофагъ, въ саркофагѣ былъ гробъ, а въ гробу—усопшій императоръ Александръ Павловичъ. Вотъ какъ онъ возвращался съ далекаго юга въ свою сѣверную столицу черезъ Пензу, гдѣ недавно встрѣчали его въ радостномъ ликованіи.

Вокругъ печальной колесницы стояли карауломъ дежурные генералы и офицеры. Между ними находился тогда молодой тридцати-лѣтній флигель-адъютантъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, бывшій впослѣдствіи попечителемъ московскаго университета.

Около этого времени матушка моя сблизилась и вскорѣ подружилась съ Марьей Алексѣевною Лебедевой, матерью Кастора Никифоровича, о которомъ я уже не разъ говорилъ вамъ. Главною причиной этого сближенія, я полагаю, было желаніе матушки отдать меня въ приготовительную школу, которую содержала Лебедева для приходящихъ дѣвочекъ, изъ зажиточныхъ семействъ города. Въ этой школѣ и я былъ приходящимъ и учился въ ней до 1828 года, когда 10-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ 1-й классъ пензенской гимназіи.

Марья Алексѣевна была вдова, годами десятью старше моей матушки, и по тогдашнему времени довольно образована, т.-е. говорила по-французски и играла на фортепьянахъ. Черезъ нее матушка познакомилась съ моимъ вотчимомъ, и, вѣроятно, при ея же посредствѣ вышла за него замужъ въ 1825 году, всего двадцати трехъ лѣтъ отъ роду; въ 1826 году у ней родилась дочь Софья, а въ 1827—другая дочь, Серафима. Первая была брюнетка и похожа на своего отца, вторая же уродилась въ матушку—блондинкою. Ихъ обѣихъ я очень любилъ, особенно послѣднюю. Давно уже скончались онѣ, еще въ царствованіе Николая I.

Первые года вторичнаго замужества моей матушки остались у меня въ туманѣ. Кажется, мой вотчимъ ласкалъ меня; по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы онъ чѣмъ-нибудь меня обидѣлъ или оскорбилъ. Впрочемъ, въ моихъ воспоминаніяхъ о немъ ничего не осталось яснаго и опредѣленнаго до той поры, когда его дурное поведеніе, доходившее до возмутительнаго безчинства, повергло матушку въ бездну несчастій.

У меня не хватаетъ духу входить въ подробности нашего

бѣдственнаго положенія. Мнѣ самому становится до крайности стыдно при одномъ о нихъ воспоминаніи и оскорбительно для памяти моей матушки. Вотчимъ не только пьянствовалъ, пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ и возвращался домой какъ бѣшеный, но и въ конецъ разорилъ состояніе моей матушки.

Ничто такъ не скрѣпляетъ дружбу, какъ страданіе вдвоемъ, и въ это скорбное, безнадежное время я сталъ для матушки не только горячо любящимъ сыномъ, но и задушевнымъ искреннимъ другомъ, съ которымъ она вмѣстѣ страдала и проливала горькія слезы.

Несчастіе сильно способствуетъ развитію дѣтей. Будучи только двѣнадцати лѣтъ, я уже чувствовалъ и поступалъ какъ взрослый, когда дѣло касалось моей злополучной матери. Однажды, зимою 1829 и 1830 годовъ, вотчимъ пропадалъ безъ вѣсти недѣли двѣ, если не больше. Въ это время матушка родила мнѣ сестрицу Надю. Дѣвочка была хворенькая; ее надобно было поскорѣе окрестить; я былъ ея крестнымъ отцомъ. Къ вечеру она скончалась, а на другой день вмѣстѣ съ моей нянькой мы повезли ее хоронить на кладбищѣ у той церкви Всѣхъ Святыхъ, что виднѣлась изъ окна нашей гостиной. Живо помню, какъ мы съ нянькой проѣзжали далекую снѣжную равнину по ухабистой дорогѣ, старательно придерживая на колѣняхъ маленькій гробикъ, чтобы онъ при ухабѣ какъ-нибудь не выскользнулъ изъ нашихъ рукъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1830 года Пензу постигла небывалая еще въ Россіи страшная болѣзнь—холера. Мой вотчимъ продолжалъ вести свою разгульную жизнь и по прежнему пропадалъ изъ дому. Однажды утромъ привезли его къ намъ зараженнаго холерою. Онъ едва держался на ногахъ; какъ сейчасъ вижу его посинѣлое лицо, обезображенное судорогами. Тотчасъ же его перенесли на кровать, а меня матушка немедленно отправила изъ дому гостить въ коротко намъ знакомомъ семействѣ прокурора фонъ-Фриксіуса; сама же осталась одна-одинехонька при умирающемъ, потому что вся прислуга въ испугѣ разбѣжалась изъ дому и попряталась кто въ кухнѣ, кто во флигелѣ, а кто въ сараѣ или въ конюшнѣ. Цѣлыя трое сутокъ тянулась агонія умирающаго, и матушка ухаживала за нимъ безъ посторонней помощи; никто изъ дворовыхъ не осмѣливался ступить ногою въ зараженныя комнаты, и если ей что нужно было вынести, или что̀ взять, она выходила на заднюю галерею и подзывала къ себѣ кого нибудь изъ прислуги.

Подробностей о томъ, какъ она проводила эти дни и ночи, я отъ нея никогда не слыхалъ, и рѣшительно не могу представить

себѣ, какъ доставало ей силъ выносить страшное зрѣлище отвратительныхъ корчъ, обыкновенно сопровождающихъ эту моровую язву, и нестерпимое зловоніе заразительныхъ изверженій. Она покорно и твердо исполняла свой долгъ и во-время успѣла пригласить священника для напутствованія Святыми Дарами умирающаго, который внушалъ ей теперь только милосердіе и состраданіе.

Озлобленіе и ненависть были чужды ея всепрощающему великодушію, и, признавая моего вотчима виновникомъ ея бѣдствій, она умѣла сохранить безпристрастіе къ его родной сестрѣ, не переставая питать къ ней дружеское и сердечное расположеніе, о чемъ вы сами можете судить изъ приведеннаго выше письма ея къ Елизаветѣ Романовнѣ Верховцевой. Вообще въ перепискѣ съ ней умѣла она съ простодушіемъ и съ искреннею откровенностью соединять тонкое чувство деликатности, чтобы не нанести оскорбленія, когда рѣчь касалась щекотливыхъ намековъ на ея вторичное замужство.

За годъ до своей кончины и спустя пять лѣтъ по смерти моего вотчима, вотъ что писала она къ его родной сестрѣ, отъ 4-го іюня 1835 года:

„Вотъ, моя родная, что сдѣлало мое безразсудное замужство! Оно отняло у меня рѣшительно все: имя, состояніе и даже гигантское, неизносимое бы въ лучшей жизни мое здоровье. Голубушка вы моя, не оскорбила ли я васъ своимъ ропотомъ? Но благоразуміе ваше—я знаю—такъ велико, что вы не оскорбитесь ропотомъ страдающей женщины“.

Тотчасъ же по смерти моего вотчима будто тяжелая гора свалилась у насъ съ плечъ. Наконецъ-то мы съ матушкой дохнули свободно. Правда, мы очутились въ бѣдности, но скудные остатки разореннаго состоянія все же давали намъ возможность кое-какъ пробавляться, не впадая въ крайнюю нищету, отъ которой спасала матушка свою семью разсудительной бережливостью. Въ ея домѣ водворились по прежнему спокойствіе и добропорядочность. Участіе друзей и знакомыхъ радовало ее и подкрѣпляло ея силы къ энергической дѣятельности; къ ней воротилась прежняя ясность бодраго ея нрава; она даже повеселѣла и опять, какъ бывало давно, она сдѣлалась центромъ и душою того маленькаго общества, которое ее окружало.

Изъ нашихъ знакомыхъ остановлю ваше вниманіе только на двухъ семействахъ, именно на Меркушовыхъ и фонъ-Фриксіусахъ, потому что матушка коротко подружилась съ ними не изъ одной лишь пріязни, какъ со всѣми другими, но и въ личныхъ интересахъ моего обученія и вообще образованія.

Семейство Меркушовыхъ состояло изъ матери, вдовы лѣтъ сорока съ небольшимъ, изъ дочери, мнѣ ровесницы, и изъ сына Василія Филипповича, только-что кончившаго курсъ въ казанскомъ университетѣ и состоявшаго тогда учителемъ математики въ нашей гимназіи.

Прокуроръ Карлъ Карловичъ фонъ-Фриксіусъ былъ старикъ лѣтъ 60, имѣлъ жену, четырехъ дочерей, изъ которыхъ младшей было уже лѣтъ 14, и двоихъ взрослыхъ сыновей. Любилъ жить весело, угощалъ хорошими обѣдами и устроивалъ танцовальные вечера. Въ этомъ-то семействѣ гостилъ я, когда мой вотчимъ умиралъ отъ холеры; сюда же на время переселилась и матушка, пока изъ нашего дома выкуривали заразу какими-то ядовитыми зельями. Одна изъ дочерей фонъ-Фриксіуса, Анна Карловна, вышла замужъ за Александра Христофоровича Зоммера, учителя нѣмецкаго языка въ нашей гимназіи, и оставалась навсегда одною изъ лучшихъ пріятельницъ моей матушки.

Такимъ образомъ матушка сблизилась и подружилась съ двумя преподавателями гимназіи, гдѣ учился ея сынъ.

VI.

Гимназическій курсъ продолжался тогда только четыре года и состоялъ изъ четырехъ классовъ, съ тремя уроками въ день, по два часа на каждый изъ нихъ, всего шесть часовъ; два урока до обѣда съ 8-ми часовъ утра и до 12-ти и одинъ послѣ обѣда съ 2-хъ до 4-хъ.

Я поступилъ въ гимназію десяти лѣтъ въ 1828 году и оставался въ первомъ классѣ два года, а окончилъ курсъ пятнадцати лѣтъ въ 1833 году. Тогда принимали учащихся въ университетъ не моложе шестнадцатилѣтняго возраста, и мнѣ пришлось по окончаніи курса пробыть въ Пензѣ цѣлый годъ, что̀ принесло мнѣ великую пользу, давъ мнѣ возможность пополнить пробѣлы гимназическаго обученія и приготовиться къ университетскому экзамену.

Мы жили близехонько отъ гимназіи: идти обыкновенной ходьбою—какихъ-нибудь минутъ пять, а если бѣжать, какъ переносятся съ мѣста на мѣсто гимназисты,—будетъ не больше двухъ минутъ. Это каменное двухъ-этажное зданіе, теперь занятое, кажется, уѣзднымъ училищемъ, стоитъ на углу не разъ уже упомянутой мною городской площади и Троицкой улицы, насупротивъ семинаріи, которая стоитъ тоже на углу этой же площади и отлогаго спуска къ крутому берегу, гдѣ былъ нашъ домъ.

Входъ въ гимназію посреди фасада, обращеннаго на площадь, по нѣсколькимъ ступенямъ вводилъ въ длинный корридоръ, раздѣлявшій зданіе на двѣ половины: тотчасъ же налѣво была дверь въ первый классъ съ окнами на площадь, а изъ него дверь во второй съ окнами на задній дворъ. Надъ этими классами по тому же плану въ верхнемъ этажѣ были размѣщены третій и четвертый, также соединенные дверью. Правая сторона зданія внизу была занята двумя квартирами для учителей гимназіи: въ обращенной на площадь жилъ Меркушовъ, а въ задней— Зоммеръ. Надъ ними въ верхнемъ этажѣ была актовая зала съ библіотекой и физическимъ кабинетомъ.

Нашъ директоръ, Григорій Абрамовичъ Протопоповъ, человѣкъ пожилой, приземистый и коренастый, бывшій прежде преподавателемъ математики въ казанскомъ университетѣ, занималъ квартиру не въ гимназіи, а на Московской улицѣ при уѣздномъ училищѣ на дворѣ въ каменномъ флигелѣ, съ большимъ тѣнистымъ садомъ назади, выходившемъ своею стѣною на Троицкую улицу, дома за четыре до гимназіи. На томъ же дворѣ занимала квартиру и Марья Алексѣевна Лебедева со своимъ пансіономъ, куда нѣкогда я ходилъ учиться у нея и у Кастора Никифоровича. Что же касается до уѣзднаго училища, то оно помѣщалось въ большомъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, выходившемъ на Московскую улицу. Въ этомъ же зданіи были квартиры для преподавателей училища и гимназій.

Директоръ Григорій Абрамовичъ ежедневно посѣщалъ гимназію, большею частью въ утренніе часы. Онъ шелъ медленнымъ шагомъ съ Московской улицы на площадь заложивши руки назадъ съ тростію и понуривъ голову, лѣтомъ въ форменномъ фракѣ, а зимой въ зеленой бекешѣ съ енотовымъ воротникомъ, и проходилъ подъ окнами перваго и третьяго классовъ, чтобы подняться на крыльцо гимназіи, такъ что мы всегда знали о его приближеніи, и онъ не могъ застать насъ врасплохъ.

Система гимназическаго обученія согласовалась съ продолжительностью двухчасового урока.

Учителю предоставлялось очень подробно и не спѣша излагать содержаніе каждаго параграфа въ руководствѣ и заставлять учениковъ по нѣскольку разъ пересказывать это изложеніе, такъ что отъ многократнаго повторенія заданный урокъ былъ уже готовъ къ слѣдующему классу безъ затверживанія его на дому. Особенно удавался этотъ методъ въ классахъ математики, логики и риторики. Очень хорошо помню, что мнѣ никогда не приходилось дома готовиться къ урокамъ алгебры и геометріи, и я

былъ изъ лучшихъ учениковъ у Василія Филипповича Меркушова. Какой-то учебникъ логики и риторика Кошанскаго были у насъ въ рукахъ только во время класса, и мы шутя заучивали все, что было намъ надобно, со словъ преподавателя этихъ предметовъ, Насона Петровича Евтропова. Въ логикѣ забавляли насъ различные виды силлогизмовъ, и мы любили между собою играть въ сориты, энтилеммы, дилеммы и въ разные софизмы, завязывая и распутывая хитросплетенные узлы умозаключеній. Точно также игрывали мы въ такъ-называемыя „общія мѣста" и въ тропы и фигуры, выдумывая свои собственные примѣры для этихъ терминовъ.

Двухчасовой урокъ давалъ много простора практическимъ упражненіямъ. Въ классахъ французскаго и нѣмецкаго языковъ мы сидѣли больше съ перомъ въ рукѣ, нежели за книгою: то писали подъ диктантъ, то списывали изъ христоматіи, то переводили на русскій языкъ. Учитель латинскаго языка прочитывалъ съ грамматическимъ разборомъ нѣсколько строкъ изъ Корнелія Непота или изъ Саллюстія, и сначала мы переводили на словахъ, а вслѣдъ затѣмъ тутъ же въ классѣ и письменно, и такимъ образомъ вполнѣ облегчалось намъ приготовленіе заданнаго урока. По-латыни мы не шли дальше этихъ двухъ писателей. Учителя исторіи и словесности также упражняли насъ постоянно въ практическихъ занятіяхъ. Въ урокахъ Знаменскаго (не помню его имени и отчества) мы успѣли прочесть нѣсколько томовъ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина: иногда онъ самъ читалъ, но обыкновенно—кто-нибудь изъ учениковъ. а другіе слушали. Вмѣсто исторіи русской словесности, которой впрочемъ тогда вовсе и не существовало въ ученой литературѣ, Евтроповъ читалъ съ нами самъ, или заставлялъ читать кого-нибудь изъ насъ, произведенія писателей, какъ старинныхъ, напримѣръ, Ломоносова, Державина, Фонвизина, такъ и особенно новѣйшихъ, какими тогда были Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ; очень любили мы и нашъ учитель повѣсти Бестужева (Марлинскаго) за игривость и бойкость слога, испещреннаго цвѣтистыми украшеніями, которыя тогда вовсе не казались намъ вычурными. На гимназической же скамьѣ узнали мы въ первый разъ и Гоголя по его „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканки". Эти повѣсти читалъ намъ въ классѣ съ большимъ воодушевленіемъ товарищъ нашъ, Татариновъ; но онѣ мнѣ тогда не понравились, потому ли, что я не умѣлъ войти въ обстановку изображаемаго въ нихъ малорусскаго быта, или же потому, что не понималъ всей прелести совершенно новаго для меня изящнаго ихъ стиля.

Въ ту пору господствовалъ очень хорошій обычай, вызван-

ный и поддерживаемый условіями времени, который много способствовалъ укрѣпленію насъ въ правописаніи и давалъ обильный матеріалъ для выработки нашей рѣчи и слога. Книги были тогда рѣдкостью; онѣ были на перечетъ; книжной лавки въ Пензѣ не находилось, а когда достанешь у кого-нибудь желаемую книгу, дорожишь ею какъ диковинкою и передъ тѣмъ, какъ воротить ее назадъ, непремѣнно для себя сдѣлаешь изъ нея нѣсколько выписокъ, а иногда и цѣлую повѣсть или поэму въ стихахъ, не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ мы составляли въ своихъ тетрадкахъ, въ восьмую долю листа, цѣлые сборники. Такимъ образомъ у каждаго изъ насъ была своя рукописная библіотечка.

Эта литературная забава способствовала развитію въ насъ охоты къ сочинительству, которою Евтроповъ умѣлъ пользоваться съ успѣхомъ, постоянно упражняя насъ въ письменныхъ работахъ. Темы для нихъ, разумѣется, онъ давалъ самъ, но иногда позволялъ намъ брать и свои. Сочиненія эти мы обыкновенно писали въ классѣ, если они небольшого размѣра, а болѣе обстоятельныя изготовляли на дому.

При этомъ не могу умолчать объ одномъ курьезномъ анекдотѣ, чтобы дать вамъ понятіе о простотѣ нравовъ въ учебныхъ заведеніяхъ того далекаго наивнаго времени. Въ четвертомъ классѣ былъ у насъ одинъ товарищъ, по фамиліи Озеровъ, годами двумя старше меня, изъ хорошей дворянской семьи, серьезный и даровитый. Онъ написалъ такое удачное по содержанію и слогу сочиненіе, что Евтроповъ не могъ довольно имъ нахвалиться, и для примѣра и поощренія принесъ и прочелъ его въ классѣ ученицамъ женскаго пансіона госпожи Ломбаръ, въ которомъ онъ давалъ уроки русской словесности. Дѣвицы пришли въ восторгъ и горѣли нетерпѣніемъ взглянуть на автора этого геніальнаго произведенія, а дочка содержательницы пансіона, лѣтъ пятнадцати, учившаяся вмѣстѣ съ другими ученицами, страстно влюбилась въ него заочно. Во что бы то ни стало, а надобно было непремѣнно его увидѣть. Пансіонъ былъ не далеко отъ гимназіи, минутъ пять, много десять, ходьбы. Надобно было такъ устроить послѣобѣденныя ежедневныя прогулки пансіонерокъ мимо гимназіи, чтобы встрѣтить учениковъ, когда они въ четыре часа выходятъ изъ классовъ на улицу. Этотъ планъ удался какъ нельзя лучше, и Озеровъ съ дѣвицею Ломбаръ сдѣлались героемъ и героинею самаго интереснаго для гимназистовъ и пансіонерокъ романа.

Эти прогулки и встрѣчи продолжались очень не долго; вѣроятно, въ пансіонѣ приняты были надлежащія мѣры для обу-

зданія страстей и для успокоенія умовъ. Но въ нашихъ глазахъ небывалый успѣхъ Озерова сдѣлался предметомъ соревнованія и подражанія. Каждому хотѣлось попасть въ герои, и насъ обуяла непреодолимая рьяность сочинительства. Каждый питалъ надежду, что его произведеніе увѣнчается такою же наградой отъ прекрасныхъ цѣнительницъ. У насъ въ классѣ производилось настоящее состязаніе трубадуровъ, и мы наперерывъ рекомендовали свои литературныя способности нашему учителю. И я представилъ ему опытъ своего восторженнаго измышленія, но, къ великому моему оскорбленію, Евтроповъ не только не одобрилъ мое писаніе, но пришелъ въ удивленіе и много издѣвался надо мною, какъ могли мнѣ затесаться въ голову такія трескучія фразы съ пустозвонными эпитетами, невообразимыми метафорами и съ чудовищными гиперболами. Должно быть, въ излишнемъ усердіи я перехитрилъ самого Бестужева-Марлинскаго, и хватилъ черезъ край. Впрочемъ, данный мнѣ нагоняй пошелъ мнѣ въ прокъ: я сталъ бережливѣе на красивыя словечки и осторожнѣе въ ихъ выборѣ.

Однако вліяніе Озерова принесло и свою долю существенной для насъ пользы. Не взирая на очевидную взаимность въ любви, онъ чувствовалъ непреодолимую потребность страдать и терзать себя. Самый лучшій способъ для воспроизведенія надъ собою этихъ опытовъ истязанія онъ нашелъ въ чтеніи Гётева романа: „Страданія молодого Вертера“, разумѣется, въ русскомъ переводѣ, изданномъ въ началѣ нашего столѣтія, въ шестнадцатую долю листа; и всѣ мы, не переставая подражать Озерову, перечитали эту небольшую книжку. Такимъ образомъ, еще будучи гимназистомъ, я познакомился съ этимъ великимъ произведеніемъ Гёте.

Практическій методъ, обусловливаемый двухчасовымъ урокомъ, давалъ много льготы и учителю, и ученикамъ, которая могла бы вести къ полезнымъ результатамъ, если бы не была злоупотребляема.

Бо̀льшую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ, такъ сказать, по методу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководствованія и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что̀ одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія. Между тѣмъ учителя ходили взадъ и впередъ по классу и разговаривали между собою, всегда двое: въ нижнемъ этажѣ — учителя перваго и второго классовъ, а въ верхнемъ—третьяго и четвертаго; внизу обыкновенно избирался для прогуливанія второй

классъ, а въ верхнемъ—четвертый. Потому въ обоихъ этихъ классахъ наши оригинальные опыты льготнаго взаимнаго обученія нѣсколько нарушались хотя бы и пассивнымъ надзоромъ находившихся на-лицо учителей, которые сновали изъ стороны въ сторону передъ нашими скамейками, впрочемъ, мало обращая на насъ вниманія.

Любопытное исключеніе составлялъ преподаватель физики, минералогіи и ботаники, Нилъ Михайловичъ Филатовъ, человѣкъ очень образованный и довольно богатый помѣщикъ. Искалѣченный и хромоногій, онъ не могъ и думать о военной карьерѣ, которой обыкновенно предназначали себя тогдашніе молодые люди изъ зажиточныхъ дворянъ, но, желая получить чинъ по выходѣ изъ университета, искалъ себѣ какую-нибудь приличную и притомъ самую легкую службу, и не нашелъ себѣ ничего лучшаго, какъ быть учителемъ гимназіи. Онъ былъ очень добръ и ласковъ съ нами, и мы любили его. По своей искалѣченности, онъ не могъ забавляться прогулками по классу съ своими товарищами и былъ принужденъ сидѣть за учительскимъ столомъ передъ нашими скамейками. Впрочемъ, онъ нисколько не мѣшалъ нашему взаимному обученію, потому что постоянно былъ углубленъ въ чтеніе французскихъ романовъ. Для нашего развлеченія онъ позволялъ намъ разсматривать разныя породы минераловъ, или же дѣлать физическіе опыты при помощи снарядовъ и машинъ, которые тогда приносились въ нашъ классъ. Отъ уроковъ естественной исторіи остались у меня въ памяти только одни разрозненные термины, безъ всякаго смысла тогда задолбленные: изломъ кварца, поляризація призмы, явнобрачныя и тайнобрачныя растенія и т. п. Впрочемъ, самое главное о ботаникѣ сообщу вамъ потомъ, когда буду разсказывать о нашихъ забавахъ, увеселеніяхъ и загородныхъ прогулкахъ.

Долгъ справедливости заставляетъ меня присовокупить, что изъ числа нашихъ учителей были двое такихъ, которые въ теченіе всего двухчасового урока ни на минуту не оставляли насъ безъ своего внимательнаго надзора и строго исполняли свои обязанности, а именно: во-первыхъ, Зоммеръ, неукоснительно соблюдавшій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ врожденную его натурѣ нѣмецкую аккуратность, и, во-вторыхъ, законоучитель, который, безъ сомнѣнія, находилъ неприличнымъ достоинству своего духовнаго званія неумѣстное праздношатаніе взадъ и впередъ по классу.

Рѣшительно не понимаю, какъ могло случаться, что директоръ, являясь въ гимназію, ни разу не заставалъ насъ врасплохъ.

Только-что появится онъ у насъ передъ окнами, тотчасъ же по всѣмъ классамъ разносится осторожный шопотъ: „Григорій Абрамовичъ! Григорій Абрамовичъ!" Учителя опрометью спѣшатъ, каждый на свое мѣсто, ученики наскоро убираютъ со столовъ всякій свой хламъ и чинно разсаживаются, насторожив глаза и уши. Директоръ, разумѣется, находитъ все въ надлежащемъ порядкѣ, послушаетъ немножко учителя, у кого-нибудь изъ насъ заглянетъ въ книгу или въ тетрадку, одного погладитъ по головкѣ, а другому для острастки дастъ выговоръ. Тѣмъ дѣло и кончалось. Директоръ уходитъ, и мы, ученики и учителя, опять принимаемся за свое.

Въ моей памяти живо сохраняются слѣды впечатлѣній, которыя ежедневно были производимы на насъ такими комическими сценами. Мы видѣли и понимали укрывательство и фальшь нашихъ наставниковъ, но не замѣчали ничего предосудительнаго въ ихъ поступкахъ, ничего такого, что̀ могло бы въ нашихъ глазахъ унизить ихъ достоинство. Все это намъ нравилось и насъ забавляло; мы даже еще больше любили своихъ учителей, видя въ нихъ удобныхъ сообщниковъ нашего веселаго времяпрепровожденія въ классѣ, и тѣмъ охотнѣе и услужливѣе помогали имъ при каждомъ непріятельскомъ нашествіи, нарушавшемъ ровное теченіе нашихъ гимназическихъ порядковъ.

И какъ же мы любили свою милую гимназію! Въ „неурочное" время, то-есть, когда не сидѣли мы смирно на скамьяхъ передъ учителемъ, считали мы ее своею собственностью, которую никто и не думалъ отнимать у насъ, потому что тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти. Было только всего два служителя изъ солдатъ, по одному на каждый этажъ, но это были свои люди, они намъ мирволили, хорошо разумѣя, въ простотѣ сердца, что „вольному воля": пускай, дескать, ребятки тѣшатся. Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя похожденія.

Рано поутру, никакъ не позже семи часовъ, вскакивали мы съ постели и, наскоро снарядившись, спѣшили въ гимназію учиться и по малой мѣрѣ за полчаса до начала уроковъ были уже почти въ полномъ сборѣ. Надобно вамъ знать, что тогда не было у насъ въ Пензѣ обычая рано поутру поить дѣтей чаемъ, да и некому было этимъ распорядиться, потому что старшіе въ домѣ еще не вставали. Для утоленія нашего голода каждому изъ насъ наканунѣ выдавали они по мѣдному грошу. Подбѣгая къ гимназіи, мы покупали себѣ по довольно объемистой булкѣ у

старухи, которая тутъ же у крыльца ждала насъ съ своей коробьею, наполненной этимъ снадобьемъ, и затѣмъ размѣщались по классамъ. Такимъ образомъ каждый учебный день начинался у насъ товарищескою трапезой.

Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ живо припомнилась мнѣ эта пензенская старушка, когда въ первый разъ посѣтилъ я лейпцигскій университетъ, въ 1839 году. Проходя по длинному корридору, ведущему въ аудиторію, я увидѣлъ такую же услужливую старушку, но уже нѣмку, въ чепчикѣ съ широкими оборками, которая у прилавка кормила студентовъ бутербродами.

По мѣрѣ того, какъ мы, переходя изъ класса въ классъ, возростали и развивались физически и нравственно, мѣнялись и наши игры и забавы, улучшались и облагораживались, постепенно переходя отъ буйной отваги и задорныхъ шалостей къ безобидному веселью и къ пріятному препровожденію времени.

Въ нижнемъ этажѣ гимназіи постоянно господствовало воинственное настроеніе духа, вызванное и постоянно поддерживаемое непримиримой враждою между первымъ и вторымъ классами; разъ объявленная война никогда не прекращалась. Образцомъ военныхъ дѣйствій служили для насъ кулачные бои, которые по зимамъ въ праздники затѣвались у слободскихъ мужиковъ на ледяной поверхности рѣки Пензы. Мы всегда присутствовали на этихъ доморощенныхъ турнирахъ и восхищались молодечествомъ удалыхъ бойцовъ; но особенно интересовали насъ ряды храбрыхъ мальчишекъ, которые съ крикомъ и гамомъ геройски предшествовали каждой изъ двухъ вступающихъ въ бой армій. Мы рѣшительно завидовали этимъ маленькимъ героямъ, присматривались къ ихъ ухваткамъ и размахамъ и горѣли нетерпѣніемъ подражать имъ. Это была хорошая школа для нашихъ военныхъ экзерцицій. Поприщемъ нашихъ непріятельскихъ стычекъ были двери, которыя соединяютъ и вмѣстѣ раздѣляютъ оба класса. Мы настолько знали исторію Греціи, что прозвали этотъ проходъ нашими Ѳермопилами. Изъ подробностей нашихъ подвиговъ застряла въ моей памяти одна, довольно характеристическая. Когда въ пылу сраженія отъ натиска враговъ иной разъ становилось намъ плохо, насъ выручалъ изъ бѣды одинъ изъ нашихъ ратниковъ, который пускалъ тогда въ дѣло изобрѣтенный имъ самимъ метательный снарядъ. Этотъ искусный метальщикъ по фамиліи Бѣляевъ, маленькій и юркій, до поры до времени прятался въ толпѣ, но лишь наставала опасность—откуда ни возьмется и очутится впереди, мгновенно прижметъ указательнымъ перстомъ правой руки правую ноздрю своего носа, а изъ лѣвой въ тотъ же моментъ

стрѣльнетъ густымъ потокомъ прямо въ лицо надменному предводителю враговъ и залѣпитъ ему глаза. Пользуясь наступившею затѣмъ минутою смятенія въ непріятельскихъ рядахъ, мы вламываемся въ Ѳермопильское ущелье и побѣдоносно вступаемъ въ завоеванное нами государство.

Самое подходящее для нашихъ потѣхъ и удовольствій время былъ двухчасовой промежутокъ, отдѣляющій утренніе уроки отъ послѣобѣденнаго. Наскоро отобѣдавши, бѣгомъ возвращались мы въ гимназію за часъ, а иногда и за полтора до начала урока. Въ это время мы обыкновенно затѣвали разныя увеселительныя экспедиціи, для которыхъ хорошо умѣли пользоваться гористою мѣстностью Пензы и особенно березовою рощею, или такъ-называемымъ „гуляньемъ“, отстоявшимъ отъ гимназіи минутъ на пять, много на десять, для нашихъ прыткихъ ногъ.

Одною изъ любимыхъ забавъ, преимущественно для гимназистовъ низшихъ классовъ, было въ зимнее время катанье съ горы. Надобно было перебѣжать наискосокъ по площади къ упомянутому же мною театру Гладкова, чтобы очутиться у большого пустыря, который отъ площади спускается крутою горою къ садамъ и огородамъ улицы, тянущейся внизу вдоль уступа, который потомъ ниспадаетъ къ рѣчному берегу. Лѣтомъ этотъ спускъ былъ покрытъ густою травой, а зимою ровною и гладкою поверхностью снѣга, который, будучи обращенъ на югъ, подъ лучами солнца немножко подтаивалъ, а за ночь леденѣлъ, и по мѣрѣ того, какъ нападалъ новый снѣгъ и въ свою очередь леденѣлъ, этотъ спускъ самъ собою обращался въ нерукотворенную ледяную гору. Когда нужно было кому здѣсь пробраться съ площади внизъ или снизу наверхъ, на лѣвой сторонѣ этого пустыря у плетня была протоптана дорожка. Вотъ по этой-то ледяной горѣ мы и катались. Салазокъ мы не употребляли, да и негдѣ было ихъ взять: мы вѣдь сбѣгались сюда изъ классовъ гимназіи. Въ своихъ тулупчикахъ и капотахъ мы просто-на-просто садились на ледъ и стремглавъ катились внизъ.

По случаю нашихъ капотовъ замѣчу мимоходомъ, что беззаботная распущенность гимназическихъ нравовъ облекалась тогда разнокалиберною безформенностью костюма.

Изъ потѣхъ на катаньяхъ съ ледяной горы упомяну вамъ объ одномъ фокусѣ, достойномъ любого клоуна. Былъ у насъ товарищъ (фамиліи не припомню) съ виду карапузикъ, но лихой головорѣзъ и преуморительный шутъ. Онъ разсудительно находилъ, что, ёрзая съ горы сидючи, какъ разъ прошмыгаешь одежу насквозь; потому изъ экономіи онъ предпочиталъ изнашивать свой

тулупчикъ такъ, чтобы треніе по льду доставалось не сидѣнью только, но равномѣрно и рукавамъ, и спинѣ, и обѣимъ поламъ. Въ этихъ видахъ онъ ложился поперекъ спуска горы и, вытянувшись, стремительно катился кубаремъ внизъ; когда же потомъ онъ вскакивалъ, то отъ головокруженія не могъ держаться на ногахъ и валился на снѣгъ, потомъ опять вскакивалъ и опять падалъ, производя эту попытку до тѣхъ поръ, пока не станетъ твердо обѣими ногами; затѣмъ, раскинувъ обѣ руки, будто крылья, начинаетъ вертѣться волчкомъ, но уже въ другую сторону, противоположно той, въ которую онъ скатывался съ горы. Это онъ дѣлалъ для того, чтобы развинтить свою голову, которая черезъчуръ закрутилась отъ скатыванья, и сдѣлать ее годною для употребленія.

Съ ранней весны и до поздней осени, за исключеніемъ каникулъ, разгульное приволье намъ давала наша милая березовая роща, съ тѣми покрытыми кустарникомъ спусками къ кладбищу Боголюбской Божіей Матери, о которыхъ я упомянулъ вамъ прежде. Въ теченіе всего гимназическаго курса роща эта была нѣмою свидѣтельницею нашего постепеннаго физическаго и нравственнаго развитія и усовершенствованія, начиная отъ дѣтскихъ шалостей и буйныхъ забавъ мальчишества до благонравной чинности добропорядочнаго юношества, которое и въ веселыхъ досугахъ знаетъ цѣну времени и умѣетъ соединять пріятное съ полезнымъ.

Ученики младшаго возраста, бывало, со всего разбѣга гурьбою врываются въ рощу и стремглавъ разсыпаются въ разныя стороны, оглашая воздухъ криками, гамомъ и хохотомъ; куда ни обернешься, вездѣ кишатъ рѣзвые бѣгуны: тотъ карабкается на дерево, а тотъ ужъ высоко сидитъ верхомъ на толстомъ сучкѣ; другой лѣзетъ за нимъ, чтобы стащить его за ногу; тамъ одинъ кувыркается вверхтормашки, упираясь головою въ землю, а тамъ двое или трое упражняются въ искусствѣ вертѣться колесомъ, прыгая въ бокъ попеременно обѣими руками и обѣими ногами. Иные уже затѣяли кулачный бой, но не толпою, какъ въ „Ѳермопилахъ", не стѣна на стѣну, а вразсыпную, единоборствомъ: тамъ сражаются двѣ враждебныя арміи, а здѣсь производятся опыты въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Любезное дѣло—драться на просторѣ: рука бьетъ широкимъ размахомъ, да и бороться льготнѣе—шлепнешься не на жесткій полъ, а въ густую траву.

Но вотъ кипучая рьяность неукротимыхъ молодыхъ силъ начинаетъ угомоняться: и руки примахались чуть не до вывиха, и ноги оттопались, зудятъ и нѣмѣютъ; жара пронимаетъ насквозь

и въ горлѣ у всѣхъ пересохло. Одолѣваетъ жажда: такъ и тянетъ освѣжиться хоть единымъ глоточкомъ. Но гдѣ добыть пойла? Не знаю, какъ теперь, а тогда въ нашей рощѣ не было ни водоема съ фонтаномъ, ни ключей, ни источниковъ. Но шалуны знаютъ, какъ помочь горю. Стоитъ лишь выбрать березу, не старую, не кряковистую, съ заматорѣлою, глубокими морщинами изрытою корою, а такую, чтобы была средняго возраста, съ бѣлою и гладкою берестою. Одинъ изъ товарищей, который поискуснѣе и ловчѣе, аккуратно пробуравитъ перочиннымъ ножичкомъ въ той березѣ довольно глубокое отверстіе, такъ, чтобы изъ него хлынуло березовымъ сокомъ. Каждый изъ насъ поочередно прикладывается губами къ этому отверстію и высасываетъ свою порцію этого слащаваго пойла, довольствуясь немногими его каплями.

Необузданная юркость туда и сюда мечущейся шаловливой отваги иной разъ принимаетъ опредѣленное направленіе къ намѣченной цѣли. Тогда замышляется планъ и немедленно приводится въ дѣйствіе какимъ-нибудь ухорскимъ набѣгомъ. Напримѣръ. Со стороны городской площади подходили тогда сады съ куртинами цвѣтовъ, прямо къ нашей рощѣ, отдѣленные отъ нея невысокой изгородью. Здѣсь была всегдашняя приманка для опустошительныхъ погромовъ. Какъ стая хищныхъ птицъ, маленькіе грабители однимъ взмахомъ черезъ изгородь набрасываются на куртины, топчутъ и рвутъ цвѣты, кто со стеблями только, а кто вытагиваетъ и съ корнемъ. Послѣднее предпочиталось, потому что тогда растеніе можно было пересадить у себя на дому. Время для опасной потѣхи самое удобное: садовники послѣ обѣда въ часъ пополудни отдыхаютъ и спятъ; впрочемъ, не всегда благополучно приходилось улизнуть отъ погони.

Однажды въ минуты побѣга случилась-было нешуточная катастрофа, грозившая великою бѣдою. Меня тамъ не было, и разскажу вамъ такъ, какъ передавали мнѣ товарищи.

При этомъ я долженъ замѣтить мимоходомъ, что въ отчаянныхъ шалостяхъ, доходящихъ до буйства, я не принималъ участія, потому ли, что отъ природы былъ опасливъ и остороженъ, или потому, что раннее обученіе въ женской школѣ Марьи Алексѣевны Лебедевой, сообща съ дѣвочками, придало моему нраву какую-то мягкость и робкую застѣнчивость, или же, наконецъ, и потому, что я безусловно покорялся предусмотрительнымъ совѣтамъ и заботливымъ внушеніямъ моей милой матушки.

Итакъ, наши хищники, почуявъ погоню, мигомъ дали тягу и помчались во всю прыть, съ награбленною добычей. Ихъ было человѣкъ пять, въ томъ числѣ и самъ Бѣляевъ. Нашъ отчаянный

метальщикъ совершилъ въ этомъ побѣгѣ геройскій подвигъ, превосшедшій всѣ другіе небывалою дерзостью, и спасъ себя и товарищей отъ богатырскихъ кулаковъ гнавшагося за ними по пятамъ здоровеннаго парня. Каждый моментъ грозилъ неминучею бѣдою. Бѣляевъ, какъ самый юркій, разумѣется, бѣжалъ впереди своихъ товарищей. Вдругъ онъ повернулся назадъ и сталъ какъ вкопаный, а въ правой рукѣ у него длинное растеніе съ мохнатымъ корнемъ, запорошеннымъ землею и пескомъ. И только-что товарищи промелькнули мимо него, онъ очутился какъ разъ передъ парнемъ и хватилъ его корнемъ прямо въ лицо, ослѣпивъ ему глаза пескомъ. Ошеломленный парень попятился и бросился въ сторону. Тѣмъ погоня и кончилась.

Для увеселительныхъ похожденій были и другіе интересы, хотя и не такого буйнаго, наѣздническаго характера, но все же далеко не безобидные, всякій разъ, какъ только задорная шаловливость выступитъ изъ границъ и бьетъ черезъ край. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда пѣвчія пташки (мы ихъ звали малиновками и пѣночками) въ своихъ теплыхъ гнѣздышкахъ кладутъ яйца и выводятъ дѣтенышей, сорванцы направляли свои набѣги въ густые кустарники на тотъ изрытый ямами и промоинами крутой спускъ, который отъ „гулянья“ ниспадаетъ къ кладбищу Боголюбской Божіей Матери. Здѣсь потѣшались они охотно на пѣвчихъ птицъ.

Въ разсыпную шныряютъ они по кустамъ, забираясь въ самую густую, непроходимую ихъ чащу, гдѣ добыча вѣрнѣе, подползаютъ подъ наклоненныя, стелющіяся по землѣ вѣтви и, какъ ищейки, обнюхиваютъ и подслушиваютъ, насторожившивъ уши. Это они выслѣживаютъ, не попадется ли гнѣздышко: птичка свиваетъ его въ самой глухой чащѣ, иная при стволѣ на томъ мѣстѣ, откуда развѣтвляется сучка два или три, а иная совсѣмъ на землѣ у самаго корня деревца, въ прошлогоднихъ сухихъ листьяхъ. Охота ведется въ полнѣйшей тишинѣ и молчаніи: главная задача не въ томъ только, чтобы найти гнѣздо съ яичками, или еще лучше съ дѣтенышами, но и особенно въ томъ, чтобы накрыть въ немъ и самоё матку. Послѣднее было одною мечтою, но первое иногда удавалось,—впрочемъ, весьма рѣдко. Самыя неудачи и трудности въ хлопотахъ о добычѣ только разжигали стремленіе къ поискамъ и обостряли соревнованіе. Счастливцу завидовали, и всякій хотѣлъ удостовѣриться въ его находкѣ и непремѣнно совалъ свой носъ въ гнѣздышко, чтобы взглянуть на содержимое въ немъ. Особенно живо представляется въ моей памяти одна подробность, не разъ повторявшаяся въ этой охотѣ. Когда взбалмошные мальчуганы, разграбивъ гнѣздо, бывало, въ тріумфѣ воз-

вращаются съ своею добычею, осиротѣлая матка вслѣдъ за ними и около второпяхъ тревожно перепархиваетъ съ кустика на кустикъ, а сама таково жалобно и тоскливо почиликиваетъ, какъ есть—причитаетъ и навзрыдъ плачетъ горемычная мать на похоронахъ своего дѣтища. Потѣха разорять птичьи гнѣзда всегда была мнѣ не по сердцу, да и кое-кому и другимъ изъ моихъ товарищей.

Я уже говорилъ вамъ, что эти мальчишескія шалости не могли больше насъ привлекать въ рощу, когда, перешедши въ старшій классъ, мы начинали чувствовать себя болѣе степенными и благовоспитанными. Для насъ было довольно и тѣхъ прогулокъ, которыя предпринималъ въ ней вмѣстѣ съ нами нашъ милый учитель, Нилъ Михайловичъ Филатовъ, для практическаго, нагляднаго изученія ботаники; но по своей хромотѣ поспѣвать за нами онъ не могъ и обыкновенно усаживался на лавочкѣ гдѣ-нибудь въ тѣни березъ и преспокойно почитывалъ свой французскій романъ, а насъ отпускалъ гулять по рощѣ въ продолженіе всего двухчасового урока, который всегда назначался послѣ обѣда. Этого времени было намъ вдоволь и для дружескихъ бесѣдъ, и для занимательнаго, а иногда и полезнаго чтенія, такъ какъ каждый изъ насъ приносилъ съ собою какую-нибудь книжку, обыкновенно небольшого формата, чтобы укладывалась въ заднiй карманъ сюртука. Такъ прочелъ я больше половины „Писемъ русскаго путешественника“, по изданію въ 16-ую долю листа, въ часы нашихъ ботаническихъ уроковъ.

Заговорившись съ вами не въ мѣру о пустяшныхъ мелочахъ школьнаго житья-бытья, наконецъ-то очень радуюсь, что довелъ свою рѣчь до болѣе серьезнаго и существеннаго. Итакъ, разскажу вамъ, что̀ я читалъ и ка̀къ понималъ прочитанное.

Но сначала я долженъ познакомить васъ съ происхожденіемъ и составленіемъ книжнаго запаса, какимъ я могъ располагать. У моей матушки была своя собственная маленькая библіотечка, такъ сказать, фундаментальная, которая потомъ изрѣдка и случайно пополнялась новыми изданіями. Она состояла изъ старинныхъ книгъ XVIII вѣка и досталась ей по наслѣдству отъ моего дѣда и отца, который принадлежалъ, говоря относительно и въ самомъ умѣренномъ скромномъ смыслѣ, къ образованной молодежи уѣзднаго города Керенска. О степени его развитости я могу судить по его товарищамъ и друзьямъ, которые десятками лѣтъ пережили его и которыхъ я хорошо зналъ. Это были мой двоюродный дядя, Андрей Сергѣевичъ Сергѣевъ, и помѣщикъ керенскаго уѣзда, Иванъ Асаѳовичъ Бро̀ницкій, сынъ котораго, Александръ

Ивановичъ, женатый на княжнѣ Енгалычевой, былъ помощникомъ библіотекаря въ библіотекѣ московскаго университета. Когда я учился въ гимназіи, мы съ матушкой часто бывали у моего дяди въ Керенскѣ, и я хорошо помню его довольно большую библіотеку, размѣщенную на полкахъ въ двухъ шкафахъ, подъ стекломъ. Тутъ впервые увидалъ я многотомныя изданія Образцовыхъ Сочиненій и Россійской Вивліоѳики, а также „Московскій Телеграфъ“ Полевого и „Телескопъ“ Надеждина.

Книжная и всякая другая образованность и культура переходила тогда и распространялась по уѣзднымъ и губернскимъ городамъ изъ дворянскихъ помѣстій. Верстахъ въ двадцати отъ Керенска у дворянскаго предводителя, Алексѣя Ивановича Ранцова, была громадная библіотека старинныхъ французскихъ изданій и собраніе гравюръ въ папкахъ. Провинціальный мелкій людъ пользовался отъ богатыхъ помѣщиковъ не однѣми модами и книжною и всякою другою новизною, но и вообще удобствами жизни въ удовлетвореніи своихъ потребностей болѣе развитого культурнаго свойства. Такъ, напримѣръ, у насъ въ Пензѣ была очень искусная кухарка изъ дворовыхъ, потому что матушка отдавала ее учиться стряпать у поваровъ одного богатаго помѣщика. Матушка любила музыку и желала, чтобы я выучился играть на гитарѣ. Фортепіаны составляли тогда принадлежность зажиточныхъ дворянъ, а гитара и небогатымъ была по карману; къ тому же была она тогда и въ модѣ. Учителя на этомъ инструментѣ матушка добыла мнѣ тоже изъ помѣщичьей усадьбы, отставного арфиста, состоявшаго нѣкогда музыкантомъ въ боярскомъ оркестрѣ. Это былъ высокій, худощавый старичокъ, очень опрятный и деликатный, въ длинномъ суконномъ сюртукѣ синяго цвѣта и въ высокомъ бѣломъ галстукѣ. Отъ той далекой поры засѣлъ въ моей памяти разученный мною тогда знаменитый дуэтъ Донъ-Жуана съ Церлиною изъ оперы Моцарта. Понадобилось матушкѣ учить меня танцамъ: въ Пензу явился одинъ молодой, вертлявый франтъ, по фамиліи Скоробогатовъ, изъ балетныхъ плясуновъ тоже какого-то домашняго театра, и я получилъ отъ этого крѣпостного артиста первые уроки въ танцовальномъ искусствѣ, впрочемъ, по мнѣнію матушки, недостаточно удовлетворительные.

Изъ наслѣдственной библіотечки моей матушки назову сначала книги обиходныя, то-есть, справочныя или настольныя. А именно: Сонникъ, содержащій въ себѣ подробное объясненіе и толкованіе всевозможныхъ сновидѣній; книга Соломонъ, съ изображеннымъ на первой страницѣ человѣческимъ лицомъ въ кругу, для извѣстнаго гаданія посредствомъ воскового шарика, который бросаютъ

на эту фигуру. Потомъ Брюсовъ календарь, съ подробными на каждый мѣсяцъ характеристиками темперамента, характера и нрава родившихся и съ предсказаніями о ихъ судьбѣ. Брюса почитали тогда великимъ чародѣемъ и всезнайкою, и вѣрили ему нà-слово. Матушка не въ шутку принимала къ свѣденію мой гороскопъ, который находила въ его календарѣ подъ апрѣлемъ мѣсяцемъ. Далѣе—Пѣсенникъ, толстая книга, въ большую осьмушку, отъ многолѣтняго употребленія сильно затасканная, изорванная и засаленная. Тогда простонародная поэзія еще шла объ-руку съ искусственною или образованною, и въ этомъ изданіи между народными и полународными, или, точнѣе, лакейскими и мѣщанскими пѣснями матушка отыскивала и бывшіе тогда въ модѣ романсы. У нея былъ хорошій голосъ и музыкальный слухъ, и она любила за рукодѣльемъ сопровождать свою работу пѣніемъ. Мнѣ доставляетъ удовольствіе припомнить теперь нѣкоторыя изъ ея любимыхъ пѣсенокъ, можетъ быть, и съ ошибками, но именно такъ, какъ онѣ остались въ моей памяти отъ того далекаго времени.

Среди долины ровныя на гладкой высотѣ
Цвѣтетъ, ростетъ высокій дубъ
Въ могучей красотѣ...

Взвейся выше, понесися,
Сизокрылый голубокъ...

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день, и ночь...

Дубрава шумитъ, сбираются тучи
На берегъ зыбучій...

Вечоръ поздно изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала...

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ...

На толь, чтобы печали
Въ любви намъ находить...

Гляжу я безмолвно на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль...

Къ этому же разряду настольныхъ и справочныхъ книгъ надобно отнести еще двѣ другія, которыхъ мы съ матушкой хотя

и не читали, даже не перелистывали для справокъ, но она берегла ихъ обѣ въ сохранности, какъ великую драгоцѣнность въ память о моемъ отцѣ, вмѣстѣ съ тѣми фамильными документами, на которые я уже ссылался, когда упомянулъ о моемъ пращурѣ. Эти книги были: Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и Екатерининскій Наказъ. До изданія Свода законовъ подьячіе у Насъ въ Керенскѣ пользовались въ дѣлопроизводствѣ этими обоими законодательствами, дополняя ихъ выходившими въ теченіе многихъ лѣтъ правительственными указами. Тотъ считался хорошимъ дѣльцомъ, кто умѣлъ справиться съ этою громадною массою отдѣльныхъ узаконеній. Мой отецъ, какъ передавали мнѣ дядя Андрей Сергѣевичъ и Брѡницкій, хотя и умеръ въ молодыхъ годахъ, но былъ великій мастеръ въ этомъ дѣлѣ.

Пора, однако, обратиться къ книгамъ, которыя служили намъ не для однѣхъ только справокъ, но и для настоящаго чтенія, полезнаго и пріятнаго.

Изъ самаго ранняго дѣтства очень хорошо помню я балагурную книжку: „Нé любо—не слушай, а лгать не мѣшай", и презанятный по коловратнымъ запутанностямъ интриги романъ „Англійскій милордъ Георгъ". Съ такимъ обаятельнымъ увлеченіемъ наслаждался я этимъ романомъ, что онъ рѣшительно взбаломутилъ мое воображеніе и чувства до крайней степени напряженности. И до сихъ поръ живо представляется мнѣ одинъ изъ кризисовъ этого раздраженія. Дѣло было вечеромъ при свѣчахъ. Съ сердечнымъ увлеченіемъ раздѣляя горе и радости моего героя, я читалъ тогда, какъ онъ въ сладостной надеждѣ на близкое свиданіе съ обожаемой имъ красавицей вдругъ очутился въ подземельѣ, захваченный своими врагами. Какъ разъ на этомъ мѣстѣ чтеніе мое было прервано матушкой, которая, вышедши изъ столовой, позвала меня ужинать. Мы сѣли за столъ вдвоемъ (обѣ дѣвочки, мои сестры, въ это позднее время обыкновенно уже спали). Только-что стали мы ужинать, какъ я разразился горькимъ плачемъ навзрыдъ. Матушка въ испугѣ бросилась ко мнѣ, спрашиваетъ, чтѡ со мною?—„Ничего,—отвѣчаю я, продолжая рыдать и всхлипывать:—теперь ужъ все прошло: это я укусилъ себѣ языкъ, страхъ какъ больно". Мнѣ ужъ очень стыдно было передъ матушкой признаться въ своей плаксивой сантиментальности.

Съ той же ранней поры я зналъ о существованіи Робинзона Крузэ и Донъ-Кишота (такъ называли тогда Донъ-Кихота), съ присоединеніемъ немногихъ подробностей о ихъ похожденіяхъ; только не помню, откуда получилъ я эти свѣденія, самъ ли я читалъ, или слышалъ отъ матушки. Надобно вамъ знать, что

послѣ Ясона Петровича Евтропова она была для меня главною воспитательницею и наставницею въ литературѣ. Бо̀льшую часть поэтическихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ мы читали съ нею вмѣстѣ, попеременно—то она, то я. Матушка особенно любила слушать мое чтеніе, сидя рядомъ со мной за рукодѣльемъ.

Хотя и увлекалась она сантиментальностями XVIII вѣка, во вкусѣ Жанъ-Жака Руссо, Карамзина или князя Долгорукова, но отдавала рѣшительное предпочтеніе новымъ вѣяніямъ романтизма въ произведеніяхъ Жуковскаго, и многія изъ его балладъ знала наизусть и любила ихъ декламировать. Изъ сантиментальныхъ произведеній самою избранною, самою любимою ея книгою, которой никогда не могла начитаться дo-сыта, было собраніе стихотвореній князя Долгорукова, подъ чувствительнымъ заглавіемъ: „Бытіе моего сердца". Никогда не могъ я забыть, съ какой сердечною искренностью и со слезами на глазахъ, въ минуты тяжелаго раздумья, читала она наизусть:

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ...

Въ этихъ стихахъ князь Долгоруковъ указываетъ на то кладбище, гдѣ будетъ онъ похороненъ, и именно Дорогомиловское, около Москвы по Смоленскому шоссе. Не знаю, тамъ ли его могила, но мое заключеніе основываю на слѣдующемъ соображеніи. Еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ Москвѣ на Плющихѣ, на правой сторонѣ, если идти отъ Смоленскаго рынка, рѣзко отличалась отъ сосѣднихъ домовъ одна обширная барская усадьба. Къ улицѣ выходила она большимъ широкимъ дворомъ, покрытымъ въ лѣтнюю пору зеленой травою. Въ углубленіи двора тянулся длинный одноэтажный деревянный домъ, какіе бывали у помѣщиковъ въ деревняхъ, съ двумя подъѣздами, одинъ на правой сторонѣ, а другой на лѣвой; вдоль оконъ поднимались кусты бузины и сирени; по лугу на дворѣ часто можно было видѣть бродящую корову. По ту сторону дома спускается по высокому и крутому берегу Москвы-рѣки фруктовый садъ. Отсюда изъ оконъ открывался безподобный видъ на Поклонную гору, а внизу направо на Дорогомиловское кладбище. Домъ этотъ принадлежалъ поэту князю Долгорукову, и въ немъ жилъ онъ со своимъ семействомъ. Изъ оконъ кабинета онъ видѣлъ постоянно то кладбище, которое воспѣлъ въ своихъ стихахъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, квартируя въ переулкахъ около Арбата, я часто гулялъ по Плющихѣ и заходилъ иногда въ усадьбу князя Долгорукова, тогда уже опустѣлую, и всякій разъ подолгу любовался широкою

панорамою окрестностей Москвы по ту сторону дома, вспоминая завѣтные стихи. И чудился мнѣ милый голосъ моей матушки: „Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ"...

Изъ старинныхъ, унаслѣдованныхъ моею матушкою, книгъ я назову еще двѣ; это были: „Потерянный рай", Мильтона, и „Четыре времени года", Томсона,—первая въ большую осьмушку, а вторая въ 16-ую долю листа. Ту и другую попеременно читалъ я въ нашей „гимназической рощѣ", какъ разъ въ то время, когда Озеровъ растравлялъ свое истерзанное сердце „страданіями молодого Вертера". Этимъ протестомъ я думалъ заявить мое полнѣйшее равнодушіе къ соревнованію, а также и рѣшительное презрѣніе къ его женоподобнымъ слабостямъ. Но попытка моя оказалась тщетною, и мнѣ не удалось пустить въ моду между товарищами эти достопочтенныя, пресловутыя произведенія.

Мнѣ особенно полюбился переводъ „Потеряннаго рая" торжественнымъ слогомъ, вмѣстѣ и высокопарнымъ, и—такъ сказать —корявымъ. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ тридцать, мнѣ пришлось увидать экземпляръ этого стариннаго изданія въ Москвѣ на рынкѣ подъ Сухаревою башнею. Однажды, пересматривая книжное старье, размѣщенное букинистомъ на столѣ, я услышалъ за собою скромный, но и внушительный голосъ: „а нѣтъ ли здѣсь Потеряннаго Рая?" Я обернулся и вижу—стоятъ два молодыхъ парня, съ небольшими бородками, въ длинныхъ кафтанахъ, оба такіе благообразные, пристойные. Здѣсь не нашли они своего „Рая" и направились далѣе къ другимъ столамъ съ книгами; я послѣдовалъ за ними. Поиски ихъ увѣнчались успѣхомъ, и они съ удовольствіемъ заплатили свой полтинникъ за эту рѣдкую книгу. Удивителенъ русскій народъ, загадочный и непостижимый.

Теперь перехожу отъ старинной литературы къ современному для той далекой поры легкому и занятному чтенію. Я уже сказалъ вамъ, что матушка особенно любила произведенія Жуковскаго. Кромѣ его балладъ, мы читали съ ней „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ", „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ", но съ особеннымъ умиленіемъ до слезъ—„Сельское кладбище" Грея. Такое же умилительное чтеніе предлагалъ намъ Батюшковъ въ своемъ „Умирающемъ Тассѣ", а Козловъ—въ „Чернецѣ" и въ „Княгинѣ Натальѣ Долгорукой". Живо помнится мнѣ, съ какимъ увлеченіемъ читали мы оба его же стихотвореніе:

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ...

Что касается до меня, то въ этомъ произведеніи я видѣлъ

отличный образецъ звукоподражательной поэзіи и перелагалъ для себя его унылый тонъ на свой ладъ. Читая его наизусть, я не просто выговаривалъ слова, а какъ бы звонилъ ими, воображая себя сидящимъ на колокольнѣ, вотъ такимъ темпомъ:

Донъ-дôнъ, донъ-дôнъ,
Донъ-думъ, донъ-дôнъ.

Обильную поживу для пріятнаго и полезнаго чтенія предлагали намъ выходившіе тогда ежегодно литературные сборники подъ названіемъ альманаховъ, и изъ нихъ особенно „Полярная Звѣзда". У матушки было два этихъ альманаха, не помню въ точности, за которые года: за 1822 и за 1823, или за 1823 и за 1824. Еслибы это васъ заинтересовало, вы сами могли бы это рѣшить по двумъ повѣстямъ Бестужева-Марлинскаго: въ одномъ помѣщена была повѣсть „Ревельскій турниръ", а въ другомъ—„Замокъ Нейгаузенъ". Ту и другую я давалъ списывать товарищамъ для ихъ рукописныхъ библіотекъ. Съ той поры, когда читалъ я эти альманахи, мнѣ ни разу не случилось ихъ видѣть, а задумавъ разсказать вамъ мои воспоминанія, я уже вовсе и не хотѣлъ ихъ отыскивать для просмотра, изъ опасенія, чтобы постороннимъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній не нарушить правдивости моего разсказа о томъ, чтô и какъ понималъ я тогда въ читаемой книгѣ.

Въ этихъ двухъ „Полярныхъ Звѣздахъ" я находилъ образчики всего лучшаго, чтô создавалось тогда въ русской литературѣ и впервые выходило въ свѣтъ на страницахъ именно этихъ сборниковъ: и стихотворенія Пушкина, и басни Крылова, и, помнится, Жуковскаго отрывокъ изъ перевода „Орлеанской дѣвы", а также и критическія обозрѣнія литературы,—кажется, Бестужева, и многое другое. Это была для меня безподобная христоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная,—и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ для моего нравственнаго совершенствованія.

При этомъ почитаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе, чтобы предупредить недоумѣніе, которое, можетъ быть, пришло вамъ теперь въ голову: какъ позволялось и допускалось тогда, въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, распространеніе изданій декабристовъ въ читающей публикѣ и даже между гимназистами. Вы еще болѣе удивитесь, когда я скажу вамъ, что въ стѣнахъ самой гимназіи мы читали „Войнаровскаго" и „Думы Рылѣева" и переписывали нѣкоторыя изъ нихъ въ тетрадки для своихъ рукописныхъ собраній. При современномъ порядкѣ

вещей, въ концѣ XIX столѣтія, конечно, очень трудно, почти невозможно представить себѣ многое изъ того, какъ жилось, думалось и чувствовалось въ тѣ старинныя времена и въ обстановкѣ провинціальной глуши, куда я переношу васъ своими воспоминаніями. Тогда никому и въ голову не приходило соединять преступныя дѣянія декабристовъ съ ихъ невинными литературными произведеніями и еще тѣмъ болѣе съ такими изданіями ихъ, какъ книжки „Полярной Звѣзды", въ которыхъ печатали свои новыя произведенія самые благонамѣренные и безукоризненные въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ писатели, какъ Жуковскій, Крыловъ и многіе другіе, которыхъ имена вы сами найдете, если вздумаете перелистовать „Полярную Звѣзду". Скажу вамъ еще вотъ что̀. Читая и переписывая „Думы Рылѣева", мы, гимназисты, вовсе и не воображали, что Рылѣевъ государственный преступникъ, и знать-не-знали, что онъ былъ казненъ. Напротивъ, онъ казался намъ добрымъ патріотомъ, и я до сихъ поръ помню начало его одной думы, которую мы всѣ знали наизусть:

„Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги!"—
Сусанину съ гнѣвомъ кричали враги.

Извините, если память обманула меня. За второй стихъ не ручаюсь.

Сверхъ того, мы вовсе и не знали, что̀ такое декабристы, а если и слышали это названіе, то не придавали ему никакого смысла. Въ то время вообще не принято было говорить о предметахъ такого рода, даже считалось опаснымъ; а если кому приходилось не только въ обществѣ, но и у себя дома между своими сказать что-либо опасное, отзывающееся грозою, то говорилось шопотомъ, втихомолку, чтобы не слыхать было не только прислугѣ, но и дѣтямъ. Для примѣра разскажу одинъ случай. Въ Пензу пріѣхалъ ревизоръ, вовсе не знаю, для какой потребы и что̀ именно ревизовать. О немъ много шушукалось съ соблюденіемъ строжайшей тайны, но въ этой тихомолкѣ мнѣ не разъ звучалось слово: „Горголи",—должно быть, имя того таинственнаго обозрѣвателя. Невольно сближая это слово съ античною Горгоною или Медузою, я представлялъ себѣ этого грознаго незнакомца безобразнымъ страшилищемъ съ длинными волосами на подобіе змѣиныхъ хвостовъ. Я еще не зналъ тогда, что въ произведеніяхъ классическаго искусства Греціи и Рима лицо Горгоны всегда отличается если не полною красотою, то прелестью, которая переходитъ въ отупѣлое сластолюбіе.

Это идиллическое настроеніе духа въ непониманіи различія

между запрещеннымъ цензурою и дозволеннымъ не могло быть нарушено и тѣмъ, что мнѣ привелось тогда познакомиться съ однимъ великимъ произведеніемъ русской литературы по рукописному, а не печатному экземпляру. По принятому въ то время обычаю составлять для себя собраніе копій съ печатныхъ изданій, я полагалъ въ простотѣ сердца, что и эта рукопись была того же разряда, нисколько не подозрѣвая, что она содержала въ себѣ сочиненіе, запрещенное для печати. То была комедія Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Дядя Андрей Сергѣевичъ привезъ ее изъ Керенска матушкѣ въ подарокъ и самъ читалъ ее намъ, какъ мнѣ тогда казалось, очень искусно и съ большимъ одушевленіемъ, ярко подчеркивая бойкія и занозливыя эпиграммы Чацкаго, и смѣхотворныя пошлости Фамусова, Скалозуба и Молчалина. При этомъ не могу не замѣтить, что многія изъ мѣткихъ изреченій Грибоѣдова, ставшихъ потомъ всенародными пословицами, были и тогда уже оцѣнены, подхвачены и разносились повсюду вслѣдъ за быстрымъ распространеніемъ копій. Доказательствомъ тому служитъ захолустный Керенскъ, куда попала эта комедія, вѣроятно, изъ какой-нибудь барской усадьбы.

Хотя въ Пензѣ не было книжнаго магазина, какъ я уже говорилъ вамъ, однако немногочисленная, такъ-называемая образованная публика этого укромнаго губернскаго города настолько была развита и воспріимчива къ быстрымъ успѣхамъ русской литературы того прославленнаго Пушкинскаго періода, что мы могли стоять въ уровень съ читателями другихъ болѣе торныхъ и бойкихъ средоточій русской жизни. Напримѣръ: вамъ хорошо извѣстно, что „Евгеній Онѣгинъ“ появился въ печати не весь вдругъ, а выходилъ постепенно, отдѣльными главами. Немедленно по отпечатаніи первой главы этого произведенія, распространилась она по нашему городу во множествѣ экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ—не знаю, какими судьбами—попалъ и къ намъ въ видѣ тоненькой брошюры, въ восьмую долю листа—какъ сейчасъ вижу—въ желтой оберткѣ.

Хорошо помню эту драгоцѣнную брошюру потому, что матушка подарила ее мнѣ, вмѣстѣ съ комедіею Грибоѣдова, для собственной моей библіотеки, которая, по заведенному между моими товарищами обычаю, состояла въ рукописныхъ копіяхъ съ печатныхъ повѣстей и стихотвореній, какъ я уже говорилъ вамъ объ этомъ. Эта печатная брошюра не была исключеніемъ въ моемъ рукописномъ собраніи. Время отъ времени я обогащалъ и разнообразилъ его грошовыми лубочными изданіями забавныхъ повѣстей и народныхъ сказокъ съ картинками. На эту потребу

матушка давала мнѣ изрѣдка по гривеннику или двугривенному, поощряя мое пристрастіе къ книгамъ. Въ послѣдніе два года до поступленія въ университетъ я могъ покупать этотъ дешевый товаръ у коробейниковъ и на свои собственныя, заработанныя мною деньги. Я давалъ уроки, по одному часу въ день, десятилѣтнему мальчику, сыну Любовцова, состоявшаго совѣтникомъ въ какомъ-то присутственномъ мѣсѣ; за уроки получалъ въ мѣсяцъ по десяти рублей ассигнаціями, по нынѣшнему три съ полтиной, и всегда отдавалъ эти деньги матушкѣ на хозяйство, и она каждый разъ удѣляла мнѣ изъ этой суммы по двугривенному на покупку книжнаго хлама. Эти рукописныя и ксилографическія, а по нашему лубочныя, сокровища были у меня въ надлежащемъ порядкѣ помѣщены на полкѣ, прилаженной къ стѣнѣ въ дѣтской комнатѣ. Что же касается до книгъ моей матушки, то онѣ сохранялись въ длинномъ ящикѣ, вышиною не болѣе двухъ четвертей, называемомъ укладкою, который всегда стоялъ подъ кроватью. Вмѣсто полокъ, держать домашнюю библіотеку въ сундукѣ нѣкогда было въ обычаѣ не только у насъ, но и на Западѣ, какъ привелось мнѣ видѣть въ кабинетѣ нѣкоего ученаго мужа, относящемся къ XVI вѣку, а теперь перенесенномъ сполна изъ какого-то монастыря въ зальцбургскій историческій музей. Мнѣ припомнилась тогда матушкина укладка.

Но я уже слишкомъ далеко увлекся отъ прерваннаго мною разсказа о чтеніи книгъ. Прошу припомнить: рѣчь шла о новыхъ, какъ говорится теперь, литературныхъ вѣяніяхъ, которыя полстолѣтіе назадъ были современными въ исторіи цивилизаціи города Пензы. Нарасхватъ переходили тогда изъ рукъ въ руки романы Загоскина, „Юрій Милославскій“ и „Рославлевъ“. Изъ таинственныхъ замковъ, построенныхъ фантазіею госпожи Ратклифъ, съ привидѣніями, выходцами съ того свѣта и съ разными другими диковинными похожденіями и ухищренными загадками, эти новые русскіе романы переносили меня на твердую почву родной земли, въ обстановку очевидной дѣйствительности, въ понятія и интересы русской жизни и въ ея исторію. Съ тѣхъ поръ мнѣ ни разу не случилось прочитать ни того, ни другого изъ этихъ двухъ романовъ, но и теперь любовно припоминаю, какъ Кирша по глубокимъ сугробамъ шагалъ на пчельникъ къ колдуну и какъ потомъ молодецки умчался на аргамакѣ. Изъ „Рославлева“ застряли въ моей памяти два пункта: во-первыхъ, станція Завидово, куда прискакалъ на ямскихъ какой-то залихватскій офицеръ, и во-вторыхъ, съ растрепанными волосами въ одной рубашкѣ женская фигура, которая дикимъ голосомъ распѣваетъ: „Со свя-

тыми упокой“. Я стоялъ тогда уже за историческій романъ, который передо мною выводилъ на чистую воду помутившуюся фантазію моего „Англійскаго милорда“, но романа нравоописательнаго я не взлюбилъ, можетъ быть, потому, что впервые познакомился съ нимъ по „Ивану Выжигину“, Булгарина. Впрочемъ, прошу васъ не приписывать мнѣ чести въ прозорливомъ усмотрѣніи недоброкачественныхъ способностей автора: его навязчиво-поучительный романъ былъ для меня просто скученъ и вялъ. И въ какое негодованіе пришелъ я, когда въ „Библіотекѣ для Чтенія“ прочелъ гнусную, на мой взглядъ, выходку барона Брамбеуса, будто бы историческій романъ есть незаконнорожденный сынъ исторіи и поэзіи. Изъ сказаннаго видите, что и въ Пензѣ, не смотря на плохое ученіе въ гимназіи, я могъ кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ оріентироваться въ серьезныхъ вопросахъ по теоріи словесности.

Я нарочно приберегъ къ концу два такія капитальныя произведенія, которыя и впослѣдствіи оказали на меня замѣтное вліяніе въ моихъ ученыхъ работахъ. Мнѣ случалось не однажды въ разное время читать и просматривать то и другое; потому, чтобы не смѣшать раннихъ впечатлѣній моей юности съ позднѣйшими, я не могу въ точности указать вамъ, какъ и что̀ именно интересовало меня въ этихъ книгахъ, когда я читалъ и не разъ перечитывалъ ихъ въ Пензѣ по экземплярамъ, хранившимся въ матушкиной укладкѣ.

Это были, во-первыхъ, Письмовникъ Курганова, толстая книга въ большую осьмушку, и, во-вторыхъ, „Письма русскаго путешественника“, Карамзина, нѣсколько томиковъ въ 16-ю долю листа. Съ пылкимъ увлеченіемъ, интересуясь въ высшей степени занимательнымъ для меня чтеніемъ того и другого сочиненія, я, разумѣется, не чувствовалъ и не могъ понять, что оба они предлагали мнѣ богатое и разнообразное содержаніе изъ исторіи европейской литературы чуть не отъ инкунабулъ XV вѣка и до конца XVIII столѣтія. Письмовникъ Курганова былъ для меня настоящею энциклопедіею учебнаго, ученаго и литературнаго содержанія, а „Письма русскаго путешественника“—зеркаломъ, въ которомъ отразилась вся европейская цивилизація. Карамзинъ казался мнѣ самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ въ Россіи, представителемъ той высокой степени развитія, до которой могла она достигнуть въ то время, наставникомъ и руководителемъ каждаго изъ русскихъ, кто пожелалъ бы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ. Эту мысль, провѣренную мною на себѣ, когда я былъ еще гимназистомъ пятнадцати и шестнадцати лѣтъ, высказалъ я потомъ

съ каѳедры московскаго университета въ рѣчи на Карамзинскомъ юбилеѣ, которую, если захотите, можете прочесть во второй части „Моихъ Досуговъ".

Теперь перехожу къ повѣствованію о послѣднемъ годѣ моего пребыванія въ Пензѣ по окончаніи гимназическаго курса. Для университетскаго экзамена я долженъ былъ пополнить свои скудныя свѣденія и, сверхъ того, поучиться греческому языку, который тогда въ пензенской гимназіи не преподавался, но былъ обязателенъ для поступающихъ на филологическій факультетъ, называвшійся тогда словеснымъ отдѣленіемъ философскаго факультета. Моимъ постояннымъ желаніемъ было сдѣлаться медикомъ, чтобы обезпечить матушкѣ независимое положеніе; но она, находя меня рѣшительно неспособнымъ къ изученію анатоміи и хирургіи, прочила меня и всѣми силами содѣйствовала для поступленія въ филологическій факультетъ и притомъ именно московскаго университета, ставя мнѣ въ образецъ Кастора Никифоровича Лебедева, котораго очень уважала и любила. Сверхъ того, суровымъ обязанностямъ врача, по ея мнѣнію, не соотвѣтствовали ни мои способности, ни характеръ.

Потому она озаботилась дать мнѣ хорошаго учителя греческаго языка, предложивъ ему у насъ въ мезонинѣ квартиру за полцѣны съ тѣмъ, чтобы онъ училъ меня. Это былъ Дмитрій Осиповичъ Львовъ, преподаватель греческаго языка въ пензенской семинаріи, изъ кандидатовъ московской духовной академіи.

Кромѣ греческаго языка, онъ занимался со мной и латинскимъ. Подъ его руководствомъ я изучилъ и съ удовольствіемъ вызубрилъ наизусть нѣсколько одъ Горація, по маленькому, карманному изданію, предназначавшемуся „ad usum Delphini". Въ этой книжкѣ подъ текстомъ Горація были помѣщены краткіе комментаріи, а на поляхъ противъ каждаго затруднительнаго и неяснаго стиха —переложеніе его въ прозу общепонятною, какъ говорится, кухонною латынью. Такимъ образомъ, изданіе это было мнѣ какъ разъ по силамъ.

Вліяніе пензенской семинаріи не ограничивалось для меня уроками одного изъ ея преподавателей. Цѣлая половина флигеля на нашемъ дворѣ была отдана въ наемъ семинаристамъ. Ихъ было человѣкъ до десяти изъ младшихъ и старшихъ классовъ, которые по главному предмету, преподававшемуся въ каждомъ классѣ, назывались: грамматика (вмѣсто этимологія), синтаксисъ, риторика, философія и богословіе. Помнится, было еще два начальныхъ, такъ сказать—приготовительныхъ класса. Семинаристы трехъ стар-

шихъ классовъ называли себя риторами, философами и богословами.

Когда я былъ мальчикомъ лѣтъ до тринадцати,—любилъ проводить время съ младшими изъ учениковъ семинаріи. Поприщемъ для забавъ былъ нашъ дворъ и садъ съ огромнымъ огородомъ. Въ зимнее время по снѣгамъ этого огорода мы въ перегонку скользили на лыжахъ, а то выкапывали для себя въ сугробахъ медвѣжьи берлоги и уютно укрывались въ нихъ отъ вьюги и согрѣвались, какъ намъ казалось, въ трескучій морозъ. Въ лѣтнее время играли въ ба́бки, которыя въ Пензѣ назывались „ко́знами", и особенно соревновали другъ передъ дружкой пріобрѣтеніемъ наилучшей „биткѝ", то-есть, такой ба́бки, которую сшибаютъ съ кону́ обыкновенныя „ко́зны", постановленныя на кону́ въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ. Хорошая битка должна быть велика размѣромъ и тяжела, для чего и наливается обыкновенно свинцомъ. Такою биткою гордился ея владѣлецъ. Въ лѣтнее же время мы любили валяться въ сѣнѣ на сѣновалѣ, или же сидѣть у его широкаго отверстія надъ воротами сарая и твердить уроки. Къ вечеру на закатѣ солнца—живо помню—съ какимъ интересомъ ожидали мы возвращенія изъ лѣса посланныхъ матушкою людей за какой-нибудь хозяйственной надобностью. То кучеръ Левонтій въѣдетъ во дворъ съ возомъ скошенной имъ за городомъ травы, и мы помогаемъ ему разметывать ее по двору для просушки, а между тѣмъ отыскиваемъ въ травѣ сочные и вкусные стволы шке́рды и дягиля; то бабы вернутся изъ лѣсу съ телѣгой, до верху наполненной груздями и рыжиками, а насъ одѣляютъ лѣсными гостинцами — пучками костеники, клубники или ежевики. Разсказываю вамъ всю эту дребедень для того, чтобы дать вамъ понятіе о томъ, какія впечатлѣнія соединяются въ моемъ воображеніи съ дорогими воспоминаніями о нашей пензенской усадьбѣ.

Если съ семинаристами младшихъ классовъ я дѣлилъ свои игры и забавы, то риторы и философы нашего надворнаго флигеля приносили мнѣ существенную пользу, расширяя кругъ моихъ гимназическихъ свѣденій. Они познакомили меня съ двумя руководствами на латинскомъ языкѣ, принятыми тогда въ семинаріи. Это были: Риторика Бургія и Философія Баумейстера. Русскіе учебники, по которымъ я проходилъ риторику и логику въ гимназіи, достаточно подготовили меня къ пониманію обоихъ семинарскихъ руководствъ, которыя сверхъ того были мнѣ полезны какъ практическое упражненіе въ латинскомъ языкѣ.

Тогда я былъ очень заинтересованъ философіею: „philosophisch gesinnt", какъ говорятъ нѣмцы. Случайно увидѣлъ я у Дмитрія

Осиповича Львова рукописныя лекціи Голубинскаго, впослѣдствіи знаменитаго профессора философіи въ московской духовной академіи; выпросилъ ихъ у своего наставника и сталъ читать ихъ съ живѣйшимъ увлеченіемъ, но едва ли съ толкомъ. Меня особенно занимало философское ученіе о *я* и *не-я*, а также о пространствѣ и времени и о безконечномъ. Передамъ вамъ, сколько помню, какіе дѣлалъ я надъ собою опыты для нагляднаго уразумѣнія философскихъ терминовъ *я* и *не-я*. Напримѣръ: умъ—мой, чувство—мое, рука—моя, но это все не есть *я*, то-есть, *не-я*: что же такое есть это загадочное, неуловимое *я*? Давай смотрѣться въ зеркало: вотъ и лицо съ глазами и носомъ, и грудь, и руки, и ноги, и весь *я*—все это *не-я*; такимъ образомъ оба эти термина начинаютъ спотыкаться и перепутываться въ моей головѣ, а я все смотрю на себя въ зеркало: и мое лицо кажется уже не моимъ, а чужимъ, и руки кажутся чужими, и весь являюсь я для себя чужимъ; это ужъ не я, а мой страшный двойникъ. Въ испугѣ я трясу головой, махаю надъ нею обѣими руками, будто гоню изъ нея дьявольское навожденіе, и бѣгу стремглавъ отъ своего страшнаго двойника на волю, подъ открытое небо. Что же касается до философіи о пространствѣ и времени и о безконечномъ, то въ ней обращалъ на себя мое вниманіе вопросъ о безконечномъ. Я ухищрялся разрѣшить его себѣ также путемъ наглядности. Для времени я бралъ настоящую минуту и отъ нея велъ самого себя и назадъ въ безпредѣльное прошедшее, и впередъ въ безпредѣльное будущее; то же дѣлалъ и для пространства, исходя отъ того пункта, гдѣ сижу или стою, и также направляясь мысленно назадъ и впередъ въ безконечную даль. Мнѣ очень понятно и ясно представлялась возможность вѣчно идти впередъ или вѣчно впередъ жить до безконечности и въ безконечности; но когда мысли мои обращались назадъ для пространства и времени, я никакъ не могъ представить себѣ вразумительно и наглядно ни безпредѣльности, ни безначальности, и становился втупикъ, а чѣмъ сильнѣе напрягалъ свои мысли и воображеніе, тѣмъ глубже тонулъ въ потемкахъ своей философской путаницы. Этотъ умозрительный кошмаръ сильно меня озадачивалъ тогда и потому засѣлъ клиномъ въ моей памяти.

Моею охотою философствовать Дмитрій Осиповичъ удачно воспользовался для практическихъ упражненій въ латинскомъ языкѣ. Онъ читалъ со мною Баумейстера и изъ прочитаннаго и объясненнаго дѣлалъ мнѣ вопросы по-латыни, и я долженъ былъ отвѣчать ему на томъ же языкѣ. Къ этому надобно прибавить, что и содержаніе одъ Горація, упрощенное прозаическимъ пере-

водомъ, давало ему поводъ говорить со мною по-латыни. Съ благодарностью воспоминалъ я эти бесѣды, будучи студентомъ третьяго курса, когда Дмитрій Львовичъ Крюковъ читалъ намъ римскія древности на латинскомъ языкѣ и на экзаменѣ требовалъ отъ насъ отвѣтовъ по-латыни.

Изъ этого разсказа о моемъ школьномъ обученіи вы видите, что оно состояло изъ двухъ періодовъ: изъ гимназическаго и семинарскаго. Оба они были организованы и приведены въ стройный порядокъ предусмотрительными заботами и бдительнымъ попеченіемъ моей матушки. Вотъ почему съ живѣйшею признательностью всегда воспоминалъ я и теперь воспоминаю вмѣстѣ съ вами о моемъ школьномъ обученіи. Оно пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣлалась предметомъ и цѣлью всей моей жизни.

VII.

Послѣ этого длиннаго эпизода перехожу къ письмамъ, которыя матушка писала ко мнѣ изъ Пензы въ Москву въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ августа 1834 г. до мая 1836 г. У меня сохранилось ихъ до 30. Предлагаю изъ нихъ слѣдующія выдержки.

„19-го августа 1834 г. Другъ мой Ѳеденька! Письмо твое меня утѣшило тѣмъ, что ты привыкаешь къ одиночеству на чужбинѣ. Ты пишешь, что ты писалъ ко мнѣ прежде этого письма и отправилъ 8-го августа, а я ничего не получала, даже и извѣстія, хотя бы отъ извозчика, который васъ возилъ; но онъ не пріѣзжалъ. Напиши все ко мнѣ: по чемъ нанялъ квартиру, и чтò заплатилъ извозчику, и много ли у тебя осталось денегъ. Хозяйскій чай не пей, а свой всегда пей: это дешевле и лучше. Не мори себя, покупай на завтракъ бѣлый хлѣбъ, ты любишь его: кушай,—мы себѣ откажемъ въ лакомствѣ: насъ много, мы и черный будемъ ѣсть; онъ у насъ сдѣлался въ половину дешевле. Ради Бога, не сиди убійственно за своимъ приготовленіемъ къ университету, ты уморишь себя, да и не одного себя“.

„21-го августа 1834 г. Первое письмо твое въ дурномъ расположеніи духа писано. Чтò дѣлать! Имѣй терпѣніе. Это есть первое горе въ твоей жизни, и ты такъ дурно его выносишь. Молись милосердному Создателю. Мнѣ предчувствіе говоритъ, что ты будешь счастливъ за бѣдствія мои. Ты мнѣ не сказалъ, былъ ли ты у Иверской Божіей Матери и святыхъ мощей; если не былъ, то пожалуйста сходи и помолись имъ, чтò должно бы

быть первымъ твоимъ выходомъ съ квартиры. Я не получила на этой почтѣ отъ тебя письма,—не сроптала. Пиши, покуда не перемѣнится твоя судьба, всякую почту. Ты говоришь, что дорого за квартиру платишь. Нельзя дешевле этого. Я рада, что не дороже. Напиши, какъ васъ содержатъ, какія кушанья и кто бѣлье моетъ. Не мори себя; вѣрно, у васъ на квартирѣ только обѣдъ и ужинъ, а ты захочешь еще покушать: покупай. У васъ хорошія сайки и вообще бѣлый хлѣбъ".

„28-го августа 1834 г. Ты меня пугаешь своей грустью и страхомъ, что тебя не примутъ въ университетъ. Чтò дѣлать! Ты не съ тѣмъ ѣхалъ, что имѣлъ вѣрную надежду, чтобы тебя приняли. Мы и дома съ тобой разсуждали, что это намъ будетъ тяжело. Годъ, который ты долженъ быть вольнымъ слушателемъ, Господь милостивъ, Онъ дастъ намъ средства не умереть съ голоду. Не горюй, мой милый! Обними меня своими твердыми руками; поцѣлуй меня, какъ друга и мать. Мнѣ тоже не легко: обстоятельства мои опять худы... Пиши ко мнѣ обо всемъ, чтò ты чувствуешь и чтò съ тобою случится во время экзамена. Наталья Васильевна мнѣ пишетъ, что ты ласковъ къ нимъ и просилъ, чтобы онѣ тебя перекрестили на экзаменъ. Это меня радуетъ. Будь всегда хорошъ, мой другъ; утѣшь меня: это одна моя отрада въ этой гибельной для меня жизни".

„11-го сентября 1834 г. Обними меня, милый мой студентъ! Поздравляю тебя, мой голубчикъ! Цѣлую тебя. Господи! Какъ мы всѣ обрадовались, что ты принятъ. Я это услышала въ первый разъ на Рождество Богородицы. Мнѣ сказали Яворскаго дѣти [1]), и я сдѣлалась какъ безумная: плачу, молюсь, смѣюсь, цѣлую ихъ; потомъ пришла въ себя и не хотѣла вѣрить до тѣхъ поръ, пока письмо твое мнѣ скажетъ. И теперь нѣтъ сомнѣнія: мы съ тобою счастливы, мой другъ. Одно остается—просить на казенное содержаніе, но Господь милостивъ. Ты пишешь, что тебѣ и обѣщали. Но одно остается мнѣ—молить Господа, чтобы ты не измѣнился въ своихъ правилахъ,—и тогда я счастлива".

„2-го октября 1834 г. Здорово, другъ мой Өедюша! Расцѣлуй меня, голубчикъ мой! Какъ бы посмотрѣла я на тебя въ новомъ твоемъ чинѣ и въ новомъ жилищѣ! Поздравляю тебя съ этимъ счастьемъ, и себя поздравила и благодарила Господа за Его къ намъ милость, точно неожиданную по строгостямъ. Другъ мой, ради Господа и бѣдственности твоей матери, веди себя такъ, какъ я привыкла тебя знать и помнить".

---

[1]) О Яворскомъ см. ниже, въ письмахъ отъ 8-го января 1835 г.

При этомъ письмѣ приложены двѣ записки отъ моихъ пензенскихъ учителей, одна отъ Александра Христофоровича Зоммера, а другая отъ Дмитрія Осиповича Львова, въ отвѣтъ на мои письма. Помѣщаю ихъ здѣсь обѣ.

„Поздравляю васъ отъ души, любезнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, съ благополучнымъ окончаніемъ экзамена вашего. Зная вашу нравственность и прилежаніе, твердо увѣренъ, что вы и на окончательномъ поприщѣ вашего просвѣщенія будете столь же счастливы, какъ и на первоначальномъ. Утѣшайте меня и впредь, хотя изрѣдка, вашимъ пріятнымъ увѣдомленіемъ; симъ вы обяжете преданнѣйшаго вамъ—А. Зоммеръ".

„Любезный мой Ѳедоръ Ивановичъ. Ваши блестящіе успѣхи въ вашемъ предпріятіи меня очень радуютъ и подаютъ надежду еще на бо́льшіе. Благодарю искренно васъ и за память ко мнѣ, и за желаніе мнѣ добраго. Желаемаго и вамъ желаю получить; съ симъ чувствомъ и моимъ къ вамъ почтеніемъ есть любящій васъ—Д. Львовъ".

„16-го октября 1834 г. Только, милый мой Ѳедюша, я было успокоилась: ты писалъ, мнѣ, что ты уже переходишь въ университетъ жить; письмо твое отъ 1-го октября меня потрясло. Я боюсь, что ты не поступишь въ число казенныхъ воспитанниковъ. Денегъ 20 рублей ассигнаціями тебѣ посылаю сполна. Пожалуйста, на книги меньше употребляй. Я знаю, что казеннымъ воспитанникамъ не только книги, даже карандаши и бумага даются казенные. А если книги покупать, ты знаешь наше состояніе, а на книги надобно много денегъ. Если можно изъ этихъ денегъ что-нибудь употребить на книги, то на самыя необходимыя и недорогія. Рада, мой другъ, что ты знакомъ съ такими значительными людьми и образованными, только прошу тебя ни съ кѣмъ изъ нихъ не дружиться. Ты поѣхалъ въ Москву съ хорошей нравственностью, и это въ глазахъ добрыхъ и честныхъ людей цѣнится лучше графства и княжества. Береги себя въ тѣхъ правилахъ, которыя утѣшали меня. Кастору Никифоровичу поклонись отъ меня и скажи ему мою искреннюю благодарность за привѣтствіе тебя. Вотъ, дружокъ мой, ты узналъ горе и нужду. Въ письмѣ твоемъ говоришь о себѣ: „нѣтъ бѣднѣе меня". Горько слышать это матери. Куда дѣвалось твое благословеніе бѣдности? Ты меня часто утѣшалъ и говаривалъ, что я не умѣю нести своей участи съ терпѣніемъ. Это потому, что не тебя касались мои горькія обстоятельства".

„17-го ноября 1834 г. Знаешь ли, какъ ты меня огорчилъ своимъ молчаніемъ? Я все придумала худшее съ тобою, а больше

всего, что ты боленъ, или уже нѣтъ тебя на свѣтѣ. Но сейчасъ письмо твое получила, и оно сдѣлало радостное волненіе во всемъ домѣ. Дѣти кричатъ: „письмо отъ братца!" Андрюша [1]) прыгаетъ, крича: „письмо отъ Ѳедора!" Одна я молчу и вѣрно больше всѣхъ чувствую. Пожалуйста, мой другъ, пиши, хотя недѣли черезъ три, если черезъ двѣ не можешь. Денегъ я тебѣ послала 20 рублей ассигнаціями, еще октября 15-го или 16-го числа. Я не понимаю, какъ такъ долго ты ихъ не получилъ. Я какъ пріѣхала изъ Керенска, то съ первою же почтою ихъ послала. Надобности твои для меня очень уважительны, и я скорѣй откажу себѣ во всемъ необходимомъ, нежели милому моему Ѳедору. Письмо твое меня очень обрадовало, что ты теперь подъ надзоромъ лучшаго родителя, благодѣтеля сиротъ, нашего милостивѣйшаго монарха. Да продлитъ Господь ему многія лѣта за милости до насъ сиротъ. Молись за него больше, нежели за меня. Онъ облегчилъ мою участь и далъ тебѣ образованіе. Я бы хотѣла взглянуть на тебя въ твоемъ новомъ костюмѣ. Я думаю, что ты еще выросъ. Мнѣ нравится и я даже благодарю тебя, что ты учишься еще танцовать: это вѣдь тоже полезно въ обществѣ... Ты пишешь, что грустишь. Это оттого, я думаю, что и я имѣю эту слабость. Хоть и журю сама себя часто, но все-таки не исправляюсь. Расцѣлуй, мой другъ, меня... Поклонись милому моему Кастору Никифоровичу и скажи ему мою безграничную благодарность за тебя".

„27-го ноября 1834 г. Не знаю, милый дружокъ, и не пойму твоего невниманія, почему ты рѣдко пишешь. Письмо твое вѣдь писано октября 21-го, послѣднее, которое я получила. Неужели цѣлый мѣсяцъ ты не нашелъ времени мнѣ писать? Это не хорошо. мой другъ. Еслибы я не увѣрена была въ тебѣ, то могла бы усумниться, подумавъ, что ты теперь можешь жить безъ моей помощи, и потому не хочешь безпокоить себя перепиской. Но я знаю тебя, и потому-то мнѣ мудрено твое молчаніе. Дядя пишетъ тоже ко мнѣ, что онъ писалъ и тебѣ, и не получилъ отвѣта. И Никифоровы пишутъ ему, что ты у нихъ не былъ, и онъ не знаетъ, на что подумать. Сдѣлай милость, умѣй цѣнить къ себѣ расположеніе. Сходи къ Капитолинѣ Яковлевнѣ Никифоровой, тебя тамъ очень обласкаютъ, и напиши къ Андрею Сергѣевичу. Я ужасаюсь за тебя. Ради Господа, береги себя и не будь опрометчивъ къ дружеству, а въ московскомъ университетѣ это ужасно: слухи, убійственные для матерей, имѣющихъ

[1]) Мой дядя.

сыновьевъ въ ономъ. Тамъ необузданная молодежь [1]) не умѣетъ цѣнить благодѣяній нашего милостивѣйшаго, незабвеннаго, благодѣтельнаго монарха. Другъ мой, умоляю тебя ради всѣхъ моихъ бѣдствій: помни милости отца нашего государя, молись за него, а связи съ товарищами ничего не могутъ дать тебѣ хорошаго, кромѣ поселятъ неблагодарность къ тому, чтò должно чтить, какъ святыню. Все-таки умоляю тебя, не имѣй дружества: оно опасно и кромѣ зла ничего не приноситъ. Убѣгай всего, кромѣ твоихъ занятій, а знакомства съ товарищами меня ужасаютъ. Мнѣ часто приходитъ въ голову, что я тебя потеряла. Пожалѣй, милый мой Ѳедюша, меня. Я всѣ уже испытала бѣдствія, а это меня убьетъ. Любовцовы [2]) тебѣ кланяются. Озеровъ [3]) принятъ въ казанскій университетъ; онъ по юридическому факультету, живетъ у профессора. Пиши ко мнѣ; не забывай, что твои письма радуютъ меня, даже все семейство оживотворяется отъ твоего письма. Ѳедюша! мнѣ хочется видѣть тебя и безъ тебя. Попроси Аполлона [4]), чтобы онъ утѣшилъ глупость матери: онъ хорошо рисуетъ—нарисовалъ бы твой портретъ, если захочетъ меня этимъ одолжить. Помнишь, какъ Лопатинъ [5]) удачно карандашомъ съ тебя скопировалъ. Душенька, похлопочи, а если Аполлонъ не можетъ, то кто изъ товарищей, или какой бѣднякъ сдѣлаетъ намъ это за бездѣлицу. Ты этимъ меня утѣшишь. А величины портретъ чтобы былъ съ эту бумажку; она вырѣзана по медаліону".

„20-го декабря 1834 г. Другъ мой! Каково, мой милый, должно быть твое восхищеніе, когда ты узнаешь, черезъ кого получишь это письмо. Да, мой голубчикъ, почтенная, добрая, милая Марѳа Андреевна [6]) уѣхала отъ меня. Эта потеря для меня была не очень чувствительна, если бы она не въ Москву поѣхала. Вотъ какъ Господь милостивъ до насъ съ тобою. Ты думалъ, что въ Москвѣ не найдешь души знакомой: анъ явились и благодѣтели, милые, добрые родные, нѣтъ—больше этого. Я знаю тебя, что ты тоже умѣешь цѣнить, всегдашнее помня ея доброе расположеніе, и потому не для чего напоминать тебѣ, чтобы ты, какъ къ роднымъ, въ свободное время ходилъ къ Владыкинымъ. Я увѣрена въ нихъ, что и тебя, не какъ чужого

---

[1]) Это намекъ на Полежаева, Герцена и др.

[2]) Въ этомъ семействѣ я давалъ уроки, будучи гимназистомъ.

[3]) Тотъ гимназистъ, который познакомилъ своихъ товарищей съ Гетевымъ „Вертеромъ".

[4]) То-есть, Аполлона Ильича Верховцева.

[5]) Молодой человѣкъ изъ помѣщиковъ нашей губерніи.

[6]) Владыкина.

для ихъ чувствъ, примутъ. Писать не могу больше, потому что не очень здорова".

„1-го января 1835 года. Другъ мой! ты ропщешь на меня и думаешь, что я сержусь на тебя. Нѣтъ, милый, ты меня очень утѣшилъ своимъ послушаніемъ. Письмо твое съ тою почтою, также и къ дядѣ, я получила. Оно меня утѣшило и обрадовало. Милый мой, обними меня, мой добрый и послушный сынъ! Я молчала оттого, что была больна. Двѣ недѣли, какъ я въ постели; убійственные ревматизмы меня опять посѣтили. День Рождества Господня, не знаю, какъ прошелъ. Ныньче лучше. Вотъ и рука можетъ марать. Не безпокойся теперь обо мнѣ. А ты оскорбляешься, что я прошу тебя беречь свои правила. Нѣтъ, милый, не оскорбляйся: я не думаю, чтобы они измѣнились, но сообщества я боюсь, а ты увѣрилъ, что не имѣешь его,—и я покойна. Не обижай меня и не избирай повѣренныхъ. Я горжусь правилами моего сына. Одна молодость твоя меня иногда ужасаетъ. Къ Никифоровымъ ходи. Они пишутъ и брату, что очень тебя полюбили, и особенно этотъ молодой Зиновей Ивановичъ [1]) тебя очень полюбилъ. Не теряй этого знакомства. Обними меня, мое сокровище! утѣшь меня безцѣнной любовью".

„8-го января 1835 г. Я думаю, милый мой Ѳедюша, ты уже узналъ, какъ я встрѣтила праздникъ и Новый Годъ. Тебя, мой другъ, благодарю, много благодарю, что ты писалъ ко мнѣ это время всякую почту. Это меня утѣшало. Ныньче я, слава Богу, сижу и могу пройтись по своей спальнѣ; на Крещеніе въ гостиной сидѣла и видѣла крестный ходъ. Слаба еще очень, но ужасные ревматизмы не много уже безпокоятъ. Лечилъ меня ныньче почтенный Яворскій [2]). Какъ жаль мнѣ его: онъ переведенъ въ Москву. Кому-то лечить меня безъ ничего? Я рада, что ты весело провелъ праздникъ и съ милыми, добрыми родными. Мнѣ досадно, что ты праздникомъ не былъ у Никифоровыхъ. Если этому мѣшалъ все мундиръ, то я уже начинаю сердиться на мундиръ и, право, совѣтую тебѣ любить вицъ-мундиръ лучше мундира, котораго у тебя нѣтъ, и будь доволенъ тѣмъ, что̀ есть. Сходи къ Никифоровымъ ныньче и извинись, почему не могъ быть праздникомъ; будь откровененъ, ходи къ нимъ. Этимъ угодишь дядѣ, да и для тебя не дурно. Напиши, имѣлъ ли ты хоть маленькій случай потанцовать въ Москвѣ, и что твое ученье танцевъ продолжается или нѣтъ? Да и гдѣ твое имущество,

---

[1]) Никифоровъ, сынъ Капитолины Яковлевой.

[2]) Главный врачъ въ Пензѣ, человѣкъ очень богатый и нашъ добрый знакомый. Разумѣется, лечилъ всѣхъ насъ (даромъ см. въ письмѣ 11-го сентября 1834 г.).

взятое изъ дому? Напиши мнѣ. Даютъ ли казенные носочки? И чтò и чего тебѣ дали? Напиши, это не тяжело тебѣ, а мнѣ знать необходимо надобно, а иначе я не съумѣю, какъ пещись о тебѣ. Устала я, Ѳедюша, прости, обними меня, мой милый, и поцѣлуй. Благословеніе Господне надъ тобой. Дѣти тебѣ кланяются и цѣлуютъ. Софья очень хорошо учится, читаетъ прекрасно. Она часто для меня читаетъ, когда я сама устану. Софья—милая дѣвочка и трудолюбивая. Она мало нынче играетъ: или учится, или работаетъ, или мнѣ чтò читаетъ. Это меня восхищаетъ: я съ ней, какъ бывало съ тобою, совѣтуемся и разговариваемъ.

„А Серафима? ахъ, Серафима! Она меня пугаетъ. Это такая беззаботная голова. Она, кажется, о земномъ нисколько не заботится, учится—и это все машинально. Читаетъ ужасно еще дурно. Когда учитель ей подпишетъ въ аттестатѣ: „хорошо“, я спрашиваю ее, за чтò ей хорошо подписали? Она говоритъ: „не знаю, что ему вздумалось это написать“, и пойдетъ къ учителю, спрашиваетъ его: „за чтò вы мнѣ подписали: „хорошо“? я училась дурно, а вы вздумали подписать мнѣ „хорошо“? И вотъ ея чудесное правило. Софья тебя цѣлуетъ и обнимаетъ, тоже и Серафима цѣлуетъ тебя. Вчерась и нынче замучила она меня, велѣла написать: долго ли, говоритъ, мнѣ его ждать? Я соскучилась. Неужели до Святой недѣли онъ еще не пріѣдетъ? И даже сердится за это на тебя. Нянька тебѣ кланяется“.

„22-го января 1835 г. Здоровье мое очень медленно, но, слава Богу, поправляется. Голубчикъ мой, ты пишешь, что грустишь о родинѣ и о насъ. Это потому, что мое, изнуренное болѣзнью и горестью, бѣдное сердце тоскуетъ и вѣсть даетъ отлетѣлому твоему дѣтскому сердчишку. Да, Ѳедюша, наше свиданіе неизвѣстно: проклятая бѣдность! ты всему виною. Я хожу по комнатамъ, но не знаю, кажется, я всю зиму не почую свѣжаго, зимняго, морознаго воздуха. У меня сколько постояльцевъ и какіе, ты хотѣлъ знать. Кажется, ты писалъ мнѣ когда-то. Первый Дмитрій Осиповичъ [1]), и къ нему на той недѣлѣ пріѣхалъ Павелъ Осиповичъ, его братъ, а въ дѣтской, или кабинетѣ—и какъ бы эту комнату назвать, въ которую ходъ изъ лакейской и изъ дѣвичьей—квартируетъ недавно пріѣхавшій изъ московской академіи инспекторъ здѣшней семинаріи на всемъ столѣ, а въ залѣ часто поденно кто-нибудь пріѣзжій изъ Керенска“.

„2-го іюля 1835 г. Сейчасъ получила письмо твое. Какъ весело, какъ радостно! Ты портретъ свой прислалъ, и я увижу

[1]) Учитель семинаріи, съ которымъ *я* занимался по-гречески и по-латыни.

твое изображеніе, увижу моего Ѳедора, моего милаго студента, а мое утѣшеніе. Но не знаю, скоро ли посылку принесутъ съ почты. Ты меня много, очень много обрадовалъ. Расцѣлуй меня: да, я скоро буду цѣловать твое изображеніе. Братъ [1]) мнѣ сказалъ, что я могу ѣхать съ нимъ въ Москву; но я боюсь, чтобы это какъ не перемѣнилось. Я такъ несчастлива, что все, чтò бы ни задумала для пользы своей, или обратится мнѣ во вредъ, или вовсе не удастся. Я писала тебѣ, что у меня будутъ выгодные постояльцы. Это я хлопотала о казенныхъ мальчикахъ. И добрый Платонъ Филипповичъ [2]) обѣщалъ мнѣ, что ихъ непремѣнно ко мнѣ поставятъ. Но онъ уѣхалъ, а губернаторъ отказалъ мнѣ въ этомъ. И вѣрно тебѣ опредѣлено снять тяжесть судьбы, давившей меня такъ сильно столько лѣтъ".

„16-го іюля 1835 г. Я очень тебѣ благодарна, мой другъ, за портретъ. Расцѣлуй меня, мой милый. Но мало, кажется, похожъ на тебя, особенно носъ. Неужели годъ такъ чудесно перемѣнилъ тебя? Да и волосы совсѣмъ почти темные, а ты уѣхалъ, имѣя свѣтлорусые. Но я смотрю на него, воображаю тебя. Все-таки, мой милый, какъ ты меня обрадовалъ этимъ подаркомъ! Я думаю, онъ тебѣ дорого стоитъ [3]), да и книга Соничкина тоже для тебя не дешева. Скажи, мой другъ, послѣ такихъ издержекъ не обѣднѣлъ ли ты? Соня очень обрадовалась книгѣ; говоритъ всѣмъ, что это ей братецъ подарилъ. Ты не пишешь, какъ нашелъ французское письмецо Софьи. Я думаю, много ошибокъ; за то она сама сочиняла и писала. Ахъ, Ѳедюша, какъ тяжело для матери, когда ея дитя учатъ изъ жалости! Мадамъ Софьина, Дюбютъ, ужаснаго характера, и я много, очень много отъ нея испытала. Она—какъ сильно очаруетъ при первомъ съ ней свиданіи, такъ вдвое разочаруетъ въ продолженіе знакомства. Но еслибы она не занималась нѣсколько минутъ съ Софьей, то давно бы я кончила съ нею знакомство. Это нестерпимая эгоистка, ужасная педантка, и къ тому же ужасный характеръ. И я для пользы своего дѣтища поклоняюсь этому бѣснующемуся идолу. Тяжело, очень тяжело, ну, какъ не сказать: о, бѣдность проклятая! Горе жить съ тобою.—Другъ мой, ты просишь моего согласія, учиться ли тебѣ на этотъ годъ еще двумъ языкамъ. Ты знаешь мое правило: я не терплю того, чтобы браться за многое

---

[1]) Андрей Сергѣевичъ Сергѣевъ.

[2]) Совѣтникъ Любовцовъ.

[3]) Портретъ писанъ акварелью на слоновой кости не дорогимъ, но порядочнымъ живописцемъ. Я былъ тогда при деньгахъ, потому что, по рекомендаціи Степана Ивановича Клименкова, давалъ уроки въ одномъ богатомъ семействѣ.

и ни въ одномъ не усовершенствоваться. По-моему, лучше совѣтую тебѣ заниматься тѣмъ, чтò преподаютъ по твоему отдѣленію, и въ томъ усовершенствоваться. Но если ты имѣешь столько желанія и времени, чтобы еще учиться двумъ языкамъ, то лучше англійскому и итальянскому, нежели арабскому и персидскому. Я совѣтую лучше первымъ двумъ, а впрочемъ, какъ ты хочешь; ты въ этомъ лучше знаешь, да и то больше меня помнишь, что восточная словесность основательнѣе преподается въ казанскомъ университетѣ, нежели въ московскомъ [1]. Ты пишешь, что черезъ годъ мы будемъ вмѣстѣ, то-есть, въ Пензѣ съ тобой. Точно, я всѣ силы употреблю, чтобы это сдѣлать. А какъ бы я хотѣла побывать у тебя, мое сокровище, взглянуть на тебя, поговорить съ тобою, обнять тебя".

Ѳ. Буслаевъ.

[1] Тогда восточное отдѣленіе было только въ одномъ казанскомъ университетѣ, славившееся знаменитыми преподавателями. Потомъ было оно переведено вмѣстѣ съ профессорами изъ казанскаго университета въ петербургскій.

ГУСТАВЪ IV и ЕКАТЕРИНА II

въ 1796 г.

Окончаніе.

V. Послѣднее время пребыванія шведовъ въ С.-Петербургѣ *).

Въ нѣкоторыхъ источникахъ встрѣчается разсказъ, будто шведскіе гости тотчасъ же послѣ несостоявшагося 11-го сентября обрученія покинули С.-Петербургъ. Такъ разсказываетъ не только Кастера [1]), но и графъ Комаровскій [2]), и г-жа Виже-Лебренъ [3]).

Но король, регентъ и лица ихъ свиты и не думали выѣзжать такъ скоро изъ русской столицы. Они оставались еще девять дней, и въ продолженіе этого времени происходили переговоры о шведско-русскомъ союзѣ и о бракѣ.

Главнымъ источникомъ для исторіи этого послѣдняго времени пребыванія Густава въ Россіи служатъ письма Екатерины къ Будбергу. Но есть еще и другія данныя, проливающія свѣтъ на эти событія и дающія намъ понятіе о разстройствѣ и раздраженіи, господствовавшихъ въ эти дни при русскомъ дворѣ, а также и о неловкомъ положеніи, въ которомъ находились король и регентъ, и ихъ министры.

О томъ, что̀ происходило на другой день послѣ печальнаго вечера 11-го сентября, Екатерина писала Будбергу:

---

*) См. выше: окт., 480 стр.

[1]) Vie de Catherine II. Paris, 1797, II, 282.

[2]) Изъ записокъ графа Комаровскаго, напеч. въ сборникѣ „Осмнадцатый вѣкъ". I, 419.

[3]) Др. и нов. Россія. 1876, III, 303.

„Слѣдующій день, 12-го сентября, былъ день рожденія великой княжны Анны; регентъ и король просили позволенія меня видѣть. Я приняла ихъ въ моихъ покояхъ. Регента я нашла въ отчаяніи; что касается короля, я увидѣла, что онъ неподатливъ, какъ волъ. Онъ положилъ на столъ мое письмо; я предложила сдѣлать въ немъ измѣненія, какъ ему было предложено вчера, но ни доводы регента, ни мои не могли его склонить къ тому. Онъ постоянно повторялъ слова Пилата: что̀ я написалъ, то я написалъ; я не измѣню никогда того, что̀ я написалъ. При этомъ онъ былъ неучтивъ, упрямъ и упоренъ какъ бревно, не хотѣлъ даже ни говорить, ни слушать того, что̀ ему говорили. Регентъ часто обращался къ нему по-шведски и представлялъ ему о послѣдствіяхъ его упрямства, но я слышала, что онъ отвѣчалъ ему съ гнѣвомъ. Наконецъ, черезъ часъ они удалились, сильно поссорившись другъ съ другомъ, и регентъ плакалъ навзрыдъ. Лишь только они вышли, я тотчасъ же приказала прервать переговоры, и такъ какъ уполномоченные были въ сборѣ, то это и было имъ объявлено, къ крайнему ихъ удивленію. Балъ въ этотъ вечеръ былъ весьма печаленъ. 13-го и 14-го сентября въ шведскомъ дворцѣ происходила великая брань, которая, говорятъ, слышна была во всѣхъ трехъ этажахъ дома. Что касается до меня, то я эти два дня пребывала въ уединеніи. Вечеромъ 14-го сентября я получила отъ регента письмо, въ которомъ онъ просилъ меня простить глупости его племянника; казалось, онъ былъ въ отчаяніи. Я велѣла сказать ему, что не знаю, что̀ ему отвѣтить, и ограничилась общими фразами учтивости".

Еще послѣ отъѣзда короля Екатерина, въ письмѣ къ Будбергу отъ 1-го октября, писала объ этой сценѣ, 12-го сентября:

„Личное поведеніе короля относительно меня было таково, что на доказательства дружбы, которыя я ему оказывала, онъ отвѣчалъ холодностью напускною или естественною; были даже дни, какъ 12-ое и 18-ое сентября [1]), когда, испросивъ у меня свиданіе для разсужденія о дѣлахъ, онъ почти не благоволилъ говорить со мною; невѣжливость доходила до того, что самъ регентъ былъ возмущенъ, и прислалъ мнѣ извиненія въ письмѣ. Посылаю вамъ прилагаемую копію съ этого письма регента" [2]).

Разсказывая въ письмѣ къ Валеріану Зубову отъ 4-го октября о пребываніи шведскихъ гостей въ С.-Петербургѣ, императрица въ особомъ приложеніи, писанномъ 12-го сентября, поутру часу въ

¹) Сб. И. О., IX, 305—307.

²) Сб. И. О., IX, 348. Къ сожалѣнію, этого письма регента не оказалось въ бумагахъ Будберга.

первомъ, прибавила характеристику короля, какъ онъ велъ себя 12-го сентября: „Король расплаканъ. Гордъ какъ чортъ Упрямъ какъ рѣдкой человѣкъ. И понеже не говорилъ окромѣ повторенія словъ, что писалъ свое мнѣніе, а перемѣнить писанное имъ не можетъ, то казался на сей разъ весьма глупъ. Регентъ уговаривалъ его и сказалъ при мнѣ, что онъ не находитъ никакой причины, для которой не могъ прибавить требуемыхъ строкъ о свободномъ отправленіи вѣры. Регентъ, наконецъ, плакалъ и много разъ закрывалъ рукою глаза, стыдясь рѣчамъ его величества. Также говорилъ ему по-шведски съ сердцемъ. Наконецъ я имъ сказала, чтобы пошли совѣтовать между собою въ будуаръ, куда пошедъ, регентъ весьма громко что-то говорилъ по-шведски и, вышедъ оттуда, мнѣ сказалъ:—Позвольте намъ ѣхать домой, чтобы условиться,—и короля пустя напередъ, паки ко мнѣ возвратился со слезами и обнялъ меня дважды, говоря: O quelle scène! Отъ меня вышедъ, пошли къ великому князю, гдѣ регентъ, вошедъ, сказалъ паки:—O quelle scène! А король пошелъ къ великой княгинѣ и плакалъ много, но остался какъ камень въ своемъ упрямствѣ" [1]).

Къ этому же дню относятся три записки императрицы къ великому князю Павлу Петровичу. Первая была получена послѣднимъ въ пятницу утромъ (12-го сентября). Тутъ сказано: „Такъ какъ каждый человѣкъ учтивъ самъ для себя же, то и вы обойдетесь съ ними учтиво. Если они заговорятъ о дѣлахъ, отвѣчайте имъ сообразно съ обстоятельствами. Разрыва нѣтъ. Насчетъ вѣроисповѣданія отвѣчайте, что это sine qua non [2]). Ихъ убѣдить надобно и надъ этимъ-то и слѣдуетъ поработать. Тамъ нѣтъ вѣротерпимости, гдѣ не терпятъ обрядовъ иныхъ исповѣданій. Слѣдуетъ быть твердымъ безъ колкости (aigreur)".

Затѣмъ, послѣ вышеизложеннаго свиданія съ регентомъ и королемъ, императрица писала Павлу же (послѣ обѣда): „Когда вы отобѣдаете, увѣдомьте меня о томъ, чтò у васъ происходило. Я отъ молодого Кемда ничего не могла выпытать. Дядя сказалъ мнѣ въ его присутствіи, что ни онъ, дядя, и никто въ Швеціи не можетъ ничего сказать противъ свободнаго отправленія королевою обрядовъ своего исповѣданія въ особой часовнѣ. Но король показался мнѣ сухъ и упоренъ какъ пень (comme une bûche). Онъ говорилъ, что тò, чтò онъ написалъ, то написалъ, и что онъ никогда не измѣняетъ того, чтò разъ напишетъ. Тогда я

[1]) Р. Архивъ, 1886. I, 276—277.

[2]) Въ рукописи: „Si no qua no", т.-е. „conditio sine qua non".

ему сказала, что причиною тому его молодость, а я въ теченіе моего тридцати-четырехъ-лѣтняго царствованія каждый день вычеркиваю и перемарываю утромъ то, что̀ пишу вечеромъ. Дядя и племянникъ, казалось, нѣсколько разъ ссорились въ моемъ присутствіи".

Въ другой запискѣ, писанной тоже „послѣ обѣда", сказано: 1) „Не смѣшивайте особой статьи договора 2) съ запиской, диктованною мною, и съ сущностью отдѣльной статьи. 3) Мнѣ прислали записку, составленную въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ" [1]).

Въ публикѣ узнали кое-что объ этихъ сценахъ, происходившихъ во дворцѣ у императрицы. Описавъ событія, происходившія 11-го сентября, Тауенцинъ доносилъ прусскому двору: „На другой день былъ праздникъ великой княгини Анны Ѳеодоровны. Императрица не выходила къ обѣднѣ. Король и регентъ пріѣхали послѣ, были приняты императрицею, гдѣ происходили очень горячія объясненія, а потомъ у великаго князя Павла Петровича, откуда король, возвратясь, слегъ дѣйствительно больнымъ и не выѣзжалъ нѣсколько дней" [2]).

Въ письмѣ доктора Роджерсона къ графу С. Р. Воронцову мы встрѣчаемъ еще нѣкоторыя данныя о бесѣдахъ, происходившихъ 12-го сентября у императрицы и у великаго князя. Регентъ вышелъ будто изъ комнаты Екатерины, говоря о королѣ: „Вотъ, государыня, молодой человѣкъ, который погубитъ себя". Къ этому Роджерсонъ прибавляетъ, что герцогъ Сюдерманландскій былъ въ восхищеніи отъ Екатерины, и что при русскомъ дворѣ были очень довольны Гейтергольмомъ и регентомъ. У Павла, по словамъ Роджерсона, происходило слѣдующее: когда король дѣлалъ возраженія насчетъ исповѣданія будущей королевы, ссылаясь на государственныя учрежденія Швеціи, великій князь сказалъ: „Но развѣ вы не государь? Вы можете измѣнить эти учрежденія".— „Нѣтъ,—возразилъ король,—я не могу измѣнять ихъ; это фундаментальный законъ, и я первый долженъ соблюдать его" [3]).

Въ какой степени были разстроены члены царской фамиліи и какъ императрица владѣла собою и старалась успокоить другихъ, видно изъ слѣдующихъ записокъ, писанныхъ какъ разъ до бала, имѣвшаго быть 12-го.

Великая княгиня Марія Ѳеодоровна писала императрицѣ:

---

[1]) Р. Старина, IX, 493—494.

[2]) Берлинскій архивъ.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, XXX, 67—68. Неправильно въ письмѣ княгини Голицыной сказано о событіяхъ, происшедшихъ 12 сентября до обѣда, что „Король не былъ принятъ императрицею". Истор. Вѣстникъ, XXX, 105.

„Признаюсь вамъ, любезнѣйшая матушка, что у меня глаза распухли и красны; всѣ увидятъ, что я плакала, и уставятся на меня. Къ тому я кашляю. Еслибы мнѣ было дозволено остаться дома, вы бы мнѣ тѣмъ оказали истинную милость". Екатерина отвѣчала на лоскуткѣ бумаги: „О чемъ вы плачете? что̀ отложено, то̀ не потеряно. Вымойте ваши глаза и уши льдомъ; примите бестужевскихъ капель. Никакого разрыва нѣтъ. Я была больна вчера; вамъ досадно на замедленіе, вотъ и все. Ваша дочь изъ-за этого нездорова; впрочемъ, вашъ супругъ передастъ вамъ, что̀ я ему писала" [1]).

Балъ состоялся, но не даромъ Екатерина послѣ писала Будбергу, что „этотъ вечеръ былъ весьма печаленъ". Вотъ разсказъ Роджерсона о томъ, что̀ происходило при этомъ случаѣ: „Регентъ заболѣлъ и не пришелъ. Ея величество, по нынѣшнему обыкновенію, явилась нѣсколько позже; великій князь-отецъ былъ хозяиномъ и принималъ гостей (a fait les honneurs). Король входитъ, кланяется всѣмъ присутствующимъ; великій князь, стоявшій у колонны, показываетъ видъ, будто не замѣчаетъ короля, смотритъ въ сторону и продолжаетъ бесѣдовать съ графомъ Салтыковымъ. Король подходитъ къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ супругамъ молодыхъ великихъ князей; онѣ съ нимъ говорятъ, но мало. Затѣмъ онъ является передъ отцомъ невѣсты, стоитъ передъ нимъ съ минуту, но тотъ прикидывается, будто не видитъ его, и, обернувшись, не прерываетъ разговора съ Салтыковымъ. Всѣ присутствовавшіе были готовы провалиться сквозь землю [2]). Король удалился къ своимъ шведскимъ кавалерамъ, гдѣ оставался четверть часа; наконецъ, явилась государыня, которая учтивостью и пріемами любезности немного поправила дѣло. Меня тутъ не было, но всѣ говорятъ, что молодой король держалъ себя съ большимъ тактомъ [3]) при столь неожиданномъ случаѣ. Къ счастью, иностранные министры не были свидѣтелями этой сцены. Всѣ они стояли у дверей, ожидая появленія императрицы. Великій князь на другой день отправился въ Гатчину, откуда онъ болѣе не возвращался" [4]).

Впрочемъ, балъ скоро прекратился. Даже въ оффиціальной газетѣ было сказано, что вечеръ кончился въ 8 часовъ, а къ этому прибавлено: „По выходѣ на балъ ея имп. величество изволила жаловать къ рукѣ пословъ и чужестранныхъ министровъ и

---

1) Р. Старина, IX. 487.

2) Tout le monde était prêt à tomber en terre.

3) „Très pertinemment".

4) Роджерсонъ писалъ это, вѣроятно, 21—24 сент. Арх. кн. Воронцова, XXX, 68.

свиты графа Гага кавалеровъ" [1]). Можно думать, что и прусскій дипломатъ былъ въ числѣ гостей. Въ его донесеніи сказано: „На балу въ этотъ день неудовольствія съ той и съ другой стороны выразились явно. Императрица и великій князь, до того времени носившіе постоянно орденъ Серафима, были въ Андреевской лентѣ. Великая княжна Александра Павловна не появилась на балу. Король послѣ явнаго холоднаго привѣта удалился со своею свитою въ одинъ уголъ залы, а императорская фамилія въ другой; между ними толпились поляки; императрица также какъ и великій князь очень мало разговаривали съ королемъ и вскорѣ оставили балъ; великій князь уѣхалъ тотчасъ въ Гатчину; бѣдная великая княгиня, оставленная хозяйкою бала, старалась изо всѣхъ силъ немного оживить общество, и наконецъ этотъ балъ, очень оригинальный, кончился довольно рано, а графъ Гага отправился къ графу Кобенцелю на спектакль, для него нарочно устроенный" [2]). Карабановъ разсказываетъ: „Екатерина чрезъ силу показалась на этомъ балу, не показывая ни малѣйшаго неудовольствія; графинѣ Скавронской приказано было занять короля разговорами и начать съ нимъ польскій. Великій князь Павелъ Петровичъ поступилъ иначе: когда король хотѣлъ говорить, то онъ отворотился и сталъ спиною" [3]). Чарторыжскій пишетъ объ этомъ балѣ: „Императрица явилась съ своею обычною улыбкою, но въ ея взглядѣ были замѣтны печаль и раздраженіе; удивлялись стойкости и твердости ея при обращеніи съ гостями. Король и другіе шведы казались смущенными, но не сконфуженными [4]); съ обѣихъ сторонъ обнаруживалась сдержанность, и всѣ присутствовавшіе находились подъ вліяніемъ такого настроенія. Великій князь говорилъ о своемъ раздраженіи, но я подозрѣваю, что онъ былъ въ душѣ радъ промаху, сдѣланному русскими министрами; великій князь Александръ былъ взволнованъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ его сестрѣ, но порицалъ главнымъ образомъ дѣйствія Моркова. Императрица была довольна тѣмъ, что ея внукъ раздѣлялъ ея гнѣвъ" [5]). Массонъ разсказываетъ, что императрица на этомъ вечерѣ не говорила ни слова съ королемъ и явилась лишь на самое короткое время; далѣе, что Зубовъ явно высказывалъ королю свое нерасположеніе, и что на лицахъ всѣхъ

[1]) С.-Пет. Вѣд. № 75, 16 сент. 1796.
[2]) Берлинскій архивъ.
[3]) Р. Старина, V, 462.
[4]) „eurent l'air contraint, mais pas embarrassé".
[5]) Mémoires du prince Adam Czartoryski. Paris, 1887. I, 122.

присутствовавшихъ было замѣтно крайнее смущеніе [1]). Въ письмѣ княгини Голицыной, отъ 15-го сентября [2]), сказано объ этомъ балѣ: „Король пріѣхалъ безъ регента, но со всею своею свитою; великій князь не говорилъ съ нимъ ни слова. Балъ кончился въ 8 часовъ; король отправился къ посланнику Кобенцелю, куда онъ былъ приглашенъ на представленіе оперы „Камилла“, въ которой онъ отлично играетъ самъ и княгиня Долгорукая; король тамъ ужиналъ и тамъ же на балѣ танцовалъ, и казался довольно веселымъ; говорили, что онъ уѣдетъ на другой день, но онъ остался до пятницы; онъ боленъ или сказывается больнымъ, но не выѣзжаетъ никуда. Великій князь Павелъ Петровичъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Гатчину, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится; говорятъ, что дѣло не устроится,—не дай Богъ! по правдѣ сказать, это несчастье, котораго никто не ожидалъ и не предвидѣлъ. Необыкновенную веселость смѣнила вдругъ грусть, овладѣвшая всѣми; вотъ уже три дня нѣтъ пріема при дворѣ; можетъ быть, все исправится, и надежду къ этому подаетъ замедленіе короля уѣхать; сегодня понедѣльникъ, а онъ уѣзжаетъ только въ пятницу; всѣ винятъ Моркова, что онъ испортилъ все дѣло. Никто ничего не знаетъ, и всѣ спрашиваютъ другъ друга: не слыхали ли вы что-нибудь? и каждый разсказываетъ что̀ слышалъ, и изъ этой суматохи ничего не разберешь. Прежде шведы являлись вездѣ; теперь нигдѣ ихъ не встрѣчаемъ“ [3]).

Тотчасъ же послѣ несчастнаго бала 12-го сентября великая княгиня написала императрицѣ слѣдующую записку: „Король былъ молчаливъ и ни слова не сказалъ насчетъ спорнаго дѣла, но Стединкъ говорилъ о немъ со слезами на глазахъ и просилъ меня еще переговорить съ королемъ. Я отвѣчала, что уже сказала ему все по доброй совѣсти. Онъ мнѣ возразилъ: „Это дѣло должно уладиться“. Я отвѣчала, что считаю это нужнымъ для ихъ счастья. „Но,—прибавила я,—имѣете ли вы какую-нибудь надежду?“ Онъ отвѣчалъ: „Я еще сохраняю небольшой лучъ ея“. Вотъ, любезная матушка, все, что̀ говорилось на балѣ послѣ вашего удаленія“ [4]).

Въ статьѣ г. Чумикова мы встрѣчаемъ слѣдующую басню: „Раздраженная сопротивленіемъ, Екатерина запретила своимъ подданнымъ посѣщать шведское посольство, въ которомъ пребывали король и его свита, и полиціи приказано было наблюдать за до-

---

[1]) „Zoubow bouda visiblement le roi“ и пр. Menon, Mémoires secrets, I, 26.
[2]) По ошибкѣ, показано число „12 сент.“.
[3]) Истор. Вѣстникъ, XXX, 105.
[4]) Р. Старина, IX, 487—488.

момъ посла. Положеніе короля въ столицѣ чужой страны, разобщеннаго отъ общества, напоминало нѣкоторымъ образомъ положеніе Карла XII въ Бендерахъ (!!). Къ тому же распространился слухъ, что русская армія уже вторглась въ Финляндію, и что русскіе до такой степени возмущены дѣйствіями шведскаго короля, что угрожали побросать всѣхъ шведовъ въ Неву" (!!!). Эти небылицы ничѣмъ не подтверждаются, и слѣдующія данныя въ разсказѣ г. Чумикова оказываются очень странными; онъ пишетъ: „До 15-го числа король нѣсколько разъ (?) бесѣдовалъ съ Екатериною въ ея кабинетѣ, но становился еще непреклоннѣе, тѣмъ болѣе, что ему показалось, что всѣ противъ него въ заговорѣ. Никакіе доводы, ни увѣренія въ чувствахъ дружбы и преданности императрицы не могли измѣнить однажды принятаго имъ рѣшенія. Послѣ 15-го (26) сентября прекратились сношенія между русскимъ дворомъ и шведскими министрами (!), но частные (?) переговоры продолжались. Всѣ предложенія съ русской стороны о возобновленіи оффиціальныхъ переговоровъ только усиливали упрямство въ Густавѣ-Адольфѣ. Наконецъ, для предупрежденія внезапнаго разрыва (!) и въ видахъ личной безопасности короля и высшихъ чиновъ его свиты (!!), регентъ испросилъ у императрицы аудіенцію для себя. Тутъ было условлено, что шведскіе уполномоченные подпишутъ трактатъ", [1]) и пр.

Свидѣтельства очевидцевъ во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчатъ этимъ даннымъ. Переговоры во все время до отъѣзда не прекращались; трактатъ былъ заключенъ 17-го (28) сентября; никакой опасности для короля и его свиты не было; о войнѣ никто не говорилъ.

Укажемъ на нѣкоторыя частности.

Въ субботу 13-го сентября, утромъ, великій князь Павелъ Петровичъ получилъ слѣдующую записку отъ князя П. А. Зубова: „Повинуясь волѣ в. имп. высочества, спѣшу донести, что ни король, ни регентъ, на врученныя имъ вчера бумаги лично отъ ея имп. величества и на принятіе коихъ регентъ короля всемѣрно приклонить желалъ, въ чемъ усердно стараться обѣщалъ, до сихъ поръ никакой вновь отповѣди не сдѣлали. Но полномочные всѣ единогласно говорили, что они и сами не настаиваютъ, какъ король ихъ согласенъ, dans le principe et ne voulant point en avouer les conséquences, самъ опровергаетъ все то, что̀ самъ же обѣщалъ, и что, бывъ убѣжденъ въ крайней нуждѣ и въ справедливости кончить все къ взаимному удовольствію, употребятъ они

[1]) Русскій Архивъ, 1887, I, 87—88.

всѣ возможности согласить короля самого съ собою и довести его до исполненія общаго желанія, въ чемъ предуспѣть не вовсе еще отчаяваются. Объ отъѣздѣ же никто и ничего не говоритъ" [1]).

Объ отношеніяхъ императрицы въ шведамъ Татищевъ въ письмѣ въ Воронцову, отъ 16-го сентября, сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя. Разсказавъ о кризисѣ 11-го и о событіяхъ 12-го,—при чемъ замѣчено, что король послѣ разговора съ Павломъ Петровичемъ въ кабинетѣ послѣдняго, вышелъ оттуда въ слезахъ,—Татищевъ разсказываетъ: „На балу великій князь не поклонился королю, не говорилъ съ нимъ и ушелъ до удаленія императрицы. Герцога не было на балу, и императрица отправила одного изъ камергеровъ спросить о его здоровьѣ; онъ сказался больнымъ. Въ субботу (14-го) король ѣздилъ верхомъ; вечеромъ сказали императрицѣ, что король нездоровъ. Она отправила камергера узнать, въ чемъ дѣло; сказали, что король въ постели и что, вѣроятно, онъ заснулъ, такъ что камергеръ вернулся, не получивъ отвѣта... Всѣ здѣсь кричатъ, что виноваты наши уполномоченные. Полагаютъ, что Морковъ, не надѣясь на добровольное соглашеніе насчетъ исповѣданія. хотѣлъ взять свое путемъ mazarinade и помѣстилъ спорный пунктъ, не обсудивъ его предварительно. Если это такъ, то это очень нелѣпо; соединеніе чванства съ неумѣніемъ взяться за дѣло всегда гибельно при такихъ случаяхъ. Великая княжна сильно потрясена этимъ событіемъ: она больна съ тѣхъ поръ, какъ узнала о разрывѣ (la rupture). Говорятъ, что король уѣдетъ въ четвергъ" [2]).

О положеніи дѣлъ въ Петербургѣ въ эти дни мы узнаемъ кое-что изъ слѣдующихъ писемъ.

Императрица писала къ Маріи Ѳеодоровнѣ (безъ числа): „Le cousin Gustave aura son paquet, comme j'espère".

Графъ Н. И. Салтыковъ писалъ къ великому князю, 16-го сентября, пополудни въ 4 часа: „Государыня изволила приказать вамъ сказать, что по теперешнему положенію съ королемъ весьма согласна и ея величество, чтобы вамъ для прощанія сюда не пріѣзжать, а по точномъ назначеніи его отсюда отъѣзда черезъ письмо съ нимъ распрощаться. Если же бы обстоятельства, между тѣмъ, и положеніе дѣлъ перемѣнились, то ея величество обѣщаетъ васъ увѣдомить. О положеніи дѣлъ съ королемъ государыня приказала вамъ сказать, что теперь оныя все въ той же нерѣшимости, какъ вы ихъ оставили. Всѣ вообще согласны на все требуемое,

---

[1]) Р. Старина, IX, 488—489.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 320—321.

кромѣ короля, а онъ не умѣетъ рѣшиться и все упрямствуетъ, а затѣмъ всѣ они у ея ногъ и, какъ поляки говорятъ,—государыня приказала мнѣ точно тѣми словами и вамъ сказать, — что *уже леже*. Сегодня, думаю, будетъ опять съ министрами конференція, но сіе, считаю, государыня дозволитъ единственно изъ снисхожденія къ ихъ просьбѣ, а ничего рѣшительнаго быть не можетъ и поѣдутъ ни съ чѣмъ".

На другой день Салтыковъ же писалъ: „Сейчасъ получилъ я приказаніе ея величества писать къ вамъ, что хотя вчерась государыня черезъ меня-жъ и приказала, что нѣтъ надобности, чтобъ ваше высочество для распрощанія съ королемъ сюда пріѣзжали; но какъ нерѣшимость дѣлъ, положеніе коихъ вамъ извѣстно черезъ описаніе отъ ея величества, вамъ сдѣланное, требуетъ при разставаніи распроститься съ пристойной вѣжливостью, то и разсуждаетъ ея величество нужнымъ, чтобъ ваше высочество завтра сюда пріѣхали и завтра-жъ здѣсь съ королемъ простились, потому что завтра назначено королю и съ государынею прощаться, дабы онъ могъ въ пятницу уже, а по крайней мѣрѣ поутру рано въ субботу, выѣхать, а инако онъ долженъ будетъ еще здѣсь промедлить. А затѣмъ государыня приказала мнѣ присовокупить и то, что если вы не находите себя расположенными прощаться съ королемъ съ ласковою вѣжливостью, въ такомъ случаѣ оставляетъ ея величество на волю вашу и чрезъ письмо съ нимъ распроститься, сказавъ ему, что здоровье ваше не дозволило вамъ самимъ пріѣхать. Итакъ, исполнивъ приказаніе, мнѣ данное, если не изволите сами быть, буду ожидать вашего приказанія" [1]).

Около этого же времени, еще до отъѣзда короля, императрица узнала о стараніяхъ Густава уговорить невѣсту къ переходу въ протестантизмъ. Объ этомъ обстоятельствѣ узнали и въ публикѣ, какъ видно изъ замѣчанія въ мемуарахъ князя Адама Чарторыжскаго [2]). Екатерина 19-го сентября писала Будбергу: „Король, желая по многимъ причинамъ союза со мною, избиралъ выраженія двусмысленныя, неопредѣленныя, темныя и вызывающія сомнѣнія каждый разъ, какъ дѣло шло о вопросѣ религіи. Это доказывается слѣдующимъ фактомъ: великая княгиня-мать думала, что король чувствуетъ сильное расположеніе къ ея дочери, потому что онъ часто говорилъ съ нею довольно долго шопотомъ. Теперь я разузнала, каковы были эти разговоры; оказывается, что онъ

---

[1]) Р. Старина, IX, 489—491.
[2]) I, 121.

говорилъ вовсе не о своихъ чувствахъ, а что бесѣды его касались исключительно религіи. Онъ старался обратить ее въ свое вѣроисповѣданіе подъ величайшимъ секретомъ, взявъ съ нея обѣщаніе не говорить объ этомъ ни одной живой душѣ. Онъ говорилъ, что хочетъ читать съ нею библію и самъ объяснять ей догматы; что она должна пріобщиться съ нимъ вмѣстѣ, въ тотъ день, когда онъ возложитъ на нее корону, и пр., и пр. Она отвѣчала ему, что не сдѣлаетъ ничего безъ моего совѣта. Но королю всего 17 лѣтъ, и онъ, занятый только своими богословскими идеями, не предвидитъ въ будущемъ важныхъ послѣдствій, которыя повлекло бы за собою и для него, и для великой княжны, принятіе ею другой религіи" [1]).

Особенно любопытно на этотъ счетъ письмо Екатерины къ великому князю, отъ 17-го сентября. Тутъ сказано: „Я желала узнать о расположеніи духа Александрины и въ то же время разъяснить фактъ, на который шведы ссылались, какъ на неотразимый и убѣдительный. По этому поводу я позвала ее къ себѣ и приказала генеральшѣ Ливенъ выйти въ другую комнату. Дѣло въ томъ, что король увѣрялъ, будто Александрина ему обѣщала перемѣнить вѣроисповѣданіе и перейти въ лютеранское, въ удостовѣреніе чего подала ему свою руку. Зная, что Александрина видалась съ королемъ не иначе какъ въ присутствіи великой княгини, своей матери, своей гувернантки, сестры, регента, посланника и однажды своего брата и невѣстки, то я и спросила у нея, что̀ онъ ей говорилъ о религіи? Она мнѣ отвѣчала съ свойственною ей искренностью и простодушіемъ, что онъ ей говорилъ, будто въ день коронаціи она должна пріобщаться вмѣстѣ съ нимъ. На что̀ она ему отвѣчала: „Охотно, если это можно и если бабушка на это согласится". Послѣ того онъ еще разъ говорилъ ей объ этомъ вопросѣ, и она постоянно предлагала ему обратиться ко мнѣ. Я у нея спросила, давала ли она королю свою руку въ знакъ удостовѣренія по этому поводу? Она отрицала это съ совершенно естественнымъ испугомъ, говоря: „Никогда, никогда въ жизни!" Тогда я сказала: „Значитъ, они солгали на вашъ счетъ. Видите ли, какъ надобно быть осторожной съ людьми". Затѣмъ я повторила ей все, что̀ просила васъ ей передать, съ цѣлью укрѣпить и возвысить ея умъ и душу. Я нашла въ ней всѣ чувства, какія только можно было бы ей пожелать. Прекрасная, какъ день, спокойная, простодушная,—она очаровательна. А впрочемъ, дѣла въ томъ же видѣ, въ какомъ

[1]) Сб. Ист. Общ., IX, 317, 318.

вы ихъ оставили. Шведскій посланникъ забавно бормочетъ и самъ не понимаетъ что̀; регентъ въ отчаяніи написалъ мнѣ самое покорное письмо, прося прощенія за племянника по случаю сцены, происшедшей въ пятницу утромъ. Выдался такой день, въ который весь шведскій дворъ, всѣ, начиная съ короля и регента до послѣдняго слуги, съ утра до вечера перессорились во всѣхъ этажахъ дома, послѣ чего каждый слегъ въ постель, сказавшись больнымъ. Два дня сряду я посылала освѣдомляться о ихъ здоровьѣ; третьяго дня, вечеромъ, ко мнѣ приходилъ регентъ съ просьбою возобновить переговоры, потому что онъ, регентъ, выдалъ и подписалъ полномочія. Я отвѣчала, что подумаю. Дѣйствительно, вчера состоялась конференція, на которой было рѣшено, что ратификація короля послѣдуетъ черезъ два мѣсяца, то-есть, послѣ его совершеннолѣтія. Тогда объяснится: фанатизмъ ли это былъ съ его стороны, или навѣты регента. Всѣ шведы въ отчаяніи. Рейхсгерры хотѣли подать въ отставку. Теперь упрямый мальчикъ вздумалъ послать въ Швецію Эссена для того, чтобы получить мнѣніе своей консисторіи и своего духовника о томъ, можетъ ли онъ включить въ договоръ отдѣльную статью о религіи? Я замѣтила регенту, не компрометтируютъ ли они тѣмъ самымъ свою власть? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что съ этимъ упрямымъ и заносчивымъ ребенкомъ нельзя поступать иначе... Говорятъ, что они уѣзжаютъ въ пятницу“ [1]).

О дѣлахъ и переговорахъ въ эти дни императрица писала подробнѣе генералу Будбергу 17-го сентября слѣдующее:

„15-го шведскій посолъ просилъ меня дать ему аудіенцію, такъ какъ онъ имѣетъ сказать мнѣ нѣчто важное. Я приняла его въ присутствіи князя Зубова и графа Моркова. Онъ бормоталъ намъ слова, которыя не имѣли никакого смысла и которыхъ ни одинъ изъ насъ троихъ не понялъ. Когда онъ кончилъ, я сказала ему, что не поняла, что̀ онъ говорилъ, и просила его повторить, что̀ онъ и сдѣлалъ; но, какъ и въ первый разъ, никто изъ насъ не понялъ ничего. Мы поняли только, что его превосходительство самъ не знаетъ, что̀ говоритъ. Уходя, онъ много на меня жаловался, потому что я дала ему говорить все что̀ хочетъ, слушая его со вниманіемъ. Спустя часъ пришелъ ко мнѣ регентъ и просилъ приказать возобновить переговоры. Я легко поняла, что это было необходимо для личнаго оправданія его передъ народомъ, и какъ, кромѣ того, полномочіе, данное тремъ сановникамъ, было подписано регентомъ, то я согласилась на его

¹) Р. Старина, IX, 491—492.

просьбу, надѣясь, что такимъ образомъ статья о свободѣ вѣроисповѣданія будетъ также подписана. Сегодня, 17-го сентября, договоръ подписанъ, но съ оговоркою, что онъ останется безъ исполненія, если чрезъ два мѣсяца, когда наступитъ совершеннолѣтіе короля, онъ не согласится его утвердить, что̀ мнѣ кажется крайне подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что черезъ часъ послѣ подписанія договора, когда король и регентъ, испросивъ свиданіе, пришли ко мнѣ, то въ теченіе часа не было сказано ни одного слова о договорѣ, и, уже собравшись уходить, король подошелъ ко мнѣ и вручилъ опять свое письмо отъ 11-го сентября, которое, какъ вы увидите, онъ кончаетъ словами, что „всякая переписка безполезна", что̀ относится, слѣдовательно, и до трактата. Итакъ, мнѣ остается только ждать, утвердитъ или не утвердитъ онъ черезъ два мѣсяца трактатъ, заключенный регентомъ. Надо признаться, что странный характеръ, который король обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ, совершенно уничтожилъ выгодное мнѣніе, которое о немъ было составлено. Говорятъ, что съ этимъ курьеромъ посылаютъ въ Швецію приказаніе узнать мнѣніе консисторіи и духовника короля о томъ, можно ли, не насилуя совѣсть, включить въ договоръ статью о свободномъ исповѣданіи религіи, въ которой великая княжна рождена и воспитана, тогда какъ статья эта уже подписана. Вотъ для свѣденія вашего все, что̀, по моему мнѣнію, вамъ необходимо знать для того, чтобы вы могли во̀время и у мѣста опровергнуть клеветы и возстановить строгую истину. Насколько желательна для меня эта вещь сама по себѣ, настолько же, признаюсь вамъ, она начинаетъ отталкивать меня (me donner du dégoût), вслѣдствіе непріятностей, которыя влечетъ за собою; характеръ молодого человѣка не блестящъ, какъ теперь оказывается.

„Говорятъ, что завтра они хотятъ уѣхать. Слава Богу!" [1])

О заключеніи договора и о предстоявшемъ отъѣздѣ шведскихъ гостей Екатерина писала Павлу 18-го сентября слѣдующее: „Вчера мы съ регентомъ подписали предварительный договоръ. Обмѣнъ ратификацій произойдетъ черезъ два мѣсяца, или, если возможно, ранѣе, послѣ совершеннолѣтія короля. Увидимъ, что̀ изъ этого будетъ. Они откланяются сегодня вечеромъ. Они вамъ пишутъ на прощанье письма, любезный сынъ, а вы имъ отвѣтите въ учтивыхъ и ласковыхъ выраженіяхъ. Они простятся съ вашими сыновьями и ихъ супругами, но ваши четыре дочери должны быть всѣ нездоровы простудою" [2]).

---

[1]) Сб. Ист. Общ., IX. 307—309.

[2]) Русск. Старина, IX, 494.

Въ публикѣ зорко слѣдили за всѣмъ происходящимъ при дворѣ, и все еще надѣялись на устройство брака. Въ письмѣ княгини Голицыной отъ 18-го сентября сказано: „Говорятъ, что навѣрное король уѣзжаетъ послѣ-завтра; вчера онъ былъ у императрицы и сегодня еще разъ, чтобы откланяться; говорятъ, что все опять устроилось и что вчера онъ подписалъ требуемую отъ него бумагу о непринужденіи великой княжны къ перемѣнѣ религіи. Съ нашей стороны тоже сдѣлано то, чтò требовали шведы, а именно уплата той субсидіи, которую получали отъ Франціи, т.-е. четыре милліона; но бумагами этими не размѣнялись и обрученія не будетъ; онъ уѣдетъ, не простившись ни съ великою княжною, ни съ великимъ княземъ-отцомъ, ни съ великою княгинею; они въ Гатчинѣ; подписанными бумагами размѣняются только черезъ три мѣсяца; когда ему минетъ совершеннолѣтіе, оттуда пришлютъ просить руки великой княжны, и послѣ свадьбы она уѣдетъ въ Швецію, но не ранѣе будущей весны. Впрочемъ, я очень боюсь, что эти проклятые шведы, возвратясь къ себѣ домой, передумаютъ, и такъ какъ имъ деньги очень нужны, то пожалуй они не откажутся, если французы вмѣсто 4 милліоновъ предложатъ имъ шесть. Король долго былъ нездоровъ и только вчера ѣздилъ ко двору. Вотъ чтò до сихъ поръ извѣстно о шведскихъ дѣлахъ“ [1]).

Татищевъ писалъ (18-го сентября) о ходѣ переговоровъ и о конференціи, въ которой былъ подписанъ договоръ и въ которой, по его словамъ, болѣе другихъ говорилъ Безбородко. „Все устроено, —продолжаетъ Татищевъ,—сообразно желаніямъ императрицы. Великая княжна остается въ своемъ вѣроисповѣданіи и будетъ имѣть часовню. Ратификація со стороны герцога должна была происходить сегодня; ратификація со стороны короля воспослѣдуетъ послѣ объявленія его совершеннолѣтнимъ. Его образъ дѣйствій не ясенъ; онъ упорно молчитъ, какъ будто все это относилось не къ нему, а къ другому лицу; онъ ничего не одобряетъ, ни съ чѣмъ не соглашается. Обрядъ обрученія не состоится; я думаю, что есть опасеніе компрометтироваться. Впрочемъ, развязка приближается, потому что онъ (король) будетъ совершеннолѣтнимъ 1-го ноября. Шведы ждутъ только пріѣзда великаго князя, который въ Гатчинѣ; говорятъ, что онъ завтра пріѣдетъ, и тогда король уѣдетъ въ субботу или въ воскресенье“ [2]).

Еще до отъѣзда короля императрица о положеніи дѣлъ пи-

[1]) Истор. Вѣстникъ, XXX, 105—106.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 322.

сала (19-го сентября) Будбергу слѣдующее: „Изъ письма моего отъ 17-го сентября вы знаете о всей исторіи, которая произошла во время пребыванія у меня шведскаго двора; въ настоящемъ я сообщу вамъ нѣкоторыя мысли, порожденныя въ умѣ моемъ странными поступками, которые мы видѣли. Прежде всего несомнѣнно и рѣшено, да и сами они въ этомъ сознаются, что герцогъ и Рейтергольмъ потеряли довѣріе короля; я приписываю это собственному ихъ поведенію; они въ теченіе многихъ лѣтъ старались отклонить его отъ союза съ Россіею и, чтобы достичь того сколь возможно вѣрнѣе, избрали средство, которое нашли въ умѣ молодого короля. Они выбрали для него ригориста-духовника и постоянно внушали королю, что онъ потеряетъ любовь и преданность своихъ подданныхъ, если женится на женщинѣ не одной съ нимъ вѣры. Когда въ Швеціи былъ объявленъ бракъ короля съ принцессою мекленбургскою, они въ самомъ манифестѣ объ этомъ бракѣ подробно распространились о счастіи, которое приноситъ бракъ между лицами одной вѣры. Когда затѣмъ король объявилъ, что не желаетъ этого союза, и когда они рѣшились прибыть сюда и хлопотать о союзѣ со мною, они поставлены были въ крайнюю необходимость проповѣдовать противное ученіе. Король, пропитанный прежнею ихъ моралью, побивалъ ихъ собственными ихъ словами, которыя они проповѣдовали и которыхъ держались до сихъ поръ. Но какъ въ дѣйствительности король, по многимъ основаніямъ, желалъ союза со мною, онъ думалъ найти къ этому средство“, и пр. Разсказавъ о надеждѣ короля обратить невѣсту въ протестантскую вѣру, императрица продолжаетъ: „Первымъ послѣдствіемъ этого легкомысленнаго поступка было бы то, что она потеряла бы всякое расположеніе къ себѣ въ Россіи, что ни я, ни отецъ ея, ни мать, ни братья, ни сестры не увидѣли бы ее во всю жизнь и что она никогда не осмѣлилась бы пріѣхать въ Россію, вслѣдствіе чего потеряла бы всякое расположеніе къ себѣ и въ Швеціи и осталась бы съ довольно значительнымъ приданымъ во власти страны, нуждающейся и корыстной, которая не замедлила бы мало-по-малу обобрать у нея, подъ предлогомъ государственныхъ нуждъ, ея деньги и другія драгоцѣнныя вещи. Такъ какъ она не имѣла бы покровительства Россіи, то всякій договоръ былъ бы нарушенъ, и она осталась бы при одной только лютеранской религіи. Самъ король, не имѣя ни помощи, ни, такъ сказать, покровительства Россіи, подвергся бы опасности быть во всѣхъ своихъ дѣлахъ предоставленнымъ самому себѣ, и ему больше всего пришлось бы опасаться за свое политическое существованіе. Іезуитскій образъ дѣйствій, приня-

тый его величествомъ, безъ сомнѣнія, не дѣлаетъ чести его характеру; прибавьте къ этому упрямство, съ которымъ онъ вообразилъ себѣ, что похожъ на Карла XII; онъ не хочетъ знать вещей вполнѣ очевидныхъ и обнаруживаетъ недостатокъ ума. Все это вмѣстѣ, сказать вправду, не подаетъ большихъ надеждъ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого рекомендую вамъ держаться совершенно въ сторонѣ, не дѣлая ни малѣйшихъ попытокъ до новыхъ приказаній. Не говорите ни слова; не настаивайте на утвержденіи трактата, а предоставьте королю дѣлать все, что̀ ему угодно, и оставайтесь пассивнымъ зрителемъ. Кромѣ этого я должна васъ предупредить, что регентъ въ ужасномъ страхѣ, что онъ боится даже за свою голову и говоритъ, что если что-нибудь можетъ его спасти, то именно трактатъ, который только-что заключенъ. Можете судить, въ какихъ отношеніяхъ находится онъ съ королемъ. Достаточно любезно поговорить съ однимъ, чтобы другой тотчасъ же возъимѣлъ подозрѣнія. Я знаю, что король былъ очень недоволенъ, когда на балу у посла, гдѣ все казалось уже улаженнымъ, регентъ въ сердечной радости поцѣловалъ мою руку и я поцѣловала его. Съ другой стороны, если говорятъ нѣсколько времени съ королемъ, у регента возникаютъ подозрѣнія. Говорятъ, что посолъ Стединкъ перешелъ на другую сторону и промѣнялъ дружбу Рейтергольма на дружбу Флемминга. Этотъ молодой человѣкъ началъ здѣсь съ того, что объявилъ себя другомъ короля и лицомъ, наиболѣе приближеннымъ къ его особѣ. Онъ не любитъ регента; Рейтергольмъ жаловался здѣсь на это. Онъ старался упрочить ему здѣсь репутацію молодого фата, сильнаго ханжи, совершенно въ родѣ его отца, и который, льстя королю, обладаетъ огромнымъ честолюбіемъ и старается вытѣснить его, Рейтергольма. Флеммингъ и король имѣютъ одну общую черту: глубокую меланхолію, изъ коей первый не выходитъ никогда, а второй очень рѣдко. Вообще свита гг. графовъ, хотя и довольна пріемомъ, выказываетъ холодность и гордость, не хваля почти ничего и постоянно отыскивая для всего сравненія съ тѣмъ, что̀ есть у нихъ. Напр., зала св. Георгія походитъ будто на одну стокгольмскую церковь; не забудьте сообщить мнѣ, на какую. Театръ Эрмитажа походитъ на тотъ, который находится въ одной изъ башенъ древняго Грипсгольмскаго замка, и т. п. Все это я охотно имъ извиняю и смотрю на это какъ на проявленіе скрытой зависти. Вы сообщите мнѣ точно и подробно обо всемъ, что̀ произойдетъ по возвращеніи ихъ въ Швецію. Они были весьма смущены эти послѣдніе 8 дней, но ссорились между собою болѣе чѣмъ когда-либо. Если вы увидите, что дѣйствительно жизни или

свободѣ регента будетъ грозить серьезная опасность, вы заплатите ему добромъ за зло, которое онъ старался намъ дѣлать прежде, и будете ревностно стараться о его спасеніи; объ этомъ я васъ особенно прошу. Я должна предупредить васъ, что расположеніе къ молодому королю здѣсь уже чрезвычайно упало. Когда публикѣ сдѣлалась извѣстна причина скандала 11-го (22-го) сентября, всѣ удалялись отъ него, какъ отъ зачумленнаго. 18-го сентября король и регентъ пришли ко мнѣ, между 6 и 7 часами вечера, проститься; я приняла ихъ въ бриллiантовой комнатѣ при закрытыхъ дверяхъ. Какъ только они вошли, регентъ сказалъ мнѣ:—Король желаетъ бесѣдовать съ вашимъ величествомъ одинъ, безъ свидѣтелей,—и въ ту же минуту онъ повернулся и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Когда регентъ ушелъ, я пригласила короля сѣсть со мною на диванъ; онъ затруднялся нѣсколько сѣсть отъ меня по правую руку, что̀ случалось съ нимъ въ подобныхъ случаяхъ; наконецъ, онъ сѣлъ. Тогда онъ началъ говорить рѣчь, которая мнѣ показалась приготовленною заранѣе. Сначала онъ благодарилъ меня за пріемъ, который былъ ему оказанъ, говорилъ, что память о немъ и благодарность онъ сохранитъ на всю жизнь, что онъ весьма огорченъ тѣмъ, что непредвидѣнныя затрудненія помѣшали исполненію желанія его сблизиться со мною еще тѣснѣе; что онъ приказалъ написать въ Швецію для узнанія мнѣнія консисторіи; что это нисколько не умаляетъ его власти, чего я, повидимому, опасаюсь, такъ какъ онъ несовершеннолѣтній; что онъ дѣйствовалъ по совѣсти и вслѣдствіе совершеннаго знанія своего народа, преданность коего ему слѣдуетъ сохранить.

„Я дала ему высказать все, что онъ хотѣлъ, слушала его съ большимъ вниманіемъ и съ самымъ серьезнымъ видомъ, сохраняя при этомъ глубокое молчаніе. Когда онъ кончилъ и замолчалъ, я сказала ему, что мнѣ пріятно слышать, что онъ доволенъ пріемомъ, который я ему сдѣлала, и что онъ сохранитъ память объ этомъ пріемѣ; что касается препятствій къ болѣе тѣсной между нами связи, то мнѣ они кажутся также весьма прискорбными; что и я, также какъ онъ, дѣйствовала сообразно моимъ убѣжденіямъ и обязанностямъ. Когда я кончила, онъ началъ расхваливать мою внуку и спрашивалъ меня о ея здоровьѣ; я сказала ему, что всѣ четверо больны простудою; онъ снова заговорилъ о томъ, что онъ огорченъ тѣмъ, что вопросъ о религіи вызвалъ препятствія исполненію его желаній. Такъ какъ вмѣсто рѣчей, приготовленныхъ заранѣе, начался уже простой разговоръ, то я ему сказала, между прочимъ:—вы должны сами знать, что̀ вамъ слѣдуетъ дѣлать, и вольны дѣлать все, что̀

вамъ угодно, но я не могу перемѣнить моего мнѣнія, а мнѣніе это таково, что вамъ вовсе не слѣдовало бы говорить о религіи; этимъ вы сами себѣ наносите большой вредъ, такъ какъ еслибы когда-нибудь моя внука была настолько слаба, что согласилась бы перемѣнить религію, знаете ли, что̀ изъ этого бы вышло? Она потеряла бы всякое уваженіе къ себѣ въ Россіи, а вслѣдствіе того и въ Швеціи. Относительно послѣдняго онъ хотѣлъ оспорить мое мнѣніе; я сказала ему: пусть такъ, но на что̀ же вамъ она, если она потеряетъ уваженіе къ себѣ въ Россіи? Это, повидимому, поразило его, и онъ замолчалъ. Молчаніе продолжалось долго; потомъ, поговоривъ о погодѣ, я предложила пригласить регента. Король подошелъ къ двери, чтобы его позвать. Когда онъ вошелъ, мы простились; я позвала свиту, и они удалились. Во все время разговора моего съ королемъ онъ не произнесъ ни одного слова о трактатѣ: утвердитъ ли онъ его, или нѣтъ. Онъ сказалъ только, что полагалъ достаточнымъ данное имъ слово. На это я отвѣчала ему, что на словахъ можно согласиться о принципѣ, но что выводы изъ принциповъ и ихъ развитіе между государствами дѣлаются на письмѣ. Я сказала ему еще, что до совершеннолѣтія ему лучше не предпринимать ничего относительно этого дѣла.

„При этомъ письмѣ я прилагаю журналъ до 11-го (22-го) сентября. Если нужно, вы можете приказать перевести его и напечатать весь или отчасти. Шведскій дворъ выѣзжаетъ отсюда 20-го сентября рано утромъ“ [1]).

Въ другомъ, также собственноручномъ, письмѣ Екатерины къ Будбергу, очевидно писанномъ съ цѣлью, чтобы послѣдній могъ, въ случаѣ надобности, показывать это письмо кому угодно, сказано (19-го сентября): „Предписываю вамъ объявить въ Швеціи, когда представится къ тому случай, что съ этого времени Швеція должна знать, какъ вопросъ государственный и непоколебимый принципъ, что великая княжна Александра, если когда-либо она сдѣлается королевою Швеціи, останется въ греческой вѣрѣ, безъ чего она будетъ безполезна, если не совершенно вредна въ Швеціи“ [2]).

Объ отъѣздѣ шведовъ сказано въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: „По утру (20-го сентября) графъ Гага и графъ Ваза отправились съ своею свитою обратно въ свое отечество, оставивъ здѣсь послѣ себя пріятное впечатлѣніе, произведенное личными

---

[1]) Сб. Ист. Общ., IX, 316—323.
[2]) Сб. Ист. Общ., IX, 324.

ихъ качествами, и удостоивъ своего благоволенія всѣхъ тѣхъ, кои имѣли честь быть съ ними въ какомъ-либо сношеніи или оказать имъ свои услуги" [1]).

Прусскій посланникъ Тауенцинъ, донося своему двору объ отъѣздѣ короля, замѣтилъ: „Король не простился ни съ великою княжною Александрою Павловною, ни съ великимъ княземъ и великою княгинею, которые были въ Гатчинѣ. Осталось не только взаимное недовѣріе, но холодность и раздраженіе съ обѣихъ сторонъ" [2]).

Однако все еще надѣялись на успѣхъ. Голицына писала своему двоюродному брату 22-го сентября: „Король уѣхалъ; все соглашено, какъ я вамъ писала въ послѣднемъ письмѣ; онъ сдѣлалъ богатые подарки всѣмъ вельможамъ: князю Зубову, Безбородкѣ, Моркову и камергерамъ, которые находились при немъ во время большихъ обѣдовъ во дворцѣ" [3]) и пр. И у Массона говорится о богатыхъ подаркахъ короля, удивившихъ русскихъ вельможъ, свысока смотрѣвшихъ на молодого монарха, какъ на „бѣднаго мальчишку" [4]).

Докторъ Роджерсонъ писалъ Воронцову: „Король уѣхалъ. Между тѣмъ были возобновлены переговоры и трактатъ подписанъ. Мы будемъ платить субсидію. Императрица не желала вновь заняться вопросомъ о бракѣ; все это оставлено до совершеннолѣтія короля; да и не слѣдовало поднимать всего этого. Король не видѣлъ великой княжны, которая послѣ всего этого заболѣла. Думаютъ, что все уладится. Они уважаютъ, быть можетъ, даже любятъ другъ друга. Князь Зубовъ былъ четвертымъ уполномоченнымъ при переговорахъ. До случившагося переполоха Остерманнъ и Безбородко ни въ чемъ не были спрошены. Король сдѣлалъ великолѣпные подарки. Онъ, кажется, прекрасно воспитанъ, держитъ себя съ достоинствомъ; говорятъ, что онъ уменъ. По крайней мѣрѣ, онъ пока очень выгодно отличается отъ нашихъ; однако трудно предвидѣть будущее развитіе сихъ послѣднихъ; все можетъ измѣниться. Въ день отъѣзда король отправилъ одного изъ своихъ кавалеровъ въ Гатчину съ прощальнымъ письмомъ къ великому князю. Однимъ словомъ, вся суматоха вышла лишь оттого, что мы спѣшили чрезъ мѣру и недостаточно знали почву, по которой шли; дѣйствовали прыжками, вмѣсто того, чтобы сглаживать осторожно опасныя мѣста. Во

[1]) С.-Пет. Вѣд. № 77, 23 сент. 1796.
[2]) Берлинскій архивъ.
[3]) Истор. Вѣстникъ, XXX, 106.
[4]) Mémoires secrets, I, 29.

время неизвѣстности, продолжавшейся три дня, всѣ кинулись на графа Моркова, но теперь, такъ какъ можно ожидать хорошаго исхода, все это прекратилось" [1]), и пр.

Въ день отъѣзда короля великая княгиня писала къ императрицѣ: „Милости ваши, дражайшая матушка, къ нашей Александринѣ проницаютъ меня тою живою благодарностью, которая проистекаетъ изъ живѣйшаго чувства природы. Что касается до поведенія короля, то я смотрю на него какъ на поведеніе суевѣрнаго ребенка, набитаго ханжествомъ, внушеннымъ ему, можетъ быть, воспитаніемъ и, повидимому, поддерживаемымъ въ немъ въ настоящее время его окружающими. Должно надѣяться, что года и разсудокъ явятся къ нему на помощь и покажутъ ему, какъ онъ самъ разрушилъ счастье, которое ваше имп. величество готовили ему: я этого желаю отъ всего моего сердца. Мой мужъ поручаетъ мнѣ сообщить вамъ, любезнѣйшая матушка, что до сей минуты мы не получили ни отъ короля, ни отъ регента ни письма, ни посланія: да будетъ сіе извѣстно вашему величеству" [2]).

Императрица отвѣчала: „Сію минуту получила я ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь. Если шведскій король суевѣрный ребенокъ и ханжа, то къ этому надобно еще прибавить, что онъ до крайности упрямъ, въ чемъ думаетъ походить на Карла XII, а это также мало говоритъ въ пользу зрѣлости его разсудка. Вы, вѣроятно, знаете чрезъ графа Салтыкова, что регентъ говорилъ нѣсколькимъ лицамъ о своемъ намѣреніи проститься письменно. Имѣю поводъ думать, что король плохо владѣетъ перомъ; если они вамъ не напишутъ, вамъ придется писать однимъ отвѣтомъ меньше, и это послужитъ доказательствомъ того, чего слѣдуетъ отъ нихъ ожидать. Вы, можетъ быть, наканунѣ дня, въ который регентъ и Рейтергольмъ вернутся сюда искать пріюта" [3]).

На другой день Марія Өеодоровна писала императрицѣ: „Вчера подъ вечеръ къ намъ прибылъ отъ короля и регента г. Дженнингсъ [4]), имѣвшій порученіе словесно передать намъ свои прощальныя привѣтствія, на которыя мы отвѣчали также словесно. По внутреннему моему чувству, основанному, какъ мнѣ кажется, на началахъ здраваго разсудка, я надѣюсь, что самое непреклонное упорство должно будетъ преклониться предъ великодушными дѣйствіями в. в—а" [5]).

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, XXX, 68—69.

[2]) Р. Старина, IX, 495.

[3]) Р. Старина, IX, 496.

[4]) Секретарь шведскаго посольства.

[5]) Р. Старина, IX, 496—497.

Не раньше какъ на пути въ Швецію герцогъ-регентъ написалъ слѣдующія письма. Къ великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ онъ писалъ 23-го сентября: „Милостивая государыня, сестра и кузина! Дружелюбіе, съ которымъ в. и. высочество изволили принять меня, и милости ваши, оказанныя мнѣ во время моего пребыванія въ Россіи, дозволяютъ мнѣ надѣяться, что вы не примете въ дурную сторону, если я, въ минуту удаленія моего изъ мѣстъ, гдѣ вы обитаете, осмѣливаюсь выразить вамъ мои живѣйшія сожалѣнія въ томъ, что не могъ лично засвидѣтельствовать вамъ мою признательность. Но если непредвидѣнныя обстоятельства лишили меня этого счастья, то примите, м. г., въ эту минуту дань моей искренней привязанности и живѣйшаго желанія доказать ее вамъ. Какъ ни печальна для меня эта минута, я, однако, не теряю надежды видѣть вскорѣ осуществленіе моихъ желаній въ счастливомъ союзѣ, который упрочитъ счастіе двухъ націй; это будетъ предметомъ моихъ заботъ и цѣлью всѣхъ моихъ желаній. Благоволите сохранить меня въ вашей памяти. Эта драгоцѣнная надежда будетъ единственной отрадой, которая одна можетъ смягчить печаль, какую я испытываю въ минуту удаленія отъ вашей августѣйшей особы". Въ письмѣ герцога къ Павлу Петровичу сказано: „Каковы бы ни были обстоятельства, я всегда пребуду вамъ преданъ, и еще не отчаяваюсь имѣть счастіе обнять васъ, какъ родственника вдвойнѣ дорогого и уважаемаго". Великая княгиня отвѣчала: „Милостивый государь, братъ мой и кузенъ! Лестныя выраженія, въ которыхъ ваше королевское высочество свидѣтельствуете ваши чувства и сожалѣнія по случаю разлуки съ нами, заранѣе обезпечиваютъ вамъ мою благодарность. Касательно моихъ чувствованій осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что они извѣстны в. кор. высочеству, и вы можете быть увѣрены, что я никогда не утрачу ни воспоминанія о минутахъ, въ которыя я имѣла честь васъ видѣть, ни живѣйшаго желанія, чтобы они опять возобновились. Я выражаю в. к. высочеству желанія, истолкованіе которыхъ вы найдете въ вашихъ собственныхъ" [1]).

Какъ видно, обѣ стороны все еще надѣялись на благопріятное окончаніе дѣла. Но всѣ чувствовали всю трудность положенія, вслѣдствіе диссонанса, случившагося 11-го сентября. Державинъ писалъ къ Дмитріеву 6-го октября: „Здѣшніе праздники шумные исчезли какъ дымъ; по сію пору не знаемъ, что впредь будетъ; а потому и всѣ громы поэтовъ погребены подъ спудомъ,

[1]) Р. Старина, IX, 497—498.

для того и я мою бездѣлицу [1]) не выпускаю; аще же возсіяетъ благодать, пріидетъ желанный бракъ, они воскреснутъ, то я тотчасъ къ вамъ ихъ сообщу" [2]).

О мѣрѣ личнаго раздраженія императрицы Екатерины можно судить по слѣдующимъ ея письмамъ. Къ генералу Будбергу она писала 1-го октября: „Изъ моихъ писемъ отъ 17-го и 19-го сентября вы знаете, съ какою искреннею дружбою я приняла короля шведскаго и регента и какимъ чернымъ вѣроломствомъ мнѣ за это заплатили. Они сдѣлали мнѣ честь принять меня за дуру, которую легко обмануть, и въ то время, когда составлялся трактатъ, самъ король старался, въ величайшемъ секретѣ, обратить въ свою вѣру мою внуку. Теперь, говорятъ, король опечаленъ болѣе всего тѣмъ, что съ 10-го сентября его апостольскіе труды были прерваны, такъ какъ съ этого дня онъ не видѣлъ болѣе моей внуки. Она сама желала остаться въ своихъ покояхъ. Я уже сказала вамъ, что, видя совершенное отсутствіе искренности въ этихъ людяхъ, я не только сильно охладѣла, но даже получила отвращеніе ко всему, что касается ихъ дѣлъ. Мнѣ рѣшительно все равно: подпишетъ ли король по достиженіи совершеннолѣтія или не подпишетъ трактатъ, заключенный между регентомъ и мною. Я приказала послать вамъ копію съ проекта брачнаго договора, который былъ имъ отданъ, и въ которомъ я дѣйствовала, какъ привыкла дѣйствовать всегда, съ откровенностью и великодушіемъ, кои, вмѣсто того, чтобы быть ими оцѣненными, вызвали съ ихъ стороны только недостойные споры. Они взяли его съ собою, и мы никакъ не могли узнать отъ нихъ, что̀ съ своей стороны предназначали они моей внукѣ, хотя брачный контрактъ королевы, матери короля, былъ у нихъ передъ глазами... У этихъ людей нѣтъ вовсе чистосердечія, благородства, откровенности, искренности,—добродѣтелей, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать договоръ твердымъ и продолжительнымъ; какая же можетъ быть увѣренность въ соблюденіи его на будущее время, и не лучше ли не заключать его вовсе? Итакъ, вы не предпримите ничего, чтобы заставить утвердить договоръ, даже не сдѣлаете на то намека, по крайней мѣрѣ, покуда съ вами не заговорятъ объ этомъ; а тогда вы будете дѣйствовать, какъ предписано въ рескриптѣ, который передастъ вамъ камеръ-юнкеръ, баронъ Будбергъ. Онъ же разскажетъ вамъ изустно множество подробностей, которыхъ невозможно изложить письменно. Онъ лично

[1]) Стихотвореніе: „Побѣда красоты".
[2]) Державинъ, Сочиненія, VI, 58.

видѣлъ и слышалъ множество происшедшихъ здѣсь сценъ, вовсе не назидательнаго свойства" [1]), и пр.

Къ В. Зубову Екатерина писала 4-го октября: „Король шведскій и дядя его, герцогъ Сюдерманландскій, были здѣсь со всѣмъ дворомъ своимъ, въ числѣ 23 человѣкъ. Приняты были со всякою честью. Четыре недѣли угощали ихъ и веселили ихъ, колико возможно было. При семъ посылаю къ вамъ дневникъ придворный, что̀ ежедневно происходило. Сіе продолжалось до 11-го [2]) сентября отъ 15-го августа. Но въ день, означенный для сговора, открылось, что вздумали ласку и пріязнь платить обманомъ, почему сговоръ не состоялся, и все дѣло остановилось. И они цѣлые десять дней проводили здѣсь въ скукѣ и въ ежечасной перепискѣ. Наконецъ, регентъ, стоя почти на колѣняхъ, выхлопоталъ, что предварительно съ нимъ заключенъ трактатъ съ точными словами, яко мы требовали; его же величеству оставлено онаго ратификовать по совершеннолѣтствіи своемъ, которое воспослѣдуетъ по нашему штилю 21-го октября, а послѣдній срокъ ратификаціи 17-го ноября. Буде тотъ не послѣдуетъ, то все дѣло разорвано. Самъ король въ великой ссорѣ съ герцогомъ-регентомъ, и всѣ ихъ окружающіе равномѣрно между собою. Многіе изъ нихъ здѣсь же хотѣли подать прошеніе объ увольненіи ихъ, и даже до слугъ никто оставаться у нихъ не хотѣлъ... Вы ко мнѣ непрестанно посылаете хорошихъ вѣстей [3]), а я къ вамъ сообщаю домашнія хлопоты. 20-го сентября гости наши поѣхали во свояси, и Богъ съ ними: надоѣли всѣмъ! Пословица говоритъ: по кафтану встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ; но тутъ не по кафтану, но по достоинству встрѣча бы была: car ils étaient tous vêtus en Crispin [4]), а провожаемы были немногими [5]).

VI. Развязка.

Разлада не произошло. Договоръ между Россіею и Швеціею былъ заключенъ. Можно было ожидать, что король, достигнувъ

---

[1]) Сб. Ист. Общ., IX, 347—349.

[2]) Въ Р. Архивѣ—„долѣ". Кажется, ошибка.

[3]) О персидскомъ походѣ.

[4]) Криспинъ—имя плутоватаго слуги въ итальянскихъ комедіяхъ. Костюмъ шведовъ сначала многимъ нравился, какъ видно, напр., изъ писемъ княгини Голицыной; за то у Массона сказано о Павлѣ Петровичѣ: „le costume des suédois, leurs habits courts, leurs manteaux, leurs rubans et leurs chapeaux ronds suffirent pour lui inspirer une aversion incurable". Mémoires secrets, I, 30.

[5]) Р. Архивъ 1886, I, 275—276.

совершеннолѣтія, не откажетъ въ его ратификаціи, особенно въ томъ случаѣ, если консисторія не сдѣлаетъ какого-либо затрудненія по вопросу о религіи.

Дѣло, какъ казалось, приняло особенно благопріятный оборотъ, что можно было видѣть и изъ донесенія генерала Будберга изъ Стокгольма. До возвращенія короля въ шведскую столицу онъ писалъ: „Эти господа такъ много истолковывали конституцію страны и завѣщаніе покойнаго короля, что утратили способность понимать прямой и ясный смыслъ текста... Густавъ III никогда не предоставилъ бы рѣшеніе этого вопроса своему духовенству, ибо это ниже достоинства короля: подобная попытка послужитъ лишь причиною многихъ затрудненій". Въ донесеніи отъ 30-го сентября, Будбергъ пишетъ: „Пренія въ консисторіи вовсе не были оживленными. Выслушавъ докладъ, члены консисторіи рѣшили единогласно, что религія будущей королевы не можетъ представлять никакого препятствія къ браку, при чемъ сослались на законы страны, которые допускаютъ свободу исповѣданія всѣхъ христіанскихъ религій. Президентъ, г. Троиль, епископъ Флодинъ и духовникъ регента г. Муррей, которому его высочество писалъ нарочно, поспѣшили тотчасъ сообщить ему объ этомъ заключеніи". И графу Моркову Будбергъ писалъ: „Консисторія гораздо менѣе затруднялась, нежели я могъ предполагать, и была менѣе строга (rigoriste), чѣмъ король" [1]).

Въ статьѣ г-на Чумикова встрѣчаются на этотъ счетъ данныя, противорѣчащія другъ другу. Въ текстѣ сказано: „Архіепископъ, докторъ Муррей и другія богословскія знаменитости Стокгольма, къ которымъ обратились за совѣтомъ, настаивали, чтобы будущая королева была избрана не иначе какъ изъ принцессъ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Внушали королю, что если онъ допуститъ, чтобы въ однихъ и тѣхъ королевскихъ покояхъ исповѣдывалась иная вѣра, чѣмъ та, которую самъ онъ исповѣдуетъ, и которая запечатлѣна кровью его предковъ, и эта чужая вѣра будетъ исповѣдываться матерью страны и народа, то онъ поставитъ на карту не только уваженіе къ себѣ народа, но и самый престолъ". Ссылка при этомъ случаѣ: „Изъ напечатаннаго письма архіепископа Троиля и доктора Мюррея къ герцогу". А подъ страницею сказано: „Предложенный на рѣшеніе Стокгольмской консисторіи вопросъ привелъ архіепископа и ея членовъ въ немалое смущеніе. Герцогъ и умолялъ, и требовалъ, чтобы консисторія высказалась за свободу совѣсти; въ противномъ случаѣ, стращалъ

---

[1]) Сб. Ист. Общ., IX, 325—336.

онъ войною и всякими несчастіями. Кромѣ того, не дали консисторіи достаточно времени, чтобы обсудить свое рѣшеніе; секретари Рейтергольма и барона Эссена постоянно тревожили консисторію требованіемъ немедленнаго отвѣта. Собственно говоря, объявленное рѣшеніе консисторіи было не что иное какъ ссылка на законъ о вѣротерпимости 1779 г., касавшійся брака между лицами разнаго вѣроисповѣданія, но безъ примѣненія его къ королю и королевѣ. Архіепископъ и д-ръ Мюррей дѣйствовали особыми путями" (къ этому ссылка: Anteckuningar III) [1]).

Благодаря донесеніямъ Будберга, въ Петербургѣ даже думали, что бракъ состоится. Графъ Н. П. Панинъ писалъ къ князю Репнину: „Регентъ, думавшій или желавшій казаться думающимъ, что сомнѣнія его племянника не имѣютъ основанія, употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить его, но напрасно. Молодой король, убѣжденный, что требуемый актъ лишитъ его расположенія подданныхъ, показалъ энергію и твердость, которыхъ никто не предполагалъ въ немъ. Онъ остался непоколебимымъ до послѣдней минуты, но обнаруживалъ глубочайшую скорбь. Она, конечно, не притворна, если онъ влюбленъ, какъ увѣряютъ. Чтобы оправдать его отъ обвиненій въ упрямствѣ, которыя обыкновенно ему дѣлаютъ, я долженъ замѣтить, что законы Швеціи, относящіеся къ этому вопросу, очень неясны и противорѣчивы; есть, однако, такіе, которые весьма положительно запрещаютъ регентство королевѣ иностраннаго исповѣданія. Этимъ противорѣчіемъ закона объясняется разногласіе шведскихъ министровъ. Они всѣ открыто держали нашу сторону, и извѣстно, что не отъ ихъ усердія зависѣло убѣдить въ этомъ своего монарха. Наконецъ, остановились, какъ на послѣднемъ средствѣ, предложить этотъ вопросъ на обсужденіе стокгольмской консисторіи, ибо съ перваго же дня король объявилъ, что онъ подчинится рѣшенію своего духовенства. Вотъ какимъ образомъ заключенъ союзъ полномочіемъ герцога-регента, безъ всякаго участія короля. Однако послѣдній курьеръ нашего посланника привезъ пріятное извѣстіе, что консисторія не противится нашимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, препятствія представляются отстраненными. Если все это кончится согласно съ нашими желаніями, публичное объявленіе о бракосочетаніи состоится въ началѣ ноября". Двумя недѣлями позже Панинъ (27-го октября) писалъ: „Курьеръ, который привезетъ извѣстіе о совершеннолѣтіи короля, долженъ прибыть на дняхъ. Надѣются, что въ то же время онъ привезетъ ратификацію мо-

---

[1]) Р. Архивъ, 1887, I, 89—90.

лодого монарха, который долженъ утвердить договоры, заключенные во время его пребыванія здѣсь" [1]).

Въ письмахъ княгини Голицыной также высказывается въ это время надежда на благопріятный исходъ дѣла. Такъ, напр., она писала 15-го октября: „Надо предполагать, что изъ Стокгольма получены благопріятныя извѣстія, потому что безъ всякаго повода назначенъ былъ *маленькій эрмитажъ*", и пр. А 23-го октября она писала: „Посмотримъ, чѣмъ насъ обрадуютъ изъ Швеціи? должны скоро прислать предложеніе". Говоря о балѣ, княгиня замѣчаетъ: „Императрица была очень весела: это всегда хорошій знакъ. Говорятъ, пріѣхалъ курьеръ изъ Швеціи съ хорошими вѣстями", [2]) и пр.

Завадовскій писалъ къ Воронцову 16-го октября: „Король шведскій уже въ своей столицѣ. Съ восшествіемъ его на престолъ извѣстное дѣло возьметъ свой маршъ, а до того точность подъ спудомъ. Прежде прибытія королевскаго духовенство шведское дало свое согласіе на церковь греческую. Герцогъ Сюдерманландскій и министерство настоящее со всѣхъ своихъ силъ усердствуютъ событію предположеннаго; но молодой царь имѣетъ свой нравъ холодной и крѣпкой противъ обыкновеннаго юности. Впрочемъ, какъ сомнѣваться въ рѣшимости полезной и персонѣ, и самой націи? Вышедшій болтунъ [3]) не сдѣлалъ занозы дѣйствовавшему министру: все взяли на себя и во опровержение городовой молвы отозвались публично, что имъ довольны" [4]).

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ оказалось не совсѣмъ благопріятнымъ, особенно потому, что сторонники русскаго брака не пользовались довѣріемъ короля. Говоря о праздникѣ, устроенномъ въ честь короля по случаю его возвращенія въ шведскую столицу, Будбергъ писалъ: „Король былъ печаленъ и утомленъ. Онъ не потрудился даже сколько-нибудь выразить удовольствіе, но зато не скрывалъ непріязни своей къ регенту, Рейтергольму и Эссену, которыхъ въ теченіе вечера не удостоилъ ни одного взгляда". Оказалось, что другія лица имѣли вліяніе на короля. Будбергъ писалъ 17-го октября: „Регентъ увѣрялъ меня со слезами на глазахъ, что такъ продолжать невозможно, и что онъ, Рейтергольмъ и Эссенъ, подадутъ въ отставку"... А далѣе о регентѣ же: „Его высочество полагалъ, что рѣшеніе духовенства, благопріятное достиженію благой цѣли путешествія въ Россію,

[1]) Сб. Ист. Общ., XVI, 524 и 533.
[2]) Истор. Вѣстникъ, XXX, 107, 109.
[3]) Въ смыслѣ неудачи.
[4]) Относится къ Моркову. Арх. кн. Воронцова XII, 175.

разсѣетъ сомнѣнія короля, но архіепископъ упсальскій Троиль, имѣвшій свиданіе съ королемъ тайно отъ регента, возбудилъ ихъ снова, хотя за нѣсколько дней передъ тѣмъ этотъ служитель алтаря старался сообразоваться съ желаніями правительства". Въ письмѣ къ Моркову, отъ 17-го же октября, сказано: „Рейтергольмъ подалъ вчера въ отставку; отставка герцога-регента, о которой просилъ и онъ, не была принята королемъ. Король повеселѣлъ, насколько онъ на это способенъ; онъ отзывается объ императорскомъ семействѣ съ большою похвалою; меня увѣряютъ, что все пойдетъ хорошо", [1]) и пр.

Но императрица сомнѣвалась въ успѣхѣ. Она писала Будбергу: „Несмотря на рѣшеніе консисторіи, я буду сомнѣваться въ согласіи короля до тѣхъ поръ, пока не узнаю о немъ. Только по пріѣздѣ въ Стокгольмъ тѣ, которые въ настоящее время прячутся за ширмы, пустятъ въ ходъ свои интриги и хитрости; не обращайте на нихъ вниманія и совсѣмъ не вмѣшивайтесь въ дѣла" [2]) и пр.

Разсказывая разныя частности о сценахъ, происходившихъ между герцогомъ-регентомъ и королемъ, Будбергъ пишетъ, между прочимъ: „Король сказалъ, что не желаетъ, чтобы регентъ ему болѣе напоминалъ о бракѣ, который онъ заключитъ тогда только, когда признаетъ нужнымъ". Послѣ объявленія Густава совершеннолѣтнимъ русскій посолъ подробно разсказалъ о церемоніи, при которой онъ присутствовалъ, и къ этому прибавилъ: „Я далъ замѣтить окружающимъ короля лицамъ, что послѣ непріятнаго столкновенія, которое Его Величество имѣлъ съ Вами, Государыня, было бы, по моему мнѣнію, гораздо лучше, еслибы отношенія между нимъ и Вашимъ И. Величествомъ были бы отношенія родственника къ родственницѣ, а не государя къ государынѣ. Эта мысль, казалось, очень имъ понравилась, и г. Флеммингъ, желая взять на себя сообщить ее Его Величеству, сказалъ, что онъ увѣренъ, что король всегда лучше желаетъ относиться къ Вашему И. Величеству, какъ сынъ къ матери".

Къ тому же нельзя было сомнѣваться въ личномъ расположеніи короля къ великой княжнѣ. Будбергъ писалъ императрицѣ 24-го октября, что король съ разными лицами, напримѣръ съ герцогинею Сюдерманландскою, съ барономъ Вреде, и пр., разговаривалъ о красотѣ великой княжны Александры и о своей къ ней любви. Когда въ концѣ октября вопросъ о религіи все-таки

---

[1]) Сб. Истор. Общ., XVI, 333—362.

[2]) Сб. Истор. Общ., XVI, 2365.

возбудилъ новыя затрудненія, хотя въ то же время было рѣшено отправить въ Россію генералъ-лейтенанта Клингспора для переговоровъ, баронъ Вреде говорилъ Будбергу о возложенномъ на Клингспора порученіи: „Оно состоитъ въ томъ, чтобы возбудить сочувствіе Ея И. Величества къ судьбѣ короля и достигнуть того, чтобы онъ могъ согласовать *свои личныя чувства* съ обязательствами относительно націи, и, наконецъ, стараться устранить препятствія къ браку, который составляетъ единственное желаніе короля".

Такимъ образомъ Будбергу въ это время казалось легко возможнымъ, что дѣло о бракѣ приметъ благопріятный оборотъ. „Первые дни царствованія", писалъ онъ Моркову 24-го октября, „настолько были посвящены выполненію формальностей, что не было еще времени заняться этимъ предметомъ, но по всему мнѣ кажется, что здѣсь не расположены накликать грозу". 5-го ноября Будбергъ писалъ Екатеринѣ: „Король сердечно желаетъ союза съ Россіею. Ко мнѣ относятся съ почтеніемъ; меня приглашаютъ къ ужинамъ, которые даются при дворѣ" [1]), и пр. Въ то же время, однако, Будбергъ напр. въ бесѣдѣ съ англійскимъ дипломатомъ Арбутнотомъ весьма неблагопріятно отзывался о качествахъ короля, которыя, по его мнѣнію, рано или поздно, поведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ [2]).

Наканунѣ перемѣны, случившейся въ это время въ Россіи, Ростопчинъ въ письмѣ къ Воронцову, отъ 5-го ноября, подробно изложилъ весь ходъ переговоровъ о бракѣ и разсказывалъ о событіяхъ во время пребыванія короля въ Петербургѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ рѣзкіе отзывы объ образѣ дѣйствій Зубова и Моркова и шведовъ. „Никогда,—писалъ Ростопчинъ,—„не было столько интригъ, сколько появилось при этомъ случаѣ". О Маріи Ѳеодоровнѣ въ этомъ письмѣ сказано: „Великая княгиня-мать, хотя нѣжность къ дочери и служитъ ей оправданіемъ, должна во многомъ упрекнуть себя; полагая, что этотъ бракъ—дѣло рѣшенное, она дозволила этому невозмутимому графу Гага свободу обращенія, допускаемую, по обычаю у насъ на Руси, только женихамъ. Великая княжна была неоднократно лобызаема, по цѣлымъ часамъ сиживала у окна, разговаривая съ этимъ коварнымъ Энеемъ, и дѣлая все, что только, по ея мнѣнію, могло доказать ея расположеніе къ будущему супругу" [3]).

Послѣ объявленія короля Густава совершеннолѣтнимъ, въ

[1]) Сб. Ист. Общ., IX, 365—382.
[2]) Herrmann, Ergänzungsband, 587.
[3]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 149—151.

Петербургѣ съ часу на часъ ожидали извѣстія о ратификаціи трактата, заключеннаго 17-го сентября. Однако этого извѣстія не дождались. 1-го ноября императрица сообщила великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ о церемоніи, происходившей въ Стокгольмѣ, объ отставкѣ Рейтергольма, о томъ, что для герцога Сюдерманландскаго миновалась вся опасность; о проектѣ брака ни слова [1]).

6-го ноября императрица внезапно скончалась. Современники видѣли нѣкоторую связь между кончиною Екатерины и раздраженіемъ по поводу разстройства брака великой княжны съ королемъ шведскимъ. Князь Θ. Н. Голицынъ, говоря о нѣкоторыхъ частностяхъ этого событія, замѣчаетъ: „Разрывъ сего союза уповательно ускорилъ кончину императрицы, а великой княжнѣ причинилъ чувствительное огорченіе, разстроилъ ея здоровье и, вѣроятно, сократилъ ея вѣкъ“ [2]). Въ запискахъ Державина сказано: „Приписываютъ причину толь скоропостижной смерти воспаленію ея крови, отъ досады, причиненной упрямствомъ шведскаго королевича (sic), что онъ отрекся отъ браку съ великою княжною Александрою Павловною“ [3]). И князь Чарторыжскій раздѣляетъ это мнѣніе [4]).

Но императрица въ продолженіе послѣднихъ недѣль послѣ кризиса, происшедшаго 11-го сентября, обнаруживала столь изумительную свѣжесть, силу умственныхъ способностей, такую живучесть, такое умѣніе сообразоваться съ обстоятельствами, что трудно видѣть въ огорченіи по поводу эпизода съ шведскимъ королемъ причину катастрофы 6-го ноября. Разсказъ о легкомъ припадкѣ паралича, случившагося будто вечеромъ 11-го сентября и бывшаго какъ бы предвѣстникомъ припадка, причинившаго кончину Екатерины, оказывается тѣмъ болѣе сомнительнымъ, что въ письмахъ доктора Роджерсона, относящихся къ этому времени, нѣтъ ни малѣйшаго намека на эти симптомы опаснаго положенія императрицы. Но, правда, до насъ не дошли болѣе подробные отзывы лейбъ-медика на этотъ счетъ [5]).

Всѣ ждали тогда: какъ отнесется императоръ Павелъ къ вопросу о проектѣ брака. Массонъ считалъ вѣроятнымъ, что стран-

---

[1]) Р. Старина, IX, 500.

[2]) Р. Архивъ, 1874, I, 1305.

[3]) Державинъ, Записки, Москва, 1860, стр. 386.

[4]) Mémoires I, 123—124. „Ce fut l'impératrice, qui succomba“.. „On peut dire que c'est Gustave IV, qui a raccourci sa vie de plusieurs années“.

[5]) Онъ писалъ 25-го ноября: „Je suis persuadé que les circonstances que je vous ai détaillé par Frazer ont eu aussi grand part en hâtant cette catastrophe“. Арх. кн. Воронцова, XXX, 75.

ности и причуды Павла главнымъ образомъ помѣшаютъ осуществленію этого проекта [1]). Онъ же разсказываетъ анекдотъ, будто имп. Павелъ, въ первое время своего царствованія, получивъ отъ шведскаго короля оффиціальную бумагу, въ которой была ошибка въ императорскомъ титулѣ, пошелъ въ комнату дочерей и шутя сказалъ Александрѣ: „Тебя нельзя выдать за него: твой женихъ и писать не умѣетъ" [2]).

Какъ бы то ни было, Клингспору, получившему на пути въ Петербургъ извѣстіе о приключившейся перемѣнѣ на престолѣ, былъ оказанъ благопріятный пріемъ [3]).

Г. Чумиковъ пишетъ: „Такъ какъ новый императоръ принималъ мало участія во всемъ, что происходило по брачному дѣлу при Екатеринѣ, благодаря интригамъ ея министровъ, то ему не трудно было предать забвенію все случившееся по этому дѣлу. Къ тому же императрица Марія, въ виду страданій несчастной великой княжны, оказывала крайнее расположеніе къ возобновленію переговоровъ о бракѣ ея съ Густавомъ-Адольфомъ. Были, кромѣ того, другіе поводы, и во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что высокая чета была одушевлена самымъ искреннимъ желаніемъ устроить судьбу своей старшей дочери". Разсказавъ о лестномъ пріемѣ, оказанномъ Стединку и Клингспору, г. Чумиковъ, ссылаясь на депеши Стединка, пишетъ: „На Клингспора смотрѣли, какъ на представителя родственнаго и дружественнаго дома, и потому обращеніе съ нимъ преисполнено было сердечности и ласки". Затѣмъ, говоря о ненависти Павла къ Даніи, г. Чумиковъ сообщаетъ слѣдующее: „Павелъ обѣщалъ Клингспору, буде состоится бракъ великой княжны, доставить Швеціи, въ видѣ приданаго, Норвегію" [4]).

Не имѣя возможности провѣрить эти довольно важныя данныя, мы не можемъ не указать на нѣкоторыя частности, доказывающія, что дѣйствительно въ это время, и еще весною 1797 года, считали возможнымъ устройство этого брака. Будбергъ писалъ 21-го ноября изъ Стокгольма: „Со времени отъѣзда генерала Клингспора здѣсь, кажется, не сомнѣваются болѣе въ благопріятномъ исходѣ порученныхъ ему переговоровъ. Я не знаю, на чемъ основываются эти надежды, ибо нѣтъ и рѣчи о про-

---

[1]) „Il est d'ailleurs probable que les bizarreries de Paul apporteront autant d'obstacles au bonheur de sa fille que la vanité de Catherine et l'impéritie de ses ministres". Masson, Mémoires secrets, I, 30.

[2]) Masson, I, 47.

[3]) Сб. Ист. Общ., IX. 385.

[4]) Р. Архивъ, 1887, I, 90—91.

стомъ и открытомъ подписаніи петербургскаго договора, но вѣрно то, что самъ король освѣдомился у герцога Сюдерманландскаго о состояніи яхты *Амфіонъ*, которая, какъ прибавилъ онъ, должна привезти изъ Россіи въ Стокгольмъ королеву шведскую. Герцогъ при этомъ случаѣ напомнилъ ему объ обѣщаніи возложить на него это пріятное порученіе, но на это король ничего не отвѣтилъ" [1]). А императрица Марія Ѳеодоровна писала къ графу Н. П. Панину 22-го мая 1797 года: „Зная, что вы очень интересуетесь шведскимъ дѣломъ, я поручила Николаи сообщить вамъ по секрету частности, которыя вамъ, быть можетъ, неизвѣстны. Я, правда, очень желаю, чтобы было приведено къ благопріятному окончанію это дѣло, которое моему материнскому сердцу причинило много мученій; но во всякомъ случаѣ нужно, чтобы они (шведы) отъ себя обнаруживали желаніе и рвеніе" [2]).

Имп. Павелъ отправилъ въ Стокгольмъ возвѣстить о восшествіи своемъ на престолъ камергера графа Головкина. При отъѣздѣ его изъ Петербурга императрица Марія Ѳеодоровна поручила ему передать королю о ея къ нему расположеніи и въ то же время уполномочила его кланяться Густаву отъ великой княжны Александры. Благодаря этому, Головкинъ считалъ себя въ правѣ вообще говорить въ Стокгольмѣ о проектѣ брака. Но Будбергъ, не пользовавшійся расположеніемъ Павла, и къ тому же не надѣявшійся на благопріятный исходъ дѣла, держалъ себя въ сторонѣ. Между тѣмъ Головкинъ, не дождавшись болѣе подробныхъ инструкцій для переговоровъ о бракѣ, вернулся въ Россію, и Павелъ поручилъ секретарю шведскаго посольства, Дженнингсу, который въ это время отправился въ Швецію, передать королю чрезвычайно любезное письмо, а Головкина отправили снова въ Швецію съ цѣлью привести къ окончанію переговоры о бракѣ. Но тутъ-то возобновились затрудненія по вопросу о вѣроисповѣданіи, и король въ бесѣдахъ съ Головкинымъ объявилъ, что не можетъ жениться на княжнѣ православнаго исповѣданія, а немного позже,—что онъ вообще не желаетъ болѣе брака съ Александрою Павловною. Тогда Головкинъ оставилъ Швецію, и въ Петербургѣ было выражено желаніе, чтобы Клингспоръ, возвратился въ Швецію, что̀ и случилось въ апрѣлѣ 1797 года [3]).

Вскорѣ послѣ того въ Петербургѣ узнали о намѣреніи шведскаго короля пріискать себѣ другую невѣсту. О такомъ своемъ

---

[1]) Сб. Ист. Общ., IX, 383.

[2]) Изъ Архива Паниныхъ; см. „Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина". С.-Петербургъ, 1888, I, 304.

[3]) Сб. Ист. Общ., IX, 385—391.

рѣшеніи Густавъ увѣдомилъ императора Павла письмомъ, которое долженъ былъ передать Стединкъ. Послѣдній, не подозрѣвая содержанія письма, вручилъ его императору на одномъ придворномъ празднествѣ и тѣмъ нарушилъ общее веселье: ни Павелъ, ни его супруга не въ состояніи были скрыть своего гнѣва. Такъ разсказано въ статьѣ г. Чумикова, очевидно, по шведскимъ источникамъ, но безъ указанія на нихъ [1]).

Дѣйствительно, осенью 1797 года король Густавъ сочетался бракомъ съ принцессою Баденскою, младшею сестрою супруги великаго князя Александра Павловича.

Двумя годами позже, бывшая невѣста шведскаго короля, Александра Павловна, вышла замужъ за Іосифа, палатина венгерскаго, эрцгерцога австрійскаго. Весною 1801 г. она скончалась.

А. Брикнеръ.

---

[1]) Р. Архивъ, 1887, I, 91—92.

ЛОБАНОВЩИНА

Романъ въ двухъ частяхъ.

XI *).

Однако, въ извѣстной мѣрѣ Маланья все-таки была счастлива. Внѣшній міръ, со всѣмъ, что̀ она знала въ немъ, и съ ея дѣтьми, совершенно исчезъ изъ ея сознанія. Она одно только помнила, знала и чувствовала, это—Ѳедора. Каждое мгновеніе ея жизни, каждая ея мысль принадлежали ему одному. Все, что̀ ни дѣлала она въ эти дни, она дѣлала чисто механически, по привычкѣ или по необходимости, и часто дѣлала очень дурно или совсѣмъ не то, что̀ было нужно. Не однажды она сама дивилась на себя: то въ постный день, вмѣсто рыжиковъ, молока изъ погреба принесетъ; то начнетъ Дунѣ ногти стричь, когда та проситъ голову вычесать. Разъ Маланья поймала себя въ сараѣ съ пустымъ лукошкомъ въ рукахъ и долго не могла вспомнить, зачѣмъ она тутъ и зачѣмъ у ней лукошко въ рукахъ. Только послѣ большихъ усилій ей удалось, наконецъ, припомнить, что она пришла въ сарай обмѣнить истрепавшееся лукошко на крѣпкое, въ которомъ лежала куделя. Въ другой разъ у ней чуть не вся квашня на лавку выплыла. Она совсѣмъ было-собралась мѣсить хлѣбы: развязала покромку, сняла квашенникъ, мутовку оскребла, но когда положила мутовку на залавокъ, вдругъ, съ чего-то, вмѣсто того, чтобы снова подойти къ квашнѣ, сѣла у залавка и такъ задумалась, что опомнилась только тогда, когда тѣсто съ лавки начало падать уже на полъ. Этимъ послѣднимъ случаемъ Маланья была

---

*) См. выше: окт., 433 стр.

смущена до такой степени, что не сказала о немъ ни одной душѣ, и все время, пока прибирала выплывшее тѣсто, усердно читала молитву, — въ первый разъ въ жизни ей съ несомнѣнною ясностью представилось, что къ ней „прикачнулся сатана".

Исканіе коровы, грибовъ и ягодъ доставляло ей блаженнѣйшія минуты. Выходя изъ дому, она постоянно мечтала о встрѣчѣ съ Өедоромъ, и очень часто мечты эти сбывались. Ничто не могло быть невиннѣе этихъ встрѣчъ, — со стороны Өедора всегда случайныхъ, — но Маланьѣ онѣ казались полными значенія и переполняли грудь ея такимъ восторгомъ, что подъ его наитіемъ вся она совершенно преображалась и иногда поражала даже Өедора своей наружностью, какъ онъ ни мало былъ наблюдателенъ. Бывало, счастливое, все проникнутое любовью лицо Маланьи довѣрчиво улыбалось ему, и онъ самъ невольно улыбался въ отвѣтъ, думая про себя: какая Маланья, несмотря на свои годы и бѣдность, все еще красивая; но никогда ни одна лукавая мысль на ея счетъ не приходила ему въ голову. Къ Маланьѣ онъ съ дѣтства привыкъ какъ къ своей. Кромѣ того, онъ былъ замѣчательно благонравный парень, и если когда, въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, и грѣшилъ самъ, то всегда твердо зналъ, что именно грѣшитъ, и очень стыдился тогда не только людей, но и самого себя; къ поведенію же женщинъ онъ относился и того строже. Однимъ словомъ, по отношенію къ Маланьѣ у него не могло возникнуть даже и отдаленной догадки о тѣхъ чувствахъ, какія онъ возбуждалъ въ ней, а потому, съ своимъ неизмѣннымъ простодушіемъ, онъ продолжалъ ничего не замѣчать и держался съ нею попрежнему просто и дружелюбно, какъ съ близкой родней.

Это было большимъ несчастьемъ для Маланьи. Не встрѣчая ни малѣйшаго отпора, чувство ея росло съ поражающею быстротой, и въ ея головѣ очень скоро образовался такой туманъ, при которомъ нормальная работа ума оказывалась рѣшительно невозможной. Всякая вещь начиналась и кончалась Өедоромъ. Она цѣлые часы простаивала въ лѣсу вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ могъ пройти, и все только затѣмъ, чтобы лишній разъ взглянуть на него и услышать его голосъ. Нужно было быть слѣпымъ и глухимъ на мѣстѣ Өедора, чтобы проглядѣть могучую страсть, въ когтяхъ которой Маланья оказывалась безпомощнѣе ребенка, но Өедоръ, какъ это ни удивительно, проглядѣлъ ее.

Не подозрѣвая, что всему, что̀ бы онъ ни сказалъ, Маланья придаетъ особый смыслъ, что его слова имѣютъ надъ нею необъятную силу, онъ при встрѣчахъ съ нею свободно шутилъ и говорилъ все, что̀ ни взбредетъ въ голову.

— Счастливо оставаться, Михевна! Теперь ужъ надолго закачусь въ Покровское, — сказалъ онъ, отправляясь на станцію вскорѣ послѣ того, какъ пріѣхали изъ луговъ. Онъ былъ уже верхомъ на лошади, а двухъ другихъ держалъ въ поводу, и остановился у воротъ Маланьи единственно по привычкѣ.

— Не сколь надолго, — жать поспѣваетъ, — отозвалась на это Маланья съ крыльца.

— Ну, нѣтъ, погодишь еще жать-то; недѣли двѣ еще, пожалуй, подождешь,—возразилъ ей Ѳедоръ.

— Такъ чтò,—повидимому равнодушно проговорила Маланья, но она была очень взволнована и на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ глаза сверкали какъ два угля.—Ничего и двѣ недѣли,—сказала она:—прибѣжишь, небойсь, десять разъ еще и до жнитвы.

— Такъ и есть! некогда будетъ бѣгать-то!

— Ничего, прибѣжишь.

— Это тебѣ отъ простой поры, а съ нашимъ дѣломъ не очень, смотри, убѣжишь.

— Хоть въ баню, да придешь.

— А ты за грибами-то теперь поближе къ Покровскому ходи, такъ вотъ я рубаху-то съ тобой и закажу, чѣмъ мнѣ нарочно за этимъ гнать! —пошутилъ Ѳедоръ.

Маланья ярко вспыхнула и опустила глаза. Ей представилось, что и Ѳедору, также какъ и ей, тяжела разлука, и вотъ онъ зоветъ ее, чтобы имѣть возможность повидаться, прежде чѣмъ опять соберется домой.

— Тебѣ все равно, — продолжалъ Ѳедоръ шутить:—не велика даль; а я, можетъ, домой чтò и закажу.

— Не знаю ужъ, токо ли доведется...—вымолвила Маланья тихо, не поднимая глазъ.

— Чего тутъ не знать-то? лѣсомъ вплоть къ селу подойдешь, тебѣ все равно. Говорятъ, у часовни грибовъ-то видимо-невидимо. Вотъ я туда и стану навѣдываться—приходи смотри!

Ѳедоръ смѣялся.

Маланья рѣшилась, наконецъ, взглянуть и улыбнулась.

— Не придешь,—всѣ грибы выберу. Завтра же подъ вечеръ схожу посмотрю, много ли ихъ тамъ; успѣвай, буде, до меня,— обернулся Ѳедоръ къ Маланьѣ, уже отъѣхавъ отъ воротъ.

Маланья опять ему улыбнулась.

„Вишь вѣдь какъ зоветъ! будто и такъ не пришла бы... Слѣдомъ же бы и пришла. Ужъ я бы выдумала, зачѣмъ на село прійти! О работѣ пришла бы къ кому спросить или купить чтò, а ужъ непремѣнно пришла бы. Долго ли до Покровскаго добѣ-

жать, не постольку я хаживала, а тамъ хоть мимо станціи пройду, все же легче будетъ",—думала Маланья, глядя вслѣдъ уѣзжавшему Ѳедору.

И никакая сила въ мірѣ не могла бы убѣдить ее, что Ѳедоръ болталъ зря, что, на самомъ дѣлѣ, онъ и не думалъ звать ее, и о часовнѣ упомянулъ совсѣмъ не потому, чтобы указать мѣсто, куда будетъ приходить къ ней, а просто потому, что дѣйствительно слышалъ, будто вокругъ часовни грибовъ тьма-тьмущая.

Она съ трудомъ перекоротала ночь и слѣдующій день, и прежде, чѣмъ начался вечеръ, ушла изъ дому, сказавши, что идетъ къ попу въ Сивково. Она и точно взяла съ собою связки сушеныхъ грибовъ и, еще разъ повторивъ дѣтямъ, гдѣ найти хлѣбъ и какое молоко ѣсть на ужинѣ, ушла.

Жаръ, впрочемъ, началъ уже спадать, когда она повернула вдоль рѣки на Покровское и не спѣша пошла лѣскомъ, наклоняясь мимоходомъ, чтобы сорвать ягоду земляники или кисть костеницы.

„Бреду вѣдь и впрямь, ровно такъ и надо! вотъ бить-то меня некому!—думаетъ Маланья, а сама улыбается: ей за каждымъ кустомъ, за каждой елью мерещится Ѳедоръ.—Что-то, обрадуется ли онъ мнѣ? Придетъ ли самъ-то еще,—можетъ, вдругъ ѣзда, никакъ урваться нельзя будетъ... А то, можетъ, запоздаетъ такъ почему-нибудь, долго ли же его ждать мнѣ тогда?"—спрашиваетъ она себя и чувствуетъ, что прождетъ до разсвѣта, что не уйти ей обратно, не повидавшись.

„Если цѣловать начнетъ,—скажу, что не для того пришла... Разумѣется, скажу, къ тебѣ шла, да я только—чтобы повидаться, а не то чтобы, Боже упаси!.. Обнимать станетъ—вырвусь. Какъ можно! Кабы я дѣвка была или вдова — другое дѣло; а теперь какъ я грѣхъ на душу приму?.. Развѣ и самой мнѣ не охота припасть къ нему, да вѣдь вотъ крѣплюсь же,—ну, пускай и онъ терпитъ... Такъ станемъ другъ дружку любить, что̀ вѣдь ужъ дѣлать-то, когда голова-то у меня на вѣкъ завязана,—такъ ужъ видно Богу угодно!"—размышляла Маланья дорогой.

„А ну какъ онъ надсмѣяться только хочетъ?"—спрашивала она себя и холодѣла отъ ужаса.

„Нѣтъ, не можетъ этого быть,—опровергала она себя тотчасъ же:—не глядѣлъ бы онъ тогда столько ласково, не ходилъ бы по пятамъ какъ хвостъ. Развѣ мало другихъ?.. Да и не такой онъ вовсе парень! Я за это-то пуще всего его и люблю, что онъ не какъ другіе холостые, а смирный, честный. Нѣтъ,

да ужъ за все люблю, на всемъ свѣтѣ только одинъ такой ясный соколъ и есть!"—продолжала Маланья думать, подвигаясь ближе и ближе къ Покровскому.

На половинѣ дороги ей встрѣтился старикъ изъ Прошина, въ домѣ котораго она не разъ жала и молотила.

— Далеко ли тебя Богъ несетъ, Михевна? — спросилъ старикъ, снимая шляпу.

— Въ Сивково надо бы, дѣдушко Савелій,—вотъ грибы сушеные къ о. Семену понесла; сильно онъ ихъ заказывалъ. Хоть полпуда, говоритъ, неси, такъ возьму; да токо ли не поздно я собралась, ночи кабы не прихватить, — говорила Маланья, густо краснѣя.

— А и прихватишь, такъ что за бѣда; теперь ночи свѣтлыя. Отнесешь, такъ оно вѣрнѣе, а то недолго и у другихъ купятъ; нынѣ грибовъ вездѣ достаточно,—замѣтилъ Савелій, проходя.

Маланья подошла къ самой часовнѣ, маленькому, ветхому деревянному сооруженію, съ желѣзнымъ крестомъ на крышѣ, съ наглухо заколоченными дверями и окнами, которыя отворялись только разъ въ годъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, когда изъ Покровскаго приносили въ часовню иконы, а вокругъ, по издавна заведенному обычаю, устраивался торжокъ. Тогда, на народѣ, у часовни бывало весело, но въ обыкновенное время тутъ стояла мертвая тишина, и, благодаря старымъ, обвѣшеннымъ мохомъ елямъ, обступавшимъ часовню со всѣхъ сторонъ, было почти темно и днемъ.

Маланьѣ показалось жутко стоять тутъ неопредѣленное время совсѣмъ одной и безъ всякаго дѣла, и она поспѣшила выйти на болѣе открытое мѣсто, но не на тропинку, а выше тропинки, чтобы не быть на виду у всѣхъ, кто ни пойдетъ этой дорогой. Держась все время въ тѣни, она поднялась къ ржаному полю, лежавшему между большой дорогой изъ Лобановщины въ Покровское, и лѣсомъ, росшимъ по берегу, и тамъ долго стояла, машинально слѣдя взглядомъ за переливами густой, почти спѣлой ржи, прислушиваясь къ свисту стрижей, массами рѣявшихъ въ воздухѣ, и всматриваясь сквозь мглистый воздухъ въ пространство между селомъ и лѣсомъ, по которому, какъ она думала, долженъ былъ пройти Ѳедоръ къ часовнѣ.

Она долго ждала, такъ долго, что устала стоять; а то, что ей приходилось прятаться, къ чему она совершенно не привыкла, совсѣмъ испортило ея настроеніе. Изъ села и съ дороги доносились время отъ времени голоса, скрипъ воротъ. Маланья видѣла, какъ пригнали коровъ и какъ проѣхалъ куда-то въ ихъ

сторону о. Иванъ на чьей-то чужой плохенькой лошади, вѣроятно куда-нибудь съ требой; видѣла, какъ прошли къ заливу двѣ бабы съ бѣльемъ на коромыслахъ и какъ потомъ эти бабы ушли обратно, а Θедора все не было, и Маланья едва не плакала.

„Но вѣдь Θедоръ могъ пройти къ часовнѣ и съ другой стороны, не отъ околицы, а съ рѣки,—такъ-то ему еще ближе; можетъ, онъ также съ которыхъ уже поръ ждетъ ее тамъ!“—встрепенулась она, чувствуя новый приливъ любви и радости, и быстро начала спускаться по склону, зорко въ то же время всматриваясь въ каждую прогалину между деревьями.

Но у часовни все такъ же пустынно, все таже ничѣмъ ненарушимая тишина, а свѣту и еще меньше. Маланьѣ положительно страшно тутъ, но уйти снова ей нельзя: Θедоръ можетъ прійти всякую минуту,—гдѣ же онъ будетъ искать ее въ темнотѣ, если она уйдетъ? И она смотритъ кругомъ, выбирая мѣсто, чтобы сѣсть, такъ какъ ноги ея давно уже дрожатъ отъ волненія и усталости. Повсюду репей и высокая крапива. Крапива проросла даже въ ступенькахъ крыльца часовни; но Маланья осторожно вырываетъ ее, обернувъ руки краемъ сарафана, и садится на серединѣ лѣстницы съ твердымъ намѣреніемъ ждать, несмотря на страхъ.

А страшно ей невообразимо. Она сидитъ, не смѣя дохнуть, вся обратившись въ слухъ, и въ то же время ея страстное ожиданіе встрѣчи съ Θедоромъ все усиливается. Иногда ей кажется, что Θедоръ уже пришелъ, жарко обнялъ ее и, много разъ цѣлуя прямо въ губы, говоритъ ей: „Вотъ такъ умница, что пришла! Ничего я даве порядкомъ отъ тебя не добился,—думалъ, не придешь, а ты пришла“...

— „Полно, Θедя, оставь, не трогай! Пусти, отстань!—проситъ Маланья, точно и въ самомъ дѣлѣ находится въ объятіяхъ Θедора.—Пусти, Θедя, пусти, милый!—повторяетъ она въ настоящемъ бреду и рѣшительно слышитъ, какъ Θедоръ, не выпуская ее изъ объятій и продолжая жарко цѣловать, нѣжно и тихо говоритъ ей: „Нѣту, нѣтъ,—не пущу. Развѣ ты не любишь меня? Вижу вѣдь я, что любишь... И я люблю, и мнѣ лучше нѣтъ... Чего ты рвешься? Зачѣмъ плачешь? Вѣдь я не обижаю тебя, я только такъ... Чтò въ томъ худого, что я обнялъ тебя?

— „Пусти, Богомъ тебя прошу!—шепчетъ Маланья, но ей невыразимо пріятно чувствовать близость Θедора, ощущать его руки вокругъ своего стана и слушать его ласковый голосъ. Грудь ея готова разорваться отъ счастья, и въ то же время ей

стыдно, стыдно... Минуту спустя слезы крупныя и горячія такъ и хлынули изъ ея глазъ.

— „О, Господи, да неужели же это грѣхъ?! — шептала она время отъ времени, и чувство радости и счастья снова вытѣсняло чувство стыда: слезы высыхали, она улыбалась и всѣмъ своимъ существомъ стремилась къ Ѳедору; а тамъ опять стыдъ точно волной захлестывалъ ее всю, и она вновь рыдала.

— „Есть о чемъ плакать!—слышался Маланьѣ голосъ Ѳедора.

— „Да развѣ хорошо!.. Не то на людей, какъ я на тебя-то теперь погляжу, какими глазами? Чистый вѣдь срамъ, Ѳедя!— говорила Маланья, воображая, что Ѳедоръ дѣйствительно находится подлѣ нея.—Самъ первый осудишь, первый же и посмѣешься... Да какъ и не смѣяться: мнѣ ли цѣпляться за тебя! развѣ я не понимаю?!“

И кажется ей, будто Ѳедоръ усадилъ ее на траву рядомъ съ собой и, нѣжно лаская, принялся уговаривать.

— „За то ли я надъ тобой смѣяться буду,—надъ самымъ ухомъ Маланьи говорилъ тихій голосъ Ѳедора,—что ты весь свой вѣкъ какъ возовая лошадь работала? Или за то, что сиротствовала? Велика важность, что мужъ тебя бросилъ,—онъ бросилъ тебя не за вину. Его же всѣ и осуждаютъ. А дѣтей кто дозиралъ, и поилъ, и кормилъ, и всячески объ нихъ пекся? А о землѣ кто старался? Кто не знаетъ, сколько ты натерпѣлась, живучи,—кто можетъ смѣяться надъ тобой? Да есть ли хоть одна душа, которая бы тебя не жалѣла и не хвалила?

— „Все это было да прошло, Ѳедя!—возражаетъ Маланья Ѳедору сквозь слезы.—Ты тогда говори, если теперь меня кто похвалитъ. Чего ужъ тутъ—наказалъ Богъ! Про другихъ когда, бывало, услышу непутное, такъ изъ себя выходила, а теперь сама что̀ дѣлаю!.. И вѣдь знаю, что ты мнѣ не пара, что ты и мимо-то избы моей послѣ этого не пройдешь, а вотъ сижу тутъ съ тобой, гляжу на тебя не наглядусь, ровно такъ и надо“...

Долго Маланья глухо стонала, долго молилась и плакала и вслухъ говорила сама съ собой какъ безумная; но потомъ она впала въ глубокое безпамятство.

Теплая іюльская ночь, беззвѣздная, тихая, часто озарялась далекими зарницами; было душно и тишина стояла невозмутимая,—только гуси нѣсколько разъ принимались кричать у залива, да изрѣдка на селѣ слышался лай собакъ; но вскорѣ и гуси, и собаки успокоивались и снова становилось такъ тихо, что легко можно было различить малѣйшій шорохъ.

Когда Маланья очнулась, зарницы перестали уже блестѣть,

на востокѣ занималась заря и какая-то птичка, проснувшись, весело чирикала прямо надъ головой Маланьи.

Маланья не вдругъ вспомнила, какъ попала къ часовнѣ; но когда припомнила все, смертельный ужасъ проникъ ей въ душу: ей показалось, что нечистая сила со всѣхъ сторонъ обступила ее, что теперь она уже вполнѣ въ ея власти и что стоитъ ей только пошевельнуться, какъ черти накинутся всей ватагой и задушатъ ее. Не мало потребовалось ей рѣшимости, чтобы перекреститься, встать съ мѣста и пойти домой. Но и дорогой ужасъ продолжалъ леденить ее. Лѣсъ, рѣка, улица и, наконецъ, ея собственный домъ показались ей странными,—такими она ихъ никогда не видала: все это какъ будто спало, но это была неправда; Маланья отлично знала, что все это смотритъ на нее милліонами глазъ и осуждаетъ ее.

XII.

— Мамъ, мама! Харитошка сдурѣлась: у насъ за баней сидитъ, вся трясется и глаза страшные-престрашные,—иди-ка скорѣе, погляди! — кричали дѣти Маланьи, перебивая одинъ другого, вбѣжавши въ избу въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

Маланья неподвижно лежала на лавкѣ лицомъ внизъ, уткнувшись головой въ полушубокъ, свернутый на подобіе подушки, и ничего не слышала и не видѣла. Она все еще не пришла въ себя.

„Если это только врагъ надо мной подшутилъ, не велика бѣда: стану молиться пуще, госпожинками же опять поговѣю, на богомолье куда-нибудь пообѣщаюсь сходить; можетъ, Богъ и проститъ, отвяжется сатана. А ну какъ тамъ и вправду Ѳедоръ былъ гдѣ-нибудь пòблизку и все у меня выслушалъ,—какъ я тогда на глаза ему покажусь?“—думала она, совершенно подавленная своими сомнѣніями и раскаяніемъ.

Въ теченіе дня дѣти не разъ обращались къ ней, просили у нея ѣсть, говорили ей что-то о коровѣ; разъ Дунька подошла вся въ слезахъ съ жалобой на братьевъ, которые, играя въ лошадей, сбили ее съ ногъ и убѣжали въ лѣсъ, оставивъ ее одну на дворѣ.

Маланья приподнималась на лавкѣ, смотрѣла въ лица дѣтей остановившимися глазами, ничего не понимая изъ того, чтò ей говорили, ничего не отвѣчая, и едва оставляли ее въ покоѣ— снова принимала прежнее положеніе, продолжая думать свою

тяжелую думу. Такъ и теперь, при крикахъ стремительно вбѣжавшихъ дѣтей, она подняла голову и уставилась въ ихъ лица совершенно безсмысленнымъ взглядомъ; но на этотъ разъ, по счастью, ребятишки не оставили ее въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока она не встала и не пошла къ банѣ вмѣстѣ съ ними. Главное изъ того, что̀ они ей говорили, она поняла, и мысли ея настолько, наконецъ, прояснились, что она въ состояніи была сообразить, что Харька, стало быть, побита и сидитъ у ней за баней, спрятавшись отъ мужа.

Такъ оно дѣйствительно и было. Сильно побитая Харитонья дико смотрѣла и дрожала какъ осиновый листъ.

— Что̀ ты тутъ дѣлаешь? зачѣмъ ты сидишь тутъ?—спросила ее Малàнья съ невольнымъ сожалѣніемъ.

— Молчи, молчи, Михевна! Молчи, голубушка! Ежели онъ меня найдетъ, покуда сердце у него не уходилось,—не видать мнѣ больше бѣлаго свѣта, убьетъ онъ меня до смерти...—проговорила Харитонья едва слышнымъ шопотомъ и удвинулась за баню еще дальше.

— Лучше же въ избу пойдемъ,—позвала ее Маланья.

— А какъ увидитъ?—спросила у ней Харитонья со страхомъ.

— Нѣтъ, не увидитъ,—перебили ее дѣти всѣ разомъ:—онъ теперь у рѣки, лошадь купать ушелъ; сейчасъ вотъ, видѣли мы, подъ гору спустился.

— Иди, иди въ избу!—позвала Маланья рѣшительнѣе прежняго.—Чего тутъ сидѣть, какое ужъ это мѣсто—за баней! Иди, не бойся! За баней добра не высидишь... Вставай, благословясь!—Она протянула руку Харитоньѣ и помогла ей встать.

— Всѣ я и ноженьки-то отсидѣла, съ самаго вѣдь завтрака я тутъ хоронюсь,—сказала Харитонья, нѣсколько пріободрившись и выходя изъ узкаго прохода между плетнемъ и баней. При полномъ свѣтѣ огромные синяки, покрывавшіе ея лицо, и ея растерянный видъ производили удручающее впечатлѣніе. Дѣти не кричали больше; они тихо стояли возлѣ Харитоньи, глядя на нее съ живѣйшимъ участіемъ.

— Этакъ вѣдь тебѣ досталось! — замѣтила Маланья, качая головой.

— Да, видишь, сегодня ему свободно было мясничать-то: хозяева-то чѣмъ свѣтъ къ дочери на крестины уѣхали, некому за меня было вступиться-то, вотъ ужъ онъ и натѣшился до̀сыта,—говорила Харитонья, слѣдуя за Маланьей изъ огорода въ избу.

— И за что̀ это онъ тебя увѣчитъ? Ты бы ужъ, Харитонья, остерегалась; вѣдь, Боже сохрани, не ровенъ часъ, ударитъ онъ тебя въ сердцахъ-то по виску, тутъ тебѣ и смерть,— проговорила Маланья.

— Нѣтъ ужъ не остережешься, не думай!.. Та̀къ вѣдь онъ меня, ни за что бьетъ... Все, видишь, старое-то ему памятно, а хоть бы я его обманула .. Вѣдь онъ бралъ зазнамо, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ! — Харитонья горько заплакала.

— Да не за старое же онъ тебя сегодня колотилъ?—возразила Маланья.

— Карзится ему, вотъ и вся моя вина. Послали меня Титъ Андронычъ съ Абросимовной на станцію сказать Ѳедору, чтобы и онъ къ Грунѣ на крестины шелъ,—въ кумовья, слышь, Грунинъ-то мужикъ его желаетъ. Ну, я побѣжала, извѣстное дѣло, а Филькѣ и вступи, что я долго проходила: ты, говоритъ, съ Ѳедоромъ все пробыла.

— Съ Ѳедоромъ? Съ чего онъ про Ѳедора говоритъ?—спросила Маланья, замирая отъ ревности.

— Вотъ то-то ты и есть,—поди, спроси его зачѣмъ. . Не съ чего ему говорить, ужъ подумать, что не съ чего. Когда вонъ Андрей точно подъ ноги суется; ему, ужъ это правда, въ темномъ углу лучше не попадайся, даромъ что женатый, а про Ѳедора или про Тита Андроныча, хоть когда такъ скажу: никакой я отъ нихъ обиды не видала, слова никакого не слыхала ни при людяхъ, ни безъ людей,—говорила Харитонья, не переставая плакать.

— Можетъ, ты-то и не замѣчала, а Филька-то замѣчалъ, ну, и сомнѣвается,—сказала Маланья, сомнѣваясь не меньше Фильки.

— Это Ѳедора-то?..

— Ну да, Ѳедора.

— Ой, ты, Михевна! Станетъ ли онъ на меня зариться, у него получше есть.

Маланьѣ послышался намекъ на нее въ словахъ Харитоньи, и она поблѣднѣла какъ полотно.

— Всталъ и легъ у Таньки-головихи,—продолжала Харитонья, замѣтно оживляясь:—когда же онъ Таньку на меня промѣняетъ, ты то̀ посуди! Ее вонъ татары одѣли, какъ куколку, и всякимъ ихнимъ наговорамъ научили,—да ни въ жизнь отъ нея Ѳедору не отстать, вотъ и помяни меня,—гдѣ ужъ мнѣ съ ней тягаться, какъ можно!

— Да вѣдь Танька—все равно, что собака; Ѳедоръ и не

поглядить на такую! что ты, Богъ съ тобой, перекрестись!— заступилась Маланья за Ѳедора.

— Чего мнѣ креститься-то,—все село знаетъ. Танька и не таится, сама разсказываетъ, какъ ее Ѳедоръ учещаетъ да улещаетъ. „Только бы, говоритъ, у него отецъ съ матерью умерли — весь бы онъ мой былъ. Женились бы, говоритъ, тогда".

— На этакой-то шкурѣ?

— А ты что̀ думаешь?.. Ежели она слово знаетъ, такъ и женится.

— Тогда Ѳедоръ и въ люди не кажись—до̀-смерти засмѣютъ.

— Ничего. Самъ не будетъ надругаться, такъ другимъ что̀ за нужда. Теперь-то Танька, извѣстно, не соблюдаетъ себя,—татаръ этихъ все еще держится; а ежели законъ приняла бы, разумѣется, не стала бы тогда баловать, изъ-за чего ей отъ этакого-то дому?

— Ни одному слову твоему про Ѳедора я не вѣрю!—заявила Маланья рѣшительно.

— Не вѣрь, мнѣ не нужно. А хочешь ли знать, что онъ— какъ пріѣхалъ вчера изъ ѣзды, такъ и къ ней, и ночевалъ тамъ, я тебѣ свидѣтелей приведу, — утверждала Харитонья, начиная горячиться не на шутку. Она еще долго говорила и доказала Маланьѣ неопровержимыми доводами, что эту роковую для Маланьи ночь Ѳедоръ провелъ у Таньки-головихи.

Этотъ разговоръ съ Харитоньей былъ благодѣтеленъ для Маланьи въ томъ отношеніи, что отвлекъ ея вниманіе въ сторону и тѣмъ въ значительной мѣрѣ возстановилъ въ ней душевное равновѣсіе. Но самымъ важнымъ изо всего, что̀ Маланья только-что услышала отъ Харитоньи, было, безъ сомнѣнія, сообщеніе о томъ, что Ѳедоръ любитъ другую. Это и огорчало, и радовало Маланью въ одно и то же время. Но въ самую первую минуту она радовалась несравненно больше, чѣмъ огорчалась. Муки ревности начались позднѣе; пока же Маланья не могла достаточно возблагодарить Бога за то, что прошлую ночь Ѳедоръ провелъ не въ лѣсу, какъ она боялась, а у Таньки-головихи: вѣдь это значило, что онъ ровно ничего не слыхалъ и ничего про любовь ея не знаетъ,—ну, не самъ ли Богъ ее закрылъ? Выходитъ: была одна дума, больше ничего, и она по прежнему смѣло можетъ ходить по улицѣ, никто ей въ глаза не плюнетъ,—это ли не счастье!

Тѣмъ не менѣе, солнце не свѣтитъ уже Маланьѣ такъ ярко, она не слышитъ больше пѣсенъ птицъ, не замѣчаетъ цвѣтовъ и не знаетъ, тепло по ночамъ или нѣтъ. Сядетъ солнышко, дѣти прибѣгутъ домой, поѣдятъ и сейчасъ же полягутъ спать; ложится

спать и Маланья. Она кое-какъ умывается, рѣдко чешетъ голову, забываетъ смѣнить сарафанъ,—не все ли теперь равно, въ чемъ ни ходить? Вышли люди жать, пошла жать и Маланья, но она плетется точно во снѣ, она сама на себя не похожа.

— Али нездорова, Михевна?—участливо спрашиваетъ Ѳедоръ, подходя къ ней съ своей полосы. Онъ все такой же здоровый и веселый и такой же красивый.

Маланьи точно электрическая искра коснулась: по ея лицу въ минуту разлился яркій румянецъ, въ глазахъ загорѣлась жизнь, и улыбка, хотя слабая и печальная, снова разомкнула ея сурово сжатыя губы.

— Съ чего мнѣ нездоровой быть,—чего ты пророчишь,—развѣ время теперь хворать?—попыталась она шутить.

— То-то и есть, что не время. А мнѣ издали-то показалось —лица на тебѣ нѣтъ,—чего, молъ, это такое... Давно ли, молъ, видѣлъ—совсѣмъ другая была, а теперь что̀ и есть,—продолжалъ Ѳедоръ, шелуша на ладони ржаной колосъ.

„Говоритъ: „давно ли видѣлъ"... а мнѣ такъ кажется, будто ужъ больно много прошло съ той поры, какъ мы не видались", —подумала Маланья.

— Урожай считаешь?—спросила она, когда Ѳедоръ, стряхнувъ мякину, принялся перекладывать зерна счетомъ изъ одной руки въ другую.

— Вотъ ужъ третій колосъ растеребилъ,—все двадцать одно зерно; ничего, послалъ намъ нынче Богъ!—проговорилъ онъ, съ довольнымъ видомъ тряхнувъ кудрями.

— А ты развѣ не слыхалъ, что считать не надо? старые люди говорятъ—спорины не бываетъ,—замѣтила Маланья.

— Будетъ не будетъ—ужъ не отъ этого. Я вотъ и сосчиталъ, а хлѣбъ, глядишь, весь у меня останется; а ты и не считала, да у тебя все огребутъ за ссуду...

— Ужъ и все!..

— Долго, думаешь? Старшина со сборщиками ужъ ѣздятъ по деревнямъ, то и караулятъ,—не жнутъ ли гдѣ, не молотятъ ли. Изъ перваго же умолоту, слышь, вынь да положь!.. Они магазинъ-то поправили по веснѣ, такъ ужъ теперь отъ нихъ ни по чемъ не отдѣлаешься.

— Что ты, Ѳедоръ Титычъ, стращаешь,—вѣдь этакъ мнѣ и жать не захочется! Неужели, Богъ съ нами, и отвѣдать своего хлѣба не дадутъ? Быть не можетъ.

— Нѣтъ, вѣдь я тебѣ не шутя говорю: то и насторятъ,

ровно коршунье доброе, такъ и караулять, — сказалъ Өедоръ серьезно.

— Ну сколь-нибудь да оставятъ же! Жать, не то, скорѣе, поколь никто не наѣхалъ; можетъ, сколь и урву на свой пай,— разсмѣялась Маланья, начиная жать.

XIII.

Еще весной началъ Гнусовъ возить песокъ, известь, глину, кирпичъ и лѣсъ къ покинутой одворицѣ Арефы; тогда же вырыли канаву для фундамента и вывели самый фундаментъ; но сѣнокосъ и страда заставили плотниковъ разойтись по домамъ, и ужъ только тогда, какъ выжато было и яровое, на постройкѣ Гнусова вновь закопошился народъ, застучалъ топоръ, завизжала пила, послышались пѣсни рабочихъ и ихъ шутки и прибаутки, чаще всего неприличныя.

Несмотря на то, что въ деревнѣ обыкновенно рады всякому захожему человѣку, къ постройкѣ Гнусова рѣдко кто подходилъ. Хотя открыто противъ водворенія Прохора Терентьича никто изъ лобановцевъ и не протестовалъ, общее мнѣніе ихъ, однако, было такое, что Гнусовъ „первый грабитель“, что окончательно раздѣлъ и разулъ Арефу и вынудилъ его съ ребятами воровать не кто иной, какъ онъ; и потому каждый, кто ни шелъ мимо, хотя бы до этого и говорилъ съ кѣмъ, вдругъ умолкалъ и невольно прибавлялъ шагу,—точно проходилъ мимо проклятаго мѣста и, ужъ только отойдя отъ постройки, на болѣе или менѣе значительное разстояніе, возобновлялъ снова прерванный разговоръ.

Одинъ Арефа былъ исключеніемъ. Его, напротивъ, постоянно тянуло къ своему двору. Онъ безъ устали помогалъ въ работѣ, самъ не хуже другихъ балагурилъ и пѣлъ, а когда замѣчалъ, что плотники, по его выраженію, начинали „отлынивать“, какъ настоящій хозяинъ принимался на нихъ покрикивать.

— Ну вы, братцы, не того, не фальшивить у меня! Чего стоите зря? Стоянье не напоитъ, не накормитъ. Берите топоры-то, чего вы и впрямь?—говорилъ Арефа, подгоняя поденщиковъ.

— А ты что больно стараешься, али водки Гнусовъ пообѣщалъ?—спрашивали рабочіе.

— Не все за водку; что̀ не порядокъ, и такъ скажешь,— отвѣчалъ Арефа съ достоинствомъ.

— Да тебѣ-то что̀? Кабы твое—ну, такъ, а за чужимъ-то что тебѣ за нужда дозирать? Прохоръ и безъ тебя своего не упу-

стить,—не такой человѣкъ. Кого другого, а его ни въ жизнь не проведешь,—сейчасъ смекнетъ, много ли отдыхали, дивно даже!—говорили плотники, одобрительно смѣясь.

— Не за своимъ?—переспрашивалъ Арефа, пріосанясь:—а вы почемъ знаете, чей это домъ будетъ опосля всего?

— Ужъ не твой ли, за кой грѣхъ?—смѣялись рабочіе.

— Можетъ, и мой...

— Не плохи же палаты, когда такъ заворачиваетъ тебѣ Гнусовъ... За чтò онъ тебѣ этакъ благодѣтельствуетъ?—хохотали рабочіе сильнѣе прежняго и сыпали въ Арефу градомъ остротъ, но на Арефу это ни мало не дѣйствовало.

— Хоть теперича Гнусовъ и строится,—принимался онъ излагать свои основанія,—но строится онъ не на своей землѣ, а на моей...

— Такъ, такъ,—поощряли Арефу слушатели.

— Доколѣ я дозволяю ему, до тыѣ поры онъ и строится; а захочу сейчасъ же прогнать, и прогоню,—говорилъ Арефа горячо и убѣжденно.

— Ловко ты надумалъ...

— Скажу, чтобы духу его тутъ не пахло—и долженъ будетъ убираться! вотъ вамъ и стройка...

— Ну, ужъ его теперь наврядъ прогонишь,—возразили рабочіе недовѣрчиво, вдругъ переходя въ серьезный тонъ, чѣмъ окончательно разгорячили Арефу.

— Это мнѣ-то, съ своего-то собственнаго мѣста, не прогнать? Такъ вотъ, какъ Богъ святъ, прогоню! Почему онъ тутъ строиться началъ?—по согласію со мной. У насъ и въ приговорѣ написано, что по согласію. Не будетъ на это моего согласія—и кончено!—кричалъ Арефа внѣ себя отъ раздраженія.

— Да вѣдь ужъ не одно же у васъ согласіе было, чего ты намъ разсказываешь! Попилъ ты что-нибудь у него, ну, и такъ, слышно, деньгами онъ тебѣ много-мало давалъ, и опять же всѣ платежи съ тебя снялъ. Нѣтъ, ужъ, видно, чтò съ возу упало, то пропало; какой ты теперь хозяинъ къ ляду!—резонно толковали рабочіе.

Арефа умолкалъ, но не убѣждался. Въ глубинѣ души онъ не переставалъ думать, что какъ надѣльная земля его, такъ и его одворица все еще принадлежатъ ему, несмотря на условіе, заключенное съ Гнусовымъ, по которому Гнусовъ обязывался внести въ казну за надѣлъ Арефы всю выкупную ссуду и покрыть всѣ его недоимки; а Арефа долженъ былъ навсегда отказаться отъ пользованія землей и немедленно выбраться изъ своего

двора и дома. Но Гнусовъ медлилъ внесеніемъ ссуды въ казначейство. Онъ ждалъ введенія владѣнныхъ записей, чтобы то, что̀ онъ пріобрѣталъ у Арефы, успѣло опредѣлиться уже совершенно точно; ждалъ точно также выдѣла Андрея, чтобы имѣть возможность землю Арефы записать на него, и пока ограничивался лишь тѣмъ, что строился; но именно это промедленіе Гнусова и породило въ душѣ Арефы какъ бы увѣренность, что въ существѣ дѣла изъ его договора съ Гнусовымъ такъ ничего и не выйдетъ.

„Домъ, разумѣется, выстроятъ,—разсуждалъ про себя Арефа,—домъ-то ужъ никуда не дѣнется; но вѣдь онъ будетъ стоять на моей землѣ и за то, что онъ будетъ тутъ стоять, я что̀ захочу, то̀ и спрошу съ Гнусова. Онъ хитеръ, да и я не дуракъ. Ничего онъ въ этомъ разѣ со мной не подѣлаетъ: что̀ запрошу за землю, то̀ и дастъ,—не ломать же ему экую хоромину? Онъ, вонъ, сказываютъ, пристань здѣсь хочетъ строить,—стало быть, ему безъ моего мѣста шагу не ступить; такъ неужели же я дуракъ буду—возьму ему все да и подарю? Нѣтъ, я тоже тертый калачъ!.. Какъ онъ меня въ ту пору пристигъ, такъ и я его, дай срокъ, пристигну“,—мечталъ Арефа, загадочно улыбаясь.

„Да, можетъ, еще и такъ дѣло обернется, что я этотъ самый домъ выкуплю впослѣдствіи времени у Гнусова за себя,—впередъ ничего не узнано. Вотъ парнишки у меня выростутъ, выучу я ихъ печи класть, не такъ же ужъ тогда промышлять-то станемъ, мало ли что можетъ случиться“, продолжалъ Арефа мечтать.

И съ каждымъ днемъ его странная фантазія крѣпла все сильнѣе и время отъ времени пополнялась новыми, еще болѣе невѣроятными подробностями, такъ что, въ концѣ концовъ, не одинъ домъ, но и будущая пристань Гнусова представлялись Арефѣ его полной собственностью.

Только изрѣдка онъ совершенно ясно понималъ свое бѣдственное положеніе и всю его безвыходность, и въ такія минуты на него страшно было смотрѣть: глаза его наливались кровью и горѣли непомѣрной ненавистью, рука судорожно сжималась въ кулакъ, зубы скрежетали,—тогда это былъ звѣрь, а не человѣкъ.

Впрочемъ, такое состояніе рѣдко замѣчалось у Арефы. Сначала ничего такого съ нимъ и совсѣмъ не было; но послѣ того, какъ была обнаружена связь его Натальки съ Сенькой Никиты и ея беременность, Арефа не находилъ себѣ мѣста и становился все болѣе сумрачнымъ и зловѣщимъ.

По случаю сожительства Натальки и Сеньки, во дворѣ Никиты въ послѣднее время чуть не каждый день происходили безобразнѣйшія сцены. Степанида орала на всю улицу, требуя, чтобы

Сенька покрылъ голову ея дочери честнымъ вѣнцомъ, и встрѣчая, какъ со стороны самого Сеньки, такъ и со стороны его родителей, отпоръ, приходила въ ярость и принималась проклинать все и всѣхъ или же горько плакалась на свою долю.

Никита и Бормотуха, съ своей стороны, доказывали ей, что на „такихъ“, какъ ея дочь, не наженишься: сегодня одна, завтра другая, всѣхъ вѣнцомъ не покроешь.

— Пуще бы глядѣла за дѣвкой, такъ ничего бы и не было. Еще Сенька либо нѣтъ виноватъ—дѣло закрытое. Онъ вонъ не сознается, хошь ты его пили,—говорила Бормотуха.

— А кой чортъ, если не онъ-то?

— Это не наше дѣло,—замѣчалъ Никита:—мы за твоей дочерью не пастухи.

— Богъ вамъ судья!..

— Мы не научали.

Сенька выросталъ точно изъ-подъ земли и начиналъ паясничать.

— Напрасно ты это про меня говоришь,—ни душой я, ни тѣломъ не виноватъ,—нахально ухмыляясь, обращался онъ къ Степанидѣ.

— Кабы не виноватъ, съ чего бы она на тебя говорила?—возражала Степанида, съ ненавистью глядя на него.

— Завсегда на того валятъ, кто смирнѣе. А ты много ли въ придачу къ дочери даешь? Ежели сходно окажется, можетъ я и женюсь,—говорилъ Сенька безъ зазрѣнія совѣсти.

— Пузо тебѣ въ придачу! будетъ съ тебя...

— Ну, пузо что за придача; кабы деньги—иное дѣло. Нонѣшнее время деньги всему голова. Выкладывай капиталъ—слова не говоря, женюсь, и поминать послѣ Наталькѣ не стану...—глумился Сенька, какъ-то особенно развязно повертываясь и лукаво подмигивая.

— Поглядите, православные, онъ же еще и надругается! Никакого стыда у парня нѣтъ,—ни стыда, ни совѣсти! Какъ тебя, аспида, и мать-то сыра-земля носитъ?!.. — возмущалась Степанида.

— Тебя вотъ носитъ же; ну, также и меня,—дразнилъ ее Сенька.

— Вотъ какъ она у меня что ни на есть сдѣлаетъ надъ собой да потянутъ васъ всѣмъ хлюстомъ въ волость,—грозила Степанида,—тогда другое запоете!

— Ужъ тамъ что̀ Богъ дастъ,—отозвались въ одинъ голосъ старики.

— Такъ не лучше ли же вамъ безо сраму Сеньку обвѣнчать?

Чѣмъ дѣвка-то виновата? вѣдь она все одно что ребенокъ!— переходила Степанида въ жалобно-смиренный тонъ, въ надеждѣ растрогать родителей Сеньки.

— Не она, такъ видно мы виноваты...—говорили Никита съ женой.

— Не вы, а Сенька вашъ!

— Не вѣшалась бы на шею, такъ не о чемъ бы и разговаривать было...

— Самые мы горькіе, самые несчастные! Не приведи же Господи никому по чужимъ дворамъ шататься! Кабы мы во своей-то оградѣ жили, не было бы этой бѣды у насъ. Да я бы ему, озорнику, душегубу, и ноги-то бы всѣ тогда переломала... Такъ бы въ башку-то хорошимъ чѣмъ припустила, что тутъ же на мѣстечкѣ и подохъ бы, вотъ какъ передъ Богомъ! Не ходи потомъ, не блуди! А ужъ въ чужихъ людяхъ гдѣ углядишь... Кабы я эту напасть знала, я бы всѣ ноченьки не спала, все бы дуру свою караулила; ладно пословица говоритъ: локоть и близко, да не укусишь. Всякой бы часъ я ее стерегла, пуще бы глазъ берегла, кабы я знала да вѣдала,—такъ вѣдь ровно на грѣхъ у меня про Натальку и думушки никакой не было, все еще ровно она не въ большихъ у меня была!—выла Степанида на всю деревню.

Сама Наталья относилась къ своему положенію съ тупой покорностью. Она, повидимому, не испытывала никакого стыда ни отъ огласки, ни отъ беременности, и попрежнему пользовалась всякимъ случаемъ побыть съ Сенькой наединѣ, несмотря на то, что Сенька становился съ ней все грубѣе, а когда напивался пьянымъ, то бывалъ даже жестокъ. Наталья возмущалась, протестовала и плакала только тогда, если отецъ съ матерью ужъ слишкомъ долго не выпускали ее изъ избы или слишкомъ сильно били, что̀ случалось довольно, впрочемъ, часто.

Но еще чаще билъ Филька Харитонью. Съ тѣхъ поръ, какъ вернулись плотники, она такъ ужъ и не ходила безъ синяковъ.

Съ нѣкотораго времени Филька началъ пить. То въ Покровскомъ купитъ водки, то у плотниковъ, бывало, достанетъ, и чуть вечеръ—онъ ужъ готовъ и ночь спитъ какъ убитый; а пока онъ спитъ, Харитонья все время гдѣ-то пропадаетъ и приходитъ домой только на разсвѣтѣ.

Сначала ни Титъ Андронычъ, ни Абросимовна, ничего этого не замѣчали, но потомъ дознались и пригрозили Филькѣ съ женой, что если они не остепенятся, то ихъ прогонятъ. Однако эти угрозы не помогли: Филька продолжалъ пить, Харитонья— пропадать неизвѣстно гдѣ, потомъ между ними неизбѣжно про-

исходила драка, и такъ всякій день; а Титъ Андронычъ все надѣялся, что они опомнятся, и не приводилъ своихъ угрозъ въ исполненіе.

Да и не до Фильки ему было. Давно уже подготовлявшееся намѣреніе Андрея выдѣлиться было, наконецъ, высказано имъ вслухъ, и это надолго заняло все вниманіе Тита Андроныча. Что, казалось бы, было въ этомъ такого особеннаго, отъ чего стоило бы терять голову? Развѣ не давно ужъ всѣмъ и каждому было извѣстно, что Андрей непремѣнно отдѣлится отъ отца? Разумѣется, это всѣ очень хорошо знали, а между тѣмъ открытое заявленіе Андрея о выдѣлѣ, безъ всякаго преувеличенія, разразилось надъ старикомъ Лобановымъ точно громовой ударъ.

Разъ Гнусовъ, обревизовавъ свою постройку, зашелъ къ свату и расположился у него пить чай. Почти тотчасъ же явился и Андрей, ни зачѣмъ отлучившійся со станціи. И вотъ тутъ-то, въ присутствіи тестя и подъ его защитой, и высказалъ онъ отцу впервые свое желаніе выдѣлиться.

Выслушивая сына, Титъ Андронычъ имѣлъ видъ человѣка совершенно безпомощнаго и беззащитнаго: онъ чувствовалъ, что рушится что-то крѣпкое, что до сихъ поръ считалось неразрушимымъ, что-то родное, кровное, чего ему до смерти жаль, но чего спасти уже никакъ нельзя,—и валится прямо на него. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, едва дышалъ отъ волновавшихъ его чувствъ, упорно молчалъ и только все какъ-то странно узилъ глаза и мигалъ быстро, быстро.

Андрей выразилъ свое желаніе и тоже замолчалъ. Онъ стоялъ передъ отцомъ въ почтительной позѣ и покорно ждалъ его рѣшенія. Но Гнусовъ долго говорилъ не умолкая.

Въ общемъ всѣ его резоны и доводы въ пользу выдѣла Андрея сводились къ слѣдующему. Такъ какъ у Тита Андроныча два сына, а у него, Гнусова, нѣтъ ни одного, то одного изъ своихъ сыновей Титъ Андронычъ долженъ уступить ему. Андрея онъ, Гнусовъ, осчастливитъ на всю жизнь, въ люди его выведетъ, всѣ свои капиталы ему предоставитъ и всякимъ торговымъ оборотамъ его научитъ. Первымъ дѣломъ землю Арефину запишетъ за него, потомъ вотъ и этотъ строящійся домъ. Изъ родительскаго хозяйства Андрею синь-пороха не надо; но ежели лошадьми его Титъ Андронычъ благословитъ или другимъ чѣмъ, имѣющимся на станціи, отъ этого они не прочь, такъ какъ ямскую гоньбу Гнусову желательно пріобрѣсти въ исключительную собственность Андрея. Ну а которое они могутъ и по цѣнѣ принять. Кромѣ того, Гнусовъ весьма краснорѣчиво рисовалъ

постройку хлѣбной пристани въ Лобановщинѣ и всѣ имѣющія произойти отъ этого выгоды, какъ лично для него, такъ и для Андрея, и т. д., и т. д. Но дальше, въ сущности, шли уже второстепенныя подробности.

Титъ Андронычъ ёжился, мигалъ и холодѣлъ. Абросимовна молча плакала, а Гнусовъ все говорилъ и говорилъ.

— Самъ знаешь, правду ли я говорю,—убѣждалъ Гнусовъ свата:—хлѣбъ у кого вся наша палестина мелетъ?—у меня. Чьи кабаки въ нашихъ мѣстахъ стоятъ?—сплошь мои. За что у меня народъ и лѣто, и зиму работаетъ?—за долги: то смелешь кому жито въ долгъ, то мукой ссудишь когда, а глядишь потомъ косцовъ или жнецовъ полкъ пришелъ къ тебѣ къ первому. Да ежели бы еще Богъ привелъ хлѣбную-то торговлю за собой утвердить, такъ я не то въ уѣздѣ нашемъ, я по всей губерніи первымъ человѣкомъ буду,—я вѣдь на свои кровныя дѣло-то поведу; ты не гляди, что я сѣръ,—я собаку съѣлъ...

— Благослови, батюшка! Не отнимай отъ меня счастья! По гробъ жизни милости твоей не забуду, дѣтямъ и внучатамъ закажу Бога за тебя молить,—благослови безо всякаго сердца, истинно какъ родитель!—рѣшился снова заговорить Андрей. Онъ былъ сильно взволнованъ и въ серединѣ своей рѣчи вдругъ сталъ передъ отцомъ на колѣни.

Титъ Андронычъ, поблѣднѣвшій еще болѣе, молча снялъ съ божницы маленькій образокъ, первый, какой попался подъ руку, и молча благословилъ имъ Андрея. Потомъ онъ передалъ образокъ женѣ. Но Абросимовна не выдержала: она громко зарыдала и запричитала и едва была въ силахъ осѣнить образомъ голову сына.

Затѣмъ пошли практическія хлопоты: сходъ, приведеніе въ извѣстность стоимости лошадей, сбруи и всякой другой ямской утвари, раздѣлъ ея и лошадей, раздѣлъ заготовленнаго корма и т. п. Все это устроивалось довольно медленно. Съ перваго заявленія о раздѣлѣ прошло уже больше мѣсяца, а Андрей съ женой все еще не выѣзжалъ изъ отцовскаго дома, и Ѳедоръ все еще продолжалъ стоять на станціи. Тѣмъ не менѣе, между Гнусовымъ и Титомъ Андронычемъ было окончательно рѣшено, что какъ только Андрей перейдетъ въ новый домъ, Ѳедоръ тотчасъ же вернется домой. Въ это же время Гнусовъ долженъ былъ выплатить деньги за переходъ къ Андрею всей станціи и выдѣлить изъ общаго числа лошадей для хозяйства Тита Андроныча четыре лошади по его собственному, Тита Андроныча, выбору. Но новый домъ все еще не былъ готовъ и, благодаря этому, окончательный раздѣлъ такъ пока и не приводился въ исполненіе.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда разъ, подъ вечеръ, за нѣсколько дней до Покрова, у околицы показалась Улита, едва плетущаяся отъ усталости и вся запыленная, но торжествующая и счастливая тѣмъ, что снова видитъ знакомыя мѣста, знакомыя лица. Проходя улицей, она всѣхъ радостно привѣтствовала и звала за собой къ избѣ Маланьи, впередъ предвкушая удовольствіе отъ своихъ разсказовъ, которыхъ у ней за время ея длиннаго пути накопилось множество.

XIV.

— Улита! Улита! Матушки мои, вѣдь и впрямь Улита... Улита пришла, передъ Богомъ, пришла!—послышались на улицѣ голоса взрослыхъ и дѣтей.

Маланья сбирала на огородѣ снопы льна, развѣшеннаго по тыну для просушки, и у ней упало сердце отъ этихъ криковъ: она только-что плакала, проклиная свое постылое житье, невозможность бросить все и уйти куда глаза глядятъ, свое одиночество, бѣдность и вѣнецъ всѣхъ золъ—Таньку-головиху. Лицо ея опухло и было еще красно отъ слезъ.

„Вотъ Богъ принесъ не вò-время! Какъ я ей этакая покажусь? что скажу? Пойдетъ опять во всякую дыру носъ совать, за всѣмъ дозирать, обо всемъ дознаваться. То ли дѣло одна-то я жила: ни воркотни, ни непріятностей никакихъ,—куда бы ни пошла, никто не спрашивалъ, куда да зачѣмъ... вольно, покойно было. А вотъ скажу: тараканье крыло въ глазъ попало, какъ полицы обметала поутру, оттого, молъ, и слезы,—вправду вѣдь я полицы-то обметала сегодня,—такъ она съ меня ничего и не возьметъ",—думала Маланья, входя въ избу.

Тамъ уже любопытныхъ набралась масса. Почти всѣ пришли, и, благодаря тѣснотѣ и наступившимъ сумеркамъ, заплаканное лицо Маланьи осталось незамѣченнымъ. Поздоровавшись, она сейчасъ же принялась накрывать на столъ для Улиты, и Улита въ радости отъ благополучнаго возвращенія не протестовала на этотъ разъ ни противъ каши, ни противъ яичницы, нарочно для нея тутъ же приготовленной, ни противъ молока. Она все разсказывала о томъ, какъ она ушла, какъ впередъ шла и пришла обратно; что̀ видѣла и слышала, кого встрѣчала, какимъ угодникамъ сподобилась поклониться—все очень подробно и увлекательно.

Сначала, разумѣется, шли разсказы о храмахъ, ихъ благолѣпіи, благоуханіи мощей и чудесахъ отъ нихъ; о благочестіи

иноковъ и инокинь; затѣмъ объ опасностяхъ и ужасахъ мореплаванія, о монастырскихъ подворьяхъ; потомъ передавались впечатлѣнія отъ разныхъ мѣстностей и разныхъ обычаевъ и нравовъ народонаселенія, совершенно непохожаго на мѣстное, и т. д., и т. д.

Разсказы Улиты тянулись не одинъ день, и все еще, казалось, конца имъ нѣтъ. Слушатели были въ восторгѣ отъ нея и несли ей то блинъ, то ватрушку, то яичко. Удовольствіе было полное и обоюдное. Правда, теперь старуха не передавала уже ничего крупнаго и поражающаго, въ родѣ исцѣленія бѣсноватаго въ Тотьмѣ или другого какого-нибудь чуда, о которомъ ей пришлось слышать по монастырямъ, но все же въ ея разсказахъ и теперь было весьма много интереснаго и поучительнаго, и какъ только одни посѣтители уходили, тотчасъ же входили другіе. Не мало народу являлось даже и изъ сосѣднихъ деревень, не говоря уже о Покровскомъ. Улитѣ не нужно было больше ходить за милостыней: все необходимое для ея пропитанія міряне несли ей сами щедро и добровольно.

— Кабы можно было, такъ бы и не ушелъ изъ тѣхъ палестинъ во вѣки вѣковъ,—такое ли, милые вы мои, услажденіе— словъ даже нѣту! Не токма у церквей стѣны исписаны божественнымъ, а и въ трапезѣ, и на папертяхъ все по стѣнамъ картины съ покаяніемъ. Только вотъ темный я человѣкъ-то, милые, не понимаю по картинамъ-то, что̀ къ чему, ну и вижу-то плохо, —говорила Улита.

— Такъ бы и слеталъ туда на крылышкахъ! — причмокиваютъ бабы, благочестиво вздыхая.

— Кабы глазки-то хорошо у меня видѣли, не столько бы еще я вамъ разсказала: такъ все они у меня, Богъ съ ними, ровно какъ за слюдой. Тру я ихъ, тру, а все ясности прежней нѣтъ,—продолжаетъ Улита.

— Что и говорить, не молоденькая; ну и опять же, походика съ твое по пыли да по солнопеку экому,—вонъ, сказываешь, какіе жары тамъ, что вся и кожа-то на лицѣ растрескается; тутъ, пожалуй, и у молодого глаза̀ будутъ за слюдой, шутка сказать!..

— А досадно же, подите-ка, когда что не различаю. Слышу— люди и то говорятъ, и другое; глядятъ на икону, либо на какое изображенье по стѣнамъ и дивуются, а я отъ старости ли, за грѣхи ли ужъ, ничего не вижу и не могу понять, про что они такъ сокрушаются.

— Ты бы маслица отъ мощей въ глаза-то пустила!

— Пускала и маслица, не одинъ я разъ его пускала—не

помогаетъ. Одинова очень ужъ прискорбно сдѣлалось мнѣ мое затмѣніе, изъ-за старца изъ-за одного, какъ онъ при концѣ живота своего былъ написанъ на стѣнѣ.

— Страшно?

— Хоть и страшно, а въ напоминаніе смертнаго часа хорошо. Иду я разъ по паперти большой церкви въ Соловецкомъ монастырѣ,—иду-задумалась, вдругъ слышу—вздохи тяжкіе. Гляжу: люди стоятъ въ кучкѣ и вслухъ сокрушаются. Подошла я къ нимъ и спрашиваю: объ чемъ, братья-сестры, вздыхаете? „Все о грѣхахъ своихъ, говорятъ. Вотъ, говорятъ, святой старецъ, и тотъ при концѣ живота смущенъ, а мы, окаянные, пьемъ, ѣдимъ, суесловимъ за всякое время, намъ-то что же на томъ свѣтѣ будетъ?“ И показываютъ мнѣ они на картину, передъ которой стоятъ. Ну, я поглядѣла на стѣну, вижу—точно, нарисовано: старецъ сидитъ, а больше ничего не вижу, и говорю: не вижу я ничего, кромѣ старца, обскажите, православные, въ чемъ тутъ причина. Пожалѣлъ меня тутъ одинъ паренекъ изъ богомольцевъ и подробно мнѣ всю картину изъяснилъ. Ну и точно, есть надъ чѣмъ повздыхать; у меня, инда, морозъ по кожѣ пошелъ...

— Когда же про смерть легко говорить! извѣстное дѣло, морозъ пойдетъ...

— Ну вотъ, сидитъ тотъ старецъ передъ столомъ, ветхій, постный, богобоязненный. Всю онъ жизнь свою спасался, постился да молился, только и дѣла его было. Никогда никого ничѣмъ не изобидѣлъ, ничего чужого не утаилъ, никого не оклеветалъ и прелести женской не знавалъ отъ роду. И шибко ужъ изморился, черезъ силу ужъ и дышетъ, ну, однако, плотской немощи и еще не поддается, а сидитъ у столика и житія святыхъ читаетъ. Книга престрашенная толстая, а онъ ее всю до самаго послѣдняго листочка дочиталъ, ну только черезъ силу и разбираетъ въ книжкѣ, потому на столѣ у него свѣту только и есть, что крохотный огарочекъ, да и тотъ чуть ужъ только и мизюкаетъ. Все ужъ, видать, что у старичка божьяго подъ исходъ... Ну, сидитъ. Надъ головой у него Всевидящее Око нарисовано и всякіе херувимы и серафимы; внизу—адъ съ дьяволами и грѣшники въ презлыхъ вѣковѣчныхъ мукахъ; у ногъ раскрытый гробъ стоитъ, а за плечьми—вотъ ужъ совсѣмъ вплоть подошла—смерть съ косой, да и замахивается...—разсказываетъ Улита взволнованно, вся проникнутая торжественностью сюжета картины.—Это ли не страсти божіи?—спрашиваетъ она своихъ внимательныхъ слушателей.

— Страсти и есть... Спаси Матерь Божія всякаго друга и

нѐдруга, прости и помилуй!—отвѣчаютъ ей робкимъ полушопотомъ; при этомъ наиболѣе чувствительные и тѣ, которые почему-нибудь считаютъ себя особенно грѣшными, тихо плачутъ.

— А вѣдь святой! — замѣчаетъ Улита значительно. — Чувствуетъ праведный старецъ, что близокъ его конецъ, и ужасается. Слезы такъ и текутъ у него изъ глазъ, такъ и текутъ. И говоритъ онъ самъ съ собой, глядя на небо, съ превеликимъ воздыханіемъ, а самъ перстикомъ показываетъ сперва на огарокъ, потомъ на гробъ и на смерть, а опосля всего на рай и на адъ: „свѣча жизни моей догораетъ; гробъ отверзтъ передо мною, смерть стоитъ за мною, Судъ Божій надо мною, адъ кромѣшный подо мною, Господи помилуй, что сотворю?!..“

Слушатели такъ разстроганы и подавлены, что даже безмолвствуютъ. Между плачущими всѣхъ сильнѣе плачетъ Маланья.

— На тотъ годъ я пойду къ Соловкамъ, — говоритъ она.

— Ты?!—изумляется Улита.

— Ой-ли? Неужли и впрямь пойдешь?—спрашиваютъ другіе.

— А что?—спрашиваетъ въ свою очередь Маланья. На лицѣ ея горитъ неестественно яркій румянецъ; оно странно неподвижно; глаза расширены и смотрятъ куда-то въ пространство.

— Да на кого ты ребятъ-то покинешь? Какая ужъ тебѣ ходня къ Соловецкимъ? куда ты, дѣтная мать, пойдешь?—возражаютъ ей присутствующіе.

Маланья глубоко вздыхаетъ.

— Съ ребятами Улита подомовничаетъ,—неувѣренно произноситъ она.

— Нѣтъ, я не внимаюсь. Куда мнѣ при старости лѣтъ! Ребята у тебя прыткія-препрыткія,—углядишь ли за ними? Нѣтъ, ужъ я не домовница тебѣ, не надѣйся!—открещивается Улита.

— Какая ты домовница, само собой... за тобой еще, за старымъ человѣкомъ, пригляди!—поддерживаютъ ее находящіяся въ избѣ бабы.

Наконецъ, запасъ разсказовъ Улиты, какъ ни великъ онъ былъ, истощился все-таки. Пояски съ молитвами, крестики отъ раки преподобныхъ, просфоры, ложки съ благословеніемъ Соловецкой обители и разноцвѣтные камешки съ блестками руды на нихъ, набранные Улитой по берегамъ Сѣверной Двины, все было роздано желающимъ. Никто изъ постороннихъ больше не приходилъ, и жизнь въ Маланьиной избѣ снова вошла въ обычную колею. Тихо теперь у Маланьи. Мишка и Ефимко, по настоянію о. Ивана, поступили съ Покрова въ школу и ночуютъ тамъ; дома одна Дуня, да съ началомъ зимы и та что-то присмирѣла, си-

дитъ, играетъ и не слышно ее. Маланья тоже все больше молчитъ.

Скучно Улитѣ въ тѣсной избѣ, на безлюдьѣ и въ тишинѣ, и она вновь заговариваетъ о чемъ-нибудь изъ только-что пережитаго. Но Улита повторяетъ уже извѣстное, и Маланья не отзывается на ея рѣчи ни однимъ словомъ. Улита начинаетъ про другое; но Маланья и тутъ молчитъ, и старуха раздражается.

А Маланья часто и не слышитъ, что именно вспоминаетъ Улита. Въ ея душѣ вѣчная ночь и такая гнететъ ее постоянно тягота, что ни къ чему ей и рукъ не хочется приложить. Пускай бы все какъ-нибудь само дѣлалось, какъ бы нибудь—все равно, а ей хоть бы на малое время пойти схорониться куда и хоть бы выплакаться хорошенько, что-ли, или бы такъ побыть одной,—можетъ, сколь и полегчало бы тогда...

„При Улитѣ плакать и подумать нельзя, сейчасъ привяжется: о чемъ, да изъ-за чего? А что я ей скажу? Развѣ можно сказать ей, что змѣя лютая все мое сердечушко высосала, что только одна у меня дума и ночью, и днемъ: про Ѳедора?“—думаетъ Маланья и, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить себя, заводитъ одну изъ тѣхъ немногихъ пѣсенъ, которыя однѣ только и пѣла она все послѣднее время:

То не ласточка ко мнѣ прилетала,
Не касатая вѣстку приносила:
Что сидитъ ли мой милъ, милый, во неволѣ,
Какъ во той тюрьмѣ, въ московскомъ острогѣ.
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Ни щелей нѣту, нѣту ни протесокъ;
Одна трубушка, труба дымовая,
Изъ той трубушки дымъ-то повѣваетъ,
У меня младой сердце занываетъ...

—заунывно поетъ Маланья своимъ чистымъ, мягкимъ голосомъ, разматывая въ то же время пряжу на чулки.

Улита и безъ того не знаетъ, куда дѣваться отъ нестерпимой тоски; съ утра валитъ снѣгъ, съ утра, надрывая душу, въ трубѣ вѣтеръ воетъ всякими зловѣщими голосами, а тутъ Маланья еще такую печальную пѣсню затянула.

— Нашла пѣсню, нечего сказать! Вотъ напророчишь мужу-то острогъ, такъ и будешь знать... Покуда Богъ пасетъ, такъ ей не ладно, сама бѣду кличетъ! — ворчитъ Улита съ палатей.

— Зачѣмъ, Богъ съ нами, бѣду. Съ чего я мужу острогъ напророчу,—развѣ про него пѣсня сложена? — противорѣчитъ Маланья. Тѣмъ не менѣе она умолкаетъ и, когда начинаетъ пѣть снова, поетъ уже про другое:

Голубь, голубь, голубь-голубокъ,
Развизенькій, сизый воркунокъ!
Что не весело, голубь, леталъ,
Не радошно, сизый, ворковалъ?

запѣваетъ Маланья снова, но не менѣе грустно, и Улита опять прерываетъ ее.

— Не стало у тебя добрыхъ пѣсенъ, что̀ съ тобой и подѣлалось, — все ты ровно по покойникѣ, прости Богъ, воешь! — съ сердцемъ замѣчаетъ она при звукахъ новой пѣсни.

Маланья окончательно умолкаетъ и такъ задумывается, что перестаетъ работать. Ея руки съ забытымъ въ нихъ клубкомъ безсильно лежатъ на колѣняхъ, голова низко поникла, мысли въ Покровскомъ. Она ясно видитъ, какъ Ѳедоръ крадется къ Танькѣ задворками, какъ входитъ къ ней и какъ потомъ долго, долго ласкаетъ ее... Маланью душитъ бѣшеная злоба; она хочетъ крикнуть или хотя бы только вздохнуть и не можетъ—изъ груди ея вырывается стонъ.

Маланья вздрагиваетъ и приходитъ въ себя.

— Господи, Іисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ! Все ты нынѣ почто-то этакъ нехорошо вздыхаешь, со всѣхъ вѣдь плечъ... Отчего ты этакъ вздыхаешь?—спрашиваетъ Улита.

— Вздыхается такъ какъ мнѣ, — недовольно отзывается Маланья.

— Али болитъ у тебя что̀?

— Ничего не болитъ.

— А о чемъ тебѣ ныньче и вздыхать-то, баба? Все у тебя, слава тебѣ Господи, въ справѣ: и дрова припасены, и хлѣбъ уродился, и корова заведена, не какъ прошлогодь, взадъ будь помянуто!—замѣчаетъ Улита успокоительно.

— Все, слава Богу, есть,—соглашается и Маланья.

— И грибовъ, и огурцовъ мало ли насолено—ѣсть-не приѣсть! Вотъ капуста будто только подгадила—сѣра и слаба; да и о ней что ужъ больно-то вздыхать? не на продажу,—и такая живетъ.

— Не о капустѣ я, что ты! Такъ я...

— Можетъ, Иванъ на́-мысли палъ? Что̀ бы ему и вправду побывать, пожить бы съ тобой хоть недѣльку,—съ коихъ опять поръ глазъ не кажетъ. Живо бы ты тогда развеселилась. Можетъ, ты чего слышала про него?—добивалась Улита.

— Ой, Улита, отвяжись ты отъ меня, ради Господа!—неожиданно раздается крикъ Маланьи, такой рѣзкій и громкій, что заснувшая уже Дуня начинаетъ шевелиться во снѣ, г Улита

испуганно крестится; въ немъ кромѣ душевной муки слышится и физическая боль; но Улиту онъ не трогаетъ, а обижаетъ.

— Ну, и костеря стала, такъ и занозится... Перешибла я тебя словомъ-то?—спрашиваетъ она съ видимой обидой.

Маланья молчитъ.

— Особливо про Ивана... слова тебѣ про него сказать нельзя, сейчасъ обыстрожишься... Я ужъ въ который разъ замѣчаю: какъ только помянешь тебѣ про мужа, такъ ты вся и позеленѣешь, а ужъ сама чтобы когда вспомянула — и не жди лучше! ровно и нѣтъ его у тебя... — корила Улита.

Маланья молчала какъ убитая.

— Мнѣ все чужое, мое дѣло сторона, а только всегда скажу: не ладно ты, бабонька, задумала... Законъ до конца должно соблюдать твердо. Онъ—хоть и Иванъ—какъ знаетъ; мужики, извѣстно, козлы, а ты объ этомъ не заботься и не кропчи,—это дѣло Богъ разсудитъ; ты одну себя знай. Ну, не живетъ онъ съ тобой—и Богъ съ нимъ; все же онъ вѣнчанъ съ тобой, и ты за всякую кору должна памятовать объ немъ; молиться должна, чтобы Господь-батюшка его образумилъ, а ты — нако поди—и не помянешь!—наставляла Улита, но, не встрѣчая со стороны Маланьи ни малѣйшаго отзыва, окончательно разобидѣлась на нее и замолчала.

Въ непробудной тишинѣ мысли Маланьи снова уносятся въ Покровское. Она долго слѣдитъ за взаимными ласками Таньки и Ѳедора, долго, скрѣпя сердце, выноситъ ихъ, но, въ концѣ концовъ, не выдерживаетъ,—ей кажется, что она бросается душить Таньку. Ея пальцы все сильнѣе сжимаютъ бѣлую шею Таньки, которую Ѳедоръ только-что цѣловалъ. „Теперь уже никогда, никогда онъ не поцѣлуетъ тебя больше. Вотъ тебѣ, собака, за всѣ мои муки!" задыхаясь, шепчетъ Маланья прямо въ ухо разлучницы и еще крѣпче сжимаетъ ей горло. А Танька ужъ и безъ того хрипитъ. Еще минута—и ея не будетъ.

Маланья мутнымъ взглядомъ глядитъ вокругъ себя и, все еще не приходя въ полное сознаніе, растираетъ свои онѣмѣвшіе отъ чрезмѣрнаго напряженія пальцы. Да и вся она точно разбита. Каждая точка ея бѣднаго тѣла болитъ и ноетъ; но зато на душѣ становится значительно спокойнѣе, на умъ находитъ спасительная тупость, начинаетъ даже, какъ будто, клонить ко сну, и она спѣшитъ прибрать работу, пока „сонъ не разгулялся".

Иногда въ своихъ тяжелыхъ грезахъ Маланья изводитъ Таньку другимъ способомъ. Она среди ночи поджигаетъ дворъ Таньки со всѣхъ четырехъ концовъ, и прежде чѣмъ кто-нибудь успѣваетъ

замѣтить пожаръ, —Танька сгораетъ до тла, такъ что и костей ея потомъ не оказывается.

Маланья не худѣетъ только, а таетъ; вообще она имѣетъ видъ голоднаго человѣка: тѣ же заострившіяся черты, тотъ же неподвижный взглядъ горящихъ одной мыслью глазъ; рѣчь ея отрывиста и порой груба; къ работѣ она чувствуетъ почти отвращеніе.

Пока не всталъ ледъ, она часто подолгу стояла у рѣки въ дождь и вѣтеръ. По небу быстро неслись сизыя облака, вѣтеръ готовъ былъ сорвать одежду съ Маланьи, дождь съ страшною силой хлесталъ ей въ лицо, а высокія мутныя волны, подкатываясь къ самымъ ногамъ ея, настойчиво говорили ей все одно и тоже: „бросься, бросься!“

Но всякій разъ она крестилась и уходила.

Былъ въ избѣ Маланьи крюкъ въ брусу палатей, здоровенный, чуть не трехвершковый,—и другой, не меньше перваго, въ стѣнѣ у входной двери. Въ старину на эти крюки мужики вѣшали сбрую, но теперь они торчали не при чемъ и ужасно смущали Маланью. Какъ ни взглянетъ она на нихъ, такъ и вспомнятся ей разсказы о разныхъ повѣсившихся людяхъ. Одинъ отъ того горя повѣсился, другой отъ другого; кто на возжахъ, кто на опояскѣ; кто высоко отъ полу, а кто на колѣночкахъ. Какая-то дѣвка, говорятъ, лежа удавилась. „Правда ли, нѣтъ ли, сказываютъ, что когда задумаешь задавиться, надо только голову въ петлю положить, а затянуть ужъ не хлопочи,—чортъ ее самъ затянетъ. И мигнуть, говорятъ, не успѣешь, какъ онъ смастачитъ“,—думаетъ Маланья, разсматривая крюки.

Но вотъ однажды она привела Кирьку съ ломомъ, и тотъ, вытянувъ оба крюка, унесъ ихъ къ себѣ въ кузницу,—благо ему въ нихъ нужда какая-то оказалась.

XV.

— Вотъ вѣдь повадиться-то: на мáлѣ-часѣ въ другой разъ къ тебѣ иду,—проговорилъ Кирька, входя въ избу Маланьи черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ унесъ у нея крюки.

— Садись, такъ гость будешь,—пригласила Маланья, очищая отъ пряжи лавку.

— Некогда мнѣ сидѣть-то, за дѣломъ я къ тебѣ зашелъ...

— Чтò хорошенькаго? —спросила Маланья безъ особеннаго интереса.

— Ужъ не знаю, хорошенькое ли. Поплатилась бы ты, Михевна, сколь ни на есть, вотъ я зачѣмъ... — сказалъ Кирька, глядя въ полъ. Онъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго и видъ имѣлъ рѣшительный и твердый, хотя и начиналъ осторожно.

— Какъ поплатилась бы?—не поняла Маланья:—али я тебѣ должна?

— Не обо мнѣ рѣчь... Въ подать надо бы сколь твоей силы-мочи будетъ.

— А я-то съ чего? Спрашивай съ Ивана. Что ты за новости выдумалъ? Все время Иванъ платилъ, вдругъ съ меня тянуть началъ. Да я гдѣ взяла, что ты, Богъ съ тобой?—вскипятилась Маланья.

— То-то и дѣло-то, что за этотъ годъ твой Иванъ хоть бы на смѣхъ грошъ какой въ подать внесъ, такъ и того нѣтъ.

— Ну, а я гдѣ взяла? Какъ тебѣ, Кирило, не стыдно!

— Мнѣ же и стыдно!.. Изо своего мнѣ кармана за васъ платить, что-ли? Не вамъ ли, смотри, стыдно-то наперво.

— Да ты разсуди, гдѣ я взяла твою подать?

— Не моя она, а твоя. Ежели ты землю держишь, должна, значитъ, и окупать ее за всякую пору; а не желаешь налоги платить, и землю у тебя отберутъ. Обязана внести положенное.

— Что нужды! — не откуда мнѣ твоего положеннаго взять, самъ знаешь.

— Корову продай.

— Экъ тебѣ моя корова впоперекъ горла встала,—и то позавидовалъ! И хоть бы ты нé зналъ, каково легко она мнѣ досталась! Охъ, совѣсть, совѣсть!

— Ну, опять же и ссуды на тебѣ довольно. Это ужъ не подать—сама брала; должна ты ее возвратить или нѣтъ?

— Отъ ссуды я не отпираюсь.

— Въ магазинъ должна представить: полторы четверти жита на тебя наведено.

— Знаю, что наведено.

— Такъ что не несешь, когда такъ?

— Да то и не несу, что не обмолочено еще у меня.

— Въ людяхъ давно ужъ обмолочено.

— Такъ тò въ людяхъ, а однѣ-то руки не руки. Кабы и у меня съ твое работниковъ-то въ дому было, тогда другое дѣло, а то я одна-нá-одно. Вотъ вымолочу, такъ бери.

— Сама должна принести. Все за вами ходи да Христомъ-Богомъ выпрашивай, нѣтъ чтобы доброй волей... Ну, а деньги-то когда?

— А ужъ денегъ мнѣ крошечки не гдѣ взять,—деньги у Ивана проси.

Кирька плюнулъ и пошелъ вонъ.

— Смотри хуже будетъ, Михевна, какъ съ описью прiѣдемъ,—тогда ужъ какъ есть все у тебя оберутъ. Вонъ въ сивковской волости такъ дерма и дерутъ старину безо всякой милости, то же все и у насъ будетъ, вотъ и погляди. Поплатила бы сколь доброй волей, во сто бы разъ лучше было, — проговорилъ онъ, обернувшись къ Маланьѣ въ дверяхъ.

— Грабьте, ежели креста на вороту нѣтъ, мнѣ ужъ, однако... — отвѣтила Маланья.

— И чортъ съ вами не сообразитъ! — выругался Кирька, исчезая за дверью. Онъ былъ страшно ожесточенъ ежедневной упорной борьбой съ недоимщиками и крайне плохимъ поступленiемъ платежей, несмотря на урожай. Какъ Кирька ни хлопоталъ, народъ платилъ замѣчательно туго, и ему постоянно приходилось выслушивать отъ начальства брань и угрозы за плохое исполненiе своихъ обязанностей.

Начальство не разъ поставляло Кирькѣ на видъ, что онъ, какъ сборщикъ, долженъ зорко слѣдить за каждымъ дворомъ, и чуть замѣтитъ гдѣ хоть малую возможность платить, тотчасъ же долженъ сдѣлать внушенiе, а то и силой заставить очистить окладъ, иначе ему самому плохо будетъ.

И Кирька старался; но пока изъ всѣхъ старанiй его, кромѣ обоюднаго огорченiя, ничего и не выходило. Тайна этого непрiятнаго положенiя обѣихъ сторонъ заключалась въ томъ, что за время послѣднихъ неурожайныхъ лѣтъ, кромѣ огромной недоимки, у крестьянъ накопилась масса другихъ, не менѣе неотложныхъ потребностей и нуждъ. Такъ какъ, въ большей части случаевъ, нужды и потребности эти непосредственно касались хозяйства, служили опорой его и часто были необходимы прямо какъ возможность дальнѣйшаго его существованiя, то онѣ и удовлетворялись прежде всего другого.

— Подать подождетъ; у казны, у матушки, денегъ много,—говорилъ народъ, и на тѣ деньги, которыя выручались имъ отъ продажи лѣтняго хлѣба, съ чистой совѣстью покупалъ себѣ соху, шлею, овчины или чинилъ кожухъ. Иногда прiобрѣталась даже лошадь или корова. За время неурожайныхъ лѣтъ крестьянами столько было распродано самаго необходимаго и распродано за безцѣнокъ, что настоятельно требовалось какъ можно скорѣе пополнить недостающее, иначе не съ чѣмъ оказывалось и хозяйствовать. И вотъ они, по мѣрѣ возможности, обзаводились вновь,

вспоминая о подати только тогда, когда Кирька или другой какой сборщикъ вмѣстѣ со старшиной и становымъ приставали къ нимъ, что называется, съ ножемъ къ горлу.

— Что вы задомъ напередъ торопитесь? Вѣдь вы сами не безъ хозяйства живете—можете или нѣтъ понимать, сподручно мнѣ безъ лошади быть или не сподручно? Дайте мнѣ духъ перевести, можно и пódать... — говорилъ какой-нибудь мужикъ, уличенный въ покупкѣ лошади въ то время, когда на покрытіе оклада и недоимокъ отъ него, несмотря на обильный урожай, не поступило ни одной копѣйки.

— А горячихъ не хочешь? —спрашивалъ у него старшина: —что, мнѣ свои бока за тебя подставлять, что-ли? И то за всякое время черезъ вашу низость отъ начальства непріятности переносишь. Плевать я на твою лошадь хотѣлъ, я знать ничего не хочу, мнѣ деньги хоть роди! — съ пѣной у рта кричалъ на недоимщика волостной старшина.

— Смѣшное дѣло, — довольно благодушно, какъ человѣкъ, вполнѣ убѣжденный въ своей правотѣ,—возражалъ старшинѣ недоимщикъ: — роди! Ужъ кабы можно было,—родилъ бы я тебѣ, такъ то-то нельзя, а кабы можно-то, такъ словъ нѣту.

— Вотъ, дубина, еще смѣется! — восклицалъ старшина въ совершенномъ негодованіи.

— Да что мнѣ,—не плакать для тебя... Я тебѣ толкомъ все обсказалъ, невозможно мнѣ безъ лошади; кабы льзя было обойтись безъ нея, я бы не хуже тебя зналъ, а ты все свое бренчишь.

— Чего ты зимой на лошади станешь дѣлать? — вмѣшался писарь, человѣкъ новый въ деревнѣ.

— Какъ чего? Да зимой-то, если хочешь знать, больше лошадиной работы, чѣмъ лѣтомъ: дрова, сѣно возишь, на мельницу не одинъ разъ съѣздишь; ну, а я, окромя того, подрядъ взялъ— кирпичи отъ Прошиныхъ въ Сивково возить, больно ладно попало.

— Черти!.. Пишите, судьи, приговоръ!—произносилъ старшина торжественно.

Мужика приговаривали къ обычному въ подобныхъ случаяхъ наказанію розгами, и если онъ и затѣмъ все еще упорствовалъ, сѣкли. Въ иныхъ случаяхъ только-что пріобрѣтенная лошадь или корова продавались снова и большею частью значительно ниже той цѣны, какая была за нихъ заплачена.

Толку отъ этого выходило, разумѣется, мало. Земство, уѣздная полиція, мировые судьи, врачи и учителя давно уже получали только половину содержанія; наконецъ, дошло до того, что даже и государственные сборы перестали поступать. Тогда на стѣнахъ

домовъ сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и при правленіяхъ, а также на столбахъ у околицъ появился краткій, но ясный, безповоротно строгій циркуляръ, призывавшій бездѣйствовавшія уѣздныя и волостныя власти къ неукоснительному исполненію ихъ служебныхъ обязанностей, а населеніе къ безотлагательному погашенію всѣхъ лежавшихъ на немъ платежей.

Это произвело замѣтное впечатлѣніе прежде всего, разумѣется, на начальство, а потомъ и на народъ.

По точному смыслу циркуляра требовалось немедленно взыскать недоимки прежнихъ лѣтъ, окладъ текущаго года по государственнымъ и земскимъ сборамъ и долги въ хлѣбо-запасные магазины, и взыскать все это необходимо было въ какіе-нибудь два мѣсяца. Полиціи, волостному и сельскому начальству текстомъ циркуляра давались широкія полномочія; народу объявлялось, что дольше ему не будетъ оказано ни малѣйшихъ послабленій до тѣхъ самыхъ поръ, пока самое слово „недоимка“ не исчезнетъ, наконецъ, совершенно изъ оффиціальныхъ бумагъ. Нѣкоторую льготу представляло только дозволеніе разверстать недоимки по круговой порукѣ на состоятельныхъ членовъ общества, все же остальное наводило на задолжавшее выше всякой мѣры населеніе одинъ трепетъ.

Все зашумѣло, заволновалось, пришло въ движеніе. Становой, урядники, предсѣдатель уѣздной управы, членъ крестьянскаго присутствія и все волостное и сельское начальство безъ устали колесили по уѣзду во всѣхъ направленіяхъ. Поминутно производились описи крестьянскихъ имуществъ, поминутно власти вынуждены были прибѣгать къ экзекуціи и т. п. По деревнямъ стоялъ открытый ропотъ и слухи, одинъ другого тревожнѣе, одинъ другого невѣроятнѣе, переходили изъ устъ въ уста, увеличивая еще больше и безъ того сильное смятеніе.

Кто бы ни пришелъ, кто бы ни пріѣхалъ въ Лобановщину, у каждаго такого случайно навернувшагося человѣка непремѣнно оказывался изрядный запасъ всевозможныхъ ужасовъ.

— Ой, порютъ за подати, страсть! смерть хлёстко! Никого и не разбираютъ. У насъ тутъ въ починкѣ неподалеку солдата съ медалью высѣкли. Чу, солдатъ къ самому царю ушелъ. Становой сплоховалъ,—упустилъ его. Послѣ гнался, сказываютъ, за нимъ, да кавалеръ-то, надо полагать, не дорбгой къ царю отправился, а тропами,—такъ и не поймали,—разсказывалъ отецъ пильщика, работавшаго у Андрея, заѣхавшій къ нему проѣздомъ въ Покровское.

— Времена!—многозначительно покачивая головами, произносили лобановцы.

— Ну, да этотъ, ладно, убёгъ, а вотъ на прошлой недѣлѣ у насъ въ волости старичка одного такъ до смерти запороли—и не дохнулъ даже!—продолжалъ отецъ пильщика.

— Ври больше,—усомнились лобановцы.

— Чего врать-то? при мнѣ было.

— Такъ вѣдь имъ, гляди, прилетитъ за это?..

— Ничего не прилетитъ,—вѣдь они не нарочно его запороли. Доходила же родня-то до самого, да онъ только-де и сказалъ: „Ежели одного-двухъ и засѣкутъ, народу не убудетъ, а какъ всю старину взыщутъ, такъ послѣ сами же спасибо мнѣ скажете".

— Ахъ, мелешь самъ не знаешь чтò!—прикрикнулъ Андрей на разсказчика, зайдя на постройку.—Чего народъ мутишь? Мало еще васъ порютъ, вотъ что!—прибавилъ онъ строго.

Мужикъ замолчалъ. Но въ другой разъ, другой посторонній крестьянинъ, пріѣхавшій къ Кирькѣ въ кузницу заклепать котелъ, снова разсказывалъ не менѣе поразительныя вещи.

— Сначала народъ терпѣлъ,—говорилъ онъ,—а теперь бунтовать принимается... Больше бабы. У Зайчатъ въ прошлый разъ Васиха съ топоромъ на нихъ вышла. И баба-то вѣдь какая: поглядѣть не на чтò! Чего бы она сдѣлала? а вотъ поди ты,—вышла! Мужъ у ней ужъ который годъ безъ ногъ лежитъ, большого сына осенью въ солдаты взяли, а тутъ въ семьѣ подростки все,—ну, она и стала, значитъ, обороняться сама. Заперла это дворъ, стоитъ у воротъ, а сама топоромъ такъ и машетъ, такъ и машетъ...

— Ну, и баба!—умиляются лобановцы.—Можетъ, она домъ-то свой сколько лѣтъ кровавыми трудами собирала, а тутъ за четверть цѣны отдай,—когда же сердце не закипитъ...

— Чтò жъ бы вы думали,—продолжалъ заѣзжій мужикъ:—не смѣли вѣдь начальники къ ней подступиться, а пошли станового спросить, какъ имъ съ Васихой быть.

— Ну?

— Ну, становой приказалъ идти на нее цѣлой сотней, связать ее, а имѣньишко, какое окажется, чинъ-чиномъ описать и продать.

— Такъ и сдѣлали?

— Извѣстное дѣло.

— Чтò же ей послѣ будетъ?

— Ничего не будетъ.

— А за топоръ-то?

— Да вѣдь она никого не посѣкла. Она вѣдь стращала только, чтобы, значитъ, не подпустить, а чтобы тронуть--Боже спаси! Они нонѣ, смотри, въ обидѣ не ищутся. Иной разъ и больно неладно ихъ назовутъ,—ровно не слышатъ... Одно только и наблюдаютъ, чтобы какъ поболѣ казны выбрать, а ужъ тамъ за грубостью, али за браннымъ какимъ словомъ совсѣмъ не гонятся,—это ужъ безъ вниманія нынѣ у нихъ!

— И то сказать: сами тѣ же мужики, хоть и начальники-то, понимаютъ тоже, каково народу легко,—замѣтили лобановцы.— Вонъ у насъ Кирька тоже: пошабарчитъ, пошабарчитъ, да и самъ себѣ не радъ послѣ—совѣстно, потому знаетъ, что послѣднее у насъ. Кабы можно, говоритъ, было, такъ откупился бы... Не радость же и въ начальникахъ быть!

— Чего ужъ радость! Вонъ въ Чиркахъ сами чуть не заревѣли...

— А что?

— Да у вдовы у одной тамъ съ хлѣбомъ вышло... Выгребли они у ней изъ сусѣковъ все до чиста, да еще печеной хлѣбъ былъ, такъ и его забрали, а у бабы-то шестеро ребятъ малъ-мала меньше... Вотъ какъ повезли у ней возъ-то съ хлѣбомъ со двора, она и завыла, и ребята тоже, это въ семь-то голосовъ! Цѣпляются за мѣшки-то, припадаютъ къ нимъ... Ужъ такъ ли они, милые, выли, всю и душеньку-то у насъ вымотали,—я въ понятыхъ былъ.

Рядомъ съ становымъ и сельскими властями по селамъ и деревнямъ ѣздили также и скупщики—хлѣбные торговцы, мясники и проч. Народная ненависть къ этого сорта людямъ была безпредѣльна и ихъ не называли иначе, какъ „живодерами". О нихъ также ходило не мало разсказовъ и все съ однимъ и тѣмъ же характернымъ оттѣнкомъ: одного убили, другого чуть не убили и т. д. Когда рѣчь шла о скупщикахъ, имя Гнусова слышалось особенно часто, и кажется, ни къ кому населеніе не чувствовало такой глубокой ненависти, какъ къ нему. И дѣйствительно, рѣдко кто покупалъ крестьянское имущество дешевле Гнусова; а такъ какъ при этомъ онъ покупалъ еще и больше всѣхъ другихъ, то совершенно понятно, почему о немъ не могли говорить безъ скрежета зубовнаго.

Но до Лобановщины достигала лишь милліонная доля всѣхъ слуховъ, циркулировавшихъ среди деревенскаго люда, и притомъ далеко не самая ужасная; вообще же ихъ была такая масса, что не только провѣрить ихъ всѣ, но и переслушать не было никакой возможности.

XVI.

Посѣщеніе Кирькой Маланьи съ цѣлью „понужденія“ относилось къ самому началу смятенія и потому имѣло довольно мирный характеръ. Впрочемъ Маланья и сама понимала, что если денегъ у нея и нѣтъ, то жито въ общественный магазинъ она можетъ и должна доставить; поэтому на другой же день послѣ прихода Кирьки она высушила овинъ и нѣсколько дней потомъ молотила рожь и овесъ съ утра до ночи. Урожай дѣйствительно былъ блестящій. Даже на плохо унавоженной землѣ Маланьи выросло не менѣе 25 пудовъ ржи и овса.

„Если бы въ магазинъ не засыпать, такъ на весь бы мнѣ годъ нынѣ хлѣба хватило, да и на сѣмена еще осталось бы“, думала Маланья, домолачивая овинъ.

Сначала она изо всѣхъ силъ налегла на работу, но подъ конецъ энергія ея пропала, и она все чаще и чаще садилась отдыхать на порогъ овина, безучастно перенося взглядъ съ предмета на предметъ. Гумно съ брошеннымъ на немъ цѣпомъ, съ кучкой сноповъ, съ ворохами соломы, зеленое холодное зимнее небо, казавшееся безконечно далекимъ, лѣсъ, опушенный снѣгомъ, дорога къ рѣкѣ, новый домъ на сдворицѣ Арефы—послѣдовательно задерживали на себѣ вниманіе Маланьи, но только на одно мгновеніе. Скоро она переставала различать окружающее, и вся, до потери сознанія, уходила внутрь себя. Она ничего какъ будто не думала, ничего не желала, ее угнетало что-то въ высшей степени неопредѣленное, но гнетъ становился съ каждымъ днемъ сильнѣе, и Маланья все чаще тосковала той смертельной тоской, которая, разъ овладѣвъ человѣкомъ, никогда уже не проходитъ сама собой, а всегда кончается какою-нибудь катастрофой—несчастьемъ или преступленіемъ.

Не слыша долго стука цѣпа на гуменникѣ, Улита напряженно ждала, когда онъ раздастся снова, и когда стукъ цѣпа раздавался наконецъ, она всякій разъ благодарно крестилась.

Какъ ни слабы были глаза Улиты, тѣмъ не менѣе, тяжелое душевное состояніе Маланьи не укрылось отъ нихъ; кромѣ того, она замѣтила, что въ присутствіи Ѳедора Маланья дѣлается совсѣмъ другою: иначе сидитъ, иначе смотритъ и говоритъ; случается даже, что при немъ она смѣется, чего нынѣ съ ней никогда не бываетъ. Старуха связала въ своемъ умѣ оба эти обстоятельства въ одно цѣлое и принялась слѣдить за Маланьей шагъ за шагомъ.

„Непремѣнно между ними что-нибудь да есть,—думала про себя Улита,—голову даю на отсѣченіе, преступила Михевна законъ. Теперь, можетъ, и кается, да ужъ не воротишь... Не даромъ Ѳедька всю весну, какъ ястребъ хорошій, кружилъ около нея, истинно не даромъ! Ужъ чуетъ мое сердце, что онъ съѣлъ у меня бабу... А человѣкъ-то она какой была—нà-свято-святой! Еще, гляди, простая ли она у насъ ходитъ? Что-то ужъ больно она убивается. Вотъ, буде бѣда-то!.. Ну, да чтò у ней будетъ, еще попримѣчу".

Но, несмотря на всѣ свои старанія, Улита не могла замѣтить ничего такого, чтò подтверждало бы ея опасенія. Однако ее это не успокоивало, и она рѣшила при первомъ же удобномъ случаѣ узнать всю правду отъ самой Маланьи.

Въ одинъ морозный ноябрьскій день, когда цѣпъ Маланьи не стучалъ что-то ужъ черезъ-чуръ долго, Улита не выдержала, сама пошла на гумно.

На этотъ разъ, сидя на порогѣ овина, Маланья горько плакала. При появленіи Улиты она вскочила, точно ужаленная.

— Да ужъ не тяжелая ли ты, за кой грѣхъ?—спросила Улита, въ волненіи едва выговаривая слова.—Все это Ѳедька, пёсъ долгій, все онъ, воръ!..

Маланья помертвѣла, въ головѣ у нея помутилось; не говоря ни слова, она пошла отъ овина домой. Улита поплелась слѣдомъ за ней. Въ сѣняхъ имъ встрѣтилась Дуня, плакавшая оттого, что ее оставили одну. Маланья грубо отстранила ее и, все продолжая молчать, поднялась на палати и начала собирать тамъ въ одну груду всю одежду Улиты, всѣ узелки ея, ея постель, ранецъ и проч. Она забрала все это въ охапку и вынесла вонъ, на крыльцо. Потомъ вернулась и, отворивъ дверь избы, бѣлая какъ полотно, съ исказившимся отъ злобы лицомъ, хрипло обратилась къ Улитѣ:—Теперь ты иди!

— Куда?—спросила Улита въ полномъ недоумѣніи.

— Куда знаешь...

— Да что ты, съ ума сошла? куда я безъ оболочки пойду!—протестовала Улита растерянно. Сѣдая, дряхлая голова ея тряслась отъ волненія, изъ тусклыхъ старческихъ глазъ струились горячія слезы.

— Иди, иди, Улита! Иди съ Богомъ!—настаивала Маланья, продолжая держаться за скобку двери.

— Это за все-то мое добро? Изъ-за одного-то только слова? Да побойся ты сколь-нибудь Господа-Бога! Куда я по такому морозу пойду, что ты!..—старуха заплакала навзрыдъ.

— Иди!—повторила Маланья суровѣе прежняго и взяла ее за локоть.

Улита вырвала локоть и замахнулась на нее батогомъ, но не ударила, а сѣла на лавку и, чтò было силы, запричитала.

— Простите, дѣтоньки, простите, родимыя! Не живать мнѣ больше съ вами, не важиваться! Дунюшка, дитятко, кто-то теперь за тобой доглядитъ-досмотритъ? Матери, гладкой, никого кромѣ Ѳедьки не надо; только при немъ и свѣтъ видитъ, только и радуется, что на него, а вы сыты ли, голодны ли, ей и нуждушки нѣтъ!—голосила Улита, обливая слезами голову Дуни, уже успѣвшей забраться къ ней на колѣни.

Маланья вырвала дѣвочку изъ рукъ Улиты, силой вывела старуху за порогъ и заперла за ней дверь. Черезъ минуту вся Лобановщина узнала объ этомъ, и хоть Улита прямо и не говорила, за чтò собственно ее выгнали, но изъ ея же рѣчей всѣмъ ясно было, почему въ избѣ Маланьи вдругъ тѣсно стало.

— Есть, есть за ней, есть кисла-то шерсть,—замѣтила о Маланьѣ на жалобы Улиты Степанида, и это было самымъ точнымъ выраженіемъ того, чтò думали о ней теперь и всѣ остальные.

Въ деревнѣ общественное мнѣніе сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; вѣроятно, это есть слѣдствіе меньшей розни въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ и вообще бòльшаго однообразія въ обычаяхъ и образѣ жизни, чѣмъ какіе встрѣчаются въ другихъ классахъ общества; деревня очень часто думаетъ какъ одинъ человѣкъ, и во многихъ случаяхъ своей внутренней, чисто деревенской, жизни ея общественное мнѣніе бываетъ чрезвычайно дѣятельнымъ. Маланья сейчасъ замѣтила, что сосѣди смотрятъ на нее совсѣмъ нехорошо, и въ сердце ея проникла новая печаль. Но не плакать же ей было передъ всѣми и не разсказывать, какъ и чтò... Все равно и тогда не повѣрили бы и не пожалѣли. Она видѣла, что всѣ точно сговорились. Кирька ни за что не согласился взять ее на мельницу. Титъ Андронычъ не отвѣтилъ на ея поклонъ при встрѣчѣ, нарочно наклонился къ подворотнѣ, такъ, ни зачѣмъ, только чтобы не взглянуть на нее. Сенька всякій разъ какъ-то особенно возмутительно швыркалъ носомъ, когда проходилъ мимо ея окна. А о бабахъ ужъ и говорить нечего! Отъ ихъ подозрительныхъ взглядовъ и самыхъ обидныхъ намековъ Маланья рѣшительно не знала, куда ей дѣваться. Ужъ на что Абросимовна,—не было человѣка тише и добрѣе ея,—а и та не утерпѣла, придралась однажды къ какому-то ничтожному случаю и спросила у нея:—Правда ли, Михевна, что какъ сѣдина въ голову, такъ и бѣсъ въ ребро?

— Ты постарше меня, такъ тебѣ лучше знать,—отвѣтила Маланья съ явнымъ ожесточеніемъ.

Вотъ когда она оказалась дѣйствительно одинокой, въ полномъ значеніи этого слова.

„А что же сдѣлали бы они со мной, если бы я и вправду согрѣшила?—спрашивала она себя:—надо быть, наготово бы ужъ съѣли тогда“.

Одного никакъ не могла она понять, почему люди преслѣдують ее больше, чѣмъ ту же Наталью, чѣмъ даже Харитонью; они сдержаннѣе съ нею, но они уже вполнѣ безпощадны къ ней,— неужели ее считають хуже той и другой? При этой мысли она горько и зло смѣялась. Но еще больше горько-смѣшно дѣлалось ей, когда она вспоминала, что ее считають счастливой.

Разъ Өедоръ зашелъ къ ней по дѣлу.

— Что это Улита-то бѣлены объѣлась?.. Я полагалъ, она и умреть у тебя,—совершенно простодушно замѣтилъ онъ. Очевидно, онъ только то и зналъ, что Улита ушла, о сплетняхъ же пока не имѣлъ никакого понятія.

Твердость Маланьи вдругъ куда-то пропала. Ей страстно захотѣлось встрѣтить хоть одно слово участія—Өедоръ былъ всегда такой добрый!—захотѣлось хоть отъ одного человѣка услышать, что вины за ней нѣтъ никакой, ничего нѣтъ, кромѣ сиротства и несчастья, и она, хотя коротко и не называя его самого, разсказала ему о томъ, какъ изъ-за Улиты издѣвается надъ ней вся деревня.

Однако разсказъ Маланьи произвелъ на Өедора совсѣмъ не то дѣйствіе, какого она ожидала. Вмѣсто сочувствія, онъ вдругъ какъ-то подобрался, пересталъ говорить и нѣсколько разъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто хотѣлъ встать и уйти, не смотря на то, что брусъ, за которымъ онъ приходилъ, Маланья еще не разыскала ему.

— Охо-хо... идти же надо,—вмѣсто всякаго отвѣта, вздохнулъ онъ какъ отъ усталости, дѣйствительно тотчасъ же вставая съ мѣста. Онъ снова напомнилъ Маланьѣ о брусѣ.

Слезы не текли, а жгучими каплями стояли въ глазахъ Маланьи и больно кололи ихъ; на сердцѣ горе лежало какъ камень.

„Что же это такое подѣлалось? Ушелъ и слова не сказалъ? Хоть я пропади тутъ, хоть приди какой лиходѣй и вотъ тутъ же на мѣстѣ сейчасъ и убей меня—никто не вступится!—думала она въ нѣмомъ отчаяніи. Въ первый разъ въ сердцѣ ея шевельнулось недоброе чувство къ Өедору: не такого она его любила,

а справедливаго, добраго, который и комара жалѣлъ, когда тотъ въ огонь попадалъ.

„Какъ-то бы сами они въ моемъ хомутѣ шли?“ — думала Маланья объ окружающихъ ее людяхъ въ особенно горькія свои минуты.

Дни еще ничего, за работой, въ присутствіи постоянно лепечущей Дуни, при шумномъ говорѣ Мишки и Ефима, прибѣгавшихъ время отъ времени изъ школы домой, дни еще выносились кое-какъ, но ночи по истинѣ бывали пыткой для изстрадавшейся вконецъ Маланьи. А ночи всю зиму, какъ нарочно, стояли какъ день ясныя: луна ярко свѣтила; тьмы звѣздъ сверкали, то вспыхивая, то потухая; сверкалъ снѣгъ милліонами искръ; вершины опушенныхъ инеемъ елей красиво выступали на безоблачной синевѣ неба; въ прозрачномъ воздухѣ не пропадалъ ни одинъ звукъ, но звуки слышались крайне рѣдко,—развѣ треснетъ бревно отъ мороза въ которой-нибудь изъ стѣнъ избы, или пѣтухъ пропоетъ, или—и это уже чрезвычайно рѣдко—потявкаетъ хриплымъ голосомъ Жучка Тита Андроныча. Новый домъ господствуетъ надъ всей деревней и, сверкая въ лучахъ луны своими большими окнами, особенно надменно глядитъ на избу Маланьи. Маланья терпѣть не можетъ новаго дома: изъ-за него вся семья Арефы погибла, изъ-за него же и Андрей задумалъ дѣлиться; онъ загородилъ ей покровскую церковь, на которую она всегда крестилась, какъ просыпалась по утру, а потомъ тутъ станутъ уже поголовно обирать весь народъ...

Горе одиночества высушило окончательно грудь Маланьи въ эти прелестныя длинныя ночи; въ нихъ она выплакала всѣ свои глаза. Только когда луна уходила за горизонтъ и новый домъ съ одворицы Арефы переставалъ зловѣще сіять своими безчисленными окнами, возбужденіе Маланьи ослабѣвало мало-по-малу, и она, истомленная, измученная, засыпала подъ утро тѣмъ непробуднымъ сномъ изморившагося человѣка, который всегда очень трудно бываетъ прервать, если только, конечно, подлѣ не произойдетъ чего-нибудь необыкновеннаго.

XVII.

Но разъ, не задолго до масляной, именно нѣчто въ высшей степени необычайное прервало крѣпкій утренній сонъ Маланьи. Необыкновенные шумъ и возня разбудили ее ранымъ-ранехонько.

— Э-гей! Но! Дальше проѣзжай! Зачѣмъ дорогу загоражи-

ваете? дальше, дальше! Шибче лупи ей въ двери-то! Эй, Калистратъ, бѣги, кликни урядника!—дико кричало на улицѣ разомъ нѣсколько голосовъ у самой избы Маланьи, и она слышала, какъ визжали по снѣгу полозья саней и ходило множество ногъ. Въ то же время кто-то, что было силы, ломился въ двери ея сѣней и что-то также оралъ во все горло.

Съ просонья Маланья никакъ не могла сообразить, чтò все это значитъ. Окна въ избѣ застыли за ночь и на улицу ничего не было видно. Ей почему-то представилось, что на деревнѣ пожаръ, и она прямо въ рубашкѣ бросилась въ сѣни отомкнуть дверь.

— Что ты не жива или нарочно не отпираешь?—накинулись на нее деревенскіе „начальники“ и тотчасъ же, впередъ ее, вошли въ избу; за ними вошла въ избу и часть понятыхъ—народъ, Маланьѣ все незнакомый.

Началась опись имущества. Пока Маланья одѣлась, одѣла и взяла на руки расплакавшуюся Дуню, опись ея имущества, которое находилось въ избѣ, была кончена и ей приказали показать клѣть и дворъ. Маланья покорно исполнила приказаніе. Она все время ходила и говорила точно во снѣ и вообще имѣла такой видъ, какъ будто ей было все равно, чтò бы у нея и съ нею ни дѣлали. Но вотъ вывели корову. Маланья пронзительно вскрикнула и упала старшинѣ въ ноги.

— Нельзя, нельзя,—сказалъ старшина.

— Не наша тутъ власть,—поддержалъ его Кирька:—тебѣ говорено было.

Понятые смотрѣли въ сторону.

Въ груди Маланьи вдругъ что-то какъ будто оборвалось; она вся поникла и, босая, растрепанная, съ перепуганной дѣвочкой на рукахъ, была ужасно жалка. Но она не плакала и не просила больше; ея отуманенные глаза, повидимому, снова безучастно слѣдили за тѣмъ, чтò происходило передъ ними.

У Маланьи описали и продали не только корову и хлѣбъ, но и всѣ ея запасы изъ огурцовъ и грибовъ; продали всю одежду, кромѣ той, что была на ней, и даже ворота... Когда народъ перешелъ отъ нея въ другой дворъ, она забрала послѣдніе два каравая, заперла дворъ и, взявши на руки Дуню, вышла вмѣстѣ съ ней, намѣреваясь зайти сначала въ Покровское, къ ребятамъ въ школу, сказать имъ о случившемся и одинъ каравай оставить у нихъ, а другой взять съ собой и пройти въ Шутиловское правленье, куда, какъ она только-что слышала, выѣхалъ самъ исправникъ... „Можетъ, онъ хотя малую часть какую вернетъ

мнѣ изъ хлѣба и изъ одежи",—думала Маланья, выходя изъ воротъ.

На улицѣ чужого народу было и еще того больше. Крестьянскія подводы занимали чуть не половину спуска къ рѣкѣ. Во дворѣ новаго дома Андрея стояла сѣрая пара Гнусова, запряженная въ пошевни, и нѣсколько обыкновенныхъ саней, съ безчисленнымъ множествомъ коровъ разной масти, разной цѣны и возраста, привязанныхъ къ задкамъ ихъ на короткихъ и длинныхъ веревкахъ. Маланьѣ показалось, что тутъ не меньше 50-ти головъ. У самыхъ ближнихъ саней, стоявшихъ наполовину на улицѣ, она разглядѣла и свою пеструху...

— Куда побрела?—окликнула ее Абросимовна, когда она проходила у нея подъ окнами.

— Что̀ будетъ—схожу въ Шатилово.

— А что тамъ?

— Исправникъ, слышь, наѣхалъ туда; можетъ, онъ мое дѣло и разсудитъ.

— Все взяли?

— Какъ есть все!

— Ахъ, супостаты!—вырвалось у Абросимовны. Она сама была огорчена: несмотря на то, что за ихъ дворомъ отъ вѣка не бывало недоимки, у нихъ также все описали, и хотя пока ничего изъ описаннаго и не продавали, но сказали, что если денегъ, вырученныхъ отъ продажи имуществъ прямыхъ недоимщиковъ, окажется мало, станутъ и ихъ имѣніе продавать. Передавая все это Маланьѣ, Абросимовна такъ убивалась, точно ужъ успѣла и она лишиться всего.

— Вы хоть свою бѣду платите, а мы-то чѣмъ причинны? Намъ-то съ чего за пьяницъ да за лежебоковъ платить, хоть бы вонъ за того же Арефу или бы и за Ивана за твоего?—спросила она въ заключеніе.

Маланья ничего не отвѣтила и пошла дальше. Проходя мимо избы Никиты, она прибавила шагу: у воротъ Никиты стояла тройка станового, во дворѣ толпились понятые и волостное начальство, а въ самомъ центрѣ толпы вертѣлся Гнусовъ. Онъ поминутно надъ чѣмъ-то смѣялся, поминутно что-то кричалъ своимъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ и хлопалъ себя руками по бедрамъ, между тѣмъ какъ Степанида и Наталья ругали его на чемъ свѣтъ стоитъ, а младшія дѣти Арефы выли какъ собачонки. У околицы стояла опять толпа, но это были очевидно не понятые: ихъ возбужденныя лица дышали обидой и гнѣвомъ, а нѣкоторыя такъ даже казались прямо безумными... Всѣ они говорили громко,

озлобленно и сильно жестикулируя; Арефа съ Сенькой находились тутъ же и кричали чуть ли не больше всѣхъ.

— Одно ему званье—живорѣзъ! Сколько онъ народу по міру пустилъ!.. Мнѣ еще весной за бычка-то четвертную давали, а онъ, антихристъ, за семь рублевъ вчера его купилъ!.. Да еще, дьяволъ, и потѣшается: „учись, говоритъ, скотинку покупать, пока Гнусовъ живъ!"—сиплымъ выкрикомъ передавалъ толпѣ одинъ мужикъ, когда Маланья подходила къ околицѣ.

— А его бы—только не до-смерти, а такъ чтобы охоту отбить разорять насъ... Слѣдуетъ малую толику постращать... По крайности, не будемъ отъ него, разбойника, плакать, все же остережется сколь ни на есть на будущее время,—заговорили въ толпѣ.

Маланья пошла еще скорѣе. Ей показалось, что народъ, стоявшій у воротъ околицы, вошелъ въ улицу, но оглянуться она не посмѣла и только всю дорогу мысленно повторяла: „Спаси, Господи, и помилуй! Не попусти, Царь Небесный!"

Митька съ Ефимомъ, услыхавъ отъ матери о случившемся, такъ разревѣлись, что ихъ насилу и уняли.

— Покинь дѣвчонку-то у меня, куда ты попятишь ее въ Шатилово? Да вѣдь ты съ ней и завтра туда не дойдешь, что ты?—сказала Анка, служившая съ нѣкотораго времени сторожихой въ покровской школѣ.

— Я съ радостью оставила бы, кабы только можно,—сказала ей въ отвѣтъ Маланья.

Анка спросила учительницу, и та хотя сначала и отказала, но когда Анка подробно разсказала ей, въ чемъ дѣло, позволила ей оставить дѣвочку на кухнѣ.

XVIII.

Солнышко свѣтило и грѣло совсѣмъ по весеннему; на почернѣвшей, избитой дорогѣ стояли большія лужи; по улицамъ деревень, черезъ которыя проходила Маланья, бродили коровы, овцы и куры—тоже признакъ весны. Но на этотъ разъ Маланья ничего этого не замѣчала. Всѣ ея мысли были сосредоточены на одномъ: какъ можно скорѣе попасть въ Шатилово, какъ можно пуще просить исправника, чтобы приказалъ вернуть хлѣбъ, и т. д. На дворѣ стоялъ уже полдень, а отъ Покровскаго до Шатилова было не менѣе 20 верстъ. Маланья старалась идти какъ можно быстрѣе, но ноги ей плохо повиновались. Отъ разразившейся ли бѣды или оттого, что она все время была на ногахъ, или просто потому,

что сегодня еще не ѣла, она очень медленно подвигалась впередъ—такъ, по крайней мѣрѣ, самой ей казалось—и волновалась съ каждой минутой все сильнѣе, боясь упустить исправника. Вдобавокъ, несмотря на яркое весеннее солнце, ее крѣпко знобило и голова была тяжелая-претяжелая. Дорогой ее то-и-знай обгонялъ народъ, но она и на это мало обращала вниманія, и только ужъ когда вплоть подошла къ шатиловскому правленію, сообразила, наконецъ, что и всѣ другіе стремились сюда же.

Передъ крыльцомъ правленія стояла масса народа, мужики и бабы вмѣстѣ; всѣ они громко говорили что-то высокому молодому человѣку въ шинели, внимательно слушавшему ихъ съ крыльца, какъ будто жаловались или просили его о чемъ; нѣкоторыя изъ женщинъ горько плакали.

Молодой человѣкъ былъ одѣтъ въ штатское платье и хотя смотрѣлъ бариномъ, но, очевидно, это не былъ исправникъ, и Маланья безъ интереса и надежды глядѣла на него. Но вотъ онъ поднялъ руку и что-то сказалъ,—всего одно какое-то слово,—и толпа радостно вскрикнула. Самый плачъ сталъ радостнымъ; вмѣсто проклятій послышались благословенія. Сотскіе и десятскіе, окружавшіе барина, бросились вихремъ въ середину толпы, и когда толпа нѣсколько раздалась, Маланья увидѣла точно такія же сани съ привязанными къ нимъ лошадьми и коровами, какія видѣла она и на дворѣ новаго дома Гнусова.

— Можетъ, это исправникъ и есть? — спросила Маланья у стоявшихъ съ ней рядомъ.

— Нѣтъ, не исправникъ. Это присутственный членъ, Иванъ Игнатьичъ,—отвѣтили ей и сейчасъ же объяснили, что весь этотъ скотъ былъ отобранъ у населенія за недоимку и приведенъ сюда для продажи, но что домохозяева просили члена не продавать у нихъ послѣдніе животы, и вотъ онъ послушалъ,—освободилъ.

Не передать, какъ проворно и съ какой радостью каждый отвязывалъ свою лошадь или корову и уходилъ съ нею домой!

— Постой, оглашенные, дай только ихъ высокородіе проводить, тогда ужъ я не такъ примусь за васъ!.. недалеко уйдете —всѣхъ верну!—погрозилъ старшина кулакомъ уходившимъ, едва членъ ушелъ съ крыльца; но онъ произнесъ свою угрозу почти шопотомъ, и крестьяне едвали даже слышали его.

Скоро у крыльца шатиловскаго правленія остались только тѣ, кто пришелъ не изъ-за скота, а просить о возвратѣ уже проданнаго имущества или съ жалобой на притѣсненія сборщиковъ, на постановленіе неправильныхъ приговоровъ и т. п. Большая часть изъ оставшихся у правленія пришли издалека и ка-

зались страшно уставшими, почти больными. Особенно поражалъ своимъ понурымъ видомъ одинъ дряхлый старикъ, совершенно безсильный и хилый, усѣвшійся рядомъ съ Маланьей на нижней ступенькѣ крыльца. Ветхій желтый армякъ его былъ весь въ заплатахъ, худая шляпченка едва держалась на головѣ, лапти и онучи насквозь промокли въ дальней дорогѣ.

— Откуда ты, дѣдушка?—спросила Маланья съ участіемъ.

— Съ лѣсныхъ починковъ, дитятко,—отвѣтилъ старикъ.

— Охъ, вѣдь это больно далеко! какъ ты и дошелъ? — замѣтила другая баба.

— Насилу же ужъ и дошелъ...

— Зачѣмъ домашніе и пустили въ экую путину старичка такого! — продолжала та же баба:—упадешь, Боже спаси, гдѣнибудь на дорогѣ-то,—тутъ тебя и видѣли!..

— У него сыны-то, поди, такъ полагаютъ: покамъ онъ ходитъ, мы что потяжелѣ справимъ, а начальство, глядя на его немощь, не въ примѣръ больше снизойдетъ,—проговорилъ кто-то изъ сидѣвшихъ на верхнихъ ступеняхъ.

Старикъ поднялъ къ говорившему свое худое изнуренное лицо съ младенчески смотрѣвшими глазами и грустно повторилъ: „сыны!"

— Али они не уважаютъ тебя, старичокъ?—спросилъ опять тотъ же голосъ.

— Да нѣту у меня сыновъ-то; никого у меня нѣтъ, одинъ я какъ перстъ. И смерть-то меня забыла...—сказалъ старикъ и вздохнулъ.

— Такъ чего же ты въ такомъ разѣ домогаешься?—спросили у него.

— Хлопотать пришелъ: сдѣлали бы какой распорядокъ.

— Насчетъ чего?

— Да объ починкахъ-то объ нашихъ... Погибли мы въ нихъ совсѣмъ! Ну, пришли нà-перво — жить точно можно было: лѣсу изрядно продавали, уголь жгли, деготь гнали, а теперь лѣсу-то чисто, кормиться-то и не у чего стало. Голодъ сдѣлался, запустѣніе, а подать спрашиваютъ, милости нѣтъ.

— Ее, извѣстно, завсегда спросятъ. Хоть есть чтò, хоть нѣтъ, а занялся за землю—подушное отдай!

— Да мы не занялись за нее, за землю-то, мы объ ней не дорожимъ,—возразилъ старикъ.

— Что нужды, живете все же въ починкахъ. Съ насъ, вонъ, вдвое содрали; за этимъ и пришли. Старые сборщики все, чтò требовалось, выбрали, а новые вдругорядь слупили—дохнуть не дали! Ну, мы воевать не стали,—опасались, кабы чего не вышло,

а вотъ пришли просить, чтобы переборъ намъ на будущій годъ зачли; съ чего, намъ цѣлую тысячу терять? Чтò ужо будетъ. Мы, буде, такъ—не такъ, и выше судъ найдемъ. Вотъ у насъ дѣло-то какое—вдвойнѣ! А вамъ одинъ-то разъ не обидно заплатить: все же вы тутъ живете.

— И не жилъ бы, да куда пойдешь? И то у насъ изъ семи-то дворовъ всего ужъ только два живые остались—мой да еще въ другомъ двѣ бабы живутъ, тоже ужъ старыя.

— А вы пахали бы нови-то,—предложилъ кто-то.

— Чего пахать-то?—наголо песокъ боровой, ничего на немъ, кромѣ дрёмы, не ростетъ. Пробовали по тѣ годы-то, сѣяли, да ничего не родится, ну, и бросили.

Послышался колокольчикъ: это подавали лошадей члену, который въ шатиловскомъ правленіи находился проѣздомъ и немедленно долженъ былъ ѣхать дальше.

— А какъ же, ваше высокородіе, становому приставу прикажете доложить? — спросилъ у члена старшина, провожая его на крыльцо.

— О чемъ?

— А насчетъ скота, напримѣръ?

— А!..

— Вѣдь мы тутъ всѣ можемъ пострадать, потому намъ строго-нà-строго было приказано.

— Ну, хорошо, я вернусь и напишу становому приставу, что скотъ распущенъ по моему приказанію.

И онъ, дѣйствительно, снова вернулся въ правленіе.

— А что, братцы, и намъ бы тоже члена о своихъ дѣлахъ попросить? вишь, онъ какъ въ нашу нужду вникаетъ,—заговорили среди ожидающихъ у правленія.

— Истинно, къ нему надо доступать. Исправникъ-то еще пріѣдетъ, либо нѣтъ, чего его ждать-то. Давайте все члену обскажемъ! Вонъ онъ какъ даве—живой рукой!..

— Нѣту, нѣтъ, онъ не копается по пустякамъ!

— Вотъ онъ какъ выйдетъ, мы къ нему и приступимъ... Становись плотнѣе, не оставляй проходу къ лошадямъ—вотъ такъ! Какъ, значитъ, выйдетъ, мы и тутъ...—уговаривались просители.

Но имъ долго пришлось ждать. На дворѣ начинались сумерки; ясное небо сплошь заволоклось сѣрыми облаками; поднялся вѣтеръ и повалилъ мокрый, крупный снѣгъ. Толпа у крыльца правленія вся смокла и продрогла, а членъ не выходилъ.

— Сдайтесь, сдайтесь! Чего вы прямо на крыльцо прете?

дайте начальству пройти!—наступили на толпу десятскіе и сотскіе, очищая дорогу члену.

— Ваше высокородіе! Разсуди, ваше высокородіе, насъ съ начальниками: ни съ чѣмъ даже несообразно утѣснять стали...— заговорили десятки голосовъ, и въ ту же минуту народъ, стоявшій до этого у крыльца, поднялся на самое крыльцо и со всѣхъ сторонъ окружилъ члена.

— Пустите, братцы, мнѣ некогда... На дняхъ я снова сюда пріѣду и тогда всѣ ваши жалобы подробно разберу, а сегодня мнѣ вздохнуть некогда, я долженъ немедленно ѣхать; сегодня никакихъ просьбъ не принимаю,—некогда, некогда! — говорилъ членъ, стараясь протискаться сквозь толпу. Старшина, писарь и десятскіе усердно помогали ему въ этомъ. Еще минута—и онъ сѣлъ бы въ сани, но тутъ Маланья бросилась ему въ ноги, и онъ по-неволѣ остановился.

— Ваше благородіе! Ваше высокоблагородіе! Нешто вы безъ нашихъ слезъ не проживете? Вѣрь истинному Богу—наги и босы остались! На четверыхъ два каравая хлѣба покинули, самъ посуди!.. Не дай умереть съ голоду,—прикажи вернуть изъ жита хоть малость какую!—завопила Маланья.

— Ахъ, некогда мнѣ, милая, не задерживай!—попробовалъ Иванъ Игнатьичъ отстранить Маланью, но она уцѣпилась за край его шинели и продолжала:

— Не изъ упорства не платимъ—нечѣмъ намъ платить. Не то чтобы мы спали или отъ работы бѣгали, а ужъ столько имѣемъ: чтò ни добудешь, то и нà-конъ! Божеское же ужъ это попущенье, что кряду три года земля не давала крошечки бѣдной,—сами мы этому, ваше благородіе, не рады.

— Ступай къ становому, онъ какъ разъ въ правленьѣ, а мнѣ некогда тутъ съ тобой... — проговорилъ Иванъ Игнатьичъ, снова пробуя стряхнуть съ своей шинели руки Маланьи, но она крѣпко держалась и даже не замѣтила попытки члена во что бы то ни стало уйти отъ нея.

— Хоть ты въ томъ для насъ снизойди, чтобы, значитъ, не все за одинъ духъ съ насъ брали, а чтобы, значитъ, какъ намъ выдавано было, такъ же чтобы и вобратно взыскивали?! Хоть десять пудиковъ мнѣ на ребятъ вороти,—и то буду Бога за тебя молить.

— Съ этимъ ужъ къ становому надо...

— Самъ ты разсуди: три года цѣлыхъ заимствовались изъ казны и такъ на округъ себя, пòходя, забирались, цѣлыхъ три года! гдѣ же экое дѣло однимъ урожаемъ окупить? — взывала Маланья, стоя на колѣняхъ въ мокромъ снѣгу.

Иванъ Игнатьичъ еще что-то хотѣлъ ей возразить, но онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что слова ея не только убѣждають его своей неотразимой логикой и правдой, но и волнують, страшно волнують,—и такъ и не придумалъ, что сказать. Голосъ Маланьи звенѣлъ какъ серебро. Отъ природы богатый, подъ впечатлѣніемъ только-что обрушившагося на нее несчастья, голосъ звучалъ особенно выразительно и производилъ неотразимое впечатлѣніе.

Толпа стояла какъ очарованная. Ей казалось, что она слышитъ свои собственные вопли и жалобы, что это она сама проситъ о пощадѣ.

— Будь отецъ родной, разсуди по совѣсти! Заступись! Помилуй! — молила Маланья, сухими, лихорадочно горѣвшими глазами глядя на члена и точно къ Богу протягивая къ нему руки.

— Эй вы, что рты разинули? возьмите ее!—раздалось приказаніе показавшагося на крыльцѣ станового.

Маланья не сопротивлялась. Она почти не сознавала, гдѣ находится: ноги отказывались ей служить, голова не держалась на плечахъ, руки висѣли какъ плети. Не прошло и часу, какъ изъ волостной избы ее перевели въ шатиловскую больницу.

XIX.

Весь домъ о. Ивана залитъ огнями; его домашніе и прислуга страшно суетятся, приготовляясь къ пріему гостей, наѣхавшихъ въ Покровское изъ города. Снимаются чахлы съ мебели, застилаются праздничныя салфетки на комоды и столы; вынимаются изъ-подъ замковъ серебро, вина и разныя, рѣдкія въ селѣ, вещи, въ родѣ сардинокъ и голландскаго сыра, для закуски къ водкѣ. Анисья Ивановна, жена о. Ивана, и Сонечка, его старшая дочь, пунцовыя отъ волненія и хлопотъ, торопливо наряжаются въ соотвѣтственные случаю наряды и переодѣвають также младшихъ членовъ семьи „во все чистое“.

— Ступай-ка въ залу, взгляни,—можетъ, ужъ идутъ изъ правленія-то; изъ средняго окна посмотри!—чуть не каждую минуту обращается Сонечка къ которому-нибудь изъ своихъ маленькихъ братьевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Маланья ушла отъ о. Ивана замужъ, много воды утекло. Сонечка успѣла вырости и раздобрѣть. Она кончила курсъ въ епархіальномъ училищѣ, носитъ кудерки на лбу, корсетъ и турнюръ; всѣ ея платья сшиты въ городѣ и по самой послѣдней модѣ; шляпа у нея высокая съ необыкновенно

затѣйливо отогнутымъ полемъ съ лѣвой стороны, а носки у ботинокъ такъ узки, что рѣшительно непонятно, какими судьбами такія ботинки она и надѣваетъ. Но хотя Сонечка и любитъ наряжаться, она не праздно проводитъ время, а занимается въ церковно-приходской школѣ, открытой ея отцомъ года два назадъ, и кромѣ того постоянно читаетъ если не „Недѣлю“, то „Ниву“, если не „Ниву“, то „Православный Паломникъ“.

— Наша Соня съ кѣмъ угодно и о чемъ угодно можетъ поговорить, — отзывается о ней Анисья Ивановна и мечтаетъ о зятѣ богословѣ, не меньше какъ перваго разряда; но сама Сонечка не прочь выйти и за „свѣтскаго“; въ ея мечтахъ о бракѣ даже непремѣнно фигурируетъ „свѣтскій“,—чаще всего который-нибудь изъ городскихъ учителей.

Сонечка—дѣвица бойкая, самолюбивая и съ характеромъ, а потому школа у нея идетъ недурно и, хотя считается церковно-приходской, обставлена на земскій счетъ лучше многихъ другихъ чисто-земскихъ. Сонечка вмѣстѣ съ папашей безпрерывно осаждаютъ управу всевозможными требованіями: то карты просятъ, то учебныя пособія, то еще что-нибудь. Управа видитъ, что люди изо всѣхъ силъ стараются, и поощряетъ.

Одно время о. Иванъ бралъ у управы на коммиссію выписныя сѣмена улучшенныхъ породъ ржи, овса, ячменя и льна. Положимъ, цѣны всѣхъ этихъ предметовъ оказались недоступными для мѣстнаго населенія; но зато въ послѣдующіе годы мѣстное населеніе имѣло возможность покупать у о. Ивана такъ-называемый „перродъ“, который хотя былъ, разумѣется, худшаго качества, чѣмъ выписныя сѣмена, но зато и стоилъ чуть не въ половину дешевле. Теперь онъ устроиваетъ пчельникъ на раціональныхъ началахъ и проситъ у земства субсидію на первое обзаведеніе. Такъ какъ пчельникъ о. Иванъ заводитъ, главнымъ образомъ, не для себя, а для народа,—пускай всякій смотритъ и учится, какъ слѣдуетъ настоящимъ образомъ вести пчеловодство,—то земство готово не только дать о. Ивану просимую имъ сумму, но и намѣрено выписать для него спеціальный журналъ по пчеловодству.

Однимъ словомъ, о. Иванъ на весьма хорошемъ счету не только у себя въ Покровскомъ, но и въ городѣ. Всѣ его знаютъ и уважаютъ, всѣ прославляютъ его труды на пользу народную и его энергію; о немъ даже въ газетахъ писали. Зато и самъ онъ крайне любезенъ съ разнымъ дѣловымъ людомъ: никого не пропуститъ онъ мимо Покровскаго безъ того, чтобы не затащить къ себѣ и не угостить,—и его зовутъ не иначе какъ хлѣбосоломъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ заѣзжій людъ, какъ земскій, такъ и чиновный, не переводился за столомъ о. Ивана. По деревнямъ безпрестанно ѣздили чиновники по размежеванію земель и для выдачи владѣнныхъ записей, земскіе статистики съ своей подворной описью, исправникъ и становые—за податьми и по разнымъ другимъ дѣламъ, членъ крестьянскаго присутствія и предсѣдатель уѣздной управы или членъ ея на ревизію волостныхъ правленій, хлѣбо-запасныхъ магазиновъ и школъ—для освидѣтельствованія дорожныхъ сооруженій, для оцѣнки и переоцѣнки промышленныхъ заведеній, и т. д., и т. д. Все это былъ народъ знакомый о. Ивану и нужный, и его обѣдамъ въ послѣднее время просто конца не было. Иногда за его столомъ собиралось человѣкъ до десяти и больше.

Но на этотъ разъ онъ готовился угощать не обѣдомъ, а ужиномъ, и ждалъ къ себѣ всего четверыхъ: предсѣдателя уѣздной управы Василія Осипыча Хрѣнова, члена крестьянскаго присутствія Ивана Игнатьича Антропова, станового, уже извѣстнаго намъ Якова Степаныча Херсонскаго, и члена управы, Андрея Дмитрича Буркова, того самаго, который повѣрялъ въ позапрошломъ году списки лицъ, просившихъ ссуду.

Василій Осипычъ, Иванъ Игнатьичъ и Яковъ Степанычъ пришли къ о. Ивану послѣ перваго же посла. Въ правленьѣ былъ такой жестокій холодъ и такой угаръ, что оставаться тамъ цѣлый вечеръ представлялось положительно опаснымъ; писарь же хотя и предлагалъ „пожаловать къ нему“, но онъ помѣщался въ двухъ крошечныхъ комнаткахъ, и плачъ его ребятишекъ надоѣдалъ даже издали. По всей вѣроятности, у писаря былъ тоже смрадъ, хотя и въ другомъ нѣсколько родѣ, а потому предсѣдатель, членъ и становой съ удовольствіемъ приняли предложеніе о. Ивана выпить у него чашку чаю. Но за Андреемъ Дмитричемъ о. Ивану пришлось послать три раза, прежде чѣмъ онъ уступилъ, наконецъ, и пришелъ. Онъ такъ усталъ за день, видѣлъ столько потрясающихъ сценъ,—между прочимъ и сцену передъ крыльцомъ шатиловскаго правленья,—столько слезъ и горя, что чувствовалъ себя рѣшительно неспособнымъ еще пойти куда бы то ни было въ этотъ вечеръ и еще слушать и говорить. Онъ предпочиталъ остаться въ правленьѣ, несмотря на холодъ и угаръ, и надѣялся, наединѣ съ самимъ собой, хотя нѣсколько собраться съ мыслями, которыя до того оказывались перебутораженными, что отъ нихъ, помимо всякаго угара, трещала голова. Но когда отъ о. Ивана явился третій посолъ, Андрею Дмитричу сдѣлалось совѣстно, что изъ-за него такъ безпокоятся, и онъ отправился вслѣдъ за другими.

Когда онъ вошелъ, общество оживленно бесѣдовало, благодушествуя за чайнымъ столомъ. Говорила Сонечка. Онъ нѣсколько помѣшалъ разговору, но всего на одну минуту; когда и его усадили къ столу, прерванный разговоръ начался снова.

— Нѣтъ, съ ними ужасно много возни, ужасно!—замѣтила Сонечка, обращаясь къ предсѣдателю и очевидно доказывая какую-то прежде высказанную свою мысль.—Не дальше, какъ сегодня, спрашиваю одного мальчика: выучилъ ли „Да воскреснетъ Богъ“? Знаю, что папаша ему еще на прошлой недѣлѣ эту молитву задалъ. Оказывается, не выучилъ. Почему?—спрашиваю. „А у меня, говоритъ, другая есть, хоть короче, а тоже про крестъ“. Интересно мнѣ показалось: прочитай!—говорю. Онъ мнѣ въ ту же минуту отбарабанилъ: „Врагъ—сатана, отступись отъ меня; нѣтъ у меня ничего твоего. Есть у меня Богова молитва: Богородицынъ крестъ, помилуй меня!“ Сонечка въ лицахъ изобразила, какъ ученикъ „отбарабанивалъ“, и, кончивъ, увлекательно засмѣялась.

Всѣ присутствующіе невольно разсмѣялись вмѣстѣ съ нею.

— Да-съ, она у меня правая рука; ничего бы я не сдѣлалъ безъ нея по школѣ!—замѣтилъ о. Иванъ значительно.

— Такъ она за этой школой старается, что даже и по дому ничѣмъ не имѣетъ времени заняться,—подтвердила и Анисья Ивановна.

— Имѣю честь, г. предсѣдатель, обратить на это ваше благосклонное вниманіе,—продолжалъ о. Иванъ, какъ бы шутя, однако довольно торжественно:—второй годъ усердствуетъ безвозмездно; можетъ, во время слѣдующаго уѣзднаго собранія гг. гласныхъ и удостоите замолвить за нее слово? А я по совѣсти скажу: достойна! Собранію слѣдуетъ и даже необходимо хотя пустяками какими-нибудь поощрить, наконецъ, ея безкорыстный трудъ. Благодарность имѣетъ свою пріятность и для нашего брата, а для дѣвицы это тѣмъ болѣе лестно. Наконецъ, такое вниманіе могло бы вызвать изъ нашей среды другихъ ревнителей, что̀ въ высшей степени желательно, такъ какъ по истинѣ: „жатвы много, а дѣлателей мало“...

— Я, съ своей стороны, съ удовольствіемъ,—отозвался предсѣдатель:—разъ школа существуетъ не на бумагѣ только, я всегда готовъ поддержать. Будьте увѣрены, я не забуду, непремѣнно предложу собранію о наградѣ.

— На первый случай хотя бы самую малую назначили...

— Непремѣнно предложу.

— Нижайше просимъ васъ объ этомъ!—о. Иванъ низко поклонился.

— Ахъ, папаша,—прервала Сонечка,—вы все объ одномъ! А я о наградѣ и не думаю даже. Для меня было бы гораздо пріятнѣе, еслибы вы, Василій Осипычъ, поспособствовали устроить въ нашей школѣ разсѣянное освѣщеніе; вотъ это для меня была бы истинная награда!

Предсѣдатель поинтересовался узнать, что это такое „разсѣянное освѣщеніе", и когда Сонечка прореферировала передъ нимъ только-что прочитанную ею журнальную статью о „разсѣянномъ освѣщеніи", пообѣщалъ ей и объ этомъ доложить собранію.

— Теперь въ школахъ только ученики разсѣянны, а когда и освѣщеніе будетъ разсѣяно, тогда ужъ окончательно выйдетъ— мое почтеніе!..—съострилъ Яковъ Степанычъ, комически разведя руками.

Въ уютно-убранной, просторной, теплой и свѣтлой комнатѣ, въ присутствіи радушныхъ хозяевъ, за обильно уставленнымъ чайнымъ столомъ, среди разсужденій о пользѣ народа, послѣ скучнаго трудового дня, каждый чувствовалъ себя превосходно. Одинъ только Андрей Дмитричъ былъ сумраченъ и все время молчалъ.

XX.

— А вы что? точно васъ переѣхали,—обратился къ нему Антроповъ.

Андрей Дмитричъ улыбнулся.

— Усталъ я, Иванъ Игнатьичъ,—сказалъ онъ, мѣняя нѣсколько позу, чтобы не быть къ собесѣднику спиной.

— Устали?!..—оглянулся на него становой:—съ чего вамъ устать-то? Нѣтъ, вотъ вы попробовали бы въ моей шкурѣ побыть, вотъ тутъ, доложу я вамъ, такъ точно можно устать—и душой, и тѣломъ!—прочувствованно произнесъ Яковъ Степанычъ, подходя къ Буркову и Антропову, сидѣвшимъ нѣсколько въ сторонѣ.

— Вы воображаете, что на бѣломъ свѣтѣ только и дѣла, что у становыхъ?—пошутилъ Андрей Дмитричъ, придвигая Якову Степанычу стулъ.

— Не то, совсѣмъ не то... Весь вопросъ въ томъ, милостивый государь, какія дѣла! Да-съ! Еслибы только одни дѣла!.. Да я не зналъ бы, какъ и Создателя моего тогда благодарить, а то и дѣла, и непріятности, каждый Божій день непріятности! Только и ждешь приказа объ отставкѣ...

— Откуда у васъ вдругъ такой страхъ? слава Богу, вы тутъ

чуть ли не десятый годъ служите и все у васъ идетъ какъ по маслу,—возразилъ Андрей Дмитричъ.

— А вы знаете ли, между сколькихъ огней нахожусь я въ данную минуту?—не безъ трагическаго паѳоса спросилъ у него Херсонскій.

— Полагаю, что больше, чѣмъ между двухъ, — отъ души разсмѣялся Андрей Дмитричъ.

Антроповъ громко расхохотался.

— Вотъ смѣется, — указалъ на него Яковъ Степанычъ:—а вы спросите-ка его, что̀ онъ мнѣ сегодня подстроилъ,—спросите, спросите!..

— Что̀ такое подстроили вы, Иванъ Игнатьичъ?—спросилъ Андрей Дмитричъ.

Но Антроповъ только неудержимо смѣялся.

— Да, какъ же не смѣяться!.. Всѣ въ одинъ голосъ скажутъ, что я извергъ рода человѣческаго, а онъ—агнецъ! Я—крокодилъ, онъ—ангелъ-хранитель! Всѣ скажутъ, я знаю; но ангелъ-хранитель тысячу разъ пропалъ бы съ голоду, еслибы крокодилъ сидѣлъ сложа руки и тоже пожелалъ бы разыгрывать ангела...

И Яковъ Степанычъ яркими красками описалъ, что̀ ему стоило отобрать у крестьянъ извѣстный уже читателю скотъ, и какъ этотъ скотъ Иванъ Игнатьичъ, нимало не задумываясь, немедленно возвратилъ по принадлежности.—Это ли не прекраснодушіе?—спросилъ онъ иронически въ заключеніе.

— Вольно же вамъ было поступать не по закону,—замѣтилъ съ явнымъ раздраженіемъ Иванъ Игнатьичъ.

— Я, въ такомъ случаѣ, отказываюсь понимать, что̀ законъ и что̀ не законъ,—также разгорячившись не на шутку, заявилъ Яковъ Степанычъ.

— Вы не имѣете права такъ говорить,—осадилъ его Иванъ Игнатьичъ. Онъ поблѣднѣлъ, и голосъ его замѣтно дрожалъ, дрожали и руки.

— Полагаю, что имѣю такое право. Здѣсь мы не въ полицейскомъ правленіи и не въ волостномъ, лишнихъ ушей тутъ нѣтъ, и разъ всѣ мы тутъ гости, каждый можетъ говорить съ равнымъ правомъ,—проговорилъ Яковъ Степанычъ съ достоинствомъ.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе!—насмѣшливо поклонился ему Иванъ Игнатьичъ.

— Вотъ здѣсь вы надсмѣхаетесь надо мною, а при отправленіи служебныхъ обязанностей дискредитируете мои распоряже-

нія и въ довершеніе благополучія—отставка и, можетъ быть, еще со внесеніемъ въ графу!..

— Не продавайте послѣдняго, вообще не дѣйствуйте противъ закона, тогда и риску для васъ никакого не будетъ...—замѣтилъ Антроповъ.—Представьте,—обратился онъ къ Андрею Дмитричу:—мнѣ не было представлено ни одной описи, тогда какъ по закону это обязательно, а они ужъ крестьянское имущество продаютъ.

— Ну, а съ этимъ какъ мнѣ прикажете быть?—окончательно выходя изъ себя, вытащилъ Яковъ Степанычъ какую-то бумагу изъ своего бокового кармана и протянулъ ее къ самому лицу Антропова.—Вотъ она! какъ вамъ угодно, такъ вы ее и называйте, но она за нумеромъ, и не исполнить ее я не могу,—проговорилъ онъ внушительно.

— Что уже вы мнѣ ее во второй разъ показываете?!—отстранился Антроповъ:—я ее давеча въ правленьѣ отлично видѣлъ.—Изъ блѣднаго онъ въ одно мгновенье сдѣлался краснымъ.

— Ну, а видѣли, такъ и не говорите,—сказалъ Херсонскій побѣдоносно.

— Все это прекрасно,—вмѣшался въ споръ Андрей Дмитричъ,—однако, что̀ же будетъ потомъ?

— А ужъ это будущее покажетъ,—произнесъ Яковъ Степанычъ загадочно.

Антроповъ угрюмо и вмѣстѣ смущенно молчалъ.

— По нашему уѣзду казенныхъ недоимокъ имѣется не менѣе 55 т.,—продолжалъ Андрей Дмитричъ серьезно, но совершенно спокойно, съ видомъ человѣка, отлично усвоившаго предметъ, о которомъ говоритъ:—земскихъ недоимокъ 50 т. рублей. Если приложить эти 105 т. р. недоимки къ 600 т. годового оклада по уѣзду, который одинъ, безъ недоимки, обыкновенно вносился сполна только съ трудомъ, чаще же не довзносился, и совсѣмъ не потому, что населеніе не желало платить, а положительно по бѣдности, то самъ собою является вопросъ: въ какомъ же положеніи окажется нашъ уѣздъ на будущее время? Это не безъинтересно во всякомъ случаѣ.

— Не одинъ нашъ уѣздъ, но и вся губернія,—подсказалъ Антроповъ,—за незначительными уклоненіями, по всей губерніи одно и то же.

— Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и пищу!—произнесъ Яковъ Степанычъ съ глубокомысліемъ истиннаго философа.

Андрей Дмитричъ какъ-то странно посмотрѣлъ на него.

— Сейчасъ, можетъ быть, преждевременно говорить,—началъ

онъ, обращаясь исключительно къ Антропову,—что экстренное требованіе всей недоимки и текущихъ податей, на покрытіе котораго идетъ все наличное имѣніе крестьянъ: хозяйственный инвентарь, хлѣбъ, скотъ, одежда, ограды дворовъ, крыши вплоть до потолка, вызоветъ сплошное разореніе; однако лица, хорошо знающія деревню, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что разореніе будетъ общее и несомнѣнное, что нечѣмъ будетъ ни кормиться народу, ни сѣять, что̀, въ свою очередь, вызоветъ массу явленій крайне нежелательныхъ ни съ государственной точки зрѣнія, ни съ народной, ни съ человѣческой—наконецъ.

— Совершенно одного съ вами мнѣнія,—отозвался Антроповъ.

— Сбереженій у народа нѣтъ никакихъ, увѣряю васъ,—продолжалъ Андрей Дмитричъ:—я когда ѣздилъ тутъ, повѣряя приговоры о ссудахъ, ка̀къ ужъ я дрожалъ надъ каждой копѣйкой, но нельзя было не давать—сплошь бѣднота!

— Вѣрно, вѣрно; я, знаете, часто удивляюсь, какъ они все-таки перебиваются!

— Ну, а ужъ теперь и совсѣмъ... Мнѣ, кажется, что въ непродолжительномъ же времени начнется попрошайничество, воровство, разнузданность,—рядъ преступленій мелкихъ и крупныхъ среди населенія, въ сущности, работящаго, вполнѣ мирнаго и отнюдь не отличающагося дурной нравственностью. О неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ такого положенія дѣлъ—болѣзняхъ и повышенной смертности—я ужъ и не говорю...

— Всего замѣчательнѣе тутъ то, что голодъ будетъ въ урожайный годъ,—замѣтилъ Антроповъ.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ нѣчто подобное происходило въ уфимской губерніи,—сказалъ Андрей Дмитричъ.

— Да, помню; но я зналъ о положеніи дѣлъ тамъ только по газетамъ.

— Ну, а я своими глазами видѣлъ. Тамъ, при однородныхъ условіяхъ, голодъ былъ такъ великъ, что когда вѣсть о немъ облетѣла всю Россію и къ голодающимъ явилась помощь со стороны, то многіе не могли по слабости жевать и проглатывать пищу,—я этого никогда не забуду!..

— Ну, ей Богу, васъ презанятно слушать! Подумаешь, вся эта передряга свалилась на васъ совершенно неожиданно... Однимъ словомъ, кромѣ меня, никто неприкосновененъ!—съ добродушнымъ юморомъ воскликнулъ Херсонскій.

Антроповъ и Андрей Дмитричъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянули на него. Увлекшись разговоромъ, они совсѣмъ позабыли о присутствіи Якова Степаныча.

— Василій Осипычъ! Пожалуйте сюда на минутку, Василій Осипычъ!—позвалъ Яковъ Степанычъ предсѣдателя, продолжавшаго сидѣть съ хозяевами за чайнымъ столомъ.

— Что такое? на что я понадобился?—спросилъ Хрѣновъ, подходя и садясь. Онъ все время развивалъ передъ о. Иваномъ и Сонечкой свой взглядъ на веденіе школьнаго дѣла и не слыхалъ ни одного слова изъ происходившаго на другомъ концѣ комнаты разговора.

— Жаловались ли вы на меня и неоднократно за плохое поступленіе сборовъ?—спросилъ у него Херсонскій.

— Что это вамъ вспомнилось?—изумился Хрѣновъ.

— Нѣтъ, вы скажите: жаловались или нѣтъ?

— Еще бы, сколько разъ! И не на это одно, а чаще всего на то, что вы взносы цѣликомъ проносили мимо земства,—безъ конца жаловался!

— Отлично. Исходатайствовали вы особый циркуляръ, по которому вся земская недоимка должна была пополниться немедленно?

— Ахъ, Боже мой, — ну да! Я два трехлѣтія бился съ этимъ. Да вамъ на что это собственно? Вѣдь вы же отлично знаете, что я вынужденъ былъ поступить такъ... Вы сами сколько времени не получали полнаго содержанія? не забыли еще, я думаю... Ну, то же было и со всѣми остальными, кто находился въ зависимости отъ земства. Ужъ если дѣло дошло до того, что у насъ нечѣмъ стало платить по срочнымъ обязательствамъ, прекратился всякій кредитъ и т. д., могъ ли я не ходатайствовать?—распространился Хрѣновъ, продолжая недоумѣвать.

Херсонскій поспѣшилъ ему передать весь предыдущій разговоръ.

— Вотъ вы къ чему!.. О, вы смотрите на вещи мрачнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, много мрачнѣе, ручаюсь вамъ,—обратился тогда Хрѣновъ къ Антропову и Андрею Дмитричу вмѣстѣ. Херсонскій оживился:

— Имѣйте въ виду, господа, — произнесъ онъ увѣренно и успокоительно,—что мужикъ замѣчательно быстро обростаетъ,—ну, просто, феноменально! Вотъ вы тутъ о немъ сокрушаетесь, а у него—посѣяно и ростетъ...

— А что, гости дорогіе, не пора ли намъ червячка заморить? Не знаю, какъ вы, а у меня ужъ изрядно подъ ложечкой сосетъ; давайте-ка для начала пропустимъ по маленькой,—обратился о. Иванъ къ гостямъ, приглашая ихъ къ столу, на которомъ приготовлена была закуска.

Но не успѣлъ еще замереть звукъ его послѣднихъ словъ, какъ изъ правленья въ одной рубашкѣ и безъ шапки прибѣжалъ за становымъ разсылка.

— Пожалуйте, ваше благородіе, поскорѣе! старшина прислалъ,— едва выговорилъ разсылка, запыхавшись.

— А что̀ у васъ случилось?—спросилъ Яковъ Степанычъ тревожно, начиная одѣваться съ лихорадочной поспѣшностью.

— Гнусова на Лобановскихъ поляхъ до смерти забили... Безрукій печникъ, сказываютъ, народъ подговорилъ. А домъ-то горитъ...—доложилъ разсылка.

— Какой домъ еще?..—крикнулъ на разсылку Херсонскій.

— А что Гнусовъ на одворицѣ-то печника выстроилъ. Такъ, безъ милости, и полосаетъ! Не залить, надо быть, нипочемъ...

XXI.

Несмотря на всѣ упрашиванія о. Ивана, Хрѣновъ, Антроповъ и Бурковъ собрались уходить вслѣдъ за становымъ.

— Да хоть на дорожку-то выпейте! Что же это такое? точно на̀-смѣхъ на столъ собрали... Это ужъ даже и въ отношеніи хозяйки невѣжливо, господа,—сколько она хлопотала!—говорилъ о. Иванъ, стараясь задержать гостей.

— Что же дѣлать! Мы ужъ когда-нибудь въ другой разъ сдѣлаемъ честь Анисьѣ Ивановнѣ,—отвѣтилъ Хрѣновъ за всѣхъ.

— А на дорожку все-таки слѣдуетъ! – настаивалъ о. Иванъ.

— Какая превосходная у васъ всегда марино̀вка!—говорилъ Хрѣновъ Анисьѣ Ивановнѣ, закусывая рюмку водки грибками: пожалуй, и точно жаль уходить отъ этакаго объяденія—понаставили же вы намъ тутъ!..

— Закуска-то что! а вотъ ужинъ у меня задаромъ пропадетъ, это ужъ очень жаль. Индючка̀ я зажарила безподобнаго и нарочно съ вишней хотѣла подать, какъ вы, Василій Осипычъ, любите. Шмелиныя гнѣздышки также нарочно спрягла: помню, хвалили какъ-то; такая, право, жалость! — говорила Анисья Ивановна.

— Можетъ быть, еще вернетесь? Вдругъ все потушатъ, тогда отчего не вернуться?—спросила Сонечка.

Но гости вернуться не обѣщали и, выпивши по рюмкѣ, сейчасъ же ушли. Еще съ крыльца они увидѣли зарево: густой черный дымъ клубился по обѣ стороны церкви, а черезъ окна колокольни виднѣлось и самое пламя; видно было, что хотя горитъ и не на большомъ пространствѣ, но очень сильно. Порой пламя какъ будто разсѣкалось чѣмъ на двѣ половины, и тогда оттуда, гдѣ оно понижалось, вылеталъ огромный снопъ искръ, а

дымъ казался еще чернѣе; но черезъ мгновеніе огонь поднимался вверхъ съ прежнею силой, и надежда на то, что пожаръ ослабѣваетъ, пропадала.

— Не мѣшало бы туда съѣздить, какъ вы думаете, господа?— предложилъ Антроповъ.

— А что мы сдѣлаемъ? Потомъ еще этотъ убитый... мѣшать только будемъ,—замѣтилъ Хрѣновъ.

— Зачѣмъ же мы въ такомъ случаѣ ѣдемъ?—спросилъ Андрей Дмитричъ.—Я думалъ, мы дѣйствительно тоже отправимся въ Лобановщину.

— Ну вы какъ знаете, а я не поѣду,—заявилъ Хрѣновъ.

Дойдя до правленья, Антроповъ и Бурковъ спросили у писаря лошадей.

— Всѣ въ разгонѣ, хоть бы на смѣхъ одна лошадь,—объявилъ писарь.

— Неужели и отдыхающихъ нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, всѣхъ разобрали. Я всего за часъ какой-нибудь до переполоха двѣ почты отпустилъ и купца на тройкѣ,—по подорожной ѣхалъ,—а остальныхъ Яковъ Степанычъ и старшина взяли, да они же верховыхъ услали, къ слѣдователю и къ доктору.

— Пойдемте пѣшкомъ? — обратился Андрей Дмитричъ къ Антропову:—это, знаете, совсѣмъ близко, версты три какихъ-нибудь, не больше.

— Нѣтъ, пѣшкомъ я не намѣренъ. Я и въ городѣ-то плохой ходокъ, куда мнѣ!

— Какъ же можно пѣшкомъ по нашимъ дорогамъ и притомъ въ распутицу! теперь дорога-то ухабъ на ухабѣ, никакъ пѣшкомъ невозможно!—проговорилъ писарь, продолжая стоять въ ожиданіи приказаній.

Андрей Дмитричъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на клубы дыма, стлавшагося по небу изъ-за церкви; черезъ клубы пламя теперь прорывалось все рѣже и рѣже. Подошелъ къ окну и писарь.

— Видите, уже догораетъ. Кабы домъ-то въ одинъ порядокъ съ другими стоялъ,—весь бы починокъ взяло, а то онъ на отлетѣ былъ выстроенъ,—никакой, поэтому, опасности для прочихъ нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Почему все-таки такъ долго потушить не могутъ? у васъ машина-то въ порядкѣ ли?—спросилъ Хрѣновъ.

— О машинѣ будьте покойны, въ наилучшемъ видѣ!—отозвался писарь,—мы ее въ ту жъ минуту туда отправили, и народу изъ села достаточно ушло и уѣхало; а ежели насчетъ того, что

огонь силу взялъ, такъ это ужъ по той причинѣ, что, надо полагать, въ разныхъ мѣстахъ было подожжено, и изнутри, надо полагать.

— Такъ ужъ извѣстно, что поджогъ?

— Формально-то еще неизвѣстно, а народъ говоритъ, будто дочь печника-то подожгла...

— Дочь?

— Дочь, говорятъ. Она—дѣвка, положимъ, ну, между прочимъ беременна была, послѣдніе дни ходила... Теперь какъ это, значитъ, обнаружилось, что Прохора Терентьича отецъ ея вмѣстѣ съ ея дружкомъ убилъ и какъ, значитъ, забрали это печника-то съ этимъ Сенькой самымъ,—ну, она, говорятъ, забралась въ новый-то домъ, да мѣстахъ въ двадцати стружки-то и подожгла. Прибѣжалъ народъ,—не знаетъ, съ чего и начинать: и въ комнатахъ горитъ, и въ подвалѣ, и въ чуланахъ, и на лѣстницѣ!.. Извѣстно, ужъ она съ отчаянія... Слышно въ мукахъ теперь,—кончится, надо быть...

— Господи, Боже мой, чего только тутъ не дѣлается!— вздохнулъ Хрѣновъ.—А вы приготовили бы намъ, батюшка, постельки,—обратился онъ къ писарю вслѣдъ затѣмъ.

— Ладно же пословица говоритъ: не наливай другу—самъ не выпей!.. Хотя бы теперь и Гнусова взять, не тѣмъ будь помянутъ... Разсчитывалъ еще свои достатки пріумножить, ни на какія бѣдствія не взиралъ. Люди, бывало, кровью плачутъ, а ему лестно, что за ничто скупаетъ. А на конецъ того, какая вышла для него выгода? Теперь бы, поди, все отдалъ, да ужъ не воротишь. Даже и не дохнулъ, говорятъ! — философствовалъ писарь, приготовляя постели начальству.

— Что же теперь Андрею Лобанову все послѣ него достанется?—спросилъ его Хрѣновъ.

— А кому же, что не ему? на дочери женатъ, а дочь-то у покойника была одна.

— Ахъ, скажи на милость! Этакъ, того гляди, гласнымъ Андрюшка явится?

— Возможное дѣло. Капиталовъ у него теперь изрядно и всякаго имущества; ну, и ежели, напримѣръ, народъ оболтать, это ужъ его дѣло! Развѣ самъ въ гласные не пожелаетъ,—можетъ, въ городъ вздумаетъ, въ купцы, а ежели пожелаетъ—выберутъ, слова не скажутъ.

— Идите, Андрей Дмитричъ, спать,—будетъ ужъ вамъ!— позвалъ Хрѣновъ Андрея Дмитрича отъ окна.

— Ну, давайте, спать будемъ,—проговорилъ тотъ, принимаясь раздѣваться.

Но онъ долго не могъ заснуть, какъ ни закутывался вмѣстѣ съ головой въ свое дорожное одѣяло. Подъ одѣяломъ ему сію же минуту становилось невыносимо душно, а когда онъ освобождалъ голову, сплошь застывшія, освѣщенныя полной луной окна комнаты страшно раздражали его; онъ старался не глядѣть на нихъ, но почему-то не глядѣть не могъ. И еще что-то такое, уже совершенно реальное, мѣшало ему спать,—вѣроятно, блохи. Когда же, наконецъ, онъ заснулъ, его преслѣдовали тѣ же сцены дня, и хотя во снѣ онѣ были часто фантастичны и расположены совершенно иначе, чѣмъ въ дѣйствительности, но отъ этого производимое ими на душу Андрея Дмитрича угнетающее впечатлѣніе было только сильнѣе и онъ время отъ времени такъ ужасно стоналъ во снѣ, издавалъ такіе дикіе вопли, точно находился въ лапахъ какого-нибудь чудовища. Прежде всего ему снилось, что онъ самымъ грубымъ образомъ срываетъ съ Сонечки блестящія бездѣлушки, украшавшія ея руки и голову въ прошлый вечеръ, и съ озлобленіемъ дергаетъ кудерки, падающіе ей на лобъ.

— „Это на что?“—яростно кричитъ онъ во снѣ на Сонечку и обрываетъ кружева ея платья, рветъ самое платье. Но Сонечка стоитъ какъ скала. Она смотритъ на него съ улыбкой презрительнаго снисхожденія, и онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствуетъ, что ее только забавляетъ его безсильная злоба.

— „Какой же вы истуканъ, однако!—восклицаетъ онъ съ отчаяніемъ, сознавая безплодность своихъ усилій:—неужели у васъ совсѣмъ нѣтъ сердца?“

Сонечка тихонько качаетъ головой и произноситъ:—„Нѣтъ, сердце у меня есть“.

— „Ну, такъ нервовъ нѣтъ“,—говоритъ онъ.

— „И нервы есть,—отвѣчаетъ Сонечка,—только здоровые, потому что желудокъ здоровъ“.

— „Съѣли, небойсь, весь ужинъ, который ваша матушка для насъ готовила?“—спрашиваетъ у нея Андрей Дмитричъ.

— „Разумѣется, съѣла, не бросать же его было!“—говоритъ Сонечка съ дѣловитымъ видомъ.

— „Ну да, я такъ и зналъ!.. И въ голову, конечно, не пришло, что вы это не индѣйку и не вишню ѣли, а корову той бабы, что вчера у правленія на колѣняхъ стояла передъ Антроповымъ?“

— „Ну, пошли опять!“..—машетъ на него Сонечка обѣими руками и пренебрежительно отворачивается.

Андрей Дмитричъ хочетъ во снѣ подробно разсказать ей

о томъ, что говорила Антропову Маланья, но тутъ Сонечка вдругъ куда-то пропадаетъ, а на ея мѣстѣ неожиданно оказывается Маланья и изо всей силы тащитъ его за рукавъ тушить пожаръ.

Дальше сновидѣнія Андрея Дмитрича были такъ безсвязны, что пересказать ихъ рѣшительно невозможно; онъ проснулся измученный и въ страшной тревогѣ. А Маланья въ эту самую ночь металась въ буйномъ бреду, привязанная полотенцами къ больничной койкѣ. Врачъ нашелъ у нея брюшной тифъ.

Долго находилась Маланья между жизнью и смертью, и навѣрное умерла бы, если бы врачъ не принялъ въ ней особеннаго участія и не сидѣлъ бы надъ ней по цѣлымъ часамъ не только днемъ, но и ночью. На ея счастье, это былъ человѣкъ, только-что окончившій курсъ и пока относившійся къ своей обязности со всѣмъ увлеченіемъ новичка. Кромѣ того, Маланья привязала его къ себѣ своимъ оригинальнымъ бредомъ. Другіе такъ не бредили, а тутъ сразу было видно, что имѣешь дѣло съ натурой въ высшей степени нервной, съ человѣкомъ не только больнымъ, но и безмѣрно несчастнымъ, и невольно являлась внутренняя потребность хоть что-нибудь сдѣлать для этого человѣка.

— Неужели вы и сегодня станете сидѣть тутъ ночь?—спросила разъ врача фельдшерица, Надежда Ѳедоровна Котикова.

— Да,—отвѣтилъ онъ коротко.

— Какъ вамъ угодно,—замѣтила Надежда Ѳедоровна холодно и пошла.

Она служила въ Шатиловской больницѣ уже пятый годъ, всегда добросовѣстно исполняла всѣ лежавшія на ней обязанности, вообще была практична и усердна; старый докторъ безусловно довѣрялъ ея опытности въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, а потому теперь Надежда Ѳедоровна чувствовала себя рѣшительно обиженной.

— Я сдѣлала бы все по вашему указанію,—не бойтесь, пожалуйста, что я что-нибудь перепутаю!—обратилась, впрочемъ, она къ доктору еще разъ, прежде чѣмъ уйти.

— О, я увѣренъ! Но я не потому,—просто мнѣ интересно; идите себѣ съ Богомъ!—отпустилъ ее молодой человѣкъ.

Когда Маланья полной грудью, какъ здоровая, пѣла свои горькія пѣсни, докторъ слушалъ ее, затаивъ дыханіе.

Однажды ночью, когда другіе больные спокойно спали, Маланья вдругъ приподнялась, сознательно какъ будто поглядѣла на доктора и спросила:—Ты навѣрно придешь?

— Приду, навѣрно. А ты пока лежи спокойно!—прогово-

рилъ докторъ ласково.—Но Маланья не ложилась и продолжала говорить.

— Я знала, что придешь,—произнесла она твердо и громко, много громче и тверже, чѣмъ сдѣлала первый вопросъ,—и глаза ея загорѣлись. Она приподняла руки и торжественно проговорила:—Да, ты придешь! И не ты одинъ, а и твой отецъ съ матерью, и Иванъ, и Улита, и сосѣди—всѣ до единаго человѣка! Въ ногахъ у меня будете валяться, со слезами станете просить, чтобы только простила... И я прощу всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ прощу, всѣхъ прощу!

Тонъ этихъ словъ былъ такой, что на глазахъ доктора выступили слезы.

— Ахъ ты бѣдная!—прошепталъ онъ.

Онъ продержалъ Маланью въ больницѣ больше двухъ мѣсяцевъ, и только когда миновала уже всякая опасность, разрѣшилъ ей вернуться домой.

XXII.

Была половина апрѣля; кругомъ давно все присохло, и теплынь стояла такая, точно середи лѣта. Вѣтерокъ—былъ, но мягкій, живительный. Ярко-синее небо съ легкими бѣлыми облачками, свѣжая зелень лѣсныхъ лужаекъ, зелень озимей, полураспустившіяся почки березъ, звенящій свистъ дроздовъ и стаи журавлей, то-и-дѣло проносившихся надъ головой, радостно волновали Маланью все время, пока она ѣхала изъ Шатилова домой на лошади сельскаго старосты.

— Ну что, до избы тебя везти, али отсель сама добредешь?—спросилъ у нея староста, остановившись у повёртки въ Прошино, гдѣ жилъ постоянно.

— Дойду помаленьку, Симонъ Тихонычъ. И на томъ тебѣ спасибо, что на свои-то мѣста меня привезъ,—проговорила Маланья, вылѣзая изъ старостиной телѣги.

— На̀, Богъ съ нами,—отчего не довезти? вѣдь не нарочно за тобой ѣхалъ, а впопуть. Только бы на пользу, а довезти ничего не стоитъ. Счастливо оставаться!—говорилъ староста, подбирая возжи и сворачивая на проселокъ. Маланья перекрестилась и пошла тихонько вдоль перегороды. Ноги ея все еще были страшно слабы, но зато на душѣ у нея было такъ свѣтло и радостно, точно она за-ново родилась на свѣтъ.

— Озими-то, озими-то какія, вездѣ ровно пролито! Если и

у меня такія же, будетъ чѣмъ отдать и то, что̀ выдано безъ меня ребятамъ изъ магазина, и что̀ сама еще до новаго хлѣба возьму,—думала Маланья, любуясь густыми всходами ржи.—Разговоръ старосты Тихоныча во время дороги далъ извѣстное направленіе ея мыслямъ. Ей хотѣлось бы перелетѣть отдѣлявшее ее отъ Лобановщины пространство, чтобы поскорѣе увидѣть свой домъ, ребятъ, сосѣдей, поскорѣе взять отъ Анки Дуню домой. Маланьѣ казалось, что дома она тотчасъ поправится, и она рвалась къ дому всей душой, но ноги ея еле-еле передвигались.

На прошинскихъ поляхъ пахали подъ яровое и на полосѣ Тита Андроныча тоже кто-то пахалъ. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Маланья разглядѣла, что пахалъ Ѳедоръ. Она остановилась-было, но снова перекрестилась и пошла дальше. И Ѳедоръ узналъ ее еще издали.

— О-о-о, Михевна! Вотъ, слава Богу, и пришла! А долго же они тебя лечили,—крикнулъ онъ ей на встрѣчу, какъ только замѣтилъ ее.

— Не чаяла ужъ и живой быть, да не роковая, видно,— отвѣтила Маланья. Она остановилась, чтобы перевести духъ, и отъ слабости прислонилась къ изгороди со стороны дороги. Ѳедоръ довелъ борозду до конца и подошелъ къ ней съ другой стороны.

— Не много же отъ тебя осталось!—произнесъ онъ, съ чувствомъ живѣйшей жалости покачивая головой.—Экъ, вѣдь, подумаешь, вымотало человѣка,—куда что̀ и дѣлось!..

Худая, слабая, съ совершенно безкровнымъ лицомъ, Маланья стояла передъ нимъ какъ привидѣніе. Отъ бѣлой косынки на шеѣ, неизмѣнной принадлежности ея одежды, она казалась не только блѣдной, но даже синей. Кромѣ того, вѣроятно, вслѣдствіе своей страшной худобы, она показывала выше ростомъ—и потомъ глаза: какъ они глубоко запали, какіе огромные и какъ странно ясны! Ѳедоръ рѣшительно не узнавалъ Маланьи.

— А напрасно же, надо быть, ты пѣшкомъ идешь,—видно рано еще тебѣ,—сказалъ ей Ѳедоръ съ участіемъ.

— Да ты думаешь, я все шла? какъ можно! Староста вплоть меня къ нашимъ полямъ подвезъ,—у повертки выстала,—а то гдѣ бы мнѣ дойти! И тутъ-то я задохнулась, да и ноги-то совсѣмъ не служатъ,—не знаю, какъ и доплетусь...

— Ты сядь лучше, сядь вправду, а я за лошадью схожу и увезу тебя,—говорилъ Ѳедоръ, глядя съ испугомъ на совершенно обезсилѣвшую Маланью.

Она сѣла.

— Нѣтъ, не ходи, не надо. Ты не бойся, у меня ничего не болитъ. Вотъ посижу крошечку, все и пройдетъ,—сказала она.

— Смотри, не свались опять... Мнѣ не долго за лошадью сходить,—предложилъ Ѳедоръ снова.

— Да мнѣ ужъ легче; я тебѣ говорю—скорехонько отдохну. Чѣмъ за лошадью-то бѣжать, разскажи ты мнѣ лучше, чтò у насъ на починкѣ дѣлается, какъ изба моя пустая стоитъ, какъ другіе— про все разскажи!—попросила Маланья. Она дѣйствительно нѣсколько оживилась и говорила уже не такъ слабо, какъ за минуту передъ тѣмъ.

— А что изба твоя?—стоитъ, такъ стоитъ. Вонъ Андрейкинъ домъ сгорѣлъ до тла, а твоя изба ничего, слава Богу!

— Слышала я про это. Ребята о пасхѣ въ больницу ко мнѣ прибѣгали, такъ сказывали. А про то, что Наталька замучилась, и что станцію у васъ Андрей выкупилъ и живетъ теперь уже на Прохоровой мельницѣ, а не у васъ—сейчасъ Тихонычъ сказалъ.

— Ушелъ, ушелъ отъ насъ Андрей нà-готово и Фильку съ Харькой къ себѣ увелъ... Вымело нашъ починокъ чистёхонько... Вся негодь съ вешней водой отъ насъ уплыла! — говорилъ Ѳедоръ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Пусто теперь у васъ?

— Не пусто, а просто... Ровно, я тебѣ скажу, желѣзà съ насъ сняли, какъ Андрейко выѣхалъ, ей Богу!

— Теперь у васъ и работать-то некому,—какъ вы и будете?

— Управимся, ничего! Ну, а ежели когда и не управимся, можнó на время-то и принанять,—не великъ разсчетъ. Это вѣдь со станціей-то у насъ широко заведено было, а теперь вѣдь не особенная какая работа; батюшко вѣдь тоже такъ ужъ не посидитъ,—все что ни на есть гоноши́тъ вокругъ дому; ну, дѣло-то и не застаивается.

— Только вотъ про Арефу и про Сеньку не успѣла я Тихоныча спросить, чтò съ ними сдѣлали?—спросила Маланья.

— Да ихъ только на этихъ дняхъ еще осудили. Вышло рѣшенье, чтобы Арефѣ еще годъ сидѣть, потомъ въ Сибирь его, на поселенье, а Сенькѣ сидѣть два мѣсяца и опосля того можетъ домой, если общество приметъ. Онъ вѣдь горло только дралъ, озорникъ...

— Такъ приметъ ли общество-то?

— Никита-то больно ужъ проситъ—его жаль. Тоже и Бормотуха—глазъ даже не осушаетъ. Такъ и въ приговорѣ хотятъ

написать, что, значитъ, для отца съ матерью, потому какъ онъ у нихъ одинъ, а что ежели чуть чтò—въ ту жъ минуту его прочь.

— Степанида-то все у Никиты живетъ?—спросила Маланья, которой казалось, что Никита долженъ былъ ненавидѣть всю семью Арефы изъ-за сына, точно также, какъ и Степанида должна была ненавидѣть семью Никиты за свою погибшую дочь.

— До послѣдняго времени все тутъ жила, а сейчасъ и она, и ребята въ шалашѣ у себя на огородѣ находятся, потому свою старую избу Никита раскаталъ и имъ отдалъ. Не кляните, говоритъ, насъ за Натальку,—тоже, говоритъ, и я вамъ про Сеньку поминать не буду; живите, говоритъ, съ Богомъ.

— Какъ это Андрей-то допустилъ Степаниду на старину?

— Да никакихъ у него правъ законныхъ не было. Онъ, пожалуй, и еще строиться хотѣлъ,—ну, только ужъ тутъ все общество за Степаниду заступилось и новаго приговора на постройку Андрею такъ и не дали.

— Видно самъ Богъ Никиту надоумилъ избу отдать. Воровства-то хоть у насъ теперь не будетъ. Опять Арефины подъ своимъ кровомъ будутъ жить, только какъ они избу поставятъ-то? вѣдь совсѣмъ нечѣмъ имъ взяться.

Ѳедоръ усмѣхнулся и почесалъ голову, не зная, какъ приступить къ тому, чтò собирался сказать.

— Поставимъ,—выговорилъ онъ, наконецъ, и опять усмѣхнулся.—Сначала я одинъ взялся,—добавилъ онъ,—ну, только не мастакъ я на эти дѣла. Вижу, не ладится у меня, хоть бросай!.. Батюшка говоритъ: „плюнь ты, плюнь, вотъ не видалъ дермà!“ А мнѣ отступиться смерть неохота: ребятъ больно жалко; пускай, думаю, не шатаются... Васькѣ-то, вонъ, уже четырнадцатый годъ пошелъ, можетъ, и толкъ изъ него выйдетъ... Ну, пошелъ я къ Никитѣ, къ Кирькѣ; Кирька говоритъ: „не наше дѣло“; а Никита взялся, спасибо. Стѣны-то замало ужъ вывели, а вотъ Сенька явится—пускай печь кладетъ... Ничего, поставимъ!

— Дай тебѣ Богъ здоровья, Ѳедя! Извѣстно, нищему лучше не подать,—проговорила Маланья съ чувствомъ.

— Нищій, твоя правда, вездѣ найдетъ,—подтвердилъ и Ѳедоръ.

— Ну, а Шепелиха ваша какъ, утвердили ли ее за вами?—спросила Маланья, вспоминая постепенно все, чтò касалось сосѣдей.

Ѳедоръ вздохнулъ.

— Подѣлили нашу Шепелиху на всю деревню,—сказалъ онъ печально. Но когда Маланья принялась горестно восклицать, осуждая такую несправедливость, онъ ей замѣтилъ:—На одной вѣдь бумагѣ она подѣлена, и владѣемъ все мы же, по старому.

Я ждалъ—Кирька вступится, ну, только и онъ своего паю покуда не ищетъ; что̀, буде, послѣ будетъ.

— Разумѣется, всякій знаетъ, что это ваше родовое.

— Чего говорить! Только я такъ думаю, что хоть сейчасъ никто Шепелиху по клочкамъ и не рветъ, а вотъ, дай срокъ, повыростутъ у насъ въ починкѣ малолѣтки, тогда живо раздерутъ ее—всякъ свое. Почему-нибудь да росписаны же, скажутъ, ваши луга по душамъ.

— А ты что думаешь? это не долго.

— Хочетъ же батюшка снова объ ней ѣхать въ городъ, да не знаю, будетъ ли толкъ такъ-то...

— Ну, а въ Покровское-то часто ли ты бѣгаешь?—спросила Маланья неожиданно.

Ѳедоръ вспыхнулъ, но въ ту же минуту отвѣтилъ:

— Бросилъ я, Михевна, всѣ эти глупости, не поминай больше!—сказалъ онъ почти сурово.

Разъ въ воскресенье послѣ обѣда, недѣли двѣ спустя послѣ возвращенія Маланьи домой, все населеніе Лобановщины вышло глядѣть, какъ Ѳедоръ съ Никитой крыли крышу будущаго жилья Степаниды.

Перекатанная изба, съ зеленымъ мохомъ въ пазахъ, со множествомъ свѣжихъ стесинъ на своихъ старыхъ бревнахъ, придававшихъ ей замѣчательно веселый видъ, стояла—точно бодрилась. Зрители почти съ восторгомъ глядѣли на нее, поминутно открывая въ ней все новыя преимущества передъ старой избой Арефы, и громко дѣлились другъ съ другомъ своими наблюденіями.

— Она, смотри, вѣнца на три выше старой-то будетъ, а то и на всѣ четыре,—говорила Ивановна своимъ дочерямъ, Пашѣ и Устѣ, и невѣсткѣ Матренѣ, стоявшимъ тутъ же.

— Обиженная краюшка завсегда спорѣе живетъ,—отозвалась на это Матрена.

Кирька велъ лошадей къ рѣкѣ и тоже остановился посмотрѣть.

— Ишь ты: форменный домъ!—произнесъ онъ одобрительно, но съ оттѣнкомъ нѣкотораго презрѣнія и пошелъ дальше.

— Какъ есть настоящій! — ликующимъ тономъ подхватили бабы, среди которыхъ находилась и Бормотуха.

— Вотъ жаловались, что съ недоимкой на̀-готово всѣхъ разорили, а гляди, какую хоромину сдобрили!—отнесся Кирька къ Бормотухѣ.

— Нѣтъ, ужъ насчетъ разоренья-то это вѣрно, Кирило; про это лучше не поминать!—сказала Бормотуха.

— Съ недоимкой легче по твоему?

— Объ этомъ словъ нѣту; извѣстно, теперь легче народу: теперь у насъ любёхочко, безъ заботы,—а ужъ только и поплакано же!

— Не копи потомъ!—крикнулъ Кирька уже издали.

— Нѣтъ, это оттого хлёстко ладится изба, что дѣло послѣ пожара,—замѣтилъ Митричъ, сидѣвшій на заваленкѣ Маланьиной избы:—послѣ пожара всегда такъ: ровно синимъ моремъ человѣку нанесетъ всякой всячины.

Титъ Андронычъ глядѣлъ на стройку изъ своего окна, высунувшись въ него чуть не по поясъ. Онъ даже ротъ раскрылъ—такъ внимательно слѣдилъ за работающими—и время отъ времени дѣлалъ пресмѣшныя движенія всѣмъ своимъ корпусомъ и руками, точно помогалъ самъ; улыбка полнаго удовольствія не сходила съ его лица.

— А все Ѳедюня! Кабы не онъ, не поднять бы Степанидѣ избы,—по обыкновенію степенно и тихо, но съ несомнѣнной материнской гордостью, проговорила Абросимовна, изъ другого окна глядя на сына, ловко прилаживавшаго къ слегамъ тесину за тесиной.

Школа была распущена два дня назадъ, и ребятишки Маланьи вмѣстѣ съ дѣтьми Арефы усердно сметали въ кучу и уносили стружки и разный мусоръ, какъ отъ избы, такъ и изъ самой избы, сваливая все это на задній уголъ двора.

Всѣ одинаково были оживлены и долго шумно и весело переговаривались между собою. Только Ѳедоръ съ Никитой не разговаривали, но зато ихъ топоры въ чистомъ весеннемъ воздухѣ стучали такъ звонко и неустанно, что какъ разъ отъ нихъ-то и шла общая радость.

Наконецъ, Ѳедоръ опустилъ топоръ, распрямился во весь свой богатырскій ростъ и громко перевелъ духъ.

— Эй вы, сосѣди-міряне! тащите-ка квасу проворнѣе!—обратился онъ къ Мишкѣ, Ефиму и Васькѣ, только-что подобравшимся-было подъ носилки съ мусоромъ.

Ребята кинули мусоръ и со всѣхъ ногъ бросились ко двору Лобановыхъ. Абросимовна въ ту же минуту, какъ только заговорилъ Ѳедоръ, исчезла изъ раствореннаго окна. Никита также пересталъ работать и въ ожиданіи квасу присѣлъ подлѣ Ѳедора на конь крыши.

Маланья смотрѣла на постройку и слушала говоръ сосѣдей

съ своего крыльца. Она успѣла значительно окрѣпнуть и пополнѣть послѣ того, какъ мы ее видѣли, хотя все еще не напоминала собой ту бойкую молодицу, которая не дальше, какъ прошлымъ лѣтомъ, вотъ совершенно также бывало, стояла тутъ... Теперь Маланью никто не назоветъ уже молодицей: слѣдъ только-что вынесенныхъ страданій и тяжелой болѣзни дѣлаетъ ее болѣе старой, чѣмъ она есть. Полуизношенный крашенинный сарафанъ и не менѣе ветхія остальныя части одежды также не красятъ ее. Головной платокъ ея все сползаетъ на сторону, и она то-и-знай перевязываетъ его, стараясь спрятать короткія пряди своихъ новыхъ волосъ, выросшихъ съ сильной просѣдью послѣ выпавшихъ отъ горячки густыхъ и длинныхъ косъ. Тѣмъ не менѣе, и сейчасъ есть что-то особенное, привлекающее невольно, какъ въ лицѣ, такъ и во всей фигурѣ Маланьи. Можетъ быть, это не что иное, какъ отраженіе ея богатой внутренней жизни, все еще бьющей въ ней могучимъ ключомъ, а можетъ другое что, не поддающееся опредѣленію.

Маланья стояла молча и одиноко, но сердцемъ она была заодно съ другими, и въ ясномъ взглядѣ ея, устремленномъ все время въ одномъ направленіи, свѣтилась живая радость.

А подъ крышей ея крыльца ласточки снова вили гнѣздо, — на этотъ разъ, надобно думать, къ счастью.

В. Шиловъ.

АМЕРИКАНЦЫ

И

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

Окончаніе.

V *).

Пагубное вліяніе скученности бѣднаго городского населенія. — Нью-Іоркъ и Лондонъ.—Миссіонеръ Хёнтингтонъ и его дѣятельность.—*Big Flat* и его населеніе.—Отсутствіе инициативы, и кабакъ, какъ мѣсто передышки и развлеченія.—Трущобная нравственность въ оцѣнкѣ протестантскихъ и католическихъ дѣятелей въ этой средѣ.—*Gotham Court*—проблескъ свѣта во тьмѣ.—Домоправительница и ея полезная дѣятельность.—Швейные классы для дѣтей.

Много говорится и пишется о развращающемъ вліяніи фабричной и заводской жизни на нравственность. Едва ли, впрочемъ, найдется какое преимущество въ этомъ отношеніи въ той семейной жизни, на которую обречено бѣднѣйшее населеніе такого большого города, какъ Нью-Іоркъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе совсѣмъ не работаетъ на фабрикахъ. Отдѣленная одна отъ другой лишь тонкими перегородками, изъ-за которыхъ слышно все, чтò дѣлается у сосѣдей, семья бѣднаго рабочаго люда не можетъ обезпечить себѣ ни малѣйшей обособленности: обитатели дома осуждены безпрестанно сталкиваться на лѣстницахъ, у крановъ съ водою; ссоры, перебранки въ семьѣ, ми-

*) См. выше: октябрь, стр. 508.

ровыя—вся интимная жизнь людей проходитъ на виду у толпы. Какъ ни тяжелъ такой образъ жизни для новичка, все же неимущій человѣкъ быстро въ него втягивается въ силу того принципа, что „на людяхъ и смерть красна". Поколѣніе, взросшее въ тѣснотѣ и грязи, утрачиваетъ, наконецъ, самую способность довольствоваться иной, даже лучшей обстановкой. Замѣчено, что когда обитатели здѣшнихъ трущобъ выселяются на сельскій просторъ, они и тамъ стремятся скучиваться въ тѣснѣйшихъ помѣщеніяхъ и скоро заводятъ точно такую же нечистоту, къ которой привыкли по городамъ.

Давно уже принято считать образцомъ людской скученности наихудшіе кварталы восточной части Лондона, а потому мало кто повѣритъ тому, что нѣкоторыя части Нью-Іорка далеко превосходятъ въ этомъ отношеніи все, что можно найти въ Лондонѣ. Тогда какъ наиболѣе заселенные кварталы Лондона даютъ лишь по 170.000 чел. на квадратную милю, въ Нью-Іоркѣ, есть мѣста, гдѣ приходится по 290.000 человѣкъ на квадратную милю!..

Извѣстный здѣсь своею энергіею и самопожертвованіемъ Хёнтингтонъ, молодой епископальный священникъ, добровольно посвятившій себя миссіонерской дѣятельности среди „дикарей и язычниковъ" нижняго Нью-Іорка, за время своей полезной дѣятельности въ трущобахъ производилъ систематическую перепись населенія наиболѣе скученныхъ кварталовъ, и вотъ какія добыты имъ и его помощниками данныя: среднихъ размѣровъ кварталъ той мѣстности, гдѣ ведется его дѣло, состоитъ изъ прямоугольника, футовъ 700 длиною при 200 ф. глубины, обнесеннаго пятиэтажными домами; во дворѣ находится другой рядъ домовъ грязнѣе и мрачнѣе лицевого; за этимъ идетъ еще третій рядъ внутреннихъ домовъ, а подчасъ тутъ же помѣщаются конюшни, фабрика или пивоварня. На такомъ-то сплошь почти застроенномъ домами прямоугольникѣ от. Хёнтингтонъ насчитываетъ среднимъ числомъ до 1.736 отдѣльныхъ комнатъ или клѣтушекъ величиною въ 7×9 футовъ каждая. Обыкновенно семья въ пять человѣкъ занимаетъ двѣ-три такихъ комнатки; но бываетъ и такъ, что въ какихъ-нибудь двухъ комнатахъ живутъ и хозяева, и жильцы, нерѣдко въ числѣ 15 человѣкъ взрослыхъ, не считая дѣтей. Среднимъ числомъ, въ подобномъ муравейникѣ ютится около 2.076 душъ, распадающихся на 460 семей. Многія комнаты совсѣмъ темны, другія выходятъ на мрачные внутренніе дворы, такъ что въ нихъ и днемъ приходится работать при лампахъ, а иныя лѣпятся по чердакамъ съ отдушинами въ крышѣ замѣсто оконъ, тогда какъ по темнымъ, узкимъ, подчасъ витымъ, лѣстницамъ

поднимается вверхъ и всюду проникаетъ подвальная сырость, газы изъ сточныхъ трубъ, запахъ разлагающихся отбросковъ отъ овощей и фруктовъ и пары отъ стирки, которую берутъ на домъ многія женщины; одна пятая всего числа комнатъ находится въ подвальномъ этажѣ ниже уровня улицы, а внутренніе колодцеобразные дворы, не болѣе дватцати футовъ въ квадратѣ, столько же мало даютъ воздуха, сколько и свѣта.

Одинъ отдѣльный домъ въ *Mott Street*, извѣстный подъ именемъ *Big Flat*, можетъ, если не ошибаемся, похвалиться самымъ густымъ въ городѣ населеніемъ: въ первомъ этажѣ находятся квартиры для 14-ти семей, а въ каждомъ изъ остальныхъ пяти этажей расположено по 16-ти квартиръ. Въ этомъ домѣ квартиры рѣдко пустуютъ, и во время народной переписи 1880 года въ немъ подъ одной крышей проживало 478 человѣческихъ существъ!

Скученность населенія въ бѣднѣйшихъ кварталахъ—вещь до того обычная, что никому не приходитъ въ голову ей дивиться. Не далѣе какъ въ половинѣ іюня прошлаго года сгорѣлъ домъ подъ № 83 въ Norfolk Street,—сгорѣлъ среди бѣлаго дня, а потому при томъ погибло только двѣ человѣческія жизни. Изъ газетныхъ сообщеній оказалось, что домъ этотъ былъ не особенно великъ—заключалъ въ себѣ всего шесть узкихъ этажей, насчитывающихъ 32 комнаты; но большинство живущихъ въ домѣ евреевъ пускало еще въ квартиры свои постояльцевъ, такъ что въ этихъ тридцати-двухъ маленькихъ комнатахъ ночью ютилось до двухсотъ-пятидесяти человѣкъ.

Весьма также краснорѣчивы слѣдующія цифры, относящіяся къ 1884—1885 годамъ: въ 10.314 домахъ-особнякахъ Нью-Іорка —какъ дознано тогда—помѣщается по одной семьѣ (шесть человѣкъ, включая прислугу); въ 16.982 домахъ, сдающихся подъ квартиры, помѣщается по одной семьѣ на этажъ (по 25 человѣкъ, приблизительно, на каждый домъ), тогда какъ въ 18.966 домахъ съ помѣщеніями для бѣднѣйшаго люда помѣщается болѣе чѣмъ 50 человѣкъ въ каждомъ: безъ малаго цѣлый милліонъ человѣческихъ существъ!..

Въ такой-то скученности люди вынуждены работать, жить и умирать безо всякой надежды когда бы то ни было выбраться въ болѣе сносныя условія; многіе изъ родившихся здѣсь людей, впрочемъ, и не знаютъ иной жизни: большинство ихъ *никогда даже не бывало* въ верхней части города, гдѣ живетъ достаточное населеніе. Люди съ пылкой фантазіей пишутъ иногда романы, избирая темою то время, когда эти темныя орды обездоленныхъ двинутся всѣмъ легіономъ въ верхніе кварталы, предадутъ огню

и динамиту резиденціи нью-іоркскихъ милліонеровъ, разнесутъ банки, разграбятъ магазины—камня на камнѣ не оставятъ. Авторы этихъ сенсаціонныхъ романовъ очевидно не потрудились и заглянуть въ здѣшнюю среду тѣхъ полчищъ обездоленныхъ, бытъ которыхъ воспроизводятъ на бумагѣ; иначе они знали бы, что большинство людей въ этой средѣ доведены нуждою и лишеніями до полной утраты энергіи и личной иниціативы; когда же тамъ въ загнанномъ человѣкѣ просыпается звѣрь, то онъ всегда находитъ себѣ жертву по близости: пьяный ирландецъ готовъ растерзать ненавистнаго ему нѣмца; потерявшій голову итальянецъ всегда найдетъ себѣ сподручнаго врага между людьми своей же народности; лѣнивый развѣ поцеремонится выместить зло на евреѣ, французъ обрушится на итальянца, и т. д., безъ конца.

Тѣ, кто видѣлъ близко жизнь разнородныхъ элементовъ, составляющихъ подонки Нью-Іорка, какъ составляли они, по большей части, подонки тѣхъ европейскихъ странъ, изъ которыхъ прибыли сюда, заплатя долларовъ по пятнадцати за проѣздъ по океану—тотъ знаетъ, какъ рѣдко мечты, спасенія, надежды ихъ заходятъ дальше завтрашняго дня, какъ мало въ ихъ жизни данныхъ на то, чтобы направить ихъ мысли хотя бы на присвоеніе чужой собственности въ широкихъ размѣрахъ.

Правда, кабаки дѣлаютъ свое дѣло, но это опять-таки оттого, что кабакъ является единственнымъ мѣстомъ передышки рабочаго бѣдняка, гдѣ онъ можетъ, хотя на полчаса, отдохнуть отъ труда, забыться отъ духоты, ссоръ, крика ребятъ, дракъ сосѣдей, что ожидаетъ его при первомъ возвращеніи домой. Изъ 10.000 кабаковъ, насчитывающихся теперь въ Нью-Іоркѣ, большинство помѣщается въ бѣднѣйшей части города,—и это, конечно, самыя чистыя и привѣтливыя помѣщенія въ кварталахъ нижняго города.

Къ американцамъ перешла отъ англичанъ поговорка насчетъ того, что „cleanliness is next to godliness“—„чистота идетъ рука объ руку съ благочестіемъ“, съ добропорядочною жизнью; какъ же, спрашивается, вести здѣсь бѣдняку добропорядочную жизнь, когда ему и для мытья приходится тащить себѣ воду кувшинами черезъ нѣсколько этажей, когда не существуетъ въ городѣ ни бань, ни ваннъ (исключая небольшого числа при еврейскихъ синагогахъ), гдѣ бы захожій человѣкъ могъ вымыться дешевле, чѣмъ за плату въ 25 или 50 сентовъ?.. Трудно и перечислить всѣ ужасныя детали, заѣдающія нравственность молодежи среди такихъ условій жизни. Отецъ Хёнтингтонъ говоритъ: „Все въ этихъ домахъ дѣлается на виду всѣхъ проходящихъ мимо, не исключая и дѣтей“. Что же касается до неприличія нѣкоторыхъ игръ дѣтей,—то тотъ

же миссіонеръ отказывается ихъ и описывать. Говоря объ этой сторонѣ жизни въ домахъ со скученнымъ населеніемъ, женщина-врачъ Даніэль говорила мнѣ, что дѣти здѣсь такъ рано пріобрѣтаютъ полную опытность физической жизни старшихъ, что впадаютъ въ безнравственность, не признавая даже это безнравственнымъ: нравственное чутье въ нихъ развито не болѣе чѣмъ у животныхъ. Въ Старомъ свѣтѣ всѣ эти люди находились хоть подъ давленіемъ извѣстнаго стѣсненія условной нравственности своихъ родныхъ поселеній: здѣсь же, селясь среди чужихъ—иностранцевъ, они утрачиваютъ всякую совѣсть. Агенты „Организаціи Благотворительности" сообщали мнѣ, что число незаконнорожденныхъ дѣтей въ бѣднѣйшихъ кварталахъ по истинѣ удивительно; но это заявленіе, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ непримѣнимо къ тѣмъ слоямъ населенія, которые постоянно живутъ своимъ заработкомъ и не подпадаютъ еще заразѣ пауперизма. Такіе серьезные, совѣстливые изслѣдователи жизни трущобъ, какъ ректоръ богатаго прихода св. Георгія въ Нью-Іоркѣ и занимавшійся здѣсь миссіонерствомъ епископъ Сѣверной Дакоты, проведя годà въ описываемыхъ мною мѣстностяхъ, прямо приходятъ къ тому выводу, что „нравственность" въ трущобахъ большого города—вещь фактически невозможная.

Подобное заключеніе, исходя отъ такихъ компетентныхъ лицъ, должно бы заставить опустить руки всякаго желающаго хотя чѣмъ нибудь облегчить бытъ низшихъ слоевъ большого города. Намъ, однако, сдается, что этотъ взглядъ на дѣлѣ слишкомъ пессимистиченъ и опирается отчасти на смѣшеніи понятій условнаго приличія и нравственности. Безнравственностью, на мой взглядъ, нельзя, напримѣръ, называть того, что люди не проявляютъ никакого чувства стыдливости, живутъ и дѣйствуютъ съ наивною безхитростностью животныхъ: не слѣдуетъ вѣдь забывать, что большинство этихъ людей съ колыбели своей скучивается стаднымъ образомъ безъ различія пола и возраста въ одной-двухъ комнатахъ, гдѣ проводятся ими и дни, и ночи. Стыдливость для нихъ понятіе весьма неясное. Зато они крѣпко держатся за тѣ правила нравственности, которыя усвоены ими или привиты имъ воздѣйствіемъ пасторовъ. Докторъ Макъ-Глиннъ,—священникъ, проработавшій около двадцати-пяти лѣтъ надъ облегченіемъ быта низшихъ классовъ нью-іоркскаго населенія,—горячо утверждаетъ, что нравственность стоитъ весьма высоко среди бѣднѣйшаго населенія столицы. У меня былъ длинный разговоръ съ докторомъ по этому предмету; онъ еще допускаетъ то, что въ этихъ слояхъ нравственность мужчины болѣе шаткая: мужчина склоненъ под-

даться искушенію, впасть въ пьянство, а въ молодости—предаваться разврату или даже воровству; но что, по цѣломудрію и честности, женщины трущобнаго міра стоятъ ничѣмъ не ниже женщинъ другихъ слоевъ. Приписываетъ это докторъ Макъ-Глиннъ какъ религіозности женщинъ,—большинство которыхъ католички,—такъ и широкому развитію взаимопомощи среди неимущихъ: дѣвушка, остающаяся безъ заработка, долгое время находитъ радушный пріютъ у друзей и сосѣдей; за долгій періодъ своей дѣятельности священникомъ въ бѣднѣйшихъ кварталахъ докторъ притомъ пришелъ къ тому выводу, что проститутки въ огромномъ большинствѣ случаевъ набираются изъ болѣе достаточныхъ классовъ, — даже изъ фермерской среды; уроженки столичныхъ трущобъ между ними сравнительно рѣдки.

Пессимизмъ—вообще плохой совѣтникъ тамъ, гдѣ предстоитъ серьезная работа и борьба противъ укоренившихся условій жизни: у пессимистовъ сами собою падаютъ руки тамъ, гдѣ человѣкъ, не утратившій вѣры въ людей, способенъ порою совершать чудеса. За время собственныхъ моихъ скитаній по безотрадному району нью-іоркскихъ трущобъ, когда то-и-дѣло навертывалась на умъ мысль, что на всемъ свѣтѣ не пріискать бы мѣста, болѣе подходящаго для выставки знаменитой Дантовской надписи: „входящій сюда, оставь всякую надежду",—мнѣ же не разъ случалось видѣть проблески свѣта, вносимаго и сюда людьми просвѣщенными, знающими, какъ взяться за дѣло.

Возьмемъ хотя бы печальную репутацію Gotham Court, который за нѣсколько поколѣній почитался чуть ли не коллегіей для усовершенствованія разнаго вида воровъ, карманниковъ, даже убійцъ. Всякій день тамъ производились аресты за пьянство и буянство; а когда полиція собиралась, бывало, съ духомъ и производила на этотъ пунктъ облаву, изъ Gotham Court вереницею выводили извѣстныхъ преступниковъ, направляя на нихъ дула двойного ряда заряженныхъ револьверовъ. Славился также въ былое время Gotham Court наибольшей во всемъ городѣ смертностью. Въ 1862 году, въ самомъ расцвѣтѣ своей незавидной славы, въ этой группѣ домовъ занято было 71 квартира (по двѣ комнаты каждая) и въ нихъ помѣщалось 504 человѣка, изъ которыхъ осматривавшій домъ докторъ засталъ 146 чел. больныхъ всякаго рода заразными болѣзнями: оспою, скарлатиною, тифомъ и корью,—и это тогда, когда въ тѣхъ же домахъ изготовлялись большія партіи одежды для арміи. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ дома эти находились въ такомъ ужасномъ положеніи. Въ 1880 году дома эти скуплены были одной ассоціаціей нью-іоркскихъ капи-

талистовъ; покупка произведена была просто для помѣщенія капитала; но въ ассоціаціи нашлось трое членовъ, которые сумѣли убѣдить другихъ попытаться улучшить эти дома, сдѣлать ихъ „респектабельными". За дѣло принялись съ жаромъ. Дома не стали перестроивать, а только пробили окна на лѣстницахъ, и окна же пробили напролетъ изъ одного дома въ другой, тамъ, гдѣ они сходились задними своими фасадами—это обезпечило хорошую вентиляцію; затѣмъ дома выштукатурили, выбѣлили, исправили полы и оздоровили проулки; затѣмъ, выгнавъ всѣхъ прежнихъ постояльцевъ, поручили дома попеченіямъ дѣлового дворника и образованной домоправительницы, съ приказомъ строго наблюдать за чистотою и за тѣмъ, чтобы не допускать въ него жильцами преступный и развратный элементъ населенія. Какъ хорошо это порученіе исполнялось, явствуетъ изъ того, что съ самой перестройки всѣ квартиры, сдаваемыя довольно дешево, были всегда почти заняты, что̀ давало по $6^1/_2$% чистаго дохода на положенный на дома капиталъ; во время же страшныхъ жаровъ лѣта 1881 года, когда дѣти вездѣ въ сосѣднихъ домахъ умирали, какъ мухи, въ домахъ реформированнаго Gotham Court не было почти не единаго случая тяжкой болѣзни и не приключилось ни одной смерти. Нравственность жильцовъ Gotham Court стоитъ теперь неизмѣримо выше прежняго; это отчасти объясняется тѣмъ, что, взимая съ жильцовъ всего по 4 и по $4^1/_2$ доллара въ мѣсяцъ за квартиру, не дозволяютъ имъ за то держать у себя квартирантовъ, а также и тѣмъ, что лѣстницы домовъ теперь свѣтлы и хорошо вентилированы: дознано, что ярко освѣщенныя днемъ и ночью лѣстницы сильно способствуютъ развитію чувства приличія и самоуваженія въ жильцахъ, и теперь этотъ принципъ принимается во вниманіе при постройкѣ всѣхъ новыхъ домовъ и при перестройкѣ старыхъ въ тѣсно заселенныхъ частяхъ города.

Указавшій мнѣ любопытную исторію Gotham Court агентъ „Организаціи Благотворительности" познакомилъ меня также съ его домоправительницей, mrs A. P. Wheler, которая взялась меня провести по нѣсколькимъ домамъ, чтобы дать мнѣ возможность взглянуть на бытъ его обитателей.

Это была женщина крупная, среднихъ лѣтъ, подвижная, энергичная и не лишенная юмора, всегда веселая, какъ и всѣ почти дѣятели, которые по собственной волѣ полагаютъ силу свою и энергію на дѣятельность въ наиболѣе безотрадной обстановкѣ. Мнѣ не выдалось случая спросить, каковъ размѣръ жалованья, получаемаго домоправительницей, но, очевидно, ей предоставляется полная свобода дѣйствій, и обязанности ея чрезвычайно разносторонни.

является домоправительница въ Gotham Court на нѣсколько часовъ ежедневно, но время выбираетъ какое ей заблагоразсудится. Самая главная обязанность домоправительницы состоитъ въ томъ, чтобы взимать плату съ жильцовъ и помогать совѣтомъ тѣмъ изъ нихъ, которые по запутанности своихъ дѣлъ не могутъ уплатить квартирныхъ денегъ въ срокъ; конечно, иногда тутъ не обходится дѣло безъ маленькихъ столкновеній при препирательствахъ съ пьющими или просто нерадивыми жильцами, но на усмиреніе строптивыхъ у домоправительницы состоитъ подъ рукою рыжій дворникъ изъ нѣмцевъ, который одной рукой загребаетъ и вышвыриваетъ буяновъ изъ конторы, лишь только тѣ начинаютъ зазнаваться.

Указавъ намъ съ понятною гордостью на чисто выметенныя лѣстницы, домоправительница повела насъ по своимъ владѣніямъ, останавливаясь тамъ, гдѣ что-либо особенно затрогивало наше любопытство. Населеніе дома состояло исключительно изъ итальянцевъ и ирландцевъ. Комнаты послѣднихъ почти всѣ были украшены лубочными изображеніями Мадонны и Распятія и разными дешевыми украшеніями; во многихъ мѣстахъ полы были покрыты жалкими подобіями ковровъ; женщины тутъ встрѣчали домоправительницу какъ своего желаннаго гостя и немедля предлагали намъ стулья, пускались въ шуточки и разговоры о своихъ интимнѣйшихъ дѣлахъ. Совершенно иная картина представлялась намъ въ квартирахъ, занятыхъ итальянцами: полы тамъ были голые, покрытые грязью, залитые помоями; объѣдки лежали въ томъ же положеніи, гдѣ оставлены были послѣ ѣды; ребята были грязны и болѣзненны, а сами женщины при входѣ нашемъ, ни слова не говоря, устремляли на насъ черные глаза свои, мотая головой на всѣ наши вопросы или же поддаваясь припадкамъ безпричинной смѣшливости; мало кто изъ нихъ понималъ хоть сколько-нибудь англійскій языкъ.

Продолжая обходъ Gotham Court, мы имѣли не одинъ разъ случай убѣдиться въ популярности и дѣловитости домоправительницы. Несмотря на то, что во всѣхъ строеніяхъ помѣщалось до 120 семей, она видимо прекрасно знала обстоятельства всѣхъ жильцовъ, говорящихъ по-англійски, и встрѣчалась съ ними съ видимымъ удовольствіемъ, хотя безъ всякаго подобострастія и подслуживанья. Жильцы всегда находятъ у домоправительницы поддержку и здравый совѣтъ, хотя матеріальной помощи она не подаетъ никакой, за исключеніемъ того, что̀ дѣлается ею по инструкціи домохозяевъ на пользу развитія живущихъ въ домѣ дѣтей. Контора помѣщается въ большой свѣтлой комнатѣ, уютно

обставленной, устланной ковромъ, съ роялью у стѣны; въ эту комнату ожедневно часа на два собираются дѣвочки изо всѣхъ домовъ Gotham Court, и домоправительница обучаетъ ихъ шитью и другимъ простѣйшимъ работамъ, требуемымъ въ ихъ быту. Постоянное посѣщеніе этихъ уроковъ ни для кого не обязательно, но рѣдкая дѣвочка пропускаетъ ихъ: въ безотрадной монотонной жизни, на которую онѣ обречены, не имѣя мѣста гдѣ и поиграть иначе, какъ на людной, вонючей улицѣ, дѣти сами тянутся въ свѣтлую комнату, гдѣ ихъ ожидаетъ хотя небольшое разнообразіе впечатлѣній. Единственное обязательство на урокѣ—это заниматься какой-нибудь работой, причемъ дѣвочкамъ предоставляется сколько угодно шутить, смѣяться, болтать о чемъ имъ угодно; домоправительница принимаетъ участіе въ этихъ шуткахъ и разговорахъ, подчасъ незамѣтно направляетъ ихъ и спокойно даетъ объясненія, по возможности, на всѣ вопросы дѣтей. Нерѣдко происходятъ чтенія вслухъ, но не иначе какъ по просьбѣ самихъ дѣтей, которыя тогда и принимаютъ на себя самихъ заботы о водвореніи полной тишины.

Дѣло идетъ такъ хорошо, что съ согласія домовладѣльцевъ домоправительница наняла одну особу, чтобы приходить иногда играть на роялѣ для удовольствія дѣтей,—устраиваются классы пѣнія, и эти случаи почитаются дѣтьми чистыми праздниками. Принудительныя мѣры здѣсь вполнѣ отсутствуютъ, но успѣхи въ развитіи дѣтей тѣмъ не менѣе получаются изумительные, при чемъ, какъ увѣряли меня, кромѣ вліянія самой домоправительницы, отличающейся столько же добродушіемъ, сколько твердостью характера и веселостью, сильно сказывается вліяніе болѣе развитыхъ дѣтей на остальныхъ. Каждая дѣвочка старается запастись въ своей публичной школѣ, или гдѣ на сторонѣ какимъ-нибудь свѣденіемъ, которымъ бы ей можно было блеснуть въ классѣ шитья; если выборъ темы представляется нежелательнымъ, здравый смыслъ домоправительницы немедленно является ей на подмогу: то насмѣшкой, то путемъ временнаго отвлеченія вниманія дѣтей на что-нибудь другое, она немедля переводитъ разговоръ на другія темы. Говорятъ, что черезъ недѣлю, другую—посѣщенія этихъ швейныхъ собраній—самыя дикія маленькія итальянки, болѣе похожія на юркихъ, упрямыхъ звѣрковъ, чѣмъ на дѣвочекъ, и тѣ измѣняются до неузнаваемости,—начинаютъ чутко прислушиваться къ англійской рѣчи, которой не слышатъ у себя въ семьѣ, и безспорно уже подчиняются правиламъ швейныхъ собраній.

Англійскій языкъ на этихъ сборищахъ также необязателенъ, но

такъ какъ самые оживленные, забавные разговоры ведутся въ группѣ при домоправительницѣ, а самолюбивыя и наиболѣе развитыя дѣвочки любятъ блеснуть своимъ знаніемъ англійскаго языка, то за ними незамѣтно тянутся и другія. Какъ мнѣ сознавалась сама домоправительница, она систематично воздерживается отъ какого бы то ни было религіознаго прозелитизма, дабы не возбудить неудовольствія итальянскихъ патеровъ, которые ревниво, недовѣрчиво слѣдятъ за собраніями въ конторѣ, хотя и упорно отказываются сдаться на ея приглашенія и посѣтить ея классъ; малѣйшаго подозрѣнія ихъ въ томъ, что она совращаетъ дѣтей въ протестантизмъ, было бы достаточно на то, чтобы патеры запретили невѣжественнымъ матерямъ пускать дѣтей въ контору къ „еретичкѣ". Помимо усовершенствованія въ шитьѣ и общихъ успѣховъ развитія, дѣвочкамъ мало-по-малу прививается здѣсь стремленіе къ чистотѣ и порядку, которые онѣ затѣмъ нерѣдко пытаются вводить и въ обиходъ жизни своихъ полудикихъ родителей. Къ сожалѣнію, намъ не могли дать такихъ же утѣшительныхъ свѣденій о мальчикахъ, проживающихъ въ Gotham Court. Для ихъ развитія домохозяевами почему-то не предпринимается ровно ничего, и въ результатѣ оказывается, что мальчики и тамъ ростутъ дикарями, а подростки являются такимъ буйнымъ элементомъ, противъ котораго труднѣе всего бороться домоправительницѣ и дворнику.

Огромной важности рычагомъ въ дѣлѣ развитія и „объамериканиванья" этихъ иностраннаго происхожденія дѣтей являются безплатныя школы муниципалитета и благотворительныхъ обществъ; здѣсь опять-таки наибольшіе успѣхи достигаются путемъ незамѣтнаго развитія въ дѣтяхъ гордости англійскимъ языкомъ,—гордости, которая прямо ведетъ къ прививкѣ дѣтямъ гражданственныхъ чувствъ по отношенію къ своему пріемному отечеству. Сколько ни случалось мнѣ встрѣчаться съ родителями европейскаго происхожденія, мнѣ неизмѣнно приходилось слышать отъ нихъ жалобы на то, что дѣтей имъ никакъ не удается заставить говорить на языкѣ ихъ родителей, употребляемомъ ими въ семейномъ обиходѣ; всѣ дѣти, подростая, начинаютъ стыдиться своего знанія нѣмецкаго, шведскаго или итальянскаго языка и стараются говорить исключительно по-англійски, чтобы избѣжать передразниванья товарищей и обидной клички: „иностранецъ".

Какъ ни понятны бываютъ эти жалобы обиженныхъ родителей, ревнующихъ дѣтей и къ англійскому языку, и къ новому ихъ отечеству, я все же съ удовольствіемъ отмѣчаю всегда эту склонность здѣшнихъ дѣтей, потому что вижу въ ней одинъ

изъ самыхъ прочныхъ задатковъ нерушимой цѣлостности американской націи, и, надо отдать имъ справедливость, разумны тѣ руководители воспитанія, которые не упускаютъ изъ вида того, что въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, равно какъ и въ излеченіи больного человѣка—самымъ дѣйствительнымъ сподвижникомъ врача и учителя является стремленіе самого больного къ излеченію, или —ученика—къ пріобрѣтенію извѣстнаго рода познаній.

VI.

„Образцовые“ дома.—Посягательство на дѣтскую вольницу.—Причины непопулярности образцовыхъ помѣщеній. — Отсутствіе иррегулярныхъ сожительствъ.—Florence Mission и декоративныя Магдалины.—Ночлежные дома и неисполненіе предписаній совѣта народнаго здравія.—Нераскаянная грѣшница.

Съ честью старались мы доказать свою выносливость за все время осмотра трущобъ: — знака усталости не подавали, на сколько бы десятковъ лѣстницъ ни приходилось за полъ-дня взбираться,—такъ какъ прекрасно сознавали, что пользуемся единственнымъ въ своемъ родѣ случаемъ для ознакомленія съ жизнью низшихъ слоевъ европейской эмиграціи. Тѣмъ не менѣе, должно быть нравственное утомленіе отъ массы воспринимаемыхъ тяжелыхъ впечатлѣній не вполнѣ поддавалось контролю, такъ какъ порою сами сопровождавшіе меня агенты предлагали маленькую рекреацію подъ видомъ осмотра „образцовыхъ“ квартирныхъ домовъ для бѣднаго населенія,—и мы заходили въ чистые, свѣтлые дома съ проведенной по квартирамъ водой, газомъ, уютными помѣщеніями для привратниковъ (jantors).

Какъ ни освѣжающе дѣйствовали на нервы эти просвѣты чистоты и порядка, все я же должна сознаться что общее впечатлѣніе этихъ „образцовыхъ“ домовъ получалось нами не вполнѣ пріятное—слишкомъ уже отдавало какой-то „казенщиной“ отъ нихъ. Потому мы и удивлялись, когда намъ сами привратники говорили, что значительный процентъ квартиръ у нихъ пустуетъ, и что „образцовые“ дома приносятъ ихъ владѣльцамъ, по большей части, не доходъ, а убытокъ, и это несмотря на то, что цѣны въ нихъ стоятъ только на одну треть выше цѣнъ такого же размѣра и расположенія квартиръ въ домахъ обыкновенныхъ. Когда намъ случалось спрашивать у жителей неряшливо содержимыхъ домовъ, почему они не идутъ въ „образцовые“, они презрительно называли тѣ дома „казармами“ и ссылались на то, что и квартира въ нихъ „своимъ домомъ“ не покажется. Слыша эти отзывы, мы

было-рѣшили, что если по-домашнему въ нихъ расположиться нельзя, то это значитъ лишь то, что въ нихъ не позволяется разводить столь дорогой жителю трущобъ грязи; но дальнѣйшій осмотръ „образцовыхъ“ домовъ освѣтилъ намъ дѣло съ иной стороны.

Разные попадались намъ „образцовые“ дома; но были ли они построены въ видѣ эксперимента филантропами, или просто возведены были спекуляторами—во всѣхъ нихъ стояла какая-то удручающая тишина: не было и слѣда того гула, что обыкновенно стоитъ во всякомъ многолюдномъ жильѣ; агентъ намъ даже похвалился, при проходѣ дворомъ одного такого образцоваго дома: „вотъ“, говоритъ, „здѣсь всегда такая же тишина и такой же порядокъ держатся“...

— А какъ, — спрашиваю,—обезпечиваютъ они здѣсь эту тишину когда гурьбы дѣтей жильцовъ возвращаются изъ школы?

— Ну ужъ этого я вамъ не могу объяснить; знаю только, что гаму здѣсь мнѣ никогда слышать не приходилось.

— ...Дѣти? — отозвалась на тотъ же нашъ вопросъ жена привратника и тутъ же съ самоувѣренной гордостью добавила: —у насъ въ домѣ живутъ все больше такіе жильцы, которые не выпускаютъ часто дѣтей изъ комнаты.

И это—въ Америкѣ, въ странѣ, гдѣ дѣти какъ простого чернорабочаго, такъ и биржевого магната, какъ въ деревнѣ, такъ и въ столицѣ, привыкли безпрепятственно во всякія времена года бѣгать, играть въ мячъ на улицахъ, пускать волчки и скакать черезъ веревочку по тротуарамъ, ни отъ кого не зная себѣ запрета. Понятное дѣло, квартиры пустуютъ, когда въ нихъ широкая американская дѣтская вольница стѣснена произволомъ кичащагося порядкомъ привратника; американцы всѣхъ состояній привыкли понимать дѣло такъ, и это истолкованіе подтверждено верховнымъ судомъ штата Нью-Іорка—что дома и тротуары существуютъ для дѣтей, а не дѣти,—для демонстраціи порядка въ домахъ и исправности привратниковъ. Конечно, между жильцами попадаются бобыли или бездѣтныя четы, предпочитающіе тишину, не стоющую имъ никакихъ усилій; но такіе квартиранты рѣдкость: бѣдные слои и здѣсь, какъ въ Европѣ, отличаются особенною плодовитостью, а большинство родителей всегда и вездѣ будетъ стремиться къ тому, чтобы доставить своимъ дѣтямъ свободу и возможность поиграть и побѣгать. Говорятъ также, что люди здоровѣе бываютъ въ обыкновенныхъ домахъ, нежели въ „образцовыхъ“. Это замѣчено и нами, но мы склонны были приписать это или случайности, или вредному вліянію проведен-

ныхъ въ квартиры трубъ съ водою; но теперь полагаемъ, что скука, царящая въ „образцовыхъ" домахъ значительно подрываетъ здоровье ихъ обитателей.

Не живется людямъ даже въ наивыгоднѣйшихъ, красивыхъ „образцовыхъ" поселеніяхъ, отстроенныхъ Пульманомъ (близъ Чикаго) и другими лицами, претендующими на званіе филантроповъ; неохотно идутъ бѣдные люди въ эти дома, хотя даже состоятъ у владѣльцевъ въ рабочихъ и захвачены ими въ прямую экономическую зависимость; тѣмъ менѣе согласятся они, „чистоты и спокойствія ради", подчиняться деспотизму какого-либо столичнаго общества или филантропа—насадителя какихъ бы то ни было принциповъ отвлеченной нравственности или общежитія. Американцы утверждаютъ, что съ самымъ здѣшнимъ воздухомъ человѣкъ вдыхаетъ „вольность": должно быть это такъ, потому что даже забитые жизнью эмигранты изъ Европы, и тѣ, проживъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, не менѣе ретиво, чѣмъ сами американцы, принимаются отстаивать свою независимость отъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

Но если „образцовые" дома не пользуются популярностью, то совершенно обратное замѣчается здѣсь отношеніе къ тѣмъ домамъ, которые съ вѣдома и отчасти содѣйствія ихъ жильцовъ приведены мало-по-малу въ приличный, чистый, свѣтлый видъ—по извѣстной лондонской системѣ Октавіи Хилль, введенной въ Нью-Іоркѣ тремя женщинами: mrs Miles, miss Dow и miss Ellen Collins. Надо, впрочемъ, сказать, что тѣ tenements, которыя строятся здѣсь подъ квартиры бѣднаго люда за послѣднее десятилѣтіе, достаточно хороши и въ гигіеническомъ отношеніи удовлетворительны, хотя—лишь только ослабляется за ними присмотръ—и въ нихъ заводится жильцами крайняя нечистота. Притомъ, какъ говоритъ извѣстный здѣсь изслѣдователь вопроса о домахъ рабочаго люда, санитарный инженеръ Charles F. Wingate въ статьѣ, появившейся въ „New York Tribune", „всякій безпристрастный наблюдатель согласится съ тѣмъ, что люди здѣсь живутъ въ полномъ довольствѣ и процвѣтаютъ даже въ квартирныхъ домахъ худшаго разбора. Польскій, итальянскій или ирландскій выходецъ чувствуетъ себя такъ же хорошо въ Cherry Str. или въ Bottle Alley, какъ чувствовалъ бы себя въ лучшихъ кварталахъ города. Ихъ и безъ того грубая чувствительность еще болѣе притуплена привычками ихъ. Только бы было имъ тепло, была бы ѣда и питье да общество имъ подобныхъ, а съ грязью, тѣснотою и отсутствіемъ всякаго приличія они помирятся. Ихъ надо прежде воспитать такъ, чтобы они могли оцѣнить выгоды чистоплотности,

приличія и другихъ санитарныхъ условій; если же необходимо, то ихъ можно и силою заставить отказаться отъ ихъ отвратительнаго образа жизни. Незнаніе гигіеническихъ законовъ столько же причиняетъ неимущимъ страданій, сколько и неудовлетворительность ихъ жилищъ въ санитарномъ отношеніи".

Кто знакомъ съ обстановкою, въ которой живетъ въ Европѣ классъ населенія, доставляющій теперь главный контингентъ эмиграціи въ Америку, тотъ согласится, что даже худшіе здѣшніе дома не могутъ показаться имъ черезъ-чуръ невзрачными. Такъ напримѣръ, ирландцы до послѣдняго десятилѣтія прибывали сюда въ наибольшемъ числѣ, а жили они у себя, судя по оффиціальнымъ отчетамъ, „въ хижинахъ, сложенныхъ изъ дерна или изъ неотесанныхъ камней, стѣны которыхъ возвышаются всего на три или четыре фута отъ земли и крыты земляной крышей; во многихъ изъ этихъ хижинъ имѣется всего одна комната, нѣтъ ни трубы, ни пола, ни оконъ; тѣ же хижины, что получше, строятся на тотъ же манеръ и снабжены лишь трубой да окошкомъ". Не чего, я полагаю, напоминать русскимъ читателямъ, въ какой обстановкѣ живутъ наши польскіе евреи, бѣднѣйшіе венгерцы или словаки; итальянцы же, благодаря климату страны своей, и подавно живутъ порою, какъ птицы небесныя, совсѣмъ о кровѣ не заботясь. Я, конечно, говорю о бѣднѣйшихъ классахъ Европы, но вѣдь съ установленіемъ теперешней дешевизны проѣзда въ Америку массы прибывающихъ сюда людей и принадлежатъ именно къ этому наибѣднѣйшему классу. Понятное дѣло, что для многихъ изъ нихъ переселеніе въ самые грязные и вонючіе квартирные дома большихъ американскихъ городовъ является уже шагомъ впередъ на пути цивилизаціи. Но для американцевъ вопросъ въ томъ—насколько это довольство переселенцевъ ихъ здѣшней обстановкой подтачиваетъ тѣ условія комфорта, которыя обезпечены до сихъ поръ были за американскимъ рабочимъ и его семьею. Существуютъ условія, при которыхъ довольство положеніемъ своимъ является уже преступленіемъ противъ цивилизаціи.

При обходѣ нью-іоркскихъ трущобъ, не мало удивляло меня то обстоятельство, что за все время намъ не попадалось никакихъ иррегулярныхъ сожительствъ или женщинъ явно легкаго поведенія. На вопросъ мой, не нарочно ли избѣгаютъ заходить со мною въ квартиры, занимаемыя подобными лицами, агентъ „Организаціи благотворительности" отвѣчалъ: „Намъ зачѣмъ избѣгать? но обществу нашему рѣдко приходится имѣть съ такими людьми дѣло: женщины этого разбора ни къ чьей помощи не взываютъ, пока ихъ ноги носятъ, а когда болѣзнь ихъ

подкашиваетъ, то имъ уже не къ намъ обращаться, а въ госпиталь ложиться.. Впрочемъ, мы сейчасъ только видѣли женщину этого класса: та блондинка, съ которой вы только-что разговаривали въ ночлежномъ домѣ... А что касается до временныхъ внѣбрачныхъ сожительствъ, то какъ же ихъ замѣтить? Женщины, конечно, неохотно сознаются въ такомъ иррегулярномъ сожительствѣ, а если выдаетъ себя такая чета сосѣдямъ за мужа и жену, то они, въ силу одного этого, и становятся *de jure* таковыми по законамъ штата Нью-Іорка.

— ...Уличныя женщины?—О, конечно, онѣ и здѣсь, какъ и вездѣ, о завтрашнемъ днѣ не думаютъ и часто скитаются впроголодь,—отвѣчала на вопросъ мой одна образованная американка, хорошаго круга, стоящая во главѣ одного изъ „участковыхъ комитетовъ“ „Организаціи благотворительности“,—но къ намъ онѣ не обращаются: намъ некогда съ ними заниматься, когда мы не оберемся дѣла среди нуждающихся честныхъ рабочихъ. Къ тому же, когда этихъ особъ сильно голодъ дойметъ, онѣ вѣдь не поцеремонятся обратиться къ разнымъ частнымъ благотворительнымъ обществамъ, которыхъ множество въ городѣ, а когда дѣло не удается, такъ все же „Florence Mission“ въ резервѣ у нихъ есть,—добавила наша собесѣдница, и тонкая улыбка проскользнула по ея умному лицу.

Въ улыбкѣ этой мы видѣли подтвержденіе мысли, которая пришла намъ самимъ въ голову при видѣ слащавоблагочестиваго веденія дѣла на публичныхъ собраніяхъ „Florence Mission“.

— Такъ и вы полагаете, что все это пресловутое обращеніе кающихся Магдалинъ—больше притворство, разсчитанное на то, чтобъ заручиться временной передышкой въ невзгодѣ?—спросили мы.

— А какъ же иначе? Развѣ вы ихъ не наблюдали на молельныхъ собраніяхъ въ миссіи?—отвѣчала вопросомъ же собесѣдница.

И въ памяти моей, при этихъ словахъ, ярко возстала та сцена, видѣнная мною незадолго передъ тѣмъ, когда во время одного ночного похожденія по трущобамъ мы зашли, между прочимъ, въ извѣстную „Florence Mission“, которая задается благою цѣлью обращенія на правый путь падшихъ женщинъ, игроковъ, пьяницъ и мелкихъ преступниковъ. Каждую ночь агенты миссіи бродятъ по люднымъ кварталамъ города, заговаривая съ уличными женщинами и стараясь ихъ заманить въ миссію, гдѣ ежедневно въ одиннадцать часовъ вечера происходитъ пѣніе гимновъ и импровизуется проповѣдь, а заключается дѣло разнаго рода

чувствительными заявленіями „ищущихъ узкой стези правды и добра“ и публичными покаяніями „обращенныхъ грѣшниковъ“.

Насъ завели посмотрѣть на эту миссію двое молодыхъ врачей, которые глубоко вѣрили въ дѣйствительность этого благого предпріятія; но на насъ, должны сознаться, это ночное собраніе въ Флоренсъ-Миссіонъ произвело впечатлѣніе, весьма близкое къ тому, которое мы испытывали на истеричныхъ „службахъ“ въ главной здѣшней квартирѣ *арміи спасенія* (Salvation Army), и тутъ назойливо представлялось намъ то же лицемѣріе.

Непріятно рѣзалъ уши неестественно добродушный тонъ рѣчи проповѣдника, щедро пересыпанной условно благочестивыми изреченіями; и это непріятное сознаніе фальшивой ноты не ослабло во мнѣ, когда одинъ изъ спутниковъ моихъ шепнулъ мнѣ, что джентльменъ, завѣдующій митингомъ и произносящій такую чувствительную рѣчь, не кто иной какъ богобоязненный филантропъ m-r Hatch, въ повседневной жизни—извѣстный биржевикъ, нажившій чуть не милліоны на разныхъ спекуляціяхъ и понынѣ преуспѣшно ведущій свои денежныя дѣла. Но та же проповѣдь весьма понравилась спутникамъ моимъ, а многихъ изъ присутствующихъ проняла до слезъ: въ публикѣ дѣвушки и женщины вполнѣ скромной, респектабельной внѣшности плакали даже съ очевиднымъ наслажденіемъ, съ тѣмъ наслажденіемъ, которое сплошь и рядомъ замѣчается въ добрыхъ, безхитростныхъ, простыхъ женщинахъ всѣхъ странъ, когда у нихъ нѣтъ никакого своего горя, и онѣ готовы лить слезы подъ первымъ попавшимся предлогомъ: будь то чувствительное мѣсто слышаннаго разсказа или панихида по совершенно неизвѣстномъ имъ покойникѣ.

Въ этомъ дѣлѣ воздѣйствія на слушателей руководитель митинга былъ весьма искусенъ; онъ настойчиво билъ на нервы публики все въ одномъ и томъ же направленіи, и это производило дѣйствіе: слезы проливали не только женщины, но и мужчины; нѣкоторые поднимались съ мѣстъ, поддаваясь неодолимому желанію излить свою душу, повѣдать вслухъ о своей тяжкой грѣховности. Рѣзкое нарушеніе въ общей гармоніи картины представляли собою лишь тѣ нѣсколько десятковъ „искупленныхъ грѣшницъ“, которыя занимали нѣсколько рядовъ стульевъ по правую сторону залы и сидѣли, скромно ручки сложа, въ домашнихъ костюмахъ: въ чистыхъ ситцевыхъ платьяхъ, бѣлыхъ фартукахъ, съ непокрытыми головами. Роль этихъ особъ—какъ уже извлеченныхъ изъ когтей діавола и убѣленныхъ голубицъ—заключалась, повидимому, уже въ томъ, чтобы славословить, а отнюдь не слезы проливать...

Долго и внимательно приглядывались мы къ этимъ женщинамъ и удивлялись, глядя на ихъ свѣжія лица, беззаботный ихъ видъ; но что болѣе всего насъ поражало, это то, что на лицахъ ихъ не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ долговременныхъ лишеній, порочности или страстей, неизмѣнно оставляющихъ неизгладимыя черты на всякомъ человѣческомъ лицѣ. Мы знали, что видимъ передъ собою женщинъ, подобранныхъ агентами улицы съ улицы, „обращенныхъ" миссіею за нѣсколько недѣль до того и живущихъ въ этомъ учрежденіи въ ожиданіи быть пристроенными къ какому-нибудь дѣлу, дающему вѣрный заработокъ. Ужасное прошлое этихъ женщинъ относилось чуть ли не ко вчерашнему дню, а на лицахъ ихъ такая полнѣйшая безмятежность! Хотя сопровождавшіе насъ молодые врачи съ жаромъ насъ затѣмъ увѣряли, что слѣды страстей и лишеній сглаживаются на лицахъ весьма скоро подъ вліяніемъ богобоязненнаго, регулярнаго образа жизни, мы все-же остались при своихъ сомнѣніяхъ. Не такія, представлялось намъ, бываютъ выраженія лицъ у искренно обратившихся грѣшницъ. Каково бы ни было положеніе человѣка на свѣтѣ, но рѣшеніе разомъ порвать всѣ связи съ кабалой прошлаго не дается никому безъ сильнаго потрясенія нервной системы—какъ бы груба она ни была. Откуда же въ недавнихъ питомникахъ миссіи эти понурыя вѣки, это своевременное заслоненіе глазъ рукою въ тѣхъ мѣстахъ рѣчи спикера, которыя встрѣчались другими женщинами градомъ слезъ? откуда же, наконецъ, эти чистопробныя протестантскія заявленія: „Я чувствую, что я спасена!"... „Я ощущаю надъ собой вѣяніе Искупителя!"... и т. п. восклицанія — обычная ходячая монета наружнаго благочестія, съ которыми эти искупленныя грѣшницы принялись одна за другою вскакивать съ мѣстъ въ отвѣтъ на приглашеніе проповѣдника, заявившаго, что всякій, кто чувствуетъ на себѣ воздѣйствіе св. Духа, имѣетъ тутъ же на мѣстѣ повѣдать публикѣ о чудесномъ спасеніи своемъ?

Нѣтъ, вовсе нѣтъ — никакихъ страстей, никакой борьбы и лишеній не вынесли на плечахъ своихъ эти сытыя и довольныя собою женщины; онѣ гораздо болѣе смахивали на театральныхъ фигурантокъ, и если миссія дѣйствительно извлекла ихъ изъ грѣховной жизни, то и на путь порока вступили онѣ не отъ голода, не отъ лишеній, а просто соскользнули на него безо всякой борьбы и угрызеній совѣсти, точно такъ же легко и развязно, какъ теперь онѣ разыгрываютъ убѣленныхъ голубицъ во „Florence Mission".

Скептицизмъ нашъ по отношенію къ питомицамъ „Florence

Mission" и искренности рѣчи богача-биржевика, приглашавшаго грѣшниковъ къ покаянію, непріятно, какъ мы видѣли, подѣйствовалъ на нашихъ молодыхъ спутниковъ, которые, подобно большинству волонтеровъ, дѣятелей въ различныхъ сферахъ поднятія забитаго жизнью человѣка, были люди, глубоко вѣрящіе въ дѣйствительность всякихъ „молельныхъ митинговъ" и другихъ излюбленныхъ протестантскихъ методовъ воздѣйствія на грѣшниковъ.

Тяжело было впечатлѣніе, вынесенное мною изъ пресловутой миссіи: все мерещилось мнѣ слащавое лицемѣріе, съ одной стороны, и истерическая невмѣняемость—съ другой; за безошибочность моихъ выводовъ, однако, стоять я не могу послѣ того, какъ мнѣ удалось узнать дѣйствительную представительницу низшаго разряда падшихъ женщинъ, когда мнѣ встрѣтилась такая женщина въ ея обычной обстановкѣ, безо всякаго съ ея стороны поползновенія на лицемѣріе или утайку дѣйствительности.

Случай, на который сослался сопровождавшій меня агентъ „Организаціи благотворительности", относился къ тому періоду нашихъ похожденій, когда мы осматривали ночлежные дома, гдѣ на трехъярусныхъ досчатыхъ нарахъ всякій бездомный людъ находитъ себѣ пріютъ на ночь за плату отъ семи до десяти сентовъ, смотря по помѣщенію. Вездѣ на стѣнахъ и дверяхъ были вывѣшены отпечатанныя крупнымъ шрифтомъ предписанія „совѣта народнаго здравія" насчетъ того, какой закономъ предписывается промежутокъ между нарами, и поскольку таковыхъ допускается на того или другого размѣра комнату. Явно бросалось, однако же, въ глаза, что въ девяти домахъ изъ десяти предписаніямъ этимъ совсѣмъ не слѣдовали, такъ какъ въ большинствѣ затхлыхъ, грязныхъ комнатъ, 8 × 12 футовъ размѣромъ, помѣщалось по девяти наръ, изъ которыхъ иныя отдавались двумъ людямъ за разъ, не говоря уже о тѣхъ добавочныхъ посѣтителяхъ, которые умѣщаются ночью, какъ говорятъ, на полу, въ повалку. Настаивать твердо на исполненіи предписаній „совѣта народнаго здравія" уже и потому одному было бы невозможно, что тогда двумъ третямъ бездомнаго люда пришлось бы спать на улицѣ, а на арестъ такого числа и при полицейскихъ домахъ не оказалось бы мѣста.

Нерѣдко наталкивались мы и днемъ на занятыя спящими нары. Въ одной ночлежной комнатѣ застали мы изможденнаго старика нѣмца, работавшаго тутъ же надъ вдѣлкою рѣшотки въ продавленный стулъ; онъ, по собственному показанію, живмя-жилъ въ ночлежномъ домѣ, такъ какъ не могъ уже и на улицу показаться за неимѣніемъ обуви и бѣлья, подъ старой сюртуч-

ной парой, мотавшейся на его скелетообразной фигурѣ точно на вѣшалкѣ. Зарабатывалъ онъ иной день до полудоллара, а иной день и ровно ничего, если работы не находилось, и на эти скудные гроши жилъ, питаясь объѣдками съ кухни державшаго харчевню хозяина, за что и платилъ особо, помимо семи сентовъ за ночлегъ.

Другую, нѣсколько болѣе просторную, ночлежную, снабженную уже не нарами, а двуспальными искалѣченными кроватями съ грудою тряпокъ вмѣсто тюфяковъ, мы застали совершенно пустою съ настежъ открытыми на улицу дверями. Переходя изъ комнаты въ комнату, мы набрели на большую, почти пустую, комнату съ маленькой трехногой холодной плитой, прислоненной къ углу, и въ ней замѣтили женщину, праздно сидящую на обломкѣ ящика при одной изъ кроватей. Женщина при нашемъ входѣ встала, обратила на насъ впалые мутно-голубые глаза своего изсѣра-зеленаго лица, провела одной рукою по нечесаннымъ волосамъ, а другою попридержала самую большую прорѣху на своемъ платьѣ.

Принявъ ее за постоянную жиличку дома, я обратилась къ ней съ разспросами; на все отвѣчала она медленнымъ, слабымъ голосомъ, какъ умирающая, и пристальный взглядъ ея почти не мигающихъ глазъ былъ какъ-то безучастно устремленъ на насъ, напоминая собою взглядъ субъекта, постепенно поддающагося вліянію гипнотизма.

Я отказываюсь допустить, что такого рода забытыя, искалѣченныя жизнью созданія могли, подъ вліяніемъ благочестиво краснорѣчивыхъ проповѣдей биржевика Hatch'а или какого другого филантропа, въ нѣсколько недѣль перерождаться въ такихъ цвѣтущихъ, „кровь съ молокомъ", самодовольныхъ молодыхъ особъ, какими предстали передъ нами питомицы „Florence Mission", когда онѣ одна за другою начали привставать съ мѣстъ и съ граціознымъ наклоненіемъ головы заявляли во всеуслышаніе: „Я чувствую, что я спасена!".. Слава Всевышнему! душа моя искуплена отъ грѣха!"... и проч.

Такого ли рода лицемѣріе имѣлъ въ виду авторъ извѣстнаго изреченія: „l'hypocrisie est un hommage que le vice rend à la vertu"?...

Несчастная психопатка на видъ, попавшаяся намъ въ ночлежной, гораздо болѣе подходила по типу и забитости своей къ тѣмъ мученицамъ конца XIX-го вѣка, къ тѣмъ убогимъ „узницамъ бѣдности", которыхъ я заставала въ сырыхъ подвальныхъ этажахъ заднихъ дворовъ, работавшихъ, не разгибаясь, надъ ма-

шиной, партіями человѣкъ въ шесть, въ десять, при тускломъ свѣтѣ лампъ или при мрачномъ свѣтѣ, падавшемъ сверху въ колодцеобразный дворъ. О недостаткѣ воздуха въ подобныхъ мастерскихъ нечего, я полагаю, и говорить, но о томъ никто и не печалился: благодарили судьбу еще и за то, что, присосѣдясь вмѣстѣ работать, они сводили концы съ концами, экономя и на топливѣ, и на помѣщеніи.

VII.

„Узницы бѣдности“.—Жизнь впроголодь въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и жизнь впроголодь теперь.—Прежняя и новая конкурренція.—Отчетъ вашингтонскаго „рабочаго бюро“.—Высокая степень нравственности рабочихъ женщинъ.—Огромная численность празднаго по неволѣ люда.—Подрывъ рабочимъ со стороны тюремнаго населенія.—Билль Yates.—Теперешняя праздность арестантовъ и послѣдствія этого.—Гимнастика для досужихъ господъ, содержимыхъ по тюрьмамъ.

Едва ли найдется даже въ западной Европѣ положеніе болѣе безъисходное, нежели то, какое выпадаетъ на долю рабочей женщины въ восточныхъ штатахъ, въ особенности если принять во вниманіе, что въ сущности здѣсь долларъ имѣетъ приблизительно ту же покупную стоимость, что рубль въ Россіи.

Въ предшествовавшихъ главахъ мы почти не касались того работящаго класса населенія, который бьется здѣсь какъ рыба объ ледъ, едва-едва сводя концы съ концами при самыхъ тяжкихъ лишеніяхъ. Да и теперь мы не можемъ вдаваться въ подробный очеркъ быта этого класса, потому что, собственно говоря, онъ не можетъ быть сопричисленъ къ тѣмъ слоямъ переселяющагося сюда изъ Европы населенія, противъ котораго такъ рьяно начинаютъ возставать американцы, утверждая, что его присутствіе здѣсь порождаетъ пауперизмъ и грозитъ подточить самыя основы американскихъ учрежденій и цивилизаціи.

Коснусь я здѣсь лишь тѣхъ, обойденныхъ, обманутыхъ блестящимъ миражемъ американскаго благосостоянія, на которыхъ тяжелѣе всего ложится неограниченный приливъ рабочихъ рукъ изъ Европы: какъ утопающій хватается за перваго попавшагося пловца, грозя и тому гибелью, такъ и это выбивающееся изъ силъ населеніе по самой нуждѣ своей и крайней бѣдности постепенно втягиваетъ въ омутъ свой и добропорядочно обставившихъ свой бытъ рабочихъ. Этотъ забитый классъ рабочаго люда, будь онъ американскаго или европейскаго происхожденія, наиболѣе всѣхъ

другихъ страдаетъ отъ непрерывнаго наплыва невѣжественнаго люда изъ Европы.

Вплоть до 1883—1885 годовъ этотъ классъ могъ еще кое-какъ существовать, хотя швеи, какъ и вездѣ, угнетались посредниками между ними и хозяевами (такъ-называемыми sweaters), посредниками, которые прикарманивали добрую часть заработной платы. И тогда ихъ жизнь не была красна. Одна весьма добросовѣстная изслѣдовательница быта рабочихъ женщинъ [1]) приводитъ слѣдующій яркій примѣръ зауряднаго заработка и тратъ швей: швея, заработывающая 22 дол. 95 сентовъ въ мѣсяцъ, состоявшій изъ 27 рабочихъ дней, вынуждена на это содержать самое себя и другую женщину. Десять долларовъ изъ заработной платы уходитъ на плату за квартиру въ двѣ маленькія комнатки въ первомъ этажѣ приличной внѣшности дома. За этимъ, на пропитаніе, одежду, освѣщеніе и отопленіе для обѣихъ оставалось всего-на-все 12 дол. 95 сентовъ на весь мѣсяцъ... Конечно, на пищу при такихъ условіяхъ должна была поступать сумма самая скудная. И дѣйствительно, по свидѣтельству Helen Campbell, на пропитаніе свое обѣ женщины тратили меньше двухъ долларовъ въ недѣлю.

Эти цифры относятся еще къ началу восьмидесятыхъ годовъ; какъ ни угнетали тогда рабочихъ женщинъ посредники, все-таки должна была и тогда существовать сильная конкурренція, чтобы довести швей до необходимости довольствоваться такой низкой платой, работая притомъ у себя на дому и тѣмъ снимая съ хозяевъ расходы по найму, отопленію и освѣщенію помѣщеній подъ мастерскія. И дѣйствительно, конкурренція существовала и весьма сильная; производилась же она притомъ женщинами, жившими по фермамъ, на всемъ готовомъ, и работавшими только для того, чтобы добыть лишнюю деньгу на покупку нарядовъ. Агенты большихъ торговыхъ домовъ готоваго платья и бѣлья постоянно разъѣзжаютъ по сельскимъ мѣстностямъ, раздавая работу всѣмъ желающимъ. Живя два года тому назадъ въ штатѣ Мэнѣ, мы коротко знали одну почтенную, достаточную фермерскую семью, живущую въ комфортабельномъ наслѣдственномъ домѣ. Семья состояла изъ мужа съ женой и взрослыхъ сына и дочери, жизнь которыхъ была полнымъ раздольемъ въ домѣ боготворившихъ ихъ родителей. И что же?! Мать и дочь, ни въ чемъ сами не нуждаясь, все же брали работу у проѣзжаго агента; тотъ дюжинами выдавалъ имъ скроенныя мужскія панталоны изъ плотной шер-

---

[1]) Helen Campbell: *Prisoners of Poverty*, стр. 117 и 118.

стяной матеріи; эти панталоны мать съ дочерью сшивали на машинѣ, оставляя лишь небольшую часть работы недоконченною (для другого разряда „ручныхъ“ швей), и брали по *80-ти сентовъ за шитье дюжины* такихъ панталонъ. Въ длинные зимніе вечера, со скуки, работа спорилась, и мать съ дочерью шутя сшивали 75 дюжинъ панталонъ, получая за то 60 дол. 80 сентовъ... Хотя были онѣ женщины добрыя, не скупыя и довольно просвѣщенныя, все же ихъ ни мало не смутило то, что̀ мы имъ поясняли о подрывѣ, который онѣ причиняютъ труду неимущихъ своихъ сестеръ: онѣ и по сю пору исполняютъ ту же работу и хвалятся своими заработками

Начиная съ 1883 года, сюда двинулись полчища русскихъ и польскихъ евреевъ, и съ прибытіемъ ихъ здѣшнія женщины, живущія ручнымъ трудомъ, убѣдились въ томъ, что и безъ того скудный ихъ заработокъ еще можетъ быть сокращенъ, а имъ, подобно египетскимъ феллахамъ, придется развѣ еще туже подтянуть на себѣ пояса, чтобы подавить хотя не надолго муки голода. Работу, за которую, бывало, американка, ирландка или нѣмка получала по десяти сентовъ по-штучно, теперь передается еврейкамъ, которыя охотно берутъ всего по *три* сента за штуку.

Докторъ Анна Даніель, сообщившая мнѣ много подробностей о бытѣ этого класса евреевъ, вполнѣ подтверждаетъ то, что передавали мнѣ изъ другихъ источниковъ. Русскіе и польскіе евреи держатся здѣсь совершенно отдѣльно отъ нѣмецкихъ и американскихъ евреевъ, которые, стоя на высшей степени цивилизаціи, глубоко презираютъ этихъ выходцевъ изъ Россіи. Русскіе евреи готовы вырывать другъ у друга кусокъ хлѣба изо рта, вѣчно стараются перебивать другъ у друга заработокъ усиленнымъ сбавленіемъ цѣнъ, но лишь только какой-нибудь русскій еврей подвергается нападкамъ со стороны евреевъ другихъ національностей, за него вступаются всѣ его соотечественники русскіе евреи и поддерживаютъ его до послѣдней возможности.

Въ виду ужасной конкурренціи, встрѣчаемой ими за послѣдніе годы, американскія рабочія женщины, не выработавшія еще себѣ рабочихъ организацій и союзовъ, бьются въ крайней нуждѣ, но гордость все же въ нихъ такъ сильна, что рѣдкая изъ нихъ рѣшается прибѣгать къ совѣту и помощи какихъ-либо благотворительныхъ обществъ, и мы, конечно, едва ли бы проникли въ ихъ среду, еслибы не случилось намъ сопровождать врачей, посѣщавшихъ ихъ въ болѣзняхъ, по большей части грудныхъ и тифозныхъ, весьма похожихъ на то, что̀ у насъ извѣстно подъ именемъ „голоднаго“ тифа.

Въ послѣднихъ числахъ января 1889 года въ вашингтонское министерство внутреннихъ дѣлъ представленъ былъ четвертый по счету годовой отчетъ комиссара „Національнаго рабочаго бюро" въ Вашингтонѣ. Въ отчетѣ этомъ разсматривается исключительно бытъ и заработокъ рабочихъ женщинъ въ большихъ городахъ союза. Агентами бюро было лично допрошено 17.427 женщинъ, снискивающихъ себѣ заработокъ въ 342 различныхъ отрасляхъ труда, иначе говоря, допрошено было 7% всѣхъ женщинъ, поддерживающихъ себя ручнымъ трудомъ въ городахъ; изъ этихъ женщинъ 14.120 чел. природныя американки, остальныя—эмигрантки изъ Европы. Путемъ этихъ допросовъ дознано, что недѣльный заработокъ женщины колеблется между 4 дол. 5 сентами въ южныхъ штатахъ (въ гор. Атлантѣ, напр.) и 6 дол. 91 сентомъ на дальнемъ западѣ (въ Санъ-Франциско). Въ Нью-Іоркѣ среднiй ручной заработокъ женщинъ равняется 5 дол. 85 сентамъ въ недѣлю; въ Филадельфіи—5 дол. 34 сентамъ; въ Бостонѣ—5 дол. 64 сентамъ. Изъ отчета этого явствуетъ, что вездѣ, гдѣ не замѣчается уже особенно сильнаго преобладанія мужского населенія надъ женскимъ, тамъ величина женскаго заработка состоитъ въ прямой пропорціи съ дороговизною жизни въ данномъ мѣстѣ, такъ что все же, въ концѣ-концовъ, вездѣ заработокъ какъ женщины, такъ и мужчины, живущихъ ручнымъ трудомъ, сводится на такъ-называемую „границу существованія" — *lifelimit*: имъ дозволяется заработывать какъ разъ достаточно для существованія, при чемъ сбереженія могутъ совершаться лишь путемъ отказа себѣ въ части необходимыхъ вещей. А все же, по свидѣтельству отчета, среди этого класса женщинъ, существующаго ручнымъ трудомъ, честность и нравственность стоятъ ничѣмъ не ниже, чѣмъ среди женщинъ остальныхъ слоевъ; какою цѣною эти результаты получаются, конечно, въ отчетѣ умалчивается.

Что же касается до мужского труда, то конкурренція, встрѣчаемая имъ со всѣхъ сторонъ, еще грознѣе и не ограничивается уже одними большими городами. Такъ, напримѣръ, на митингѣ „Ассоціаціи дѣловыхъ людей республиканской партіи", состоявшемся въ Нью-Іоркѣ 26-го марта 1889 года, заявлялось, по точнымъ свѣденіямъ, старательно собраннымъ ассоціаціей, что въ данное время во всѣхъ штатахъ насчитывается, *по крайней мѣрѣ, три милліона* „рабочихъ, не находящихъ себѣ заработка; 50.000 бродягъ слоняются по странѣ безъ всякаго призора, и всеобщая безработица является серьезною опасностью для правительственныхъ учрежденій союза". За время возникшихъ здѣсь прошлою весною кучеровъ и кондукторовъ на конножелѣзныхъ до-

рогахъ компаніямъ удалось въ теченіе одного дня замѣстить 3.000 человѣкъ стачечниковъ людьми, слонявшимися безъ работы въ самомъ Нью-Іоркѣ, и это несмотря на то, что въ ту пору каждому изъ этихъ 3.000 новыхъ людей грозила серьезнѣйшая опасность быть изувѣченными и даже убитыми разъяренными стачечниками. Въ ту пору въ одномъ этомъ городѣ насчитывалось 25.000 чел. празднаго чернорабочаго люда, не знавшаго никакого ремесла. Не лучше обстояло дѣло и за послѣдніе два мѣсяца, по сообщенію ежемѣсячныхъ отчетовъ различныхъ національныхъ рабочихъ союзовъ, которые публикуютъ списки тѣхъ мѣстъ, гдѣ требуются и гдѣ не требуются рабочія руки по ихъ отрасли труда. Лѣтомъ, конечно, большинство чернорабочихъ находитъ себѣ заработокъ. Конкурренція рабочихъ рукъ такъ велика, что во многихъ отрасляхъ труда—лишь бы работу получить—фабричные и рабочіе становятся совершенными рабами своихъ хозяевъ, находятся въ полной экономической отъ нихъ зависимости, не смѣютъ даже вотировать, какъ хотятъ, на выборахъ, тамъ, гдѣ въ интересахъ ихъ хозяевъ бываетъ поддерживать высокій протекціонный тарифъ. Мотивируютъ хозяева это противозаконное воздѣйствіе на своихъ рабочихъ тѣмъ, что никто не обязанъ держать въ услуженіи у себя человѣка, враждебнаго хозяйскимъ интересамъ. „Мы не силою вѣдь принуждаемъ рабочихъ подавать голоса, какъ мы того желаемъ; но, конечно, всякій рабочій знаетъ, что мы его не станемъ держать, если онъ употребляетъ свое право голоса на то, чтобы подрывать наши интересы,—и все же, конечно, мы—люди просвѣщенные — лучше какого рабочаго знаемъ, что̀ для страны полезно и что̀ нѣтъ“.

Но и помимо этого хозяева большихъ предпріятій закрѣпощаютъ рабочихъ еще и тѣмъ, что открываютъ имъ свои лавки и магазины и преслѣдуютъ тѣхъ рабочихъ, которые покупаютъ провизію и вещи на сторонѣ. Рабочихъ этого свойства здѣсь за послѣднее время стали называть „бѣлыми рабами“,—и это прозвище совершенно вѣрно. Теперь даже прежніе южные плантаторы говорятъ: „какъ мы глупы были, противясь освобожденію негровъ, когда бѣлые рабочіе конкурренціей своей доводятъ дѣло до того, что ихъ трудъ достается теперь дешевле труда негра,—да вдобавокъ хозяину нѣтъ надобности его и содержать въ болѣзни и старости,—какъ принужденъ былъ закономъ плантаторъ содержать никуда негодныхъ негровъ“.

Долгое время чувствовался рабочими огромный подрывъ, вслѣдствіе запруженія мѣстныхъ рынковъ предметами производства тюремныхъ арестантовъ,—главный контингентъ которыхъ опять-

таки составляется изъ пришлаго люда, какъ класса наиболѣе невѣжественнаго. Въ штатѣ Нью-Іоркъ рабочія силы тюремъ сдавались прежде на аренду подрядчикамъ, и въ самыхъ тюрьмахъ устроивались большія прачешныя, башмачныя мастерскія, кузницы, мастерскія для изготовленія желѣзныхъ печей, и проч.

Недовольство рабочихъ этимъ порядкомъ вещей приняло, наконецъ, форму рѣшительнаго протеста со стороны всѣхъ рабочихъ организацій и союзовъ; тогда пущены были въ ходъ всѣ политическіе двигатели, контролируемые могучими рабочими организаціями; со всѣхъ сторонъ стали раздаваться угрозы забаллотировки на ближайшихъ выборахъ тѣхъ членовъ законодательнаго собранія, которые не подадутъ своего голоса въ пользу упраздненія тюремнаго производства,—и въ результатѣ этого явилось принятіе такъназываемаго *Yates bill*, осуждавшаго арестантовъ на полное почти бездѣйствіе.

До какого смѣшенія понятій можетъ дойти законодательство, направляемое рукою людей, преклоняющихся передъ угрозами политикановъ, старающихся задобрить ничего не разбирающій гнѣвъ извѣстнаго класса населенія,—очевидно для всякаго, кто видитъ здѣсь результаты этого билля, проведеннаго „въ интересахъ" рабочаго населенія штата; по истинѣ: кого захотятъ боги наказать—у того разумъ отнимутъ.

Этою зимою посѣтилъ Нью-Іоркъ майоръ Arthur Griffiths, состоящій оффиціальнымъ инспекторомъ тюремъ Великобританіи. Осмотрѣвъ самую обширную тюрьму штата Нью-Іорка, *Sing-Sing*, этотъ спеціалистъ по тюремнымъ вопросамъ пришелъ въ ужасъ при видѣ той праздности, въ которой содержатся въ ней 1.600 человѣкъ арестантовъ. У арестантовъ, правда, имѣются нѣкоторые рессурсы развлеченій: они свободно пользуются книгами изъ обширной тюремной библіотеки, получаютъ газеты, принимаютъ довольно часто родныхъ и знакомыхъ, получаютъ раціоны табаку, а если есть свои деньги, то покупаютъ еще и добавочную ѣду; но, тѣмъ не менѣе, майоръ Гриффизсъ предсказываетъ, что арестантамъ не избѣжать удесятеренной пропорціи болѣзней, въ особенности сумасшествія,—если они еще долго будутъ содержаться въ подобномъ бездѣйствіи. Англичанинъ выставлялъ на видъ блага, достигнутыя реформами англійскихъ тюремъ, въ особенности съ той поры, какъ стали отряжать арестантовъ на работу по государственнымъ постройкамъ и обучать ихъ ремесламъ; теперь въ Англіи арестанты сами выдѣлываютъ все, что потребляется въ тюрьмахъ, и тѣмъ окупаютъ собственное содержаніе, облегчая тѣмъ поборы съ плательщиковъ налоговъ. Горячо рекомендовалъ также

Гриффизсъ англійскую систему передвиженія партій арестантовъ изъ одной мѣстности въ другую,—смотря по тому, гдѣ требуются рабочія руки на публичныя работы, причемъ арестантъ, какъ улитка, на себѣ же переноситъ и свою складную тюрьму, подъ охраною военнаго конвоя.

Благіе совѣты эти совсѣмъ здѣсь не были приняты во вниманіе, а между тѣмъ предсказанія англійскаго спеціалиста уже начинаютъ сбываться. Не прошло и полугода со времени этихъ предостереженій, высказанныхъ имъ въ разговорѣ съ представителемъ газеты „N. Y. Sun", какъ уже тревожные слухи начали поступать изъ разныхъ тюремъ. Смотритель Auburn Prison телеграфируетъ, что арестанты становятся чрезвычайно безпокойны отъ продолжительнаго бездѣйствія, и требуетъ усиленнаго конвоя для тюрьмы. Изъ Sing-Sing сообщается, что двое арестантовъ сошли съума двѣ недѣли тому назадъ, одинъ сошелъ съума на прошлой недѣлѣ, и множество другихъ страдаютъ меланхоліей.

Зло становится, какъ видите, настоятельно; что же—спрашивается—предпринято здѣсь законодателями для борьбы противъ него. А хлопочутъ законодатели теперь о томъ, чтобы провести билль, предписывающій ввести обязательныя гимнастическія упражненія во всѣхъ мѣстныхъ тюрьмахъ,—такъ чтобы каждому арестанту упражняться по нѣскольку часовъ въ день!.. До сей поры рабочая, добропорядочная часть населенія вынуждена была оплачивать содержаніе преступниковъ, калѣкъ, идіотовъ, умалишенныхъ, поставляемыхъ въ такомъ количествѣ переселенцами сюда изъ Европы; теперь грозитъ перспектива новыхъ налоговъ на устройство гимнастики для арестантовъ; а завтра, чего добраго, для этихъ же господъ потребуются манежи, клубы велосипедистовъ, а пожалуй, даже и балы съ музыкой „для смягченія тюремныхъ нравовъ",—и это въ ту самую пору, какъ честный рабочій, надрываясь на работѣ, едва можетъ концы съ концами сводить!.. Трудно даже и предвидѣть, до какихъ нелѣпостей можетъ быть доведено законодательство подъ давленіемъ организацій, руководимыхъ зачастую профессіональными тунеядцами.

VIII.

„Уцѣленіе наиболѣе пригоднаго".—Чтò сдѣлала для штатовъ европейская иммиграція?—Численность и составъ переселенцевъ.—Кому служитъ эмиграція во вредъ и кому на пользу?—Статистическія данныя о народонаселеніи Соединенныхъ Штатовъ и его распредѣленіе.—Процентъ преступности среди туземнаго и пришлаго населенія.—Пониженіе качества прибывающихъ въ Америку поселенцевъ.

Вполнѣ достаточно, я полагаю, того, чтò приведено въ предыдущихъ главахъ, чтобы дать читателю понятіе о грустныхъ особенностяхъ, которыми обставляется въ штатахъ борьба за существованіе. Жестокость борьбы не подлежитъ никакому сомнѣнію, и, предоставленная самой себѣ, она, конечно, будетъ лишь пуще и пуще разгораться. Въ силу этого положенія самъ собою возникаетъ вопросъ: какимъ элементамъ въ борьбѣ этой предстоитъ перевѣсъ?

Всѣмъ извѣстна теорія переживанія наиболѣе приспособленныхъ организмовъ—the survival of the fittest,—но подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ скорѣе всего, какъ я полагаю, подразумѣвать, что уцѣлѣть суждено не тому элементу, который вообще наиболѣе пригоденъ для дѣла развитія и прогресса данной націи, а тому, который наилучшимъ образомъ примѣняется къ той обстановкѣ, въ которую онъ поставленъ жизнью. Въ примѣненіи же къ особенностямъ жизни Соединенныхъ Штатовъ окажется, что страна съ такимъ могучимъ развитіемъ мануфактурнаго производства и механическихъ силъ должна, естественнымъ путемъ, представлять наибольшій спросъ лишь на рабочихъ самаго низшаго разбора; при настоящихъ усовершенствованіяхъ, вносимыхъ въ машинное производство, не столь уже чувствуется потребность въ искусныхъ рукахъ, и можно вслѣдствіе того опасаться, что, отвѣчая на спросъ вѣка, будущее поколѣніе дѣйствительно будетъ по развитію ниже настоящаго.

Уже и теперь не рѣдкость здѣсь встрѣчать молодыхъ ученыхъ, которые, прямо заявляя свою увѣренность [1]) въ непрестанномъ процессѣ переживанія наихудшихъ особей, серьезно начинаютъ задавать циничный вопросъ: „разумно ли мы служимъ дѣлу цивилизаціи, улучшая санитарную обстановку наиболѣе невѣжественныхъ и наименѣе, въ экономическомъ отношеніи, независимыхъ классовъ? [2])"

---

[1]) Лекція *Henry D. Chapin M. D.*: *The survival of the unfittest.*

[2]) *Henry W. Farnam*: The State and the Poor (Political Science Quarterly, June, 1888).

Но это уже крайность пессимизма мрачнѣйшаго оттѣнка. Не слѣдуетъ, мнѣ кажется, забывать и того, чѣмъ страна обязана этому самому невѣжественному элементу населенія въ прошлой исторіи своего развитія. Самые ярые поборники идеи „Америка для американцевъ“ все же затрудняются отрицать, что иммиграція въ штатѣ была однимъ изъ главныхъ рычаговъ въ дѣлѣ возведенія ихъ въ число великихъ націй свѣта. Еслибы не было сюда никакого прилива эмиграціи изъ Европы со времени отложенія колоній отъ Англіи, то народонаселеніе штатовъ въ настоящее время не превышало бы цифры десяти милліоновъ, огромная часть территоріи продолжала бы находиться въ рукахъ спокойно размножающихся краснокожихъ, не было бы возможности построить и десятой части той огромной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая не менѣе иммиграціи повела къ разработкѣ естественныхъ рессурсовъ и обогащенію страны, не состоялось бы и до сихъ поръ, пожалуй, разрѣшенія рабовладѣльческаго вопроса, назрѣвшаго къ началу шестидесятыхъ годовъ, именно вслѣдствіе прилива свободныхъ рабочихъ рукъ въ сѣверные штаты.

Два главныхъ рычага американскаго богатства и цивилизаціи— иммиграція и постройка желѣзныхъ дорогъ—почти одновременно стали производить свое воздѣйствіе на страну. Иммиграція изъ Европы стала значительной съ 1820 года, а желѣзныя дороги здѣсь стали строиться съ 1830 года. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ передвиженіе сюда переселенцевъ совершалось медленно: съ 1820 г. по 1880 годъ прибыло сюда всего около десяти милліоновъ иммигрантовъ. Но съ 1880 г. вдругъ замѣчается радикальная перемѣна какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ прибывающихъ сюда людей. За шесть слѣдующихъ затѣмъ лѣтъ, благодаря удешевленной цѣнѣ за переѣздъ въ штаты и бѣгству отъ солдатчины въ Европѣ, сюда прибыло болѣе трехъ милліоновъ человѣкъ; а къ концу 1887 г. уже оказалось, что сюда проникло 14 милліоновъ человѣкъ изъ Европы, и изъ нихъ чуть ли не цѣлая половина прибыла сюда съ 1870 года.

Фактъ это многознаменателенъ какъ для Америки, такъ и для Европы. На какой сторонѣ выигрышъ отъ того и на чьей сторонѣ потеря? Обыкновенно полагается такъ, что если предметъ извѣстной цѣнности переходитъ отъ одной стороны къ другой, то это причиняетъ потерю первой и ведетъ ко благу другой; при этомъ, однакоже, обыкновенно упускается изъ вида то, что цѣнность самаго предмета обусловливается той пользою или удовольствіемъ, которое можетъ извлечь изъ него его владѣлецъ.

Посмотримъ же, какія можно собрать данныя для разрѣшенія

этого вопроса. Какого рода людъ прибываетъ сюда изъ Европы. Статистическія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что всего 20% переселенцевъ изъ Европы имѣютъ менѣе 15-ти лѣтъ отъ роду, и лишь 10%—старѣе 40 лѣтъ, цѣлыхъ 70% переселенцевъ находятся въ самой пышной порѣ развитія энергіи и силы—отъ 15-ти и до 40 лѣтъ—и даже женщины между ними находятся въ меньшинствѣ. Все это больше „кормильцы", способные содержать себя и другихъ; какъ же—спрашивается—не сознавать огромной экономической прибыли, приносимой ими въ страну? „Развѣ не въ томъ главная задача людей на свѣтѣ и состоитъ, чтобы прокормить самихъ себя и подготовить новое поколѣніе людей?".. спрашиваетъ одинъ изъ видныхъ американскихъ ученыхъ.

Государственные люди и политико-экономы Европы исходятъ изъ того—совершенно правильнаго—положенія, что цѣнность человѣка достигаетъ своей высшей нормы, когда, оставя за собою непроизводительную пору дѣтства и юношества, онъ вступаетъ, наконецъ, въ самый расцвѣтъ силы и дѣлается, наконецъ, способенъ вознаградить затраты на его собственное содержаніе въ періодъ его непроизводительности. Отсюда заключается въ Европѣ, что эмиграція здоровой части населенія является положительною для страны потерею; Европа платитъ дань Америкѣ лучшими своими людьми. Въ одной лишь Англіи одобрительно относились къ эмиграціи, полагая, что уходившіе, очищая мѣста другимъ, возвышаютъ тѣмъ рабочую плату людей, остающихся дома, а эмиграціи изъ Ирландіи радовались изъ-за расоваго антагонизма. Въ тѣхъ же странахъ, которыя содержатъ большія арміи, отбытіе молодежи становится тѣмъ болѣе чувствительно, что военная повинность еще тяжеле ложится на государство и остающихся въ немъ жить гражданъ.

Вслѣдствіе того, за исключеніемъ Англіи, да, пожалуй, еще Бельгіи, всѣ европейскія государства смотрятъ на эмиграцію молодого населенія въ Америку какъ на зло, на невознаградимую потерю: и Германія, и Италія, и Франція, всѣми силами стараются, но безуспѣшно, ей противодѣйствовать.

Но эта потеря европейскихъ странъ является ли выигрышемъ для Америки?.. Несмотря на всѣ выгоды, доставленныя Америкѣ иммиграціей въ прежнія времена, теперь, намъ кажется, мы можемъ дать на вопросъ этотъ лишь отвѣтъ отрицательный, къ которому читатель, я полагаю, уже достаточно подготовленъ тѣми фактами, которые приведены мною въ предыдущихъ главахъ.

Подводя итоги приведеннымъ нами даннымъ, удобнѣе будетъ, однакоже, опереться какъ на статистическія цифры, такъ и на заключенія наиболѣе безпристрастныхъ и компетентныхъ мѣстныхъ судей и наблюдателей этого фазиса соціальнаго вопроса.

По свидѣтельству народной переписи 1880 года, уже тогда въ штатахъ находилось 6.679.943 человѣка иностраннаго происхожденія, представляющихъ собою 15.36% всего природнаго населенія страны (считая негровъ) или, точнѣе говоря, 18% всего природнаго *бѣлаго* населенія штатовъ.

Отличіе это установляется здѣсь мною не самовольно, но по примѣру многихъ американскихъ ученыхъ, которые безспорно признаютъ теперь фактъ низшей цивилизаціи негровъ и невозможность того, чтобы раса эта могла достигать высшаго уровня умственнаго и нравственнаго развитія бѣлаго населенія. Профессоръ политической экономіи въ „Columbia College“ Нью-Іорка, Raymond Mayo Smith, въ выводахъ своихъ, на которые мнѣ безпрестанно придется опираться въ настоящей главѣ, признаетъ [1]) совершенно справедливымъ сопричислить 6.580.793 чел. здѣшнихъ негровъ къ иностранному населенію страны, тѣмъ болѣе еще, что они скучены и противопоставлены природному бѣлому элементу въ южныхъ штатахъ точно такъ же, какъ противопоставлены невѣжественные эмигранты изъ Европы природному бѣлому населенію штатовъ сѣверныхъ. Чтò же получается путемъ такого сопоставленія? А то, что въ штатахъ насчитывается 13.260.736 человѣкъ иностранцевъ и негровъ—на 36.723.027 природныхъ бѣлыхъ людей (или 36,1% природнаго бѣлаго населенія). И эти цифры еще далеко не точно передаютъ сущность положенія. Прибывшіе изъ Европы невѣжественные взрослые переселенцы въ теченіе многихъ лѣтъ удерживаютъ свои несродныя американцамъ воззрѣнія и особенности, производя ими чувствительное воздѣйствіе на дѣтей своихъ. А между тѣмъ, по той же переписи 1880 г. оказывается, что въ странѣ 14.922.744 чел. жителей имѣютъ либо отца, либо мать, а не то и обоихъ родителей уроженцами Европы. Это населеніе составляетъ уже 34% всего бѣлаго населенія страны. Иначе говоря, изъ каждыхъ трехъ человѣкъ, встрѣчаемыхъ нами здѣсь на улицѣ, непремѣнно одинъ долженъ бы оказаться или иностранцемъ по рожденію, или сыномъ иностранца или иностранки. За одно десятилѣтіе съ 1870 г. по 1880 г. сюда прибыло изъ Европы 2.944.695 чел. иммигрантовъ, и, считая ихъ, бѣлое на-

---

[1]) *Political Science Quarterly for* 1888, стр. 54.

селеніе страны возросло на 9.815.981 чел. Въ настоящее время, въ 1889 г., здѣсь уже насчитывается 60 милліоновъ населенія и изъ десяти милліоновъ прироста съ 1870 года цѣлая треть состоитъ изъ переселенцевъ сюда изъ Европы.

Въ старомъ пуританскомъ Массачусетсѣ, лучше всего ведущемъ свои статистическія исчисленія, дознано было еще въ 1875 г., что среди природныхъ американцевъ приходится по 3,52 ч. дѣтей на каждую мать, а среди иностранцевъ—по 4,91 чел. дѣтей на мать.

Въ 1885 году въ томъ же Массачусетсѣ на двухмилліонное населеніе приходилось 525.000 иностранцевъ (27% всего населенія), а въ Бостонѣ цѣлыхъ 67,02% населенія или иностранцы, или же (въ меньшей пропорціи) дѣти иностранцевъ. Сила этого иностраннаго элемента—сила политическая и соціальная—тѣмъ значительнѣе, что среди него насчитывается меньше женщинъ и дѣтей, чѣмъ приходится таковыхъ на природное населеніе страны. Положеніе еще усложняется всеобщею тенденціею людей нашего времени стягиваться къ большимъ центрамъ населенія, при чемъ иностранный элементъ всегда склоненъ держаться особнякомъ, меньше чувствуя на себѣ воздѣйствіе туземцевъ: въ 1790 году въ штатахъ насчитывалось всего по одному городскому жителю на каждыхъ 33 человѣка населенія страны, а въ 1880 г. оказалось, что одинъ изъ каждыхъ четырехъ человѣкъ здѣшняго населенія живетъ въ городѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что воздѣйствіе людей иностраннаго происхожденія при теперешней скученности населенія въ городахъ должно будетъ въ скоромъ времени производить огромное давленіе на общественныя дѣла страны, а этотъ иностранный элементъ преимущественно составляется изъ тѣхъ самыхъ невѣжественныхъ слоевъ населенія, которые наименѣе поддаются сознанію своей отвѣтственности передъ пріютившею ихъ страною и передъ потомствомъ своимъ, и потому склонны къ наибольшему размноженію.

Никто въ штатахъ уже и не пытается отрицать возростающей пропорціи невѣжественныхъ избирателей въ самыхъ крупныхъ центрахъ населенія страны, и невольно возникаетъ вопросъ: не ослабляетъ ли это самой способности страны къ самоуправленію?

По тому же статистическому отчету штата Массачусетса за 1875 г. оказывается, что среди взрослаго (начиная съ 15 лѣтъ) населенія страны между природными американцами приходится по одному преступнику на каждыхъ 142 чел., а среди иностранныхъ уроженцевъ—по одному на каждыхъ 132 чел.; по

другимъ и позднѣйшимъ отчетамъ получаются еще болѣе поразительные выводы; такъ напр., утверждается, что хотя иностранцы составляютъ теперь $^{1}/_{8}$ часть всего народонаселенія штатовъ, они поставляютъ цѣлую треть всѣхъ преступниковъ страны. Но въ этомъ чувствуется большая натяжка: на такихъ сопоставленіяхъ цифръ нельзя строить безусловныхъ выводовъ, хотя бы по тому одному, что иностранцы составляютъ здѣсь наиболѣе невѣжественный классъ, среди котораго повсемѣстно и всегда держится наибольшая преступность. Нельзя, однакоже, отрицать, что теперь сюда безусловно прибываетъ менѣе желательный классъ населенія, чѣмъ въ былыя времена. Прежде переселенія черезъ океанъ было сопряжено съ такими затрудненіями, что требовалась значительная доля денегъ, энергіи и предпріимчивости, чтобы перебраться сюда. Съ настоящею же дешевизною переѣзда развѣ только одинъ лѣнивый не рѣшится ѣхать сюда, а къ тому же несомнѣнно, что разныя страны постоянно производятъ попытки переселять сюда своихъ калѣкъ и преступниковъ. Прежде бѣда эта была бы не столь важна,—тогда у самихъ штатовъ были иныя силы: молодая республика способна была поглотить и благополучно переработать всевозможные элементы. Тогда какой бы лѣнтяй или мошенникъ сюда ни прибылъ—онъ вынужденъ былъ работать, если не хотѣлъ помереть съ голоду, а для воровъ и преступниковъ готова здѣсь была быстрая расправа по суду Линча. Но теперь уже сама Америка не та, какою она была въ половинѣ настоящаго столѣтія. Теперь прибывающій сюда иммигрантъ, если только есть въ немъ склонность къ преступности, сейчасъ же находитъ и въ штатахъ, преимущественно въ большихъ городахъ, тѣ именно условія и ту обстановку, къ которымъ привыкъ онъ въ Европѣ. Устремляются теперь сюда изо всѣхъ странъ, и самый грубый и невѣжественный классъ населенія: французскіе канадцы, русскіе и польскіе евреи, жители восточныхъ провинцій Германіи, южныхъ провинцій Италіи, выходцы изъ Венгріи, въ особенности словаки, про которыхъ американскіе консулы въ отчетахъ своихъ изъ Европы пишутъ: „эти венгерцы (словаки) не многимъ выше китайцевъ по своимъ обычаямъ и цивилизаціи".

Говоря въ отчетѣ своемъ о французскихъ канадцахъ, переселяющихся теперь массами въ Новую Англію, комиссаръ въ Бюро рабочей статистики въ Коннектикутѣ говоритъ, что не оттого нежелательными признаются французскіе канадцы, что они сами по себѣ негодный народъ,—совершенно напротивъ: „они чрезвычайно покладисты и работящи; въ дѣлѣ экономіи на пищу они намъ преподаютъ полезный урокъ... Но въ томъ бѣда, что эко-

номія ихъ не знаетъ границъ... Образъ жизни ихъ таковъ, что было бы совершеннымъ несчастіемъ для американскаго рабочаго, еслибы онъ перенялъ его. Потребности ихъ сведены на такую точку, на которой малость расходовъ является уже не экономіей, а низшей ступенью цивилизаціи". Французскій канадецъ питается еще горохомъ, бобами, картофелемъ и другими питательными овощами, но итальянцы и русскіе евреи являются здѣсь, какъ мы уже видѣли, еще въ худшемъ положеніи. Американскій рабочій не можетъ безъ отвращенія говорить объ итальянцѣ, который живетъ на 10 или 16 сентовъ въ день, заработывая по 1 дол. 25 сентовъ и даже по 1 дол. 50 сентовъ въ день. Итальянцы живутъ, экономіи ради, артелями, во всемъ повинуясь волѣ своего „padrone", который гуртомъ подряжаетъ ихъ на работы, подрывая цѣны на трудъ уважающихъ въ себѣ человѣческое достоинство рабочихъ. Несомнѣнно значитъ, что нынѣшніе эмигранты, прибывающіе сюда, столь же отличны отъ независимыхъ, энергичныхъ эмигрантовъ первой половины XIX-го столѣтія, сколько китайцы отличны отъ человѣка кавказскаго племени, и также мало способны слиться съ природнымъ американскимъ элементомъ населенія.

IX.

Обязаны ли американцы открывать доступъ въ страну всѣмъ желающимъ?— Мнѣніе американскаго профессора о правахъ человѣка на переселеніе.— Измѣненныя условія жизни въ штатахъ. — Земельная голодовка. — Послѣдователи теоріи Генри Джорджа. — Докторъ Макъ-Глиннъ.—Воззрѣнія другихъ людей науки на вопросъ объ европейской эмиграціи.

Невозможно отвергать того, что, помимо холодныхъ предписаній и требованій практическаго разсчета, цивилизованныя общества вынуждены руководиться также и законами этики. Въ вопросѣ объ иммиграціи на американцевъ тѣмъ тяжеле ложится нравственная отвѣтственность, что сами они въ первый періодъ національной жизни своей провозглашали штаты убѣжищемъ, открытымъ для всѣхъ униженныхъ и удрученныхъ Европы, а вдобавокъ къ тому и въ народномъ умѣ глубоко вкоренилась уже увѣренность въ естественномъ, неотъемлемомъ правѣ каждаго человѣка на свободное передвиженіе изъ страны въ страну по личному своему усмотрѣнію.

Принадлежа Европѣ по рожденію, я, конечно, не беру на себя рѣшать для американцевъ ихъ собственные вопросы этики; потому въ этой области и ограничусь лишь взглядами на дѣло

наиболѣе просвѣщенныхъ американцевъ, въ томъ видѣ, какъ они передаются въ статьѣ профессора политической экономіи въ Columbia-College, Ричмонда Мэйо Смита [1]).

Профессоръ начинаетъ съ того, что рѣшительно отвергаетъ право каждаго человѣка переселяться куда ему вздумается. „Вплоть до девятнадцатаго столѣтія,—утверждаетъ онъ,—на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи воспрещалось человѣку оставлять свою страну, или чужеземцу селиться въ иностранномъ государствѣ. Продолжалось это до той поры, пока Мальтусъ не провозгласилъ свою знаменитую теорію насчетъ непомѣрнаго роста народонаселенія; теорія эта навела такой страхъ на Европу, что разныя страны стали тогда же допускать выселеніе изъ предѣловъ своихъ. Но права, пріобрѣтенныя тогда людьми на переселеніе, права чисто историческія: государство ихъ дало, оно же ихъ и отнять можетъ, если чувствуетъ, что имиграція его ослабляетъ, или что приливъ иностранцевъ для него вреденъ; лишь только вредъ становится яснымъ, право на переселеніе тотчасъ же можетъ быть отнято. Есть, однакоже, люди, которые говорятъ, что нація не имѣетъ права запрещать эммиграцію въ свои предѣлы, когда у нея много имѣется незанятой земли. Но этотъ доводъ, какъ сдается профессору, построенъ на смѣшеніи идей. Высшая цивилизація имѣетъ право заставлять низшій родъ цивилизаціи разступаться передъ собою; высшая цивилизація несетъ на себѣ передъ человѣчествомъ обязательство въ томъ, что она станетъ преобладать надъ цивилизаціей низшей, чѣмъ и обусловливается прогрессъ на свѣтѣ. А эту обязанность свою по отношенію ко всему человѣчеству страна выполняетъ наилучшимъ образомъ тогда, когда она, по мѣрѣ средствъ и силъ своихъ, предохраняетъ собственную свою цивилизацію отъ разорительныхъ вторженій варварскихъ силъ извнѣ. Обязанность американцевъ по отношенію къ человѣчеству заключается въ томъ, чтобы поддерживать тотъ высокій уровень жизни, который имъ посчастливилось у себя установить. Мы такъ давно уже отбираемъ у другихъ націй излишекъ ихъ населенія, что и имъ самимъ пора бы поднять свою жизнь на высшій уровень. Теперь же онѣ грозятся насъ спустить на свою степень варварства и лишеній. Этому мы не должны поддаваться, а во что бы то ни стало должны удержаться въ настоящемъ нашемъ положеніи: одна нація на высокомъ уровнѣ цивилизаціи имѣетъ больше значенія, чѣмъ цѣлая половина свѣта, погруженная въ полуварварство.

[1]) Political Science Quarterly. 1888.

„Существуетъ и даже весьма распространенъ предразсудокъ насчетъ того, что Америка будто бы предназначена служить убѣжищемъ бѣднякамъ и угнетеннымъ всего свѣта. Но это опять-таки не вѣрно: праотцы республики, говоря о странѣ этой, какъ объ „убѣжищѣ угнетенныхъ“, имѣли то въ виду, что здѣсь найдется убѣжище для всѣхъ преслѣдуемыхъ за ихъ религіозныя или политическія убѣжденія; они говорили объ этой странѣ, какъ о странѣ свободы совѣсти, свободы слова и мнѣній. Они, конечно, не имѣли въ виду сдѣлать эту страну пріютомъ нищихъ, преступниковъ и убогихъ со всѣхъ концовъ свѣта. Отъ того обѣта праотцевъ мы не отрекаемся и теперь: свободу политическую и религіозную у насъ переселенцы имѣютъ полную; мы даже допускаемъ ихъ до полнаго участія въ управленіи страною.

„Но теперь самыя условія измѣнились. Мы уже не въ силахъ перерабатывать и усвоивать всѣ прибывающія сюда массы; сами переселенцы, поосмотрясь здѣсь, заявляютъ свое недовольство,—говорятъ, что борьба здѣсь такъ же тяжела какъ и въ Европѣ,—и намъ, по совѣсти, слѣдовало бы ихъ заранѣе о томъ предупреждать, опровергая лживыя розсказни агентовъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ компаній. Мы права не имѣемъ увеличивать тягость жизненной борьбы для нашего собственнаго населенія, привлекая сюда иностранцевъ: не отнимать же кусокъ хлѣба у своего ребенка, чтобы бросить его забѣжавшему псу? иначе и благоразуміе, и выдержанность, и трудъ нашего рабочаго пойдутъ ни за что. Обязательство государства по отношенію къ собственнымъ гражданамъ важнѣе, чѣмъ обязательство его по отношенію къ человѣчеству вообще, или, вѣрнѣе говоря, государство сослужитъ наилучшую службу всему человѣчеству вообще, если съумѣетъ поддержать свою собственную цивилизацію. Это вѣрный принципъ политической экономіи.

„Что угрожаетъ намъ серьезнѣе всего, такъ это, во-первыхъ, политическая опасность допущенія слишкомъ большого количества иноземной крови въ наше соціальное тѣло,—опасность того, что мы, этимъ путемъ, утратимъ самую способность къ самоуправленію, что населеніе станетъ до того разнородно, что мы перестанемъ руководиться прежними политическими идеалами, станемъ неспособны къ послѣдовательному прогрессу; во-вторыхъ, то, что у насъ низшіе классы населенія окажутся въ огромномъ перевѣсѣ, и это предъявитъ чрезвычайный спросъ на частную и общественную благотворительность; и наконецъ, въ-третьихъ, теперешняя настоятельная конкурренція на рабочемъ рынкѣ,

которая грозитъ понизить уровень благосостоянія нашихъ собственныхъ рабочихъ.

„Мы не должны, однако, впадать въ ту ошибку, которая заставляетъ иныхъ признавать аналогичнымъ увеличеніе предложенія рабочихъ рукъ и введеніе машинъ, служащихъ къ сбереженію ручного труда. Дешевизна машиннаго производства увеличиваетъ спросъ на продукты, и такимъ путемъ усиливаетъ спросъ на рабочія руки. Машины оказали огромное благодѣяніе рабочему классу, доставивъ ему доступъ ко многимъ предметамъ, принадлежавшимъ до того къ разряду предметовъ роскоши... Если допустить еще долгое время нынѣшнюю конкурренцію, то рабочій нашъ по-неволѣ заживетъ свиньею; сначала онъ станетъ мучиться этимъ, а слѣдующее поколѣніе, того и смотри, привыкнетъ къ тому“...

Такимъ-то логическимъ сцѣпленіемъ идей приходитъ профессоръ Смитъ къ тому рѣшительному выводу, что приливъ массъ иммигрантовъ не только не нуженъ теперь для экономическаго развитія штатовъ, но становится положительно вреднымъ для страны. Прежде чѣмъ перейти къ перечисленію средствъ, предлагаемыхъ американскими учеными и государственными людьми для устраненія зла, скажемъ отъ себя, что сила старинной панацеи, на которую разсчитывали въ прежнія времена для исцѣленія всѣхъ соціальныхъ золъ въ Соединенныхъ Штатахъ, лишена уже за послѣднее время дѣйствительности: общественныя земли, которыя въ былое время предназначались для занятія переселенцами, теперь мало кого привлекаютъ; лучшая половина этихъ общественныхъ земель давно уже отчуждена въ частныя руки и перепродается переселенцамъ въ три-дорога; остальныя земли —все больше въ мѣстностяхъ скалистыхъ, для обработки неудобныхъ. Скудость общественныхъ земель до того уже чувствуется здѣсь, что правительство въ этомъ году скупило большую полосу земли у индѣйцевъ индѣйской территоріи, и когда этотъ участокъ (Оклахома) открытъ былъ для поселенцевъ, то на него разомъ ринулось 70.000 человѣкъ, большинство которыхъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль кочевало на границѣ этого участка, въ ожиданіи его оффиціальнаго открытія. Конечно, на участкѣ не могло умѣститься и четверти желающихъ; къ тому же и земля оказалась хороша лишь мѣстами только, такъ что въ виду „земельной голодовки“ правительство вынуждено было принять мѣры рѣшительныя. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1889 г. правительство Соединенныхъ Штатовъ открыло переговоры съ индѣйскимъ племенемъ Sioux въ видахъ покупки у него участка земли въ 325 миль длиною

при 140 миль ширины. Плата за то предлагается въ четырнадцать милліоновъ долларовъ, и если двѣ трети взрослыхъ индѣйцевъ Sioux Reservation на продажу согласятся, то земли эти будутъ открыты поселенцамъ предстоящей осенью.

Съ чѣмъ же сообразно при подобномъ положеніи дѣла приглашать сюда на поселеніе европейскія орды? Не цѣлесообразнѣе ли американцамъ сохранить эти земли, этотъ важный предохранительный клапанъ здѣшней жизни, открытыми для своего потомства, среди котораго при новыхъ условіяхъ борьбы за существованіе будетъ оказываться все болѣе и болѣе неудачниковъ, которымъ открытъ будетъ одинъ лишь исходъ—селиться на общественныхъ земляхъ далекаго запада, если только уцѣлѣютъ таковыя?

Конечно, послѣдователи экономическихъ ученій Генри Джорджа продолжаютъ настаивать на томъ, что штатамъ грозитъ серьезная опасность не отъ излишняго прилива невѣжественнаго населенія извнѣ, а отъ того, что они не хотятъ принять мѣръ предлагаемыхъ авторомъ „Прогресса и Бѣдности". Ссылаются, конечно, эти господа на тотъ аргументъ Генри Джорджа, что теорія Мальтуса вполнѣ ошибочна, что, напротивъ того, съ увеличеніемъ цифры народонаселенія страны, соразмѣрно съ тѣмъ увеличивается и ея производительная сила, и что, вслѣдствіе того, если остальныя условія жизни равны для людей, то чѣмъ больше въ странѣ живетъ людей, тѣмъ больше, пропорціонально, должно быть ея производство.

Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ этой теоріи состоитъ D-r Edward Mac Glynn, на котораго мы уже имѣли случай ссылаться въ вопросѣ о нравственности низшихъ слоевъ населенія столицы. Докторъ богословія Макъ-Глиннъ въ теченіе многихъ годовъ почитался первымъ въ Нью-Іоркѣ католическимъ проповѣдникомъ по глубинѣ, силѣ и увлекательной искренности его проповѣдей. Преданность его Генри Джорджу и политическія рѣчи, произнесенныя Макъ-Глинномъ съ публичныхъ платформъ въ пользу кандидатуры названнаго экономиста, баллотировавшагося въ мэры Нью-Іорка, навлекли на священника гнѣвъ мѣстнаго архіепископа, тоже рьянаго политическаго партизана. Макъ-Глиннъ не только отказался отречься отъ доктринъ Джорджа, но не сдался даже на приглашеніе самого папы явиться въ Римъ объяснить свое поведеніе; докторъ прямо заявилъ, что не признаетъ права римской куріи предписывать какіе-нибудь политическіе или соціальные принципы американскому гражданину, и въ Римъ не поѣхалъ. За это Макъ-Глиннъ былъ лишенъ сана священника и отлученъ отъ церкви; многіе католики тогда отпали

отъ него, какъ отъ зачумленнаго, но многіе остались въ числѣ горячихъ его приверженцевъ, ряды которыхъ пополнились людьми всякихъ религіозныхъ тенденцій, привлеченныхъ свѣтлою личностью Макъ-Глинна, его широкимъ умомъ и самоотверженною дѣятельностью въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города. D-r Mac Glynn остается вѣрнымъ теоріи Генри Джорджа насчетъ необходимости того, чтобы земля была также доступна всякому желающему эксплуатировать гнѣздящіеся въ ней рессурсы, какъ доступенъ всякому человѣку воздухъ, безъ котораго немыслима самая жизнь. Но Генри Джорджъ за послѣдній годъ отстранился отъ своего друга Макъ-Глинна; сдѣлалъ онъ это изъ-за того, чтобъ не подвергнуться противодѣйствію могущественной католической іерархіи, которая, изъ-за вражды къ Макъ-Глинну, могла запретить всѣмъ католикамъ внимать проповѣди доктринъ Генри Джорджа, какъ здѣсь, такъ и въ Европѣ и Австраліи. Если цѣль освящаетъ средства, то Генри Джорджъ, конечно, правъ, поступивъ такимъ образомъ.

Вѣрный ученію, которое онъ такъ пылко и краснорѣчиво проповѣдуетъ, докторъ Макъ-Глиннъ заявилъ,—лишь только мы затронули этотъ вопросъ въ разговорѣ съ нимъ,—что онъ рѣшительно противится сокращенію иммиграціи изъ Европы: пусть ѣдутъ сюда всѣ, кромѣ калѣкъ, идіотовъ, преступниковъ и профессіональныхъ нищихъ,—всѣмъ найдется мѣсто.

— И вы не опасаетесь того, докторъ, что съ этимъ огромнымъ приливомъ иностраннаго элемента въ страну измѣнятся, въ концѣ концовъ, коренныя свойства американскаго характера, утратится, пожалуй, самая способность американцевъ къ самоуправленію?—спросили мы его.

— Не опасаюсь, рѣшительно не вижу никакихъ основаній къ такому опасенію,—горячо возразилъ докторъ: — естественный приростъ населенія въ штатахъ такъ великъ, что ежегодно почти втрое превосходитъ численность прибывающихъ въ страну иммигрантовъ; пока еще мы прекрасно можемъ этотъ сырой матеріалъ переваривать самимъ себѣ на пользу.

— Но какъ же вы, такой извѣстный и популярный сторонникъ рабочаго человѣка, не принимаете въ разсчетъ той пагубной конкурренціи, которой онъ подвергается со стороны пришлецовъ, вѣчно перебивающихъ у него работу?

— Что же это доказываетъ, какъ не силу препятствій, мѣшающихъ широкой эксплуатаціи всѣхъ аренъ, на которыхъ находится примѣненіе для человѣческаго труда? Развѣ это не доказываетъ несправедливости частной земельной собственности?

Только подумайте о томъ, что̀ было бы, еслибы принята была въ Нью-Іоркѣ наша теорія обложенія всѣхъ земель налогомъ, соотвѣтствующимъ „полному чистому доходу этихъ земель — to tax all land to the full extent of its rent value!"... Какъ вы полагаете, могли бы тогда составляться такія колоссальныя состоянія, какъ состоянія Асторовъ, которые вотъ уже два-три поколѣнія ничего не дѣлаютъ, и съ каждымъ часомъ богатѣютъ, такъ какъ огромные участки принадлежащей имъ въ городѣ земли все возвышаются въ цѣнѣ съ ростомъ Нью-Іорка? Нѣкоторые участки этой земли въ самомъ центрѣ города пустуютъ, такъ какъ оцѣниваются въ милліоны долларовъ. А какъ вы полагаете, - стали бы Асторы и другіе богачи держать эти земли въ непроизводительности, еслибы на землю наложенъ былъ налогъ соразмѣрный той цѣнности, которая пріобрѣтена ею путемъ того, что мы называемъ unearned increment: не вслѣдствіе труда и улучшеній, произведенныхъ на землѣ ея собственникомъ, а единственно въ силу производительнаго труда другихъ людей, возвысившаго значеніе Нью-Іорка и цѣнность лежащихъ въ предѣлахъ его земель?.. Будьте увѣрены, что еслибы милліонный участокъ земли обложенъ былъ налогомъ въ 50.000 и 60.000 въ годъ, то Асторъ очень скоро отъ этой земли отказался бы, или же, платя налогъ, постарался бы эксплуатировать этотъ участокъ сколько возможно: покрылъ бы его цѣнными строеніями, способными давать большой доходъ, и тѣмъ вернулъ бы себѣ налогъ, уплачиваемый имъ за землю, и доставилъ бы примѣненіе труду многимъ сотнямъ рабочаго люда... Только помѣшайте людямъ, какъ собакамъ жаднымъ, на сѣнѣ лежать, держа земли въ непроизводительности,—тогда не будетъ больше жалобъ на конкурренцію въ трудѣ, не будетъ на свѣтѣ такой вопіющей бѣдности, которую видимъ мы теперь...

Не всѣ, однакоже, почитатели Генри Джорджа безусловно принимаютъ его теорію единичнаго налога „single tax"; многіе изъ нихъ, и преимущественно сторонники Джорджа, среди молодыхъ ученыхъ и студентовъ Johns Hopkins и другихъ американскихъ университетовъ, склоняются къ тому убѣжденію, что не было бы нужды ни въ какихъ конгрессіонныхъ коммиссіяхъ для изслѣдованія иммиграціи и все бы обстояло благополучно, еслибы найдено было средство обезпечить за каждымъ человѣкомъ справедливое вознагражденіе его труда.

Пока же всѣ люди науки, равно какъ и государственные дѣятели штатовъ, за исключеніемъ политикановъ-организаторовъ выборнаго дѣла по большимъ городамъ, единогласно требуютъ принятія мѣръ административныхъ къ сокращенію и регулиро-

ванію эмиграціи сюда изъ Европы. Всѣ американскіе передовые люди мысли сходятся притомъ въ слѣдующихъ предположеніяхъ: во-первыхъ, требуется путемъ дипломатическихъ переговоровъ добиться того, чтобы иностранныя державы воспрещали образованіе у себя обществъ, старающихся о сплавленіи сюда негодныхъ элементовъ своего населенія, и запрещали бы дѣйствовать среди своихъ невѣжественныхъ слоевъ тѣмъ краснобаямъ-агентамъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы заманивать въ штаты всякій людъ, лишь бы зашибить деньги на коммиссіи по доставкѣ пассажировъ. Во-вторыхъ, твердо настаивать на исполненіи законовъ, запрещающихъ ввозъ въ штаты рабочихъ по контракту. Это требованіе вполнѣ законно, такъ какъ рабочіе такого свойства, отработавъ здѣсь свой срокъ по контракту, не знаютъ затѣмъ, куда здѣсь дѣться; и если не попадаютъ тотчасъ же въ госпиталь, тюрьмы или благотворительныя учрежденія, то скитаются по странѣ, едва находя себѣ дѣло, а лѣтъ черезъ пять сами же вступаютъ въ ряды полноправныхъ гражданъ и избирателей въ странѣ. Въ-третьихъ: необходимо должно поднять требованія при процессѣ натурализаціи иноземцевъ, такъ какъ теперь уже въ штатахъ не существуетъ тѣхъ условій, которыя въ прежнее время заставляли желать увеличенія числа избирателей. Въ прежнія времена поселенцы, являвшіеся сюда, проявляли полную симпатію къ американскимъ учрежденіямъ, были воодушевлены энтузіазмомъ къ республикѣ. Теперь это все измѣнилось. Прибывающіе сюда соціалисты такъ далеко заходятъ въ требованіяхъ своихъ, что американскія учрежденія ихъ уже не удовлетворяютъ, представляются имъ слишкомъ консервативными; большинство же теперешнихъ эмигрантовъ изъ Европы вовсе и не заботятся о томъ, какой формы правленія держатся штаты; свобода многими изъ нихъ принимается въ смыслѣ неограниченной никакими законами вольницы: они не знаютъ ни исторіи Америки, ни языка, ни учрежденій здѣшнихъ, и избирательное право, распространяемое на нихъ сплошь и рядомъ, представляется имъ просто правомъ продавать свой голосъ по своему усмотрѣнію. Въ-четвертыхъ, многіе доходятъ здѣсь теперь и до того, что серьезно ратуютъ объ установленіи здѣсь извѣстнаго ценза собственности и образованія, которыми обусловливалось бы впредь распространеніе на иностранцевъ избирательныхъ правъ.

Въ частыхъ разговорахъ нашихъ съ людьми различныхъ профессій о предстоящемъ регулированіи штатами иммиграціи изъ Европы нерѣдко случалось намъ выслушивать опасенія того, что

все это можетъ возбудить сильное противодѣйствіе со стороны европейскихъ правительствъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто статьи профессора Смита, въ которой онъ обсуждаетъ эти стороны вопроса также горячо и рѣшительно, какъ и всѣ другіе его фазисы, что и понятно въ патріотѣ и почитателѣ цивилизаціи, задѣтомъ за живое въ лучшихъ своихъ симпатіяхъ ученаго и гражданина. Спрашивая себя, какое дѣйствіе запрещеніе иммиграціи будетъ имѣть на дипломатическія отношенія республики къ иностраннымъ державамъ, профессоръ Смитъ напоминаетъ тотъ фактъ, что до сихъ поръ не возвышалось ни одного протеста противъ права штатовъ предписывать какія угодно условія для вступленія на ихъ территорію или исключать изъ эмиграціи какія угодно лица: ихъ привилегія на это съ точки зрѣнія международнаго права неоспорима. Но, въ сущности, на поддержку Европы штаты могутъ разсчитывать въ этомъ дѣлѣ хотя бы уже и потому, что интересы европейскихъ странъ также страдаютъ отъ медлительности въ рѣшеніи вопроса о правахъ и привилегіяхъ, связанныхъ со стремленіями народныхъ массъ къ переселеніямъ. Италія и Германія готовы употребить всѣ усилія къ тому, чтобы не допустить свою здоровую и способную къ работѣ и военной службѣ молодежь до переселенія въ штаты; Норвегія и Швеція сознаютъ, что эмиграція даже ослабляетъ ихъ политически. Англія сама наряжала у себя слѣдствіе о конкурренціи иностранцевъ въ Лондонѣ; Парнель и лидеры „Національной Лиги" противятся выселенію ирландцевъ изъ Ирландіи; Франція жалуется на вторженіе рабочихъ изъ Италіи; по соображеніямъ свойства, правда, политическаго Германія силою выживаетъ русскихъ поляковъ изъ своихъ предѣловъ; наконецъ, и Россія съ опасеніемъ взираетъ на переходъ земель въ русскихъ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ въ руки иностранцевъ. Кому же—спрашиваетъ Смитъ—можно будетъ съ свободной совѣстью протестовать противъ запрещенія американцами вступленія эмигрантовъ въ Соединенные Штаты въ прежнемъ числѣ?

В. Макъ-Гаханъ.

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Повѣсть.

XI *).

Ижоринъ писалъ Аркадію, что онъ счастливъ превыше всякаго описанія, но при этомъ нѣсколько утомленъ разсѣяннымъ образомъ жизни, длящимся уже съ мѣсяцъ. „Для Вѣры, которая нравственно вдвое моложе меня,—писалъ счастливецъ:—онъ новъ и полонъ очарованія, а для меня это скучная толкотня... Мы только наружно вмѣстѣ; въ дѣйствительности же, съ утра до поздней ночи, принадлежимъ совершенно чужимъ и ненужнымъ людямъ; заняты съ ними, поглощены до того, что почти не имѣемъ времени подѣлиться нашими впечатлѣніями".

А Лива Копрова писала Марьѣ Игнатьевнѣ: „Я его видѣла раза два, но онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе... Рядомъ съ своей молодою женой, которой тутъ, въ Петербургѣ, привольно какъ рыбѣ въ водѣ, онъ имѣетъ видъ пожилого и очень серьезнаго человѣка, котораго принуждаютъ плясать... То ли дѣло мой Яша! Женился на толстой, 30-лѣтней скотницѣ, а доволенъ какъ царь, и мечтаетъ только о томъ, какъ бы скорѣе вернуться въ Стоженку!.. Первый нашъ выѣздъ здѣсь былъ на сельско-хозяйственную выставку, къ сожалѣнію—передъ самымъ ея закрытіемъ... Я подарила ему на память медоваго мѣсяца очарователь-

*) См. выше: окт., 581 стр.

наго альгаузскаго бычка, съ которымъ мы няньчимся здѣсь какъ съ роднымъ нашимъ дѣтищемъ... Мы его назвали Яшкой въ виду того, что это, по всѣмъ вѣроятіямъ, „будущій“ Лизки... Promessi sposi!“... Далѣе слѣдовали нескромности, до которыхъ Лиза была охотница.

Писала и Вѣра Ижорина. Она писала раскидисто и безсвязно, но, очевидно, искренно... Нѣсколько словъ о томъ, что она влюблена и наслаждается, какъ котенокъ съ плошкою сливокъ, у печки, но что объ этомъ не стоитъ писать, такъ какъ это само собой разумѣется,—и слѣдомъ за тѣмъ, безъ всякаго перехода, жалобы, что она въ большомъ затрудненіи. Денегъ у ней остается всего 410 рублей, а самые крупные счеты еще не уплачены!.. Ошибка произошла по собственной ея глупости. Заказывая у первыхъ портнихъ, она совѣстилась допрашивать ихъ во всей подробности о цѣнѣ, послѣ ихъ клятвъ, что онѣ не накинутъ ни гроша лишняго... „А въ счетахъ,—вообрази безстыдство!—съ прикладомъ и гарнитурой оказывается все втрое!.. Конечно, мнѣ стòитъ признаться Пьеру, что я обочлась, но я откладываю это въ надеждѣ, что можетъ быть онъ и самъ догадается... Все думается, неужто они съ отцомъ—а отецъ у него весьма практическій человѣкъ—воображали, что съ ихъ мизерными тремя тысячами тутъ можно одѣться хоть сколько-нибудь прилично,—они, которые видятъ тутъ каждый день туалеты отъ Ворта, въ 1.000 и 2.000?.. Все это, впрочемъ, вздоръ, потому что не выѣдемъ же мы отсюда, не расплатившись, а вотъ чтò ужасно!.. Пьеръ, не шутя, разсчитываетъ вернуться къ праздникамъ!.. Для чего? Вѣдь не пахать же будемъ зимой, въ декабрѣ! И не жестоко ли это по отношенію къ молодой женѣ, первый разъ выпущенной на свѣтъ изъ захолустья?.. Послѣ театра и залитыхъ свѣтомъ хорòмъ—закупориться на нѣсколько мѣсяцевъ въ какую-нибудь несчастную Стоженку, и не знать куда дѣваться, чтò дѣлать съ утра до вечера!.. Только представь себѣ длинную зимнюю ночь, когда на дворѣ не видно ни зги, дороги занесены мятелицею и волки бродятъ у самыхъ воротъ!.. Милая! Сжалься! Уговори Аркадія! Пусть напишетъ, что намъ, раньше первой недѣли поста, нечего дѣлать дòма“...

Первый визитъ молодыхъ былъ къ Екатеринѣ Осиповнѣ. Предупрежденная, она встрѣтила ихъ какъ родныхъ, цѣловала, разспрашивала, звала къ себѣ вечеромъ и обѣдать, но ихъ не оставили и пяти минутъ глазъ-на-глазъ... Слѣдомъ за ними явилась какая-то важная барыня и завладѣла Бухарцевой. Промолчавъ

съ полчаса, они уѣхали, и черезъ день Ижоринъ, уже одинъ, посѣтилъ кузину, выбравъ нарочно время, когда она еще неодѣта, чтобы поговорить о дѣлѣ. Но ему стоило нѣкотораго труда разогрѣть остывшее и связать въ ея памяти разрозненные концы.

— Да, она говорила по поводу его писемъ съ А. Б., но не припомнитъ теперь, чтò именно. Помнитъ только, что отвѣчала на оба.

Вышло, однако, что именно эти отвѣты ея и требуютъ поясненія.

— Вотъ они,—говорилъ Ижоринъ:—позволь мнѣ прочесть ихъ вслухъ, чтобы напомнить тебѣ твои собственныя слова.

— Пожалуйста.

Онъ досталъ изъ бумажника два письма и, отыскавъ въ нихъ отмѣченныя мѣста, началъ читать:

— „Я не могу передать тебѣ подлинныхъ выраженій,—писала кузина:—но впечатлѣніе было такое, какъ будто они боятся сказать что-нибудь, чтò могло бы быть истолковано мѣстной администраціей или прессою, какъ оффиціально принятый къ руководству взглядъ"... Согласись, что это довольно странно. Неужли они боятся, что мы опубликуемъ конфиденціальную переписку съ людьми, которые служатъ намъ адвокатами?.. Вѣдь для этого надо быть идіотомъ!.. Но слушай дальше.

— „Совѣтуютъ вамъ держаться прочно-установившихся формъ и избѣгать всего, чтò похоже на пропаганду"... Но что же прочнѣе сельской общины? Она одна уцѣлѣла послѣ того, какъ все остальное рухнуло и оффиціально упразднено. И развѣ можно назвать пропагандою новыхъ идей простой переходъ отъ обработки земли съ найма къ воздѣлыванію ее собственными руками?.. Но вотъ чтò еще страннѣе:

— „Мы,—говорятъ:—не ученое учрежденіе, чтобы брать на себя оцѣнку и поощреніе новыхъ теорій или системъ"... Да развѣ мы имъ сообщали какую-нибудь систему?.. Искали ихъ оффиціальнаго поощренія?.. Можно ли такъ ошибочно понимать мотивы, которые побудили насъ обратиться къ нимъ?.. Мы—люди новые и не успѣли еще ничѣмъ себя заявить. Намѣренія наши могли быть заподозрѣны всякимъ, кто по обязанности имѣетъ надзоръ за порядкомъ въ уѣздѣ: исправникомъ, становымъ, волостными, и изъ-за самой безсмысленной, поднятой кѣмъ-нибудь сдуру тревоги, насъ просто могли разогнать. Что же естественнѣе нашей рѣшимости обратиться къ людямъ, которые, по своему высокому положенію, могутъ насъ лучше понять, и, объяснивъ имъ заранѣе

нашу цѣль, просить, чтобы намъ не приписывали тенденцій, которыя намъ и во снѣ не снились?..

— Ахъ, другъ мой,—сказала, зѣвнувъ, Бухарцева:—какъ ты не хочешь понять, что они по горло заняты совершенно другими вещами, и что имъ просто некогда съ вами няньчиться. Я имъ объясняла, при первой моей попыткѣ, почти то же самое, но неужли ты думаешь, что они помнятъ что-нибудь? Меня принимали и слушали, обѣщали, что вамъ не сдѣлано будетъ никакихъ препятствій, если вы сами къ тому не дадите повода, и вѣроятно что-нибудь сообщили на мѣсто... Чего же больше?.. То, что̀ вы послѣ писали, пропущено было, разумѣется, мимо ушей, и мнѣ отвѣчали только изъ вѣжливости, ходячими, не имѣющими никакого внутренняго значенія фразами... Какое имъ дѣло до вашего сельскаго общества, если у васъ все обстоитъ благополучно, и вы не испрашиваете у нихъ бумажнаго разрѣшенія?

— Ты, стало быть, не показывала имъ писемъ?—спросилъ Ижоринъ.

— Показывала, и у меня ихъ взяли—такъ, сами не знаютъ зачѣмъ. На что̀ имъ ваши отчеты, если они не интересуются ходомъ вашего предпріятія, какъ хирургъ, который не обратитъ на васъ никакого вниманія, покуда всѣ ваши кости цѣлы?.. Пишите, если у васъ есть время. На всякій случай, я рада имѣть о васъ вѣрныя свѣденія, но безъ особой надобности къ нимъ болѣе не поѣду...

Разсказывая объ этомъ товарищу, Ижоринъ, въ своемъ письмѣ, подсмѣивался надъ важностью, которую они придавали еще недавно своимъ отчетамъ. „Чѣмъ долѣе я тутъ гощу,—писалъ онъ:—тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что никого въ Петербургѣ не интересуютъ судьбы помѣщичьяго хозяйства,—точно оно, какъ работа Иванушки-дурачка, только въ сказкѣ можетъ идти хорошо. Съ одной стороны, это, пожалуй, успокоительно, какъ свидѣтельство, что Петербургъ, считая себя некомпетентнымъ по этой части, не будетъ вмѣшиваться въ ходъ дѣла по существу:—мы, молъ, и сами помѣщики, да уже давно махнули рукой на наши покинутыя усадьбы. Но безотчетный страхъ, питаемый здѣсь ко всему, что̀ пахнетъ системою, очень печаленъ, какъ фактъ, свидѣтельствующій, что мы идемъ ощупью въ самыхъ важныхъ вещахъ и не вѣримъ возможности раціональнаго улучшенія. „Авторитетъ установившихся формъ", что̀ бы ни говорила кузина, нѣсколько болѣе, чѣмъ ходячая фраза. Это признаніе, что мы сами собой не въ силахъ выбиться изъ вѣками проторенной колеи, и что отжившія формы у насъ должны завонять, прежде чѣмъ мы почувствуемъ

нужду въ ихъ обновленіи; покосившійся домъ долженъ рухнуть, оставивъ насъ безъ покрышки, прежде чѣмъ мы, стряхнувъ съ себя азіатскую лѣнь, рѣшимся его чинить.

Словно въ отвѣтъ на жалобы Вѣры, письма изъ Стоженки были полны извѣстій, свидѣтельствовавшихъ, что, несмотря на зимній сезонъ, тамъ не сидятъ безъ дѣла. Еще до отъѣзда двухъ паръ былъ квартирный совѣтъ, на которомъ принято нѣсколько важныхъ рѣшеній. Всѣ три семьи, со старикомъ Вѣтленевымъ, должны были помѣститься въ большомъ, господскомъ домѣ; для одиночекъ изъ женскаго персонала общины временно уступали флигель, а для мужской интеллигентной компаніи строилось новое зданіе. Внутреннія работы по передѣлкѣ и приспособленію начали тотчасъ, какъ только очистился нижній этажъ, но ихъ не успѣли еще окончить, какъ въ Стоженку уже прибыло нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, знакомыхъ Дымовичу за три года его земледѣльческой практики. Это были участницы лѣтнихъ сборовъ въ N. Ихъ помѣстили во флигелѣ и немедленно дали работу на скотномъ дворѣ, подъ надзоромъ двухъ женщинъ, распоряжавшихся кормовымъ и молочнымъ дѣломъ.

Разсказывая объ этомъ въ письмѣ, Вѣтленевъ упомянулъ, между прочимъ, о сдѣланной имъ уже, съ мѣсяцъ тому назадъ, находкѣ. Между вновь нанятыми работниками одинъ оказался съ дворянскимъ видомъ. Аркадій сначала не обратилъ на это вниманія, но однажды, когда Дымовичъ, толкуя о помѣщеніи батраковъ, спросилъ: куда они дѣнутъ „учителя", вспомнилъ о паспортѣ и нашелъ нелишнимъ поговорить съ его обладателемъ.

Вмѣстѣ они подошли къ холостой избѣ.

— Нефедовъ здѣсь?—спросилъ Аркадій у парня, сидѣвшаго на крылечкѣ съ гармоникой.

— Здѣсь,—отвѣчалъ тотъ, вскочивъ.

— Пошли его къ намъ.

Нефедовъ догналъ ихъ недалеко отъ дома Это былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ 30, со слѣдами бѣлесоватой, жидкой растительности на некрасивомъ лицѣ, черты котораго представляли странную смѣсь простодушія и лукавства. Одѣтъ онъ былъ какъ-то безхарактерно: русская ситцевая рубаха на-выпускъ и солдатскіе, запрятанные въ короткія голенища, штаны. Поверхъ рубахи—остатокъ потеряннаго величія: изношенное до нитки, гороховое пальто.

— Скажите пожалуйста, батюшка, какъ вы попали сюда?—спросилъ Вѣтленевъ.

Отвѣта не было. Лицо у Нефедова выражало тупое недоумѣніе. Онъ былъ безъ шапки, и длинныя, неуклюжія, загорѣлыя руки съ краями ситцевыхъ рукавовъ висѣли какъ что-то лишнее.

— Вы были прежде учителемъ Н** женской гимназіи?

— Былъ-съ.

— Что же заставило васъ промѣнять эту профессію на бездомную жизнь батрака?

Молчаніе. На губахъ у Нефедова порхала загадочная усмѣшка.

— Имѣли какія-нибудь неудовольствія съ вашимъ начальствомъ или съ полиціей?

— Нѣтъ-съ.

— Или, быть можетъ, въ прошломъ у васъ что-нибудь не въ порядкѣ?.. Признайтесь: васъ, можетъ быть, негласно просили оставить мѣсто?

— Нѣтъ-съ.

— Дѣло вотъ видите въ томъ, что мы здѣсь на виду и до извѣстной степени подъ надзоромъ. Поэтому я васъ долженъ предупредить, что пребываніе ваше здѣсь не можетъ быть скрыто.

Бывшій учитель глядѣлъ исподлобья на говорившаго.—Въ чемъ же вы сомнѣваетесь?—спросилъ онъ.—Видъ у меня не купленный.

— Нѣтъ, вы меня не поняли, — продолжалъ Аркадій.— Справки о васъ, если вы разсчитываете тутъ оставаться, необходимы во всякомъ случаѣ, такъ какъ безъ этого мы не можемъ за васъ отвѣчать. Но мы желали бы прежде удостовѣриться, что онѣ вамъ не повредятъ.

Нефедовъ приподнялъ брови съ видомъ младенческаго недоумѣнія.—Много вамъ благодаренъ-съ, но, кажется, вы напрасно изволите безпокоиться. Ни полиціи, ни старому моему начальству нѣтъ никакого дѣла до настоящихъ причинъ, заставившихъ меня бросить мѣсто, такъ какъ причины эти—семейныя... Поэтому я о нихъ и молчу.

Вѣтленевъ вспомнилъ, что въ аттестатѣ прописано было: „женатъ", и извинился; послѣ чего учителя, къ немалому его удовольствію, перевели на чистую половину... Съ нимъ были книги, и въ длинные зимніе вечера—его можно было увидѣть въ окно за чтеніемъ, или съ перомъ и бумагой. Дѣвицы съ нимъ живо перезнакомились, и онъ часто пилъ съ ними во флигелѣ чай. Онъ называлъ ихъ: *дочери*, потому что на всѣхъ языкахъ арійскаго племени это слово въ корнѣ имѣло смыслъ *подойщицы*.

Во флигелѣ стало весело, и послѣ обѣда тамъ раздавались пѣсни. Но „дочери" не сидѣли и въ праздникъ безъ дѣла. По

воскресеньямъ, послѣ обѣдни, къ нимъ начали забѣгать изъ церкви крестьянскія дѣти, и *дочери*, съ помощью Нефедова, учили ихъ грамотѣ. Провѣдавъ объ этомъ, священникъ раза два присутствовалъ на урокѣ, но не нашелъ ничего зловреднаго и, уходя, сказалъ: „хорошее дѣло!" Къ праздникамъ, въ смежныхъ со Стоженкой деревняхъ, всѣ уже знали, что тамъ существуетъ „воскресная школа", и число дѣтей, ее посѣщающихъ, выросло. Послѣ урока, Марья Игнатьевна уводила ихъ цѣлой ватагой къ себѣ, показывала картинки и угощала.

Обо всемъ этомъ Аркадій подробно писалъ въ Петербургъ Ижорину; но о ту пору въ усадьбу вернулись уже Копровы. Они привезли съ собой и бычка, о которомъ во флигелѣ сочинили, будто его везли въ купé, съ пассажирскимъ билетомъ, переодѣтаго, и поили на станціяхъ молокомъ, при чемъ кондукторà, подкупленные необычайною красотою „Яшки", смотрѣли якобы на подобное баловство сквозь пальцы.

Съ пріѣздомъ Копровыхъ, въ вѣденіе ихъ поступила вся скотная и молочная часть, а съ нею и „дочери"—кличка, которая такъ и осталась за ними.

XII.

Вторая парочка молодыхъ вернулась на первой недѣлѣ поста и, сдѣлавъ свадебные визиты кое-кому изъ сосѣдей, усѣлась въ гнѣздѣ. Отбывъ, такимъ образомъ, всѣ повинности новобрачнаго, Петръ Ижоринъ былъ радъ отдохнуть отъ счастья, которое начинало его одолѣвать. Очарованіе его улетучилось, какъ улетучивается на языкѣ, послѣ попойки, букетъ дорогого вина, и какъ царь Соломонъ, оглядываясь на пережитыя радости, онъ могъ бы себѣ сказать: „Суета!.. Все—суета!.." Но нашъ Соломонъ любилъ свою молодую жену, и у него не хватало жестокости произнесть надъ нею такой приговоръ. Невольно ему приходило на умъ, что онъ требуетъ отъ нея слишкомъ многаго. „Надо заняться ея культурою", думалъ онъ. „Надо очистить этотъ еще неразвитый цвѣтокъ отъ заглушающаго его бурьяна,—заставить ее читать, работать и думать,—думать прежде всего".

Ижоринъ, однакоже, ошибался, воображая, что его милая „Суета" еще ни о чемъ не думала. Вѣра, напротивъ, усердно старалась понять свое положеніе. Ей не терпѣлось выяснить, чтò оно можетъ дать ей немедленно и чего никогда не дастъ, если она сама не съумѣетъ взять: чего надо, значитъ, искать и добиваться,

изъ-за чего ей придется вести упорную, тонкую, осмотрительную игру... Старшимъ козыремъ въ ней былъ свекоръ. Много стараній, поэтому, было потрачено, чтобы завоевать Андрея Ижорина, и, повидимому, не безъ успѣха; но у нея не хватало житейской опытности и сердцевѣденія, чтобы читать въ душѣ у такого тонкаго игрока, а безъ этого она никогда не могла быть увѣрена въ томъ, что не надѣлаетъ грубыхъ ошибокъ... Какъ принялъ онъ, напримѣръ, этотъ камуфлетъ со счетами, который она подвела?.. Свекоръ не показалъ ей и тѣни неудовольствія, но дѣло шло черезъ Пьера, а Пьеръ, конечно, не выдастъ отца. Въ томъ, что Андрей Петровичъ не скупъ и ничего не пожалѣетъ для сына, она имѣла уже нѣкоторое ручательство. Разъ, въ Петербургѣ, болтая глазъ-на-глазъ съ этимъ—какъ она называла его про-себя—„козырнымъ тузомъ", она проронила будто бы невзначай, что еслибы у Пьера были свободныя деньги,—можетъ быть, не худо бы было, на всякій случай, выкупить Стоженку.

Свекоръ смотрѣлъ на нее вопросительно, словно не вѣря, чтобы подобная мысль могла зародиться въ такой легкомысленной головѣ,—но во взглядѣ его свѣтилось тайное одобреніе.

Это былъ бодрый еще и когда-то очень красивый, съ годами нѣсколько разжирѣвшій и посѣдѣвшій, старикъ. Темные, выразительные глаза глядѣли зорко и весело.

— Съ чего тебѣ это пришло въ голову, другъ мой?—спросилъ онъ съ ласковою усмѣшкой.

— Не знаю, папа́,—отвѣчала Вѣра,—только я горько плакала, когда мой отецъ мнѣ признался, что онъ заложилъ имѣніе. Вспомнилось, какъ, еще ребенкомъ, я слышала отъ родныхъ, что наша Стоженка—золотое дно, и что еслибы за нее умѣючи взяться—она могла бы обогатить владѣльца... Обидно думать, что это старое, родовое гнѣздо можетъ быть продано съ молотка и перейти въ совершенно чужія руки! Но еслибы Пьеръ перевелъ на себя закладъ, то даже и въ самомъ несчастномъ случаѣ оно все же не вышло бы изъ семьи.

Андрей Ижоринъ слушалъ ее, повидимому, спокойно, но любопытство его было сильно затронуто.

— „Въ несчастномъ случаѣ", ты говоришь?.. Да что̀ же у васъ тамъ творится?

— Такъ... ничего... немножко чудимъ.

— Ты вѣдь жила этимъ лѣтомъ въ имѣніи?

— Жила и работала... Возила навозъ и грабила сѣно... Жала... Жарилась, парилась... Да чего вы смѣетесь? Я не шучу...

Мы съ Машей Вѣтленевой и съ Лизой Балахниной всѣ руки себѣ ободрали!

— Изъ-за какой же крайности?

— Мм... развѣ не знаете?.. Поддерживаемъ дворянское землевладѣніе!..—и она взмахнула насмѣшливо головой.

Андрею Ижорину нравился этотъ сдержанно-ироническій тонъ, сквозь который просвѣчивалъ какъ бы невольный намекъ, что ей извѣстно болѣе, чѣмъ она желаетъ высказать, и онъ продолжалъ незамѣтно ее подстрекать.

— Петръ мнѣ разсказывалъ кое-что, — говорилъ онъ, смѣясь;—но Петръ, какъ ты знаешь, не дѣловой человѣкъ, и отъ него не скоро добьешься толку... Еслибъ не твой кузенъ, я предсказалъ бы ему полнѣйшую неудачу... Кузенъ твой, если не ошибаюсь, много толковѣе.

— Да,—отвѣчала Вѣра:—Аркадій себѣ-на-умѣ...

— Ты хочешь сказать, что онъ понимаетъ свой интересъ и умѣетъ его соблюдать? — продолжалъ Ижоринъ. — Но какъ же иначе, мой другъ?.. Кто будетъ беречь насъ, если мы сами себя не бережемъ?

— Между нами, папá,—отвѣчала Вѣра уже совсѣмъ серьезно:—я иногда не понимаю Аркадія. На словахъ, это такой же мечтатель, какъ и нашъ Пьеръ; но на дѣлѣ онъ какъ-то всегда съумѣетъ остаться въ выигрышѣ. Въ Стоженку, напримѣръ, ихъ пріѣхало пятеро, и взялись за дѣло весьма горячо: косили, пахали, жали, хотя—по правдѣ сказать—ни одинъ ничего не смыслитъ... Пьеръ и Аркадій—хозяева, а остальные—гости: помѣщены побарски, обѣдаютъ за хозяйскимъ столомъ; но пользы отъ нихъ—никакой, потому что любой батракъ сработаетъ больше и лучше... Чтò же вы думали бы?.. Осенью, когда страда кончилась, мой кузенъ выписываетъ шестого, опытнаго товарища, который стòитъ одинъ ихъ всѣхъ, и этотъ шестой, не долго думая, доказываетъ гостямъ, какъ дважды два, что они тутъ лишніе!.. Кончилось это довольно благополучно. Двое уѣхали, третій пристроился, то-есть его женили на родственницѣ Аркадія, четырьмя годами старѣе жениха, но зато съ состояніемъ, а четвертаго, единственнаго, который что-нибудь смыслитъ, Аркадій взялъ за управляющаго и положилъ ему небольшое жалованье...

— Дѣло, однако, не брошено?

— Нѣтъ, но мы стали теперь умнѣе. Новыхъ товарищей не зовемъ уже зря и угощать не намѣрены. У насъ теперь полагается всѣмъ одинъ, батрацкій паекъ, а мало, такъ заработай больше: чтò заработалъ, тò и твое.

— Чтожъ?—произнесъ Андрей Петровичъ:—это весьма разсудительно; только едва-ли вы наберете много охотниковъ.

— Сказать между нами, папà, — отрѣзала Вѣра: — я предпочла бы, чтобы мы ихъ совсѣмъ не нашли. Только вы, ради Бога, не выдавайте этого Пьеру... Зачѣмъ его огорчать?

Она начала смиренно, но кончила горячо и едва скрывая давно накипѣвшее въ ней раздраженіе. Свекоръ остался, однакоже, очень доволенъ и послѣ этого разговора перемѣнилъ о ней мнѣніе. „Бабёнка хотя и верченная,—рѣшилъ онъ,—но не глупа и язычокъ хорошо привѣшенъ“.

Еще побѣда!.. Но были у Вѣры и пораженія,—горькія, никому изъ родныхъ неизвѣстныя, пораженія, въ которыхъ ей некого было обвинять, кромѣ себя, и о которыхъ не съ кѣмъ было поплакать.

Три мѣсяца пролетѣли какъ сладкій сонъ, и къ исходу этого времени ея выѣзды съ мужемъ стали гораздо рѣже. Онъ накупилъ цѣлый ворохъ книгъ, надъ которыми часто просиживалъ вечера, покуда жена навѣщала старыхъ и новыхъ друзей.

Къ старымъ принадлежало семейство ея деревенскихъ друзей и сосѣдей, Ступиныхъ, очень недавно еще игравшее видную роль въ уѣздѣ. Павелъ Васильевичъ Ступинъ, застигнутый „Положеніемъ“ въ должности предводителя и посаженный на мель новымъ порядкомъ вещей, пустился, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла, въ желѣзнодорожныя предпріятія, но прогорѣлъ и, доѣдая свои выкупныя свидѣтельства за границею, умеръ. Имѣніе не давало почти ничего. Вдова заложила его и, сдавъ хозяйство на руки какому-то латышу, уѣхала съ дочерью въ Петербургъ. Въ уѣздѣ, однако, ихъ продолжали еще считать своими, и лѣтомъ, когда они посѣщали усадьбу, Подгорное просыпалось отъ зимняго сна. Сосѣди съѣзжались туда, хотя и не въ прежнемъ числѣ, но столь же охотно, ѣли, играли въ карты и сплетничали; друзья, къ которымъ издавна принадлежалъ и Вѣтленевъ съ дочерью, гостили по цѣлымъ недѣлямъ. Подгорное, съ его живописнымъ озеромъ, было знакомо Вѣрѣ какъ собственное село и связано съ самыми дорогими воспоминаніями. Здѣсь завязался первый ея романъ; онъ былъ несложенъ, и мы разскажемъ его въ короткихъ словахъ. Она едва выросла изъ короткихъ юбокъ, когда прибывшій изъ Петербурга въ отпускъ племянникъ Ступиной, Николай Евграфовичъ Шеинъ, влюбился въ нее безъ памяти и, не долго думая, сдѣлалъ ей предложеніе... Коля, какъ называли его въ роднѣ, былъ молодецъ собой и слу-

жилъ въ гвардіи. Дѣло произошло такъ быстро, что голова у бѣдной дѣвушки закружилась отъ счастья, и сгоряча она дала ему слово, скрѣпленное пламенными объятіями и поцѣлуями. Но послѣ сладкихъ минутъ увлеченія начались оглядки. У молодого поручика не было ничего, кромѣ его карьеры, и онъ тянулся съ трудомъ за товарищами, на нѣсколько сотъ рублей, которые мать удѣляла ему изъ пенсіи, а Вѣтленева не имѣла и этого, такъ какъ отецъ ея былъ по горло въ долгу и Стоженка уже была заложена. Но онъ бодро смотрѣлъ впередъ и готовъ былъ на жертвы, а Вѣра — нѣтъ. На его предложеніе бросить военную службу и поискать солиднаго мѣста—она отвѣчала кислой усмѣшкой. Дѣвушка, очевидно, ждала не этого и была глубоко разочарована: бѣдность и трудъ не привлекали ее... Пошли объясненія, а между тѣмъ срокъ отпуска его кончился, и они разстались, не выяснивъ ничего, не зная, не понимая другъ друга. На разставаньѣ дано было слово писать; но изліянія на бумагѣ сердечныхъ чувствъ выходили такъ блѣдно и стоили имъ такого труда, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ это было брошено. Вѣра не обладала пылкимъ воображеніемъ, и поэтическія мечты не согрѣвали ее. Она готова была охотно ждать, лишь бы въ будущемъ ей указали хоть что-нибудь положительное. Когда прекратилась ихъ переписка, у ней оставалась еще надежда. Шеинъ ей обѣщалъ пріѣхать еще разъ, чтобы поговорить о какомъ-то планѣ, котораго онъ, однако, не объяснялъ, и какъ ни скудна казалась такая пища, она жила на ней цѣлый годъ. Но лѣтомъ предполагались большіе маневры, и бѣдному молодому поручику не дали отпуска. Получивъ объ этомъ извѣстіе, она залилась слезами; ей стало ясно какъ день, что ея дѣло съ Колею Шеинымъ кончено.

Урокъ былъ горькій, но онъ не пошелъ ей въ прокъ. Не то, чтобы торжество, доставленное ей новымъ успѣхомъ, изгладило у нея изъ памяти старую неудачу, а напротивъ, именно потому, что она не могла ее позабыть, въ ней и кипѣло такое жгучее нетерпѣніе отыграться. Приписывая свою ошибку сердечному увлеченію, Вѣра сказала себѣ, что на этотъ разъ она будетъ его держать въ уздѣ; да это ей и не трудно было, судя по тому, какъ хладнокровно она разыграла свою игру. Лично Ижоринъ ей очень нравился, но онъ все-таки былъ подставной, и она цѣнила его не столько за то, въ чемъ онъ по нуждѣ замѣнилъ ей стараго, какъ за то, чего она не нашла въ Николаѣ Шеинѣ. Сравнивая свое настоящее положеніе съ тѣмъ, отъ котораго она отказалась, она закрывала глаза на сердечные его

недочеты, и въ суммѣ торжествовала его какъ побѣду... Еслибъ не эти идеи Пьера, въ которыхъ она инстинктивно угадывала враговъ, она, быть можетъ, сочла бы себя совершенно счастливой... Но развѣ есть совершенное счастье на свѣтѣ?..

Одно изъ условій свѣтскаго торжества, это—зависть друзей; а кому же было и позавидовать Вѣрѣ, если не другу ея, Натальѣ Павловнѣ Ступиной? Наташѣ было уже 25 лѣтъ, а она еще не нашла себѣ партіи, и Наташа знала всю подноготную о ея первомъ романѣ съ Шеинымъ; но именно это и было одною изъ главныхъ причинъ, заставившихъ Вѣру молчать о второмъ—покуда второй не пришелъ къ развязкѣ... Дальше, у Ступиныхъ, въ Петербургѣ, она надѣялась встрѣтить и Колю... Чувство, которое заставляло Вѣру желать этой встрѣчи, конечно, не отличалось великодушіемъ; но въ немъ было больше тщеславія, чѣмъ жестокости,—да и кто же, въ ея положеніи, можетъ похвастать, что онъ его вовсе не испыталъ?.. Въ этомъ, однакоже, ее ожидало маленькое разочарованіе. Первое, что̀ она услыхала отъ Ступиныхъ, это что Коли Шеина нѣтъ въ Петербургѣ. Всего за нѣдѣлю передъ ея пріѣздомъ онъ получилъ отъ тетки своей, Софьи Карловны Шеиной, какое-то спѣшное дѣловое письмо и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь. Шеина эта, урожденная Лейндорфъ, была невѣстка Людмилы Ивановны Ступиной, урожденной Шеиной, но Вѣра ее никогда не видала и знала только, что родственницы между собою въ ссорѣ.

— А Николай Евграфовичъ знаетъ?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣчала Наташа, вздохнувъ.—Я не видала его, послѣ того какъ получила твое письмо, да, признаюсь, и не спѣшила съ печальнымъ извѣстіемъ... Бѣдный Коля! Онъ не предчувствуетъ, какой его ждетъ ударъ!

Что-то въ родѣ укора совѣсти шевельнулось въ душѣ у Ижориной, но на губахъ продолжала играть усмѣшка жестокаго торжества.—Странно!—сказала она.—Что-жъ онъ хотѣлъ, чтобы я думала послѣ того, какъ я отъ него три года не получала ни строчки?

Отвѣта не было, но Наташа, имѣвшая уже кое-какія догадки о дѣлѣ, которое вдругъ заставило Шеина бросить все и уѣхать, ни съ кѣмъ не простясь, подняла на нее какой-то странный, исполненный тайнаго любопытства взглядъ, словно хотѣла сказать: „Постой!.. Ты, можетъ быть, скоро понизишь тонъ!“

И она не ошиблась... Мѣсяца черезъ два передъ праздни-

ками, отъ Коли пришло изъ Ментоны письмо, съ извѣстіемъ, что его двоюродный братъ, юноша, только-что кончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, умеръ тамъ на рукахъ у него и у матери... Несчастная сходитъ съ ума и ее нельзя оторвать отъ свѣжей могилы... Богатое состояніе дяди Эраста должно перейти къ нему, Николаю Шеину... „Но,—заключалъ онъ,—счастье мое въ рукахъ у В***!"

Письмо это было показано Вѣрѣ и поразило ее какъ громомъ.

Какъ дорогъ и милъ сталъ вдругъ для нея тотъ самый Коля, который три года назадъ упалъ въ ея мнѣніи до такой ничтожной, почти безразличной величины, и какъ ярко ожили въ ея памяти всѣ его привлекательныя черты!.. Какой молодецъ и красавецъ!.. Какъ пылокъ и смѣлъ!.. Какое завидное, рѣдкое счастье было у ней въ рукахъ, и какъ малодушно она оставила его ускользнуть!.. Всего полгода!.. Чтò стòило этому бѣдному юношѣ умереть полгодомъ ранѣе? и за чтò?.. За чтò судьба сыграла съ ней эту злую шутку!..

Поздніе сожалѣнія, какъ вы горьки!

Вѣра вернулась домой съ заплаканными глазами, но ни Андрей Петровичъ, ни Пьеръ не замѣтили этого.

XIII.

Весна... Отъ крышъ, на припёкѣ, зыблется паръ и по стрёхамъ чирикаютъ воробьи. Въ саду прилетѣли грачи и на вербѣ бѣлѣютъ одѣтыя серебристымъ мѣхомъ пуговки... Съ пригорковъ бѣгутъ веселые ручейки.

Стоженка еще не просохла, но по двору раздаются звонкіе голоса, и отъ флигеля къ холостой избѣ идетъ бѣготня... Звонъ колокольчика по дорогѣ то смолкнетъ, то вновь зальется. Вотъ, онъ уже у воротъ и кто-то въѣхалъ на дворъ; должно быть, ожиданный гость, потому что на встрѣчу ему бѣгутъ.

— Сергѣй Филиповичъ, вы?.. Сережа, здравствуйте!..

Новоприбывшій выскочилъ изъ телѣги... Онъ въ полушубкѣ и валенкахъ; ѣхалъ всю ночь и закиданъ грязью.—Ну,—говоритъ онъ, отряхиваясь:—дорòги же у васъ тутъ!

Въ кучкѣ сбѣжавшихся раздается: ура! и ему жмутъ руки, а кто-то изъ старыхъ друзей даже обнялъ его.

Въ застольной, за завтракомъ, онъ увидѣлъ и остальныхъ. Всего шесть работницъ и три работника; но въ исходѣ мѣсяца ждутъ еще пятерыхъ... Это зачатки будущей общины; только вы-

боръ сдѣланъ на этотъ разъ осмотрительно: между съѣхавшимися и ожидаемыми нѣтъ никого, кто не прошелъ бы по крайней мѣрѣ двухлѣтней школы труда, дисциплины и воздержанія. Послѣднее нужно имъ прежде всего, ибо ихъ тутъ не балуютъ: столъ, помѣщеніе, плата—все наравнѣ съ простыми работниками изъ мужиковъ, тогда какъ рядомъ, въ господскомъ домѣ, живутъ по-барски. Тамъ держатъ прислугу и повара, ѣздятъ къ сосѣдямъ и принимаютъ ихъ у себя, а тутъ молодые люди съ дипломами высшихъ школъ и дѣвицы, окончившія гимназію, работаютъ отъ зари до зари и должны безусловно повиноваться распоряженіямъ старосты. Имъ стряпаетъ та же баба, что и батракамъ; у нихъ нѣтъ ни души, которой они могли бы что-нибудь поручить; они сами метутъ свою комнату, ставятъ себѣ самоваръ, стелютъ и убираютъ постель; сами должны заботиться о своей одеждѣ, бѣльѣ и прочемъ. Наружной разницы въ обхожденіи нѣтъ; хозяева съ ними вѣжливы и любезны; ихъ приглашаютъ и садятъ съ собою за столъ по праздникамъ; но по пословицѣ: пѣшій конному не товарищъ—между двумя слоями проведена невидимая черта, не допускающая той искренности и близости, какія, повидимому, должны бы существовать въ кругу людей, служащихъ одной идеѣ. Временныя условія, на которыхъ они приглашены, и вся обстановка ихъ жизни напоминаютъ имъ ежечасно, что они тутъ ничѣмъ не обезпечены, кромѣ довѣрія знакомаго ихъ, Дымовича. Это единственный опекунъ ихъ въ Стоженкѣ. Отъ него зависитъ вопросъ, кто будетъ со временемъ принятъ въ общину какъ полноправный членъ, и кто, натерпѣвшись всякихъ лишеній, будетъ отпущенъ на всѣ четыре стороны, какъ наемникъ, не стоющій даже и той ничтожной платы, которую онъ получаетъ теперь. . Мало того, и самъ опекунъ ихъ не болѣе какъ довѣренное лицо другихъ, настоящихъ властителей этого Эльдорадо, надежда на доступъ въ которое привела ихъ въ Стоженку. Ужился онъ съ ними—ладно; нѣтъ,—всѣ труды и надежды его кліентовъ пропали даромъ!

Но у Ильи Степановича есть что-то электризующее. Это печать, которою были издревле отмѣчены для толпы ея избранные вожди. Стоитъ Дымовичу появиться въ кругу унывающихъ и сказать имъ нѣсколько словъ, чтобы сердца ихъ ожили и самая скучная, утомительная работа пріобрѣла въ ихъ глазахъ значеніе шага впередъ, къ завѣтной цѣли... Если Дымовичъ взялся за предпріятіе, то оно навѣрно будетъ имѣть успѣхъ. Если Дымовичъ вспомнилъ о нихъ и звалъ ихъ, то несомнѣнно они тутъ

нужны, и труды ихъ не пропадутъ, ихъ вѣра въ себя, въ побѣду, не будетъ обманута!

И эта здоровая, бодрая молодежь, собравшаяся изъ разныхъ краевъ Россіи, уже полюбила Стоженку. Садъ и рѣка, зеленыя полосы озимей на окрестныхъ холмахъ и синѣющій въ отдаленіи лѣсъ, сосѣдніе мужики, хозяева и хозяйки,—все, даже собаки—какъ-то пришлось по душѣ.

Въ концѣ апрѣля вся Стоженка высыпала на яровое поле... Пахали и скородили... Соревнованіе у пріѣзжихъ съ хозяевами было такъ велико, что лишь безошибочный глазъ какого-нибудь Архипа могъ бы замѣтить разницу; но отъ этого дипломата трудно было добиться правды.—Мало ли, молъ, гдѣ не равно! И изъ нашего брата, что взросъ на сохѣ, не всѣ въ одну силу. Иной отъ зари до зари не опуститъ рукъ, а другой до обѣда еще вспотѣетъ какъ мышь и конца не сдѣлаетъ безъ отдышки. У насъ на это не смотрятъ; была бы работа чиста... А вотъ что барынекъ нынче уволили, такъ за это слѣдуетъ похвалить!.. Изъ-за чего имъ, голубушкамъ, прѣть?.. На лишнюю борону всегда найдется усталый...

Онъ намекалъ на Ижорина, у котораго, за сохой, опять разболѣлась грудь. Жена упрашивала его оставить работу, а онъ куражился, приводя въ примѣръ верховую ѣзду, отъ которой у непривычнаго ноги болятъ, покуда не разомнёшь ихъ разъ навсегда. Но барыни были всѣ за-одно и подняли настоящій бунтъ. Марья Игнатьевна съ Лизою горячо доказывали, что грудь нельзя разминать какъ ноги, и что женатый не въ правѣ располагать собою, какъ холостой, ибо здоровье его принадлежитъ не ему одному и составляетъ нѣчто въ родѣ семейнаго капитала. А Вѣра, оставивъ всякія церемоніи, громко ругала „безсмысленную игру въ мужиковъ"...

Признанный слабосильнымъ, Ижоринъ вынужденъ былъ уступить. Онъ бросилъ соху и перешелъ сначала въ бороноволоки, а позже, когда начался посѣвъ, на стройку, которая шла одновременно въ новой избѣ и на скотномъ дворѣ. Попавъ такимъ образомъ подъ команду Дымовича, онъ сблизился съ нимъ. За дѣломъ и отдыхомъ, они проводили вмѣстѣ цѣлые дни и, разумѣется, толковали чаще всего о своемъ предпріятіи.

— Скучно!—говорилъ онъ однажды, сидя съ нимъ, въ сумерки, на крылечкѣ новоотстроенной холостой избы и лѣниво отмахиваясь отъ комаровъ.—Днемъ кое-какъ еще тѣшишь себя

иллюзіей, будто бы мы идемъ куда-то и что-то дѣлаемъ; но къ ночи, когда уляжется суета, находитъ уныніе... Думается: вотъ мы сидимъ тутъ у моря, какъ пловцы, уносящіеся душою въ обѣтованный край, но корабля у насъ нѣтъ, и какъ бы мы ни стремились открыть Америку, пока его нѣтъ, мы не двинемся въ путь. Я говорю о нашей общинѣ. Покуда у насъ нѣтъ земли, мы не сельское общество, а простая сходка людей, ничѣмъ, кромѣ идеи, не связанныхъ.

— Да,—отвѣчалъ его собесѣдникъ.—Объ этомъ время бы, наконецъ, серьезно подумать.

— Думали, батюшка... Ни о чемъ такъ усердно не думали. Прежде всего предполагался выкупъ земли у Вѣтленева обществомъ; а такъ какъ имѣніе куплено съ переводомъ долга по закладной, то выкупъ за выкупъ: уплаты владѣльцу отъ сельскаго общества должны были покрывать его годовыя уплаты въ банкъ... Но выкупъ въ разсрочку на 40 лѣтъ закабалилъ бы бѣдныхъ покупщиковъ на всю жизнь и заставилъ бы ихъ переплатить на однихъ процентахъ вдвое противъ того, что стòитъ земля. Прибавьте весьма вѣроятныя недоимки, и вы поймете, что мы не могли остановиться на этомъ планѣ.

Дымовичъ, однакоже, былъ другого мнѣнія.—Напрасно!—говорилъ онъ:—Покупка земли въ разсрочку ничуть не страшна, если ея размѣръ не превышаетъ рабочихъ силъ покупателя... На что, напримѣръ, сельскому обществу, способному выставить въ поле не больше 12 сохъ, такая обуза, какъ 900 десятинъ?.. Какъ бы оно ни лѣзло изъ кожи, оно не можетъ воспользоваться такимъ имѣніемъ въ полномъ его объемѣ, покуда оно не выростетъ вчетверо; а до тѣхъ поръ сколько оно переплатитъ лишняго?..

— Понятно,—сказалъ Ижоринъ:—только примите въ соображеніе, что въ имѣніи есть статьи, которыя невозможно дѣлить, какъ, напримѣръ, хозяйственныя постройки, и есть другія, которыя настоящій владѣлецъ его не захочетъ дѣлить, какъ, напримѣръ, заливные луга. Разъ дѣло идетъ о дешевомъ надѣлѣ, нельзя и требовать, чтобы кто-нибудь уступилъ за безцѣнокъ такія вещи. А между тѣмъ безъ нихъ, община будетъ всегда въ зависимости у стоженскаго землевладѣльца.

Отвѣта не было; они поглядѣли другъ другу въ глаза и замолчали, чтобы черезъ день вернуться къ тому же предмету окольнымъ путемъ... Вопросъ о перезалогѣ Стоженки, поднятый Вѣрою, къ этому времени благополучно прошелъ всѣ предварительныя инстанціи и ждалъ окончательнаго рѣшенія; но самъ по себѣ онъ мало кого удовлетворялъ. Ижоринъ особенно былъ равно-

душенъ къ нему. Онъ находилъ, что деньги могли быть лучше употреблены, и въ головѣ у него бродили на этотъ счетъ идеи, которыя и во снѣ не снились его друзьямъ.

Дымовичъ смотрѣлъ на дѣло проще.—Если у васъ есть деньги, —говорилъ онъ,—то я не вижу, о чемъ тутъ думать. Раздѣлайтесь прежде съ банкомъ, а тамъ и дѣлайте что̀ хотите. Перезалогъ не связываетъ вамъ руки... Сначала, покуда мы тутъ еще не усѣлись, вы будете, вѣроятно, въ убыткѣ, но понемногу это окупится, и у васъ въ рукахъ останется чистый доходъ, который можетъ только рости.

— Голубчикъ Илья Степановичъ,—отвѣчалъ Ижоринъ,—поймите, что я не ищу барышей. Я былъ бы счастливъ, какъ полководецъ, выигравшій рѣшительное сраженіе, еслибы мнѣ удалось, даже съ потерей, поставить на̀ ноги наше дѣло.

Дымовичъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ, въ которомъ природная удаль боролась съ естественнымъ опасеніемъ зрѣлаго человѣка за энтузіазмъ молодого товарища — Зачѣмъ же съ потерею?—сказалъ онъ.—Имѣя въ рукахъ закладную, вы будете обезпечены, какъ только можетъ быть обезпеченъ самый предусмотрительный кредиторъ.

— Да, можетъ быть,—отвѣчалъ Ижоринъ:—но это мало интересуетъ меня,—да я полагаю,—и васъ. А вотъ, выслушайте, я вамъ скажу кое-что, дѣйствительно интересное... Забудьте, что я существую на свѣтѣ и представьте себѣ на минуту, что выкупъ произошелъ безъ меня. Положимъ, не я, а наше сельское общество уплатило банковый долгъ, и новая закладная совершена на имя его. Не станетъ ли оно черезъ это самое, безъ формальной покупки или уступки ему земли, фактическимъ совладѣльцемъ Вѣтленева? Разсрочка и выкупъ, уплата процентовъ и погашеніе—не обратится ли все это въ чистую фикцію? Ибо вопросъ: кто у кого въ долгу,—послѣ этого потеряетъ всякій практическій смыслъ. Вѣтленевъ будетъ въ долгу у сельскаго общества, по закладной, на ту же сумму, какую общество будетъ ему должно за землю. Выкупъ за выкупъ и годовая уплата за годовую уплату: противные интересы, уравновѣшенные копѣйка въ копѣйку, исчезли, и на ихъ мѣстѣ остался одинъ, недѣлимый. На что̀ тутъ еще раздѣлъ имѣнія на двѣ части, взаимно другъ друга стѣсняющія и обезцѣнивающія? Вѣтленевъ, членъ сельскаго общества, уплатившаго его банковый долгъ,—и общество, пользующееся его землей, изъ кредиторовъ и должниковъ обратились въ простыхъ совладѣльцевъ. Усадьба, покосы, посѣвы, орудія обработки, скотъ, каждая десятина запашки—принадлежатъ имъ вмѣстѣ, и только

чистый приходъ, въ концѣ года, дѣлится по разверсткѣ, пропорціонально ихъ долямъ владѣнія. Спрашивается: развѣ это не лучшее изо всѣхъ возможныхъ рѣшеній?

— Идея дѣйствительно великолѣпна, — сказалъ Дымовичъ, восхищенный математически строгой отчетливостью предположенія. —Только не слѣдуетъ забывать, что у сельскаго общества нѣтъ ни гроша къ ея осуществленію?

— И это единственное, что̀ вы находите возразить?

— Нѣтъ, не единственное, но главное.

— Ну, такъ скиньте со счету главное. Вспомните, что вы исключили меня, какъ нѣчто несуществующее, тогда какъ въ дѣйствительности я, можетъ быть, тутъ и не лишній. Я очень охотно дамъ общинѣ недостающіе ей гроши.

Дымовичъ смотрѣлъ на него, какъ пробужденный отъ сна.— Это такъ хорошо, что даже не вѣрится,—сказалъ онъ.—Только позвольте узнать: вы говорили объ этомъ съ Вѣтленевымъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ; но мы можемъ сдѣлать этой сейчасъ послѣ ужина.

XIV.

Ночью Аркадій вернулся къ женѣ, не то опечаленный, не то раздраженный чѣмъ-то, и на тревожный ея вопросъ о причинѣ—только махнулъ рукой. Онъ просидѣлъ до часу съ Ижоринымъ и Дымовичемъ; ясно, что у нихъ былъ совѣтъ и обсуждалось что-нибудь очень важное, думала Марья Игнатьевна.

— Неужели поссорились?—спрашивала она въ какомъ-то ужасѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Вѣтленевъ, шагая взадъ и впередъ съ взволнованнымъ видомъ:—они предлагали мнѣ планъ, на который я несогласенъ, и между нами происходило „треніе"... Болѣе ничего.

— Неправда... Тебя огорчили, Арикъ.

— Въ извѣстной степени—да... Умышленно или нѣтъ, я былъ изъятъ изъ ихъ совѣщаній, и только теперь, когда между ними установилось трогательное согласіе, они угостили меня готовымъ рѣшеніемъ... Со стороны Дымовича это неудивительно, потому что онъ тутъ чужой человѣкъ; но отъ Ижорина я, конечно, не ожидалъ... Ижоринъ имѣлъ возможность предупредить меня, потому что это его идея.

— Какая идея, Арикъ?

— Очень оригинальная! Ни больше, ни меньше, какъ планъ

надѣла общины землей помимо меня. Не онъ, а сельское общество даетъ деньги на выкупъ имѣнія, и новая закладная должна быть на имя общества, которое и становится, такимъ образомъ, моимъ совладѣльцемъ въ размѣрѣ покрытаго долга... Съ чего? За какіе подвиги и заслуги? Богу извѣстно!.. Горсть безсемейныхъ, странствующихъ искателей золотого дна, ничѣмъ не жертвующихъ, а потому готовыхъ, какъ журавли, при первой тревогѣ, подняться и улетѣть?.. Кому, кромѣ Ижорина, могъ придти въ голову такой планъ?

— Развѣ у нихъ есть деньги?

— Нѣтъ, деньги даетъ Ижоринъ. Но онъ не даромъ даетъ ихъ помимо меня. Весь планъ ихъ направленъ къ тому, чтобы общество не зависѣло отъ меня.

— Ты такъ и сказалъ имъ?

— Нѣтъ, я не могъ говорить подобныхъ вещей при Дымовичѣ, а сказалъ имъ просто, что я не согласенъ отдать имѣніе въ руки совсѣмъ незнакомыхъ и ни къ чему не обязанныхъ молодыхъ людей.

— О чемъ же вы толковали такъ долго?

— О пустякахъ. Они увѣряли меня, что, какъ товарищъ и совладѣлецъ, я буду имѣть надъ обществомъ полный контроль, а я имъ доказывалъ, что не буду имѣть никакого... Чтò я могу одинъ противъ всѣхъ?.. Они будутъ дѣлать чтò имъ угодно, а мнѣ, если я не въ правѣ прогнать ихъ, останется только смотрѣть. Но я не могъ сказать при Дымовичѣ, что это со стороны Ижорина только предлогъ, и что, въ дѣйствительности, онъ просто сбирается подарить имъ землю. Еслибы это было иначе, еслибы онъ разсчитывалъ требовать съ нихъ регулярной уплаты процентовъ и погашенія, то зачѣмъ бы ему обходить меня?.. Я бы избавилъ его отъ потерь и хлопотъ, взявъ на себя всю ненавистную сторону строгой отчетности.

Жена не могла понять.—Изъ-за чего же?—спрашивала она, дивясь:—какая радость взыскивать недоимки съ бѣдныхъ людей?

— Эхъ, Маша, душенька, какъ ты еще зелена!.. Пойми, что не деньги ихъ мнѣ нужны, а власть. Я долженъ держать ихъ въ рукахъ, если я не хочу обратиться тутъ въ нуль.—И онъ началъ подробно ей объяснять, чтò будетъ, если онъ приметъ ихъ планъ. Дымовичъ не даромъ стоитъ за него,—говорилъ онъ:— его выберутъ старостой, и мы всѣ попадемъ подъ его команду. У насъ не будетъ даже своихъ надѣловъ, какъ у крестьянъ, потому что хозяйство пойдетъ на артельныхъ началахъ, и прочее...

Но Марья Игнатьевна опасалась совсѣмъ не того.—Ахъ,

Арикъ!—сказала она, вздохнувъ:—Я очень боюсь, что прежде еще чѣмъ это будетъ, вы перессоритесь!.. А вѣдь согласіе тоже стоитъ чего-нибудь. Поговори откровенно съ Петромъ Андреичемъ, а я потолкую съ Вѣрой... Чего ты морщишься? Ты напрасно пренебрегаешь Вѣрой. Вспомни, какъ ловко она пустила въ ходъ эту идею выкупа... Мужъ жалуется на ея равнодушіе къ дѣлу? Тѣмъ лучше!.. Значитъ, она не упуститъ случая доказать противное, и мы можемъ пріобрѣсти въ ней ревностную союзницу.

Въ короткое время стоженская зарождающаяся община, хотя мужики за глаза и подсмѣивались надъ ней, успѣла пріобрѣсти довѣріе и любовь окрестнаго населенія. Аркадія съ Марьей Игнатьевной, Ижориныхъ и Копровыхъ, даже учителя и нѣкоторыхъ изъ „дочерей"—на десять верстъ кругомъ знали въ лицо и по имени. Нигдѣ не обращались съ просителями такъ ласково и такъ радушно не угощали званыхъ на толокѣ,—нигдѣ нельзя было получить на такихъ безобидныхъ условіяхъ хлѣба въ долгъ и нигдѣ не давали такихъ полезныхъ совѣтовъ больнымъ;—нигдѣ, наконецъ, задѣльныя цѣны не были такъ высоки. Зато никуда и не шли такъ охотно работать, какъ къ стоженскимъ господамъ.

Настали опять весенніе праздники. Въ Троицынъ день народъ, изъ церкви, толпами валилъ на красный дворъ, гдѣ для него готово было обильное угощенье, и къ вечеру тамъ опять начались хороводы. Но скрипки на этотъ разъ не было, ее замѣнила гармоника, и Вѣрѣ не съ кѣмъ было ходить по „улицѣ мостовой". Цвѣтущая красотой, какъ роза, въ лѣтнемъ своемъ нарядѣ, она сидѣла на ступеняхъ крыльца рядомъ съ Вѣтленевой и Копровой, которыя обѣ, къ этому времени, были уже замѣтно „въ надеждѣ"; сидѣла весь вечеръ простою зрительницею веселья, и только подъ самый конецъ, замѣтивъ мужа въ толпѣ, тихомолкомъ пробралась къ нему и взяла его подъ руку.

— T'en souviens-tu?—пропѣла она вполголоса заглавную фразу старинной французской пѣсни 20-хъ годовъ, слышанной ею ребенкомъ отъ матери.—Помнишь, какой репримандъ я отъ тебя получила здѣсь, назадъ тому ровно годъ?

Что-то его укусило за сердце, и угрызеніе это отразилось безъ словъ въ печальной усмѣшкѣ, которою онъ отвѣчалъ женѣ.

— Пойдемъ, помянемъ прошлое, — говорила она.—Мы и тогда вѣдь ушли отъ праздника, только въ разныя стороны.

Молча они прошли черезъ садъ, на рѣку. Небо завѣшено было тучами и на зеркальныхъ, подернутыхъ легкою дымкой тумана, струяхъ Вороты царила мертвая тишина.

— Мнѣ грустно, Пьеръ, — говорила Вѣра: — невыразимо грустно!.. Сдается, какъ будто бы между нами, съ тѣхъ поръ, осталась тайная рознь, которую ни любовь, ни ласки, ни девять мѣсяцевъ близости не могли залечить!

Ижоринъ молчалъ. Все, что̀ онъ могъ бы ей отвѣчать, не кривя душой, сравнительно съ ея нѣжнымъ упрекомъ, казалось грубо.

— Если это не воображеніе,—продолжала она съ разстановкой и какъ бы ощупью выбирая слова,—если тутъ есть хоть доля правды, то мнѣ остается смиренно принять вину на себя и сознаться, что я не оправдала твоихъ надеждъ.

— Судьба всѣхъ нашихъ надеждъ!—произнесъ Ижоринъ съ горечью.—Никто сознательно насъ не обманываетъ. Мы сами себя дурачимъ, сами себѣ сочиняемъ, какъ дѣти, вещи, которыхъ нѣтъ и быть не могло въ дѣйствительности.

— Можетъ быть,—продолжала она:—только это еще печальнѣе. Выходитъ, какъ будто бы и стараться не стоило. А я старалась!... Но люди горды, и никто не хотѣлъ мнѣ помочь. Что̀ я такое была назадъ тому девять мѣсяцевъ, когда ты увезъ меня въ Петербургъ?.. Дѣвчонка, которую стоило только строго взять за руку и сказать: „пойдемъ“, чтобы она, почувствовавъ надъ собою власть, покорно пошла за тобой. Но ты, измѣривъ и взвѣсивъ свое пріобрѣтеніе, махнулъ на меня рукой, какъ на дуру, съ которой не стоитъ биться. И вотъ, изъ покинутой на свой произволъ дѣвчонки выросла женщина (замужемъ быстро ростутъ), несчастная женщина, чувствующая всѣмъ существомъ своимъ, что она для тебя чужая, хотя и не знающая, что̀ оттолкнуло тебя отъ нея!.. Неужто ты думаешь, что мнѣ это не больно?.. Жить съ человѣкомъ, котораго любишь, и чувствовать, что ты ему не нужна,—что первая встрѣчная могла бы тебя замѣнить! Лѣзть на стѣну и, обрываясь въ безсиліи, проклинать недоступную для тебя высоту!.. Сколько труда, напримѣръ, мнѣ стоила эта моя неудавшаяся затѣя съ выкупомъ!.. Какъ я хитрила, подлаживалась, интриговала, выманивая согласіе то съ одной, то съ другой стороны, и все это только за тѣмъ, чтобы узнать, какъ я узнала на дняхъ, что выкупъ нуженъ совсѣмъ не тебѣ!.. Но что̀ всего обиднѣе, я и объ этомъ узнала не отъ тебя!..

Мужъ слушалъ, тронутый если не строгою правдой, то искреннимъ тономъ ея рѣчей; но онѣ скользили отъ одного къ другому такъ непослѣдовательно, что онъ напрасно искалъ въ нихъ чего-нибудь, на чемъ онъ могъ бы остановиться, покуда она не заговорила о выкупѣ.

— Ну, вотъ объ этомъ мы потолкуемъ,—сказалъ онъ, нѣжно обнявъ ее;—а остальное слишкомъ воздушно, чтобы сказать о немъ что-нибудь положительное.

— Воздушно?

— Да, другъ мой; это не трезвые факты изъ нашего прошлаго и даже не заключенія, основанныя на фактахъ, а какая-то музыка, которая надрываетъ сердце, не говоря ничего разсудку. Скажи, когда я скрывалъ отъ тебя что-нибудь, чтò могло серьезно тебя интересовать, или смотрѣлъ на тебя, какъ на пустую и ограниченную дѣвчонку, не стоющую того, чтобы ее развивать?.. Ты слышала длинныя исповѣди, въ которыхъ я безъ утайки знакомилъ тебя съ моими идеями и стремленіями; а если въ числѣ ихъ и были вещи, глубоко меня интересующія, на которыя я не встрѣтилъ сочувственнаго отвѣта, то я приписывалъ это прежде всего твоей незрѣлости и откладывалъ ихъ до другого времени. Были, конечно, и неудовольствія; мало ли чтò болитъ на душѣ, о чемъ, если подумать дважды, часто придешь къ совершенно другимъ заключеніямъ, и вмѣсто того, чтобы винить кого-нибудь, пожалѣешь только о собственной своей слѣпотѣ и поспѣшности. Довольно объ этомъ; оставимъ печальную старую пѣсню безъ словъ и потолкуемъ лучше объ этомъ новомъ недоразумѣніи съ выкупомъ. Это твоя идея, и ты напрасно воображаешь, что я ее не цѣню. Выкупъ во всякомъ случаѣ развязываетъ намъ руки. Къ несчастію, выкупъ связанъ съ другимъ вопросомъ, который мы до сихъ поръ откладывали, словно предчувствуя, что ему суждено породить между нами разладъ... Это—трудный вопросъ о надѣлѣ общины землей, безъ которой она, какъ „Мертвыя души", существовала бы только въ воображеніи учредителей. Въ сущности, такъ и было, только оно не бросалось въ глаза. Покуда мы тутъ усаживались и совѣщались, а предпріятіе наше не выходило изъ рамокъ пріятельскаго кружка, вопросъ еще могъ быть отложенъ. Но послѣ того, какъ у насъ тутъ съѣхалось цѣлое общество молодежи, лично намъ незнакомой, и чтò еще важнѣе—ничѣмъ, кромѣ надежды на нашу совѣсть, не обезпеченной, медлить съ рѣшеніемъ—значило бы почти открыто сознаться, что мы не заслуживаемъ возложеннаго на насъ довѣрія. Готоваго плана, однако, не было, а тотъ, на которомъ мы разошлись съ Аркадіемъ, пришелъ мнѣ на умъ случайно, во время толковъ объ этомъ предметѣ съ Дымовичемъ. Естественно, онъ и узналъ о немъ первый. Но почему Аркадій не вѣритъ, что это былъ чистый случай, а думаетъ, что я его обошелъ, предчувствуя, что

мы разойдемся и торопясь заручиться союзникомъ,—этого даже Марья Игнатьевна не умѣла мнѣ объяснить.

— А ты ей вѣришь?

— Болѣе чѣмъ ему, хотя, разумѣется, не безъ скидки тамъ, гдѣ она, на свой страхъ, берется служить его истолкователемъ. Дѣло въ томъ, что я не вижу съ его стороны прежней искренности. Онъ словно боится, чтобы иныя вещи, въ которыхъ онъ смѣло признался бы мнѣ, не дошли до Дымовича.

— Понятно,—сказала Вѣра:—но для чего ты впуталъ этого человѣка въ ваши переговоры?

Ижоринъ молчалъ, догадываясь, быть можетъ, уже не въ первый разъ, что онъ далъ маху.

— Маша мнѣ горько жаловалась,—продолжала Вѣра:—„Расходятся, говоритъ, изъ-за такихъ пустяковъ, что и сказать стыдно... Не все ли равно, у кого эта зеленая молодежь будетъ въ долгу, если деньги, такъ или иначе, возвратятся тому, кто ихъ далъ на общее дѣло (то-есть, тебѣ)—и почему, молъ, онъ думаетъ, что Аркадій будетъ ихъ прижимать съ недоимками?.. Онъ только не видитъ надобности дарить имъ землю, потому что такіе, ничѣмъ не заслуженные подарки нравственно развращаютъ людей“.

— Ну, это онъ говорилъ и мнѣ. Только я думаю и имѣю причины думать, что это не все.

Жена подняла на него глаза, и что-то насмѣшливое мелькнуло у ней на губахъ.—Понятно,—сказала она:—община ему дорога; но еще дороже, еслибы ему удалось, несмотря на общину, остаться полнымъ хозяиномъ въ Стоженкѣ.

Мужъ нахмурился.—Ты обижаешь Аркадія!—сказалъ онъ.

— Я?!.. обижаю его?!.. Да что же я говорю худого?.. Если бы ты былъ такого высокаго мнѣнія о себѣ, какъ онъ, я полагаю, и ты бы не отказался держать ихъ въ рукахъ.

— Нѣтъ, я стою въ принципѣ за самоуправленіе.

— Но если они неспособны къ этому?.. Если у нихъ навѣрно пойдутъ безпорядки и нелады?.. Аркадій, быть можетъ, и уступилъ бы тебѣ но онъ навѣрное не уступитъ Дымовичу, и по моему будетъ правъ. Съ какой стати этотъ заѣзжій ловкачъ, не жертвуя ни копѣйкой, сядетъ намъ всѣмъ на шею?

— Нѣтъ, другъ мой, — сказалъ съ досадою мужъ:—ты совершенно не понимаешь меня, хотя я, кажется, говорю довольно простыя вещи. Община должна стоять на своихъ ногахъ и сама у себя быть хозяиномъ... Если она неспособна на это, если во главѣ ея неизбѣжно долженъ стоять кулакъ, у котораго всѣ до смерти будутъ въ долгу, то не стоитъ о ней и хлопотать.

— Понятно. Но если мы подаримъ имъ землю сперва, а потомъ увидимъ, что нашъ подарокъ пошелъ имъ не въ прокъ?

— Отнимемъ... „Подарокъ“ —не болѣе какъ язвительное словцо Аркадія, а въ дѣйствительности мы не имѣемъ въ виду ничего подобнаго. Въ дѣйствительности, если они, вмѣсто общины, сдѣлаютъ кавардакъ, мы въ правѣ будемъ всегда ихъ выгнать.

— Эхъ, Пьеръ, не ты бы мнѣ говорилъ!.. Ну, кто повѣритъ, что ты способенъ выгнать не только цѣлое общество, а даже и одного какого-нибудь, ни на что не годнаго, поросенка?.. Аркадій — другое дѣло... Аркадій хотя и кулакъ, да все-таки свой, и лучше попасть подъ команду къ нему, чѣмъ къ твоему Дымовичу.

Мужъ слушалъ ее съ досадой.—Еслибы я думалъ какъ ты,— сказалъ онъ:—я, не колеблясь ни на минуту, бросилъ бы дѣло!

— Да ты и бросишь его. Только ты бросишь сперва за урокъ большія деньги, и мнѣ ихъ жаль... 20 тысячъ!.. Какъ бы мы славно съ тобой кутнули на 20 тысячъ!.. Ну, не сердись, Петрушка! я пошутила!..—И, съ громкимъ смѣхомъ, она принялась его цѣловать.

На обратномъ пути они шли мимо флигеля; два среднихъ окна въ немъ были освѣщены и отворены. Изнутри доносились веселый говоръ, звуки гитары и въ промежуткахъ—пѣніе... На освѣщенномъ пескѣ аллеи мелькали тѣни.

Ижорины были въ пяти шагахъ, когда говоръ умолкъ, и женскій голосъ, прерываемый смѣхомъ, запѣлъ:

Ох-ох-охъ! Глаза твои коварны,—
Ох-ох-охъ!—зажгли огонь страстей!
Ох-ох-охъ! Не потушить пожарнымъ—
Ох-ох-охъ!..—двѣнадцати частей!

Дружный взрывъ хохота, рукоплесканія и говоръ множества голосовъ заглушили пѣвицу... Внутри произошла какая-то суматоха, какъ будто бы всѣ, толпой, поднялись съ своихъ мѣстъ, и двѣ молодыя, красивыя дѣвушки въ сарафанахъ, проворно топая ножками по ступенямъ балкона, выбѣжали изъ дома; за ними— нѣсколько человѣкъ мужчинъ, кто въ блузѣ, кто въ русской рубахѣ... Какъ стая поднявшихся птицъ, они вереницею пронеслись мимо Ижориныхъ и исчезли во мракѣ густыхъ аллей. Только звонкіе голоса доносились издали.

Н. Ахшарумовъ.

ВРАЧЕБНО-ПРОФЕССІОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ЖЕНЩИНЪ

въ Россіи.

Въ числѣ различныхъ вопросовъ, заинтересовавшихъ послѣдній съѣздъ профессіоналистовъ въ Петербургѣ, въ началѣ нынѣшняго года, болѣе всѣхъ обратилъ на себя вниманіе съѣзда вопросъ: *о распространеніи сферы женскаго профессіональнаго труда*, находящійся въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ о высшемъ женскомъ образованіи. О послѣднемъ, т.-е. о высшемъ женскомъ профессіональномъ образованіи, былъ прочитанъ спеціальный докладъ А. Н. Страннолюбскимъ. Опровергнувъ ни на чемъ не основанныя опасенія, будто бы развитіе профессіональной дѣятельности женщинъ можетъ повредить интересамъ семьи и воспитанію молодого поколѣнія, докладчикъ „о женскихъ профессіональныхъ школахъ для лицъ, получившихъ общее среднее образованіе“, пришелъ къ заключенію, что, въ интересахъ русской семьи и правильной постановки женскаго образованія, крайне желательно: 1) учрежденіе въ Россіи особыхъ женскихъ педагогическихъ институтовъ для приготовленія учительницъ и воспитательницъ въ женскія гимназіи и другія, подобныя имъ, женскія учебныя заведенія; и во 2) въ жизненныхъ интересахъ народнаго здравія, особенно въ бѣдной врачебною помощью деревенской средѣ, возобновленіе высшихъ врачебныхъ курсовъ для нихъ. Но, независимо отъ возобновленія высшаго врачебнаго образованія, а равно и отъ существующихъ уже у насъ фельдшерскихъ и акушерскихъ курсовъ, съѣздъ высказался за устройство особыхъ курсовъ для при-

готовленія помощницъ врачей, ученыхъ акушерокъ, и особыхъ курсовъ для приготовленія женщинъ къ коммерческой, аптекарской, почтовой, телеграфной и т. п. профессіямъ. Пока неизвѣстно, что̀ сдѣлано въ этомъ отношеніи совѣтомъ съѣзда техническаго общества и комитета, и облечены ли выше исчисленныя пожеланія въ форму мотивированныхъ представленій для направленія ихъ въ подлежащія вѣдомства. Но во всякомъ случаѣ будетъ неизлишне теперь же ознакомить читателей въ бѣгломъ очеркѣ съ исторіею возникновенія у насъ средняго врачебнаго образованія и съ современными учрежденіями, завѣдующими подготовленіемъ женщинъ къ *врачебному профессіональному* труду.

Систематическое преподаваніе медицинскихъ наукъ въ Россіи введено еще Петромъ Великимъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Учрежденныя, въ то время, медицинскія школы не могли идти успѣшно; залогъ безуспѣшности лежалъ въ самой основѣ, такъ какъ преподаваніе было одностороннее и крайне недостаточное, а исключительная практичность школьнаго ученія, неосмысленная теоретическимъ изложеніемъ преподаваемыхъ предметовъ, повредила школѣ и отразила свое вредное вліяніе даже и на отдаленныхъ послѣдующихъ временахъ. „Много было школъ, но весьма мало образованія; много было лицъ съ большими прерогативами",—какъ справедливо замѣтилъ авторъ „Очерковъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII ст." [1]),—„но дѣло, имъ порученное, или совсѣмъ не исполнялось, или исполнялось очень плохо, т.-е., такъ сказать, только для соблюденія формы".

Одинъ изъ видныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія, д-ръ Павелъ Кондоиди, обладая рѣдкимъ, для того времени, образованіемъ и опытностью, почерпнутою изъ продолжительныхъ путешествій по Европѣ, много заботясь объ организаціи школьнаго преподаванія медицинскихъ наукъ въ госпиталяхъ, не могъ, однако, устранить той односторонности медицинскаго образованія, которая неизбѣжна была по самой организаціи госпиталей; онъ не могъ ввести въ нихъ преподаванія акушерства, потому что госпитальное ученіе имѣло почти исключительною цѣлью приготовленіе медицинскаго персонала для армій, между тѣмъ какъ акушерство считалось чисто гражданской потребностью. Обдумывая, какъ удовлетворить этой важной, не терпящей отлагательства, потребности общества, онъ, въ скоромъ времени, представилъ

---

[1]) Чистовичъ Я. А.

правительству проектъ учрежденія, какъ тогда говорилось, *„бабичьяго дѣла“*, и не замедлилъ открытіемъ, одновременно, акушерскихъ школъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Преподаваніе въ этихъ школахъ началось въ 1757 г.; учрежденныя повивальныя школы оставались въ первоначальномъ видѣ до времени открытія воспитательныхъ домовъ въ обѣихъ столицахъ.

Какъ посредственны ни были школы *„бабичьяго дѣла“*, основанныя д-ромъ Кондоиди, но все-таки они были единственными этого рода учрежденіями, существовавшими тогда въ нашемъ отечествѣ, и сослужили свою службу. Но и воспитательные дома и существующіе при нихъ акушерскіе курсы не могли, разумѣется, удовлетворить нуждамъ населенія, ни качественно, ни количественно. Вообще, о недостаткѣ у насъ медицинской помощи было говорено неоднократно и много, но чуть ли не въ первые пришлось узнать о томъ оффиціально изъ заявленія нашего правительственнаго органа („Правит. Вѣстн.“ 1871 г., № 3), изъ котораго можно было почерпнуть, по поводу новаго закона о воинской повинности, что во врачахъ ощущается чувствительный недостатокъ. Въ виду этого, оффиціально удостовѣреннаго, недостатка во врачахъ, медицинскій департаментъ М. В. Д. носился тогда съ мыслью объ учрежденіи спеціальныхъ школъ для приготовленія *лекарскихъ помощниковъ*, чтобы тѣмъ, такъ сказать, пополнить недостатокъ во врачебномъ персоналѣ и удовлетворить нуждамъ сельскаго населенія.

Насколько это, пробудившееся даже въ оффиціальныхъ сферахъ, сознаніе о необходимости увеличенія врачебнаго персонала въ имперіи было своевременно, можно судить по даннымъ „Сравнительной статистики Россіи западно-европейскихъ государствъ“, проф. Ю. Э. Янсона, представлявшимъ драгоцѣнный вкладъ „въ сокровищницу русскаго самосознанія“. По изслѣдованіямъ г. Янсона оказывается, что и въ Россіи, какъ и въ Европѣ, наименьшая смертность приходится на губерніи центральныя и восточныя; южныя же губерніи занимаютъ среднее мѣсто. Коэфиціентъ смертности въ Россіи колеблется, по губерніямъ, отъ 47,7% до 21,4%. Въ систематическомъ порядкѣ убыли коэфиціента смертности, губерніи располагаются въ такомъ порядкѣ:

1) Губерніи съ коэфиціентомъ смертности отъ 46,7% до 41,6% (въ порядкѣ убыли коэфиціента): орловская, нижегородская, смоленская, пермская, вятская, московская, самарская, астраханская, олонецкая, владимірская, тульская, оренбургская, симбирская, петербургская и псковская.

2) Губерніи съ коэфиціентомъ смертности отъ 41,6% до

36,5%: саратовская, пензенская, тверская, калужская, казанская, ярославская, рязанская, костромская, харьковская, воронежская, черниговская и курская.

3) Губерніи съ коэфиціентомъ смертности отъ 36% до 31,5% (самая сильная смертность для западной Европы): ковенская, вологодская, эстляндская, уфимская, могилевская, полтавская, кіевская, новгородская, тамбовская, привислянскій край, таврическая и волынская.

4) Губерніи съ коэфиціентомъ смертности отъ 31,5% до 26,5%: екатеринославская, витебская, подольская, гродненская, ковенская, минская, донская область, бессарабская, лифляндская, и херсонская.

Наконецъ, 5) самый низкій коэфиціентъ смертности приходится на курляндскую губернію (24,9%) и Финляндію (21,4%).

Сопоставляя смертность въ Россіи, въ 1859—1863 годахъ, съ смертностью за время съ 1868 по 1870 г., проф. Янсонъ даетъ поучительныя таблицы, доказывающія, что за указанное время смертность увеличилась во всѣхъ полосахъ Россіи, за исключеніемъ степной, нечерноземной. Увеличеніе это наиболѣе сильно было въ сѣверной части западной окраины, въ новгородско-финскомъ полѣсьѣ и въ черноземной степной области, промышленной и горнозаводской областяхъ; слабое увеличеніе наблюдалось въ черноземной не степной и въ пинскомъ полѣсьѣ.

Россія, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ по смертности вообще, занимаетъ *безусловно* первое мѣсто по смертности дѣтей. Европейскія государства, въ этомъ отношеніи, располагаются такъ:

На 1.000 родившихся живыми умираетъ на первомъ году:

Въ	Россіи	260,8	дѣтей.
„	Австріи. . . .	260,1	„
„	Франціи. . . .	205,3	„
„	Испаніи. . . .	193,6	„
„	Голландіи . . .	188,6	„
„	Италіи	181,4	„
„	Пруссіи. . . .	165,0	„
„	Англіи	140,0	„

Отдѣльно по губерніямъ, смертность дѣтей колеблется отъ 438,2% (пермская губ.) до 124,9% (виленская г.). Этотъ рядъ статистическихъ данныхъ доказываетъ, какъ непроизводительно тратится основной народный и государственный капиталъ—народное здоровье. Высокій процентъ смертности въ Россіи показываетъ также, какъ велика должна быть потеря, причиняе-

мая „больными днями", приходящимися въ годъ на каждаго человѣка; ежели прибавить къ этому незамѣнимую потерю умершими,—повышеніе коэфиціента смертности,—высшую смертность коренного русскаго населенія, то и эти потери станутъ еще грознѣе...

Понятно, поэтому, что вопросъ о народномъ здравіи есть вопросъ капитальный.

Изъ вышеприведеннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что Россія по высокому коэфиціенту смертности занимаетъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, и сопоставленіе статистическихъ данныхъ доказываетъ, что коэфиціентъ этотъ не падаетъ, какъ въ другихъ европейскихъ городахъ, а повышается, и потому какъ ни шатко пока поставлена у насъ земская медицина, на дѣлѣ земству принадлежитъ великая заслуга введенія врачебной помощи народу. Но для того, чтобы съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ можно было бороться съ причинами, подкашивающими преждевременно жизнь столькихъ людей и дающими средній коэфиціентъ смертности 37,3%, нужны люди и средства. Неравномѣрное распредѣленіе въ Россіи врачей, частью недостатокъ въ послѣднихъ, громадныя территоріальныя пространства, причины экономическія—вызвали у насъ чрезвычайное развитіе *фельдшеризма*, на который плачутся и публика, и врачи. Но, обращаясь къ фельдшерскимъ школамъ, числившимся у насъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и давшимъ своимъ воспитанникамъ крайне ограниченное медицинское образованіе, мы видимъ, что и ихъ существовало лишь *по одной*: въ С.-Петербургѣ (фельдшерская школа при городской обуховской больницѣ, основанная въ 1831 г.), въ Харьковѣ (основ. въ 1832 г.), въ Варшавѣ (основ. въ 1840 г.), въ Оренбургѣ (фельдшерская школа при военномъ госпиталѣ съ пенсіонерами минист. внутр. дѣлъ) и въ Кіевѣ (основ. въ 1842 г.).

Послѣдующія мужскія фельдшерскія школы возникли гораздо позднѣе и были земскія.

Но эти школы вели дѣло кое-какъ; преподаваніе въ нихъ было далеко не систематическое, программа учебныхъ курсовъ отличалась крайнимъ разнообразіемъ и крайнею недостаточностью. Это обстоятельство побудило министерство внутреннихъ дѣлъ издать въ 1872 г. нормальный уставъ для земскихъ фельдшерскихъ школъ. Каковъ былъ образовательный цензъ для поступающихъ въ эти школы, видно уже изъ того, что ст. 647 общ. положенія этихъ школъ требовалось, чтобы воспитанники, *по крайней мѣрѣ*, умѣли читать и писать по-русски. Въ этихъ же шко-

лахъ, согласно программамъ, должны преподаваться: чтеніе и чистописаніе на русскомъ и латинскомъ языкахъ; законъ Божій, грамматика россійская и латинская; ариѳметика; и изъ спеціальныхъ предметовъ: общія понятія объ анатоміи, *сколько потребно* къ занятіямъ фельдшера (??); фармакологія; правила хожденія за больными; *знаніе* употребительныхъ повязокъ; кровопусканіе; разныя другія фельдшерскія занятія (?), возвращеніе къ жизни мнимо-умершихъ, прививаніе предохранительной оспы, извлеченіе зубовъ, костоправство, писаніе рецептовъ по *диктовкѣ* врачей, составленіе лекарствъ и вскрытіе мертвыхъ тѣлъ (т. XIII, уст. общ. призр. изд. 1857 г.). Курсъ ученія былъ обусловленъ тремя годами!!!

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ начинаютъ впервые возникать женскія фельдшерскія школы. Такъ, возникли школы въ С.-Петербургѣ, Вяткѣ, Москвѣ, Красноярскѣ, Кишиневѣ и мн. др. мѣстахъ. Необходимо къ этому присовокупить, что медицинскій совѣтъ, разрѣшая въ 1879 г. кишиневской повивальной школѣ преподаваніе фельдшерскаго курса, вмѣстѣ съ тѣмъ не только разрѣшилъ преподаваніе сифилиса, но и предоставилъ окончившимъ курсъ право *леченія* сифилиса у женщинъ и дѣтей, —право, которымъ пользуются у насъ также акушерки, прослушавшія курсъ сифилиса въ калинкинской больницѣ, но не лекарскія помощницы, несмотря на четырехлѣтній курсъ и лучшую постановку дѣла. Всѣ вышепоименованныя учрежденія отличаются крайнимъ разнообразіемъ въ характерѣ преподаванія и самыхъ программъ. Въ отчетѣ за 1886 г., издаваемомъ медицинскимъ департаментомъ, говорится, что „въ нѣкоторыхъ школахъ“ „программы преподаванія очень узки, въ другихъ—болѣе обширны, число лѣтъ ученія тоже не одинаково (отъ 2 до 5 лѣтъ) и, наконецъ, различенъ общеобразовательный цензъ, который требуется отъ поступающихъ въ школы при ихъ пріемѣ“. При такихъ условіяхъ,—продолжаетъ отчетъ,—неизбѣжно является неодинаковая подготовка фельдшерицъ и повивальныхъ бабокъ, „съ вытекающими отъ этого неудобствами на практикѣ“. Въ большинствѣ школъ учащіяся принимаются съ недостаточнымъ общеобразовательнымъ цензомъ, такъ что онѣ съ трудомъ могутъ усвоивать свѣденія изъ спеціальныхъ предметовъ, проходимыхъ въ школахъ; съ другой стороны, объемъ преподаванія медицинскихъ предметовъ во многихъ школахъ недостаточенъ и, наконецъ, при обученіи не обращается должнаго вниманія на практическія занятія учащихся. Это, въ особенности, относится къ повивальнымъ школамъ и выпускаемымъ изъ нихъ повивальнымъ бабкамъ.

Что касается послѣднихъ, то изъ словъ медицинскаго департамента явствуетъ, что повивальныя бабки пользуются вообще малымъ довѣріемъ населенія, къ нимъ мало обращаются за врачебнымъ пособіемъ, и болѣе пригодными для практической дѣятельности, среди народа, оказываются изъ нихъ тѣ, которыя, кромѣ знанія повивальнаго искусства, имѣютъ фельдшерскія свѣденія, т.-е. пріобрѣли званіе *фельдшерицы-акушерки*".

Со времени Крымской войны практика у насъ выработала достаточное понятіе о значеніи и призваніи сестеръ милосердія. Понятіе же о значеніи и призваніи фельдшерицъ въ госпиталяхъ, лазаретахъ въ военное время и въ частной жизни, среди сельскаго населенія, до послѣдняго времени оставалось неразъясненнымъ. Уходъ за больными, какъ о томъ справедливо было заявлено на первомъ съѣздѣ Общества Краснаго Креста, въ 1882 г., въ Нюрнбергѣ, не состоитъ лишь въ томъ, чтобы поить и кормить больного; онъ требуетъ знаній, снаровки и опытности, и въ этихъ видахъ сама собою выясняется необходимость образованія больничнаго персонала по заранѣе установленному и обдуманному плану. Но даже и въ Германіи до 1870 г. подобныхъ школъ не существовало, несмотря на то, что дѣятельность Общества Краснаго Креста въ этой странѣ достигла чрезвычайно широкихъ размѣровъ. Вообще, послѣ франко-германской войны, понятія и требованія объ уходѣ за больными и ранеными настолько измѣнились, что большинство нѣмецкихъ и французскихъ врачей, близко стоявшихъ къ дѣлу, отдавая должную дань справедливости и милосердію женщинъ, добровольно посвящающихъ себя служенію страждущему человѣчеству, и вполнѣ сознавая благотворное вліяніе послѣднихъ на больныхъ, съ точки зрѣнія религіозной и нравственной,—тѣмъ не менѣе, единогласно высказались въ пользу того мнѣнія, что для ухода за больными, кромѣ милосердія, нужно и знаніе, и что въ большинствѣ случаевъ знаніе и матеріальная помощь, изъ перваго проистекающая, важнѣе участія, вытекающаго изъ одинхъ лишь нравственныхъ отношеній къ страждущему. Нельзя, посему, не раздѣлять мнѣнія большинства врачей, отдѣляющихъ въ больничномъ дѣлѣ профессію оплачиваемую отъ труда лицъ, посвящающихъ себя по влеченію сердца или другимъ, нравственнымъ или религіознымъ, мотивамъ добровольному и безвозмездному служенію больнымъ и раненымъ въ госпиталяхъ въ мирное и военное время. Разумѣется, соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ знанія, влеченія и любви

къ больному, основанныхъ на религіозномъ чувствѣ, было бы идеаломъ женскаго призванія. Въ подобное призваніе глубоко вѣрили основатели дамскаго лазаретнаго комитета, перваго въ Россіи барачнаго лазарета и училища для образованія лекарскихъ помощницъ и фельдшерицъ.

Когда с.-петербургскій дамскій лазаретный комитетъ въ 1871 г. обратился къ намъ съ заявленіемъ о планѣ создать школу для образованія фельдшерицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставилъ намъ организацію этой школы, равно и веденіе учебно-образовательной части ея, мы были достаточно знакомы съ затрудненіями, предстоявшими на этомъ пути. Время это совпадало съ эпохою наибольшаго развитія у насъ вопроса о женскомъ трудѣ вообще и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крайнимъ скептицизмомъ, распространеннымъ въ обществѣ въ то время о цѣлесообразности этого труда, особенно въ приложеніи къ медицинѣ, какъ наукѣ совершенно реальной.

Но при реализированіи мысли объ основаніи школы для женщинъ, съ профессіональною спеціальною цѣлью, предстояло не одно лишь устраненіе сомнѣній, чисто внѣшнихъ и побочныхъ, а нѣчто болѣе трудное, именно устраненіе дѣйствительныхъ затрудненій, обусловливавшихся, какъ слабою общеобразовательною школьною подготовкой лицъ, желавшихъ посвятить себя изученію медицины, такъ равно трудностями самаго преподаванія.

Приглашая женщинъ къ врачебной профессіи, мы положили въ основу ихъ спеціальнаго образованія осмысленное отношеніе къ дѣлу, которому онѣ добровольно себя посвятили, по окончаніи общаго образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ возрастѣ не моложе 18 л., и ввели въ ихъ программу теоретическое преподаваніе предметовъ въ систематической связи съ соотвѣтственными практическими требованіями. Было бы противно здравому смыслу требовать отъ женщинъ менѣе подготовительныхъ знаній, нежели отъ мужчинъ; давать же дипломы за менѣе совершенныя знанія женщинъ, нежели тѣ, каковыя требуются отъ мужчинъ, было бы нарушеніемъ въ пользу женскаго пола элементарнаго принципа равенства, притомъ въ отношеніи профессіи, требующей усиленной дѣятельности, энергіи и способностей.

Восемнадцати лѣтній опытъ и результаты, въ этомъ отношеніи нами добытые, вполнѣ оправдали наше воззрѣніе на профессіональную подготовку женщинъ къ врачебному труду и убѣдили въ правильности основъ, которыми мы руководствовались при созиданіи школы лекарскихъ помощницъ с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета.

При новизнѣ дѣла и выработывая учебную програму училища не по существовавшимъ образцамъ, мы не останавливались предъ затрудненіями и препятствіями, частью оффиціальнаго, частью и частнаго характера, которыя, при меньшей послѣдовательности, могли бы казаться непреодолимыми и повредить существенно дѣлу. Не мало стоило труда, усилій, чтобы поставить с.-петербургскій дамскій лазаретный комитетъ въ числѣ немногихъ общественныхъ учрежденій, очистившихъ путь самостоятельнаго труда молодымъ женщинамъ, послѣ закрытія врачебныхъ курсовъ, и давъ имъ, подъ покровительствомъ „Краснаго Креста", возможность посвящать свои способности и познанія во имя лучшихъ человѣческихъ задачъ. Къ сожалѣнію, у насъ и по сію пору не выяснены условія этого труда, а между тѣмъ различные взгляды и ходячія мнѣнія о степени и цѣлесообразности предпринятой комитетомъ задачи не мало представляли препонъ безостановочному и правильному развитію самого дѣла. Глубоко убѣжденные, что излишекъ знаній, который мы внесли въ програму преподаванія въ училищѣ лекарскихъ помощницъ, не могъ быть намъ поставленъ въ вину, мы послѣдовательно расширяли программы курса, и по мѣрѣ того, какъ спеціальное преподаваніе въ училищѣ стало изъ году въ годъ расширяться на началахъ, предложенныхъ нами, затрудненія, встрѣчавшіяся въ началѣ открытія училища, вслѣдствіе недостаточной подготовки лицъ, нахлынувшихъ въ большомъ числѣ, стали постепенно уменьшаться. Уже четыре года спустя, послѣ открытія курсовъ, изъ числа 33 кандидатокъ, пожелавшихъ поступить въ школу, 11 могли быть приняты безъ экзамена, по аттестатамъ женскихъ среднихъ учебныхъ зиведеній, и вскорѣ затѣмъ стали поступать въ училище лишь лица, окончившія полный курсъ наукъ какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ институтахъ.

Почерпая убѣжденія изъ жизни и самаго существа дѣла, дамскій лазаретный комитетъ, согласно нашему ходатайству, согласился ввести 4-хъ-лѣтній курсъ, вмѣсто существовавшаго 3-хъ-лѣтняго, включивъ въ число предметовъ преподаванія: акушерство, женскія, дѣтскія, накожныя и глазныя болѣзни. Въ 1881 г. былъ открытъ родильный баракъ, и въ томъ же году, на основаніи представленія главнаго управленія „Краснаго Креста", опиравшагося на ходатайство дамскаго лазаретнаго комитета, медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ сообщилъ послѣднему, что медицинскій совѣтъ, принимая во вниманіе 4-хъ-лѣтній курсъ, весьма обширную програму и богатые матеріалы для практическаго обученія „слушательницъ", не встрѣтилъ препятствія къ удовлетворенію ходатайства комитета о предоставле-

ніи воспитаницамъ находящейся въ вѣденіи сего комитета фельдшерской школы, по окончаніи полнаго курса наукъ, званія *лекарскихъ помощницъ*.

Что же касается до испрашиваемыхъ лазаретнымъ комитетомъ правъ врачебной практики для выпускаемыхъ изъ этой школы лекарскихъ помощницъ, то (согласно 648 ст., и прим. къ ней, уст. общ. призр., т. XIII св. зак., и ст. 714 и 716 уст. вр.) такимъ лекарскимъ помощницамъ, *въ отсутствіе врача*, предоставлялась закономъ самостоятельная врачебная дѣятельность лишь въ *случаяхъ*, *угрожающихъ опасностью жизни*. На основаніи чего медицинскій совѣтъ нашелъ необходимымъ оговорить, что права врачебной практики предоставляются лекарскимъ помощницамъ лишь „въ случаяхъ неимѣнія въ данной мѣстности врачей".

Это право, впрочемъ, не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ правъ, предоставленныхъ закономъ фельдшерамъ, окончившимъ курсъ въ центральныхъ фельдшерскихъ школахъ по расширеннымъ программамъ обученія, такъ какъ фельдшерамъ, выпускаемымъ изъ могилевской, омской, тверской и самарской школъ, предоставляется дѣйствовать самостоятельно въ слѣдующихъ случаяхъ: а) подавать необходимую помощь при остро-протекающихъ опасныхъ болѣзняхъ въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ врачей, но, при первой возможности, они обязаны доводить до свѣденія окружного или земскаго врачей; б) право самостоятельнаго дѣйствія при появленіи эпидемическихъ и заразительныхъ болѣзней, какъ напр.: холеры, скарлатины, оспы, кори и тифа, причемъ они должны также немедленно извѣщать окружного (земскаго) врача; в) производство малыхъ хирургическихъ операцій, наложеніе повязокъ при переломахъ, кровопусканіе, оспопрививаніе и т. д.; д) право самостоятельнаго дѣйствія при острыхъ отравленіяхъ, въ случаѣ мнимой смерти, и вообще дѣйствовать и подавать пособіе, согласно инструкціямъ медицинскаго департамента. Этимъ же фельдшерамъ, въ обширныхъ уѣздахъ, предоставлено право завѣдывать небольшими волостными больницами (Собр. узак. и распоряж. прав. 1875 г., № 110, уставы школъ могилевской, омской, тверской и самарской).

Если воспитанникамъ этихъ центральныхъ школъ закономъ предоставлены исчисленныя права, то отъ лекарскихъ помощницъ и подавно эти права не могли быть отняты, такъ какъ программы, которыми руководится училище дамскаго лазаретнаго комитета, не въ примѣръ обширнѣе; самое преподаваніе поставлено на значительную высоту; большинство преподавателей—не только доктора медицины и спеціалисты, но и доценты академій; были и

есть также профессора университета и академіи. Затѣмъ, по плану преподаванія и распредѣленію преподаваемыхъ предметовъ по курсамъ, училище с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета можетъ справедливо, по своей обстановкѣ и средствамъ, служить прототипомъ для подобныхъ учрежденій, такъ какъ, кромѣ больницы съ родильнымъ и гинекологическимъ отдѣленіями, на 100 чел., въ амбулаторной лечебницѣ въ теченіе года пользуется до 15 т. человѣкъ приходящихъ.

Въ послѣднее время, по случаю пересмотра законоположеній относительно правъ на врачебную практику лицъ, оканчивающихъ курсъ училища лекарскихъ помощницъ, высшая медицинская администрація предполагаетъ предоставить имъ также права, присвоенныя „акушеркамъ". Что касается этой послѣдней дѣятельности женщинъ, то намъ кажется необходимымъ, для бо̀льшаго выясненія условій, при которыхъ у насъ образуются и выпускаются повивальныя бабки, съ эпитетомъ „ученыхъ" и безъ таковаго, остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Извѣстно, что родильные госпитали основаны у насъ одновременно съ воспитательными домами.

При императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ кругъ дѣятельности родовспомогательныхъ заведеній расширился учрежденіемъ при нихъ повивальныхъ институтовъ. Въ Москвѣ повивальный институтъ былъ открытъ въ 1801 г.; съ перваго начала, открытый только для воспитанницъ-институтокъ казенныхъ, онъ впослѣдствіи расширенъ, согласно Высочайшему повелѣнію, отъ 8 января 1848 г., допускомъ къ лекціямъ постороннихъ вольноприходящихъ слушательницъ; эти повивальные институты, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, были долгое время единственными учрежденіями, готовившими для государства акушерокъ.

Всѣмъ извѣстно то малое довѣріе, какимъ у насъ пользуются акушерки; но оставивъ въ сторонѣ губернскихъ, уѣздныхъ и вольнопрактикующихъ въ городахъ акушерокъ, остановимся на акушеркахъ земскихъ, слѣдовательно, сельскихъ. Въ этомъ отношеніи не безъинтересны свѣденія, почерпнутыя нами изъ трудовъ коммиссіи по вопросу о способахъ къ уменьшенію смертности въ Россіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ покойнаго С. П. Боткина. Особеннаго вниманія заслуживаетъ письмо, адресованное въ коммиссію, профессора акушерства военно-медицинской академіи, А. И. Лебедева, по вопросу о мѣрахъ, проектируемыхъ для уменьшенія заболѣваемости и смертности женскаго народо-

населенія Россіи, въ зависимости отъ чадородной дѣятельности женщинъ. Авторъ этого письма на первомъ планѣ ставитъ необходимую мѣру—систематическое собираніе статистическихъ свѣденій о заболѣваемости и смертности отъ родовъ. Въ настоящее время свѣденія эти о смертности отъ „пуерперальныхъ" заболѣваній до такой степени неполны, что безъ преувеличенія можно сказать, что они равняются нулю. Но, если мы не знаемъ точной цифры „пуерперальной" смертности, то несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, — говоритъ почтенный профессоръ, — „что тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія родильной горячки, смертность отъ этой причины превосходитъ иногда смертность отъ холеры"... Поэтому проведеніе мѣръ для предупрежденія и прекращенія такого бича родильницъ должно составлять одну изъ настоятельныхъ задачъ народнаго здравохраненія, тѣмъ болѣе, что роды составляютъ физіологическій актъ, который самъ по себѣ, за исключеніемъ патологическихъ случаевъ, не заключаетъ никакихъ опасностей для роженицы, если послѣдняя пользуется разумнымъ уходомъ. Смертность отъ родовъ уже тѣмъ особенно невыгодно отражается на народонаселеніи, что она поражаетъ недѣлимыхъ, большею частью во цвѣтѣ лѣтъ, полныхъ силъ и здоровья, матерей семействъ, теряющихъ чрезъ это свою существенную поддержку, а это невыгодно отражается и на матеріальномъ благосостояніи человѣка, этой основной общественной единицы. Въ настоящее время, для родильныхъ заболѣваній—болѣе чѣмъ для другихъ—доказано, что причину ихъ составляетъ специфическій ядъ, который, тѣмъ или другимъ путемъ, заносится въ родовые пути.

Принятыя въ родильныхъ учрежденіяхъ въ этомъ направленіи мѣры предупрежденія дали такіе блестящіе результаты, которые въ состояніи убѣдить самыхъ строгихъ скептиковъ въ ихъ дѣйствительности. Поэтому, если до введенія этихъ мѣръ роды въ частныхъ домахъ давали гораздо лучшій прогнозъ, чѣмъ роды въ спеціальныхъ учрежденіяхъ, то въ настоящее время это отношеніе сдѣлалось почти обратнымъ. Но, помимо занесенія заразы, пуерперальная заболѣваемость и смертность обусловливаются также и массою патологическихъ случаевъ, въ которыхъ недостаточно бываетъ однѣхъ мѣръ профилактики, а требуется еще и спеціально-акушерская помощь. Съ этой точки зрѣнія, мѣры противъ пуерперальныхъ заболѣваній и смертности должны быть, по мнѣнію автора письма, раздѣлены на двѣ категоріи: на мѣры *профилактическія* и на мѣры *лечебныя*.

Проведеніе въ жизнь тѣхъ или другихъ мѣръ не встрѣтило бы особеннаго затрудненія, еслибы у насъ не существовало та-

кой страшной диспропорціи между количествомъ народонаселенія и количествомъ врачей. При такомъ же неблагопріятномъ отношеніи проведеніе въ жизнь даже самыхъ простыхъ мѣръ становится очень затруднительнымъ. Среди населенія уѣздовъ существуетъ недостатокъ не только во врачахъ, но и въ акушеркахъ; это— исключительная область дѣятельности деревенскихъ повитухъ, которыя, безъ сомнѣнія, приносятъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

На основаніи всего вышеизложеннаго, при настоящемъ наличномъ количествѣ врачебныхъ силъ въ Россіи, нужно строго отличать организацію акушерской помощи среди сельскаго и городского населенія, такъ какъ не только теперь, но уже и въ далекомъ будущемъ мы не можемъ разсчитывать на то, чтобы населеніе уѣздовъ было такъ же обезпечено врачебной помощью, какъ обезпечено ею городское населеніе; тамъ, по необходимости, придется возложить оказаніе акушерской помощи всецѣло на акушерокъ. Въ виду этого, имъ должна быть предоставлена закономъ бо̀льшая самостоятельность въ дѣлѣ оказанія оперативной акушерской помощи въ патологическихъ случаяхъ, чѣмъ это дозволено городскимъ акушеркамъ. Но въ виду этого же самаго и спеціальный образовательный цензъ ихъ долженъ быть не только не ниже, но даже выше того ценза, которымъ владѣютъ городскія акушерки. Между тѣмъ полный курсъ въ нашихъ повивальныхъ институтахъ—для лицъ, поступающихъ туда почти безъ всякаго общеобразовательнаго ценза,—длится всего два года; для повитухъ же лишь 1 годъ, въ то время, какъ на медицинскихъ факультетахъ преподаваніе акушерства помѣщено лишь на 4-й годъ, т.-е. послѣ ознакомленія слушателей съ главнѣйшими предметами, какъ основными, такъ и прикладными, всего врачебнаго курса. Нѣтъ ничего посему удивительнаго, что профессоръ акушерства военно-медицинской академіи, касаясь акушерской помощи сельскому населенію, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „для оказанія этой помощи необходимо подготовлять не акушерокъ лишь, а акушерокъ-фельдшерицъ по болѣе обширнымъ программамъ, чѣмъ какія приняты въ теперешнихъ повивальныхъ школахъ, и предоставить имъ бо̀льшую самостоятельную дѣятельность, чѣмъ та, которая предоставлена закономъ воспитанницамъ повивальныхъ школъ“. Почтенный профессоръ, не имѣя, конечно, въ виду существованія училища лекарскихъ помощницъ, дамскаго лазаретнаго комитета, резюмировалъ свое письмо тѣмъ заявленіемъ, что подобная подготовка акушерокъ-фельдшерицъ *„составляетъ пока едва-ли достижимый идеалъ“*.

Не менѣе интересны пренія, происходившія, по поводу сообщенія о суворовскихъ курсахъ при калинкинской больницѣ, въ с.-петербургскомъ медицинскомъ обществѣ, въ декабрѣ минувшаго года. Училище это основано въ 1868 г. для обученія повивальныхъ бабокъ распознаванію и леченію сифилитическихъ и кожныхъ болѣзней у женщинъ и дѣтей; при этомъ имѣлось въ виду, что такія спеціально подготовленныя бабки будутъ отправляться въ деревни на земскую службу, и тамъ, подъ руководствомъ опытныхъ врачей (это ставилось непремѣннѣйшимъ условіемъ) станутъ прилагать свои знанія на практикѣ. Для поступленія въ суворовское училище требовалось только представить дипломъ на званіе повивальной бабки и подвергнуться провѣрочному испытанію: „*въ умѣньѣ читать и хотя нѣсколько писать по-русски*". Провѣрка эта, по словамъ д-ра Фишера, референта, производилась очень просто: желающимъ поступить въ училище предлагають написать одну или двѣ странички на какую-нибудь элементарную тему изъ повивальнаго искусства. Сдѣлавшія не болѣе 10 ошибокъ на одной страничкѣ принимаются; сдѣлавшія же больше— не принимаются. Это провѣрочное испытаніе называется у бабокъ громкимъ именемъ „*конкурса*". Благодаря тому, что при поступленіи не требуется образовательнаго ценза, и что за слушаніе курса платы не взимается, въ суворовское училище ежегодно вступаетъ около 60 молодыхъ женщинъ, только-что выдержавшихъ очень не хитрый экзаменъ на повивальную бабку и совершенно еще не подготовленныхъ къ самостоятельной дѣятельности. Весь курсъ ученія въ суворовскомъ училищѣ оффиціально семимѣсячный (отъ средины октября до средины мая), хотя на самомъ дѣлѣ онъ только шестимѣсячный, такъ какъ больше мѣсяца уходитъ на праздники.

Преподаваніе въ училищѣ состоитъ въ томъ, что слушательницамъ читактъ 2 лекціи по сифилитическимъ болѣзнямъ, 2 лекціи по женскимъ и такія же 2 лекціи по накожнымъ болѣзнямъ. *Итого 6 лекцій въ недѣлю*. Нѣкоторыя земства, не зная ни программы, ни устава суворовскаго училища, приглашаютъ молодыхъ бабокъ, прослушавшихъ въ немъ курсъ, на службу, предполагая, что это не простыя бабки, прослушавшія узко-спеціальный шестимѣсячный курсъ, а нѣчто въ родѣ лекарскихъ помощницъ, умѣющія распознавать и лечить наиболѣе часто встрѣчающіяся внутреннія болѣзни и спеціально знающія еще при этомъ сифилисъ и накожныя болѣзни.

Каковы получились результаты такого недоразумѣнія, какъ для земства, такъ и для повивальныхъ бабокъ, догадаться не трудно.

Пользуясь случаемъ, предоставленнымъ сообщеніемъ д-ра Фишера, профессоръ Лебедевъ высказывалъ свой взглядъ на задачи снабженія сельскаго народонаселенія спеціально подготовленнымъ низшимъ медицинскимъ персоналомъ. Школы сельскихъ повивальныхъ бабокъ, при основаніи которыхъ имѣлась въ виду спеціально акушерская подготовка женщинъ-крестьянокъ,—съ цѣлью этимъ самымъ уже напередъ заручиться близостью ихъ къ средѣ,—по мнѣнію его, далеко уклонилась отъ своей первоначальной задачи. Въ настоящее время, учащійся персоналъ этихъ школъ на добрую свою половину уже не принадлежитъ крестьянскому сословію. Кромѣ того, громадный процентъ окончившихъ курсъ въ сельскихъ повивальныхъ школахъ не останавливается на этомъ, а стремится пріобрѣсти право практики въ городѣ, для чего окончившія курсъ наукъ держатъ соотвѣтственный экзаменъ въ академіи или университетахъ. Громадное большинство ихъ дезертируетъ, такимъ образомъ, изъ той среды, для которой готовитъ ихъ школа. Задача послѣдней не достигается. Но еслибы это уклоненіе такъ или иначе и было прекращено, то и тогда эти школы мало пріобрѣли бы въ этомъ для своего raison d'être, такъ какъ самое основаніе ихъ вышло изъ ложнаго взгляда на дѣло медицинской помощи, а именно: очевидно, была допущена полная аналогія между условіями сельской и городской медицинской практики. Между тѣмъ оба рода этой практической медицинской дѣятельности также отличаются другъ отъ друга, какъ деревня отличается отъ города. Если въ городской своей практикѣ акушерка должна и можетъ быть разсматриваема какъ ближайшая и непосредственная исполнительница предписаній врача-акушера, присутствующаго при родахъ или приглашаемаго къ нимъ при первой же надобности,—въ земской практикѣ, по многимъ причинамъ, она поставлена въ иное положеніе. Вслѣдствіе недостатка во врачахъ съ одной стороны, съ другой—вслѣдствіе обширности района врачебной дѣятельности, при отсутствіи сносныхъ путей сообщенія, и вслѣдствіе, наконецъ, крайней сложности врачебно-служебныхъ обязанностей, повивальная бабка въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—имѣя въ виду особенно неотложность акушерскаго пособія,—лишена бываетъ возможности пользоваться компетентными врачебными совѣтами и должна сама рѣшать, подчасъ, самые сложные вопросы изъ области практическаго акушерства. Подготовлена ли она къ такой дѣятельности? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно сказать, что большинство ученицъ школы повивальныхъ бабокъ поступаетъ въ нее даже безграмотными и въ теченіе годичнаго курса научается грамотѣ, а также и пови-

вальному искусству. Можно себѣ легко представить, каковы ихъ спеціальныя познанія и насколько онѣ способны къ самостоятельной дѣятельности въ земствѣ. Объ ихъ діагностическихъ знаніяхъ нечего и говорить; очевидно, они ниже самыхъ скромныхъ требованій. Изъ всего вышесказаннаго профессоръ заключаетъ, что повивальныя бабки, предназначающія себя для земской практики, должны обладать болѣе солиднымъ образовательнымъ цензомъ, чѣмъ городскія. Самостоятельная дѣятельность послѣднихъ можетъ и должна быть ограничена закономъ до послѣдняго минимума, тогда какъ права первыхъ должны быть расширены, дабы онѣ имѣли законную и образовательную правоспособность самостоятельно оказывать помощь въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ.

По мнѣнію того же профессора, такому требованію, вытекающему изъ самыхъ условій деревенской жизни, отвѣчаетъ, въ настоящее время, только школа лекарскихъ помощницъ и фельдшерицъ при рождественскихъ баракахъ с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета. Воспитанницы этой школы, имѣющія общегимназическую подготовку, проходятъ 4-хъ-лѣтній курсъ полнаго практическаго медицинскаго образованія. Что такой именно персоналъ требуется въ земской медицинской практикѣ, доказывается тѣмъ, что спросъ земствъ на воспитанницъ помянутой школы ежегодно увеличивается и давно уже превзошелъ предложенія. Не представляя изъ себя строгихъ спеціалистокъ, въ которыхъ, къ слову сказать, земство пока почти и не нуждается, ученицы школы лекарскихъ помощницъ и фельдшерицъ, по своему образовательному цензу, какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ характеру земской медицинской дѣятельности и составляютъ надежныхъ помощницъ для земскихъ врачей. Только такимъ путемъ земства могутъ обезпечить сельскому народонаселенію дѣйствительную, а не фиктивную помощь, пока они не въ состояніи имѣть столько врачей, сколько ихъ требуется.

Мы видимъ изъ вышеизложеннаго, что мѣры, направленныя къ расширенію профессіональной дѣятельности женщинъ въ нашемъ отечествѣ въ высшей степени желательны, такъ какъ это послѣднее вполнѣ соотвѣтствуетъ общественнымъ потребностямъ; а посему слухи о возстановленіи высшихъ врачебныхъ женскихъ курсовъ, равно какъ предположеніе о предстоящей, быть можетъ, фармацевтической дѣятельности женщинъ, о необходимости устройства женскаго фармацевтическаго института,—о чемъ недавно въ Москвѣ извѣщено профессоромъ Богословскимъ въ засѣданіи московскаго отдѣла общества охраненія народнаго здравія,—не мало

волнуютъ и занимаютъ общественное мнѣніе. По счастію, въ настоящее время уже не существуетъ того крайняго и вреднаго скептицизма по вопросу о цѣлесообразности женскаго труда, какой существовалъ въ эпоху, когда намъ приходилось устроивать училище лекарскихъ помощницъ и фельдшерицъ с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета. Но и теперь, какъ и тогда, страстность и поспѣшность, никогда еще не приводившія къ желаннымъ и удовлетворительнымъ результатамъ, были бы крайне нежелательны; въ области педагогической дѣятельности поспѣшность и всякаго рода скачки и пробѣлы приводятъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Стало быть, необходима прочная и устойчивая система въ вопросахъ спеціально врачебнаго у насъ образованія. Мы уже упомянули выше, что медицинскія школы Петровской эпохи не могли идти успѣшно; залогъ безуспѣшности лежалъ въ самой основѣ дѣла, такъ какъ преподаваніе было односторонне, крайне недостаточно, а исключительная практичность школьнаго ученія, не осмысленная теоретическимъ изложеніемъ преподаваемыхъ предметовъ, вредила школѣ. При многочисленности школъ—*образованія*, тѣмъ не менѣе, было мало. Соблюдалась, такъ сказать, лишь форма, что̀, къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ нерѣдко и въ настоящее время. Не удивительно посему, что теперь, по истеченіи свыше 130 л. (припомнимъ, что одновременно открытіе акушерскихъ школъ въ Москвѣ и Петербургѣ произошло въ 1757 г.), наши ученые спеціалисты удостовѣряютъ, что у насъ среди сельскаго населенія существуетъ недостатокъ не только въ спеціалистахъ-врачахъ, но даже и въ акушеркахъ, что уѣзды представляютъ собою исключительную область дѣятельности деревенскихъ повитухъ, что̀, кромѣ вреда, отъ этого проистекающаго, свидѣтельствуетъ о слабомъ довѣріи населенія къ акушеркамъ—фактъ, подтвержденный, какъ мы видѣли, и нашимъ высшимъ медицинскимъ учрежденіемъ,—медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Нѣтъ посему основанія относиться скептически къ другому, болѣе утѣшительному явленію, о которомъ свидѣтельствуетъ спеціально земскій органъ („Земскій Врачъ“, № 1, 1888 г.), что женская медицинская помощь, разумно и основательно подготовленная, все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ право гражданства въ провинціи, въ сферѣ земской дѣятельности. До сихъ поръ „фельдшерица-акушерка“ представляла въ Россіи такой разрядъ людей, говоритъ „Саратовскій Дневникъ“, какого не можетъ коснуться подозрѣніе въ недобросовѣстномъ исполненіи обязанностей, тѣмъ болѣе въ вымогательствахъ. Соединяя добросовѣстность съ любовью

къ дѣлу, какими въ большинствѣ случаевъ отличаются русскія женщины, посвящающія себя медицинской дѣятельности, лекарскія помощницы являются въ деревнѣ истинными и полезными друзьями страждущему населенію. Нѣтъ ничего удивительнаго посему, что на службу саратовское земство рѣшило приглашать исключительно лекарскихъ помощницъ. Затѣмъ опытъ приглашенія на земскую службу этихъ же лицъ многими земствами показалъ на дѣлѣ, насколько полезна дѣятельность ихъ.

Мы не станемъ здѣсь обременять вниманіе читателя исчисленіемъ тѣхъ земствъ, которыя въ настоящее время пользуются услугами лекарскихъ помощницъ, окончившихъ курсъ наукъ при рождественскихъ баракахъ. Не только въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, но и на дальнихъ окраинахъ, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, онѣ съумѣли себѣ пріобрѣсти довѣріе и уваженіе, а во время войны воспитывавшіяся въ рождественскомъ училищѣ молодыя женщины явились на театръ военныхъ дѣйствій. Эти труженицы работали во многихъ госпиталяхъ и, наравнѣ съ другимъ персоналомъ, не только переносили разныя лишенія, но и болѣзни, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались жертвами сыпного тифа; однѣ изъ нихъ трудились на поѣздахъ, другія въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Въ битвѣ при Трестеникѣ, на долю фельдшерицъ выпали тяжелые труды; ихъ неутомимость, полная самоотверженія и хладнокровія, несмотря на грозившую опасность, заслужила имъ общее уваженіе. Насколько можно судить по отзывамъ врачей, подъ руководствомъ и въ вѣденіи которыхъ шла дѣятельность фельдшерицъ, этихъ непосредственныхъ, по медицинской части, помощницъ врачей, онѣ оказали достаточную и спеціальную подготовку и весьма серьезное отношеніе къ дѣлу и своимъ обязанностямъ. Онѣ вполнѣ и съ очевидной пользой, и даже съ преимуществами, замѣняли мужчинъ, такъ что врачи, въ виду бо́льшей точности, исполнительности, усердія и лучшихъ нравственныхъ качествъ, въ сравненіи съ фельдшерами, предпочитали повсюду первыхъ послѣднимъ. Авторъ книги: „Русская женщина въ войну 1877—1878 г.“, докторъ П. А. Ильинскій, свидѣтельствуетъ, что фельдшерицы несли всѣ обязанности, возлагаемыя госпитальными положеніями на фельдшеровъ, какъ въ хирургическихъ, такъ и въ терапевтическихъ палатахъ, и выполняли ихъ настолько усердно и успѣшно, что нельзя не считать желательнымъ введеніе въ госпитали и больничныя учрежденія женскаго элемента въ званіи фельдшерицъ (лекарскихъ помощницъ) не только *въ военное*, но и въ *мирное время*.

Эти лестные и, безъ сомнѣнія, вполнѣ заслуженные отзывы ком-

петентныхъ людей вполнѣ оправдываютъ надежды медицинскаго совѣта, высказавшаго въ оффиціальномъ документѣ пожеланіе о томъ, чтобы дамскій лазаретный комитетъ не потерялъ изъ виду той цѣли, которая была указана ему Высочайшею волею и „которая состоитъ въ подготовленіи женскаго персонала для ухода за ранеными и больными въ военное время". Медицинскій совѣтъ можетъ вполнѣ успокоиться, такъ какъ комитетъ оправдалъ его надежды, чему служатъ доказательствомъ многіе непреложные факты. Если обнять всю программу, вошедшую въ основаніе преподаванія въ училищѣ лекарскихъ помощницъ, о которомъ идетъ рѣчь, то всякому будетъ понятно, что тамъ изученіе акушерства отнюдь не придаетъ воспитанницамъ, окончившимъ курсъ наукъ съ званіемъ „лекарской помощницы", титула и прерогатива „повивальной бабки".

Нерѣдко намъ ставили вопросъ о томъ, къ чему лицамъ, стоящимъ въ вѣденіи россійскаго Общества Краснаго Креста и подготовляемымъ съ цѣлью подanія помощи больнымъ и раненымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, понадобилось акушерство?—для военнаго времени нужны не акушерки, а врачебный персоналъ, достаточно подготовленный къ уходу за ранеными. Общество Краснаго Креста имѣетъ дѣйствительно главною задачею пещись о больныхъ и раненыхъ въ военное время, но задача его будетъ не выполнима, ежели оно пожелало бы лишь теоретически относиться къ своему дѣлу. Обществу необходимы: практическая почва, средства и опытъ, добытые путемъ практической дѣятельности, на что указывалъ еще Н. И. Пироговъ; привлекая молодыя силы во имя цѣлей и главныхъ задачъ Общества Краснаго Креста и не предоставляя учащимся никакой гарантіи въ будущемъ, Общество само собою обязано было поставить учебное дѣло такъ, чтобы лица, окончившія курсъ въ подвѣдомственныхъ ему врачебныхъ профессіональныхъ школахъ, могли найти себѣ занятіе не только въ военное, но и въ мирное время.

Между тѣмъ, съ измѣнившимися экономическими условіями жизни въ нашемъ отечествѣ, съ оскудѣніемъ въ интеллигентной средѣ матеріальныхъ средствъ для безбѣднаго существованія и при ежегодно увеличивающейся дороговизнѣ жизни, въ средѣ молодыхъ женщинъ должно было естественно возникнуть стремленіе къ самостоятельному труду, съ цѣлью возможнаго обезпеченія своей матеріальной независимости. Послѣдовало на первыхъ порахъ непомѣрное умноженіе числа домашнихъ учительницъ; вскорѣ

предложеніе значительно превысило спросъ, и педагогическая дѣятельность отодвинулась на задній планъ; громадный контингентъ учащихся бросился на врачебные курсы, въ повивальные институты и школы для образованія фельдшерицъ; между тѣмъ спросъ и на повивальныхъ бабокъ, по свидѣтельству медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, основанному на донесеніяхъ губернскихъ врачебныхъ инспекторовъ, изъ году въ годъ сталъ уменьшаться, и уже теперь изъ нихъ создался новый видъ профессіональнаго женскаго пролетаріата. Женщины-врачи стали все болѣе и болѣе переносить свою дѣятельность въ населенные центры, и въ селахъ и деревняхъ, попрежнему, царитъ фельдшерица въ самой грубой и невѣжественной формѣ.

Но вотъ чтò особенно печально: число ищущихъ возможности обогатить себя познаніями, не ради фантастическихъ лишь цѣлей, но ради посильнаго служенія обществу, не составляетъ большинства. Не было еще примѣра, за всѣ 18 лѣтъ существованія нашего учрежденія, чтобы число оканчивающихъ курсъ равнялось приблизительно числу поступившихъ въ данномъ году. Оканчиваютъ курсъ нерѣдко лишь одна четвертая часть поступившихъ—и уже никакъ не болѣе двухъ третей.

Въ чемъ же искать объясненія этому явленію? Разумѣется, въ томъ обстоятельствѣ, что въ стремленіи посвятить себя врачебному труду много званыхъ, но относительно очень мало избранныхъ. Посвятить всѣ свои умственныя силы изученію трудной науки; предаться этой наукѣ всею душою; преодолѣвать массу затрудненій всякаго рода; поступиться своими привычками, особенностями характера, нерѣдко здоровьемъ, для отвлеченной идеи служить больному человѣку,—для этого требуется очень много, а всего болѣе любви къ человѣку,—не умозрительной лишь, а купленной цѣною постояннаго, тяжелаго труда, выносливости, испытанной твердости и, нерѣдко, цѣною самоотреченія и самопожертвованія.

Обходя совершенно вопросъ о томъ, есть ли государственная потребность въ женщинахъ-врачахъ и нужны ли намъ учрежденія, предназначенныя для научно-медицинскаго образованія женщинъ, мы обратимся къ вопросу: дѣйствительно ли у насъ число врачей вообще настолько велико, что ими обезпечиваются повсюду врачебная помощь и санитарныя нужды страны?

По статистикѣ принято, что, при благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ данной мѣстности, на каждаго человѣка, въ среднемъ выводѣ, приходится въ годъ около двадцати „больныхъ дней“, или иначе около 15% годичнаго времени. Принимая на-

селеніе Россіи въ 80.000.000 человѣкъ, опредѣляя условно цѣнность рабочаго дня самою минимальною цифрою, всего *десятью* копѣйками, получится въ итогѣ, что „при благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ населеніе Россіи должно потерять въ годъ 1.000000.000 рабочихъ дней или 160.000.000 рублей, т.-е. болѣе $^1/_6$ части всего государственнаго бюджета". Этотъ разсчетъ, несмотря на крайнюю минимальность всѣхъ входящихъ въ него цифръ, достаточно убѣждаетъ, что народное здоровье, какъ это уже опредѣлилъ Франклинъ, есть народное богатство, и что забота о народномъ здоровьѣ составляетъ насущную потребность государствъ, и какъ бы ни дорого, на первый взглядъ, стоила организація врачебнаго и санитарнаго дѣла,—этотъ расходъ будетъ щедро окупаться въ экономіи народной жизни, такъ какъ отъ уменьшенія хотя бы на *одинъ день* лишь *больничныхъ дней* получилось бы, по вышеприведенному приблизительному разсчету, 8.000.000 р. *экономіи*. Но платимъ ли мы лишь двадцатью днями въ году на человѣка дань болѣзни?—Къ прискорбію, приходится отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, такъ какъ, судя по коэфиціенту смертности, въ сравненіи съ европейскими государствами, у насъ—самый большой, а именно 37,3% на 1000, — въ то время какъ въ Даніи и Швеціи онъ равняется лишь 19,5—18,2%, стало быть, заболѣваемость и больныхъ дней у насъ значительно больше. 19.000 съ небольшимъ числящихся у насъ по медицинскому списку—врачей,—мужчинъ и женщинъ,—не представляетъ, слѣдовательно, такого внушительнаго числа, которымъ бы гарантировалось здоровье восьмидесяти-милліоннаго населенія, въ особенности при извѣстныхъ невыгодныхъ гигіеническихъ условіяхъ страны, нуждающейся какъ въ санитарной, такъ и врачебной помощи. Но какъ бы велико ни было число врачей, помимо санитарной дѣятельности ихъ, между послѣдними и больными неизбѣжны посредники, такъ какъ существуютъ такого рода услуги больнымъ, которыхъ ни одинъ врачъ при обыкновенныхъ условіяхъ на себя не возьметъ. Этими посредниками по сію пору и служили наши невѣжественные, доморощенные фельдшера и немногимъ отличающіяся отъ нихъ повивальныя бабки. А такъ какъ территоріальныя пространства нашего отечества неизмѣримы, сельское населеніе разбросано на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, то, очевидно, земство, имѣя на уѣздъ по одному, рѣдко по 2, по 3 врача, пользуется широко фельдшерами и имъ почти всегда довѣряетъ завѣдываніе пріемными покоями и при нихъ находящимися земскими аптеками.

Училище лекарскихъ помощницъ дамскаго лазаретнаго комитета, со времени своего основанія, т.-е. съ 1872 г., произвело 14 выпусковъ; число окончившихъ курсъ лицъ за это время было 245; изъ этого числа вышло замужъ 51, умерло 15, заболѣло неизлечимо 1; остальныя и нынѣ находятся на службѣ земства и около 15 человѣкъ состоятъ въ С.-Петербургѣ, — при больницахъ. Стало быть, въ земствѣ существуетъ большой спросъ на толковыхъ и образованныхъ помощницъ врачей, которыя при томъ были бы *дешевы* и удовлетворяли бы насущнымъ требованіямъ, т.-е. въ отсутствіе врачей умѣли бы сознательно подать помощь при всевозможныхъ внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ, какъ по части хирургіи, такъ равно и акушерства, и въ присутствіи врачей принимали бы на себя нѣкоторыя услуги, заботы и попеченіе о больномъ, такъ какъ уходъ за больными,—и уходъ умѣлый, и къ тому же женскій, составляетъ краеугольный камень успѣшнаго леченія.

Но удовлетворяетъ ли обильный контингентъ учащихся, выпускаемыхъ изъ нашихъ фельдшерскихъ школъ и повивальныхъ институтовъ этимъ требованіямъ? Конечно, нѣтъ, и вотъ почему министерство внутреннихъ дѣлъ задалось нынѣ задачею выработать проектъ положенія о школахъ *лекарскихъ помощниковъ* и *помощницъ*, въ которомъ точно будутъ указаны, какъ то обѣщаетъ медицинскій совѣтъ, права и обязанности лицъ средняго профессіональнаго медицинскаго образованія. Намъ казалось бы, что прежде, чѣмъ говорить о правахъ, слѣдовало бы точно формулировать цѣль подобныхъ школъ для мужчинъ, объемъ и характеръ преподаванія въ нихъ и средства къ тому; обозначить размѣръ учебныхъ программъ, такъ какъ у насъ на виду примѣры неустойчивости, въ этомъ отношеніи, самого медицинскаго совѣта, который, предоставляя права—ограниченныя, правда,—практики воспитанникамъ, не имѣющимъ общеобразовательнаго ценза, центральныхъ фельдшерскихъ школъ, не даетъ этого права вовсе лекарскимъ помощницамъ училища дамскаго лазаретнаго комитета, имѣющимъ этотъ цензъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, какъ мы слышали, согласно проекту, дать права *„самостоятельной вольной практики“* лиценціатамъ и лиценціаткамъ медицины, отъ которыхъ будетъ требоваться аттестатъ реальныхъ гимназій или вообще среднихъ (не-классическихъ) учебныхъ заведеній.

Намъ приходится здѣсь повторить, что предположеніе объ образованіи спеціальнаго званія *подлекарей* или лекарскихъ помощниковъ возникало у насъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. По проекту того времени, учрежденіе званія лекарскихъ

помощниковъ, примѣры коему встрѣчаются до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ (такъ, напр., въ Англіи, такъ-называемые surgeons—во Франціи officiers de santé и другіе), если не вполнѣ замѣнили бы врачей, то, по крайней мѣрѣ, послужили бы не малымъ подспорьемъ тамъ, гдѣ, напр., одинъ врачъ въ большомъ раіонѣ своей дѣятельности не въ состояніи подавать врачебную помощь значительному числу лицъ сельскаго населенія. Собственно говоря, по проекту семидесятыхъ годовъ, лекарскіе помощники были бы тѣ же фельдшера, но получившіе болѣе широкое теоретическое и практическое образованіе. Надежды въ этомъ отношеніи, однако, не осуществились; подобныя учрежденія, несмотря на настоятельную, въ то время, необходимость въ увеличеніи числа врачей, не были основаны. А ожиданія министерства внутреннихъ дѣлъ относительно цѣлесообразности обученія повивальныхъ бабокъ въ теченіе семи мѣсяцевъ распознаванію и леченію сифилитическихъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, какъ мы видѣли выше, не оправдались также на дѣлѣ.

Есть основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы молодые люди, окончившіе курсъ даже въ реальныхъ гимназіяхъ, избрали бы себѣ такую незаманчивую карьеру,—какъ карьера фельдшера хотя бы подъ названіемъ лекарскаго помощника; по сію пору, это званіе пріобрѣтали лица едва грамотныя, а посему общественное положеніе фельдшера у насъ крайне незавидное; матеріальное же обезпеченіе ихъ такъ скудно, что только крайняя нужда да совершенная безталанность могли бы заставить молодого человѣка съ гимназическимъ образованіемъ избрать этотъ путь къ существованію.

Дѣло другое—молодыя женщины: общественная дѣятельность ихъ крайне ограничена; „хлѣбныхъ“ профессій, которыя удовлетворяли бы ихъ умственно и давали бы пищу и ихъ нравственному міровоззрѣнію, кромѣ медицины,—также крайне мало. Женщина по природѣ создана для гуманитарной дѣятельности, и при постели больного мужчина никогда не въ состояніи замѣнить лицо женскаго пола; только женщинѣ и подобаетъ быть, и по призванію, и по профессіи, помощницей врача,—будь это въ госпиталѣ, родильномъ домѣ, въ сельской практикѣ или на театрѣ военныхъ дѣйствій у кровати раненаго. Мнѣнія компетентныхъ въ санитарномъ дѣлѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ послѣдней восточной войнѣ, сводятся къ тому, что въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ ничто не можетъ замѣнить женской руки, и всѣ отзывы о дѣятельности женщинъ на театрѣ войны проник-

нуты глубокимъ чувствомъ уваженія къ ихъ самоотверженію и трудамъ.

Нельзя потому не согласиться, что жизненный опытъ и потребность времени все болѣе и рѣшительнѣе указывали на необходимость профессіональнаго образованія женщинъ въ учрежденіяхъ, въ которыхъ онѣ могли получить спеціальное медицинское, акушерское и фармацевтическое образованіе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя игнорировать и того, что стимуломъ къ труду служитъ степень его производительности, а потому въ дѣлѣ приложенія женскаго труда къ общественнымъ нуждамъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста платонизму, такъ точно, какъ онъ немыслимъ и для мужчинъ. Въ Россіи, гдѣ на всѣхъ поприщахъ существуетъ недостатокъ людей, вопросъ о женскомъ трудѣ не можетъ вызывать ни колебаній, ни сомнѣній, и, разумѣется, уже никакихъ опасеній... Но, не касаясь другихъ, многочисленныхъ областей человѣческаго труда, существуетъ несомнѣнное основаніе къ удовлетворенію стремленій женщинъ на пользу помощи для сохраненія народнаго здоровья, при чемъ, однако, безусловно необходимо, чтобы женское профессіональное врачебное образованіе было поставлено на прочную и незыблемую почву; требуется тщательно ограждать и оберегать женскія профессіональныя школы какъ отъ увлеченій, такъ и отъ навѣтовъ на нихъ. Чтобы съ успѣхомъ вести дѣло профессіональнаго образованія, въ особенности женскаго, недостаточно быть дилеттантомъ; необходимо вложить всю душу въ дѣло, имѣть право на авторитетъ, заслуженно имъ пользоваться—и, главнѣе всего, любить молодежь, любить правдиво, сердечно и безкорыстно.

І. В. Бертенсонъ.

ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ

Романъ Ричарда Ашкинга.

Окончаніе.

XXXIV *).

Гербертъ, вернувшись изъ парка, хотѣлъ-было уклониться отъ свиданія съ матерью, но она сама поспѣшила къ дверямъ, заслышавъ его шаги, къ которымъ давно уже прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Что такое случилось въ паркѣ?—спросила она, испуганная при видѣ его блѣднаго лица.

— Ничего—бродяги забрались въ паркъ, вотъ и все. Надо будетъ на будущее время пораньше запирать сѣверныя ворота.

— Бродяги? Они напали на тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ: отчего вы такъ думаете?

— Ты такъ блѣденъ, мой милый.

— Я усталъ; вотъ и все.

— Я ничего не сказала объ этомъ Кларѣ; я боялась ее напугать.

— Клара! развѣ она здѣсь?

— Да; она вернулась съ четверть часа тому назадъ, но прямо прошла въ свою комнату. Куда ты идешь? Что такое?

— Я... я не зналъ, что она вернулась,—пробормоталъ онъ растерянно.

— Да, она вернулась, но, кажется, страшно устала. Я ду-

*) См. выше: окт., 685 стр.

маю, тебѣ лучше оставить ее въ покоѣ, — прибавила старушка, которую Клара только-что жестоко оборвала за то, что та стала ее разспрашивать про ея поѣздку.

— Я тоже очень усталъ, а потому покойной ночи!—отвѣчалъ онъ, цѣлуя мать и спѣша уйти, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ или упрековъ.

Онъ тотчасъ же направился въ комнату Клары,—въ послѣднее время онъ никогда не переступалъ за ея порогъ,—и постучался въ дверь.

Клара, лежавшая на кровати, одѣтая, привстала, заслышавъ стукъ, но не сразу отозвалась на него. Она собиралась съ мыслями, стараясь сообразить, какую ей теперь всего лучше принять на себя роль. Наконецъ, проговорила:

— Кто тамъ?

— Я.

Она поспѣшно встала съ кровати и подошла къ зеркалу, чтобы придать лицу подходящее выраженіе, прежде чѣмъ отпереть дверь. И однако, въ этотъ моментъ у нея было отчаяніе въ душѣ, глубокое отчаяніе.

Когда Гербертъ вошелъ, она жалобно проговорила:

— Сегодня было бы уже слишкомъ поздно, чтобы заходить къ матушкѣ, но я сейчасъ же уѣду, если вы этого желаете.

Онъ былъ захваченъ врасплохъ такимъ жалобнымъ воззваніемъ, и могъ только сказать:

— Конечно, сегодня уже поздно.

— Я была очень безразсудна, но... не то, что вы думаете... Я не оправдываюсь и не надѣюсь на прощеніе,—прибавила она поспѣшно,—но не могу вынести, чтобы вы считали меня хуже того, чѣмъ я на дѣлѣ.

— Я пришелъ сказать, что мы должны разстаться,—коротко отвѣтилъ онъ.

— Да; я знаю это; у меня нѣтъ никакой надежды. Но я хотѣла только въ послѣдній разъ васъ увидѣть... я надѣялась увѣрить васъ, что я виновна только въ безразсудной глупости. Вы вѣрите мнѣ?—прибавила она умоляющимъ тономъ.

— Для васъ рѣшительно все равно, что̀ я думаю. Не дальше какъ часъ тому назадъ вы объявили, что не вернетесь больше въ мой домъ.

— Я обезумѣла въ ту минуту. Ваши слова меня свели съ ума; они были такъ несправедливы и такъ жестоки! Но вы не думаете такъ, не правда ли? Скажите это прежде, чѣмъ мы разстанемся.

Для нея было рѣшительнымъ облегченіемъ и утѣшеніемъ среди безвыходнаго горя, причиненнаго ей Годфри Кросли, разыгрывать передъ Гербертомъ роль угнетенной невинности! По правдѣ сказать, она была по природѣ такая актриса, что, разъ начавши играть, постепенно увлекалась ролью и забывала обо всемъ остальномъ. Гербертъ былъ совсѣмъ сбитъ съ толку ея мастерской игрой, которая вдобавокъ подкрѣплялась тѣмъ, что она вернулась домой. Ему и въ голову не приходило, что Кросли отвергъ ее; а если она добровольно вернулась домой, то вѣроятно по той причинѣ, какую выставляла.

Но если ей удалось поколебать его увѣренность въ ея измѣнѣ, то она не могла разубѣдить его въ томъ, что Годфри Кросли нравился ей еще до замужства, и что, слѣдовательно, она вышла за Герберта по низкому разсчету, а не по любви. Поэтому весь талантъ Клары, какъ актрисы, не могъ ослабить его намѣренія немедленно разойтись съ ней.

Впрочемъ игра Клары вовсе не къ тому была направлена, чтобы измѣнить это рѣшеніе, такъ какъ она сама желала разойтись съ мужемъ, лишь бы это совершилось безъ скандала и выгоднымъ для нея, въ финансовомъ отношеніи, образомъ. Еслибы только она могла обезпечить за собой свободу и щедрое содержаніе отъ мужа, не подвергаясь общественному остракизму, она бы радовалась отъ всей души, что отдѣлалась отъ Герберта, его матери и непроходимой скуки, царившей въ замкѣ. Кромѣ того, какъ мы увидимъ, она еще не потеряла надежды вернуть къ своимъ ногамъ Кросли, если ей можно будетъ жить безъ всякихъ стѣсненій и дѣйствовать такъ, какъ ей хочется и вздумается.

Всѣ эти мысли и соображенія, находившія себѣ мѣсто въ ея умѣ, несмотря на крайнее огорченіе и досаду, доказывали только, что она любила Годфри Кросли только одной животной, чувственной любовью.

Гербертъ отвѣчалъ на ея послѣднее жалобное воззваніе только словами:

— Намъ лучше разойтись. Мы это уладимъ поутру. Покойной ночи.

И вышелъ изъ комнаты.

Она просидѣла далеко за полночь, соображая, обдумывая, и въ результатѣ этихъ соображеній написала три письма: Джоржу Керью, миссъ Проссеръ и Годфри Кросли.

Джоржу она писала:

„Любезный м-ръ Керью, вы были нынѣшней ночью такъ добры со мною, какъ только можетъ мужчина быть добръ къ

женщинѣ, и я пишу не съ цѣлью поблагодарить васъ, потому что у меня не хватитъ словъ для выраженія моей благодарности; не затѣмъ также, чтобы просить васъ о молчаніи, такъ какъ вы джентльменъ, но лишь затѣмъ, чтобы умолять васъ забыть о томъ, что̀ вы видѣли, слышали и сдѣлали для меня нынѣшней ночью. Ваша — Клара Веріенъ".

Единственная цѣль, съ какой она написала это письмо, — стоитъ ли это говорить? — была заставить Джоржа Керью молчать о томъ, что Кросли отрекся отъ нея.

Миссъ Проссеръ она написала анонимное пиcьмо, въ совершенствѣ подражая слогу и орѳографіи прогнанной съ мѣста и обозленной служанки.

„Миссъ Проссеръ, сударыня,

„Я пишу ети слава штобы вы знали какъ тотъ самый за кого вы замужъ сабираетесь амурится съ м-съ Гербертъ Веріенъ а я ей болше не слуга и слава Богу. А пишу ето потому што мне жалко когда абманываютъ такую дастойную барышню а писмо ето я нашла на полу съ поштеніемъ адна дабражелательница ваша".

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Клара вложила въ конвертъ записку отъ Годфри Кросли къ ней самой, въ которой онъ умолялъ ее свидѣться съ нимъ въ Манчестерѣ, и отзывался съ величайшимъ пренебреженіемъ о Дженни Проссеръ, очевидно въ отвѣтъ на вопросъ о его помолвкѣ самой Клары.

— Послѣ этого она ни за что не выйдетъ за него замужъ, ни за что! — говорила самой себѣ Клара съ злобнымъ торжествомъ.

Годфри Кросли она написала всего одну строчку и приложила всѣ письма, которыя онъ ей писалъ:

„Посылаю ваши письма и прошу прислать мои по адресу моей матери".

Тѣмъ временемъ Гербертъ, не находя себѣ покоя, вышелъ украдкой изъ замка и пошелъ опять къ викарію, чтобы спросить его совѣта насчетъ непредвидѣннаго обстоятельства, а именно, возвращенія Клары домой.

Дойдя до викаріата, онъ съ удивленіемъ и тревогой узналъ, что Ральфъ Крозье ушелъ къ своему шурину. Такъ какъ Китти запретила служанкѣ говорить о своемъ приходѣ м-ру Веріену, то потому эта послѣдняя не могла объяснить, что викарій просто-на̀-просто пошелъ проводить домой Китти и ея отца. Гербертъ же вообразилъ, что тотъ пошелъ потолковать съ своимъ шуриномъ объ его дѣлахъ.

Такая нескромность казалась просто невѣроятною; но Гербертъ, всецѣло поглощенный своимъ несчастіемъ, естественно считалъ его единственнымъ мотивомъ визита викарія къ Джоржу Керью въ такой поздній часъ.

Поэтому онъ въ тревогѣ и волненіи поспѣшилъ туда же.

Подходя къ дому Джоржа Керью, онъ увидѣлъ смутно, въ потемкахъ, человѣка, котораго принялъ за викарія, поднимавшагося по ступенькамъ, ведущимъ къ дверямъ. Онъ бросился впередъ, чтобы остановить его, крича:

— Стойте! Я бѣжалъ за вами...

Въ этотъ моментъ дверь отворилась, и свѣтъ изъ сѣней показалъ Герберту Годфри Кросли, а послѣдній тоже увидѣлъ, кто гнался за нимъ. Ожидая отъ Герберта новаго нападенія, онъ толкнулъ его изо всей мочи, и тотъ полетѣлъ съ лѣстницы внизъ головой. Голова его ударилась съ страшной силой объ острый край послѣдней ступеньки, и онъ остался недвижимъ. Кросли, видя, что онъ не шевелится, спустился съ лѣстницы съ небрежной рѣшимостью. Гербертъ лежалъ безъ чувствъ, съ окровавленной головой. Кросли крикнулъ испуганной Бидди:

— Скажите м-ру Керью, что м-ръ Веріенъ поскользнулся и упалъ.

Въ ту же минуту Джоржъ и викарій выбѣжали изъ дому, и съ помощью Кросли внесли Герберта и положили на диванъ въ столовой.

— Нужно послать за докторомъ, мнѣ кажется, — сказалъ Кросли самымъ натуральнымъ тономъ.—Вы знаете его адресъ?

И когда ему сообщили адресъ, прибавилъ съ тою же непринужденностью:

— Я пойду и пришлю его.

Выходя изъ комнаты, онъ прибавилъ:

— Я толкнулъ его, чтобы не быть имъ вторично сваленнымъ съ ногъ. Покойной ночи.

И ушелъ.

Одно слово,—чтобы объяснить возвращеніе Кросли со станціи и визитъ къ Джоржу Керью. Когда онъ пришелъ на станцію и увидѣлъ, что ему придется ждать около часа поѣзда, то, раздумавшись о случившемся, нашелъ лучшимъ пойти и объяснить Джоржу Керью, что онъ не такой негодяй, какимъ могъ показаться ему, свидѣтелю сцены, происходившей между нимъ и Кларой, а кстати попросить его сохранить дѣло въ тайнѣ, такъ какъ оно можетъ повредить ему въ глазахъ свѣта вообще, а

Дженни Проссеръ въ особенности. Отсюда—его визитъ къ Джоржу Керью.

— Какой ужасъ!—сказалъ викарій, наклоняясь, чтобы осмотрѣть Герберта.

Ему не мало приходилось видѣть всякаго рода больныхъ, и онъ почти пріобрѣлъ докторскую опытность.

— Онъ опасно ушибленъ?

— Боюсь, что это такъ. Какимъ образомъ они сошлись вмѣстѣ?

— Не могу себѣ представить. Развѣ только Кросли раскаялся въ томъ, что отвергъ Клару, и хотѣлъ снова увидѣться съ нею, а Гербертъ его выслѣдилъ.

— Но къ чему Кросли приходилъ сюда?

— Быть можетъ хотѣлъ послать ей сказать что-нибудь черезъ меня, когда убѣдился, что не можетъ съ нею свидѣться.

— Какой ужасъ!—повторилъ викарій. — Боюсь, намъ придется сегодня же дать знать матери.

— Подождемъ, чтó скажетъ докторъ. Я думаю, этотъ человѣкъ пришлетъ его дѣйствительно. А не лучше ли мнѣ самому пойти за нимъ?

И онъ ушелъ, оставивъ викарія съ Гербертомъ, который продолжалъ лежать недвижимъ какъ пластъ.

Тѣмъ временемъ Бидди не могла удержаться, чтобы не сообщить Китти, что лѣшій оправдалъ себя, такъ какъ м-ръ Гербертъ лежитъ мертвый или умирающій въ столовой. Бидди смерть Герберта интересовала только какъ подтвержденіе ея вѣры въ лѣшаго и его предостереженій, но для Китти извѣстіе было сокрушительное. Она поспѣшно одѣвалась дрожащими руками, пока Бидди чуть не хвасталась тѣмъ, что не только узнала крикъ лѣшаго, но и поняла его значеніе. Единственная вещь, какую приходилось теперь узнать, это—нѣтъ ли въ жилахъ Герберта капли настоящей, старинной ирландской крови.

— Есть, непремѣнно есть, миссъ Китти, ручаюсь вамъ! иначе онъ бы имъ не интересовался вовсе.

Китти была слишкомъ поражена, чтобы слушать или обращать вниманіе на эту болтовню; она машинально торопилась одѣваться, вышла изъ комнаты, ни слова не отвѣтивъ Бидди, и поспѣшила сойти въ столовую. Она осторожно постучалась въ дверь и вошла, когда дядя крикнулъ:

— Войдите!

— Это ты, Китти? Я думалъ, ты уже спишь. Не входи милая! Случилось...

— Неужели онъ... неужели онъ?..

Китти не договорила, окованная ужасомъ при видѣ блѣднаго лица Герберта, запачканнаго кровью.

— Нѣтъ, милая. онъ только безъ чувствъ; онъ упалъ съ лѣстницы и расшибся. Онъ скоро придетъ въ себя и, дастъ Богъ, поправится.

— А докторъ?

— Отецъ пошелъ за нимъ и сейчасъ вернется. Иди спать, милая,—на тебѣ лица нѣтъ.

Китти повернулась, ни слова не говоря, и вышла вонъ изъ комнаты; но когда отецъ съ докторомъ вошли нѣсколькими минутами позже въ сѣни, то нашли ее лежащей тамъ въ глубокомъ обморокѣ. Такъ какъ то былъ первый обморокъ въ ея жизни,—отецъ ужасно испугался.

— Боже мой!—въ ужасѣ вскричалъ онъ.

— Это пустяки!.. простой обморокъ,—сказалъ докторъ успокоительнымъ тономъ.

И, приподнявъ голову и плечи Китти, подставилъ ей къ носу пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Опрыскиваніе лица холодной водой скоро привело ее въ чувство.

— Теперь стаканъ воды съ виномъ и маршъ въ постель!—вотъ все, что̀ пока вамъ требуется, миссъ Керью, не правда ли?—спросилъ докторъ, досадуя, что его отвлекаютъ отъ болѣе серьезно страждущаго паціента.

Когда Китти сконфуженно и торопливо увѣрила его, что ей совсѣмъ хорошо, онъ оставилъ ее съ отцомъ и поспѣшилъ съ викаріемъ къ Герберту.

Тщательно осмотрѣвъ его, онъ сжалъ губы, нахмурилъ лобъ и покачалъ головой.

— Мнѣ это не нравится,—сказалъ онъ,—очень не нравится.

— Вы находите, что его жизнь въ опасности?—спросилъ викарій.

— Не могу пока ничего сказать, но это очень серьезный случай сотрясенія мозга. Я бы на вашемъ мѣстѣ телеграфировалъ Ольдриджу. Рано поутру, разумѣется; я же останусь съ нимъ всю ночь.

— Его нельзя перевезти отсюда, полагаю?

— Перевезти? не только нельзя теперь, но и въ продолженіе нѣсколькихъ еще недѣль, даже въ томъ случаѣ, еслибы все пошло благополучно. Поэтому лучше сейчасъ же перенести его въ такую комнату, гдѣ ему будетъ покойнѣе, чѣмъ здѣсь.

Вслѣдствіе этого, съ помощью викарія, доктора Джоржа Керью и Бидди, Герберта перенесли очень осторожно наверхъ,

въ комнату, выходившую окнами во дворъ, такъ что шумъ съ улицы не могъ доноситься туда. Тутъ его раздѣли и положили въ постель, причемъ онъ все время былъ какъ истуканъ въ ихъ рукахъ.

Послѣ того викарій отправился въ замокъ сообщить Кларѣ (если только она не легла спать) о случившемся и предупредить ее, чтобы она до завтра ничего не говорила м-съ Веріенъ.

Клара только-что окончила послѣднее изъ своихъ художественныхъ писемъ, когда ей пришли доложить о приходѣ викарія.

— М-ръ Крозье!

— Да, и по очень важному дѣлу.

Неужели Гербертъ, въ своемъ нетерпѣніи, пошелъ за совѣтомъ къ викарію и прислалъ его уладить условія, на какихъ онъ хочетъ разойтись съ женой уже сегодня ночью? Это было невѣроятно, но какое же, однако, другое дѣло могло привести его въ замокъ?

Она поспѣшила внизъ въ лихорадочномъ нетерпѣніи, которое только усилилось при видѣ серьезнаго лица викарія.

— Вашъ мужъ очень серьезно расшибся,—объявилъ онъ ей безъ предисловій, такъ какъ не боялся испугать ее этимъ извѣстіемъ.

— Расшибся? Какимъ образомъ? гдѣ? онъ всего часъ тому назадъ былъ здѣсь!—вскричала она съ удивленіемъ.

— Онъ, кажется, выслѣдилъ м-ра Кросли въ то время, какъ тотъ шелъ отсюда къ моему шурину. Тамъ между ними завязалась борьба, и вашего мужа столкнули съ лѣстницы. У него сотрясеніе мозга, и онъ такъ съ тѣхъ поръ и не приходилъ въ себя.

Первая мысль Клары была о Годфри Кросли. Ясно, что онъ раскаялся въ своемъ отреченіи отъ нея и вернулся въ замокъ, въ надеждѣ ее увидѣть. Это была отличная новость, да и другая тоже недурна.

— Вы послали за докторомъ?

— Д-ръ Фернсайдъ видѣлъ его и совѣтуетъ рано поутру послать телеграмму къ д-ру Ольдриджу съ приглашеніемъ немедленно пріѣхать. Онъ находитъ случай очень серьезнымъ.

— Вы хотите сказать, что существуетъ опасность?

— Да, но я думаю—сегодня вечеромъ лучше ничего не говорить м-съ Веріенъ. Завтра, можетъ быть, вѣсти будутъ получше, и во всякомъ случаѣ не хуже.

Ничто не могло яснѣе показать, какого мнѣнія викарій о чувствахъ Клары къ своему мужу, какъ этотъ совѣтъ поберечь

до завтра м-съ Веріенъ и не тревожить ее извѣстіемъ, которое онъ не счелъ тревожнымъ для самой Клары и сообщилъ безъ всякихъ церемоній. Впрочемъ и манеры его съ нею были сухи и рѣзки, и явно враждебны.

Его недовѣріе и антипатія къ этой безсердечной и безсовѣстной интриганкѣ перешли въ самую глубокую ненависть и отвращеніе, которыя онъ, по своему обыкновенію, не давалъ себѣ труда скрывать.

Клара тоже ненавидѣла его, но боялась, а потому не показала и вида, что замѣчаетъ его пренебрежительное отношеніе.

Но во всякомъ случаѣ новость, сообщенная имъ, была важная, хотя и не могла опечалить ее.

Клара отличалась быстротой соображенія, и пока викарій говорилъ объ опасномъ положеніи Герберта, она успѣла многое обдумать. Неужели онъ умретъ? Она станетъ богата и свободна и будетъ тогда непобѣдимой соперницей для Дженни Проссеръ. Годфри Кросли, вѣроятно... Но если Гербертъ умретъ, то будетъ, конечно, наряжено слѣдствіе, и если причина его ссоры съ Годфри Кросли обнаружится, и ея отношенія съ нимъ будутъ тоже раскрыты...

Какъ! ни слѣда сожалѣнія или горести въ сердцѣ дѣвушки, всего лишь нѣсколько мясяцевъ тому назадъ вышедшей замужъ, къ мужу, жизнь котораго находится въ опасности? Это невѣроятно.

Но въ такомъ случаѣ такъ же невѣроятно, чтобы молодая дѣвушка, лишенная совѣсти и съ дурнымъ сердцемъ, чувствовала преступную и непобѣдимую страсть къ человѣку, который опять, повидимому, возвратился къ ней послѣ того, какъ она перенесла всю муку его измѣны. А между тѣмъ Клара была вполнѣ порабощена демонической страстью къ Годфри Кросли, но это не мѣшало ей хладнокровно и предусмотрительно сообразить, что если смерть Герберта повлечетъ за собою судебное слѣдствіе, то оно можетъ окончательно разлучить ее съ любовникомъ.

Въ то время, какъ эти мысли проносились у нея въ мозгу, она разспрашивала викарія съ видомъ тревожнаго участія:

— Гдѣ онъ? въ домѣ Керью?

— Да, его нельзя перевезти оттуда въ настоящее время и даже довольно долго.

— Я пойду къ нему!—закричала она, движимая ревностью при мысли, что онъ подъ одной кровлей съ Китти.

— Онъ безъ чувствъ и, по всей вѣроятности, пробудетъ въ такомъ состояніи до завтра, и м-ръ Ферисайдъ просидитъ съ

нимъ всю ночь. Я думаю, вамъ лучше оставаться пока съ м-съ Веріенъ.

— Когда вы ожидаете д-ра Ольдриджа?

— Завтра между девятью и десятью часами.

— Я приду въ девять часовъ.

— Хорошо, я имъ такъ и скажу.

И вставая съ тѣмъ, чтобы удалиться, прибавилъ съ колебаніемъ:

— Не хотите ли поручить мнѣ увѣдомить м-съ Веріенъ...

— Благодарю васъ! я не рѣшусь сложить на васъ такую тяжелую обязанность,—перебила она почти съ дерзкой надменностью, такъ какъ понимала, что онъ не довѣряетъ, что она достаточно бережно сообщитъ извѣстіе старушкѣ.

Зная, что она поняла его мысль, онъ не удивился и не обидѣлся за ея рѣзкость.

Когда викарій ушелъ, Клара позвала горничную помочь ей раздѣться и сообщила ей съ приличной данному случаю горестной миной о несчастіи, случившемся съ м-ромъ Веріеномъ, какъ онъ поскользнулся на лѣстницѣ дома м-ра Керью, упалъ и получилъ сотрясеніе мозга.

Отославъ горничную, которая выразила такое же притворное соболѣзнованіе, какъ притворна была горесть ея барыни, Клара перечитала написанныя ею письма и рѣшила уничтожить только одно изъ нихъ: письмо къ Джоржу Керью; другія же два—къ Дженни Проссеръ и Годфри Кросли—отправить по назначенію. Послѣ того она легла въ постель и стала обсуждать, какъ бы скорѣе и удобнѣе распространить въ публикѣ версію о несчастномъ случаѣ съ Гербертомъ, какую она сообщила горничной. Потомъ задумалась о Годфри; припоминая лицо и слова викарія, она все сильнѣе убѣждалась, что ей предстоитъ скорая свобода. А въ такомъ случаѣ, думала она, Кросли, конечно, скорѣе женится на ней. чѣмъ на Дженни Проссеръ. Въ этихъ пріятныхъ мысляхъ ее засталъ сонъ.

На слѣдующее утро, позавтракавъ очень рано, она пошла къ Керью, и не подумавъ исполнить свое обѣщаніе—предупредить м-съ Веріенъ.

Она рѣшила идти черезъ деревню, чтобы отдать письма на почту, и вмѣстѣ съ тѣмъ пустить слухъ о несчастіи съ мужемъ въ такомъ духѣ, какъ ей это было нужно.

Она очень искусно выполнила свою задачу, удививъ деревенскихъ кумушекъ своей снисходительной словоохотливостью, къ которой ихъ вовсе не пріучила.

— Она совсѣмъ голову потеряла отъ горя,—таковъ былъ всеобщій вердиктъ для объясненія необычной общительности Клары.

Когда она пришла къ Керью, ей отворила дверь Бидди, и на ея вопросъ: „какъ чувствуетъ себя м-ръ Веріенъ?“—покачала головой, такъ какъ въ ея глазахъ Гербертъ былъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ, и проворчала угрюмо:

— Онъ еще живъ.

XXXV.

Непритворное волненіе овладѣло Кларой, когда ее ввели въ тихую и темную комнату, и она увидѣла мужа, лежавшаго все еще безъ чувствъ, какъ мертвецъ. Непривычная къ такого рода зрѣлищу, она почувствовала все сожалѣніе, на какое была способна, хотя не настолько сильное, чтобы оно могло довести ее до раскаянія въ ея поступкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы д-ръ Фернсайдъ увѣрилъ ее, что Гербертъ находится внѣ опасности, она бы болѣе обрадовалась, чѣмъ теперь, когда онъ печально покачалъ головой.

Ее главнымъ образомъ тревожилъ—при мысли о возможной смерти мужа—страхъ слѣдствія и скандальныхъ разоблаченій, къ какимъ оно должно было неизбѣжно повести. Поэтому она тотчасъ же принялась вывѣдывать у доктора, что̀ именно ему извѣстно въ этомъ дѣлѣ.

— Я не поняла хорошенько того, что̀ мнѣ говорилъ м-ръ Крозье... Я была такъ разстроена... гдѣ это съ нимъ произошло?—сказала она доктору.

— У самыхъ дверей... на лѣстницѣ; онъ ударился затылкомъ объ острый край послѣдней ступеньки, какъ я самъ въ этомъ удостовѣрился сегодня утромъ.

— Да, припоминаю теперь... викарій говорилъ о томъ, что онъ поскользнулся и упалъ навзничь,—сказала она, пытливо глядя въ лицо доктору.

— Но это не объясняетъ вотъ этого,—отвѣчалъ докторъ дѣловымъ, профессіональнымъ тономъ, указывая на синякъ на лбу Герберта.—Это похоже на ударъ. Я обратилъ вниманіе м-ра Керью на этотъ синякъ, но тотъ не могъ объяснить, какимъ образомъ онъ произошелъ.

— Ударъ!—воскликнула Клара тономъ тревожнаго удивленія.

— Похоже на то! Я хочу только сказать, что по виду можно

это заключить,—поспѣшилъ прибавить докторъ, испуганный тревогой, какую произвели его слова.—Но нѣтъ никакой причины подозрѣвать недоброе, м-съ Веріенъ, увѣряю васъ.

— Едва-ли у дверей м-ра Керью...

— Именно; это не такое мѣсто, которое выбралъ бы воръ или бродяга для нападенія.

— Мнѣ было бы крайне непріятно за мужа и за сосѣдей, еслибы распространился такого рода слухъ,—съ неудовольствіемъ вскричала Клара.

— Надѣюсь, вы не считаете меня сплетникомъ, — обидчиво замѣтилъ докторъ.

— Разумѣется, нѣтъ,—рѣшительно заявила Клара:—это было бы на васъ не похоже, докторъ. Я только хочу сказать, что если вы только упомянете кому-нибудь объ этомъ, то сейчасъ же всѣ заговорятъ...

— Мнѣ и въ голову не можетъ придти толковать объ этомъ, увѣряю васъ, м-съ Веріенъ. Въ сущности, при существующихъ обстоятельствахъ, это дѣло невозможное... У дверей м-ра Керью, подумайте сами! Этотъ синякъ произошелъ, вѣроятно, отъ другого паденія. Не былъ ли м-ръ Веріенъ подверженъ припадкамъ... другими словами: не страдалъ ли онъ эпилепсіей?

На это предположеніе, могущее оказаться полезнымъ, Клара дала уклончивый отвѣтъ, какъ жена, которая желала бы сохранить въ тайнѣ болѣзнь мужа.

— Не знаю; я не видѣла, чтобы съ нимъ бывали припадки, хотя въ послѣднее время онъ былъ не совсѣмъ здоровъ,—отвѣтила она; но по ея тону докторъ могъ заключить, что его догадка вѣрна.

Послѣ того Клара пошла къ Джоржу Керью и съ жаромъ благодарила его за великую услугу, оказанную ей прошлой ночью... Насколько она велика—Клара поняла только, когда услышала про это ужасное несчастіе.

— Я бы никогда не простила себѣ, еслибы это случилось въ мое отсутствіе изъ дому, никогда!—слезливо воскликнула она.

Это уже выходило изъ границъ; со всѣмъ тѣмъ, у Джоржа Керью не хватало духа намекнуть ей, что еслибы она находилась въ отсутствіи, то-есть, другими словами, еслибы она убѣжала съ Кросли, то этого бы вовсе не случилось.

— Чтò говоритъ докторъ? — спросилъ онъ съ смущеніемъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Онъ, кажется, считаетъ положеніе очень опаснымъ. Какъ вы думаете,—онъ знающъ?

— Кажется, не невѣжда.

— Но я боюсь, что онъ сплетникъ; онъ забралъ себѣ въ голову нелѣпую мысль, будто на моего бѣднаго мужа напали разбойники или грабители,—сказала она, пытливо глядя въ лицо м-ра Керью.—Онъ ничего вамъ объ этомъ не говорилъ?

— Онъ говорилъ что-то про синякъ, какъ будто отъ удара, на лбу м-ра Веріена.

— Ну, вотъ я такъ и знала. Онъ навѣрное всѣмъ будетъ говорить объ этомъ, и пойдутъ разные слухи. Мнѣ такъ бы хотѣлось, м-ръ Керью, чтобы вы постарались выбить у него эту мысль изъ головы.

Она умоляла его съ мучительной тревогой въ голосѣ.

— Я сдѣлаю, что̀ могу, — пробормоталъ этотъ слабохарактерный человѣкъ.

— О, благодарю васъ! — съ жаромъ вскричала она, беря его за руку и изо всѣхъ силъ сжимая ее, какъ бы въ порывѣ благодарности.

Вслѣдствіе этого, когда д-ръ Ольдриджъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ Герберта и сразу обратилъ вниманіе на синякъ на лбу и на страшную рану на затылкѣ, объясняя то и другое только тѣмъ, что Герберту нанесенъ былъ сильный ударъ по головѣ, который свалилъ его съ ногъ, Джоржъ сказалъ:

— Мы не слышали никакой борьбы, и трудно себѣ представить, чтобы кто-нибудь напалъ на него у самыхъ дверей моего дома.

Д-ръ Ольдриджъ выставилъ нижнюю губу и покачалъ головой, замѣтивъ д-ру Фернсайду:

— Странно, не правда-ли?

На что мѣстный докторъ тоже выставилъ нижнюю губу и тоже покачалъ головой, отвѣчая:

— Очень; я сдѣлалъ то же самое замѣчаніе м-ру Керью и м-съ Веріенъ сегодня поутру.

— Да! Ну, мы, вѣроятно, узнаемъ правду отъ самого паціента, когда онъ придетъ въ себя.

Объявивъ, что положеніе весьма серьезное, и предписавъ полную тишину и необходимость устранить всякое волненіе, даже свѣтъ и тѣмъ болѣе шумъ, д-ръ Ольдриджъ оставилъ больного, обѣщаясь вернуться вечеромъ.

Но прежде чѣмъ оставить домъ, онъ имѣлъ свиданіе съ Кларою и повторилъ ей свое мнѣніе и предписанія, мягко, но настойчиво заявивъ, что выздоровленіе ея мужа зависитъ почти исключительно отъ правильнаго ухода и отъ безусловнаго устра-

ненія изъ комнаты больного всего, могущаго сколько-нибудь волновать, раздражать или безпокоить его.

На это Клара геройски отвѣчала:

— Я сама буду ходить за нимъ!

И хотя д-ръ Ольдриджъ позволилъ себѣ замѣтить, что опытная сидѣлка была бы полезнѣе, но преданная жена настаивала на своемъ намѣреніи. Однако она ничего пока не сказала объ этомъ Джоржу Керью и только попросила у него позволенія оставаться у него въ домѣ и быть при мужѣ, пока онъ не придетъ въ себя. Джоржъ не рѣшился отказать ей въ этомъ, не смотря на возраженія викарія, сдѣланныя въ присутствіи самой Клары.

— Видъ вашъ его непремѣнно взволнуетъ и, можетъ быть, ухудшитъ его положеніе. Вамъ бы не слѣдовало ему показываться, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, — неумолимо заявилъ онъ.

— Но я просила доктора, и онъ мнѣ позволилъ,—говорила Клара съ необыкновеннымъ смиреніемъ.

— Докторъ! что знаетъ объ этомъ докторъ!—вскричалъ викарій.—Я долженъ настоять на томъ, чтобы вы держались вдали, пока опасность не минуетъ.

— Настоять! — закричала Клара, теряя самообладаніе. — Прошу васъ объяснить ваши резоны.

— Я объясню ихъ доктору и, быть можетъ, другимъ, кромѣ доктора.

Намекъ на слѣдствіе, котораго викарій ни за что бы не позволилъ себѣ, еслибы не зналъ характера Клары, немедленно подѣйствовалъ, хотя Клара бѣшено отвѣчала:

— Вы можете сколько угодно вредить мнѣ, но я, конечно, не стану спрашивать вашего позволенія, чтобы ухаживать за мужемъ! — Однако она поняла, что побѣда не на ея сторонѣ, въ чемъ и созналась вскорѣ затѣмъ Джоржу.

— Я не могу и думать поселиться у васъ въ домѣ, м-ръ Керью; но если вы пригласите сидѣлку до тѣхъ поръ, пока моего мужа можно будетъ перевезти,—я вамъ буду вѣчно благодарна.

Джоржъ, по слабохарактерности, пробормоталъ, что надѣется на то, что она будетъ считать его домъ своимъ, пока м-ръ Веріенъ боленъ, и за эту гостепріимную рѣчь получилъ нахлобучку отъ викарія.

— Слушай, Джоржъ: если ты оставишь эту женщину одну съ мужемъ, то она употребитъ всѣ усилія, чтобы извести его волненіемъ. Желаніе родитъ мысль, а мысль родитъ поступки,

а она отъ всего сердца желаетъ, чтобы онъ умеръ. Я прочиталъ это въ ея глазахъ въ прошлую ночь весьма ясно.

— Но что же я могу сдѣлать? — безпомощно спросилъ Джоржъ.

— Наблюдай, чтобы сидѣлка не отходила отъ него, пока жена въ комнатѣ. Я полагаю, они послали за сидѣлкой?

— Не знаю, право.

Но викарія успокоилъ на этотъ счетъ д-ръ Фернсайдъ, сообщившій ему, что Клара обѣщала тотчасъ же послать за опытной сидѣлкой.

Тѣмъ не менѣе, какъ викарій предсказалъ, такъ и случилось. Клара, вернувшись тремя часами позднѣе, нашла доктора все еще на его посту, который онъ, естественно, нетерпѣливо желалъ покинуть, такъ какъ ему необходимо нужно было отдохнуть и, кромѣ того, навѣстить другихъ, тоже серьезныхъ больныхъ.

— Развѣ сидѣлка еще не пріѣхала?—спросила Клара, искренно удивленная, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, ожидала встрѣтить сидѣлку, которую вызвала по телеграфу.

— Нѣтъ, и боюсь, что мнѣ невозможно долѣе оставаться, м-съ Веріенъ; я необходимо долженъ навѣстить другихъ своихъ паціентовъ; есть двое или трое, которыхъ я рѣшительно не могу оставить на произволъ судьбы.

— Вы сочтете меня, можетъ быть, безразсудной, но я рѣшительно ожидала найти здѣсь сидѣлку, которой послала телеграмму. Во всякомъ случаѣ, я сама могу смѣнить васъ теперь, если вы будете такъ добры дать мнѣ ваши инструкціи.

Давъ требуемыя инструкціи, докторъ поспѣшно ушелъ, оставивъ Клару одну съ больнымъ.

Полчаса спустя, Гербертъ пришелъ въ себя. Онъ глубоко вздохнулъ, пошевелился и опять затихъ. Клара встала и наклонилась надъ нимъ, а онъ долго глядѣлъ на нее, повидимому, не узнавая. Затѣмъ вдругъ лицо его выразило удивленіе.

— Кто это?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Я, Клара.

Она увидѣла, что онъ узналъ ее, потому что на лицѣ у него выразилось глубокое отвращеніе. Онъ мало-по-малу вспомнилъ все происшедшее прошлой ночью, вплоть до встрѣчи его на лѣстницѣ съ Годфри Кросли. Но теперь отвращеніе гораздо явственнѣе выразилось на его лицѣ, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда онъ открылъ невѣрность Клары. По всей вѣроятности, физическая прострація, дѣлая его нечувствительнымъ къ обаянію красоты Клары (которая прошлою ночью такъ помогала ей растро-

гать его своими жалобными просьбами), позволила ему вполнѣ оцѣнить поступки этой женщины.

Какъ бы то ни было, а теперь Клара предстала ему совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Даже выраженіе, съ какимъ она наклонилась надъ нимъ, показалось ему холоднымъ, злымъ и какъ бы жаждущимъ его смерти.

— Матушка!—сказалъ онъ.

— Ее здѣсь нѣтъ; вы въ домѣ м-ра Керью.

Онъ помолчалъ немного, какъ бы соображая.

— Пошлите за ней,—сказалъ онъ.

— Она была здѣсь съ часъ тому назадъ и, по всей вѣроятности, вернется сегодня вечеромъ, — отвѣчала Клара злымъ голосомъ, который болѣзненно подѣйствовалъ на его раздраженный мозгъ.

— Пошлите за ней, — повторилъ онъ, приподнимая голову съ подушки, но тотчасъ со стономъ опуская ее.

— Я не могу оставить васъ, пока сидѣлка, которую я вызвала по телеграфу, не прибудетъ,—отвѣчала Клара рѣшительно.

Онъ лежалъ тихо нѣкоторое время, испытывая безсильную ярость, которая, также какъ и мучительная боль въ головѣ, проистекала отъ его воспаленнаго мозга.

— Въ комнатѣ есть колокольчикъ?—спросилъ онъ нѣсколько секундъ спустя.

— Да; въ комнатѣ есть колокольчикъ.

— Будьте такъ добры, позвоните.

— Вы забываете, что вы не у себя дома.

Тутъ Гербертъ сдѣлалъ усиліе, чтобы встать. Но опять опустился на подушки, чуть не лишившись чувствъ отъ боли.

XXXVI.

Еслибы Клара рѣшила сознательно уморить Герберта, то не могла бы искуснѣе и вѣрнѣе идти къ цѣли. Но она не имѣла такого сознательнаго намѣренія, хотя и понимала, что̀ дѣлаетъ. Она была взбѣшена на Герберта за то, что онъ съ отвращеніемъ взглянулъ на нее, когда узналъ, и за его нетерпѣніе отдѣлаться отъ нея и замѣнить матерью. А потому ей пріятно было отомстить ему. Въ то же самое время въ ушахъ ея звучало предостереженіе викарія, что всякое волненіе можетъ оказаться смертельнымъ для Герберта. Ну, чтожъ, еслибы такъ и случилось, кто

виноватъ? Онъ самъ, конечно. Его собственные безразсудные капризы и ребяческая досада!

Когда онъ лежалъ въ изнеможеніи отъ боли и сдѣланнаго усилія, она объявила ему спокойнымъ, рѣзкимъ, безжалостнымъ голосомъ:

— Я освобожу васъ отъ моего ненавистнаго присутствія, когда явится сидѣлка. До тѣхъ поръ я обѣщала доктору ухаживать за вами.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но ея тонъ, манеры, самое присутствіе приводили его въ неописанное, безумно-мучительное раздраженіе, непонятное тому, кто не страдалъ сотрясеніемъ мозга. Клара въ слѣдующіе полчаса намѣренно или нечаянно дѣлала все то, чего бы, какъ сидѣлкѣ, ей дѣлать не слѣдовало. Она ходила по комнатѣ, нарочно топая, какъ показалось Герберту, ногами, прибирала съ ненужнымъ шумомъ разныя ненужныя вещи, и когда усѣлась, наконецъ, читать газету, то особенно громко шелестила бумагой, перевертывая страницы. Короче сказать, весь шумъ, который она производила около больного, за-одно съ злымъ намѣреніемъ, чуть не свели съ ума Герберта. Онъ готовъ былъ кричать и стонать, еслибы гордость не удерживала его, но молчаливая мука только пуще разстраивала его.

Велика поэтому была его радость, когда послышались, наконецъ, шаги и вошелъ викарій.

Онъ былъ пораженъ, увидя, что Клара одна съ больнымъ.

— Докторъ ушелъ?

Но прежде нежели Клара успѣла отвѣтить, Гербертъ позвалъ:

— М-ръ Кровье!

Викарій поспѣшилъ къ нему.

— Слава Богу!—радостно сказалъ онъ.

— Попросите м-съ Веріенъ выйти вонъ изъ комнаты,—пролепеталъ Гербертъ дрожащимъ голосомъ.

Клара бѣшено вспыхнула, когда викарій повернулся къ ней.

— Займите мое мѣсто, пока не пріѣдетъ сидѣлка,—сказала она и, не дожидаясь отвѣта, вышла.

— Она хочетъ убить меня,—хрипло прошепталъ Гербертъ, когда дверь за ней затворилась.—Не оставляйте ее больше со мной одну!—прибавилъ онъ, глядя на викарія широко раскрытыми и испуганными глазами.

— Конечно, нѣтъ, если вы этого не желаете. Тс! постарайтесь уснуть!—успокаивалъ его викарій.

— Она хочетъ убить меня!—повторилъ Гербертъ.

— Тише, тише! это вамъ такъ кажется... Постарайтесь уснуть, —и я обѣщаюсь, что не оставлю васъ. Успокойтесь.

Но Гербертъ не могъ успокоиться, пока не описалъ поведенія Клары, показавшагося ему убійственнымъ въ томъ состояніи слабости, въ какомъ онъ находился. Викарій старался успокоить подозрительность Герберта и объяснялъ все разстройствомъ нервовъ, однако далъ слово, что не допуститъ болѣе Кларѣ оставаться наединѣ съ больнымъ.

Но, давъ слово, викарій рѣшительно отказался отъ всякаго дальнѣйшаго разговора, такъ что Гербертъ вынужденъ былъ молчать, хотя и не успокоился. Онъ былъ, однако, такъ умственно разстроенъ, что доктора, когда сошлись вечеромъ у его постели, очень встревожились. Сидѣлка объяснила, что нашла его въ состояніи крайняго раздраженія, которое боялась усилить, показавъ, что замѣчаетъ его; она полагала, что присутствіе жены, когда онъ пришелъ въ чувство, такъ взволновало его.

Такое объясненіе его состоянія подтвердилъ и викарій, сказавъ, что больной былъ до того разстроенъ присутствіемъ жены, что просилъ не пускать ее въ его комнату; эту просьбу викарій предоставилъ докторамъ объяснять нѣжной заботливостью Герберта о женѣ. Объяснивъ, такимъ образомъ, впередъ отсутствіе Клары, онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать полезный намекъ въ этомъ смыслѣ и ей самой.

Онъ отправился въ Голлъ, выразилъ желаніе переговорить съ Кларой наединѣ, былъ введенъ въ столовую, гдѣ она сидѣла одна и объявилъ безъ всякихъ предисловій:

— Доктора сейчасъ только-что видѣли м-ра Веріена.

— Ну?—закричала Клара какъ будто съ живѣйшимъ участіемъ.

— Они нашли его въ состояніи крайняго возбужденія, которое сидѣлка могла объяснить только вашимъ присутствіемъ въ его комнатѣ, когда онъ пришелъ въ чувство.

— Сидѣлка?—повторила Клара, приподнимая брови.

— Да, я ей ничего не сказалъ, но сообщилъ докторамъ, что онъ самъ просилъ меня не пускать васъ къ нему въ комнату.

Клара встала въ бѣшенствѣ и позвонила.

— Я не позволю оскорблять себя въ своемъ домѣ. Слуга выведетъ васъ.

— Благодарю васъ; я и самъ уйду; я хотѣлъ только сказать...

Тутъ вошелъ слуга.

— Проводите м-ра Крозье,—сказала Клара надменно.

— Я хотѣлъ только сказать,—продолжалъ викарій, ни мало

не смущаясь,—что такъ какъ это все кончится весьма печально, то будетъ назначено...

— Уйдите!—поспѣшно приказала Клара слугѣ. Тотъ вышелъ.

— ...Будетъ назначено слѣдствіе,—продолжалъ викарій, какъ бы не замѣтивъ перерыва,—и мнѣ придется показывать, какъ о непосредственной причинѣ смерти вашего мужа—сегодняшнемъ волненіи, намѣренно причиненномъ вами, такъ и о вашей роли въ ссорѣ, въ которой онъ получилъ роковой ударъ. Я хочу одного—чтобы вы ясно поняли, что вамъ выгоднѣе, чѣмъ кому-нибудь, выздоровленіе мужа.

Послѣ того викарій вышелъ изъ комнаты и изъ дому въ полной увѣренности, что Клара не будетъ дѣлать новыхъ попытокъ задержать выздоровленіе Герберта или ускорить его смерть.

Клара—какъ встала, чтобы позвонить, такъ и осталась, въ состояніи неописанной ярости и страха, пока онъ не вышелъ вонъ,—и тогда упала въ кресло.

Ее душила ненависть къ Герберту, обвинившему ее передъ викаріемъ въ намѣреніи его убить, и къ викарію, повторившему это обвиненіе съ такой грубой прямотой. Но подъ этой ненавистью таился также и страхъ не только тѣхъ обличеній, какими ей пригрозилъ викарій, но и тѣми, какіе онъ уже могъ сдѣлать. Но сдѣлалъ ли онъ ихъ? Неужели онъ дѣйствительно объяснилъ докторамъ, что мужъ боится ея присутствія, и по какой причинѣ?

Эта послѣдняя мысль мало-по-малу овладѣла ею до такой степени, что она не могла долѣе выносить неизвѣстности. Сбѣжавъ внизъ, она одѣлась и отправилась къ доктору Фернсайду.

Докторъ былъ дома, но уже легъ спать, измученный предъидущей безсонной ночью. Однако его разбудили по просьбѣ Клары, и онъ вышелъ къ ней, полуодѣтый и заспанный, ожидая услышать, что Гербертъ умеръ или умираетъ; а потому велико было его удивленіе, когда оказалось, что не ему пришли сообщить вѣсти о его паціентѣ, а ждутъ ихъ отъ него.

— Я не могу успокоиться, пока не услышу вашего мнѣнія отъ васъ самихъ,—говорила Клара.

И когда докторъ далъ ей неопредѣленный отвѣтъ, Клара жалобно произнесла, поблагодаривъ его:

— Очень тяжело, что меня къ нему не пускаютъ.

— Конечно, конечно, но что же дѣлать? викарій сказалъ, что вашъ видъ его совсѣмъ разстроилъ вчера,—отвѣтилъ докторъ съ искренней, очевидно, симпатіей, такъ что Клара успокоилась.

XXXVII.

Клара узнала отъ д-ра Фернсайда, въ которомъ часу на слѣдующій день она можетъ застать д-ра Ольдриджа у постели больного. Она рѣшила на будущее время присутствовать на консиліумахъ, чтобы помѣшать паціенту дѣлать неудобныя для нея признанія, а въ случаѣ, еслибы ей это не удалось, затѣмъ тотчасъ же и самолично узнать, какъ къ ней относятся.

Поэтому на другой день она одновременно съ докторами явилась въ домъ Керью въ пять часовъ пополудни и ее вмѣстѣ съ ними ввели въ комнату больного. Д-ръ Ольдриджъ рѣшился-было осторожно и деликатно намекнуть Кларѣ, что она рискуетъ привести мужа въ такое же волненіе, какъ и вчера своимъ присутствіемъ. Но Клара обѣщала не показываться на глаза Герберту. Войдя въ комнату, гдѣ царствовалъ полумракъ, она стала за кроватью, на которой висѣлъ пологъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Гербертъ не могъ ее увидѣть и гдѣ вообще она не привлекала ничьего вниманія.

Доктора, тщательно осмотрѣвъ Герберта, отошли отъ кровати и стали шопотомъ совѣщаться, подозвавъ къ себѣ и сидѣлку.

Докладъ ея показался имъ крайне тревожнымъ: паціентъ безпокоился и не спалъ все время. Она потомъ высказала, что по ея мнѣнію у него есть что-то тревожное на умѣ; доктора же опасались воспаленія мозга. Во всякомъ случаѣ покой, умственный и тѣлесный, былъ первой и послѣдней вещью, въ какой онъ нуждался. Поэтому они прописали дозу хлорала и велѣли давать ее больному къ вечеру вмѣстѣ съ бромистымъ кали, который уже раньше былъ прописанъ.

Они еще не кончили совѣщанія, какъ Гербертъ позвалъ:

— Докторъ!

Д-ръ Ольдриджъ подошелъ къ кровати.

— Вы боитесь воспаленія?—спросилъ Гербертъ.

— Нѣтъ, не боимся, но неизвѣстно...

— О! я слышалъ какъ д-ръ Фернсайдъ сказалъ, что вы боитесь,—произнесъ Гербертъ съ крайнимъ раздраженіемъ.

— Мы боимся, что вы черезъ-чуръ волнуетесь,—мягко проговорилъ д-ръ Ольдриджъ.

— Бредъ, а потомъ безсознательное состояніе,—такъ вѣдь? Не бойтесь сказать мнѣ; я хочу знать.

— Увѣряю васъ, дорогой сэръ, что мы вовсе не считаемъ васъ въ такомъ безнадежномъ состояніи. Конечно, если вы будете волноваться...

— Для меня важнѣе всего душевное спокойствіе.

— Именно, именно, дорогой сэръ.

— Ну, вотъ я не могу успокоиться, пока буду бояться, что впаду въ безсознательное состояніе, прежде нежели успѣю устроить свои дѣла.

Находясь въ состояніи нервнаго разстройства, близкаго къ истерическому припадку, Гербертъ говорилъ такъ, какъ еслибы у него на совѣсти лежало какое-нибудь преступленіе. Д-ръ Фернсайдъ, сгоравшій мелочнымъ, провинціальнымъ любопытствомъ о причинѣ „несчастнаго случая" съ Гербертомъ, подумалъ, что вѣроятно послѣдній желаетъ облегчить душу, изложивъ это самое обстоятельство.

— Вы хотите сообщить, какъ произошелъ вашъ ушибъ?

— Нѣтъ,—коротко и съ досадой отвѣтилъ Гербертъ:—это произошло случайно. Я хочу прежде всего составить новое завѣщаніе.

— Конечно, дорогой сэръ, если это можетъ успокоить васъ, то чего же лучше?—отвѣчалъ д-ръ Ольдриджъ, подтвердивъ тѣмъ убѣжденіе Герберта, что онъ умираетъ.

И дѣйствительно сами доктора, какъ это можно было заключить по ихъ серьезнымъ лицамъ, считали положеніе паціента весьма опаснымъ.

— Затѣмъ мнѣ хотѣлось бы видѣть нѣсколькихъ лицъ, мою мать, викарія и... еще другихъ.

— Дорогой м-ръ Веріенъ, вѣдь это самое такъ взволновало васъ,—съ упрекомъ сказалъ д-ръ Ольдриджъ.—Повидайтесь съ адвокатомъ, не не рискуйте безполезно волновать себя.

— Совсѣмъ не это взволновало меня вчера,—раздражительно сказалъ Гербертъ, и прибавилъ болѣе вѣжливымъ тономъ:—увѣряю васъ, д-ръ Ольдриджъ, что меня очень успокоитъ, если я повидаюсь съ ними.

— Ну, хорошо, но не болѣе пяти минутъ съ каждымъ, дорогой сэръ. Послушайте, сидѣлка: я на васъ полагаюсь, что вы никому не позволите оставаться долѣе пяти минутъ.

Не успѣли доктора выйти изъ комнаты, какъ Гербертъ обратился къ сидѣлкѣ и сказалъ:

— Пожалуйста сходите къ м-ру Керью и спросите у него: не могу ли я повидать миссъ Керью?

Миссъ Керью! Сидѣлка подумала, ужъ не бредитъ ли онъ, а Клара, хотѣвшая-было выйти изъ комнаты, снова забилась въ свой темный уголокъ и осторожно закрыла себя пологомъ.

— *Миссъ* Керью?—повторила сидѣлка недовѣрчиво.

— Да, да! — съ нетерпѣніемъ подтвердилъ Гербертъ: — она спасла мнѣ жизнь и я хочу ее поблагодарить.

Сидѣлка пошла къ м-ру Керью и сообщила ему не безъ колебанія:

— Извините, сэръ,—м-ръ Веріенъ желалъ бы повидать миссъ Керью, если вы позволите. Онъ говоритъ, что она спасла ему жизнь, и онъ желалъ бы поблагодарить ее.

— Плохой признакъ, не правда ли, сидѣлка?—сказалъ м-ръ Керью, покачавъ головой.—Онъ самъ не надѣется на выздоровленіе?

Сидѣлка тоже покачала головой.

— Онъ боится умереть въ бреду, а потому хочетъ сначала повидаться съ друзьями.

— Но что думаютъ доктора?

— Они больше бы надѣялись на выздоровленіе, еслибы онъ самъ на него надѣялся.

— Они мнѣ только-что говорили, что онъ можетъ поправиться.

— И можетъ, сэръ, можетъ, лишь бы пересталъ волноваться; но, быть можетъ, онъ успокоится послѣ того какъ повидаетъ мать и молодую лэди.

— Онъ только ихъ и желаетъ видѣть?

— И еще викарія.

Помолчавъ съ минуту, Джорджъ сказалъ:

— Хорошо, я ей передамъ это.

— Благодарю васъ, сэръ; я могу, значитъ, сказать, что она придетъ, чтобы успокоить его.

— Да; она сейчасъ же придетъ.

Когда сидѣлка вернулась въ комнату больного, Джорджъ пошелъ за Китти и нашелъ ее въ ея комнатѣ, блѣдную и совсѣмъ на видъ больную.

— Китти, м-ръ Веріенъ желаетъ тебя видѣть.

— Меня?

— Да; онъ очень плохъ,—боится какъ бы не впасть въ бредъ и хочетъ прежде повидаться съ матерью и съ тобой. Онъ, кажется, думаетъ, что недостаточно отблагодарилъ тебя за то, что ты спасла ему жизнь. Тебѣ не страшно пойти поздороваться съ нимъ?

— Нѣтъ; я сейчасъ пойду,—отвѣчала она машинально, какъ автоматъ.

— Хорошо, милая, — сказалъ отецъ, удивленный ея кажущейся безчувственностью.

Послѣ того Китти поспѣшила въ комнату больного и, подойдя къ двери, постучалась и вошла по приглашенію сидѣлки.

— Это миссъ Керью?—услышала она нетерпѣливый вопросъ Герберта.

— Да, сэръ.

— Мнѣ очень хотѣлось васъ видѣть,—сказалъ онъ торопливымъ, взволнованнымъ голосомъ, когда она подошла къ постели. —Вы очень добры, что пришли, но я зналъ, что вы придете. Сидѣлка, оставьте насъ! — вскричалъ онъ раздражительно, въ то время, какъ сидѣлка отодвигала маленькій столикъ, мѣшавшій Китти, и, повернувшись къ Китти, прибавилъ:

— Не бойтесь. Я не въ бреду, а только взволнованъ.

Онъ взялъ ея руку и нѣкоторое время продержалъ въ своей.

Когда сидѣлка затворила за собой дверь, онъ сказалъ:

— Сядьте.

Китти сѣла, и онъ нѣсколько секундъ съ любовью глядѣлъ ей въ лицо, прежде чѣмъ заговорить.

— Я такъ много думалъ о васъ... въ послѣднее время... слишкомъ много; я хочу сказать—не послѣ того, какъ это случилось, но раньше... за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ... вотъ почему я избѣгалъ васъ, — началъ онъ прерывистымъ голосомъ.— Вы не сердитесь? Нельзя сердиться на умирающаго. А вѣдь я— умирающій. Я это прочиталъ на ихъ лицахъ... и кромѣ того, при мнѣ въ Индіи одинъ человѣкъ, на охотѣ за тиграми, упалъ съ дерева и ударился головой... Но не будемъ тратить время на это. Я одного боюсь, чтобы не бредить такъ, какъ онъ. Я увѣренъ, что въ бреду буду говорить только о васъ, потому что послѣднее время ни о чемъ другомъ не могъ думать. Какъ ни старался, но не могъ. Вы не сердитесь?—спросилъ онъ, протягивая ей руку.

— Нѣтъ,—пролепетала она, подавая свою, которую онъ такъ и не выпускалъ больше во все время свиданія.

— Я не могу не любить васъ, но могъ бы не говорить вамъ этого,—скажете вы, не правда ли? Зачѣмъ по пусту огорчать и разстраивать васъ! Но еслибы вы знали, какъ мнѣ хотѣлось сказать вамъ все теперь, когда бѣды нѣтъ это высказать. Мнѣ хотѣлось, чтобы вы знали, какъ вы мнѣ дороги, и такъ же бы тепло ко мнѣ отнеслись. Будете? — спросилъ онъ робко и съ мольбой.

— Да, — отвѣтила она съ сухимъ рыданіемъ, поразившимъ и обрадовавшимъ его, какъ доказательство, что чувство ея къ нему было гораздо глубже, чѣмъ онъ смѣлъ надѣяться.

Онъ поглядѣлъ ей вопросительно въ глаза, но она опустила

свои, встала, сконфуженная, разстроенная, сама не зная, что̀ говорить.

— Вы уходите?—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да,—отвѣчала она такъ тихо, что Клара едва разслышала ея слова, хотя и напрягала слухъ.

— Прощайте,—пролепеталъ онъ, притягивая ее за руку къ себѣ.

Она поцѣловала его въ лобъ, а затѣмъ въ губы, которыя онъ протянулъ, и вышла изъ комнаты.

Клара хотѣла теперь убѣжать изъ комнаты, но сидѣлка, подслушивавшая у дверей и ничего не разслышавшая, вошла немедленно и, увидя, что паціентъ взволнованъ сильнѣе, чѣмъ прежде, рѣшила, не откладывая, прибавить хлоралъ къ бромистому кали. Раскупоривъ пузырьки, она смѣшала оба лекарства и собиралась дать ему, когда вошелъ викарій. Подумавъ, что паціенту лучше получить духовное утѣшеніе, прежде чѣмъ быть усыпленнымъ лекарствомъ, она поставила лекарство обратно на столъ, встала, поклонилась викарію и сказала больному:

— Викарій пришелъ, сэръ.

— М-ръ Крозье!—радостно сказалъ Гербертъ.—Какъ я радъ, что вы пришли. Я только-что о васъ думалъ, и желалъ васъ видѣть. Я долженъ опять попросить васъ, сидѣлка, выйти на нѣсколько минутъ.

Сидѣлка отодвинула столикъ, на которомъ стояло лекарство, думая, что Гербертъ желаетъ облегчить совѣсть отъ той тайны, какая его тяготила. Но едва она успѣла выйти, какъ Гербертъ сказалъ:

— Я хочу составить новое завѣщаніе,—и прибавилъ, видя удивленный взглядъ викарія: — Доктора считаютъ, что такъ будетъ лучше.

— Вы хотите сказать...

— Они не сами посовѣтовали мнѣ устроить свои дѣла, но согласились, что такъ будетъ лучше, когда я самъ о томъ заговорилъ.

— Да! они сказали это, чтобы только успокоить васъ.

— Нѣтъ; они считаютъ меня очень плохимъ,—я это видѣлъ по ихъ лицамъ,—и кромѣ того Фернсайдъ говорилъ о воспаленіи мозга, а я знаю, что̀ это̀ такое. Вы помните молодого Меривеля, который упалъ съ дерева и получилъ воспаленіе мозга? Я знаю что̀ бываетъ, когда начинается воспаленіе.

— Дорогой Гербертъ, я заходилъ къ Фернсайду по дорогѣ

сюда, и онъ сказалъ мнѣ, что вы поправитесь, если будете благоразумны. Не волнуйтесь и будьте спокойны.

— Я и не буду волноваться, когда улажу дѣло съ завѣщаніемъ. Видите ли, я завѣщалъ все свое состояніе женѣ безъ всякихъ условій,—а согласитесь, что теперь это больше невозможно. Она выйдетъ замужъ за своего любовника и... Кстати, если со мною кончится плохо, устройте, чтобы не было слѣдствія... ради матери. Вы можете это устроить? я говорилъ докторамъ, что все это—чистый случай. Вы должны устранить всякую возможность скандала, который убьетъ мою мать.

— О, пустяки, Гербертъ! къ чему объ этомъ говорить!

— Ну, чтожъ, мнѣ будетъ спокойнѣе, если вы мнѣ пообѣщаете, что не допустите до слѣдствія.

— Хорошо, обѣщаю.

— Ну, вотъ и прекрасно. А теперь насчетъ завѣщанія. Я не только желаю, чтобы мое состояніе не досталось женѣ, но хочу оставить 10.000 фунтовъ вашей племянницѣ.

— Какъ? Китти?

— Да; она спасла мою жизнь. Я могу выставить эту причину.

— Любезный Гербертъ! знаете ли, какъ свѣтъ перетолкуетъ вашъ поступокъ, если вы обойдете жену и оставите Китти десять тысячъ? Вы, конечно, должны лишить жену наслѣдства. Но если завѣщаете капиталъ Китти, то люди станутъ сплетничать.

— Пусть говорятъ, что̀ хотятъ, а я все-таки оставлю ей десять тысячъ,—раздражительно объявилъ Гербертъ.

— Но вѣдь вы хотите ей добра, не правда ли? Зачѣмъ же вредить ей?

— Никто не скажетъ про нее ничего худого, кто ее знаетъ,— и притомъ не все ли равно?

— О! будьте разсудительны, Гербертъ: для молодой дѣвушки совсѣмъ не все равно, если о ней будутъ ходить такіе слухи!

— Хорошо, я оставлю деньги не ей, а ея отцу, если такъ.

Викарій никакими резонами не могъ поколебать рѣшеніе Герберта завѣщать эту сумму Китти такъ или иначе и, наконецъ, уступилъ, говоря:

— Хорошо, послушаемъ, что̀ скажетъ Эрмитеджъ. Я привезу его завтра утромъ, и вы сообщите ему ваши инструкціи.

— Кстати, уговорите сидѣлку снять шолковое платье. Его шелестъ терзаетъ мой мозгъ при каждомъ ея движеніи.

— Сидѣлка въ шолковомъ платьѣ! Да она съ ума сошла!

— Она пріѣхала въ немъ и не успѣла еще переодѣться. Можетъ показаться вздорнымъ, что я объ этомъ заговорилъ. Но

мой мозгъ не выноситъ ни малѣйшаго шума. Когда вчера эта женщина шелестила здѣсь газетными листами, я думалъ, что съ ума сойду.

Тѣмъ временемъ эта женщина притаилась въ двухъ шагахъ отъ него, какъ тигрица, готовая броситься на свою жертву. Ненависть его къ ней, любовь къ Китти, рѣшимость лишить ее наслѣдства и обогатить ея соперницу—довели ея бѣшенство до такихъ предѣловъ, которые, казалось, должны были исключить возможность ясной и послѣдовательной мысли. А между тѣмъ она размышляла съ необыкновенной отчетливостью о томъ, какъ ей отомстить и обезпечить за собой наслѣдство безнаказанно.

Какъ разъ около нихъ стоитъ столикъ и на немъ стаканъ съ лекарствомъ, а рядомъ—пузырекъ съ остаткомъ хлорала. Если она выльетъ остатокъ въ стаканъ и затѣмъ незамѣтно ускользнетъ изъ дома, она будетъ внѣ всякаго подозрѣнія, что причинила смерть мужу, которую, безъ сомнѣнія, припишутъ небрежности сидѣлки. Что касается неизбѣжнаго слѣдствія, то викарій обязанъ теперь устранить всякія обстоятельства, могущія ее скомпрометировать.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, мысли ея вертѣлись, главнымъ образомъ, на безнаказанности преступленія, и она не позволяла себѣ вдумываться въ него. Она всѣ свои мысли сосредоточила на обсужденіи шансовъ своей безнаказанности. Ускользнуть незамѣченной изъ темной комнаты было не трудно, потому что кровать стояла близко отъ двери и за пологомъ ее не видно было Герберту. Времени тоже будетъ слишкомъ достаточно, пока сидѣлка переодѣвается. Но какъ выбраться незамѣченной изъ дома? Она можетъ встрѣтить на лѣстницѣ, въ сѣняхъ или въ корридорѣ—викарія или служанку. Ну, чтожъ? она скажетъ, что только-что пришла въ домъ, а не вышла изъ комнаты Герберта.

А если это покажется неправдоподобнымъ, то кто мѣшаетъ ей вернуться въ комнату Герберта и опрокинуть какъ будто бы нечаянно столикъ съ лекарствомъ, пузырьками и проч.?

Послѣдняя мысль заставила ее рѣшиться. Она взяла пузырекъ, вылила его содержимое въ стаканъ съ лекарствомъ, заткнула его пробкой и какъ тѣнь выскользнула изъ комнаты.

XXXVIII.

Отворивъ безшумно дверь, Клара заглянула въ корридоръ, прежде чѣмъ въ него войти. Затѣмъ такъ же осторожно притворила за собою дверь и прокралась по корридору, два раза обер

нувшись, къ площадкѣ лѣстницы, гдѣ остановилась, чтобы оглядѣться и удостовѣриться, что она дѣйствительно одна и никто не наблюдаетъ за ней ни сзади, ни съ боковъ, ни сверху. Она никого не видѣла и ничего не слышала, кромѣ быстраго и громкаго біенія своего собственнаго сердца; оно колотилось въ груди у нея, какъ бы предвѣщая близкую опасность и понуждая къ бѣгству.

Вдругъ она бросилась внизъ по лѣстницѣ, и шелестъ платья показался ей точно ураганомъ. До того шумъ этотъ казался ей великъ, что, сбѣжавъ съ лѣстницы, она вновь поднялась на нѣсколько ступенекъ, чтобы поглядѣть, не вышелъ ли кто удостовѣриться въ причинѣ шума.

Но никого не было, и, собравшись съ духомъ, она спустилась съ лѣстницы, на этотъ разъ придерживая платье руками. Въ сѣняхъ она опять остановилась и прислушалась.

Она никого не увидѣла, но услышала голоса и даже могла различить, какъ викарій и м-ръ Керью громко разговаривали въ кабинетѣ послѣдняго. Ей показалось, что голоса ихъ какъ будто приближаются,—точно они идутъ къ дверямъ,—и въ страхѣ она повернулась лицомъ къ лѣстницѣ; но такъ какъ нѣсколько секундъ, показавшихся ей цѣлой вѣчностью, прошли, а они не показывались, то она поспѣшила къ выходнымъ дверямъ, растворила ихъ дрожащими руками и сбѣжала со ступенекъ подъѣзда, не осмѣлившись затворить за собой дверь, чтобы не услышали шума.

Она опрометью бѣжала, куда глаза глядятъ, пока не очутилась у сѣверныхъ воротъ парка. Тутъ она нѣсколько опомнилась. Въ то время, какъ она стояла колеблясь, дать ли знать привратницѣ о томъ, что она идетъ—весь ужасъ и непоправимость того, что она только-что сдѣлала, какъ молнія озарили ее. Но неужели это такъ непоправимо? Нельзя ли это передѣлать? если она вернется назадъ, то пройдетъ въ домъ незамѣченной, какъ и вышла—вѣдь она оставила дверь незапертой. Но тѣмъ временемъ сидѣлка, вѣроятно, вернулась и дала лекарство больному.

Дѣло въ томъ, что Клара не была достаточно сильна для преступленія, совершоннаго ею въ припадкѣ ненависти и ревности. Способная нравственно на всякое преступленіе, она была трусомъ того низшаго разбора, который жаждетъ только наслажденія и боится всякой боли.

Поэтому, какъ только послѣдствія преступленія и возможность изобличенія ея въ немъ представились ея уму, она дала бы все на свѣтѣ, чтобы передѣлать сдѣланное. Но подобная попытка можетъ только повлечь обличеніе ея вины. Если она

украдкой проберется въ домъ и въ комнату больного, а между тѣмъ сидѣлка уже дала лекарство, то неожиданное появленіе послужитъ только уликою противъ нея.

Поэтому, послѣ нѣсколькихъ минутъ мучительнаго колебанія, она рѣшила идти домой, но только не паркомъ. Не прошла она и десяти ярдовъ, какъ услышала за собою шаги, похожіе на шаги викарія. Неужели это викарій? и если онъ, то какъ объяснить ему присутствіе ея по близости отъ дома, гдѣ лежалъ мужъ, и то, что она не зашла узнать объ его здоровьѣ!

Она ускорила шагъ, почти побѣжала, сама сознавая, что это худшее, чтò она можетъ сдѣлать. Но ею овладѣла непобѣдимая паника.

Однако, какъ она и опасалась, шаги за ней тоже ускорились и вскорѣ нагнали ее. Она замедлила шагъ съ сознаніемъ своего безсилія и повернулась бы къ викарію, еслибы только у нея хватило на это духа.

— М-съ Веріенъ!—воскликнулъ викарій.—Я такъ и думалъ, что это вы. Боюсь, что я напугалъ васъ.

— Нѣтъ,—пролепетала Клара,—я очень спѣшу. Я забыла одну вещь.

— Вы приходили узнать о здоровьѣ Герберта?

— Да. Но я забыла одну вещь и иду за ней.

— Въ деревню? Не могу ли я сходить за васъ?

— Нѣтъ, дома. Я хотѣла ему принести кое-что.

Смиреніе Клары, равно какъ и ея смущеніе, возбудили бы подозрѣнія викарія, еслибы онъ и безъ того не былъ на-сторожѣ.

— Доктора видѣли его сегодня вечеромъ.

— Да? впрочемъ я знаю это. Меня сразилъ ихъ приговоръ.

— А!—только и проговорилъ викарій.

Нѣсколько секундъ длилось неловкое молчаніе, прежде чѣмъ викарій спросилъ:

— Вы вѣроятно заходили къ д-ру Ферисайду, проходя по деревнѣ, и услышали его мнѣніе?

— Нѣтъ, я была въ домѣ м-ра Керью, когда они пріѣзжали.

— И отправились домой за вещами для него и позабыли ихъ?

Во всякое другое время Клара нашла бы вопросы викарія дерзкими и неумѣстными. Теперь же она кротко отвѣчала:—Да!

Между тѣмъ викарій зналъ, что меньше чѣмъ часъ тому назадъ онъ пріѣзжалъ въ Голлъ повидать старуху м-съ Веріенъ, и Клары не было дома. Манеры и поведеніе ея доказывали ясно какъ божій день, что она лгала и слѣдовательно замышляла какое-нибудь предательство. Но какое? по всей вѣроятности, она

спѣшила на новое свиданіе съ Годфри Кросли въ паркѣ, чтобы предупредить его о возможности слѣдствія въ случаѣ смерти мужа. Поэтому она возвращалась по деревнѣ, хотя ненавидѣла эту дорогу хуже чумы, такъ какъ еслибы ее кто-нибудь увидѣлъ въ паркѣ вмѣстѣ съ Кросли, то это могло бы возбудить подозрѣнія.

Припоминая о своей угрозѣ слѣдствіемъ Кларѣ, викарій все болѣе и болѣе убѣждался въ истинности своего предположенія. Во всякомъ случаѣ она сейчасъ солгала, не только потому, что это видно по ея манерамъ, но и потому, что слова ея не похожи на правду. Она способна была звонить и звать слугу только затѣмъ, чтобы поднять ей платокъ... а вдругъ теперь сама бѣжитъ за вещами для ненавистнаго мужа! Побѣжитъ нарочно за ними и позабудетъ ихъ взять, и опять побѣжитъ со всѣхъ ногъ! Какая глупая выдумка! Самая глупость ея свидѣтельствуетъ, что Клара растерялась, такъ какъ у нея совѣсть не спокойна.

— Вы вѣроятно прошли черезъ паркъ? — спросилъ викарій обычнымъ тономъ, но зорко вглядываясь ей въ лицо, которое вдругъ вспыхнуло и затѣмъ поблѣднѣло.

Что̀ бы она дала, чтобы найти въ себѣ силу остановиться, оглянуться на него и смѣрить негодующимъ взглядомъ! Но она не могла этого сдѣлать... не смѣла.

— Я хотѣлъ идти въ паркъ, но, увидя, какъ вы бѣжите точно въ испугѣ, подумалъ, что вы, быть можетъ, нуждаетесь въ моихъ услугахъ. Но, кажется, вамъ не требуется провожатый, такъ какъ вы только спѣшите; а потому я пойду своей дорогой.

— Мнѣ никакихъ услугъ не надо, благодарю васъ.

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Викарій приподнялъ шляпу и вернулся къ воротамъ парка въ полной увѣренности, что привратница сообщитъ ему, что Кросли проходилъ черезъ паркъ.

Дойдя до воротъ, онъ нашелъ ихъ запертыми. Такъ распорядилась старуха м-съ Веріенъ послѣ роковой ночи. Когда викарій позвонилъ и привратница вышла, онъ выразилъ ей соболѣзнованіе о томъ, что приходится ее безпокоить, такъ какъ ворота заперты.

— Много разъ вамъ приходилось сегодня отпирать и запирать ворота?

— Нѣтъ, сэръ, сегодня еще ни разу.

— Никакой джентльменъ не проходилъ черезъ паркъ?

— Сегодня, сэръ? нѣтъ, сэръ. Никто не проходилъ послѣ молодой госпожи.

— А въ которомъ часу она проходила?—спросилъ викарій, сбитый съ толку и сознаваясь въ душѣ, что онъ плохой сыщикъ.

— Въ пять часовъ или около того, сэръ. Гарріэта, когда проходила молодая барыня? она отпирала ей ворота, сэръ. Въ которомъ часу это было, Гарріэта?

— Въ пять часовъ, сэръ.

Викарій недоумѣвалъ.

— А послѣ того она не возвращалась домой?

— Только не черезъ паркъ, сэръ. А какъ здоровье больного, сэръ?

— Не очень хорошо. Но за ночь, можетъ быть, ему станетъ лучше. Такъ вы говорите, что никакой джентльменъ не проходилъ?

— Нѣтъ, сэръ, никто не проходилъ послѣ молодой госпожи,— ни джентльменъ и никто другой.

Проходя по парку, викарій измѣнилъ свое предположеніе: Клара и Кросли видѣлись не въ паркѣ — это было бы рискованно, но внѣ его и неподалеку отъ дома Керью. Возвращаясь со свиданія, Клара естественно избѣгала парка, такъ какъ не хотѣла, чтобы привратница знала, сколько времени она пробыла въ отсутствіи.

Во всякомъ случаѣ Клара солгала, говоря, что заходила домой послѣ того, какъ видѣлась съ докторами, и эта ложь безъ сомнѣнія скрываетъ недоброе. Не хочетъ ли она бѣжать съ Кросли, чтобы уклониться отъ слѣдствія? Бѣжать, когда ея мужъ въ такомъ положеніи! И это просто убьетъ старушку! Что касается Герберта, то трудно будетъ это скрыть отъ него до тѣхъ поръ, пока опасность не минуетъ.

Эта мысль мало-по-малу такъ овладѣла викаріемъ, что онъ не успокоился, пока не отправился на станцію спросить, не проѣзжалъ ли Кросли по желѣзной дорогѣ? Но даже и тогда, когда викарію сказали, что Кросли не показывался на станціи, онъ не успокоился. Кросли могъ пріѣзжать на лошадяхъ. Единственное, что оставалось, это зорко и неотступно сторожить Клару, постаравшись сдѣлать это какъ можно незамѣтнѣе. Викарій, который несомнѣнно не былъ рожденъ сыщикомъ, не могъ придумать лучшаго агента, какъ жену. Умные люди часто считаютъ своихъ глупыхъ женъ если не умными, то по крайней мѣрѣ толковыми, когда эти жены обожаютъ своихъ мужей, поклоняются имъ и повторяютъ всѣ ихъ слова. Бѣдная м-съ Крозье, впечатлительная какъ губка, казалась своему мужу если не осторожной, то разумной женщиной, потому что она поддакивала тѣмъ изъ его мыслей, которыя могла понимать, и молча выслушивала ей непонятныя. Поэтому мужъ нашелъ возможнымъ довѣрить ей свои подо-

зрѣнія насчетъ Клары и возложить на нее щекотливую миссію отправиться въ Голлъ, подъ предлогомъ свиданія и утѣшенія старушки м-съ Веріенъ, но въ дѣйствительности затѣмъ, чтобы убѣдиться: нѣтъ ли признаковъ побѣга Клары изъ дому. Самому ему необходимо ѣхать въ Лидсъ повидаться съ Эрмитеджемъ (Эрмитеджъ, Смоль и Милликъ—стряпчіе) и условиться съ нимъ насчетъ того, чтобы сойтись съ нимъ завтра въ десять часовъ утра въ домѣ м-ра Керью для необходимыхъ перемѣнъ въ завѣщаніи м-ра Веріена.

Тѣмъ временемъ м-съ Крозье отправилась въ Голлъ не безъ гордости и съ полной увѣренностью въ успѣхѣ своей миссіи; и, казалось, фортуна дѣйствительно благопріятствовала ей, такъ какъ она успѣла поймать горничную Клары и подвергла ее тщательному допросу: очень ли огорчена ея госпожа болѣзнью мужа? не собирается ли она ѣхать къ матери? и когда горничная отвѣчала на этотъ вопросъ, что ей ничего неизвѣстно, м-съ Крозье нашла нужнымъ намекнуть, что вѣроятно м-съ Веріенъ стала бы укладываться въ томъ случаѣ, еслибы собиралась въ гости къ матери. На это горничная—не безъ презрѣнія къ незнакомству м-съ Крозье съ общественными условіями, отвѣчала—что „она всегда укладываетъ вещи госпожи".

Послѣ этого м-съ Крозье не рѣшилась долѣе разспрашивать горничную, но пошла къ м-съ Веріенъ матери и провела съ ней томительный часъ; но, видя, что Клара все не появляется, м-съ Крозье окончательно убѣдилась, что она собирается бѣжать, если еще не убѣжала. Не въ силахъ долѣе сдерживать нетерпѣнія и страха, она простилась со старушкой и пошла наверхъ за шляпкой и пальто, и тамъ снова принялась за разспросы.

— Дома ли м-съ Веріенъ? — спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Дома,—отвѣчала горничная, но только она уже легла.

— Не могу ли я ее видѣть? — съ отчаянной рѣшимостью проговорила м-съ Крозье.

— Я пойду спрошу.

М-съ Крозье пошла вслѣдъ за горничной къ самой двери Клары, чтобы видѣть, что ее не обманываютъ. На стукъ горничной Клара нетерпѣливо закричала:

— Что нужно?

— Извините, м-съ Крозье желаетъ васъ видѣть.

— М-съ Крозье? Зачѣмъ?..—закричала Клара дрожащимъ голосомъ.

— Я только хотѣла выразить вамъ, какъ я огорчена вашимъ несчастіемъ,—отвѣчала м-съ Крозье сконфуженно.

— О! благодарю васъ; вы меня извините, если я не выйду къ вамъ: я не совсѣмъ хорошо себя чувствую,—закричала Клара изъ-за двери.

М-съ Крозье отступила, но не безъ торжества, такъ какъ убѣдилась, что Клара еще не убѣжала.

— Она уже легла въ постель?—спросила она горничную, когда обѣ перешли въ сосѣднюю комнату.

— Нѣтъ еще.

— Она не приготовлялась къ отъѣзду?

— Къ отъѣзду?

— Я хочу сказать—къ выѣзду изъ дома. Я думала, она собирается выѣхать,—рискнула снова спросить м-съ Крозье, избѣгая на этотъ разъ слова „укладываться“.

— Куда она ѣдетъ?—спросила удивленная горничная, предполагая, что м-съ Крозье говоритъ такъ на основаніи словъ старой м-съ Веріенъ.

— Развѣ она не собирается ѣхать къ своей матери?

— Я объ этомъ не слыхала.

— Я думала, что она собирается ѣхать именно къ матери.

Смущенный видъ и безтолковые вопросы м-съ Крозье произвели такое впечатлѣніе на горничную, что она въ подробности передала весь свой разговоръ съ нею Кларѣ въ то время, какъ причесывала ей волосы на ночь.

Тѣмъ временемъ м-съ Крозье вернулась домой и съ торжествомъ передала мужу результатъ своего дипломатическаго похода, который онъ нашелъ далеко не такимъ искуснымъ, какъ она сама. М-ръ Крозье разсчиталъ, что если Клара рѣшила бѣжать, то уѣдетъ съ поѣздомъ, который идетъ въ Лондонъ въ 11 ч. 30 м. вечера. Поэтому онъ отправился выкурить вечернюю трубку въ саду Голла и удивилъ привратника такимъ позднимъ посѣщеніемъ.

— Плохія вѣсти, сэръ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не войду въ домъ, я хочу только погулять въ саду. Если вы одолжите мнѣ ключъ, то я просуну вамъ его вотъ въ эту щель, чтобы вамъ не нужно было безпокоиться выходить.

— Какъ угодно, сэръ, благодарю васъ; покойной ночи, сэръ.

Викарій думалъ, что измыслилъ удивительный стратегическій планъ, такъ какъ еслибы ему не удалось перехватить Клару въ саду, то онъ поставитъ ее, такъ сказать, въ осадное положеніе;

развѣ только она вздумаетъ отправиться черезъ сѣверныя ворота,—но въ такомъ случаѣ она опоздаетъ на поѣздъ.

Размышляя объ этомъ, викарій прохаживался по аллеѣ, ведущей къ дому, точно часовой, изрѣдка взглядывая на немногія окна, которыя еще были освѣщены. При этомъ у него не разъ мелькнуло въ умѣ, что его теперешняя роль не особенно почетна и можетъ назваться шпіонствомъ — занятіе отнюдь не пастырское. Но онъ утѣшалъ себя, что дѣйствуетъ такимъ образомъ не только въ интересахъ Герберта и его матери, но даже самой Клары.

Вдругъ онъ услышалъ женскій голосъ въ одномъ изъ неосвѣщенныхъ оконъ:

— Господи! какой-то человѣкъ шатается около дома.

— Гдѣ?—съ испугомъ спросилъ другой.

— Вонъ тамъ! Тише!

— Позови Роберта.

— Это я! не бойтесь!—вынужденъ былъ сказать м-ръ Крозье.

— Викарій?

— Да, да, Анна. Покойной ночи.

— Покойной ночи, сэръ.

Послѣ этого пристыженный викарій счелъ за лучшее снять осаду, тѣмъ болѣе, что она была, въ сущности, и не нужна, такъ какъ ключъ находился у него въ карманѣ. Поэтому онъ отошелъ подальше отъ дома и докурилъ трубку, обходя озеро, какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ пробило одиннадцать.

Полагая, что теперь Клара уже вышла изъ дома, если хочетъ попасть на поѣздъ 11 ч. 30 м., онъ опять вернулся на главную аллею, которая вела къ дому, и медленно направился къ воротамъ.

На полдорогѣ подозрѣнія его оправдались, потому что онъ увидѣлъ двухъ женщинъ, торопливо шедшихъ на встрѣчу ему. Безъ сомнѣнія, это Клара съ горничной, идущія отъ запертыхъ воротъ.

Поровнявшись съ ними, онъ вопросительно сказалъ:

— М-съ Веріенъ?

— Да,—отвѣчала Клара голосомъ, который дрожалъ отъ страха.

— Вы желали пройти въ ворота?

— Да; мы думали отправиться къ мама.

— Въ такой поздній часъ? позвольте мнѣ проводить васъ къ ней.

— Теперь... теперь уже поздно. Мы опоздали на поѣздъ. Я могу поѣхать завтра.

— Такъ будетъ лучше, я думаю.

— Да.

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Обѣ женщины пошли къ дому, а викарій направился къ воротамъ, поздравляя себя съ своей удивительной проницательностью, которая помогла ему предотвратить столько бѣдъ.

Не приди ему въ голову блокировать Голлъ, гдѣ была бы теперь эта несчастная женщина?

Онъ очень удивился бы и не повѣрилъ, а между тѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не вздумай онъ блокировать Голлъ, Кларѣ никогда бы не пришло въ голову оставить его ночью.

Какъ бы то ни было, викарій вернулся домой торжествующій и съ удовольствіемъ выслушалъ похвалы жены его сверхъестественной прозорливости, сообразительности, настойчивости въ преслѣдованіи цѣли и успѣху, которымъ она увѣнчалась.

XXXIX.

Когда викарій разстался съ Кларой подъ тѣмъ предлогомъ, что предпочитаетъ вернуться домой паркомъ, Клара не сомнѣвалась, что онъ пошелъ назадъ въ домъ Керью, чтобы поглядѣть, все ли тамъ въ порядкѣ. Ея паническое бѣгство, смущеніе, глупый разсказъ о томъ, какъ она бѣгала взадъ и впередъ изъ одного дома въ другой за вещами, которыя забывала захватить съ собой,—все это, безъ сомнѣнія, убѣдило его, что она не только лжетъ, но эта ложь скрываетъ еще какую-нибудь чудовищную гадость. Но что же именно? Онъ долженъ былъ сразу догадаться, въ чемъ дѣло. Онъ долженъ былъ спросить себя: не совершила ли она тò, чего добивалась вчера, не ускорила ли смерть своего мужа?

Угрызенія совѣсти и безумный страхъ не позволяли Кларѣ представить себѣ, что викарій можетъ подозрѣвать ее въ чемъ другомъ. Но, подозрѣвая ее, онъ выбралъ только предлогомъ прогулку по парку, чтобы вернуться въ домъ Керью, въ комнату больного, тщательно осмотрѣть ее и открыть страшную истину!

Клара чуть не упала въ обморокъ, когда эта мысль мелькнула у нея въ головѣ. Нужно бѣжать на желѣзную дорогу. Но когда первый приступъ страха прошелъ, она стала надѣяться,

почти увѣровала, что викарій, въ сущности, ничего не открылъ, а если и открылъ, что весь пузырекъ съ хлораломъ вылитъ въ лекарство, то помѣшалъ дать его Герберту. На послѣднее она слабо надѣялась, но все же надѣялась. Клара отдала бы полжизни, чтобы передѣлать то, что она сдѣлала четверть часа тому назадъ, не потому, чтобы она хоть сколько-нибудь жалѣла Герберта, но потому, что она очень жалѣла себя.

Во всякомъ случаѣ, она настолько успокоилась, что отложила мысль о немедленномъ побѣгѣ и вернулась къ себѣ домой ожидать дальнѣйшихъ событій съ замирающимъ сердцемъ.

По возвращеніи она удивила горничную необычною для нея кротостью, тѣмъ болѣе удивительной, что Клара очень жаловалась на сильнѣйшую головную боль. Обыкновенно, когда Кларѣ хоть сколько-нибудь нездоровилось, несчастной горничной совсѣмъ не было житья. Теперь же Клара была необыкновенно добра и кротко попросила принести ей чаю и сказать м-съ Веріенъ, что она не сойдетъ къ обѣду. Тѣмъ не менѣе, м-съ Веріенъ послала ей сказать о приходѣ м-съ Крозье, думая, что Клара изъ вѣжливости сойдетъ хоть на минутку. Извѣстіе о приходѣ м-съ Крозье чрезвычайно поразило Клару.

— М-съ Крозье! она спрашивала меня?

— Не знаю. М-съ Веріенъ велѣла мнѣ только попросить васъ сойти внизъ.

Клара подумала съ минуту.

— Пожалуйста, попросите м-съ Веріенъ извиниться за меня передъ м-съ Крозье.

Она ждала съ замирающимъ сердцемъ, не придетъ ли горничная сказать ей, что м-съ Крозье желаетъ ее видѣть по важному дѣлу.

Но, какъ мы видѣли, этого не было: только передъ уходомъ она выразила желаніе повидать Клару.

Зачѣмъ хочетъ она ее видѣть? и зачѣмъ она вообще пришла? ужъ, конечно, не затѣмъ только, чтобы выразить свою симпатію. Нелѣпо думать, будто м-съ Крозье стремилась ворваться въ аппартаменты Клары только затѣмъ, чтобы заявить, какъ ей жаль ее. Зачѣмъ же она приходила? Если принять во вниманіе, что она добра до глупости, по мнѣнію Клары, то не приходила ли она предупредить ее, чтобы она бѣжала, такъ какъ преступленіе открылось, или убѣдиться въ томъ, не бѣжала ли она, или не приготовляется ли бѣжать? Эта мысль и помѣшала Кларѣ принять м-съ Крозье.

Но когда горничная сообщила о необыкновенномъ поведеніи

и рѣчахъ м-съ Крозье, то въ связи съ тѣмъ, какъ викарій таинственно прохаживался около дома и словно сторожилъ его, Клара поняла, что бѣгству ея хотятъ помѣшать. Преступленіе ея открыто, но такъ какъ ее нельзя арестовать прежде, чѣмъ умеръ мужъ, то викарій сторожитъ, чтобы она не убѣжала.

Клара, взглянувъ въ зеркало, передъ которымъ горничная причесывала ей волосы, была поражена мраморной блѣдностью и неподвижностью своего лица; на немъ точно застыло выраженіе ужаса.

Прошло нѣкоторое время прежде, нежели она рѣшилась проговорить:

— Онъ все еще здѣсь?

— Нѣтъ, онъ простился съ Анной и пошелъ домой.

Клара вскочила съ мѣста и опять сѣла.

— Поскорѣе причешите какъ-нибудь мои волосы! Я должна ѣхать къ матери.

— Сейчасъ.

— Да, мы можемъ попасть на поѣздъ, который идетъ въ 11 ч. 30 минутъ! торопитесь!

— Но...

— Ну, безъ разговоровъ! Я позабыла, что мнѣ нужно ее видѣть!—закричала Клара, безсвязно.

Она отправилась бы на желѣзную дорогу одна, безъ горничной, еслибы смѣла. Но она не рѣшалась, потому что это показалось бы слишкомъ страннымъ. Она была, кромѣ того, рада случаю выслать горничную для укладки вещей, а сама въ это время захватила всѣ самыя дорогія свои золотыя и бриллiантовыя украшенія.

Послѣ того обѣ украдкой вышли изъ дому; горничная не смѣла больше возражать, такъ какъ побаивалась, не сошла ли Клара съ ума, но, кромѣ того, она знала, что—сумасшедшая или въ здравомъ умѣ—ея госпожа была зла, какъ демонъ, если ей противорѣчили.

Дойдя до воротъ, онѣ узнали, что викарій взялъ ключъ. Привратникъ, испуганный, предлагалъ побѣжать за нимъ и вернуться черезъ нѣсколько минутъ съ ключомъ; но Клара, прислонившаяся къ столбу воротъ, чтобы не упасть, нашла въ себѣ силы вымолвить:

— Благодарю васъ, не трудитесь, это не нужно.

Потомъ взяла горничную подъ руку и пошла, опираясь на нее, но поспѣшно выпустила, завидѣвъ викарія.

Когда викарій отошелъ отъ нихъ, она сказала горничной:

— Не бѣда, что такъ случилось; я, все равно, не въ силахъ ѣхать сегодня.

Вернувшись домой и пройдя въ свою комнату, она отпустила горничную, извинившись за безпокойство, причиненное ей, и отказавшись отъ дальнѣйшихъ услугъ. Когда дверь затворилась за горничной, Клара сѣла на стулъ и пыталась собраться съ мыслями. Вдругъ ее поразила надежда, все болѣе и болѣе укоренявшаяся. Если викарій открылъ ея преступленіе, то, вѣроятно, успѣлъ и предупредить его послѣдствія. Докторъ, призванный вовремя, конечно, съумѣлъ дать противоядіе или какъ-нибудь иначе нейтрализировать дѣйствіе яда. Надзоръ, учрежденный надъ нею, снимутъ, когда мужъ будетъ внѣ опасности, потому что даже викарій отступитъ передъ такимъ фамильнымъ скандаломъ, какъ уголовное преслѣдованіе за неудавшуюся попытку отравить мужа.

Чѣмъ болѣе раздумывала объ этомъ Клара, тѣмъ сильнѣе убѣждалась, что мужъ спасенъ, и испытывала при этомъ чувство облегченія. Скоро она такъ увѣровала въ эту мысль, что легла въ постель и быстро и крѣпко заснула.

Когда она проснулась по утру съ укрѣпленными нервами и свѣжими силами, вчерашнее предположеніе превратилось въ полную увѣренность.

Поэтому, когда она позвонила, то горничная, явившись на зовъ, нашла свою госпожу совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа, чѣмъ вчера. Однако у самой горничной былъ такой убитый и плачевный видъ, что Клара вскрикнула:

— Чтò случилось?

— М-съ Девайнъ сейчасъ приходила.

— Да?—закричала Клара, и у нея духъ занялся отъ любопытства.

— Бѣда вышла.

— Бѣда?—повторила Клара, побѣлѣвъ какъ ея пеньюаръ.

— Перепутали лекарство. Больному дали не то, что слѣдовало, и доктора говорятъ, что нѣтъ... что ему очень плохо,—поправилась горничная.

— Вы хотите сказать?..

Тутъ Клара умолкла, не договоривъ. Горничная безнадежно покачала головой, вмѣсто всякаго отвѣта.

— Чтò она сказала?—спросила, наконецъ, Клара.

— Она сказала, что вчера вечеромъ ему дали не то лекарство, какое слѣдуетъ, и замѣтили это только сегодня утромъ, когда уже было слишкомъ поздно что-либо сдѣлать. Она пошла за викаріемъ, но больной безъ чувствъ и никогда больше не при-

деть въ себя, говоритъ она,—прибавила горничная и залилась слезами.

Но такъ какъ Клара не заплакала и, слѣдовательно, по понятіямъ горничной, не была тронута, то горничная нашла, что можетъ разрѣшить себѣ удовольствіе войти въ дальнѣйшія подробности.

— Сидѣлка говоритъ: „я дала ему настоящее лекарство, а вѣрно кто-нибудь другой далъ другое"; но никто другой съ нимъ не оставался наединѣ, кромѣ миссъ Керью и викарія, а ужъ они вѣрно не стали бы путать лекарство. Но она такая дерзкая!

„Она" относилось къ сидѣлкѣ, а обвиненіе въ дерзости было сдѣлано, конечно, со словъ Бидди.

Такъ какъ Клара молчала, поблѣднѣвъ и стиснувъ зубы, горничная продолжала разсказъ Бидди о случившейся бѣдѣ.

— Можно судить, какова сидѣлка, уже потому, что она и не замѣтила ничего до семи часовъ утра, когда нашла его блѣднымъ и холоднымъ и внѣ власти всѣхъ въ мірѣ докторовъ.

— Дайте мнѣ чаю!—сказала Клара, и, когда горничная ушла, принялась торопливо одѣваться.

Потерянная надежда хуже убиваетъ человѣка, чѣмъ безнадежность, испытываемая имъ съ самаго начала. Послѣ внезапной реакціи надежды Клара сильнѣе вчерашняго поддалась отчаянію.

Викарій, сторожившій ее вчера по простому подозрѣнію, еще ни на чемъ не основанному, теперь, безъ сомнѣнія, такъ же убѣдится въ ея винѣ, какъ еслибы своими глазами видѣлъ, какъ она выливала хлоралъ изъ пузырька.

Напившись чаю и докончивъ туалетъ съ помощью горничной, Клара должна была рѣшить вопросъ: бѣжать ли ей немедленно, или подождать?

Но возможно ли бѣжать? Если простое подозрѣніе заставило викарія принять мѣры противъ ея бѣгства, то насколько бдительнѣе будетъ онъ теперь, когда подозрѣнія превратились въ увѣренность? И даже если можно бѣжать, то благоразумно ли это? Не будетъ ли это молчаливымъ признаніемъ своей вины, въ которой безъ такого сознанія ее все же очень трудно уличить. Въ сущности, противъ нея нѣтъ никакихъ уликъ, кромѣ неопредѣленныхъ и гадательныхъ предположеній, если она не дастъ себя запугать. Она не дастъ себя запугать, и пусть викарій строитъ свои ковы.

Едва успѣла она принять это рѣшеніе (которое, мимоходомъ сказать, обусловливалось гораздо больше страхомъ, что полиція помѣшаетъ ея бѣгству, нежели увѣренностью въ собственной без-

опасности), какъ горничная пришла ей сказать, что викарій желаетъ ее видѣть.

Клара съ секунду глядѣла на горничную, словно не разслышавъ ея словъ; наконецъ, проговорила:

— Принесите мнѣ немного вина.

Пока горничная ходила за виномъ, Клара слегка подрумянила щеки и губы, соображая передъ зеркаломъ эффектъ этого на томъ разстояніи, съ котораго ей придется разговаривать съ викаріемъ. Когда горничная принесла вино и ушла, Клара выпила рюмку и, снова подрумянивъ губы, медленно сошла въ гостиную.

При ея появленіи, викарій, въ волненіи расхаживавшій по комнатѣ, остановился передъ нею и уставился ей въ лицо.

Онъ былъ блѣденъ и весь дрожалъ.

— Вы отравили мужа, подливъ въ лекарство лишнюю дозу хлорала,—сказалъ онъ голосомъ, который дрожалъ, несмотря на всѣ его усилія говорить спокойно.

— Я!—пыталась Клара выразить негодованіе.

— Вы! вы спрятались за пологъ кровати, и когда оставались одна въ комнатѣ, вылили хлоралъ въ стаканъ изъ пузырька, оставленнаго сидѣлкой на столѣ.

— Я не знаю, что вы...

Но тутъ голосъ ея затрепеталъ, точно крылья подстрѣленной птицы, и окончательно измѣнилъ ей, потому что викарій показалъ ей кружевной платокъ, который, должно быть, выпалъ у нея изъ кармана.

— Вамъ знакомо это? Я нашелъ его за кроватью, на томъ мѣстѣ, гдѣ вы замышляли убійство!

Клара стояла съ остановившимися глазами и раскрытыми губами—отъ мучительнаго страха, такъ что даже викарію стало какъ будто ее жалко.

— Черезъ нѣсколько часовъ платокъ будетъ въ рукахъ полиціи,—сказалъ онъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Былъ ли то намекъ ей бѣжать, или разставленная западня? Вотъ вопросъ, который она стала обсуждать, когда затворилась за викаріемъ дверь. Почему сегодня онъ будетъ совѣтовать бѣгство, которому вчера старался помѣшать? Съ другой стороны, какое еще болѣе убѣдительное доказательство ея вины требуется ему, и что̀ прибавитъ ея бѣгство къ той уликѣ, какая уже у него есть въ рукахъ?

Клара, опомнившись отъ перваго потрясенія, обсуждала этотъ вопросъ съ удивительной ясностью и быстротой, и рѣшила бѣ-

жать прежде, чѣмъ викарій отошелъ на десять шаговъ отъ двери. Она бросилась наверхъ, поспѣшно уложила остальныя драгоцѣнности въ черный мѣшочекъ, гдѣ уже лежали ея золотыя и бриліантовыя украшенія, вышла изъ Голла и пошла сначала по дорогѣ къ дому Керью. Но, отойдя настолько, что ее нельзя было видѣть изъ Голла, она перемѣнила направленіе и почти побѣжала на станцію желѣзной дороги. Ей удалось выйти изъ парка незамѣченной, но на пути къ станціи ее два раза останавливали встревоженные поселяне.

— Послушайте, правда ли, что молодого м-ра Веріена отравили?

— Говорятъ, м-ръ Веріенъ умеръ; ему дали отравы, приготовленной для крысъ. Ахъ, какая жалость!

Каждому изъ этихъ несносныхъ сострадательныхъ лицъ она пробормотала несвязный отвѣтъ съ такимъ смущеніемъ и поспѣшностью, какія казались имъ вполнѣ естественными при ея настоящихъ обстоятельствахъ.

На станціи она взяла билетъ въ Лондонъ, хотя не намѣревалась туда ѣхать, а рѣшила сойти на той станціи, около которой жилъ Годфри Кросли.

— Въ Лондонъ!—воскликнулъ около нея какой-то человѣкъ, стоявшій въ хвостѣ около кассы и услыхавшій ея слова.—Значитъ, неправду говорятъ, будто м-ра Веріена отравили?

Клара притворилась, что не слышитъ, и убѣжала въ дамскую комнату, у дверей которой ее опять кто-то остановилъ изъ соболѣзнующихъ. Она что-то неясно пробормотала ему въ отвѣтъ, когда сторожъ подошелъ и, притронувшись къ шляпѣ, спросилъ:

— Багажъ есть?

— Нѣтъ, никакого, благодарю васъ.

— Вотъ удивительно!—воскликнулъ человѣкъ, слышавшій, какъ она спрашивала билетъ въ Лондонъ, и послѣдовавшій за ней, думая, что она не разслышала его вопроса.—Въ Лондонъ! Право, удивительно: ѣдетъ въ Лондонъ и безъ багажа! а мужъ умираетъ или уже умеръ!

Благодаря всему этому, Клара стала предметомъ такого сильнаго интереса, что всѣ глаза устремились на нее, когда, при приближеніи поѣзда, она снова вышла на платформу.

Она хорошо видѣла, что не болѣзненное сознаніе вины заставляетъ ее думать, что на ней сосредоточено всеобщее вниманіе. Куда бы она ни повернулась, со всѣхъ сторонъ она встрѣчала устремленные на нее взоры съ выраженіемъ удивленія и страха, которое она принимала за безмолвное обвиненіе въ убійствѣ.

Когда поѣздъ подошелъ къ платформѣ, она вошла въ вагонъ перваго класса и забилась въ самый дальній уголъ, каждую секунду ожидая, что ее арестуютъ. Послѣ остановки, показавшейся ей нескончаемой, поѣздъ тронулся съ мѣста; но тутъ ей пришла въ голову мучительная мысль: навѣрно по телеграфу дано будетъ знать на слѣдующую станцію, чтобы ее арестовали. На слѣдующей станціи, во время остановки, кондукторъ случайно остановился и поглядѣлъ на нее, проходя мимо, и это сейчасъ же навело ее на мысль, что ему велѣно за нею слѣдить.

Когда поѣздъ подъѣхалъ, наконецъ, къ той станціи, около которой жилъ Кросли, она долго собиралась съ духомъ, чтобы выйти изъ выгона, и только когда поѣздъ уже тронулся, она выскочила на платформу, рискуя сломать себѣ шею. Ей казалось (какъ оно и было въ самомъ дѣлѣ), что любопытные глаза слѣдятъ за нею изъ оконъ вагоновъ, и она почти ожидала, что кондукторъ дастъ знакъ поѣзду остановиться и задержитъ ее.

Какъ бы то ни было, а поѣздъ скрылся изъ виду, причемъ дверца вагона, изъ котораго выскочила Клара, качалась взадъ и впередъ, къ великому прискорбію сторожа, замѣтившаго Кларѣ:

— Напрасно вы это сдѣлали, миссъ: это противъ правилъ, и кромѣ того вы могли убиться...

Послѣднее соображеніе, очевидно, было для него второстепеннымъ.

— Эге! да у васъ билетъ въ Лондонъ!—сказалъ онъ, когда она подала ему свой билетъ.

— Да, но я передумала.

— Какъ угодно, миссъ,—отвѣчалъ онъ весело, зная, что легко и съ выгодой сбудетъ билетъ.

Она не прошла и нѣсколько шаговъ отъ станціи, какъ онъ крикнулъ ей вслѣдъ:

— А багажъ есть, миссъ?

— Нѣтъ.

— А то я думалъ,—онъ уѣхалъ съ поѣздомъ въ Лондонъ.

Совершенно напрасно было брать билетъ до Лондона,—подумалось ей: этимъ она только привлекла на себя всеобщее вниманіе. Кромѣ того и непрактично, такъ какъ у нея было очень мало денегъ, и она могла достать ихъ, только продавъ какую-нибудь изъ своихъ драгоцѣнностей. Но, можетъ быть, ей не придется прибѣгать къ этому, если Годфри Кросли отнесется къ ней какъ слѣдуетъ. Что̀ сказать ему? Говорить ли ему всю правду, что она ради него совершила преступленіе, какъ она теперь убѣдила себя, или же сказать только, что мужъ умираетъ, если

уже не умеръ, и такъ какъ грозитъ слѣдствіе, то Годфри не долженъ терять ни минуты времени, если хочетъ уклониться отъ него?

Она слишкомъ упала духомъ, чтобы сознаться въ преступленіи даже передъ Кросли. Будь она даже увѣрена въ его сочувствіи, ей нестерпимо, невозможно признаться. Думать объ этомъ было нестерпимо, не то что говорить, а тѣмъ болѣе теперь, когда она далеко не увѣрена въ его симпатіи.

XL.

Кларѣ не приходило въ голову, пока она не очутилась у дверей Кросли, что его можетъ не быть дома, или что онъ можетъ ее не принять. Какъ ей поступить въ такомъ случаѣ, когда каждая минута дорога?

Эта мысль такъ испугала ее, что когда оказалось, что онъ дома и принимаетъ, она перешла изъ одной крайности въ другую и стала надѣяться, что онъ ее не отвергнетъ и соединитъ свою судьбу съ ея судьбою.

Эта надежда была убита сразу тѣмъ, какъ онъ ее встрѣтилъ. Пріемъ былъ холоденъ и сухъ и лучше всякихъ словъ говорилъ о его охлажденіи къ ней.

Онъ пододвинулъ ей кресло и остановился передъ нею, съ удивленіемъ глядя на ея разстроенное лицо. Пятна румянъ только рѣзче выдавали его мертвенную блѣдность. Даже и въ такой моментъ Клара вспомнила про румяна и, вставъ съ кресла, обратилась спиной къ свѣту.

— Годфри, онъ умираетъ... можетъ быть, въ эту минуту уже умеръ,—произнесла она трепетнымъ голосомъ, съ мольбой глядя ему въ глаза.

Онъ былъ совсѣмъ пораженъ.

— Умираетъ!—вскрикнулъ онъ.

— Да, и предстоитъ слѣдствіе.

Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго онъ сказалъ:

— Ну, что-жъ дѣлать! не могъ же я дать себя вторично сбить съ ногъ.

— Но все обнаружится, и кромѣ того... кромѣ того, будетъ слѣдствіе,—повторила она безсмысленно, видя по его холодному, какъ ледъ, лицу, что онъ нисколько не тронутъ ея положеніемъ.

— Я уже сказалъ, что дѣлать нечего,—съ нетерпѣніемъ проговорилъ онъ.

— Но мы можемъ бѣжать... оставить Англію,—жалобно сказала она, хватаясь за его сюртукъ.

— Бѣжать! Я ни за что этого не сдѣлаю. Пусть разслѣдуютъ дѣло; меня ни въ чемъ нельзя обвинить, кромѣ того, что я ударилъ его при законной самооборонѣ.

Она выпустила его сюртукъ и упала въ кресло.

— Вы къ этому непричастны; они не могутъ обвинить васъ, —сказалъ онъ ей въ утѣшеніе.

— Непричастна!—съ горечью повторила она.

— Да, конечно! противъ васъ нѣтъ никакихъ уликъ, нѣтъ писемъ, кромѣ тѣхъ, какія вы сами писали, — прибавилъ онъ, глядя на нее такъ многозначительно, что она догадалась и покраснѣла.

— Что вы хотите сказать?—пробормотала она.

— А вотъ что,--отвѣчалъ онъ и, подойдя къ письменному столу, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ и досталъ анонимное письмо, которое она написала въ духѣ прогнанной служанки миссъ Просcеръ.—Это не вашъ слогъ, но вашъ почеркъ,—сказалъ онъ, протягивая ей письмо.

Она хотѣла его взять, но онъ не далъ.

— Нѣтъ; вамъ незачѣмъ читать его; оно стоило вамъ такихъ трудовъ,—вы, вѣроятно, помните каждое слово въ немъ.

— Я не знаю, о чемъ вы говорите! — вскричала она, пытаясь выразить негодованіе.

Онъ покачалъ головой.

— Я думаю, мы оба безъ труда узнаемъ вашъ прекрасный почеркъ, несмотря на ваши старанія измѣнить его, — сказалъ онъ и положилъ письмо обратно въ письменный столъ.

— Но не будемъ ссориться: въ любви, какъ и на войнѣ, все дозволено; вы получили свои письма?—прибавилъ онъ.

— Да,—пролепетала она, чувствуя себя беапомощной въ его безжалостныхъ рукахъ.

— Значитъ, противъ васъ рѣшительно нѣтъ никакихъ уликъ и обвинять васъ не въ чемъ; что касается меня, то я долженъ выждать и идти на рискъ. Я попалъ въ проклятую путаницу и не по своей винѣ... но ни хныкать, ни спасаться бѣгствомъ, конечно, не стану.

У Клары не нашлось даже сарказма, чтобы отвѣтить на бездушное и подлое, какъ ей казалось, обвиненіе въ томъ, что всю путаницу произвела она. Вся ея энергія растаяла какъ воскъ, и ей стоило невѣроятныхъ усилій съ спокойнымъ достоинствомъ

встать съ мѣста, бросить на него презрительный взглядъ и величественно выйти изъ комнаты.

Онъ стоялъ и съ восхищеніемъ глядѣлъ ей вслѣдъ. Не жениться ли ему теперь на ней, когда она стала богатой вдовой?

Но ему припомнились нѣкоторыя женоненавистническія характеристики Ларошфуко, въ томъ числѣ слѣдующая: „Dans les premières passions les femmes aiment l'amant; dans les autres elles aiment l'amour“,—и онъ отбросилъ эту мысль и задумался о томъ положеніи, въ какое ставила его смерть Веріена.

Въ сущности, страсть Клары убила его страсть, пробудивъ въ немъ отвращеніе и недовѣрчивое опасеніе.

Тѣмъ временемъ Клара чувствовала, что земля какъ будто бы уходитъ изъ-подъ ея ногъ.

Онъ, которому она все отдала, ради котораго всѣмъ пожертвовала и даже рисковала жизнью—теперь она окончательно приписывала ему свое преступленіе—отвернулся отъ нея!

Въ первую минуту бѣшенство и негодованіе поддержали Клару, но они вскорѣ растаяли, и, какъ мы уже говорили, ей показалось, что земля уходитъ изъ-подъ ея ногъ. Надо припомнить, что до сихъ поръ она твердо вѣрила въ любовь Годфри Кросли. Что другое, какъ не любовь къ ней, могло побудить его въ ту ночь вернуться въ домъ Керью? Онъ, конечно, раскаялся въ своемъ отказѣ соединить съ ней жизнь и вернулся, чтобы поручить Джоржу Керью передать ей это. Такъ объясняла она его поведеніе въ ту ночь, и даже то обстоятельство, что онъ прислалъ ей обратно ея письма, ни строчки не написавъ самъ, не поколебало ея увѣренности въ немъ. Онъ не писалъ изъ деликатности и изъ осторожности, въ виду возможной смерти ея мужа и слѣдствія.

Но теперь никакого сомнѣнія не могло быть; онъ низко и безповоротно бросилъ ее, а съ нимъ погибло все, что она любила и для чего жила. Какъ она жалѣла, что не приберегла хлоралъ, которымъ отравила мужа, для себя! Хотя сомнительно, нашлось ли бы въ ней мужество прибѣгнуть къ яду, еслибы онъ находился у нея подъ руками. Но во всякомъ случаѣ ею овладѣло мужество отчаянія, когда человѣкъ ничего не боится, думая, что ничего хуже съ нимъ не можетъ быть. Она почти машинально прошла на станцію, не боясь, что ее арестуютъ и совсѣмъ даже о томъ не думая.

— Въ которомъ часу идетъ ближайшій поѣздъ? — спросила она у сторожа.

— Ближайшій поѣздъ, миссъ? Въ 10 ч. 49 м. идетъ поѣздъ

въ Соверби-Бриджъ, Акрингтонъ, Блакбернъ, Престонъ и Ливерпуль.

Ливерпуль! тамъ она, конечно, найдетъ корабль, на которомъ она можетъ куда-нибудь уплыть. Она пошла въ кассу и взяла билетъ второго класса въ Ливерпуль, потому что денегъ у нея было немного, и ей приходилось экономничать.

Она сѣла въ залѣ второго класса въ ожиданіи поѣзда и глядѣла передъ собой, никого и ничего не видя, точно статуя, пока не пришелъ поѣздъ и она не нашла себѣ мѣста въ биткомъ-набитомъ вагонѣ.

Странно, какъ въ силу умственнаго закона тяготѣнія предметы затрогиваютъ и притягиваютъ насъ не только въ пропорціи къ ихъ собственной значительности, но и пропорціонально разстоянію, отдѣляющему ихъ отъ насъ. Мы философски перенесемъ смерть, происшедшую за тридевять земель отъ насъ, и очень близко примемъ ее къ сердцу, если она случится у насъ, дома, и это не только потому, что „pompa mortis magis terret quam mors ipsa", что стоны, плачъ окружающихъ, блѣдныя лица, черныя одежды и церемонія похоронъ окружаютъ смерть ужасомъ, но и потому, что разстояніе ослабляетъ силу удара.

Это особенно касается дѣтей и дѣтскихъ натуръ, къ которымъ принадлежала и Клара, съ большою примѣсью животнаго. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ отдалялся отъ станціи, и Клара увидѣла, по разговорамъ людей, сидѣвшихъ съ ней въ одномъ вагонѣ, что она попала въ атмосферу Уорстона, мысли ея становились все мрачнѣе и мрачнѣе и погибель казалась все ближе и ближе. Что̀ бы подумали эти люди, еслибы узнали все? съ какимъ отвращеніемъ они отвернулись бы отъ нея! Но какое ей дѣло до того, что̀ они будутъ думать о ней, когда она будетъ далеко, далеко отъ нихъ! что за дѣло, какъ они будутъ разсказывать, что ѣхали въ одномъ съ нею вагонѣ, и описывать ея наружность, и какъ она себя держала.

Это вдругъ напомнило ей случай, про который она читала; какъ давно это было,—цѣлая вѣчность, казалось ей, прошла съ тѣхъ поръ: дѣло шло о процессѣ какой-то женщины, и она вспомнила, какъ описывали газеты наружность и поведеніе этой женщины въ судѣ. И Клара въ полузабытьѣ придумывала выраженія, въ какихъ эти самыя газеты будутъ писать про нее и про то, какъ она ведетъ себя на судѣ; эти мысли проносились въ ея головѣ, быстрыя, какъ тѣ облачка, которыя предшествуютъ бурѣ. Затѣмъ вдругъ, какъ молнія, сверкнула страшная мысль объ исходѣ дѣла. Смерть позорная, ужасная—ждала ее.

Она лежала какъ бы въ полу-обморокѣ, съ закрытыми глазами, когда эта мысль ударила ее какъ громомъ и разсѣяла неопредѣленныя, смутныя фантазіи, роившіяся въ ея головѣ. Она почувствовала какъ бы физическій ударъ, и послѣ того вплоть до Ливерпуля мысли ея не отрывались отъ эшафота. Ей припомнился даже остроумный отвѣтъ, данный ею м-съ Крозье въ тѣ отдаленныя времена, когда она еще могла быть остроумна. Та защищала м-съ Дальби, которую Клара называла сплетницей, а м-съ Крозье доказывала, что она сплетничаетъ безъ всякой злобы.

— Она такъ любитъ дѣтей,—прибавила эта добрѣйшая, хотя и безтолковая женщина, въ видѣ побѣдоноснаго аргумента.

— А говорятъ, Марвудъ очень любитъ цвѣты, — отвѣтила Клара.

Марвудъ былъ палачъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страстный садоводъ.

И этотъ человѣкъ, о которомъ она говорила какъ о какомъ-нибудь историческомъ ужасѣ, отдѣленномъ отъ насъ вѣками, можетъ быть...

Характеристично для натуры было то, что ей исключительно представлялись физическіе ужасы казни, заслуженной ею, и вовсе не приходило въ голову никакихъ другихъ соображеній.

Когда пріѣхали въ Ливерпуль, она недвижимо сидѣла въ своемъ углу въ то время, какъ всѣ другіе пассажиры уже вышли изъ вагона, и не столько изъ боязни, что ее арестуютъ, едва она выйдетъ на платформу, сколько отъ физическаго оцѣпенѣнія, вызваннаго отчаяніемъ.

— Мы пріѣхали въ Ливерпуль, миссъ,—сказалъ какой-то добродушный пассажиръ, выходя изъ вагона, но она не услышала его или не обратила на него вниманія. И только когда кондукторъ, пришедшій осмотрѣть вагоны, не забыто ли въ нихъ какихъ вещей пассажирами, крикнулъ ей:

— Васъ не повезутъ въ Америку по желѣзной дорогѣ, миссъ, —она встала и вышла изъ вагона.

„Почему онъ знаетъ, что я ѣду въ Америку?“ подумала она съ тупымъ удивленіемъ, но не остановилась на этомъ вопросѣ.

Физическое истощеніе играло большую роль въ ея умственномъ безсиліи: она еще ничего не ѣла сегодня,—только проглотила чашку чаю и выпила рюмку вина.

Но она не рѣшилась пойти въ буфетъ и поспѣшила оставить станцію.

Она не посмѣла взять кэбъ около станціи, боясь, чтобы ее

не выслѣдили по немъ, и, пройдя нѣсколько улицъ, возвращаясь назадъ и крутясь, какъ заяцъ, преслѣдуемый собаками, рѣшилась, наконецъ, нанять извозчика.

— Куда везти, миссъ?

— Къ кораблямъ, отправляющимся въ Америку.

— Какой линіи, миссъ?

— Какіе отходятъ сегодня?

Извозчикъ не зналъ; но такъ какъ могъ узнать это дорогою, то сѣлъ на козлы и поѣхалъ, полагая, что такъ какъ у нея нѣтъ багажа и она не знаетъ, какіе корабли сегодня отходятъ, то, вѣроятно, хочетъ только поглядѣть или проводить кого-нибудь.

Но такъ какъ мысль, что она можетъ быть въ числѣ провожатыхъ, совсѣмъ не пришла въ голову Кларѣ, то она почувствовала, что отсутствіе багажа и незнаніе даже имени корабля, съ какимъ она хочетъ ѣхать, могутъ показаться подозрительными извозчику и помочь полиціи напасть на ея слѣдъ. А потому, когда они подъѣхали къ набережной, она остановила извозчика и расплатилась съ нимъ, объявивъ, что ей нужно еще кое-что купить.

Когда извозчикъ уѣхалъ, она стала искать съѣстной лавки, гдѣ бы ей позавтракать, такъ какъ сознавала, что мысли ея прояснятся, если она поѣстъ. Но хотя она была голодна, однако не чувствовала аппетита, и жалкія яства, выставленныя въ окнахъ съѣстныхъ лавокъ этого бѣднаго квартала, казались ей довольно отвратительными.

Наконецъ, она рѣшилась войти и велѣла подать себѣ чаю, а пока сидѣла и съ лихорадочнымъ волненіемъ оглядывалась на входящихъ и уходящихъ посѣтителей, которые всѣ, казалось ей, не только сами уставляли на нее глаза, но и, уходя, присылали другихъ глядѣть на нее.

И, по правдѣ сказать, костюмъ ея и наружность такъ несоотвѣтствовали тому мѣсту, гдѣ она находилась, что мудренаго нѣтъ, если обычные посѣтители поглядывали на нее съ такой же подозрительностью, съ какою въ большой и нарядной лавкѣ стали бы глядѣть на оборванную нищенку.

Но Клара забрала себѣ въ голову, что телеграфъ и вечернія газеты уже извѣстили объ ея преступленіи и бѣгствѣ въ Ливерпуль, вмѣстѣ съ описаніемъ ея костюма и наружности. Отсюда тѣ подозрительные взгляды, какіе на нее устремлялись со всѣхъ сторонъ.

Въ концѣ концовъ, ею овладѣлъ паническій страхъ, что вотъ-вотъ войдетъ полисменъ, и она встала, торопливо заявляя:

— Я не могу долѣе ждать; сколько я вамъ должна?

— Сейчасъ, сейчасъ, миссъ. Бетси, скоро ли ты подашь чай?—закричала продавщица пронзительнымъ голосомъ дочери, приготовлявшей чай въ другой комнатѣ, и собиралась сама туда идти, но Клара остановила ее:

— Не нужно, не нужно; право, я не могу долѣе ждать; сколько вамъ нужно за чай и вотъ за это?—И она взяла печенье, черствое какъ камень.

— Нѣтъ, вы получите вашъ чай. Бетси!

Но Клара забрала себѣ въ голову, что ее задерживаютъ ловкимъ манеромъ, чтобы арестовать.

— Довольно съ васъ? — трепетно вскричала она, вынимая шиллингъ изъ кошелька и кладя его на прилавокъ. И, не дожидаясь отвѣта, вышла изъ лавки.

Она свернула въ первую попавшуюся улицу и потомъ въ другую, въ третью, чтобы сбить съ толку преслѣдователей, пока, наконецъ, паническій страхъ ея не улегся, и въ головѣ мелькнула мысль, что она должна немедленно продать одну изъ своихъ драгоцѣнностей и добыть, такимъ образомъ, денегъ на покупку билета.

Боясь привлечь вниманіе, если станетъ разспрашивать прохожихъ, она долго бродила по улицамъ, отыскивая золотыхъ дѣлъ мастера, пока не очутилась опять около набережной и доковъ. Наконецъ, она рѣшилась спросить у проходившаго матроса, не знаетъ ли онъ, гдѣ здѣсь золотыхъ дѣлъ мастеръ.

— Конечно, миссъ,—отвѣчалъ онъ съ такой добродушной готовностью ей услужить, что она почувствовала къ нему благодарность.

Пройдя съ нею шаговъ двадцать, онъ указалъ ей на магазинъ часового дѣлъ мастера, куда она торопливо вошла.

Магазинъ былъ не роскошный, но, можетъ быть, потому самому удобнѣе для ея цѣли.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—подобострастно спросилъ содержатель магазина.

— Я бы хотѣла продать нѣкоторыя изъ этихъ вещицъ,—сказала она, раскрывая мѣшочекъ и обнаруживая его богатства передъ глазами удивленнаго часовщика.

Въ то время, какъ она перебирала вещицы, обдумывая, какія бы изъ нихъ продать, онъ глядѣлъ на нее, отмѣчая румяна на ея блѣдныхъ щекахъ и соображая, какими болѣе или менѣе безчестными путями пріобрѣла она эти вещи.

— Это не по моей части,—проговорилъ онъ, переходя изъ подобострастнаго тона въ дерзкій, поразившій ее.

Она взглянула на него сначала молча, но потомъ проговорила молящимъ голосомъ:

— Но у меня есть вещи въ такомъ же родѣ, какъ выставлены у васъ въ окнахъ, и я уступлю вамъ ихъ за полцѣны. Вотъ эти кольца, напримѣръ...

— Ступайте, ступайте, вы не туда попали! — рѣзко сказалъ онъ.

Она молча закрыла мѣшочекъ и вышла вонъ изъ лавки.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она ничего не могла сообразить и машинально шла по улицѣ. Въ ушахъ у нея звучали какіе-то стихи, и она машинально повторяла ихъ про себя.

Въ эту минуту съ ней поровнялся пьяный рабочій съ доковъ и, собираясь обхватить ее за талію, во весь голосъ закричалъ, точно онъ былъ въ сто саженяхъ отъ нея. Вырвавшись отъ него и придя немного въ себя, она старалась сообразить, куда ей теперь направиться и что̀ дѣлать? Въ сущности, она была такъ истощена голодомъ, усталостью и страшными умственными терзаніями, черезъ которыя прошла, что не могла уже сосредоточить своихъ мыслей ни на чемъ и ни на комъ. Но, инстинктивно ища помощи, она вернулась на то мѣсто, гдѣ ей повстрѣчался добрый матросъ. Быть можетъ, онъ посовѣтуетъ ей, какъ продать ея драгоцѣнности.

Матросы, которые сегодня тутъ, а завтра тамъ, мало интересуются тѣмъ, что̀ происходитъ въ тѣхъ портахъ, куда ихъ заноситъ судьба, и слухи объ убійствѣ, вѣроятно, еще не дошли до нихъ. Она вернулась на то мѣсто, гдѣ встрѣтила матроса, но его уже тамъ не было.

Въ изнеможеніи остановилась она на набережной, оперлась на перила и стала глядѣть на корабль, бывшій у нея передъ глазами, раздумывая, куда онъ отправляется и сколько стоитъ билетъ на проѣздъ. Затѣмъ взглядъ ея остановился на матросѣ, качавшемся на одной изъ мачтъ. Что, если у него закружится голова и онъ упадетъ въ воду? Не задохнется ли онъ при паденіи, прежде чѣмъ упадетъ въ воду? Или же онъ разобьется, или утонетъ безъ всякой борьбы? А не то онъ можетъ хлопнуться головой о палубу...

Эти мысли напомнили ее о томъ, какъ упалъ въ воду ея мужъ, а затѣмъ вереницей потянулись тѣ страшныя мысли, отъ которыхъ она вскрикнула громко, какъ ей показалось, и въ испугѣ оглянулась—и вдругъ увидѣла констэбля, подходившаго къ ней не тѣмъ тихимъ и безцѣльнымъ шагомъ, какимъ обыкновенно ходятъ полисмены, а быстро, какъ человѣкъ, направляющійся къ

извѣстной, опредѣленной цѣли, и этой цѣлью могла быть, очевидно, только она.

Она на нѣсколько секундъ окаменѣла, точно отъ взгляда Медузы, затѣмъ, повернувшись, пустилась бѣжать.

— Эй! стойте! *васъ*-то мнѣ и нужно!—закричалъ полицейскій, но она понеслась еще быстрѣе въ паническомъ страхѣ. Она бросила мѣшокъ, чтобы онъ не мѣшалъ ей бѣжать... тщетно!.. полицейскій уже нагонялъ ее... еще минута—и онъ бы схватилъ ее, но вдругъ, съ разбѣга или намѣренно, она бросилась или упала въ воду съ высоты двадцати футовъ.

Полицейскій на секунду обомлѣлъ, но затѣмъ завопилъ:

— Лодку! лодку! скорѣе! женщина упала въ воду!

Но никого не было въ виду, кромѣ матроса на мачтѣ; а тотъ находился слишкомъ далеко, чтобы разслышать, что̀ кричалъ полицейскій.

Наконецъ, крикъ и жесты, которыми онъ указывалъ на воду, обратили вниманіе экипажа другихъ кораблей, и съ одного изъ нихъ матросъ бросился въ воду и поплылъ къ тому мѣсту, на какое указывалъ полицейскій, а затѣмъ спущена была и лодка съ другого корабля—но или Клара совсѣмъ не всплыла на поверхность воды, или всплыла позади доковъ, и такимъ образомъ всѣ попытки спасти ее оказались безуспѣшными.

XLI.

Нѣсколько словъ въ поясненіе погони полицейскаго за бѣдной Кларой.

Выборъ магазина часового дѣлъ мастера, съ цѣлью продажи вещей, не только не былъ удаченъ, какъ полагала Клара, судя по бѣдности околотка, а совсѣмъ наоборотъ: она не могла хуже выбрать, такъ какъ сосѣдство притоновъ для сбыта воровскихъ вещей дѣлало содержателя магазина особенно разборчивымъ и щекотливымъ. Онъ вознегодовалъ на Клару за то, что она приняла его лавку—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ вообразилъ—за одинъ изъ такихъ притоновъ.

„Эти негодяи совсѣмъ портятъ ремесло“,—размышлялъ онъ, когда Клара вышла изъ магазина, и его негодованіе было тѣмъ сильнѣе оттого, что онъ долженъ былъ упустить изъ страха передъ полиціей такое выгодное дѣло, которымъ „негодяи“ непремѣнно воспользуются. Наконецъ, злоба и зависть такъ разожгли его, что онъ вдругъ крикнулъ женѣ:—Минни!

Когда Минни сбѣжала сверху, онъ велѣлъ ей посидѣть въ лавкѣ, пока самъ сбѣгаетъ по дѣлу. Схвативъ шляпу, онъ бросился въ ближайшій полицейскій участокъ и духомъ отрапортовалъ дежурному полицейскому надзирателю о случившемся, прибавивъ:

— Вещей пропасть, и дорогихъ, скажу вамъ; надо торопиться; по самой слабой оцѣнкѣ, въ мѣшочкѣ на сто фунтовъ золота, если вы бросите его въ огонь.

Онъ разумѣлъ, что еслибы расплавить золотыя украшенія, то золота оказалось бы на такую сумму.

Послѣ чего полицейскій надзиратель засуетился, и оба вмѣстѣ дошли до магазина часовыхъ дѣлъ мастера. Дальше послѣдній отказался идти съ полицейскимъ, такъ какъ репутація полицейскаго шпіона будетъ служить не къ его славѣ въ околоткѣ. Полицейскому пришлось поэтому удовольствоваться указаніемъ, въ какую сторону пошла незнакомка, и подробнымъ описаніемъ ея костюма и наружности. Ему не трудно было выслѣдить послѣ того Клару, а ея бѣгство окончательно убѣдило его, что часовыхъ дѣлъ мастеръ правъ, подозрѣвая въ ней воровку.

Между тѣмъ какъ лодка, подобравъ храбраго матроса, бросившагося въ воду спасать Клару, продолжала разыскивать утопленницу, полицейскій пошелъ поднять мѣшочекъ, долженствовавшій служить противъ нея уликой. Совѣсть его, однако, была не совсѣмъ спокойна, такъ какъ онъ не зналъ, какой вердиктъ можетъ постановить крючкотворъ-коронеръ, а потому онъ сильно ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ ему показать на слѣдствіи, упала ли женщина нечаянно въ воду, или нарочно бросилась въ нее. По зрѣломъ размышленіи, онъ рѣшилъ однако, что будетъ безопаснѣе для него показать, что она оступилась и упала въ воду нечаянно.

Онъ такъ и показалъ послѣ на слѣдствіи подъ присягой, и вердиктъ былъ постановленъ о „случайной смерти".

Еслибы Клара принадлежала къ числу неинтересныхъ женщинъ, то вердиктъ былъ бы, безъ сомнѣнія, таковъ: „Самоубійство въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства", такъ какъ слѣдствіе выяснило, что она бѣжала изъ дома въ состояніи умопомѣшательства, причиненнаго потрясеніемъ, испытаннымъ при извѣстіи, что мужу дали лишнюю дозу хлорала. Вѣдь послѣ этого-то она и убѣжала изъ дому, не захвативъ съ собою никакого иного багажа, кромѣ драгоцѣнностей, подаренныхъ ей нѣжно любимымъ мужемъ. Она поѣхала въ Лондонъ, съ полпути бросила поѣздъ и отправилась въ Ливерпуль; въ Ливерпулѣ бродила безцѣльно

взадъ и впередъ, взяла извозчика и, не доѣхавъ до мѣста назначенія, отпустила; заказала завтракъ и не стала его ѣсть, и, въ концѣ концовъ, вздумала продать тѣ самыя драгоцѣнности, которыми такъ дорожила, какъ подаркомъ обожаемаго мужа.

Конечно, скажетъ читатель, всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, должны были вызвать вердиктъ о „самоубійствѣ въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства". Да, но не у англійскихъ присяжныхъ. То, что̀ наиболѣе тронуло присяжныхъ—предполагаемое умопомѣшательство Клары съ горя—какъ разъ и заставило ихъ постановить вердиктъ, что она была не помѣшанная: логика не есть главная черта британскаго жюри, и какъ интересная исторія Клары, такъ и ея высокое общественное положеніе, не позволили имъ очернить ее и ея семью приговоромъ о самоубійствѣ.

Мало того, что они постановили вердиктъ о „случайной смерти", но и съ негодованіемъ приписали эту случайность глупому и безтолковому усердію охранителя общественной безопасности, который показалъ подъ присягой какъ разъ то, что̀ считалъ наиболѣе для себя выгоднымъ. Красивое изображеніе нѣжной преданности Клары обожаемому супругу такъ тронуло сердца жюри, что они прибавили къ своему вердикту строгое порицаніе оффиціальной грубости полицейскаго, до смерти напугавшаго беззащитную лэди!

Надо, впрочемъ, сказать и то, что самъ викарій, хорошій знатокъ людскихъ характеровъ, имѣвшій къ тому же полную возможность узнать вполнѣ личность бѣдной Клары, тоже считалъ ея смерть дѣломъ случая, а не сознательнаго самоубійства.

— Не такая она женщина, чтобы прибѣгнуть къ самоубійству,—говорилъ онъ Джоржу Керью.—Она слишкомъ жила въ настоящемъ и скорѣе готова была купить минутную радость цѣною будущихъ страданій, чѣмъ пожертвовать благомъ данной минуты ради будущихъ.

Но опять-таки замѣтимъ, что викарію хотѣлось думать такъ, а не иначе, такъ какъ онъ чувствовалъ себя виноватымъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ Клары. Вѣдь онъ пригрозилъ ей арестомъ по обвиненію въ убійствѣ, хотя, какъ казалось, ничего подобнаго ей не угрожало. Гербертъ былъ слишкомъ крѣпкаго сложенія человѣкъ, и сердце у него было настолько здоровое, что его не могла убить двойная доза хлорала, а къ счастію въ пузырькѣ находилась только двойная доза.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ Клара воображала, что всѣ смотрятъ на нее въ Ливерпулѣ, какъ на убійцу, Гербертъ

медленно пришелъ въ себя, но находился въ состояніи полнѣйшей нервной прострацiи, и жизнь его долго висѣла на волоскѣ.

И не прежде, какъ двѣ недѣли спустя послѣ всего вышеописаннаго, осмѣлился викарій сообщить ему о смерти Клары. Въ теченіе этихъ двухъ недѣль Гербертъ мало и даже почти совсѣмъ не упоминалъ о ней. Но вотъ однажды, когда викарій сидѣлъ около него, онъ вдругъ сказалъ:

— О! кстати, что же завѣщаніе?

— А что?

— Видѣлись вы съ Эрмитеджемъ?

— Да, онъ пріѣзжалъ сюда; но вы были слишкомъ слабы, чтобы заниматься этимъ.

Помолчавъ немного, Гербертъ сказалъ:

— Хорошо, что такъ вышло... Боюсь, я бы составилъ тогда очень злой документъ; но вы не можете себѣ представить, въ какомъ безумно раздражительномъ состояніи находился я тогда... право, я думаю, что былъ совсѣмъ не въ своемъ умѣ.

— О! пустяки! вы не могли переносить шума, такъ какъ вашъ мозгъ былъ сотрясенъ—вотъ и все.

— Но странно воображать, будто шумъ дѣлается нарочно, чтобы повредить мнѣ.

И снова помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Вы помните, я говорилъ вамъ, что жена намѣрена меня убить, оттого, что она шелестила газетой? Согласитесь,—это похоже на сумасшествіе.

И какъ викарій ничего не отвѣчалъ, приготовляя отвѣтъ, который теперь становился неизбѣжнымъ, такъ какъ Гербертъ рано или поздно спроситъ о женѣ, Гербертъ продолжалъ:

— Право, я собирался лишить ее наслѣдства главнымъ образомъ за это, а не за что-нибудь другое. И я радъ, что этого не сдѣлалъ; по справедливости и даже изъ приличія, я обязанъ дать ей средства къ жизни. Какъ вы думаете?

— Конечно,—пробормоталъ викарій и поспѣшно прибавилъ:— но теперь вамъ не зачѣмъ пока составлять завѣщанія. Вы внѣ опасности, по увѣренію докторовъ.

— Да я и не въ силахъ этимъ заниматься,—устало проговорилъ Гербертъ, и викарій успокоился.

Но вдругъ Гербертъ, который очевидно думалъ все о томъ же, спросилъ:

— Вы ее не пускали ко мнѣ, должно быть, изъ-за того, что я вамъ сказалъ о ней?

— Кого?—спросилъ викарій смущенно.

— Жену... Я вѣдь вамъ говорилъ, что она хочетъ убить меня, и вѣроятно поэтому вы не пускали ее ко мнѣ?

— Я сказалъ докторамъ, какъ разстраиваетъ васъ ея присутствіе.

— О! прекрасно! Не думаю, чтобы она очень близко приняла къ сердцу то, что ее ко мнѣ не пускали. Она дома?

— Нѣтъ; дѣло въ томъ... надо вамъ сказать... вышло то, что...

— Она... она съ нимъ убѣжала?—вскричалъ Гербертъ, заключая такъ изъ смущеннаго и растеряннаго вида Герберта.

— Нѣтъ, нѣтъ; но съ ней случилось несчастіе... очень крупное несчастіе.

— Она умерла?—спросилъ Гербертъ шопотомъ, устремивъ съ ужасомъ глаза на викарія.

— Да.

— Великій Боже!

И онъ молча лежалъ нѣсколько минутъ, а затѣмъ сказалъ:

— Я бы желалъ, чтобы мы разстались съ нею, не поссорившись.

Онъ еще нѣкоторое время пролежалъ молча и, наконецъ, спросилъ:

— Какъ это случилось?

— Она уѣхала въ Ливерпуль двѣ недѣли тому назадъ и тамъ, стоя на докахъ, была испугана, оступилась и упала въ воду?

— Въ Ливерпулѣ? она была одна?—спросилъ Гербертъ тономъ чрезмѣрнаго волненія, такъ какъ Ливерпуль и доки неизбѣжно наводили на мысль о бѣгствѣ, эмиграціи, и пр.

— Совершенно *одна*,—подчеркнулъ послѣднее слово викарій.

Пока Гербертъ собирался съ духомъ, чтобы разспрашивать далѣе, викарій, какъ бы угадывая его мысли, сказалъ:

— Этотъ человѣкъ черезъ три недѣли долженъ обвѣнчаться съ миссъ Проссеръ,—давая такимъ образомъ понять Герберту, что о бѣгствѣ Клары не могло быть и рѣчи. Но этотъ отвѣтъ естественно навелъ Герберта на мысль о самоубійствѣ Клары, приведенной въ отчаяніе измѣной Кросли, съ которымъ она собиралась бѣжать и затѣмъ пріѣхала въ Ливерпуль.

— Это произошло *случайно*?—спросилъ онъ, вопросительно глядя на викарія.

— Да, конечно,—поспѣшно отвѣтилъ викарій:—чистая случайность.

Больше ничего объ этомъ предметѣ не было сказано, да и Гербертъ былъ еще слишкомъ слабъ для того, чтобы узнать всю правду.

Тѣмъ временемъ вмѣстѣ съ болѣзнью прошла и его юноше-

ская вѣтренность, потому что кажущаяся слабость характера въ немъ была не чѣмъ инымъ, какъ юношеской незрѣлостью. На краю гроба характеръ его созрѣлъ и установился, и онъ запомнилъ на всю жизнь горькій урокъ, вынесенный имъ благодаря необдуманному и страстному увлеченію и знакомству съ характеромъ Клары, а также и съ своимъ собственнымъ. Былъ ли онъ самъ настолько безгрѣшенъ, чтобы бросить въ нее камнемъ?

Это сознаніе вины за собой сдѣлало его почти такимъ же нервнымъ и смущеннымъ, какъ была сама Китти при ихъ первомъ свиданіи, когда ему позволили, наконецъ, выйти въ столовую.

Кромѣ того, между ними стояла могила, и воспоминаніе о ней было слишкомъ свѣжо, чтобы не сдѣлать ихъ сдержанными и осторожными.

Китти подумала бы даже, что онъ совсѣмъ забылъ про его послѣднее прощаніе съ нею и про выраженныя имъ чувства, еслибы глаза его не слѣдили съ нѣжностью за каждымъ ея движеніемъ.

Но чтò бы ни выражали его взгляды, а говорилъ онъ робко и смущенно и упорно держался пустыхъ или общихъ предметовъ.

Такимъ предметомъ явились ея произведенія: романъ, уже напечатанный ею, и тотъ, надъ которымъ она теперь работала.

И во время этого разговора она нашла разгадку задачи, давно уже смущавшей ее. Онъ просилъ ее прочитать ему свой новый романъ.

— Ахъ! я такъ имъ недовольна! такъ недовольна!—жалобно отвѣчала она.—Отъ него будутъ ждать такъ много послѣ нелѣпыхъ похвалъ, которыми удостоили критики „Основу“.

— Если будутъ ждать, то и найдутъ. Если не критики, то публика. Вы помните сказку Андерсена: „Царское новое платье“?

— Да, помню,—отвѣчала Китти, улыбаясь.

— Вѣдь это не что иное, какъ притча о публикѣ, которая видитъ красоту тамъ, гдѣ ей указано.

— Но она не увидитъ никакой красоты, если критики растерзаютъ на части мой романъ. А они навѣрное это сдѣлаютъ. И мнѣ это будетъ обидно не столько за себя,—прибавила она,—сколько за издателей.

— За издателей?

— Да; они были такъ щедры; они предложили мнѣ за него 500 ф. с., даже не читавши, и когда я написала имъ о томъ, что, боюсь, романъ выйдетъ неудаченъ, то получила самый любезный отвѣтъ отъ м-ра Холлюнделли. Онъ долженъ быть очень добрый человѣкъ!

— Онъ? настоящій старый аспидъ. Вы...

Но тутъ онъ вдругъ умолкъ, встрѣтивъ ея вопросительный взглядъ.

— Вы съ нимъ знакомы? — спросила она, замѣтивъ слабый румянецъ, показавшійся на его блѣдныхъ щекахъ, и смущеніе, равнявшееся почти признанію.

— Я встрѣчалъ его,—пробормоталъ онъ.

— Вы, должно быть, вели съ нимъ дѣла, если узнали, что онъ аспидъ?

— Онъ пользуется такой репутаціей въ торговомъ мірѣ,— уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Вы постарались уплатить мнѣ долгъ, который, по вашему мнѣнію, на васъ лежалъ?—сказала она, проницательно и свѣтло вглядываясь въ него.

Подозрѣніе, не разъ мелькавшее у нея въ умѣ, перешло въ увѣренность.

— Что̀ вы хотите сказать?—пробормоталъ онъ, тщетно стараясь прикинуться удивленнымъ.

— Что вы купили мой второй романъ и наводнили рекламами журналы о первомъ?

— Вы не сердитесь? — спросилъ онъ съ смиреніемъ и тревогой, показывавшими, какъ дорого было ему ея мнѣніе.

— Мнѣ кажется, что я рада,—отвѣчала она.—Меня мучила мысль, что издатели понесутъ убытки изъ-за меня. Но увы! призракъ моей славы разсѣялся какъ дымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! увѣряю васъ, это не такъ. Вы не знаете, какія лестныя вещи наговорилъ мнѣ Холлюнделли о вашемъ первомъ романѣ. Но, разумѣется, первое произведеніе незнакомаго автора нуждается въ маленькой поддержкѣ. Но, право же, Холлюнделли говорилъ мнѣ, что у васъ блестящая литературная будущность. Кромѣ того, то обстоятельство, что „Основа“ была принята въ „Гектамеронъ“, уже много значитъ.

Такъ старался Гербертъ со всѣмъ краснорѣчіемъ, на какое только былъ способенъ, вернуть ей вѣру въ свою литературную карьеру.

Но пророчества его не оправдались. Китти не сдѣлала блестящей литературной карьеры, какую ей обѣщалъ Холлюнделли, по словамъ Герберта. „Основа“—ея первое произведеніе—осталось вмѣстѣ съ тѣмъ и ея лучшимъ произведеніемъ, не столько, можетъ быть, потому, что она исписалась въ этомъ произведеніи, сколько потому, что другія заботы, и въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, материнскія, скоро поглотили ея мысли и время. Для миссисъ Веріенъ она тоже стала матерью, исполняя божествен-

ное правило китайскихъ священныхъ книгъ: „когда старость обратитъ человѣка снова въ ребенка, тогда сыновняя любовь должна превратиться въ любовь родительскую".

Своему родному отцу она доставила средства безпрепятственно предаваться маніи изобрѣтеній различныхъ машинъ, главная сущность которыхъ состояла въ томъ, чтобы хитрыми и окольными путями достичь того, что̀ могло быть гораздо легче выполнено съ грубой прямотой и простотой.

Быть можетъ, высшимъ тріумфомъ его въ этомъ родѣ была автоматическая колыбель, которая приводилась въ движеніе часовымъ механизмомъ, заводившимся и дѣйствовавшимъ въ продолженіе четырехъ часовъ, при чемъ, однако, въ первые два часа колыбель качалась та̀къ шибко, что нянькѣ приходилось глядѣть во всѣ глаза, чтобы младенецъ Гербертъ не вывалился изъ люльки, а въ послѣдній часъ такъ тихо, что движеніе было столь же незамѣтно, какъ движеніе земли, и упрямаго младенца такъ же трудно было убѣдить въ томъ, что колыбель качается, какъ трудно было Галилею убѣдить инквизицію, что epur si muove.

Бѣдную м-съ Ѳутвенъ никакъ не могла Китти примирить съ собой, хотя та приняла пенсію, назначенную ей. Ничто не могло переубѣдить эту бѣдную женщину, что Клара не была доведена до самоубійства тѣмъ, что Китти отбила у нея мужа на одрѣ болѣзни, и она всегда называла Китти не иначе, какъ: „эта женщина", и съ такимъ омерзѣніемъ, что, по словамъ м-съ Дальби, она напоминала ей то религіозное отвращеніе, съ какимъ м-ръ Гартъ съ каѳедры говорилъ о „вавилонской блудницѣ", упоминаемой въ апокалипсисѣ.

Бидди назначили привратницей; она могла теперь свысока относиться къ своимъ прежнимъ врагамъ.

Викарій счастливо прожилъ до глубокой старости, благополучно избѣгнувъ большинства старческихъ недуговъ.

— Въ старости особенно печально не то, что нѣтъ никакихъ радостей, а то, что нѣтъ больше никакихъ надеждъ,—говоритъ какой-то философъ.

Но викарій раздѣлялъ надежды дѣтей Китти и весело жилъ отражавшейся на немъ ихъ жизнью.

А. Э.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ „ВОСПОМИНАНІЯ" и „ПЕРЕПИСКА"

II *).

Мы прослѣдили дневникъ А. В. Никитенка до конца 1830-хъ годовъ и видѣли, что въ его замѣткахъ чрезвычайно любопытнымъ образомъ указываются тѣ характерныя черты, которыя отличали Николаевское время, были его исторической особенностью и его историческимъ осужденіемъ. И не столько замѣчательно то, чтò писалъ Никитенко въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда, по счастливой судьбѣ, онъ успѣлъ составить себѣ положеніе, могъ близко видѣть людей и событія и наблюдать проявленія милитарныхъ нравовъ и дѣйствіе бюрократической машины; въ особенности любопытно то, чтò замѣчалъ онъ въ самые первые годы того царствованія. Онъ, еще неопытный юноша, стѣсненный нуждой, не успѣвшій пока сколько-нибудь обезпечить свое существованіе, далеко не обладавшій какими-либо обширными знаніями, тѣмъ не менѣе поражаетъ насъ замѣчательно вѣрнымъ взглядомъ на положеніе вещей, гдѣ дѣло касалось потребностей просвѣщенія и общественной жизни. Въ первое время онъ питалъ весьма оптимистическія ожиданія отъ новаго царствованія; онъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ проявленія энергіи, стремленіе къ удаленію злоупотребленій и т. п., но уже вскорѣ онъ начинаетъ видѣть, что энергія направляется не совсѣмъ правильно,

*) См. выше: октябрь, стр. 716.

что пріемы, употребляемые для устраненія злоупотребленій, не достигаютъ цѣли, а въ особенности, что подавляется та сторона общественнаго быта, которая именно могла бы сослужить важную службу и обществу, и самому государству—подавляется просвѣщеніе и литература. Это недоумѣніе проглядываетъ уже въ 1826 году; вскорѣ авторъ дневника убѣждается, что замѣчаемыя имъ неблагопріятныя черты времени были не случайностью, а систематическимъ явленіемъ, что онѣ составятъ господствующую черту наступившаго періода и что, слѣдовательно, обществу приходится переживать тяжелый кризисъ, въ которомъ подвергаются опасности важнѣйшіе интересы просвѣщенія. Онъ увѣрился въ этомъ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ, и все послѣдующее время только подтверждало его мрачныя опасенія. Мы видѣли, что въ теченіе дневника до конца 1830-хъ и въ 1840-хъ годахъ Никитенко нѣсколько разъ имѣлъ возможность самымъ опредѣленнымъ образомъ указать, въ чемъ состояло содержаніе господствовавшей системы и какимъ упадкомъ грозила она и государственному, и общественному интересу.

Въ этомъ отношеніи дневникъ Никитенка представляетъ въ высшей степени замѣчательное явленіе. Приходится удивляться, какимъ образомъ юноша съ самымъ скромнымъ общественнымъ положеніемъ умѣлъ такъ ясно понять положеніе вещей и общественныя потребности, значеніе которыхъ укрывалось отъ политической мудрости тогдашнихъ вліятельныхъ сферъ. Это были двѣ совершенно различныя точки зрѣнія, соотношеніе которыхъ представляется однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ таинственнаго дѣйствія историческихъ силъ. Самъ Никитенко, несомнѣнно человѣкъ умный и наблюдательный, съ благородными нравственными стремленіями, не былъ, однако, какимъ-либо выдающимся умомъ, далеко превышающимъ современниковъ; но, главное, это былъ человѣкъ другихъ историческихъ задатковъ. Въ его воспоминаніяхъ, какъ мы замѣчали, есть пробѣлъ, вслѣдствіе котораго остаются недосказанными подробности объ его отношеніяхъ съ либеральнымъ кружкомъ двадцатыхъ годовъ. Очевидно, однако, что эти отношенія были довольно близки: люди этого кружка способствовали между прочимъ самому освобожденію его отъ крѣпостной зависимости; въ 1825 году Никитенко нашелъ даже пріютъ въ домѣ одного изъ будущихъ главнѣйшихъ декабристовъ, кн. Е. П. Оболенскаго; но рядомъ съ ними былъ его покровителемъ и человѣкъ совсѣмъ иного круга и воззрѣній, кн. А. Н. Голицынъ, къ которому Никитенко сохранилъ самую теплую признательность. Не подлежитъ сомнѣнію,

что Никитенко остался совершенно чуждъ политическимъ затѣямъ своихъ либеральныхъ покровителей; хотя онъ жилъ въ домѣ кн. Оболенскаго и, безъ сомнѣнія, зналъ многихъ изъ его сотоварищей, отъ него не потребовалось даже никакихъ показаній въ теченіе ихъ процесса; но несомнѣнно, съ другой стороны, что онъ не остался чуждъ тому общему настроенію, какое одушевляло этотъ кружокъ. Здѣсь у него, какъ видно, успѣли образоваться близкія дружескія связи. Такъ, съ тѣхъ поръ начинаются его отношенія съ Я. И. Ростовцовымъ: они нерѣдко видятся въ теченіе 1826—1827 годовъ; Ростовцовъ принимаетъ участіе въ трудномъ матеріальномъ положеніи Никитенка, предлагаетъ послѣднему поселиться у него, когда Никитенко оставался безъ всякихъ средствъ, и вмѣстѣ вполнѣ довѣряетъ ему свое тогдашнее положеніе, дѣлаетъ его судьей своихъ дѣйствій и т. п., при чемъ Никитенко высказывалъ ему свое мнѣніе весьма независимо и правдиво, напримѣръ, что оцѣнка дѣйствій Ростовцова въ декабрѣ 1825 года будетъ зависѣть отъ его дальнѣйшей дѣятельности... Очевидно, что именно въ этой средѣ Никитенко получилъ тотъ запасъ своихъ основныхъ понятій о просвѣщеніи, общественной дѣятельности, о личныхъ нравственныхъ идеалахъ и т. д.,—понятій, съ которыми онъ остался на всю жизнь; конечно, онѣ развились потомъ въ болѣе точныя представленія по мѣрѣ накоплявшихся фактовъ, а вмѣстѣ и ограничивались на практикѣ, когда жизнь требовала уступокъ; но основныя положенія принадлежатъ его юношеской порѣ и юношескимъ связямъ двадцатыхъ годовъ.

Въ томъ же тонѣ, какой господствуетъ въ дневникѣ 1830-хъ годовъ, продолжаются записи 1840-хъ годовъ. Та пора, которая отмѣчена въ исторіи нашей литературы, какъ пора самаго одушевленнаго идеализма, когда сдѣланы были замѣчательныя пріобрѣтенія нашей художественной литературы и общественнаго сознанія, отъ которыхъ вели свою генеалогію лучшія стремленія шестидесятыхъ годовъ,—эта пора является здѣсь и съ своей оборотной стороны. Общественная „почва", на которой выросталъ идеализмъ сороковыхъ годовъ, рѣшавшій вопросы о прошедшемъ русскаго народа, опредѣлявшій его отношенія къ западному міру, строившій идеалы его будущаго, съ полною вѣрой въ силу разума и нравственныхъ началъ, была на дѣлѣ самая неблагодарная, условія самыя печальныя. Масса общества не помышляла объ этихъ широкихъ задачахъ и неспособна была помышлять о нихъ; господствовавшіе нравы держали ее въ состояніи тупого усыпленія и попытки вырваться изъ него считались пустымъ фан-

тазерствомъ или непозволительнымъ вольнодумствомъ; бюрократія держала умы въ строгой опекѣ и общество отвыкало думать, а тѣмъ болѣе питать какіе-нибудь заоблачные идеалы. Читая дневникъ Никитенка, съ его картиной обыденныхъ господствовавшихъ нравовъ и обычаевъ, почти удивляешься, какъ могъ существовать тотъ небольшой кружокъ, въ которомъ совершалась тогда оживленная умственная и поэтическая дѣятельность, и который, однако, уже вскорѣ оказался могущественной нравственной силой. По всему своему содержанію эта небольшая часть общества, заинтересованная наукой, искусствомъ, національнымъ вопросомъ въ самомъ общемъ его смыслѣ, шла совершенно наперекоръ господствующимъ нравамъ и могла существовать, кажется, только благодаря тому, что ставила вопросы съ такой возвышенной точки зрѣнія, которая была невразумительна для бюрократіи. Послѣдняя стала, наконецъ, подозрѣвать здѣсь что-то, выходившее изъ общаго низменнаго уровня, не скупилась на притѣсненія, но, въ общемъ, мысль была неуловима и приносила свои результаты. Въ обществѣ мало-по-малу создавалось міровоззрѣніе, относившееся критически къ данному порядку вещей и искавшее иныхъ условій общественнаго быта, которыя въ извѣстной мѣрѣ и даны были послѣдующей эпохой. Никитенко долженъ былъ, конечно, сочувствовать тому новому движенію, которое возникало въ лучшихъ умахъ сороковыхъ годовъ; таково, напримѣръ, было чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе, какое произвелъ на него при первомъ личномъ знакомствѣ Грановскій, этотъ типическій представитель сороковыхъ годовъ; общественныя понятія автора дневника нерѣдко вполнѣ совпадали съ мыслями новаго литературнаго поколѣнія, но, какъ увидимъ, чувствовалась уже и значительная разница. Въ сороковыхъ годахъ Никитенко, который былъ отпрыскомъ либерализма 20-хъ годовъ, становился уже въ разныхъ отношеніяхъ человѣкомъ стараго вѣка; онъ не сходился съ новыми литературными поколѣніями и по характеру своего образованія, и по своему служебному и общественному положенію. Мы видѣли, что его ученыя познанія были неглубоки. Оставшись на своихъ популярно-философскихъ понятіяхъ 20-хъ годовъ, Никитенко былъ, напримѣръ, чуждъ гегеліанскому движенію и соціалистическимъ интересамъ, игравшимъ такую роль въ молодыхъ поколѣніяхъ 40-хъ годовъ; по положенію общественному онъ былъ человѣкъ, умудренный опытомъ, и, напримѣръ, уже въ качествѣ цензора ему трудно было вполнѣ войти въ интересы молодыхъ литературныхъ дѣятелей. Его общія понятія о правахъ просвѣщенія, о нуждахъ русскаго общества,

какъ мы узнаемъ ихъ теперь по его дневнику, во многомъ совпадали съ тѣмъ, что̀ могли думать люди сороковыхъ годовъ, но эти понятія всего чаще оставались для него личной интимной мыслью, которую онъ въ своей служебной практикѣ могъ примѣнять только въ небольшой степени, допускаемой бюрократическими условіями; въ концѣ концовъ ему начинало казаться излишествомъ, когда ту же мысль другіе хотѣли высказать въ формѣ, не стѣснявшейся этими условіями. Стала сказываться разница поколѣній, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Въ дневникѣ, за сороковые годы, Никитенко нѣсколько разъ останавливается на общемъ состояніи русской жизни, и оно представлялось ему крайне мрачнымъ. Въ январѣ 1841 года онъ пишетъ:

„Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество: въ немъ нѣтъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ нравахъ, словомъ—ничего, свидѣтельствующаго о здравомъ, естественномъ и энергическомъ развитіи нравственныхъ силъ. Мелкія души истощаются въ мелкихъ сплетняхъ общественнаго хаоса. Нѣтъ даже правильнаго понятія о выгодахъ и твердаго къ нимъ стремленія... Умъ и плутовство—синонимы. Слова: честный человѣкъ, означаютъ у насъ простяка, близкаго къ глупцу, то же, что̀ и добрый человѣкъ. Общественный развратъ такъ великъ, что понятія о чести, о справедливости считаются или слабодушіемъ, или признаками романической восторженности... Образованность наша—одно лицемѣріе. Учимся мы безъ любви къ наукѣ, безъ сознанія достоинства и необходимости истины. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ заботиться о пріобрѣтеніи познаній въ школѣ, когда наша жизнь и общество въ противоборствѣ со всѣми великими идеями и истинами, когда всякое покушеніе осуществить какую-нибудь мысль о справедливости, о добрѣ, о пользѣ общей, клеймится и преслѣдуется какъ преступленіе? Къ чему воспитывать въ себѣ благородныя стремленія: вѣдь рано или поздно, все равно, придется пристать къ массѣ, чтобы не сдѣлаться жертвою?“

Въ концѣ того же года (подъ 28 октября) Никитенко записываетъ: „Для насъ, въ Россіи, еще не насталъ періодъ нравственныхъ потребностей. Общественное устройство подавляетъ всякое развитіе нравственныхъ силъ, и горе тому, кто поставленъ въ необходимость дѣйствовать въ этомъ направленіи. Это самое тяжелое положеніе, потому что самое ложное. Не того намъ надо. Быть солдатомъ, или чиновникомъ—вотъ наше единственное назначеніе. Возвѣщать науку? гдѣ потребность въ ней? Она не

имѣетъ поддержки въ жизни, и потому является только школьнымъ плетеніемъ понятій. Тутъ по-неволѣ становишься въ ряды шарлатановъ.

„Особенно моя наука—сущая нелѣпость и противорѣчіе. Я долженъ преподавать русскую литературу, а гдѣ она? Развѣ литература у насъ пользуется правами гражданства? Остается одно убѣжище—мертвая область теоріи. Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: развитіе, направленіе мыслей, основныя идеи искусства. Все это что-нибудь, и даже много, значитъ тамъ, гдѣ существуютъ общественное мнѣніе, интересы умственные и эстетическіе, а здѣсь просто швырянье словъ въ воздухъ. Слова, слова и слова! Жить въ словахъ и для словъ, съ душою, жаждущею истины, съ умомъ, стремящимся къ вѣрнымъ и существеннымъ результатамъ — это дѣйствительное, глубокое злополучіе. Часто, очень часто, какъ напримѣръ сегодня, я бываю пораженъ глубокимъ мрачнымъ сознаніемъ моего ничтожества. Еслибы я жилъ среди дикихъ, я ходилъ бы на звѣриную и рыбную ловлю, я дѣлалъ бы дѣло,—а теперь, я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки! О, кровью сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни! Проклято время, гдѣ существуетъ выдуманная, оффиціальная необходимость моральной дѣятельности безъ дѣйствительной въ ней нужды, гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ“.

Въ январѣ 1842 года произошла цензурная исторія, на этотъ разъ обрушившаяся на Кукольника и его цензора по поводу одного его разсказа, гдѣ „съ невыгодной стороны выставлено наше дворянство“. Въ высшихъ сферахъ это было замѣчено Уварову (въ вѣдомствѣ котораго была тогда цензура) и „съ негодованіемъ говорено о враждебномъ направленіи нашей литературы, о нападкахъ ея на высшіе классы“; отсюда пошли толки объ этомъ и въ обществѣ. По этому поводу Никитенко замѣчаетъ подъ 22-мъ января: „Очкину (цензору), за сказку Кукольника, надняхъ сдѣлали строжайшій выговоръ. Аристократы сильно взволнованы этими литературными дрязгами. Недавно одинъ князь, членъ государственнаго совѣта, съ великимъ гнѣвомъ говорилъ мнѣ о демократическомъ направленіи нашей литературы. Значитъ, они начинаютъ читать русскія книги: бѣда же книгамъ и цензурѣ!

„Оно, впрочемъ, и правда, что стремленіе нашей литературы къ такъ-называемой народности и вообще усилія ея пробудить народное самосознаніе мало благопріятны для высшаго сословія. У всѣхъ писателей, пишущихъ въ народномъ духѣ, начиная съ Полевого, и такъ далѣе, тайная мысль та, чтобы возбуждать

массу. Наше высшее сословіе не имѣетъ (1842 г.) никакихъ нравственныхъ опоръ и, естественно, должно падать съ развитіемъ образованія въ среднемъ и низшемъ классахъ. Но не само ли высшее сословіе въ томъ виновато? Оно вовсе не заботится о пріобрѣтеніи моральнаго перевѣса, — вѣдь кто, напримѣръ, учится въ университетахъ? Плебеи, а аристократы только „проходятъ курсъ", для аттестата. Мнѣ памятенъ одинъ корпусъ, изъ котораго я, несмотря на ласки начальства, ушелъ, потому что не видѣлъ въ аристократическомъ юношествѣ ни малѣйшаго сочувствія ни къ наукѣ, ни къ ея представителямъ".

Въ мартѣ 1844 года Никитенко пишетъ по поводу ожидавшагося тогда указа объ увеличеніи пошлины съ заграничныхъ паспортовъ (за полугодовой паспортъ предполагалось этой пошлины сто рублей; лицамъ моложе 25 лѣтъ совсѣмъ запрещалось ѣхать за границу). „Однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Россію Китаемъ. Говорятъ, поводомъ къ этому послужили послѣднія пренія въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ сильно досталось нашему правительству. Въ обществѣ сильный ропотъ. И дѣйствительно, мѣра эта крайне неловкая, не говоря уже о ея насильственности. Вслѣдствіе положеннаго на нее запрета, Европа становится какою-то обѣтованной землей. Но вѣдь нельзя же, чтобы идеи изъ нея не проникали къ намъ. Да и гдѣ необходимость этого насилія, не позволяющаго мнѣ дышать тѣмъ воздухомъ, какимъ я хочу? Вездѣ насилія и насилія, стѣсненія и ограниченія—нигдѣ простора бѣдному русскому духу. Когда же и гдѣ этому конецъ?"

Черезъ нѣсколько дней онъ записываетъ опять свои общія размышленія о тогдашнемъ порядкѣ вещей: „Хотѣть управлять народомъ посредствомъ одной бюрократіи, безъ содѣйствія самого народа, значитъ въ одно и то же время угнетать народъ, развращать его и подавать поводъ бюрократамъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Есть части правленія, которыя непремѣнно должны находиться подъ вліяніемъ народа или общества. Напримѣръ, часть судебная. И это можетъ быть достигнуто безъ нарушенія (чьихъ-либо) правъ. Надо только, чтобы (власть) имѣла меньше эгоизма". Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пишетъ объ извѣстномъ въ то время лейбъ-медикѣ Маркусѣ: это былъ, по характеристикѣ Никитенка, весьма достойный человѣкъ, желавшій работать для общаго блага, прилагавшій къ тому большія усилія, которыя, однако, были слишкомъ часто безплодны, несмотря на его близость ко двору. „Такова, впрочемъ, у насъ судьба всѣхъ общественныхъ идей и благихъ предначертаній.

Предложите любую мѣру именемъ закона, именемъ пользы граждан—васъ осмѣютъ, какъ фантазера, какъ выскочку-идеолога, если только вамъ не явятся тутъ на помощь чьи-нибудь личные интересы. Это мечта—думать, что, приближаясь къ источнику власти, можно открыть себѣ путь къ полезной дѣятельности: самая власть эта до того опутана сѣтями противоположныхъ вліяній, что рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать. Она можетъ гнѣваться, грозить, а дѣла все-таки пойдутъ своимъ порядкомъ. А порядокъ этотъ странный, удивительный, но прочно укоренившійся у насъ (1844 г.). Онъ состоитъ изъ злоупотребленій, безпорядковъ, всяческихъ нарушеній закона, наконецъ сплотившихся въ систему, которая достигла такой прочности и своего рода правильности, что можетъ держаться такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ держатся порядокъ, законъ и правда. Говорите послѣ того о разсудкѣ, о справедливости дѣлъ человѣческихъ! Нѣтъ такого зла, котораго люди не могли бы снести: все дѣло только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему“.

Въ октябрѣ 1845 года Никитенко опять возвращается къ своимъ размышленіямъ о характерѣ современнаго общества и говоритъ о двѣнадцатомъ годѣ, о которомъ сохранялась еще память чрезвычайнаго общественнаго одушевленія и къ которому въ значительной степени примыкало умственное движеніе двадцатыхъ годовъ: „Я начинаю думать,—пишетъ онъ,—что 1812 годъ не существовалъ дѣйствительно, что это мечта или вымыселъ. Онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ нашемъ народномъ духѣ, не заронилъ въ насъ ни капли гордости, самосознанія, уваженія къ самимъ себѣ, не далъ намъ никакихъ общественныхъ благъ, плодовъ мира и тишины. Странный гнетъ, безмолвное раболѣпство—вотъ чтò Россія пожала на этой кровавой нивѣ, на которой другіе народы обрѣли богатство правъ и самосознанія. Что же это такое? Дѣйствовалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, народъ въ 12-мъ году? Такъ ли мы знаемъ событія? Не фальшь ли все, чтò говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу? Или нашъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлала власть и лица? Неужели онъ всѣмъ обязанъ только тому, что всегда повиновался... Ужасъ, ужасъ, ужасъ!“

Черезъ нѣсколько дней: „Право, мы, кажется, только путемъ разврата можемъ выйти изъ этого оцѣпенѣнія, изъ этого хаоса нашей гражданственности и образовать свою нравственную физіономію. По крайней мѣрѣ, мы идемъ этимъ путемъ. Про-

дажность, отсутствіе чести, отсутствіе вѣры—развѣ это не развратъ? А раболѣпство?..

„Въ XVIII-мъ вѣкѣ идеи боролись съ вѣрованіями, предразсудками, однимъ словомъ, съ идеями же, хотя и отвергаемыми требованіями вѣка и разумомъ. Нынѣ идеи борются съ могуществомъ вещественнымъ... Кто преодолѣетъ? Вопросъ этотъ не скоро разрѣшится. И разрѣшеніе его будетъ стоить много жертвъ и крови".

Любопытны дальше замѣчанія, какія дѣлаетъ Никитенко по поводу европейскихъ событій 1848 года: „Болѣе трехъ мѣсяцевъ,—пишетъ онъ 25 апрѣля,—не принимался я за мой дневникъ, а между тѣмъ въ исторіи міра совершились важныя событія... Франція, по обыкновенію, подала примѣръ. За ней послѣдовали Германія и Италія. Авторитетъ лицъ уничтоженъ и на мѣсто его водворенъ авторитетъ человѣчности... Они не осуществятъ всѣхъ идеаловъ человѣческаго разума. У нихъ будутъ и свои тревоги, и свои страданія, и свои жертвы. Но у человѣка и бѣдствія да будутъ человѣческія и, конечно, въ нихъ больше отраднаго, чѣмъ въ благѣ, какое человѣкъ похищаетъ у животнаго. На землѣ мало непреложныхъ истинъ, но одна изъ самыхъ несомнѣнныхъ та, что все живущее должно жить по законамъ своей природы, и кому суждено ходить среди тварей съ головою, поднятою вверхъ, и съ мыслью въ головѣ, тотъ не совершитъ ничего хорошаго, спустясь на низшую ступень существъ".

Въ концѣ этого года Никитенко пишетъ опять по поводу тѣхъ же событій и ихъ отголоска у насъ: „Событія на Западѣ вызвали страшный переполохъ... образованіе и мысль, искавшая (въ умѣ человѣческомъ) опоры, оказались еще столь шаткими, что не вынесли перваго же дуновенія на нихъ... И тѣ, которые уже склонялись къ тому, чтобы считать мысль въ числѣ человѣческихъ достоинствъ и потребностей, теперь опять обратились къ безсмыслію... Произволъ въ апогеѣ: никогда еще не почитали его столь законнымъ, какъ нынѣ.

„Западныя происшествія, западныя идеи о лучшемъ порядкѣ вещей признаются за поводъ не думать ни о какомъ улучшеніи... Поворотъ назадъ такимъ образомъ сдѣлался гораздо легче, чѣмъ ожидали и надѣялись нѣкоторые мечтатели. Это даже не ходъ назадъ, а быстрый бѣгъ обратно по плоской возвышенности.

„Возникъ-было вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Господа испугались и воспользовались теперь случаемъ, чтобы объявить всякое движеніе въ этомъ направленіи пагубнымъ для государства.

„Наука блѣднѣетъ и прячется. Невѣжество возводится въ систему. Еще немного, и все, въ теченіе полутораста лѣтъ созданное Петромъ и Екатериной, будетъ въ конецъ низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохомъ твердятъ: „видно, наука и впрямь дѣло нѣмецкое, а не наше“.

Таковы были печальныя размышленія, къ которымъ приводило автора дневника наблюденіе за совершавшимися передъ нимъ событіями. Къ сожалѣнію, дѣйствительность доставляла слишкомъ много матеріала для подобныхъ мыслей, которыя не были даже гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что въ свое время даже тѣнь ихъ не могла быть высказана. Суровая опека не допускала не малѣйшаго разсужденія о положеніи общественныхъ дѣлъ: нѣтъ сомнѣнія, что въ кругу образованномъ было не мало людей, приходившихъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, и, быть можетъ, возможность какой-либо критики положенія привела бы къ иной постановкѣ этихъ дѣлъ; но система была по-своему последовательна и доводила до послѣдняго предѣла свои требованія, такъ что только чисто внѣшнее обстоятельство, политическія событія Крымской войны, дали иной поворотъ и нашей внутренней жизни... Приведенныя разсужденія были почти послѣдними въ дневникѣ: авторъ уже не возвращался къ нимъ. Отчасти, когда являлись новые поводы, быть можетъ, онъ не хотѣлъ повторять того, что̀ было уже имъ однажды сказано, но, съ другой стороны, можно замѣтить, что стало измѣняться и его собственное настроеніе. Какъ замѣчено выше, еще съ начала сороковыхъ годовъ можно наблюдать, что онъ не вполнѣ сходится съ людьми новаго поколѣнія; дальше, недостатокъ солидарности становится еще замѣтнѣе; съ пятидесятыхъ годовъ начинается уже положительное разногласіе, которое потомъ начинаетъ выдаваться еще ярче. Объ этомъ послѣдующемъ времени мы говорить не будемъ: достаточно замѣтить, что причина разногласія была не столько въ томъ, чтобы люди новаго поколѣнія говорили что-либо необычное, незнакомое автору дневника по существу, а въ его собственныхъ колебаніяхъ. Съ того времени, какъ съ начала новаго царствованія литература получила возможность въ большей мѣрѣ касаться общественныхъ дѣлъ, она не рѣшалась сказать ничего, по силѣ отрицанія, равнаго тому, что̀ Никитенко записывалъ про себя въ дневникѣ, но по сущности это было то же отрицаніе застоя и невѣжества, та же защита правъ науки, то же стремленіе къ общественной самодѣятельности, о которой говорилъ и мечталъ Никитенко съ самимъ собою, и однако это переставало быть ему понятнымъ. Годы и

жизненное утомленіе дѣлали свое дѣло; но затѣмъ оказало, безъ сомнѣнія, не малую долю вліянія и продолжительное обращеніе въ томъ бюрократическомъ мірѣ, съ которымъ Никитенко издавна былъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ. Подъ конецъ его переставали поражать бюрократическія несообразности, противъ которыхъ онъ нѣкогда такъ горячо возставалъ въ своемъ дневникѣ. Когда миновали тѣ вопіющія крайности, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, особливо съ конца сороковыхъ годовъ, онъ какъ будто думалъ, что общество можетъ удовольствоваться и что какія-либо новыя притязанія будутъ только излишествомъ. Любопытно, однако, что въ то время, когда еще вполнѣ господствовала прежняя система, въ 1852 году, онъ уже отмѣчаетъ то неспокойное состояніе общественной мысли, когда она переносила послѣднія испытанія стараго порядка вещей и вскорѣ потомъ съ лихорадочнымъ жаромъ увлекалась перспективою возрожденія. Онъ чувствуетъ, что долженъ наступить какой-то новый періодъ въ нравственномъ бытѣ общества, и опредѣляетъ его въ общихъ теоретическихъ положеніяхъ, которыя были прекрасны сами по себѣ, но которымъ недоставало одного—разсчета тѣхъ реальныхъ условій и столкновеній, какими окружается внутренняя нравственная жизнь общества.

„Умы нашего вѣка,—пишетъ онъ въ февралѣ 1852 года,—находятся въ какомъ-то неестественномъ, лихорадочномъ состояніи. Человѣкъ, обладающій выдающимися умственными способностями, непремѣнно бросается въ какую-нибудь крайность. Онъ не преслѣдуетъ своей идеи съ настойчивостью упорной, разумно сознающей себя воли, а судорожно цѣпляется за нее, точно боясь выпустить изъ рукъ ее, а съ нею и блага, какія она обѣщаетъ. Есть какой-то недостатокъ душевной зрѣлости, яснаго, цѣломудреннаго взгляда на жизнь и человѣка: есть какой-то недостатокъ простоты и непосредственнаго мужества въ этихъ порывистыхъ стремленіяхъ къ умственнымъ отличіямъ. Иные видятъ въ этомъ безпокойство великихъ нравственныхъ силъ, которыя оттого такъ рвутся и мечутся, что имъ душно и тѣсно въ своей сферѣ. Мнѣ же кажется, что это недостатокъ нравственной силы, которая не умѣетъ владѣть собой. Жизнь всегда и вездѣ есть тѣснота для духа, но онъ долженъ стать выше жизни. Великій характеръ тотъ, который умѣетъ наполнять собою всякую сферу.

„Общество должно обновиться въ свѣжихъ и свѣтлыхъ вѣрованіяхъ,—иначе развратъ пожретъ его. Опора этихъ вѣрованій должна быть найдена въ самомъ человѣкѣ. Мысль, что добро хорошо само по себѣ, что оно есть условіе естественнаго раз-

витія и успѣшнаго примѣненія къ дѣлу нашихъ нравственныхъ силъ, что оно, т.-е. добро, есть нормальное, здоровое состояніе ихъ—эта мысль должна сдѣлаться основой нашихъ стремленій и поступковъ. Тѣло наше принадлежитъ планетѣ, гдѣ мы живемъ, разумъ принадлежитъ духу всеобщей жизни, который всему даетъ смыслъ и гармонію. Изъ этого двоякаго отношенія человѣка къ планетѣ, гдѣ протекаетъ его физическая жизнь, и ко всеобщимъ законамъ жизни образуется его дѣятельность, исторія. Мы можемъ улучшать матеріальное бытіе свое, но не можемъ безнаказанно отрываться отъ началъ, кои выходятъ изъ круга опредѣленнаго времени и пространства, кои относятся къ высшему и всеобщему порядку вещей. Хотя бы эти начала были доступны намъ только въ формѣ вѣрованій, а не ясныхъ, точныхъ представленій, все-таки мы не можемъ не слѣдовать ихъ призывному голосу. Этимъ выражается наша разумность, не повиноваться которой мы не можемъ, какъ не можемъ не слѣдовать законамъ физическихъ нуждъ.

„Должно безпрестанно ставить на видъ новому поколѣнію: 1—необходимость и непреложность основныхъ вѣрованій разума; 2—художественную обработку самихъ себя по идеѣ добраго, ради превосходства этого добраго надъ всѣмъ недобрымъ; 3—мужество въ борьбѣ не съ однимъ только физическимъ зломъ, но и со всѣмъ тѣмъ, что̀ противорѣчитъ распространенію и владычеству разумныхъ вѣрованій“.

Прибавимъ еще нѣсколько замѣтокъ.

Не знаемъ, по какому поводу Никитенко подъ 20-мъ мая 1843 года дѣлаетъ замѣчаніе, видимо относящееся къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Надо предполагать, что въ то время прошли какіе-нибудь новые слухи о постановкѣ крестьянскаго вопроса. „Нынѣшнее время,—пишетъ Никитенко,—очень важно: оно полагаетъ конецъ патріархальному быту... Такъ и должно быть. Что за несообразность семейство, состоящее изъ пятнадцати милліоновъ дѣтей? Гдѣ тутъ семейное право“. Слова о семейномъ правѣ указываютъ, очевидно, на тотъ взглядъ, который представлялъ крѣпостное право какъ идиллическую патріархальную власть, и помѣщиковъ—какъ „отцовъ своихъ крестьянъ“. Черезъ нѣсколько дней онъ дѣлаетъ другое курьезное замѣчаніе: „Важную роль въ русской жизни играютъ государственное воровство и такъ-называемыя злоупотребленія: это наша оппозиція, нашъ протестъ... Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія; между тѣмъ ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она

хочетъ. Исполнители притворяются въ раболѣпной готовности все сдѣлать, что̀ отъ нихъ потребуютъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаютъ такъ, какъ отъ нихъ требуютъ".

Въ декабрѣ того же года мы читаемъ какъ бы общій выводъ изъ всего тогдашняго положенія литературы. Передъ тѣмъ произошла чрезвычайно странная исторія. Цензурный комитетъ, которымъ управлялъ тогда князь Волконскій въ качествѣ попечителя, постановилъ сдѣлать замѣчаніе Булгарину по поводу его полемики съ „Отечественными Записками", переходившей всякую мѣру. На замѣчаніе комитета Булгаринъ отвѣчалъ дерзкимъ письмомъ князю Волконскому, которое было обвиненіемъ самой цензуры, кн. Волконскаго и даже Уварова. Никитенко записываетъ 7 декабря 1843 года: „Булгаринъ написалъ князю Волконскому дерзкое и нелѣпое письмо. Онъ, между прочимъ, пишетъ, что существуетъ партія мартинистовъ (!), положившихъ себѣ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, и что представителемъ этой партіи являются „Отечественныя Записки", а цензура явно имъ потворствуетъ". Къ этому присоединилъ нѣсколько и весьма неудачныхъ выписокъ изъ „Отечественныхъ Записокъ", совершенно невинныхъ. Въ заключеніе онъ говоритъ князю: „но съ того времени, какъ вы предсѣдательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи *посильнѣе и почище этихъ*.

„Далѣе онъ упрекаетъ министра въ томъ, что тотъ не видитъ, что̀ дѣлается у него подъ носомъ, давая понять, что онъ или простякъ, или покровитель либерализма; требуетъ слѣдственной коммиссіи, передъ которой предстанетъ, какъ „доноситель", для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ это или до него не дойдутъ его, Булгарина, извѣты, то онъ будетъ просить прусскаго короля довести до свѣденія государя императора все, что̀ угодно будетъ ему, Булгарину, сказать въ огражденіе его священной особы и его царства. Все это заключается многозначительною и сильною фразой:— „Я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ".

„Такъ какъ это письмо заключаетъ въ себѣ формальный доносъ о важномъ государственномъ дѣлѣ—царево слово и дѣло— то князь Волконскій препроводилъ его къ министру, а министръ, при своемъ отношеніи, оффиціально препроводилъ къ Бенкендорфу. Ожидаемъ послѣдствій".

Булгаринъ зналъ, что̀ дѣлалъ. Письмо его было формальнымъ доносомъ на самую цензуру, и онъ не только отдѣлался отъ замѣчаній цензуры, но и нагналъ на нее страхъ. Письмо его было до-

ведено до свѣденія самого императора Николая, и хотя, какъ пишетъ Никитенко, императоръ, прочитавъ его, сказалъ Бенкендорфу: „сдѣлай такъ, чтобы я какъ будто объ этомъ ничего не зналъ и не знаю“. Но это, конечно, стало извѣстно. Черезъ нѣсколько дней, въ томъ же декабрѣ, Никитенко пишетъ: „Былъ у князя (Волконскаго) для объясненій по цензурнымъ дѣламъ. Какой хаосъ и безтолковщина! Кажется, хотятъ гасить послѣднія искры мысли. У меня въ карманѣ, неотлучно при мнѣ, просьба объ отставкѣ“. Затѣмъ, на другой день, Никитенко пишетъ: „Неожиданная, нелѣпая мѣра министра народнаго просвѣщенія. Въ цензурномъ комитетѣ получена отъ него бумага, въ которой онъ объявляетъ, что „дѣйствительно нашелъ въ журналахъ статьи, гдѣ, подъ видомъ философскихъ и литературныхъ изслѣдованій, распространяются вредныя идеи“, и потому онъ предписываетъ цензорамъ „быть какъ можно строже“. Повторяется также приказаніе бдительнѣе смотрѣть за переводами французскихъ повѣстей и романовъ.

„Я былъ у князя по этому поводу. Онъ очень сердитъ на министра за всѣ эти распоряженія. Министръ Уваровъ сказалъ ему, что „хочетъ, *чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась*. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что-нибудь опредѣленное, а главное, говорилъ онъ, я буду спать спокойно“.

„Министръ объявилъ также, что онъ будетъ карать цензоровъ безпощадно. Пріятная перспектива! Самое интересное въ этихъ новыхъ распоряженіяхъ министра то, что онѣ какъ бы совершенно оправдываютъ доносъ Булгарина на него самого, на князя Волконскаго и на всѣхъ насъ“.

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ. По самому характеру дѣятельности Никитенка, преподавательсвой и литературной (онъ былъ и писателемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цензоромъ), его интересовали въ особенности вопросы просвѣщенія и литературы. Эти вопросы онъ зналъ подробно, тѣмъ болѣе, что именно на этихъ вопрсахъ въ особенности ярко обнаруживались свойства тогдашней системы.

Въ декабрѣ 1838 года Никитенко записываетъ о Полевомъ: „Владиславлевъ мнѣ разсказывалъ про Н. А. Полевого. Дубельтъ позвалъ его къ себѣ, для передачи Высочайше пожалованнаго перстня за пьесу: „Ботикъ Петра I“.

— „Вотъ вы теперь стоите на хорошей дорогѣ: это гораздо лучше, чѣмъ попусту либеральничать“, замѣтилъ Дубельтъ.

— „Ваше превосходительство“, отвѣчалъ, низко кланяясь, Полевой,—„я написалъ еще одну пьесу, въ которой еще больше

вѣрноподданническихъ чувствъ. Надѣюсь, вы ею тоже будете довольны".

„Стыдно! Выйдемъ изъ этого мрака на свѣтъ Божій; но гдѣ искать этого выхода?"

Въ ноябрѣ 1840 года Никитенко записываетъ, что его навѣстилъ Кольцовъ: „нѣкогда добрый, умный, простодушный Кольцовъ, авторъ прекрасныхъ, по своей простотѣ и задушевности, стихотвореній. Къ несчастію, онъ сблизился съ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ"; они его развратили (?!). Бѣдный Кольцовъ началъ бредить субъектами и объектами и путаться въ отвлеченностяхъ Гегелевской философіи. Онъ до того зарапортовался у меня, что мнѣ стало больно и грустно за него. Не ученый и не опытный, безъ оружія противъ школьныхъ мудрствованій своихъ „покровителей", онъ, пройдя сквозь ихъ руки, утратилъ свое драгоцѣннѣйшее богатство: простое, искреннее чувство и здравый смыслъ". Отзывъ очень странный по своей враждебности, потому что если была въ тогдашней литературѣ группа писателей, которая могла быть сочувственна Никитенку по серьезному взгляду на обязанности писателя, по несомнѣнному присутствію идеальныхъ стремленій, то Бѣлинскій, конечно, принадлежалъ къ ихъ числу. Что касается „развращенія", то слова Никитенко очевидно могутъ относиться только къ тому, что Кольцовъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, или даже еще раньше, въ кружкѣ Станкевича, наслушался философскихъ толковъ; но, вѣроятно, онъ *самъ* усматривалъ въ нихъ величайшую мудрость, которую и старался усвоить, подобно всѣмъ самоучкамъ. Изъ дневника не видно, чтобы Никитенко въ это время зналъ Бѣлинскаго; въ первый разъ мы читаемъ о Бѣлинскомъ уже въ маѣ 1843 года: „На дняхъ у меня былъ Бѣлинскій. Онъ уменъ. Замѣчанія его часто вѣрны, умны и остроумны, но проникнуты горечью".

Въ іюлѣ 1841 года онъ записываетъ свои впечатлѣнія при чтеніи „Москвитянина": „Чудаки эти москвичи (даже Шевыревъ). Ругаютъ западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гніетъ. Въ Россіи только и можно жить и учиться чему-нибудь. Это страна благополучія и великихъ убѣжденій. Если это искренно, то москвичи—самые отчаянные систематики. Они отнимаютъ у Бога тайны его предначертаній и рѣшаютъ по своему жизнь и упадокъ царствъ. Они похожи на школьниковъ, которые считаютъ себя всемірными мудрецами, все знаютъ и все могутъ. Они, дѣйствительно, являются выраженіемъ нашей „младенчествующей самостоятельности".

Какъ черта нравовъ, любопытно то, что́ отмѣчаетъ Никитенко объ извѣстномъ Давыдовѣ, который въ то время былъ профессоромъ московскаго университета, а впослѣдствіи директоромъ педагогическаго института въ Петербургѣ. Никитенко находилъ у него большой умъ, обширныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большую уклончивость: „Но всѣ, знавшіе его прежде, давно, какъ напримѣръ Н. А. Полевой, утверждаютъ, что онъ сдѣлался такимъ послѣ несчастной исторіи, когда ему запретили читать философію въ Москвѣ и начали смотрѣть на него какъ на врага вѣры, престола и т. д. Но Полевому не слѣдовало бы упрекать его за сближеніе съ властями; онъ самъ пережилъ нѣчто подобное послѣ запрещенія „Телеграфа“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой замѣтки, подъ 16-мъ января 1842 года Никитенко записываетъ: „Профессоръ Давыдовъ въ большой милости у Уварова. Онъ добился этого грубою лестью, которую министръ всегда принимаетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то, во всякомъ случаѣ, сметливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его сердце статьею „о Порѣчьѣ“, деревнѣ Уварова, статьею до того льстивою, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ. Уваровъ теперь принялъ здѣсь Давыдова съ распростертыми объятіями“.

Въ мартѣ 1843 года миновало десять лѣтъ управленія Уварова министерствомъ народнаго просвѣщенія. Никитенко разсказываетъ о поздравленіяхъ его подчиненными, о привѣтственной рѣчи кн. Ширинскаго-Шихматова, составленной „какъ слѣдуетъ по риторикѣ Кошанскаго“, и объ отвѣтѣ Уварова: „Министръ отвѣчалъ сначала хорошо, но потомъ вдался въ повторенія и самовосхваленія. Исчисляя свои заслуги, онъ, между прочимъ, не совсѣмъ осторожно упомянулъ „о свободѣ мыслей, о движеніи умовъ“. Говорилъ также о „твердыхъ началахъ, имъ созданныхъ, о вѣрности этихъ началъ, о томъ, что все это не есть минутная воля государя, но твердая и прочная система“. Нѣсколько разъ у него неловко вырывались слова: „я и государь“, или: „государь и я“. „Даже враги министерства“, объявилъ онъ, — „и тѣ сознаются, что мы знаемъ свое дѣло“. Упомянулъ онъ также и о возможности, съ своей стороны, выйти изъ министерства“.

Никитенко упоминаетъ, что въ это время дворъ относился къ Уварову неблагосклонно и что, кажется, Уваровъ разсчитывалъ своей рѣчью поправить свое положеніе, но что онъ могъ ошибиться, ссылаясь на общественное мнѣніе. „Жаль Уварова,—продолжаетъ Никитенко:—онъ самъ себѣ портитъ дѣло. А между

тѣмъ онъ лучшій изъ министровъ, когда-либо управлявшихъ нашимъ министерствомъ. Исчисляя свои заслуги, онъ не упомянулъ или не могъ упомянуть о важнѣйшей: „что въ десять лѣтъ ни одинъ человѣкъ не былъ, по его волѣ, преслѣдуемъ за идеи". Даже ограниченный князь Ливенъ, и тотъ не обошелся безъ того, чтобы не лягнуть наше образованіе: онъ, вмѣстѣ съ Адеркасомъ, растерзалъ Нѣжинскій лицей. Уваровъ, дѣйствительно, неповиненъ въ этомъ отношеніи, а это въ настоящее время много значитъ. Какъ бы то ни было, если мы потеряемъ его, Богъ знаетъ еще, какой солдатъ будетъ командовать у насъ умами и распоряжаться воспитаніемъ граждань и идей". Замѣчаніе Никитенка, что въ эти десять лѣтъ управленія Уварова министерствомъ никто по его волѣ не пострадалъ за идеи, представляется довольно страннымъ, потому что если дѣйствительно многія цензурныя исторіи происходили за это время мимо Уварова, то одна, и именно самая крупная, была всего больше, если не исключительно, именно его дѣломъ. Мы говоримъ о запрещеніи „Московскаго Телеграфа". Исторія этого запрещенія извѣстна теперь во всѣхъ подробностяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, были въ свое время хорошо извѣстны и автору дневника.

Подъ 20-мъ мая Никитенко еще разъ возвращается къ характеристикѣ Уварова: „Вчера былъ министръ на экзаменѣ русской словесности у Плетнева. Онъ много говорилъ. Нельзя было не признать въ немъ настоящаго министра народнаго просвѣщенія. Всѣ его замѣчанія были умны, вѣрны, богаты знаніемъ и хорошо сказаны. Какъ жаль, что этому человѣку не дано одной силы—силы нравственной воли. Добиваясь вліянія и милостей при дворѣ, онъ связалъ себя по рукамъ и ногамъ и лишился одновременно уваженія и двора, и общества. Онъ хотѣлъ пожертвовать послѣднимъ первому—и жестоко ошибся".

Въ октябрѣ 1844 года автору дневника приходится опять отмѣчать факты, которые едва ли могли быть названы иначе, какъ преслѣдованіемъ за идеи.

Подъ 1-мъ октября Никитенко пишетъ объ Уваровѣ: „Поутру былъ у нашего министра. Кажется, на него порядочно подѣйствовалъ пріемъ лести, поднесенный ему москвичами: онъ недавно изъ Москвы. Слабые нервы этого живого, но нетвердаго ума не выносятъ этого рода щекотанія. Онъ ужасно вооруженъ противъ „Отечественныхъ Записокъ", говоритъ, что у нихъ дурное направленіе—соціализмъ, коммунизмъ и т. д. Очевидно, это навѣяно москвичами-патріотами, которымъ во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министръ желаетъ не ща-

дить „Отечественныхъ Записокъ“. Между тѣмъ давно ли онъ, и словомъ, и дѣломъ, осуждалъ доносъ Булгарина, составленный совершенно въ томъ же духѣ?“

Не будемъ перечислять длиннаго ряда цензурныхъ исторій, наполняющихъ дневникъ Никитенка за 40-е года. Внѣшнее положеніе литературы рѣдко бывало такъ низменно, какъ въ эти годы, и притомъ даже не по винѣ спеціальнаго цензурнаго вѣдомства: если сама цензура запрещала статью, то, по крайней мѣрѣ, дѣло тѣмъ и оканчивалось. Но главнымъ образомъ исторіи происходили по постороннимъ вмѣшательствамъ. На литературу, какъ на бѣднаго Макара, шишки валились со всѣхъ сторонъ: каждое постороннее вѣдомство, каждое нѣсколько значительное лицо считало себя въ правѣ поднимать шумъ изъ-за малѣйшаго признака какой-нибудь мысли, выходившей изъ общаго уровня, и цензурное вѣдомство боялось устранять эти вмѣшательства, потому что рисковало само подвергнуться обвиненію. Въ большинствѣ случаевъ постороннія обвиненія свидѣтельствовали о крайнемъ невѣжествѣ, въ другихъ—о систематическомъ обскурантизмѣ, исходившемъ изъ того же невѣжества, а нерѣдко изъ лицемѣрнаго усердія и желанія выслужиться передъ начальствомъ, которому разсчитывали этимъ угодить. Къ концу 40-хъ годовъ дѣло, наконецъ, выяснилось: вмѣшательства постороннихъ волонтеровъ цензуры были узаконены учрежденіемъ цѣлаго ряда спеціальныхъ цензуръ по различнымъ вѣдомствамъ, а кромѣ того, такъ какъ изъ множества случавшихся исторій дѣлалось заключеніе о недостаточности наличнаго цензурнаго надзора, образованъ былъ спеціальный комитетъ изъ нѣсколькихъ сановниковъ, которому порученъ былъ верховный контроль за самою цензурой, такъ-называемый „негласный комитетъ“. Удивительно то, что подобныя чрезвычайныя мѣры принимались въ то время, когда сама цензура съ особенною ревностью занималась своимъ дѣломъ и главою цензурнаго комитета былъ достаточно извѣстный Мусинъ-Пушкинъ.

Европейскія событія 1848 года отразились у насъ крайнимъ усиленіемъ цензурныхъ строгостей. Читая дневникъ Никитенка, недоумѣваешь, что̀ можно было прибавить къ тѣмъ строгостямъ, какія практиковались уже и ранѣе; но теперь и этого казалось мало. Кажется какою-то насмѣшкой исторіи, что относительно русской жизни, русскаго общества и народа тѣхъ годовъ могли возникнуть опасенія, потребовавшія чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности. Единственными объектами, на которые могли направиться подобныя мѣры, была въ то время литература и университеты; но мы видѣли, что литература и безъ того едва вла-

чила свое существованіе [1]), а университеты едва выходили изъ младенчества съ тѣхъ поръ какъ начали дѣйствовать въ нихъ профессора новаго поколѣнія, докончившіе свое ученое образованіе за границей. Относительно послѣднихъ совершенно оправдались предположенія автора дневника, когда онъ, отмѣчая въ тридцатыхъ годахъ отправку этихъ молодыхъ ученыхъ за границу, предчувствовалъ, какъ тяжело будетъ положеніе этихъ людей, запасшихся европейской наукой, въ той общественной средѣ, въ которой эта наука была не только ненужна, но которая отрицала ее всѣмъ своимъ существомъ. Теперь это оказывалось на дѣлѣ. Повидимому эти новые у насъ представители европейской науки и возбуждали главныя подозрѣнія. Само собою разумѣется, что эти профессора и не помышляли о распространеніи какихъ-либо превратныхъ идей, которыя могли бы стать политическою опасностью: всѣ эти лица извѣстны наперечетъ; они уже давно сошли со сцены и стали достояніемъ исторіи, и извѣстно, что единственное, чѣмъ выразилось ихъ направленіе въ общественномъ политическомъ смыслѣ, было только стремленіе объяснить высокое значеніе науки, внушить къ ней любовь и уваженіе, пробудить чувство гуманности и нравственнаго долга. Все это было только отвлеченнымъ нравственнымъ ученіемъ: смѣшно было думать о какой-нибудь непосредственной политической опасности; но люди стараго закала, какъ упомянутый предсѣдатель цензурнаго комитета, боялись и этого отвлеченнаго ученія; инстинктъ говорилъ имъ, что оно заключаетъ въ себѣ отрицаніе тѣхъ первобытныхъ „идей" и способовъ дѣйствія, съ которыми они хотѣли руководить умственною и нравственною жизнью общества. То же самое было и въ литературѣ. Думать, что она можетъ представлять какую-либо политическую опасность, было заблужденіемъ невѣроятнымъ, трудно объяснимымъ.

И однако, это думалось, и противъ воображаемой опасности принимались энергическія мѣры... Если что̀ могло дѣйствительно волновать умы, возбуждать недовольство и, наконецъ, развивать отрицательное направленіе, то это были не литература и univер-

[1]) Еще въ августѣ 1847 года Никитенко записываетъ: „Возвратился изъ цензурнаго засѣданія. Спорилъ съ попечителемъ, который объявилъ, что „надо совсѣмъ вывести романы въ Россіи, чтобы никто не читалъ романовъ". Я еще не встрѣчался на моемъ служебномъ поприщѣ съ такимъ... У него обыкновенно ни на что нѣтъ причинъ. Онъ шумитъ, кричитъ, размахиваетъ руками и въ своихъ мнѣніяхъ скачетъ черезъ всѣ логическія преграды" и т. д.

Но раньше Никитенко упоминаетъ, что подобнымъ образомъ возставалъ противъ романовъ и самъ Уваровъ.

ситеты, а именно тѣ притѣснительныя мѣры, которыя обрушивались на общество безъ всякаго достаточнаго основанія и бросались въ глаза даже людямъ спокойнымъ и добродушнымъ. Сколько помнимъ, дневникъ Никитенка въ первый разъ передаетъ въ полной мѣрѣ то удручающее впечатлѣніе, какое произвели тогда эти мѣры и отголоски котораго намъ самимъ еще памятны отъ начала 50-хъ годовъ. Подъ 25-мъ апрѣля 1848 года Никитенко пишетъ:

„По мѣрѣ того, какъ въ Европѣ рѣшаются вопросы всемірной важности, у насъ тоже разыгрывается драма... невыразимо печальная для лицъ, съ нею соприкосновенныхъ. Нѣсколько убогихъ литераторовъ, съ Булгаринымъ, Калашниковымъ и Борисомъ Ѳедоровымъ во главѣ, еще до европейскихъ событій пытались очернить въ глазахъ правительства многіе изъ нашихъ журналовъ, особенно „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“. Но едва раздался громъ европейскихъ переворотовъ, какъ въ качествѣ доносчиковъ выступили и лица гораздо болѣе сильныя и опасныя. Графъ (С. Г.) Строгановъ, бывшій попечитель московскаго университета, движимый злобой на министра народнаго просвѣщенія, Уварова, который былъ причиною увольненія его отъ должности попечителя, представилъ государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто бы господствующихъ въ нашей литературѣ, особенно въ журналахъ, благодаря слабости министра и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ [1]), желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ другую такую же записку. И вотъ, въ городѣ вдругъ узнаютъ, что, вслѣдствіе этихъ доносовъ, учрежденъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ морского министра, князя Меншикова, и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: Бутурлина, Корфа, графа Строганова (брата бывшаго попечителя), Дегая и Дубельта. Цѣль и значеніе этого комитета были облечены таинственностью, и отъ того онъ казался еще страшнѣе. Наконецъ, постепенно выяснилось, что комитетъ учрежденъ для изслѣдованія нынѣшняго направленія русской литературы, преимущественно журналовъ, и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. Паническій страхъ овладѣлъ умами. Распространились слухи, что комитетъ особенно занятъ отыскиваніемъ вредныхъ идей коммунизма, соціализма, всякаго либерализма, истолкованіемъ ихъ и измышленіемъ жестокихъ наказаній лицамъ, которыя излагали ихъ печатно, или съ вѣдома которыхъ онѣ про-

[1]) Баронъ Модестъ Андреевичъ, впослѣдствіи графъ, извѣстный директоръ Имп. Публичной Библіотеки.

никали въ публику. „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, какъ водится, поставлены были во главѣ виновниковъ распространенія этихъ идей. Министръ народнаго просвѣщенія не былъ приглашенъ въ засѣданія комитета; ни отъ кого не требовали объясненій; никому не дали знать, въ чемъ его обвиняютъ, а между тѣмъ обвиненія были тяжкія. Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпіонство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей“.

Никитенко опять возвращается къ этому предмету уже только въ декабрѣ 1848 года. Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ свирѣпствовала холера; къ однимъ мрачнымъ событіямъ присоединялись другія. Дѣятельность такъ-называемаго негласнаго комитета, гдѣ Меншикова смѣнилъ въ предсѣдательствѣ Бутурлинъ, продолжалась въ томъ же самомъ направленіи, и подъ 1-мъ декабря Никитенко записываетъ тогдашнія происшествія. „Чудная эта земля Россія! Полтораста лѣтъ прикидывались мы стремящимися къ образованію. Оказывается, что это было притворство и фальшь: мы улепетываемъ назадъ быстрѣе, чѣмъ когда-либо шли впередъ. Дивная, чудная земля! Когда Бутурлинъ предлагалъ закрыть университеты, многіе считали это несбыточнымъ. Пустяки! Они забыли, что того только нельзя закрыть, что̀ никогда не было открыто. Вотъ теперь тотъ же самый Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какого-то высшаго, *негласнаго* комитета по цензурѣ и дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что̀ бы то ни было писать и печатать. Вотъ недавній случай. Далю запрещено писать. Какъ? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и онъ попалъ въ коммунисты и соціалисты? Въ „Москвитянинѣ“ напечатаны его два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ изображена цыганка-воровка. Она скрывается; ее ищутъ и не находятъ, обращаются къ мѣстному начальству и все-таки не могутъ отыскать. Бутурлинъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ, не тотъ ли это самый Даль, который служитъ у него въ министерствѣ? Перовскій призвалъ къ себѣ Даля, выговорилъ ему за то, что, дескать, охота тебѣ писать что-нибудь кромѣ бумагъ по службѣ, и въ заключеніе предложилъ ему на выборъ любое: „писать — такъ не служить; служить—такъ не писать“.

„Но этимъ еще не кончилось. Бутурлинъ представилъ дѣло государю въ слѣдующемъ видѣ: что хотя Даль своимъ разсказомъ и вселяетъ въ публику недовѣріе къ начальству, но, повидимому, дѣлаетъ это безъ злого умысла, и такъ какъ сочиненіе его во-

обще не представляетъ въ себѣ ничего вреднаго, то онъ, Бутурлинъ, полагалъ бы сдѣлать автору замѣчаніе, а цензору выговоръ. Послѣдовала резолюція: „сдѣлать и автору выговоръ, тѣмъ болѣе, что и онъ служитъ".

„Графъ Уваровъ сбросилъ графа Строганова съ мѣста попечителя въ московскомъ университетѣ. Строгановъ отомстилъ ему въ мартѣ, представивъ государю записку о либерализмѣ, коммунизмѣ и соціализмѣ, господствующемъ въ цензурѣ и во всемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ что графъ Уваровъ самъ едва удержался на мѣстѣ. Въ сентябрѣ онъ ѣздилъ въ Москву. Тамошнее „Общество исторіи и древностей", состоящее подъ предсѣдательствомъ Строганова, занималось въ это время печатаніемъ въ русскомъ переводѣ записокъ Флетчера. Изданіе это предпринято на основаніи статьи цензурнаго устава, разрѣшающей печатать безъ извлеченія предосудительныхъ для Россіи мѣстъ все, что̀ пишется и писалось о ней до водворенія дома Романовыхъ. Графъ Строгановъ лично разрѣшилъ записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви, что̀, впрочемъ, давно уже напечатано въ запискахъ Бера. Шевыревъ, нѣкогда ухаживавшій за Строгановымъ, теперь представилъ министру, какъ неблаговидно въ данную минуту печатать Флетчера и какъ дурно дѣлаетъ Строгановъ, допуская это. И какъ то̀ всегда бываетъ на святой Руси, онъ подкрѣплялъ свое представленіе завѣреніями въ собственной преданности и усердіи...

„Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣденія государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строганову строжайшій выговоръ черезъ московскаго генералъ-губернатора. Это неслыханный случай съ генералъ-адъютантомъ. Говорятъ, что Закревскій не поцеремонился и послалъ къ графу Строганову квартальнаго надзирателя, съ приглашеніемъ явиться къ нему для полученія выговора.

„Но дѣло не въ этомъ: иже (sic) мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ. Строгановъ, по выраженію Гоголя, „нагадилъ" Уварову, Уваровъ—Строганову. Это въ порядкѣ вещей на святой Руси, гдѣ такія явленія только доказываютъ обычную и глубокую безнравственность, къ которой всѣ привыкли. Но за что погибла книга Флетчера, книга полезная для нашей исторіи? За что пострадалъ секретарь общества Бодянскій, котораго велѣли удалить въ Казань? За что парализовано „Общество", оказавшее не мало услугъ наукѣ?"

Отмѣтимъ еще любопытный эпизодъ, гдѣ цензурнымъ мѣро-

пріятіемъ установлялось пониманіе той оффиціальной народности, которая была формулирована Уваровымъ при его вступленіи въ министерство народнаго просвѣщенія и въ этомъ видѣ служила программой того времени. Эпизодъ, о которомъ мы говоримъ, относится къ маю 1847 года, слѣдовательно цѣлымъ годомъ предшествовалъ учрежденію „негласнаго“ комитета.

„Вчера, т.-е. 31-го мая,—пишетъ Никитенко,—состоялось чрезвычайное собраніе совѣта въ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ попечителя (Мусина-Пушкина). Въ совѣтъ былъ приглашенъ и директоръ педагогическаго института, Ив. Ив. Давыдовъ. Читали предписаніе министра, составленное по Высочайшей волѣ, и гдѣ объясняется, какъ надо понимать намъ нашу народность и что̀ такое славянство по отношенію къ Россіи. Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ. Мы симъ самымъ торжественно отъ него отрекаемся. Оно и не заслуживаетъ нашего участія, потому что мы безъ него устроили свое государство, безъ него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало въ зависимости отъ другихъ, не умѣло ничего создать и теперь окончило свое историческое существованіе.

„На основаніи всего этого, министръ желаетъ, чтобы профессора съ каѳедры развивали нашу народность не иначе, какъ по этой программѣ и по повелѣнію правительства. Это особенно касается профессоровъ: славянскихъ нарѣчій, русской исторіи и исторіи русскаго законодательства.

„По прочтеніи этой бумаги, попечитель объявилъ, что онъ не сомнѣвается въ благонамѣренности нашей и въ готовности слѣдовать этому призыву; что онъ видитъ, какъ мы тронуты, и непремѣнно доведетъ это до свѣденія министра. Ректоръ счелъ нужнымъ поблагодарить попечителя отъ имени совѣта за довѣріе правительства и увѣрилъ его во всеобщемъ усердіи и т. д.

„По выходѣ изъ совѣта попечителя, наличные цензора тутъ же образовали чрезвычайное собраніе комитета, который, не долго думая, поспѣшилъ запретить остроумную и совсѣмъ невинную статью противъ славянофиловъ, написанную Сенковскимъ совершенно въ духѣ тѣхъ идей, какія за полчаса мы слышали въ совѣтѣ. А три дня тому назадъ, за такую же точно статью, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Краевскій получилъ въ III отдѣленіи благодарность отъ имени государя.

„Боже мой, что̀ за хаосъ, что̀ за смѣшеніе понятій!“

Переходимъ къ другому произведенію, относящемуся къ той же исторической эпохѣ и доставляющему новыя извѣстія объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей новой литературы. Это лицо—Н. А. Полевой, и новыя данныя о немъ заключаются въ запискахъ его брата, также нѣкогда дѣйствовавшаго въ литературѣ, К. А. Полевого [1]).

Личность и дѣятельность Н. А. Полевого остаются до сихъ поръ не вполнѣ опредѣленными, и мы увидимъ далѣе, что обширныя воспоминанія его брата, исключительно ему посвященныя, также далеко не представляютъ настоящей исторической характеристики. Блестящее и лучшее время дѣятельности Полевого были тѣ десять лѣтъ, когда онъ былъ издателемъ „Московскаго Телеграфа“. Въ свое время это былъ лучшій русскій журналъ и именно первый журналъ того типа, какой сталъ съ тѣхъ поръ и донынѣ господствующимъ типомъ русскаго журнала. Условія русской литературы и образованія опредѣлили этотъ типъ какъ популярное энциклопедическое изданіе, которое давало читателю и беллетристическое чтеніе, и статьи научнаго содержанія, и литературные обзоры въ видѣ критики и библіографіи, и свѣденія о замѣчательныхъ явленіяхъ европейской жизни и литературы, иной разъ политическія новости и, наконецъ, всякаго рода любопытныя извѣстія въ рубрикѣ „смѣси“. Первымъ образчикомъ были, конечно, иностранныя изданія подобнаго рода, особливо французскія и англійскія, но этотъ образецъ развился въ нашемъ литературномъ положеніи по своему, обратившись, наконецъ, въ тѣ „толстые“ журналы, какіе въ литературѣ европейской почти неизвѣстны. Дѣло въ томъ, что русская читающая публика въ то время (въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ), да и впослѣдствіи, была такъ немногочисленна, что въ обычномъ теченіи литературы просто не могла поддержать ее матеріальнымъ образомъ: книги покупались мало, и форма маленькой литературной энциклопедіи, какую представлялъ журналъ, всего лучше удовлетворяла и умственнымъ, и матеріальнымъ средствамъ читающей публики. Подписавшись на журналъ, читатель имѣлъ все, что̀ могло удовлетворить его небольшія потребности. Полевой былъ въ особенности способенъ довести эту форму изданія до значительной степени совершенства. По своей школѣ или, точнѣе сказать, по отсутствію всякой правильной школы, это былъ именно человѣкъ массы: какъ извѣстно, онъ совсѣмъ не проходилъ никакой школы, былъ въ полной

[1]) Эти записки явились въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1887 года и вышли затѣмъ отдѣльной книгой: „Записки Ксенофонта Алексѣевича Полевого. Съ двумя портретами“. Спб. 1888.

мѣрѣ самоучка и совершенно раздѣлялъ то состояніе умственныхъ интересовъ, въ какомъ находилось большинство тогдашнихъ болѣе или менѣе образованныхъ людей; оттого впослѣдствіи онъ умѣлъ придать своему журналу такое разнообразіе и такой интересъ для массы читателей. Но это былъ самоучка необыкновенный. Надо замѣтить прежде всего, что тогдашняя, даже высшая, школа находилась на столь невысокой ступени въ научномъ отношеніи, что человѣку талантливому не очень трудно было бы обойтись безъ ея содѣйствія. Выше, въ дневникѣ Никитенка, мы видѣли свойства этой школы (петербургскаго университета). Никитенко, едва кончившій курсъ, не знавшій иностранныхъ языковъ, считался пригоднымъ, и самъ былъ готовъ на это, чтобы занять ту или другую изъ нѣсколькихъ весьма разнородныхъ каѳедръ: и каѳедру права, и каѳедру политической экономіи и русской словесности, и проч.; каѳедру политической экономіи онъ даже и дѣйствительно занималъ, пока перешелъ уже въ 30-хъ годахъ на русскую словесность. Понятно, что глубина его познаній во всѣхъ этихъ предметахъ не могла быть особенно велика, и понятно также, что если Полевой не прошелъ *этой* школы, то ему не особенно трудно было бы вознаградить ея недостатокъ собственнымъ чтеніемъ. Замѣтимъ опять, что мы принимаемъ въ разсчетъ тогдашнее положеніе вещей. Но Полевой былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенный: умственные и поэтическіе интересы были въ немъ чрезвычайно развиты, можно сказать, съ дѣтства; необычайная любознательность и вмѣстѣ необычайная воспріимчивость очень рано обогатили его обширными свѣдѣніями и вмѣстѣ съ тѣмъ очень рано, опять еще съ дѣтства, обнаружилась потребность литературной дѣятельности, между прочимъ, поэтической, и когда онъ, уже вступивъ передъ тѣмъ на литературную арену, задумалъ изданіе „Московскаго Телеграфа“ (начавшагося съ 1825 года), онъ брался за дѣло, которое могло быть ему по силамъ. Если иной разъ, и даже нерѣдко, въ концѣ концовъ сказывался недостатокъ правильной теоретической школы (недостатокъ въ то время весьма нерѣдкій), то въ другихъ отношеніяхъ онъ имѣлъ достоинства, которыя могли сдѣлать его замѣчательнымъ журналистомъ: обширная и разнообразная начитанность, живая воспріимчивость къ интересамъ минуты, необыкновенная способность къ работѣ, стремленіе усвоить и передать русскому читателю идеи тогдашней науки и содержаніе тогдашней поэзіи, все это ставило его выше уровня тогдашней журналистики. „Московскій Телеграфъ“ сталъ дѣйствительно лучшимъ журналомъ своего времени. За однимъ исключеніемъ, Полевой вы-

носилъ дѣло на своихъ плечахъ; этимъ исключеніемъ былъ кн. П. А. Вяземскій, который въ первые годы изданія принималъ въ журналѣ весьма дѣятельное участіе и, безъ сомнѣнія, имѣлъ свою долю въ его успѣхѣ. Время „Московскаго Телеграфа“ было лучшимъ временемъ Полевого. Въ 1834 году журналъ погибъ: поводомъ была ничтожная сама по себѣ, но важная по тогдашнимъ обстоятельствамъ литературная неосторожность, а главною причиной — трудно постижимая въ настоящее время ненависть, какую навлекъ на себя Полевой въ цензурномъ вѣдомствѣ, во главѣ котораго стоялъ С. С. Уваровъ. Паденіе „Телеграфа“ было для Полевого началомъ бѣдствій, въ которыхъ прошла вся остальная его жизнь.

Литературное положеніе Полевого было съ самаго начала очень мудреное. При всѣхъ достоинствахъ его журнала онъ съ первыхъ шаговъ былъ встрѣченъ весьма недружелюбно по разнымъ причинамъ: для другихъ тогдашнихъ журналистовъ это былъ непріятный конкуррентъ; для многихъ писателей онъ сталъ предметомъ ненависти, какъ суровый критикъ; для многихъ онъ казался выскочкой, какъ человѣкъ, не имѣвшій никакого ученаго патента или даже—какъ разночинецъ. Смѣшно сказать, но это послѣднее обстоятельство играло не малую роль въ отношеніяхъ тогдашней литературы къ Полевому: удивлялись и негодовали, что въ литературѣ хочетъ имѣть голосъ купецъ, разночинецъ, владѣтель водочнаго завода (который былъ устроенъ его отцомъ). Тогдашніе литераторы были по преимуществу дворянскаго званія; самъ Пушкинъ ставилъ на первый планъ не величіе своего поэтическаго дѣла, а „600-лѣтнее дворянство“; они презирали разночинца, который хотѣлъ стать въ литературѣ наравнѣ съ ними, —не думая о томъ, что полученіе дохода съ „душъ“ едва ли было уважительнѣе полученія дохода отъ водочнаго завода, и не думая также о томъ, что въ общемъ положеніи литературы они стояли совершенно въ такомъ же приниженномъ положеніи, какъ и этотъ разночинецъ. Въ концѣ 1820-хъ годовъ въ Москвѣ задумывалось, и послѣ осуществилось, изданіе другого журнала, который долженъ былъ выходить при участіи и какъ бы подъ покровительствомъ Пушкина: это былъ „Московскій Вѣстникъ“, во главѣ котораго сталъ Погодинъ. Это былъ другой кружокъ, который въ концѣ концовъ сталъ враждебно къ „Телеграфу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошли и непріязненныя отношенія къ Пушкину. Послѣдній, какъ извѣстно, всегда очень ревностно поддерживалъ своихъ друзей; такъ или иначе, неблагопріятныя отношенія разныхъ литературныхъ кружковъ къ Полевому были раз-

дѣлены и Пушкинымъ. Въ начавшейся полемикѣ Полевой не убоялся встрѣчи съ Пушкинымъ, тѣмъ болѣе, что Пушкинъ давалъ къ этому поводъ нѣкоторыми неловкостями и излишествами литературнаго спора. Между прочимъ, Пушкинъ, по обыкновенію, отвѣчалъ эпиграммами: онѣ не были, и по своему тону не могли быть напечатаны, по содержанію не были аргументомъ, но, распространяясь въ публикѣ, не обходились безъ того, чтобы не внушать вражды къ человѣку, на котораго направлялись, — не разбирая, были онѣ справедливы или нѣтъ. Усердные противники вылавливали у Полевого всякую ошибку, недосмотръ и составляли ему репутацію писателя поверхностнаго, легкомысленнаго, не поминая о томъ, что̀ было имъ сдѣлано полезнаго и цѣннаго. Это предубѣжденіе было уже значительно распространено, когда „Телеграфъ" былъ запрещенъ; тяжело сказать, что въ кругу друзей Пушкина радовались этому запрещенію; самое запрещеніе было дѣломъ стараго „арзамасца". Судьба Полевого съ этого времени была только длиннымъ рядомъ бѣдствій, подъ гнетомъ которыхъ, наконецъ, истощились его нравственныя и физическія силы. Онъ вскорѣ перебрался въ Петербургъ, гдѣ главнымъ образомъ шла литературная жизнь, гдѣ было больше журналовъ и иныхъ литературныхъ предпріятій, въ которыхъ онъ надѣялся получить работу. Работа была нужна во что бы то ни стало: для этого онъ вошелъ въ сношенія и въ дѣла съ людьми, какъ Гречъ и Булгаринъ, потомъ Сенковскій; вошелъ въ дѣловыя связи съ извѣстнымъ книгопродавцемъ Смирдинымъ. Эти сношенія съ издателями „Сѣверной Пчелы", въ рукахъ которыхъ было тогда нѣсколько изданій, отразились весьма неблагопріятно на его литературномъ положеніи. Первыя связи съ ними Полевого начались еще ранѣе, въ то время, когда эти лица еще не имѣли той прочно установившейся дурной репутаціи, какую получили впослѣдствіи. Нѣкогда, въ началѣ 20-хъ годовъ, Гречъ и Булгаринъ были въ сношеніяхъ съ передовыми образованными людьми, къ которымъ и себя причисляли; они были въ связяхъ съ кружкомъ позднѣйшихъ декабристовъ; Грибоѣдовъ до конца дней былъ въ дружбѣ съ Булгаринымъ. Около той эпохи въ первый разъ познакомился съ ними и Полевой. Во время изданія „Телеграфа" онъ разошелся съ ними, но нѣсколько позднѣе, еще при существованіи „Телеграфа", ихъ размолвка сгладилась, и теперь Полевой намѣренъ былъ вступить съ ними въ издательскія сношенія и дѣла. Но время уже значительно измѣнилось: ко второй половинѣ тридцатыхъ годовъ роль Греча и Булгарина очень опредѣлилась, — въ томъ смыслѣ, въ какомъ они переходятъ въ исторію. Извѣстно, какъ относился

къ нимъ Пушкинъ и его кружокъ, или какъ нѣсколько позднѣе кружокъ Бѣлинскаго, или такіе мирные и не принадлежавшіе ни къ какимъ партіямъ люди, какъ кн. В. Ѳ. Одоевскій, и наконецъ, вся лучшая часть общественнаго мнѣнія. Нѣсколько неясно, какъ смотрѣлъ на эту репутацію Полевой. Могло быть, что роль Греча и Булгарина не казалась ему такова, какою представлялась она другимъ, что ядовитыя нападенія Пушкина, а потомъ и другихъ литературныхъ лагерей онъ считалъ слѣдствіемъ раздраженія литературныхъ партій, несправедливости котораго онъ слишкомъ испыталъ и на самомъ себѣ. Какъ дальше упомянемъ, въ его собственныхъ отзывахъ, приводимыхъ его біографомъ, представленія о Булгаринѣ и позднѣе какъ-то двоятся. Но въ тѣхъ литературныхъ кругахъ, которые принимали все болѣе господствующее положеніе, эти связи Полевого производили самое неблагопріятное впечатлѣніе: онѣ сочтены были за отступничество и, дѣйствительно, не легко было объяснить себѣ, какимъ образомъ писатель, несомнѣнно стоявшій въ передовыхъ рядахъ литературы, могъ, не измѣнивъ самому себѣ, войти въ союзъ съ людьми, общественная роль которыхъ была совсѣмъ противоположнаго свойства. Когда вскорѣ затѣмъ Полевой выступилъ на драматическомъ поприщѣ съ извѣстными патріотическими пьесами, которыя имѣли огромный успѣхъ на сценѣ, но не отличались достоинствами художественными, характеръ ихъ объясненъ былъ консервативной тенденціозностью, желаніемъ угодить толпѣ и начальству—пьесы и дѣйствительно угождали. Наконецъ, присоединялось еще обстоятельство. Полевой начиналъ рѣзко расходиться съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ по вопросамъ, имѣвшимъ тогда самое крупное, капитальное значеніе. Таковъ былъ, напримѣръ, вопросъ о Гоголѣ. Въ то время какъ для новаго поколѣнія Гоголь былъ настоящимъ откровеніемъ, когда съ него считали новый періодъ литературы и первое вступленіе ея на почву дѣйствительности, Полевой не видѣлъ ничего этого, считалъ Гоголя зауряднымъ юмористомъ грубаго, дурного тона. На Гоголѣ, какъ извѣстно, раздѣлились литературныя партіи и общественное мнѣніе, и Полевой оказался на той сторонѣ, гдѣ были люди устарѣлаго литературнаго вкуса и ретроградные противники сатирическаго разоблаченія дѣйствительности. Такими же противниками Гоголя бывали Булгаринъ, Гречъ, Сенковскій и множество закоренѣлыхъ приверженцевъ стараго застоя. Можно было и въ то время предполагать, что въ данномъ случаѣ Полевой не руководился какими-либо посторонними соображеніями, и дѣйствительно по складу своихъ литературныхъ идей это былъ чистый романтикъ, которому реализмъ

Гоголя былъ просто и искренно непонятенъ. Но впечатлѣніе тѣмъ не менѣе оставалось неблагопріятное; Полевой, нѣкогда передовой писатель, становился въ ряды людей, которые были несомнѣнными врагами лучшихъ надеждъ русской литературы и общественной жизни.

Такъ мало-по-малу накоплялись факты, изъ которыхъ выводились относительно Полевого самыя невыгодныя заключенія. Онъ такъ и кончилъ свое поприще подъ тяжестью нареканій, которыя неслись изъ разныхъ литературныхъ лагерей, а кромѣ того и подъ гнетомъ страшной матеріальной нужды, о которой полное понятіе мы получаемъ только теперь,—изъ записокъ его брата.

Къ сожалѣнію, слишкомъ часто бываетъ, что только смерть человѣка вызываетъ людей къ справедливости. Когда Полевой умеръ, передъ современниками возникла его личность въ полномъ объемѣ его историческаго труда, отпали недавнія дрязги, смягчились личные недостатки, но тѣмъ ярче явилась та заслуга, которая становилась его историческимъ правомъ. Никитенко записываетъ въ дневникъ подъ 22-мъ февраля 1846-го года: „Николай Алексѣевичъ Полевой умеръ. Это большая потеря. Онъ былъ необыкновенный человѣкъ. Всеобщее участіе и сожалѣніе“. Тогда же Никитенко писалъ о немъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ слѣдующія сочувственныя строки, изъ которыхъ можно видѣть, какою враждой было еще окружено это имя.

„...Нѣтъ! несправедливо судили о немъ враги его, говоря, что онъ, какъ человѣкъ смѣтливый и изворотливый, дѣлаетъ изъ литературныхъ предпріятій спекуляцію, а изъ искусства ремесло, что онъ охотно и весело поддается искушенію дѣлать все, чтобы получить за то много. Нѣтъ, онъ глубоко чувствовалъ ложность и тяготу своего положенія. Мы лично и близко его знали, и можемъ торжественно засвидѣтельствовать предъ будущимъ его біографомъ, что въ этомъ изможденномъ тѣлѣ, въ этой сдавленной груди, которой теперь, безъ сомнѣнія, легче подъ могильною насыпью, чѣмъ было ей подъ гнетомъ жизненныхъ заботъ, что въ нихъ до послѣдняго вздоха билось сердце, полное благородныхъ стремленій и сочувствія ко всѣмъ великимъ, нравственнымъ и умственнымъ интересамъ людей. Но его свѣтлый день уже проходилъ, приближался закатъ, одѣтый въ туманъ, потрясаемый бурями; что̀ было посѣяно, то̀ уже сняли; сѣять вновь можно было только для хлѣба насущнаго и для жатвы за гробомъ... Нѣтъ, еще повторяемъ, это было существо, сложенное изъ стихій свѣта и огня, а не грязи. Но всему ли, что̀ есть въ насъ пре-

краснаго, суждено расцвѣсти и дать плодъ свой? И неужели должно бросить въ насъ камень за то, что мы не все могли сдѣлать, что было понято и рѣшено нами въ глубинѣ нашего сердца?“...

Бѣлинскій, который нѣкогда былъ горячимъ приверженцемъ Полевого, затѣмъ въ ту позднѣйшую пору, о которой мы говорили, былъ его горячимъ противникомъ, по его смерти посвятилъ цѣлую статью опредѣленію историческаго значенія Полевого и, не скрывая тѣхъ недостатковъ, какіе и прежде находилъ въ его произведеніяхъ, далъ высокую оцѣнку его цѣлому историческому труду, о чемъ могутъ дать понятіе слѣдующія строки.

„Три человѣка, нисколько не бывшіе поэтами, имѣли сильное вліяніе на русскую поэзію и вообще русскую изящную литературу, въ три различныя эпохи ея историческаго существованія. Эти люди были—Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой... Каждый изъ нихъ оказалъ свое вліяніе на литературу своимъ особеннымъ образомъ, сообразно съ обстоятельствами и требованіями своего времени.

„Ломоносовъ, Карамзинъ—и Полевой!.. Какъ многихъ оскорбитъ такое сближеніе именъ! Имена еще до сихъ поръ играютъ въ нашей литературѣ чрезвычайно важную роль, потому что для многихъ еще замѣняютъ они идеи... Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ большой рискъ въ этомъ отношеніи. Старики, которые и теперь считаютъ Ломоносова, вмѣстѣ съ Сумароковымъ и Херасковымъ, образцовыми писателями, увидятъ страшную профанацію въ сближеніи имени Полевого съ именемъ Ломоносова. Но этихъ уже не много... Но что скажутъ тѣ, которые съ личностью и эпохою Карамзина сливаютъ воспоминаніе о лучшемъ времени своей жизни, которые, наконецъ, помнятъ въ Полевомъ человѣка, писавшаго противъ Карамзина, хотя и послѣ его смерти... Что скажутъ бывшіе журналисты, современники Полевого, и многіе писатели и писаки, которыхъ нѣкогда уничтожалъ онъ своимъ журналомъ и у которыхъ еще цѣлы шрамы отъ глубокихъ ранъ, нанесенныхъ его перомъ ихъ самолюбію?.. Что скажутъ всѣ они? Пусть говорятъ что хотятъ... Истина выше людей и не должна бояться ихъ, особенно истина объ умершемъ человѣкѣ, могила котораго требуетъ суда, а не осужденія, должной справедливости, а не восторженныхъ похвалъ ложныхъ друзей, или пристрастнаго ропота раненыхъ самолюбій“ [1]).

Статья Бѣлинскаго остается до сихъ поръ лучшимъ опредѣ-

---

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, т. XII, стр. 150—151.

леніемъ литературнаго значенія дѣятельности Полевого, но оно указано здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ, и для полной оцѣнки писателя недостаетъ еще важнаго матеріала, доставляемаго біографіей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи много любопытнаго даютъ записки Ксенофонта Полевого.

Эти записки писаны были еще въ 1850-хъ годахъ, и авторъ намѣревался помѣстить ихъ въ видѣ приложенія къ журналу „Живописная Русская Библіотека“, которую издавалъ онъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Изъ трехъ частей, на которыя распадаются записки, онъ приготовилъ къ печати и провелъ черезъ цензуру двѣ первыя части „Записокъ“, но „цензура сдѣлала такія немилосердныя урѣзки, сокращенія и измѣненія, что Ксенофонтъ Алексѣевичъ рѣшился ограничиться выпускомъ въ свѣтъ одной первой части ихъ, напечатанной въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Остальныя двѣ части онъ не хотѣлъ печатать при жизни своей и даже дѣтямъ своимъ завѣщалъ напечатать ихъ не ранѣе, какъ 25 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ первой части“ [1]). „Записки“ изданы теперь, по прошествіи упомянутаго срока, въ полномъ составѣ, т.-е. въ трехъ частяхъ, съ пополненіемъ прежнихъ цензурныхъ пропусковъ и съ тѣми измѣненіями, какія были сдѣланы авторомъ въ рукописи.

Авторъ „Записокъ“, младшій (на пять лѣтъ) братъ Н. А., замѣчаетъ въ предисловіи, что значеніе Н. А. Полевого до сихъ поръ не опредѣлено: отвѣта на этотъ вопросъ, по словамъ его, „нѣтъ въ біографіяхъ и безчисленныхъ сужденіяхъ, гдѣ старались изобразить и оцѣнить Н. А. Полевого пріятели и непріятели его. Вообще, немногіе говорили благоразумно и съ такимъ чувствомъ, какого достоинъ человѣкъ необыкновенный... Скажу, можетъ быть, неожидаемое читателемъ: я извиняю, съ немногими исключеніями, всѣхъ, даже враговъ Н. А. Полевого! Они судили о немъ, не знавши его, и виноваты передъ его памятью всего больше въ томъ, что рѣшились писать и судить о человѣкѣ, котораго знали слишкомъ односторонне... Онъ самъ никогда не заботился исправить многія ложныя мнѣнія, какія распространялись о немъ еще во время его жизни... Онъ былъ мнѣ братъ и другъ. Эти названія важны для меня передъ публикою только въ томъ отношеніи, что она *можетъ вѣрить* моему разсказу. Никто лучше меня не зналъ Н. А. Полевого. Во всю жизнь его были мы соединены не только ближнимъ кровнымъ

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, 1887, январь, стр. 33.

родствомъ, но и самою нѣжною дружбою, которая началась съ дѣтскихъ лѣтъ, продолжалась во всѣ годы юности и мужества и окончилась только его смертью. Дружба наша была скрѣплена и одинакими склонностями, и многими общими занятіями и трудами... Кто же больше меня имѣетъ средствъ представить этого необыкновеннаго человѣка въ истинномъ видѣ? По моему убѣжденію, возможность говорить о немъ вѣрнѣе другихъ составляетъ мою обязанность, которую я долженъ исполнить“.

Дѣйствительно, никто иной не могъ разсказать біографіи Н. А. Полевого съ такимъ знаніемъ фактовъ, какъ его братъ, проведшій жизнь почти безразлучно съ нимъ до послѣдняго переѣзда въ Москву, бывшій ближайшимъ свидѣтелемъ и участникомъ его работъ по „Московскому Телеграфу“ и отчасти по другимъ позднѣйшимъ изданіямъ. Записки Ксенофонта Полевого исполнены интереса, хотя повторимъ опять, что онѣ еще не составляютъ біографіи. Свѣденія о жизни Н. А. до вступленія его на журнальное поприще, о семьѣ, въ которой онъ выросъ, о средствахъ его образованія, о дѣловыхъ отношеніяхъ его отца и т. п. не могли быть разсказаны никѣмъ кромѣ Ксенофонта Полевого, точно также какъ впослѣдствіи никто другой не зналъ въ такой степени интимную жизнь Н. А. Читатель, конечно, впередъ приготовленъ встрѣтить тонъ панегирика и апологіи, весьма естественной со стороны брата и близкаго человѣка; но къ сожалѣнію „Записки“ во многихъ случаяхъ не отличаются достаточною ясностью и точностью. Всего чаще авторъ говоритъ, напримѣръ, о литературныхъ отношеніяхъ Н. А. нѣсколько неопредѣленно. Разсказывая, напримѣръ, о времени „Московскаго Телеграфа“, авторъ не одинъ разъ изображаетъ Н. А. Полевого какъ передового человѣка, но нигдѣ не объясняетъ ближе, въ чемъ именно состояли передовыя идеи, которыхъ онъ былъ выразителемъ; упоминая о литературной враждѣ, встрѣтившей Н. А. Полевого съ первыхъ шаговъ его журнала, не объясняетъ, по какимъ именно вопросамъ и предметамъ шла эта вражда, какъ и впослѣдствіи оставляетъ неразъясненными упомянутыя выше разногласія Полевого съ новыми литературными поколѣніями. Онъ много говоритъ о недоброжелательствѣ, несправедливости, завистливой конкурренціи, испытанныхъ Н. А. Полевымъ, но очень рѣдко касается существа литературныхъ идей, которыя все-таки въ той или другой степени участвовали въ этихъ литературныхъ спорахъ и враждѣ. Спеціалисты литературной исторіи могутъ, конечно, сами разыскать всѣ эти предметы въ современныхъ изданіяхъ: это и должно быть сдѣлано для настоящей біографіи

Полевого; но въ томъ видѣ, какъ есть, настоящія „Записки", обращенныя къ обыкновенному читателю, оставляютъ для него многое весьма смутнымъ. Не обходится при этомъ безъ ошибокъ и несправедливости. Ксенофонтъ Полевой говоритъ, напримѣръ, что такой-то писатель былъ нѣкогда поклонникомъ Н. А., былъ имъ обласканъ, но впослѣдствіи сталъ его врагомъ, забывши прежнюю дружбу и ласку. У обыкновеннаго читателя останется впечатлѣніе, что этотъ писатель оказалъ черную неблагодарность, и біографъ иногда самъ подчеркнетъ это обстоятельство. Но остается невыясненнымъ: когда и въ какихъ условіяхъ была дружба и когда, въ какихъ условіяхъ началась вражда. Въ дѣйствительности окажется, что одно отношеніе смѣнилось другимъ при условіяхъ, которыя и должны были сдѣлать прежнихъ друзей врагами. Мы упоминали, что такую разницу отношеній именно представлялъ московскій и петербургскій періоды дѣятельности Полевого, время „Московскаго Телеграфа" и время его связей съ Гречемъ, Булгаринымъ и Сенковскимъ... Такого рода обвиненіе Ксенофонтъ Полевой выставляетъ, напримѣръ, противъ Бѣлинскаго, съ которымъ его собственныя отношенія были совершенно враждебны; но кто хотя нѣсколько уразумѣлъ личный и литературный характеръ Бѣлинскаго, тому не нужно доказательствъ, что въ дружбѣ и враждѣ Бѣлинскаго не могло быть какого-нибудь разсчета выгоды или соображеній конкурренціи; его литературныя отношенія опредѣлялись только идейнымъ содержаніемъ; нужна была извѣстная ограниченность пониманія или привычка къ разсчетамъ матеріальной выгоды, чтобы бросать на Бѣлинскаго подобное осужденіе. По разсказамъ біографа, Н. А. Полевой былъ человѣкъ—въ денежной сторонѣ дѣлъ крайне не разсчетливый; біографъ изображаетъ его совершеннымъ младенцемъ въ этомъ отношеніи; но кому нѣсколько извѣстенъ характеръ Бѣлинскаго, тотъ знаетъ, что матеріальный разсчетъ не руководилъ литературными взглядами и отношеніями Бѣлинскаго, какъ не зависѣли они и отъ побужденій самолюбія, которымъ Кс. Полевой приписываетъ вражду Бѣлинскаго къ его брату. Дѣло было ни въ томъ, ни въ другомъ. Извѣстно, что Бѣлинскій прошелъ нѣсколько различныхъ стадій развитія: нѣкогда онъ былъ такимъ же романтикомъ, какъ самъ Полевой; онъ былъ—и, замѣтимъ, остался до конца—великимъ почитателемъ Полевого, какъ издателя „Московскаго Телеграфа"; именно къ той порѣ (вторая половина 1830-хъ годовъ), когда еще свѣжа была память о „Телеграфѣ", относятся его дружескія и любящія отношенія къ Н. А. Полевому; но затѣмъ во внутренней жизни Бѣлинскаго совершился

глубокій переворотъ: отвлеченное философствованіе по Гегелю смѣнилось другимъ, почти или совершенно противоположнымъ взглядомъ; признаніе „дѣйствительности“ законною, какова бы она ни была, смѣнилось критическимъ отношеніемъ къ ней, причемъ на мѣсто отвлеченныхъ философскихъ разсужденій стала реальная жизнь и изслѣдованіе ея въ смыслѣ соціально-нравственныхъ ученій того времени. Этотъ переворотъ совершился около 1840—1841 года. Какъ извѣстно, этотъ переломъ въ понятіяхъ совершался болѣзненно и для самого Бѣлинскаго; но если онъ не усомнился осудить свои собственныя прежнія мнѣнія, то понятно, что старая личная пріязнь не должна была остановить его отъ осужденія чужихъ мнѣній, которыя должны были казаться ему ложными. Здѣсь, и только здѣсь, былъ источникъ его враждебнаго отношенія къ дѣятельности Н. А. Полевого въ его петербургскую пору. Суровыя и бранчивыя осужденія, которыя направляетъ противъ Бѣлинскаго Ксенофонтъ Полевой, не принимаютъ ничего этого въ разсужденіе: онъ какъ будто не считаетъ возможнымъ, чтобы причины вражды заключались въ разнорѣчіи или противоположности теоретическихъ понятій, а не въ какихъ-нибудь личныхъ дрязгахъ, и это достаточно опредѣляетъ характеръ его нападеній на Бѣлинскаго. Указанная выше статья Бѣлинскаго, изъ которой мы привели выписку, показываетъ достаточно его взглядъ на Н. А. Полевого. Бѣлинскій не измѣнилъ своихъ мнѣній о Полевомъ, когда такъ высоко ставилъ его какъ издателя „Московскаго Телеграфа“, не отказываясь, однако, отъ осужденій, какія вызывали въ немъ позднѣйшіе труды Полевого.

Подобнымъ образомъ не вполнѣ ясно изображены у Ксенофонта Полевого другія литературныя отношенія его брата. Въ первые годы изданія „Телеграфа“, въ немъ принималъ весьма дѣятельное участіе кн. П. А. Вяземскій, который впослѣдствіи не только разошелся съ Полевымъ, но и сталъ въ рядахъ его враговъ. Въ „Запискахъ“ Ксенофонта Полевого мы находимъ нѣкоторое объясненіе тому, какъ произошелъ вначалѣ этотъ союзъ, но не видимъ достаточно указанія на то, почему онъ прекратился; между тѣмъ это обстоятельство не лишено важности для исторіи того и другого. Далѣе, такимъ же образомъ невыяснены и нѣкоторыя другія литературныя отношенія Н. А. Полевого въ Москвѣ и Петербургѣ.

Обратимся къ самой книгѣ. Н. А. Полевой, издавая въ 1839 году „Очерки русской литературы“, предпослалъ имъ автобіографическій очеркъ, гдѣ говорилъ, между прочимъ, о своей дѣтской и юношеской жизни въ домѣ отца, о скудныхъ сред-

ствахъ своего ученія, когда ему приходилось учиться наперекоръ волѣ отца, урывками, тайкомъ, у кого случится. Къ удивленію, на первыхъ же страницахъ „Записокъ“ Ксенофонта Полевого, мы встрѣчаемъ категорическое опроверженіе многихъ изъ этихъ свѣденій: не то было и положеніе его въ семьѣ, не такъ скудны были и средства ученія; словомъ, хотя Н. Полевой, вообще говоря, многое пріобрѣлъ своимъ личнымъ трудомъ, какъ самоучка, но вовсе не былъ до такой степени лишенъ возможности учиться, какъ онъ самъ это разсказывалъ. Ксенофонтъ П. упоминаетъ, что по выходѣ „Очерковъ“, прочитавши этотъ автобіографическій разсказъ, онъ тогда же сдѣлалъ замѣчаніе о неточностяхъ этого изложенія дѣла, и Н. А., усмѣхнувшись, отвѣчалъ ему только, что такъ выходитъ эффектнѣе. Въ дальнѣйшемъ автобіографическомъ разсказѣ Н. А. Полевого о томъ, какъ отецъ поручалъ ему его дѣла, опять оказываются значительныя неточности, которыя и исправляетъ авторъ „Записокъ“.

Первый небольшой литературный трудъ Н. А. Полевого, описаніе пребыванія императора Александра въ Курскѣ, гдѣ жило тогда семейство Полевыхъ, появился въ 1817 году въ „Вѣстникѣ Европы“. За этимъ началомъ слѣдовали другія небольшія работы, и въ началѣ двадцатыхъ годовъ, Полевой, жившій тогда въ Москвѣ и бывавшій въ Петербургѣ, имѣлъ уже обширныя знакомства въ литературномъ кругу. Въ 1822 году онъ получилъ уже отъ Россійской академіи большую серебряную медаль за изслѣдованіе о русскихъ глаголахъ; его журнальныя статьи обращали на себя вниманіе. „Предшествуемый своею оригинальною извѣстностью,—читаемъ въ „Запискахъ“,—ласкаемый всюду, куда являлся, Н. А. любилъ петербургскій кругъ своихъ знакомыхъ. Вообще, тогда было въ Петербургѣ больше литературной жизни, нежели въ Москвѣ. Послѣ того, какъ оставили Москву почти всѣ современныя свѣтила русской литературы, она стала замѣтно отставать отъ Петербурга, гдѣ, кромѣ прежнихъ литературныхъ знаменитостей, явилось нѣсколько молодыхъ дарованій, обѣщавшихъ многое и уже заслужившихъ извѣстность. Старики—ученые и литераторы — Каченовскій, Мерзляковъ, Гавриловъ, С. Н. Глинка и нѣкоторые другіе, не шли впередъ, даже отставали отъ прежней своей дѣятельности и не гармонировали съ новою пылкою дѣятельностью Полевого, на котораго они глядѣли даже подозрительно, какъ на выскочку,—по крайней мѣрѣ, какъ на смѣльчака. Этимъ объясняется, почему онъ часто ѣздилъ въ Петербургъ, оставался тамъ сколько было можно, и писалъ не для единственнаго тогда московскаго литературнаго журнала

(„Вѣстника Европы“). Въ 1823 году, познакомился онъ съ Н. А. Гречемъ и съ Ѳ. В. Булгаринымъ и былъ очарованъ ихъ обществомъ, гдѣ соединялось все, что̀ только было остроумно-литературнаго, современнаго, блестящаго, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ представлялъ московскій литературный міръ. Кругъ знакомыхъ Николая Алексѣевича былъ уже чрезвычайно обширенъ: можно сказать, что, начиная отъ А. С. Шишкова до самыхъ юныхъ тогдашнихъ сподвижниковъ литературы, всѣ стали извѣстны ему лично, и отъ всѣхъ видѣлъ онъ привѣтъ самый ободрительный для пылкой его души“ [1]).

Мы привели эти слова, чтобы показать, какъ давно начались тѣ литературныя отношенія, которыя послужили потомъ поводомъ къ обвиненіямъ противъ Полевого. Въ это время, въ первыхъ двадцатыхъ годахъ, Булгаринъ и Гречъ были люди, въ политическомъ отношеніи не отмѣченные ничѣмъ неблаговиднымъ; мало того, они принадлежали даже къ наиболѣе передовому тогдашнему кругу; съ Гречемъ Полевого связывали еще общіе интересы по вопросамъ грамматики, то-есть изслѣдованія языка. Повидимому, Полевой и впослѣдствіи сохранилъ нѣчто изъ этого взгляда, можетъ быть, нѣсколько наивнаго. Во всякомъ случаѣ, эти отношенія еще останутся вопросомъ для будущаго біографа.

Другимъ вопросомъ будутъ, какъ выше упомянуто, отношенія Полевого съ княземъ Вяземскимъ. Третьимъ будутъ его отношенія съ Пушкинымъ и его кругомъ. Было уже давно указано, что эти отношенія не были таковы, какими ихъ слѣдовало бы считать, принимая буквально нападенія на Полевого со стороны Пушкина и его друзей [2]). Ксенофонтъ Полевой на этотъ разъ былъ опредѣленнѣе, чѣмъ обыкновенно. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги онъ возвращается къ объясненію отношеній Пушкина къ издателю „Московскаго Телеграфа“. Онъ упоминаетъ, что Пушкинъ сначала благопріятствовалъ этому изданію, считалъ „Телеграфъ“ лучшимъ изъ современныхъ журналовъ, присылалъ ему свои стихи, напечаталъ въ немъ свои первые прозаическіе опыты,—это было еще до ихъ личнаго знакомства; но дѣло совершенно измѣнилось, когда Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву въ 1826 году. Первая встрѣча произвела уже весьма неблагопріятное впечатлѣніе, о прежнемъ отношеніи Пушкина къ журналу не было и помину; какъ объясняетъ Ксенофонтъ Полевой въ своихъ „Запискахъ“, причина перемѣны заключалась въ томъ,

[1]) „Записки“, стр. 79—80.

[2]) См. „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, „Современникъ“, 1855—1856.

что Пушкинъ сблизился тогда съ другимъ литературнымъ кружкомъ, который задумывалъ въ то время изданіе „Московскаго Вѣстника“... „Пушкинъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ моему брату непріязненно и, вольно или невольно, повредилъ ему во многомъ. Конечно, въ его волѣ было затѣять свой журналъ; но уже одно то, что онъ не присоединился къ „Телеграфу“, вдругъ перемѣнилъ свой образъ мыслей о немъ и сталъ постоянно отзываться (о немъ) какъ о ловкомъ шарлатанствѣ, это уже не могло не повредить Н. А. Полевому и усилило непріязненныя дѣйствія его противниковъ. Если въ письмахъ своихъ онъ не совѣстился говорить, что въ „Телеграфѣ“ существенная часть были моды, то можно представить себѣ, какъ отзывался онъ объ этомъ журналѣ и его издателѣ въ разговорахъ своихъ съ тѣми людьми, которые, и черезъ много лѣтъ послѣ смерти Н. А. Полевого, не могутъ простить ему успѣховъ его и не отдаютъ ему справедливости? Несомнѣнно, что не лучше отзывался о немъ Пушкинъ и въ разговорахъ съ посторонними людьми, а его слово могло сильно дѣйствовать на общее мнѣніе. Чѣмъ же оправдать такую непріязненность, когда лучшіе люди своего времени—князь Вяземскій, Мицкевичъ, Баратынскій, и много другихъ, которыхъ авторитета не отвергалъ Пушкинъ,—были тѣсно соединены съ Н. А. Полевымъ и уважали его журналъ? Теперь никто не станетъ спорить, что Пушкинъ во всю жизнь свою былъ плохой судья въ литературѣ, даже когда бывалъ искрененъ; но тутъ едва ли можно признать въ немъ даже искренность! Я старался объяснить внезапную перемѣну его въ отношеніи къ моему брату; но, разъ выступивъ на ложный путь, онъ невольно увлекался дальше и дальше“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Ксенофонтъ Полевой разсказываетъ: „Какъ рыцарь, какъ смѣлый боецъ на избранномъ имъ поприщѣ, Николай Алексѣевичъ не робѣлъ ни передъ знатностью, ни передъ какими бы ни было авторитетами, когда надобно было обличить порокъ, низость, злоупотребленіе. Онъ ненавидѣлъ старинную русскую поговорку: „не нашу тысячу рубятъ!“ и кидался въ схватку при всякомъ случаѣ, который пробуждалъ въ немъ неизмѣнное чувство на защиту правды и добра. Повидимому, какая надобность была ему задѣвать Пушкина и возстановлять противъ себя опаснаго непріятеля въ этомъ могущественномъ писателѣ? Не выгоднѣе ли было бы позабыть распри и жить съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ пріязни? Но это было уже невозможно для моего брата съ тѣхъ

[1]) „Записки“, стр. 211—212.

поръ, какъ Пушкинъ написалъ нѣкоторыя свои стихотворенія и напечаталъ въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига „Посланіе къ вельможѣ“. Николай Алексѣевичъ пришелъ въ глубокое негодованіе, потому что видѣлъ самовольное, жалкое униженіе Пушкина особенно въ этомъ посланіи. Онъ сталъ при всякомъ случаѣ указывать на слабыя стороны поэта и за измѣнчивость его платилъ ему рѣзкою правдою. Многіе видятъ мастерское произведеніе въ „Посланіи къ вельможѣ“, но братъ мой тѣмъ больше сердился, что находилъ въ немъ прекрасные, пушкинскіе стихи“ [1]).

Онъ приводитъ слова Анненкова, упрекавшаго современниковъ и именно „Московскій Телеграфъ“ въ недостаткѣ художественнаго пониманія, и отвѣчаетъ за своего брата, отказываясь отъ пониманія, предлагаемаго Анненковымъ, и указывая на общественную сторону этого произведенія.

„Извѣстно, какою славою пользовался въ Москвѣ прославленный Пушкинымъ вельможа!.. Напротивъ, какъ современникъ событія, я помню, что всѣ единогласно пожалѣли объ униженіи, какому подвергъ себя Пушкинъ. Чего желалъ, чего искалъ онъ? Похвалить богатство и сластолюбіе? Пообѣдать у вельможи и насладиться бесѣдою полумертваго, изможденнаго старика, недостойнаго своихъ почтенныхъ лѣтъ? Вотъ въ чемъ было *недоумѣніе* и вотъ что̀ возбуждало негодованіе. Пониманіе! Тѣмъ хуже было, что, писавши о недостойномъ предметѣ, Пушкинъ находилъ прекрасные стихи и какъ будто вдохновеніе. Не таковъ былъ Державинъ: когда его уговорили написать похвальное стихотвореніе Потемкину, онъ написалъ пустѣйшее произведеніе: „Рѣшемыслу“, то-есть, не умѣлъ льстить и находить вдохновеніе по заказу; но, пораженный внезапною смертью Потемкина, онъ написалъ свой „Водопадъ“, когда уже не могъ разсчитывать на благосклонность умершаго. Вотъ чего требовали современники и отъ Пушкина, и чего всегда требуютъ всѣ благородные, *чистые духомъ* люди отъ поэтовъ. Неужели Франція не встрепенулась бы отъ негодованія, когда бы Викторъ Гюго, въ началѣ 1830 года, написалъ льстивое посланіе къ министру Полиньяку, также знатному вельможѣ, который былъ, конечно, не хуже того, къ кому писалъ Пушкинъ?.. Повторяю: тѣмъ хуже, что Пушкинъ нашелъ вдохновеніе для такого предмета! Если бы это не было временнымъ исключительнымъ проступкомъ, нельзя было бы вѣрить истинѣ другихъ его стихотвореній, и они казались бы намъ противны, именно вслѣдствіе эстетическаго пониманія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 312.

„Братъ мой, постоянно разочарованный поступками Пушкина въ отношеніи къ нему самому, былъ еще больше разочарованъ его дѣйствіями въ обществѣ, которому этотъ великій поэтъ готовъ былъ жертвовать нравственнымъ достоинствомъ, льстя вельможамъ, втираясь въ большой свѣтъ, добиваясь камеръ-юнкерскаго мундира и разныхъ милостей, которыя и сыпались на него щедро. Вспомнимъ, что Пушкинъ былъ первый поэтъ своего народа и своего времени, что на него были обращены взоры цѣлой Россіи, и перестанемъ дивиться, что въ это время публика съ недовѣрчивостью, почти съ холодностью встрѣчала лучшія его произведенія. Она перестала вѣрить нравственной его силѣ. Это самое ощущеніе было испытано Н. А. Полевымъ, который, наконецъ, не уважалъ въ немъ нравственнаго человѣка. Онъ прощалъ болѣе людямъ слабымъ, мелкодушнымъ, но Пушкинъ!.. Отъ такого человѣка каждый соотечественникъ въ правѣ требовать больше, нежели отъ какого-нибудь рядового писателя. Потому-то, наконецъ, нападенія моего брата на Пушкина доходили до крайности... Зато и Пушкинъ пылалъ гнѣвомъ противъ него и, не отвѣчая прямо, мстилъ косвенно, иногда непозволительнымъ образомъ, чѣмъ опять ронялъ нравственное достоинство свое. Къ числу такихъ *отмщеній* принадлежитъ унизительное поощреніе, которое онъ оказывалъ писакѣ Орлову".

Замѣчанія о Пушкинѣ чрезвычайно любопытны. Здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемъ опредѣленное свидѣтельство „современника" о томъ, какъ въ то время складывались въ литературныхъ кругахъ не вполнѣ благопріятныя впечатлѣнія относительно общественнаго положенія Пушкина. Въ общихъ, не вполнѣ опредѣленныхъ чертахъ эти впечатлѣнія указывались Бѣлинскимъ въ статьяхъ о Пушкинѣ; у Полевого находимъ ихъ во всей опредѣленности, какую вызывало, между прочимъ, личное раздраженіе. Понятно, что личное раздраженіе способно бываетъ и преувеличить многое; такъ и здѣсь довольно забавно преувеличены сношенія Пушкина съ извѣстнымъ Александромъ Анѳимовичемъ Орловымъ: очень извѣстно, что со стороны Пушкина это была не больше какъ полемическая шутка; это очевидно и изъ самаго письма Пушкина къ Орлову, приводимаго вслѣдъ затѣмъ въ „Запискахъ" Ксенофонта Полевого. Послѣдній, видимо, принимаетъ все это серьезно. Онъ пишетъ далѣе: „Жаль, что не сохранилась вся переписка великаго поэта съ трактирнымъ писакой: любопытно было бы видѣть, какъ они братались! Приведенное мною здѣсь письмо, какъ видно, одно изъ многихъ, но цѣль ихъ всѣхъ, конечно, была одна и та же. Пушкинъ подстрекалъ Орлова пи-

сать противъ непріятныхъ ему людей, и для этого льстилъ ему, хотя въ двусмысленномъ тонѣ. Орловъ ликовалъ и показывалъ письмо его встрѣчному и поперечному, предлагая съ каждаго копію за двугривенникъ! Вѣроятно, такъ досталъ и братъ мой копію съ означеннаго письма“. Далѣе Ксенофонтъ Полевой говоритъ: „Пушкинъ, между прочимъ, находилъ въ Орловѣ больше дарованія, нежели въ Булгаринѣ, отчего авторъ „Выжигина“ ужасно бѣсился“ [1]). Этого-то Пушкинъ и хотѣлъ. И далѣе: „Орловъ писалъ пародіи на романъ Булгарина и, какъ видно, собирался писать пародію на „Исторію русскаго народа“, а Пушкинъ радовался тому и ободрялъ его“.

Записки Ксенофонта Полевого дѣлятся на три части. Первая доведена до конца 1825 года, вторая—до запрещенія „Московскаго Телеграфа“, третья излагаетъ послѣдній періодъ жизни Н. А. Полевого, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Эта третья часть не была дописана Ксенофонтомъ Полевымъ и біографія Н. А. была докончена нынѣшнимъ издателемъ „Записокъ“ въ рядѣ писемъ Николая Полевого, особо отобранныхъ его біографомъ, повидимому въ качествѣ матеріала для послѣднихъ страницъ его книги.

Біографія Полевого послѣ запрещенія его журнала была самая печальная. Запрещеніе журнала выбило его изъ колеи и дѣятельность его, сколько-нибудь спокойная и правильная, была окончательно подорвана и съ матеріальной, и съ нравственной стороны. Запрещеніе журнала ввело его въ долги, которые онъ надѣялся покрыть своими работами, но это не удавалось: онъ едва уплачивалъ проценты и переписывалъ векселя,—съ каждымъ разомъ, конечно, все на бо́льшую сумму (къ концу его жизни эти векселя возросли, кажется, до 100.000 р. ассигнаціями). Какъ разсказываетъ теперь его братъ, въ этихъ долгахъ Н. А. Полевого были, между прочимъ, и долги фиктивные, происшедшіе отъ его собственной неосмотрительности. Полевой, котораго враги его обвиняли, между прочимъ, въ шарлатанствѣ и аферахъ, былъ, напротивъ,—если вѣрить показаніямъ его брата, а имъ, кажется, должно вѣрить,—человѣкъ крайне непрактическій, не умѣвшій обращаться съ деньгами, черезъ мѣру довѣрчивый и, вслѣдствіе всего этого, самъ ставившій себя въ запутанныя отношенія, которыми, конечно, не упускали воспользоваться настоящіе аферисты. Послѣ нѣкоторыхъ издательскихъ предпріятій въ Москвѣ, съ которыми были нѣкоторыя неудачи при всемъ внутреннемъ

[1]) „Записки“, стр. 316—317.

достоинствѣ этихъ предпріятій (какъ напр. начатое имъ тогда изданіе „Живописнаго Обозрѣнія" и перевода путешествія Дюмонъ-Дюрвиля), онъ рѣшилъ переѣхать въ Петербургъ для журнальныхъ предпріятій съ Булгаринымъ, Гречемъ и Смирдинымъ, гдѣ, между прочимъ, приглашалъ къ сотрудничеству и Бѣлинскаго, въ то время крайне бѣдствовавшаго. Но на первыхъ же порахъ оказалось, что Уваровъ запрещалъ ему поставить свое имя на журналѣ. Это былъ новый ударъ; за нимъ послѣдовали и другіе. Издательскія предпріятія приносили меньше, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Смирдинъ, который между прочимъ принималъ въ нихъ участіе, былъ уже самъ близокъ къ разоренію, хотя долго умѣлъ скрывать это, надѣясь поправить дѣла новыми широкими оборотами. Ксенофонтъ Полевой, имѣвшій книжную торговлю въ Москвѣ и свои издательскія предпріятія, помогалъ брату сколько могъ, но и его средства были невелики, а долги съ процентами росли все больше и больше. Ксенофонтъ Полевой разсказываетъ эту длинную исторію нравственныхъ мученій своего брата, который, повидимому, дѣйствительно во многихъ случаяхъ обнаруживалъ ту крайнюю, почти ребяческую, непрактичность, которая такъ нерѣдко отличаетъ людей кабинетныхъ и идеалистовъ. Среди самыхъ трудныхъ положеній Н. А. Полевой способенъ былъ по поводу какой-нибудь счастливой случайности строить самые оптимистическіе планы устройства своихъ дѣлъ, освобожденія отъ долговъ и полнаго благополучія; между тѣмъ уже на другой день эти планы оказывались совершенно неосуществимыми. Послѣ успѣха своей первой драмы („Уголино"), Полевой сталъ много писать для театра; пьесы имѣли тогда большой, даже чрезвычайный, успѣхъ, и Ксенофонтъ негодовалъ, что братъ его обыкновенно отдавалъ свои пьесы даромъ на бенефисы знакомымъ артистамъ, между тѣмъ какъ иногда въ домѣ не было рубля. Еще во время пребыванія Полевого въ Москвѣ, одна статья его въ „Живописномъ Обозрѣніи" очень понравилась императору Николаю, и автору было передано Высочайшее удовольствіе; въ Петербургѣ императоръ Николай точно также одобрялъ его пьесы; Полевой узнавалъ объ этомъ изъ благосклонныхъ сообщеній III Отдѣленія и могъ считать себя въ „политическомъ" отношеніи обезпеченнымъ, но Уваровъ все-таки оставался его врагомъ, и самая благосклонность III Отдѣленія оказалась непрочною. Между прочимъ, Полевой нашелъ себѣ покровительство у извѣстнаго князя А. Н. Голицына, который восхищался Исторіей Петра Великаго, Полевого, обѣщалъ о немъ говорить государю

и совѣтовалъ, „отложа все другое“, просить о разрѣшеніи заниматься въ архивахъ. Н. А. Полевой писалъ брату въ Москву:

„Это послужило бы началомъ, залогомъ грядущаго, и все такъ пошло-было хорошо: такъ, съ одной стороны, увѣрялъ меня князь А. Н. въ милостивомъ отзывѣ обо мнѣ государя ему лично, такъ охотно взялся ходатайствовать графъ Ал. Хр., такъ ласково улыбался Леонтій Васильевичъ, что я, признаюсь, еще разъ увлекся надеждами, думалъ даже писать къ тебѣ, обрадовать тебя, но удержался, и холодный безъ объясненія причинъ отвѣтъ, съ возобновленіемъ его прежней ледяной улыбки, съ какою бранилъ онъ меня бывало за „Смерть или честь“, „Иголкина“ и „Парашу“,—нельзя—разрушилъ всѣ мечты мои“... „Я перенесъ твердо, горько улыбался, даже смѣялся, но сказать ли? Возвратясь домой, почувствовалъ жестокій припадокъ спазмъ, и пролежалъ сутки, пока одумался, плюнулъ на все и принялся опять за работу“ [1]).

Всѣ эти неудачи, слѣдовавшія одна за другою и едва облегчаемыя иногда театральными успѣхами, которыхъ онъ не однажды не умѣлъ себѣ даже объяснить, долго не могли подорвать его энергіи. Полевой работалъ безъ устали, писалъ въ журналахъ, продолжалъ „Исторію русскаго народа“, „Исторію Петра Великаго“, писалъ „Краткую русскую исторію“ (въ четырехъ томахъ), длинный рядъ театральныхъ пьесъ и романовъ, но дѣла шли все хуже, и на него все чаще нападаетъ уныніе, отъ котораго опять спасала только работа. Исторія послѣднихъ лѣтъ жизни Н. А. Полевого есть одинъ изъ самыхъ печальныхъ, можно сказать, страшныхъ эпизодовъ нашей литературной біографіи. Это точно исторія медленной пытки, которая истощала и мучила человѣка необыкновенной энергіи, продолжавшаго неутомимо трудиться при самыхъ неблагопріятныхъ, даже невыносимыхъ, условіяхъ матеріальныхъ и нравственныхъ. Какъ мы сказали, біографія Н. А. Полевого заканчивается просто рядомъ его писемъ за послѣдніе годы его жизни. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе объ этой страшной судьбѣ, въ которой погибалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей русской литературы.

Вотъ отрывокъ изъ письма его отъ ноября 1841 года, когда онъ отчаявался уже „двинуть громаду страшнаго долга“.

„Среди такого состоянія дѣлъ, мое настоящее положеніе дошло уже до того, что... но довольно сказать тебѣ нѣсколько подробностей. Когда будущее грозило совершенною бѣдою, когда надле-

---

[1]) „Записки“, стр. 516—517.

жало въ работѣ прилагать силы къ силамъ, мнѣ почти приходилось умирать съ семьею съ голода. Дѣтей за неплатежъ денегъ хотѣли исключить изъ училища; за долгъ въ лавочку не отпускали ужъ мнѣ ничего—даже мясникъ, однажды, не отпустилъ говядины; моя шубенка чуть не была продана съ аукціона, ибо я не могъ перемѣнить билета. Надобно было съѣзжать съ квартиры у дяди и нанять другую. Между тѣмъ терзали меня долги, которые сдѣлалъ я въ прошломъ году, подали ко взысканію... явился квартальный... Мерзкій векселишка Песоцкаго, о которомъ хлопоталъ я, помнишь, съ нимъ въ Москвѣ, надѣлалъ мнѣ тьму непріятностей, ибо Песоцкій ни копѣйки по немъ не заплатилъ. Ты знаешь, что я взялся написать маленькую „Исторію Петра", которую хотѣли издать съ политипажами. Эльснеръ разрушилъ и это предпріятіе, предупредивши изданіемъ своей глупѣйшей исторіи. Ратьковъ такъ оскудѣлъ, что не могъ выплачивать мнѣ даже того, что перевелъ Гречъ платить за „Русскій Вѣстникъ" нынѣшняго года, а пособить не могъ мнѣ даже рублемъ серебра. Горе свалило, наконецъ, бѣдную жену: она занемогла—занемогъ и мой Петръ—мнѣ не съ чѣмъ было послать въ аптеку за лекарствомъ, заложить рѣшительно было нечего! Но довольно, мой милый другъ и братъ, мнѣ было даже смѣшно иногда: поѣхалъ я, однажды—ось пополамъ у дрожекъ; я упалъ и не ушибся, но вотъ бѣда: лопнули панталоны на колѣняхъ, а они одни только у меня и были, и мнѣ не въ чемъ послѣ того было даже въ люди показаться, ибо я сдѣлался совершеннымъ санкюлотомъ... И въ это-то время надобно было работать, думать, усиливать трудъ, писать „Исторію" и „Критику". Слава Богу! я уцѣлѣлъ, не свалился, усиливъ работу, и не чувствовалъ себя хуже. Съ голоду также не умеръ" [1]).

Въ декабрѣ того же года рѣчь идетъ опять о томъ же:

„Впрочемъ, если еще такъ, какъ теперь, продолжится, то мои страданія не будутъ продолжительны. Жить такъ долго невозможно. Когда въ будущемъ безнадежность, отъ тебя даже нѣтъ утѣшенія, когда притомъ я задавленъ день и ночь трудомъ, котораго почти не въ силахъ одолѣть человѣкъ, и когда притомъ я лишенъ теперь даже дневного пропитанія, того и жду, что дѣтей выгонятъ изъ училища, а меня изъ квартиры (ибо Ратьковъ сказалъ мнѣ, что онъ даже тысячью рублей пособить мнѣ не можетъ, даже послѣ Новаго года, соображая ходъ своихъ дѣлъ), въ такомъ положеніи, какъ ни усиливай силы духа, тѣло

---

[1]) „Записки", стр. 530—531.

измѣняетъ! Въ началѣ декабря тѣло мое уже не перенесло, припадокъ мой возобновился; кое-какъ продержался я еще, но надолго стать меня не можетъ. Пока есть еще, однакожъ, силы, я не оставляю надеждъ и труда: печатаю и пишу „Исторію Петра“, печатаю и пишу „Русскій Вѣстникъ“. Исторіи первый томъ допечатывается“ [1]).

Въ мартѣ 1842 года онъ пишетъ:

„Я считаю сомнѣніе твое во мнѣ наказаніемъ за тяжкій грѣхъ, въ который впалъ я послѣднее время, грѣхъ тяжкій: мною овладѣло какое-то безчувственное отчаяніе. Не его ли назвалъ Спаситель *уныніемъ*, говоря, что оно самый величайшій грѣхъ? Да, оно, уныніе, отчаяніе овладѣло мною въ послѣднее время; отчаяніе, безчувствіе, каталепсія душевная, гдѣ недоступны ни утѣшенія религіи, ни семейныя радости, гдѣ не чувствуешь ни дружбы, ни ненависти, гдѣ плакать хочется, но не можешь, гдѣ извѣстіе о самомъ страшномъ ударѣ произвело бы только судорожную улыбку упрека судьбѣ, гдѣ жизнь и смерть все равно, и самоубійство недоступно не по совѣсти, а такъ—что все равно“! [2])

Приведемъ еще нѣсколько словъ изъ письма отъ февраля 1843 года о представленіи его пьесы „Ломоносовъ“. Она также имѣла большой успѣхъ, хотя Полевой говоритъ: „она была написана въ *недѣлю*, поставлена въ двѣ недѣли; судить объ ея достоинствѣ не могу, но успѣхъ ея былъ какой-то нелѣпый“. „Люди всѣхъ званій бывали по два, по три раза, и увѣряли, что ничего лучше не видывали. Если въ этомъ странномъ успѣхѣ принадлежитъ что-нибудь мнѣ, то столько же принадлежитъ и тебѣ—я переложилъ въ разговоры „твоего Ломоносова“, и въ этомъ воровствѣ каюсь передъ тобою! Но скажи мнѣ, ради Бога, мой другъ и братъ, что же это: въ самомъ дѣлѣ хорошо, или что же это такое значитъ? Отдавая „Ломоносова“ на сцену, я просто ждалъ паденія, ибо писалъ окончаніе его, посылая начало въ типографію. Такъ чего же надобно? Неужели должно съ ума сойти, чтобы угодить людямъ? Въ третьемъ дѣйствіи плачутъ, когда у Ломоносова нѣтъ гроша на обѣдъ, и Фрицъ приноситъ ему талеръ—а не знаютъ, что это за нѣсколько дней съ *самимъ мною было*, и что сцена не выдумана“ [3])...

Такъ проходили послѣдніе годы жизни Н. А. Полевого. Любопытно, что нѣсколько разъ за это трудное для него время онъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 542.

[2]) Тамъ же, стр. 543.

[3]) Тамъ же, стр. 553.

упоминаетъ, что работа все-таки у него шла: онъ продолжалъ много писать. Такъ велика была его трудовая энергія. Еще за нѣсколько лѣтъ до его смерти, видавшій его Никитенко говорить о немъ, какъ о человѣкѣ физически изможденномъ; наконецъ силы не выдержали. Въ 1846, когда онъ умеръ, ему былъ только 51 годъ.

Таковы были послѣдніе годы Полевого. Общій смыслъ этой біографіи, котораго самъ авторъ ея не чувствовалъ, тотъ же, какой представляетъ біографія многихъ иныхъ дѣятелей нашей литературы и общественности—непосильная борьба идеалиста съ грубой окружающей средой, которая наконецъ подавляетъ его силою тупой традиціонной инерціи застоя и невѣжества. Это была одна непрерывающаяся нравственная пытка; становится страшно, перечитывая всѣ ея подробности изо дня въ день.

„Записки" Ксенофонта Полевого сами по себѣ исполнены большихъ недостатковъ: мы указывали неясности разсказа, оставляющія еще много работы для будущаго біографа, и недостатокъ безпристрастія—къ людямъ, давно отошедшимъ въ исторію, когда писались „Записки"; но, какъ матеріалъ, онѣ тѣмъ не менѣе драгоцѣнны для біографіи Н. А. Полевого. Онѣ, хотя далеко меньше, чѣмъ могли бы, даютъ возможность ближе понять и ходъ развитія, и многія интимныя стороны мыслей Н. А. Полевого, и особливо освѣщаютъ послѣдніе годы его жизни, которые навлекли на него столько нареканій, когда были мало извѣстны. „Записки" даютъ крайне мрачную картину этихъ годовъ, но оставляютъ и то отрадное впечатлѣніе, какое даютъ историческія оправданія.

А. В—нъ.

ОХРАНА
КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

I.

Крестьянское землевладѣніе нуждается въ законодательной охранѣ и не можетъ быть предоставлено на произволъ судьбы, —это ясно сознается всѣми; многіе согласны также насчетъ сущности необходимыхъ охранительныхъ мѣръ, но рѣдко кто задаетъ себѣ вопросъ: не заключается ли причина зла въ излишествѣ и невѣрномъ направленіи государственнаго вмѣшательства, и не требуется ли поэтому простое устраненіе неудачныхъ формъ воздѣйствія, вмѣсто новыхъ способовъ опеки и охраны? Говорятъ о необходимости поддержать общинный порядокъ землевладѣнія, а въ дѣйствительности дѣло идетъ о томъ, чтобы отмѣнить или измѣнить нѣкоторые законы, способствующіе искусственному разложенію общины, помимо воли большинства крестьянъ, т.-е. поддержкою считается уже отказъ отъ поощренія противодѣйствующихъ элементовъ, признаніе правъ общины на самостоятельное существованіе и развитіе, рѣшимость устранить помѣхи и преграды, поставленныя поземельною политикою прежняго времени. Придумываются способы защитить крестьянство отъ гнета ростовщичества и кулачества въ разныхъ видахъ; а между тѣмъ самой лучшею защитой было бы прекращеніе невольной, хотя и легальной охраны, даваемой продѣлкамъ кулаковъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ недостатковъ законодательства и судебной практики. Предлагаются мѣры для поднятія падающаго крестьянскаго хозяйства, но—первымъ шагомъ къ такому поднятію было бы

освобожденіе земледѣльческаго населенія отъ той части податного бремени, которая по справедливости должна быть возложена на другіе, болѣе зажиточные классы. Одно приспособленіе пріемовъ и сроковъ взысканія податей къ обычнымъ условіямъ сельско-хозяйственной жизни сдѣлало бы больше для крестьянства, чѣмъ всякіе проекты искусственной охраны, выработываемые въ канцеляріяхъ и коммиссіяхъ новѣйшаго времени.

Главная, коренная причина упадка сельскаго хозяйства,—какъ писалъ покойный К. Д. Кавелинъ, — „тягость налоговъ, наша финансовая политика. Въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ государственный бюджетъ утроился, денежныя земскія повинности учетверились. Крупная промышленность до послѣдняго времени пользовалась у насъ всевозможнымъ покровительствомъ и поддержкою государства, а мелкая и крестьянское хозяйство были оставлены на произволъ судьбы. Тяжкое бремя податей, взваленное на крестьянъ, вынудило ихъ сбывать, за что попало, не только свои произведенія, но и необходимыя орудія производства—скотъ и лошадей; пришлось и землю попримучить, и строеніе оставить безъ починки и ремонта. Выжидать хорошихъ цѣнъ на произведенія стало не подъ силу, и мелкій капиталистъ-кулакъ забралъ мужика въ неволю, ставитъ цѣну, какую хочетъ, и тогда, когда крестьянинъ ему продаетъ, и тогда, когда у него покупаетъ. Всѣ мелкія и среднія хозяйства и производства должны были вслѣдствіе того пасть; удержались одни крупныя. Пока ярмо податей не будетъ облегчено и финансовая политика не измѣнится, до тѣхъ поръ нечего и думать объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства. Напирая на второстепенныя условія, не благопріятствующія его развитію, мы только себя обманываемъ и отводимъ глаза отъ главной причины, которая мѣшаетъ всему. Сперва надо устранить ее—и потомъ уже подумать о введеніи сельско-хозяйственныхъ улучшеній и усовершенствованій. До тѣхъ же поръ возбужденіе у насъ общаго вопроса объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства будетъ походить на горькую иронію или свидѣтельствовать о наивномъ незнаніи самыхъ простыхъ вещей. Чтобы начать улучшенія сельскаго хозяйства, надо напередъ озаботиться о томъ, чтобы оно могло существовать; а теперешнія условія ведутъ къ систематическому его уничтоженію у крестьянъ" [1]).

Прошло девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ писаны эти строки, крестьянскія нужды стали менѣе озабочивать общественное мнѣніе и

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1881, октябрь („Крестьянскій вопросъ", ст. III), стр. 716.

печать, и на первый планъ выступили интересы крупнаго землевладѣнія. Теперь приходится встрѣчать въ литературѣ серьезныя разсужденія о томъ, что для крестьянъ было бы даже вредно пониженіе платежей, и что чѣмъ больше они обязаны платить, тѣмъ лучше для нихъ самихъ; такъ, напримѣръ, даровой выкупъ надѣловъ на пожертвованныя средства въ одномъ изъ уѣздовъ псковской губерніи привелъ будто бы къ обѣднѣнію крестьянъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, ибо „по присущей русскому народу спячкѣ, даровой надѣлъ не обязываетъ такъ трудиться", и крестьяне менѣе заботятся о сбереженіи для уплаты податей и повинностей. „Освобожденные отъ податныхъ платежей, многіе крестьяне опускаются и бѣднѣютъ"; они не имѣютъ стимула для того, чтобы заработывать деньги и вести свое хозяйство такъ, чтобы оно не приходило въ упадокъ. „Давно ли еще авторитетно и убѣдительно доказывали,—спрашиваетъ авторъ, сообщающій эти мѣстные отзывы, — что бремя платежей непосильно? Давно ли чуть не безспорно утверждали, что съ пониженіемъ выкупныхъ благосостояніе крестьянъ увеличится, что именно окладные и иные сборы являются одною изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія народа? И вотъ, когда эта зловредная причина уничтожена, мы наталкиваемся на поразительный фактъ—экономическій упадокъ. Такимъ образомъ, теорія непосильнаго бремени платежей, недавно еще господствовавшая, терпитъ серьезное пораженіе (?). Только незнакомство съ дѣйствительной жизнью можетъ отрицать это. Что̀ значатъ, въ самомъ дѣлѣ, платежи государству въ сравненіи съ оброками ростовщикамъ? Нельзя̀ и сравнивать. Вотъ эти именно оброки по истинѣ тяжелое бремя". Но эти разорительные займы у ростовщиковъ вызываются, главнымъ образомъ, необходимостью взноса податей или временною нуждою (какъ, напр., по случаю градобитія) какъ у порховскихъ крестьянъ въ 1885 году, такъ что „теорія непосильнаго бремени" вовсе не ослабляется и не затрогивается указаннымъ фактомъ. „Въ самомъ дѣлѣ,— говоритъ тотъ же авторъ далѣе,—мыслимо ли, чтобы уменьшеніе платежей, фактъ, несомнѣнно въ экономическомъ смыслѣ благотворный для плательщиковъ, привелъ бы къ ухудшенію ихъ положенія? Вѣдь съ такимъ же правомъ можно утверждать, что и хорошій урожай ведетъ къ обѣднѣнію" [1]).

Самая возможность подобныхъ вопросовъ является въ высшей степени характерною. Никому не пришло бы въ голову доказы-

[1]) Крестьянская земельная собственность въ порховскомъ уѣздѣ, Г. П. Сазонова. Спб., 1890, стр. 137—139 и 157. См. объ этой книгѣ выше: октябрь, стр. 767—786.

вать, что крупныя денежныя повинности и взысканія полезны для лицъ другихъ сословій, заставляя ихъ больше работать и болѣе старательно вести хозяйство, а къ крестьянству сплошь и рядомъ примѣняются понятія прямо противоположныя. Если допустить, что облегченіе податей уменьшаетъ трудолюбіе и ведетъ къ распущенности, то отсюда логически вытекаетъ выводъ, что вредно оставлять какой-либо досугъ крестьянину и что слѣдуетъ сдѣлать его трудъ обязательнымъ, принудительнымъ. Столь же странно спорить о „теоріи непосильнаго бремени" платежей, когда несомнѣнно существуетъ практика публичныхъ продажъ крестьянскаго имущества для покрытія недоимокъ, и сами крестьяне сдаютъ свои надѣлы за безцѣнокъ для избѣжанія разорительныхъ продажъ; очевидно, до продажи хозяйства изъ-за уплаты податей дѣло никогда не доходило бы, еслибы взиманіе налоговъ сообразовалось съ дѣйствительными силами и средствами плательщиковъ. Земскіе статистики во многихъ губерніяхъ отмѣчаютъ печальныя послѣдствія нашей значительно устарѣлой податной системы. Казанское бюро не разъ констатируетъ фактъ, что „сдачи надѣловъ происходятъ подъ вліяніемъ суровыхъ требованій податей, осенью или въ началѣ года, когда „сильнѣе турятъ подати". На то же явленіе указываютъ саратовское, московское и особенно тамбовское бюро. Въ самарской губерніи, съ осени, когда „гонятъ подати", крестьяне сдаютъ свои надѣлы болѣе богатымъ односельцамъ за половинную цѣну, а весною снимаютъ свою же землю вдвое дороже. „Въ саратовскомъ уѣздѣ главная всеразрядная крестьянская нужда въ деньгахъ для уплаты податей удовлетворяется путемъ сдачи надѣла обыкновенно не по собственной иниціативѣ нуждающагося, а вслѣдствіе давленія міра, ограждающаго общіе интересы". Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казанской губерніи крестьянское хозяйство особенно пострадало въ 1877 году, когда множество скота было продано за недоимки, и т. д., и т. д. И тотъ же авторъ, который приводитъ всѣ эти данныя, разсуждаетъ о непосильномъ бремени податей, какъ о чемъ-то спорномъ, какъ о теоріи, потерпѣвшей будто бы „серьезное пораженіе". Такое противорѣчіе не можетъ быть объяснено только тѣмъ, что тягость налоговъ заключается больше въ способахъ и срокахъ взысканія, чѣмъ въ количествѣ взимаемыхъ суммъ: бремя все-таки остается непосильнымъ, если оно сопровождается систематическимъ разореніемъ крестьянскихъ хозяйствъ. Но въ настоящее время вопросъ о преобразованіи податной системы не считается популярнымъ; онъ почему-то сошелъ со сцены, несмотря на свою жизненную важность и настоятельность для многомил-

ліоннаго сельскаго населенія. Такъ какъ налоги неодинаково чувствительны для всѣхъ, то реформа ихъ не всѣмъ кажется необходимою; она была бы даже неудобна, угрожая перенести на другихъ часть платежей, лежащихъ нынѣ преимущественно на низшемъ земледѣльческомъ классѣ. И всѣ, поэтому, отрицаютъ теперь необходимость податной реформы или избѣгаютъ говорить о ней, а для многотомныхъ трудовъ коммиссіи, дѣйствовавшей въ шестидесятыхъ годахъ, всегда находятся наготовѣ дешевыя насмѣшки, свидѣтельствующія о полномъ незнакомствѣ съ содержаніемъ этихъ трудовъ. Новѣйшая финансовая политика также направляетъ главныя заботы государства на крупную промышленность и торговлю, оставляя безъ соотвѣтственнаго вниманія тѣ первостепенныя задачи, которыя связаны съ интересами народнаго земледѣлія и которыя когда-то такъ сильно занимали наше общественное мнѣніе.

Но вопросъ объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія ставится теперь у насъ уже независимо отъ „теоріи непосильнаго бремени“ податей для крестьянъ. Въ небольшомъ этюдѣ К. П. Побѣдоносцева, посвященномъ этому предмету, объясняется польза сохраненія цѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, „семейныхъ участковъ“, съ признаніемъ неотчуждаемости ихъ въ постороннія руки, причемъ дѣлаются обстоятельныя ссылки на законодательства Германіи, Австріи и Сѣверной Америки. Нѣкоторыя мысли и соображенія, излагаемыя въ этомъ этюдѣ, заслуживаютъ полнаго сочувствія. Всякій согласится съ авторомъ, что „тѣмъ прочнѣе благосостояніе народа и государства, чѣмъ болѣе въ немъ распредѣленія земли между мелкими владѣльцами, имѣющими и охраняющими цѣльное свое хозяйство“. Говоря объ охранѣ цѣльныхъ хозяйствъ, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ, авторъ признаетъ дѣйствительную потребность охраненія „не крупныхъ имѣній, а мелкаго землевладѣнія, т.-е. нормальнаго размѣра хозяйственной дачи съ усадьбою“. Необходимо, продолжаетъ онъ, „при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей и безъ нарушенія правъ третьихъ лицъ, дать законную возможность къ охраненію этого мелкаго владѣнія отъ долговъ и взысканій, и выдѣливъ его изъ пагубнаго для многихъ кредита, уберечь въ цѣльномъ видѣ для семьи“. К. П. Побѣдоносцевъ признаетъ и благотворную силу общины. При существующихъ условіяхъ, по его словамъ, „одна общинная связь можетъ охранить крестьянское населеніе отъ обезземеленія, и дѣйствительно, только общинное землевладѣніе предохранило

наши чисто-земледѣльческія мѣстности (напр. саратовскія и самарскія) отъ полнаго обезземеленія крестьянъ: въ голодную пору, такъ часто постигавшую въ послѣдніе годы Поволжье, неимущимъ трудно было бы удержаться отъ продажи своихъ участковъ, при господствѣ подворнаго владѣнія; скупщиковъ оказалось бы достаточно посреди самого сельскаго населенія"... Законъ, допускающій выдѣлъ домохозяевъ изъ общины посредствомъ единовременнаго взноса выкупной ссуды, подрываетъ основы общиннаго владѣнія; вопросъ объ отмѣнѣ этого закона (165-й статьи положенія о выкупѣ) былъ поднятъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, „но, къ сожалѣнію, не получилъ еще разрѣшенія" [1]). Авторъ, повидимому, полагаетъ, что наше законодательство могло бы съ пользою усвоить принципы американскихъ и нѣмецкихъ законовъ, о которыхъ мы говорили недавно; но эти принципы, предполагающіе совсѣмъ другое общее положеніе дѣлъ, чѣмъ у насъ, оказались бы совершенно безсильными въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ. Американскіе homestead-laws, какъ мы видѣли, предполагаютъ свободную и самостоятельную роль суда при разсмотрѣніи долговыхъ требованій, причемъ жизненные интересы должниковъ и ихъ семействъ ставятся впереди документальныхъ правъ кредиторовъ; такая практика несовмѣстима, конечно, съ господствующимъ у насъ формализмомъ и съ обычнымъ отношеніемъ къ крестьянству, какъ къ исключительно платежной силѣ. Нѣмецкое начало нераздѣльности крестьянскихъ имѣній при переходѣ по наслѣдству также непримѣнимо къ нашему быту и нисколько не способствовало бы поддержанію падающихъ хозяйствъ, угнетаемыхъ долгами и налогами. Притомъ и американскіе, и нѣмецкіе законы предоставляютъ на волю самихъ хозяевъ пользоваться установленными льготами или устранять ихъ дѣйствіе, тогда какъ у насъ эти охранительныя правила неизбѣжно превратились бы въ систему легальныхъ и бюрократическихъ стѣсненій, направленныхъ противъ гражданской равноправности крестьянства. Наконецъ, ни въ Сѣверной Америкѣ, ни въ германскихъ государствахъ не происходитъ искусственнаго разстройства и разоренія земледѣльческихъ хозяйствъ посредствомъ суроваго взысканія непосильныхъ податей и повинностей.

Въ послѣдніе годы много говорилось у насъ о признаніи неотчуждаемости крестьянскихъ земель, съ цѣлью предупрежденія перехода надѣловъ въ постороннія руки. Дѣйствующіе нынѣ за-

---

[1]) О „семейныхъ участкахъ", въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1889, сентябрь, стр. 56—72, и въ „Курсѣ гражданскаго права", II ч., 3-е изд. (Спб., 1889), стр. 346—359.

коны значительно облегчаютъ процессъ обезземеленія крестьянъ, давая кулакамъ возможность скупать надѣлы даже безъ согласія сельскихъ обществъ. Положеніе 19-го февраля 1861 года допустило ту коренную ошибку, что оно смѣшало общинное владѣніе съ общею собственностью опредѣленныхъ лицъ и ввело принципы раздѣлы и выдѣла, совершенно несоотвѣтствующіе природѣ сельской общины. Общинное владѣніе не есть общее право извѣстнаго числа участниковъ, съ точно обозначенными долями; община обнимаетъ не только права членовъ ея въ данномъ составѣ, но и права, и интересы будущихъ поколѣній крестьянства. Законодатель примѣнилъ къ общинному владѣнію тѣ правила, которыя имѣютъ силу относительно совмѣстной собственности нѣсколькихъ опредѣленныхъ лицъ (напр. сонаслѣдниковъ, членовъ компаній и товариществъ); между тѣмъ составъ общины мѣняется съ теченіемъ времени, и ни одинъ изъ ея членовъ не можетъ опредѣлить въ точности, какая часть земли придется на его долю въ будущемъ, при общинномъ порядкѣ землевладѣнія. Размѣры участковъ отдѣльныхъ хозяевъ зависятъ отъ состава ихъ семействъ и рабочихъ силъ, т.-е. отъ числа душъ, состоящихъ за отдѣльными дворами, и хотя это число формально не измѣнилось со времени послѣдней ревизіи, но оно можетъ и должно измѣняться (по крайней мѣрѣ, въ принципѣ), по мѣрѣ роста населенія. Сверхъ общиннаго владѣнія съ періодическимъ передѣломъ земель могутъ существовать и развиваться общины, члены которыхъ пользуются постоянными участками пахатной земли опредѣленнаго размѣра, соотвѣтственно денежному участію въ выкупѣ или пріобрѣтеніи земель, съ сохраненіемъ общинныхъ правъ относительно луговъ, выгоновъ и лѣса; передѣлы, происходящіе въ такихъ общинахъ, измѣняютъ мѣстоположеніе участковъ, но не ихъ величину. Этотъ послѣдній типъ общины, какъ доказываетъ г. Кейсслеръ въ своемъ извѣстномъ трактатѣ, возрождаетъ въ себѣ черты первоначальныхъ нашихъ крестьянскихъ общинъ и становится все болѣе преобладающимъ въ современномъ сельскомъ населеніи [1]).

Законъ знаетъ только общину съ правомъ коренныхъ передѣловъ, какъ видно изъ единственнаго опредѣленія, даннаго какъ бы мимоходомъ, въ видѣ „примѣчанія“ (къ 113 статьѣ великор. полож.): „общиннымъ называется то обычное пользованіе, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распре-

---

[1]) Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland von Johannes von Keussler, dritter (Schluss.) Theil. St.-Pet., 1887, стр. 323 и слѣд. Существенное содержаніе этого тома резюмировано самимъ авторомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1887 г., декабрь, стр. 765—806

дѣляются между крестьянами по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя на землю, отбываются за круговою порукою". Въ другомъ мѣстѣ сказано, что „когда земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то она признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки между членами; какъ первоначальная разверстка земли, такъ и всякіе послѣдующіе передѣлы ея между крестьянами допускаются не иначе, какъ по приговору, утвержденному по крайней мѣрѣ двумя третями общаго числа всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ" (ст. 160 полож. о выкупѣ). Вопреки этимъ постановленіямъ, въ которыхъ индивидуальныя права вполнѣ подчинены общиннымъ, допущено расторженіе общины по произволу отдѣльныхъ ея членовъ въ ущербъ будущему; при этомъ, какъ это ни странно, расторженіе общинныхъ связей поощряется больше относительно надѣльныхъ земель, чѣмъ относительно самостоятельныхъ земельныхъ пріобрѣтеній сельскихъ обществъ. „Право на участіе въ общемъ владѣніи собственностью, пріобрѣтенною обществомъ, каждый крестьянинъ отдѣльно можетъ уступать постороннему лицу не иначе какъ съ согласія міра"; въ то же время каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи этой земли, но общество съ своей стороны имѣетъ право избѣгнуть выдѣла и „удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ" (статьи 35 и 36 общаго положенія). Такой гарантіи лишены общины по отношенію къ своимъ надѣламъ; по закону, если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный послѣднему участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірского надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей (ст. 165 полож. о выкупѣ). Такимъ образомъ, общество не можетъ помѣшать выдѣлу посредствомъ возвращенія крестьянину внесенныхъ имъ выкупныхъ денегъ, и община остается беззащитною противъ попытокъ постороннихъ лицъ пріобрѣсть надѣлы обѣднѣвшихъ хозяевъ путемъ досрочнаго выкупа. Бывшіе государственные крестьяне поставлены въ этомъ отношеніи болѣе благопріятно; у нихъ выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ лицамъ изъ земли, нахо-

дящейся въ общинномъ владѣніи, допускается только по приговору двухъ третей членовъ общества.

Что касается права крестьянъ отчуждать надѣлы, то оно разсматривается закономъ исключительно съ точки зрѣнія фискальной; никакого другого болѣе широкаго взгляда, кромѣ заботы объ обезпеченіи интересовъ казначейства, не видно въ многочисленныхъ постановленіяхъ, касающихся этого предмета. Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ право отчужденія земель поставлено въ зависимость единственно отъ погашенія выкупной ссуды; всякія охранительныя правила, имѣющія въ виду сберечь землю для крестьянства, неизмѣнно сопровождаются оговоркою: „до уплаты“ (или „погашенія“) выкупной ссуды“. По истеченіи первыхъ девяти лѣтъ (т.-е. съ 1870 г.) сельскія общества, продолжающія выкупъ, могутъ отчуждать свои земли не иначе какъ съ разрѣшенія губернскаго крестьянскаго присутствія и со взносомъ вырученныхъ денегъ въ счетъ долга по выкупной ссудѣ; при подворномъ же владѣніи отдѣльные крестьяне могутъ продавать свои участки постороннимъ лицамъ, если только послѣднія уплатили сполна весь числящійся на участкѣ долгъ по выкупной операціи. Разъ долгъ казнѣ уплаченъ, крестьянская земля тотчасъ становится предметомъ свободнаго оборота и можетъ быть продана на какихъ угодно основаніяхъ, съ полнымъ устраненіемъ правъ общины; хотя выкупъ окончится повсемѣстно не ранѣе 1910 года, но онъ можетъ завершиться и раньше при помощи досрочныхъ взносовъ со стороны скупщиковъ, и повсюду община обречена на гибель подъ напоромъ разлагающихся элементовъ, поощряемыхъ ошибками и противорѣчіями законодательства. Еще большая свобода отчужденія предоставлена бывшимъ государственнымъ крестьянамъ: какъ цѣлыя общества, такъ и хозяева подворныхъ участковъ получили право уже по прошествіи первыхъ трехъ лѣтъ со времени выдачи владѣнныхъ записей отчуждать земли своего надѣла не только односельцамъ, но и постороннимъ лицамъ, по крѣпостнымъ актамъ; при продажѣ отдѣльныхъ участковъ „обязанность уплачивать причитающуюся съ участка оброчную подать (нынѣ выкупные платежи) переходитъ на новаго пріобрѣтателя“.

Насколько подвинулось дѣло обезземеленныхъ крестьянъ при содѣйствіи приведенныхъ законовъ, объ этомъ нѣтъ еще точныхъ свѣдѣній; но цифры досрочныхъ взносовъ возростаютъ ежегодно въ угрожающей прогрессіи: въ одно пятилѣтіе отъ 1883 до 1888 года поступило столько же, какъ въ предшествовавшія десять лѣтъ; въ одинъ 1887 годъ внесена почти такая же сумма,

какъ въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ съ 1869 до 1875 года. По оффиціальнымъ даннымъ, за все время съ 1863 по 1887 годъ поступило особыхъ взносовъ около 18 милліоновъ рублей (въ томъ числѣ 13½ милл. съ помѣщичьихъ крестьянъ). Такъ какъ досрочныя уплаты выкупныхъ суммъ обыкновенно имѣютъ цѣлью выдѣлъ участковъ изъ состава общины и продажу ихъ въ постороннія руки, то явилась необходимость предупредить дальнѣйшее развитіе зла законодательнымъ путемъ. Въ этомъ смыслѣ выработывался правительственный проектъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1884 года), дважды передѣлывался и дополнялся, служилъ предметомъ дѣятельнаго обсужденія въ оффиціальныхъ сферахъ и не былъ разсмотрѣнъ окончательно, вслѣдствіе возникшихъ разногласій между различными вѣдомствами. Насколько извѣстно, этотъ проектъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ въ послѣдней своей редакціи (1887 года) отчасти сословный характеръ и значительно ограничивалъ имущественныя права крестьянъ. Сущность предположенныхъ правилъ заключалась въ слѣдующемъ: земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ всѣхъ наименованій, не могутъ быть отчуждаемы изъ владѣнія сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ въ руки лицъ, къ сельскому состоянію не принадлежащихъ, посредствомъ продажи, даренія или какими-либо иными способами. Крестьянскія надѣльныя земли, находящіяся во владѣніи сельскихъ обществъ или отдѣльныхъ домохозяевъ изъ крестьянъ, не могутъ быть представляемы въ залогъ ни для полученія ссуды отъ частныхъ лицъ или кредитныхъ учрежденій, ни по обязательствамъ съ казною, частными лицами или общественными или частными учрежденіями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда продажа отдѣльныхъ частей крестьянскаго надѣла въ постороннія руки оказалась бы необходимою или когда она могла бы представить для крестьянъ особыя выгоды, министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ предоставляется разрѣшать такую продажу и впредь, но не иначе, какъ по ходатайству о томъ губернскаго крестьянскаго присутствія, основанному на надлежащемъ приговорѣ сельскаго общества. Отчужденіе земель допускается также и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, между прочимъ, посредствомъ наслѣдованія по закону или обычаю, а также при неисправномъ взносѣ выкупныхъ платежей, для огражденія интересовъ казны. На земли крестьянскаго надѣла не могутъ быть обращаемы взысканія для удовлетворенія претензій къ ихъ владѣльцамъ, и земли эти не подлежатъ продажѣ съ публичныхъ торговъ по судебнымъ рѣшеніямъ. Крестьяне, желающіе

выйти изъ сельскаго общества и перейти въ другое сословіе, обязаны предварительно, при подворно-наслѣдственномъ пользованіи землею, продать принадлежащіе имъ участки лицамъ сельскаго состоянія, а при общинномъ владѣніи навсегда отказаться отъ своихъ правъ на состоящую въ ихъ пользованіи землю въ пользу подлежащаго сельскаго общества. Выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной цѣлымъ обществомъ крестьянъ и окончательно еще не выкупленной, допускается и впредь не иначе какъ съ согласія сельскаго общества, выраженнаго въ мірскомъ приговорѣ; затѣмъ примѣненіе 165-ой статьи положенія о выкупѣ пріостанавливается. Размѣръ выдѣляемаго участка не можетъ превышать той части земли, которая по числу душъ въ семействѣ выдѣляющагося домохозяина причитается на его долю по выкупному акту или по разверсткѣ сельскаго схода. Наконецъ, предполагалось образовать особую коммиссію для общаго пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о порядкѣ пользованія и распоряженія землями крестьянскаго надѣла. Таковы были, если не ошибаемся, существенныя черты проекта, выработаннаго въ 1887 году. Противъ предположенныхъ мѣръ можно было выставить нѣкоторыя серьезныя возраженія. Можно было сказать, что этими правилами „совсѣмъ почти отнимается у крестьянъ всякое право свободнаго распоряженія пріобрѣтенными ими въ собственность землями и разрушается такимъ образомъ въ корнѣ установленное самимъ закономъ понятіе крестьянъ-собственниковъ". Если полезно ограничить права отдѣльныхъ крестьянъ по распоряженію надѣлами, то нѣтъ никакого основанія распространять это ограниченіе на цѣлыя сельскія общества, за которыми признается право собственности на надѣльныя земли. Высказано было также, что „съ одной стороны, крестьянское населеніе, лишившись, благодаря новому принципу, весьма значительной части правъ своихъ на отведенныя ему въ надѣлъ земли, можетъ выражать, хотя бы и совсѣмъ неосновательныя, опасенія и насчетъ другихъ правъ, дарованныхъ ему при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости реформою 19-го февраля; а съ другой—мѣра эта можетъ возбудить въ крестьянахъ столь же неосновательныя надежды и ожиданія, коренящіяся въ томъ представленіи, что если во имя общаго блага у нихъ отнимаются извѣстныя права, то во имя того же блага могутъ быть также отняты въ ихъ пользу такія же или подобныя права и отъ лицъ другихъ сословій". Понятно также, что запрещеніе отчуждать крестьянскіе надѣлы въ руки лицъ другихъ сословій нисколько не затрогиваетъ того зла, противъ котораго оно направлено, такъ какъ скупщики на-

дѣльныхъ земель, сельскіе кулаки и міроѣды, принадлежатъ обыкновенно къ мѣстному же крестьянству. Проектированная временная мѣра, какъ заявлено было однимъ изъ вѣдомствъ, имѣетъ цѣлью огражденіе крестьянскаго земельнаго имущества, какъ сословной принадлежности; но случаи перехода крестьянской надѣльной земли въ собственность лицъ другихъ сословій довольно рѣдки, и тѣ вредныя явленія скупки и сосредоточенія надѣловъ, на которыя указывалось составителями проекта, совершаются почти исключительно въ самой крестьянской средѣ. „Разсматриваемое въ цѣломъ, крестьянское землевладѣніе за истекшее двадцатипятилѣтіе не только не сократилось, но даже увеличилось покупкой земли крестьянами на собственныя деньги или при содѣйствіи крестьянскаго банка". Поэтому казалось бы болѣе правильнымъ и „болѣе согласнымъ съ задачами высшей хозяйственной политики поставить подъ охрану закона не только землевладѣніе крестьянскаго сословія, но вообще мелкую поземельную собственность какъ крестьянскаго населенія, такъ и другихъ сословій". Неудобнымъ признавалось и запрещеніе отдавать надѣльныя земли въ залогъ, ибо во многихъ случаяхъ такая операція можетъ считаться выгодною для крестьянъ и для самой государственной казны,—напримѣръ, „когда общество пожелало бы путемъ залога пріобрѣсти новый участокъ для увеличившагося населенія или обезпечить землею принятую на себя поставку фуража или издѣлій кустарнаго производства"; въ первомъ случаѣ, при запрещеніи залога, „устройство безземельныхъ членовъ сельскаго общества всецѣло падетъ на государство, а во второмъ—казна вынуждена будетъ обращаться къ дорого стоющему посредничеству подрядчиковъ". Относительно освобожденія надѣловъ отъ судебныхъ взысканій указано было на необходимость ограничительныхъ условій, для того, чтобы новое правило не послужило въ пользу богатыхъ домохозяевъ, успѣвшихъ скупить участки земли у обѣднѣвшихъ крестьянъ. Этихъ критическихъ замѣчаній, высказанныхъ съ разныхъ сторонъ, было вполнѣ достаточно, чтобы усомниться въ цѣлесообразности упомянутаго проекта, хотя основная мысль его объ упроченіи и охранѣ крестьянскаго землевладѣнія встрѣчена была вообще сочувственно. При обсужденіи возможныхъ охранительныхъ мѣръ не разъ выставлялось на видъ, что наше дѣйствующее законодательство о поземельныхъ правахъ крестьянъ страдаетъ весьма существенными недостатками, пробѣлами и противорѣчіями, при которыхъ одна спеціальная реформа по вопросу о неотчуждаемости могла бы совершенно не достигнуть цѣли. Но достижима ли предполагаемая цѣль сама по себѣ въ томъ видѣ,

какой придается ей проповѣдниками бюрократической опеки въ нашей печати? Дѣйствительно ли крестьянство нуждается лишь въ ограниченіяхъ и запрещеніяхъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ землю и охранить свой хозяйственный бытъ отъ непоправимаго разстройства?

Принципъ неотчуждаемости крестьянскихъ земель имѣетъ у насъ многихъ сторонниковъ, и въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ важное достоинство—простоту и ясность. Если извѣстныя явленія вредны, то слѣдуетъ запретить ихъ:—что̀ можетъ быть проще такого разсужденія? Однако, ясность исчезаетъ и уступаетъ мѣсто цѣлому ряду недоразумѣній, когда мы отъ общей формулы переходимъ къ частностямъ. Чтобы обезпечить крестьянъ отъ обезземеленія, нужно было бы запретить или ограничить продажу надѣловъ даже между односельцами, ибо въ каждомъ сельскомъ обществѣ найдутся свои собственные дѣльцы, готовые пользоваться нуждою сосѣдей для пріобрѣтенія ихъ участковъ, а согласіе міра, гдѣ оно требуется, всегда добывается легко, если продающій землю запутался и неспособенъ уже правильно вести хозяйство. Допуская свободный переходъ земель внутри крестьянскихъ обществъ, мы тѣмъ самымъ допустили бы сосредоточеніе надѣловъ въ рукахъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ и превращеніе захудалыхъ хозяевъ въ пролетаріевъ; а послѣднимъ было бы, разумѣется, не легче отъ того, что вытѣснили ихъ не представители другихъ сословій и не посторонніе крестьяне, а свои же кулаки-односельцы. Охрана крестьянскаго землевладѣнія въ смыслѣ сословномъ нисколько не мѣшала бы развитію сельскаго пролетаріата и способствовала бы только образованію новаго типа крупной поземельной собственности—типа грубаго и хищнаго, которому государство не имѣетъ ни малѣйшаго основанія покровительствовать въ ущербъ остальному населенію. Дѣлать пріобрѣтеніе крестьянскихъ надѣловъ исключительною привилегіею сельскихъ ростовщиковъ и міроѣдовъ, въ родѣ Халуевыхъ и Дуевыхъ, было бы болѣе чѣмъ странно. Пришлось бы поэтому идти дальше и воспретить всякое вообще отчужденіе надѣльныхъ земель; а такъ какъ фактическая продажа участковъ легко прикрывалась бы арендными договорами съ обязательствомъ возобновленія ихъ послѣ срока, подъ страхомъ неустойки, то пришлось бы запретить и эти арендныя сдѣлки и обязательства. Проведенный вполнѣ послѣдовательно и цѣлесообразно, принципъ неотчуждаемости неизбѣжно приводитъ такимъ образомъ къ отрицанію всякихъ имущественныхъ правъ крестьянства; это было бы новое прикрѣпленіе къ землѣ, возсозданіе прежняго народнаго безправія подъ

инымъ названіемъ, безъ соотвѣтственнаго измѣненія хозяйственныхъ условій и отношеній. Крестьянинъ продаетъ свой надѣлъ или потому, что не можетъ хозяйничать по отсутствію необходимыхъ средствъ и рабочаго скота, или потому, что имѣетъ въ виду болѣе выгодные заработки въ городѣ;—въ обоихъ случаяхъ принуждать его сидѣть на отведенной землѣ совершенно безполезно и безцѣльно. Кто не въ силахъ вести самостоятельное хозяйство или желаетъ промѣнять земледѣліе на городскіе промыслы, тотъ не сдѣлается исправнымъ хозяиномъ вслѣдствіе запретительныхъ постановленій закона; онъ окажется только въ худшемъ положеніи, при невозможности сбыть землю за деньги путемъ продажи или сдачи въ аренду. Требовать, чтобы крестьянинъ, желающій выйти изъ состава сельскаго общества, оставлялъ свой надѣлъ безвозмездно въ пользу міра,—значило бы лишать его значительной матеріальной цѣнности, принадлежащей ему по праву и закрѣпленной за нимъ не только личнымъ трудомъ, но и денежными взносами, въ видѣ выкупныхъ платежей. Предположенныя охранительныя мѣры ни въ чемъ не упрочили бы крестьянскаго землевладѣнія и только отняли бы у крестьянъ тѣ гражданскія и имущественныя права, которыя безусловно признаны за ними положеніями 19-го февраля 1861 года. Чтò помогутъ искусственныя стѣсненія и запрещенія, когда крестьянинъ остался безъ рабочаго скота и вынужденъ сдать свой участокъ въ постороннія руки? Чтò дѣлать крестьянину съ землею, если у него нѣтъ ни лошади, ни сѣмянъ, и если въ силу какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ онъ поставленъ въ невозможность возстановить свое хозяйство? Очевидно, сдача надѣла болѣе зажиточному односельцу будетъ единственнымъ выходомъ изъ критическаго положенія, а разъ допущена сдача въ аренду—нельзя уже избѣгнуть допущенія замаскированныхъ продажъ. Въ этомъ заколдованномъ кругѣ печальныхъ необходимостей принципъ неотчуждаемости превратился бы въ мертвую букву и нанесъ бы наибольшій ущербъ именно тѣмъ элементамъ крестьянства, которые наиболыше нуждаются въ поддержкѣ и охранѣ. Мы не говоримъ уже о внутреннихъ противорѣчіяхъ между двумя категоріями фактовъ: съ одной стороны, рабочій скотъ неисправнаго или обѣднѣвшаго хозяина принудительно продается за недоимки по распоряженію властей, послѣ чего дальнѣйшее веденіе хозяйства становится невозможнымъ, а съ другой—тому же крестьянину, оставшемуся безъ рабочаго скота, предписывается по прежнему обрабатывать свой участокъ и отнюдь не отчуждать его въ постороннія руки.

Само собою разумѣется, что ни къ какому другому классу населенія не примѣняются взгляды, сплошь и рядомъ прилагаемые къ крестьянству; нѣкоторые писатели требуютъ, напримѣръ, признанія крестьянскихъ земель государственными, т.-е. обратнаго отнятія у крестьянъ тѣхъ самостоятельныхъ поземельныхъ правъ, которыя оффиціально предоставлены имъ въ 1861 году и за которыя они должны были уплачивать выкупныя деньги. При этомъ не считаютъ даже нужнымъ останавливаться надъ вопросомъ, какъ поступить съ выкупной операціею и слѣдуетъ ли удержать въ пользу казны денежные взносы, которые обязательно дѣлались крестьянами для укрѣпленія за ними права собственности на землю. Иные готовы смѣшивать подобные проекты конфискаціи съ идеею національзаціи земли, остерегаясь однако примѣнить эту идею къ землевладѣнію другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго. Даже когда принимаются во вниманіе справедливые интересы крестьянъ въ связи съ безспорными правами, вытекающими изъ выкупной операціи, все-таки мысль о провозглашеніи права собственности государства спеціально на крестьянскія земли остается чѣмъ-то совершенно произвольнымъ, несогласнымъ съ элементарными началами справедливости [1]). Предлагая ограничить права крестьянъ по землевладѣнію во имя будто бы общенародной пользы, составители проектовъ обыкновенно ссылаются на то, что крестьяне получили землю при содѣйствіи правительства и что слѣдовательно они должны быть довольны всякими крохами правъ, какія будутъ признаны для нихъ достаточными. Эта точка зрѣнія не совсѣмъ основательна. Содѣйствіе правительства, особенно денежное, относилось больше къ помѣщикамъ, чѣмъ къ крестьянамъ; выкупная операція нужна была для первыхъ, а не для послѣднихъ. Крестьянскія права на землю, по укоренившимся народнымъ понятіямъ, не нуждались въ выкупѣ и имѣли свою прочную историческую основу; извѣстно, что черныя земли, составлявшія собственность крестьянскихъ волостей, были постепенно конфискованы государствомъ и отдавались служилымъ людямъ въ помѣстье и въ вотчину; этотъ переходъ крестьянъ, вмѣстѣ съ ихъ землями, въ частную собственность служилаго класса совершился несомнѣнно при содѣйствіи государства, безъ всякаго выкупа, такъ что и позднѣйшее содѣйствіе обратному историческому процессу было вполнѣ естественно. Никто не предлагаетъ отнять или ограничить поземельныя права

---

[1]) См., напр., въ книгѣ Л. В. Ходскаго: „Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію“ (Москва, 1882), стр. 191—5.

дворянства на томъ основаніи, что послѣднее плохо распоряжается землями, полученными когда-то отъ государства; никто не находитъ, что нужно воспретить дворянамъ отдавать имѣнія въ залогъ и отчуждать ихъ въ постороннія руки, въ виду легкомысленной готовности многихъ владѣльцевъ обременять свои земли долгами и растрачивать наслѣдственное достояніе, а между тѣмъ нельзя отрицать, что злоупотребленія кредитомъ, хищническое хозяйство и легкомысленныя отчужденія встрѣчаются какъ въ помѣщичьемъ классѣ, такъ и въ крестьянствѣ.

Спеціальныя ограничительныя мѣры для крестьянскаго землевладѣнія, не приведенныя въ связь съ общимъ законодательствомъ о крестьянахъ и съ фактическими условіями хозяйственнаго быта деревень, еще болѣе увеличили бы запутанность и противорѣчія въ этомъ важнѣйшемъ отдѣлѣ нашихъ законовъ, создали бы неизвѣстность и неопредѣленность правъ и отношеній въ области первостепенныхъ народныхъ интересовъ и внесли бы новыя стѣсненія въ трудную и безъ того экономическую жизнь крестьянства. Тѣ хорошія цѣли, которыя имѣются въ виду въ настоящее время, могли бы быть достигнуты единственно лишь регулированіемъ общиннаго землевладѣнія согласно существующимъ народнымъ обычаямъ и воззрѣніямъ, а именно, признаніемъ крестьянскихъ земель собственностью общинъ даже при прочномъ подворномъ владѣніи, отмѣною законовъ, допускающихъ выдѣлъ участковъ изъ общины и окончательное распаденіе ея по волѣ большинства, допущеніемъ передачи участковъ не иначе какъ съ согласія міра и предоставленіемъ самимъ общинамъ устанавливать высшую норму подворнаго владѣнія надѣльною землею. Признать и формулировать то, что̀ выработала сама жизнь, уничтожить искусственныя стѣсненія, неясности и противорѣчія въ законахъ, облегчить тяжелое положеніе крестьянъ, насколько оно зависитъ отъ строгостей долговыхъ и податныхъ взысканій, наконецъ, поставить надлежащія законныя преграды сельскому ростовщичеству и ограничить господство кабака внесеніемъ нравственныхъ, просвѣтительныхъ вліяній въ сельскую жизнь,—такова единственно возможная программа необходимыхъ охранительныхъ реформъ по отношенію къ нашему ослабѣвающему крестьянству. Не новая канцелярская охрана нужна земледѣлію и землевладѣнію, а нужно приспособленіе существующихъ законовъ и порядковъ къ потребностямъ и условіямъ народнаго быта, устраненіе прежнихъ важныхъ законодательныхъ ошибокъ, недосмотровъ и пробѣловъ. Къ числу такихъ ошибокъ принадлежитъ, напримѣръ, взглядъ на участковое наслѣдственное владѣніе, какъ на фактъ, несовмѣстимый съ существованіемъ

общины и предполагающій упраздненіе ея; а что земельная община существуетъ и сохраняетъ извѣстныя права на землю при подворно-наслѣдственномъ пользованіи, это видно уже изъ отдѣльныхъ постановленій самого закона, напр. о томъ, что упразднившійся участокъ, за смертью домохозяина и отсутствіемъ наслѣдниковъ, переходитъ въ распоряженіе сельскаго общества (малор. полож., ст. 97, и великор., ст. 117). Болѣе внимательное отношеніе къ особенностямъ народнаго землевладѣнія указало бы на существованіе различныхъ типовъ общины, къ которымъ не могутъ быть примѣнены однообразныя правила; поэтому законъ долженъ избѣгнуть принудительной регламентаціи и предоставить самимъ общинамъ болѣе точное опредѣленіе поземельныхъ правъ и обязанностей домохозяевъ относительно крестьянскаго надѣла [1]).

Вмѣсто того, чтобы запрещать отчужденіе земель при отсутствіи условій для правильнаго хозяйства, слѣдовало бы принять мѣры противъ самыхъ причинъ, вызывающихъ продажу крестьянскихъ участковъ, противъ обременительности налоговъ и повинностей, противъ злоупотребленій и беззаконій ростовщическаго кредита, противъ вреднаго господства письменныхъ документовъ надъ житейскою правдою въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ судебныхъ мѣстъ. Если крестьянскія земли будутъ признаны собственностью обществъ даже при постоянной величинѣ участковъ отдѣльныхъ дворовъ, какъ это соотвѣтствуетъ народнымъ юридическимъ понятіямъ, и если положенъ будетъ конецъ принудительному разложенію общины путемъ раздѣла и выдѣла, то опасность добровольной продажи надѣловъ въ постороннія руки сократится въ значительной мѣрѣ. Опасность эта дойдетъ до ничтожнаго минимума, при соблюденіи двухъ условій: во-первыхъ, чтобы для сдачи надѣла и для всякихъ имущественныхъ обязательствъ требовалось согласіе всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи даннаго двора, и во-вторыхъ, чтобы общинѣ предоставлено было смѣнить неисправнаго или пьянствующаго домохозяина, съ передачею веденія хозяйства одному изъ ближайшихъ его родственниковъ. Обществу, какъ справедливо полагаетъ г. Кейсслеръ, должно также принадлежать право преимущественной покупки участка, находящагося въ постоянномъ пользованіи отдѣльнаго крестьянскаго семейства и подлежащаго добровольной или принудительной продажѣ [2]). Цѣлыя сельскія общества рѣдко отчуждаютъ свои земли,

---

[1]) Много дѣльныхъ замѣчаній о „реформѣ общиннаго землевладѣнія" высказано въ заключительномъ томѣ упомянутаго уже нами сочиненія г. Кейсслера (Т. III), стр. 283—352.

[2]) J. v. Keussler, тамъ же, стр. 335 и слѣд.; авторъ, впрочемъ, не упоминаетъ

и если это дѣлается, то только съ какою-либо опредѣленною полезною цѣлью, для содѣйствія переселенію части крестьянъ или для пріобрѣтенія на вырученныя деньги удобнѣйшаго поземельнаго участка; затруднять эти хозяйственныя рѣшенія еще болѣе сложнымъ бюрократическимъ контролемъ, чѣмъ нынѣ, и доводить эти мелкія дѣла до центральныхъ правительственныхъ учрежденій, какъ предполагалось въ недавнемъ проектѣ, было бы неразсчетливо и безполезно. Если можно не довѣрять благоразумію отдѣльныхъ крестьянъ-собственниковъ, то нельзя отказать въ здравомъ смыслѣ и въ пониманіи хозяйственныхъ нуждъ цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ; а гдѣ этотъ здравый смыслъ и пониманіе отсутствуютъ, тамъ чиновники уже не помогутъ. Общій упадокъ и отупѣніе могутъ обнаружиться въ чемъ угодно, но только не въ вопросѣ о землѣ, которою кормится крестьянство; почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда селенія крестьянъ лишались какихъ-либо поземельныхъ правъ или рисковали остаться безъ земли вслѣдствіе невыгодныхъ сдѣлокъ (какъ, напр., въ дѣлѣ порховскихъ крестьянъ съ мѣстнымъ городскимъ банкомъ), пострадавшіе оказывались просто жертвами обмана и злоупотребленій, вслѣдствіе своего повальнаго безграмотства, незнакомства съ законами и порядками,—и странное дѣло, именно эти обманы и злоупотребленія, совершаемые явно, на глазахъ всѣхъ, остаются безъ всякаго контроля со стороны многочисленныхъ мѣстныхъ учрежденій, призываемыхъ все къ новымъ и новымъ опекунскимъ обязанностямъ относительно крестьянскаго поземельнаго быта. Еслибы эти обманы и злоупотребленія устранялись и преслѣдовались своевременно тѣми мѣстными органами, на которыхъ эта обязанность лежитъ по закону, то было бы гораздо меньше поводовъ придумывать новые проекты запретительныхъ правилъ, канцелярскаго контроля и опеки. Удивительнѣе всего, что вѣра въ бумажный контроль ростетъ по мѣрѣ того, какъ обнаруживается безплодность такого контроля, какъ будто все предусматривающаго и направляющаго на бумагѣ, но едва замѣтнаго въ дѣйствительной жизни. Мѣстная власть, о крѣпости которой у насъ заботятся больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы, власть, снабженная центральнымъ правительствомъ болѣе обширными полномочіями, чѣмъ гдѣ бы то ни было, контролируетъ все и всѣхъ, какъ тò и слѣдуетъ, съ точки зрѣнія государственной пользы; но нельзя не пожалѣть, что среди многихъ важныхъ задачъ и

о примѣненіи этого правила къ случаямъ продажи съ публичнаго торга, а въ этихъ случаяхъ право преимущественной покупки можетъ принести наибольшую пользу.

полномочій этого сложнаго мѣстнаго управленія не остается времени и мѣста для того, чтобы замѣчать и преслѣдовать крупнѣйшія злоупотребленія сельскаго ростовщичества и кулачества, отъ которыхъ страдаютъ и разоряются массы крестьянскихъ семействъ. Недостаточно еще устанавливать контроль и создавать для него строго обдуманные законы; нужно еще, чтобы законъ не былъ мечтою, чтобы онъ воплотился въ жизнь черезъ посредство разумныхъ и понимающихъ исполнителей, чтобы онъ на дѣлѣ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ законодателя и не превратился въ лишнюю помѣху или простую формальность. Осуществить такія условія въ высшей степени трудно, и у насъ труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ виду нашихъ громадныхъ пространствъ и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ; и тѣмъ не менѣе всякій общественный вопросъ разрѣшается въ нашей журналистикѣ проектами не упрощенія, а усложненія законодательства и расширенія функцій канцеляризма. Такъ и въ поземельномъ вопросѣ важнѣйшая задача, стоящая на очереди,—пересмотръ всѣхъ неудачныхъ и противорѣчивыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи,—отстраняется печатью на заднй планъ и уступаетъ мѣсто созданію новыхъ законовъ, которые должны внести еще бо́льшую путаницу въ существующее законодательство о крестьянахъ.

Ни въ чемъ противорѣчіе между закономъ и жизнью не проявляется такъ наглядно, какъ въ установившейся у насъ практикѣ долговыхъ и податныхъ взысканій съ крестьянъ. Если держаться буквы законовъ,—впрочемъ, весьма разнородныхъ и не сведенныхъ къ единству,—то земледѣльческій классъ пользуется у насъ особенно заботливою охраною со стороны государства. Повидимому, весь механизмъ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій пускается въ дѣло для обезпеченія крестьянъ-недоимщиковъ и должниковъ отъ публичной продажи имущества, составляющаго безусловную необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Опись вещей производится судебнымъ приставомъ „не иначе какъ въ присутствіи сельскаго старосты и волостного старшины для опредѣленія того, какая часть изъ имущества крестьянина-должника можетъ быть продана на удовлетвореніе истца, безъ разстройства крестьянскаго хозяйства“; а при взысканіи съ цѣлаго общества, опись представляется въ мѣстное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе „для отмѣтки того, что изъ описаннаго имущества составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ“ (общее положеніе о кр. по продолж. 1879 г., прилож. къ ст. 24, прим. 4). По

другому закону, „до погашенія выкупной ссуды, взысканіе съ крестьянъ по таковымъ (частнымъ) долгамъ не можетъ быть обращено на пріобрѣтенную при посредствѣ выкупной операціи землю и необходимыя принадлежности хозяйства и сельскаго промысла крестьянъ" (полож. о выкупѣ, ст. 126). Признаются также сохранившими свою силу весьма льготныя правила „устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ"; по этимъ правиламъ судъ, при отсутствіи у отвѣтчика средствъ на уплату долга, даетъ ему отсрочку до двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ обращаетъ взысканіе на доходъ съ недвижимаго имущества, если послѣднее имѣется у должника внѣ его надѣла; при неимѣніи такого имущества „сельскій староста, подъ надзоромъ сельскаго старшины, описываетъ движимое его имущество и назначаетъ изъ онаго къ продажѣ такую часть, которая, не разстраивая хозяйства и не останавливая земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, отъ которыхъ отвѣтчикъ получаетъ содержаніе, достаточна будетъ на удовлетвореніе взысканія". Далѣе, „изъ движимаго имущества освобождаются также отъ продажи предметы, необходимые для уплаты годового оклада податей и содержанія семейства отвѣтчика, какъ-то: ежедневная одежда, домашняя утварь, земледѣльческія орудія, сѣмена для засѣва и съѣстные припасы, потребные для пропитанія". „Рабочій и вообще домашній скотъ, необходимый для полевыхъ работъ и пропитанія, не можетъ быть обращенъ въ продажу, если въ немъ нѣтъ явнаго излишества". Предварительно дѣлается оцѣнка имущества избранными со стороны истца и отвѣтчика посредниками; наконецъ, „домы государственныхъ крестьянъ, построенные изъ казеннаго лѣса, такъ же какъ и участки земель и другихъ угодій, данныхъ имъ отъ казны въ надѣленіе, или пожалованныхъ въ общественное владѣніе, равно земли и угодья, принадлежащія по покупкѣ цѣлому сельскому обществу, не могутъ быть обращены на удовлетвореніе взысканія" (ст. 384—389, по изд. 1857 г., и примѣч. къ 384 по продолж. 1886). По судебнымъ уставамъ, также точно „не подвергается аресту ни въ какомъ случаѣ", между прочимъ, „движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ" (уст. гр. судопр., ст. 973, п. 10).

Подобныя же льготныя постановленія существуютъ относительно сбора и взысканія налоговъ. Срокъ для взноса податей, выкупныхъ платежей и другихъ окладныхъ сборовъ назначается „за первую половину года съ 1-го января по 30-го іюня, а за вторую съ 1-го іюля по 31-е декабря включительно". Въ предѣлахъ этихъ сроковъ, губернское по крестьянскимъ дѣламъ при-

сутствіе, по истребованіи отзывовъ волостныхъ сходовъ и заключеній уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, опредѣляетъ въ точности для крестьянъ каждой волости, „въ какой именно промежутокъ времени и какая часть оклада должна быть внесена", при чемъ предписано „руководствоваться дѣйствительною мѣстною потребностью, отнюдь не допуская послабленія назначеніемъ болѣе отдаленныхъ, чѣмъ необходимо, сроковъ платежа". Волостные старшины и сельскіе старосты „должны предупреждать и самое накопленіе недоимокъ" и по истеченіи частныхъ сроковъ могутъ „принимать мѣры побужденія въ отношеніи плательщиковъ" и подвергать ихъ взысканію. Не позже семи дней по истеченіи окончательныхъ сроковъ, 30-го іюня и 31-го декабря, казначейства сообщаютъ въ полицейскія управленія недоимочные реэстры „для распоряженія о пополненіи недоборовъ нынѣ дѣйствующимъ порядкомъ" (общее положеніе, по продолж. 1879 г., прим. къ ст. 168). Въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ казенныхъ и мірскихъ повинностей предоставляется: „подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы; продать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая не составляетъ необходимость въ его хозяйствѣ; отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ" (только „въ крайнихъ случаяхъ", какъ оговорено въ примѣчаніи). Противъ всего сельскаго общества, оказавшагося неисправнымъ, дѣйствуетъ полиція,—„посредствомъ продажи крестьянскаго движимаго имущества, если вслѣдствіе какого-либо бѣдствія не сдѣлано, по предварительному о томъ ходатайству, отсрочки въ платежѣ" (общее полож., ст. 188—190). При взысканіи выкупныхъ платежей исключается изъ описи „то, что составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ" (полож. о выкупѣ, ст. 129). Та же стереотипная фраза повторяется и въ законѣ 1889 года о платежахъ, слѣдующихъ крестьянскому поземельному банку (Собраніе узаконеній, 1889, № 96, ст. 807). Наконецъ, допускается въ широкихъ размѣрахъ облегченіе по взысканію налоговъ; такъ, по указу 1877 года, можетъ быть сдѣлана разсрочка выкупныхъ взносовъ не только съ цѣлыхъ обществъ, но и съ отдѣльныхъ крестьянъ, „оказывающихся, вслѣдствіе какихъ-либо несчастныхъ событій, несостоятельными ко взносу выкупныхъ платежей"; уплата разсрочивалась до пяти лѣтъ, не свыше трехъ тысячъ рублей по каждой волости. Указъ 3-го апрѣля 1889 года еще болѣе расширилъ примѣненіе этого пра-

вила: министръ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, можетъ „разрѣшать отсрочку и разсрочку недоимокъ окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей, числящихся на сельскихъ обывателяхъ всѣхъ наименованій безъ ограниченія суммы, съ тѣмъ, чтобы продолжительность отсрочки не превышала 5 лѣтъ, общая же продолжительность той или другой льготы—десяти лѣтъ". При возбужденіи ходатайствъ о дарованіи сельскимъ обывателямъ льготъ по взносу окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей губернское начальство дѣлаетъ распоряженіе о пріостановленіи взысканія недоимокъ, впредь до разрѣшенія этого ходатайства (Собр. узак., 1889, № 54, ст. 429).

Въ этихъ разнообразныхъ и отчасти противорѣчащихъ одно другому правилахъ, которыя мы сгруппировали съ возможною полнотою, все предусмотрѣно и взвѣшено для огражденія крестьянскаго хозяйства отъ разорительныхъ экзекуцій. Одно только обстоятельство упущено изъ виду,—что у крестьянъ, доведшихъ дѣло до принудительныхъ мѣръ взысканія, нѣтъ и не можетъ быть никакого такого имущества, которое составляло бы „избытокъ" въ крестьянскомъ хозяйствѣ и которое стоило бы подвергать описи и продажѣ. А такъ какъ каждый взыскатель считаетъ свое требованіе однимъ изъ тѣхъ „крайнихъ случаевъ", о которыхъ упоминаетъ законъ, то продажа крестьянскаго имущества съ публичнаго торга производится постоянно безъ всякихъ затрудненій. Такъ же точно мѣстныя власти могутъ считать аккуратное поступленіе податей крайнею необходимостью, несравненно болѣе важною, чѣмъ избѣжаніе разстройства въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И нельзя отрицать, что частные взыскатели и оффиціальные исполнители вполнѣ правы съ своей житейской точки зрѣнія: всѣ заботливыя постановленія закона имѣютъ въ виду такой порядокъ вещей, какого не существуетъ въ дѣйствительности: они имѣютъ въ виду недоимщиковъ и должниковъ-крестьянъ, обладающихъ имуществомъ и обстановкою, ненужными для хозяйства и достаточными для покрытія казенныхъ и частныхъ взысканій. Неудивительно поэтому, что эти сами по себѣ прекрасныя правила должны оставаться лишь мертвою буквою и безъ особенной пользы для дѣла повторяются въ различныхъ томахъ нашего свода законовъ.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1890 г.

Городское общественное управленіе въ четырехъ губерніяхъ.—Составъ избирательныхъ собраній, городскихъ думъ и городскихъ управъ; городскіе доходы и городскіе расходы.—Точное исполненіе закона и „примѣнительное соображеніе“ съ нимъ, равносильное его нарушенію.—Справедливость и „защита бѣдныхъ“.—Вопросъ объ увеличеніи содержанія земскихъ начальниковъ.—Циркуляръ нижегородскаго губернатора.

Продолжая [1]) обозрѣніе фактическихъ данныхъ, относящихся къ городскому самоуправленію, мы остановимся прежде всего на личномъ составѣ городскихъ избирателей. Особенно подробно этотъ составъ былъ изслѣдованъ сенаторскою ревизіею губерній черниговской и кіевской. Несмотря на смежность, эти губерніи во многомъ отличаются одна отъ другой и по характеру городского населенія, и по размѣру городовъ. Черниговъ—типъ захолустнаго губернскаго города; Кіевъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ провинціальныхъ центровъ. Евреевъ въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи почти вдвое больше, чѣмъ въ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи. Въ черниговской губерніи существуютъ земскія учрежденія, въ кіевской губерніи они еще не введены. Другія черты, общія обѣимъ губерніямъ, дѣлаютъ изученіе ихъ, съ занимающей насъ точки зрѣнія, особенно поучительнымъ и интереснымъ. Нѣжинъ и Стародубъ—въ черниговской губерніи, Черкасы и Умань — въ кіевской, принадлежатъ къ числу самыхъ крупныхъ уѣздныхъ городовъ имперіи. И тамъ, и тутъ есть города средней руки (Конотопъ, Глуховъ, Новозыбковъ—въ черниговской губерніи; Сквира и Таращa—въ кіевской губерніи), есть и города небольшіе, мало чѣмъ отличающіеся отъ деревни (Городня и Остеръ—въ черниговской губерніи; Каневъ—въ кіевской), хотя въ среднемъ выводѣ

[1]) См. Внутр. Обозр., окт., 807 стр.

населенность городовъ въ кіевской губерніи значительно выше, чѣмъ въ черниговской. Тѣмъ знаменательнѣе повсемѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій. Избирательнымъ правомъ пользуется вездѣ небольшая часть городского населенія. Въ кіевской губерніи избиратели составляли, въ 1880 г., съ небольшимъ 8% общаго числа жителей; въ отдѣльныхъ городахъ эта цифра колебалась между $3^{1}/_{4}$% (въ Кіевѣ) и 14%. Въ черниговской губерніи избирателей было лишь немногимъ больше, около $10^{1}/_{2}$% (отъ 4 до 20%). Чѣмъ больше населеніе, тѣмъ меньше, обыкновенно, относительная цифра избирателей. Такъ напримѣръ, въ наиболѣе населенномъ уѣздномъ городѣ кіевской губерніи [1]), Умани, избирателей было около $5^{3}/_{4}$%, въ наименѣе населенномъ, Каневѣ—14%; въ наиболѣе населенномъ городѣ черниговской губерніи, Нѣжинѣ, ихъ было менѣе 4%; въ наименѣе населенномъ, Городнѣ—болѣе $17^{1}/_{2}$%. Въ кіевской губерніи изъ числа лицъ привилегированныхъ, т.-е. сравнительно образованныхъ, избирательнымъ правомъ пользовалась только одна треть. Въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи двѣ трети избирателей не были даже грамотными; въ черниговской губерніи неграмотные составляли около половины общаго числа избирателей. Домовладѣльцевъ, между избирателями, было гораздо больше, чѣмъ торговцевъ; въ кіевской губерніи первыхъ было около 91%, въ черниговской—около 87%. Существенно инымъ это отношеніе представлялось только въ большихъ городахъ; въ Кіевѣ, напримѣръ, торговцевъ было болѣе 42%, въ Черниговѣ—болѣе 20%, въ Стародубѣ—болѣе 26%. Цифра городскихъ сборовъ, платимыхъ избирателями, въ среднемъ выводѣ весьма невелика. Лица, платившія болѣе 10 рублей, составляли въ кіевской губерніи около $10^{1}/_{2}$% общаго числа избирателей, въ черниговской губерніи — около 6%; лица, платившія отъ 10 рублей до 1 рубля—около 27% въ кіевской губерніи, около 28%—въ черниговской; лица, платившія отъ 1 рубля до 50 копѣекъ—около 25% въ кіевской губерніи, около 19%—въ черниговской; всѣ остальные избиратели,—т.-е. болѣе 37% въ кіевской губерніи, около 47% въ черниговской—платили *менѣе пятидесяти копѣекъ!*

Дѣленіе избирателей на разряды приводило, въ кіевской и черниговской губерніяхъ, къ тѣмъ же несообразностямъ, образчикъ которыхъ мы видѣли въ предъидущемъ обозрѣніи. Избирателей перваго разряда вездѣ крайне мало. Въ Кіевѣ ихъ число не превышало 135, въ Таращѣ—95, во всѣхъ остальныхъ городахъ кіевской губерніи не доходило даже до 50. Въ Черкасахъ избирателей перваго раз-

[1]) Въ Бердичевѣ, гдѣ число жителей еще гораздо больше, чѣмъ въ Умани, городовое положеніе въ 1880 г. не было введено, да, кажется, не введено и по настоящее время.

ряда было столько же, сколько избираемыхъ этимъ разрядомъ гласныхъ (24); въ Сквирѣ *семнадцати* избирателямъ принадлежало право избирать 24 гласныхъ. Въ черниговской губерніи максимальная цифра избирателей перваго разряда—45 (въ самомъ Черниговѣ), минимальная—11 (въ Городнѣ). Въ Глуховѣ 18 избирателей избирали 22 гласныхъ, въ Новгородсѣверскѣ на 14 избирателей приходилось 16 гласныхъ. Ошибочно было бы думать, что между избирателями перваго разряда преобладаютъ люди образованные. Изъ восьми уѣздныхъ городовъ кіевской губерніи, относительно которыхъ собраны были по этому предмету свѣденія, въ двухъ не было *ни одного* избирателя перваго разряда, который получилъ бы высшее или среднее образованіе. Въ четырехъ городахъ—второй разрядъ, въ двухъ — третій разрядъ избирателей, были богаче образованными людьми, чѣмъ первый. Въ пяти городахъ между избирателями перваго разряда находились люди вовсе неграмотные; въ Таращѣ на сторонѣ послѣднихъ было даже абсолютное большинство (55 изъ 95). Въ черниговской губерніи положеніе дѣлъ, съ этой точки зрѣнія, было еще хуже. Въ двухъ городахъ первый разрядъ избирателей вовсе не заключалъ въ себѣ образованныхъ людей; въ остальныхъ городахъ ихъ насчитывалось, большею частью, по одному, по два, по три Въ Черниговѣ и Стародубѣ ихъ было по два, въ Нѣжинѣ—четыре. Между тѣмъ во второмъ разрядѣ число образованныхъ людей поднималось до 19, до 24, а въ третьемъ доходило даже до 85 (Нѣжинъ). Въ восьми городахъ встрѣчались неграмотные избиратели перваго разряда; въ самомъ Черниговѣ ихъ было *двѣнадцать*—впятеро больше, чѣмъ людей образованныхъ. Нельзя сказать, далѣе, чтобы въ первомъ разрядѣ были сильно представлены привилегированныя сословія. Въ Сквирѣ, напримѣръ, всѣ избиратели изъ среды этихъ сословій принадлежали къ двумъ послѣднимъ разрядамъ; въ Черкасахъ между избирателями перваго разряда былъ только одинъ, въ Чигиринѣ—двое привилегированныхъ. Не болѣе двухъ представителей привилегированныя сословія имѣли также въ первомъ избирательномъ разрядѣ *семи* городовъ черниговской губерніи. Господствующимъ составнымъ элементомъ перваго разряда почти вездѣ являлись купцы. Въ Сквирѣ, напримѣръ, ихъ было 12 (изъ 17), въ Черкасахъ—22 (изъ 24), въ Черниговѣ—28 (изъ 45), въ Нѣжинѣ—29 (изъ 37), въ Стародубѣ—24 (изъ 28). Не особенно высокъ, наконецъ, размѣръ городскихъ сборовъ, платимыхъ избирателями перваго разряда. Въ Каневѣ, напримѣръ, изъ 42 избирателей этого разряда только пятеро платили болѣе 10 рублей, остальные 37—отъ 10 руб. до одного рубля; въ Чигиринѣ менѣе 10 рублей платили 20 избирателей изъ 28, въ Кролевцѣ—*всѣ* избиратели перваго разряда.

Весьма немногочисленны и избиратели *второго разряда*; въ кіевской губерніи они составляли около $^1/_6$, въ черниговской губерніи—менѣе $^1/_{10}$ общаго числа избирателей. Получившихъ высшее или среднее образованіе насчитывалось между ними въ кіевской губерніи не болѣе $4^1/_2$%, въ черниговской—почти 10%. Неграмотные составляли въ кіевской губерніи почти половину (болѣе $45^1/_2$%), въ черниговской губерніи—почти $^1/_6$ всѣхъ избирателей второго разряда. Въ черниговской губерніи купцовъ, между избирателями второго разряда, было немного (около $3^1/_2$%); главную массу (почти 80%) составляли здѣсь мѣщане. Въ кіевской губерніи купцовъ было гораздо больше (почти 31%), мѣщанъ—гораздо меньше (около 34%). Сумма городскихъ сборовъ, платимыхъ избирателями второго разряда, въ кіевской губерніи часто упадала ниже рубля, иногда ниже 50 коп. Въ Черкасахъ, напримѣръ, менѣе 50 копѣекъ платили почти всѣ избиратели второго разряда (около $93^1/_2$%). Въ черниговской губерніи мы этого не встрѣчаемъ; громадное большинство избирателей второго разряда платило тамъ менѣе 10 рублей, но болѣе рубля. Въ *третьемъ разрядѣ* число избирателей колебалось въ кіевской губерніи между 532 и 3.511, въ черниговской—между 276 и 1.544. Образованныхъ между ними въ кіевской губерніи было менѣе $^1/_2$%, въ черниговской—около $1^3/_4$%; неграмотныхъ въ кіевской губерніи—почти три четверти (болѣе $72^3/_4$%), въ черниговской—болѣе половины ($52^1/_2$%). Лица привилегированныхъ сословій составляли въ кіевской губерніи—около $^1/_{10}$, въ черниговской—около $^1/_6$ избирателей третьяго разряда. Какъ въ кіевской губерніи, такъ и въ черниговской, слишкомъ половина избирателей третьяго разряда платили въ кассу города менѣе 50 копѣекъ [1]).

Чѣмъ малочисленнѣе разрядъ избирателей, чѣмъ значительнѣе, слѣдовательно, роль каждаго отдѣльнаго избирателя, тѣмъ исправнѣе избиратели являются на выборы. По отношенію къ избирателямъ всѣхъ разрядовъ, вмѣстѣ взятымъ, процентъ участвовавшихъ въ выборахъ составлялъ, въ кіевской губерніи, менѣе 17%, въ черниговской—съ небольшимъ 19%; другими словами, громадное большинство избирателей не принимало участія въ выборахъ. Совсѣмъ другія цифры получаются при разсмотрѣніи въ отдѣльности каждаго избирательнаго разряда. Изъ числа избирателей перваго разряда являлись на выборы, среднимъ числомъ, въ кіевской губерніи болѣе двухъ третей ($67^1/_2$%), въ черниговской—почти три четверти ($73^1/_2$%). Въ Сквирѣ оказались на-лицо *всѣ* избиратели перваго разряда; въ Черкасахъ ихъ явилось 21 изъ 24, въ Чигиринѣ—23 изъ 28, въ

[1]) Въ Петербургѣ есть избиратели, платящіе въ городскую кассу—3 к.

Черниговѣ — 38 изъ 45, въ Новозыбковѣ—20 изъ 23. Для второго разряда средняя цифра наличныхъ избирателей понижается въ кіевской губерніи до $45^1/_2$%, въ черниговской—до 48%; по отношенію къ третьему разряду она составляетъ въ кіевской губерніи менѣе 16%, въ черниговской—менѣе 15%. Въ Черкасахъ принимали участіе въ выборахъ только $8^1/_3$%, въ Каневѣ—только $5^1/_2$%, въ Конотопѣ—только $2^1/_3$% избирателей третьяго разряда. Избиратели изъ среды привилегированныхъ сословій оказывались не болѣе исправными, чѣмъ остальные. Торговцы являлись на выборы гораздо аккуратнѣе, чѣмъ домовладѣльцы; въ особенности это можно сказать о черниговской губерніи. Какъ въ кіевской, такъ и въ черниговской губерніи большинство участвующихъ въ выборахъ не принадлежало къ числу наиболѣе крупныхъ плательщиковъ городскихъ сборовъ. И тамъ, и тутъ не малый процентъ наличныхъ избирателей составляли лица, платящія въ пользу города всего нѣсколько копѣекъ. Не смотря на то, что значительная часть избирателей третьяго разряда не являлась на выборы, избирательныя собранія этого разряда, въ большихъ городахъ, часто представляли разныя неудобства именно вслѣдствіе своей многочисленности. Въ Кіевѣ избирателей третьяго разряда уже въ 1880 г. пришлось раздѣлить на нѣсколько группъ или отдѣловъ. Число избирателей, являвшихся на выборы съ довѣренностями за отсутствующихъ, было, вообще говоря, невелико, но въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. въ Черниговѣ, Нѣжинѣ, Черкасахъ) достигало довольно крупныхъ размѣровъ.

Составомъ избирателей предрѣшается, въ значительной степени, составъ гласныхъ. И дѣйствительно, городскія думы кіевской и черниговской губерній носили на себѣ ясный слѣдъ своего происхожденія. Въ большинствѣ случаевъ въ гласные отъ извѣстнаго избирательнаго разряда попадали лица, принадлежащія къ тому же разряду; число гласныхъ, избранныхъ не на своемъ разрядѣ, въ обѣихъ губерніяхъ едва превышало 25%. Изъ среды избирателей перваго разряда гласными становились, въ черниговской губерніи, почти $^3/_4$ ($72^3/_4$%), изъ среды избирателей второго разряда—около $^1/_5$, изъ среды избирателей третьяго разряда—меньше $^1/_{40}$. Лица, получившія высшее или среднее образованіе, составляли большинство (60%) только въ кіевской городской думѣ. Въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи ихъ было, среднимъ числомъ, не болѣе $12^1/_2$%—столько же, сколько неграмотныхъ. Въ черниговской губерніи процентъ гласныхъ, получившихъ высшее или среднее образованіе, былъ не выше, чѣмъ въ кіевской; но здѣсь гораздо меньше неграмотныхъ гласныхъ (менѣе 2%). Между отдѣльными городами, какъ и слѣдовало ожидать, образованные гласные распредѣлялись весьма неравномѣрно; въ Чер-

нпговѣ, напримѣръ, ихъ было около 28%, въ Нѣжинѣ—около 27%, въ Звенигородкѣ—около 33%, въ Умани—около 20%, а въ Кролевцѣ—едва 3½%, въ Борзнѣ—около 5½%, въ Чигиринѣ и Черкасахъ—около 5%. На долю привилегированныхъ сословій приходилось въ черниговской губерніи около 29%, въ кіевской—около 24% общаго числа гласныхъ. Купцовъ, въ черниговской губерніи, было между гласными около 37%, въ кіевской—около 17½%; мѣщанъ—24½ и 58½%, лицъ прочихъ сословій—9 и 3½% (въ городахъ черниговской губерніи живетъ много крестьянъ и казаковъ). Нѣчто аналогичное мы находимъ и въ губерніяхъ воронежской и тамбовской [1]). Въ первой изъ нихъ купцы и почетные граждане составляютъ больше половины (51⅔%), мѣщане и крестьяне—почти одну треть (около 29%), лица привилегированныхъ сословій—менѣе одной пятой общаго числа гласныхъ. Въ девяти городахъ тамбовской губерніи число гласныхъ-купцовъ и почетныхъ гражданъ доходило почти до 60%, число гласныхъ-мѣщанъ и крестьянъ не составляло и одной четверти, число гласныхъ изъ среды привилегированныхъ сословій—и одной шестой части общаго числа гласныхъ. Въ Кирсановѣ не было *ни одного* гласнаго-дворянина или чиновника; въ Спасскѣ и Острогожскѣ привилегированныя сословія были представлены только *однимъ* гласнымъ, въ пяти другихъ городахъ—двумя или тремя. Сравнительно много гласныхъ этой категоріи было только въ губернскихъ городахъ—Тамбовѣ и Воронежѣ.

Составъ городскихъ думъ отражается, въ свою очередь, на составѣ городскихъ управъ. Въ городскихъ управахъ Кіева и Чернигова преобладали люди, получившіе высшее или среднее образованіе; но въ уѣздныхъ городахъ обѣихъ губерній образованные люди составляли исключеніе даже между городскими головами (въ кіевской губерніи ихъ было трое, въ черниговской—двое). Что касается до членовъ городскихъ управъ, то въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи только четверо (по одному въ четырехъ городахъ) получили среднее образованіе; остальные двадцать-пять окончили курсъ въ низшихъ училищахъ или нигдѣ не учились. Въ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи къ первой категоріи принадлежали только *два* члена городскихъ управъ, ко второй—*пятьдесятъ два*. По сословіямъ городскіе головы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи—шесть чиновниковъ, одинъ провизоръ, одинъ мѣщанинъ; въ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи—семь дворянъ, чиновниковъ или офицеровъ, шесть купцовъ, одинъ

[1]) Данныя, собранныя сенаторскою ревизіею этихъ двухъ губерній, не касаются личнаго состава избирателей, но содержатъ въ себѣ много интереснаго по другимъ вопросамъ городского самоуправленія.

мѣщанинъ. Между членами городскихъ управъ мы встрѣчаемъ: въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи—восемь лицъ изъ среды привилегированныхъ сословій, четырехъ купцовъ, пятнадцать мѣщанъ, одного отставного рядового; въ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи—13 лицъ изъ среды привилегированныхъ сословій, 14 купцовъ, купеческихъ сыновей и почетныхъ гражданъ, 21 мѣщанина, одного отставного писаря и пять казаковъ или крестьянъ. Прибавимъ ко всему этому слѣдующій отзывъ, относящійся къ тамбовской губерніи: „не говоря уже о гласныхъ, даже городскіе головы въ нѣкоторыхъ городахъ оказываются едва умѣющими подписать свою фамилію".

Черта, болѣе или менѣе общая всѣмъ городскимъ думамъ—это неисправное посѣщеніе гласными думскихъ засѣданій. Въ черниговской губерніи, напримѣръ, засѣданія думъ назначались, бо̀льшею частью, очень рѣдко (въ иныхъ городахъ—только три или четыре раза въ продолженіе года), и все-таки многія изъ нихъ (отъ $^1/_3$ до $^1/_2$) не могли состояться за неявкою достаточнаго числа гласныхъ. Въ кіевской губерніи думы уѣздныхъ городовъ собирались, среднимъ числомъ, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, а число несостоявшихся засѣданій доходило, въ нѣкоторыхъ городахъ, до четырехъ и даже до восьми. Въ засѣданіяхъ состоявшихся присутствовало, обыкновенно, небольшое число гласныхъ, едва превышающее законный комплектъ (т.-е. одну треть всего состава думы). Въ Тамбовѣ, въ одинъ изъ годовъ предшествовавшихъ ревизіи, не состоялось семь засѣданій изъ числа сорока, въ Воронежѣ—семь засѣданій изъ числа двадцати-трехъ, въ Бобровѣ—семь засѣданій изъ числа восемнадцати. Почти вездѣ встрѣчались гласные, по цѣлымъ годамъ не посѣщавшіе засѣданій думы или являвшіеся туда одинъ, два раза въ годъ. Въ Козельцѣ, въ 1878 г., полнѣйшимъ абсентеизмомъ отличались 17 гласныхъ изъ 36; въ Конотопѣ, въ 1879 г., изъ 66 гласныхъ 24 не были ни въ одномъ засѣданіи думы, 15 были только въ одномъ засѣданіи. Не такъ колоссально, но все же поразительно число систематически-отсутствовавшихъ гласныхъ въ Нѣжинѣ, въ Черкасахъ, въ Чигиринѣ, въ Кирсановѣ, даже въ Кіевѣ и Воронежѣ. „По единогласному свидѣтельству городскихъ головъ,—читаемъ мы въ ревизіонномъ отчетѣ по черниговской губерніи,—нѣтъ ничего труднѣе, какъ созвать собраніе думы въ составѣ гласныхъ, достаточномъ для открытія собранія. Въ назначенный для собранія часъ голова принужденъ разсылать по городу сторожей городской управы съ настоятельными приглашеніями извѣстнымъ гласнымъ прибыть въ думу, чтобы собраніе могло состояться; посланнымъ приходится разыскивать гласныхъ по всему городу. Но и собравшіеся въ достаточномъ числѣ гласные не

всегда служатъ гарантіей, что всѣ предположенныя къ докладу дѣла будутъ разсмотрѣны думой; весьма скоро по открытіи собранія гласные одинъ за другимъ начинаютъ покидать его, пока засѣданіе не придется преждевременно закрыть, вслѣдствіе того, что останется менѣе одной трети всѣхъ гласныхъ". Въ черниговской губерніи обнаруженъ, при ревизіи, тотъ странный фактъ, что гласные, получившіе высшее или среднее образованіе, посѣщаютъ засѣданія, говоря вообще, менѣе исправно, чѣмъ гласные только грамотные или даже вовсе неграмотные... По замѣчанію сенатора, ревизовавшаго тамбовскую губернію, болѣе многочисленными, сравнительно, собранія думы бываютъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ образовались такъ-называемыя „партіи"; но общественное дѣло отъ этого ничего не выигрываетъ, потому что въ основаніи дѣленія на партіи лежатъ не различные взгляды на городское хозяйство, а личныя соображенія.

Равнодушіе большинства гласныхъ къ общественному дѣлу выражалось не только въ неисправномъ посѣщеніи думскихъ засѣданій, но и въ пассивномъ отношеніи къ разсматриваемымъ вопросамъ. Въ черниговской губерніи, по словамъ ревизіоннаго отчета, гласные большею частью безмолвствовали, даже при обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ. Въ преніяхъ участвовали постоянно одни и тѣ же, немногія лица. Въ кіевской губерніи дѣятельно работало только „незначительное меньшинство" гласныхъ, наполнявшихъ всѣ думскія коммиссіи. Число предложеній, вносимыхъ отдѣльными гласными, было одинаково невелико и въ черниговской, и въ кіевской губерніи; во многихъ городахъ ихъ не было вовсе. Въ городскихъ думахъ тамбовской губерніи ни смѣты, ни отчеты не разсылались гласнымъ, не читались и не обсуждались. Смѣта обыкновенно утверждалась безъ возраженій и передавалась въ управу для исполненія „тѣмъ порядкомъ, какой управа найдетъ удобнѣе и выгоднѣе". Для разсмотрѣнія отчетовъ назначалась коммиссія изъ 3—4 лицъ, часто ограничивавшаяся общимъ заключеніемъ о правильности отчета. Когда въ козловской думѣ девять гласныхъ потребовали чтенія отчета управы (за 1879 г.), большинство признало это ненужнымъ. Если, въ видѣ исключенія, ревизіонная коммиссія и усматривала какія-либо неправильности въ отчетѣ, дума не принимала никакихъ мѣръ къ ихъ исправленію. Въ губерніяхъ черниговской и кіевской отчеты и смѣты представлялись и разсматривались, большею частью, несвоевременно. Въ Черниговѣ, напримѣръ, не былъ, къ 1881 г., разсмотрѣнъ и утвержденъ ни одинъ отчетъ управы за все время существованія новаго городского управленія (городовое положеніе введено въ дѣйствіе въ Черниговѣ въ 1871 г.).

Отъ личнаго состава и внѣшнихъ формъ городского самоуправле-

нія переходимъ къ способамъ веденія городского хозяйства. Замѣчательно, что во всѣхъ четырехъ губерніяхъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, обыкновенныхъ городскихъ доходовъ не хватало на покрытіе городскихъ потребностей. Въ черниговской губерніи обыкновенные доходы составляли, въ среднемъ, съ небольшимъ $^2/_3$ ($68^3/_4$%) общей цифры доходовъ; за исключеніемъ двухъ городовъ, къ нимъ вездѣ присоединялись доходы чрезвычайные или случайные (займы у казны, земства и частныхъ лицъ, позаимствованія изъ городскихъ капиталовъ, доли изъ прибылей городскихъ банковъ, суммы, вырученныя отъ продажи городскихъ земель, взысканныя недоимки прежнихъ лѣтъ), въ иныхъ городахъ (Глуховъ, Кролевецъ) составлявшіе $^2/_3$ и даже $^4/_5$ городского бюджета. Въ кіевской губерніи отношеніе между обыкновенными и чрезвычайными доходами было нѣсколько болѣе благопріятно; первые составляли, въ среднемъ, почти три четверти (74%) общей цифры городскихъ доходовъ, нигдѣ не упадая ниже 55%. Въ воронежской губерніи, въ 1879 г., чрезвычайные доходы относились къ обыкновеннымъ приблизительно какъ 1: 9, въ тамбовской губерніи — какъ 8: 12. Обыкновенные доходы слагались вездѣ изъ городскихъ сборовъ и изъ доходовъ съ имуществъ, принадлежащихъ городу. Относительное значеніе этихъ двухъ категорій городского дохода было весьма различно. Въ огромномъ большинствѣ уѣздныхъ городовъ и даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ (Тамбовъ, Черниговъ) главнымъ источникомъ дохода служили городскія недвижимыя имущества и оброчныя статьи. Городскіе сборы выдвигались на первое мѣсто только въ Кіевѣ, Воронежѣ, трехъ городахъ тамбовской и двѣнадцати городахъ черниговской губерніи. Оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ былъ введенъ далеко не во всѣхъ городахъ; сколько-нибудь значительной величины онъ достигалъ только въ губернскихъ городахъ и немногихъ уѣздныхъ. Размѣръ его былъ, большею частью, ниже максимальной нормы, установленной закономъ; наоборотъ, сборы съ купеческихъ, промысловыхъ и приказчичьихъ документовъ, а также съ питейныхъ заведеній, взимались, въ большинствѣ случаевъ, въ возможно-высшемъ размѣрѣ. Сборъ съ трактирныхъ заведеній былъ, вообще говоря, невысокъ; сборъ съ извозчичьяго промысла существовалъ лишь въ немногихъ городахъ. Недоимки почти вездѣ составляли одну изъ главныхъ язвъ городского хозяйства. Что касается до роста городскихъ доходовъ, то въ кіевской губерніи онъ былъ значителенъ лишь по отношенію къ доходамъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Городскіе сборы увеличились замѣтно только въ Кіевѣ; въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ они даже уменьшились. То же самое, приблизительно, можно сказать и о черниговской губерніи, съ тою только разницей,

что здѣсь увеличеніе доходовъ съ городскихъ имуществъ было явленіемъ менѣе общимъ. Въ тамбовской губерніи городскіе доходы увеличились, со времени введенія городового положенія по 1880 г., почти въ $2^1/_2$ раза. Въ ревизіонномъ отчетѣ, къ сожалѣнію, не объяснено, какъ распредѣлялось это увеличеніе между различными категоріями городского дохода. Зато мы узнаемъ, что ростъ городскихъ доходовъ начался еще при дѣйствіи прежняго порядка; въ шестидесятыхъ годахъ они почти удвоились.

О способахъ извлеченія дохода изъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ ревизіонные отчеты даютъ, къ сожалѣнію, очень мало свѣденій. По кіевской губерніи характеристиченъ, въ этомъ отношеніи, только отзывъ звенигородской городской управы, удостовѣряющій, что городская пахатная земля сдавалась городскимъ обывателямъ по участкамъ, не *болѣе одного участка въ однѣ руки*. По черниговской губерніи довольно подробно обрисованы порядки, принятые черниговскою городскою управою. Въ первые четыре года по введеніи въ Черниговѣ городового положенія, принадлежащія городу земли сдавались въ аренду съ торговъ, участками отъ 150 до 1000 и болѣе десятинъ въ однѣ руки; но уже въ 1875 г. признано было необходимымъ, отдавая земли въ оброчное содержаніе, дѣлить ихъ на болѣе мелкіе участки. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа арендаторовъ, эта мѣра имѣла послѣдствіемъ и значительное повышеніе городского дохода. Земля, состоявшая въ хозяйственномъ завѣдываніи управы, сдавалась ею въ обработку также мелкими участками, отчасти за деньги, отчасти за извѣстную долю урожая. Обыкновенный срокъ сдачи—одинъ годъ, но многіе участки оставались по нѣскольку лѣтъ сряду въ рукахъ одного и того же съемщика. Дѣлались опыты сдачи городской земли товариществу хлѣбопашцевъ, за круговою порукою. Городскія земли по окраинамъ города сдавались въ аренду, подъ застройку, болѣе чѣмъ двумъ стамъ лицамъ, преимущественно бѣднымъ ремесленникамъ и промышленникамъ. Всѣ вообще города черниговской губерніи стремились къ сохраненію за собою всѣхъ принадлежащихъ имъ недвижимыхъ имуществъ. Въ шести городахъ вовсе не было случаевъ продажи городской земли, а въ другихъ была продана лишь весьма небольшая часть ея (менѣе $^1/_2\%$).

Хотя городамъ, въ четырехъ губерніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и случалось дѣлать заимствованія изъ городскихъ капиталовъ, но во многихъ случаяхъ эти капиталы оставались неприкосновенными или даже возростали. Такъ напримѣръ, увеличились капиталы Звенигородки и Сквиры, Чернигова, Нѣжина и Стародуба. Еще больше можно насчитать городовъ, въ которыхъ измѣнилась только форма капитала; вмѣсто денегъ появились городскія постройки. Пріобрѣта-

лись или отстраивались дома подъ городскія учебныя заведенія, подъ казармы (освобождающія городъ отъ тяжелой постойной повинности), подъ пожарныя депо, подъ лавки и склады; воздвигались мосты, гати, набережныя, очищались пруды, разводились сады и бульвары. Въ Усмани (тамбовской губерніи) затрачено, напримѣръ, на предпріятія этого рода около пятидесяти тысячъ рублей. Иногда — напримѣръ, въ нѣкоторыхъ городахъ воронежской губерніи—городское строительство принимало даже слишкомъ большіе размѣры, становилось чѣмъ-то въ родѣ болѣзни городского общественнаго управленія. Къ займамъ прибѣгали сравнительно немногіе города, и употребленіе занятыхъ денегъ было, большею частью, производительное. Въ Черниговѣ, напримѣръ, на занятыя суммы былъ устроенъ водопроводъ; въ Воронежѣ употреблено было около 30 тысячъ на улучшеніе водопровода, чистый доходъ съ котораго составлялъ въ 1880 г. около десяти тысячъ рублей.

Значительно бо̀льшую часть городскихъ расходовъ составляли вездѣ расходы обязательные. Сенаторскій отчетъ по кіевской губерніи совершенно правильно различаетъ двѣ категоріи обязательныхъ расходовъ. Къ первой принадлежатъ тѣ, которые имѣютъ характеръ болѣе обще-государственный, чѣмъ чисто-городской (содержаніе полиціи и пожарныхъ командъ, отопленіе и освѣщеніе тюремъ, издержки воинскаго постоя); ко второй относятся расходы, прямо направленные къ удовлетворенію потребностей мѣстнаго городского населенія (содержаніе городского управленія, общественныхъ зданій, улицъ и другихъ путей сообщенія). Въ кіевской губерніи обѣ эти категоріи были почти равны между собою; вмѣстѣ взятыя, онѣ превосходили сумму обыкновенныхъ доходовъ. Въ черниговской губерніи обязательные расходы второй категоріи были въ полтора раза больше, чѣмъ обязательные расходы первой категоріи; отношеніе тѣхъ и другихъ, взятыхъ въ совокупности, къ цифрѣ обыкновенныхъ доходовъ было еще менѣе благопріятно, чѣмъ въ кіевской губерніи. Понятно, что при такихъ условіяхъ невозможно было широкое развитіе необязательныхъ расходовъ. Чрезвычайно велики были обязательные расходы общегосударственнаго характера и въ городахъ воронежской и тамбовской губерній. Такъ напримѣръ, городъ Воронежъ тратилъ, въ 1879 г., болѣе 15 тысячъ на содержаніе полиціи, 23½ тысячи на пожарную часть, 5.000 рублей на тюрьму, 30 тысячъ рублей на помѣщеніе войскъ. Въ Коротоякѣ на эти четыре статьи было издержано слишкомъ 9 тысячъ, при общемъ расходномъ бюджетѣ въ 16 тысячъ рублей. Маленькій Нижнедѣвицкъ, съ бюджетомъ въ 7½ тысячъ, тратилъ на тѣ же предметы болѣе двухъ тысячъ рублей. Въ Козловѣ они поглощали около 37 тысячъ изъ 65. Всѣ эти расходы

имѣли, притомъ, значительную наклонность къ повышенію. Въ нѣкоторыхъ городахъ черниговской губерніи они увеличились, за десять лѣтъ, вдвое, втрое, даже вчетверо. Въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи они возросли, въ болѣе короткій срокъ, въ $1^1/_2$ раза, въ самомъ Кіевѣ — въ $3^1/_2$ раза. Пять городовъ воронежской губерніи (въ томъ числѣ Воронежъ) ходатайствовали, во время ревизіи, объ освобожденіи отъ расхода на отопленіе и освѣщеніе тюремъ; три города указывали на несоразмѣрно-высокій расходъ по содержанію полицейскихъ управленій. При ревизіи губерній кіевской и черниговской было найдено, что отбываніе квартирной воинской повинности крайне обременительно для городовъ; невыгодно отзывалось на городскомъ хозяйствѣ и то обстоятельство, что значительная часть городскихъ доходовъ поглощалась расходами на содержаніе учрежденій, служащихъ преимущественно общегосударственнымъ цѣлямъ.

Между обязательными расходами второй категоріи особаго вниманія заслуживаетъ расходъ по содержанію городского общественнаго управленія. Въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи онъ составлялъ около $^3/_5$ всѣхъ издержекъ этой группы и вездѣ клонился къ повышенію. Всего меньше тратила Таращa (3.100 рублей), всего больше —Черкасы (8.367 рублей). Въ самомъ Кіевѣ расходъ по содержанію городского управленія увеличился, за десять лѣтъ, въ $2^1/_2$ раза и составлялъ, въ 1880 г., почти 65 тысячъ рублей. Въ черниговской губерніи содержаніе городского общественнаго управленія поглощало немного болѣе половины всѣхъ обязательныхъ расходовъ второй группы. Въ среднемъ выводѣ оно увеличилось, со времени введенія городового положенія, въ $1^1/_2$ раза; въ трехъ городахъ оно уменьшилось, въ Черниговѣ—возросло вдвое. Въ тамбовской губерніи издержки на содержаніе городского управленія составляли почти $^1/_6$ общей суммы городскихъ расходовъ. Въ воронежской губерніи были города, въ которыхъ затраты на этотъ предметъ превышали $^1/_4$ расходнаго бюджета. Во многихъ городахъ, впрочемъ, чрезвычайно быстро росли и другіе, болѣе производительные расходы. Черниговъ, напримѣръ, тратилъ на учебную часть въ 1871 г., т.-е. въ моментъ введенія городового положенія, 348 рублей, въ 1880 г.—5.151 рубль, т.-е. въ пятнадцать разъ больше. Въ Глуховѣ этотъ расходъ поднялся съ нуля до девяти тысячъ, въ Кіевѣ — съ $6^1/_2$ тысячъ почти до пятидесяти, въ Черкасахъ—съ тысячи двухсотъ почти до семнадцати тысячъ рублей. Тамбовъ расходовалъ на учебныя заведенія, въ 1879 г., около 58 тысячъ, Воронежъ—болѣе 31 тысячи, Моршанскъ —до 16 тысячъ, Острогожскъ—болѣе 13 тысячъ рублей (болѣе четверти всего обыкновеннаго расходнаго бюджета). Нельзя не замѣтить, однако, что заботливостью городского управленія среднія учебныя за-

веденія часто пользовались въ бóльшей мѣрѣ, чѣмъ низшія. Въ маленькомъ Кролевцѣ, напримѣръ, рядомъ съ *однимъ* мужскимъ начальнымъ училищемъ существовала женская прогимназія. Глуховъ началъ съ прогимназіи и потомъ уже сталъ открывать начальныя училища. Въ Черкасахъ начальныхъ училищъ не было вовсе, но къ городскому двухклассному училищу присоединилась мужская прогимназія. Воронежъ истратилъ почти сто тысячъ на постройку дома для реальнаго училища и ассигновалъ болѣе 16 тысячъ на его содержаніе, а начальныхъ училищъ онъ имѣлъ только *четыре* (три мужскихъ и одно женское), стоившихъ ему около 7¾ тысячъ. Острогожскъ содержалъ на свои средства *двѣ* прогимназіи, мужскую и женскую,—и только *одно* начальное училище.

Несмотря на незначительность средствъ, остававшихся у городовъ на необязательные расходы, многіе изъ нихъ сдѣлали не мало для улучшенія городского благоустройства, въ особенности по части освѣщенія и замощенія улицъ. Въ тамбовской губерніи только два города ничего не тратили на освѣщеніе; въ двухъ городахъ на этотъ предметъ расходовалось около 1000 рублей, въ Тамбовѣ—около 5000 руб., въ Воронежѣ—до 8 тысячъ. Въ черниговской губерніи, послѣ введенія городового положенія, освѣщеніе улицъ предпринято вновь въ двухъ городахъ, усилено—въ двухъ другихъ. Въ Кіевѣ введено газовое освѣщеніе; четыре уѣздныхъ города кіевской губерніи приступили къ устройству керосиновыхъ фонарей. На устройство мостовыхъ Кіевъ истратилъ при дѣйствіи новыхъ порядковъ, въ теченіе семи лѣтъ, около 350 тысячъ рублей. Уѣздные города, хотя и медленно, начинали слѣдовать примѣру своего губернскаго города. Въ черниговской губерніи мощеніе улицъ подвигалось впередъ только въ Черниговѣ и Глуховѣ. Въ тамбовской губерніи, наоборотъ, исключеніе составляли города, ничего не тратившіе на мостовыя; воронежская губернія занимала, въ этомъ отношеніи, среднее положеніе. Правильная организація водоснабженія была подъ силу только большимъ городамъ—Кіеву, Чернигову, Воронежу. Больнымъ мѣстомъ городовъ была вездѣ санитарная часть. Обязательныя постановленія по этому предмету издавались многими городскими думами, но исполнялись весьма плохо. Расходы на очистку улицъ и т. п. были, большею частью, крайне незначительны. Немного, вообще говоря, было сдѣлано городами и по врачебной части,—но это, до извѣстной степени, объясняется тѣмъ, что въ бóльшей части городовъ имѣются земскія больницы.

Данныхъ, приведенныхъ до сихъ поръ, вполнѣ достаточно для правильнаго освѣщенія картины, представляемой нашими городами при дѣйствіи городового положенія 1870 г. Главныя ея черты совершенно одинаковы на юго-западѣ, въ центрѣ и на юго-востокѣ

Россіи [1]). Общій выводъ, къ которому она неотразимо приводитъ, можетъ быть формулированъ такъ: все несовершенное и нежелательное въ дѣятельности городского общественнаго управленія зависитъ прежде всего отъ избирательной системы, созданной городовымъ положеніемъ 1870 года. Если, несмотря на то, городамъ удалось сдѣлать не мало полезнаго, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ жизненной силы, свойственной самоуправленію. Подробную мотивировку этихъ двухъ положеній мы постараемся представить въ слѣдующемъ обозрѣніи.

Положеніемъ 12-го іюля 1889 г. дѣятельность земскихъ участковыхъ начальниковъ поставлена на почву закона въ гораздо большей степени, чѣмъ это предполагалось въ оффиціальныхъ проектахъ судебно-административной реформы. Административно-карательная власть новыхъ должностныхъ лицъ введена въ сравнительно-тѣсныя рамки; такъ-называемое распорядительное производство по дѣламъ уголовнымъ отброшено вовсе, и „рѣшенія" нигдѣ не замѣняются приказами; правила о доказательствахъ заимствованы почти всецѣло изъ судебныхъ уставовъ; подсудность самихъ земскихъ начальниковъ и подвѣдомственныхъ имъ волостныхъ судовъ опредѣлена почти столь же точно, какъ и подсудность чисто-судебныхъ учрежденій. Никому не дано права возводить на степень проступковъ дѣянія, не предусмотрѣнныя ни общими, ни спеціальными уголовными законами. Даже административная дѣятельность земскихъ начальниковъ не освобождена отъ законныхъ нормъ, не предоставлена всецѣло личному усмотрѣнію. Столь существенное различіе между первоначальнымъ замысломъ и совершившимся фактомъ не могло не возбудить недоразумѣній, вольныхъ и невольныхъ. Теоретикамъ и практикамъ произвола не могло понравиться ни уравненіе земскихъ начальниковъ, въ отношеніи къ порядку разбора судебныхъ дѣлъ, съ городскими судьями, ни сохраненіе въ силѣ, одинаково для тѣхъ и другихъ, многихъ основныхъ началъ состязательнаго процесса. „Состязательный процессъ и земскій начальникъ",—поспѣшила воскликнуть, при первомъ знакомствѣ съ процессуальными правилами 29-го декабря, московская реакціонная газета,—„какъ-то не вяжутся вмѣстѣ". Столь же несовмѣстимымъ съ предвзятымъ мнѣніемъ о земскомъ начальникѣ должно было показаться и многое другое. Въ мечтахъ любителей „старины" земскому начальнику предназначалось чуть не всемогущество до-реформеннаго помѣщика; легко ли было примириться съ отмѣняемостью его рѣшеній, съ ограниченностью его карательной власти?

[1]) О послѣднемъ шла рѣчь въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи.

Ему предуготовлялась роль патріарха, начальника клана, отца, окруженнаго безусловно-послушными дѣтьми; легло ли было пріучиться видѣть въ немъ только должностное лицо, облеченное строго-опредѣленными полномочіями? Ожидалось одно, получилось совершенно другое; отсюда неизбѣжность разочарованія со стороны предубѣжденныхъ зрителей, ошибокъ и колебаній—со стороны нѣкоторыхъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ. Яркимъ отраженіемъ того и другого служатъ слѣдующіе факты, сообщенные „Гражданиномъ" (№ 279), со словъ одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Въ данномъ (газетою не названномъ) уѣздѣ постоянно ростетъ число жалобъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ. Въ продолженіе перваго мѣсяца со времени введенія въ дѣйствіе новаго закона ихъ было только семь, въ продолженіе второго мѣсяца—27, третьяго—48, четвертаго—около ста. Всего проще, конечно, было бы объяснить это обстоятельство увеличивающимся числомъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ и постановленныхъ рѣшеній; но князь Мещерскій и его собесѣдникъ думаютъ иначе. Населеніе—такъ разсуждаютъ эти господа—сочло земскихъ начальниковъ за особенныхъ посланцевъ Царя, съ широкими правами и сильною властью. Жаловаться на земскаго начальника казалось безнадежнымъ, и потому его рѣшеніямъ подчинялись охотно и даже благоговѣйно (!). Но когда крестьяне убѣдились, что уѣздный съѣздъ отмѣняетъ и „ломаетъ" рѣшенія земскихъ начальниковъ, и отмѣняетъ, такъ сказать, „придираясь къ буквѣ закона", то они стали относиться къ земскимъ начальникамъ съ мѣньшимъ уваженіемъ и страхомъ, и первымъ выраженіемъ этого отношенія явились учащенныя жалобы на рѣшенія земскихъ начальниковъ. Явленіе это признается „въ высшей степени знаменательнымъ и весьма печальнымъ". Отмѣна рѣшеній, постановленныхъ земскими начальниками, приписывается преимущественно вліянію судебныхъ членовъ уѣзднаго съѣзда, часто составляющихъ въ немъ большинство, за неприбытіемъ земскихъ начальниковъ. „Еслибы послѣдніе—читаемъ мы дальше—съѣзжались аккуратно, то вмѣстѣ съ предводителемъ они образовали бы большинство и постановляли рѣшенія *не только по буквѣ закона, но и по соображеніямъ чисто-практическаго свойства, въ интересахъ порядка и правительственной власти*". За общими положеніями слѣдуютъ примѣры, еще болѣе характеристичные. „Въ одномъ участкѣ волостной старшина постановилъ предать волостному суду крестьянина за то, что онъ *допустилъ себя* (такъ было и озаглавлено дѣло: за *допущеніе себя къ приводу* по этапу) привести по этапу изъ губернскаго города. Волостной судъ, принимая въ соображеніе, что крестьянинъ такой-то очевидно велъ жизнь безпорядочную или довелъ себя до того, что высланъ былъ на мѣсто родины по этапу, постано-

вилъ: для вразумленія подвергнуть его наказанію 20 ударами розогъ. Кто рѣшился бы не признать въ этомъ приговорѣ полнаго удовлетворенія самой строгой идеѣ правосудія? Обвиняемый подалъ жалобу въ уѣздный съѣздъ. На съѣздѣ представители *буквы закона* заявили, что это приговоръ незаконный, такъ какъ нѣтъ закона, признающаго *допущеніе себя до привода по этапу* проступкомъ; но предсѣдатель и земскіе начальники признали это рѣшеніе волостного суда не подлежащимъ отмѣнѣ, такъ какъ весьма *желательно*, чтобы волостные старшины предавали волостному суду крестьянъ не за одни предусмотрѣнные закономъ проступки, но и за дѣянія, въ которыхъ усматривается дурная жизнь, неуваженіе къ нравственности, къ семьѣ, къ отеческой власти и т. д., и по большинству голосовъ, не взирая на протестъ представителей буквы закона, приговоръ суда отмѣненъ не былъ". Въ другомъ случаѣ, наоборотъ, взяла верхъ „буква закона", потому что земскихъ начальниковъ на-лицо было мало. „Крестьянинъ позволилъ себѣ, войдя въ сельское училище, оскорбить при всѣхъ ученикахъ священника-законоучителя словомъ, за то, что послѣдній наказалъ его сына, поставивъ на колѣни. Священникъ жалобы не подалъ, такъ какъ, по церковному уставу, священникъ, если въ ссорѣ съ однимъ изъ своихъ прихожанъ, не можетъ преподавать таинства причащенія. Попечитель школы узнаетъ объ этомъ событіи и подаетъ жалобу, вмѣсто священника, земскому начальнику. Земскій начальникъ призываетъ обвиняемаго, и послѣдній сознается въ нанесенномъ имъ священнику оскорбленіи. Земскій начальникъ приговариваетъ виновнаго къ аресту на 1 мѣсяцъ. Виновный подаетъ апелляціонную жалобу въ съѣздъ. Съѣздъ усматриваетъ въ рѣшеніи земскаго начальника нарушеніе закона, на основаніи котораго нельзя привлекать къ отвѣтственности за оскорбленіе безъ жалобы о томъ потерпѣвшаго, и постановляетъ отмѣнить рѣшеніе земскаго начальника, подвергнувъ обвиняемаго штрафу въ 25 рублей за нарушеніе тишины и порядка посредствомъ оскорбленія, нанесеннаго въ публичномъ мѣстѣ лицу, которое, по своему положенію, имѣетъ право на особенное уваженіе со стороны обвиняемаго". По мнѣнію „Гражданина",—„случай этотъ въ высшей степени интересенъ и характеренъ, какъ поводъ къ сопоставленію буквы закона съ судомъ свободной совѣсти. Никто не станетъ спорить о томъ, что земскій начальникъ въ данномъ случаѣ нарушилъ въ своемъ рѣшеніи букву закона, но всякій, въ то же время, согласится съ тѣмъ, что нарушеніе это фиктивно, такъ какъ, въ виду того, что священникъ права жаловаться не имѣетъ, есть полное основаніе попечителя школы признавать передъ судомъ за повѣреннаго или замѣстителя защитника. Да и въ интересахъ съѣзда земскихъ начальниковъ они должны

были поступиться строгостью формализма и утвердить такое рѣшеніе одного изъ своихъ сотоварищей, такъ какъ отъ утвержденія этого рѣшенія должно зависѣть обнародованіе, такъ сказать, со стороны съѣзда уваженія своего къ сану священника, во-первыхъ, и къ судейскому авторитету земскаго начальника—во-вторыхъ. Вотъ почему самъ собою является вопросъ: не сдѣлано ли, при составленіи наказа земскимъ начальникамъ, значительнаго опущенія тѣхъ многочисленныхъ случаевъ въ сельской жизни, которые надо было предвидѣть и которые вызываютъ настоятельную надобность такого, напримѣръ, дополнительнаго пункта или примѣчанія: земскій начальникъ можетъ при судебномъ разбирательствѣ дѣлъ уголовныхъ сообразоваться съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, не только точно, но и примѣнительно. Никакого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этодополненіе къ закону о земскихъ начальникахъ имѣло бы громадное практическое значеніе въ области судебнаго вѣденія земскихъ начальниковъ: 1) тѣмъ, что возвысило бы ихъ авторитетъ въ глазахъ населенія; 2) уменьшило бы въ значительныхъ размѣрахъ количество приговоровъ, отмѣняющихъ рѣшенія земскихъ начальниковъ, и 3) уменьшило бы количество апелляціонныхъ жалобъ въ уѣздномъ съѣздѣ земскихъ начальниковъ"...

Еслибы всѣ эти изумительныя разсужденія были только измышленіемъ „Гражданина", они, конечно, не требовали бы и не заслуживали бы опроверженія; но въ связи съ фактами, подавшими къ нимъ поводъ, они пріобрѣтаютъ весьма серьезное значеніе. Волостной судъ создаетъ, собственною властью, новое преступленіе, неизвѣстное нашимъ законамъ: *допущеніе себя къ приводу по этапу*. Насъ приглашаютъ видѣть въ этомъ приговорѣ „полное удовлетвореніе самой строгой идеи правосудія" (!)—и вмѣстѣ съ тѣмъ намъ сообщаютъ, что именно такъ взглянуло на дѣло большинство уѣзднаго съѣзда, составленное изъ предводителя дворянства и земскихъ начальниковъ. Этого мало: большинству съѣзда приписывается возведеніе частнаго случая на степень общаго правила, поощреніе волостныхъ старшинъ къ возбужденію судебныхъ преслѣдованій *не за одни только проступки, предусмотрѣнные закономъ*. Вѣдь это не болѣе и не менѣе, какъ присвоеніе уѣзднымъ съѣздамъ и даже волостнымъ судамъ законодательной власти! Только законъ можетъ опредѣлить, что̀ именно составляетъ проступокъ, подлежащій наказанію; только законъ можетъ расширить компетенцію суда и область уголовной кары. Даже высшимъ судамъ предоставлено прибѣгать къ толкованію по „аналогіи" только при назначеніи наказанія, а не при опредѣленіи преступленія; что̀ же сказать о распространительномъ примѣненіи закона, ввѣряемомъ четыремъ крестьянамъ и одному писарю—или хотя

бы коллегіи землевладѣльцевъ, съ небольшою примѣсью юридическаго элемента? Каково было бы положеніе крестьянъ, еслибы волостному суду дозволялось привлекать къ отвѣтственности за „дурную жизнь"? Много ли найдется людей, которыхъ, съ бòльшей или мѐньшей натяжкой, нельзя было бы заподозрить и обвинить въ „неуваженіи къ нравственности"?.. По закону 12-го іюля, тѣлесное наказаніе можетъ быть назначаемо волостнымъ судомъ только за проступки, прямо въ законѣ перечисленные—а волостной судъ, въ данномъ случаѣ, призналъ возможнымъ назначить его при совершенномъ отсутствіи какого бы то ни было проступка, и большинство уѣзднаго съѣзда утвердило рѣшеніе суда! Чтò такое, наконецъ, „допущеніе себя къ приводу по этапу"? Приводъ по этапу можетъ имѣть самыя различныя основанія: онъ можетъ быть вызванъ совершеніемъ какого-либо противозаконнаго дѣянія, просрочкой паспорта, замедленіемъ въ полученіи новаго вида на жительство, скопленіемъ въ данномъ мѣстѣ большого числа лицъ, ищущихъ и не находящихъ работы, наконецъ—простымъ недоразумѣніемъ со стороны высылающей власти. Въ первомъ случаѣ приводимый по этапу уже понесъ наказаніе, и наказывать его еще разъ—значило бы нарушать правило: non bis in idem. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о *винѣ*, а слѣдовательно, и о наказаніи. Весьма тяжкимъ, по крайней мѣрѣ для большинства приводимыхъ, является уже самый приводъ по этапу. Человѣкъ оторванъ, быть можетъ, отъ занятій, доставлявшихъ ему средства къ жизни, возвращенъ на родину, гдѣ ему нечего ѣсть, подвергнутъ лишеніямъ и неудобствамъ, сопряженнымъ съ вынужденнымъ путешествіемъ. И ко всему этому оказывается нужнымъ прибавить наказаніе, да еще какое наказаніе! Это не „удовлетвореніе правосудія", а самая явная надъ нимъ насмѣшка... Примѣръ, приведенный „Гражданиномъ", доказываетъ прямо противоположное тому, чтò хочетъ вывести изъ него эта странная газета: онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что нельзя жертвовать закономъ въ пользу „соображеній практическаго свойства" или „суда свободной совѣсти".

Домогаясь для земскихъ начальниковъ права „сообразоваться съ закономъ не только точно, но и примѣнительно", эта газета имѣетъ въ виду нѣчто иное, гораздо бòльшее: она требуетъ, въ сущности, права *во се не сообразоваться съ закономъ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стòитъ только обратить вниманіе на второй фактъ, сообщаемый „Гражданиномъ". Для обвиненія крестьянина въ оскорбленіи священника—это признаетъ и „Гражданинъ"—необходима была, по закону, жалоба самого обиженнаго. Другими словами, при отсутствіи жалобы дѣло объ *оскорбленіи* не могло быть начато вовсе; не

могло, слѣдовательно, состояться и обвинительнаго по этому предмету приговора. Настаивать на наказаніи за *оскорбленіе*—значило стоять не за „примѣнительное соображеніе съ закономъ", а за явное его нарушеніе. Еслибы въ пользу священниковъ и слѣдовало допустить исключеніе изъ общаго правила о порядкѣ возбужденія преслѣдованія за обиду [1]), то установить такое исключеніе во всякомъ случаѣ могла бы только законодательная власть; забѣгать впередъ и предвосхищать ея рѣшеніе никто не въ правѣ. На почвѣ закона—единственно умѣстной для суда—не могло быть другого выхода кромѣ того, на которомъ остановилось большинство уѣзднаго съѣзда. Проступокъ крестьянина не былъ оставленъ безъ наказанія—и вмѣстѣ съ тѣмъ было соблюдено коренное процессуальное правило, обязательное для новыхъ учрежденій въ такой же мѣрѣ, какъ и для старыхъ. Уваженіе къ сану священника вполнѣ совмѣстно съ уваженіемъ къ закону; забыть о послѣднемъ, чтобы „обнародовать" первое—значитъ нарушить основную, важнѣйшую обязанность суда.

Оставить въ силѣ явно противозаконный приговоръ нужно было, съ точки зрѣнія „Гражданина", и потому, что его отмѣна должна была поколебать „судейскій авторитетъ" земскаго начальника. Болѣе фальшиваго аргумента нельзя себѣ представить. Судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда—не товарищескій кружокъ, руководствующійся правиломъ: рука руку моетъ, не общество взаимнаго страхованія ошибокъ и правонарушеній. Если обжалованное рѣшеніе противорѣчитъ закону, оно должно быть отмѣнено, какъ бы это ни было непріятно для земскаго начальника. Отъ отмѣны рѣшеній судебною палатою не страдаетъ „авторитетъ" окружного суда, отъ отмѣны рѣшеній сенатомъ не страдаетъ „авторитетъ" судебной палаты; гдѣ же основаніе предполагать, что отъ отмѣны рѣшеній уѣзднымъ съѣздомъ пострадаетъ „авторитетъ" земскаго начальника? Чтó бы ни говорили газетные поклонники новаго учрежденія, „непогрѣшимость" земскаго начальника остается такой же фикціей, какъ его „всевѣденіе" и „всемогущество" (припомнимъ письмо земскаго начальника, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи),—а вводить фикціи въ обиходъ дѣйствительной жизни и опасно, и безполезно... Допуская обжалованіе рѣшеній земскаго начальника, законъ 12-го іюля установилъ, конечно, не пустую формальность; онъ возложилъ на уѣздный съѣздъ всѣ обязанности второй судебной инстанціи, а тяжущимся и подсудимымъ предоставилъ право, пользованіе которымъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно быть смѣши-

[1]) Мы не знаемъ, существуетъ ли церковное правило, въ силу котораго священникъ не можетъ быть истцомъ и обвинителемъ; но на самомъ дѣлѣ онъ бываетъ нерѣдко и тѣмъ, и другимъ.

ваемо съ „неуваженіемъ къ власти". Если крестьяне той мѣстности, о которой идетъ рѣчь въ „Гражданинѣ", полагали сначала, что на земскаго начальника жаловаться нельзя или неудобно, то это было явное заблужденіе—и можно только радоваться тому, что оно болѣе не существуетъ.

Впрочемъ, оплотъ и охрану противъ науськиваній и нашептываній реакціонной печати земскіе начальники могутъ найти въ напутствіяхъ, съ которыми обращаются къ нимъ губернаторы. „Вамъ предстоитъ,— читаемъ мы, напримѣръ, въ рѣчи курскаго губернатора,—воспитать народъ *въ уваженіи къ закону*". Однимъ изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ служитъ, безъ сомнѣнія, примѣръ; чтобы внушить народу уваженіе къ закону, земскіе начальники должны, прежде всего, сами вездѣ и всегда оставаться на почвѣ законности. Для этого, въ свою очередь, необходимо дать себѣ ясный отчетъ въ предѣлахъ и характерѣ власти земскаго начальника. „Съ недѣлю тому назадъ,—сообщено было недавно въ „Сынѣ Отечества", — прибылъ въ Улому (череповецкаго уѣзда, новгородской губерніи) вновь назначенный земскій начальникъ Николай Семеновичъ Юреневъ. Въ такое короткое время почти весь свой участокъ, состоящій изъ 5-ти волостей, онъ успѣлъ объѣздить и знакомилъ мѣстное населеніе съ новымъ судопроизводствомъ. Прежде всего онъ обратилъ свое вниманіе на молодое поколѣніе и воспретилъ ему, послѣ 8 часовъ вечера, ходить по улицамъ и пѣть пѣсни съ пиликаніемъ на гармоникахъ; запретилъ также и бесѣды (?), и нѣкоторыхъ изъ молодежи уже посадилъ въ кутузку, съ обѣщаніемъ на будущее время угостить ихъ березовою кашицею". Перепечатывая это извѣстіе, „Новости" совершенно основательно недоумѣваютъ, „съ какого резона можетъ быть запрещено, да еще подъ страхомъ березовой каши, участіе въ бесѣдахъ и хожденіе по улицамъ послѣ восьми часовъ вечера?" Тѣлесное наказаніе можетъ быть назначено волостнымъ судомъ за *нарушеніе общественной тишины*; но подъ это понятіе не подходитъ, конечно, ни пѣніе пѣсенъ, ни игра на гармоникѣ, ни, тѣмъ менѣе, бесѣда, устроенная въ четырехъ стѣнахъ крестьянской избы. Въ другомъ уѣздѣ новгородской губерніи земскій начальникъ объявилъ крестьянамъ ввѣреннаго ему участка слѣдующее „первое административное распоряженіе": „чтобы сряду же, и не позже десяти дней, въ озимыхъ поляхъ были вычищены, а гдѣ нужно и прорыты новыя канавы, такъ чтобы ни одна полоса не отмякла; зимою же заготовить матеріалъ для изгородей". На какомъ законѣ основано это распоряженіе, за неисполненіе котораго крестьянамъ грозятъ „строгою отвѣтственностью"? Прорытіе и чистка канавъ—не повинность, обязательная для крестьянъ, а хозяйственная мѣра, цѣлесообразность и своевременность которой должна быть опредѣляема ими

самими. По статьѣ 39-й положенія 12-го іюля земскому начальнику принадлежитъ попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ, по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ, указаннымъ въ пунктахъ 8 и 16 ст. 51 и въ пунктахъ 2 и 3 статьи 78 общаго положенія о крестьянахъ. Къ занимающему насъ вопросу можетъ имѣть отношеніе только пунктъ 8 ст. 51, по которому вѣденію сельскаго схода подлежатъ, между прочимъ, „совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ". Къ „совѣщаніямъ о благоустройствѣ" едва ли можно отнести мѣры по прорытію канавъ, заготовкѣ изгородей и т. п.; онѣ подходятъ скорѣе подъ пун. 6 той же 51 статьи, предоставляющій вѣденію сельскаго схода дѣла по общинному пользованію мірскою землею—а къ этой категоріи дѣлъ ст. 39 положенія о земскихъ начальникахъ вовсе не примѣнима. Во всякомъ случаѣ ст. 39 возлагаетъ на земскаго начальника не властное рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ деревенскому благоустройству, а только *попеченіе* о нихъ. Въ этой сферѣ онъ можетъ только совѣтовать, рекомендовать, руководить, но не приказывать и требовать. Рядомъ съ благоустройствомъ въ ст. 39 упоминается о „нравственномъ преуспѣяніи" крестьянъ; неужели и оно должно стать предметомъ предписаній? Принужденіе никого еще не сдѣлало ни хорошимъ хозяиномъ, ни нравственнымъ человѣкомъ.

Мы видѣли уже, что распоряженіе земскаго начальника по предмету „бесѣдъ" и игры на гармоникѣ сопровождалось угрозой „березовой каши", т.-е. тѣлеснаго наказанія. Это не мѣшаетъ замѣтить, въ виду статьи „Гражданина" („По поводу розогъ", № 281), неожиданно и непривычно апеллирующей къ „буквѣ закона". „Оригинальная" газета считаетъ нужнымъ на этотъ разъ напомнить, что положеніе 12-го іюля не облекаетъ земскаго начальника правомъ присуждать къ розгамъ, а наоборотъ, уполномочиваетъ его замѣнять тѣлесное наказаніе, опредѣленное по рѣшенію волостного суда, другою карательною мѣрой, менѣе тяжкою. Никто въ этомъ никогда и не сомнѣвался—но даже и „Гражданину" должны быть извѣстны средства воздѣйствія на волостной судъ. Волостные судьи назначаются изъ числа кандидатовъ, избранныхъ сельскими сходами, подвергаются взысканіямъ со стороны земскаго начальника, онъ же устраняетъ ихъ отъ должности (впредь до окончательнаго удаленія ихъ уѣзднымъ съѣздомъ) повѣряетъ правильность ихъ рѣшеній, предписываетъ имъ приступить къ разсмотрѣнію того или другого дѣла, и т. д. При такихъ условіяхъ рѣшеніе волостного суда, а слѣдовательно и назначенное имъ наказаніе, легко можетъ быть, иногда, не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ прямо или косвенно выраженной

личной воли земскаго начальника. Всякій понимаетъ трудность ослушанія въ подобномъ случаѣ. Не ручаясь за точность всѣхъ подробностей, упоминаемъ о слѣдующемъ происшествіи, случайно дошедшемъ до нашего свѣденія: въ одномъ изъ уѣздовъ черниговской губерніи кто-то изъ сельскаго причта, жалуясь на систематическое похищеніе у него индюшекъ, заподозрилъ въ кражѣ одиннадцати-лѣтняго крестьянскаго мальчика Павла Н., а его домашнихъ—въ соучастіи въ кражѣ. Разсмотрѣвъ прошеніе обвинителя, земскій начальникъ призналъ, что въ данномъ случаѣ всего удобнѣе подвергнуть виновнаго (11-лѣтняго мальчика) тѣлесному наказанію по рѣшенію волостного суда, и согласно тому предписалъ г—скому волостному суду немедленно разобрать это дѣло, безъ вызова обвинителя, а виновнаго Павла Н. подвергнуть наказанію. Волостной судъ, имѣя въ виду несовершеннолѣтіе Павла Н., но вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняясь оставить безъ исполненія предписаніе земскаго начальника, нашелъ „болѣе цѣлесообразнымъ“ „примѣнить“ тѣлесное наказаніе къ взрослому старшему брату обвиняемаго, Өедору Н., который, въ виду смерти отца, долженъ былъ присматривать за младшимъ братомъ. Такой дипломатическій приговоръ волостного суда былъ отмѣненъ уѣзднымъ съѣздомъ на томъ законномъ основаніи, что несовершеннолѣтніе не могутъ быть наказуемы тѣлесно по приговору суда. Если и допустить, что земскій начальникъ вовсе не желалъ вліять на приговоръ волостного суда, то, очевидно, самъ волостной судъ опасался дѣйствовать какъ-нибудь противъ его мнѣнія и предпочелъ постановить противное закону... Не слѣдуетъ забывать, что функціи волостного суда, насколько онѣ касаются тѣлеснаго наказанія, присвоиваются у насъ, сплошь и рядомъ, и другими властями, менѣе высоко поставленными въ крестьянской іерархіи. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ на-дняхъ слѣдующій „приказъ“ волостного старшины шиповской волости, ефремовскаго уѣзда (тульской губерніи), данный кропотовскому сельскому старостѣ: „Предписываю старостѣ—завтра собери сходъ и объяви крестьянамъ, чтобы они всѣ обязательно къ субботѣ уплатили числящіяся повинности по всѣмъ сборамъ, и если по провѣркѣ мною кто-либо не уплатитъ повинностей, то тотъ будетъ наказанъ въ присутствіи схода розгами“. Комментаріи къ этому „приказу“ волостного старшины были бы излишни: источникомъ его служатъ нравы.

Весьма характеренъ во многихъ отношеніяхъ фактъ „обвиненія“ земскаго начальника, разсказанный въ № 38 „Недѣли“. Не излагая дѣла во всей подробности, приведемъ только обвинительные пункты, послужившіе поводомъ къ временному устраненію обвиняемаго отъ должности земскаго начальника. „Земскій начальникъ N. еще до занятія имъ этой должности принималъ участіе въ воскресныхъ бесѣдахъ съ простымъ народомъ, учрежденныхъ въ цѣляхъ борьбы со

штундою. Читались имъ книги не духовнаго содержанія, а сочиненія графа Льва Толстого, изданія „Посредника", описанія историко-богословскихъ событій, какъ напримѣръ, чтеніе объ Іоаннѣ Гусѣ. Затѣмъ предполагалось, но не состоялось чтеніе о Мартинѣ Лютерѣ. Земскій начальникъ не соблюдаетъ предписаній и обрядовъ православной церкви, не бываетъ въ церкви, не бываетъ у исповѣди и св. причастія; онъ чрезвычайно энергиченъ, лично присутствуетъ на всѣхъ сельскихъ сходахъ и на каждомъ разборѣ дѣлъ въ волостныхъ судахъ ввѣреннаго ему участка большинство рѣшеній волостныхъ судовъ пишетъ своей рукой. При земскомъ начальникѣ состоятъ и состояли разныя лица безъ опредѣленныхъ занятій и нынѣ находится нѣкто Z., играющій столь видную роль при земскомъ начальникѣ, что народонаселеніе задается иногда вопросомъ: господинъ ли N. или господинъ Z. состоитъ у нихъ земскимъ начальникомъ. Этотъ Z. является иногда уполномоченнымъ отъ земскаго начальника на сельскихъ сходахъ и тамъ разъясняетъ различные вопросы народу, во время разбора дѣлъ въ волостныхъ судахъ находится между тяжущимися и направляетъ дѣла къ тому исходу, котораго желаетъ земскій начальникъ N., а исходъ этотъ иногда съ явнымъ пристрастіемъ постоянно направляется въ пользу наиболѣе бѣднаго лица. Вообще характеръ дѣятельности, убѣжденій и взглядовъ земскаго начальника N. не соотвѣтствуетъ занимаемой имъ должности". Назначеніе N. земскимъ начальникомъ состоялось по указанію мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства, но через нѣсколько мѣсяцевъ послѣдній заявилъ губернатору, что сожалѣетъ о данной имъ рекомендаціи. Мы получили, съ двухъ различныхъ сторонъ, подробныя свѣденія, относящіяся, очевидно, къ этому же самому дѣлу. Не сообщая ихъ во всемъ ихъ объемѣ, замѣтимъ только, что въ двухъ волостяхъ, которыми завѣдывалъ N., было въ высшей степени развито кулачество, угнетавшее и разорявшее крестьянъ. Земскій начальникъ (получившій высшее юридическое образованіе) приступилъ къ энергичной борьбѣ съ кулаками, памятуя, вѣроятно, что именно къ ней приглашалъ земскихъ начальниковъ мѣстный губернаторъ [1]). Онъ разъяснилъ сельскимъ обществамъ, что если эксплуатація чужого труда производится односельцемъ, то высылка его зависитъ отъ общественнаго приговора; въ противномъ случаѣ можно ходатайствовать о высылкѣ черезъ земскаго начальника. Главнымъ орудіемъ противъ кулачества N. хотѣлъ, и отчасти успѣлъ, сдѣлать волостные

[1]) Въ циркулярѣ губернатора, распубликованномъ, въ свое время, во всеобщее свѣдѣніе, сказано было, между прочимъ: „если вы замѣтите, что въ участкахъ вашихъ завелся ростовщикъ, высасывающій народъ, кабатчикъ-закладчикъ, спаивающій народъ, принимайте противъ него мѣры, а если вы дойдете до предѣловъ вашей власти, обращайтесь ко мнѣ".

суды. Онъ распорядился, чтобы прошенія въ волостной судъ писались безплатно, во всякое время, секретаремъ суда, а два раза въ недѣлю принимались бы дежурнымъ волостнымъ судьею, обязаннымъ давать просителямъ всѣ нужныя объясненія. Что касается до устныхъ просьбъ, то съ ними можно было обращаться какъ къ дежурному члену суда, такъ и къ волостному старшинѣ и къ земскому начальнику. Волостные писаря были совершенно устранены отъ дѣлъ волостного суда. Волостные суды стали повѣрять всѣ, даже формальные документы не съ одной только внѣшней стороны, т.-е. присуждать не тѣ суммы, которыя означены въ документахъ, а тѣ, которыя оказывались дѣйствительно взятыми должникомъ. Опека надъ сиротами перестала быть пустой фразой. Погорѣльцамъ предоставлено было получать страховыя суммы, впредь до высылки ихъ земской управой, изъ мірскихъ капиталовъ безпроцентно, и этимъ самымъ закрытъ былъ для кулаковъ одинъ изъ главныхъ источниковъ разживы. Если всѣ эти свѣденія достовѣрны, то нетрудно объяснить себѣ невзгоду, постигшую земскаго начальника; нетрудно объяснить себѣ и громовую статью, написанную „Московскими Вѣдомостями" противъ „Недѣли". „Недѣля" позволила себѣ предложить вопросъ: „не составляетъ ли защита бѣдныхъ крестьянъ отъ мѣстныхъ кулаковъ задачу власти, близкой къ народу?" „Задача власти, — возражаетъ московская реакціонная газета,—есть вовсе не созданіе распущенности въ деревенскомъ населеніи, не разжиганіе аппетитовъ всякаго пропойцы, только потому, что онъ имѣетъ счастье быть „наиболѣе бѣднымъ", не объявленіе внѣ закона всякаго, имѣющаго несчастіе трудомъ, бережливостью и умомъ выбиться изъ нищеты. Подобная тактика власти цѣлесообразна только тогда, если власть имѣетъ въ виду добиться популярности у голытьбы, кулаки и топоры которой ей для чего-нибудь нужны. Такъ бываетъ въ правительствахъ революціонныхъ. Задача же законной власти есть поддержаніе и охрана безусловной *справедливости*, нелицепріятной ни къ богатымъ, ни къ бѣднымъ. Если кулакъ мошенничаетъ, грабитъ, сократите его, возьмите подъ уздцы, но не потакайте и бѣдному, если онъ мошенничаетъ или грабитъ. Богатство и бѣдность дѣло случайное. Нынче богатъ, завтра бѣденъ, и наоборотъ. А справедливость одна, постоянная, вѣчная". Очевидно, это вовсе не отвѣтъ на вопросъ „Недѣли", а просто защита кулаковъ, не нарушающихъ уголовнаго закона. Если богатство „кулака" не пріобрѣтено явнымъ „мошенничествомъ" и „грабежемъ", то это еще не значитъ, чтобы оно было пріобрѣтено „бережливостью, умомъ и трудолюбіемъ"; если крестьянинъ бѣденъ, то это еще не значитъ, чтобы онъ былъ „пропойцей". Въ гражданскихъ дѣлахъ, сплошь и рядомъ, оказывается противорѣчіе между формальной и матеріальной правдой, почти

всегда невыгодное именно для менѣе имущихъ. Стремленіе раскрыть это противорѣчіе и устранить его результаты и составляетъ ту „защиту бѣдныхъ“, о которой заботился, повидимому, обвиняемый земскій начальникъ. Она не идетъ въ разрѣзъ съ справедливостью, если только не понимать подъ именемъ справедливости то—summum jus, синонимомъ котораго служитъ—summa injuria.

Въ „Гражданинѣ“ ведется съ нѣкоторыхъ поръ усердная агитація въ пользу увеличенія содержанія земскихъ начальниковъ. На этомъ пунктѣ, какъ и на многихъ другихъ, съ газетой кн. Мещерскаго сошлись „Московскія Вѣдомости“. До какой степени проблематична необходимость мѣры, рекомендуемой ультра-реакціонной печатью, объ этомъ можно судить уже потому, что къ числу противниковъ ея принадлежатъ „Новое Время“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“. „Порядочному (?!) человѣку“,—по увѣренію „Гражданина“,—нельзя прожить въ деревнѣ, съ канцеляріею, за 2.200 рублей въ годъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ выводятъ отсюда, что „порядочные люди“, о которыхъ печется кн. Мещерскій, не имѣютъ ни кола, ни двора, но обладаютъ, зато, чисто городскими или петербургскими вкусами. „Должность земскихъ начальниковъ, — продолжаетъ газета г. Авсѣенко,—не синекура, учрежденная для благородныхъ, но обѣднѣвшихъ „порядочныхъ людей“, и не хлѣбное мѣстечко для неимѣющихъ штатной должности петербургскихъ чиновниковъ, а чисто мѣстная функція, представляющая дополненіе къ общественной роли дворянина-землевладѣльца“. Не слѣдуетъ забывать, что 2.200 рублей, составляющіе содержаніе земскаго начальника, были *максимальной* цифрой содержанія уѣздныхъ мировыхъ судей; многіе изъ послѣднихъ получали до самаго конца 1.500 или 1.800 рублей, и все-таки находили возможность выѣзжать, для разбора дѣлъ, въ разные пункты своего участка.

Приказами по министерству внутреннихъ дѣлъ, состоявшимися въ концѣ сентября и первой половинѣ октября, утверждены вновь двадцать-одинъ земскій начальникъ (одиннадцать офицеровъ, семь гражданскихъ чиновниковъ, двое бывшихъ городскихъ судей, одинъ потомственный дворянинъ) и четырнадцать кандидатовъ къ земскимъ начальникамъ; *назначено* тринадцать земскихъ начальниковъ (восемь офицеровъ и пять гражданскихъ чиновниковъ). Замѣчательно велико число уволенныхъ и перемѣщенныхъ земскихъ начальниковъ. Число первыхъ, въ двухъ только приказахъ, достигаетъ *одиннадцати*, изъ которыхъ лишь двое служили въ губерніяхъ, гдѣ положеніе 12-го іюля введено еще зимою, а остальные *девять* только-что получили мѣста земскихъ начальниковъ. Перемѣщено изъ одного участка въ другой, также двумя приказами, *тридцать* земскихъ начальниковъ; изъ нихъ двадцать-пять остались въ предѣлахъ того же уѣзда, а пятеро пере-

ведены въ другой уѣздъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что многіе земскіе начальники живутъ не въ своихъ имѣніяхъ, что̀, помимо другихъ неудобствъ, конечно, располагаетъ ихъ къ недовольству своимъ матеріальнымъ положеніемъ...

Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда мы прочли въ газетѣ циркуляръ нижегородскаго губернатора, обращенный къ земскимъ начальникамъ его губерніи. Повторяя, что земскіе начальники должны внушать хорошимъ людямъ — довѣріе и симпатію, худымъ—страхъ, губернаторъ продолжаетъ: „для обузданія послѣднихъ (т. е. худыхъ людей) земскимъ начальникамъ даны сравнительно широкія права взысканій и наказаній, которыя имѣютъ тѣмъ бо̀льшую силу, чѣмъ случаи примѣненія ихъ болѣе справедливы и рѣдки, а потому употреблять наказанія слѣдуетъ съ крайней осмотрительностью. Между тѣмъ до моего свѣдѣнія дошло, что нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ приступили къ собиранію свѣдѣній о неприведенныхъ въ исполненіе приговорахъ дореформенныхъ волостныхъ судовъ, громогласно заявляя, что всѣ приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ и прочихъ карахъ ими, земскими начальниками, будутъ приведены въ исполненіе. Считаю нужнымъ обратить вниманіе земскихъ начальниковъ на то, что одна изъ причинъ, вызвавшихъ самую реформу, была неудовлетворительность волостныхъ судовъ, въ которыхъ весьма часто водка и подкупъ руководили приговорами, замѣняя собою справедливость и безпристрастіе судей. Въ числѣ земскихъ начальниковъ есть много лицъ, весьма молодыхъ, начинающихъ свою служебную карьеру и желающихъ скорѣе заявить свою дѣятельность. Способъ огульнаго исполненія приговоровъ старыхъ волостныхъ судовъ, конечно, заставитъ замѣтить дѣятельность земскаго начальника, но способъ этотъ можетъ быть и весьма опрометчивъ и очень вреденъ какъ для успѣха самаго дѣла, такъ и для упроченія довѣрія населенія къ своему новому начальству. Поэтому покорнѣйше прошу земскихъ начальниковъ нижегородской губерніи смотрѣть на приговоры бывшихъ волостныхъ судовъ, какъ на матеріалъ, которымъ слѣдуетъ пользоваться съ крайней осмотрительностью, не упуская изъ виду ст. 29 Высочайше утвержденныхъ 12-го іюля 1889 г. правилъ о волостномъ судѣ“ [1]). Это распоряженіе губернатора представляется какъ нельзя болѣе основательнымъ. Можно только удивляться, что нѣкоторые земскіе начальники, да еще изъ числа молодыхъ людей, избрали такое средство „заявленія о своей дѣятельности“, какъ огульное исполненіе приговоровъ, присуждающихъ къ тѣлесному наказанію.

---

[1]) Эта статья уполномочиваетъ земскаго начальника замѣнять тѣлесное наказаніе, опредѣленное волостнымъ судомъ, другою карательною мѣрой.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Письмо въ редакцію.

Засѣданія общаго собранія общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ Петербургѣ, 15—19-го апрѣля сего года, помимо прямого, непосредственнаго значенія для членовъ этого общества, представляютъ, мнѣ кажется, общій интересъ и заслуживаютъ потому, чтобы о главномъ предметѣ ихъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Въ Высочайшемъ указѣ 3-го іюня 1885 года повелѣно было, между прочимъ: „подвергнуть ближайшему соображенію и разработкѣ вопросъ о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для облегченія, при помощи государственнаго дворянскаго земельнаго банка, нынѣшняго положенія заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита“. Точно также, 6-го марта сего года, г. министръ финансовъ сообщилъ представителямъ общества, что по докладѣ имъ Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія членовъ заемщиковъ, бывшихъ въ общемъ собраніи 7-го февраля с. г., Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) „чтобы министръ финансовъ немедленно занялся разработкою вопроса о возможности дальнѣйшихъ облегченій для членовъ общества, и 2) чтобы его, министра финансовъ, соображенія по сему предмету были представлены на Высочайшее воззрѣніе въ установленномъ порядкѣ“. Послѣднее Высочайшее повелѣніе было также сообщено правленію общества въ отзывѣ г. министра, отъ того же 6-го марта.

Въ этихъ оффиціальныхъ документахъ объ уничтоженіи общества взаимнаго поземельнаго кредита и о сліяніи его съ дворянскимъ банкомъ нигдѣ ничего не говорилось—между тѣмъ въ публикѣ, да и въ печати, вопросъ объ этомъ уничтоженіи и сліяніи выступилъ на первый планъ. Замѣчательно, что онъ одинъ и составлялъ предметъ всѣхъ разговоровъ у насъ здѣсь, да и во всей провинціи, передъ собраніемъ 15-го апрѣля, а еще болѣе, въ Петербургѣ, въ началѣ сессіи этого собранія. Этотъ вопросъ осложнился еще весьма распространеннымъ въ публикѣ соображеніемъ, будто бы сохраненіе существованія общества полезно однимъ членамъ его правленія и зависящимъ отъ него служащимъ,—для незаинтересованныхъ же службою

въ обществѣ, членовъ-заемщиковъ, переходъ долга въ казенное управленіе безусловно выгоденъ. Большинство не только послѣдняго собранія (что̀ и выказалось въ голосованіи 16-го апрѣля), но,—на сколько можно судить,—громадное большинство членовъ-заемщиковъ общества взаимн. позем. кредита, разсѣянныхъ по всей Россіи, имѣло только одно опасеніе, что желаемый переходъ въ казенное управленіе не состоится. Такой взглядъ, нисколько не вызываемый высказаннымъ въ указѣ 3-го іюня 1885 г. желаніемъ помочь членамъ-заемщикамъ, представляетъ собою фактъ, на которомъ нельзя не остановиться. Не разъ я старался уже въ печати доказать, что главной причиной настоящаго положенія всего землевладѣнія служатъ вовсе не тѣ или другія мѣропріятія, прямо до него относящіяся, существующія или требуемыя, но взглядъ самого землевладѣнія на свое положеніе. Во время же вышеупомянутаго собранія изъ рѣчей, произнесенныхъ въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ, а еще болѣе изъ частныхъ разговоровъ до открытія собранія и во время перерывовъ его, я вполнѣ убѣдился, что высказанное мною не разъ мнѣніе безусловно вѣрно. Въ засѣданіи 18-го апрѣля было, конечно, много и убѣдительно говорено о тяжести срочныхъ платежей, но какъ изъ словъ говорившихъ, такъ и изъ рѣшенія собранія можно вывести только одно заключеніе, а именно, что все дѣло состоитъ въ нѣкоторомъ облегченіи этихъ платежей—и затѣмъ задолженное землевладѣніе вполнѣ можетъ существовать. О бездоходности же сельскаго хозяйства при настоящихъ, столько лѣтъ установившихся, низкихъ цѣнахъ на его продукты никто не намекнулъ ни единымъ словомъ.

I.

Общество взаимнаго поземельнаго кредита представляетъ собой чрезвычайно любопытное явленіе. Какъ юридическое лицо, это общество находилось въ блестящемъ положеніи. Несмотря на совершонную, три года тому назадъ, при тяжелыхъ условіяхъ, конверсію своихъ металлическихъ закладныхъ листовъ, его бумаги котировались сравнительно очень высоко. Металлическіе закладные его листы, пользующіеся нынѣ гарантіей правительства, не имѣютъ значенія, какъ доказательство солидности и успѣшности дѣятельности общества, но листы, выпущенные имъ въ послѣднее время на кредитную валюту и не имѣющіе никакой правительственной гарантіи, безусловно доказываютъ платимою за нихъ публикой цѣною, что общество пользуется солиднымъ довѣріемъ на денежномъ рынкѣ. Еще недавно, до выпуска дворянскимъ банкомъ своего выигрышнаго займа, ссуда

подъ залогъ земли въ обществѣ взаимн. позем. кредита, при нѣсколько благопріятныхъ условіяхъ, представлялась самой выгодной, какую только можно было получить въ Россіи. Кромѣ сего, общество за послѣдніе три года имѣло прибылей, въ круглыхъ цифрахъ, около *двухъ-сотъ-пятидесяти тысячъ рублей* ежегодно. Несомнѣнно, уничтоженіемъ коллегіальныхъ мѣстныхъ отдѣленій, рѣшенномъ январскимъ собраніемъ сего года, получается такое сокращеніе расходовъ, которое значительно увеличитъ эти прибыли. Нельзя не припомнить при этомъ, что коллегіальный составъ мѣстныхъ отдѣленій былъ учрежденъ по требованію оппозиціи въ тѣхъ шумныхъ собраніяхъ общества, которыя были послѣдствіемъ извѣстной растраты. Помню очень хорошо, что послѣ долгихъ и горячихъ преній, собраніе согласилось на это увеличеніе расходовъ только послѣ рѣчи основателя общества, графа А. П. Бобринскаго, высказавшаго, что идея оппозиціи создать самостоятельные мѣстные органы обѣщаетъ, до извѣстной степени, нѣкоторую пользу при дальнѣйшемъ развитіи общества.

Несомнѣнно, что общество взаимн. позем. кредита, какъ кредитное учрежденіе, пользовалось безусловнымъ довѣріемъ денежнаго рынка и, вслѣдствіе сего, представляло собою задатки прочнаго и, скажу болѣе, общеполезнаго существованія. Послѣднее, т.-е. общеполезность его дѣятельности ясна изъ того факта, что и нынѣ выдаваемыя имъ ссуды по кредитной валютѣ гораздо выгоднѣе тѣхъ, которыя можно получить отъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ. Это все совершенно вѣрно,—но это только одна сторона дѣла, хозяева же самаго долга, члены-заемщики общества, въ рукахъ которыхъ,—разумѣется, черезъ выбранныхъ ими лицъ,—находилось веденіе всего дѣла, при блестящемъ его положеніи несли весьма существенные, непосильные убытки. Въ сущности, какой интересъ члену-заемщику, хоть, напримѣръ, пензенской губерніи, что выпускаемыя обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ, бумаги пользуются довѣріемъ денежнаго рынка, составляютъ любимое помѣщеніе сбереженій и котируются на биржѣ сравнительно высоко, когда онъ, по давно полученной имъ ссудѣ, болѣе чѣмъ затрудненъ уплатой срочнаго платежа. Еще менѣе интереса общее блестящее положеніе общества представляетъ тому его члену-заемщику, имѣніе котораго попало въ тотъ скорбный листъ объявленныхъ на продажу съ аукціона имѣній, который дважды въ годъ занимаетъ не одинъ столбецъ газетъ, въ коихъ эти публикаціи обязательны. Итакъ, общество взаимнаго поземельнаго кредита представляетъ замѣчательно рѣзкую двойственность въ обликѣ своего существованія. Съ одной стороны, блестящая внѣшняя обстановка центральнаго управленія, казовая сторона обще-

ства, съ другой же—членъ-заемщикъ, хозяинъ того же общества, не выручившій отъ продажи своего хлѣба достаточно, чтобы покрыть требуемый съ него срочный платежъ, и прибѣгающій ко всякаго рода займамъ или сдѣлкамъ для спасенія своего имѣнія отъ продажи. Очень понятно, что при такой двойственности хозяинъ долга, членъ-заемщикъ, не только равнодушенъ къ положенію и даже существованію своего общества, но скорѣе враждебенъ ему.

Все, какъ видно, сводится къ непосильной тягости срочныхъ платежей, и въ ней, въ этой тягости, мы должны искать ту причину тѣхъ требованій въ обществѣ взаимн. позем. кредита, которыя окончились уничтоженіемъ его. Люди компетентные уже давно указывали, какъ въ обществѣ, такъ и внѣ его, что все зло происходитъ отъ счета на металлическую валюту. Въ разнообразныхъ органахъ печати говорилось то же самое. Дѣйствительно, при курсѣ, превышавшемъ чуть не вдвое номинальную стоимость рубля, срочный платежъ становился крайне тяжелымъ. До войны 1877—78 г. этотъ платежъ съ зачетомъ прибылей, бывшихъ тогда весьма значительными, немного превышаетъ пять рублей съ сотни ссуды; послѣ войны, при постоянно усиливавшемся паденіи курса, срочный платежъ сталъ постепенно рости; вмѣстѣ съ тѣмъ, прибылей уже не было, вслѣдствіе прекращенія выпуска закладныхъ листовъ на металлическую валюту. Постановленіями общихъ собраній срочный платежъ былъ опредѣленъ въ 7 р. 80 коп., въ 8 р. кредитныхъ; но этого размѣра не хватало для оплаты дѣйствительной стоимости металлическаго срочнаго платежа, и недостающее по курсовой разницѣ записывалось особымъ долгомъ на каждаго заемщика. Долгъ этотъ впослѣдствіи сбалансировался займомъ въ государственномъ банкѣ подъ залогъ особыхъ облигацій, выпускъ которыхъ былъ разрѣшенъ правительствомъ 22-го мая 1884 г. Наконецъ, въ 1887 году, была произведена правительствомъ конверсія пятипроцентныхъ металлическихъ закладныхъ листовъ въ таковые же четырехъ съ половиною процентные—и срочный платежъ былъ неизмѣнно опредѣленъ въ 7 р. 76 коп. съ сотни металлической ссуды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство, даровавъ свою гарантію на нововыпущенные закладные листы, потребовало для себя прямого участія въ управленіи дѣлами общества. Вслѣдствіе сего былъ назначенъ представитель министерства финансовъ ad latus правленію общества, и участіе его было обязательно во всѣхъ рѣшеніяхъ правленія. Болѣе чѣмъ двѣнадцатилѣтніе тяжелые срочные платежи, оплаченные членами-заемщиками общества взаимнаго поземельнаго кредита къ 15-му апрѣлю 1890 года, привели къ слѣдующему результату: срочный платежъ фиксированъ въ 7 р. 76 коп. съ каждой сотни металлической ссуды; на каждую таковую сотню числится девять рублей кредит-

ныхъ особаго долга, и вообще заемъ каждаго продолженъ на *пятьдесятъ-шесть* лѣтъ отъ 1887 года. Кромѣ сего, каждый заемщикъ потерялъ безвозвратно свой складочный капиталъ, составлявшій *пять* процентовъ (металлическими рублями) съ сотни полученной имъ металлической ссуды. Этотъ складочный капиталъ былъ поглощенъ вышеупомянутой конверсіей. Вотъ краткая историческая справка положенія членовъ-заемщиковъ общества взаимн. позем. кредита, какимъ оно было къ 15-му апрѣля сего года. Для полноты картины необходимо прибавить, что Высочайше утвержденными 12-го мая 1881 года правилами общество получило разрѣшеніе выпускать закладные листы на кредитную валюту; операція эта, постепенно развиваясь, стала доставлять порядочныя прибыли, о которыхъ я уже упоминалъ, и о которыхъ мнѣ придется еще не разъ говорить.

Дѣйствительно, общественное мнѣніе вполнѣ вѣрно приписывало одной металлической валютѣ или, лучше сказать, низкому ея курсу тягостное положеніе членовъ-заемщиковъ общества взаимн. позем. кредита. Вѣрно также и то, что существующій неизмѣнно опредѣленный размѣръ срочнаго платежа не можетъ быть признанъ легкимъ. Въ сущности, онъ болѣе чѣмъ на 40% превышаетъ номинальный размѣръ. Фиксированъ срочный платежъ въ 7 р. 76 коп. кредитныхъ; слѣдуетъ же—4 р. 90 6/10 к. металлическихъ. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ общество показало свое полное безсиліе въ борьбѣ одними своими средствами съ низкимъ курсомъ рубля. Прибыли, пріобрѣтенные имъ отъ операціи ссудъ на кредитную валюту, составляютъ, какъ мы видѣли, около 25 копѣекъ на сотню металлической ссуды и врядъ ли могутъ быть признаны достаточнымъ ручательствомъ лучшаго будущаго. Притомъ вопросъ объ употребленіи прибыли былъ окончательно разрѣшенъ только въ послѣднемъ собраніи. Въ январской сессіи сего года общее собраніе общества, по предложенію г. Навроцкаго, пришло къ заключенію, что зачетъ прибылей въ срочные платежи не составитъ ощутительнаго облегченія въ платежахъ заемщиковъ, и что для послѣднихъ было бы выгоднѣе, еслибы прибыли шли на усиленіе срочнаго погашенія металлическихъ ссудъ. Это заключеніе было окончательно одобрено послѣднимъ собраніемъ въ засѣданіи 19-го апрѣля сего года. Заключеніе это съ особенной яркостью доказываетъ указанное мною безсиліе самого общества бороться съ пагубными послѣдствіями низкаго курса. Всего яснѣе это видно изъ слѣдующаго, приблизительнаго разсчета. Предположимъ, что прибыли достигнутъ размѣра, показаннаго правленіемъ въ его докладѣ послѣднему собранію, т.-е. *тридцати-пяти копѣекъ* на сотню металлической ссуды; предположимъ также, что курсъ не будетъ болѣе понижаться, а, напротивъ, нѣсколько будетъ выше того,

который принятъ правленіемъ въ томъ же докладѣ, т.-е. что для погашенія сотни металлической ссуды потребуется не 145 рублей кредитныхъ, а всего только—скажемъ—140 р.; сколько же лѣтъ придется откладывать *тридцати-пяти-копѣечную* годовую прибыль, чтобы образовать вспомогательный фондъ, способный довести размѣнъ металлической ссуды на кредитную—не скажу al pari, т.-е. рубль за рубль, а хотя бы на 20% выгоднѣе настоящаго курса? Въ десять лѣтъ фондъ этотъ составитъ 3 р. 50 коп. на сотню металлической ссуды; въ *двадцать* лѣтъ—*семь рублей*; въ *сорокъ* лѣтъ —*четырнадцать* рублей. Врядъ ли можно признать существенной помощью для перехода съ металлической валюты на кредитную рѣшеніе откладывать на сей предметъ тѣ прибыли, которыми можетъ располагать общество взаимн. позем. кридита. Случайность повышенія курса именно во время собранія, 15—19-го апрѣля, чуть не на сумму таковыхъ прибылей за десять лѣтъ, указала, полагаю, очень убѣдительно, что не въ нихъ, этихъ прибыляхъ, надо искать основанія для спасенія членовъ-заемщиковъ общества отъ металлической валюты. Для разъясненія рѣшенія собранія необходимо имѣть въ виду, что общество, разочарованное конверсіей 1887 года, очень понятно, ударилось бы въ своихъ стремленіяхъ избавиться отъ курса совершенно въ противоположную сторону. Необходимо разъяснить это нѣсколько подробно. Всякая конверсія есть облегченіе настоящаго нѣкоторымъ отягощеніемъ будущаго. Я разумѣю конверсію, какъ въ данномъ случаѣ, амортизаціоннаго займа, т.-е. такого, въ которомъ разъ опредѣленнымъ срочнымъ платежомъ ежегодно погашается постепенно сама ссуда, полученная отъ этого займа. Погашеніе это, ничтожное въ началѣ ежегодныхъ платежей по амортизаціонному займу, съ теченіемъ времени значительно ростетъ, и вслѣдствіе сего ликвидація такого займа, замѣнъ его новымъ, помимо выгодности или невыгодности условій самой конверсіи, тѣмъ убыточнѣе, чѣмъ долѣе платились бы по этому займу проценты и погашеніе. Выгода отъ пріобрѣтенной годами значительности размѣра погашенія теряется безвозвратно при конверсіи, и тѣмъ самымъ отсрочивается возможность совершенно освободиться отъ займа. Каково положеніе, созданное конверсіей 1887 г. членамъ заемщикамъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, мы уже видѣли. Очень понятно, что только одна нужда въ настоящемъ могла подвинуть на таковое отягощеніе будущаго. Разсмотримъ вкратцѣ это настоящее, т.-е. срочные платежи, въ которыхъ единственно и сказывается тяжесть займа. Судя по квитанціямъ дѣйствительнаго взноса этого платежа за 10 лѣтъ,—въ 1880, въ 1885 и 1886 гг. онъ составлялъ 8 р. кр. на сотню металлической ссуды; въ 1884 г.—8 р. 66 к.; въ 1881, 1882 и 1883 гг.—7 р. 80 к.,

и въ 1887 г.—7 р., а съ 1888 г., благодаря конверсіи, 7 р. 76 коп. Если принять цифру 8 р., какъ нормальную, то все облегченіе, полученное отъ конверсіи 1887 г., въ срочномъ платежѣ окажется *24 копѣйки*. Очень понятно, что послѣ такого результата общее собраніе было скорѣе подвинуто заботиться объ улучшеніи будущности положенія своихъ членовъ, чѣмъ объ облегченіи ихъ въ настоящемъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что зачетъ прибылей въ текущій, срочный платежъ, по самому относительному значенію цифръ обѣихъ величинъ, является цѣлесообразнѣе, чѣмъ капитализація ихъ. Во всякомъ случаѣ, куда бы ни зачисляли эти прибыли, онѣ все же составляютъ собственность каждаго заемщика, а слѣдовательно, и имущественную жертву, приносимую имъ на предметъ уравненія курса нашей валюты. Будетъ эта жертва поглощена курсомъ въ текущемъ году или черезъ нѣсколько лѣтъ, это—дѣло вкуса и взгляда, въ сущности же оно безразлично.

Послѣ всего вышесказаннаго, полагаю, вполнѣ ясно, что двѣнадцатилѣтнія невзгоды членовъ-заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита и настоящее тягостное ихъ положеніе—всецѣло зависѣли и зависятъ отъ низкаго уровня нашей валюты,—а также, что общество одними своими средствами и силами было безсильно, да пожалуй, и не могло успѣшно бороться съ этимъ низкимъ уровнемъ. Для полной характеристики настроенія послѣдняго общаго собранія нельзя не упомянуть о безусловномъ недовѣріи большинства собранія ко всякой мысли, убѣжденію, доказательству возможности прочнаго повышенія этого курса. Отъ всѣхъ, почти безъ исключенія, слышалась только одна готовность даже на значительныя жертвы, лишь бы избавиться отъ металлической валюты.

Я не стану передавать предложеній г. министра финансовъ послѣднему общему собранію общества взаимн. позем. кредита; съ нимъ всѣ ознакомились изъ газетъ. Нельзя сказать, чтобы оно представляло полное разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи отъ металлической валюты, этой задушевной мечты всѣхъ членовъ-заемщиковъ общества; но во всякомъ случаѣ оно составляетъ существенное облегченіе положенія заемщиковъ. Какъ въ настоящемъ, однако, казенномъ управленіи дѣлами общества взаимн. позем. кредита, такъ и при бывшемъ его самоуправленіи главнымъ факторомъ улучшенія положенія членовъ-заемщиковъ этого общества все же остается неизмѣнно тотъ же курсъ нашей валюты. Только отъ одного прочнаго его повышенія можетъ произойти это улучшеніе и, наконецъ, полное освобожденіе отъ случайностей курса. Въ сущности, основаніе этого положенія хотя нѣсколько облегченнаго, хотя нынѣ нѣсколько гарантированнаго отъ дальнѣйшаго пониженія курса, нисколько не измѣнилось, а

осталось совершенно то же. Самая гарантія заемщиковъ отъ дальнѣйшаго пониженія курса, принятая отнынѣ правительствомъ на себя, въ сущности, нисколько не измѣняетъ настоящаго положенія заемщиковъ по главному вопросу о полномъ ихъ освобожденіи отъ металлической валюты. Въ статьѣ 7 вышеупомянутаго предложенія г. министра, опредѣляющей размѣръ срочнаго платежа, сказано: „всѣ могущіе оказаться при такомъ платежѣ недостатки, для исполненія обязательствъ общества по металлическимъ его закладнымъ листамъ, возмѣщаются правительствомъ безъ записи таковыхъ возмѣщеній долгомъ за заемщиками". По статьѣ 3 того же предложенія, суммы по операціямъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, могущія оставаться свободными за исполненіемъ обязательствъ общества, покрытіемъ расходовъ на управленіе его дѣлами и по возмѣщеніи долга дворянскому банку, „причисляются къ наличному на 1 іюля 1890 года запасному капиталу и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ фондъ, назначенный на пополненіе возможныхъ потерь какъ на курсѣ, такъ и по другимъ уставнымъ операціямъ; остающаяся, за покрытіемъ сихъ потерь, свободная часть сего фонда обращается въ пользу заемщиковъ, соразмѣрно суммамъ ихъ металлическихъ ссудъ, и зачитывается имъ при полномъ погашеніи сихъ послѣднихъ какъ черезъ окончаніе срока займа, такъ и черезъ досрочную уплату долга". Согласно затѣмъ 12 статьѣ того же предложенія, всѣ, такъ сказать, активныя операціи общества, которыя могли бы доставить ему какія бы то ни было прибыли, прекращаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу 13 и 14 статей того же предложенія, отдѣльное, самостоятельное существованіе общества сохраняется въ видѣ особаго отдѣла дворянскаго банка.

Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что сколько-нибудь значительные остатки, употребленіе которыхъ регулируетъ 3 статья предложенія г. министра финансовъ, могутъ произойти только отъ повышенія курса. Именно во время послѣдняго собранія (15—19 апрѣля), какъ я уже упоминалъ, курсъ нашей валюты повысился настолько, что, согласно ему, размѣръ срочнаго платежа былъ ниже опредѣленнаго вышеупомянутымъ предложеніемъ. Очевидно, что главнымъ основаніемъ предположеннаго 3 статьей предложенія фонда будетъ курсовая разница, если, разумѣется, она будетъ. Очевидно также, что г. министръ, согласно мнѣнію общаго собранія общества, какъ январьскаго, такъ и послѣдняго, принялъ направленіе противоположное тому, которое привело къ конверсіи 1887 года. Во всякомъ случаѣ, нельзя не повторить, что успѣхъ этого направленія, возможность полнаго освобожденія отъ металлической валюты будетъ все же, какъ и прежде, всецѣло зависѣть только отъ прочнаго повышенія курса. При таковомъ прочномъ повышеніи только и можетъ образоваться предпо-

ложенный вспомогательный фондъ и имѣть значеніе при освобожденіи отъ металлической валюты тѣмъ бо̀льшее, чѣмъ это освобожденіе, благодаря тому же повышенію курса, сдѣлается само по себѣ возможнымъ. При новомъ же и сколько-нибудь долговременномъ паденіи курса, согласно вышеупомянутой 3-й статьи, предположенный фондъ будетъ быстро поглощенъ курсовой разницей срочныхъ платежей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желанное освобожденіе отъ металлической валюты настолько сдѣлается убыточнымъ, что будетъ, какъ и нынѣ, вполнѣ невозможнымъ.

Послѣднее собраніе общества взаимнаго поземельнаго кредита, 16-го апрѣля сего года, большинствомъ голосовъ, уставомъ опредѣленнымъ, уничтожило самоуправленіе этого общества. Передъ таковымъ рѣшеніемъ всякому члену, заемщику этого общества, каковы бы ни были его личныя убѣжденія, ничего другого не остается, какъ преклониться. Позволительно однако пожалѣть объ уничтоженіи учрежденія, которое первое создало въ Россіи правильный земельный кредитъ, и починъ котораго послужилъ основаніемъ и примѣромъ для послѣдующихъ однородныхъ учрежденій. Въ настоящую минуту было бы неумѣстно касаться исторіи основанія и дѣятельности общества взаимнаго поземельнаго кредита. Это предметъ, заслуживающій особаго труда. Вполнѣ кажется, однако, умѣстно вспомнить теперь съ благодарностью о той пользѣ, которую это общество принесло въ свое время отечественному землевладѣнію, и также сказать, что оно погибло отъ такъ-называемой force majeure, т.-е. отъ обстоятельствъ, отъ него не зависѣвшихъ.

II.

Все предъидущее, мнѣ кажется, выясняетъ, что тягостное положеніе членовъ-заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, какъ это неоднократно было заявлено и общими собраніями общества, единственно зависѣло и зависитъ отъ низкаго курса кредитнаго рубля, при которомъ имъ, заемщикамъ, приходилось и приходится разсчитываться по металлическому займу, заключенному подъ залогъ ихъ имѣній. Такъ ли это? Постараемся, насколько возможно, это провѣрить.

Въ земельномъ, долгосрочномъ кредитѣ, относительно уплаты по немъ, а слѣдовательно тягости или легкости его, главный факторъ, это—срочный платежъ, который заемщикъ обязанъ вносить въ извѣстные, разъ навсегда, до полнаго погашенія займа, опредѣленные сроки. Изъ предъидущаго мы видѣли, что высшій размѣръ этого платежа, который членъ-заемщикъ общества взаимн. позем. кредита

уплачивалъ, было 8 р. со ста полученной имъ металлической ссуды. Предположимъ имѣніе, заложенное по высокой мѣрѣ, а именно по *пятидесяти* рублей металлическихъ на десятину; возьмемъ это имѣніе въ *двѣсти* десятинъ съ металлическимъ, слѣдовательно, долгомъ въ *десять тысячъ рублей* на немъ. При такой высокой задолженности—значитъ, и оцѣнкѣ—мы въ правѣ считать всѣ двѣсти десятинъ производительными, и изъ нихъ, по наиболѣе распространенному у насъ трехъ-польному сѣвообороту (по 66 дес. въ полѣ), 132 десятины ежегодно доходныхъ. Предположимъ, что на этихъ 132 десятинахъ собирается всякаго продажнаго хлѣба, въ среднемъ, по *пятидесяти* пудовъ съ десятины; мы тогда получимъ ежегодно—*шесть тысячъ шестьсотъ* пудовъ продажнаго зерна. При такихъ условіяхъ, годовой, срочный платежъ въ размѣрѣ *восемьсотъ* рублей кредитныхъ составитъ съ небольшимъ *двѣнадцать копѣекъ* на каждый пудъ полученнаго продажнаго зерна. Таковой срочный платежъ—говорятъ и утверждаютъ—невыносимо тяжелъ; уменьшимъ его на 20%—мы получимъ тогда 6 р. 40 коп. съ сотни металлической ссуды—размѣръ, на который врядъ ли когда-нибудь могутъ надѣяться члены-заемщики общества: годовой срочный платежъ будетъ тогда для даннаго имѣнія 640 рублей кред. Какую же выгоду получитъ тогда владѣлецъ этого имѣнія отъ предположеннаго уменьшенія срочнаго платежа?—около *трехъ копѣекъ* на пудъ имѣющагося у него на продажу зерна.

Что же изъ этого—мнѣ скажутъ—слѣдуетъ?—что жалобы членовъ-заемщиковъ въ обществѣ взаимн. позем. кредита преувеличены, невѣрны; положеніе ихъ совсѣмъ не такъ тягостно, какъ это нынѣ принято говорить и утверждать!—Нисколько; положеніе ихъ безусловно тягостно, но не отъ одного низкаго курса нашего кредитнаго рубля, а отъ совпаденія его съ пониженіемъ цѣнъ на наше зерно. Дѣйствительность указываетъ, что при настоящей бездоходности земли всякій платежъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, непосиленъ этой землѣ.

Въ трудѣ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ: „Положеніе Россіи на международномъ хлѣбномъ рынкѣ" [1]) на страницѣ 34 сказано: „вообще, благодаря ухудшенію курса, русскіе производители хлѣбовъ пользовались извѣстной преміей въ сравненіи съ сельскими хозяевами тѣхъ странъ, въ которыхъ торговыя сдѣлки совершаются на металлическую валюту". Очень можетъ быть, что положеніе русскаго землевладѣнія могло бы быть еще хуже при болѣе высокомъ курсѣ нашего кредитнаго рубля,—но фактъ несомнѣнный, что это землевладѣніе, задолженное по металлической валютѣ, сугубо страдало въ послѣднее время: и отъ паденія курса, и также

[1]) Такъ какъ мнѣ не разъ придется приводить этотъ трудъ, то я прошу позволенія обозначать его кратко: „*Положеніе Россіи на межд. рынкѣ*".

еще болѣе, гораздо болѣе—отъ паденія цѣнъ на его продукты. Это выкажется съ полной ясностью, если мы примѣнимъ существовавшія на зерно цѣны, сравнительно съ вышеуказаннымъ размѣромъ срочныхъ платежей, ко взятому нами для примѣра имѣнію.

У насъ имѣется въ доходѣ 6.600 пудовъ зерна. Въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, конечно, за исключеніемъ зимы 1880—81 года, когда цѣны были несообразно высоки, цѣна на рожь, въ среднемъ, была въ нашей сѣверно-черноземной полосѣ не ниже *пятидесяти* копѣекъ за пудъ, а скорѣе выше. По 50 коп. пудъ эти 6.600 пудовъ дадутъ валового дохода 3.300 рублей. Положимъ на обработку 132 десят., по 10 р. на десятину—1.320 р.: расходы по администраціи и хозяйственные по 2 р.—400 р.; поземельныя повинности государственныя и земскія по 50 коп.—100 р. Итого: расхода по имѣнію 1.820 рублей; прибавимъ къ нему 800 рублей срочнаго платежа и общую сумму 2.620 рублей вычтемъ изъ 3.300 р. валового дохода: получится чистый доходъ въ 680 рублей. Цѣны на наши хлѣба, какъ извѣстно, стали значительно падать съ 1885 года, когда германскимъ правительствомъ пошлина на нашъ хлѣбъ была поднята съ 30 на 50 марокъ. Въ зиму 1887--88 года, по достовѣрнымъ имѣющимся у меня свѣденіямъ, на грязе-царицынской жел. дорогѣ платили менѣе 30 коп. за пудъ ржи, доставленной на станцію. Въ нашей губерніи въ то же время платили на 2—3 копѣйки дороже, но также съ доставкой на желѣзную дорогу. Предположимъ, однако, что намъ за эти 6.600 п. зерна удалось получить по 30 коп. на мѣстѣ, безъ всякихъ расходовъ на доставку его, и мы получимъ (6.600 $\times$ 30 к.) 1.980 р. валового дохода. Хозяйственный расходъ имѣнія остается тотъ же, 1.820 р.; но прибавимъ къ нему уменьшенный, срочный платежъ, т. е. 640 (1.820 + 640), и получится 2.466 р. расхода, чтб при валовомъ доходѣ въ 1.980 р. дастъ для имѣнія дефицитъ въ 480 рублей.

Приведенный мною разсчетъ въ своихъ основаніяхъ безусловно вѣренъ относительно доходности земельной собственности при настоящихъ условіяхъ, но, разумѣется, онъ не можетъ съ математической точностью представлять положеніе земледѣльческой промышленности во всей Россіи. Мнѣ, пожалуй, замѣтятъ, что я совершенно произвольно принимаю одну рожь, какъ продуктъ обоихъ производительныхъ полей, тогда какъ именно въ яровомъ клину бываютъ посѣвы цѣнныхъ хлѣбовъ, которые значительно увеличиваютъ доходность имѣній. Прежде всего цѣнные хлѣба не только у насъ, но повсюду составляютъ сравнительно ничтожную часть засѣваемой площади; притомъ они рѣдко вполнѣ удаются, такъ какъ болѣе другихъ подвержены климатическимъ и зоологическимъ невзгодамъ. Изъ ко-

ренныхъ же яровыхъ хлѣбовъ овесъ только послѣдніе два года былъ въ цѣнѣ, а то мы его очень хорошо помнимъ по 1 р. за восьмимѣрную четверть на мѣстѣ; греча же, какъ говорятъ крестьяне, совсѣмъ отъ рукъ отбилась за послѣднія семь лѣтъ. Посему я смѣю полагать, что, принявъ 50 пудовъ ржи съ десятины за единицу, я скорѣй грѣшу въ пользу земельной доходности, такъ какъ отбрасываю совсѣмъ всѣ вымочки, вымерзки, засухи и прочіе недочеты, такъ часто случающіеся въ сельскомъ хозяйствѣ.

Относительно принятой мною общей цифры стоимости обработки земли, какъ въ озимомъ, такъ и въ яровомъ клину, также смѣю полагать, она ниже дѣйствительной, что̀, впрочемъ, впослѣдствіи будетъ ясно изъ оффиціальныхъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе считаю обязанностью указать на основанія принятаго мною разсчета.

Расходъ по обработкѣ озимой десятины:

Парка плугомъ	3 р. 50 к.
Двойка сохой	1 „ — „
Двѣ бороньбы по 50 к.	1 „ — „
Сѣвъ сохой	6 „ — „
Жнитво съ возкой сноповъ	6 „ — „
Итого	12 р. 75 к.

Расходъ яровой десятины:

Полная обработка отрядно	3 р. 50 „
Жнитво съ возкой сноповъ—5; если косьба .	4 р. — к.
Итого	7 р. 50 к.

Сложивъ эти двѣ цифры и раздѣливъ ихъ затѣмъ на два, получится десять рублей на десятину стоимости общей обработки. Я не упоминаю о двухъ очень существенныхъ хозяйственныхъ расходахъ: объ удобреніи земли, составляющемъ явленіе случайное въ черноземной мѣстности, и о расходѣ на молотьбу, такъ какъ полученной соломой—идетъ ли она въ продажу, или въ кормъ своему скоту—этотъ расходъ оплачивается.

Впрочемъ я нисколько не стою за вышеприведенный разсчетъ. Настоящее положеніе землевладѣнія подверглось изученію болѣе общему и цѣлесообразному, чѣмъ то, которое доступно частному лицу, живущему еще притомъ въ деревнѣ. На стр. 21 „Положенія Россіи на межд. рынкѣ“ средняя стоимость производства пуда пшеницы въ черноземной полосѣ Россіи опредѣлена въ 46,5 коп. кредитныхъ безъ ренты, съ рентой же—57 коп. Далѣе, тамъ же сказано, что стоимость производства пуда ржи мало чѣмъ должна разнствовать отъ таковой же пшеницы. Въ мартовской книжкѣ сего года журнала министерства государственныхъ имуществъ „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“, помѣщена очень интересная статья: „Стоимость производства главнѣйшихъ зерновыхъ хлѣбовъ“. Въ ней на основаніи 397 пока-

занiй, доставленныхъ д-ту земледѣлія и сельской промышленности изъ 23 губерній, средняя стоимость производства пуда ржи (таблица № 8) опредѣлена, не считая ренты, въ 47 копѣекъ.

Какъ бы детально ни оспаривались вышеприведенныя цифры стоимости производства пуда ржи, безспорнымъ все же, полагаю, останется тотъ фактъ, что эта стоимость превышаетъ ту цѣну, по которой этотъ пудъ продавался послѣднее время производителемъ его. Противъ этихъ цѣнъ и противъ цкфръ—никакого спора быть не можетъ. Я беру одну только рожь не для одной только краткости и не потому, что это одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ у насъ хлѣбовъ, а главное потому, что, на основаніи статистическихъ данныхъ, приведенныхъ „Положеніемъ Россіи на межд. рынкѣ“ (стр. 19), „Россія является почти единственнымъ поставщикомъ ржи на международномъ рынкѣ“. Слѣдовательно, относительно ржи мы являемся полными хозяевами сбыта этого хлѣба, такъ какъ для него не существуетъ той международной конкурренціи, о которой послѣднее время такъ много говорятъ и пишутъ. Вслѣдствіе сего, ржи вполнѣ подобаетъ быть типичной единицей при обсужденіи положенія сельскаго хозяйства и землевладѣнія въ Россіи.

Вся надежда лучшаго будущаго, это—повышеніе цѣнъ на нашъ хлѣбъ; но на стр. 38 того же „Положенія Россіи на международномъ рынкѣ“, на основаніи фактическихъ данныхъ, выведено заключеніе, что нѣтъ основанія ожидать ни значительнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ, ни значительнаго ихъ пониженія. Съ моей стороны не могу не прибавить, что при происходившемъ повышеніи курса нашей валюты и кажущейся прочности этого повышенія слѣдуетъ скорѣе ожидать у насъ пониженія хлѣбныхъ цѣнъ. Однѣ статистическія данныя неопровержимо доказываютъ, что относительно цѣнъ,—за сравнительно ничтожными, временными мѣстными исключеніями,—наша хлѣбная торговля вполнѣ зависитъ отъ международнаго хлѣбнаго рынка, гдѣ разсчетъ производится по металлической валютѣ; слѣдовательно, чѣмъ выше курсъ, тѣмъ меньше мы будемъ получать кредитныхъ копѣекъ за пудъ нашего зерна.

При настоящихъ условіяхъ производства и сбыта продуктовъ землевладѣнія,—позволю себѣ спросить,—гдѣ дѣйствительная причина тягостнаго положенія задолженнаго по металлической валютѣ русскаго землевладѣнія?

III.

Отправляясь въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ послѣднемъ собраніи (15-го апрѣля с. г.) общества взаимнаго поземельнаго кредита, я надѣялся встрѣтить—среди многочисленныхъ пред-

ставителей землевладѣнія различныхъ мѣстностей Россіи, собранныхъ по этому случаю—нѣкоторое сочувствіе къ сложившемуся у меня мнѣнію о настоящемъ положеніи этого землевладѣнія. Я считалъ вполнѣ основательными мои надежды, такъ какъ въ этомъ собраніи я ожидалъ—что̀ и подтвердилось—встрѣтить не однихъ петербургскихъ жителей, но много пріѣзжихъ изъ деревень. Дорогой надежды мои еще болѣе окрѣпли при встрѣчѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ общества, ѣхавшими—также какъ и я—для участія въ собраніи. Въ разговорахъ съ ними по пути болѣе всего слышались жалобы на настоящее положеніе сельскаго хозяйства и тягость даже такого—относительно ничтожного—расхода, какъ настоящая поѣздка въ Петербургъ. Въ первый же день собранія, вечеромъ, на частномъ совѣщаніи, бывшемъ въ помѣщеніи правленія, я увидѣлъ неосновательность моихъ надеждъ. Я заявилъ тогда, что въ нынѣшнемъ сельско-хозяйственномъ году, благодаря повышенію курса, цѣны на зерно должны еще болѣе понизиться, и тѣмъ затрудненія въ уплатѣ срочныхъ платежей еще болѣе увеличатся. Заявленіе мое никѣмъ не было поддержано и было выслушано съ тѣмъ невниманіемъ, съ которымъ относятся обыкновенно всѣ собранія къ предложеніямъ и заявленіямъ, не имѣющимъ, повидимому, никакой связи съ обсуждаемымъ предметомъ, дѣлаемымъ членами болѣе усердными, чѣмъ опытными. Впослѣдствіи, во все время моего шестидневнаго пребыванія въ Петербургѣ, правда, въ частныхъ уже разговорахъ съ членами собранія, неоднократно старался я возбуждать вопросъ о существенномъ значеніи цѣнъ на зерно для уплаты срочныхъ платежей,—но все съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ въ первый разъ,—въ моемъ, такъ сказать, оффиціальномъ заявленіи. Да и не легко было ни заводить, ни вести такого рода разговоръ. Всѣхъ, какъ сторонниковъ уничтоженія правленія, такъ и желающихъ сохранить его,—занималъ только и единственно вопросъ объ этомъ уничтоженіи. Однако мои усилія не остались вполнѣ безплодными; разговоровъ было не мало,—и вотъ, въ общихъ чертахъ, къ чему сводится то, что̀ было слышано мною: цѣны на зерно дѣйствительно низки, убыточны, но „цѣны Богъ строитъ“. При низкомъ курсѣ нашей валюты у насъ дѣйствительно были низкія цѣны на хлѣбъ; очень можетъ быть, что при высокомъ курсѣ будутъ высокія цѣны! Впередъ объ этомъ никто ничего знать не можетъ! При этомъ бывали ссылки на конкурренцію Сѣверной Америки, Индіи, Австраліи; на возможность неурожая въ этихъ отдаленныхъ странахъ и на выгодность тогда нашего положенія на всемірномъ, хлѣбномъ рынкѣ, при которой, ставъ хозяевами дѣла, мы будемъ брать за нашъ хлѣбъ то̀, что̀ захотимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не разъ мнѣ доводилось еще слышать отъ многихъ родовитыхъ, столбовыхъ дворянъ, что трудность

положенія нашего дворянскаго землевладѣнія всего болѣе зависитъ отъ того, что мы, дворяне, до сихъ поръ не научились жить по состоянію и не съумѣли бросить прежнихъ своихъ, барскихъ, затѣй. Одинъ съ увлеченіемъ высказалъ мнѣ въ концѣ своей рѣчи: „Вотъ, батюшка, прежде я курилъ гаванскія сигары по 30 р. сотню, а теперь курю рижскія по 5 р. Вотъ если мы всѣ такъ будемъ поступать, то не будемъ закладывать своихъ имѣній въ банкахъ. Разъ же мы съ вами попали въ эту проклятую золотую клѣтку—одинъ исходъ: пускай насъ возьметъ правительство и уничтожитъ все это правленіе и самоуправленіе, которое насъ погубило и губитъ".

Слышанное мною во время собранія общества взаимнаго поземельнаго кредита, 15—19-го апрѣля, само по себѣ не имѣло бы значенія, еслибы въ немъ не звучали тѣ мотивы, съ которыми давно познакомило всѣхъ и устное, и печатное слово. Разыскивать,—перешла ли эта нынѣ старая уже пѣснь изъ печати въ общественное сознаніе, или наоборотъ,—было бы несомнѣнно крайне интересно, но завело бы насъ слишкомъ далеко. Передъ нами вполнѣ опредѣлившійся взглядъ на положеніе землевладѣнія, и взглядъ, тѣмъ болѣе авторитетный, что онъ усвоенъ и высказывается представителями самого землевладѣнія. Остановимся на немъ и разсмотримъ этотъ взглядъ нѣсколько подробнѣе.

Дѣйствительно, размѣръ хлѣбныхъ цѣнъ зависитъ отъ суммы многихъ разнообразныхъ условій. Прямо и непосредственно вліять успѣшно на эти цѣны, на международномъ, особенно, рынкѣ—такъ, сейчасъ, сразу—положительно невозможно. Но каждое государство имѣетъ полную возможность облегчить, расширить и улучшить сбытъ тѣхъ произведеній его промышленности, которыя составляютъ предметъ этого сбыта. Всѣ европейскія государства вывозятъ преимущественно произведенія мануфактурной промышленности, фабричныя издѣлія; Россія одна вывозитъ въ большомъ количествѣ, а можетъ вывозить еще въ большемъ, громоздкое и, сравнительно съ фабрикатами, малоцѣнное зерно. Таковой вывозъ нисколько не исключаетъ возможности и цѣлесообразности облегченія и улучшенія его. Англія, создавшая себѣ первоклассное политическое положеніе громаднымъ развитіемъ своей промышленности и торговли, никогда не останавливалась ни передъ какими жертвами и расходами, чтобы расширить и обезпечить сбытъ своихъ произведеній. Прямой, спеціальной, непосредственной заботливости о своей промышленности она давно уже не проявляетъ, но на всемъ земномъ шарѣ, всюду, гдѣ только возможенъ сбытъ англійскихъ произведеній, гдѣ только возможна англійская торговля, всюду является представитель англійскаго правительства, англійскаго флота, а гдѣ нужно, то и цѣлый уголокъ Англіи со

всѣмъ необходимымъ для торговли и съ гарнизономъ, охраняющимъ этотъ уголокъ. Помимо расходовъ, вынуждаемыхъ содержаніемъ этихъ повсемѣстныхъ точекъ опоры, громадныя суммы тратятся Англіею въ видѣ пошлинной платы пароходнымъ обществамъ, поддерживающимъ правильное періодическое сообщеніе метрополіи чуть не со всѣми странами земли. Обыкновенно приписываютъ экономическое развитіе Англіи особенностямъ національнаго характера ея жителей, въ которыхъ развитъ личный починъ, твердо и послѣдовательно идущій къ разъ намѣченной цѣли. Никакая частная предпріимчивость, какъ бы тверда и послѣдовательна она ни была, никогда не могла бы такъ широко и успѣшно раскинуться по всему свѣту, еслибы она не имѣла благопріятной для своей выгодности, для своего развитія —среды. Если промышленность и торговля сдѣлали изъ Англіи первоклассную европейскую державу, то единственно потому, что сама Англія, создавъ благопріятныя для того условія, дала возможность своей промышленности и торговлѣ достигнуть такого замѣчательнаго развитія. Можно ли, однако, утверждать, что Англія, расширивъ сбытъ своихъ произведеній, тѣмъ самымъ обезпечила имъ извѣстный размѣръ цѣнъ?—Нисколько,—этотъ размѣръ все же остается въ зависимости отъ суммы разнообразныхъ, случайныхъ условій, которыхъ съ полной точностью предвидѣть невозможно; тѣмъ не менѣе, этотъ расширенный, облегченный рынокъ, обезпечивая сбытъ, даетъ все же прочное основаніе его выгодности.

У насъ правительство въ послѣднее время сознало также необходимость облегчить и улучшить сбытъ зерновыхъ продуктовъ, составляющихъ пока наше единственное международное богатство. Это ясно видно въ не разъ приведенномъ мною трудѣ д-та желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ, въ которомъ съ замѣчательной полнотой разработанъ вопросъ о нашей хлѣбной торговлѣ. На страницѣ 22 этого труда, говоря о меньшей, собственно, стоимости производства зерна у насъ сравнительно съ Сѣверной Америкой и Индіей, сказано: „Однако, это преимущество обращается въ ничто, если принять во вниманіе, что разнаго рода накладные и коммиссіонные расходы по транспортированію и сбыту хлѣба у нашихъ соперниковъ значительно ниже, и что въ особенности Соединенные Штаты довели организацію хлѣбной торговли до такого совершенства, при которомъ достигается и быстрота оборотовъ, и устраненіе тѣхъ многочисленныхъ посредниковъ, которые нерѣдко лишаютъ нашихъ производителей ихъ законной прибыли“.

Сознаніе одной изъ главныхъ причинъ невыгодности нашего единственнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма значительнаго сбыта—даетъ прочное основаніе надеждѣ, что эти причины будутъ устранены. Та-

ковое устраненіе не обезпечитъ, разумѣется, размѣра цѣнъ предметовъ этого сбыта, но во всякомъ случаѣ увеличитъ ту плату, которую производитель получитъ за свое произведеніе,—и увеличитъ ее настолько болѣе, насколько производителю возможно будетъ воспользоваться введенными улучшеніями сбыта. Увеличеніе же выгодности земледѣльческой промышленности составляетъ единственно вѣрное и существенное условіе успѣшнаго ея развитія. Надо сознаться, что у насъ пока ничего еще не сдѣлано по части улучшенія и облегченія хлѣбной торговли. Милліоны нашихъ сельско-хозяйственныхъ фабрикъ зерна, разсѣянныхъ по всей нашей обширной родинѣ, относительно сбыта производимаго ими этого зерна, остаются нынѣ, какъ и прежде, какъ въ старину, безусловно и вполнѣ безоружными въ борьбѣ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ съ конкуррентами несравненно лучше насъ, какъ видно, вооруженными.

Какая же причина, что до сихъ поръ земледѣльческій классъ, составляющій, какъ по правительственнымъ, такъ и частнымъ изысканіямъ, не менѣе девяти-десятыхъ всего народонаселенія Россіи, находился какъ бы въ пренебреженіи?—Причина та, что у насъ общественное мнѣніе издавна усвоило себѣ взглядъ на этотъ классъ, какъ на классъ, требующій только поученія, какъ ему жить и дѣйствовать. Въ поученіяхъ недостатка не было, но пока существенной пользы они не принесли. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы общественное мнѣніе занялось, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, изученіемъ нуждъ земледѣльческаго класса, то увеличеніе платежной его способности было бы вполнѣ обезпечено. Нельзя не сказать, однако, что въ послѣднее время вопросъ объ этомъ благосостояніи сталъ возбуждаться и въ печати, и въ бесѣдахъ, но до сихъ поръ онъ все же, такъ сказать, заслоняется издавна сознанной необходимостью поучать земледѣльческій классъ, какъ ему надо жить, пахать и даже какъ пить водку. Необходимость эта крѣпко усвоена и самимъ земледѣльческимъ классомъ. Крупный землевладѣлецъ-дворянинъ за стаканомъ чаю, во время одного изъ перерывовъ послѣдняго собранія общества взаимн. позем. кредита, указывавшій мнѣ на неумѣлость дворянъ вести свои сельско-хозяйственныя дѣла, является далеко не единичнымъ, исключительнымъ явленіемъ. Скажу болѣе: многіе мои пріятели изъ стариковъ-крестьянъ не разъ мнѣ высказывали, что „цѣны Богъ строитъ", а настоящее обѣднѣніе крестьянства происходитъ отъ того, что оно, вопреки завѣту дѣдовъ, роскошествуетъ, замѣнило прежнія лапти сапогами, домашнюю пестрядину—ситцевыми рубахами и научилось чай пить. Если обѣ части земледѣльческаго класса, и сверху, и снизу, такого мнѣнія о своемъ положеніи,—что же удивительнаго, что образованное большинство глубоко убѣждено, что какъ дворяне, такъ и крестьяне,

сами безусловно виноваты, что не умѣютъ благоденствовать, продавая за 30 копѣекъ тò, чтò, по оффиціальнымъ изысканіямъ, имъ самимъ стоитъ произвести—47 копѣекъ. Какъ ни урѣзывать эту многознаменательную цифру 47 копѣекъ,—это будетъ только бòльшее или мѣньшее ограниченіе убыточности земледѣльческой промышленности, сама же убыточность все же въ той или другой мѣрѣ останется. Такому горю существенно не поможетъ сокращеніе личныхъ расходовъ помѣстнаго дворянства (куреніе, наприм., рижскихъ сигаръ въ 5 руб.) и стараніе облагородить и упорядочить потребленіе крѣпкихъ напитковъ замѣной кабаковъ винными лавками. Да и гдѣ теперь эта барская, прежняя, веселая жизнь дворянства, о которой до сихъ поръ не перестаютъ еще толковать? Въ городахъ,—да, тамъ еще можно имѣть кое-какія развлеченія и жить съ нѣкоторымъ удовольствіемъ; но въ городахъ мы болѣе встрѣчаемъ капиталистовъ, фабрикантовъ, торговцевъ и чиновниковъ. Въ деревнѣ же,—всякій сколько-нибудь знакомый съ настоящей деревенской жизнью скажетъ, что о прежнихъ барскихъ затѣяхъ, пирахъ да банкетахъ, и помину нѣтъ; веселья, даже въ праздничные дни, мало видно. Наконецъ, откуда это сознаніе самого земледѣльческаго класса въ необходимости приниженности? Почему человѣкъ, по счастливой случайности обладающій состояніемъ, заключающимся въ процентныхъ бумагахъ, фабрикѣ или торговомъ предпріятіи, имѣетъ право на удобную и даже роскошную жизнь,—другой же, состояніе котораго, одинаковое по цѣнности, заключается въ земельной собственности, имѣетъ только обязанность безнедоимочно уплачивать и исполнять всѣ разнообразныя тягости, лежащія на его землѣ, не приносящей ему дохода? Казалось бы, земледѣльческій классъ у насъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе всякаго другого, требуетъ экономической самостоятельности. При существующемъ самоуправленіи деревни, которое врядъ ли выгодно будетъ замѣнить пришлымъ чиновничествомъ, откуда взять подходящихъ, самостоятельныхъ лицъ, одинаково необходимыхъ какъ на должность сельскаго старосты, такъ и для званія уѣзднаго предводителя,—когда все сельское населеніе озабочено только однимъ, какъ бы не накопить на землѣ такую недоимку, при которой станутъ продавать ваше имущество?

Улучшеніе настоящаго положенія землевладѣнія видятъ въ облегченіи кредита. Много было писано о крестьянскомъ кредитѣ, какъ средствѣ борьбы съ ростовщичествомъ, дѣйствительно весьма развившимся послѣднее время въ деревнѣ. Въ послѣднемъ общемъ собраніи общества взаимнаго позем. кредита обсуждалось преимущество срочнаго платежа въ 7 р. 15 коп. передъ прежнимъ въ 7 р. 76 коп., много говорилось о тягости ссудъ по металлической валютѣ и прямо и косвенно высказывались всякія предположенія о замѣнѣ металли-

ческой задолженности-кредитною. Несомнѣнно желательно освободить крестьянство отъ заѣдающаго его ростовщичества; несомнѣнно легче уплатить 7 р. 15 к., чѣмъ 7 р. 76 к. Несомнѣнно также, что намъ, русскимъ людямъ, живущимъ кредитными бумажками, тягостенъ долгъ въ металлическихъ рубляхъ, цѣнность которыхъ, какъ мы видѣли на опытѣ, можетъ быть несоразмѣрно высока. Все это безусловно вѣрно и имѣетъ безусловно важное значеніе; но гораздо важнѣе все же вопросъ объ источникѣ, изъ котораго добывается и будетъ добываться тотъ срочный платежъ, который подлежитъ уплатѣ. Источникъ этотъ—тѣ цѣны, по которымъ задолженное землевладѣніе будетъ продавать свои продукты. Поднимутся онѣ,—и уплата срочнаго платежа будетъ легка; останутся онѣ таковыми, какъ были, или еще упадутъ,—и 7 р. 15 к. будетъ непосильной тягостью. Главное основаніе всякаго кредита — возможность его оплаты, его возврата. Существуетъ ли такая возможность для земельной собственности при настоящихъ цѣнахъ на произведенія этой собственности? Полагаю въ общемъ—нѣтъ; слѣдовательно, прежде всего и болѣе всего заслуживаетъ вниманія вопросъ—*о возвращеніи земельной собственности ея прежней кредитоспособности.*

Высказанный мною взглядъ многіе, вѣроятно, признаютъ грѣшащимъ преувеличеннымъ пессимизмомъ. Въ сущности, гдѣ наглядные результаты убыточности земледѣльческой промышленности? Продано сравнительно ничтожное количество имѣній съ аукціона, и въ крестьянствѣ хлѣбородныхъ губерній замѣтно нѣкоторое стремленіе къ переселенію. Таковые факты не представляются достаточнымъ доказательствомъ той убыточности, которую я старался доказать и высказать. Что крупный землевладѣлецъ утратилъ возможность курить гаванскія сигары, а мелкій крестьянинъ не можетъ купить кумача на рубаху, завести самоваръ и долженъ вернуться къ прежней, домотканной рубахѣ и прежнему, древнему шкалику сивухи,—несомнѣнно жаль; но это еще не обѣднѣніе многочисленнаго класса народонаселенія, достигшее размѣровъ государственнаго бѣдствія. Несомнѣнно, нѣкоторый излишекъ сверхъ удовлетворенія насущныхъ потребностей желателенъ для *всего* народонаселенія, а не только для *одной* его части; но отсутствіе этого излишка еще не составляетъ такого явленія, которое требовало бы немедленныхъ и неотложныхъ мѣръ, а слѣдовательно и жертвъ со стороны правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подати, какъ прямыя, такъ и косвенныя, поступаютъ нынѣ не въ меньшемъ, противъ прежняго, размѣрѣ, и, напротивъ, государственные доходы въ послѣднее время значительно возросли. Правда, этотъ ростъ объясняется очень просто—новыми обложеніями; но во всякомъ случаѣ, по какимъ бы рубрикамъ ни поступали эти доходы, все же это извле-

ченіе средствъ изъ народонаселенія, и тягость ихъ падаетъ всего болѣе на самую многочисленную часть его. Если эта самая многочисленная часть усиленно платитъ, то какъ же можно говорить объ ея обѣднѣніи! Наконецъ, повсюду мы видимъ—правда, разрозненныя—единичныя попытки улучшенія земледѣльческой культуры; сельско-хозяйственныя выставки, сдѣлавшіяся послѣднее время очень многочисленными, свидѣтельствуютъ безспорно о дѣйствительномъ прогрессѣ нашего сельскаго хозяйства. Затѣмъ, нашъ изъ года въ годъ все увеличивающійся экспортъ зерна также служитъ безспорно убѣдительнымъ доказательствомъ роста нашей земледѣльческой промышленности. При такихъ данныхъ, — повторяю опять, — можно ли толковать объ обѣднѣніи земледѣльческой части нашего народонаселенія?

Нельзя не замѣтить, что допущеніе самой многочисленной части народонаселенія до такой острой формы обѣднѣнія, при которой это обѣднѣніе станетъ уже вполнѣ нагляднымъ,—врядъ ли желательно. Напротивъ,—казалось бы, вполнѣ желательно, чтобы въ этой части накоплялись и могли накопляться сбереженія,—могущія служить резервомъ для удовлетворенія всякихъ, иногда тяжелыхъ случайностей, отъ которыхъ никакая политика не можетъ уберечь никакое государство. Вышеприведенные факты, свидѣтельствующіе объ относительномъ развитіи нашей земледѣльческой промышленности, доказываютъ только живучесть и выносливость нашего земледѣльческаго класса. Обѣднѣніе же этого класса и значительное даже обѣднѣніе, тѣмъ не менѣе, существуетъ; но доказать его наглядно, цифровыми данными, вполнѣ убѣдительно,—невозможно. Отчасти, только отчасти можно вывести заключеніе объ обѣднѣніи нашего земледѣльческаго класса изъ сравненія цѣнъ, по которымъ продавалъ этотъ классъ свои продукты за нѣсколько лѣтъ. Очевидно, что если эти цѣны упали, то производитель получилъ меньше за свой трудъ, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше онъ продалъ своихъ произведеній по этой низкой цѣнѣ. Въ „Положеніи Россіи на межд. рынкѣ“ имѣется крайне интересная таблица движенія цѣнъ (въ металлическихъ копѣйкахъ) въ портовыхъ городахъ Россіи за пудъ главныхъ нашихъ хлѣбовъ, пшеницы и ржи, съ 1852 по 1888 годъ, по пятилѣтіямъ. Привожу ее in extenso:

	Пшеница.	Рожь.
Въ 1852—56 годахъ. . . .	67,3	52,1
„ 1857—61 „	82,4	54,5
„ 1862—66 „	73,8	53,1
„ 1867—71 „	90,7	69,2
„ 1872—76 „	97,9	64,0
„ 1877—81 „	89,6	65,6
„ 1882—85 „	71,9	57,0
„ 1884—88 „	62,6	44,1

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ *тридцать-пять* лѣтъ наше землевладѣніе не только не выиграло въ цѣнѣ своихъ произведеній, а напротивъ, потеряло въ главныхъ экспортныхъ, производимыхъ имъ, хлѣбахъ, и потеряло значительно особенно во ржи, для которой, по увѣренію того же оффиціальнаго источника, мы не имѣемъ конкуррентовъ на международномъ рынкѣ. Если, затѣмъ, принять въ соображеніе, что въ пятидесятыхъ годахъ нашъ экспортъ былъ ничтоженъ, и что онъ особенно исключительно возросъ въ послѣднее пятилѣтіе 1884—88 годовъ, когда цѣна была ниже всѣхъ предъидущихъ лѣтъ, то потеря явится дѣйствительнымъ и весьма значительнымъ убыткомъ землевладѣнія за послѣднее время.

Какъ извѣстно, иностранныя государства, покупающія и потребляющія нашъ хлѣбъ, обложили его пошлиной, и Россія сдѣлалась, такъ сказать, данницей иностранныхъ казначействъ. Благодаря тому же труду министерства финансовъ (стр. 36 и 37), мы имѣемъ точную цифру размѣра уплаченной нами за хлѣбъ пошлины въ 1888 году. Только по тремъ государствамъ эта пошлина составляетъ: по Германіи (21.491.834 р. кр.), Франціи (11.872.410 р. кр.) и Италіи (слишкомъ 15 мил. р. кр.), а всего 48,4 мил. р. кр., т.-е. слишкомъ *сорокъ-восемь милліоновъ кредитныхъ рублей*. Цифра весьма почтенная. „Положеніе Россіи на межд. рынкѣ", приводя вышеупомянутыя цифры, объясняетъ, что не вся пошлина, которою обложенъ нашъ хлѣбъ, уплачивается нами, вывозящими его, но часть этой пошлины принужденъ взять на себя заграничный потребитель нашего хлѣба. Доказывается это положеніе тѣмъ, что разница берлинской цѣны пуда нашего зерна съ антверпенской и лондонской, гдѣ нѣтъ пошлины, не составляетъ всей уплачиваемой нашимъ хлѣбомъ пошлины, а только часть ея. Я не стану оспаривать этого положенія, и замѣчу только, что для ржи тамъ же, за 1888 годъ, разница эта вычислена въ 20,78 коп. метал. на пудъ, или 82% пошлины. Если же къ этой цифрѣ прибавить тѣ 2—3 коп. метал., во что обходится дороже доставка изъ Россіи въ Берлинъ, сравнительно съ таковой въ Лондонъ и Антверпенъ, то мы увидимъ, что въ 1888 г. мы безспорно сами уплатили 90% пошлины, которою обложена наша рожь. Очень можетъ быть, что часть этой пошлины, въ концѣ концовъ, уплачивается потребителемъ нашего хлѣба, но врядъ ли отъ этого въ какомъ-либо выигрышѣ производитель сего хлѣба. При настоящемъ положеніи нашей хлѣбной торговли гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что эти сорокъ-восемь милліоновъ кредитныхъ рублей для производителя зерна составляютъ дѣйствительную его потерю.

Вотъ тѣ цифровыя данныя, по которымъ можно до нѣкоторой степени оцѣнить убытки, которые претерпѣло русское землевладѣніе

въ послѣднее время,—приблизительно, разумѣется. Несомнѣнно, эти убытки гораздо значительнѣе тѣхъ, которые можно вычислить на основаніи вышеприведенныхъ цифръ. Какъ же могло существовать русское землевладѣніе при такихъ условіяхъ и не только существовать, но до нѣкоторой степени, хотя скромно и ограниченно,—все же развиваться? Крестьянское землевладѣніе закономъ сколько-нибудь обезпечено отъ полнаго, коренного разоренія. Единственнымъ же спасеніемъ крупнаго землевладѣнія была и есть испольная система полеводства. Несомнѣнно, она представляетъ собою низшую ступень сельскаго хозяйства; несомнѣнно, при настоящемъ ея веденіи, она имѣетъ послѣдствіемъ засореніе и истощеніе почвы; но несомнѣнно также, что, при настоящихъ низкихъ цѣнахъ на зерно, она—единственно возможная форма сельскаго хозяйства у насъ. Это будетъ ясно изъ слѣдующаго поверхностнаго разсчета. Выше мною приведенъ разсчетъ стоимости обработки озимой десятины, и она опредѣлена въ 12 р. 75 к.; прибавимъ къ этой цифрѣ стоимость сѣмянъ, 8 пудовъ ржи по 30 к. пудъ — 2 р. 40 коп. Итого, значитъ, собственная обработка озимой десятины подъ рожь обойдется въ 15 р. 15 коп. Предположимъ, что мы получимъ съ такой десятины 60 пудовъ продажной ржи; по 30 коп. пудъ—это намъ дастъ 18 рублей, т.-е. 2 р. 85 коп. барыша. Сравнимъ этотъ результатъ съ тѣмъ, который получится при испольной отдачѣ земли. Весь нашъ расходъ ограничится половиной сѣмянъ, т.-е. 4 пуда по 30 коп. или 1 р. 20 коп. Отъ испольной, сошной пашни мы не въ правѣ ожидать 60 пудовъ съ десятины, а болѣе вѣроятно, что получимъ только 50 пудовъ; половина, т.-е. 25 пудовъ, чтó по 30 коп. пудъ дастъ намъ 7 р. 50 к., а за вычетомъ 1 р. 20 к. расхода на сѣмена—6 р. 30 коп. чистаго барыша. Доходъ отъ испольной обработки земли не только выше того, который, при низкихъ цѣнахъ на зерно, получается отъ собственнаго хозяйства, но онъ свободенъ отъ всякихъ крупныхъ затратъ, которыя въ сельскомъ хозяйствѣ всегда соединены съ большимъ рискомъ. При болѣе высокихъ цѣнахъ преимущество остается за собственнымъ хозяйствомъ, и оно настолько крупно, что можетъ покрыть и рискъ затратъ; это ясно видно, если мы сдѣлаемъ вышеприведенный разсчетъ, но съ болѣе высокими цѣнами на зерно. Выгодность собственнаго хозяйства передъ испольнымъ ростетъ пропорціонально повышенію цѣнъ производимаго продукта; но цѣнъ по 50 коп. и болѣе за пудъ ржи на мѣстѣ мы давно не видали въ нашей мѣстности, и врядъ ли скоро увидимъ, а потому о такой случайности и говорить нечего.

Разъ мы убѣдились, что при настоящихъ условіяхъ испольная система полеводства единственно возможная,—то не раціональнѣе ли было бы отбросить всякія попытки собственнаго хозяйства, а обра-

тить всѣ старанія на улучшеніе испольщины? Давно я объ этомъ думаю, но до настоящаго рабочаго года я не смѣлъ объ этомъ говорить, такъ какъ не испробовалъ моей мысли на дѣлѣ. Въ прошлую осень я роздалъ яровой клинъ нынѣшняго года крестьянамъ исполу и обязалъ каждаго испольщика вспахать свою десятину тогда же, осенью, подъ зябь. Нынѣ въ паровомъ полѣ крестьяне-испольщики обязались у меня вывезти каждый на полученную десятину извѣстное количество возовъ навозу изъ нашего скотнаго двора и овчарни. Обѣ работы были исполнены успѣшно, и теперь я позволяю себѣ смѣло утверждать, что вполнѣ можно надѣяться постояннымъ, неуклоннымъ ходомъ по избранному пути, достигнуть со временемъ значительнаго улучшенія обработки земли и при испольной системѣ. Мнѣ кажется, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ возможности введенія улучшенной культуры въ испольную систему полеводства, разъ эта улучшенная культура доставитъ прочную обоюдную выгоду, какъ отдающему землю, такъ и работающему на ней. Въ Тосканѣ, этомъ такъ-называемомъ садѣ Италіи, испольщина (mezzeria) издавна существуетъ, и на дѣлѣ доказала и доказываетъ, что она вполнѣ можетъ удовлетворять требованіямъ весьма разнообразной культуры. Правда, тосканское половничество слишкомъ радикально, чтобы служить для насъ предметомъ безусловнаго подражанія; но я говорю только о принципѣ улучшенія испольной системы.

Испольная система у насъ далеко не новость; она началась съ самаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; но какъ тогда, такъ и нынѣ, на нее смотрѣли какъ на временную, переходную мѣру; конечною же цѣлью всѣ землевладѣльцы считали самостоятельное собственное хозяйство, и къ скорѣйшему достиженію этой цѣли направляли все свое стараніе. Вслѣдствіе сего не у насъ однихъ, но повсюду вошло въ обычай при отдачѣ исполу земли крестьянамъ выговаривать отъ испольщиковъ приработокъ, т.-е. извѣстное количество той или другой работы для земли, оставленной владѣльцемъ за себя; кромѣ сего, самый раздѣлъ земли производился очень часто не урожаемъ, а землей, т.-е. крестьянину отдавалась одна десятина, а онъ долженъ былъ обработать за это другую десятину, какъ пожелаетъ владѣлецъ, причемъ, разумѣется, было по пословицѣ— своя рубашка ближе къ тѣлу. Хорошимъ хозяиномъ считался тотъ, который умѣлъ выговорить наибо́льшій приработокъ при отдачѣ земли исполу и самую эту отдачу умѣлъ дѣлать наиболѣе для себя выгоднымъ образомъ. Таковой способъ пользованія землей бывалъ, бо́льшею частью, источникомъ враждебныхъ отношеній между владѣльцами и крестьянами, что вполнѣ понятно при противоположности интересовъ обѣихъ сторонъ. Эта враждебность, при настоящей убыточности земли, мало располагающей обѣ стороны къ мягкосердію,

обострялась и вела къ такому неудовольствію, отъ котораго какъ хозяйство, такъ и положеніе обѣихъ сторонъ только ухудшались. Потравы, дурная обработка, неисполненіе условій, затѣмъ жалобы, судбища и, въ концѣ концовъ, исполнительные листы на законное взысканіе съ лицъ, съ которыхъ нечего взять. Совсѣмъ другими являются основанія взаимныхъ отношеній владѣльцевъ къ крестьянамъ, когда дѣлежъ испольной земли производится урожаемъ или, какъ у насъ говорится, снопомъ, и когда выговоренный приработокъ обращенъ на *улучшеніе* той самой земли, которою крестьянинъ-испольщикъ пользуется. Тутъ сразу является солидарность интересовъ, при которой устраняется всякій поводъ къ столкновеніямъ. Не малая выгода еще при таковомъ веденіи сельско-хозяйственнаго дѣла, это—возможность сократить контингентъ служащихъ на хуторахъ. Всѣ эти полевые объѣздчики и сторожа, которыхъ нынѣ владѣльцы вынуждены имѣть и содержать, стоютъ изрядно, а вмѣстѣ съ тѣмъ только въ рѣдкихъ случаяхъ они дѣйствительно полезны.

Впрочемъ не отъ одной испольной системы задолженное наше землевладѣніе можетъ ожидать облегченія своего положенія; непосредственное и весьма существенное облегченіе можемъ мы, жители сѣверно-черноземной полосы, извлекающіе главный свой доходъ отъ ржи, получить, если германскій императоръ осуществитъ свои планы. Онъ заявилъ свое непреклонное намѣреніе улучшить положеніе рабочаго класса своей имперіи. Несомнѣнно, такое улучшеніе всего лучше и скорѣе достигнется удешевленіемъ хлѣба, которымъ питается этотъ классъ, что̀ въ свою очередь также всего лучше и скорѣе достигнется уменьшеніемъ той пошлины, которою обложенъ привозный хлѣбъ. Германія—главная потребительница нашей ржи, и если она будетъ отнынѣ взимать съ нее ту пошлину, которую взимала до 1885 года, т.-е. 30 марокъ вмѣсто нынѣшнихъ 50, то, по курсу, значащемуся въ газетахъ 28-го мая, полученныхъ мною въ то время, какъ я пишу, т.-е. по 42 коп. за марку, мы выиграемъ около *тринадцати* копѣекъ на пудъ производимой нами ржи. Предполагая, что, при настоящемъ положеніи нашей хлѣбной торговли, не всѣ 13 коп. попадутъ въ руки производителя, а только 10, даже 8,—то и тогда срочный платежъ по металлической ссудѣ облегчится этимъ однимъ гораздо болѣе, чѣмъ самыми успѣшными финансовыми комбинаціями, специально направленными для врачеванія металлической задолженности русскаго землевладѣнія.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

9 іюня 1890 г.
с. Знаменское.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1890.

Первое октября въ Германіи.—Опасенія въ обществѣ наканунѣ отмѣны закона о соціалистахъ, и ихъ неосновательность. — Конгрессъ соціалистовъ въ Галле, и первые его результаты. — Торжество старыхъ вождей соціальной партіи надъ молодыми. — Новая организація соціалистовъ въ Германіи и три главныя резолюціи конгресса.— Восточныя дѣла, и письмо ген. Каульбарса.

Въ политической жизни Германіи совершается въ настоящее время замѣчательное явленіе. Рабочая демократія, долго стоявшая тамъ внѣ закона и подвергавшаяся спеціальнымъ ограничительнымъ мѣрамъ, вдругъ сдѣлалась легальною партіею и получила возможность дѣйствовать открыто, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ подпольнымъ средствамъ агитаціи. Нѣмецкое общество съ замѣтною тревогою ожидало наступленія 1-го октября, когда прежній законъ противъ соціалистовъ долженъ былъ потерять свою силу; не только консервативныя, но и либеральныя газеты горячо спорили о томъ, кто собственно долженъ считаться отвѣтственнымъ за установленіе такого опаснаго или, во всякомъ случаѣ, рискованнаго порядка вещей. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, не допускалъ и мысли объ отмѣнѣ закона, дававшаго правительству оружіе для борьбы съ соціально-демократическимъ движеніемъ; онъ требовалъ даже, чтобы этотъ законъ изъ временнаго сдѣлался постояннымъ. Того же мнѣнія держались остальные министры, значительная часть имперскаго сейма, всѣ консервативные и національно-либеральные элементы въ высшихъ и среднихъ слояхъ населенія. Большинство имперскаго сейма расходилось съ правительствомъ только въ двухъ, впрочемъ, несущественныхъ пунктахъ: по вопросамъ о срокѣ дѣйствія закона и о правѣ административной высылки. И тѣмъ не менѣе, законъ, казавшійся столь необходимымъ, признанъ вдругъ совершенно ненужнымъ и пересталъ существовать даже въ смягченной формѣ, предложенной имперскимъ сеймомъ. Соціально-демократическая партія сразу освободилась отъ стѣсненій, вынуждавшихъ ее вести свою пропаганду скрытно, во тьмѣ; правительство отказалось отъ способовъ дѣйствія, которые долго считались неизбѣжными и всегда отстаивались княземъ Бисмаркомъ.

Совершившаяся перемѣна зависѣла, безъ сомнѣнія, отъ личныхъ взглядовъ и рѣшеній Вильгельма II. Консерваторы и національлибералы робко спрашивали себя, что̀ будетъ съ порядкомъ послѣ

отреченія отъ принциповъ твердой власти по отношенію къ рабочему движенію. Если такой дальновидный государственный человѣкъ, какъ Бисмаркъ, не могъ обойтись безъ исключительныхъ законовъ, то какъ обойдутся безъ нихъ его преемники и продолжатели? Не слишкомъ ли смѣло со стороны новыхъ дѣятелей отступать столь круто отъ испытанной правительственной системы бывшаго канцлера? Если соціальная демократія усиливалась и возростала при репрессивной политикѣ князя Бисмарка, то не слѣдуетъ ли ждать еще бòльшаго усиленія и распространенія соціализма при отсутствіи стѣснительныхъ мѣръ?

Эти и подобныя опасенія высказывались многими въ нѣмецкой печати; но имъ противопоставлялись другія соображенія, прямо противоположныя. Стихійное рабочее движеніе не было и не могло быть задержано никакими предупредительно-полицейскими мѣропріятіями, такъ какъ оно заключалось въ развитіи извѣстныхъ идей и чувствъ, противъ которыхъ безсильны репрессивные законы; пропаганда была тѣмъ вѣрнѣе и сильнѣе, чѣмъ болѣе завѣтныхъ и запретныхъ вопросовъ она касалась и чѣмъ менѣе возможно было свободное и гласное ихъ обсужденіе. Соціальная демократія организовалась въ крѣпкую сплоченную силу, пріобрѣла устойчивость и единство, завладѣла умами народныхъ массъ и заняла видное мѣсто въ народномъ представительствѣ Германіи, именно при безраздѣльномъ господствѣ князя Бисмарка, подъ вліяніемъ неустанной репрессіи: движеніе, сгоняемое съ поверхности, все болѣе уходило въ глубь, ускользало отъ всякаго контроля, распространялось таинственными путями и обнаруживало свой быстрый ростъ только въ цифрахъ голосованій во время парламентскихъ выборовъ. Не будь этихъ голосованій, не было бы даже возможности точно опредѣлить степень распространенія соціализма въ народѣ; цифры избирательныхъ голосовъ давали статистику идей, которою не могло пренебрегать германское правительство. На послѣднихъ выборахъ соціаль-демократы получили гораздо больше голосовъ, чѣмъ національ-либералы, и почти столько же, сколько нѣмецко-консервативная и имперская партіи въ совокупности. Такая народная партія, имѣющая за собою полтора милліона избирателей, не могла уже разсматриваться какъ нѣчто стоящее внѣ закона или случайное; было бы крайне непослѣдовательно придавать этой массѣ гражданъ меньше значенія, чѣмъ другимъ избирателямъ, и еще болѣе непослѣдовательно и неразсчетливо было бы объявлять значительную часть народа враждебною государству. Вотъ почему правительственные пріемы князя Бисмарка оказались несостоятельными по отношенію къ соціаль-демократамъ; но укоренившіяся понятія и традиціи мѣшали консерваторамъ признать этотъ несомнѣнный фактъ, доказываемый постояннымъ ростомъ

рабочаго движенія при дѣйствіи исключительныхъ законовъ. Изъ безспорнаго опыта послѣднихъ пятнадцати лѣтъ вытекалъ тотъ логическій выводъ, что система стѣсненій не достигала своей цѣли и скорѣе усиливала, чѣмъ ослабляла зло; поэтому было вполнѣ естественно обратиться къ противоположной системѣ равноправности и общаго подчиненія одинаковымъ законамъ.

Первые результаты новой политики оказались какъ нельзя болѣе благопріятны для мирнаго внутренняго развитія Германіи. Не встрѣчая систематическаго давленія, не подвергаясь преслѣдованіямъ и обвиненіямъ, имѣя возможность публично высказывать свои воззрѣнія, соціальдемократы прежде всего сдѣлаются болѣе спокойными и хладнокровными, перестанутъ смотрѣть на правительство какъ на враждебную силу, привыкнутъ уважать законы и дорожить общественнымъ спокойствіемъ не меньше другихъ партій. Они сами больше всего побоятся дать какой-либо поводъ къ утвержденіямъ, что для нихъ нужна репрессія и что они не могутъ стремиться къ своимъ цѣлямъ мирными легальными путями; стремленіе къ законности сдѣлается общимъ лозунгомъ людей, недавно еще проповѣдовавшихъ идеи борьбы и непримиримой вражды. Съ переходомъ на мирное положеніе сами собою отпадутъ мотивы обороны и наступленія, ослабнетъ потребность въ напряженной сосредоточенности силъ и явится почва для свободной взаимной критики, для внутреннихъ разногласій и споровъ, могущихъ привести къ раздѣленію партіи на отдѣльныя, менѣе значительныя, группы.

Все это и произошло съ нѣмецкой соціальной демократіею въ короткое время, послѣ удаленія князя Бисмарка, а за нимъ и его системы. Среди этой обширной партіи, сплоченной тѣсно общими интересами борьбы, господствовала всегда крѣпкая дисциплина, и испытанные вожди, какъ Бебель и Либкнехтъ, были настоящими диктаторами и пользовались неограниченнымъ авторитетомъ; только теперь обнаружились первые признаки разлада, выдѣлилась новая группа молодыхъ, возстающая противъ старыхъ руководителей. Горячая полемика между молодою оппозиціею и старыми вождями возникла тотчасъ же послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ отказъ правительства отъ исключительнаго закона противъ соціалистовъ; на сцену выступилъ вопросъ о новомъ устройствѣ партіи, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ, и главнымъ предметомъ спора было положеніе соціально-демократической Франціи имперскаго сейма. Оппозиція, предводимая Бруно-Вилле и Шиппелемъ, рѣзко нападала на Бебеля, Либкнехта, Зингера и другихъ, обвиняя ихъ въ чрезмѣрной слабости къ парламентаризму, въ недостаточной заботливости объ осуществленіи партійной программы и въ диктаторскихъ наклонностяхъ. Проектъ организаціи партіи, выработанный Бебелемъ съ товарищами для обсужденія на пред-

стоявшемъ конгрессѣ въ Галле, возбудилъ желчныя пререканія въ соціально-демократическихъ газетахъ; говорили о неизбѣжности кризиса и раскола. Оппозиція не оказалась, однако, на высотѣ своей задачи; представители ея, особенно Бруно-Вилле, дѣйствовали безтактно и этимъ облегчили торжество старыхъ дѣятелей. Уже подготовительная полемика, предшествовавшая конгрессу, выказала слабость „молодыхъ" сравнительно съ талантливыми и остроумными ораторами, стоящими издавна во главѣ движенія; послѣ этихъ первыхъ схватокъ нельзя было сомнѣваться въ исходѣ предпринятой кампаніи.

Конгрессъ въ Галле, засѣдавшій отъ 13-го до 18-го октября (н. ст.), былъ торжествомъ для старыхъ вождей соціаль-демократіи и полнымъ пораженіемъ для молодой оппозиціи. Собственно говоря, оппозиція была подавлена до того, что фактически почти вовсе не было ея на конгрессѣ; раздавался только голосъ Бебеля, Либкнехта, Зингера, противъ разсѣянной и исчезнувшей толпы диссидентовъ. Единственный оппозиціонный голосъ, поднимавшійся смѣло и рѣзко, принадлежалъ берлинскому делегату Вернеру, на котораго главнымъ образомъ и обрушилось краснорѣчіе „старыхъ"; громадное большинство относилось къ этому противнику крайне враждебно, обзывая его аферистомъ соціализма, недостойнымъ оставаться въ средѣ членовъ партіи. Нѣсколько засѣданій было поглощено этою внутреннею полемикою, за которою съ любопытствомъ слѣдили нѣмецкія консервативныя газеты; ожидаемаго полнаго раскола между соціаль-демократами не произошло, но оригинально и ново было уже то, что горячія филиппики соціалистическихъ агитаторовъ направлены были не противъ промышленной буржуазіи и не въ защиту труда отъ гнета капитала, а противъ оппозиціонныхъ элементовъ въ средѣ самой соціально-демократической партіи. Это былъ первый примѣръ за многіе годы, и онъ оказался возможнымъ именно вслѣдствіе отмѣны закона о соціалистахъ. Публичная критика дѣйствій Бебеля и другихъ руководителей партіи затруднялась прежде сознаніемъ, что партія и безъ того преслѣдуется правительствомъ и находится въ исключительномъ положеніи, не допускающемъ никакихъ внутреннихъ счетовъ между членами; теперь это обстоятельство устранено, и соціалисты въ первый разъ могутъ спорить между собою, не вызывая противъ себя подозрѣній въ доносахъ и шпіонствѣ. Ослабленіе репрессіи не только не увеличило опасностей соціалистической пропаганды, но, напротивъ, уменьшило и парализовало ихъ; ибо то, что обсуждается публично и встрѣчаетъ публичную оцѣнку, перестаетъ быть предметомъ слѣпого увлеченія приверженцевъ и глухого безпокойства противниковъ. Таинственный ореолъ, окружавшій руководителей движенія, неизбѣжно ослабъ при переходѣ ихъ на почву публичной и легальной дѣятельности; оста-

лось больше мѣста для критики и разногласій. Послѣдній съѣздъ соціалистовъ на германской почвѣ происходилъ въ 1875 году, въ Готѣ, когда установлена была опредѣленная практическая программа нѣмецкаго рабочаго соціализма. Съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ исключительнаго закона 1878 года, подобные съѣзды собирались внѣ предѣловъ Германіи и имѣли уже болѣе революціонный оттѣнокъ. На конгрессѣ въ Виденскомъ замкѣ, въ Швейцаріи, въ 1880 году, принято было рѣшеніе стремиться къ поставленнымъ цѣлямъ всѣми средствами, законными и „другими". Эта прибавка мотивировалась тѣмъ, что сами законы закрываютъ партіи доступъ къ легальнымъ способамъ дѣйствія. Позднѣйшіе съѣзды 1883 года въ Копенгагенѣ, 1887 года въ Сенъ-Галленѣ, въ Швейцаріи, способствовали укрѣпленію партійной организаціи и дисциплины, причемъ все фактическое руководство движеніемъ сосредоточилось въ соціально-демократической франціи парламента, въ лицѣ ея признанныхъ вождей, Бебеля и Либкнехта. Отнынѣ съѣзды соціалистовъ могутъ опять собираться на германской территоріи, послѣ пятнадцати-лѣтняго перерыва, и первый опытъ въ Галле, небольшомъ университетскомъ городѣ прусской Саксоніи, окончился, можно сказать, вполнѣ благополучно.

Несмотря на полемическій тонъ рѣчей, общій характеръ съѣзда напоминалъ скорѣе академическое или парламентское собраніе, чѣмъ конгрессъ агитаторовъ соціализма. На съѣздѣ присутствовало болѣе четырехсотъ делегатовъ, выбранныхъ рабочими по округамъ; пренія велись спокойно, и резолюціи принимались самыя безобидныя, лишенныя всякаго оттѣнка непримиримости. Проектъ общей организаціи партіи былъ принятъ съ небольшими измѣненіями, центральный комитетъ будетъ состоять изъ двѣнадцати членовъ, въ томъ числѣ двухъ предсѣдателей и семи контролеровъ. Оффиціальнымъ органомъ партіи будетъ „Berliner Volksblatt", съ прибавочнымъ титуломъ „Vorwärts", подъ главною редакціею Либкнехта. Въ народномъ округѣ соціалисты выбираютъ одного или нѣсколькихъ довѣренныхъ людей для защиты своихъ интересовъ, выборы происходятъ ежегодно передъ созваніемъ конгресса. Высшее представительство партіи принадлежитъ конгрессу, который собирается ежегодно и состоитъ изъ выборныхъ делегатовъ, отъ одного до трехъ отъ каждаго округа; женщины могутъ участвовать въ качествѣ выборныхъ отъ женскихъ рабочихъ союзовъ. Члены центральнаго комитета и депутаты-соціалисты имперскаго сейма присутствуютъ на конгрессѣ въ силу своего званія, но при обсужденіи комитетскихъ и парламентскихъ дѣйствій имѣютъ только совѣщательный голосъ. Членамъ комитета назначается денежное вознагражденіе не свыше 250 марокъ въ мѣсяцъ,—нововведеніе, имѣющее очевидно цѣлью обезпечить

простымъ работникамъ доступъ къ управленію дѣлами партіи. Этотъ проектъ организаціи былъ принятъ всѣми—противъ одного голоса. Для разбора взаимныхъ обвиненій между руководителями партіи и оппозиціею назначена была коммиссія изъ девяти членовъ, которая рѣшила спорные пункты въ пользу „старшихъ". Изъ постановленій съѣзда, представляющихъ общій интересъ, заслуживаютъ вниманія три резолюціи: первая рекомендуетъ рабочимъ прибѣгать съ особенною осторожностью къ стачкамъ и бойкотированію, принимая эти мѣры только въ серьезныхъ случаяхъ и при дѣйствительныхъ шансахъ на успѣхъ, для чего необходимо организоваться въ крупные рабочіе союзы; вторая резолюція спеціально касается этихъ желательныхъ союзовъ, а третья трактуетъ о возможно болѣе обдуманномъ основаніи и веденіи новыхъ газетъ и журналовъ, для поднятія умственнаго уровня рабочихъ и для поддержанія въ нихъ чувства солидарности, причемъ безусловно слѣдуетъ избѣгать всякой коммерческой примѣси къ журнальному дѣлу, въ родѣ сомнительныхъ объявленій и рекламъ. Всѣ ораторы-руководители, особенно Либкнехтъ и Бебель, неоднократно и весьма настойчиво указывали на необходимость дѣйствовать мирными и законными средствами, не поддаваясь крикливымъ возгласамъ такъ-называемыхъ непримиримыхъ, которые или безсознательно вредятъ интересамъ партіи, или служатъ лишь агентами-подстрекателями. Во всѣхъ рѣчахъ этихъ руководителей нѣмецкаго соціализма выражается самый полный и сдержанный „оппортунизмъ". Очевидно, соціально-демократическая партія вступаетъ въ новый парламентскій фазисъ своего развитія; она становится обыкновенною политическою партіею, такою же легальною и законною, какъ и всѣ другія общественныя группы, имѣющія своихъ представителей въ парламентѣ. Добиваясь постепенно лишь тѣхъ реформъ, которыя осуществимы при данныхъ условіяхъ, нѣмецкіе соціалисты отнынѣ перестаютъ быть врагами государства и правительства, а остаются только друзьями рабочаго класса, защитниками его правъ и интересовъ, что̀, конечно, не можетъ уже тревожить власть, которая сама объявила себя другомъ рабочаго класса, и притомъ устами самого главы государства, императора Вильгельма II. Новѣйшее перерожденіе нѣмецкой соціалистической партіи является такимъ образомъ нагляднымъ доказательствомъ превосходства нынѣшней правительственной политики предъ прежнею, вносившею элементъ хроническаго безпокойства и внутренняго разлада въ общую народную жизнь Германіи.

Въ области восточныхъ дѣлъ появились нѣкоторыя „черныя точки", какъ принято было говорить въ недавнее еще время. Это

именно два факта, дополняющіе и освѣщающіе себя взаимно: разрывъ между Портою и высшимъ греческимъ духовенствомъ въ Константинополѣ, паденіе осторожнаго Трикуписа и замѣна его болѣе предпріимчивымъ Дельянисомъ послѣ благопріятныхъ для оппозиціи парламентскихъ выборовъ въ Греціи. Вселенскій патріаршій престолъ выразилъ свое недовольство политикою султана, принятіемъ такой мѣры, какою было закрытіе всѣхъ греческихъ церквей въ предѣлахъ оттоманской имперіи, впредь до удовлетворенія требованій и жалобъ греческаго духовенства. Турецкое правительство въ послѣднее время не стѣснялось выказывать нѣкоторую твердость въ сношеніяхъ съ патріархомъ; это проявилось особенно наглядно въ дѣлѣ назначенія трехъ болгарскихъ епископовъ въ Македоніи, вопреки протестамъ греческаго патріарха въ Константинополѣ. Раздраженіе, вызванное въ Греціи образомъ дѣйствій Порты, способствовало усиленію оппозиціонной партіи, руководимой Дельянисомъ, который постоянно нападалъ на чрезмѣрную уступчивость и нерѣшительность кабинета Трикуписа. Паденіе послѣдняго предвѣщаетъ, быть можетъ, болѣе энергическое участіе Греціи въ практической восточной политикѣ, а разладъ между Турціею и греческою церковью можетъ легко перейти въ серьезный политическій кризисъ, въ которомъ многое зависѣло бы отъ риска министра-президента Греціи. Общее политическое настроеніе въ Европѣ не поощряетъ, однако, никакихъ новыхъ предпріятій на востокѣ, и Дельянисъ вынужденъ будетъ, вѣроятно, держаться миролюбивой тактики своего предшественника.

Нынѣшняя Греція не пользуется особенною благосклонностью и покровительствомъ великихъ европейскихъ державъ; дипломатія относится къ ней гораздо строже, чѣмъ къ Болгаріи, около которой перекрещиваются и сталкиваются политическіе интересы такихъ государствъ, какъ Австро-Венгрія, Англія и Россія. Болгарія потому можетъ извлекать выгоды изъ взаимнаго соперничества кабинетовъ и, опираясь на существующія разногласія, свободно позволить себѣ то, что немыслимо было бы со стороны Греціи. Относительно умѣнья болгаръ пользоваться чужими ошибками сообщаются нѣкоторыя новыя свѣденія въ любопытномъ письмѣ извѣстнаго генерала Каульбарса, напечатанномъ въ „Новомъ Времени" отъ 22-го октября, по поводу недавнихъ корреспонденцій г-на Татищева изъ Болгаріи.

Генералъ Каульбарсъ сообщаетъ, между прочимъ, будто принцъ Фердинандъ выставилъ неоффиціально свою кандидатуру еще въ 1885 году, и „правительство наше давно до низложенія Баттенберга было предупреждено о томъ, что на мѣсто его выступитъ кандидатомъ принцъ Кобургскій". „Почему,—говорится дальше,—тогда же не были приняты заблаговременно мѣры къ уничтоженію этой канди-

датуры, мнѣ неизвѣстно и не надлежитъ судить, и я могъ только удивляться той полной съ нашей стороны неготовности, когда эта кандидатура въ 1877 году сдѣлалась общимъ достояніемъ свѣта". Требованіе объ отсрочкѣ выборовъ въ народное собраніе, на чемъ такъ настаивалъ генер. Каульбарсъ во время своей болгарской командировки, было необходимо,—говоритъ онъ,—„потому что мы не могли назвать кандидата на болгарскій престолъ, о чемъ я выразилъ глубокое мое сожалѣніе еще до моего отъѣзда въ Болгарію, очень хорошо предчувствуя, что появленіе мое въ княжествѣ въ такое смутное время безъ кандидата съ перваго же дня должно было поколебать довѣріе всѣхъ партій къ моей миссіи... Почему послѣ трехлѣтнихъ раздоровъ съ Баттенбергомъ, мы ко дню его низложенія не не имѣли готоваго кандидата, о томъ не мнѣ судить"... „Стамбуловъ удивляется,—замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ ген. Каульбарсъ,—что его не спросили заблаговременно, угоденъ ли болгарамъ князь Мингрельскій. Нечего было о томъ и спрашивать его, ибо настолько я и самъ былъ компетентенъ въ дѣлахъ болгарскихъ, чтобы понять, что лицо, не принадлежащее къ владѣтельному дому, не могло имѣть значенія и авторитета въ Болгаріи, и что князь, выбранный изъ простыхъ смертныхъ, не будетъ принятъ ни однимъ болгариномъ, къ какой бы политической партіи онъ ни принадлежалъ. По первому, еще неоффиціальному, слуху объ этой кандидатурѣ я и поспѣшилъ высказаться кому слѣдуетъ въ этомъ смыслѣ". Извѣстно, что кандидатура была все-таки выставлена оффиціально и была даже одобрена Портою, хотя не имѣла ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ; причина неуспѣха едва ли заключалась въ одной принадлежности кандидата къ числу „простыхъ смертныхъ", а скорѣе въ полной неизвѣстности тѣхъ данныхъ, которыя могли бы оправдывать избраніе его на столь отвѣтственный и высокій постъ. Въ концѣ своего письма ген. Каульбарсъ теперь заявляетъ, будто онъ „никогда не раздѣлялъ мнѣнія многихъ нашихъ дѣятелей, требовавшихъ отъ болгаръ безпредѣльной любви и преданности къ Россіи". „Что болгаринъ любитъ прежде всего Болгарію, а потомъ уже Россію,—очень естественно, и только люди непрактичные и кабинетные теоретики могутъ требовать другого... Гнаться за идеалами ни въ жизни, ни въ политикѣ никогда не слѣдуетъ. Охотники до послѣднихъ всегда ударяютъ въ пустую и, становясь смѣшными передъ неутомимыми законами бытія, остаются не при чемъ". Такой отзывъ о результатахъ нашей политики въ Болгаріи довольно замѣчателенъ въ устахъ одного изъ видныхъ непосредственныхъ дѣятелей болгарскаго кризиса. Мы позволимъ себѣ высказать только одно недоумѣніе. Ген. Каульбарсъ, какъ видно изъ его письма, не раздѣлялъ или нé зналъ взглядовъ мини-

стерства иностранныхъ дѣлъ по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ тогдашней политической программы относительно болгарскаго княжества. Авторъ письма не придаетъ, повидимому, большого значенія этому обстоятельству, такъ какъ онъ самъ указываетъ на свое званіе военнаго; но при такихъ условіяхъ было ли бы удобно брать на себя чисто-политическую миссію для разрѣшенія такого важнаго и щекотливаго вопроса, какъ болгарскій? Вообще, если въ письмѣ ген. Каульбарса и высказывается теперь нѣсколько вѣрныхъ мыслей, то, во всякомъ случаѣ, онѣ высказываются заднимъ числомъ, и вслѣдствіе того много теряютъ въ своемъ практическомъ значеніи, какое онѣ могли бы имѣть, бывъ высказаны въ свое время.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1890.

— Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей *Н. Я. Данилевскаго*. Изданіе Н. Страхова. Спб., 1890.

Н. Я. Данилевскій все больше и больше становится кумиромъ извѣстной литературной группы. Каждое новое изданіе его главнаго сочиненія возводится на степень событія, характеризующаго настроеніе современнаго общества [1]); самому автору сооружается пьедесталъ, возносящій его не только надъ противниками, но и надъ союзниками. „Н. Я. Данилевскій, — читаемъ мы въ недавней газетной статьѣ г. Страхова, — написалъ рядъ удивительныхъ (sic!) статей, которыя, хотя не вполнѣ успѣли обратить на себя общее вниманіе, но глубоко отозвались въ сердцахъ иныхъ участниковъ событій и которыя, безъ сомнѣнія, *суть лучшія политическія статьи въ нашей литературѣ*". Этотъ отзывъ, прямо признающій за Данилевскимъ превосходство предъ излюбленнѣйшими публицистами нашей національ-консервативной партіи (если есть національ-либералы, то почему же не быть національ-консерваторамъ?) — Аксаковымъ и Катковымъ,—относится къ журнальнымъ и газетнымъ статьямъ Данилевскаго, изданнымъ недавно въ видѣ особаго сборника. Открываемъ самый сборникъ и встрѣчаемся, прежде всего, съ небольшимъ предисловіемъ г. Страхова, написаннымъ въ ультра-восторженномъ тонѣ. Въ предлагаемой книгѣ

---

[1]) Послѣднее изданіе „Россіи и Европы" именуется *четвертымъ*, но оно въ сущности—*третье*, потому что первымъ изданіемъ, вопреки обычной терминологіи, признаются статьи, напечатанныя Данилевскимъ въ журналѣ „Заря", въ 1869 г. Когда эти статьи появились, въ 1871 г., отдѣльной книгой, она была названа *вторымъ* изданіемъ. Третьимъ изданіемъ названо вышедшее въ 1888, четвертымъ — въ 1889 г. Едва ли случайно совпаденіе этихъ двухъ послѣднихъ изданій съ появленіемъ извѣстныхъ статей В. С. Соловьева, направленныхъ противъ „Россіи и Европы". Нападающій, очевидно, привлекъ общее вниманіе къ предмету нападенія.

—говоритъ издатель—„читатели найдутъ глубокое и вѣрное изображеніе всей русской внѣшней политики въ теченіе нынѣшняго столѣтія; взгляды, здѣсь изложенные, имѣютъ величайшую важность для правильнаго пониманія нашей ближайшей исторіи, и *нельзя не пожелать, чтобы они были усвоены каждымъ образованнымъ русскимъ.* Статья: *Горе побѣдителямъ,* говорящая о берлинскомъ конгрессѣ, *есть, безъ сомнѣнія, лучшая политическая статья,* писанная на русскомъ языкѣ". Эти слова значительно облегчаютъ задачу критики. Чтобы составить себѣ понятіе о „лучшихъ политическихъ статьяхъ", достаточно присмотрѣться поближе къ той изъ нихъ, которая провозглашается лучшею par excellence, лучшею изъ лучшихъ.

Статья: „Горе побѣдителямъ",—появившаяся въ первый разъ въ „Русской Рѣчи" 1879 г., подъ заглавіемъ: „Россія и восточный вопросъ", —состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Одна, мѐньшая, посвящена спеціально критикѣ санъ-стефанскаго мирнаго договора и имѣетъ теперь интересъ исключительно-историческій; другая, трактующая о внѣшней русской политикѣ вообще, о ея прошедшихъ ошибкахъ и будущихъ задачахъ, сохранила свое значеніе и до настоящаго времени. Только ее мы и сдѣлаемъ предметомъ нашихъ замѣчаній. Основная тема автора—неустранимый антагонизмъ между Россіей и Европой, непринадлежность Россіи къ Европѣ въ культурномъ или, по меньшей мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи. Вмѣшательство Россіи въ чуждыя ей дѣла общеевропейской политики — вмѣшательство, столь часто повторявшееся въ теченіе XIX-го вѣка (вопреки традиціямъ XVIII-го) и никогда не приводившее къ хорошимъ результатамъ,—Данилевскій приписываетъ не чему иному, какъ „европейничанью", стремленію держаться европейской точки зрѣнія, охранять и возстановлять европейскіе интересы. „Европейничаньемъ" было не только противодѣйствіе Наполеону I, не только увлеченіе меттерниховской системой — „европейничаньемъ" оказывается и помощь, поданная Австріи противъ Венгріи, и рѣшительное слово, предупредившее, въ 1850 г., войну между Австріей и Пруссіей. Изъ двѣнадцати войнъ, веденныхъ Россіей въ XIX столѣтіи, *семь* было предпринято изъ-за интересовъ ей чуждыхъ или враждебныхъ. Единственнымъ истиннымъ другомъ Россіи, за все это время, былъ Наполеонъ I,—но она слишкомъ рано отвергла его дружбу, не успѣвъ извлечь изъ нея всю возможную сумму выгодъ. Благодаря союзу съ Наполеономъ, Россія пріобрѣла Финляндію, Бессарабію, Бѣлостокскую область,—но могла бы пріобрѣсти, сверхъ того, восточную Галицію, Молдавію и Валахію... Европа несомнѣнно составляетъ одно политическое цѣлое, одинъ политическій организмъ, — и соединительнымъ звеномъ этого организма служитъ сознаніе противоположности съ

Россіей и славянствомъ. Для Россіи остается только одно—въ свою очередь сознать эту противоположность и возвратиться на старый, петровско-екатерининскій путь. Политика Россіи должна стать исключительно-русской, а не европейской и не двойственной—русско-европейской или европейско-русской. Это не значитъ прервать сношенія съ западно-европейскими государствами или наброситься на нихъ, не разбирая ни силы, ни числа враговъ; это значитъ только не принимать къ сердцу европейскихъ интересовъ, не смѣшивать призраковъ и фикцій съ дѣйствительностью, враговъ — съ друзьями. „Выступить изъ европейской политической системы—значитъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ Англія, Австрія, Германія и въ особенности Италія, которая пользовалась всякою комбинаціею европейской политики для достиженія своихъ цѣлей... Положеніе Россіи имѣетъ лишь ту особенность, что ни Англія, ни Австрія, ни Германія, ни Италія, достигая своихъ частныхъ цѣлей, не выступаютъ черезъ это изъ европейской политической системы, которой они суть естественные и прирожденные члены, потому что общеевропейскій интересъ, въ настоящемъ фазисѣ исторіи, который длится съ самаго вѣнскаго конгресса и продлится еще долго, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ противодѣйствіи Россіи; для Россіи же твердое и неуклонное стремленіе къ достиженію своихъ цѣлей равнозначительно выступленію ея изъ европейской политической системы... Россія должна держаться, какъ постояннаго руководящаго принципа, *русско-славянскаго эгоизма*, совпадающаго, по крайней мѣрѣ въ настоящій періодъ исторіи, съ безкорыстнымъ общечеловѣческимъ интересомъ". Отказаться отъ дѣятельности въ смыслѣ русско-славянскаго эгоизма для Россіи все равно, что дѣйствовать „въ духѣ анти-русско-славянскаго, англо-австро-европейскаго эгоизма"... „Россіи и славянству, —продолжаетъ Данилевскій, — нужно освобожденіе Болгаріи въ границахъ болгарской народности, полное освобожденіе сербскаго народа, присоединеніе къ Греціи—Ѳессаліи, Эпира, Крита, острововъ Архипелага, дѣйствительная независимость Румыніи и Черногоріи"; Европѣ нужно нѣчто прямо противоположное. Въ другой статьѣ, написанной нѣсколько раньше („Чего мы въ правѣ благоразумно желать отъ исхода настоящей войны"—„Русскій Міръ", 2-го августа 1877 г.), а также въ главномъ сочиненіи Данилевскаго, „нужды" Россіи и славянства опредѣлялись шире: послѣднимъ словомъ русско-славянской политики являлось здѣсь образованіе „всеславянскаго союза", въ составъ котораго „должны быть включены и тѣ неславянскіе или, правильнѣе, не чисто-славянскіе элементы, которые вкраплены въ славянское тѣло, какъ Румынія, Греція и Мадьярія".

Въ аргументаціи Данилевскаго, какъ видно даже изъ самаго сжа-

таго ея обзора, есть одна сторона безспорно сильная: это—критическое отношеніе къ войнамъ, предпринимавшимся Россіей безъ достаточнаго основанія и безъ всякой пользы. Такова была, напримѣръ, кампанія 1799 или 1805 г.; такова была венгерская война. Столь же правъ Данилевскій и тогда, когда осуждаетъ политику Россіи въ эпоху конгрессовъ или въ моментъ австро-прусскаго столкновенія, окончившагося Ольмюцемъ. И тамъ, и здѣсь, однако, необходимо различать окончательный выводъ автора отъ его мотивовъ. Констатируемыя ошибки несомнѣнны, но вѣрно ли опредѣленъ ихъ источникъ? Неужели, напримѣръ, походъ въ Италію былъ вызванъ исключительно желаніемъ облагодѣтельствовать Австрію или Сардинію? Онъ служилъ исполненіемъ мысли, возникшей еще при Екатеринѣ II; онъ состоялъ въ тѣсной связи съ опасеніемъ „революціонной заразы", омрачившимъ послѣдніе годы царствованія императрицы. О какомъ бы то ни было „европейничаньѣ" со стороны императора Павла не могло, очевидно, быть и рѣчи. Столь же напрасно было бы искать его и въ политикѣ императора Николая. Въ венгерскомъ мятежѣ усматривалась опасность для Россіи; поползновенія, хотя бы и самыя робкія, къ чему-то въ родѣ германскаго единства возбуждали негодованіе и противодѣйствіе, какъ косвенный результатъ событій „безумнаго" (1848) года. Россія дѣйствительно признавалась солидарной съ Австріей и Пруссіей, но не въ силу общей принадлежности къ европейскому „политическому организму", а въ силу консервативныхъ началъ, въ силу предполагаемаго контраста между устойчивымъ европейскимъ Востокомъ и слишкомъ подвижнымъ европейскимъ Западомъ. По своему характеру и свойству, венгерская кампанія 1849 г.—наиболѣе типичная изъ всѣхъ ненужныхъ войнъ, веденныхъ Россіей,—не отличается рѣшительно ничѣмъ отъ испанскаго похода, предпринятаго въ 1823 г. правительствомъ реставраціи. Интересы Франціи и даже французскихъ Бурбоновъ вовсе не требовали возстановленія абсолютной власти Фердинанда VII. Французскія войска вступили въ Испанію во имя того же принципа, который двинулъ русскіе полки въ Венгрію. Для довершенія сходства, испанскій король точно такъ же воспользовался чужой побѣдой, какъ четверть вѣка спустя—австрійскій императоръ; еще не успѣли удалиться побѣдители, какъ началось жестокое преслѣдованіе побѣжденныхъ.

Итакъ, опытъ недавняго прошлаго, намъ столь же мало симпатичнаго, какъ и Данилевскому, говоритъ не противъ „европейничанья", въ смыслѣ сознанія близости къ Европѣ, а противъ борьбы съ воображаемыми опасностями, въ особенности если она ведется такъ-называемыми (на юридическомъ языкѣ) „негодными средствами". Бѣда заключалась не въ томъ, что охранялись или возстановлялись,

русскими руками, „общеевропейскіе интересы“, а въ томъ, что неправильно понимались господствующія стремленія эпохи и преувеличивалось ихъ непосредственное значеніе для Россіи. Чтобы избѣжать повторенія прежнихъ ошибокъ, нѣтъ, слѣдовательно, никакой надобности „выступать изъ европейской политической системы“. Вѣдь не выступаетъ же изъ нея Италія, наиболѣе, по словамъ самого Данилевскаго, искусная въ преслѣдованіи и достиженіи своихъ частныхъ цѣлей. Противодѣйствіе итальянскому единству со стороны державы, заинтересованной—или считавшей себя заинтересованною—въ поддержаніи итальянской раздробленности, ни мало не ослаблялось принадлежностью Италіи къ числу „естественныхъ и прирожденныхъ членовъ“ европейской политической системы. Если оно, въ концѣ концовъ, осталось безплоднымъ, то это объясняется единственно счастливой комбинаціей обстоятельствъ и искусствомъ государственныхъ людей, руководившихъ итальянской политикой. Представимъ себѣ, что Франціей, въ пятидесятыхъ годахъ, управлялъ бы Тьеръ или человѣкъ тѣхъ же традицій, той же школы; неужели онъ взялъ бы на себя иниціативу освобожденія Италіи отъ Австріи или допустилъ бы полное торжество Піемонта? Не ясно ли, что Апеннинскій полуостровъ, сдавленный между двумя могущественными сосѣдями, остался бы еще надолго разорваннымъ на клочки, безсильные и чуждые другъ другу? Правда, въ сохраненіи итальянскаго statu quo были заинтересованы не всѣ европейскія великія державы—но точно такъ же онѣ не всѣ заинтересованы и въ сохраненіи statu quo на Балканскомъ полуостровѣ. Поддержка, оказанная Турціи Наполеономъ III, была, напримѣръ, столь же случайна, какъ и участіе, принятое Россіей въ конгрессахъ троппаусскомъ и лайбахскомъ, т.-е. въ подавленіи народныхъ движеній въ Неаполѣ и Піемонтѣ... „Противодѣйствіе“ русской политикѣ—явленіе не простое, а крайне сложное. Оно вовсе не составляетъ неизбѣжной черты „историческаго фазиса“, начавшагося со времени вѣнскаго конгресса; оно не можетъ быть сведено къ племенной или вѣроисповѣдной антипатіи, къ противоположности между мірами германо-романскимъ и славянскимъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно обусловливалось, отчасти, нѣкоторыми особенностями русской политики въ послѣдніе годы Александра I и во все время царствованія императора Николая. Французамъ трудно было забыть пренебреженіе къ іюльской монархіи, пруссакамъ—подчиненную роль Фридриха-Вильгельма IV, австрійцамъ—покровительственный тонъ побѣдоноснаго союзника, прогрессистамъ всѣхъ странъ и всѣхъ національностей—повсемѣстную поддержку старыхъ, отживших порядковъ. Вражда, накоплявшаяся въ продолженіе многихъ десятилѣтій, не могла сразу уступить мѣсто болѣе спокойнымъ чув-

ствамъ, болѣе беспристрастнымъ взглядамъ; но она значительно ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ измѣнилась (послѣ крымской войны) самая роль Россіи по отношенію къ Европѣ. Въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ которыхъ нерасположеніе къ Россіи существуетъ теперь, оно ничѣмъ не отличается отъ другихъ аналогичныхъ явленій, постоянно встрѣчавшихся и встрѣчающихся въ средѣ „общеевропейскаго политическаго организма". Англія цѣлые вѣка враждовала съ Франціей, Австрія—съ Пруссіей или Піемонтомъ; это не мѣшало враждующимъ сторонамъ оставаться „членами европейской политической системы". Почему же не можетъ пребывать въ этой „системѣ" и Россія, несмотря на вражду Англіи и Австріи—вражду, вызванную не чѣмъ инымъ, какъ дѣйствительною или предполагаемою противоположностью *интересовъ*?

Если принадлежность къ одной и той же „политической системѣ" не устраняетъ ни затаеннаго соперничества, ни открытыхъ, кровавыхъ столкновеній, то стоитъ ли спорить о цѣлесообразности или нецѣлесообразности „выступленія изъ системы"? Не сводится ли весь споръ къ словамъ, лишеннымъ, въ сущности, всякаго серьезнаго значенія? На этотъ вопросъ можно было бы отвѣчать утвердительно, еслибы подъ именемъ „выступленія" понималось *только* прекращеніе вмѣшательства въ дѣла, прямо не касающіяся Россіи. Къ сожалѣнію, въ устахъ Данилевскаго и его поклонниковъ это выраженіе означаетъ нѣчто гораздо бо̀льшее. Оно знаменуетъ собою, прежде всего, завоевательную политику, не рвущуюся впередъ во что бы то ни стало, но постоянно выжидающую удобнаго случая—и этимъ самымъ постоянно возбуждающую недовѣріе и противодѣйствіе. Не даромъ же Данилевскій относится съ такою нѣжностью къ Наполеону I, этому единственному „истинному другу" Россіи. Все право, въ войнѣ съ Англіей, было, по словамъ Данилевскаго, на сторонѣ Наполеона; „не онъ былъ зачинщикомъ войнъ 1805, 1806 и 1809 г., а разгромивъ своихъ враговъ, не могъ же онъ оставить въ ихъ рукахъ ту силу, которую они повторительно употребляли противъ него". Подражать *пріемамъ* геніальнаго императора-полководца Данилевскій не рекомендуетъ, потому что это было бы слишкомъ опасно; но *духу* наполеоновской политики онъ сочувствуетъ вполнѣ, усердно защищая ее отъ упрека въ „ненасытномъ честолюбіи"... Въ сферу дѣйствія завоевательной политики, идеализируемой Данилевскимъ, должны входить не одни только славянскія племена; ея объектомъ признаются греки, румыны, мадьяры, отъ которыхъ никакъ нельзя ожидать радостнаго, добровольнаго присоединенія къ „всеславянскому союзу". Расположены ли къ нему, впрочемъ, и сами славяне? Сомнѣваться въ этомъ можно было уже тогда, когда писалъ Данилевскій—а теперь мате-

ріала для сомнѣній накопилось еще гораздо больше. Не уцѣлѣла, подъ напоромъ событій, даже та сравнительно-тѣсная рамка, въ которую введены Данилевскимъ, послѣ разочарованій 1878 г., „нужды" Россіи и славянства. Онъ говорилъ, что Россіи нужно „освобожденіе Болгаріи въ границахъ болгарской народности", а Европѣ—„продолженіе господства батакскихъ изверговъ, укрѣпленіе его возвращеніемъ Турціи балканскихъ проходовъ"; на самомъ же дѣлѣ, новый шагъ впередъ къ соединенію болгаръ въ одно независимое государство сдѣланъ съ согласія Европы и вопреки желанію Россіи... Всего важнѣе, въ нашихъ глазахъ, неразрывная связь между ученіемъ о непринадлежности Россіи къ „политическому европейскому организму" и теоріей особой русско-славянской культуры, совершенно отличной отъ культуры общеевропейской. Проповѣдовать, вмѣстѣ съ Данилевскимъ, „выступленіе" Россіи изъ европейской политической системы—значитъ стоять за нравственный и умственный разрывъ съ Европой, за возможно-бо́льшее отчужденіе Россіи отъ общаго хода западно-европейской жизни. Въ статьѣ: „Горе побѣдителямъ", какъ и въ другихъ политическихъ этюдахъ Данилевскаго, какъ и въ главной его книгѣ, мы видимъ видоизмѣненную редакцію извѣстной формулы: *назадъ, домой!* Обстоятельства выдвинули эту формулу на первый планъ, но не сдѣлали и не сдѣлаютъ ее ни теоретически-вѣрной, ни практически-справедливой. Неосуществимо, къ счастію, желаніе г. Страхова, чтобы „взгляды Данилевскаго были усвоены каждымъ образованнымъ русскимъ"; возможно только временное ихъ распространеніе—но и оно угрожаетъ опасностью лучшимъ традиціямъ русскаго образованнаго общества.

— *П. Б.* Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ на каѳедрѣ гражданскаго права въ военно-юридической академіи, 1878—85 г. Спб., 1890.

Со времени смерти К. Д. Кавелина прошло уже болѣе пяти лѣтъ, но память о немъ продолжаетъ жить въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ. Особенно дорога она, конечно, тѣмъ, кто имѣлъ счастье близко знать покойнаго. Къ числу такихъ счастливцевъ принадлежали, въ послѣдніе годы жизни К. Д., товарищи и слушатели его по военно-юридической академіи. Авторъ брошюры, заглавіе которой мы выписали выше, былъ, повидимому, сослуживцемъ Кавелина; о преподаваніи его онъ говоритъ съ чужихъ словъ, зная, по собственному опыту, только дѣятельность Кавелина въ конференціи академіи. Этимъ объясняется, быть можетъ, что въ характеристикѣ Кавелина, какъ профессора, нѣкоторыя черты подчеркнуты слишкомъ

рѣзко и освѣщены не совсѣмъ правильно. Кто хорошо помнитъ Константина Дмитріевича, тому трудно допустить, чтобы отзывъ самого автора брошюры (на стр. 3) и слова одного изъ слушателей (на стр. 5) во всѣхъ своихъ частяхъ безусловно соотвѣтствовали дѣйствительности. Мы далеки отъ мысли, чтобы здѣсь было что-либо похожее на сознательное отступленіе отъ истины. Нѣчто въ родѣ того, что приписывается Кавелину, онъ, безъ сомнѣнія, говорилъ—но едва ли вѣрно переданъ духъ и тонъ сказаннаго. Мы знаемъ, что Кавелинъ не былъ систематическимъ противникомъ „современнаго склада русской жизни"; но едва ли онъ доказывалъ его „разумность и непоколебимость", едва ли онъ видѣлъ въ немъ „залогъ будущаго широкаго развитія". *Такъ* отзываться онъ могъ только о *нѣкоторыхъ* основахъ нашего быта—напр., о „мужицкомъ" характерѣ русскаго государства. Какъ бы то ни было, брошюра г. П. Б. прибавляетъ нѣсколько новыхъ штриховъ къ симпатичному образу Кавелина. Много ли найдется людей, которые, возвращаясь на склонѣ лѣтъ (Кавелину, когда онъ былъ назначенъ профессоромъ военно-юридической академіи, шелъ шестидесятый годъ отъ роду) къ давно оставленному поприщу, отнеслись бы къ нему съ такою любовью, съ такимъ юношескимъ жаромъ? Кавелинъ былъ не только наставникомъ своихъ учениковъ—онъ былъ ихъ другомъ; онъ интересовался не только знаніями ихъ по его предмету, но и общимъ ихъ развитіемъ, всѣми сторонами ихъ умственной и нравственной жизни. Пишущій эти строки хранитъ у себя письмо Кавелина (отъ 29-го апрѣля 1884 г.), въ которомъ онъ, прося о содѣйствіи къ напечатанію статьи, написанной бывшимъ слушателемъ академіи, называетъ автора „однимъ изъ лучшихъ *моихъ* офицеровъ". И дѣйствительно, это была *его* молодежь, умѣвшая цѣнить и глубокую его мысль, и привлекательную рѣчь, и на все отзывчивую душу. Бесѣды Кавелина, какъ и его лекціи,—говоритъ г. П. Б.,—„производили на всю аудиторію въ высокой степени благотворное вліяніе, возбуждая во всякомъ слушателѣ желаніе возвыситься до тѣхъ идеаловъ, которыми одушевленъ былъ профессоръ... Между Кавелинымъ и офицерами, прослушавшими курсъ, устанавливались самыя лучшія отношенія. Каждый себя чувствовалъ какъ бы обновленнымъ, каждый готовился къ экзамену съ особеннымъ усердіемъ, не для того, чтобы пріобрѣсти удовлетворительный баллъ, а для того, чтобы недостаточно-хорошимъ отвѣтомъ не огорчить любимаго профессора... Каждый слушатель академіи видѣлъ въ Кавелинѣ идеалъ человѣческаго совершенства... Весь секретъ благотворнаго вліянія Кавелина лежалъ въ изумительно-гармонической его природѣ; его мысль всегда сопровождалась и согрѣвалась соотвѣтствующимъ чувствомъ; надъ его рѣчью не тяготѣло докуч-

ливое сознаніе своего *я*"... Въ февралѣ нынѣшняго года въ стѣнахъ конференцъ-залы военно-юридической академіи поставленъ мраморный бюстъ Кавелина, работы Антокольскаго. Расходы на матеріалъ для бюста (Антокольскій работалъ безплатно) и на изготовленіе пьедестала приняли на себя бывшіе ученики Кавелина. Отрадно видѣть, что память о Кавелинѣ не угасла въ сердцахъ его слушателей, утѣшительно думать, что она будетъ сохраняться и въ слѣдующихъ курсахъ академіи; но тяжело вспомнить, что *такой* профессоръ, имѣвшій всѣ данныя для вліянія на массу, большую часть своей жизни провелъ, помимо воли, вдали отъ своего настоящаго призванія — отъ университетской каѳедры. Вполнѣ замѣнить университетъ военно-юридическая академія не могла для Кавелина, уже въ силу самой спеціальности своей задачи и ограниченнаго числа слушателей. Хорошо, что въ молодости нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ военныхъ прокуроровъ и судей былъ періодъ, когда они находили въ Кавелинѣ „идеалъ человѣческаго совершенства", — но несравненно было бы лучше, еслибы „учителю права и правды" было дано сыграть такую же роль въ жизни нѣсколькихъ тысячъ или десятковъ тысячъ студентовъ, разбросанныхъ по всѣмъ концамъ Россіи, по всѣмъ слоямъ русскаго общества.

— *Лекціи по русскому уголовному праву*, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть общая, выпускъ третій. Спб., 1890.

Года три тому назадъ мы говорили о первой части этого почтеннаго труда. Въ каждомъ новомъ его томѣ можно найти цѣлые отдѣлы, представляющіе большой интересъ даже для не-спеціалистовъ. Таковъ, въ только-что вышедшемъ выпускѣ, обзоръ разныхъ родовъ и видовъ дисциплинарныхъ взысканій. Передъ нами проходитъ здѣсь дисциплинарная власть церкви, отца семейства, сословій, корпорацій, учебныхъ заведеній, хозяина или мастера, военнаго, гражданскаго и тюремнаго начальства, предсѣдателей публичныхъ засѣданій и собраній. Еще важнѣе замѣчанія автора о взысканіяхъ административныхъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ эти взысканія существуютъ у насъ, они очень близко подходятъ къ наказаніямъ; теоретическое и практическое отдѣленіе однихъ отъ другихъ г. Таганцевъ совершенно справедливо признаетъ почти невозможнымъ. „Едва ли нужно серьезно доказывать,—говоритъ онъ,—что административныя взысканія, въ особенности наиболѣе тяжкія, для лица, имъ подвергшагося, имѣютъ такое же или почти такое же значеніе, какъ и мѣры карательныя. Кто рѣшится утверждать, что человѣкъ, высиживающій въ тюрьмѣ

мѣсяцы или годы по распоряженію администраціи, находится въ иномъ, лучшемъ положеніи, чѣмъ его сотоварищъ по камерѣ, приговоренный судомъ за кражу или мошенничество; что сосланный въ Колу, Шенкурскъ или Мезень, или даже въ мѣста съ сравнительно лучшими климатическими условіями, но при тѣхъ правоограниченіяхъ, которыя сопровождаютъ административную ссылку, можетъ утѣшать себя тѣмъ, что онъ не приговоренъ судомъ, а высланъ въ порядкѣ административномъ, можетъ быть и безъ объясненія ему основанія таковой высылки? Но если подобная высылка является наказаніемъ, то почему же она можетъ быть назначена безъ суда, являющагося органомъ той же верховной власти, также стоящимъ подъ іерархически-служебнымъ надзоромъ? Почему подобное наказаніе можетъ быть примѣняемо къ лицу, котораго виновность не доказана? Почему административный чиновникъ можетъ прозрѣть и увѣриться тамъ, гдѣ судья встрѣчаетъ только сомнѣнія и слабыя вѣроятности? Не угрожаетъ ли эта теорія административной непогрѣшимости замѣнить законъ простымъ усмотрѣніемъ? Если даже назначеніе административной кары будетъ поставлено въ зависимость отъ коллегіальнаго совѣщанія высшихъ сановниковъ, то и тогда не нужно забывать, что эта послѣдняя инстанція имѣетъ предъ собой непосредственно не живое дѣло, а мертвый докладъ, что она дѣйствуетъ по принципамъ стараго нашего процесса, но безъ его гарантій для подсудимаго. А какой просторъ для неизбѣжныхъ вліяній и искательствъ всякаго рода, очень часто не имѣющихъ ничего общаго съ интересами правосудія и государства? Мало того: эти мѣры весьма нерѣдко представляются вредными и для общественнаго спокойствія. Онѣ озлобляютъ наказаннаго и изъ колеблющагося создаютъ непримиримаго крайняго; онѣ вооружаютъ семью и лицъ, близкихъ сосланному; онѣ, наконецъ, переводятъ часто во враждебный правительству лагерь всѣхъ тѣхъ, кому дорога гражданская свобода и неприкосновенность личности; онѣ подрываютъ въ обществѣ уваженіе къ праву и закону" („Лекціи по уголовному праву", стр. 1027—1028). Все это истинно до очевидности—но большой заслугой бываетъ, иногда, повтореніе самыхъ простыхъ, самыхъ несомнѣнныхъ истинъ. Общественное положеніе г. Таганцева ограждаетъ его отъ подозрѣній въ неблагонадежности и придаетъ его словамъ авторитетность, въ свою очередь значительно увеличивающую ихъ цѣнность. Практическому осуществленію идеи всегда предшествуетъ ея научное обоснованіе. Провозглашаемыя съ каѳедры и закрѣпляемыя печатнымъ словомъ, мысли г. Таганцева должны способствовать признанію и у насъ великаго начала, составляющаго одно изъ главныхъ пріобрѣтеній современной цивилизаціи: „безъ гарантій лич-

ности и ея правъ, безъ признанія неприкосновенности частной жизни, жилища и т. п., не можетъ быть ни прогрессивнаго развитія общества, ни устойчивости государственнаго порядка" („Лекціи по уголовному праву", стр. 1024).—К. К.

— *Этнографическое Обозрѣніе.* Изданіе Этнографическаго отдѣла импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. 1890, № 2—3 (книги V—VI), подъ редакціей секретаря Этнографическаго отдѣла Н. А. *Янчука.* М. 1890.

— *Живая Старина.* Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи импер. русскаго Географическаго Общества, подъ редакціею предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи В. И. *Ламанскаго.* Выпускъ I. Спб. 1890.

Мы отмѣтили въ прошломъ году возникновеніе новаго изданія, посвященнаго вопросамъ этнографіи и предпринятаго при московскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Оказывалось, что обыкновенныя изданія Общества не удовлетворяли распространяющемуся вкусу къ этнографическимъ изслѣдованіямъ, что накоплялось много частныхъ мелкихъ работъ (хотя посвящаемыхъ иногда и крупнымъ предметамъ), являлась потребность обозрѣвать то, что̀ дѣлалось вообще въ литературѣ по этому предмету, и такимъ образомъ возникло новое спеціальное изданіе, связанное съ трудами Общества однимъ предметомъ изслѣдованій, участіемъ и руководствомъ тѣхъ же лицъ, но вмѣстѣ и болѣе свободное, какъ частная иниціатива.

Изданіе поведено было съ большою ревностью, и, упоминая въ Литературномъ Обозрѣніи о первыхъ его книгахъ, мы указывали цѣнныя работы по общимъ вопросамъ этнографіи, по разнымъ ея частностямъ, важные матеріалы и, наконецъ, внимательно составленные библіографическіе отчеты о современномъ движеніи этнографической литературы. Тѣмъ же характеромъ отличаются и новѣйшіе выпуски этого изданія. Въ V выпускѣ находимъ переводную статью Эдварда Тайлора: „О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій"; далѣе, замѣтки г. А. Веселовскаго по одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ этнографіи и старой народной письменности—„О дуалистическихъ космогоніяхъ"; любопытную статью В. Ѳ. Миллера—„Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ", гдѣ снова поднимается вопросъ о восточныхъ связяхъ нашего эпоса, вопросъ, нѣкогда поднятый г. Стасовымъ и недавно подновленный г. Потанинымъ; въ библіографическомъ отдѣлѣ находимъ указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ газетахъ отъ начала ихъ изданія, составленный А. А. Ивановскимъ. Въ

V выпускѣ, кромѣ нѣскольких частныхъ изслѣдованій по мѣстной этнографіи, находимъ статью г. Сумцова—„Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“, снова опытъ возстановить слѣды взаимодѣйствія европейскаго сказанія съ восточнымъ; статью г. Мельгунова о русской народной музыкѣ; „Литовскія легенды“ г. Вольтера; продолженіе указателя г. Ивановскаго,—и въ обоихъ выпускахъ рядъ критическихъ замѣтокъ о новѣйшихъ явленіяхъ въ нашей этнографической литературѣ.

Новымъ доказательствомъ особеннаго оживленія этнографическихъ интересовъ въ нашемъ образованномъ кругу является другое изданіе, предпринятое при этнографическомъ отдѣленіи Географическаго Общества. Это—изданіе того же типа, какъ и „Этнографическое Обозрѣніе“; оно стоитъ въ непосредственной связи съ Географическимъ Обществомъ, его редакторъ есть предсѣдатель этнографическаго отдѣленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ это есть дѣло частной иниціативы. Въ заявленіи редакціи на первой же страницѣ изданія мы читаемъ, что „средствъ на подобное изданіе Географическое Общество не имѣетъ и имѣть не будетъ, пока не разовьется въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости подымать и поддерживать русскую ученую литературу частными пожертвованіями и складчинами, какъ оно вездѣ дѣлается въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и въ Сѣв. Америкѣ“. Средства нашихъ ученыхъ учрежденій и обществъ вообще ничтожны и въ данномъ положеніи вещей дѣло не можетъ обойтись безъ усиленныхъ заботъ частной иниціативы. Этнографическое отдѣленіе едва въ состояніи поддерживать изданіе „Записокъ“, въ которыхъ помѣщаются обыкновенно работы болѣе или менѣе крупнаго объема (въ настоящее время тамъ печатаются два большіе сборника: Смоленскій—В. Н. Добровольскаго, и Македонскій—Драганова). Между тѣмъ, „въ ученомъ архивѣ Географическаго Общества хранится множество такого рода матеріаловъ, статей, записокъ, которые не могутъ быть напечатаны цѣликомъ, и заключаютъ въ себѣ, однако, весьма важныя нерѣдко наблюденія и данныя. Тамъ же имѣется не мало такихъ статей, которыя, несмотря на свой небольшой объемъ, не были напечатаны въ повременномъ изданіи Общества, „Извѣстіяхъ“, такъ какъ ихъ слишкомъ много, ни въ Запискахъ отдѣленія,—въ нихъ едва хватаетъ мѣста для большихъ трудовъ“. Имѣя подъ руками этотъ архивъ, „Живая Старина“ желаетъ дать мѣсто и новымъ являющимся матеріаламъ, которые все болѣе размножаются въ послѣднее время: „Въ послѣднее время,—по словамъ редакціи,—по причинамъ понятнымъ, значительно возросло число крестьянъ въ рядахъ членовъ-сотрудниковъ Общества. Рядомъ съ этимъ замѣчается и другое отрадное явленіе. Съ возвышеніемъ и распространеніемъ у

насъ женскаго образованія, стали все чаще являться русскія образованныя женщины, съ любовью изучающія этнографію. За послѣдніе годы этнографическое отдѣленіе пріобрѣло себѣ нѣсколько почтенныхъ членовъ-сотрудницъ". Редакція полагаетъ, что это появленіе новыхъ этнографовъ-наблюдателей изъ среды самого народа, возростающее число образованныхъ русскихъ женщинъ, заинтересованныхъ вопросами этнографіи, и которымъ могутъ раскрыться особливо въ инородческомъ мірѣ недоступныя прежде стороны быта, наконецъ размноженіе образованной молодежи, стремящейся къ изученію народа, все это обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ великую пользу для русской литературы по народовѣдѣнію. Наконецъ, новое изданіе разсчитываетъ на богатство научныхъ пособій и ученыхъ силъ, находящихся въ Петербургѣ.

Новое изданіе имѣетъ въ виду сколько возможно широко послужить интересамъ народовѣдѣнія, пробудить къ нему общественный интересъ и вмѣстѣ придти на помощь тѣмъ разъединеннымъ силамъ провинціи, которыя въ нашихъ обыкновенныхъ условіяхъ теряются совершенно безплодно.

„Вообще,—читаемъ въ заявленіи редакціи,—„Живая Старина" имѣетъ главнѣйше въ виду служить ѳрганомъ общенія этнографическаго отдѣленія императорскаго русскаго Географическаго Общества и богатой научными пособіями, не скудной и живыми учеными силами столицы съ нашею провинціею, съ уѣздными городами и уѣздами по преимуществу. Совершенно почти лишенные всякихъ научныхъ пособій (чего уже о разныхъ губернскихъ, особенно университетскихъ, сказать нельзя), наши уѣздные города и уѣзды изобилуютъ неистощимыми и нерѣдко едва початыми богатствами этнографическаго матеріала, не бѣдны и людьми съ великимъ запасомъ живого, непосредственнаго знанія окружающей дѣйствительности, народнаго быта и обычая. Къ сожалѣнію, наука народовѣдѣнія въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наша гражданственность и просвѣщеніе не мало страдаютъ отъ двухъ всеобщихъ у насъ и потому всѣмъ извѣстныхъ явленій. Въ провинціи мы находимъ много такихъ мѣстныхъ знатоковъ родного края, что́ изъ преувеличенной ли скромности и недовѣрія къ себѣ, или по незнанію, куда обратиться за нужнымъ подчасъ совѣтомъ или разъясненіемъ, не рѣшаются дѣлиться своимъ богатымъ опытомъ и не пускаютъ въ общее свѣденіе своего живого знанія. Въ то же время мы встрѣчаемъ въ уѣздахъ и въ уѣздныхъ городахъ (а также и въ губернскихъ) множество лицъ средняго, а часто и высшаго образованія, что̀ про себя и громко сѣтуютъ на томящую ихъ скуку, на провинціальную спячку и пошлость развлеченій, на отсутствіе всякихъ идеальныхъ и умственныхъ ин-

тересовъ, тогда какъ имъ никто и ничто не мѣшаетъ, часть свободнаго отъ служебныхъ занятій времени, вмѣсто ежедневныхъ карточныхъ вечеровъ и позднихъ пріятельскихъ ужиновъ, посвящать изученію края; напротивъ, все къ тому ихъ призываетъ: каждый уголокъ Россіи любопытенъ и достоинъ изученія въ разныхъ отношеніяхъ, и у этихъ скучающихъ людей подъ бокомъ кипятъ живые ключи и будятъ ихъ любознательность. Стоитъ только возымѣть и воспитать въ себѣ охоту и любовь къ наблюденіямъ надъ окружающею природой, мертвою, вещественною и живою стариной, и люди, заснувшіе и отупѣвшіе было отъ скуки и пошлаго равнодушія къ окружающему, обрѣтутъ въ себѣ мало-по-малу высшіе интересы мысли и знанія, поймутъ, какими сокровищами они овладѣть могутъ, какое могутъ почетное имя и какой слѣдъ по себѣ оставить въ наукѣ и просвѣщеніи".

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этимъ благимъ пожеланіямъ. Къ сожалѣнію, тѣмъ, кто стремится пробуждать въ массѣ русскаго общества и общій интересъ къ наукѣ, и въ частности интересъ къ изученію своего собственнаго народа, приходится встрѣчаться съ такою застарѣлою рутиною равнодушія или просто непониманія, что исполненіе этихъ плановъ будетъ очень нелегко; работы этого рода представляются чуть не Сизифовой работой. Во всякомъ случаѣ, для какого-нибудь успѣха въ этомъ дѣлѣ нужна дружная работа многихъ и многихъ силъ, и главное—упорная выдержка: только при ея помощи возможенъ будетъ какой-нибудь прочный результатъ.

Настоящая книга „Живой Старины" даетъ понятіе о томъ богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ, какимъ располагаетъ редакція этого изданія, и который, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ этотъ новый небольшой журналъ необходимымъ пособіемъ и для спеціалистовъ, и для тѣхъ, кто впервые приступитъ къ этнографическимъ изученіямъ. Въ первой, вводной части книги, кромѣ общихъ заявленій редакціи о характерѣ начатаго предпріятія, помѣщена послѣдняя этнографическая программа Географическаго Общества и обширная статья самого редактора о желательной постановкѣ цѣлаго вопроса этнографическихъ изученій въ связи съ общимъ состояніемъ нашей литературы и образованности; здѣсь же находимъ лекцію г. Ольденбурга, посвященную памяти скончавшагося недавно профессора спб. университета, И. П. Минаева. Далѣе, въ первомъ отдѣлѣ книги, посвященномъ „изслѣдованіямъ, наблюденіямъ, разсужденіямъ", встрѣчаемъ цѣлый рядъ любопытныхъ частныхъ изслѣдованій, какъ „Пѣсни о князѣ Михаилѣ", г. Жданова; „Полузѣрцы псково-печерскаго края", г. Трусмана; „Три года въ якутской области" г. Приклонскаго;

„Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о сербо-лужичанахъ" (изъ его бумагъ); замѣтки А. Н. Веселовскаго, А. И. Соболевскаго; „Повѣрья крестьянъ тамбовской губ.", г. Бондаренко, и проч. Въ отдѣлѣ „памятниковъ языка и народной словесности" находимъ: „Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника", сообщенныя Л. Н. Майковымъ; пѣсни крестьянъ гродненской губ., г-жи Саковичъ; лопарскія сказки и проч., свящ. Щеколдина; якутскія загадки и т. д. Въ отдѣлѣ „критики и библіографіи"—рядъ краткихъ отчетовъ о новѣйшихъ явленіяхъ русской и славянской этнографической литературы и общихъ сочиненіяхъ по вопросамъ народной археологіи. Наконецъ, въ отдѣлѣ смѣси—мелкія извѣстія.

Изъ этого обзора читатель можетъ видѣть, какой широкій горизонтъ этнографическихъ изслѣдованій открывается въ новомъ изданіи. Обиліе матеріала, какимъ можетъ располагать редакція, и участіе извѣстныхъ спеціалистовъ обѣщаютъ сдѣлать „Живую Старину" весьма важнымъ органомъ этнографической науки, какъ подобныя ожиданія начинаетъ осуществлять и параллельное московское изданіе.

Предѣлы замѣтки не позволяютъ намъ подробно остановиться на упомянутой руководящей статьѣ самого редактора. Это цѣлый трактатъ о современномъ складѣ нашей литературы, между прочимъ журнальной, о разнообразныхъ нуждахъ нашего просвѣщенія, о необходимости тѣснаго общенія съ народною жизнью, которое одно въ состояніи дать устойчивость нашимъ общественнымъ стремленіямъ. Основныя темы этого разсужденія, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ полнаго сочувствія, хотя не всегда можно согласиться съ авторомъ въ объясненіи различныхъ современныхъ явленій нашей образованности и литературы. Остановимся на двухъ-трехъ примѣрахъ. Авторъ вообще не расположенъ къ нынѣшней журнальной формѣ нашей литературы, по его мнѣнію, производящей слишкомъ много балласта, и полагаетъ, что тѣ матеріальныя средства, которыя шли на поддержаніе нашихъ журналовъ, въ числѣ которыхъ было, между прочимъ, такъ много плохихъ и эфемерныхъ, могли бы быть употреблены съ гораздо бо́льшей пользой для общества и даже съ бо́льшей выгодой для самихъ предпринимателей, еслибы получили иное назначеніе. „Какъ бы мы ни возвышали и ни преувеличивали заслуги и значеніе нашихъ журналовъ, все же нельзя отрицать, что затраченный на нихъ въ послѣднія 50 лѣтъ капиталъ слишкомъ несоразмѣренъ съ принесенною ими пользою русской литературѣ и образованности. Пусть хоть не половина этой суммы, какъ мы думаемъ, то, конечно, добрая ея треть, разумно употребленная на другія, болѣе нужныя и доброкачественныя, изданія и книги, принесла бы предпринимателямъ не только уже болѣе чести и славы, но и матеріальной прибыли, а потреби-

телямъ не доставила бы, разумѣется, такого несмѣтнаго количества листовъ по большей части совсѣмъ теперь почти никому не нужной печатной бумаги, зато подарила бы русской литературѣ нѣсколько десятковъ хорошихъ полезныхъ книгъ, въ коихъ бы долго нуждались отцы, матери и дѣти каждой небогатой, но любознательной русской семьи. Отдѣливъ если не три или четыре, то хотя бы два милліона слишкомъ и расходуя ихъ ежегодно въ теченіе 50 лѣтъ на изданіе, напр., энциклопедическаго словаря, цѣлой серіи хорошихъ основныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, дѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій, посвященныхъ описанію различныхъ краевъ Россіи, и проч., наши издатели литературно-научныхъ журналовъ получили бы больше выгодъ и оставили бы по себѣ добрую, заслуженную память въ исторіи русскаго просвѣщенія" (стр. XV). Но складъ русскаго журнала, распространенный теперь (и которому авторъ, между прочимъ, противополагаетъ складъ журналовъ европейскихъ, болѣе сжатыхъ) вовсе не былъ результатомъ произвольнаго выбора журнальныхъ предпринимателей: онъ создался мало-по-малу и самъ собою. Эта пестрота содержанія, это болѣе или менѣе расплывчатое изложеніе и т. д., что̀ ставитъ авторъ въ упрекъ нынѣшней журнальной формѣ, образовались по свойствамъ читателя и по внѣшнимъ условіямъ литературы, а не по одному капризу журнальнаго предпринимателя. Понятно, что послѣдній долженъ былъ имѣть въ виду не отвлеченныя соображенія о наилучшей формѣ полезнаго изданія, а долженъ былъ принять въ соображеніе существующаго читателя — иначе самое предпріятіе должно было бы погибнуть; формы журналовъ представляли нѣсколько варіацій, пока установилась та изъ нихъ, которая получила наибольшій успѣхъ у читателей, т.-е. отвѣтила ихъ потребностямъ. Журналъ былъ показателемъ степени развитія самаго общества; онъ сталъ энциклопедическимъ по той простой причинѣ, что для огромнаго большинства онъ бываетъ единственной умственной пищей, на которую онъ считаетъ возможнымъ и достаточнымъ сдѣлать денежную трату. Зато многія болѣе серьезныя и, собственно говоря, вовсе не журнальныя работы могли появиться, только проходя черезъ журналъ; изданныя отдѣльными книгами, онѣ пріобрѣли бы лишь очень немногихъ читателей и не окупили бы труда. Книги научнаго содержанія, если только это не учебники, одобренные министерствомъ для гимназій, имѣютъ у насъ весьма немногочисленную публику. Съ другой стороны, въ условіяхъ нашей литературы, то-есть нашего образованія, совсѣмъ не такъ легко изданіе, напримѣръ, „энциклопедическихъ словарей". Недавно г. Старчевскій разсказалъ исторію своего словаря: нужно много терпѣнія, чтобы вынести тѣ, по истинѣ безобразныя, внѣшнія условія, среди

которыхъ привелось ему вести свое весьма скромное изданіе. Кромѣ этихъ внѣшнихъ условій, подобныя предпріятія были у насъ очень трудны и по недостатку ученыхъ силъ, по практическому неумѣнью справляться съ широкими предпріятіями, которое само по себѣ также свидѣтельствуетъ о недостаточности умственной культуры. Припомнимъ неудачу обширнаго энциклопедическаго словаря, издававшагося Плюшаромъ, другого словаря, предпринятаго въ 1860-хъ годахъ, или, наконецъ, указываемыя качества новѣйшаго словаря, издаваемаго подъ редакціей И. Е. Андреевскаго. Что касается „ненужной печатной бумаги“, то старые журналы обращаются въ нее не только у насъ, но и на всемъ земномъ шарѣ.

„Смѣемъ думать,—говоритъ г. Ламанскій,—что книжное дѣло въ Германіи, Франціи и Англіи поставлено гораздо правильнѣе, чѣмъ у насъ, главнѣйше же потому, что тамъ издается и читается много книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ извѣстнымъ отраслямъ знанія, гораздо больше, чѣмъ журналовъ энциклопедическихъ, да и такихъ большихъ, какъ наши, и вовсе почти не имѣется. У насъ же эти ежемѣсячные сборники, обыкновенно на̀-скоро составленные, поглощаютъ слишкомъ много денегъ, труда и времени у капиталистовъ-предпринимателей и публики, и труда и времени у многихъ иначе полезныхъ литературныхъ работниковъ и положительно мѣшаютъ печатанію и распространенію многихъ необходимыхъ книгъ и періодическихъ изданій не энциклопедическаго характера“ (стр. XVII). Указывая бо̀льшее распространеніе спеціальныхъ книгъ и журналовъ въ Европѣ, сравнительно съ нашимъ, авторъ не обратилъ вниманія на одну бѣду—именно упомянутую скудость нашего образованія. Ученая Германія раскупала „сравнительную грамматику“ Боппа; у насъ было бы продано такой книги десять экземпляровъ.

Въ другомъ мѣстѣ, указывая недостатки нашихъ журналовъ, не подлежащіе сомнѣнію, авторъ какъ будто хочетъ умалить ту долю недостатковъ, какая происходитъ отъ „независящихъ обстоятельствъ“ (стр. XII). Значеніе этихъ послѣднихъ должно быть опредѣлено исторіей; до сихъ поръ оно еще не сосчитано, но достаточно оглянуться, напримѣръ, на то прошедшее, о которомъ такъ документально разсказываетъ въ своемъ дневникѣ Никитенко, а съ другой стороны, принять во вниманіе, что вліяніе независящихъ обстоятельствъ заключалось не только въ томъ, что не попадали въ печать какія-нибудь отдѣльныя статьи, а въ томъ, что вынимались изъ обращенія цѣлыя области человѣческой мысли: еще на нашей памяти были, такимъ образомъ, вынуты изъ обращенія цѣлые періоды русской исторіи, цѣлые отдѣлы естествознанія, наукъ нравственныхъ и политическихъ...

Еще одно замѣчаніе. Авторъ говоритъ, что ему случалось слышать о томъ, какъ русскіе образованные люди, напримѣръ чиновники въ глухихъ мѣстахъ (въ данномъ случаѣ, на Кавказѣ), изнываютъ отъ скуки, не находя себѣ никакого дѣла, „и въ то же время молодые чиновники изъ нѣмцевъ, бодрые и дѣятельные, по способностямъ не выше своихъ русскихъ товарищей, умѣли найти себѣ интересы въ занятіяхъ кто кавказской флорой, кто древностями, кто этнографіей и любопытными нарѣчіями горцевъ. Такое скучанье русскихъ образованныхъ людей отъ неумѣнья найти себѣ дѣло и трудъ, въ самыхъ занимательныхъ для любознательнаго, несонливаго ума краяхъ, къ несчастью, дѣло у насъ довольно заурядное. Виною этому отчасти наша школа, а еще болѣе наша литература. Упомянутые нѣмцы на Кавказѣ были по преимуществу воспитанники русскихъ же заведеній, а не дерптскіе; но родственная имъ по языку нѣмецкая литература воспитывала и развивала въ нихъ уваженіе къ наукѣ, духъ пытливости и любовь къ ученымъ изслѣдованіямъ“ (стр. XX).

Этихъ нѣмцевъ развивала не одна литература, а цѣлая давняя культура, побуждавшая къ труду, внушавшая сознаніе своего достоинства и серьезный взглядъ на жизнь... Съ другой стороны, свойства русскихъ образованныхъ людей, не знающихъ какъ убить время въ захолустной жизни, не находящихъ себѣ никакихъ интересовъ вокругъ себя, происходятъ не отъ одной „школы и литературы“, а опять отъ цѣлаго склада нашей жизни, гдѣ школа и литература, быть можетъ, имѣютъ наименьшую долю вліянія. При томъ указаніе на школу и литературу такъ неопредѣленно, что можетъ вести къ большимъ недоразумѣніямъ. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что школа, какъ она поставлена теперь, дѣйствительно не даетъ молодымъ поколѣніямъ того, что̀ было бы пригодно имъ при вступленіи въ дѣловую и общественную жизнь; но при чемъ здѣсь литература? Эта самая литература цѣлые десятки лѣтъ боролась, совершенно безплодно, противъ недостатковъ „школы“, именно настаивая на необходимости приблизить ее къ дѣйствительнымъ потребностямъ нравственно-общественной и практической жизни; какимъ образомъ на *эту* литературу можетъ пасть то самое обвиненіе, которое направляется противъ „школы“? Литература есть слишкомъ широкій терминъ. Она заключаетъ въ себѣ прямо противоположныя теченія мысли: въ ней имѣютъ голосъ и друзья, и враги народа, друзья и враги просвѣщенія.

Но, затѣмъ, въ статьѣ г. Ламанскаго собрано много любопытныхъ замѣчаній о томъ, что̀ желательно для успѣха нашихъ изученій народной жизни, и благихъ пожеланій, къ которымъ въ полной мѣрѣ присоединится каждый, кто относится къ интересамъ нашего просвѣщенія и народовѣденія съ дѣйствительнымъ сочувствіемъ.—А. П.

Письмо къ Редактору.—М. Г. Надѣюсь, что вы не откажете помѣстить небольшое объясненіе по поводу разбора моей книги („Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в."; выпускъ первый, XVIII в.), напечатаннаго въ „Вѣстникѣ Европы", августъ, стр. 141—678. Я не буду говорить о подробностяхъ, которыхъ касаются замѣчанія критика, такъ какъ въ данномъ случаѣ это значило бы поднимать споръ вдвойнѣ спеціальнаго характера и потому малоинтересный для читателей; я остановлюсь только на слѣдующемъ.

Критикъ находитъ: 1) что съ моей стороны было легкомысленно на основаніи однихъ оффиціальныхъ данныхъ рисовать общую картину поземельной политики, и 2) что, благодаря этому неправильному пріему, въ результатѣ моихъ выводовъ и получилась какая-то идиллія. Въ основѣ такихъ положеній скрывается, смѣю думать, нѣкоторое недоразумѣніе. Я вовсе не задавался цѣлью изслѣдовать нашу поземельную политику въ связи съ поземельными отношеніями, съ исторіею землевладѣнія; для такой широкой задачи было бы, конечно, непростительно ограничивать изслѣдованіе одними памятниками законодательства. Но я, повторяю, и не ставилъ себѣ такой задачи,—я считаю ее въ настоящее время неисполнимой,—а если такъ, то, при болѣе узкой и болѣе спеціальной постановкѣ вопроса, и выводы мои не должны быть принимаемы за общую картину идиллическаго или другого характера. Считаю нужнымъ объяснить, какъ поставленъ вопросъ въ моемъ изслѣдованіи.

Занимаясь изученіемъ исторіи крестьянской реформы, крестьянскаго вопроса, въ частности же—вопроса о поземельномъ крестьянскомъ надѣлѣ, я пришелъ къ заключенію, что въ нашей литературѣ недостаточно отмѣчена связь, какая существуетъ между нѣкоторыми изъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ „Положенія" 19-го февраля 1861 г., и предшествующимъ законодательствомъ. Одною изъ самыхъ основныхъ чертъ крестьянской реформы было надѣленіе освобождаемыхъ крестьянъ землею. Какъ во время самаго освобожденія крестьянъ, такъ и потомъ, у насъ пользовался не малымъ распространеніемъ взглядъ, по которому это надѣленіе крестьянъ землею было чѣмъ-то заимствованнымъ, было совершенно чуждо нашему законодательству. Правильное рѣшеніе этого историческаго вопроса, помимо своего научнаго интереса, имѣло бы весьма важное значеніе для своего времени и сохраняетъ, до извѣстной степени, практическій характеръ и для нашихъ дней, такъ какъ самый вопросъ о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ имѣетъ длящееся значеніе и постоянно возникаетъ въ той или другой формѣ. Вотъ соображенія, опредѣлившія характеръ моего изслѣдованія. Чѣмъ было, по существу, надѣленіе землею

бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 1861 г.? Оно было, во-первыхъ, обезпеченіемъ крестьянскаго быта, понимаемымъ, какъ государственный интересъ, и, во-вторыхъ, оно было ограниченіемъ поземельныхъ правъ частнаго владѣнія. Въ такомъ направленіи и было ведено мое изслѣдованіе, первая часть котораго, касающаяся XVIII вѣка, напечатана: я слѣдилъ въ нашемъ законодательствѣ проявленіе правъ государства на ограниченіе частнаго землевладѣнія и развитіе государственныхъ принциповъ поземельнаго обезпеченія крестьянъ. При такой спеціальной постановкѣ вопроса я долженъ былъ сосредоточить изслѣдованіе преимущественно на актахъ законодательства. Каковы бы ни были недостатки моей работы, мнѣ кажется, что я имѣю право сказать: 1) въ нашей исторической литературѣ связь поземельнаго надѣла крестьянъ въ 1861 г. съ предшествующимъ законодательствомъ не была достаточно выяснена, и 2) въ моемъ изслѣдованіи связь эта выяснена довольно полно и подтверждена многими фактами. Мнѣ казалось, что изслѣдуемый мною вопросъ, даже въ предѣлахъ XVIII вѣка, имѣетъ достаточно научнаго и общественнаго интереса для того, чтобы напечатать первую часть моей работы, не дожидаясь окончанія второй ея части. Критики, конечно, имѣютъ полное право смотрѣть по своему на интересъ избраннаго мною вопроса, но какъ бы то ни было, при оцѣнкѣ моей книги слѣдуетъ имѣть въ виду спеціально поставленную въ ней задачу.

В. Якушкинъ.

14-го октября
1890 г.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Беккеръ, К. Ф. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ, съ 95 рис. и 2 карт. Ч. II. Стр. 278. Ц. 1 р.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина. Т. III, ч. II, гл. III и IV. Спб. 90. Стр. 660. Ц. 5 р.

Бузольтъ, Г. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Перев. съ нѣм. студентовъ харьк. унив. Харьк. 90. Ц. 1 р. 50 к.

Вахтинъ, В.—Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса, соединяется ли Азія съ Америкой. Спб. 90. Стр. 124. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 26. Спб. 90. Стр. 193—240. Ц. 35 к.

Гарбель, А. и К°. Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 4. (Амбразура—Андрогинъ.) М. 90. Ц. 30 к.

Дмитріевъ, В. Н. Очеркъ климатическихъ условій южнаго берега Крыма. Спб. 90. Стр. 66.

Домбровскій, Л. А. Страничка изъ исторіи Темниковскаго медиц. общества. Рефераты. Темниковъ, 90. Стр. 62.

Езерскій, Ѳ. В. Мѣры къ подъему финансовъ. Спб. 90. Стр. 96. Ц. 1 р.

Зайкевичъ, А. Е. Къ вопросу о культурѣ турецкаго табаку высшихъ сортовъ въ полтавской губ. Харьк., 90. Стр. 15.

Кайгородовъ, Дмитрій. Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. II и III. Съ иллюстраціями. Спб. 90.

Каптеревъ, П. Ѳ. Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума. Спб. 90. Стр. 255. Ц. 2 р.

Ковалевскій, Максимъ. Законъ и обычай на Кавказѣ. Т. I и II. М. 90. Стр. 290 и 304. Ц. 4 р.

Костомаровъ, Н. И. Черниговка, быль второй половины XVIII в. Спб. 90. Стр. 316. Ц. 1. р. 50.

Кропотовъ, Г. С. Записка о современномъ экономическомъ состояніи татаръ хвалынскаго уѣзда, недоимочности и податной платежеспособности. Сарат. 90. Стр. 27.

Крыленко, В. Весною (смоленскіе мотивы). Смол. 89. Стр. 54. Ц. 10 к.

Кузнецовъ, Инн. Историческіе акты XVII стол. (1633—99). Матеріалы для исторіи Сибири. Томскъ. 90. Стр. 111.

Кумской, П. Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Историческая хрестоматія. Пособіе при начальномъ изученіи исторіи. Тифл. 90. Стр. 305. Ц. 1 р. 50 к.

Куно-Фишеръ. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 90. Стр. 264. Ц. 1 р.

Льдовъ, Конст. Стихотворенія. Спб. 90. Стр. 270. Ц. 2 р.

Маевъ, Н. Туркестанская выставка 1890 г. Ташкентъ. 90. Стр. 162. Ц. 30 к.

Макалинскій, П. В. Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, состоящихъ при окружныхъ судахъ. Ч. I и II. Изд. 3, измѣн. и дополн. Спб. 90. Стр. 399 и 774. Ц. за обѣ части 6 р.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чисто-французскаго произношенія. По системѣ д-ра Р. С. Розенталя. 2-й вып. Спб. 90. Стр. 25—56. Ц. 30 к.

Невскій, А. А. Земскія школы гороховецкаго уѣзда въ санитарномъ отношеніи, съ прилож. плановъ. Владим. н.-К. 90. Стр. 22.

Никольскій, П. Микробы или яды. Популярный очеркъ новѣйшихъ открытій. О причинахъ заразныхъ болѣзней. Спб. 90. Стр. 48.

Пёльманъ, проф. Роб. Краткій очеркъ греческой исторіи. Перев. Н. Шамонина. М. 90. Стр. 135. Ц. 90 к.

Пономаревъ, Н. В. Начальная сельско-хозяйственная книга, для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сел. хоз. школъ (съ 141 рисунк. въ текстѣ). Спб. 90. Стр. 236. Ц. 1 р.

Прибыловскій, Я. Я. Освобожденіе славянъ. Историческая поэма, въ 2-хъ карт. М. 90. Стр. 52. Ц. 75 к.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. II: Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская (въ 4-хъ томахъ, съ подпиской на III и IV т.—10 р.). Спб. 91. Стр. 428.

Родзевичъ, д-ръ Г. Каменная болѣзнь въ Сибири. Томскъ. 90. Стр. 7.

——— Библіографическій указатель работъ о каменной болѣзни и способахъ ихъ леченія въ Россіи. М. 90. Стр. 70.

Рѣдкинъ, П. Г., заслуж. проф., докторъ правъ. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. V. Спб. 90. Стр. 492. Ц. 3 р.

Смирновъ, Мир. Голосъ Корела. Путевыя замѣтки и корельская поэзія. Спб. 90. Стр. 337. Ц. 1 р. 50 к.

Теобальдъ, Воспоминанія. Ч. V. Вильна. 90. Стр. 160 и 143.

Форштеттеръ, А. А. Дунай, какъ международная рѣка. Изд. п. р. прив. доц. моск. унив. В. А. Уляницкаго. М. 90. Стр. 153. Ц. 1 р.

Хворовъ, С. Ѳ. Элементарный курсъ практической русской грамматики, съ задачами, упражненіями, образцами различн. разборовъ и работъ, для город. сельск. двуклассн. и т. д. училищъ. Этимологія и синтаксисъ простого предложенія. Курсъ концентрическій. Составл. по акад. рук. Я. К. Грота. Спб. 91. Стр. 125. Ц. 35 к.

Чижъ, Влад. Лекціи по судебной психопатологіи. Спб. 90. Стр. 336. Ц. 2 р. 50 к.

Шарловскій, І. Русская просодія. Изслѣдованіе объ акцентѣ вообще, и значеніе, а равно законы русскаго ударенія въ особенности. Од. 90. Стр. 286. Ц. 1 р.

Шликевичъ, А. П. Что даютъ и что могутъ дать подворныя описи. Черниг. 90. Стр. 56.

— Дагестанская область. Изданіе Закавк. Статист. Комитета. Тифл. 90. Стр. 241.

— Дешевая библіотека: 1 Избранныя сочиненія имп. Екатерины II, кн 1, 2 и 3; 2) Повѣсти кн. В. Ѳ. Одоевскаго, кн. 1, 2 и 3. Спб. 90. Ц. по 15 и 20 к.; 3) Фаустъ, Гете, переводъ Холодковскаго. Спб. 90. Стр. 252. Ц. 25 к.; 4) Герои и героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Спб. 90. Стр. 156. Ц. 15 к.

— Отчетъ Совѣта Спб. женскаго Патріотическаго общества за 1880 г. Спб. 90.

— Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1888 г. Спб. 90. Стр. 339.

СЧАСТЛИВЫЯ МЫСЛИ Н. Н. СТРАХОВА.

Письмо въ Редакцію.

Генрихъ Рюккертъ въ своемъ сочиненіи „Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung" (Leipzig, 1857), отвергая мысль о единой культурѣ, общей для всего человѣчества, говоритъ, между прочимъ (томъ I, стр. 95), что „такое исключительное понятіе о существованіи и правѣ одного единственнаго *культурнаго типа* (Culturtypus) опровергается уже самимъ опытомъ, который находитъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ—а слѣдовательно, до нѣкоторой степени уполномочиваетъ ожидать и въ будущемъ—существованіе и независимую совмѣстность многихъ такихъ типовъ. Съ нѣкоторой высшей точки зрѣнія уже оказалось (для насъ) правомочіе *различныхъ культурныхъ типовъ* на относительно-вѣчное существованіе (von einem höherem Standpunkte aus hat sich auch schon die Berechtigung verschiedener Culturtypen auf ein relativ-ewiges Dasein ergeben). Допуская далѣе, какъ возможное въ будущемъ, извѣстное органическое взаимодѣйствіе этихъ культурныхъ типовъ (ein gewisses organisches Ineinandergreifen verschiedener grossen Culturtypen), Рюккертъ указываетъ на слѣдующей (96) страницѣ, что это только отвлеченная возможность, и что слѣдуетъ также допустить другую гипотезу, а именно, что вовсе не произойдетъ такого взаимодѣйствія между великими культурными типами человѣчества, которые изначала даны какъ индивидуальности и, слѣдовательно, на-вѣки необходимы (zwischen den verschiedenen grossen Culturtypen der Menschheit die als Individualitäten von Anfang an gegeben und folglich auch für ewig nothwendig sind). Передъ тѣмъ, на стр. 93 и 94, развивая тѣ же мысли, авторъ кромѣ слова: *типы*—употребляетъ еще выраженія: *культурно-историческіе* организмы и *культурно-историческія* индивидуальности. Вообще же въ одной этой небольшой главѣ, всего на пяти страницахъ, слово *типъ (культурный типъ, типъ культуры* и т. д.) встрѣчается ровно двадцать разъ, а слово *культурно-историческій* въ этомъ особомъ смыслѣ, т.-е. въ примѣненіи къ извѣстнымъ группамъ въ человѣчествѣ—три раза.

Сосчитать это я долженъ былъ потому, что г-ну Страхову (въ его статьѣ: „Новая выходка противъ книги Н. Я. Данилевскаго") пришла счастливая мысль утверждать, что Рюккертъ не высказывалъ

идеи культурно-историческихъ типовъ—„и вовсе не употребляетъ ни слова *культурно-историческій*, ни слова *типъ*,—терминовъ Данилевскаго" („Нов. Вр.", № 5231, стр. 2, столб. 7). Это до чрезвычайности невѣрное показаніе сдѣлано г. Страховымъ, какъ онъ говоритъ, для того, чтобы „обличить" меня (столб. 4). При всей моей привычкѣ къ разнаго рода обличеніямъ, такое странное—признаюсь—встрѣчаю въ первый разъ.

Странности въ этой статьѣ начинаются, впрочемъ, съ самаго начала, съ эпиграфа. Принимаясь вновь защищать и восхвалять дорогую ему книгу, г. Страховъ во главѣ этой явно-пристрастной апологіи поставилъ пословицу: *не по хорошу милъ, а по милу хорошъ*! Кто въ чемъ,—а г. Страховъ счастливъ въ эпиграфахъ. Издавая книжку въ защиту механическаго міровоззрѣнія въ его крайности и односторонности, исключающей всякое реальное бытіе духовныхъ силъ и дѣятелей, онъ украсилъ ее изреченіемъ *о любви къ Богу*. Ополчившись въ первый разъ противъ моего разбора книги: „Россія и Европа", —той самой книги, гдѣ Данилевскій весьма рѣшительно, хотя и невѣжественно, нападалъ на моего отца, за историческіе взгляды котораго я стою, г. Страховъ догадался избрать девизомъ своей полемики заповѣдь: *чти отца твоего и матерь твою*. Это было такъ удачно, что теперь, черезъ два съ половиной года послѣ того, какъ онъ выступилъ съ этою счастливою мыслью, почтенный критикъ еще разъ къ ней возвращается, чтобы дать ей слѣдующее, также весьма удачное объясненіе: „конечно, прежде и больше всего я отношу заповѣдь къ себѣ самому, а потомъ предлагаю ее и другимъ, не одному г. Соловьеву" (столб. 2). Конечно, авторитетъ Моисея, „предложившаго" эту заповѣдь именемъ Божіимъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, нуждался теперь въ авторитетномъ подтвержденіи со стороны г. Страхова, и, конечно, самый подходящій для этого способъ состоялъ въ томъ, чтобы взять пятую заповѣдь эпиграфомъ къ полемикѣ изъ-за теоріи культурно-историческихъ типовъ. По-истинѣ счастливая мысль! Что касается до пословицы: *не по хорошу милъ, а по милу хорошъ*,—то всякій пойметъ и безъ объясненій автора, что это „прежде и больше всего" относится къ нему самому, къ его собственному восхваленію излюбленной имъ книги.

Г-нъ Страховъ—хотя и считаетъ своею обязанностью предлагать заповѣди—отличается, тѣмъ не менѣе, отъ Моисея одною характерною чертою. Еврейскій законодатель, какъ извѣстно, въ порывѣ священнаго негодованія не задумался разбить скрижали завѣта, хотя слова на нихъ и были начертаны не земною рукой. Г-нъ Страховъ, совершенно напротивъ,—хотя, въ качествѣ врага всякаго спиритизма, и не можетъ утверждать за своими писаніями никакого сверхъестественнаго про-

исхожденія,—хранитъ однако, какъ неприкосновенную святыню, даже тѣ свои разглагольствія, которыя онъ самъ долженъ признать неотносящимися къ дѣлу придирками (столб. 3) и „мелочами" (столб. 7). Онъ даже извиняется передъ читателями въ этихъ мелочахъ, но зачеркнуть ихъ считаетъ святотатствомъ. А между тѣмъ и писать-то ихъ не было никакого уважительнаго повода. Въ самомъ дѣлѣ, помимо столь удачно поднятаго г. Страховымъ вопроса о книгѣ Рюкерта, всѣ эти пространныя мелочи, за которыя онъ долженъ просить извиненія у читателей, вызваны одною, мимоходомъ упомянутою въ моей статьѣ, біографическою подробностью да двумя подстрочными примѣчаніями. Сообщивъ содержаніе одного изъ нихъ, именно о томъ, что старые славянофилы, *повидимому*, не считали автора „Россіи и Европы" за своего человѣка, г. Страховъ восклицаетъ: „вотъ на какіе аргументы напираетъ нынѣ г. Соловьевъ" (столб. 3). Странный способъ напирать на аргументы, относить ихъ въ подстрочныя примѣчанія! Впрочемъ, отыскивая у меня мнимые аргументы, чтобы отвести глаза читателей отъ неудобныхъ дѣйствительныхъ, изобрѣтательный критикъ попадаетъ и еще удачнѣе. Такъ, одинъ изъ этихъ „новыхъ аргументовъ", которыми я, какъ онъ выражается, стараюсь „подорвать авторитетъ (!!) Н. Я. Данилевскаго", онъ находитъ въ упомянутомъ мною вскользь фактѣ, что авторъ „Россіи и Европы" былъ въ молодости фурьеристомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое злостное ухищреніе съ моей стороны! Теперь ужъ навѣрное Данилевскій совсѣмъ погибъ въ глазахъ читателей „Русской Мысли". Славянофила еще перенести можно, но фурьериста никогда!

Въ полемикѣ, какъ извѣстно, очень рѣдко удается что-нибудь окончательно уяснить. Поэтому я съ удовольствіемъ настаиваю на томъ, что въ спорѣ съ г. Страховымъ по крайней мѣрѣ одинъ пунктъ выяснился для меня вполнѣ. А именно, я съ совершенною несомнѣнностью убѣдился, что у моего противника терминъ *культурно-историческій типъ* не соединяется ни съ какимъ опредѣленнымъ понятіемъ, что онъ собственно ничего не разумѣетъ подъ этимъ выраженіемъ и можетъ по его поводу „предлагать" читателямъ только свои обычныя счастливыя мысли. Одною изъ нихъ, особенно яркою,—именно, что культурные типы расчленяются на событія,—я и воспользовался къ неудобству г. Страхова, который, не хуже меня зная въ чемъ дѣло, постарался прикрыть свое безнадежное положеніе въ этомъ пунктѣ молчаніемъ. Но онъ не сообразилъ, что молчаніе тутъ было бы цѣлесообразно только тогда, когда бы оно было обоюдно, и вотъ теперь, вынужденный хоть что-нибудь сказать объ этой важной, но непріят-

ной для него матеріи, онъ посвящаетъ ей слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „это расчлененіе анатомическихъ группъ на событія г. Соловьевъ выдвигаетъ противъ меня уже въ третій разъ; доживу ли я до того, что онъ, наконецъ, обратитъ вниманіе на мой отвѣтъ и заглянетъ въ книгу Данилевскаго" (стр. 3, столб. 2). Зачѣмъ мнѣ по этому поводу заглядывать въ книгу Данилевскаго, на котораго я никакъ не возлагаю отвѣтственности за всѣ счастливыя мысли его удачливаго защитника? А что касается до отвѣта г. Страхова, на который я долженъ обратить вниманіе, то о какомъ же собственно отвѣтѣ онъ говоритъ? Мысль о расчлененіи культурныхъ типовъ на событія была высказана г. Страховымъ въ его статьѣ: „Наша культура и всемірное единство" („Русск. Вѣстн.", іюнь 1888 г.); я обратилъ вниманіе читателей на эту счастливую мысль въ статьѣ „О грѣхахъ и болѣзняхъ" („Вѣстн. Европы", янв. 1889). Послѣ этого г. Страховъ возвращался къ нашему спору трижды, а именно въ статьѣ: „Послѣдній отвѣтъ г. Соловьеву" („Русск. Вѣстн.", февр. 1889); затѣмъ, послѣ этого псевдо-послѣдняго отвѣта, въ статьѣ: „Споръ изъ-за книгъ Данилевскаго" („Русск. Вѣстн.", декабрь 1889), и наконецъ, въ предисловіи къ 2-му изд. 2-го выпуска—„Борьба съ Западомъ". Но ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ случаѣ, онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ на вопросъ о расчлененіи культурныхъ типовъ; а теперь вдругъ патетически отсылаетъ меня къ какому-то несуществующему отвѣту. Но, быть можетъ, я дѣйствительно такъ слѣпъ, какъ утверждаетъ г. Страховъ; быть можетъ, по необходимости читая его послѣднія полемическія произведенія, я непонятнымъ образомъ пропустилъ въ нихъ самое главное, а именно, разъясненіе счастливой мысли о расчлененіи анатомическихъ группъ на событія. Въ такомъ случаѣ настоятельно прошу г. Страхова не скрывать отъ меня долѣе той страницы или тѣхъ страницъ въ упомянутыхъ его произведеніяхъ, гдѣ находится желаемое мною разъясненіе. Если онъ исполнитъ это столь законное и столь легкое требованіе, я совершенно серьезно обѣщаюсь признать свое ослѣпленіе, а г. Страхова провозгласить самымъ добросовѣстнымъ писателемъ во всей вселенной. Въ противномъ же случаѣ мнѣ придется,—оставляя безъ послѣдствій ссылку г. Страхова на отвѣтъ, котораго онъ никогда не давалъ,—настаивать на томъ грустномъ фактѣ, что не въ мѣру сердитый защитникъ „культурныхъ типовъ", обозначая ихъ какъ анатомическія группы, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что они расчленяются на событія, слѣдовательно никакой дѣйствительной мысли съ основнымъ терминомъ защищаемой имъ теоріи не соединяетъ.

Какъ яркую иллюстрацію избраннаго имъ эпиграфа: „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ", г. Страховъ приводитъ изъ книги Данилевскаго и сопровождаетъ выраженіями своего восторга нѣсколько общихъ фразъ о еврействѣ, какія тысячи разъ повторялись всѣми писавшими объ этой націи и ея религіи (стр. 3, столб. 5). Что избитыя общія мѣста не только удовлетворяютъ г. Страхова, но и приводятъ его въ восхищеніе, это—его дѣло, и грѣха тутъ нѣтъ; что все несовпадающее съ излюбленною имъ умственною плоскостью возбуждаетъ въ немъ, по его собственному выраженію, „злую досаду",—это не совсѣмъ хорошо, но довольно понятно, и большой бѣды тутъ также нѣтъ. Бѣда въ томъ, что и „восхищеніе", и „злая досада", служатъ для г. Страхова лишь способомъ отвлечь вниманіе читателей отъ существенныхъ пунктовъ спора. Тотъ фактъ, что національная религія евреевъ получила универсально-историческое значеніе, настолько очевиденъ, что указаніе на него есть не болѣе какъ общее мѣсто. Но вопросъ въ томъ, какъ же съ этимъ общеизвѣстнымъ фактомъ согласить выставленный Данилевскимъ мнимо-историческій законъ, по которому духовныя начала одного культурнаго типа не передаются другимъ? Еврейство—по Данилевскому—есть особый культурный типъ, и слѣдовательно выработанное имъ духовное начало не могло сдѣлаться (еслибы только существовалъ упомянутый законъ) религіей многихъ другихъ (Данилевскій со свойственною ему точностью говоритъ: „всѣхъ") народовъ, принадлежащихъ не къ этому, а къ инымъ культурнымъ типамъ. Это явное противорѣчіе было указано г. Страхову неоднократно, но вотще—онъ готовъ говорить о чемъ угодно,—только не объ этомъ.

Помимо еврейства существуютъ еще другіе всемірно-историческіе факты, несовмѣстные съ мнимымъ закономъ духовной непроницаемости культурныхъ типовъ (буддизмъ, неоплатонизмъ и гностицизмъ, исламъ). Примирить эти дѣйствительные факты съ мнимымъ историческимъ закономъ Данилевскаго г. Страховъ не можетъ, а сознаться въ этой основной несостоятельности защищаемой имъ теоріи—не хочетъ. Поэтому ему не остается ничего другого, какъ подмѣнить вопросъ. „О чемъ,—восклицаетъ онъ,—Данилевскій не говоритъ, того онъ не знаетъ—хорошъ выводъ!" (стр. 3, столб. 4). Кому же, однако, принадлежитъ такой выводъ? Дѣло не въ томъ, о чемъ Данилевскій не говоритъ, а въ томъ, что̀ онъ говоритъ, и именно въ его мнимомъ законѣ непередаваемости духовныхъ началъ отъ одного культурнаго типа другимъ; этому „закону" прямо противорѣчатъ указанныя историческія явленія, и слѣдовательно при достаточномъ знакомствѣ съ ними Данилевскій не могъ бы выставить своего столь невѣрнаго принципа,—развѣ только предположить, что этотъ писатель

былъ крайне несообразителенъ или крайне недобросовѣстенъ, чего я о немъ не думалъ и не думаю. Что главное дѣло тутъ въ простомъ незнакомствѣ автора „Россія и Европа" съ историческими фактами—на это существуютъ не отрицательныя только, но и прямыя положительныя указанія. Изъ того, что Данилевскій не упоминаетъ, напримѣръ, о Филонѣ-іудеѣ, никакъ не слѣдуетъ (по справедливому, хотя и неумѣстному замѣчанію г. Страхова), чтобы онъ о немъ не зналъ. Но когда онъ прямо утверждаетъ, что всѣ представители такъ-называемаго „александрійскаго" просвѣщенія были чистые греки и что никакого духовнаго объединенія разноплеменныхъ началъ въ Александріи не происходило, то это уже съ полною несомнѣнностью доказываетъ, что онъ ничего не зналъ о Филонѣ-іудеѣ и о множествѣ другихъ „александрійцевъ", не принадлежавшихъ къ греческой націи и работавшихъ именно надъ синтезомъ эллинской мудрости съ религіозными идеями „варваровъ", т.-е. съ духовными началами іудейскаго, египетскаго, халдейскаго и т. д. „культурныхъ типовъ",—употребляя терминологію Рюккертъ-Данилевскаго.

Наиболѣе стараній приложилъ г. Страховъ къ защитѣ политическихъ взглядовъ Данилевскаго, причемъ также не обошлось безъ счастливыхъ мыслей. Такъ, выражая свое негодованіе по поводу моего, будто бы голословнаго, упрека автору „Россіи и Европы" за принесеніе живыхъ народностей въ жертву мнимымъ интересамъ панславизма, г. Страховъ изумляется и тому, что я называю славянство, какъ его понималъ Данилевскій, фантастическою группою („Нов. Вр.", № 5242, стр. 2, столб. 5), а затѣмъ на слѣдующей страницѣ самъ приводитъ изъ „Россіи и Европы" слова, въ которыхъ авторъ отрицаетъ право на существованіе одной изъ упомянутыхъ народностей, называя ее фантастическою („фантастическій польскій народъ") (стр. 3, столб. 5).

По мнѣнію г. Страхова, книга „Россія и Европа" вся проникнута и переполнена обращеніемъ къ этическому принципу, и онъ удивляется, что я этого не замѣтилъ. Дѣйствительно, не замѣтилъ; но вѣдь зато я замѣтилъ кое-что другое,—напримѣръ, утвержденіе Данилевскаго, что оба западныя вѣроисповѣданія представляютъ собою безусловную ложь, причемъ одно изъ нихъ, сверхъ того, основано на невѣжествѣ, а другое—на отрицаніи религіи. Объ этомъ г. Страховъ не упоминаетъ, но зато онъ взводитъ на меня два, взаимно другъ друга уничтожающія, обвиненія. Съ одной стороны, я виноватъ въ томъ, что, выписывая различныя разсужденія разбираемаго автора, не прибавляю къ нимъ ни единаго слова отъ себя (стр. 2, столб. 7), а съ другой стороны, я подвергаюсь рѣзкому порицанію за то, что приписываю своимъ противникамъ „глупости и подлости" (стр. 3,

столб. 7). Хотя самъ я отъ такихъ крѣпкихъ словъ въ печати воздерживаюсь, но оспаривать ихъ по существу не стану, если г. Страхову угодно ихъ примѣнить къ нѣкоторымъ мнѣніямъ моихъ противниковъ, которыя я воспроизвожу, не прибавляя къ нимъ ни единаго слова отъ себя. Нѣтъ! „злая досада"—плохой совѣтникъ!

Г-нъ Страховъ кончаетъ свой „разборъ",—говоря, что ему нѣтъ ни нужды, ни охоты разбирать множество другихъ подобныхъ выходокъ, т.-е. бо̀льшую часть моей статьи: „Мнимая борьба съ Западомъ". Заявленіе довольно наивное въ концѣ длиннаго полемическаго упражненія. Затѣмъ этотъ воздержный критикъ находитъ однако, нужду и охоту сѣтовать на нашу оторванность отъ почвы и внушать любовь къ исторической, а не къ мечтательной Россіи. Подобныя „жалкія" слова говорятся, конечно, не для того, чтобы что-нибудь сказать, а лишь для того, чтобы скрыть полное безсиліе мысли и отсутствіе убѣжденій. Россія велика и разныхъ почвъ въ ней много: отъ иной почвы быть оторваннымъ дай Богъ всякому. И что̀ значитъ противоположеніе *историческаго мечтательному,* когда дѣло идетъ о народѣ живомъ, не завершившемъ свою исторію, имѣющемъ будущность? Россія, освобожденная отъ крѣпостного права, была Россіей мечтательной сорокъ лѣтъ тому назадъ, и тогдашніе господа Страховы, утверждаясь на исторической почвѣ, произведшей Салтычиху и Аракчеева, злобно брюзжали на всякую мысль о человѣческихъ правахъ крестьянства, какъ на мечту безпочвенныхъ умовъ, создающихъ „крылатыя теоріи" въ безвоздушномъ пространствѣ. Такъ и добрюзжали до 19-го февраля 1861 г. Впрочемъ, со свойственной ему твердостью мысли г. Страховъ свои послѣднія слова самъ посвящаетъ какой-то мечтательной Россіи, которая должна открыть источники живой воды для воскрешенія и напоенія чуждыхъ народовъ. Мечта возвышенная, хотя до крайности неопредѣленная. Допустимъ, что г. Страховъ въ нее вѣритъ и надѣется на ея осуществленіе. Но — повторимъ еще разъ его собственныя слова изъ „Рокового вопроса":—„только вѣрить мало, и только тѣшить себя надеждами—неизвинительно". А еще неизвинительнѣе фальшивыми аргументами поддерживать пустыя претензіи, вмѣсто того, чтобы, по мѣрѣ силъ, работать надъ очищеніемъ нашихъ „источниковъ живой воды" отъ грязной тины, которая ихъ затянула и заглушила.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Москва.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

University Extension: has it a Future? by *H. J. Mackinder* and *M. E. Sadler*. London, 1890.

Читатели „Вѣстника Европы" могли познакомиться съ новымъ движеніемъ въ англійскомъ обществѣ для распространенія высшаго образованія въ народѣ [1]). Настоящій совмѣстный трудъ гг. Маккиндэра и Сэдлера, выдержавшій въ самый короткій срокъ уже два изданія, посвященъ именно такому движенію; онъ обстоятельно знакомитъ съ организаціей существующихъ обществъ для распространенія университетскаго образованія въ народѣ и подробно обсуждаетъ ихъ сильныя и слабыя стороны, стараясь въ то же время выяснить вопросъ о будущемъ, которое предстоитъ означенному движенію.

Прежде всего любопытна въ этой книгѣ постановка даннаго вопроса. Фундаментальная идея и цѣль всего движенія, по мнѣнію авторовъ, заключается въ томъ, чтобы привести университетъ къ народу, если народъ не можетъ идти въ университетъ. Кромѣ того, по ихъ мнѣнію, на движеніе это можно смотрѣть какъ на естественное послѣдствіе двухъ великихъ образовательныхъ учрежденій, введенныхъ въ Англіи: обязательнаго начальнаго образованія и безплатныхъ публичныхъ библіотекъ. Эти два важные фактора народнаго просвѣщенія, по словамъ гг. Маккиндэра и Сэдлера, произвели совершенный переворотъ въ жизни англійскаго молодого поколѣнія, которому пришлось жить и воспользоваться этими двумя учрежденіями. Любовь къ умственной пищѣ и духовной жизни пробуждена ими, но не удовлетворена вполнѣ: масса беллетристики и газетъ, составляющихъ характеристику нашего времени, не достигаетъ послѣдней цѣли и часто приноситъ даже вредъ, вмѣсто пользы. У многихъ лицъ изъ народа пробуждается жажда къ высшему знанію, для чего потребно руководительство и личное общеніе высокообразован-

[1]) „В. Европы", мартъ, 1890 г., стр. 55 и слѣд.

ныхъ наставниковъ, какими являются лица изъ университетской среды, лекторы новыхъ курсовъ, такъ быстро распространившихся по всей странѣ. Такимъ образомъ, по мысли нашихъ авторовъ, эти новые народные университеты лишь завершаютъ то начинаніе, которое было положено въ странѣ общей народной грамотностью и даровымъ общедоступнымъ чтеніемъ. Насколько при этомъ движеніе отличается жизненностью—лучшимъ аргументомъ является его необычайно быстрый ростъ. Всѣ данныя по этому предмету, приводимыя здѣсь, еще выше тѣхъ, которыя были указаны въ упомянутой статьѣ мартовской книжки „Вѣстника Европы", за 1885-86 учебный годъ: напримѣръ, въ Англіи тогда читалось 172 высшихъ курса для народа, а за 1889-90—уже 380 курсовъ. Пять лѣтъ тому назадъ число всѣхъ слушателей или студентовъ на всѣхъ этихъ курсахъ было 16.752; нынѣ же, за послѣдній учебный годъ, число посѣщающихъ курсы превзошло сорокъ тысячъ (41.097), т.-е. противъ прошлаго года выросло на 10 тысячъ. Однихъ лекторовъ въ настоящее время насчитывается 68, и, по справедливости, скорѣе замѣчается недостатокъ въ нихъ, а никакъ не въ слушателяхъ. Общій расходъ всѣхъ „обществъ распространенія университетскаго образованія" составляетъ въ годъ нѣсколько меньше двадцати тысячъ (19.100) фун. стерл., собранныхъ исключительно частными средствами, или около 10 шилинговъ на слушателя; если же разложить данную сумму на число лекцій, то стоимость лекціи для студента обойдется не болѣе одного шилинга (т.-е. около 40 коп.), включая сюда посѣщеніе класса, расходъ на практическія занятія, экзаменъ и полученіе свидѣтельства. Такимъ образомъ, высшее образованіе англійскому народу при этомъ движеніи обходится весьма дешево.

Далѣе, гг. Маккиндэръ и Сэдлеръ весьма детально прослѣживаютъ въ своей книгѣ исторію университетскаго движенія по всѣмъ районамъ, дополняя ее нѣкоторыми, совершенно новыми, интересными подробностями. Ростъ же движенія, кромѣ цифръ, иллюстрируется нѣсколькими географическими картами страны, съ нанесеніемъ всѣхъ пунктовъ за разное время, гдѣ устроены „центры обществъ". Въ заключеніе авторы обстоятельно изслѣдуютъ вопросъ о наилучшихъ способахъ подготовленія и вербовки преподавателей или профессоровъ на эти курсы, и вообще относительно наилучшей организаціи всего дѣла, останавливаясь особенно на двухъ пунктахъ: матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ, дабы гарантировать, обезпечить и расширить дальнѣйшую дѣятельность движенія, и, во-вторыхъ, объединить существующія положенія въ различныхъ районахъ движенія. Въ послѣднемъ отношеніи уже кое-что сдѣлано, и пра-

вила оксфордскаго, кембриджскаго и лондонскаго районовъ University Extension болѣе и болѣе согласуются другъ съ другомъ; такъ, напримѣръ, размѣръ курсовъ, который въ обществахъ оксфордскаго района обыкновенно не превосходилъ 6 лекцій, съ будущаго года будетъ доведенъ, какъ и въ другихъ районахъ, до 12 чтеній на одинъ курсъ, и т. д. Для дальнѣйшаго будущаго остается рѣшить вопросъ о прочныхъ средствахъ ихъ существованія, и по этому-то поводу Маккиндэръ и Сэдлеръ посвящаютъ цѣлую главу своей книги различнымъ доказательствамъ и соображеніямъ о необходимости государству придти на помощь движенію выдачей ему въ той или иной формѣ денежной субсидіи. Съ точностью, во всѣхъ финансовыхъ дѣлахъ отличающей англичанъ, авторы, наконецъ, указываютъ и самый источникъ для такой субсидіи: онъ можетъ заключаться въ такомъ добавочномъ налогѣ на водку и пиво, какой былъ предложенъ 21-го іюля 1890 года въ палатѣ общинъ—именно въ цѣляхъ расширенія средствъ для народнаго образованія—британскимъ канцлеромъ казначейства.

II.

The Industrial History of England (University Extension Series), by *H. de B. Gibbins*. London, 1890.

Новое университетское движеніе Англіи идетъ на встрѣчу времени, вызывая появленіе на свѣтъ цѣлаго ряда и новыхъ научныхъ изданій. Такъ, къ упомянутой выше книгѣ Маккиндэра и Сэдлера приложено объявленіе лондонскаго книгопродавца Мюррей объ изданіи длиннаго ряда учебниковъ или руководствъ (Manuals) по всевозможнымъ отраслямъ знанія, какъ пособія именно для студентовъ и студентокъ обществъ распространенія университетскаго образованія въ народѣ. Единовременно печатается и другая серія руководства того же общества, подъ редакціей проф. Саймса, книгопродавцемъ Мэтюэномъ. Во главѣ этой серіи идетъ вышеозначенная книга Джиббинса по промышленной исторіи Англіи. Этотъ небольшой (226 стр.), но весьма полезный трудъ содержитъ въ себѣ, въ краткой и сжатой формѣ, изложеніе главнѣйшихъ фактовъ всей экономической и промышленной исторіи Англіи. Онъ предназначенъ служить введеніемъ къ болѣе полному изученію предмета, и какъ предварительный очеркъ, который читатель можетъ пополнить, ежели захочетъ, при помощи болѣе обширныхъ изслѣдованій, заботливо указанныхъ въ книгѣ

Джиббинса. При этомъ авторъ старается вездѣ, насколько позволяютъ тѣсныя рамки его труда, экономическіе и промышленные вопросы связать съ соціальными, политическими и даже военными событіями, насколько эта связь установлена и признается новѣйшими изслѣдователями англійской исторіи. Всѣ труды по этой части, каковы: Роджерса, Леви, Мэна, Эшли и др., или касались лишь спеціальныхъ сторонъ экономической и бытовой исторіи Англіи, или же обнимали лишь одинъ какой-нибудь періодъ ея. Небольшая же книжка Джиббинса именно тѣмъ и любопытна, что въ маломъ объемѣ, не обременяя читателя подробностями, имѣетъ задачей познакомить со всѣми главнѣйшими моментами экономической исторіи англійскаго народа,—одинаково, напримѣръ, какъ исторіи формъ землевладѣнія, такъ торговли и промышленности и исторіи рабочаго вопроса.

Джиббинсъ раздѣляетъ всю англійскую исторію на пять періодовъ, соотвѣтственно которымъ расположено и содержаніе его труда. *Періодъ I*—Англія до норманнскаго владычества, куда входитъ краткое описаніе экономическаго быта въ англо-саксонскую эпоху, промышленности и организаціи землевладѣнія. *Періодъ II*—отъ норманнскаго владычества до царствованія Генриха III (XIII вѣкъ), гдѣ излагается содержаніе извѣстной Doomesday Book, устройство общиннаго землевладѣнія Англіи того времени, причемъ даже приводится планъ полевого хозяйства начала среднихъ вѣковъ, а также излагается начало гильдій и городской жизни. *Періодъ III* (съ XIII по XV в.)—съ общимъ очеркомъ земледѣлія средневѣковой Англіи, промышленности—представляетъ описаніе вліянія такъ-называемой „великой чумы" на экономическія отношенія того времени. *Періодъ IV* обнимаетъ собой время съ XVI в. до половины XVIII, съ изложеніемъ всѣхъ важнѣйшихъ отраслей хозяйственной дѣятельности, включая сюда начатки развитія горнаго дѣла. Наконецъ, *періодъ V* называется: „промышленная революція и современная Англія", и заключаетъ въ себѣ описаніе эпохи великихъ техническихъ изобрѣтеній съ 1760 г. по настоящее время, начало и дальнѣйшее развитіе фабричной системы и ея результатовъ и современное положеніе англійскаго земледѣлія, промышленности, торговли и спеціально рабочихъ классовъ. Къ книгѣ приложено нѣсколько картъ Англіи, добросовѣстно составленныхъ, за разные періоды исторіи, съ цѣлью выяснить, между прочимъ, распредѣленіе населенія по странѣ, а также промышленности. Книга кончается краткимъ перечнемъ источниковъ и ихъ оцѣнкой и подробнымъ index'омъ или указателемъ всего содержанія этого труда, весьма полезнаго при изученіи экономиче-

ской исторіи этой, наиболѣе далеко ушедшей въ фазахъ своего экономическаго развитія, страны, изъ всѣхъ государствъ Старой Европы.

Объявленіе, приложенное къ книгѣ Джиббинса, извѣщаетъ о скоромъ появленіи въ свѣтъ весьма любопытной новинки, также какъ руководства для слушателей курсовъ University Extension,— новой „исторіи политической экономіи въ Англіи отъ Адама Смита до Тойнби", профессора Прайса (The History of Political Economy in England from Adam Smith to Toynbee. By *L. L. Price*).

III.

The Conflicts of Capital and Labour. By *George Howell*. Second and revised Edition. London. 1890.

Книга Гоуэлля по исторіи и современному положенію рабочаго вопроса въ Англіи въ первый разъ появилась на свѣтъ въ 1878 году, давно уже вышла изъ продажи и пользуется столь почетной извѣстностью, что появленіе ея нынѣ вторымъ изданіемъ не нуждается въ оправданіи, а напротивъ, является крайне своевременнымъ и желательнымъ. За послѣднія 12 лѣтъ въ исторіи англійскаго рабочаго вопроса произошло столько важныхъ событій и дополненій въ законодательствѣ, что это одно обстоятельство давно уже вызывало потребность въ новомъ изданіи столь полезной справочной книги, какъ трудъ Гоуэлля. Ея значеніе въ практическомъ отношеніи, какъ извѣстно, еще увеличивается тѣмъ, что Гоуэлль—самъ по происхожденію рабочій, долго бывшій дѣятелемъ и участникомъ рабочаго движенія въ своей странѣ.

Не менѣе важная, по словамъ автора, перемѣна произошла за означенный періодъ и въ воззрѣніяхъ англійской публики на „рабочіе союзы" (Trade Unions), составляющіе главный предметъ содержанія его изслѣдованія. Еще очень недавно, когда Гоуэлль готовилъ свой трудъ къ первому изданію, въ англійскомъ обществѣ были весьма сильны предубѣжденія противъ этихъ союзовъ, и они имѣли лишь немногихъ защитниковъ изъ выдающихся людей своего времени, какъ Милль, Гаррисонъ, Бизли и нѣкоторые другіе. Теперь же эти союзы рабочихъ (не точно называемые по-англійски „промышленными"— trade-unions) получили полное право гражданства; ихъ не только признаютъ, говоритъ Гоуэлль, но и хвалятъ со всѣхъ сторонъ, а за

ежегодными конгрессами союзовъ и за всѣмъ тѣмъ, что̀ на нихъ происходитъ и говорится, вся образованная публика, и даже не одной Англіи, слѣдитъ со вниманіемъ и принимаетъ къ свѣденію, какъ выраженіе мнѣній и желаній огромнаго большинства рабочаго класса страны. Полезный урокъ,—говоритъ Гоуэллъ въ настоящемъ изданіи своей книги,—которому рабочіе союзы научили и дали значеніе, заключается въ слѣдующемъ: трудъ имѣетъ точно также свои права, какъ и свои обязанности, и капиталъ имѣетъ также свои обязанности, какъ и свои права. Раньше мы ничего не слыхали, исключая объ обязанностяхъ труда, съ одной стороны, и о правахъ капитала съ другой. Между тѣмъ права и обязанности не могутъ быть раздѣлены, а тѣсно слиты другъ съ другомъ. Признаніе этого факта, а также устройство столь благодѣтельныхъ одинаково для интересовъ рабочихъ и капиталистовъ *примирительныхъ камеръ* (Boards of Conciliation) является результатомъ рабочихъ союзовъ, по мнѣнію автора, и можетъ считаться ихъ важной заслугой передъ страной.

Второе изданіе содержитъ въ себѣ необходимыя дополненія всего того, что̀ произошло на практикѣ и въ законодательствѣ со времени перваго появленія книги на свѣтъ. Новыя работы различныхъ авторовъ дали возможность нѣсколько измѣнить и передѣлать отдѣльныя главы и пополнить ихъ болѣе свѣжими данными. Но болѣе всего новыхъ свѣденій представляютъ собой многочисленныя „приложенія“ къ книгѣ. Здѣсь не только всѣ статистическія данныя, относящіяся къ рабочимъ союзамъ, пополнены за послѣднее время, но имѣются свѣденія и совершенно новыя, каковы, напримѣръ, крайне любопытныя данныя о заработкахъ, о прогульномъ времени, о часахъ работы и о пособіяхъ, извлеченныя Гоуэллемъ за цѣлыхъ 55 послѣднихъ лѣтъ изъ матеріала, имѣющагося въ такъ-называемомъ „дружественномъ обществѣ чугунно-литейныхъ рабочихъ Великобританіи“ (Friendly Society of Ironfounders of England, Ireland and Walles). Совершенно новыми также являются во второмъ изданіи статистическія данныя за 10 лѣтъ о времени труда на англійскихъ правительственныхъ фабрикахъ и заводахъ. Но если всѣ эти дополненія увеличиваютъ значеніе и цѣну новаго изданія книги Гоуэлля, то нельзя того же сказать о тѣхъ вылазкахъ, которыя авторъ здѣсь себѣ позволяетъ противъ молодой, или такъ-называемой „новой“, партіи трэдсуніонистовъ (New Trade Unionists). Какъ извѣстно, послѣдніе пошли далѣе въ своихъ требованіяхъ противъ своихъ старыхъ товарищей и, не довольствуясь успѣхами самопомощи, требуютъ вмѣшательства государства въ формѣ законодательства въ пользу рабочихъ. Эта партія англійскихъ рабочихъ, на послѣднемъ конгрессѣ въ нынѣшнемъ году,

добилась, между прочимъ, постановленія о желательности законодательнаго опредѣленія обязательнаго термина восьми-часовой работы. Какъ приверженецъ старыхъ традицій рабочихъ союзовъ, Гоуэллъ естественно не можетъ одобрять такихъ стремленій, и никто, разумѣется, этого и не ждетъ отъ него. Не довольствуясь, однако, однимъ отрицаніемъ ихъ стремленій и аргументаціей въ пользу самопомощи, Гоуэллъ пускается, въ предисловіи къ новой книгѣ, въ не совсѣмъ ловкую и приличную по тону и рѣзкую полемику съ противниками, а въ приложеніяхъ приводитъ въ пику имъ даже подробный перечень неудачнаго голосованія на прошлогоднемъ конгрессѣ рабочихъ союзовъ въ Дэнди въ пользу того же восьми-часового дня... Эти прибавленія, разумѣется, отнюдь не способствуютъ увеличенію достоинства новаго изданія труда Гоуэлля.—И. Я.

IV.

John Grand-Carteret. J. J. Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui. Paris. 1890, стр. XXX и 575. Ц. 6 фр.

Въ составленіи этого сборника участвовали 33 писателя, принадлежащіе къ различнымъ литературнымъ направленіямъ и одинаково проникнутые уваженіемъ къ памяти Руссо. Этотъ сборный характеръ книги придаетъ ей особенный интересъ, такъ какъ не только обезпечиваетъ болѣе или менѣе объективную и разностороннюю оцѣнку Руссо, но даетъ еще возможность судить, въ чемъ современные писатели, мыслители и ученые Франціи видятъ его заслугу; наконецъ, разнообразіе спеціальностей сотрудниковъ позволяетъ освѣтить съ разныхъ сторонъ жизнь и труды женевскаго философа.

Книга состоитъ изъ введенія, нѣсколькихъ стихотвореній, написанныхъ въ честь Руссо, и шести большихъ отдѣловъ, гдѣ послѣдовательно онъ разсматривается какъ человѣкъ, какъ писатель, гдѣ разбираются его труды, ихъ вліяніе на тогдашнее общество и на потомство, и т. п. Два послѣднихъ отдѣла представляютъ различныя замѣтки, библіографическія указанія и описаніе церемоніи въ Пантеонѣ 3-го февраля 1889 г. по поводу постановки памятника Руссо. Здѣсь же приводятся рѣчи, сказанныя на этомъ торжествѣ Жюль Симономъ и другими.

Общій выводъ сужденій о личности Руссо формулированъ въ статьѣ Жюля Кларти („Rousseau et Schiller"). Тамъ говорится: „Онъ (Руссо)

—выражаясь словами Паскаля—не былъ ни ангелъ, ни звѣрь. Онъ былъ человѣкомъ; однимъ изъ самыхъ великихъ среди великихъ, однимъ изъ самыхъ слабыхъ среди слабыхъ", и потому, чтобы говорить о личныхъ качествахъ Руссо, придется „очень много распространяться и о его дурныхъ, и о хорошихъ сторонахъ". Ярость его враговъ, по мнѣнію Grand-Carteret, объясняется исключительно публичной исповѣдью Руссо, породившей цѣлую массу сплетенъ и преувеличеній. „Но пора бы—говоритъ Grand-Carteret устами Луи Блана—покончить судить о великихъ людяхъ по мелочамъ ихъ частной жизни; для насъ они важны, по скольку принадлежатъ собою человѣчеству"; „нашей оцѣнкѣ должны подвергаться прежде всего ихъ труды и благо, которое они оказали ими человѣчеству".

Далѣе, въ сборникѣ весьма интересна статья д-ра Русселя, гдѣ разбирается вопросъ о болѣзни, смерти и дѣтяхъ Руссо. По словамъ автора, Руссо былъ маніакомъ, „неуравновѣшенной головой, меланхоликомъ, умомъ, склоннымъ къ преувеличенію, съ романическимъ воображеніемъ, любящимъ фикціи и неправдоподобныя положенія". Этимъ авторъ объясняетъ и то обвиненіе, которое Руссо взвелъ на себя въ „Confessions", именно клевету о дѣтяхъ, которыхъ онъ будто бы отдалъ въ воспитательный домъ. Замѣчанія Русселя чисто-медицинскаго характера, а также нѣкоторые вновь открытые документы опровергаютъ правдоподобность этого обвиненія, доказывая, что у Руссо никогда дѣтей не было и быть не могло вслѣдствіе его болѣзненности. Что касается смерти Руссо, то авторъ положительно отрицаетъ всякія легенды о томъ, будто бы онъ отравился или застрѣлился. Умственной ненормальности Руссо, по мнѣнію его критиковъ, мы обязаны его лучшими трудами. „Еслибы онъ былъ болѣе уравновѣшенной натурой и не имѣлъ бы извѣстнаго намъ порока, то не написалъ бы тогда Confessions, Contrat social и Emile!"

Значеніе Руссо, какъ извѣстно, не исчерпывалось однѣми политическими теоріями; онъ играетъ весьма важную роль въ вопросахъ религіи, педагогики, литературы, и вездѣ является смѣлымъ новаторомъ. Напр., въ литературѣ онъ сдѣлался „основателемъ натурализма и романа страсти" (стр. 11); ему также вмѣстѣ съ Вольтеромъ приписывается „внесеніе въ литературу философскаго элемента" (стр. 45). Но самой главной заслугой за нимъ всѣми единогласно признается стиль его рѣчи, „его умѣнье оттѣнять всѣ возможныя выраженія, столь трудно поддающіяся во французскомъ языкѣ" (стр. 433). Руссо явился реформаторомъ, и въ вопросахъ болѣе спеціальнаго характера, какъ напр. въ гигіенѣ перваго дѣтскаго возраста. На эту часть, изложенную въ „Emile", до сихъ поръ не обращали должнаго вни-

манія. Д-ръ Монэнъ первый занялся этимъ отдѣломъ и нашелъ, что тамъ изложены такіе правильные взгляды, что даже въ настоящее время смѣло можно пользоваться его совѣтами, вводя лишь самыя незначительныя поправки.

Кромѣ указанныхъ статей, особенно обращаютъ на себя вниманіе статья Альфонса Додэ („Dialogue intime pour et contre Rousseau"), знаменитаго химика Бертелό („Les motifs de mon admiration pour Rousseau"), рѣчь Жюля Симона, статья Густава Риве, гдѣ Руссо характеризуется какъ реформаторъ. Къ книгѣ приложено нѣсколько портретовъ Руссо, факсимиле и видовъ его памятниковъ.—А. П—въ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-ое ноября 1890.

Права женщинъ-врачей, въ связи ихъ съ надеждою на открытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Сердобское и щигровское земства.—Опять финляндцы и остзейцы.—Газетные курьезы.—Чествованіе многолѣтней дѣятельности Д. А. Наумова (25 л.), Н. С. Тихонравова (40 л.) и П. Г. Рѣдкина (60 л.).

Учрежденія, какъ и книги, „имѣютъ свою судьбу"; инымъ неизмѣнно улыбается счастье, другимъ безпрестанно приходится испытывать невзгоды. Къ числу послѣднихъ принадлежали, съ конца семидесятыхъ годовъ, женскіе врачебные курсы. Открытіе ихъ не встрѣтило большихъ препятствій; удачно прошелъ вопросъ о расширеніи програмны, прекрасно сложились отношенія между учащими и учащимися, быстро и ясно обнаружилась жизненность новаго дѣла, но вслѣдъ затѣмъ начались удары судьбы, неожиданные и непредвидѣнные, какъ молніи на ясномъ небѣ. Не успѣли еще затихнуть отголоски войны, наглядно доказавшей пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ, какъ возникли попытки ограничить сферу дѣйствій, доступную для бывшихъ слушательницъ курсовъ. Первые сочувственные отзывы земства и населенія о женщинахъ-врачахъ совпали съ стремленіемъ отнять у нихъ возможность работать въ земствѣ. Ученыя коллегіи, административныя коммиссіи, министерства, высказывались за предоставленіе женщинамъ-врачамъ широкихъ правъ, соотвѣтствующихъ ихъ широкому спеціальному образованію, а съ другой стороны, почти въ то же самое время, ставился вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи курсовъ. Дарованіе женщинамъ-врачамъ „нагруднаго знака отличія на право самостоятельной практики" устранило, повидимому, всякое сомнѣніе въ будущности курсовъ; но прошло два года—и пріемъ на курсы былъ прекращенъ, дѣятельность женщинъ-врачей ограничена леченіемъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Можно было думать, что первая изъ этихъ мѣръ имѣетъ только временной характеръ, что все сведется только къ переходу курсовъ изъ одного вѣдомства въ другое. Матеріалъ, свидѣтельствующій о цѣлесообразности курсовъ, былъ сгруппированъ какъ нельзя лучше въ брошюрахъ гг. Сущинскаго и Герценштейна; частныя лица и общественныя учрежденія выражали готовность участвовать въ содержаніи курсовъ. Къ переустройству курсовъ не было, однако, принято никакихъ мѣръ, и они закрылись сами собою, какъ только окончили ученье послѣднія изъ слушательницъ, принятыхъ до 1882 г.

Надежда на новый поворотъ къ лучшему появилась только недавно, когда коммиссія, учрежденная для разработки общаго вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, проектировала, между прочимъ, нѣчто въ родѣ женскаго врачебнаго института, и именно этимъ мотивировала исключеніе естествознанія изъ програмы общеобразовательныхъ высшихъ женскихъ курсовъ. Теперь сдѣланъ еще шагъ впередъ, гораздо болѣе рѣшительный. Правила 2-го августа (распубликованныя въ половинѣ сентября) значительно расширяютъ кругъ дѣятельности женщинъ-врачей. Имъ предоставляется полная свобода вольной практики, безъ пріуроченія ея, какъ это было сдѣлано въ 1882 г., исключительно къ женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Еще важнѣе другое право, закрѣпляемое за женщинами-врачами—право завѣдыванія земскими медицинскими участками, а также находящимися въ этихъ участкахъ сельскими больницами, пріемными покоями и всякаго рода лечебными заведеніями. На самомъ дѣлѣ женщинамъ-врачамъ случалось и до сихъ поръ стоять во главѣ земскихъ медицинскихъ участковъ—но положеніе ихъ было непрочно, неопредѣленно; ихъ скорѣе терпѣли, чѣмъ открыто признавали, и онѣ постоянно могли ожидать удаленія отъ должности земскаго врача. Этой аномаліи, наконецъ, положенъ предѣлъ; единственнымъ различіемъ между врачами-мужчинами и женщинами, въ сферѣ земской дѣятельности, остается устраненіе послѣднихъ отъ завѣдыванія *городскими* земскими больницами (за исключеніемъ больницъ спеціально женскихъ или дѣтскихъ, а также родовспомогательныхъ заведеній). Это исключеніе основано, по всей вѣроятности, на томъ, что врачу городской земской больницы приходится, сплошь и рядомъ, засѣдать въ воинскомъ присутствіи, участіе въ которомъ, по весьма понятнымъ причинамъ, для женщинъ-врачей признается неудобнымъ. Намъ кажется, что между обѣими функціями нѣтъ необходимой связи; можно было бы не допускать женщинъ-врачей въ составъ воинскаго присутствія—и все-таки разрѣшать имъ, при извѣстныхъ условіяхъ, завѣдываніе городской земской больницей. Рядомъ съ врачомъ этой больницы, даже въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ, имѣется на лицо, большею частью, еще одинъ земскій врачъ, который и могъ бы быть призываемъ въ составъ воинскаго присутствія. Намъ извѣстенъ случай, въ которомъ женщина-врачъ пять лѣтъ сряду завѣдывала, къ общему удовольствію, городской земской больницей—а всѣ обязанности по воинскому присутствію (и судебно-медицинской экспертизѣ, къ которой женщины-врачи также не допускаются) исполнялъ земскій врачъ, жившій въ городѣ и завѣдывавшій ближайшимъ земскимъ медицинскимъ участкомъ. Какъ бы то ни было, и въ настоящемъ своемъ видѣ правила 2-го августа обезпечиваютъ за жен-

щинами-врачами возможность широкой, плодотворной дѣятельности. Не менѣе важно то, что они косвенно обѣщаютъ. Если женщины-врачи, послѣ долгихъ колебаній, признаны полезными для общества и во многомъ уравнены съ врачами-мужчинами, то отсюда логически вытекаетъ возобновленіе женскихъ врачебныхъ курсовъ. Скажемъ болѣе: правилами 2-го августа предрѣшена даже программа курсовъ, предрѣшено ихъ мѣсто въ нашей учебной системѣ. Они должны быть поставлены рядомъ съ военно-медицинской академіей, съ медицинскими факультетами нашихъ университетовъ; одинаковость цѣлей обусловливаетъ собою одинаковость средствъ, т.-е. размѣровъ и пріемовъ преподаванія.

Какъ великъ запросъ на женщинъ-врачей и какъ недостаточно ихъ число, ограниченное закрытіемъ курсовъ, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Въ одномъ изъ уѣздовъ, недалекихъ отъ Петербурга, но не имѣющихъ уже характера подстоличной мѣстности, развитіе земской медицины задерживалось отчасти колебаніями въ средѣ земства, отчасти, и еще болѣе—недостаткомъ средствъ. Уѣздъ раскинутъ на громадномъ разстояніи; деревни, большею частью, невелики и отдалены другъ отъ друга. Чтобы приблизить врачебную помощь ко всѣмъ группамъ населенія, нужно было бы раздѣлить уѣздъ, по меньшей мѣрѣ, на шесть или семь медицинскихъ участковъ. Минимальная цифра содержанія, которое соглашался получать земскій врачъ—1.200 рублей. Увеличивать число такихъ окладовъ земство не рѣшалось, — и устройство медицинской части быстро двинулось впередъ только со времени приглашенія первой женщины-врача, удовольствовавшейся содержаніемъ въ 600 рублей. Шесть лѣтъ тому назадъ въ уѣздѣ было только два земскихъ врача: одинъ—жившій почти безвыѣздно въ городѣ и имѣвшій въ своемъ завѣдываніи земскую городскую больницу, другой—разъѣзжавшій или, лучше сказать, считавшійся обязаннымъ разъѣзжать по всему уѣзду. Теперь положеніе дѣлъ таково: уѣздъ раздѣленъ на *пять* медицинскихъ участковъ, изъ которыхъ только одинъ состоитъ въ завѣдываніи врача-мужчины; всѣми остальными завѣдуютъ женщины-врачи, изъ которыхъ одна получаетъ 800 руб. въ годъ, двѣ—по шестисотъ рублей [1]). Шестому врачу (мужчинѣ) ввѣрена городская земская больница. Если уѣздъ приблизился, такимъ образомъ, къ нормальной организаціи врачебной части, то онъ обязанъ этимъ преимущественно женщинамъ-врачамъ, о дѣятельности которыхъ слышны со всѣхъ сторонъ только

[1]) О содержаніи четвертой мы не имѣемъ точныхъ свѣденій, потому что она получаетъ его не отъ земства, а отъ частнаго лица, открывшаго, на свой счетъ, пріемный покой; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и въ этомъ случаѣ содержаніе женщины-врача составляетъ менѣе 1000 рублей.

хорошіе отзывы. Пріучаясь къ правильной врачебной помощи, крестьяне начинаютъ ассигновать отъ себя дополнительныя суммы на устройство небольшихъ пріемныхъ покоевъ, на лучшее снабженіе ихъ лекарствами и хирургическими инструментами. Въ одномъ положеніи съ описаннымъ нами уѣздомъ находятся, конечно, и многіе другіе; почти вездѣ женщины-врачи могутъ оказать земству—т.-е. народу—самыя существенныя услуги. Для этого нужно только, чтобы запросу на женщинъ-врачей постоянно соотвѣтствовало предложеніе—другими словами, чтобы опять началось увеличеніе числа женщинъ-врачей, теперь клонящагося къ пониженію. Это можетъ быть достигнуто единственно путемъ открытія вновь высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Мы только-что упомянули о земствѣ, идущемъ впередъ и старающемся, при небольшихъ средствахъ, какъ можно лучше исполнить свою задачу. Такихъ земствъ въ Россіи не мало; мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящую минуту они составляютъ значительное большинство, ростущее несмотря на близость кризиса въ земской жизни. Есть, однако, и печальныя исключенія, скрывать или замалчивать которыя было бы большой ошибкой. Ничего не говоря противъ земской дѣятельности вообще, они показываютъ только, какихъ подводныхъ камней должны остерегаться земскія учрежденія. Одинъ изъ нихъ—это экономія въ мелочахъ, оплачиваемая, на самомъ дѣлѣ, очень дорогою цѣною. По словамъ „Саратовскаго Листка", въ сердобскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, сессія котораго открылась 4-го минувшаго октября, выслушанъ былъ докладъ училищнаго совѣта о необходимости увеличить, хотя бы на 10%, окладъ жалованья тѣмъ учителямъ, которые прослужили въ земскихъ школахъ болѣе семи лѣтъ. Такихъ учителей въ уѣздѣ всего шесть, и десяти-процентная прибавка къ ихъ жалованью составила бы не болѣе 150 руб. (отсюда явствуетъ, что каждый изъ нихъ получаетъ около 250 руб. въ годъ). Это не помѣшало, однако, одному изъ гласныхъ возстать противъ просимой прибавки, какъ потому, что о ней не ходатайствовали сами учителя (!), такъ и потому, что нынѣшній неурожайный годъ грозитъ земскимъ плательщикамъ „нищенскою сумою". Большинствомъ голосовъ увеличеніе содержанія учителей было отклонено, но вслѣдъ затѣмъ собраніе постановило: 1) пригласить особаго инспектора для завѣдыванія уѣздными земскими школами, и 2) выдать одному изъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта *шестьсотъ* рублей (ужъ не опечатка ли это? не слѣдуетъ ли читать вмѣсто шестисотъ—*шестьдесятъ?*), въ возвратъ расходовъ, понесенныхъ имъ при обозрѣніи земскихъ начальныхъ училищъ. Итакъ, на улучшеніе бѣдственнаго положенія учителей земское собраніе не хочетъ пожерт-

вовать даже полутораста рублей, а на усиленіе надзора за ними безпрекословно ассигнуетъ 600 рублей и готово ассигновать еще гораздо больше (жалованье инспектору едва ли составитъ меньше тысячи рублей, а если это будетъ инспекторъ по назначенію отъ правительства, то ему придется назначить двѣ тысячи рублей). Трудно понять возможность подобныхъ рѣшеній. Недостатокъ надзора вредитъ начальной школѣ гораздо меньше, чѣмъ необезпеченность учащихъ. Чтò пользы въ томъ, что школа лишній разъ будетъ посѣщена инспекторомъ или членомъ училищнаго совѣта, если полу-голодный учитель только и думаетъ о томъ, какъ бы найти другой родъ дѣятельности, и безпрестанная смѣна учащихъ нарушаетъ правильность и систематичность преподаванія? Не лучше ли заинтересовать учителя въ сохраненіи мѣста, чѣмъ увеличивать средства чисто-внѣшняго за нимъ контроля? Даже въ лучшемъ случаѣ, т.-е. въ уѣздахъ, гдѣ земство всего больше заботится о начальной школѣ, положеніе начальнаго учителя остается крайне незавиднымъ. Единственное, на чтò онъ можетъ надѣяться въ будущемъ—это постепенная, небольшая прибавка къ жалованью. Отнимать у него эту надежду—не только жестоко, но и неразсчетливо, неблагоразумно. Ничтожный расходъ можетъ принести здѣсь большую пользу—и наоборотъ, ничтожное сбереженіе можетъ причинить трудно-поправимый вредъ, лишивъ школу наиболѣе опытныхъ и знающихъ преподавателей.

Въ приведенныхъ нами постановленіяхъ сердобскаго земскаго собранія есть еще одна черта, производящая тяжелое впечатлѣніе. Противники земства любятъ говорить о погонѣ за оплачиваемыми должностями, о дѣлежѣ „земскаго пирога"—и забываютъ при этомъ о массѣ дарового труда, введеннаго въ жизнь именно земскими учрежденіями. Жалованье, изъ числа земскихъ выборныхъ, получаютъ только предсѣдатели и члены земскихъ управъ и участковые судьи; всѣ остальные—земскіе члены училищныхъ совѣтовъ и воинскихъ присутствій, почетные мировые судьи, члены врачебныхъ совѣтовъ и разныхъ земскихъ коммиссій, санитарные и дорожные попечители, попечители земскихъ школъ и земскихъ больницъ — работаютъ безвозмездно, отчего, сплошь и рядомъ, не уменьшается количество и не ухудшается качество работы. Это—явленіе новое, прежде у насъ неслыханное. Въ до-реформенной Россіи служба, ничѣмъ не вознаграждаемая, вовсе, собственно говоря, не существовала. Должности, не сопряженныя съ содержаніемъ, давали право на чины, ордена и другія награды, и все-таки занятіе ихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, было равносильно полнѣйшему бездѣйствію. Только въ земской сферѣ *безвозмездный трудъ* перересталъ составлять contradictio in adjecto. Чрезвычайно важно сохраненіе этой земской традиціи,

чрезвычайно нежелательно отступленіе отъ хорошаго обычая, только-что вошедшаго въ наши нравы. Право пользоваться, при разъѣздахъ по школамъ, земскими лошадьми—вотъ все, что̀ слѣдовало бы предоставлять земскимъ членамъ училищнаго совѣта; вознагражденіе за трудъ, хотя бы облеченное въ форму возмѣщенія расходовъ, совершенно извратило бы значеніе этой должности. Въ особенности неумѣстнымъ, конечно, оно является тамъ, гдѣ у земства не оказывается средствъ къ небольшой прибавкѣ учителямъ, семь лѣтъ сряду прослужившимъ въ уѣздѣ.

Еще печальнѣе вѣсти, идущія изъ щигровскаго уѣзда (курской губерніи). Если вѣрить корреспонденту „Московскихъ Вѣдомостей", во время послѣдней сессіи щигровскаго уѣзднаго земскаго собранія выслушанъ былъ докладъ уѣздной земской управы, заключавшій въ себѣ полное осужденіе мѣстныхъ земскихъ школъ. Нравственно-религіознаго направленія онѣ своимъ ученикамъ не даютъ, безграмотность почти не уменьшаютъ; школьныя помѣщенія тѣсны, ветхи, грязны; учителя не подготовлены къ своему дѣлу. Само собою разумѣется, что корреспондентъ реакціонной газеты съ радостью принимаетъ на вѣру все сказанное управой и спѣшитъ вывести изъ ея словъ желанное заключеніе: „причина всѣхъ золъ—ложный путь либерализма, на который толкнули земство семидесятые года". Въ концѣ письма мы находимъ, однако, нѣчто подрывающее и увѣренія управы, и выводы корреспондента. „Какую же мѣру,—спрашиваетъ корреспондентъ,—предлагаетъ щигровская земская управа для поправленія запутанныхъ дѣлъ? Ни болѣе, ни менѣе какъ сокращеніе числа земскихъ школъ на половину. Что̀ же тогда послѣдуетъ, если, какъ предполагаетъ управа, сокративъ школы, увеличить содержаніе каждой изъ нихъ въ два раза? Какимъ образомъ увеличеніе содержанія оставшихся школъ посодѣйствуетъ нравственно-религіозному развитію учащихся, основательности ихъ знаній и т. д.? На это отвѣта въ докладѣ управы нѣтъ". Не ясно ли,—прибавимъ мы отъ себя—что при такомъ легкомысленномъ отношеніи къ вопросу можно было допустить и неточный подборъ фактовъ, и невѣрное ихъ освѣщеніе? Намъ невольно приходитъ на мысль, что докладъ щигровской управы, въ сущности,—не что иное, какъ продуктъ борьбы мѣстныхъ партій, выстрѣлъ, пущенный преемниками въ предшественниковъ. Не даромъ же прошлогоднее щигровское уѣздное собраніе было, по сообщенію самихъ „Московскихъ Вѣдомостей", театромъ такихъ бурныхъ сценъ, какія весьма рѣдко происходятъ въ средѣ земства... Требовалось доказать, что сдѣланное прежней управой или прежними управами никуда не годится — и вотъ, рисуется мрачная картина школьнаго дѣла, безъ всякаго серьезнаго намѣренія его поправить

(иначе, конечно, было бы предложено что-либо болѣе раціональное, чѣмъ уменьшеніе числа школъ на половину и удвоеніе стоимости каждой остающейся школы). Было ли предпринято щигровской управой хоть что-либо похожее на изслѣдованіе, произведенное, напримѣръ, въ кромскомъ уѣздѣ орловской губерніи или въ корсунскомъ —симбирской, съ цѣлью опредѣлить степень и характеръ вліянія начальной школы? По всей вѣроятности, нѣтъ; а безъ такого изслѣдованія всѣ сѣтованія на безрезультатность начальнаго обученія являются пустыми фразами... Желательно было бы знать, что̀ постановило, по докладу управы, щигровское уѣздное земское собраніе?

„Такъ называемые *либеральные* органы,—читаемъ мы въ № 288 „Московскихъ Вѣдомостей",—любятъ въ настоящее время кричать о *травлѣ*, будто бы поднятой въ Россіи противъ инородцевъ и иновѣрцевъ. Такіе же крики слышатся изъ враждебныхъ намъ лагерей въ Европѣ. Единодушіе трогательное, которое мы издавна привыкли встрѣчать по всѣмъ вопросамъ, гдѣ затронуты важнѣйшіе національные интересы Россіи. Не менѣе привычно видѣть, что вопросъ, поднимаемый этими союзными силами, обсуждается при помощи вывертыванія его на изнанку". Обвиненіе въ измѣнническихъ тенденціяхъ, въ союзѣ съ врагами Россіи, мы оставимъ безъ отвѣта; чтобы оцѣнить его по достоинству, достаточно повторить подлинныя слова обвинителя. Другое дѣло—обвиненіе въ искаженіи фактовъ, въ извращеніи истины; оно требуетъ опроверженій — и мы находимъ ихъ, прежде всего, въ той самой статьѣ московской газеты, которая начинается нападеніемъ на „либераловъ". Иноплеменникъ, сдѣлавшійся русскимъ подданнымъ, полезенъ или даже вреденъ, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей", только съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ *русскимъ* — русскимъ по языку и по вѣрѣ. Наоборотъ, „иноплеменникъ или иновѣрецъ, примѣшавшійся къ намъ механически, оставаясь самимъ собой—нѣмцемъ, евреемъ, туркомъ,—можетъ быть лишь болѣе или менѣе вреденъ". Нужно требовать, чтобы „иноплеменникъ и иновѣрецъ возможно быстрѣе, въ возможно большемъ процентѣ становился русскимъ и православнымъ". Не относятся ли, однако, эти требованія только къ иновѣрцамъ и инородцамъ, *вновь вступающимъ* въ подданство Россіи? Продолженіе статьи, помѣщенное въ слѣдующемъ нумерѣ, устраняетъ всякія сомнѣнія по этому предмету. „Здравая политика,—читаемъ мы здѣсь,—требуетъ пріостановить притокъ чуждыхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько десятковъ лѣтъ, пока мы успѣемъ справиться съ этими милліонами чуждыхъ намъ людей, вѣденіемъ или невѣденіемъ, волей или неволей насъ

разлагающихъ. Здравая политика требуетъ даже мѣръ къ постепенному *сокращенію* (курсивъ въ подлинникѣ) иныхъ, уже находящихся среди насъ, чуждыхъ элементовъ до размѣровъ нашей способности справляться съ ними". Совершенно ясно, такимъ образомъ, что „вредными" признаются *милліоны* инородцевъ и иновѣрцевъ, входящихъ въ составъ русскаго государства; совершенно ясно и то, что они перестанутъ считаться вредными только тогда, когда откажутся отъ своего языка и своей вѣры. Изъ этихъ общихъ положеній неизбѣжно вытекаетъ „травля" инородцевъ и иновѣрцевъ. Противъ людей, вредныхъ для государства, не могутъ не быть принимаемы самыя разнообразныя мѣры, общая цѣль которыхъ—быстрая, въ „возможно бо̀льшемъ процентѣ", ассимиляція „чуждыхъ элементовъ". Что̀ это за ассимиляція, насколько она нравственна, насколько она прочна и надежна—до этого газетнымъ ревнителямъ націонализма нѣтъ дѣла. Ихъ девизъ: compelle intrare; они не затрудняются *требовать*, чтобы инородцы и иновѣрцы спѣшили уподобляться русскимъ и православнымъ. Вынужденное уподобленіе можетъ быть только внѣшнимъ — но это не останавливаетъ газетныхъ объединителей; имъ достаточно и того, что присоединившимся отрѣзаны всѣ пути къ отступленію.

Другимъ примѣромъ „травли" продолжаетъ служить систематическій подкопъ подъ финляндскіе порядки. 8 (20) января будущаго года въ Гельсингфорсѣ откроется очередная сессія финляндскаго сейма. Одно ожиданіе этого событія раздражительно дѣйствуетъ на нервы нашихъ газетныхъ патріотовъ. Имъ ужасно не нравится, вопервыхъ, что сеймъ созывается всего черезъ три года послѣ предъидущей сессіи, между тѣмъ какъ по сеймовому уставу наибольшій промежутокъ между двумя сессіями опредѣленъ въ пять лѣтъ. „Учащенныя собранія земскихъ чиновъ Финляндіи, никѣмъ рѣшительно не контролируемыя, а теперь пріобрѣтшія даже и право законодательнаго почина, имъ по сеймовому уставу не принадлежавшее"—такія учащенныя собранія, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей",—„не могутъ не вызывать въ русскихъ людяхъ большихъ опасеній". Нужно ли объяснять, что *русскіе люди*, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь—это сотрудники и почитатели, едва ли особенно многочисленные, „Московскихъ Вѣдомостей" и другихъ газетъ ejusdem farinae? Мы, конечно, не беремся говорить отъ имени „русскихъ людей" или хотя бы какой-либо одной ихъ группы; но мы очень хорошо знаемъ, что псевдо-патріотическая нетерпимость не составляетъ, даже въ настоящую минуту, общей болѣзни русскаго общества. Опасенія многихъ людей, считающихъ и имѣющихъ право считать себя русскими, направлены вовсе не въ сторону Финляндіи. Что̀ бы ни постановилъ финляндскій сеймъ, его рѣшенія не могутъ причинить правильному

развитію русской жизни и сотой доли того вреда, какимъ угрожало бы ей торжество узкаго націонализма. Совершенно несправедливо, что рѣшенія финляндскаго сейма изъяты отъ всякаго контроля; ни одно изъ нихъ не можетъ получить силу закона безъ согласія верховной власти, а этому согласію можетъ предшествовать самое подробное разсмотрѣніе вопроса, какъ со стороны спеціально-финляндскихъ, такъ и со стороны обще-русскихъ интересовъ. Почему, наконецъ, даже съ точки зрѣнія нашихъ противниковъ, созывъ сейма разъ въ три года представляется болѣе опаснымъ, чѣмъ созывъ его разъ въ пять лѣтъ? Не все ли равно, состоится ли та или другая реформа въ 1891 или въ 1893 г.? Чѣмъ рѣже сессіи сейма, тѣмъ больше накопляется дѣла для каждой изъ нихъ, тѣмъ труднѣе оріентироваться среди массы вопросовъ, тѣмъ легче допустить, по недосмотру, что-либо нежелательное или неправильное. Наоборотъ, чѣмъ чаще собирается сеймъ, тѣмъ удобнѣе устраненіе случайныхъ ошибокъ. Предположимъ, что финляндское уголовное уложеніе, разсмотрѣнное сеймомъ 1888 г. и составляющее, съ нѣкоторыхъ поръ, предметъ ожесточенныхъ нападеній въ нашей печати, дѣйствительно не чуждо погрѣшностей, требующихъ исправленія. Развѣ не лучше достигнуть этой цѣли—конечно, законнымъ путемъ—въ 1891 г., чѣмъ откладывать достиженіе ея еще на два года? Не ясно ли, что даже въ тѣхъ „русскихъ людяхъ", органомъ которыхъ служитъ московская газета, „учащенныя собранія" сейма могутъ возбуждать опасенія только вслѣдствіе недомыслія, или вслѣдствіе какой-то инстинктивной антипатіи ко всему похожему на свободную политическую жизнь?

Къ воркотнѣ противъ „учащенныхъ" сеймовыхъ собраній примыкаютъ нападки на церемоніалъ, соблюдаемый при открытіи сейма. Злоба реакціонной газеты становится здѣсь просто смѣшною. „Русскимъ людямъ", пишущимъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", ужасно не нравится торжественность, установляемая церемоніаломъ. Къ чему появленіе герольда, да еще при ассистентахъ, да еще на крыльцѣ сенатскаго, а не генералъ-губернаторскаго дома? Къ чему почетный караулъ изъ цѣлой роты русской императорской гвардіи, къ чему звуки трубъ—„этотъ символъ побѣды" (!), къ чему приглашеніе консуловъ иностранныхъ державъ? Не возмутительно ли, что нѣкоторыя статьи церемоніала просто выписаны изъ правилъ, регулирующихъ придворныя празднества?.. Въ своемъ забавномъ задорѣ газета перестаетъ, наконецъ, понимать, кого задѣваютъ ея упреки. Ей досадно, напримѣръ, что въ церемоніалѣ упоминается о *рѣчи*, которую произнесетъ генералъ-губернаторъ при открытіи сейма; ей хотѣлось бы, чтобы вмѣсто „рѣчи" говорилось только о „привѣтствіи", т.-е. о

„простомъ поклонѣ“. Но вѣдь церемоніалъ не можетъ же идти въ разрѣзъ съ дѣйствительностью; если генералъ-губернаторъ желаетъ сказать „рѣчь“, то нельзя же приписать ему намѣреніе ограничиться „простымъ поклономъ“. Авторы церемоніала тутъ, очевидно, ни при чемъ; они только отмѣчаютъ то, что̀ произойдетъ помимо ихъ воли. Или, быть можетъ, московской газетѣ непріятенъ самый фактъ открытія сейма генералъ-губернаторской рѣчью, какъ чѣмъ-то слишкомъ близкимъ къ „тронной рѣчи“? Въ такомъ случаѣ ей не мѣшало бы вспомнить, что въ 1809 и 1863 г. сессіи сейма были открываемы рѣчью самого Императора-великаго князя.

„Травля“ финляндцевъ составляетъ, въ послѣднее время, почти исключительное достояніе „Московскихъ Вѣдомостей“; въ „травлѣ“ остзейцевъ участвуютъ и другія газеты—въ особенности петербургское „Новое Время“. Оно успѣло уже коснуться новыхъ учрежденій, только-что введенныхъ въ остзейскомъ краѣ. Новый судъ, съ точки зрѣнія газетныхъ ультра-патріотовъ, оказывается недостаточно усерднымъ. Въ одной изъ статей, озаглавленныхъ: „Наши прибалтійскія окраины“ („Новое Время“, № 5260), разсказывается исторія взысканія судебныхъ издержекъ съ двухъ крестьянъ, выселенныхъ помѣщикомъ, будто бы, за обращеніе ихъ въ православіе. Жалоба этихъ крестьянъ на помѣщика была оставлена безъ послѣдствій не только двумя прежними судебными инстанціями, но и вновь открытымъ ревельскимъ окружнымъ судомъ, присудившимъ съ нихъ 22 рубля судебныхъ издержекъ. При взысканіи этихъ денегъ судебнымъ приставомъ окружного суда, *лютераниномъ* фонъ-Деномъ, было начтено еще разныхъ расходовъ (прогоновъ и т. п.) около 82 рублей, для возмѣщенія которыхъ было продано имущество крестьянъ. Мѣстный (пюхтицкій) православный священникъ, находя, что при продажѣ были допущены неправильности, обратился къ вице-губернатору съ частнымъ письмомъ, въ которомъ „просилъ защитить людей, виновныхъ передъ помѣщикомъ и закономъ только въ принятіи православія“. По поводу этого письма, а также по поводу словъ, произнесенныхъ, будто бы, священникомъ во время продажи („это законный грабежъ“; „еслибы кн. Шаховской былъ въ губерніи, онъ не допустилъ бы до продажи“), отъ священника было потребовано, черезъ его начальство, объясненіе. Предсѣдатель суда находилъ, что вмѣшательство священника удержало крестьянъ отъ обжалованія, въ законномъ порядкѣ, дѣйствій судебнаго пристава, возбудило неосновательныя нареканія на образъ дѣйствій суда и исполнителя судебнаго рѣшенія и вызвало или могло вызвать „несбыточныя надежды на содѣйствіе съ такой стороны, откуда оно никогда не могло послѣдовать“ (послѣ этихъ словъ, заимствованныхъ, повидимому,

буквально изъ отзыва предсѣдателя суда, авторъ статьи ставитъ вопросительный и восклицательный знаки). Дальше излагается мнѣніе „мѣстныхъ независимыхъ юристовъ", оспаривающее взглядъ предсѣдателя суда. Заканчивается статья увѣреніемъ, что, подъ вліяніемъ только-что разсказаннаго случая, въ данной мѣстности совершенно прекратился переходъ крестьянъ изъ лютеранства въ православіе. При этомъ сообщается, мимоходомъ, что между русскими богомольцами, прибывшими изъ Ревеля въ Пюхтицу на церковный праздникъ 14 и 15 августа, не было „ни одного члена судебнаго вѣдомства".

Правильно ли было, въ данномъ случаѣ, выселеніе крестьянъ съ помѣщичьей земли, правильны ли были дѣйствія судебнаго пристава по взысканію съ крестьянъ судебныхъ издержекъ—эти вопросы мы оставляемъ въ сторонѣ потому, что у насъ нѣтъ фактическихъ данныхъ для ихъ разрѣшенія, да и не въ нихъ заключается суть дѣла. Замѣтимъ только, что какъ бы ни были ненормальны, въ остзейскомъ краѣ, поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, измѣнить ихъ можно лишь актомъ законодательной власти [1], а не натяжкой или явнымъ пристрастіемъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Пока отъ усмотрѣнія помѣщика зависитъ удалить крестьянъ, поселившихся на его землѣ безъ формальнаго договора, или не возобновить аренднаго контракта, которому истекъ срокъ, до тѣхъ поръ судъ ничего не можетъ сдѣлать въ ограниченіе помѣщичьихъ правъ, хотя бы и было доказано, что единственная причина высылки или незаключенія контракта—гнѣвъ помѣщика-лютеранина, вызванный переходомъ крестьянъ въ православіе (сомнѣваемся, впрочемъ, чтобы это когда-либо могло быть доказано; мотивы дѣйствія, основаннаго на законѣ, рѣдко допускаютъ изслѣдованіе въ порядкѣ гражданскаго процесса). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, съ другой стороны, что въ дѣлахъ малоцѣнныхъ расходы, сопряженные съ взысканіемъ (прогоны, суточныя деньги и т. п.), легко могутъ превзойти взыскиваемую сумму, къ большой невыгодѣ для должника; но вѣдь это— явленіе общее, свойственное не одному только остзейскому краю и устранимое, опять-таки, не судейскимъ произволомъ, а только пересмотромъ закона, измѣненіемъ порядка взысканія. Въ остзейскомъ краѣ, наконецъ,—какъ и во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены новые судебные порядки,—исполнительные органы суда подчинены суду, *только* суду, и жаловаться на нихъ администраціи не могутъ и не должны ни участвующія въ дѣлѣ, ни постороннія лица. Если посмо-

---

[1]) Необходимость крестьянской реформы въ остзейскомъ краѣ мы вполнѣ признаемъ и часто высказывались въ этомъ смыслѣ.

трѣть съ этой точки зрѣнія—единственной, соотвѣтствующей и справедливости, и закону,—на случай, разсказанный въ статьѣ „Новаго Времени", то что же мы увидимъ? Со стороны пюхтицкаго священника—явно неправильное вмѣшательство въ отправленіе правосудія, со стороны автора статьи—совершенно превратный взглядъ на право администраціи и цѣлый рядъ попытокъ набросить тѣнь на благонамѣренность суда (припомнимъ, напримѣръ, указанія на лютеранизмъ судебнаго пристава, на отсутствіе представителей судебной власти во время пюхтицкаго церковнаго праздника, на критическое отношеніе „мѣстныхъ независимыхъ юристовъ" къ рѣшенію окружнаго суда). Вмѣсто того, чтобы писать „частное письмо" вице-губернатору, священнику слѣдовало бы посовѣтовать своимъ прихожанамъ обратиться къ суду, который одинъ только въ правѣ отмѣнить дѣйствія судебнаго пристава; вмѣсто того, чтобы говорить о „виновности крестьянъ только въ принятіи православія", ему слѣдовало бы помнить, что распоряженіе помѣщика утверждено судомъ, т.-е. признано законнымъ... Ожидаемую пользу введеніе судебной реформы въ остзейскомъ краѣ принесетъ только тогда, когда всѣ группы и классы мѣстнаго населенія проникнутся уваженіемъ къ новому суду—а это возможно только подъ условіемъ полной независимости суда отъ административныхъ внушеній, полной свободы отъ тенденціозной вражды къ нѣмцамъ и лютеранамъ. Еслибы подъ вліяніемъ судебнаго рѣшенія, благопріятнаго для помѣщика, и остановилось гдѣ-либо стремленіе къ переходу въ православіе, то жалѣть объ этомъ не было бы причины, такъ какъ въ основаніи движенія, столь чувствительнаго къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, лежитъ, очевидно, не искреннее убѣжденіе, а нѣчто совершенно иное, не заслуживающее сочувствія и поддержки.

..."Дѣйствительное неудобство положенія земскихъ начальниковъ состоитъ въ двойственномъ характерѣ ихъ функцій. Совмѣщая въ своемъ лицѣ и администратора, и судью, земскій начальникъ, по силѣ вещей, долженъ въ извѣстной степени раздваиваться, такъ какъ основанія и условія дѣятельности администратора существенно разнятся отъ основаній и условій судебно-мировой дѣятельности. Эта-то двойственность функцій земскаго начальника, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и можетъ затруднять его дѣятельность, ибо весьма легко, переходя отъ дѣятельности судебной къ дѣятельности административной, или наоборотъ, перенести пріемы, свойственные одной дѣятельности, на другую, которой они не свойственны"... Какъ думаютъ читатели, откуда заимствовано нами это разсужденіе? Едва ли многіе изъ нихъ угадаютъ, что оно принадлежитъ „Новому Вре-

мени", т.-е. одной изъ тѣхъ газетъ, которыя, во время подготовки судебно-административной реформы, отнюдь не возражали противъ соединенія властей. Когда мы читали вышеприведенныя слова, намъ вспомнилось что-то очень знакомое. Мы раскрыли статью о сліяніи властей, напечатанную, четыре года тому назадъ, въ нашемъ журналѣ, и нашли тамъ слѣдующее мѣсто: „двойственность обязанностей не влечетъ за собой раздвоенія натуры. Судья-администраторъ только по имени можетъ быть то администраторомъ, то судьею; на самомъ дѣлѣ онъ будетъ вносить въ одну отрасль своихъ занятій привычки и пріемы, пріобрѣтенные въ другой, и въ образующейся такимъ образомъ смѣси неизбѣжно будетъ преобладать *одна* черта, налагающая свою печать на всѣ остальныя" [1]). Сходство между обоими отрывками поразительное. Мы вовсе и не думаемъ обвинять газету въ плагіатѣ; мы считаемъ вполнѣ вѣроятнымъ, что авторъ газетной статьи никогда не читалъ или давно забылъ статью, напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы". Если же мы нашли нужнымъ подчеркнуть курьезное совпаденіе мнѣній, то только потому, что намъ пріятно видѣть распространеніе взглядовъ, въ правильности которыхъ мы всегда были убѣждены. „Новое Время" пришло къ нимъ нѣсколько поздно, но пословица гласитъ: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Въ той же газетѣ мы нашли другой курьезъ, еще болѣе удивительный: попытку доказать, что институтъ земскихъ начальниковъ—учрежденіе... *либеральное* (!!). „Во всемъ свѣтѣ"—такъ аргументируетъ „Новое Время", оспаривая мнѣніе „Гражданина" объ анти-либеральномъ характерѣ новаго учрежденія,—„гдѣ только когда-нибудь обнаруживался либерализмъ онъ выражался домогательствами, клонящимися къ расширенію правъ тѣхъ или другихъ или всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ общественныхъ группъ на счетъ полномочій правительственной администраціи. Когда такія домогательства гдѣ-нибудь увѣнчивались успѣховъ, то, смотря по степени этого успѣха, общественныя группы становились рядомъ съ правительственною администраціею или даже надъ нею. Съ этой единственно правильной характеристики либерализма институтъ земскихъ начальниковъ, очевидно, не только не анти-либеральный, а наоборотъ, именно либеральный институтъ, потому что онъ расширилъ права помѣстнаго дворянства въ мѣстномъ управленіи, и при томъ въ извѣстной мѣрѣ на счетъ правъ правительственной администраціи. Послѣдняя ограничена въ назначеніи земскихъ начальниковъ извѣстными условіями и участіемъ сословныхъ представителей въ выборѣ кандидатовъ. Только въ исключительныхъ

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1886 г. № 12, стр. 857. Та же самая мысль выражалась въ нашемъ журналѣ еще много разъ—напр. въ Внутреннемъ Обозрѣніи № 6 за 1888 г.

случаяхъ правительство можетъ назначить земскихъ начальниковъ изъ своихъ чиновниковъ. Разумѣется, и эти новыя права дворянства, и это ограниченіе правъ правительства, не представляютъ ничего рѣзкаго, но ужъ если примѣшивать сюда вопросъ о либерализмѣ или антилиберализмѣ, то несомнѣнно, что по существу дѣла институтъ земскихъ начальниковъ долженъ считаться нѣкоторымъ успѣхомъ либерализма, а ужъ никакъ не учрежденіемъ антилиберализма".

На этотъ разъ мы должны согласиться съ „Гражданиномъ", а также съ „Московскими Вѣдомостями", которыя очень мѣтко указали на „странное смѣшеніе понятій", обнаруживающееся въ статьѣ „Новаго Времени". По справедливому замѣчанію московской газеты, земскіе начальники, являющіеся *непосредственнымъ органомъ правительственной администраціи*, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаваемы стоящими „рядомъ съ администраціей" или даже „надъ нею". Прибавимъ къ этому, что едва ли есть такія права, которыя бы перешли отъ администраціи къ земскимъ начальникамъ. Земскіе начальники—преемники мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, т.-е. лицъ выборныхъ, а не назначенныхъ. Если закономъ 12-го іюля расширены права помѣстнаго дворянства, то соотвѣтственно этому—или, лучше сказать, въ гораздо бо́льшей степени — умалены права земства. „Ограниченія" правительственной власти по отношенію къ замѣщенію должностей земскихъ начальниковъ—весьма не существенны. „Назначаются" земскіе начальники, помимо перечисленныхъ въ законѣ условій, не въ „исключительныхъ случаяхъ", а приблизительно въ одномъ случаѣ изъ пяти... Остается только недоумѣвать, къ чему понадобился газетѣ столь явный парадоксъ, рѣшительно ни для кого не могущій имѣть убѣдительной силы.

Въ истекшемъ октябрѣ мѣсяцѣ, московское и петербургское общество имѣло не одинъ случай почтить память того, что̀ было добраго и хорошаго въ прошедшихъ эпохахъ, обращаясь къ лицу достойныхъ ихъ представителей, доживших до счастливаго для насъ многолѣтія ихъ общественной или ученой дѣятельности. Въ Москвѣ, 3-го октября, исполнилось 40-лѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора Н. С. Тихонравова, скромно отпразднованное въ тѣсномъ кругу его ученыхъ почитателей и учениковъ. Вслѣдъ за симъ, 6-го октября, въ Москвѣ же, болѣе торжественно и, конечно, не менѣе искренно, чествовалось 25-лѣтіе извѣстнаго далеко и за предѣлами московской губерніи общественнаго дѣятеля Д. А. Наумова, несшаго съ успѣхомъ почти столько же лѣтъ обязанности предсѣдателя московской

губернской земской управы—обязанности трудныя, весьма сложныя и отвѣтственныя при прежнемъ земскомъ порядкѣ.

Начало учено-литературной дѣятельности Н. С. Тихонравова восходитъ къ 1850 году. Онъ былъ тогда студентомъ педагогическаго института въ Петербургѣ. Кончивъ гимназическій курсъ въ Москвѣ, онъ не могъ поступить въ московскій университетъ потому, что именно въ это время вышло извѣстное распоряженіе о „комплектѣ" студентовъ, который въ каждомъ университетѣ не долженъ былъ превышать 300 человѣкъ; но Н. С. Тихонравовъ стремился въ Москву, и ему помогъ въ этомъ Погодинъ, въ журналѣ котораго молодой студентъ помѣстилъ статью о Катуллѣ. Еще во время пребыванія въ университетѣ г. Тихонравовъ напечаталъ нѣсколько небольшихъ историко-литературныхъ работъ, которыя обращали на себя вниманіе близкимъ детальнымъ изученіемъ литературной старины, которое тогда было еще ново. Въ началѣ 1855 года (12-го января) долженъ былъ совершиться 100-лѣтній юбилей основанія московскаго университета; къ этому времени готовился, между прочимъ, „Біографическій Словарь" профессоровъ московскаго университета, и г. Тихонравовъ, едва кончившій курсъ, приглашенъ былъ къ этой работѣ для біографій профессоровъ прошлаго столѣтія, которыя должны были быть возстановлены по архивнымъ документамъ и даннымъ старой литературы. Еще въ 50-хъ годахъ онъ вступилъ и на университетскую каѳедру. Въ это же время начато было имъ изданіе замѣчательнаго историко-литературнаго сборника: „Лѣтописи русской литературы и древности" (1859 — 1863), гдѣ, между прочимъ, помѣщено было не мало его собственныхъ изслѣдованій. „Лѣтописи" тогда уже установили авторитетное значеніе трудовъ г. Тихонравова и вмѣстѣ съ тѣмъ выразили новое направленіе въ изученіяхъ исторіи литературы. До 50-хъ годовъ исторія литературы, по примѣру старой критики и въ особенности Бѣлинскаго, изучалась почти исключительно съ точки зрѣнія эстетическаго развитія; но была въ ней и другая сторона, не богатая, быть можетъ, художественными достоинствами, но исполненная значенія для исторіи развитія общественнаго и народнаго; притомъ прежняя критика, съ своей точки зрѣнія, ограничивалась одной поэтической литературой, строго отобранной, но внѣ ея лежали массы литературныхъ фактовъ въ высокой степени любопытныхъ для внутренней исторіи общества, его образованія, нравовъ и т. д. Къ этому присоединялось изученіе литературной до-Петровской старины и народной письменности. Эта послѣдняя область только-что была затронута въ то время первыми изслѣдованіями Ѳ. И. Буслаева; но предстояла еще масса работы надъ разысканіемъ самыхъ памятниковъ, дотолѣ почти не

обращавшихъ на себя вниманія. Новыя изслѣдованія приносили въ высшей степени важные результаты, съ одной стороны дополняя художественно-историческое изученіе новѣйшаго литературнаго періода данными для исторіи общества и литературной біографіи, съ другой стороны, въ изученіи старой письменности открывая массу новыхъ данныхъ для исторіи народной литературы и поэзіи. Въ обоихъ отношеніяхъ г. Тихонравову принадлежитъ великая заслуга. Въ „Лѣтописяхъ", какъ и вообще во всѣхъ его изслѣдованіяхъ, изысканія его простираются на всю обширную область нашей литературной исторіи, отъ древнѣйшихъ писателей начала нашей письменности до Гоголя, которому посвящены его недавніе труды. Длинный рядъ старыхъ памятниковъ былъ впервые извлеченъ имъ изъ забвенія и введенъ въ исторію; цѣлая масса новыхъ матеріаловъ собрана имъ для разъясненія различныхъ эпохъ русской литературы. За „Лѣтописями" слѣдовало изданіе „Памятниковъ отреченной русской литературы" (Спб. и М. 1863), затѣмъ обширное, въ двухъ томахъ, изданіе „Русскихъ драматическихъ произведеній, 1672—1725" (Спб. 1874). Это послѣднее изданіе, къ сожалѣнію, осталось въ свое время недоконченнымъ и не вышло въ свѣтъ, вслѣдствіе банкротства издателя, Д. Е. Кожанчикова; оно явилось въ продажѣ много лѣтъ спустя безъ участія автора. Не вошедшее въ отпечатанную книгу и имѣвшееся только въ корректурныхъ оттискахъ, обширное изслѣдованіе г. Тихонравова о началѣ русскаго театра между прочимъ было утилизировано г. Морозовымъ въ его книгѣ о томъ же предметѣ, какъ о томъ было писано въ свое время. Въ изученіи старой письменности особый трудъ положенъ былъ г. Тихонравовымъ на самое собираніе ея памятниковъ. Съ первыхъ лѣтъ своей научной дѣятельности онъ сталъ усерднымъ собирателемъ и въ концѣ концовъ составилъ замѣчательную историко-литературную библіотеку книгъ и рукописей: собранная неутомимыми усиліями знатока, эта коллекція заключаетъ, во-первыхъ, множество книжныхъ рѣдкостей прошлаго и нынѣшняго вѣка, не однѣхъ рѣдкостей анекдотическихъ, но важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи, и во-вторыхъ, замѣчательное собраніе рукописей древнихъ и болѣе позднихъ, самаго разнообразнаго содержанія, а также старыхъ лубочныхъ картинокъ, составляющихъ теперь большую рѣдкость.

Въ послѣдніе годы г. Тихонравовъ занятъ былъ редакціей новаго, десятаго, изданія сочиненій Гоголя. Въ Литературномъ Обозрѣніи мы указывали капитальное значеніе этого труда, гдѣ Гоголь впервые является въ полныхъ текстахъ его сочиненій и съ подробными комментаріями, гдѣ собраны свѣденія о судьбѣ каждаго произведенія и объяснена исторія художественной работы Гоголя.

Въ университетѣ г. Тихонравовъ читалъ обширные курсы исторіи

русской литературы. Надо желать, чтобы эти курсы явились въ печати, также какъ желательно, чтобы собраны были многочисленныя статьи г. Тихонравова по различнымъ предметамъ исторіи нашей литературы, разсѣянныя въ журналахъ за долгіе годы его ученой дѣятельности. То и другое составитъ по истинѣ монументальный трудъ.

Такой трудъ предпринялъ въ послѣднее время старѣйшій между всѣми нами и по лѣтамъ, и по научнымъ заслугамъ, П. Г. Рѣдкинъ. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, когда исполнилось 60-лѣтіе его служебной дѣятельности, вышелъ пятый томъ задуманнаго имъ капитальнаго изданія его же лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіею философіи вообще. Это изданіе могло бы служить украшеніемъ любой научной литературы, гораздо болѣе богатой, чѣмъ наша, и новый томъ весьма кстати отмѣтилъ своимъ появленіемъ вступленіе всѣми глубоко уважаемаго автора въ седьмое десятилѣтіе его дѣятельности, всецѣло посвященной служенію истинѣ и добру.

ПОПРАВКИ.

Въ октябрьской книгѣ—на стр. 806, строч. 2 снизу, напечатано: *чувствомъ*—слѣдуетъ: *чувствамъ*; на стр. 836, 2 строчка снизу, напечатано: „противъ Франціи", слѣдуетъ: „въ пользу Франціи".

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Изданіе А. Брикнера. Т. III. Ч. II, гл. III и IV. Спб. 90. Стр. 660. Ц. 5 р.

Въ новомъ выпускѣ этого интереснаго изданія продолжаются документы, относящіеся къ дипломатической дѣятельности гр. Н. П. Панина въ Берлинѣ, за мартъ—декабрь 1798 г.; большая часть ихъ появляется въ первый разъ. Самъ нашъ посланникъ при берлинскомъ дворѣ былъ рѣшительный врагъ Франціи и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы окончательно отклонить отъ нея имп. Павла I и вооружить всю Европу противъ Франціи; для достиженія такихъ цѣлей гр. Панинъ не пренебрегалъ даже и перлюстраціею переписки съ директоріею французскаго посланника въ Берлинѣ, извѣстнаго аббата Сіэйса. Изъ изданныхъ нынѣ документовъ видно, что Панину не удалось тогда составить всеобщую коалицію противъ Франціи, только благодаря тайному расположенію Пруссіи къ послѣдней—и только это одно обстоятельство помѣшало еще въ 1798 г. напасть на Францію со всѣхъ сторонъ и дало укрѣпиться тогда еще молодой республикѣ.

Путешествіе на Востокъ. Царьградъ и Архипелагъ. Въ странѣ фараоновъ. Евгенія Маркова. Спб. 90. Стр. 414. Ц. 2 р.

Въ послѣднее время все чаще и чаще являются въ нашей литературѣ путешествія соотечественниковъ, направляющихся на сосѣдній намъ югъ и востокъ. Въ числѣ ихъ настоящее путешествіе можетъ занять видное мѣсто, какъ по наблюдательности автора, не мало искусившагося въ дѣлѣ странствія и давшаго намъ интересные „Очерки Крыма“, „Очерки Кавказа“, такъ и по художественному изображенію всего, что проходило предъ его глазами. Посѣщеніе имъ Константинополя (Царьграда), острововъ Архипелага и Египта, послужившее нынѣ матеріаломъ для настоящей книги, авторъ разсматриваетъ какъ подготовленіе его самого къ Палестинѣ и Галилеѣ, составлявшимъ въ мысляхъ автора главную цѣль всего его путешествія, а потому мы можемъ вскорѣ ожидать появленія новаго труда нашего туриста. Его путешествіе по Востоку представляетъ мѣстами экскурсіи въ публицистику, но, по нашему мнѣнію, такія экскурсіи являются слабою стороною книги, нѣсколько даже вредящею общему выгодному впечатлѣнію, производимому ею. Такова, напримѣръ, характеристика Одессы, откуда началось самое странствіе. Неудовольствіе автора на Одессу довело его самого до нѣкотораго внутренняго противорѣчія: то онъ ставитъ Одессу, воспринявшую общіе европейскіе порядки и физіономію, въ примѣръ „нашимъ русскимъ губернскимъ городамъ, подрядъ застроеннымъ двухъ-этажными кирпичными сундуками безъ стиля и вкуса“, и рекомендуетъ имъ „подражать своему приморскому собрату“, то онъ какъ будто негодуетъ на Одессу за то, что въ *ея* жизнь „врываются всѣ общія мѣста европейской цивилизаціи“ и „заражаютъ (?) ее новыми вкусами, новыми требованіями, стирая мало-по-малу историческія особенности страны“, къ числу которыхъ нельзя не отнести и тѣ „двухъ-этажные кирпичные сундуки“. Первая часть „Путешествія на Востокъ“ появилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ журналѣ; въ настоящемъ изданіи оно пополнено путешествіемъ по Египту.

Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга. В. Вахтинъ. Спб. 90. Стр. 124. Ц. 1 р.

Парижская академія наукъ обратилась въ 1724 г. къ имп. Петру В., какъ своему сочлену, съ просьбой снарядить экспедицію для рѣшенія вопроса: соединяются ли материки Азіи и Америки? За нѣсколько дней до смерти Петра Великаго, 24-го января 1725 г., датчанинъ Берингъ, по имени Витусъ (у насъ назывался Иванъ Ивановичъ), находившійся на русской службѣ съ 1704 г., выѣхалъ въ экспедицію изъ Петербурга сухимъ путемъ на Тобольскъ, Якутскъ и прибылъ въ октябрѣ того же года въ Охотскъ, гдѣ зимою и снаряжался въ дальнѣйшій путь. Вахтенные рукописные журналы этой знаменитой экспедиціи 1725 г., составлявшіе до сихъ поръ библіографическую рѣдкость гидрографическаго управленія, изданы нынѣ въ „выпискахъ“, съ присоединеніемъ текста „краткой реляціи о сибирской экспедиціи, въ которую посланъ былъ Ваш. Имп. Вел. нижайшій рабъ отъ флота капитанъ *W. Bering*“, отъ 1-го марта 1730 г., —съ краткими біографіями Беринга и его спутниковъ.

Путевые очерки и картинки. Отъ Саратова въ Парижъ на выставку и обратно. И. И. Горизонтова. Саратовъ. 90. Стр. 261 и 54. Ц. 1 р.

Изъ предисловія видно, что это рядъ газетныхъ фельетоновъ, писанныхъ первоначально въ мѣстную газету, а потомъ „распространенныхъ и исправленныхъ“. Но многое, повидимому, осталось и неисправленнымъ; такъ наприм., авторъ, проѣзжая по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Вержболово, говоритъ: „мы врѣзались въ Курляндію (!?), въ это гнѣздо гордыхъ бароновъ... Сейчасъ же за Динабургомъ начали справа и слѣва (!!) возвышаться средневѣковые замки курляндскихъ бароновъ, такъ энергично сопротивляющихся обрусенію“. Какъ все это удалось видѣть автору, трудно понять, такъ какъ видѣть „средневѣковые замки гордыхъ бароновъ“ при проѣздѣ мимо Динабурга по рельсамъ желѣзной дороги изъ Петербурга въ Вержболово, можно развѣ ночью, т.-е. или во снѣ, или при лунномъ свѣтѣ, какъ это и случилось съ авторомъ на пути между Варшавою и Вѣною: „спустилась ночь, и хотя свѣтила луна, но въ ея обманчивомъ, дрожащемъ свѣтѣ все казалось превратно и фантастично“.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Вып. 26. Спб. 90. Стр. 193—240. Ц. 35 к.

Октябрьскій выпускъ „Словаря“ содержитъ, между прочимъ, біографическіе очерки извѣстнаго педагога-дѣятеля Басистова, декабриста Батенкова и начало довольно подробной статьи, посвященной поэту Батюшкову.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1891 г.
(Двадцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ **Съ перваго октября открыта подписка на послѣднюю четверть 1890 года.** ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°) и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1890.

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Повѣсть.

Окончаніе.

XV *).

Изъ записокъ С. Ф. Цанѣева.

...Четыре года назадъ мнѣ и во снѣ не снилось, что я когда-нибудь брошу вершины, которыя всѣ мы, столичники, съ дѣтства считаемъ своею обѣтованной землей, и опущусь на самое дно, а между тѣмъ вотъ я совсѣмъ внизу и, кажется, не на шутку.

Да, это дѣйствительно дно!.. Спуститься ниже некуда: вся соціальная лѣстница начинается именно тутъ, и на первой ея ступенькѣ—мужикъ... Мужикъ стоитъ выше меня, потому что мужикъ, если онъ у себя хозяинъ, все-таки цѣлая единица и самъ себѣ голова, а я не больше какъ дробь, частица рабочей силы, которою управляютъ чужая мысль и чужая воля...

Все это очень странно!.. Оглядываюсь и спрашиваю себя: куда дѣвались дары цивилизаціи, унаслѣдованные отъ предковъ,—всѣ эти устои, ограды, удобства, которые позволяютъ русскому дворянину въ столицѣ жить какъ у Бога за пазухой?.. Чинъ, жалованье, гостиный дворъ, рестораны, театръ, городовые, извозчики, мостовая, тротуары, газъ?.. И эти идеи преемственнаго

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 195.

достатка, почета, власти? Струсилъ ли я въ бою и, уклоняясь отъ столкновенія, малодушно бѣжалъ, или въ душѣ у меня шевелилось съ дѣтства что-нибудь совершенно иное, чуждое, что̀, созрѣвъ, стало милѣе ихъ и заставило меня имъ измѣнить?.. Иначе: кому и за какую „похлебку“ я продалъ свое старшинство̀?..

Я родился и воспитанъ былъ въ Петербургѣ, въ кругу достаточнаго семейства, имѣвшаго на Фурштадтской собственный домъ. Дѣдъ и отецъ мой служили. По ихъ слѣдамъ и меня готовили тоже къ гражданской службѣ, но сколько я помню себя, эта карьера не рисовала въ дѣтскомъ моемъ воображеніи ничего привлекательнаго. Закрытая, первоклассная школа, куда я былъ отданъ 12 лѣтъ, не оставила въ памяти моей тоже ни одного дѣйствительно радостнаго воспоминанія, за исключеніемъ дня, когда я покинулъ ее, и сравнительно въ меньшей степени —дней, когда меня отпускали на праздники. Товарищей я любилъ, но, конечно, они не могли замѣнить для дѣтскаго сердца старыхъ моихъ любимцевъ, домашнихъ собакъ, привѣтствовавшихъ меня всегда съ неистовымъ восхищеніемъ, подобно тому, какъ состоящій при школѣ, просторный, тѣнистый садъ не могъ замѣнить мнѣ нашего маленькаго домашняго садика, гдѣ я, еще ребенкомъ, имѣлъ свои грядки, и лѣтомъ, съ утра до вечера, рылся въ землѣ, сажая горохъ и бобы, морковь, огурцы и прочее... Восторгъ, когда изъ земли вылѣзали первые, нѣжные ихъ ростки, и жадное любопытство, съ какимъ я потомъ наблюдалъ ихъ ростъ, ихъ распускающіеся цвѣты и зрѣющіе плоды, срослись у меня въ памяти навсегда съ самымъ счастливымъ временемъ дѣтства.

Нѣчто подобное, только гораздо отчетливѣе и ярче, я испыталъ, когда мнѣ было уже 14 лѣтъ, и дядя увезъ меня, на каникулы, въ свою небольшую усадьбу, запрятанную въ глуши торопецкаго уѣзда, на берегу пустыннаго озера... Новое положеніе было давно въ ходу, но у дяди оно не внесло никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ хозяйство, благодаря тому, что у него, съ незапамятныхъ поръ, существовалъ оброкъ. Крестьяне, лично освобожденные, были довольны своимъ хозяйственнымъ положеніемъ и не спѣшили на выкупъ. Онъ тоже не видѣлъ причины ихъ торопить...

Рожь зацвѣтала уже и покосъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда мы пріѣхали. Я былъ опьяненъ запахомъ свѣжаго сѣна, которымъ дышалъ съ утра, но помню и до сихъ поръ, какъ стая большихъ, мохнатыхъ собакъ, заливаясь веселымъ лаемъ, встрѣтила насъ у воротъ. Помню семейство утятъ въ желто-сѣромъ пуху, спѣшившее вслѣдъ за матерью, въ перевалку, къ пруду; вѣтви черемухи

и бузины, врывающіяся въ отворенное окно; жужжаніе пчелки, влетѣвшей въ комнату; небольшое стадо, въ сумерки возвращающееся домой, и землянику со сливками, которую намъ подавали за ужиномъ... Помню дымъ можжевельника, которымъ курили на ночь отъ комаровъ, и ласковую, простую женщину, вниманію которой я былъ порученъ, съ ея прямо отъ сердца звучащимъ голосомъ, и двухъ настоящихъ, живыхъ мужиковъ, заходившихъ поутру просить у дяди „маненько деньжонокъ“ въ займы: я былъ готовъ расцѣловать ихъ—такъ они мнѣ понравились!.. Но не они одни восхищали меня. Весь первый день я не могъ оторваться отъ множества новыхъ знакомствъ, составленныхъ на дворѣ. Сороки, которыхъ я въ жизнь свою не видалъ, потому что онѣ не посѣщаютъ совсѣмъ городовъ, индѣйскій пѣтухъ, какъ султанъ середи своего гарема, собаки и лошади, поросята, утята: все приводило меня въ восторгъ. Своеобразные нравы и физіономіи этихъ простыхъ существъ говорили мнѣ тысячу интересныхъ вещей, которыхъ нѣтъ никакой возможности передать, но которыя я понималъ такъ легко и свободно, какъ будто бы я, въ давно забытыя времена, самъ былъ однимъ изъ нихъ. Жизнь безъискусственная и неприкрашенная, жизнь на-распашку и, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, окружала меня въ такомъ разнообразіи, что у меня не хватало времени и терпѣнія остановиться на чемъ нибудь... Волнистая рожь стѣной по дорогѣ, прямая, рослая конопля и кудрявый хмель, ленъ голубою скатертью и поля румяной гречихи, усатаго ячменя, тѣнистыя рощи, таинственная лѣсная чаща съ журчащими подъ навѣсомъ вѣтвей ручьями, смиренныя деревушки въ два-три двора, вдругъ открывающіяся глазамъ,—все было ново, свѣжо и въ перебивку овладѣвало моимъ вниманіемъ до того, что я бредилъ потомъ во снѣ испытанными въ теченіе дня впечатлѣніями... Ходили мы съ дядей и на охоту; онъ былъ плохой стрѣлокъ, но жалобный крикъ подстрѣленнаго имъ невзначай несчастнаго зайца такъ возмутилъ меня, что я долго потомъ не возвращался къ этой жестокой забавѣ.

Два мѣсяца пролетѣли какъ сладкій сонъ; но сила его очарованія была такъ велика, что, возвратясь, я не узналъ родного города... Пыль, тѣснота, духота, вонь отъ мясныхъ и рыбныхъ лавокъ, громъ экипажей и масса людей, снующихъ взадъ и впередъ съ озабоченной миной, все представлялось мнѣ чѣмъ-то чужимъ, чтобы не сказать—враждебнымъ... Конечно, это не долго длилось: дня черезъ два я вернулся въ школу, сила привычки взяла свое—и жизнь потекла своимъ чередомъ... Только я зналъ,

что за ея горизонтомъ есть нѣчто совсѣмъ иное, и это иное сначала просто манило меня къ себѣ,—потомъ, когда началась сознательная работа мысли, стало предметомъ глубокаго, жаднаго любопытства.

...Реформы 60-хъ годовъ были давно закончены, а страстные толки о нихъ въ литературѣ и въ сферахъ юной столичной интеллигенціи не умолкали. О главной, съ которой все началось, я слышалъ еще въ деревнѣ у дяди, но суть ея для меня, въ ту пору, была темна, и только три года спустя, когда я былъ уже на послѣднемъ курсѣ, глаза мои, наконецъ, открылись. Я началъ съ жадностью читать; товарищи, раньше меня прозрѣвшіе, помогли, и послѣ нѣсколькихъ задушевныхъ бесѣдъ въ ихъ кругу, я почувствовалъ первые приступы той горячки, которая за пятнадцать лѣтъ унесла столько жертвъ!.. Трудно о ней говорить, потому что суть ея, несмотря на попытки лучшихъ нашихъ психологовъ, остается и до сихъ поръ темна; но достовѣрно, что къ тому времени, когда я оканчивалъ курсъ, острый періодъ ея миновалъ, и свойственный ей въ началѣ характеръ пламенной экзальтаціи смѣнился глубокимъ упадкомъ духа. Вѣра въ себя, въ возможность лучшаго будущаго покидала людей на восходѣ ихъ жизненнаго пути, и они безъ борьбы, безъ потерь, опускали руки... Въ отдѣльныхъ случаяхъ наступало отчаяніе, и цвѣтущіе, высоко одаренные юноши кончали самоубійствомъ. Война на короткое время одушевила всѣхъ, но горькіе результаты ея еще ухудшили дѣло... Отсутствіе аппетита ко всякаго рода общественной дѣятельности, которое раздѣлялъ и я, дѣлало службу мучительнымъ принужденіемъ; да и трудно было найти въ ней что-нибудь кромѣ удовлетворенія грубыхъ нуждъ или сухой игры честолюбія. Дѣла трактовали о чемъ-то далекомъ, чего занятый ихъ очисткой въ глаза не видалъ, и ничего живого не связано было съ движеніемъ ихъ въ понятіи человѣка, знакомаго съ увлекательными, хотя и не сбывшимися, надеждами; никому они не сулили радости, никого не избавляли отъ горя или нужды. Столоначальникъ писалъ, писаря переписывали, начальство подписывало бумаги, не интересуясь ни на волосъ ихъ содержаніемъ. Самая фабрика, гдѣ ихъ стряпали, походила на городъ мертвыхъ: трава не росла, деревья не зеленѣли вокругъ, собака не забѣгала, птица не залетала, дѣтей не слыхать было на дворѣ; самыя мухи имѣли какой-то чинно скучающій видъ, точно какъ будто бы и онѣ состояли на службѣ.

Я былъ зачисленъ въ *** департаментъ, но, не имѣя опре-

дѣленныхъ занятій, заглядывалъ въ него утромъ, на полчаса, а все остальное время, до четырехъ, проводилъ на лекціяхъ. Естественныя науки, въ школѣ у насъ, были исключены, словно начальство боялось, чтобы знакомство съ живыми созданіями и законами, по которымъ они живутъ, не совратило насъ съ предназначеннаго для насъ пути. Ботаника, зоологія, физіологія— извѣстны были намъ только по имени, а о сельскомъ хозяйствѣ даже помину не было... Я занялся предпочтительно этими четырьмя предметами, и скоро сошелся на лекціяхъ, въ библіотекахъ, съ людьми не менѣе ими интересующимися. Мы проводили вмѣстѣ длинные вечера, на которыхъ шли толки и провѣрялись слухи, извѣстія, спорили о системахъ, но горькій вопросъ, что̀ дѣлать съ собой, лежалъ у всѣхъ на душѣ неразрѣшимой загадкой.

— Да бросить все къ чорту и ѣхать въ деревню, землю пахать!—говорили нѣкоторые, и странно сказать: въ кругу семи человѣкъ, привыкшихъ чистосердечно дѣлиться мыслями, не нашлось никого, кто сказалъ бы хоть слово противъ такого страннаго предложенія!.. Оно повторялось не разъ, и о немъ говорили охотно, тѣмъ болѣе, что идея его, въ сущности та же послѣ-реформенная идея сближенія и союза съ своимъ народомъ, послѣ войны пріобрѣла совершенно новую и заманчивую окраску. Война доказала, что у развитыхъ и неразвитыхъ людей можетъ быть общее, всѣмъ одинаково дорогое дѣло. Если разъ можно драться рядомъ, то почему же нельзя и рядомъ землю пахать?.. Лишенія? Но развѣ ихъ мало было во время войны и развѣ они испугали кого-нибудь на Балканахъ, подъ Шипкой и Плевной?.. Развѣ врачъ, офицеръ и сестра милосердія не несли ихъ столь же геройски, какъ и простой рядовой?..

Я вспомнилъ свои золотые сны послѣ поѣздки въ деревню, и первый разъ послѣ долгаго времени что-то похожее на надежду привѣтливо улыбнулось мнѣ впереди.

...Нева прошла, и на сирени, на бузинѣ зеленѣли почки, когда я встрѣтилъ на набережной, противъ кунсткамеры, одного изъ нашихъ. Это былъ здоровенный, смуглый мужчина, лѣтъ 20 съ небольшимъ, студентъ на IV курсѣ, Ѳедоръ Клементьичъ Смычковъ. Онъ только-что сдалъ экзаменъ и былъ по этому случаю въ духѣ.

— Гдѣ вы проводите лѣто?—спросилъ онъ и, получивъ въ отвѣтъ, что я не думалъ еще объ этомъ, предложилъ:—Ѣдемте съ нами къ Моталову, въ Городцы?

Имя Моталова всѣмъ извѣстно, но очень немногіе знаютъ,

что у него въ имѣніи, въ лѣтніе мѣсяцы, существуетъ нѣчто въ родѣ практической земледѣльческой школы. Формальностей никакихъ, за выучку ничего, паекъ и помѣщеніе обыкновеннаго батрака; плата—что̀ заработаешь. Съѣзжается отъ 10 до 15 человѣкъ обоего пола, бо̀льшею частью изъ учащейся молодежи.

Мысль провести еще разъ въ деревнѣ лѣто давно уже соблазняла меня, только она никогда еще не являлась въ той обстановкѣ, которую предлагалъ Смычковъ. Главной причиною колебанія было, конечно, личное мое незнакомство съ Моталовымъ, но Смычковъ увѣрялъ, что этого вовсе не требуется.

— Кто ѣдетъ?—спросилъ я.

— Солдаткина, Войчекъ и я... Солдаткина тамъ бывала и очень охотно напишетъ о васъ, если только васъ не пугаетъ спартанская обстановка.—И онъ разсказалъ мнѣ условія.—Что же дѣлать?.. Вы сами, конечно, не захотите быть въ тягость. Солдаткина—барышня, а вотъ ѣдетъ туда уже третій разъ; значитъ, сносно. Да что толковать!.. Зайдемте лучше къ ней, послѣ обѣда, вмѣстѣ.

Я согласился, и черезъ двѣ недѣли былъ въ Городцахъ. Ничего похожаго на то лѣто, которое я проводилъ у дяди, и вообще по части старозавѣтной барской поэзіи—ничего. Но дѣловая часть перваго сорта!.. Трудно даже сказать, что̀ плодотворнѣе: практика собственно-земледѣльческаго труда, или школа стоической философіи, которую, волей-неволей, доводится тамъ пройти. Воспитанные, какъ канарейки, въ тюрьмѣ, которую создаютъ наши изнѣженныя привычки, мы съ дѣтства перестаемъ отличать то немногое, что̀ дѣйствительно краситъ жизнь, отъ вздоровъ, которые только напрасно обременяютъ и усложняютъ ее. Кто далъ себѣ трудъ хоть однажды пересчитать всю массу заботъ о своемъ удобствѣ, лежащихъ на нашемъ братѣ съ утра до вечера, и труды или деньги, которыхъ они отъ насъ требуютъ, тотъ по совѣсти долженъ сознаться, что онъ никогда не знавалъ настоящей свободы. Онъ—рабъ несчетнаго множества созданныхъ имъ самимъ для себя господъ, между которыми нѣтъ ни единаго, стоющаго той дани, которую онъ съ насъ беретъ, и заслуживающаго какого-нибудь уваженія... Туристъ съ 8-ми-пудовымъ багажемъ, который онъ долженъ еще наканунѣ укладывать цѣлый день, и съ которымъ долженъ поспѣть на станцію по крайней мѣрѣ за полчаса, или проѣзжій, вскакивающій въ вагонъ на ходу, съ 5-ти-фунтовымъ мѣшочкомъ въ рукѣ; кому изъ двухъ путешествіе достается легче, и кто наслаждается имъ полнѣе, безпечнѣе, чувствуетъ себя независимѣе?.. Въ школѣ никто не имѣетъ особой

комнаты, а между тѣмъ никто не страдаетъ отъ этого, и никому это не мѣшаетъ трудиться такъ же усердно, какъ и потомъ, въ своемъ кабинетѣ. Нѣтъ мебели, которую надо перевозить возами, а пусть онъ припомнитъ: чувствовалъ ли онъ отъ этого хоть какое-нибудь лишеніе? Обувь, бѣлье и одежда его стоили вдесятеро дешевле, а кто когда-нибудь находилъ, что онъ дурно одѣтъ?.. Наѣвшійся у Бореля дышетъ съ трудомъ и неспособенъ на три часа ни къ какому умственному или физическому усилію, а уходя изъ застольной, въ Стоженкѣ или Городцахъ, я бодръ и свѣжъ, какъ никогда не чувствовалъ себя въ Петербургѣ, даже послѣ семейной трапезы. Когда я вернулся изъ Городцовъ, послѣ перваго отпуска, моя городская квартира мнѣ показалась гошпиталемъ, а нашъ департаментъ—тюрьмою... Заглянувъ въ зеркало, котораго не видалъ три мѣсяца, я замѣтилъ—румянецъ игралъ у меня на щекахъ и въ глазахъ свѣтилось здоровье. Взялъ двухъпудовую гирю, которую я весной съ трудомъ поднималъ отъ земли до пояса, и вытянулъ съ нею руку горизонтально, какъ ни почемъ!..

Три лѣта къ ряду я проводилъ въ Городцахъ и составилъ тамъ не одно, драгоцѣнное для меня, знакомство. По третьему лѣту, зимой, пришло приглашеніе, заставившее меня не на шутку задуматься о дальнѣйшей моей судьбѣ. Вопросъ былъ серьезенъ, но какъ тщательно я ни взвѣшивалъ вѣроятія въ обѣ стороны, все говорило въ пользу его утвердительнаго рѣшенія. Штатнаго мѣста я не имѣлъ не только въ рукахъ, а даже и въ перспективѣ,—стало быть, не былъ еще подкупленъ прелестью филистимскою... Съ дома въ Фурштадтской улицѣ на долю мою приходилось въ годъ 300 рублей, то-есть втрое противъ того, что я когда-нибудь могъ издержать на свои фантазіи въ Стоженкѣ... Дальше, товарищество, какъ шатки бы ни казались надежды Дымовича на его успѣхъ, не требуя отъ меня никакихъ затратъ, сулило все же какое-нибудь вознагражденіе.. По убѣдительной просьбѣ матушки, я положилъ себѣ мѣсяцъ на размышленіе, но покуда онъ длился, сердце мое не разъ подпрыгивало отъ нетерпѣнія... Наконецъ, отставка была получена, кое-какіе запасы сдѣланы, и въ апрѣлѣ, послѣ обѣда, даннаго мнѣ пріятелями, я укатилъ сюда...

Да, я на днѣ, но кто хочетъ строить что-нибудь новое, тому не мѣшаетъ сперва добраться до дна... И я твержу себѣ притчу о легкомысленномъ человѣкѣ, построившемъ домъ на пескѣ... Надо надѣяться, что наше товарищество не сдѣлаетъ ничего по-

добнаго, потому что за дѣло его взялся не легкомысленный человѣкъ.

XVI.

Продолженіе.

...Илья Степановъ—такъ называетъ его нашъ мѣстный оракулъ, Архипъ, считающій, какъ и всѣ мужики, „фамилію" не настоящимъ именемъ человѣка, а только прозвищемъ, въ родѣ того, напримѣръ, какъ извѣстнаго русскаго богатыря, Алёшу, въ былинахъ, зовутъ Поповичемъ — Илья Степановъ разсказывалъ мнѣ курьезныя вещи про учредителей.

Идея, какъ онъ увѣряетъ, явилась имъ „a priori", то-есть, она у нихъ не плодъ многолѣтнихъ практическихъ наблюденій, какъ у Моталова, а умозрительный выводъ изъ нравственныхъ принциповъ, какъ напримѣръ: для духовнаго и тѣлеснаго здравія человѣка необходимо, чтобы онъ трудами собственныхъ рукъ заработывалъ себѣ пропитаніе. А такъ какъ единственный общеполезный трудъ, на который религія и исторія указываютъ равно, какъ на основу гражданскаго общества—земледѣліе, то... и т. д. Слѣдуетъ длинный рядъ выводовъ, хорошо знакомыхъ изъ проповѣдей графа Толстого. Это весьма поучительно, какъ свидѣтельство, что иныя идеи столь натурально свойственны, можетъ быть, даже необходимы своему времени, что къ нимъ, какъ къ Риму, ведутъ всѣ пути, то-есть, до нихъ доходятъ сами собою люди съ самымъ разнообразнымъ складомъ ума и характера, часто не знающіе другъ друга, во всемъ остальномъ несогласные и исходящіе, повидимому, изъ самыхъ противоположныхъ началъ.

Не менѣе любопытно и то, что̀ Дымовичъ мнѣ сообщилъ о характерахъ.—Товарищество,—говорилъ онъ,—это тріумвиратъ, которымъ собственно до сихъ поръ оно и ограничивается. Это зародышъ сельскаго общества, способный къ самостоятельному развитію, а все остальное—плазма, то-есть индифферентный питательный матеріалъ, необходимый этому „embrio", чтобы рости... Такъ смотритъ, по крайней мѣрѣ, ихъ коноводъ Вѣтленевъ, не признающій за среднимъ уровнемъ человѣчества никакихъ автономныхъ идей. Толпа,—то-есть, въ данномъ случаѣ—мы, работники,—не болѣе, какъ пластическій матеріалъ, способный усвоивать формы, въ которыя его облекаютъ его организаторы. Они одни обладаютъ творческими идеями, а потому имъ по праву принадлежитъ и власть. Задняя мысль этого зодчаго: изъ учре-

дителя стать хозяиномъ общества, въ вульгарной рѣчи именуемаго общиной, которая якобы безъ него неспособна устроиться. Онъ долженъ держать сырой ея матеріалъ въ рукахъ, покуда этотъ послѣдній не приметъ и не усвоитъ себѣ окончательно формъ, которыя онъ ему соизволитъ дать... Отсюда и зависть его къ Дымовичу. При всей безмѣрной своей самонадѣянности, онъ угадываетъ въ Ильѣ Степановѣ конкуррента, съ которымъ ему не подъ силу бороться, и опасается, чтобы товарищъ его, Ижоринъ, второй трумвиръ, не стакнулся съ нимъ, ибо вдвоемъ они могутъ легко пріобрѣсть такое вліяніе, которое обратитъ его въ нуль.

Чтобы понять его опасенія, надо имѣть въ виду, что Ижоринъ не раздѣляетъ его властолюбивыхъ затѣй. Несмотря на свой нѣсколько догматическій складъ ума, это—рыцарь, чтобы не сказать—Донъ-Кихотъ, чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ современныхъ стремленій. Онъ горячо стоитъ за автономную сельскую общину и готовъ на всякія жертвы, чтобы уберечь ее отъ насильственно ей навязанныхъ формъ. Единственный недостатокъ Ижорина—это его непрактичность, еще усиленная его оптимизмомъ. Онъ видитъ только на дальнее разстояніе, да и на немъ замѣчаетъ одно только то, что̀ ему сулитъ успѣхъ, а не видитъ подъ носомъ самыхъ обыкновенныхъ и, такъ сказать, натуральныхъ препятствій.

О третьемъ „вирѣ“ не стоитъ упомянуть, ибо онъ принятъ въ союзъ учредителей только для усиленія его персонала и средствъ, какъ человѣкъ достаточный—по женѣ.

Но люди эти, какъ всѣ доктринеры, согласны только въ своихъ основныхъ принципахъ, а далѣе между ними успѣло уже обнаружиться разногласіе. Поводомъ былъ вопросъ о надѣлѣ „общины“ (читай: предполагаемаго товарищества) землей. Владѣлецъ ея, Вѣтленевъ, стоитъ за выкупъ въ разсрочку съ правильною уплатою ему процентовъ и погашенія, а собственникъ оборотнаго капитала, Ижоринъ—за немедленную и одновременную покупку ея товариществомъ на деньги, которыя онъ предлагаетъ ему взаймы. Но лично денежные интересы двухъ учредителей тутъ ни при чемъ, такъ какъ деньги должны быть уплачены въ банкъ, и товариществу, въ обоихъ случаяхъ, придется уплачивать ихъ въ разсрочку. Разница только въ томъ, что, по плану Вѣтленева, выкупъ пойдетъ черезъ него. Онъ беретъ на себя отвѣтственность за его регулярный ходъ и получаетъ право взыскивать съ неисправныхъ плательщиковъ, тогда какъ, по плану Ижорина, между товариществомъ и истиннымъ кредиторомъ его

не должно быть посредниковъ. Дымовичъ стоялъ до сихъ поръ горячо за этотъ послѣдній планъ, но теперь сомнѣвается, чтобы его возможно было осуществить, не рискуя утратить всѣ выгоды, которыя онъ сулитъ, и промѣнять кукушку на ястреба. Лично,— говоритъ онъ,—товарищамъ несомнѣнно удобнѣе имѣть дѣло прямо съ Ижоринымъ. Но Вѣтленевъ не хочетъ, чтобы выкупъ шелъ мимо него, утверждая, что его другъ, по мягкосердію, неспособенъ вести это дѣло какъ слѣдуетъ. Недоимки, молъ, будутъ рости и выкупъ затянется на безсрочное время, то-есть, на дѣлѣ будетъ не выкупъ, а баловство, которое ранѣе или позже должно привести къ ликвидаціи. „Въ какой мѣрѣ онъ правъ,—говоритъ Дымовичъ,—я не берусь судить, но я очень боюсь, что если они съ Ижоринымъ не придутъ къ соглашенію,—дѣло разстроится... Да и не я одинъ"... И онъ разсказалъ мнѣ, что наканунѣ, когда мужья, поутру, ушли на покосъ, барыни, то-есть, ихъ хозяйки, тайкомъ пригласили его къ себѣ на совѣтъ и горячо упрашивали, чтобы онъ взялъ на себя устроить, такъ или иначе, соглашеніе.—„Не было,—говоритъ,—никакой возможности отказать, потому что бѣдняжка Вѣтленева просто плакала!.. Но, тѣмъ не менѣе, я до крайности затрудненъ... Мое положеніе, какъ посредника между вами и учредителями, не позволяетъ мнѣ гласно выступить адвокатомъ плана, которому, въ сущности, я не сочувствую. Скажутъ: „оппортюнистъ"! или еще того хуже: „подкупленъ"!

И онъ просилъ меня поговорить съ товарищами, по мѣрѣ возможности, такъ, чтобы онъ остался совсѣмъ въ сторонѣ.— „Вопросъ,—говоритъ,—теперь въ такомъ положеніи, что никто кромѣ васъ не можетъ его рѣшить. Земля нужна вамъ. Согласны ли вы, чтобы выкупъ шелъ черезъ руки Вѣтленева?.. Если—да, то имѣйте въ виду, что деньги, черезъ кого бы онѣ ни шли, должны, во всякомъ случаѣ, возвратиться тому, кто ихъ дастъ на уплату въ банкъ, то-есть, Ижорину, отъ котораго, если онъ не броситъ дѣла и будетъ доволенъ вами, вы можете ожидать всякой помощи. Но если мѣсто его займетъ другой, то я не могу и представить себѣ, чѣмъ это кончится. Поговорите и постарайтесь придти къ единодушному соглашенію. Только не собирайте сходки, а постарайтесь сперва убѣдить коноводовъ порознь. Скажите, что дѣло извѣстно вамъ стороной, но что вы, по долгу товарища, не сочли себя въ правѣ о немъ умолчать", и т. д.

Я отвѣчалъ, что охотно беру на себя переговоры, но очень боюсь, что они не поведутъ ни къ чему, если онъ мнѣ не объяснитъ обстоятельно своего плана имущественной организаціи,

такъ какъ иначе я буду закиданъ вопросами, на которые не знаю, что̀ и отвѣчать.

Илья Степановъ былъ видимо затрудненъ. Онъ дергалъ свои богатырскіе, разлетающіеся по вѣтру, усы, хмурился и моргалъ.

— Сейчасъ постараюсь исполнить ваше желаніе,—сказалъ онъ,—только я долженъ предупредить васъ, что я не уполномоченъ вамъ ничего предлагать. Я сообщу вамъ собственныя мои соображенія, но не ручаюсь, что они будутъ приняты, даже и въ томъ счастливомъ случаѣ, если вы ихъ единодушно одобрите—хотя, разумѣется, это могло бы придать имъ въ глазахъ учредителей очень солидный авторитетъ. Чего я желаю прежде всего—это чтобы починъ исходилъ отъ васъ. Это внушило бы болѣе уваженія къ вамъ, человѣку, явно воображающему, что вы безъ него не найдете пути... Слушайте...—И онъ объяснилъ мнѣ весьма обстоятельно планъ, который я изложу здѣсь въ общихъ чертахъ.

— Право собственности на землю,—говорилъ онъ,—хотя и будетъ вами пріобрѣтаться обыкновеннымъ въ подобныхъ случаяхъ способомъ, черезъ выкупъ въ разсрочку, но земля, не составляя частной собственности товарищей, должна оставаться за обществомъ и Вѣтленевымъ въ нераздѣльномъ владѣніи. Дѣлится только чистый доходъ, размѣры котораго невозможно опредѣлить заранѣе, потому что они зависятъ отъ сложныхъ и по природѣ своей непостоянныхъ причинъ; число засѣянныхъ десятинъ, урожай, количество удобренія и посѣва, цѣны—все это, вмѣстѣ и порознь, неуловимо. Правила, по которымъ опредѣляется чистый доходъ, однакоже, несомнѣнны, равно какъ и то, что, по всѣмъ человѣческимъ вѣроятіямъ, онъ долженъ не убывать, а рости. Онъ можетъ быть по началу нуль; но онъ не долженъ быть съ минусомъ, или, по крайней мѣрѣ, товарищество не отвѣчаетъ за минусъ, покуда оно не пріобрѣтетъ своего оборотнаго капитала и не станетъ полнымъ хозяиномъ у себя. Возьмемъ теперь его валовой доходъ и посмотримъ, что̀ слѣдуетъ скинуть съ него, чтобы получился чистый.

Прежде всего слѣдуетъ скинуть земскія и государственныя повинности, такъ какъ за недоимки по нимъ имѣніе можетъ быть продано съ молотка.

Дальше, оплату наемныхъ рукъ, какія могутъ потребоваться при недостаткѣ наличнаго персонала товарищества. Сюда же относится продовольствіе батраковъ и поденщиковъ.

Дальше, ремонтъ и улучшеніе живого инвентаря: покупка скота, лошадей, и прочее.

Дальше, оплата и содержаніе спеціалистовъ—заводчиковъ, землекоповъ, мастеровыхъ, коновала, и прочее.

Дальше, ремонтъ строеній и возведеніе новыхъ.

Далѣе, непредвидѣнные расходы, къ числу которыхъ относятся всякаго рода убытки, негарантируемые страховкой или превосходящіе страховую оцѣнку: повальные падежи, лѣсные пожары, расходъ на веденіе дѣлъ въ судахъ, и т. д.

Наконецъ, страховка.

Остатокъ, за вычетомъ или возвратомъ по этимъ статьямъ, могъ бы считаться чистымъ доходомъ, еслибы у товарищества, какъ цѣлаго, была собственная земля и собственный оборотный фондъ; но такъ какъ ихъ надо пріобрѣтать, то расходы на ихъ пріобрѣтеніе должны быть тоже скинуты. Ихъ нельзя, однакоже, скинуть просто, по той причинѣ, что это не общій расходъ. Онъ дѣлитъ сельское общество на платящихъ и получающихъ. Спрашивается: въ какомъ размѣрѣ первые платятъ послѣднимъ? Земля, со всѣмъ, что̀ на ней, повторяю, не дѣлится, то-есть, товарищество, пріобрѣтая ее, становится совладѣльцемъ Вѣтленева въ извѣстной долѣ, размѣръ которой зависитъ, конечно, отъ соглашенія; но допустимъ, что онъ практически совпадаетъ съ размѣромъ долга, лежащаго на имѣніи. Оно было оцѣнено при залогѣ въ 35.000, а въ настоящее время долгу на немъ остается 20. Принявъ на себя уплату процентовъ и погашенія на 20.000, вы будете совладѣльцемъ въ пропорціи $^4/_7$, а онъ въ $^3/_7$ полной стоимости имѣнія. Расходъ вашъ на годовую уплату ему, стало быть, не есть общій расходъ. Онъ падаетъ только на ваши $^4/_7$, а его $^3/_7$ остаются свободны. Проценты и погашеніе на 20.000 составляютъ 1.200 рублей годовыхъ, а такъ какъ цифра эта опредѣляетъ ваши $^4/_7$ ренты, то Вѣтленеву его $^3/_7$ дадутъ 900 рублей. Въ итогѣ, рента, стало быть, составляетъ 2.100 рублей. Прибавьте къ нимъ minimum продовольствія, которое, по условію, должно быть вамъ обезпечено въ размѣрѣ того, что̀ получаетъ обыкновенный батракъ, и вы получите наименьшій размѣръ дохода, какой имѣніе это должно дать, за очисткою общерасходныхъ статей, чтобы въ результатѣ его обработки не оказалось убытка. Собственно говоря, это нуль чистой прибыли, такъ какъ при этомъ размѣрѣ дохода товарищество можетъ только существовать. Оно сыграло въ ничью. Если оно заработаетъ менѣе этого и учредители не согласятся взять на себя недочетъ, то предпріятіе это надо считать несостоявшимся и разойтись...

— Все, что̀ мнѣ остается сказать поэтому,—продолжалъ

онъ,—предполагаетъ какой-нибудь, хотя бы и незначительный по началу плюсъ, положимъ 30 рублей. Эти 30 рублей должны быть раздѣлены между товарищами прямо пропорціонально ихъ заработку. Если я, напримѣръ, былъ боленъ или гулялъ и ничего не заработалъ, то моя доля—нуль. А если я ловокъ, силенъ, здоровъ и заработалъ больше другихъ, то я и получаю больше. Для ясности предположимъ, что все товарищество состоитъ только изъ трехъ человѣкъ и что все дѣло ихъ заключается въ обработкѣ 6 десятинъ ржаного поля. Изъ нихъ, напримѣръ, я обработалъ 4, вы 2, а третій все лѣто хворалъ и не успѣлъ обработать совсѣмъ ничего. Мы, разумѣется, не оставимъ его безъ помощи: это также немыслимо, какъ самимъ голодать или не заплатить повинностей. Онъ будетъ сытъ и будетъ имѣть необходимое, но изъ чистой прибыли ему не достанется ничего, и мы съ вами подѣлимъ ее вдвоемъ. Если ее оказалось 30 рублей, то я, обработавшій изъ 6 десятинъ 4, возьму себѣ $^4/_6$, т.-е. 20 р., а вы получите 10. Это такъ просто, что всякій ребенокъ пойметъ; но при множествѣ разнаго рода работъ и большемъ числѣ товарищей могутъ возникнуть недоумѣнія, которыя невозможно рѣшать на поголовныхъ сходкахъ, чтò повело бы только къ напрасной потерѣ времени. Для этого нужны выборные оцѣнщики, пользующіеся, конечно, общимъ довѣріемъ. Они должны вести записи всякаго рода заработкамъ, оцѣнивать ихъ по ходячимъ цѣнамъ и соотвѣтственно этой оцѣнкѣ дѣлить между товарищами чистый доходъ, какой окажется по сведеніи счетовъ...

— И, наконецъ, остается личный вопросъ, самый мудреный изъ всѣхъ. Товарищество должно считаться въ полномъ комплектѣ, когда оно доростетъ до того, чтобы легко обойтись безъ наемныхъ рукъ. Сверхъ этого, всякій приростъ въ его личномъ составѣ былъ бы невыгоденъ, и такого слѣдуетъ по возможности избѣгать. Совсѣмъ избѣжать, однакоже, невозможно. Размѣръ обработаннаго пространства земли не можетъ стоять на одномъ уровнѣ. Если онъ будетъ только рости, то еще не бѣда; но если, въ силу какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, придется его сократить, то спрашивается, чтò дѣлать съ излишкомъ рабочихъ рукъ? Товарищъ, само собой разумѣется, не батракъ, котораго, если онъ ненуженъ, можно немедленно разсчитать и сбыть. Онъ платитъ изъ своего заработка земскія и государственныя повинности, платитъ выкупъ, и общество не имѣетъ права ему сказать: „ты болѣе мнѣ ненуженъ, прощай“. Да еслибы, по условію, оно и оставило за собою такое право, то справедливость требуетъ, чтобы оно заплатило ему сперва все, чтò оно отъ него получило. Един-

ственный способъ предотвратить подобныя затрудненія—это обставить пріемъ полноправныхъ товарищей такими условіями, которыя, сокращая число ихъ до наименьшей величины, позволяли бы, кромѣ нихъ, имѣть у себя въ распоряженіи временныхъ и сверхкомплектныхъ членовъ, принятыхъ имъ „на испытаніе". Чтобы оцѣнить удобства этой второй категоріи, представьте себѣ, что, сверхъ 10 полноправныхъ товарищей, общество приняло бы еще 5 временныхъ членовъ. Эти послѣдніе платятъ и получаютъ то же; но ихъ уплаты откладываются и образуютъ запасной фондъ, дающій обществу средства, если они окажутся неспособны или ненужны, въ любую пору отъ нихъ отдѣлаться, возвративъ имъ, честно и безобидно, все, что оно отъ нихъ получило: повинности, выкупъ, и прочее. Но если, по истеченіи условленнаго искуса, два или три изъ нихъ окажутся въ полной мѣрѣ удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ, то они переходятъ въ первую категорію, и послѣдующія за тѣмъ уплаты ихъ получаютъ уже обыкновенное назначеніе, а предшествующія перечисляются въ оборотный фондъ и изъ нихъ покрываются прежде всего проценты и погашеніе за полученные обществомъ денежные авансы. Объ этой статьѣ расхода я прежде не говорилъ, потому что вопросъ, откуда общество можетъ добыть, авансомъ, деньги, необходимыя ему на годовой оборотъ, практически говоря, не важенъ. Если вы будете ихъ имѣть отъ товарищей, то тѣмъ лучше; если же нѣтъ, то уплата по нимъ процентовъ и погашенія составитъ не болѣе какъ добавочную статью вашихъ общихъ расходовъ...

Мы говорили долго, и онъ не разъ возвращался къ сказанному, то разъясняя мои недоумѣнія, то настаивая, что это не болѣе какъ его личный взглядъ, который ни для кого не обязателенъ...

XVII.

Продолженіе.

...Успѣшному ходу переговоровъ сильно мѣшалъ покосъ, занимавшій насъ отъ зари до зари; но главной помѣхой, какъ я и предчувствовалъ, оказалась трудность остановить вниманіе моихъ сотоварищей на вопросѣ, кому платить выкупъ. По незнакомству съ характеромъ учредителей, ихъ это мало интересовало, но, видя важность, которую я придаю такому, для нихъ незначительному, различію, они натурально подозрѣвали за нимъ что-нибудь недосказанное.—„А сколько надо будетъ платить?"—слы-

шалъ я неизмѣнно послѣ моихъ аппрошей. И дальше: — „Да изъ какихъ же средствъ?.. На какой доходъ мы въ правѣ разсчитывать?“ etc... Переходя отъ одного къ другому, невольно я долженъ былъ имъ повторять, подъ видомъ моихъ догадокъ и соображеній, все, чтò мнѣ объяснялъ Дымовичъ; а такъ какъ личный авторитетъ мой былъ слабъ, то, понятно, мнѣ приходилось наталкиваться на возраженія, большею частію, столь необдуманныя и безсвязныя, что я не зналъ, съ чего и начать, чтобы разсѣять ихъ заблужденія...

— Ну чтò? — спросилъ съ любопытствомъ Илья Степановъ, зазвавъ меня какъ-то однажды къ себѣ послѣ ужина. Онъ помѣщенъ былъ въ новомъ строеніи, въ мезонинѣ, гдѣ отъ нагрѣтой крыши до одури пахло сосновой смолой.

— Да чтò!—произнесъ я, махнувъ рукою:—хоть брось!..

И мы снова разговорились.

Толкуя о настоящихъ причинахъ моей неудачи, я, между прочимъ, старался его убѣдить, что при его организаціонномъ планѣ, не допускающемъ розничнаго хозяйства, вопросъ, кто будетъ распорядителемъ выкупной операціи, очень неваженъ. — Трудно представить себѣ,—говорилъ я, — откуда явятся недоимки, если товарищи, вообще, не отвѣчаютъ за дефицитъ, и если имъ выдается на руки только чистый доходъ.

Илья Степановъ слушалъ съ своей снисходительною улыбочкой.—Да,—отвѣчалъ онъ:—только примите въ соображеніе, что мой планъ и направленъ-то прежде всего къ тому, чтобы избѣжать недоимокъ. Вѣтленевъ не знаетъ о немъ еще ничего, да и не долженъ знать, по крайней мѣрѣ, черезъ меня съ Ижоринымъ. Главная наша ошибка въ томъ, что мы оскорбили его самолюбіе. Чего онъ не можетъ простить намъ—это, что мы осмѣлились взять на себя починъ.— „Ижоринъ, — говоритъ онъ, — обошелъ меня!“... Необходимо, стало быть, прежде всего, чтобы мы остались, на этотъ разъ, въ сторонѣ и даже больше того: потерпѣли явное пораженіе. Поэтому я и взялся за васъ... Вы только представьте себѣ его торжество, еслибы всѣ товарищи приняли его сторону!..—И, помолчавъ, прибавилъ:

— Нельзя ли уговорить ихъ, по крайней мѣрѣ, чтобы они подписали адресъ ему?.. Можно сказать, не мотивируя, что вы всѣ, единодушно, желаете, чтобы онъ принялъ въ свое распоряженіе выкупъ. Еслибы мы не дали маху вначалѣ, это могло бы идти гораздо короче, черезъ Ижорина, но теперь уже поздно... И онъ признался мнѣ, что въ ту пору онъ и не думалъ еще ни о какомъ организаціонномъ планѣ. Заднимъ умомъ крѣпки-съ! —говорилъ онъ, смѣясь.—Но, слава Богу, что не обидѣлъ хоть

этимъ. Стыдно подумать, что было бы, еслибы у насъ не хватило и задняго!—И, помолчавъ, онъ воротился къ адресу.

— Можно-то можно, — сказалъ я: — только бы не обидѣть Ижорина.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—я уже говорилъ съ нимъ, и, между нами, онъ далъ мнѣ „carte blanche".

Мы набросали адресъ, и я, не вставая съ мѣста, переписалъ его.

Дня черезъ два, на сходкѣ, адресъ былъ предложенъ и принятъ безъ затрудненія, послѣ чего мы съ Войчекомъ, въ качествѣ депутатовъ, вручили его Вѣтленеву.

Онъ былъ удивленъ, не понимая, какъ это могло случиться, но, тѣмъ не менѣе, лицо у него просіяло отъ удовольствія.

— Благодарю васъ за честь, господа,—сказалъ онъ, дружески пожимая намъ руки:—но передайте вашимъ товарищамъ, что я не могу принять ее, не получивъ согласія отъ другихъ учредителей.

Въ адресѣ былъ, однако, крючокъ, который онъ, сгоряча, не замѣтилъ и проглотилъ.

„Товарищество,—сказано было въ концѣ, — ласкаетъ себя надеждой, что вы не откажете сообщить ему планъ его организаціи, когда основанія его будутъ выяснены".

Вечеромъ, послѣ ужина, я сидѣлъ у себя, когда вошелъ Илья Степановъ, тоже сіяющій.—Все обошлось благополучно,—сказалъ онъ: — да кромѣ того, — поздравьте меня, — я получилъ еще и награду.

— Ой! Что вы! Какую?

— Самую лестную... Такую, что мнѣ и во снѣ не снилась!.. Послѣ обѣда, когда всѣ ушли на покосъ, три наши барыни потихоньку зазвали меня къ себѣ—и какъ бы вы думали?—расцѣловали!.. Но я, не будь простъ, загнулъ-таки имъ крючокъ. Отблагодаривъ ихъ, какъ только умѣлъ, я сказалъ:—Надѣюсь, сударыни, что вы не откажете намъ помочь въ дальнѣйшемъ нашемъ стремленіи къ полному соглашенію. Товарищей очень интересуетъ вопросъ объ организаціи нашего общества, и они имѣютъ уже на этотъ счетъ обѣщанія учредителей; но... ваша помощь, конечно, неоцѣнима.—Ну, и, конечно, онѣ постараются.

Въ первое воскресенье послѣ того, у тріумвировъ происходилъ совѣтъ, на который, конечно, не пригласили ни насъ, ни

Дымовича; но Илья Степановъ узналъ отъ Ижорина все, что намъ нужно было узнать. Главнымъ предметомъ ихъ совѣщанія былъ „назрѣвшій", какъ выразился Вѣтленевъ, вопросъ объ имущественномъ и административномъ устройствѣ общества. Онъ началъ съ того, что не беретъ на себя ничего предрѣшать, но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, тотчасъ же вслѣдъ за симъ, на сцену явился проектъ, очевидно импровизированный имъ послѣ его побѣды. Въ основѣ провозглашенъ былъ принципъ, что земля (по скольку она должна принадлежать товариществу, какъ совладѣльцу Вѣтленева) не составляетъ частной собственности товарищей. Никто не въ правѣ продать, заложить, передать или завѣщать своей доли, ибо подобной доли не существуетъ. Поэтому членъ, покидающій общество, не имѣетъ права ни на какого рода вознагражденіе... Второй основной принципъ: это—что выкупъ земли товариществомъ не связанъ съ его имущественною организаціей. Онъ составляетъ предметъ особаго нотаріальнаго договора, въ силу котораго общество, какъ юридическое лицо, отвѣчаетъ Вѣтленеву круговою порукою за исправный взносъ процентовъ и погашенія. Далѣе, какъ въ проектѣ Дымовича,—вычетъ изъ валового прихода обще-расходныхъ статей и исчисленіе чистой прибыли каждаго пропорціонально заработку его. Разница только въ томъ, что $^3/_7$ Вѣтленева и прошлогодній дефицитъ, буде такой окажется, причислены къ обще-расходнымъ статьямъ, а минимальное продовольствіе членовъ товарищества обойдено совершеннымъ молчаніемъ. Но всего любопытнѣе—это статьи, касающіяся администраціи. Надъ обществомъ состоитъ правленіе сельскихъ старшинъ, изъ которыхъ одинъ—по выбору учредителей, другой—по выбору отъ товарищей, а третьяго (какъ въ третейскомъ судѣ суперарбитра)—избираютъ уже два первыхъ по соглашенію. Контролю правленія подчинены: оцѣночный комитетъ и староста, завѣдывающій полевыми работами. Правленіе можетъ смѣнить его но не участвуетъ въ его выборѣ, и такъ далѣе.

Все это было передано Дымовичу и, не взирая на то, что нѣкоторыя статьи обоихъ проектовъ были тождественны,—глубоко огорчило его.

— Вы возражали?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ Ижоринъ:—и не одинъ; Копровъ горячо стоялъ за меня, но это не произвело на Аркадія впечатлѣнія. Онъ даже не спорилъ, а просто передалъ намъ рукописный текстъ, прося на досугѣ вникнуть и обсудить.

— Чего тутъ вникать!—говорилъ Дымовичъ:—Ясно какъ на ладони, что ему нужно держать въ рукахъ товарищество и что

онъ будетъ упрямо стоять на своемъ. Но попытка все-таки стоитъ труда. Представьте контръ-проектъ и предложите пустить два плана на голоса. Онъ, вѣроятно, не согласится, ссылаясь на то, что учредителямъ неприлично выступить передъ обществомъ иначе какъ съ единодушнымъ планомъ; но если такъ, то очередь сдѣлать уступки за нимъ. Все можно принять, кромѣ отвѣтственности за дефицитъ и статьи о выкупѣ. Если онъ не уступитъ по этимъ двумъ пунктамъ, то дѣло можно считать несостоявшимся. Я, по крайней мѣрѣ, и всѣ, кто пріѣхалъ сюда по моему приглашенію, бросимъ его.

Контръ-проектъ былъ представленъ, но потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. На предложеніе сдѣлать товарищество „en masse" судьею въ ихъ разногласіи, Вѣтленевъ сказалъ коротко, что онъ не желаетъ ставить на карту своихъ убѣжденій.

— Но если всякій, подобно вамъ, захочетъ стоять на своемъ, то никакое общее дѣло немыслимо, — скромно замѣтилъ его пріятель.

— Я не „всякій",—настойчиво отвѣчалъ Вѣтленевъ.—Я, у себя въ имѣніи, въ правѣ поставить свои условія, и если они не одобрены, то могу только сожалѣть, но это меня ни къ чему не обязываетъ.

Ижоринъ былъ глубоко возмущенъ и, не сказавъ ни слова болѣе, вышелъ изъ засѣданія. Копровъ сидѣлъ блѣдный.—Кажется, дѣло кончено,—сказалъ онъ... Отвѣта не было. Вѣтленевъ, повидимому, былъ другого мнѣнія и въ тайнѣ души надѣялся на уступки. Узнавъ отъ него о случившемся, Марья Игнатьевна, въ горькихъ слезахъ, убѣжала къ Ижоринымъ, но мужа не было: онъ сидѣлъ у Дымовича. Позже она имѣла съ нимъ длинное объясненіе, которое, впрочемъ, не повело ни къ чему.—Аркадій можетъ дѣлать какъ хочетъ,—говорилъ онъ:—я больше не учредитель.

На этомъ „какъ хочетъ" все и повисло, какъ на волоскѣ. Барыни толковали его между собою въ смыслѣ простого отказа участвовать въ учредительныхъ совѣщаніяхъ; но это было довольно тощее утѣшеніе...

Черная туча висѣла надъ Стоженкой, и въ воздухѣ становилось душно какъ передъ грозой...

...Жатва замедлила ходъ событій, но, не взирая на то, что молодежь, занятая весь день, по вечерамъ едва могла стоять на

ногахъ отъ усталости, въ кругу ея начиналось глухое броженіе. На первыхъ порахъ мы не знали, чему его приписать, ибо два, три лица, знакомыя изъ прямыхъ источниковъ съ положеніемъ дѣла, не позволяли себѣ даже намека на его счетъ. Но, не взирая на всѣ ихъ предосторожности, тайна какимъ-то незримымъ путемъ просачивалась!.. Планъ Вѣтленева, контръ-проектъ Ижорина и возникшій на почвѣ ихъ между тремя учредителями раздоръ— извѣстны были до мелочей и обсуждались съ желчными комментаріями. Негодованіе было такъ горячо, тонъ разговоровъ такъ раздражителенъ, что малѣйшее трезвое слово, сказанное съ единственной цѣлью успокоить умы, навлекало на протестующаго самыя дикія обвиненія. Мнѣ намекали почти въ глаза, что я подкупленъ и что устроенный мною ранѣе адресъ—ловушка, въ которую я заманилъ товарищей въ интересахъ Вѣтленева; а послѣдняго называли прямо плантаторомъ и приписывали ему не менѣе какъ намѣреніе закрѣпостить товарищество!.. Ничего подобнаго не было на умѣ ни у Ильи Степанова, ни у Ижорина, не говоря уже о простомъ народѣ изъ окружающихъ деревень, гдѣ Вѣтленевы, несмотря на короткое время господства ихъ въ Стоженкѣ, успѣли пріобрѣсти всеобщее уваженіе и любовь. Въ глазахъ Дымовича это былъ не больше какъ самолюбивый и самонадѣянный, осторожно-разсчетливый человѣкъ, не теряющій изъ виду своихъ выгодъ и неспособный, подобно Ижорину, къ рыцарскому самозабвенію. Кромѣ того, онъ вовсе не зналъ собравшейся у него молодежи и, какъ кажется, сильно боялся, чтобы она, съ Дымовичемъ во главѣ, не устроила у него въ имѣніи что-нибудь въ родѣ революціоннаго очага съ зажигательной пропагандой среди окрестнаго населенія. Трусливыя соображенія этого рода, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ его опасенія матеріальныхъ потерь отъ неурядицы, лѣни и равнодушія къ его выгодѣ со стороны его новыхъ товарищей (старыхъ Дымовичъ спустилъ), повели сперва къ разладу его съ Ижоринымъ, котораго онъ считалъ Донъ-Кихотомъ, а позже, когда воображаемая побѣда досталась ему такъ легко,—къ попыткѣ забрать въ свои руки власть, поставивъ товарищество въ положеніе неисправнаго должника, для котораго дорого снисхожденіе своего великодушнаго кредитора. Это была несчастная мысль, свидѣтельствовавшая, какъ мало онъ зналъ Дымовича и его кліентовъ,—несчастная потому, что она подорвала его авторитетъ и за-одно съ непредвидѣннымъ сочетаніемъ обстоятельствъ, о которомъ я позже упомяну, привела его къ крушенію въ двухъ шагахъ отъ цѣли. Но и объ этомъ позже; а здѣсь я долженъ упомянуть объ одной

догадкѣ, которая родилась почти одновременно у меня и у Дымовича.

— Кто-нибудь портитъ намъ дѣло изъ-подъ руки!—сказалъ мнѣ однажды Илья Степановъ, внимательно выслушавъ мой разсказъ о томъ, что̀ я слышалъ въ застольной.

— Да,—отвѣчалъ я, подумавъ:—мнѣ это и самому не разъ приходило на умъ.

— А вы не догадываетесь, откуда вѣтеръ заноситъ смуту?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, ловя наудачу въ памяти кончики и урывки слышанныхъ въ разное время рѣчей.—На сколько успѣлъ замѣтить, все это вертится только въ кругу между новою стройкой и флигелемъ. Такъ, напримѣръ, на-дняхъ, я спросилъ у Смычкова, съ чего онъ взялъ, что въ управѣ будетъ сидѣть старшина по назначенію отъ Вѣтленева?..

— Слыхалъ, говоритъ, отъ кого-то,—кажется, отъ Солдаткиной..—Я за Елену Матвѣевну.—Отъ кого вы слышали?—Отъ Молдавской... А та, обратнымъ путемъ, ссылается на Смычкова. Опять къ Смычкову.—Вы говорили Молдавской?—Да, кажется, говорилъ.—А какъ же вы увѣряли вчера, что слышали отъ Солдаткиной.—Такъ что-жъ? говоритъ:—слыхалъ отъ одной, а сказалъ другой.

— Позвольте,—остановилъ Дымовичъ:—Молдавскую я встрѣчалъ не разъ, уходя отъ Ижорина... Любопытно бы знать, у кого она тамъ бываетъ.

Не позже какъ черезъ день, онъ видѣлъ опять Ижорина и принесъ мнѣ извѣстіе, что особа эта заходитъ часто къ его женѣ. „Вѣра клянется, будто бы по молочной части“, сказалъ ему, между прочимъ, Ижоринъ, шутя:—„а я думаю—такъ себѣ, просто посплетничать“... Вотъ вамъ и объясненіе.

— Не можетъ быть!—произнесъ я.

Илья Степановъ пожалъ плечами.—Можетъ или не можетъ,—сказалъ онъ:—этого мы не знаемъ; но слѣдъ найденъ; а намъ только это и нужно.

— Какой интересъ Ижориной портить намъ дѣло?.. Помните, вы разсказывали, какъ эти барыни были въ восторгѣ по случаю соглашенія... Ижорина цѣловала васъ?

— Цѣловала,—сказалъ онъ не безъ торжества и, помолчавъ, прибавилъ:—А вы изучали когда-нибудь женскую логику?

— Нѣтъ.

— Ну, и я тоже не спеціалистъ, однако имѣю нѣкоторое понятіе. Смѣю увѣрить васъ, что это труднѣйшая изъ всѣхъ наукъ... Есть вещи, между которыми нашъ тяжеловѣсный умъ не

усматриваетъ разумной связи, а обратитесь къ самой обыкновенной женщинѣ, и если она захочетъ сказать вамъ правду, вы только ротъ разинете. Окажется, что совершенно непостижимое нашему брату—ясно для нея какъ день.

Мы посмотрѣли другъ другу въ глаза и разсмѣялись.

— Теперь приложите это къ Ижориной,—продолжалъ онъ.— Почемъ вы знаете, какіе у нея въ головѣ разсчеты? По вашимъ понятіямъ, они могутъ быть сначала и до конца нелѣпы; но развѣ изъ этого слѣдуетъ что-нибудь для нея?.. Еслибы я былъ философомъ по профессіи, я занялся бы „логикой неразумнаго" и, надѣюсь, поправилъ бы репутацію этого непроѣзжаго закоулка отживших наукъ.

Ночью, я бредилъ „логикой неразумнаго", но она представлялась мнѣ не въ видѣ нѣмецкой книги, а въ образѣ молодой, элегантно одѣтой барыни, старающейся мнѣ объяснить что-то неуловимое.

— О! какъ онъ глупъ!—говоритъ она, обращаясь къ другой.

Оглядываюсь и вижу передъ собою Ижорину...

XVIII.

Продолженіе.

...Рожь уродилась на славу, и намъ удалось убрать ее за-сухо... Послѣдніе дни іюля погода стояла какъ на заказъ.

Разъ какъ-то я подводилъ къ овину возъ, когда мимо меня пронеслась Настя, горничная Вѣтленевыхъ, съ которою мнѣ случалось, въ праздникъ, ходить по грибы.

— Куда?—спросилъ я ее.

— За бариномъ!—отвѣчала она на лету.—Гости.

Я оглянулся... Коляска, отложенная, стояла у въѣзда на красный дворъ и чей-то кучеръ водилъ лошадей... Потомъ я узналъ, что сосѣди, барыни изъ Подгорнаго, съ родственникомъ обѣдали этотъ день въ господскомъ домѣ и вечеромъ увезли съ собою Ижориныхъ. Это были Ступины, мать и дочь... Черезъ день, Ижоринъ вернулся одинъ, безъ жены, въ сопровожденіи молодого гвардейскаго офицера. Хозяева показывали ему усадьбу: овинъ, передѣланный на нѣмецкій ладъ, молотилку, кирпичный заводъ, новую кузницу, конюшни и скотный дворъ. Потомъ я видѣлъ его за нашимъ обѣдомъ: статный и ловкій блондинъ, съ красивымъ, свѣжимъ русскимъ лицомъ и привлекательною усмѣшкой.

Дымовичъ былъ съ нимъ и познакомилъ гостя съ нѣкоторыми изъ нашихъ дѣвицъ. Пріѣзжій былъ съ ними непринужденно веселъ и милъ, шутилъ, разспрашивалъ, выпилъ за ихъ здоровье цѣлую кружку квасу и, откланиваясь, сказалъ, что желаетъ отъ всей души успѣха нашему дѣлу.

— Кто такой?—спросилъ возлѣ меня Смычковъ.—Я не разслушалъ имени.

— Это племянникъ Ступиной,—отвѣчала Солдаткина.—Изъ Петербурга... Шеинъ.

Послѣ обѣда, Вѣтленевъ, Ижоринъ и гость, верхомъ, осматривали вновь поднятыя льняныя поля, а послѣ ужина Шеинъ уѣхалъ.

Какъ мало я думалъ въ тотъ день, любуясь на этого молодца, какое значеніе онъ скоро пріобрѣтетъ для товарищества!

— Помѣщикъ,—говорилъ мнѣ о немъ Дымовичъ.—Очень интересуется нашимъ дѣломъ... Сидѣлъ у меня поутру цѣлый часъ съ Ижоринымъ и заставилъ насъ разсказать всю исторію предпріятія, начиная отъ Городцовъ, причемъ и ваше имя было не разъ упомянуто.

Въ началѣ августа, послѣ перваго Спаса, когда началась перепашка подъ озими, Шеинъ пріѣхалъ опять и на этотъ разъ жилъ въ Стоженкѣ нѣсколько дней; а такъ какъ Вѣра Михайловна все это время гостила въ Подгорномъ, то мужъ помѣстилъ его у себя, и мы видѣли ихъ почти неразлучно вмѣстѣ. Гость былъ силенъ и ловокъ; онъ пробовалъ раза два пахать, и работа давалась ему на диво.

Разъ я засталъ его у Дымовича въ оживленной бесѣдѣ глазъ-на-глазъ; видя, что я спѣшу убраться какъ лишній, они удержали меня, но замѣтно перемѣнили предметъ разговора, чтобы дать мнѣ возможность принять въ немъ участіе... Шеинъ хвалилъ имѣніе, но говорилъ, что, въ самомъ счастливомъ случаѣ, оно никогда не дастъ и четвертой доли того, что̀ 900 десятинъ даютъ на югѣ, особенно тамъ, гдѣ сплошной черноземъ.—Вы никогда не бывали въ нашихъ краяхъ?—спросилъ онъ.—Ну, загляните когда-нибудь, хотя бы изъ любопытства; смѣю увѣрить, что вы не раскаетесь... Никакой разсказъ не даетъ живого понятія о преимуществахъ, какими пользуется тамъ трудъ, сравнительно съ вашею полосою Россіи. Чтобы дать вамъ заочную мѣрку, довольно сказать, что у меня есть хуторъ, въ пяти верстахъ отъ усадьбы, на берегу рѣки, всего 100 десятинъ луговъ, и немногимъ болѣе пахоты. Онъ въ очень плохихъ рукахъ, но даже и такъ, какъ есть, даетъ мнѣ чистыхъ 2.000 въ годъ.

Поразсказавъ еще кое-что о благодатномъ краѣ, гдѣ онъ недавно сталъ обладателемъ богатѣйшаго, но запущеннаго имѣнія, и пожалѣвъ, что служба не позволяетъ ему заняться лично хозяйствомъ, онъ попрощался и въ тотъ же день уѣхалъ, а черезъ сутки, словно на смѣну ему, воротилась Ижорина.

— Зависть беретъ!—сказалъ я, оставшись наединѣ съ Дымовичемъ.—Невольно думается: кабы намъ съ вами—не говорю ужъ такія пространныя палестины, а хоть тотъ маленькій хуторокъ, о которомъ онъ говорилъ!

— Да, — отвѣчалъ Илья Степановъ, поглаживая усы и бороду. — Невольно думается, что для такого новаго дѣла, какъ наше, можно бы было найти у насъ въ Россіи гораздо болѣе благопріятную обстановку чѣмъ этотъ „Тришкинъ кафтанъ", которымъ насъ наградила судьба тутъ въ Стоженкѣ!.. И видя, какъ я разсмѣшонъ его смѣлымъ сравненіемъ, продолжалъ:—Чего вы смѣетесь?.. Я вѣрно квалифицировалъ наше стѣсненное положеніе тутъ, у Вѣтленева. Какъ ни выгадывай, а все съ какого-нибудь конца не хватаетъ!.. Прежде всего, нашъ хозяинъ—трусъ. Онъ, говорятъ, забѣгалъ уже въ Петербургъ, расшаркиваясь и напередъ извиняясь въ своей продерзости, а это даетъ вамъ мѣрку, чего мы должны ожидать, если дѣло у насъ пойдетъ на ладъ и общество наше выростетъ, тѣмъ болѣе, если о насъ будутъ статьи въ печати съ обыкновеннымъ, въ подобныхъ случаяхъ, лаемъ глупцовъ и клеветниковъ. Я не ручаюсь, что онъ не посадитъ намъ сельскаго старшину по назначенію отъ исправника... Далѣе, онъ человѣкъ семейный, купилъ имѣніе не по средствамъ, и это съуживаетъ его разсчетъ въ ущербъ предпріятію, требующему широкой вѣры въ будущее, такъ какъ его успѣхъ не можетъ быть завоеванъ сразу. Ставитъ условіемъ, чтобы рента платилась ему наряду съ государственными повинностями, тогда какъ за дефицитъ онъ отвѣчаетъ даже теперь, при неполномъ комплектѣ общества, только въ размѣрѣ $^1/_{20}$, не значитъ ли это валить на своихъ неимущихъ товарищей, почти цѣликомъ, весь возможный убытокъ?.. Если онъ, несмотря на свои 900 рублей, боится, чтобы ему не пришлось сократить свой бюджетъ, то-есть, быть можетъ, пустить разъѣзжихъ своихъ лошадей подъ соху и самому мести свои комнаты, то на что же долженъ разсчитывать безземельный товарищъ, которому у него въ проектѣ не обезпеченъ даже насущный хлѣбъ? Если на то, что изъ его валового прихода не вычитаютъ процентовъ и погашенія, изъ которыхъ онъ въ крайности можетъ что-нибудь удержать, то вѣдь это засасывающая трясина, въ которую стоитъ однажды ступить, чтобы потомъ никогда не выйти

изъ недоимокъ!.. Я, впрочемъ, далекъ отъ пристрастныхъ истолкованій... Онъ не кулакъ: его отношенія къ мужику доказываютъ противное; но онъ мелочной человѣкъ, и у него не хватаетъ природной отваги, необходимой прежде всего піонеру на новомъ пути... Я уступилъ бы ему по всякой отдѣльной статьѣ, такъ какъ отъ всякой, съ весьма небольшою снаровкой, можно отдѣлаться. Но это раздоръ, а намъ и безъ внутренняго раздора будетъ довольно хлопотъ... Я уступилъ бы ему, говорю, по отдѣльнымъ статьямъ, еслибы общій духъ, которымъ пропитанъ весь узкій его проектъ, не грозилъ намъ ежеминутной, безвыходною борьбою за существованіе!.. Мы будемъ во всемъ стѣснены и урѣзаны, будемъ блѣднѣть при появленіи всякой тучи на небѣ, трястись надъ всякой сверхсмѣтной копѣйкой!.. Да что̀ я вамъ говорю?.. Кому, какъ не вамъ, разумѣть, что намъ незачѣмъ лѣзть въ эту петлю?.. Если онъ думаетъ, что онъ можетъ безъ насъ обойтись, то я только желаю ему успѣха. Но если онъ воображаетъ, что мы безъ него не обойдемся, то онъ весьма ошибается... Россія у насъ, слава Богу, не „Тришкинъ кафтанъ", и на ней найдется довольно мѣста для всѣхъ, кто желаетъ честнымъ трудомъ заработывать хлѣбъ!..

Онъ замолчалъ и, выковыривъ тесовымъ гвоздемъ золу изъ своей носогрѣйки, искалъ глазами кисетъ съ табакомъ, засунутый имъ въ жару разговора за пазуху.

— Куда вы?.. Нѣтъ, пустяки, останьтесь! Мнѣ надо съ вами поговорить о важныхъ вещахъ... Скажите, вы не догадываетесь, ради чего этотъ Шеинъ сюда зачастилъ и изъ-за какихъ коврижекъ онъ льнетъ къ Ижорину, а за Ижоринымъ и ко мнѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, захваченный совершенно врасплохъ такимъ вопросомъ.

— Такъ слушайте же... Вы человѣкъ серьезный, и я головой отвѣчаю—не проболтаетесь... Сядьте.

Я сѣлъ, глубоко заинтересованный. Съ минуту Илья Степановъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ горячій игрокъ, желающій угадать заранѣе впечатлѣніе обдуманнаго имъ хода.

— Надѣется переманить насъ къ себѣ,—произнесъ онъ, оглядываясь на двери и понижая голосъ.—Всѣхъ... Все товарищество... Меня и васъ, мужчинъ и женщинъ, даже Ижорина съ Вѣрой Михайловной... Земли, вы понимаете, гибель: съ утра до вечера на конѣ не объѣдешь, а денегъ еще того больше, да денегъ онъ и не ищетъ. Ну, однимъ словомъ, „земля широка и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите и княжите"... Каменный барскій домъ такой, что цѣлую роту можно расквартировать... Хо-

зяйственныя постройки безъ счету... Американскія земледѣльческія машины новѣйшаго образца въ-дорогѣ... Луговъ заливныхъ, по рѣкѣ, на четыре версты, фруктовый садъ на 16 десятинахъ, табачныя плантаціи, виноградники; скотъ всякаго рода въ безчисленномъ изобиліи, конскій заводъ, винокурня, кузница и слесарная мастерская: все будетъ въ нашемъ распоряженіи... Срокъ аренды кончается 1-го сентября.—Хотите, берите въ аренду, а не хотите, то какъ вамъ угодно. Я, говоритъ, не навязываю вамъ никакихъ условій: какія предложите, тѣ и приму, потому что я знаю, съ кѣмъ я имѣю дѣло. И я, говоритъ, отъ всей души сочувствую вашему просвѣщенному начинанію, сдѣлаю все, чтобы вы не встрѣтили никакихъ препятствій. Нашъ губернаторъ отлично знаетъ меня и за моею порукою вамъ охотно дадутъ формальное разрѣшеніе... Бросьте, говоритъ, вы эту вашу навозную фабрику; намъ отъ скота не нужно навозу; мы отъ овецъ имѣемъ отличную шерсть, а воловъ продаемъ прасоламъ сотнями... Земля, говоритъ, у насъ родитъ и безъ удобренія; но если вы за систему Либиха, то фосфориты у насъ добываются рядомъ; а если мало вамъ фосфоритовъ, устроимъ и костомольной заводъ, благо костей у насъ гибель... Переходите!..

...Извѣстіе это ошеломило и взволновало, но не порадовало меня. Въ немъ было что-то похожее на разлуку съ родною семьей... За время жизни моей у Моталова и здѣсь, въ Стоженкѣ, я сросся съ простымъ народомъ, который насъ окружалъ, и съ которымъ мы вмѣстѣ работали. Языкъ, обычаи, типы его характеровъ, все было свое, родное, съ дѣтства знакомо и мило. Найду ли я что-нибудь подобное въ тѣхъ палестинахъ, куда насъ сманивалъ Шеинъ—это вопросъ, который ничто не могло рѣшить для меня, кромѣ личнаго опыта; но на что намъ и опытъ, если онъ опоздалъ?..

Когда я признался въ этомъ Ильѣ Степанову, онъ вздохнулъ, и по лицу его пробѣжала тѣнь, свидѣтельствовавшая, что и ему знакомы подобныя сожалѣнія.

— Что̀ же дѣлать!—сказалъ онъ.—Всего невозможно соединить... Бываютъ разлуки и болѣе горькія... Нѣтъ дѣла, если оно серьезно, которое не потребовало бы отъ насъ и столь же серьезныхъ жертвъ... Отца и мать, напримѣръ, никто впослѣдствіи не замѣнитъ, но не сидѣть же за печкою до сѣдыхъ волосъ изъ-за того, что разлука съ ними намъ тяжела!.. Имѣйте въ виду, что вѣдь и тамъ у него не нѣмцы живутъ!.. На новомъ мѣстѣ, по-

куда не обживешься, все дико, а свыкнется—слюбится. Примите тоже въ разсчетъ, что вы не одинъ отсюда уѣдете; мы будемъ въ широкомъ и хорошо-знакомомъ кругу; а дастъ Богъ, дѣло пойдетъ на ладъ,—женитесь, заведете дѣтей, привыкнете къ болѣе ясному небу и къ болѣе благодарной землѣ...

Мы просидѣли за полночь, и я узналъ отъ него весь планъ.

— Ижоринъ,—говорилъ онъ:—какъ и вы, сначала сантиментальничалъ... Измѣна товарищу, жалко насиженнаго гнѣзда, и прочее, а теперь всею душою нашъ... Раньше развязки, однакоже, ни гугу, ибо подготовлять товарищей нѣтъ ни малѣйшей нужды; этотъ трудъ, съ какою цѣлью неизвѣстно, взяла на себя заранѣе Ижорина. Мужъ не вѣритъ, да мнѣ и незачѣмъ его увѣрять... Съ Шеинымъ тоже у насъ рѣшено: онъ уѣзжаетъ черезъ недѣлю въ имѣнье, и я съ нимъ, какъ будто бы для совѣта. Но къ 25-му я вернусь, и если, какъ надо надѣяться, мы окончательно съ нимъ поладимъ, живо покончу съ Вѣтленевымъ... Мнѣ его искренно жаль, но что же дѣлать? Я всею душою принадлежу товариществу, и его судьба мнѣ дороже всего... Война, Сергѣй Филоновичъ, батенька, вся наша жизнь—война!.. Товарищъ, раненый, падаетъ возлѣ васъ; вы кивнули ему головой, пожали руку и мимо!.. Впередъ!.. Уже изъ-за того одного, чтобы онъ не даромъ палъ, вы должны идти, не оглядываясь, не задумываясь ни на минуту, впередъ!..

XIX.

На этомъ оборванъ доставленный намъ такъ любезно подлинный матеріалъ, и мы вынуждены вернуться къ служившимъ намъ до его сообщенія своднымъ источникамъ. Къ счастью С. Ф. Панѣевъ довелъ насъ почти до конца, и намъ остается теперь разсказать только развязку этой необычайной исторіи.

Прежде всего мы считаемъ долгомъ предупредить, что она не заключаетъ въ себѣ ни единаго факта, который давалъ бы право предполагать между Вѣрой Ижориной и отставнымъ претендентомъ на руку и сердце ея какое-нибудь, хотя бы даже безмолвное соглашеніе, за спиной поглощеннаго своимъ дѣломъ и ничего не подозрѣвающаго Петра Андреевича. Конечно, въ Подгорномъ они имѣли случай видѣться безъ свидѣтелей и высказать, до извѣстной степени чистосердечно, свои сожалѣнія о несчастной развязкѣ ихъ юношескихъ надеждъ, но уваженіе къ истинѣ заставляетъ насъ прямо сказать, что ничего похожаго на

завязку новой любовной интриги при этомъ не произошло. Шеинъ, конечно, не скрылъ отъ нея, что онъ былъ „убитъ" извѣстіемъ о ея замужествѣ, и выразительный взоръ его говорилъ безъ словъ, что онъ любитъ ее, несмотря ни на что, по старому, а Вѣра не въ силахъ была соблюсти жестокихъ приличій и залилась слезами, но этимъ и ограничилось то, что мы въ правѣ назвать чувствительной частью ихъ объясненія. Ни онъ, ни она, не похожи были ни на волосъ на убитыхъ сердечнымъ горемъ людей, и имъ стоило только взглянуть другъ на друга, чтобы успокоить совѣсть свою на этотъ счетъ.

Далѣе, шли разсказы о пережитомъ за долгое время разлуки, понятно, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, не безусловно-правдивые. Вѣра разсказывала о мужѣ, стараясь въ свое оправданіе изобразить какъ можно ярче его любовь и страданія, надъ которыми, не имѣя другихъ надеждъ, она великодушно сжалилась; потомъ—о жертвахъ, которыхъ требовали отъ нея его рыцарски-безкорыстныя, но, увы! едва ли сбыточныя стремленія; о странномъ товариществѣ, которое онъ съ Вѣтленевымъ собралъ въ Стоженкѣ, и которое, какъ и всѣ подобныя, доктринерскія предпріятія, встрѣтило въ самомъ началѣ неодолимыя затрудненія, но умолчала о томъ, что она, по мѣрѣ силъ, старалась разстроить дѣло. Онъ говорилъ о своей служебной карьерѣ, какъ о единственномъ дѣлѣ (до новаго и негаданнаго имъ даже во снѣ поворота его судьбы), связанномъ для него съ идеями долга и чести, а потому спасавшемъ его отъ отчаянія, но умолчалъ о кое-какихъ утѣхахъ, ниспосылаемыхъ языческими богами своимъ холостымъ любимцамъ.

Далѣе (странно, хотя и очень обыкновенно видѣть, какъ люди всѣмъ недовольны!), Вѣру весьма удивили жалобы Шеина, что богатство, которое онъ получилъ, хотя и дало могущественный импульсъ честолюбивымъ его надеждамъ, не позволяетъ ему заняться какъ слѣдовало бы своей карьерой, а служба, съ другой стороны, мѣшаетъ всецѣло себя посвятить хозяйству, и прочее... Мужа ея до сихъ поръ (это было до третьей его поѣздки въ Стоженку) онъ видѣлъ мелькомъ, но увѣрялъ,—и мы вѣримъ ему,—что горячо сочувствуетъ его благороднымъ стремленіямъ, и считалъ его предпріятіе, при извѣстныхъ, благопріятныхъ условіяхъ, очень сбыточнымъ, мало того,—въ глазахъ его, это почти единственный раціональный способъ поднять дворянское землевладѣніе.

Вѣра сперва принимала это съ самодовольной улыбкой за лесть, деликатно преподнесенную ей во второмъ лицѣ, но послѣ

того, какъ Шеинъ бросилъ ее въ Подгорномъ и прожилъ цѣлыхъ пять дней у мужа, смекнула, что дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ она сначала воображала, и это сдѣлало ее осторожнѣе съ Шеинымъ, когда онъ вернулся изъ Стоженки. Ей стало даже немного обидно (хотя съ другой стороны и очень лестно), что Николай Евграфовичъ такъ замѣтно предпочитаетъ ей Пьера... Понятно поэтому, отчего, едва онъ успѣлъ вернуться въ Подгорное, какъ она укатила въ Стоженку.

Дымовичъ прямо совѣтовалъ мужу ея быть осторожнѣе въ конфиденціальныхъ бесѣдахъ своихъ у домашняго очага, ибо слухи о томъ, что̀ дѣлается на учредительскихъ совѣщаніяхъ, проникающіе такъ регулярно въ застольную, идутъ почти несомнѣнно через Молдавскую, очень способную интересоваться чѣмъ-нибудь и помимо своей молочной спеціальности. Ижоринъ хотя и не вѣрилъ ему, но послѣ такихъ извѣстій, какъ бы они ни казались невѣроятны, всегда остается нѣкоторая оглядка, и самый довѣрчивый семьянинъ на всякій случай воздерживается отъ лишнихъ словъ... Поэтому Пьеръ не сказалъ женѣ ничего о планахъ Шеина и о полномъ успѣхѣ, котораго ему удалось добиться въ такой короткій срокъ, а объяснялъ всю странность его пятидневнаго пребыванія въ Стоженкѣ просто живымъ интересомъ, внушеннымъ этому человѣку смѣлой оригинальностью ихъ предпріятія. Недавно еще онъ и самъ такъ думалъ, но молодой человѣкъ былъ предпріимчивъ. Догадываясь по тону рѣчей, что главное въ нихъ не досказано, онъ повелъ рѣшительную аттаку, и послѣ нѣсколькихъ задушевныхъ бесѣдъ узналъ всю правду. Нужно ли говорить, что она была встрѣчена самымъ горячимъ сочувствіемъ и повела къ предложенію, послѣ котораго тотчасъ же начались его переговоры съ Дымовичемъ?.. Блестящій успѣхъ ихъ и принятыя на нихъ рѣшенія уже извѣстны. Первоначально они предлагали Ижорину взять на себя развязку, но онъ отвѣчалъ, что далъ слово не вмѣшиваться въ дальнѣйшій ходъ дѣла и не желаетъ его нарушать, тѣмъ болѣе, что никто не въ правѣ еще предсказать, чѣмъ это кончится, покуда товарищество не высказалось единодушно за переселеніе.

Черезъ три дня Дымовичъ уѣхалъ съ Шеинымъ, не безъ догадки со стороны Вѣтленева относительно настоящей цѣли его отлучки, а къ 22 августа воротился очень довольный всѣмъ, что онъ видѣлъ на мѣстѣ.

— Беремъ покуда аренду на старыхъ условіяхъ,—объяснилъ

онъ Ижорину,—чтобы не связывать себѣ руки прежде, чѣмъ дѣло не выяснится, но, вѣроятно, потомъ мы будемъ хозяйничать исполу, то-есть весь оборотъ—отъ него, а чистый доходъ пополамъ. Шеинъ взялъ отпускъ до 1-го января, и покуда распоряжается самъ. Для васъ отдѣлывается особое помѣщеніе, и черезъ мѣсяцъ васъ ждутъ, но медлить не слѣдуетъ, такъ какъ безъ васъ мы не можемъ рѣшить окончательно ничего.

Въ тотъ же день онъ пошелъ къ Вѣтленеву и объяснилъ ему коротко, что онъ покидаетъ Стоженку... Тотъ измѣнился въ лицѣ, но не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго возраженія. Въ тайнѣ души онъ былъ скорѣе радъ, чѣмъ опечаленъ, сильно подозрѣвая Дымовича въ скрытомъ противодѣйствіи своимъ планамъ.

— А ваши товарищи?—спросилъ онъ.

— Я съ ними еще не говорилъ,—отвѣчалъ Дымовичъ,—и не могу сказать ничего о ихъ намѣреніяхъ, но, вѣроятно, вы это узнаете прямо отъ нихъ.

— Вы пріискали другое мѣсто?

— Я не искалъ его. Шеинъ меня приглашалъ къ себѣ, и я принялъ его предложеніе.—На вопросъ объ условіяхъ, онъ отвѣчалъ ему то же, что̀ и Ижорину, опустивъ только все, что̀ касалось товарищества.

Они говорили еще съ полчаса о результатахъ жатвы и разныхъ другихъ вещахъ, но ни тѣни попрёка или неудовольствія. Когти съ обѣихъ сторонъ были спрятаны, и все обошлось очень мягко.

Рано поутру, на другой день, послѣдовала и окончательная развязка. Выборные отъ общества явились къ Вѣтленеву и заявили ему, что оно единодушно рѣшило покинуть Стоженку съ цѣлью перенести предпріятіе на другую, болѣе благодарную, почву, но что оно не покинетъ имѣнія, не окончивъ какъ слѣдуетъ всѣхъ текущихъ работъ.

Вѣтленевъ на этотъ разъ былъ готовъ и игралъ прекрасно. Онъ выразилъ искреннее свое сожалѣніе и пожелалъ товариществу успѣха на новыхъ мѣстахъ.—Что до меня,—прибавилъ онъ,—то я постараюсь воспользоваться пріобрѣтеннымъ опытомъ и, по возможности, избѣжать повторенія сдѣланныхъ мною ошибокъ. Главная состояла, конечно, въ томъ, что мы не знали, да, можно сказать, и не знаемъ еще другъ друга. При болѣе близкомъ знакомствѣ, дѣло, весьма вѣроятно, не встрѣтило бы и тѣни тѣхъ затрудненій, которыя въ данномъ случаѣ омрачили его начало. Но я увѣренъ, что это не помѣшаетъ намъ, служившимъ ему по мѣрѣ силъ одинаково вѣрно—разстаться друзьями... (пауза и

поклонъ). Все, чѣмъ могу служить вамъ теперь или въ будущемъ, господа, въ вашемъ полномъ распоряженіи...

Но сердце не камень. Когда Аркадій вернулся во внутренніе покои, къ женѣ, глаза его были мокры, лицо разстроено. Съ минуту онъ не могъ слова выговорить, да не стоило и труда, потому что наружность его выдавала невольно всю горечь пережитой минуты.

Блѣдная и взволнованная гораздо больше его, Марья Игнатьевна лучше владѣла собой. Съ геройской рѣшимостью она подавила захватывавшія ей горло рыданія и безъ словъ упала ему на грудь.

Первый вопросъ ея послѣ того, какъ они могли говорить, былъ объ Ижоринѣ; оказалось, однако, что мужъ не знаетъ рѣшительно ничего о его намѣреніяхъ. Искра надежды, что, можетъ быть, онъ останется, еще тлѣла у обоихъ, но увы! и она, наконецъ, угасла.

Спрошенный Марьей Игнатьевной въ тотъ же день, Ижоринъ потупилъ глаза, но отвѣчалъ, не колеблясь, что онъ не можетъ покинуть товарищество.

— Да развѣ Аркадій вамъ не товарищъ?—произнесла она съ укоромъ.

— Былъ,—отвѣчалъ онъ,—покуда наши дороги не разошлись.

— Нѣтъ, Петръ Андреевичъ, милый! Нѣтъ! Не говорите этого! Это ошибка!.. Возможно ли, чтобы люди, съ дѣтства другъ друга любившіе и жившіе столько лѣтъ душа въ душу, въ какіе-нибудь два мѣсяца успѣли такъ разойтись, чтобы миръ и согласіе стали для нихъ невозвратны?.. Другъ! Старый другъ! Неужли же и вы покинете насъ въ этотъ черный день?.. Нѣтъ!.. Ради Бога!.. О! ради Бога!..

Горячія слезы лились у нея по щекамъ и голосъ ея перехватывало. Съ усиліемъ она поднялась и отчаяннымъ жестомъ схватила Ижорина за руки.—Нѣтъ! Нѣтъ!.. Идемте къ нему!.. Идемте!.. Онъ объяснитъ вамъ все!..

Черезъ минуту она притащила его почти насильно къ Аркадію и съ словами:—Вотъ онъ! Ни за что не пускай его отъ себя, пока вы не помиритесь!—оставила ихъ вдвоемъ.

Произошло сначала тяжелое и неловкое, но потомъ довольно чистосердечное объясненіе, въ результатѣ котораго они обнялись и обѣщали другъ другу „писать". Оказалось, что дѣло брошено не Ижоринымъ, а Аркадіемъ, вынужденнымъ, послѣ безчисленныхъ оговорокъ и изворотовъ, сознаться, что даже еслибы его

пріятель остался, онъ не ручается, чтобы это, въ ближайшемъ будущемъ, повело къ какимъ-нибудь осязательнымъ результатамъ.

— Общину,—говорилъ онъ, горячо, но безсознательно повторяя слова Дымовича,—нельзя построить по плану, какъ домъ, или сложить какъ печь, изъ чуждаго ей матеріала. Она можетъ вырости только своимъ натуральнымъ путемъ—изъ семьи.

Ижоринъ былъ несогласенъ съ этимъ, но передъ мысленнымъ взоромъ его было живое начало семьи въ видѣ беременной, заливающейся слезами женщины, которая умоляетъ его, ломая руки, сдѣлать ей какую-нибудь, хоть маленькую, уступку. И онъ ее сдѣлалъ, оставивъ Аркадія въ убѣжденіи, что ихъ старый, юношескій союзъ не порванъ.

— Не будемъ спорить,—сказалъ онъ.—Если идея, какъ вы говорите, безсильна создать общественный организмъ, то остается только испробовать дѣло съ другого конца и смѣло довѣриться практикѣ. Опытъ и только опытъ способенъ рѣшить вопросъ. Дѣло не можетъ долго вертѣться на аргументахъ; оно должно пойти неизбѣжно и скоро, на выигрышъ или проигрышъ. Тогда и увидимъ, кто правъ. Я, слава Богу, еще не ослѣпъ, чтобы долбить головою камень или лѣзть на стѣну!

На этомъ они и кончили. Передъ отъѣздомъ Ижоринъ крестилъ у него ребенка, „будущаго товарища", какъ выражался отецъ.

Копровы остались; новый „товарищъ" былъ и у нихъ въ походѣ. Старикъ Вѣтленевъ тоже остался.—„Въ мои года,—говорилъ онъ печально,—и птицы не вьютъ уже новыхъ гнѣздъ!"

Нефедова Марья Игнатьевна тоже осталась ради воскресной школы, которую она ни за что не хотѣла закрыть.

Но Стоженка опустѣла. Во флигелѣ не слыхать было больше веселыхъ пѣсенъ, и въ новой стройкѣ царила мертвая тишина. Дорожка, протоптанная между двумя домами, скоро заглохла. Двери были забиты нà-глухо. Рядъ опустѣлыхъ оконъ смотрѣлъ какъ слѣпые глаза. Сердце сжималось у молодыхъ хозяевъ при видѣ этихъ безмолвныхъ памятниковъ, оставшихся на могилѣ погибшихъ надеждъ!..

Узнавъ о развязкѣ, Вѣра едва не плясала отъ радости, но торжество ея было непродолжительно. При первомъ намекѣ мужа, что дѣло совсѣмъ не брошено, а переносится только въ другое мѣсто, куда и они уѣдутъ, она остолбенѣла отъ изумленія,—какъ „Пьерро", за минуту назадъ изрѣзавшій на куски Арлекина, при видѣ мучителя своего, который снова передъ нимъ стоитъ, живъ и невредимъ.

— Царю Небесный!—воскликнула она въ ужасѣ.—Да неужли же это не кончено?

Но когда Ижоринъ ей объяснилъ, куда они ѣдутъ, и назвалъ имѣніе, Вѣра вспыхнула. У нея промелькнула мысль, что мужъ узналъ отъ кого-нибудь о ея старомъ романѣ съ Шеинымъ и поднимаетъ ее на смѣхъ.

— Дуракъ!—сорвалось у нея съ языка, и прежде чѣмъ комплиментъ дошелъ по адресу, ее уже не было въ комнатѣ.

Какъ бѣшеная, влетѣла она къ Марьѣ Игнатьевнѣ, которая не могла понять, чтѝ съ нею сдѣлалось. Она то смѣялась, то плакала, нетерпѣливо разспрашивая, чтѝ дѣлалось въ Стоженкѣ безъ нея, и, не дослушивая отвѣтовъ, задумывалась.

Мало-по-малу, однако, ей стало ясно, что Пьеръ не знаетъ рѣшительно ничего, и послѣ этого она стала шолковая. Съ трогательною покорностью она просила потомъ у мужа прощенія, объясняя свой гнѣвъ неожиданностью и странностью сообщеннаго имъ извѣстія. Она, можетъ быть, и глупа, но она понимаетъ свой долгъ и готова на всякія жертвы.

На этомъ мы и оставимъ ее, не видя нужды докапываться до затаенныхъ мотивовъ такой утѣшительной перемѣны. Мало ли чтѝ иногда приходитъ въ голову женщинѣ, поставленной неожиданно въ скользкое положеніе!.. Читатель, можетъ быть, улыбнется, не довѣряя искренности нашего заключенія, но—honny soit qui mal y pense!..

Н. Ахшарумовъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Посвящается моимъ ученикамъ и ученицамъ.

VIII *).

Опасаясь нарушить порядокъ моихъ студенческихъ занятій и желая сколько возможно больше провести время вмѣстѣ со мною, моя матушка выбрала для поѣздки въ Москву рождественскіе праздники. Она пріѣхала ко мнѣ въ половинѣ декабря 1835 г., оставалась со мною до конца января 1836 г., и все это время гостила у Маѳы Андреевны Владыкиной, которая квартировала, какъ вамъ уже извѣстно, въ Зубовѣ у Неопалимой-Купины. На все время этихъ праздниковъ, продолжавшихся для университета около трехъ недѣль, и я изъ своего студенческаго нумера перебрался къ Владыкинымъ, чтобы пожить съ матушкой, какъ жилось намъ, говорилось и чувствовалось въ Пензѣ. Разумѣется, и въ будничные дни лекцій я улучалъ себѣ каждый возможный часъ и шелъ къ ней въ Зубово съ своими тетрадками и книжками.

Когда я представляю себѣ всѣ эти дни и недѣли сполна и огуломъ, мнѣ мерещится смутная путаница святочныхъ вечеровъ у Владыкиныхъ и Верховцевыхъ, съ знакомыми гостями и съ незнакомыми наѣзжими посѣтителями въ маскахъ и разнокалиберныхъ костюмахъ, съ играми въ фанты и со всевозможными святочными гаданіями, потомъ ложа Большого театра съ пѣніемъ тенора Бантышева: „Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ"—въ „Аскольдовой Могилѣ", съ роковыми словами Мочалова: „Быть или не быть—

*) См. выше: ноябрь, 5 стр.

вотъ въ чемъ вопросъ" —въ „Гамлетѣ", потомъ... но всего не перечтешь. Въ этомъ перепутанномъ клубкѣ всякихъ подробностей съ оторванными концами я не умѣю отыскать нити, по которой въ послѣдовательномъ порядкѣ я могъ бы разсказать вамъ, какъ день за день проводили мы съ матушкой все это время. Да и вообще взаимныя чувства матери и сына послѣ долгой разлуки и въ краткій срокъ желанной встрѣчи трудно поддаются описанію, по крайней мѣрѣ мнѣ не по силамъ.

Изъ того, что̀ неотвязчиво копышится въ моей памяти и ярко всплываетъ въ воображеніи, сообщу вамъ слѣдующіе три эпизода.

Во-первыхъ, въ одинъ изъ долгихъ зимнихъ вечеровъ въ маленькой комнаткѣ мезонина, у Неопалимой-Купины, сижу я за столомъ и пишу, составляя лекцію по черновымъ набросками, на́скоро начерченнымъ каракулями со словъ профессора. То была лекція Михаила Петровича Погодина. О чемъ была она, я рѣшительно забылъ, но живо и ясно помню и до сихъ поръ тѣ душевныя волненія, которыя въ тотъ вечеръ я перечувствовалъ. Я одинъ-одинехонекъ, около меня тихо, и снаружи въ глухомъ переулкѣ, и внутри по комнатамъ мезонина; всѣ домашніе собрались внизу, можетъ быть съ гостями; тамъ же и матушка. А я сижу себѣ и по складамъ разбираю свои мудреные іероглифы, и изъ каждой каракульной черточки, будто изъ музыкальной ноты, извлекаю себѣ по словечку, и каждое словечко звучитъ въ моихъ ушахъ голосомъ самого профессора, какъ онъ произнесъ его мнѣ на лекціи. Вдругъ входитъ матушка, я оставляю работу и начинается разговоръ. Ей интересно знать, что̀ я пишу, и я подробно разсказываю ей содержаніе всей лекціи, будто профессору на экзаменѣ, и чѣмъ больше она заинтересовывается, тѣмъ сильнѣе я одушевляюсь, и изъ роли студента перехожу въ роль профессора, даже беру себѣ осанку, жесты и голосъ самого Михаила Петровича, котораго и тогда я уже такъ полюбилъ. Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любуется, и, наконецъ, не вытерпѣла — расхохоталась, обнимаетъ меня и цѣлуетъ. Ей и радостно, и ужъ очень смѣшно, какъ ея милый сынокъ корчитъ изъ себя ученаго мужа и профессора. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую каѳедру, и первымъ лицомъ изъ всѣхъ моихъ слушателей и слушательницъ была моя матушка.

Второй эпизодъ — въ нашемъ студенческомъ нумерѣ казеннаго общежитія, около трехъ часовъ пополудни. Пообѣдавъ, мы только-что вернулись изъ столовой. Въ комнатѣ толкотня, какая бываетъ обыкновенно, когда только-что войдутъ въ нее нѣсколько

человѣкъ и никто не успѣетъ еще приняться за свое дѣло. Вдругъ между нами является моя матушка. Она поджидала нашего возвращенія въ прихожей, ведущей въ корридоръ, и вошла вслѣдъ за нами. Она намѣренно назначила себѣ этотъ часъ, чтобы не помѣшать нашимъ занятіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взять меня съ собою на весь вечеръ въ Зубово. Мнѣ извѣстно было ея намѣреніе посѣтить нашъ нумеръ, но я не зналъ навѣрное, когда именно будетъ оно ею исполнено. Появленіе дамы въ стѣнахъ нашего студенческаго общежитія было такою необычайностью, что поступокъ моей матушки въ теченіе всего четырехлѣтняго моего пребыванія въ этихъ стѣнахъ оказался единственнымъ исключеніемъ. Ласково привѣтствуя моихъ товарищей, она выразила опасеніе, не помѣшала ли она имъ, и извиняла себя тѣмъ, что желала увидѣть своими глазами, гдѣ и какъ живетъ ея сынъ, и лично познакомиться съ его товарищами, о которыхъ она такъ много хорошаго отъ него наслышалась. Въ отвѣтъ на эти привѣтливыя слова стѣснительная принужденность моихъ товарищей, вызванная этою непривычною случайностью, замѣнилась услужливою вѣжливостью: кто снимаетъ съ нея салопъ и кладетъ на диванъ, кто принимаетъ отъ нея скинутый ею съ головы капоръ, кто придвигаетъ ей стулъ къ моему столику, чтобы сѣсть ей рядомъ со мною. Находясь въ такомъ исключительномъ положеніи между своими товарищами, я былъ чрезвычайно взволнованъ, и, разумѣется, не могу теперь припомнить ни слова изъ бесѣды, которую вела матушка со мною и съ моими товарищами. Желая знать все, что̀ касается меня, она должна была непремѣнно увидѣть, какія вещи и какъ берегутся у меня въ ящикѣ и на нижнихъ полочкахъ моего столика. Товарищи помогали мнѣ вытаскивать оттуда бумагу, перья, носовые платки, книги. Между ними было карманное изданіе сочиненій Шиллера въ нѣсколькихъ томикахъ, которое я пріобрѣлъ на вырученныя уроками деньги. При этомъ матушка говорила товарищамъ, что знаніемъ нѣмецкаго языка я обязанъ пензенскому учителю Зоммеру, и присовокупила, что, воротившись изъ Москвы домой, какъ порадуетъ она его, разсказавъ ему обо всемъ этомъ. Она не ограничилась посѣщеніемъ нумера. Ей необходимо было видѣть Степана Ивановича Клименкова и жену его Ольгу Семеновну, чтобы поблагодарить ихъ за ихъ вниманіе и ласку ко мнѣ. Къ нимъ изъ нашего нумера внизъ проводилъ ее Еленевъ, уже знакомый вамъ изъ моихъ разсказовъ.

Это посѣщеніе университета моею матушкою принесло мнѣ великую пользу, внушивъ убѣжденіе и товарищамъ моимъ, и

непосредственному, ближайшему начальству, что сынъ такой разсудительной и заботливой матери не можетъ сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ.

Третій эпизодъ—самый коротенькій. Матушка уѣзжаетъ отъ меня изъ Москвы. Я ее провожаю. Сижу рядомъ съ нею въ крытыхъ саняхъ. Изъ Зубова, направляясь къ Рогожской заставѣ, мы ѣхали, вѣроятно, по Пречистенкѣ, потому что очутились на набережной Москвы-рѣки у Тайницкихъ воротъ кремлевской стѣны. Только это одно и помню. Здѣсь мы должны были разстаться. Прощаясь со мною, она благословила меня послѣдній разъ на этомъ свѣтѣ. Въ трудныя и горькія минуты жизни всегда укрѣпляло, спасало и утѣшало меня это послѣднее ея благословеніе.

Задолго до поѣздки моей матушки въ Москву, еще въ іюлѣ 1835 г., я писалъ къ ней о моемъ рѣшительномъ намѣреніи въ теченіе года отъ уроковъ скопить себѣ столько денегъ, чтобы на слѣдующее лѣто 1836 г. я могъ побывать у ней въ Пензѣ. Вотъ что̀ отвѣчала она въ письмѣ отъ 6-го августа 1835 г.

„Ты угадалъ, мой другъ Ѳедюша, что очень обрадуешь меня. Да и какъ не радоваться намъ, мой другъ: твое счастіе—и мое тутъ же, твоя радость—и моя вмѣстѣ. Господь услышалъ наши малыя молитвы, и я начинаю чувствовать радость для меня еще новую. Я вами маленькими только любовалась и радовалась, смотря на васъ; но теперь моя радость большую отъ той имѣетъ разницу. Мой сынъ одинъ, уже безъ подпоры слабой руки матери, живетъ цѣлый годъ, и о немъ я слышу радостныя, лестныя, усладительныя для матери извѣстія. Обними меня, расцѣлуй, мой милый, за все то, что̀ я о тебѣ слышу. Ты заслуживаешь, если бы можно, удесятерить мою любовь къ тебѣ; но любовь моя къ тебѣ сильна и возвыситься уже не можетъ больше. ...Въ саду у насъ яблоковъ довольно. Какъ досадно, что ты не можешь ничѣмъ пользоваться. Ну, зато, если Богу угодно будетъ, чтобы ты былъ на будущій годъ, тебѣ, я думаю, всякое кислое яблоко съ своей яблони будетъ тогда казаться вкуснѣе московскихъ персиковъ. Да, мой другъ, мнѣ очень хочется, чтобы ты былъ на будущій годъ въ Пензѣ. Боюсь загадывать. Но если не будешь — нѣтъ, непремѣнно ты долженъ быть у насъ. Да и не такъ тяжелъ будетъ проѣздъ. Васъ много тамъ: если троимъ ѣхать, то очень дешево будетъ, и особенно когда ты самъ будешь хлопотать, чтобы легче сдѣлать для меня твой переѣздъ къ намъ".

Лѣтомъ 1836 г. я пріѣхалъ въ Пензу и не засталъ уже

моей матушки въ живыхъ. Она скончалась, заразившись горячкою отъ одной своей пріятельницы, за которою неусыпно ухаживала нѣсколько дней до самой ея смерти. Какъ жила на землѣ, такъ и отошла въ вѣчность моя матушка, принося себя въ жертву милосердію и состраданію къ ближнимъ.

IX.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о студенчествѣ я остановился на самомъ главномъ и существенномъ, именно—на университетскомъ преподаваніи, которымъ пользовался я въ теченіе четырехлѣтняго курса, съ 1834 г. по 1838 г.

Сначала надобно сказать нѣсколько словъ объ аудиторіяхъ, гдѣ слушали мы лекціи. Первые два года онѣ были въ старомъ зданіи университета, и для словеснаго отдѣленія—тѣ самыя двѣ залы, о которыхъ я уже говорилъ вамъ въ началѣ моихъ воспоминаній, то-есть, одна, гдѣ производился нашъ вступительный экзаменъ, и другая, подъ нею, гдѣ читалъ намъ лекцію Шевыревъ, когда несчастный студентъ бросился изъ окна карцера на землю. Послѣдняя назначалась для перваго курса, а первая—для двухъ старшихъ (студентовъ четвертаго курса тогда еще не было). Въ 1835 г. было окончено перестройкою новое зданіе университета, и послѣдніе два года мы слушали лекціи уже въ немъ. Намъ дана была большая словесная аудиторія, именно та самая, въ которой потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ и я, будучи профессоромъ, читалъ лекціи своимъ слушателямъ.

Сколько всего было тогда въ университетѣ студентовъ, навѣрное сказать не могу, чтобы не ошибиться въ цѣлой сотнѣ, а считались они въ то время еще не тысячами, какъ теперь, а только сотнями. Вы сами можете назвать приблизительную цифру вотъ по какой смѣтѣ. На лекціяхъ богословія первые курсы всѣхъ четырехъ факультетовъ свободно могли умѣщаться въ упомянутой выше словесной аудиторіи перваго курса нашего отдѣленія, и студенты всегда были на-лицо почти въ полномъ ихъ составѣ, потому что протоіерей Петръ Матвѣевичъ Терновскій строго взыскивалъ со студентовъ посѣщеніе его лекцій, каждый разъ заставляя того или другого изъ насъ пересказать, что̀ было читано въ прошедшій разъ, отсутствующаго же отмѣчалъ въ своемъ спискѣ. Не забудьте при этомъ, что только съ нашего поколѣнія студентовъ началась надбавка еще одного годичнаго курса на каждый факультетъ. Такимъ образомъ, когда мы перешли на

четвертый курсъ, число студентовъ увеличилось, а черезъ годъ и еще прибавилось, когда медики перешли на пятый курсъ. Не помню, въ которомъ году предписано было закрыть въ Москвѣ медицинскую академію, помѣщавшуюся въ зданіяхъ клиники, что на углу Рожественки и Кузнецкаго-Моста. Она упразднялась, кажется, не вдругъ, а постепенно, начиная съ низшихъ курсовъ, и по мѣрѣ того ежегодно прибывалъ лишній наплывъ слушателей въ медицинскій факультетъ университета и вмѣстѣ съ тѣмъ умножалось число студентовъ. Впрочемъ все это совершилось, когда мы уже кончили курсъ.

Несмотря на однообразіе мундирной формы, общій составъ студентовъ отличался большею разрозненностью отъ того сплошного уровня, какой представляетъ теперь студенческая корпорація. Наглядное доказательство этому можете составить вы сами, когда я познакомлю васъ съ формою печатныхъ студенческихъ списковъ по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Каждый списокъ раздѣлялся на три рубрики, съ особымъ заглавіемъ для каждой. Первая рубрика: казеннокоштные студенты, вторая—своекоштные студенты и третья—слушатели. Обратите вниманіе: въ послѣдней рубрикѣ уже „не студенты", а только „слушатели", но это не то, что теперь называется „вольными слушателями": лица этой рубрики имѣютъ право носить студенческій мундиръ и ходить на лекціи, но студентами быть не могутъ потому, что съ этимъ званіемъ соединенъ извѣстный чинъ, а они по закону не могли имѣть на него права, потому что принадлежали къ податному сословію и числились въ немъ до тѣхъ поръ, пока не выдержатъ окончательнаго экзамена. Такимъ образомъ, мѣщанинъ или купецъ (за исключеніемъ почетнаго гражданина) только съ пріобрѣтеніемъ званія дѣйствительнаго студента или кандидата получалъ увольненіе изъ податного сословія и уравнивался въ правахъ со всѣми своими товарищами по университету. Впрочемъ и то сказать, что между „податными" слушателями были больше мѣщане, такъ какъ купцы, по крайней мѣрѣ у насъ въ Москвѣ, смотрѣли тогда на университетъ недовѣрчиво и косо и даже боялись его для своихъ сыновей, чтобы они въ студентахъ не „обофицерились".—Сверхъ того, отдѣленіе казеннокоштныхъ студентовъ подъ особую рубрику отъ своекоштныхъ постоянно бросалось въ глаза и университетскому начальству, и профессорамъ, и самимъ студентамъ, и невольно напоминало о контрастѣ между неимущими и имущими, или, по крайней мѣрѣ, между бѣдными и богатыми. Согласно такому порядку вещей, само собою приходилось и въ рубрикѣ своекоштныхъ отличать

разночинцевъ отъ столбовыхъ дворянъ и вообще незнатныхъ отъ знатныхъ.

Этому дѣленію по сословіямъ и состоянію соотвѣтствовало и яркое различіе, и пестрота въ костюмахъ, когда мы всѣ явились на вступительный экзаменъ и потомъ въ теченіе нѣкотораго времени, пока мы еще не успѣли нарядиться въ студенческій вицмундиръ. На бѣднякахъ изъ разночинцевъ и мѣщанъ по большей части сюртуки разныхъ покроевъ и всевозможныхъ цвѣтовъ: кто въ длиннополомъ и широкомъ, сшитомъ на ростъ или съ чужого плеча, кто въ коротенькомъ и узкомъ, засаленномъ, надтреснутомъ по швамъ, съ явными признаками, что напялившій на себя эту оболочку давно уже выросъ изъ нея и руками, и ногами, и всѣмъ корпусомъ. Богатые и знатные—въ черныхъ курточкахъ и непремѣнно въ голландскихъ широкихъ воротничкахъ, спускающихся на плечи, гладкихъ и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и потому мелькавшихъ свѣтлыми пятнами по сѣрому фону остальной толпы.

Пущему нарушенію уровня вступающихъ въ университетъ помогало значительное ихъ различіе по лѣтамъ и возрасту: мальчикамъ-гимназистамъ (тогда у нихъ формы не было) и подросткамъ въ курточкахъ годились бы чуть не въ отцы совершеннолѣтніе богословы, которые по окончаніи курса въ семинаріи, вмѣсто дьяконства и священничества, избирали себѣ университетскую науку.

Ко всему сказанному я долженъ прибавить объ одной характеристической особенности, которою рѣзко отличались отъ всѣхъ прочихъ своихъ товарищей нѣкоторые изъ студентовъ высшаго сословія. Такихъ было въ нашей аудиторіи человѣкъ пять-шесть. Въ теченіе всего перваго года каждый изъ нихъ являлся въ университетъ въ сопровожденіи своего гувернера или воспитателя, который оставался тутъ же въ аудиторіи на всѣхъ лекціяхъ. Эти спутники своихъ питомцевъ помѣщались не на скамьяхъ вмѣстѣ со студентами, а на стульяхъ по обѣимъ сторонамъ каѳедры. Въ полуденную смѣну, въ промежутокъ между лекціями, столпившись у окна близь каѳедры, они завтракали, вынимая изъ кармана куски бѣлаго хлѣба. Этотъ, по теперешнему странный и невозможный, обычай туторскаго надзирательства никому изъ насъ не бросался въ глаза своею неумѣстностью; онъ былъ въ порядкѣ вещей, когда дозволялось поступать въ университетъ безъ аттестата „зрѣлости", и забота родителей о своихъ несовершеннолѣтнихъ студентахъ казалась тогда дѣломъ самымъ естественнымъ и необходимымъ. Я нарочно медлю на этой оригинальной

особенности, чтобы дать вамъ почувствовать атмосферу тогдашняго университета, ввести васъ въ его обстановку, столь необычайную для теперешнихъ нравовъ. Эти охранительные проводники студентовъ въ аудиторіяхъ, неудобопонятные и немыслимые въ концѣ XIX вѣка, требуютъ для своего объясненія столькихъ же комментаріевъ, какъ Виргилій, котораго Дантъ взялъ себѣ тоже въ проводники, когда заблудился въ дремучемъ лѣсу на пути своей жизни.

Вы не осудите меня въ педантской выходкѣ за это сравненіе, когда узнаете, что въ числѣ приставниковъ, по-неволѣ дежурившихъ на лекціяхъ при своихъ питомцахъ, находился одинъ человѣкъ, который вполнѣ заслуживаетъ этого сравненія по неукоснительному исполненію высокаго призванія быть руководителемъ и охраною своего собственнаго сына, еще мальчика шестнадцати лѣтъ, вступавшаго теперь на новое и великое поприще науки и жизни. Это былъ Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ, отецъ поступившаго вмѣстѣ съ нами въ университетъ, по словесному отдѣленію, Юрія Ѳедоровича, впослѣдствіи знаменитаго государственнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ.

Приступая теперь къ перечню нѣкоторыхъ изъ моихъ университетскихъ товарищей своекоштнаго разряда, начну съ Юрія Ѳедоровича.

Въ то время богатые и знатные дворяне приготовляли своихъ сыновей къ вступительному въ университетъ экзамену у себя дома, и не только въ своихъ помѣстьяхъ, но и въ самой Москвѣ, гдѣ тогда былъ очень хорошій дворянскій институтъ; впрочемъ онъ предназначался для дворянъ средней руки и ограниченныхъ средствъ. Въ гимназіяхъ по преимуществу учились дѣти горожанъ и мѣстныхъ чиновниковъ и, какъ вы уже знаете, пріобрѣтали очень скудныя познанія, которыя не могли удовлетворять требованіямъ образованныхъ людей изъ высшаго дворянства. Этимъ объясняется настоятельная потребность того времени учреждать въ благовоспитанныхъ зажиточныхъ семействахъ сколько возможно полныя и правильныя домашнія школы для своихъ дѣтей съ надлежащимъ количествомъ воспитателей и наставниковъ. Такая домашняя школа, примѣрная и образцовая, процвѣтала въ Москвѣ болѣе двадцати-пяти лѣтъ въ семействѣ Ѳедора Васильевича Самарина, начиная съ дѣтства Юрія Ѳедоровича и потомъ по мѣрѣ возростанія его пятерыхъ братьевъ. Это домашнее учебное заведеніе оставило по себѣ самыя свѣтлыя изъ моихъ воспоминаній о старинной Москвѣ, потому что я самъ лично принималъ въ немъ участіе много лѣтъ сряду, въ качествѣ на-

ставника и экзаменатора, и могъ вполнѣ оцѣнить высокія достоинства отца семейства, когда онъ съ сердечнымъ рвеніемъ, а вмѣстѣ и съ неукоснительною точностью и примѣрнымъ благоразуміемъ исполнялъ обязанности директора и инспектора своей родной школы.

На лѣтнее время эта образцовая школа изъ московскаго дома Самариныхъ, находившагося на углу Тверской и Газетнаго переулка, переносилась въ ихъ имѣніе Измàлково, отстоящее отъ Москвы въ двадцати верстахъ по смоленской дорогѣ, и обученіе въ ней безъ всякаго перерыва и въ томъ же порядкѣ шло, какъ и въ Москвѣ. Экипажъ, запряженный четвернею, съ пунктуальною точностью часовъ и минутъ, ежедневно доставлялъ учителей изъ города въ деревню и отвозилъ назадъ. Радушіе и привѣтливая угодливость, съ какими Ѳедоръ Васильевичъ тамъ принималъ насъ, своихъ сотрудниковъ по школѣ, теперь въ моихъ воспоминаніяхъ получаютъ какую-то мечтательную, поэтическую окраску, благодаря одному семейному преданію, которое, вѣроятно, займетъ видное мѣсто въ фамильной хроникѣ Самариныхъ. Будучи женихомъ, Ѳедоръ Васильевичъ подарилъ своей невѣстѣ, Софьѣ Юрьевнѣ (урожденной Нелединской-Мелецкой) очень богатое ожерелье. Въ теченіе всего перваго года ихъ супружества, Софьѣ Юрьевнѣ ни разу не привелось надѣть на себя эту драгоцѣнность, и она предложила своему мужу дать этому завѣтному подарку другой и болѣе полезный для нея видъ, купивши на цѣну ожерелья подмосковную деревню, и такимъ образомъ было пріобрѣтено Измàлково.

Чтобы дать вамъ понятіе о предусмотрительности и благоразумной смѣтливости Ѳедора Васильевича въ выборѣ наставниковъ для Юрія Ѳедоровича, достаточно будетъ сказать, что эта домашняя школа при самомъ началѣ своемъ дала московскому университету двухъ преподавателей, изъ которыхъ одинъ былъ гувернеромъ Юрія Ѳедоровича, именно—Пакò, впослѣдствіи лекторъ французскаго языка, а другой—его учителемъ латинскаго и русскаго языковъ, логики и словесности—магистръ московской духовной академіи, а потомъ профессоръ эстетики, Николай Ивановичъ Надеждинъ.

Когда мы съ Пакò были товарищами по преподаванію въ филологическомъ факультетѣ московскаго университета, онъ много интереснаго разсказывалъ мнѣ о фамиліи Самариныхъ изъ того далекаго времени, когда Юрій Ѳедоровичъ былъ еще мальчикомъ, и, между прочимъ, сообщилъ мнѣ одинъ прелюбопытный анекдотъ, который по своей исторической значительности долженъ занять

мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, если только онъ не былъ уже напечатанъ гдѣ-нибудь прежде.

Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія Самарины находились въ Римѣ. Однажды Софья Юрьевна съ дѣтьми поѣхала кататься въ коляскѣ, запряженной парою лошадей. При ней въ экипажѣ были Юрій Ѳедоровичъ съ своимъ гувернеромъ Пакô и двухлѣтній Миша на рукахъ у няньки (онъ давнымъ-давно померъ чахоткою, вскорѣ по окончаніи университетскаго курса). Прогулка была направлена къ базиликѣ Maria Maggiore, и экипажъ, обогнувъ по площади эту церковь, въѣхалъ въ длинную и прямую улицу, упирающуюся въ площадь базилики Іоанна Латеранскаго.

Въ то время улица эта была одна изъ самыхъ глухихъ и пустынныхъ, между огородами и виноградниками, отъ которыхъ съ обѣихъ сторонъ отдѣлялась она непрерывно тянущимися высокими каменными стѣнами, которыя кое-гдѣ перемежались воротами. На всемъ ея протяженіи съ обѣихъ же сторонъ шли широкіе тротуары, отдѣленные отъ проѣзжей дороги высокими и развѣсистыми деревьями, которыя въ солнечный день манили гуляющихъ подъ свою освѣжительную тѣнь. И папа Григорій XVI любилъ прогуливаться пѣшкомъ по этой улицѣ, зáпросто одѣтый въ свою бѣлую рясу монаховъ грегоріанскаго ордена. Осенью 1840 года именно здѣсь привелось мнѣ съ нимъ встрѣтиться. Я шелъ въ тѣни по тротуару; вдругъ очутился передо мною каноникъ въ черной рясѣ и приглашаетъ меня сойти съ тротуара на середину улицы, потому что на встрѣчу мнѣ пойдетъ подъ деревьями самъ папа. Вышедши на дорогу, я остановился, чтобы ходьбою не сократить себѣ времени для разсмотрѣнія его святѣйшества въ наибольшей подробности. Между тѣмъ, опережая меня, стремились на встрѣчу святому отцу благочестивые итальянцы, человѣка два-три становились на колѣни и преклоняли голову, а онъ осѣнялъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Когда онъ сталъ подходить ближе, передо мною очутился англичанинъ и, размахивая обѣими руками и поднявъ надменно голову, прошелъ мимо папы, даже не снимая шляпы. Меня покоробило отъ этой дерзкой невѣжливости, и я обрадовался случаю заткнуть за поясъ британское нахальство. Когда Григорій XVI поровнялся со мною, я мгновенно рѣшилъ показать ему, что я не католикъ, но человѣкъ благовоспитанный. Я стоялъ на ногахъ, не тронувшись съ мѣста, и, обнаживъ свою голову, поклонился ему въ поясъ, какъ кланяются коронованнымъ особамъ, а онъ любезно привѣтствовалъ меня общепринятымъ у итальянцевъ жестомъ, слегка

помахивая правой рукою, на манеръ того, какъ дамы обвѣваютъ свое лицо опахаломъ. Только-что успѣлъ я воротиться съ середины проѣзжей дорогѣ на тротуаръ, какъ ко мнѣ подошелъ тотъ же папскій служка и вѣжливо спросилъ, кто я такой?—„Русскій изъ Москвы, студентъ московскаго университета", отвѣчалъ я.— Знай, дескать, нашихъ.

Но извините: римскія воспоминанія далеко увлекли меня, и я немножко заболтался. Мы оставили Самариныхъ, когда они только-что поворотили съ площади Maria Maggiore въ ту пустынную улицу (какъ она называется, теперь не припомню). Проѣхавъ нѣсколько минутъ, Софья Юрьевна, желая пройтись въ тѣни деревьевъ, вышла изъ коляски, а за нею и Пакô съ Юріемъ Ѳедоровичемъ; но ребенокъ, покоясь на колѣняхъ няньки, такъ увлеченъ былъ удовольствіемъ кататься на лошадяхъ, что расплакался, когда его хотѣли взять съ собою. Надобно было оставить его съ нянькою въ экипажѣ. Такимъ образомъ Софья Юрьевна съ своей маленькой свитою шла по тротуару, а рядомъ по дорогѣ тихонько тащилась коляска. Вдругъ изъ воротъ выскочилъ оселъ съ двумя корзинками по обоимъ бокамъ и заверещалъ благимъ матомъ; лошади шарахнулись въ сторону, а потомъ во весь опоръ помчались впередъ вдоль по улицѣ. Пакô, ошеломленный внезапностью переполоха, могъ мнѣ припомнить изъ этихъ мгновеній тревоги и отчаянія только то, какъ несчастная мать, обезумѣвъ отъ ужаса, стремглавъ бросилась вслѣдъ за уносящимся отъ нея ребенкомъ, какъ она не разъ спотыкалась и падала и все не уставала бѣжать. Но только-что коляска домчалась до площади Іоанна Латеранскаго, Пакô, постоянно вперяя свои взоры вдаль, вдругъ замѣтилъ, какъ мелькнула какая-то фигура около бѣсившихся лошадей, и онѣ мгновенно остановились. Когда всѣ трое добѣжали до спасеннаго отъ гибели Миши вмѣстѣ съ нянькою и экипажемъ, они увидѣли красиваго молодого человѣка, щегольски одѣтаго и въ свѣтлыхъ перчаткахъ, который держалъ подъ уздцы обѣихъ лошадей. Это былъ Луи-Наполеонъ, будущій императоръ французовъ.

Теперь отъ фамиліи Самариныхъ перехожу къ обѣщанному уже мною коротенькому перечню тѣхъ изъ своекоштныхъ студентовъ моего времени, съ которыми тогда или потомъ, много лѣтъ спустя, приводилось мнѣ вступать въ болѣе или менѣе близкія отношенія. Всѣ они были только изъ двухъ факультетовъ — филологическаго и юридическаго; что же касается до своекоштныхъ медиковъ и математиковъ, то изъ нихъ ни съ кѣмъ вовсе

не былъ я даже и знакомъ. Начну съ филологовъ, слѣдуя алфавитному порядку.

Андрѐ, Александръ Александровичъ. Учился въ первой московской гимназіи. Между нами, студентами, былъ самый прилежный и во всемъ исполнительный; считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ латинскаго языка и пользовался особымъ расположеніемъ Дмитрія Львовича Крюкова, нашего профессора римской словесности. Бо́льшую часть своей трудовой жизни былъ директоромъ коммерческаго училища въ Москвѣ.

Бецкій, Иванъ Егоровичъ. По окончаніи университетскаго курса нѣсколько лѣтъ служилъ гдѣ-то въ провинціи, потомъ ужъ очень давно переселился во Флоренцію, гдѣ и живетъ безвыѣздно больше тридцати лѣтъ престарѣлымъ холостякомъ во дворцѣ Спинелли-Трубецкой, въ улицѣ Гибеллини, то-есть, во дворцѣ, принадлежавшемъ нѣкогда старинной итальянской фамиліи Спинелли, а теперь—князьямъ Трубецкимъ. Весною 1875 г. провелъ я цѣлый мѣсяцъ во Флоренціи и чуть не каждый день видался съ Бецкимъ, возобновляя и освѣжая въ памяти наше далекое, старинное студенческое товарищество, и тѣмъ легче было мнѣ молодѣть и студенчествовать вмѣстѣ съ нимъ, что онъ, проведя почти полстолѣтія вдали отъ родины, какъ бы застылъ и окаменѣлъ въ тѣхъ наивныхъ, юношескихъ взглядахъ и понятіяхъ о русской литературѣ и наукѣ, какіе были у насъ въ ходу, когда въ аудиторіи мы слушали лекціи Давыдова, Шевырева и Погодина. Этотъ милый монументально-окаменѣлый студентъ у себя дома въ громадномъ кабинетѣ забавляется откармливаніемъ пѣвчихъ пташекъ, которыхъ развелъ многое-множество въ глубокой амбразурѣ всего окна, завѣсивши его сѣткою. А когда онъ прогуливается по улицамъ Флоренціи, постоянно держитъ въ памяти свою дорогую Москву, отыскивая и пріобрѣтая для нея у букинистовъ и антикваріевъ разные подарки и гостинцы, въ видѣ старинныхъ гравюръ и куріозныхъ для исторіи быта рисунковъ, и время отъ времени пересылаетъ ихъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій музей.

Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ. Директоръ императорской Публичной Библіотеки и въ настоящее время первый знатокъ славяно-русскихъ рукописныхъ и старопечатныхъ памятниковъ.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ. Знаменитый публицистъ и редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“. Сначала былъ профессоромъ философіи въ московскомъ университетѣ, а впослѣдствіи—директоромъ основаннаго имъ вмѣстѣ съ Леонтьевымъ лицея цесаревича Николая.

Кудрявцевъ, Петръ Николаевичъ. Даровитый литераторъ и такой замѣчательный профессоръ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, что самъ Грановскій, его учитель, отдавалъ ему передъ собою первенство. Кудрявцева увидалъ я въ первый разъ не въ аудиторіи, а въ нашемъ казенномъ нумерѣ, и—какъ сейчасъ вижу—съ повязаннымъ по щекѣ бѣлымъ платкомъ: у него болѣли зубы. Онъ пришелъ тогда къ своему товарищу по курсу, Сергѣю Дмитріевичу Шестакову, котораго потомъ всегда считалъ самымъ близкимъ изъ своихъ немногихъ друзей.

Князь Мещерскій, Борисъ Васильевичъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Твери; кое-какія подробности о его студенчествѣ разскажу вамъ потомъ.

Пановъ, Василій Ивановичъ. Онъ былъ моложе меня по курсу годами двумя, и потому въ ту пору я мало его зналъ, но зимою 1840—1841 г. сошелся съ нимъ товарищески въ Римѣ, и потомъ мы были съ нимъ хорошими пріятелями и въ Москвѣ, о чемъ разныя подробности сообщу вамъ въ свое время.

Филимоновъ, Александръ Ивановичъ. Попечитель графъ Строгановъ отличилъ его еще между студентами и впослѣдствіи взялъ къ себѣ на службу правителемъ канцеляріи московскаго учебнаго округа.

Эминъ. Имени и отчества его не припомню, потому что познакомился съ нимъ и изрѣдка встрѣчался, когда онъ былъ уже профессоромъ армянскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Въ ученой литературѣ онъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своими работами по исторіи, литературѣ и древностямъ Арменіи.

Теперь изъ своекоштныхъ студентовъ по юридическому факультету:

Графъ Деляновъ, Иванъ Давыдовичъ. Министръ народнаго просвѣщенія. Кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ въ обновленномъ при попечителѣ графѣ Строгановѣ юридическомъ факультетѣ.

Поповъ, Александръ Николаевичъ. По окончаніи курса держалъ экзаменъ на магистра и написалъ диссертацію о Русской Правдѣ, потомъ занималъ видное мѣсто на службѣ въ Петербургѣ. На студенческой скамьѣ я его не зналъ, но послѣ сошелся и подружился съ нимъ черезъ графа Александра Сергѣевича Строганова, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ близкихъ товарищескихъ отношеніяхъ, о чемъ разскажу вамъ нѣкоторыя подробности, гдѣ слѣдуетъ.

Графъ Строгановъ, Александръ Сергѣевичъ, тотъ самый, о которомъ сейчасъ было упомянуто. Его отецъ, графъ Сергій

Григорьевичъ, ничѣмъ не могъ лучше и полнѣе выразить своего довѣрія, уваженія и любви къ московскому университету, какъ тѣмъ, что, немедленно по вступленіи въ должность попечителя, онъ отдалъ въ него учиться своего старшаго сына и наслѣдника огромнаго маіората, даже рискуя впасть въ немилость у государя Николая Павловича, который очень не жаловалъ студентовъ.

Князь Черкаскій. Извѣстный государственный дѣятель, особенно прославившійся своими административными качествами въ Болгаріи по освобожденіи ея отъ турецкаго ига. Въ студенчествѣ я не былъ съ нимъ знакомъ, да и послѣ того очень рѣдко съ нимъ встрѣчался, потому не знаю ни имени его, ни отчества; но живо представляю его себѣ и теперь въ студенческомъ мундирѣ по одному случаю, который крѣпко застрялъ въ моей памяти. Когда помощникъ попечителя, Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ, женился на Новосильцевой, то взялъ себѣ въ шафера именно этого самаго князя Черкаскаго. Бракосочетаніе совершалось въ церкви Іоанна Богослова на Тверскомъ бульварѣ, около большого каменнаго дома Голохвастовыхъ, въ углубленіи обширнаго двора, съ двумя каменными же корпусами, выходящими съ обѣихъ сторонъ къ бульвару. Теперь онъ принадлежитъ какому-то богатому промышленнику. Мы, студенты, сгарая любопытствомъ видѣть собственными глазами одного изъ своихъ товарищей въ великомъ почетѣ, съ вѣнцомъ въ рукѣ надъ головою нашего грознаго принципала, собрались гурьбою и переполнили всю церковь. Для порядку шнырялъ между нами одинъ изъ субъ-инспекторовъ. Церемонія происходила въ лѣтнія сумерки, но еще за̀-свѣтло. Изъ растворенныхъ оконъ виднѣлась сплошная толпа любопытствующихъ; между ними мелькали и студенческіе вицъ-мундиры. Вдругъ оттуда раздалось пѣніе пѣтуховъ—въ публикѣ произошло движеніе; субъ-инспекторъ засуетился и бросился вонъ изъ церкви; я и стоящіе около меня товарищи перепугались до смерти, почуявъ бѣду: ну, какъ это закричалъ пѣтухомъ кто-нибудь изъ нашихъ, да попадется—что̀ тогда будетъ! Но дѣло обошлось благополучно: субъ-инспекторъ воротился къ намъ, и пѣтухи замолкли. Не разъ послѣ этого мнѣ видѣлось во снѣ, будто меня отдаютъ въ солдаты, а въ ушахъ раздается „кукареку".

Должно быть, въ одно время со мною слушали лекціи въ московскомъ университетѣ на младшихъ курсахъ будущіе профессора: Соловьевъ, Леонтьевъ, Кавелинъ и Калачевъ, но я ихъ рѣшительно не помню студентами.

Наше студенчество отъ 1834 г. по 1838 г. было настоящею эрою, которая отдѣляетъ древній періодъ исторіи московскаго

университета отъ новаго, и, какъ нарочно, это была именно самая середина нашего четырехгодичнаго курса. По ту сторону этой грани старое зданіе университета, старые профессора съ патріархальными нравами и обычаями и такая же старобытная администрація, доведенная къ концу до самоуправства, а по эту сторону—новое зданіе университета, отмѣченное и на его фронтонѣ 1835 годомъ, цѣлая фаланга новыхъ и молодыхъ профессоровъ, только-что воротившихся изъ-за границы, гдѣ обучались, каждый по своей спеціальности, а одновременно съ ними вмѣстѣ явился и новый, тоже молодой (всего сорока лѣтъ), попечитель московскаго учебнаго округа, графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, тогда еще свитскій генералъ, съ серебряными эполетами и такими же аксельбантами, а потомъ генералъ-адъютантъ, одинъ изъ немногихъ любимцевъ императора Николая Павловича и его ровесникъ по годамъ, а при новомъ попечителѣ и новый инспекторъ, нашъ возлюбленный Платонъ Степановичъ Нахимовъ, въ аммуниціи моряка, по чину капитанъ второго ранга.

Послѣ двухлѣтняго гнета подъ ферулою Дмитрія Павловича Голохвастова, мы, студенты 1834 года, могли вполнѣ оцѣнить и радостно почувствовать на себѣ самихъ благотворную силу обновленія во всемъ строѣ университетской жизни. Предшественникъ графа Строганова, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, знаменитый и первый вельможа въ Москвѣ и тоже любимецъ императора Николая, былъ человѣкъ рѣшительно добрый и благотворительный, но, странное дѣло, ровно ничего для университета не дѣлалъ, а вполнѣ предоставлялъ Голохвастову дѣлать все, чтò угодно. Онъ даже будто вовсе и не любилъ университета, и при насъ въ теченіе двухъ лѣтъ ни разу не былъ въ аудиторіяхъ на лекціи; только однажды посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся взадъ и впередъ между столами и, закинувъ голову, смотрѣлъ поверхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого и не взглянулъ. Графъ же Строгановъ чуть не каждый день посѣщалъ лекціи профессоровъ и внимательно слушалъ каждую сначала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременнымъ выходомъ изъ аудиторіи; а во время переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ любилъ знакомиться съ успѣхами и способностями экзаменующихся студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые были уже у него на примѣтѣ по дарованіямъ и прилежанію. Такихъ онъ прочилъ для будущаго ихъ назначенія въ профессора или въ учителя, какъ напримѣръ Соловьева, Каткова, Селина, Кудрявцева, Шестакова, Кавелина, Ершова, Давыдова,

Авилова. Столько же слѣдилъ онъ и за преподаваніемъ въ гимназіи, и, присутствуя на урокахъ, знакомился съ учителями и съ даровитѣйшими изъ учениковъ, изъ которыхъ многіе и потомъ всегда пользовались его вниманіемъ и покровительствомъ, какъ напримѣръ Басистовъ, ученикъ второй московской гимназіи, впослѣдствіи извѣстный педагогъ и литераторъ, или Михаилъ Иліодоровичъ Ляпинъ, изъ самаго перваго выпуска учениковъ по реальному отдѣленію третьей московской гимназіи. Этого, какъ спеціалиста, приготовленнаго къ практической промышленной дѣятельности, графъ взялъ къ себѣ на частную службу въ качествѣ коммиссіонера по сбыту желѣза изъ Строгановскихъ заводовъ. Впослѣдствіи Ляпинъ сталъ извѣстенъ всей Москвѣ учрежденными имъ въ его домахъ безплатными квартирами для студентовъ и вообще для бѣдныхъ людей.

Графъ не оставлялъ безъ вниманія и низшихъ школъ и, посѣщая ихъ время отъ времени, лично наблюдалъ за успѣхами преподавателей, а иногда и учениковъ, съ которыми любилъ разговаривать, чтобы знакомиться съ ихъ способностями. Вотъ одинъ анекдотъ, который онъ самъ разсказывалъ мнѣ. Однажды въ какомъ-то приходскомъ училищѣ онъ былъ на урокѣ изъ катехизиса. Дѣло шло о единомъ Господѣ Богѣ въ трехъ ипостасяхъ. Законоучитель вызвалъ одного ученика лѣтъ семи повторить сказанное и объясненное. Мальчуганъ, съ серьезною и спокойною миною, не стѣсняясь присутствіемъ начальства, медленно и твердымъ голосомъ передалъ ученіе о Богѣ Отцѣ, о Богѣ Сынѣ и о Святомъ Духѣ. Графъ, заинтересованный даровитымъ мальчикомъ, спросилъ его: „ну, а какъ же ты самъ понимаешь, что такое Святой Духъ?“ Мальчикъ подумалъ и, не торопясь, отвѣчалъ: „птица“. „Какая же птица?“ воздерживаясь отъ улыбки, спросилъ графъ. Мальчуганъ опять подумалъ и также медленно проговорилъ: „курица“. Съ трудомъ превозмогая себя, чтобы не расхохотаться, графъ серьезно и ласково спросилъ его: „почему же ты это знаешь, мой милый?“—„А потому,—отвѣчалъ тотъ немедленно и съ увѣренностью,—что самъ видѣлъ на образѣ въ церкви“.

„Этотъ отвѣтъ,—присовокупилъ графъ къ своему разсказу,—окончательно убѣдилъ меня въ даровитости и въ смѣтливой находчивости семилѣтняго ребенка. Дѣйствительно, на старинныхъ иконахъ символическій голубь не летитъ съ распростертыми крыльями, а стоитъ смирно, подобравъ и прижавши ихъ къ себѣ, и кажется какъ есть дворовою птицею, если намалеванъ неумѣлою рукою сельскаго иконописца“.

Въ первый же годъ своего попечительства графъ Строгановъ оказалъ великую услугу народному просвѣщенію, примиривъ государя императора съ московскимъ университетомъ, который онъ не переставалъ держать въ опалѣ со времени печальной исторіи, окончившейся солдатчиною Полежаева и ссылкою Герцена. Николай Павловичъ называлъ нашъ университетъ волчьимъ гнѣздомъ, и, когда случалось ему проѣзжать мимо него, долго оставался въ дурномъ расположеніи духа. Потому надобно признать за особую его милость къ графу Строганову, что онъ соблаговолилъ посѣтить вмѣстѣ съ нимъ московскій университетъ и именно казеннокоштное общежитіе. Не знаю, какъ въ другихъ нумерахъ, но въ нашемъ попечитель представилъ государю всѣхъ насъ до одного, особенно рекомендуя нѣкоторыхъ по успѣшнымъ занятіямъ въ той или другой спеціальности филологическаго факультета. Хорошо помню, что Шестаковъ (Сергѣй Дмитріевичъ), будущій профессоръ римской словесности, былъ рекомендованъ ему, какъ отличный латинистъ.

Графъ Строгановъ непремѣнно долженъ былъ въ скорѣйшемъ времени снискать расположеніе царя къ московскому университету, чтобы оправдать въ его глазахъ помѣщеніе своего собственнаго сына въ корпорацію студентовъ, которая до того времени была заподозрѣна правительствомъ. Актъ примиренія верховной власти съ университетскимъ преподаваніемъ блистательно завершенъ былъ всемилостивѣйшимъ рѣшеніемъ государя Николая Павловича послать своего собственнаго сына и наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ московскій университетъ—слушать лекціи анатоміи и физіологіи у профессора Эйнброта. Этотъ курсъ лекцій состоялся по зимѣ того же года и былъ читанъ спеціально для цесаревича и его немногочисленной свиты, въ одной изъ залъ стараго зданія университета, направо отъ воротъ.

Въ этой свитѣ находился и поэтъ Жуковскій. Я тогда видѣлъ его въ первый и послѣдній разъ въ большой словесной аудиторіи новаго зданія, на лекціи Степана Петровича Шевырева о греческихъ лирикахъ и въ особенности о Пиндарѣ и Анакреонѣ. Отъ этой лекціи осталась въ моей памяти одна курьезная подробность. Вошедши въ аудиторію вмѣстѣ съ профессоромъ, Жуковскій не сѣлъ на кресло у каѳедры, а направился къ передней скамьѣ и какъ разъ къ тому ея краю, на которомъ сидѣлъ я. Надобно вамъ сказать, что у нашихъ скамеекъ для каждаго студента было отдѣльное сидѣнье, которое, какъ у креселъ, набито мочаломъ и покрыто кожею, и каждое помѣщалось въ свою перегородку, вдвигаясь въ нее и выдвигаясь. Когда я посторонился, чтобы дать

Жуковскому свое мѣсто, онъ, садясь на подушку, которая нѣсколько выдвинулась изъ перегородки, покачнулся и тихонько сказалъ мнѣ: „какъ бы тутъ не провалиться!“—„Не опасайтесь“, отвѣчалъ я: „надобно только покрѣпче двинуть сидѣнье“, и помогъ ему это сдѣлать, а Шевыревъ между тѣмъ не начиналъ своей лекціи, пока мы усаживались.

Теперь перехожу къ профессорамъ. Мнѣ легко было объяснить вамъ, какъ обновился нашъ университетъ перемѣщеніемъ аудиторій изъ стараго зданія въ новое и замѣною старой администраціи новою. Тутъ самые предметы рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга, какъ полосы различнаго цвѣта. Иное дѣло съ профессорами: въ ихъ средѣ обновленіе происходило въ большей постепенности и не въ одинаковой значительности по разнымъ факультетамъ. Сверхъ того, старое поколѣніе профессоровъ, въ силу преемственнаго развитія, само собою шло къ усовершенствованію, такъ что въ наше время оно давало представителей трехъ разрядовъ: отживающаго, средняго и молодого. Это вы сейчасъ увидите изъ перечня профессоровъ, который я ограничиваю нашимъ факультетомъ.

Въ старшемъ поколѣніи къ первому разряду относятся профессора съ самаго начала нашего столѣтія. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли насъ своей оригинальностью и разными причудами, вмѣстѣ съ патріархальной простотою въ ихъ обращеніи со студентами, которымъ они обыкновенно говорили „ты“, и переходили на „вы“ только съ тѣми, на кого сердились. Вотъ два милыхъ образчика такихъ старожилыхъ чудаковъ.

Профессоръ греческой литературы Ивашкòвскій. Онъ являлся всегда въ высокихъ ботфортахъ и въ бѣломъ галстукѣ. Студенты, ожидая его на лекцію, непремѣнно должны были всѣ до одного ходить взадъ и впередъ по аудиторіи, такъ чтобы Ивашковскій незамѣтно вошелъ въ нее и незамѣтно же смѣшался съ толпою, будто на толкучемъ рынкѣ. Сохраняя такое инкогнито, онъ, разумѣется, никому не кланялся, и мы не должны были замѣчать его присутствія. Задѣвать и тѣснить его въ толпѣ не только позволялось, но даже было ему пріятно. Когда мы потолкаемся такимъ образомъ минутъ десять, онъ станетъ у каѳедры и, продолжая молчать, начнетъ медленно поворачивать голову въ ту и другую сторону и съ ласковою улыбкою поводить глазами на толпу. Это значитъ, что пора приниматься за дѣло. Мы, стуча

и шумя, усаживаемся по скамьямъ, и когда наступитъ тишина и порядокъ, Ивашковскій, не торопясь, влѣзаетъ на каѳедру, и лекція начинается. Главною задачею нашею было, чтобы вмѣстѣ съ профессоромъ прогулять если не всю лекцію, то, по крайней мѣрѣ, на сколько возможно. На это были между нами гораздые молодцы, человѣка два-три. Они умѣли подластиться къ нему и будто невзначай обронить словечко и исподволь втянуть его въ бесѣду, а онъ, очнувшись изъ забытья, сначала отвѣтитъ нехотя, а потомъ мало-по-малу разговорится. Цѣль достигнута: раздался звонокъ, и лекція благополучно покончена, а милый Ивашковскій, растерянно ухмыляясь, второпяхъ вышмыгнетъ изъ аудиторіи: самъ-дескать виноватъ, впередъ буду умнѣе.

Другой такой же оригиналъ былъ профессоръ политической экономіи и статистики, Измаилъ Алексѣевичъ Щедритскій. Мы очень любили его за доброту и снисходительность къ намъ и за его простодушное патріархальное обращеніе съ нами на „ты“. Свои лекціи онъ читалъ намъ вмѣстѣ съ юристами. Одинъ изъ послѣднихъ, дѣтина ражій, веселаго нрава, но осанистый и съ внушительными манерами, по фамиліи Соловьевъ, пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ Щедритскаго. Этотъ студентъ имѣлъ обычай, какъ бы узаконенной давностью, являться къ намъ, когда Щедритскій уже сидѣлъ на каѳедрѣ и читалъ намъ свою лекцію. Соловьевъ входилъ въ аудиторію въ фуражкѣ и съ толстою палкою, которою, подпираясь, стучалъ, и, подойдя къ каѳедрѣ, останавливался, снималъ фуражку, отвѣшивалъ низкій поклонъ и провозглашалъ густымъ басомъ: „Измаилу Алексѣевичу мое глубокое почитаніе!“ Щедритскій, привыкнувъ къ этой церемоніи, ласково взглянетъ на него и кивнетъ ему головою, и станетъ продолжать лекцію только тогда, когда совершится процессъ усаживанія Соловьева на одной изъ переднихъ скамеекъ, стоявшей направо отъ каѳедры; садиться же онъ привыкъ, какъ всѣмъ было извѣстно, не иначе, какъ только на самой серединѣ скамейки, и для того находившіеся на ней студенты, чтобы дать ему мѣсто, слѣзали съ нея, топая ногами, и потомъ размѣщались по обѣ его стороны. Въ аудиторіи водворялся порядокъ, и Соловьевъ, ни разу не шелохнувшись, въ величественномъ спокойствіи, не спуская глазъ, любовался на Измаила Алексѣевича до самаго конца лекціи. Потому, вѣроятно, этотъ милый старичокъ и любилъ его, что видѣлъ въ немъ одного изъ своихъ усердныхъ слушателей.

Я долженъ вамъ сказать о другомъ столько же внимательномъ его слушателѣ. Это былъ извѣстный уже вамъ забулдыж-

ный Новáкъ, неразрывный другъ долговязаго Холуйскаго. Онъ любилъ съ похмелья безмятежно дремать на лекціяхъ Щедритскаго, и, чтобы ему никто не мѣшалъ, обыкновенно садился прямо противъ каѳедры на переднюю скамейку, на которой всегда было просторно, потому что студенты избѣгали ея, не желая торчать передъ глазами профессора. Для своего дремотнаго успокоенія, онъ, сидючи на скамьѣ, прижимался къ стоящему передъ нимъ столу и, поставивъ на него оба локтя, поддерживалъ свою отяжелѣвшую голову ладонями съ обѣихъ сторонъ. Его неподвижная поза внушала профессору уваженіе къ его сосредоточенному вниманію. Былъ одинъ случай, грозившій нарушить эту сосредоточенность, къ которому именно я и веду свою рѣчь. Къ числу юныхъ подростковъ перваго курса принадлежалъ упомянутый уже мною Александръ Ивановичъ Филимоновъ. Онъ былъ веселаго нрава, вертлявый и юркій и большой хохотунъ и гримасникъ. За эти качества Новáкъ отличилъ его своимъ благосклоннымъ вниманіемъ и позволилъ ему садиться рядомъ съ собою на лекціяхъ Щедритскаго, въ тѣхъ видахъ, чтобы Филимоновъ успѣлъ вò-время разбудить его и не дать ему ткнуться носомъ объ столъ. Это очень забавляло Филимонова, и онъ, какъ юла, вертѣлся на своемъ мѣстѣ: то взглянетъ на профессора, то шепнетъ на ухо Новаку или дотронется до его локтя, какъ кошка лапкою, то обернется къ товарищамъ и начнетъ подмигивать: да взгляните же, дескать, какъ мой сосѣдушко сладко почиваетъ. Однажды случилось Щедритскому застать этого забавнаго кривляку врасплохъ.—„Эй ты, востроглазый, коль самъ балбесничаешь, такъ не мѣшай же другому слушать мою лекцію! Перестань егозить, не то выгоню вонъ!“

Назову вамъ еще одного изъ представителей университетской старины. Это былъ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. Нѣкогда знаменитый ученый и журналистъ, не щадившій своею ѣдкою критикою ни Шлёцера, ни Карамзина, ни даже самого Пушкина, въ наше время отживалъ или, точнѣе сказать, совсѣмъ отжилъ свой вѣкъ, и, будучи ректоромъ университета послѣ злосчастнаго, какъ вамъ извѣстно, Болдырева, читалъ намъ на четвертомъ курсѣ вмѣстѣ съ третьимъ исторію литературы славянскихъ нарѣчій по нѣмецкому учебнику Шафарика. Онъ былъ тогда уже глухой и почти слѣпой: вдаль кое-какъ видѣлъ, но читать могъ только въ очкахъ, которыя, помогая ему вблизи, застилали передъ нимъ въ туманѣ все окружающее, и чтобы увидѣть насъ съ каѳедры, онъ долженъ былъ снимать съ носа свои очки, чтò производилъ онъ довольно медленно, осторожно вытаскивая ихъ изъ-за ушей. Такимъ обра-

зомъ мы, сидя на лавкахъ передъ самою каѳедрою, были для него отдѣлены какъ бы темною завѣсою. Всякій разъ Каченовскій приносилъ съ собою Шафариковъ учебникъ, разлагалъ его на каѳедрѣ и старческимъ дряблымъ голосомъ, съ передышкою, подстрочно переводилъ нѣмецкую рѣчь на русскія слова. Монотонность такого чтенія съ неизбѣжными паузами, когда переводишь экспромптомъ, наводила на насъ томительную скуку, и тѣмъ больше потому, что намъ самимъ хорошо была знакома эта нѣмецкая книга; но мы терпѣли по необходимости и боялись отсутствовать на лекціи. Каченовскій и безъ того всегда отличался строгостью, а въ то время, будучи ректоромъ, требовалъ отъ насъ неукоснительнаго исполненія своихъ обязанностей, и для того выдалъ приказаніе, чтобы передъ каждою его лекціей дежурный субъ-инспекторъ дѣлалъ намъ перекличку по списку и отмѣчалъ на немъ отсутствующихъ, для доклада ректору. Намъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ всѣмъ сполна приходить на лекцію, сидѣть смирно и для развлеченія каждому читать свою книгу. Это продолжалось не долго; мы нашли выходъ изъ такого стѣснительнаго положенія.

Но предварительно я долженъ здѣсь съ вами объясниться. Дѣло идетъ о нашихъ ребяческихъ проказахъ въ аудиторіи. Сначала я думалъ-было вовсе умолчать о нихъ изъ опасенія навлечь на себя порицаніе за то, что онѣ могутъ оскорбить память маститаго профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить съ забавной стороны студенческіе подвиги такихъ изъ моихъ товарищей, которые впослѣдствіи пользовались извѣстностью и всеобщимъ уваженіемъ. Но мнѣ было бы жаль не подѣлиться съ вами такимъ воспоминаніемъ, которое въ теченіе многихъ лѣтъ нерѣдко мелькало передо мною, когда я, будучи профессоромъ, входилъ въ аудиторію читать лекцію или когда выходилъ изъ нея—это была именно та большая словесная, въ которой мы, студенты, скучали у Каченовскаго. Не могли бы выступать въ моей памяти такъ заманчиво и привѣтливо эти увеселительныя проказы, еслибы въ основѣ ихъ было что-нибудь недоброе, злое и оскорбительное и для профессора, и для его слушателей. Мы не переставали уважать Каченовскаго, какъ безпощаднаго скептика, посягавшаго на достовѣрность Несторовой лѣтописи, и сильно боялись его, какъ взыскательнаго профессора и строгаго ректора; но самое уваженіе и боязнь должны были возбудить въ насъ молодецкую отвагу, бравировать на его лекціяхъ, спасаясь отъ нестерпимой скуки разными потѣхами, но такъ чтобы не нанести ему лично ни малѣйшаго оскорбленія и не навлечь на себя его справедливой

кары. Отъ всего этого насъ спасала слабость его зрѣнія и слуха, и мы забавлялись на скамейкахъ передъ самой его каѳедрой, будто отдѣленной отъ него каменной стѣною. Это была своего рода игра въ жмурки или въ кошку и мышку, а еще лучше— игра кипучихъ силъ юности, которыя иногда бьютъ и черезъ край.

Шаловливыя забавы наши имѣли видъ театральныхъ представленій, соединяющихъ въ себѣ какъ бы мимику съ музыкой, если только крикъ и грохотъ можно отнести къ музыкальному роду. Для этихъ представленій были какъ слѣдуетъ и зрители, которые своимъ вниманіемъ и одобреніемъ поощряли насъ и воодушевляли. Но чтобы объяснить ихъ присутствіе, я долженъ оріентировать васъ на мѣстѣ дѣйствія. Тѣмъ изъ васъ, кто не бывалъ въ большой словесной аудиторіи, надобно знать, что дверь въ нее находится у самаго угла, образуемаго наружной стѣной съ окнами и внутренней глухой, съ приставленною къ ней каѳедрою на самой ея рединѣ. Въ этой-то двери и собирались наши зрители и могли вдоволь любоваться на наши продѣлки. То были студенты другихъ факультетовъ и преимущественно юристы.

Подобно античному театру, въ нашихъ увеселительныхъ представленіяхъ были дѣйствующія лица и хоръ. Не по предварительному избранію изъ нашей среды, а по дарованіямъ и храбрости, были нашими героями Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и князь Борисъ Васильевичъ Мещерскій, а всѣ мы составляли дружный хоръ.

Представленія эти въ ту пору соединялись въ моемъ воображеніи съ однимъ изъ воспоминаній моего дѣтства. Солдаты, стоявшіе у насъ въ Пензѣ постоемъ, разыгрывали въ какомъ-то сараѣ смѣхотворную интермедію о Донъ-Жуанѣ, его слугѣ Педрилѣ (такъ переименовали они Лепорелло) и о Командорѣ,—не помню, какъ они его звали, генераломъ или губернаторомъ. У насъ въ аудиторіи былъ свой Донъ-Жуанъ—Самаринъ, свой Лепорелло, его наперсникъ и пособникъ—князь Мещерскій, и своя грозная статуя Командора — въ фигурѣ профессора, возсѣдающаго на каѳедрѣ. Эту интермедію Юрій Ѳедоровичъ дополнялъ тѣмъ, что состоялъ при нашемъ командорѣ въ должности ординарца, вѣстового и глашатая, именно глашатая, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Каченовскій читалъ намъ лекціи отъ 12 до часу, въ полдень— какъ разъ время завтрака. Потому слушаніе или, точнѣе, неслушаніе каждой его лекціи мы начинали завтракомъ. Архитриклиномъ, а попросту—нашимъ кормителемъ былъ Самаринъ. Въ то

время на Моховой, противъ стараго зданія университета, была колбасная Маттéрна съ небольшимъ ресторакомъ. Оттуда передъ лекціею университетскій солдатъ доставлялъ Самарину по числу всѣхъ насъ цѣлую груду пирожковъ въ большомъ сверткѣ на манеръ сахарной головы. Самаринъ всегда сидѣлъ на концѣ передней скамейки передъ каѳедрой, но налѣво отъ нея и потому ближе къ выходной двери. Какъ только начнется лекція, онъ вытащитъ изъ-за стола этотъ пакетъ съ угощеніемъ и пуститъ его по рукамъ товарищей, но такъ, чтобы пакетъ передавался отъ одного къ другому на виду у всѣхъ, высоко надъ столомъ. Завтракъ начинался только тогда, когда у каждаго изъ насъ будетъ по пирожку, а держать его надобно также на виду и откусывать понемножку, чтобы продлить эту сцену для нашихъ зрителей, столпившихся у растворенной настежъ двери.

Подъ самымъ окномъ у этой двери тянется крыша галереи, соединяющая зданіе университета съ корпусомъ, выходящимъ на Никитскую. Однажды во время лекціи Каченовскаго рабочіе у самаго окна починивали эту кровлю и, прибивая гвоздями желѣзные листы, такъ громко стучали, что заглушали слова Михаила Трофимовича, а онъ, не замѣчая стукотни, продолжалъ чтеніе своей лекціи. Между тѣмъ Самаринъ подозвалъ къ себѣ князя Мещерскаго, о чемъ-то пошептался съ нимъ и велѣлъ ему сѣсть на другомъ концѣ той же передней лавки, на которой, какъ сказано, всегда сидѣлъ и самъ, а гулъ ударовъ по желѣзу не переставалъ раздаваться по всей аудиторіи. Будто по командѣ, оба они привстали, и каждый съ своей стороны, ухватясь обѣими руками за конецъ тяжелаго стола, стоящаго передъ скамейкой, приподняли его въ одно и то же время и вдругъ опустили. Онъ тяжело бухнулъ на полъ съ оглушительнымъ грохотомъ. Каченовскій встрепенулся, вскочилъ на ноги и, стаскивая очки, грозно вскрикнулъ: „что̀ это такое? кто стучитъ?“ Самаринъ встаетъ и почтительнѣйше докладываетъ, что стучатъ кровельщики и указываетъ на окно. Поднялась тревога: надобно прогнать рабочихъ, надобно призвать на расправу субъ-инспектора, экзекутора. Самаринъ суетливо бѣжитъ изъ аудиторіи исполнить приказаніе ректора; ему помогаютъ собравшіеся у дверей юристы. Тамъ за дверями поднялся шумъ и гамъ, а въ аудиторіи водворилась полнѣйшая тишина: оборванная на недоконченной фразѣ лекція уже не продолжалась. Каченовскій молча сидитъ на каѳедрѣ и безъ очковъ обозрѣваетъ насъ. Немедленно являются подсудимые, и расправа начинается.

Забавная игра столомъ произвела эффектъ и удалась благо-

получно. Надобно было ее повторить, но уже безъ аккомпанимента стукотни кровельщиковъ, и повторить какъ можно скорѣе, пока не остыло еще и не изгладилось впечатлѣніе мгновеннаго испуга, произведеннаго грохотомъ стола. На основаніи этого психологическаго соображенія, Самаринъ и князь Мещерскій на слѣдующей же лекціи повторили свой опытъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Каченовскій опять встрепенулся, но не всполошился: замолкъ на полусловѣ и не спѣша принялся вытаскивать изъ-за ушей свои очки, потомъ, осмотрѣвшись во всѣ стороны, сталъ продолжать свою лекцію. Очевидно, онъ подумалъ, что ему померещилось.

Учащать такіе оглушительные фокусы было опасно, и потому Самаринъ съ княземъ Мещерскимъ заблагоразсудили прибѣгнуть къ менѣе громогласнымъ звукамъ, чтобы пробуждать дремотную атмосферу нашей аудиторіи. Для того была принята ими обоими и усвоена каждымъ изъ нихъ съ различными варіаціями особаго рода перекличка, потѣшавшая публику въ дверяхъ аудиторіи, но недоступная слуху сидящаго на каѳедрѣ профессора. Самаринъ аукнетъ, а Мещерскій ему отзовется, а то одинъ, какъ сторожевой на караулѣ, крикнетъ: „слушай!“ а другой отвѣтитъ тѣмъ же. Случалось и такъ, что Михаилъ Трофимовичъ очнется и вздрогнетъ, потомъ спроситъ довольно сурово: „что тамъ за шумъ?“ —„Это все юристы шумятъ и галдятъ за дверями“, рапортуетъ Самаринъ, и, по его приказанію, стремглавъ бѣжитъ прогонять юристовъ, крича на нихъ, что есть мочь. Комедія оканчивается хохотомъ, свистомъ и рукоплесканіями за стѣною аудиторіи.

Однако этимъ шутовскимъ комедіямъ судьба рѣшила прекратиться. Разразилась въ нашей аудиторіи настоящая гроза уже не шуточною, а дѣйствительною трагедіей. Между нашими товарищами былъ Иванъ Егоровичъ Бецкій—припомните—тотъ самый, который лелѣялъ и кормилъ пѣвчихъ пташекъ въ амбразурѣ своего кабинета, въ флорентинскомъ дворцѣ Спинелли-Трубецкихъ. Милый, со всѣми ласковый, веселый и миролюбивый, онъ очень не жаловалъ одного изъ насъ, юношу глупаго, но занозливаго нахала, который надоѣдалъ ему своими дурацкими подковырками. Въ аудиторіи оба они сидѣли налѣво отъ каѳедры, Бецкій на передней скамейкѣ, а надоѣдливый подлипала на второй, какъ разъ позади его. Однажды на лекціи Каченовскаго они повздорили не на шутку. Бецкій вскочилъ и, обернувшись назадъ, принялся колотить его; тотъ также вскочилъ, и началась перепалка, и такая крупная, что даже самъ Михаилъ Трофимовичъ очнулся отъ своего усыпительнаго чтенія, поторопился во-время стащить

очки и узрѣлъ передъ собою во-очію на своей лекціи кулачное единоборство. Всѣхъ насъ объялъ ужасъ и трепетъ. Грозный ректоръ далъ себя знать. Для суда и расправы предсталъ передъ нами и самъ инспекторъ, нашъ милый Платонъ Степановичъ. И какъ было ему все это и горестно, и жутко! Ректоръ настаивалъ —Бецкаго немедленно выгнать изъ университета, а другому дать нагоняй и засадить въ карцеръ; но нашъ инспекторъ хорошо зналъ цѣну обоимъ и по-своему смотрѣлъ на это дѣло. Въ тягостныя минуты суда, кажется, намъ одинаково было жаль и Бецкаго, и Платона Степановича.

Къ великой радости, наказаніе Бецкаго ограничилось карцеромъ, благодаря заступничеству инспектора передъ попечителемъ. Преступленіе было смягчено и низведено до мальчишеской шалости. Мы убѣдились, что правосудіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть безъ грѣха подкупаемо состраданіемъ и милосердіемъ, и мы не стали отъ того хуже. А между тѣмъ Платонъ Степановичъ не переставалъ насъ пугать и грозить намъ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ, а для порядка и надзора распорядился, чтобы впредь на каждой лекціи Каченовскаго присутствовалъ дежурный субъ-инспекторъ. Съ тѣхъ поръ прекратились и наши завтраки.

Покончивъ съ этими розсказнями, я долженъ напомнить вамъ, что велъ рѣчь о профессорахъ стараго закала, относимыхъ мною къ первому или раннему отдѣлу; теперь перехожу ко второму или среднему, представителемъ котораго будетъ для насъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Въ свое время онъ считался человѣкомъ очень образованнымъ, но не былъ спеціалистомъ ни въ одномъ изъ предметовъ, которымъ посвящалъ свои ученыя занятія. Впрочемъ тогда вообще господствовалъ энциклопедизмъ, и особенно въ нашемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета. Каченовскій до своихъ лекцій о литературахъ славянскихъ нарѣчій по Шафарику читалъ намъ статистику Россіи на третьемъ курсѣ, а прежде того, еще до насъ—даже эстетику, хотя по призванію, какъ скептикъ, былъ онъ особенно расположенъ къ исторической критикѣ. Знаменитый профессоръ латинскаго языка Тимковскій, не стѣсняясь своей спеціальностью, издалъ Несторову лѣтопись по Лаврентьевскому списку. По слѣдамъ этого филолога, Иванъ Михайловичъ Снегиревъ еще при насъ читалъ лекціи римской словесности на старшихъ курсахъ, когда мы были на первомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно любилъ заниматься русской народностью и стариною, о чемъ свидѣтельствуютъ его многочисленные труды по этимъ

предметамъ. Давыдовъ былъ хорошій математикъ и знатокъ римской словесности, свободно и складно говорилъ по-латыни. Какъ энциклопедистъ, онъ былъ достаточно подготовленъ для философіи, и до насъ читалъ лекціи по этому предмету, но еще больше простора для своихъ энциклопедическихъ свѣденій нашелъ онъ на поприщѣ педагогическомъ. Уже при насъ былъ онъ инспекторомъ такъ-называвшагося тогда холернаго заведенія, превращеннаго потомъ въ Александровское военное училище (что̀ на углу Знаменки и Пречистенскаго бульвара), а въ 1847 г. вовсе оставилъ профессорскую каѳедру и водворился въ Петербургѣ, занявъ мѣсто директора педагогическаго института, переименованнаго теперь въ филологическій. Кромѣ того, состоя въ званіи ординарнаго академика, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ второго отдѣленія императорской академіи наукъ.

Намъ онъ читалъ, на третьемъ и четвертомъ курсахъ, теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основаніяхъ философіи Шеллинга, по Эстетикѣ его ученика Аста, и сверхъ того дополнилъ примѣрами изъ русской и изъ иностранныхъ литературъ. Эти лекціи, нами тогда составленныя со словъ Давыдова и по его программамъ, онъ издалъ въ двухъ томахъ и присовокупилъ къ нимъ третій, содержащій въ себѣ сочиненіе Августа-Вильгельма Шлегеля о драматической поэзіи, въ сокращенномъ переводѣ Лавдовскаго, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ, когда знакомилъ васъ съ нѣкоторыми изъ моихъ казеннокоштныхъ товарищей. Въ предисловіи къ первому тому переименованы мы всѣ, какъ участники въ составленіи этого изданія. Теперь рѣшительно не могу отличить, которую изъ лекцій составлялъ я, а очень жаль, потому что это была вторая моя работа, удостоившаяся печати; что же касается до первой, то о ней будетъ рѣчь впереди. Впрочемъ и изъ всего курса, за исключеніемъ Шлегелева сочиненія, я ровно ничего не помню, кромѣ отрывочныхъ эстетическихъ тезисовъ, основанныхъ по Философіи Шеллинга на принципѣ противоположностей, которыя сливаются между собою въ примиряющемъ ихъ сосредоточіи, какъ напримѣръ: образъ и звукъ, а сліяніе ихъ— въ словѣ; такъ-называемыя образовательныя искусства и музыка, а сліяніе ихъ—въ поэзіи; эпосъ и лирика, а сліяніе ихъ—въ драмѣ.

Изъ чтеній Ивана Ивановича живѣе сохранились въ моей памяти три эпизода, выходившіе изъ рамокъ общей системы курса. Такія отступленія на лекціяхъ были тогда въ обычаѣ и у другихъ профессоровъ, когда они чувствовали потребность подѣлиться съ нами тѣмъ, что̀ въ данную минуту ихъ особенно интересо-

вало. Одинъ изъ эпизодовъ состоялъ въ риторическомъ разборѣ предисловія Карамзина къ его Исторіи государства россійскаго. Разборъ этотъ тогда произвелъ на меня сильное впечатлѣніе авторитетной строгостью въ неукоснительномъ преслѣдованіи нелогическаго сопоставленія и порядка мыслей при неточности ихъ выраженія, какъ въ отдѣльныхъ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; но и теперь на основаніи этого мастерского опыта полагаю, какимъ образцовымъ инспекторомъ и директоромъ учебныхъ заведеній могъ быть Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Другой его эпизодъ былъ далеко не такъ удаченъ. Въ то время прогремѣлъ въ литературѣ и публикѣ нѣкій Бенедиктовъ своими звонкими и фигуристыми стихотвореніями, которыя какъ разъ совпали съ появленіемъ вычурной прозы Марлинскаго, еще не совсѣмъ заглохшей тогда, благодаря господствовавшему у насъ въ тридцатыхъ годахъ шовинизму. Увлекшись прелестью новизны и громкою молвою, Иванъ Ивановичъ сгоряча ускорилъ подѣлиться съ нами своимъ восторгомъ и принесъ на лекцію стихотворенія Бенедиктова; прочиталъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ и превознесъ новоявленнаго поэта чуть не до уровня съ самимъ Пушкинымъ. Но Бенедиктовскій пустоцвѣтъ не продержался и одного года, завялъ и былъ выброшенъ за окно. Къ чести Давыдова я долженъ сказать, что онъ настолько уважалъ себя, что откровенно сознавался въ своемъ увлеченіи.

Третій эпизодъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, свидѣтельствуя о примѣрномъ педагогическомъ тактѣ, съ какимъ Давыдовъ умѣлъ пользоваться подходящимъ случаемъ для умственнаго развитія и усовершенствованія своихъ слушателей. Чтобы пріобрѣсти степень доктора, профессоръ петербургскаго университета Никитенко напечаталъ небольшую книжку и съ успѣхомъ защитилъ ея тезисы. Теперь не помню ни ея заглавія, ни содержанія, только хорошо знаю, что въ ней говорилось вообще объ изящныхъ искусствахъ, о прекрасномъ, о поэзіи, при полнѣйшемъ отсутствіи положительныхъ фактовъ. Давыдовъ роздалъ намъ нѣсколько экземпляровъ этого сочиненія, и когда мы внимательно прочли его, устроилъ для насъ въ своей аудиторіи, такъ сказать, „примѣрный“ диспутъ, въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ маневры примѣрно изображаютъ сраженіе. Профессоръ, укрѣпившись на каѳедрѣ, стойко защищалъ позицію, а мы въ разсыпную громили крѣпость со всѣхъ сторонъ, и разнесли ее въ пухъ и прахъ.

И по образованію своему, а можетъ быть, и по врожденной наклонности, Давыдовъ рѣшительно предпочиталъ философское умосозерцаніе подробному разрабатыванію фактическихъ мелочей,

и, какъ философъ, ограничивая свои лекціи теоріею словесности вовсе и не занимался исторіей литературы. Онъ былъ убѣжденъ, что русская словесность въ настоящемъ ея смыслѣ начинается только со временъ Петра Великаго, и древне-русскимъ письменнымъ и старопечатнымъ памятникамъ не придавалъ никакого собственно литературнаго значенія. Въ языкѣ Нестора или Словѣ о полку Игоревѣ видѣлъ безсмысленную порчу церковно-славянской грамматики и хаотическое броженіе неустановившихся, грубыхъ элементовъ русской рѣчи, а къ народному языку былинъ и пѣсенъ относился съ презрительнымъ снисхожденіемъ. Какъ математикъ онъ больше всего умѣлъ цѣнить точность въ соразмѣрности между словомъ и выражаемою имъ мыслію и не владѣлъ эстетическимъ чутьемъ настолько, чтобы въ неистощимо обильныхъ сокровищахъ нашего языка подмѣчать разнообразіе въ колоритѣ и оттѣнкахъ, которые математической точности выраженія придаютъ ясность и наглядность пластической и живописной формы. Какъ академикъ строгаго закала, онъ наблюдалъ безукоризненную чистоту слога и брезгливо выметалъ малѣйшую соринку, навѣянную изъ безъискусственной и обиходной разговорной рѣчи въ тѣсный кругъ языка книжнаго, заколдованный для профановъ законами свѣтскаго приличія.

Оканчиваю свои воспоминанія объ Иванѣ Ивановичѣ Давыдовѣ изъявленіемъ ему моей сердечной благодарности. По его указанію и совѣту я впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впослѣдствіи оказало рѣшающее вліяніе на мои ученыя работы. Это было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта о сродствѣ и различіи языковъ индо-германскихъ (т.-е. индо-европейскихъ).

Теперь приступаю къ третьему отдѣлу преподавателей, относящихся, какъ уже сказано, къ тому періоду, который предшествуетъ появленію у насъ новыхъ профессоровъ, воротившихся изъ Германіи съ новымъ запасомъ свѣденій и съ новыми порядками университетскаго преподаванія. Изъ этого третьяго отдѣла буду говорить только о Надеждинѣ, Шевыревѣ и Погодинѣ. Отношенія этихъ лицъ молодого поколѣнія къ старшему хорошо обозначилъ Давыдовъ, сказавъ мнѣ однажды о Шевыревѣ: „на моихъ глазахъ возросталъ онъ отъ младыхъ ногтей, и я помню, какъ Амалтея питала его своимъ млекомъ“. Иванъ Ивановичъ любилъ иногда ради шутки уснащать свою рѣчь прикрасами академическаго слога, подъ которыми въ данномъ случаѣ надобно разумѣть, что мальчика для укрѣпленія здоровья поили козьимъ молокомъ.

Изъ трехъ названныхъ профессоровъ начну съ Николая Ивановича Надеждина, потому что могу сказать о немъ очень немного. Въ моей памяти онъ представляется молодымъ человѣкомъ средняго роста, худенькимъ и чернявымъ, съ вдавленной грудью, съ большимъ и тонкимъ носомъ и съ темными волосами, гладко спускающимися на высокій лобъ. Читая лекцію, онъ всегда зажуривалъ глаза, точно слѣпой, и безпрерывно качался, махая головою сверху внизъ, будто клалъ поясные поклоны, и это размахиваніе гармонировало съ его размашистою рѣчью, бойкою, рьяною, цвѣтистою и искрометною, какъ горный кипучій потокъ. Его лекціи эстетики, хотя и не богатыя содержаніемъ, привлекали толпы слушателей изъ всѣхъ четырехъ факультетовъ и особенно медиковъ. Собственно намъ, первокурсникамъ, онъ читалъ логику по руководству шиллингиста Бахмана, очень толково, понятливо и ясно.

Образованіе свое получилъ онъ въ московской духовной академіи, что̀ въ Сергіевой лаврѣ, у Троицы. Между студентами ходила о немъ легенда, за достовѣрность которой не смѣю ручаться. Въ обычаяхъ этой академіи, получившихъ силу непреложности, было принято давать степень магистра только такимъ изъ учащихся, которые, еще будучи студентами, примутъ монашество, хотя бы и не вполнѣ достойные по своимъ знаніямъ этой степени. Надеждинъ на послѣднемъ курсѣ изъявилъ свое призваніе къ монастырскому житію, но, надрывая свои силы неусыпнымъ прилежаніемъ въ приготовленіи къ экзамену, захворалъ и по крайнему истощенію и по слабости здоровья не могъ съ подобающимъ благоговѣніемъ въ настроеніи духа воспринять монашескій чинъ и получилъ разрѣшеніе постричься въ монахи по окончаніи курса, а на выходномъ экзаменѣ получилъ степень магистра. Оставивъ лавру, онъ немедленно переселился въ Москву, занялся составленіемъ диссертаціи на латинскомъ языкѣ о романтической поэзіи для полученія степени доктора и блистательно защитилъ ее. Изъ моихъ воспоминаній вы уже знаете, какъ плачевно оборвалась его профессорская служба въ московскомъ университетѣ.

Согласно духу времени и научнымъ требованіямъ отъ профессоровъ нашего факультета, Степанъ Петровичъ Шевыревъ и Михаилъ Петровичъ Погодинъ, каждый усердно предаваясь своей спеціальности, далеко раскидывались въ своихъ интересахъ по широкому поприщу литературы въ качествѣ журналистовъ, критиковъ и беллетристовъ. Впрочемъ о ихъ литературномъ и общественномъ значеніи, объ ихъ отношеніяхъ къ Пушкину, Жуковскому, о ихъ дружбѣ съ Гоголемъ и о многомъ другомъ столько

уже было печатано, что я нахожу излишнимъ повѣствовать вамъ о всемъ этомъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Ограничусь только тѣмъ, что̀ болѣе касается лично меня.

Въ первый годъ университетскаго обученія Шевыревъ читалъ намъ вмѣстѣ съ юристами, такъ сказать, приготовительный курсъ, имѣвшій двоякое назначеніе: во-первыхъ, по возможности уравнять свѣденія поступившихъ въ университетъ прямо изъ дому или изъ разныхъ учебныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, съ неустановившеюся еще для нихъ всѣхъ одинаковою програмною обученія, и, во-вторыхъ, теоретически и практически на письменныхъ упражненіяхъ укрѣпить насъ въ правописаніи и развить въ насъ способность владѣть пріемами литературнаго слога.

Въ лекціяхъ этого курса Шевыревъ знакомилъ насъ съ элементами книжной рѣчи въ языкѣ церковно-славянскомъ и русскомъ, отличая въ немъ народныя или простонародныя формы отъ принятыхъ въ разговорѣ образованнаго общества. Съ этой цѣлью онъ читалъ и разбиралъ съ нами выдержки изъ лѣтописей Нестора по изданію Тимковскаго изъ писателей XII вѣка и изъ древне-русскихъ стихотвореній по изданіямъ Калайдовича, изъ Исторіи Карамзина, изъ произведеній Ломоносова, Державина, Жуковскаго и особенно Пушкина. При этомъ вдавался въ разныя подробности изъ книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, изъ замѣтокъ Пушкина о русскомъ народномъ языкѣ. Все это, низведенное теперь въ програму среднихъ учебныхъ заведеній, было тогда свѣжею новостью на университетской каѳедрѣ, какъ вы сами можете ясно видѣть, припомнивъ сказанное мною объ Иванѣ Ивановичѣ Давыдовѣ.

Эти лекціи Шевырева производили на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые почуялъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его. Чтобы дать вамъ понятіе о силѣ животворнаго дѣйствія, оказаннаго на меня Степаномъ Петровичемъ въ его филологическихъ наблюденіяхъ и анализахъ, достаточно будетъ сказать, что они воодушевляли меня и были положены въ основу моихъ грамматическихъ и стилистическихъ изслѣдованій, когда я работалъ надъ составленіемъ моего сочиненія: „О преподаваніи отечественнаго языка“ (издано 1844 г.). Невыразимо радостно и лестно было мнѣ видѣть въ экземплярѣ этого сочиненія, подаренномъ мною Степану Петровичу, отмѣтки

его собственною рукою на поляхъ страницъ: „моя мысль“, „мое замѣчаніе“.

Приготовительный курсъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ читанъ Шевыревымъ въ первый разъ именно намъ. А началъ онъ свои лекціи въ московскомъ университетѣ исторіею иностранныхъ литературъ: еврейской и индійской. Лекціи эти произвели большой эффектъ не только между студентами и профессорами, но и въ избранной московской публикѣ, переполнявшей аудиторію Степана Петровича. Когда мы поступили въ университетъ, онѣ были уже отпечатаны, и я на первомъ же курсѣ съ жадностью читалъ ихъ, наслаждаясь и восторгаясь. Тогда же заронилась во мнѣ мысль учиться по-еврейски и по-санскритски, но я привелъ ее въ исполненіе впослѣдствіи при помощи моихъ казеннокоштныхъ товарищей. Еврейскому языку училъ меня, какъ вы уже знаете, Войцѣховскій, а потомъ санскритскому Коссовичъ.

На первомъ же курсѣ съ неменьшимъ интересомъ прочелъ я обстоятельную монографію о Дантѣ и его Божественной Комедіи, представленную Шевыревымъ въ факультетъ для снисканія права читать лекціи въ московскомъ университетѣ. Уже тогда я плѣнился великимъ произведеніемъ Данта, и въ теченіе всей моей жизни было оно любимымъ для меня чтеніемъ въ часы досуга и наконецъ сдѣлалось предметомъ моихъ многостороннихъ изслѣдованій, когда по поводу шестисотлѣтняго юбилея дня рожденія Данта читалъ я студентамъ лекціи о немъ и о его времени цѣлые три года сряду.

До Шевырева въ нашемъ университетѣ читалась только теорія словесности въ родѣ упомянутаго мною курса Давыдова. Степанъ Петровичъ обновилъ каѳедру этого предмета исторіею литературы, сначала только иностранной, а потомъ уже при насъ и русской. Сверхъ того, онъ читалъ намъ цѣлый годъ теорію поэзіи въ историческомъ развитіи. Свой курсъ безъ раздѣленія на лекціи и съ нѣкоторыми дополненіями издалъ онъ въ видѣ диссертаціи и защитилъ ее на публичномъ диспутѣ для полученія степени доктора. Эта книга, хотя немножко и устарѣлая, до сихъ поръ пользуется у насъ заслуженнымъ авторитетомъ. Ее постоянно рекомендовалъ я своимъ слушателямъ, когда читалъ имъ на первомъ курсѣ энциклопедическое введеніе къ спеціальнымъ занятіямъ по филологіи, лингвистикѣ и литературѣ, съ указаніемъ важнѣйшихъ источниковъ и пособій.

Изъ иностранной литературы Шевыревъ читалъ намъ исторію греческой поэзіи. Особенно заинтересовало меня и прочно улеглось въ моей памяти, что̀ сообщалъ онъ по Вольфу о позднѣй-

шемъ прилаживаніи и сочетаніи отдѣльныхъ рапсодій въ искусственныя формы цѣлыхъ эпосовъ, названныхъ Иліадою и Одиссеею. Не помню, ставилъ ли тогда Шевыревъ въ параллель съ Гомерическими рапсодіями наши былины, или послѣ, когда читалъ намъ исторію русской литературы, но во всякомъ случаѣ эта мысль въ первый разъ пришла мнѣ въ голову со словъ Степана Петровича.

Намъ же въ первый разъ сталъ читать Шевыревъ въ московскомъ университетѣ исторію русской литературы, какъ и тотъ приготовительный курсъ. Готовясь къ своимъ лекціямъ, онъ самъ постепенно разработывалъ источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще вовсе не разработанной, области науки дѣйствовалъ на насъ обаятельною свѣжестью воодушевленія. По крайней мѣрѣ мнѣ чудилось, будто мы идемъ по только-что проторенньмъ путямъ въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ по слѣдамъ отважнаго проводника, который на каждомъ шагу открываетъ намъ все новыя и новыя сокровища родной земли. Въ этихъ лекціяхъ Степанъ Петровичъ уже пользовался знаменитымъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ, которое принадлежало Петру Васильевичу Кирѣевскому.

Этотъ курсъ исторіи русской литературы впослѣдствіи внесъ Шевыревъ въ свои публичныя лекціи съ разными измѣненіями и дополненіями, которыя крайностями черезмѣрнаго славянофильскаго направленія, какъ вамъ должно быть извѣстно, навлекли на него цѣлую бурю озлобленныхъ нареканій.

Въ заключеніе о читанныхъ намъ лекціяхъ Шевырева я долженъ прибавить, что каждую изъ нихъ онъ тщательно писалъ своимъ четкимъ, красивымъ почеркомъ на листахъ съ отогнутыми полями, на которыхъ вкратцѣ обозначалъ содержаніе каждаго параграфа или абзаца. Слѣдуя примѣру моего незабвеннаго учителя, и я въ теченіе всего моего многолѣтняго профессорства каждую лекцію писалъ, только не такъ четко и старательно, и безъ всякихъ отмѣтокъ на поляхъ страницъ.

О лекціяхъ Михаила Петровича Погодина говорить много не буду, потому что все, что̀ я могъ и умѣлъ сказать о немъ, какъ о профессорѣ, предложено въ рѣчи, читанной мною вскорѣ по его кончинѣ въ публичномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности. Она напечатана во 2-мъ томѣ „Моихъ Досуговъ", а цитировать самого себя я не намѣренъ.

На первомъ курсѣ онъ читалъ намъ изъ всеобщей исторіи о

религіи, политикѣ, торговлѣ, о нравахъ и обычаяхъ древнихъ народовъ, по извѣстному сочиненію Герена (Heeren). Именно тогда я живо почувствовалъ и оцѣнилъ великое значеніе народнаго быта, на разработку котораго въ предѣлахъ русской земли я посвятилъ бо̀льшую часть моихъ ученыхъ работъ. Лекціи Погодина я постоянно записывалъ съ его словъ и каждую старательно и любовно составлялъ, пользуясь добытымъ изъ университетской библіотеки нѣмецкимъ оригиналомъ, и какъ благодарилъ я тогда Александра Христофоровича Зоммера, что еще въ пензенской гимназіи научилъ онъ меня толково разбирать нѣмецкую грамоту! Лекціи по Герену, составленныя студентами, Погодинъ напечаталъ, и въ эту-то книгу попала частица и моей работы, самая ранняя и первая проба пера, удостоившаяся печати.

На старшихъ курсахъ Погодинъ читалъ намъ уже настоящій свой предметъ—исторію Россіи. Въ этихъ лекціяхъ больше всего заинтересовалъ меня вопросъ о скандинавскомъ происхожденіи варяго-русовъ. Я обратился къ Михаилу Петровичу съ просьбою указать мнѣ какое-нибудь руководство для изученія древнихъ нѣмецкихъ нарѣчій. Онъ назвалъ мнѣ грамматику Якова Гримма и велѣлъ обратиться за этимъ сочиненіемъ къ профессору Рѣдкину, читавшему тогда въ московскомъ университетѣ энциклопедію и философію права. Такимъ образомъ изъ устъ Погодина въ первый разъ услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей.

Погодину же я обязанъ великою благодарностью и за то, что онъ первый научилъ меня читать и разбирать наши старинныя рукописи, во множествѣ собранныя въ его такъ-называемомъ древлехранилищѣ, которое помѣщалось тогда въ собственномъ его домѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ. Эти занятія мои начались вотъ по какому случайному поводу. Знаменитый чешскій ученый Шафарикъ для своихъ филологическихъ работъ имѣлъ надобность въ точной копіи съ одной изъ самыхъ древнѣйшихъ нашихъ рукописей, которая находилась въ древлехранилищѣ. Это была хорошо извѣстная спеціалистамъ Толковая Псалтырь XI вѣка, такъ-называемая Евгеніевская, по имени митрополита Евгенія, которому прежде принадлежала. Погодинъ поручилъ мнѣ снять эту копію. Работа оказалась для меня въ высокой степени полезной и была не особенно трудна, потому что древняя рукопись составляетъ только малую часть всей псалтыри. Въ пособіе для справокъ онъ

снабдилъ меня старопечатнымъ текстомъ и нынѣ принятымъ исправленнымъ.

Одновременно съ этою работой онъ познакомилъ меня на образцахъ по оригиналамъ съ разными почерками стариннаго письма: съ уставнымъ, полууставнымъ и съ скорописью, мудреные завитки которой училъ разбирать меня по складамъ.

Такимъ образомъ мое университетское обученіе раздѣлялось по двумъ мѣстностямъ: въ аудиторіи и въ Погодинскомъ древлехранилищѣ. Сказаннаго почитаю достаточнымъ, чтобы дать вамъ понятіе о моей безграничной благодарности Михаилу Петровичу за все, чѣмъ я обязанъ его попеченіямъ и заботамъ о моемъ образованіи въ продолженіе всѣхъ четырехъ лѣтъ студенчества, начиная, какъ вы уже знаете, съ самаго поступленія моего въ университетъ и съ водворенія въ казеннокоштномъ общежитіи. Онъ же, какъ увидите потомъ, былъ для меня руководителемъ въ первыхъ опытахъ моихъ на широкомъ пути журнальной литературы.

Новый періодъ въ исторіи московскаго университета, какъ сказано, начинается вмѣстѣ съ появленіемъ въ намъ молодыхъ профессоровъ, получившихъ свое образованіе за границею, преимущественно въ Германіи. Это были: на нашемъ факультетѣ Печоринъ, Крюковъ и Чевилевъ; на юридическомъ Крыловъ, Баршевъ и Рѣдкинъ; на медицинскомъ—Анке, Армфельдъ, Иноземцевъ, Филомаѳитскій и еще кто-то, не припомню, а на математическомъ, кажется, никого. Во избѣжаніе недоразумѣній, спѣшу предупредить, что нѣсколько другихъ профессоровъ той же категоріи появились въ московскомъ университетѣ, когда мы уже кончили курсъ. А именно: на нашемъ факультетѣ Меньщиковъ, Бодянскій и Грановскій, на юридическомъ—Лешковъ, на математическомъ Спасскій и Драшусовъ.

Профессоръ греческаго языка (ни имени его, ни отчества не припомню) былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, самый юный изъ всѣхъ прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ товарищей, небольшого роста, быстрый и ловкій въ движеніяхъ, очень красивъ собою, во всемъ былъ изященъ и симпатиченъ, и въ привѣтливомъ взглядѣ, и въ мягкомъ, задушевномъ голосѣ, когда, объясняя намъ Гомера и Софокла, онъ мастерски переводилъ ихъ стихи прекраснымъ литературнымъ слогомъ. Но, къ несчастію, мы пользовались его высокими дарованіями и свѣдѣніями очень недолго, менѣе года. Онъ вдругъ исчезъ изъ университета и изъ Москвы, а куда дѣвался—никто не зналъ. Такъ и простылъ его слѣдъ. Спустя года

два-три, дошелъ до меня слухъ, будто онъ гдѣ-то за границею учительствуетъ или гувернерствуетъ въ какой-то фамиліи — русской или иностранной, неизвѣстно. Потомъ, спустя много лѣтъ, кто-то говорилъ мнѣ, что нашего Печорина видѣли въ одѣяніи католическаго монаха, помнится, въ Бельгіи.

Вскорѣ по исчезновеніи Печорина, его замѣнилъ выписанный изъ Германіи нѣмецкій ученый, по фамиліи Гофманъ, еще молодой человѣкъ, высокій, дебелый и румяный, съ длинными русыми волосами, ниспадавшими на плечи, милый чудакъ съ замашками наивнаго бурша. По-русски онъ не говорилъ ни слова и переводилъ съ нами греческихъ классиковъ на латинскій языкъ. Въ лѣтописяхъ московскаго университета его имя связано съ одною катастрофою, надѣлавшею много шума по всей Москвѣ, о чемъ я разскажу вамъ въ своемъ мѣстѣ.

Профессоръ римской словесности Дмитрій Львовичъ Крюковъ былъ немножко постарше Печорина и, какъ онъ, такой же любезный и изящный, но въ его привѣтливомъ обращеніи съ нами чувствовалась сдержанность снисходительнаго величія, а изяществу манеръ, голоса и рѣчи и всей своей осанкѣ умѣлъ онъ придавать нѣкоторый лоскъ щеголеватости, которая, въ предѣлахъ строгаго приличія, не нарушаетъ достоинства чистокровнаго джентльмена. Онъ былъ средняго роста, блондинъ, съ наклонностью къ полнотѣ, но здоровый и свѣжій, румяный и бѣлый, какъ кровь съ молокомъ; отличительную черту его лица составлялъ высокій и широкій лобъ, а глазъ изъ-подъ очковъ было не видать.

Вскорѣ по пріѣздѣ его изъ-за границы, между нами распространилась о немъ внушительная репутація ученаго автора, напечатавшаго въ Германіи книгу на нѣмецкомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ „Peregrino“, итальянская благозвучность котораго такъ согласовалась съ его щеголеватою изящностью. Ни содержанія, ни даже названія этой книги теперь не припомню; знаю только, что это была монографія по какому-то очень спеціальному вопросу изъ исторіи римскаго быта.

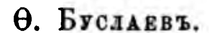
Изъ лекцій Крюкова помню, что онъ заставилъ меня полюбить Тацита и особенно Горація, къ которому симпатію я вынесъ еще изъ пензенскихъ уроковъ Орлова. Самъ же Дмитрій Львовичъ предпочиталъ изъ всѣхъ римскихъ писателей Тацита, и въ послѣдніе годы своей недолгой жизни переводилъ его анналы на русскій языкъ, старательно обогащая и усовершенствуя свой слогъ внимательнымъ чтеніемъ нашихъ старинныхъ мемуаровъ, государственныхъ грамотъ и договоровъ, посланій и лѣтописей,

не говоря уже объ историкахъ, начиная отъ Щербатова и до Пугачевскаго бунта, Пушкина.

На четвертомъ курсѣ читалъ онъ намъ римскія древности на латинскомъ языкѣ. Этотъ предметъ такъ заинтересовалъ меня, что въ дополненіе къ нему я посѣщалъ лекціи Крылова по исторіи римскаго права. Сверхъ того мнѣ желательно было познакомиться съ взглядами знаменитаго юриста Савиньи, о которомъ такъ много говорилось въ то время. Когда перевели насъ на четвертый курсъ, то профессора, привыкнувъ излагать свой предметъ въ предѣлахъ трехлѣтняго срока, нашли возможнымъ расширить объемъ своего преподаванія практическими занятіями студентовъ на этомъ курсѣ, раздѣливъ насъ по спеціальностямъ на три отдѣленія: на классическое, историческое и славянорусское. Такимъ образомъ для насъ же впервые были введены въ московскомъ университетѣ такъ-называемыя семинаріи, но, кажется, это нововведеніе только и ограничилось одними нами. Послѣ насъ семинаріи не продолжались и были вновь сформированы уже много лѣтъ спустя.

Я избралъ себѣ отдѣленіе славянорусское. Давыдовъ далъ мнѣ для изученія такъ-называемую „Общую Грамматику“ извѣстнаго французскаго филолога Дю-Саси въ нѣмецкой передѣлкѣ Фатера, съ дополненіями изъ нѣмецкаго языка. Эту книгу я перевелъ всю сполна и добавилъ грамматическія подробности Дю-Саси и Фатера русскими и церковно-славянскими. Мой переводъ былъ одобренъ факультетомъ для напечатанія, но остался въ рукописи. По счастливой случайности она сохранилась у меня до послѣдняго времени, и недавно я отдалъ ее вмѣстѣ со всѣми моими лекціями въ рукописное отдѣленіе московскаго Публичнаго музея, что̀ на Знаменкѣ. А для Шевырева я составилъ систематическій сводъ грамматикъ: Смотрицкаго, Ломоносова, академической, большихъ, или полныхъ, грамматикъ Греча и Востокова и церковнославянской Добровскаго. Надъ обѣими этими работами я трудился весь годъ и по мѣрѣ изготовленія приносилъ на лекціи, что̀ успѣвалъ сдѣлать въ недѣлю, для доклада тому или другому изъ моихъ наставниковъ. Такимъ образомъ, благодаря этимъ практическимъ занятіямъ, я достаточно былъ вооруженъ свѣдѣніями, необходимыми по тому времени для всякаго доброкачественнаго учителя русскаго языка.

Въ концѣ мая 1838 года я окончилъ университетскій курсъ.



НА ЗЕМСКОЙ СЛУЖБѢ

Изъ записокъ фельдшерицы.

I.

...Я нашла себѣ мѣсто въ самомъ хлѣбородномъ уѣздѣ одной изъ сѣверныхъ губерній.

Условія предложеннаго мнѣ мѣста были слѣдующія: 300 р. жалованья при готовой квартирѣ съ отопленіемъ; мѣстожительство въ уѣздѣ при врачѣ.

Въ концѣ августа 1881 г. я прибыла на мѣсто своей службы. Это была небольшая усадьба бывшаго предсѣдателя земской управы, отданная имъ (какъ я узнала впослѣдствіи), еще будучи предсѣдателемъ, для врачебнаго пункта по контракту на 10 лѣтъ.

Усадьба была расположена подъ горой, на низменномъ мѣстѣ, и состояла изъ большого деревяннаго дома, въ которомъ помѣщались квартира врача и аптека,—и двухъ флигелей во дворѣ; въ одномъ изъ нихъ помѣщалась больница, а въ другомъ—квартира фельдшера и фельдшерицы-акушерки, затѣмъ шли еще нѣкоторыя необходимыя надворныя постройки.

Подъѣхавъ къ указанному мнѣ флигелю, я на порогѣ его была встрѣчена мужчиной лѣтъ тридцати, съ весьма добродушной физіономіей, который отрекомендовался мнѣ моимъ будущимъ сотоварищемъ по службѣ, т.-е. фельдшеромъ.

Я была нѣсколько непріятно удивлена этой встрѣчей, такъ какъ совсѣмъ не ожидала найти здѣсь сотрудника въ лицѣ фельдшера. Я говорю—непріятно удивлена, во-первыхъ, потому, что предполагала неизбѣжными разныя непріятныя столкновенія съ

сотрудникомъ необразованнымъ и неразвитымъ, какими, большею частью, бываютъ фельдшера; во-вторыхъ же, мнѣ почему-то казалось, что намъ двоимъ нѣчего будетъ дѣлать,—а я больше всего боялась быть въ положеніи *пятой спицы въ колесницѣ*. Впослѣдствіи ни тѣ, ни другія мои опасенія не подтвердились: фельдшеръ оказался такимъ добрымъ малымъ, что ни о какихъ столкновеніяхъ не могло быть и рѣчи, а работы было такъ много, что подчасъ и двоимъ трудно было съ нею справляться.

Квартира моя состояла изъ одной большой комнаты и маленькой кухни, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ передней. Мебели же при квартирѣ не было никакой. Это было крайне непріятно: не на чемъ было ни присѣсть, ни прилечь. Между тѣмъ я была очень утомлена, проѣхавъ по скверной проселочной дорогѣ 80 верстъ въ простой телѣгѣ въ одну лошадь. На выручку явился фельдшеръ: онъ распорядился принести изъ больницы кровать, столъ и 2—3 табурета; онъ же предложилъ къ моимъ услугамъ и свой самоваръ съ посудой, чѣмъ я не замедлила воспользоваться, причемъ пригласила и его съ собою пить чай, разсчитывая за чаемъ разговориться съ нимъ и узнать кое-что о здѣшнихъ порядкахъ. Но я ошиблась въ разсчетѣ; фельдшеръ отвѣчалъ весьма сдержанно на всѣ мои вопросы, повторяя только: „поживете—сами увидите".

Врача не было дома. Онъ нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ въ городъ и его возвращенія ждали со дня на день. Я рѣшила, не дожидаясь его, ѣхать въ городъ представляться своему земскому начальству, а для этого воспользовалась тѣмъ, что мѣстный крестьянинъ привезъ въ этотъ же день медикаменты изъ города, и наняла у него лошадей, чтобы на другой день ѣхать въ городъ. Напившись чаю и нѣсколько отдохнувъ, я попросила фельдшера показать мнѣ аптеку и больницу.

Начали мы съ аптеки. Помѣщалась она въ двухъ комнатахъ: пріемной и собственно аптеки. Бѣглый обзоръ аптеки меня очень порадовалъ: она была снабжена всѣмъ необходимымъ, требуемымъ современной медициной. Здѣсь, подумала я, не придется нѣкоторые необходимые, но дорогіе медикаменты замѣнять ихъ суррогатами, далеко не достигающими цѣли своего назначенія. Здѣсь не придется растирать порошки въ крышкѣ отъ суповой миски, замѣнять разновѣсъ хлѣбными зернами, жидкость отмѣривать глазомѣромъ и т. д., какъ на прежнемъ мѣстѣ моей службы.

Далеко не такое благопріятное впечатлѣніе произвела на меня больница.

Не говоря уже о томъ, что самое помѣщеніе далеко не от-

вѣчало требованіямъ гигіены, съ чѣмъ, по необходимости, можно было помириться, но и содержаніе этого помѣщенія, какъ и содержаніе больныхъ противорѣчило самымъ элементарнымъ требованіямъ той же гигіены.

Помѣщеніе для больницы, состоявшее изъ двухъ большихъ палатъ, мужской и женской, по 6—7 кроватей въ каждой, содержалось до невѣроятности грязно. Полъ, отъ накопившейся на немъ грязи, былъ темно-бурый; отъ стѣнъ и потолка во многихъ мѣстахъ отстали обои и бумага и висѣли безобразными лохмотьями, а за ними кишѣли насѣкомыя. Вездѣ по стѣнамъ и угламъ вилась паутина. Воздухъ, благодаря очень близкому сосѣдству отхожихъ мѣстъ и отсутствію почти всякой вентиляціи, былъ такъ пропитанъ всякими отдѣленіями и выдѣленіями, что свѣжаго человѣка буквально сшибало съ ногъ.

Среди этой неряшливой обстановки больные смотрѣли крайне жалкими, тѣмъ болѣе, что надѣтое на нихъ бѣлье было рваное, въ пятнахъ и грязное, также какъ и постельное. Я сильно задумалась надъ этой безотрадной картиной, но вскорѣ стала мысленно утѣшать себя надеждой, что многое будетъ въ моихъ рукахъ, что и изъ тѣхъ рессурсовъ, которые были въ наличности, можно постепенно значительно улучшить гигіеническое содержаніе больныхъ. Къ сожалѣнію, слишкомъ скоро мнѣ пришлось узнать, что для больныхъ существуетъ еще гораздо худшее зло, чѣмъ неряшливое ихъ содержаніе: пища ихъ была такъ плоха, что превосходила всякое представленіе, какое можно имѣть по этому поводу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я также скоро стала узнавать, что лично я совершенно безсильна уничтожить какое-либо изъ существующихъ здѣсь золъ: всякое благое мое начинаніе на этомъ пути встрѣчало непреодолимое препятствіе, учиняемое подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ единовластнымъ здѣсь лицомъ—докторомъ. Но объ этомъ я подробно скажу въ своемъ мѣстѣ.

II.

На другой день послѣ моего пріѣзда рано утромъ меня разбудили съ требованіемъ ѣхать къ больной, отъ которой прислана лошадь.

Хотя я оффиціально не вступила еще въ должность и должна была прежде всего представиться своему начальству, но я рѣшила все-таки ѣхать къ больной, которая къ тому же, какъ мнѣ

сообщили, больна послѣ родовъ. Я наскоро собралась и поѣхала.

Погода стояла прекрасная, сухая и теплая, но дорога была убійственная. Она шла, большею частью, лѣсомъ, и колеса, то-и-дѣло попадая на пни и камни, производили такіе толчки, что я должна была держаться обѣими руками за края телѣги, чтобы не вылетѣть изъ нея. Кромѣ того, отъ этихъ же толчковъ у меня сдѣлались такія колики, что я поминутно молила своего возницу ѣхать потише.

Впослѣдствіи я убѣдилась, что къ ѣздѣ по дурнымъ дорогамъ можно легко привыкнуть; приходилось по дѣламъ службы часто ѣздить еще по худшимъ дорогамъ, такъ какъ почва здѣсь вообще очень каменистая, но мало-по-малу я такъ съ ними освоилась, что не стала чувствовать уже и толчковъ. Ѣздить же приходилось всегда въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ.

Такъ какъ земскихъ почтовыхъ станцій въ нашемъ уѣздѣ не было, то крестьяне, имѣя нужду во мнѣ, должны были сами присылать за мною лошадь и единственный, имѣющійся у крестьянъ по всей Руси, какъ извѣстно, экипажъ—простую телѣгу. Впрочемъ исключеніе составляетъ имѣющійся у нѣкоторыхъ экипажъ, называемый „бѣдой“, который по удобству вполнѣ оправдываетъ свое названіе. Это двухколеска, на которой укрѣплено нѣчто въ родѣ ящика.

Дорогой я узнала, что ѣду къ женѣ волостного старшины. Пріѣхавъ въ деревню, не трудно было отличить отъ другихъ домъ старшины, какъ потому, что онъ былъ больше всѣхъ, такъ и по вычурности внѣшней отдѣлки. Внутри домъ состоялъ изъ двухъ половинъ: парадной и черной. Парадная, куда меня привели, по своей обстановкѣ, напоминала мѣщанское жилье средняго состоянія. Въ этой же половинѣ стояла кровать, нарядно убранная, съ пологомъ, но на ней больной не оказалось.

На мой вопросъ: „гдѣ же больная“, мнѣ отвѣтили, что она сейчасъ придетъ. Дѣйствительно, спустя двѣ-три минуты, явилась и больная, на видъ полная и здоровая женщина. Разспросивъ и осмотрѣвъ ее, я не только не нашла никакой послѣродовой болѣзни, но какой бы то ни было другой. Между тѣмъ, по ея словамъ, она ужасно страдала. Я недоумѣвала, что̀ съ нею дѣлать, и посовѣтовала ей пріѣхать къ доктору.

Впослѣдствіи я узнала, что она лечилась не только въ нашемъ уѣздѣ у всѣхъ, которые по праву или безправно занимались леченіемъ человѣческихъ недуговъ, но даже ѣздила съ тою же цѣлью въ дальніе города и села. Она ужасно всѣмъ надоѣла,

и, сознавая это отчасти сама, набрасывалась поэтому на новеньких. Меня она долгое время не оставляла въ покоѣ, желая, чтобы именно я занялась ея леченіемъ, такъ какъ къ доктору она уже нѣсколько разъ обращалась безъ всякаго успѣха. Я потомъ поговорила о ней съ докторомъ, и онъ сказалъ мнѣ, что она психопатка, у которой пунктъ помѣшательства—всевозможныя воображаемыя болѣзни.

Такихъ же больныхъ я впослѣдствіи встрѣтила еще нѣсколькихъ, но тѣ были не крестьянскаго сословія.

III.

Вернулась я домой около полудня, и въ тотъ же день уѣхала въ городъ.

Извозчикъ мой былъ крестьянинъ ближней деревни. Онъ былъ многосемейный и, имѣя много лошадей, всегда охотно нанимался привозить медикаменты изъ города и возить по своимъ и служебнымъ надобностямъ лицъ, служащихъ при пріемномъ покоѣ.

Крестьянинъ этотъ былъ старичокъ лѣтъ семидесяти; онъ перебывалъ чуть ли не во всѣхъ сельскихъ должностяхъ, долгое время служилъ волостнымъ старшиной, много ѣздилъ съ извозомъ. Онъ былъ очень словоохотливъ: стоило ему задать только какой-нибудь вопросъ по поводу встрѣчавшагося на нашемъ пути полуразрушеннаго, бывшаго барскаго дома, а теперь обитаемаго крестьянами, какъ онъ начиналъ свои безконечные разсказы, полные живого интереса, о жизни крестьянъ и помѣщиковъ. Онъ такъ мѣтко и ярко излагалъ разные факты изъ настоящаго положенія крестьянъ и помѣщиковъ въ связи съ ихъ историческимъ прошлымъ, что мнѣ оставалось только сдѣлать кое-какія обобщенія, чтобы получить довольно полную, стройную картину мѣстной жизни въ ея общественномъ и экономическомъ направленіяхъ. Съ этимъ интереснымъ собесѣдникомъ я всегда незамѣтно для себя проѣзжала иногда большія разстоянія. Зато онъ часто пользовался нашими разговорами, чтобы ѣздить чуть-ли не всю дорогу шагомъ. Ему очень не нравилось, когда ему напоминали, чтобы онъ ѣхалъ пошибче. Онъ страстно любилъ своихъ лошадокъ и берегъ и жалѣлъ ихъ пуще себя. Въ городъ я пріѣхала поздно ночью. На другой день утромъ я пошла въ земскую управу, но пришла слишкомъ рано. Часовъ въ 12 явился предсѣдатель. Это былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ 35, довольно представительной наружности. Я потомъ слышала, что

раньше онъ былъ судебнымъ приставомъ, женился на мѣстной землевладѣлицѣ, пріобрѣлъ такимъ образомъ цензъ и связи и, благодаря послѣднимъ, былъ выбранъ въ предсѣдатели. Въ обществѣ онъ слылъ большимъ либераломъ. Приводили даже такое несомнѣнное доказательство его либерализма: во время учительскихъ съѣздовъ по его иниціативѣ устроивались вечеринки для развлеченія учителей и учительницъ; на этихъ вечеринкахъ онъ не только самъ присутствовалъ, но даже танцовалъ со всѣми учительницами. Меня лично онъ принялъ чрезвычайно вѣжливо. Не вдаваясь въ детали относительно моихъ служебныхъ обязанностей, онъ мнѣ сказалъ, что о нихъ я могу узнать отъ своего врача, причемъ онъ все-таки упомянулъ, что главная моя обязанность будетъ заключаться въ подачѣ акушерской помощи въ раіонѣ нашего врачебнаго участка, который обнималъ собою, ни больше, ни меньше, какъ половину уѣзда. Перспектива исполнять преимущественно обязанности акушерки мнѣ не особенно улыбалась, потому что изъ прошедшаго опыта я уже знала, что большей частью за помощью акушерки обращаются при ненормальныхъ родахъ и притомъ чаще всего слишкомъ поздно, когда медицинская помощь бываетъ уже безсильна; но даже и въ такихъ случаяхъ на нашей обязанности лежитъ не оставлять больную и оставаться пассивнымъ свидѣтелемъ трагическаго конца, сопровождаемаго иногда такими раздирательными сценами, которыя и на человѣка съ крѣпкими нервами должны подѣйствовать самымъ удручающимъ образомъ. Когда-нибудь я разскажу, до какого состоянія нервнаго разстройства довели меня эти сцены на одномъ изъ мѣстъ давнишней моей службы, когда я подвизалась на поприщѣ земскаго служенія въ качествѣ только акушерки. Это состояніе заставило меня надолго отказаться отъ земской службы, и я рѣшилась на нее вновь поступить только тогда, когда получила аттестатъ фельдшерицы, и только въ качествѣ таковой.

Теперь опять волей-неволей приходилось попытать себя въ исполненіи обязанностей акушерки. Но я утѣшала себя надеждой, что не всегда и не вездѣ неизбѣжны трагическіе случаи, притомъ же я не такой уже новичокъ, чтобы мои нервы по прежнему также сильно реагировали въ такихъ случаяхъ.

Предсѣдатель не нашелъ возможнымъ удовлетворить мою просьбу выдать мнѣ нѣсколько денегъ въ счетъ жалованья, необходимыхъ мнѣ для первоначальнаго обзаведенія, потому что это противорѣчило бы постановленію управы; но вмѣсто этого онъ распорядился выдать мнѣ 30 р. не въ счетъ жалованья, а такъ-называемыя *прогонныя*.

Такъ неожиданно полученныя мною деньги были для меня болѣе чѣмъ кстати; на нихъ я купила все необходимое по хозяйству, а также и припасы, которые можно было пріобрѣсти только въ городѣ. Сдѣлавъ всѣ эти покупки, я не нашла нужнымъ дольше оставаться въ незнакомомъ и неинтересномъ для меня городѣ, и въ тотъ же день уѣхала домой въ свое село.

IV.

На другой день я проснулась поздно, потому что почти на разсвѣтѣ вернулась домой. Часовъ въ 11 я пошла въ амбулаторію, предполагая застать тамъ врача, который, какъ мнѣ сказали, тоже наканунѣ вернулся домой. Въ пріемной комнатѣ я застала нѣсколько человѣкъ больныхъ, а въ аптекѣ одного фельдшера; доктора еще не было. Въ ожиданіи его, я пока занялась разсматриваніемъ записей больныхъ въ амбулаторной книгѣ. Въ этомъ занятіи проходитъ около часу; фельдшеръ успѣлъ сходить домой и опять придти, а доктора все нѣтъ. Больные, число которыхъ значительно прибавилось, начинаютъ все громче и громче выражать свое недовольство по поводу того, что ихъ такъ долго не отпускаютъ; нѣкоторые начинаютъ убѣдительно просить, чтобы принять ихъ безъ доктора. Мнѣ тоже начинаетъ казаться страннымъ такое задерживаніе больныхъ. Наконецъ, я спросила у фельдшера,—нельзя ли сообщить доктору о томъ, что его ждутъ больные. На это онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ мнѣ отвѣтилъ, что мнѣ никто не мѣшаетъ это сдѣлать, если у меня есть на это охота. Я была въ недоумѣніи, что̀ мнѣ дѣлать. Съ одной стороны, боялась неумѣстнымъ вмѣшательствомъ на первыхъ же порахъ нажить себѣ недруговъ, а съ другой—мнѣ отъ души жаль было больныхъ, которые томятся продолжительнымъ ожиданіемъ. Не знаю, какъ бы я разрѣшила эту дилемму, но въ это время явилась зачѣмъ-то въ аптеку докторская прислуга, и я рѣшилась попросить ее доложить доктору, что его ждутъ больные. Оказалось, что докторъ сегодня больныхъ принимать не будетъ, потому что чувствуетъ себя нехорошо съ дороги, а принять больныхъ поручаетъ новой фельдшерицѣ вмѣстѣ съ фельдшеромъ.

Хотя раньше я практиковала самостоятельно въ фельдшерскомъ участкѣ, но это совсѣмъ не то, что пріемъ больныхъ во врачебномъ участкѣ, вмѣсто врача,—а потому эта новая роль приводила меня въ немалое смущеніе. Главнымъ образомъ я задумывалась надъ назначеніями для больныхъ, которыя неизбѣжно под-

лежали контролю врача, такъ какъ они записывались въ амбулаторной книгѣ. Но мой страхъ, что мои назначенія будутъ одобрены или, наоборотъ, порицаемы врачемъ, былъ совершенно напрасенъ. Вскорѣ я убѣдилась, что врачъ настолько индифферентенъ къ больнымъ и къ своему дѣлу, что онъ безразлично относится во всякимъ назначеніямъ, лишь бы ему самому отъ нихъ отдѣлаться.

Вслѣдствіе вышеприведенной причины, у меня пріемъ больныхъ на первый разъ сильно затянулся, такъ что я освободилась только часа въ четыре. Я пришла домой, сильно проголодавшись. Утоливъ свой голодъ чѣмъ Богъ послалъ, я принялась за устройство своей квартиры и своего хозяйства.

Сравнительно съ прежними мѣстами моей службы, я здѣсь постепенно устроилась съ бо̀льшимъ комфортомъ.

Къ первоначальной мебели, состоявшей изъ кровати, стола и трехъ табуретовъ, я современемъ прибавила плетеный, деревенскаго издѣлія, диванъ, такихъ же четыре стула, еще столъ и даже маленькій буфетный шкафъ.

Квартирой я, на первыхъ порахъ, была весьма довольна; она была достаточно свѣтла и просторна. Только позднею осенью и зимою сказались ея дурныя стороны. Вслѣдствіе того, что она была очень плохо проконопачена, въ ней страшно дуло, и такъ было холодно, что я принуждена была всю зиму не снимать съ ногъ валеныхъ сапогъ и зачастую дома сидѣть въ шубѣ.

Вопросъ относительно питанія разрѣшился весьма скоро и удобно, потому что всевозможная провизія, включая и говядину, доставалась безъ всякаго труда и по довольно умѣренной цѣнѣ.

V.

Не помню, на который день по пріѣздѣ я, наконецъ, познакомилась съ докторомъ. Знакомство это состоялось въ аптекѣ. Идти и представляться къ нему на квартиру я находила излишнимъ, тѣмъ болѣе, что онъ считался больнымъ.

Докторъ былъ человѣкъ молодой, лѣтъ 30-ти съ небольшимъ, недуренъ собою, но далеко не симпатичной наружности. Въ день нашего знакомства онъ самъ принималъ больныхъ, а затѣмъ я вмѣстѣ съ нимъ пошла въ больницу. Тамъ въ разговорѣ я, между прочимъ, слегка коснулась того, что больные содержатся довольно неряшливо. На это онъ улыбнулся и сказалъ, что наблюденіе за порядкомъ и чистотой, также какъ и завѣдываніе

больничнымъ бѣльемъ будетъ входить въ число моихъ обязанностей; слѣдовательно, мое дѣло будетъ измѣнить все это къ лучшему, хотя главнымъ образомъ все зависитъ отъ недостатка средствъ, отпускаемыхъ земствомъ на больницу.

Съ послѣднимъ я вполнѣ согласиться никакъ не могла, потому что извѣстная степень опрятности требуетъ не средствъ, а вниманія къ интересамъ больныхъ. Но я все-таки рада была этому отвѣту, который уполномочивалъ меня взять въ свои руки это дѣло. Къ сожалѣнію, эта радость была слишкомъ кратковременна. Скоро, даже слишкомъ скоро, по цѣлому ряду послѣдовательныхъ случаевъ я имѣла возможность убѣдиться, что докторъ такъ отвѣтилъ, вѣроятно, только ради того, чтобы на первый разъ прилично отъ меня отдѣлаться.

Въ тотъ же день я приняла больничное бѣлье и была поражена его жалкимъ видомъ. Часть его состояла изъ однихъ лохмотьевъ; другая часть, покрѣпче, поновѣе, была все-таки въ безпорядкѣ; кромѣ того, все бѣлье было въ отвратительныхъ пятнахъ, вѣроятно, отъ меркуріальной мази, втираемой больными и плохо отстирываемой. Чистаго бѣлья было такъ немного, что его едва хватило смѣнить наличнымъ больнымъ. Остальное все было грязное. Надо было поторопиться его скорѣе выстирать, чтобы успѣть приготовить къ слѣдующей смѣнѣ; притомъ же ежеминутно могли привезти новыхъ больныхъ, а бѣлья въ запасѣ, кромѣ простынь и ни на что негоднаго тряпья, ничего не оставалось.

Вотъ тутъ-то и представился первый случай убѣдиться, что моя правоспособность измѣнить что-либо равняется почти нулю.

Для того, чтобы распорядиться чѣмъ-нибудь, прежде всего нужны руки, которыя исполнили бы эти распоряженія, т.-е. опредѣленная больничная прислуга,—а у насъ ее-то и не было, т.-е. была прислуга, но я недоумѣвала, чья она: больничная или лично докторская,—до того ихъ обязанности были спутаны и перемѣшаны. Я знала, что земство выдаетъ жалованье на трехъ прислугъ: на кухарку, прачку и сторожа, но собственно больничной прислуги на-лицо не было ни одной.

Пища для больныхъ готовилась въ кухнѣ при квартирѣ доктора, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила кухней и для него. Въ этой же кухнѣ, на плитѣ, мы должны были готовить нѣкоторыя лекарства, какъ настои, отвары и проч. Тутъ я дѣйствительно видѣла трехъ прислугъ; но одна изъ нихъ была исключительно докторская кухарка, другая готовила пищу больнымъ, но остальное время она тоже была занята докторской работой: стирала и убирала его бѣлье, доила коровъ и т. п. Такъ-называемый

сторожъ былъ чѣмъ угодно, но менѣе всего сторожемъ. Онъ исполнялъ столько разностороннихъ и многосложныхъ обязанностей, что на долю больницы и аптеки у него времени совсѣмъ не оставалось. Онъ былъ докторскимъ кучеромъ, докторскимъ лакеемъ, чистилъ его сапоги и платье, топилъ печи въ его квартирѣ, ходилъ за его многочисленной птицей, коровами, свиньями, каталъ докторское бѣлье и т. п., и т. п.,—всѣхъ обязанностей его и не перечесть.

Этого несчастнаго сторожа буквально рвали во всѣ стороны. Понятно поэтому, что на зовъ нашъ убрать аптеку, перемыть грязную аптечную посуду или сдѣлать что-нибудь необходимое въ больницѣ, онъ не только не торопился откликаться, но очень часто отвѣчалъ грубостями.

Больничная прислуга нанималась и разсчитывалась докторомъ, который получалъ для нихъ жалованье изъ земской управы авансомъ, также какъ и на всѣ расходы по больницѣ и амбулаторіи.

Будучи поэтому въ полной зависимости отъ него, они единственно его одного и считали своимъ хозяиномъ и безпрекословно исполняли всѣ его приказанія, хотя бы они и не имѣли ничего общаго съ ихъ прямыми обязанностями. На насъ же съ фельдшеромъ они не обращали ни малѣйшаго вниманія, и всѣ наши распоряженія оставались неисполненными.

Но все это узнавалось постепенно, посредствомъ горькаго опыта, а сначала я была въ большомъ затрудненіи, кому я должна поручить стирку бѣлья.

Не желая всякими мелочами надоѣдать доктору, я на-удачу обратилась къ той женщинѣ, которая готовила пищу для больныхъ. Но эта отвѣтила, что это не ея дѣло, что у нея и безъ того слишкомъ его много. Оставалось волей-неволей обратиться къ доктору за разрѣшеніемъ какъ этого вопроса, такъ и многихъ другихъ—тождественныхъ. Выслушивая меня, докторъ все больше и больше хмурился и очень сухо сказалъ, что если дѣйствительно необходимо стирать, то онъ распорядится нанять для этого поденщицу; на всѣ же остальные вопросы онъ отвѣтилъ уклончиво и крайне неопредѣленно. Между прочимъ, онъ сказалъ, что для каждаго дѣла нѣтъ опредѣленнаго человѣка, а дѣлается оно тѣмъ, кто въ данное время свободенъ.

Такой отвѣтъ меня совсѣмъ обезоружилъ: изъ него я ясно поняла, что, несмотря на всѣ мои старанія, я въ больницѣ ничего не измѣню ни на одну іоту. Въ концѣ концовъ, распорядиться чѣмъ-нибудь я могла только посредствомъ доктора, кото-

рый лучше зналъ, когда какая прислуга свободна, и которая только его одного и слушалась; т.-е. я должна была только докладывать доктору, что *то* и *то* нужно сдѣлать, а ужъ отъ него зависѣло распорядиться это сдѣлать или нѣтъ. Я привела примѣръ относительно стирки бѣлья; то же самое повторилось, когда нужно было мыть полы, отдавать въ починку бѣлье и т. п. Но это была бы еще небольшая бѣда, еслибы мои напоминанія оказывали немедленно дѣйствіе; но докторъ всегда ихъ выслушивалъ съ такимъ видомъ—точно я ему причиняла личную непріятность, а надлежащее распоряженіе по поводу ихъ дѣлалъ всегда только послѣ неоднократныхъ повтореній, такъ что, убѣдившись въ тщетѣ всѣхъ моихъ попытокъ, я рѣшила въ администрацію больницы не вмѣшиваться. И порядки остались всѣ тѣ же: полы не мылись по 2—3 мѣсяца; бѣлье смѣнялось черезъ 2—3 недѣли; больные зачастую сами шествовали, черезъ весь дворъ, въ кухню за своими порціями, зачастую не только сами топили печи, но даже ходили во дворъ за дровами и т. п.

Что же касается пищи больныхъ, то за нее, при одномъ только намекѣ о ея недоброкачественности, я получила отъ доктора съ самаго начала рѣшительный отпоръ. Онъ прямо сказалъ, что все относящееся къ пищѣ меня нисколько не касается, и что онъ одинъ за нее отвѣчаетъ. Положимъ, что это безспорно, но оставаться равнодушной, видя ежедневно болѣе чѣмъ недоброкачественную пищу, было весьма трудно.

Пища больныхъ состояла изъ двухъ фунтовъ хлѣба и мясныхъ щей въ скоромные дни и щей со снѣтками въ постные—и больше ничего; ни каши, ни картофеля они не получали. Но главная бѣда заключалась не въ количествѣ, а въ качествѣ. Мясо, ради выгоды, даже лѣтомъ, закупали разомъ много, и солили его уже тогда, когда оно окончательно портилось, когда заводились уже черви. Собственно мяса больные не получали. Его клали такъ мало и оно до того разваривалось, что на вилку ничего нельзя было поймать.

При больницѣ былъ громадный огородъ, бо̀льшая часть котораго засѣвалась, какъ бы исключительно для больницы, на земскій счетъ; но изъ продуктовъ этого огорода больные получали только сѣрую кислую капусту, которая заготовлялась на цѣлый годъ—до новой, безъ соли, и потому издавала страшное зловоніе.

И вотъ однажды я дерзнула указать доктору на больничныя щи изъ этой капусты и на плавающихъ въ нихъ червей (кухарка такъ небрежно готовила, что даже не считала нужнымъ предва-

рительно очистить мясо отъ червей), и за это-то я получила вышеупомянутый отпоръ.

Но хуже всего было, когда въ дополненіе ко всему этому попадалась нехорошая мука или неспособная, небрежная кухарка, вслѣдствіе чего и хлѣбъ оказывался несъѣдобнымъ.

Эта ужаснѣйшая пища обходилась—за сифилитиковъ земству, а не за сифилитиковъ за собственный счетъ—по 15 копѣекъ въ день...

Больные изъ ближнихъ деревень и селъ часто получали разную ѣду, приносимую ихъ родными, навѣщавшими ихъ. Эти счастливцы или вовсе отказывались отъ своихъ порцій, или просто выливали ихъ за окно. Даже безродные больные или дальніе, не получавшіе никакихъ приношеній со стороны, предпочитали довольствоваться однимъ хлѣбомъ, когда щи подавались съ особеннымъ добавленіемъ, т.-е. съ червями.

Не знаю почему, только больные никогда не жаловались доктору на пищу. Между тѣмъ какъ при мнѣ, съ самаго начала моего поступленія на службу, они безпрестанно на нее роптали, предполагая, что я властна ее измѣнить, а впрочемъ, можетъ быть, просто для того, чтобы душу отвести.

На этотъ ропотъ мнѣ оставалось только съ душевною болью отвѣчать, что меня это не касается.

Однажды поступили въ больницу двое сифилитическихъ дѣтей, 10-ти и 5-ти лѣтъ. Они были дѣти очень бѣдной вдовы, у которой кромѣ нихъ было еще пять человѣкъ дѣтей. Я сама уговаривала ее помѣстить дѣтей въ больницу, потому что леченіе на дому шло неуспѣшно. Они были ужасно истощены своей пагубной болѣзнью и очень плохимъ питаніемъ. Я разсчитывала, что имъ-то, по всей вѣроятности, будетъ назначено молоко, но я ошиблась: и ихъ посадили на ту же ординарную порцію...

Какъ-то разъ просилась въ больницу женщина, тоже сифилитичка, съ груднымъ ребенкомъ, но докторъ не бралъ ее съ ребенкомъ, несмотря на то, что женщина клялась, что она единственная женщина въ домѣ и ребенка оставить не съ кѣмъ. Коекакъ удалось упросить доктора принять ее, но при этомъ онъ предупредилъ ее, чтобы она не разсчитывала на молоко для ребенка. А въ молокѣ ребенокъ сильно нуждался, потому что у больной матери молока въ груди почти не было. Нужда эта коекакъ удовлетворилась частнымъ образомъ.

Въ усадьбѣ имѣлась баня. Въ началѣ моей службы я, понятно, полагала, что въ этой банѣ моются и больничные больные, главный контингентъ которыхъ составляли сифилитики, упо-

треблявшіе ртутное леченіе, и для которыхъ поэтому ванна или баня была необходима. Недѣли двѣ спустя я обратилась къ доктору съ вопросомъ: „Когда же будетъ баня для больныхъ?“ Докторъ сдѣлалъ удивленное лицо и отвѣтилъ: „Вѣдь вы знаете, что въ этой банѣ я моюсь самъ—какъ же вы могли предположить, что въ той же банѣ будутъ мыться и сифилитики!“

— Въ такомъ случаѣ,—нашлась я, — для больныхъ надо устроить или ванную при больницѣ, или другую баню.

— Да, это-то вѣрно, — сказалъ онъ, — но только земская управа не позаботилась объ этомъ.

Курьезенъ былъ страхъ доктора пускать въ одну баню съ собою сифилитиковъ въ то время, какъ бѣлье отъ тѣхъ же сифилитиковъ стиралось въ той же банѣ, а подчасъ, при недосмотрѣ, кипятилось въ тѣхъ же котлахъ, въ которыхъ грѣлась вода для мытья.

Но какъ бы то ни было, въ теченіе моей полуторагодовой здѣсь службы ни одинъ больной не былъ ни въ банѣ, ни въ ваннѣ, а были такіе, которые лежали въ больницѣ по три и четыре мѣсяца.

Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что пребываніе больныхъ въ нашей больницѣ было для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ *карой Божіей*. И ужъ зато какъ старательно они избѣгали ея!..

Не могли избѣгнуть ея только тѣ несчастные, которые, не имѣя своего *ни кола, ни двора*, проживали у кого-нибудь въ работникахъ, или же болѣзни которыхъ обязательно требовали больничнаго леченія.

Я не помню ни одного случая, чтобы больной выходилъ изъ нашей больницы вполнѣ излеченнымъ, что̀ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что какъ только начинали больные чувствовать малѣйшее облегченіе, они торопились оставить больницу, посылая ей на прощанье всевозможныя проклятія.

VI.

Докторъ имѣлъ привычку уѣзжать иногда на недѣлю и больше, не предупреждая никого изъ насъ объ этомъ и не дѣлая никакого распоряженія на случай прибытія новаго больного въ больницу.

Фельдшеръ неохотно или даже скорѣе вовсе не хотѣлъ принимать больныхъ безъ доктора, но я рискнула нѣсколько разъ это сдѣлать, благо это не было запрещено докторомъ, и эти случаи сошли мнѣ съ рукъ благополучно,—по крайней мѣрѣ, док-

торъ ничѣмъ не выразилъ своего неудовольствія по этому поводу. Положимъ, что были обыкновенные больные, преимущественно сифилитики, принимать которыхъ въ больницу по закону было обязательно, хотя докторъ почему-то охотнѣе принималъ не-сифилитиковъ. Можетъ быть, ради дохода земству, такъ какъ не-сифилитики платили за больничное леченіе.

Но вотъ однажды буря надо мной таки-разразилась. Разъ какъ-то вечеромъ, зимой, привезли больного совсѣмъ умирающаго. Его везли сорокъ верстъ изъ какой-то деревни, гдѣ онъ служилъ рабочимъ въ кузницѣ; это былъ въ полномъ смыслѣ бобыль. Хозяинъ держалъ его у себя, пока больной перемогался, пока онъ надѣялся, что онъ выправится; но когда больной совсѣмъ свалился съ ногъ, тогда хозяинъ поспѣшилъ сплавить его въ чемъ Богъ послалъ въ земскую больницу. Наружный видъ больного былъ просто ужасенъ. Онъ представлялъ собою только одинъ остовъ человѣка; рубище, бывшее на немъ, не только не защищало его отъ сильнаго холода, но едва покрывало его истощенное тѣло. Онъ до того перемерзъ, что дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а зубы его такъ стучали, что онъ долгое время не могъ выговорить ни слова.

Не принять такого больного было невозможно, и я, ни минуты не колеблясь, приняла его, не смотря на отсутствіе доктора. Этому больному уже не леченіе было нужно, а только пристанище и теплый уголъ, гдѣ онъ могъ бы спокойно умереть.

У насъ въ больницѣ была маленькая комната, предназначенная якобы для глазныхъ больныхъ, которыхъ у насъ въ поминѣ не было за все время моей службы, и въ которой стоялъ только шкафъ съ бѣльемъ. Вотъ въ этой-то комнатѣ я и распорядилась помѣстить больного; въ ней сейчасъ же истопили печку, больному надѣли чистое, теплое бѣлье и халатъ, напоили его чаемъ, и больной нашъ ожилъ. Выраженіе признательности не сходило съ его лица все время, пока мы возились съ нимъ. Наконецъ, онъ согрѣлся и выразилъ свои пріятныя ощущенія радостной улыбкой.

Ночь онъ спалъ довольно спокойно. Утромъ я зашла къ нему, и на вопросъ мой, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ поспѣшно отвѣчалъ: „Хорошо, очень хорошо, только ноги что-то не дѣйствуютъ“. Очевидно было, что онъ вовсе не хорошо себя чувствовалъ, и мнѣ казалось, что онъ такъ отвѣчалъ, боясь инымъ отвѣтомъ выказать свою неблагодарность. Спустя еще сутки больной умеръ.

Все населеніе нашего маленькаго царства было ужасно взвол-

новано такимъ небывалымъ въ лѣтописяхъ нашей больницы событіемъ, какъ смерть человѣка. Давая пріютъ въ земской больницѣ этому несчастному умирающему, я, разумѣется, не имѣла ни времени, ни охоты думать о своей личной отвѣтственности за этотъ естественный поступокъ; еще того менѣе я могла думать, что такая естественная вещь, какъ смерть человѣка, можетъ возбудить цѣлую массу предразсудковъ и нагнать такой страхъ на людей, которые, живя при больницѣ, всегда должны ожидать, что въ ней могутъ быть и смертные случаи. Женскій персоналъ прислуги изъ боязни покойника грозилъ разбѣжаться. За моей спиной, изъ-за этого же покойника, часто раздавались разныя ругательства, направленныя по моему адресу. Но на эти мелочи я мало обращала вниманія. Меня больше безпокоилъ вопросъ: куда намъ дѣвать покойника, если докторъ скоро не пріѣдетъ, и какъ имъ вообще распорядиться? Оставлять его лежать въ больницѣ было крайне неудобно, а постройка, именуемая часовней, была занята докторской птицей, убрать которую прислуга безъ доктора на-отрѣзъ отказалась.

Въ такомъ недоумѣвающемъ состояніи засталъ насъ пріѣздъ доктора. Тотчасъ же, узнавъ о покойникѣ, онъ призвалъ меня для объясненій, но, не выслушавъ даже до конца, сказалъ, чтобы впредь я такихъ больныхъ не принимала въ больницу, что такъ какъ для нихъ нѣтъ никакихъ приспособленій, то они причиняютъ массу хлопотъ. Можетъ быть, онъ былъ правъ со своей точки зрѣнія, но и себя считать виноватой я не могла и не могу, и послѣ его выговора, еслибы повторилась такая же исторія, я поступила бы, вѣроятно, точно такъ же.

Не знаю, какъ леченіе шло до меня, но при мнѣ докторъ обращалъ не много вниманія на больницу. Онъ посѣщалъ ее почти исключительно только послѣ напоминанія со стороны насъ, низшихъ медицинскихъ чиновъ. При этомъ онъ всегда задавалъ вопросъ: „А что, развѣ тамъ есть что-нибудь интересное?“ Точно земская больница со своими больными предназначена для изученія врачемъ только интересныхъ случаевъ. Впрочемъ этотъ вопросъ и самъ по себѣ былъ совершенно праздный, потому что для него не существовало интересныхъ больныхъ. Онъ не только относился безучастно ко всѣмъ больнымъ безразлично, но чувствовалъ къ нимъ положительное отвращеніе.

Въ продолженіе моей полуторагодовой службы онъ сдѣлалъ одну ничтожнѣйшую операцію, и ту неудачно.

Когда я поступала на это мѣсто, я разсчитывала, что, служа вмѣстѣ съ врачемъ, я, съ одной стороны, буду имѣть возможность

пополнить подъ его руководствомъ свои собственныя знанія, а съ другой, во всѣхъ затруднительныхъ, въ моей акушерской практикѣ, случаяхъ у меня будетъ къ кому обращаться за содѣйствіемъ.

Что касается перваго, то я очень скоро убѣдилась, что тутъ *взятки-гладки*. А что до содѣйствія, то изъ дальнѣйшаго моего разсказа выяснится, насколько я могла имъ пользоваться.

Теперь перейду къ описанію амбулаторныхъ больныхъ и посѣщеніямъ ихъ на дому, по деревнямъ.

VII.

Амбулаторные больные распредѣлялись въ различные дни недѣли и въ разныя времена года неравномѣрно. Въ будни ихъ бывало гораздо меньше, чѣмъ по воскресеньямъ и праздникамъ; весной и лѣтомъ гораздо меньше, нежели осенью и зимой. Это объясняется тѣмъ, что весной и лѣтомъ они такъ сильно заняты работой, что только тѣ изъ нихъ рѣшаются терять дорогое для нихъ время, чтобы получить медицинскую помощь, которымъ различныя болѣзни не позволяютъ работать.

Въ страдную пору лечатся или тяжело-больные, или случайно, по какимъ-либо дѣламъ бывающіе близко отъ пріемнаго покоя и по пути вспомнившіе о своихъ какихъ-нибудь недугахъ или о недугахъ кого-нибудь изъ своихъ семейныхъ. Впрочемъ, по воскресеньямъ иногда собиралось человѣкъ по 50 и больше. Съ осени же больные постепенно являлись все въ большемъ и большемъ числѣ, такъ что не только по воскресеньямъ, но и въ остальные дни бывали по 50—70 человѣкъ ежедневно.

Чтобы принять и отпустить лекарства такому числу больныхъ, работая втроемъ, надо было на это затратить, по крайней мѣрѣ, 4—5 часовъ; но работали, большей частью, только мы двое съ фельдшеромъ. Докторъ же или дома не бывалъ, а если бывалъ—часто все-таки уклонялся отъ пріема.

Управой было предписано врачу по воскресеньямъ обязательно самому принимать больныхъ, но докторъ мало стѣснялся этимъ предписаніемъ. Иногда онъ для вида съ утра приметъ, бывало, нѣсколько человѣкъ, а уже въ 11—12 часовъ непремѣнно выѣдетъ со двора.

По своему образу жизни докторъ больше походилъ на помѣщика этой усадьбы, нежели на находящагося на службѣ врача. Онъ завелъ большое хозяйство, которому онъ посвящалъ боль-

шую часть своего времени, когда бывалъ дома. По утрамъ онъ всегда отправлялся дѣлать обзоръ своему хозяйству и отдавать по поводу его надлежащія приказанія сопровождавшему его больничному сторожу. Если все обстояло у него благополучно, то сравнительно онъ возвращался довольно скоро. Но въ такомъ большомъ хозяйствѣ не всегда обходилось безъ какихъ-либо упущеній или маленькихъ несчастій, и тогда уже трудно было разсчитывать на то, чтобы онъ въ тотъ день принималъ больныхъ. Но мы съ фельдшеромъ, не посвященные въ его хозяйственныя дѣла и ничего о нихъ не вѣдая, ежедневно съ утра ожидали его прихода въ аптекѣ для пріема больныхъ. Обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что, выведенные изъ терпѣнія долгимъ ожиданіемъ и ропотомъ больныхъ, мы посылали къ нему напомнить объ ожидавшихъ его больныхъ. Но не всегда это оказывало надлежащее дѣйствіе. Чаще всего, въ особенности если онъ бывалъ озабоченъ въ это время чѣмъ-нибудь постороннимъ, онъ присылалъ отвѣтъ, чтобы мы принимали пока больныхъ безъ него, а онъ послѣ зайдетъ.

Иногда я пробовала не напоминать ему о больныхъ, желая посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ; но у меня никогда не хватало терпѣнія довести эту пробу до конца, да и невозможно было, если не относиться вполнѣ индифферентно къ больнымъ. Фельдшеръ, служившій здѣсь уже два года, такъ привыкъ къ этимъ порядкамъ, что пересталъ уже ими возмущаться, и частенько, тщетно прождавши нѣкоторое время доктора, уходилъ на квартиру и ложился спать, а спать онъ могъ во всякое время. Я же въ этихъ случаяхъ такъ волновалась, что никакимъ другимъ дѣломъ заняться не была въ состояніи, а если и уходила домой, то слѣдомъ за мной являлись въ мою квартиру больные, Христомъ Богомъ умаливая отпустить ихъ скорѣе. Сожалѣя этихъ бѣдныхъ больныхъ бѣдняковъ, потерявшихъ такъ много времени, и сама крайне раздраженная напрасно потеряннымъ утромъ, я, въ концѣ концовъ, все-таки посылала къ доктору узнать, придетъ ли онъ принимать больныхъ, или, по крайней мѣрѣ, получить отъ него санкцію на пріемъ ихъ и безъ него.

Очень часто во время самаго пріема являлись посланные отъ трудныхъ больныхъ. Если это были такіе больные, для которыхъ нѣсколько часовъ не составляло большой разницы, то обыкновенно кто-нибудь изъ насъ, по назначенію врача или по обоюдному соглашенію, ѣздилъ къ нимъ по окончаніи пріема.

Если же требовалась немедленная помощь, въ такомъ случаѣ приходилось оставлять всю массу больныхъ на одного изъ

насъ и ѣхать во время самаго пріема. Такъ какъ фельдшеръ имѣлъ гораздо больше навыка въ приготовленіи лекарства и вообще проворнѣе меня справлялся съ больными, то я всегда предпочитала лучше ѣхать къ больному, чѣмъ оставаться одной съ массой больныхъ.

Но не всегда мнѣ это удавалось: случалось, что докторъ по какимъ-нибудь соображеніямъ командировалъ фельдшера ѣхать. Если при этомъ докторъ самъ принималъ больныхъ, то мнѣ одной отпускать больныхъ было еще не особенно трудно, но онъ или самъ въ это время уѣдетъ куда-нибудь, или приметъ нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ уйдетъ къ себѣ, сказавъ, что онъ сейчасъ вернется, а пока я могу безъ него принимать.

Мнѣ особенно памятенъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ. Это было въ воскресенье осенью, когда больныхъ бываетъ всегда много. Фельдшеръ передъ этимъ взялъ трехдневный отпускъ и куда-то уѣхалъ; онъ долженъ былъ къ воскресенью вернуться, но почему-то не вернулся. Докторъ же, вѣроятно, разсчитывая, что фельдшеръ все-таки вернется, въ этотъ же день утромъ уѣхалъ на именины. Увидя изъ окна своей квартиры, что докторъ уѣзжаетъ, я поспѣшила скорѣе въ аптеку, зная, что ни на какую помощь мнѣ разсчитывать нечего.

Больныхъ въ этотъ день, какъ нарочно, собралось очень много. Записанныхъ было больше 80, подъ конецъ же пріема я перестала ихъ записывать.

Въ этотъ день мнѣ пришлось исполнять обязанности, кромѣ своихъ, не только доктора и фельдшера, но также и сторожа, который, замѣняя доктору кучера, уѣхалъ съ нимъ. Такимъ образомъ, я должна была не только принимать больныхъ и отпускать имъ лекарства, но перемывать ступки, мензурки и прочую аптечную посуду, которая поминутно требовалась для приготовленія различныхъ лекарствъ; кромѣ того, постоянно бѣгать въ кухню, чтобы тамъ на плитѣ дѣлать разные отвары и настои. Само по себѣ это дѣло было нетрудное и привычное, потому что сторожъ всегда и раньше, и позже этого появлялся въ аптекѣ въ видѣ метеора, которому не успѣешь что-либо сказать, какъ онъ уже исчезъ; оно отнимало только много времени, что̀ въ этотъ разъ было особенно ощутительно.

Больные все время не переставали роптать на то, что имъ такъ долго приходится ожидать своей очереди. Хотя этотъ ропотъ не былъ направленъ прямо противъ меня, но тѣмъ не менѣе онъ ужасно меня волновалъ. Я начинала торопиться, и не опредѣливъ хорошенько болѣзни, а по первымъ бросившимся въ глаза

симптомамъ стала отпускать лекарства и притомъ самыя несложныя. Эта торопливость, въ свою очередь, также вызывала во мнѣ недовольство собой, хотя путемъ разсужденія я неминуемо каждый разъ приходила къ заключенію, что мнѣ больше ничего не оставалось дѣлать. Если даже не обращать вниманія на ропотъ больныхъ, то я одна, при тщательномъ отношеніи къ больнымъ, не могла бы съ ними справиться раньше ночи, а тутъ къ тому же во время пріема явилось двое съ требованіемъ ѣхать къ двумъ труднымъ больнымъ. Въ продолженіе пріема отъ волненія и голода у меня нѣсколько разъ дѣлалось сильное головокруженіе, но по-неволѣ, подбодренная видомъ и гуломъ массы больныхъ, я опять продолжала работать. Наконецъ, проработавъ безостановочно 9 часовъ подъ-рядъ, не ѣвши, не пивши, я кончила пріемъ, послѣ чего вздохнула съ такимъ облегченіемъ, точно гора съ плечъ свалилась. Затѣмъ я еще сходила въ больницу, снесла лекарства больнымъ, закусила нà-скоро и поѣхала въ деревню за 20 верстъ. Другой посланный не дождался конца пріема и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Я до того была измучена и утомлена, что голова не держалась на плечахъ, и, сидя въ телѣгѣ, я качалась изъ стороны въ сторону. На половинѣ дороги я встрѣтила фельдшера, ѣхавшаго домой. Я не могла удержаться, чтобы не осыпать его упреками за то, что, по милости его неаккуратности, я должна была вынести такой душевно и физически-мучительный день. Онъ приводилъ какія-то оправдывающія его обстоятельства, но я въ раздраженіи не стала даже ихъ слушать и велѣла ѣхать дальше.

Въ деревню я пріѣхала уже ночью, а потому осталась тамъ ночевать, и утромъ пріѣхала домой. Здѣсь меня ожидалъ нечаянный сюрпризъ: докторъ и фельдшеръ оба дулись на меня. Нежданно-негаданно я же оказалась провинившеюся. Докторъ, игнорируя все остальное, придрался къ тому, что я не имѣла права ѣхать къ больной, не оставивъ никого при пріемномъ покоѣ и больницѣ. Тактика врача поразила меня своею неожиданностью. Дѣйствительно, всегда выгоднѣе нападать, чѣмъ защищаться. Но я тоже, не сознавая за собой никакой вины, не стала защищаться, и на замѣчаніе доктора отвѣтила полнымъ молчаніемъ, хотя сказать могла бы многое, но сказать что-либо— значило бы поссориться, а поссориться—надо было бы уволиться, а уволиться я еще не хотѣла. Фельдшеръ же, получивъ выговоръ отъ доктора за то, что не вернулся къ воскресенью, подумалъ, что я виною этого выговора, и тоже злился на меня нѣкоторое время.

VIII.

Докторъ настолько не любилъ свое врачебное дѣло, что не только къ крестьянамъ, но даже и къ людямъ состоятельнымъ ѣздилъ крайне неохотно. Къ крестьянамъ онъ ѣздилъ очень рѣдко и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, напр., когда, по донесенію полиціи, надо было констатировать появленіе какой-нибудь эпидеміи или освидѣтельствовать какого-нибудь побитаго. Впрочемъ, и въ этихъ случаяхъ чаще всего командировался кто-нибудь изъ насъ.

Къ людямъ состоятельнымъ онъ ѣздилъ только тогда, когда за нимъ присылали хорошій, удобный экипажъ (онъ получалъ, кромѣ 1.400 р. жалованья, еще 400 р. разъѣздныхъ). Понятно, что, вслѣдствіе такого презрительнаго отношенія къ своему дѣлу, населеніе мало-по-малу начало ему платить тѣмъ же: стало его тоже игнорировать и непосредственно обращаться за помощью ко мнѣ или фельдшеру, смотря потому, кто по роду болѣзни былъ для нихъ удобнѣе.

Пока такъ поступали только крестьяне, самолюбіе доктора отъ этого, повидимому, нисколько не страдало, потому что онъ относился къ этому не только равнодушно, но былъ даже радъ, что его не безпокоятъ. Но мало-по-малу и состоятельные люди стали, вслѣдствіе небрежности къ нимъ доктора, обходить его и обращаться тоже къ намъ. Вотъ тогда у нашего доктора заговорило самолюбіе, а можетъ быть, и что-нибудь иное...

Но не давать намъ разрѣшенія ѣздить по этимъ приглашеніямъ онъ никакъ не могъ.

Однажды пріѣхалъ священникъ верстъ за 50 просить меня къ своей больной женѣ.

Я, по обыкновенію своему, послала его за разрѣшеніемъ къ доктору; докторъ почему-то наотрѣзъ отказалъ ему; онъ опять ко мнѣ съ мольбой ѣхать,—я ему повторила прежнее, что безъ разрѣшенія ѣхать не могу; онъ вторично пошелъ къ доктору и на этотъ разъ принесъ разрѣшеніе, полученное послѣ угрозы сейчасъ же поѣхать въ городъ жаловаться въ управу. Постепенно докторъ настолько потерялъ свой престижъ, какъ докторъ, что даже прежніе его хорошіе знакомые, у которыхъ онъ часто бывалъ запросто, перестали обращаться къ нему и, какъ будто ему наперекоръ, присылали за мной или за фельдшеромъ хорошій экипажъ и хорошихъ лошадей.

Спохватился докторъ, но вернуть упущенное оказалось не-

возможно. Вмѣсто того, чтобы признать силу и значеніе пословицы: „чтò посѣешь—тò и пожнешь“, онъ почему-то приписалъ, безо всякаго на то основанія и повода, свою непопулярность моимъ проискамъ и интригамъ, вслѣдствіе чего, по мѣрѣ того, какъ росла его непопулярность, онъ сталъ все болѣе и болѣе враждебно относиться ко мнѣ.

Впрочемъ это была не единственная его вражда ко мнѣ: изъ нѣкоторыхъ, хотя поверхностныхъ, разговоровъ со мной, изъ образа моей жизни, онъ могъ ясно видѣть, что я человѣкъ не его воззрѣній, не его направленія, что если я не выражаю протеста противъ всѣхъ совершаемыхъ имъ злоупотребленій по службѣ, то не потому, что я ихъ не замѣчаю или оправдываю ихъ,—напротивъ, я всей душой, хотя молча, осуждаю его и возмущаюсь всѣми его поступками. Видѣть передъ собою постоянно человѣка, молча осуждающаго и порицающаго его, само по себѣ непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ знать, какъ долго продлится мое молчаніе; можетъ наступить время, когда я вздумаю заговорить, и тогда можетъ обнаружиться передъ управой вся его дѣятельность въ настоящемъ свѣтѣ. Но я была очень далека отъ всякой мысли взять на себя добровольно такую несимпатичную роль. считая, что земство само, если оно дѣйствительно стоитъ на стражѣ интересовъ населенія, всегда, посредствомъ своихъ гласныхъ, можетъ дѣлать надлежащую оцѣнку дѣятельности всѣхъ своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, даже въ отдаленныхъ пунктахъ.

Почувствовавъ его, пока затаенную, вражду, я еще больше подтянулась и вѣчно была на-сторожѣ, стараясь не давать ему ни малѣйшаго повода придраться къ чему-либо, чтò касалось моихъ служебныхъ обязанностей.

Онъ, повидимому, ждалъ случая, а пока мстилъ мнѣ на почвѣ разныхъ хозяйственныхъ мелочей: онъ отнялъ у меня право пользоваться подваломъ, ледникомъ, баней; чтобы я какъ-нибудь не могла воспользоваться послѣдней украдкою, безъ его вѣдома, онъ держалъ ключъ отъ нея у себя въ кабинетѣ; не давалъ мнѣ помѣщенія для коровы или, вѣрнѣе, ежедневно грозилъ выгнать ее изъ занимаемаго ею стойла; наотрѣзъ отказался дать какое-либо помѣщеніе для запасеннаго на зиму сѣна для той же коровы. На мои напоминанія о томъ, что пора ремонтировать мою квартиру, въ которой зимой можно только волковъ морозить, а не людямъ жить, онъ всегда только отмалчивался, но никакихъ распоряженій по этому поводу не дѣлалъ. Всѣ эти мелочи были, однако, для меня очень чувствительны, потому что обойтись безъ

всего этого, живя въ усадьбѣ, отдаленной отъ деревни и города, было почти невозможно.

Но я все еще надѣялась, что это какъ-нибудь обойдется; вмѣшивать же въ эти дрязги земскую управу мнѣ крайне не хотѣлось.

Во время этихъ ограниченій всякихъ моихъ правъ сильно заболѣваетъ жена доктора, съ которой я раньше была знакома, но это знакомство было прекращено, какъ только она вышла замужъ за доктора, и, понятно, по иниціативѣ послѣдняго. И вотъ, во время ея болѣзни, докторъ присылаетъ за мной и убѣдительно проситъ меня помочь ему ходить за женой. Болѣзнь ея была серьезная, а онъ былъ до того растерянъ и безпомощенъ, что мнѣ и въ голову не приходило отказать ему въ этомъ. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца я почти всѣ ночи провела у ея постели, а если я когда уходила къ себѣ домой ночевать, то неизбѣжно ночью являлся отъ него посланный за мной. И я бѣгу, скорѣе всунувъ босыя ноги въ туфли и на-ходу надѣвая капотъ, и застаю его чуть не рыдающимъ, вслѣдствіе какой-нибудь, даже ничтожной, перемѣны съ нею.

Не говоря уже о томъ, что во все время болѣзни жены онъ самъ никогда не заходилъ ни въ аптеку, ни въ больницу, онъ и меня, въ продолженіе пріема, отрывалъ къ нимъ по нѣскольку разъ. Онъ въ это время дѣйствительно былъ достоинъ сожалѣнія, и я невольно забыла о своей распрѣ съ нимъ. Наконецъ, больная, хотя медленно, но начала поправляться, и я стала рѣже ее навѣщать; но когда увидѣла, что мои услуги уже ненужны, я перестала къ нимъ ходить совсѣмъ.

Спустя нѣкоторое время, она стала выходить гулять по двору и, къ моему удивленію, при встрѣчѣ со мною, не только не поклонилась мнѣ, но даже отвернулась, а докторъ сталъ въ прежнія натянуто-оффиціальныя отношенія со мною. Я не ждала и не желала отъ нихъ никакой благодарности, но, тѣмъ не менѣе, такое почти неправдоподобное отношеніе ко мнѣ, сейчасъ послѣ того, какъ они такъ долго и такъ безцеремонно пользовались моими услугами, не могло не оскорбить меня.

Это было лѣтомъ. Фельдшеръ уѣхалъ въ отпускъ на мѣсяцъ, а въ это же время докторъ собрался со своей женой куда-то на воды, для окончательнаго поправленія ея здоровья. Я осталась почти одна; я говорю—почти, потому что управа прислала временнаго фельдшера, который мало того, что не имѣлъ никакихъ медицинскихъ знаній, но оказался крайне недобросовѣстнымъ по отношенію къ крестьянамъ. Онъ никогда не возвращался отъ

больныхъ крестьянъ безъ того, чтобы телѣга не была нагружена живностью и разными другими продуктами—вынужденными дарами пользуемыхъ имъ крестьянъ. Въ аптекѣ онъ тоже такъ безцеремонно хозяйничалъ, что я принуждена была всѣ цѣнныя и сильно дѣйствующія средства держать всегда подъ запоромъ и ключи хранить у себя.

Въ продолженіе докторскаго отпуска пріѣзжалъ два раза по воскресеньямъ принимать больныхъ другой земскій врачъ изъ города. Обходиться безъ доктора намъ было не привыкать-стать; но пока докторъ хоть жилъ при пріемномъ покоѣ, этотъ послѣдній все-таки имѣлъ всѣ аттрибуты легальности, а съ отъѣздомъ доктора, легализировать пріемный покой пришлось командированіемъ сюда врача хоть на нѣсколько часовъ.

Докторъ возвратился въ концѣ лѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились преслѣдованія меня исключительно на хозяйственной почвѣ.

У меня, наконецъ, истощилось всякое терпѣніе. Чтобы оградить себя на будущее время отъ этихъ мелочныхъ дрязгъ, я, взявши у доктора оффиціальный отпускъ, поѣхала въ городъ и попросила управу указать мнѣ, какими надворными постройками я имѣю право пользоваться для своего домашняго обихода. Предсѣдатель и въ этотъ разъ, какъ и прежде, принялъ меня весьма любезно. Онъ удивлялся нашей распрѣ съ докторомъ изъ-за такихъ мелочей, тѣмъ болѣе, что докторъ до сихъ поръ постоянно на его вопросы отзывался обо мнѣ самымъ лестнымъ образомъ. Онъ очень сожалѣлъ о возникшихъ между нами недоразумѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что, не имѣя ничего и противъ доктора, онъ въ то же время слышалъ стороной, что населеніе относится ко мнѣ очень хорошо, чему онъ весьма радъ и за что можетъ выразить мнѣ свою искреннюю благодарность; но что онъ все-таки надѣется, что все это уладится къ всеобщему удовольствію, что онъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлаетъ для этого все отъ него зависящее, напишетъ доктору или лично ему скажетъ, чтобы мнѣ было предоставлено все необходимое, и чтобы немедленно было приступлено къ ремонтировкѣ моей квартиры.

Я выѣхала изъ города въ самомъ радужномъ настроеніи, будучи невольно польщена такой лестной оцѣнкой моей скромной работы со стороны управы.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этой поѣздки, гоненія были на время прекращены; мнѣ были возвращены отнятыя права по части хозяйственныхъ построекъ; только баней я могла пользоваться не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія доктора. Но чувствовалось,

однако, по всему, что это только плохое перемиріе, что возобновленіе войны не долго заставитъ себя ждать. Все-таки я, ободренная словами предсѣдателя и видя на каждомъ шагу хорошее отношеніе къ себѣ населенія, наряду съ озлобленіемъ этого же населенія противъ доктора, чувствовала нѣкоторую самоувѣренность и не ожидала отъ этой войны никакой для себя опасности.

IX.

Я уже упомянула, что, при вступленіи моемъ на эту должность, предсѣдатель мнѣ сказалъ, что главная моя обязанность будетъ заключаться въ подачѣ акушерской помощи. Фактически же мои обязанности оказались весьма разнообразны, но я на это нисколько не роптала,—напротивъ, я была этому очень рада, потому что, съ одной стороны, я бы скучала безъ дѣла, а съ другой, мое самолюбіе сильно бы страдало, еслибы я не сознавала себя необходимымъ звеномъ медицинской организаціи; собственно же акушерской помощи первое время требовалось весьма мало.

Но мало-по-малу и этого рода практика стала расширяться, потому что, вслѣдствіе разсказовъ, передаваемыхъ изъ одной деревни въ другую, крестьяне стали сознавать, что гораздо цѣлесообразнѣе обращаться къ акушеркѣ за помощью, нежели къ своимъ доморощеннымъ бабкамъ.

Въ этой практикѣ встрѣчались случаи легкіе и тяжелые, правильные и неправильные. Въ послѣднихъ случаяхъ я обязана была приглашать врача, но онъ, подъ всевозможными предлогами, или просто безъ всякихъ предлоговъ, всегда уклонялся отъ подачи подобной помощи, и мнѣ волей-неволей приходилось одной справляться и при неправильныхъ родахъ.

Мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія, въ октябрѣ, къ намъ поздно вечеромъ пріѣхалъ искать акушерской помощи мужичокъ верстъ за сорокъ. Дорога была отвратительная; ѣхалъ онъ съ ранняго утра; онъ самъ и его лошаденка были совершенно измучены, такъ что нечего было и думать ѣхать на этой же лошаденкѣ сейчасъ же обратно. Я послала мужика къ доктору, а докторъ написалъ мнѣ записку, чтобы я немедленно собралась ѣхать. Я была вполнѣ увѣрена, что онъ тоже поѣдетъ со мной, такъ какъ, по разсказу мужика, можно было предположить, что потребуется помощь и врача, а посылать за нимъ вторично за 40 верстъ могло оказаться совершенно безполезнымъ для больной, потому что помощь могла бы придти слишкомъ поздно. Я зашла

въ аптеку, приготовила взять съ собою все, что̀ могло понадобиться, и послала сказать доктору, что я со своей стороны готова. На это я получаю отвѣтъ, чтобы я сама зашла къ нему. Вотъ тутъ только выяснилось, что ѣхать мнѣ приходится одной; впрочемъ онъ былъ настолько предусмотрителенъ, что предложилъ мнѣ, если я желаю, свернувъ только пять верстъ въ сторону, заѣхать за фельдшеромъ изъ нашего медицинскаго участка, который можетъ оказаться мнѣ чѣмъ-нибудь полезнымъ. Волей-неволей я должна была подчиниться такому рѣшенію, но ѣхать было не на чемъ. Пришлось командировать пѣшеходомъ сторожа въ деревню верстъ за шесть, за лошадьми.

Лошади прибыли въ 12 часовъ ночи. Темь была такая, что, сидя въ телѣгѣ, я не видѣла ни лошадей, ни ямщика. Послѣ большой грязи порядочно подморозило, такъ что къ осенней темной ночи присоединилась и убійственная дорога. Ѣхать можно было только шагомъ; къ тому же ямщикъ поминутно слѣзалъ съ козелъ, чтобы удостовѣриться, такъ ли мы ѣдемъ.

Ѣхали мы всю ночь, и часовъ въ 7 утра, не доѣзжая до мѣста верстъ восемь, намъ попался на-встрѣчу посланный предупредить меня, что ѣхать дальше мнѣ незачѣмъ, потому что тамъ все кончилось благополучно.

Такая непроизводительная затрата времени, силъ и труда случалась иногда въ земской практикѣ, хотя сравнительно рѣже, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе большія разстоянія и несвоевременность обращенія.

Хотя мнѣ было крайне досадно, что я понапрасну тряслась по такой мучительной дорогѣ, но мнѣ оставалось въ утѣшеніе, что могло случиться гораздо хуже, что женщина могла и умереть, пока я доѣхала бы къ ней.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ случаевъ я уже не стала разсчитывать на помощь доктора въ акушерской практикѣ и старалась всегда обходиться одна, не обращаясь къ нему. Но въ послѣднее время моей службы, когда изъ вражды ко мнѣ онъ могъ это обратить въ орудіе противъ меня, я рѣшила быть осторожнѣе и не брать на себя, даже по его распоряженію, такихъ случаевъ, которые по закону требуютъ только помощи врача. Тяжелые больные зачастую поручались мнѣ не только по акушерству, но и по всѣмъ родамъ болѣзней.

Однажды, когда я собиралась ѣхать къ одной дальней больной и зашла въ аптеку взять съ собою необходимыя средства, докторъ, котораго я застала въ аптекѣ, предложилъ мнѣ заѣхать еще къ другой больной, свернувъ для этого съ моей дороги

верстъ 12 въ сторону. Я про эту больную стала разспрашивать тутъ же стоявшаго крестьянина, мужа этой больной. Изъ его отвѣтовъ можно было заключить, что у больной ущемленіе пупочной грыжи. Я отказалась наотрѣзъ ѣхать къ этой больной, во-первыхъ, потому, что я разомъ не могла ѣхать къ двумъ больнымъ, а во-вторыхъ, вправленіе грыжи не всегда удается и часто сопровождается очень опасными осложненіями, послѣдствія которыхъ я вовсе не желала брать на свою отвѣтственность. Долго мы пререкались съ докторомъ по этому поводу, наконецъ я ему сказала, что онъ не имѣетъ никакого права требовать, чтобы я ѣхала къ такой больной, ѣхать къ которой онъ обязанъ самъ.

Послѣ этого я ушла домой, тамъ нѣсколько замѣшкалась, но поѣхала. Выѣхавши за ворота, я за ними не увидѣла лошадей, присланныхъ отъ вышесказанной больной, и рѣшила, что, должно быть, докторъ уже уѣхалъ на нихъ. Каково же было мое удивленіе, когда, проѣхавъ поворотъ къ этой больной, мой извозчикъ заговорилъ съ сожалѣніемъ о ней, что она должна погибнуть изъ-за доктора!

— Какъ такъ?—сказала я:—вѣдь докторъ поѣхалъ къ ней?

— Нѣтъ, не поѣхалъ,—отвѣчалъ онъ:—мужъ-то ейный мнѣ сказывалъ, когда вышелъ изъ аптеки, что не ѣдетъ докторъ-то. А жалко бѣднягу! Индѣ заплакалъ, когда уѣзжалъ отсюда.

Это извѣстіе меня очень взволновало, и я въ душѣ уже раскаявалась, что не поѣхала. Долгое время я чувствовала укоры совѣсти изъ-за этой больной. Думалось: а можетъ быть, я и помогла бы ей! Впослѣдствіи, какъ я ни старалась, я не могла узнать, что̀ сталось съ этой больной: поправилась ли она, или умерла.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого пріѣзжаетъ крестьянинъ верстъ за двадцать по первому санному пути и проситъ ѣхать къ его женѣ, которая мучается родами уже пятыя сутки. Я сообщила объ этомъ доктору и настаивала, чтобы и онъ поѣхалъ со мною, потому что, по разсказу крестьянина, я была убѣждена, что потребуется серьезная операція. На это онъ отвѣчалъ мнѣ, что я могу пока ѣхать одна, а если онъ потребуется, то онъ сейчасъ же пріѣдетъ, какъ только я ему дамъ знать.

Я продолжала настаивать, но мои настаиванія ни къ чему не привели: мнѣ пришлось ѣхать одной.

Пріѣхавъ къ больной, я сейчасъ же убѣдилась, что роды могутъ окончиться только посредствомъ щипцовъ.

Не отпрягая лошадей, крестьянинъ вторично отправился по той же дорогѣ за докторомъ.

Больная, чтобы быть подальше отъ людей, помѣстилась въ задней избѣ, нежилой и ни разу нетопленной, а потому въ ней было ужасно холодно и сыро. Я попросила протопить печку; печку истопили, но я, будучи занята около больной, не замѣтила, когда ее закрыли, и спохватилась только тогда, когда отъ угара у меня стала сильно кружиться голова. Дѣло дошло до того, что я, какъ снопъ, повалилась на лавку и не въ состояніи была поднять головы. Осталась надежда только на пріѣздъ доктора.

Лежа на лавкѣ, я съ такимъ нетерпѣніемъ и тревогой ожидала доктора, что малѣйшій шумъ и стукъ во дворѣ вызывалъ во мнѣ радостное волненіе, и я пыталась подняться, чтобы пойти узнать, не докторъ ли пріѣхалъ, но голова такъ кружилась, что, не успѣвъ подняться, я опять падала на лавку.

Больная же притихла, не стала стонать. Тишина эта показалась мнѣ зловѣщей; мною сталъ овладѣвать мучительный страхъ, что больная умретъ, не дождавшись помощи доктора.

Тревога моя ежеминутно ростетъ, я то-и-дѣло окликаю больную, чтобы убѣдиться, что она еще жива; время тянется для меня такъ медленно, что я прихожу въ отчаяніе и начинаю терять надежду на пріѣздъ доктора.

Прошло часовъ шесть съ тѣхъ поръ, какъ послано за нимъ. Наконецъ, ясно слышу, что кто-то въѣхалъ во дворъ. Къ этому времени я начала чувствовать себя уже нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ настолько, что я выскочила во дворъ, гдѣ встрѣтила крестьянина одного, подающаго мнѣ щипцы и бутылку съ хлороформомъ.

На мой вопросъ: гдѣ же докторъ?—крестьянинъ отвѣтилъ, что доктора онъ не засталъ дома, а щипцы далъ ему фельдшеръ, которому докторъ оставилъ ихъ, когда уѣзжалъ изъ дому. Изъ этихъ словъ я ясно поняла, что докторъ поспѣшилъ спастись бѣгствомъ, чтобы не быть вынужденнымъ поѣхать на роды, когда я за нимъ пришлю. Очевидно, онъ ждалъ, что я пришлю за нимъ, чему служатъ доказательствомъ оставленные имъ фельдшеру щипцы, которые хранились у него, и бутылка хлороформа, который, къ слову сказать, безъ доктора уже ни въ какомъ случаѣ не могъ быть употребленъ. Трудно передать словами тѣ разнородныя чувства, которыя овладѣли мною въ тотъ моментъ, когда я узнала, что докторъ не пріѣхалъ. Такой недобросовѣстности я даже отъ него не ожидала. Сначала я совершенно упала духомъ и рѣшительно не знала, на что рѣшиться. Взять на себя всецѣло всю отвѣтственность за исходъ этой операціи—было само по себѣ весьма рискованно, а въ данномъ случаѣ присоединилось

то неблагопріятное обстоятельство, что я сама, вслѣдствіе угара, едва стояла на ногахъ.

Но послѣ непродолжительнаго раздумья и нѣкотораго колебанія состраданіе къ несчастной умирающей женщинѣ взяло, наконецъ, верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, и я рѣшилась испытать свои силы; къ тому же я въ это время вспомнила, что въ двухъ верстахъ отсюда живетъ одинъ изъ нашихъ фельдшеровъ, который хоть чѣмъ-нибудь можетъ быть мнѣ полезенъ, хотя бы даже какъ болѣе или менѣе свѣдущій свидѣтель.

Я сейчасъ же упросила хозяина съѣздить за нимъ, а пока занялась приготовленіемъ къ операціи.

Фельдшеръ пріѣхалъ, но долго ворчалъ, зачѣмъ его понапрасну безпокоили, такъ какъ онъ совершенно несвѣдущъ въ этомъ дѣлѣ; но я его успокоила тѣмъ, что отъ него потребуется только слѣдить за больной, пока я буду накладывать щипцы.

Какъ мнѣ удалось благополучно окончить всю эту операцію, я хорошенько въ этомъ не могу себѣ отдать отчета; знаю только, что въ продолженіе ея меня три раза выводили во дворъ, вслѣдствіе дѣлавшагося со мною обморока.

Когда все было окончено и для больной миновала всякая опасность, я отъ радости готова была прыгать по избѣ и всѣхъ цѣловать; но мало-по-малу отъ всѣхъ перенесенныхъ волненій наступила реакція, и я почувствовала сильную слабость, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось остаться ночевать у больной.

Утромъ пріѣзжаетъ докторъ. Зачѣмъ?.. Объ этомъ я его не спросила, но нужно думать, что, съ одной стороны, предполагая все дѣло такъ или иначе оконченнымъ, а съ другой—считая болѣе безопаснымъ пріѣхать поздно, чѣмъ никогда, онъ, узнавъ дома, что я еще не вернулась, рѣшился пріѣхать.

Затѣмъ приведу еще одинъ случай, происшедшій незадолго передъ нашей окончательной ссорой съ докторомъ.

На этотъ разъ требовалось подать помощь женщинѣ тоже въ родахъ, но по разсказу ея мужа было очевидно, что окончаніе этихъ родовъ требовало еще болѣе сложной операціи, нежели въ предъидущемъ случаѣ, потому что, кромѣ неправильнаго положенія съ выпаденіемъ ручки, у этой женщины было, продолжавшееся уже нѣсколько дней, сильное кровотеченіе.

На этотъ разъ я настойчиво потребовала отъ доктора, чтобы онъ поѣхалъ вмѣстѣ со мной, отказываясь въ противномъ случаѣ ѣхать къ этой больной. Повторилась старая исторія; но я уперлась и рѣшительно отказывалась ѣхать одна. Наконецъ, онъ со-

гласился ѣхать, но не вмѣстѣ со мной, а обѣщалъ пріѣхать на своихъ лошадяхъ слѣдомъ за мною.

Я захватила съ собою для справокъ руководство по акушерству и разныя необходимыя средства и поѣхала. Больную я застала въ такомъ плохомъ состояніи, что шансовъ на ея спасеніе осталось весьма немного.

Я приготовила все необходимое для предстоявшей операціи и въ ожиданіи доктора просматривала въ руководствѣ о пріемахъ и способахъ ея производства. Послѣднее оказалось весьма нелишнимъ, потому что когда докторъ пріѣхалъ, онъ предложилъ дѣлать эту операцію мнѣ, причемъ чистосердечно сознался, что онъ не только никогда не дѣлалъ, но даже никогда не видѣлъ ее.

Я тоже нѣсколько колебалась, во-первыхъ, потому, что сознавала и себя слишкомъ мало для этого свѣдущей, а во-вторыхъ, я боялась, что больная можетъ умереть во время самой операціи, такъ какъ она была уже очень плоха.

Наконецъ, я рѣшилась; но, приступая къ операціи, я была въ такомъ страшномъ волненіи, что у меня руки тряслись и я дрожала всѣмъ тѣломъ.

Но какова же была моя радость, когда все окончилось очень быстро и очень удачно!.. Передать словами эту радость невозможно Это была минута такого полнаго счастья и блаженства, что одна такая минута можетъ искупить и вознаградить цѣлый годъ разныхъ невзгодъ и лишеній. Этими минутами бываетъ только красенъ нашъ трудъ, ими однѣми уже достаточно вознаграждается нашъ братъ,—понятно, если видитъ цѣль и смыслъ жизни не въ одномъ только сытомъ и безмятежномъ существованіи.

Какъ велика можетъ быть радость видѣть моментально возвращеннаго къ жизни безнадежно больного—видно было по доктору, которому тоже сообщилась эта радость. Онъ все время моихъ манипуляцій оставался пассивнымъ зрителемъ, если не считать, что онъ слѣдилъ за пульсомъ больной и, по мѣрѣ надобности, давалъ ей мускусъ.

Въ ту минуту, когда все было окончено, онъ, оставивъ свой обычный равнодушно-важный видъ, заговорилъ со мной взволнованнымъ, прерывистымъ голосомъ и почти дружескимъ тономъ, между тѣмъ какъ до этого мы уже давно говорили другъ съ другомъ только тогда, когда этого требовали служебныя отношенія. Между прочимъ, онъ мнѣ высказалъ свое удивленіе, что все совершилось, повидимому, такъ легко, просто и скоро, между тѣмъ какъ онъ представлялъ себѣ такія техническія трудности, которыя требуютъ очень продолжительныхъ и сложныхъ пріемовъ.

Подъ продолжавшимся вліяніемъ радостнаго волненія онъ предложилъ мнѣ даже ѣхать вмѣстѣ съ нимъ домой на его лошадяхъ, а я подъ тѣмъ же вліяніемъ согласилась на это. Но эти добрыя отношенія прекратились, какъ только мы вернулись домой; дома же не замедлили возстановиться старыя, т.-е. враждебныя.

X.

Въ одномъ изъ фельдшерскихъ пунктовъ, принадлежащемъ къ нашему медицинскому участку, служилъ фельдшеръ во всѣхъ отношеніяхъ неважный и крайне нелюбимый населеніемъ, которое неоднократно на него жаловалось доктору и просило замѣнить его другимъ. Но докторъ почему-то на всѣ эти, часто не безосновательныя, жалобы не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, почему населеніе, убѣдившись въ тщетѣ ихъ, наконецъ ихъ прекратило.

Вдругъ совершенно неожиданно получается изъ земской управы бумага объ увольненіи упомянутаго фельдшера и о временномъ назначеніи на его мѣсто нашего фельдшера, впредь до назначенія новаго.

Послѣднее распоряженіе насъ крайне удивило. Со словъ доктора, съ которымъ я имѣла по этому поводу разговоръ, выяснилось, что все это случилось по его иниціативѣ. Это было на второй годъ моей службы, позднею осенью, когда число больныхъ значительно прибываетъ, и мы вдвоемъ съ фельдшеромъ съ трудомъ управлялись. И вотъ, въ такое горячее время, докторъ нашелъ возможнымъ услать нашего фельдшера въ командировку.

Въ послѣднее время я стала прихварывать, что̀ было не безъизвѣстно доктору, и я побаивалась, что мнѣ не въ моготу будетъ управиться одной; поэтому какъ-то спросила доктора:— Неужели намъ никого не пришлютъ на помощь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—когда я просилъ земскую управу объ увольненіи К., я писалъ, что нахожу возможнымъ командировать нашего фельдшера на его мѣсто, а мы пока обойдемся одни.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—если вы этимъ недовольны, то потрудитесь написать бумагу объ этомъ, и я немедленно отошлю въ управу. Можетъ быть, управа и вышлетъ кого-нибудь вамъ на помощь,—добавилъ онъ иронически.

Я поняла, что мнѣ разставлена ловушка. Чтобы не попасть въ нее, мнѣ нужно было большое усиліе и значительное напряженіе физическихъ силъ.

Хотя мнѣ пришлось работать изо дня въ день, какъ поденщицѣ, хотя подчасъ я изнемогала отъ этой работы, чувствуя сильный упадокъ силъ, но я дала себѣ слово не сдаваться и не дать доктору возможности выжить меня со службы такимъ способомъ. Это придавало мнѣ небывалую выносливость и энергію.

Докторъ, съ своей стороны, первое время выказалъ небывалое усердіе къ службѣ. Но во всѣхъ его дѣйствіяхъ ясно сквозило, что это рвеніе имѣло единственнымъ источникомъ только желаніе поймать меня въ какой-либо неисправности.

Онъ, который бывалъ въ больницѣ разъ въ нѣсколько дней, сталъ посѣщать ее ежедневно въ разное время и всегда безъ меня. Въ аптеку онъ тоже заходилъ каждый день, часто до моего прихода, чтобы посмотрѣть, все ли на мѣстѣ и въ порядкѣ. Случалось, что, работая поздно вечеромъ въ аптекѣ, не уберешь какую-нибудь банку или бутылку на мѣсто, и за это неизмѣнно на другой день я получала замѣчаніе въ неакуратности.

Но больныхъ онъ принималъ по прежнему небрежно и по прежнему не ѣздилъ къ нимъ на домъ.

Больные же сравнительно много теряли. Прежде, вдвоемъ съ фельдшеромъ, мы имѣли возможность почти никому изъ нихъ не отказывать въ помощи, причемъ они привыкли уже получать эту помощь отъ насъ, а не отъ доктора; но въ это время я одна не имѣла никакой физической возможности ѣздить ко всѣмъ тѣмъ, которые этого просили; подобныя же просьбы какъ разъ въ это время значительно участились, потому что появилась эпидемія тифа и скарлатины.

Не получая ни отъ кого требуемой помощи, населеніе стало роптать, и на доктора посыпались съ разныхъ сторонъ жалобы въ земскую управу, съ просьбой доложить ихъ на разсмотрѣніе земскому собранію, которое скоро должно было открыться.

До меня доходили слухи объ этихъ жалобахъ, и я должна сознаться, что онѣ вызывали во мнѣ чувство злорадства; повидимому, докторъ самъ попался въ разставленную имъ мнѣ ловушку. Послѣдствія показали, что мое злорадство было преждевременно.

Моя напряженная работа продолжалась мѣсяца полтора. За все это время я ни разу не поѣла во-время и ни разу не выспалась какъ слѣдуетъ. Мой рабочій день начинался въ 6 ч. утра и кончался часто поздно ночью, потому что рѣдкій день не приходилось, по окончаніи отпуска амбулаторныхъ больныхъ, ѣхать куда-нибудь въ деревню, вернувшись откуда, я должна была отпустить туда же какія-нибудь лекарства.

Но и послѣ этого я никогда не могла быть увѣрена, что

спокойно засну, такъ какъ нерѣдко и зá-полночь пріѣзжали или отъ больныхъ, или отъ рожениць. И помимо этого вообще спать приходилось все-таки мало. Необходимо было вставать рано, чтобы сдѣлать все нужное въ больницѣ до прихода туда доктора, привести все въ порядокъ въ аптекѣ и приготовить заранѣе нѣкоторыя лекарства, которыя чаще всего требовались, чтобы во время пріема не такъ задерживать больныхъ.

Такимъ образомъ, хотя въ ущербъ своему здоровью, но я выдержала этотъ искусъ до конца. Докторъ за все это время не нашелъ возможности сдѣлать мнѣ болѣе серьезныхъ замѣчаній, чѣмъ вышеупомянутыя. Подъ конецъ онъ самъ сталъ торопить управу назначеніемъ фельдшера въ участокъ, чтобы вернуть нашего.

Но безъ стычекъ это время у насъ не обошлось; поводомъ послужила моя квартира. Начиная съ августа, я неоднократно ему напоминала, что необходимо ремонтировать мою квартиру пока тепло, потому что, вслѣдствіе многочисленныхъ щелей въ стѣнахъ, въ ней съ наступленіемъ холодовъ жить будетъ невозможно. Напоминая объ этомъ, я знала, что онъ давнымъ-давно получилъ отъ управы не только полномочіе, но и деньги авансомъ для этой цѣли. Онъ меня все водилъ, водилъ; наконецъ, въ концѣ сентября я узнаю стороной, что мастера наняты. Черезъ нѣкоторое время оказалось, что мастера эти оклеиваютъ потолки и стѣны во всѣхъ комнатахъ его собственной квартиры, хотя только годъ тому назадъ она была зá-ново отдѣлана. Это меня ужасно взорвало и разозлило, и я рѣшительно ему сказала, что если немедленно не приступятъ къ ремонтировкѣ моей квартиры, то я буду вынуждена просить управу назначить мнѣ другое помѣщеніе, въ которомъ была бы возможность жить зимою.

Чтò же докторъ дѣлаетъ!?.. Онъ присылаетъ мнѣ одного рабочаго, который отдираетъ обои, натаскиваетъ въ комнату глины, пакли и исчезаетъ на цѣлую недѣлю.

Я перебираюсь на квартиру фельдшера, пользуясь его отсутствіемъ. Затѣмъ этотъ рабочій, спустя недѣлю, въ продолженіе которой онъ работалъ у доктора, является опять на день и опять исчезаетъ; наконецъ, онъ запьянствовалъ и пересталъ совсѣмъ являться на работу. Докторъ же ни за что не хотѣлъ нанять другого мастера, во-первыхъ, потому, что онъ забралъ нѣсколько денегъ впередъ, а во-вторыхъ, ему не было равнаго по дешевизнѣ.

Такимъ образомъ, ремонтировка, которая требовала 4—5 рабочихъ дней, продолжалась полтора мѣсяца.

Вытекало ли это просто изъ небрежнаго отношенія доктора къ моимъ интересамъ, или это былъ одинъ изъ вновь имъ при-

думанныхъ способовъ травли — рѣшить не берусь, но склонна предполагать скорѣе послѣднее; во-первыхъ, потому, что докторъ самъ говорилъ нѣкоторымъ лицамъ, что онъ не успокоится, пока такъ или иначе не выживетъ меня, и что онъ увѣренъ, что скоро этого достигнетъ. Во-вторыхъ, послѣдующія обстоятельства послужили яснымъ доказательствомъ, что цѣлый рядъ поступковъ по отношенію ко мнѣ былъ систематически разсчитанъ на то, чтобы вызвать во мнѣ сильное раздраженіе, во время котораго я могла наговорить ему различныхъ дерзостей, а это послужило бы ему достаточнымъ мотивомъ къ жалобѣ на меня.

Для меня оставался одинъ исходъ—увольненіе отъ службы; но, къ сожалѣнію, я къ этому не прибѣгла.

Раньше я этого не сдѣлала, потому что, не сознавая за собой никакой вины и имѣя на своей сторонѣ расположеніе всего окрестнаго населенія и хорошее отношеніе ко мнѣ земской управы, считала себя въ правѣ пока игнорировать всѣ притѣсненія доктора и ждать, чѣмъ кончится земское собраніе.

Но на земскомъ собраніи почему-то управой не была прочитана ни одна изъ вышеупомянутыхъ жалобъ на врача. Какъ это объяснить—я навѣрное не знаю. Злые языки объясняли это тѣмъ, что незадолго передъ этимъ нашъ докторъ женился на родной племянницѣ предсѣдателя, причемъ послѣдній фигурировалъ на свадьбѣ даже въ качествѣ шафера. Даже послѣ такого факта я все-таки продолжала твердо уповать на справедливость управы по отношенію ко мнѣ.

Нѣсколько разъ у меня являлась мысль уволиться и при этомъ, объясняя причину, вполнѣ открыть управѣ глаза на дѣянія доктора; послѣднее я считала возможнымъ сдѣлать только при условіи собственнаго увольненія.

Но каждый разъ, при одной мысли оставить это мѣсто, мнѣ дѣлалось очень тяжело и грустно. Это было первое и, какъ я убѣдилась впослѣдствіи, послѣднее мѣсто, гдѣ, въ силу разныхъ обстоятельствъ, между мною и населеніемъ успѣла въ короткое время моей службы установиться довольно прочная нравственная связь. Я чувствовала, что эта связь съ каждымъ днемъ упрочивается все больше и больше, и я искренно, сердечно полюбила всѣхъ этихъ Building Ивановъ, Сидоровъ, Степановъ, Матренъ и Степанидъ, которымъ я въ разное время и въ разныхъ случаяхъ подавала посильную помощь, и которые, въ свою очередь, кто какъ умѣлъ, выражали свое чувство благодарности и преданности. Чувство благодарности у громаднаго большинства выражалось такъ трогательно и задушевно, что работать и тру-

диться для нихъ составляло не трудную обязанность, а скорѣе пріятное удовольствіе. Въ продолженіе моей службы я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь изъ населенія сказалъ мнѣ хоть одно грубое или рѣзкое слово. Вездѣ, куда я ни пріѣзжала, кого бы я ни встрѣчала,—всюду и у всѣхъ я находила привѣтливыя улыбки и ласковыя рѣчи. Я очень далека отъ мысли, чтобы эти хорошія отношенія приписывать своему умѣнію или искусству. Нѣтъ, напротивъ, я всецѣло приписываю ихъ кореннымъ свойствамъ самого населенія, удаленнаго отъ цивилизованныхъ центровъ, не вкусившаго еще отъ плодовъ его, а потому сохранившаго въ цѣлости всѣ свои симпатичныя патріархальныя стороны.

Не надѣясь обрѣсти такихъ отношеній съ населеніемъ на другомъ мѣстѣ, я не могла рѣшиться сразу и добровольно уйти съ этого мѣста, гдѣ многое и многіе были дороги моему сердцу.

Послѣ долгихъ колебаній и раздумья и по совѣту многихъ лицъ, горячо мнѣ сочувствовавшихъ, игравшихъ не послѣднюю роль въ нашемъ участкѣ, я рѣшила ждать терпѣливо, что̀ будетъ дальше, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ этихъ маневрахъ доктора чувствовалось своего рода безсиліе. Человѣкъ, сильный своимъ правомъ или чувствующій свою силу въ поддержкѣ другихъ лицъ, не сталъ бы дѣйствовать посредствомъ такихъ недостойныхъ уловокъ, а прямо заявилъ бы въ управѣ, что такая помощница ему негодится, и просилъ бы замѣнить ее другою, безъ объясненія мотивовъ, а просто ставя это условіемъ продолженія своей службы.

Но онъ предпочелъ первый способъ—значитъ, онъ самъ находилъ свое положеніе шаткимъ, таковымъ же находили его всѣ окрестные жители, въ томъ числѣ многіе гласные. На основаніи всего этого я рѣшила не торопиться развязкой, чувствуя, что она такъ или иначе и безъ того скоро наступитъ.

XI.

Ждать пришлось недолго. Но болѣе нелѣпаго, болѣе смѣшного повода, послужившаго исходной точкой къ развязкѣ, трудно было придумать.

Разъ какъ-то, въ сумерки, я услышала изъ своей квартиры голосъ доктора, въ сильномъ раздраженіи кричавшаго на кого-то во дворѣ. Вслѣдъ за этимъ является ко мнѣ сторожъ съ требованіемъ отъ доктора выйти къ нему во дворъ.

Ничего не подозрѣвая, я вышла и была встрѣчена со стороны доктора цѣлымъ потокомъ брани, сопровождаемой топаньемъ

ногъ. Совершенно ничего не понимая, насколько возможно спокойно, я попросила его прежде всего объяснить, въ чемъ дѣло. Но добиться отъ него этого было невозможно.

Я видѣла только искаженное злобой лицо, слышала съ какимъ-то шипѣніемъ и захлебываніемъ вылетающія отрывистыя фразы. Всѣхъ ихъ я не помню, но для образчика приведу нѣсколько, болѣе другихъ оставшихся у меня въ памяти:—Дерзость ваша доходитъ уже до нахальства... Больше терпѣть ихъ не намѣренъ!.. Я прекращу эти издѣвательства... Черезъ 24 часа вашего духа не будетъ здѣсь!.. Я васъ сотру съ лица земли!!!..—И, все болѣе и болѣе повышая голосъ, онъ, наконецъ, началъ мнѣ говорить „ты“ и съ сжатыми кулаками подступать ко мнѣ все ближе и ближе.

Сначала я оторопѣла, а затѣмъ, постепенно раздражаясь отъ такихъ, ничѣмъ незаслуженныхъ, оскорбленій, я, въ свою очередь, ему сказала, что я служу не ему, а земству; а если дѣло дойдетъ до земской управы, то я имѣю право надѣяться, что если кто-нибудь будетъ вышвырнутъ со службы, то, во всякомъ случаѣ, не я первая, и что о немъ я дѣйствительно имѣю сообщить управѣ очень много интереснаго.

Тутъ онъ окончательно озлился и съ пѣной у рта сталъ наступать на меня и требовать, чтобы я сказала, что̀ я про него могу сказать въ управѣ. Не знаю, чѣмъ кончилась бы эта возмутительная сцена, еслибы на выручку не явился во дворъ фельдшеръ, привлеченный сюда шумомъ и громкими криками; хотя довольно пассивно, но онъ заступился за меня, и подъ его прикрытіемъ я благополучно вернулась въ свою квартиру.

Потомъ уже я узнала, что весь *сыръ-боръ* загорѣлся, въ буквальномъ смыслѣ, изъ-за навоза.

Въ одной и той же конюшнѣ, имѣющей четыре перегородки, помѣщались двѣ лошади и корова доктора, а также и моя корова. Навозъ изъ-подъ лошадей и коровы доктора чистилъ сторожъ. За неимѣніемъ свободнаго времени, я никогда не заглядывала къ своей коровѣ, наблюденіе за которой было предоставлено всецѣло моей прислугѣ. Въ этотъ день моя прислуга мнѣ заявила, что необходимо вычистить навозъ изъ стойла нашей коровы, которая страдаетъ отъ черезъ-чуръ большого его накопленія. Я поручила ей нанять для этого какого-нибудь поденщика; но она почему-то сама заблагоразсудила это сдѣлать, но, не имѣя силъ убрать его изъ конюшни, она его пока пригребла въ сторонкѣ, чтобы онъ никому не мѣшалъ. Мало интересуясь подобными вещами, я ей только попеняла, зачѣмъ она берется не за свое дѣло, и сейчасъ же забыла о такой маловажной, по моему, вещи. Но не такъ

взглянулъ на это докторъ. Навѣщая своихъ лошадей по нѣскольку разъ въ день, онъ зашелъ въ конюшню вечеромъ, какъ разъ послѣ чистки, и, увидя горку навоза, пришелъ въ ярость. Онъ потребовалъ на объясненіе сторожа, и когда тотъ ему сказалъ, что это дѣло рукъ моей кухарки, то потребовалъ и меня на расправу, причемъ и произошла вышесказанная сцена.

Сцена эта, само собою разумѣется, произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Я чувствовала себя глубоко оскорбленной ею и рѣшила увольненіемъ не допустить возможности ея повторенія.

На другой день утромъ я узнала, что докторъ очень рано уѣхалъ въ городъ, а уѣзжая—говорилъ, что онъ вернется не иначе, какъ съ моимъ увольненіемъ.

Хотя я не допускала и мысли о подобной возможности, но, тѣмъ не менѣе, сочла за лучшее тоже поѣхать сейчасъ же въ городъ. Пріѣхала я поздно ночью, а на другой день часовъ въ 11 пошла въ управу.

Въ управѣ я застала только членовъ; предсѣдатель былъ въ это время въ губернскомъ земскомъ собраніи, а вернуться долженъ былъ не раньше, какъ дней черезъ десять. Въ управѣ я узнала, что докторъ еще не приходилъ.

Не пускаясь въ подробности о сценѣ, которую мнѣ устроилъ докторъ, я только заявила одному изъ членовъ, что я, вслѣдствіе крайне обострившихся отношеній съ докторомъ, желаю уволиться совсѣмъ со службы. Членъ управы удивился этому и сталъ упрашивать меня повременить, пока пріѣдетъ предсѣдатель, съ которымъ они сообща постараются уладить это дѣло такъ, чтобы я оставалась у нихъ на службѣ, но не вмѣстѣ съ докторомъ; при этомъ онъ спросилъ у меня, буду ли я согласна на переводъ въ городъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ сильно затруднилъ меня, потому что служба въ городѣ мнѣ казалась мало привлекательной, и я сказала ему, что сейчасъ не могу дать отвѣта, но подумаю объ этомъ.

Въ заключеніе своего разговора съ членомъ, я прибавила, что, не желая ничего голословно говорить про злоупотребленія, существующія у насъ, я покорнѣйше прошу управу командировать туда какое-нибудь довѣренное лицо, которое на мѣстѣ могло бы собрать свѣденія о нихъ.

Въ тотъ же день я вернулась домой, а спустя дня два—и докторъ. Онъ прожилъ нѣсколько дней дома и вторично уѣхалъ въ городъ. На этотъ разъ я за нимъ не поѣхала, будучи увѣ-

рена, что управа ничего не порѣшитъ, не вызвавъ меня для объясненія; притомъ же я предупредила возможность увольненія меня управой и ждала развязки безъ особеннаго волненія.

Черезъ нѣсколько дней докторъ вернулся домой, какъ мнѣ передавали, съ сіяющимъ и торжествующимъ видомъ, и объявилъ всѣмъ, что на-дняхъ мнѣ пришлютъ увольненіе.

Вспоминая о тогдашнемъ моемъ настроеніи, я сама теперь не мало удивляюсь, почему я съ такимъ упорствомъ не допускала и мысли о возможности неправильныхъ дѣйствій со стороны управы по отношенію ко мнѣ. Я почему-то тогда слѣпо вѣрила, хотя не была ни очень молода и ни очень неопытна, что достаточно чувствовать себя правой, чтобы не бояться за прочность своего положенія.

Я себѣ даже представить не могла, чѣмъ можетъ управа мотивировать мое увольненіе, и продолжала твердо не вѣрить въ ея возможность, несмотря на сіяющій видъ возвратившагося доктора. Я была вполнѣ увѣрена, что управа, вслѣдствіе моей просьбы и доходившихъ до нея слуховъ, сдѣлаетъ тщательное разслѣдованіе на мѣстѣ, во время котораго она убѣдится о совершенной безполезности для населенія доктора, и что затѣмъ онъ будетъ удаленъ со службы. Такъ думала я, но управа разсудила совсѣмъ иначе.

XII.

Разъ какъ-то утромъ, не больше, какъ черезъ недѣлю послѣ возвращенія доктора, является ко мнѣ акушерка, служившая до сихъ поръ въ городѣ, и объявляетъ, что она прислана сюда на мое мѣсто, причемъ вручаетъ мнѣ бумагу отъ управы, въ которой послѣдняя приглашаетъ меня немедленно прибыть въ городъ для объясненія.

Не ожидая ничего подобнаго, я была сильно поражена этимъ внезапнымъ прибытіемъ на мое мѣсто—даже не фельдшерицы, а просто акушерки. Такая поспѣшность со стороны управы, не считавшей даже нужнымъ никакія предварительныя объясненія со мной, глубоко меня оскорбила. Чувство горькой обиды не покидало меня цѣлый день, но оказалось, что это еще не горьчайшая, что это были цвѣточки этого дня, а ягодки ожидали меня къ вечеру.

Прибывшая акушерка была мнѣ нѣсколько знакома раньше, а потому, оправившись нѣсколько отъ нанесеннаго ею мнѣ не-

вольно удара, по долгу гостепріимства, я пригласила ее обѣдать вмѣстѣ съ ея мужемъ, тоже пріѣхавшимъ съ нею.

За обѣдомъ я узнала отъ нея, что она къ вечеру ждетъ свою мебель и разныя вещи на двухъ-трехъ возахъ. Безъ вещей я еще могла ихъ кое-какъ помѣстить въ своей квартирѣ, хотя въ это время, кромѣ моей семьи, у меня гостила еще моя сестра, но помѣстить тутъ же такое большое количество громоздкихъ вещей было абсолютно невозможно. Я имъ объяснила это, да и безъ всякихъ объясненій это должно было быть для нихъ самихъ очевидно. Я посовѣтовала имъ поставить мебель въ каретникѣ, пока я, вернувшись изъ города, очищу совсѣмъ квартиру.

Но, повидимому, акушерка имѣла на это другой взглядъ. Сейчасъ послѣ обѣда она ушла къ доктору, и вслѣдъ за этимъ я получаю отъ него оффиціальную бумагу съ требованіемъ, чтобы я немедленно очистила квартиру для вновь прибывшей акушерки. На это требованіе я ему отвѣтила, что управа вызываетъ меня на объясненіе, но о моемъ увольненіи пока и рѣчи нѣтъ; еслибы даже управа меня уволила, то для очистки квартиры долженъ быть назначенъ опредѣленный срокъ, а потому я пока не только не очищу квартиру, но и не намѣрена, какъ прежде предполагала, помѣстить у себя акушерку съ мужемъ. Я считала себя совершенно въ правѣ такъ поступить, послѣ того, какъ она вздумала посредствомъ доктора насильно водвориться въ занятой еще мною квартирѣ.

Это было уже къ вечеру. Въ это время за мной прислали изъ ближней усадьбы; я уѣхала, разсчитывая, что вопросъ о квартирѣ покончень. Вернулась я очень скоро, и вотъ что̀ представилось моимъ глазамъ по пріѣздѣ домой.

Двери моей квартиры открыты настежъ, и въ нее нѣсколько мужиковъ таскаютъ, съ близь стоящихъ возовъ, разную мебель, какъ-то: шкафъ, комодъ, диванъ, кресла и кровати, и проч., и проч. Это въ квартиру состоящую изъ крошечной кухни и одной комнаты, заставленной моими вещами!..

Все это было наставлено и нагромождено кое-какъ въ сѣняхъ, въ кухнѣ и комнатѣ, вслѣдствіе чего ни одна дверь не могла затворяться.

Картина такого насильственнаго вторженія, такого безчеловѣчнаго насилія надо мной и моей сестрой, которая отъ страха и холода искала спасенія въ кровати за занавѣской, потрясла меня до глубины души.

Я потребовала отъ распоряжавшейся тутъ же акушерки и ея

мужа, чтобы они немедленно убрали свои вещи куда имъ угодно— иначе я не отвѣчаю за могущія произойти послѣдствія.

Не помню, чтò они на это отвѣтили; знаю только, что мужики, вносившіе вещи, понявъ изъ моихъ словъ, въ чемъ дѣло, не только перестали вносить ихъ, нò поспѣшили отодвинуть отъ проходовъ мебель, которая мѣшала затворить дверь въ комнату. Я прошла въ комнату и, опасаясь вторичнаго вторженія, заперла дверь на крючокъ. Вся комната и кухня были загромождены внесенной уже мебелью, видъ которой, напоминая о вынесенной обидѣ, не давалъ мнѣ возможности ни на минуту успокоиться.

Но горькая чаша этого дня не была испита до дна.

Не прошло и четверти часа, какъ кто-то постучался въ дверь. Не отпирая, я спросила: „кто тамъ?"

Голосъ доктора отвѣчалъ мнѣ: „отворите!"

Я принуждена была отворить. Онъ, не входя въ комнату, а придерживаясь рукой за дверь, грубымъ тономъ спросилъ:—Какъ вы смѣете не подчиняться моимъ приказаніямъ? Я могу васъ сейчасъ же выселить изъ квартиры насильственнымъ образомъ!— Въ заключеніе онъ нанесъ мнѣ тяжелое оскорбленіе такимъ выраженіемъ, которое никто не стерпитъ.

Не помня себя, я бросилась на него, но рука моя стукнулась объ дверь, потому что онъ, вѣроятно, ожидая личной непріятности, успѣлъ захлопнуть ее. Послѣ этого я не помню, чтò было со мною. У меня сдѣлался нервный припадокъ, и я тутъ же упала. Очнулась я уже на кровати и увидѣла хлопотавшую около меня сестру.

Нѣтъ возможности описать то ужасное состояніе, которое я тогда испытывала. Даже теперь, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, я безъ внутренняго содроганія не могу вспомнить о всѣхъ перенесенныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ.

Придя въ себя и вспомнивъ все происшедшее, я хотѣла сейчасъ же ѣхать въ городъ, но меня уговорили дождаться утра, такъ какъ было уже очень поздно.

Всю ночь я проходила изъ угла въ уголъ, волнуясь и дрожа всѣмъ тѣломъ. Мнѣ казалось, что эта мучительная ночь никогда не кончится.

Рано утромъ подали лошадей, и я поѣхала въ городъ.

Послѣ неудачнаго вторженія ко мнѣ, докторъ распорядился отбить замокъ въ квартирѣ отсутствующаго фельдшера, и акушерка со своимъ мужемъ поселилась въ ней.

Дорогой я узнала отъ моего ямщика, что ему врученъ докторомъ пакетъ для передачи въ земскую управу, о чемъ ему

строго-на́-строго приказано мнѣ не говорить, но изъ расположенія ко мнѣ онъ счелъ своимъ долгомъ все-таки мнѣ сказать.

Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ содержалъ въ себѣ донесеніе о вчерашнихъ событіяхъ, само собою разумѣется, въ искаженномъ видѣ.

XIII.

По пріѣздѣ въ городъ, я явилась въ управу. Предсѣдатель встрѣтилъ меня любезнѣе, чѣмъ когда-либо, привѣтствовалъ меня дружескимъ пожатіемъ руки, и я не успѣла рта разинуть, какъ онъ возвѣстилъ мнѣ, что я переведена въ городскую больницу, гдѣ мнѣ будетъ несравненно лучше, удобнѣе и выгоднѣе. Я очень холодно приняла эту вѣсть и заявила, что я больше служить не желаю въ такомъ земствѣ, которое не можетъ или не хочетъ гарантировать своихъ служащихъ отъ всяческихъ обидъ и оскорбленій, мало того—даже само ихъ причиняетъ; при этомъ я пыталась разсказать о происшествіяхъ вчерашняго дня. Но предсѣдатель, съ очевидно преднамѣренной цѣлью не давая мнѣ и слова сказать объ этомъ, очень мягко и любезно прерывалъ меня и заводилъ разговоръ опять о заманчивости и выгодности службы въ городѣ. На мою новую попытку заговорить о вчерашнемъ, онъ сказалъ, что управа все это знаетъ, и чтобы оградить меня отъ чего-либо подобнаго, она и постановила перевести меня, причемъ продолжалъ уговаривать меня согласиться взять это мѣсто.

Я продолжала настаивать на своемъ увольненіи, говоря, что я смотрю на свой переводъ въ городъ вовсе не какъ на повышеніе, а какъ на наказаніе, а этому я ни въ какомъ случаѣ подвергнуться не желаю, не считая его заслуженнымъ.

Но предсѣдатель объ увольненіи и слышать не хотѣлъ. Къ нему присоединился еще одинъ изъ членовъ управы и вдвоемъ убѣждали меня согласиться, предлагали сейчасъ же сдѣлать постановленіе о прибавкѣ мнѣ жалованья,—точно тутъ вопросъ шелъ о рубляхъ. Не было недостатка и въ увѣреніяхъ, что управа очень цѣнитъ мое отношеніе къ дѣлу, и потому весьма дорожитъ мною, что если я съумѣла въ такой глуши пріобрѣсти всеобщее расположеніе, то въ городѣ меня ожидаетъ еще высшая оцѣнка.

Въ концѣ концовъ, я была подкуплена такимъ, повидимому, искренно хорошимъ ко мнѣ отношеніемъ и согласилась на пере-

водъ. Впрочемъ въ моемъ согласіи не послѣднюю роль играло соображеніе, сначала подъ вліяніемъ обидъ смутное, а потомъ все болѣе выяснявшееся, что получить увольненіе легко, но прожить среди зимы съ сестрой до полученія новаго мѣста, не имѣя въ запасѣ и рубля, будетъ болѣе чѣмъ трудно.

Получивъ мое согласіе, предсѣдатель предоставилъ на мое полное усмотрѣніе время переѣзда, причемъ онъ сейчасъ же распорядился написать доктору, чтобы меня не стѣсняли ни въ чемъ, и тѣмъ паче въ квартирѣ, право пользованія которой предоставлено мнѣ до самаго переѣзда.

Предсѣдатель простеръ свою любезность до того, что указалъ мнѣ въ городѣ удобную квартиру, которую совѣтовалъ нанять теперь же.

Въ то время, когда предсѣдатель говорилъ со мной, ему подали пакетъ отъ доктора. Онъ распечаталъ его и тутъ же прочиталъ. По поводу этой бумаги онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ членомъ управы, изъ которыхъ я поняла, что докторъ проситъ прислать на мѣсто одного изъ членовъ.

Меня при этомъ не только ничего не спросили, но когда я вновь попыталась заговорить о томъ, что̀ содержалось, по всей вѣроятности, въ донесеніи доктора, предсѣдатель не сталъ меня слушать, а только все твердилъ:—Успокойтесь, успокойтесь! больше это не повторится. Вы будете ограждены отъ всякаго оскорбленія.

Страннымъ мнѣ нѣсколько казалось то непобѣдимое упорство, съ которымъ предсѣдатель не давалъ мнѣ возможности сказать что-либо о докторѣ.

Я объясняла себѣ это только тѣмъ, что въ это время въ управѣ было много постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ помѣщикъ изъ нашего края. Повидимому, онъ не желалъ выносить „соръ изъ избы“.

Въ тотъ же день я наняла квартиру и уѣхала собираться въ путь-дорогу.

Дома мнѣ сообщили, что за время моего отсутствія наша больница такъ преобразилась, что ее трудно узнать. Я изъ любопытства заглянула туда и была удивлена той волшебной перемѣной, какой она подверглась. Не говоря уже о томъ, что докторскіе хомуты и сбруи, намазанные дегтемъ и для просушки повѣшенные въ палатахъ больныхъ, были отсюда унесены, что больные одѣты во все чистенькое, но полы были такъ чисто выскоблены и вымыты, что просто непонятно было, какъ могли довести ихъ до такого состоянія послѣ того, какъ ихъ не мыли

ни разу въ теченіе всей зимы. Потолки были выбѣлены, обои вездѣ подправлены.

Однимъ словомъ, больница приняла совершенно праздничный видъ.

Эта спѣшная уборка, чистка служила для непосвященныхъ большой загадкой. Я разрѣшила имъ эту загадку, сказавъ, что сюда ѣдетъ, по приглашенію доктора, членъ управы.

Дѣйствительно, на другой день членъ управы, изъ бывшихъ волостныхъ писарей, пріѣхалъ и остановился у доктора. Переночевавъ у него, онъ на другой день утромъ посѣтилъ съ нимъ больницу, пообѣдалъ и уѣхалъ. Онъ не только ничего не спрашивалъ ни у меня, ни у фельдшера, но даже не счелъ нужнымъ повидаться съ кѣмъ-либо изъ насъ.

Ничего подобнаго какому-либо разслѣдованію онъ не производилъ, если не считать, какъ мнѣ передавали послѣ, что докторъ при немъ призывалъ сторожа, чтобы тотъ подтвердилъ, что я, будто бы разъяренная, бросилась на доктора, вооруженная кочергой. Эта вымышленная исторія съ кочергой служила долгое время, среди помѣщиковъ, неизсякаемымъ источникомъ всевозможныхъ остротъ по адресу доктора.

Дня два-три спустя по возвращеніи моемъ изъ города подлетаетъ къ моему крыльцу лихая тройка съ наборной сбруей, съ бубенчиками и колокольчиками, впряженная въ крытый возокъ. Всѣ въ нашемъ дворѣ встрепенулись отъ такого небывалаго явленія. Съ такимъ шикомъ еще ни за кѣмъ изъ насъ никто не пріѣзжалъ. Это жена одного изъ мировыхъ судей, желая устроить нѣчто въ родѣ демонстраціи, съ такимъ парадомъ прислала за мной для какой-то больной. Такъ какъ я больше не служила, то сначала отказывалась ѣхать, но посланный утверждалъ, что просили пріѣхать именно меня, а не новую акушерку. Я поѣхала и застала тамъ цѣлое общество сосѣднихъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ гласныхъ. Оказалось, что больная—пустой предлогъ, а хотѣли меня видѣть, чтобы узнать, одобрю ли я или нѣтъ ихъ общее намѣреніе подать въ управу коллективный протестъ противъ моего безпричиннаго и незаслуженнаго перевода отсюда. Тутъ же я застала и того помѣщика, который былъ въ управѣ свидѣтелемъ моего объясненія съ предсѣдателемъ; онъ-то и сообщилъ новость о моемъ переводѣ. Я не разсчитывала выиграть что-либо посредствомъ протеста, а потому рѣшеніе вопроса о немъ предоставила на ихъ полное усмотрѣніе. Самое же ихъ намѣреніе, какъ выраженіе общаго и активнаго сочувствія, тронуло меня въ высшей степени...

XIV.

Въ концѣ января я прибыла въ городъ, остановилась въ нанятой квартирѣ и на другой день утромъ пришла въ управу. Предсѣдатель, увидѣвъ меня, забѣгалъ, засуетился и все спрашивалъ у писца: „готова, готова бумага?" Со мной онъ даже не поздоровался и ни разу не взглянулъ въ мою сторону; мнѣ это показалось все очень страннымъ. Я подошла къ нему и говорю, что вотъ я и пріѣхала совсѣмъ. Онъ что-то неопредѣленное пробормоталъ въ отвѣтъ и отвернулся отъ меня. Наконецъ, взявъ изъ рукъ писца какую-то бумагу, подалъ ее мнѣ. Я начинаю читать, и съ первыхъ словъ какой-то туманъ застилаетъ мнѣ глаза; я протираю ихъ, продолжаю читать и никакъ не могу уразумѣть смыслъ прочитаннаго. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, перечитавъ еще и еще разъ эту бумагу, я поняла, что она содержитъ въ себѣ мое увольненіе совсѣмъ отъ службы; но это показалось мнѣ до такой степени невѣроятнымъ, что я объяснила это какимъ-то недоразумѣніемъ. Предсѣдатель же пока улетучился. Дождавшись его появленія въ канцеляріи, я подошла къ нему и говорю ему, что я не понимаю, что̀ означаетъ содержаніе врученной мнѣ бумаги.

— Она означаетъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ рѣзко,—что вы совсѣмъ уволены, потому что такіе безпокойные люди, какъ вы, не могутъ быть терпимы на службѣ. Въ примѣръ прочимъ, вы уволены за буйство и неподчиненіе власти доктора.

Я была страшно ошеломлена этими словами, но, видя, что предсѣдатель готовъ опять улетучиться, я остановила его и просила объяснить мнѣ, по крайней мѣрѣ, причину такой крутой перемѣны отношеній ко мнѣ управы, которая еще недавно такъ убѣдительно и краснорѣчиво упрашивала меня остаться на службѣ въ городѣ, когда я сама просила объ увольненіи.

На это мнѣ отвѣтили, что членъ управы, бывши у насъ, узналъ, что я буйствовала и бросалась на доктора съ кочергой въ рукѣ и что вообще я, какъ низшій медицинскій чинъ, никогда не оказывала достаточнаго уваженія и подчиненія высшему—врачу. Затѣмъ предсѣдатель повернулся ко мнѣ спиной и не сталъ больше обращать на меня никакого вниманія.

Мнѣ больше ничего не оставалось, какъ уйти домой. Я не помню, какъ я дошла домой, какъ я бросилась на кроват и сколько времени я пролежала въ полномъ оцѣпенѣніи. Помню, что ко мнѣ подходили, о чемъ-то меня спрашивали, но я только

отмахивалась и просила оставить меня въ покоѣ. Думала ли я въ это время о чемъ-нибудь? Едва ли. Это послѣднее оскорбленіе было такъ неожиданно и такъ велико, что подѣйствовало поражающимъ образомъ на самый мозгъ, который потерялъ способность работать.

Я чувствовала только страшное оцѣпенѣніе во всѣхъ членахъ— точно я вся застыла и кровь перестала во мнѣ обращаться. По временамъ же мнѣ казалось, что подо мною разверзается пропасть, и я падаю въ нее.

Не знаю, какъ долго продолжалось бы такое состояніе, еслибы не жена нашего мирового судьи, которая, пріѣхавъ въ городъ съ мужемъ въ съѣздъ, прикатила ко мнѣ, растормошила меня и увезла съ собою къ себѣ на квартиру.

У нихъ я застала большое общество, въ томъ числѣ многихъ изъ нашего края. Узнавъ о моемъ увольненіи, всѣ возмутились и рѣшили это дѣло такъ не оставить.

Но мое дѣло было уже окончательно проиграно, такъ какъ только земское собраніе было въ правѣ отмѣнить постановленіе управы, а до земскаго собранія оставалось десять мѣсяцевъ. Тутъ же я узнала, что предполагаемый протестъ потерпѣлъ полное крушеніе. Было собрано очень много подписей, гораздо больше, чѣмъ разсчитывали, но когда очередь дошла до одного вліятельнаго гласнаго, почтеннаго и весьма уважаемаго старика, то онъ, изъявляя полную готовность подписаться, предложилъ прежде испробовать написать къ предсѣдателю частное письмо, въ которомъ просить, согласно желанію населенія, возвратить меня изъ города на прежнее мѣсто. Мировой судья взялся написать такое письмо и получилъ отъ предсѣдателя личный отвѣтъ въ городѣ, что перемѣщенія и увольненія служащихъ есть исключительное право земской управы, а никакъ не населенія, которое, будучи недовольно управой, можетъ жаловаться на ея дѣйствія земскому собранію, и что никакіе протесты управой приняты не будутъ.

Нѣсколько дней послѣ этого я находилась въ крайне угнетенномъ и мрачномъ настроеніи, подъ вліяніемъ котораго всякій трудъ казался мнѣ безсмысленнымъ по своей безплодности и вслѣдствіе чего я не только ничего не предпринимала для пріисканія себѣ новаго мѣста, но по временамъ доходила до такого отчаянія, что самая жизнь теряла для меня всякій смыслъ.

Первоначальнымъ толчкомъ къ тому, чтобы я воспрянула духомъ, послужили нужда и голодъ, которые, настойчиво предъявляя свои права, заставили меня подумать о хлѣбѣ насущномъ.

Прежде всего надо было получить свои бумаги изъ управы.

Но пойти за ними туда было для меня не послѣднимъ испытаніемъ, и потому я долго не могла на это рѣшиться.

Наконецъ, скрѣпя сердце, я рѣшилась на этотъ своего рода подвигъ. Придя туда, я прежде всего потребовала аттестацію о своей службѣ, зная, какъ иногда трудно получить мѣсто безъ этого. Но мнѣ предложили на выборъ: или вовсе не брать аттестата, или взять такъ-называемый волчій.

На это я возразила, что о моей службѣ управа и докторъ всегда отзывались съ лучшей стороны, слѣдовательно я не вижу причины, почему мнѣ не хотятъ выдать хорошій аттестатъ о моей службѣ. Предсѣдатель мнѣ отвѣтилъ, можетъ быть, и логично со своей точки зрѣнія, что выдать мнѣ хорошій аттестатъ они не могутъ потому, что это противорѣчило бы самому увольненію.

Препираться долѣе объ этомъ съ предсѣдателемъ мнѣ стало омерзительно, и я, взявъ свои бумаги, ушла безъ всякаго аттестата.

Къ счастью, фельдшерицѣ не такъ трудно бываетъ получить мѣсто, и я, разославъ нѣсколько заявленій въ разныя земства, недѣли черезъ двѣ получила мѣсто въ одинъ изъ уѣздовъ другой губерніи, куда и поѣхала по послѣднему санному пути.

Докторъ же, какъ мнѣ потомъ сообщили, получилъ-таки свое возмездіе. На слѣдующемъ очередномъ земскомъ собраніи громаднымъ большинствомъ было постановлено немедленно уволить доктора, какъ совершенно безполезнаго для населенія и даромъ получающаго жалованье... Гдѣ-то онъ теперь? Такимъ же ли трутнемъ правильно получаетъ изъ какого-нибудь земства кровныя земскія денежки, или нашелъ себѣ другой хлѣбный промыселъ, дающій просторъ тунеядству?

Анна А.

Н. В. ГОГОЛЬ

и

ЕГО ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Исторія внутренняго развитія Гоголя подробно разсказана имъ въ „Авторской Исповѣди". Извѣстно, что самые объективные художники иногда оставляютъ на время, преимущественно на склонѣ литературной дѣятельности, обычный способъ выраженія своихъ идей, убѣжденій и чувствъ—въ поэтическихъ образахъ, для того чтобы стать лицомъ къ лицу къ читателямъ и излить передъ ними прочувствованное или пережитое. Въ ряду примѣровъ подобнаго непосредственнаго обращенія къ публикѣ исповѣдь Гоголя существенно отличается явными слѣдами свѣжихъ душевныхъ ранъ и крайней подавленности духа. Жестокій ударъ, нанесенный суровымъ общественнымъ приговоромъ самымъ завѣтнымъ мечтамъ писателя, возбудилъ въ томъ, кто думалъ недавно поучать общество, жгучую потребность высказаться, оправдаться, раскрыть свои неудавшіяся надежды и стремленія. Такимъ образомъ „Авторская Исповѣдь" есть во всякомъ случаѣ не продуктъ спокойнаго и яснаго анализа, а, напротивъ, отраженіе смутнаго душевнаго состоянія Гоголя послѣ понесеннаго имъ пораженія. Не такъ давно напечатанное письмо Гоголя къ Жуковскому („Русскій Вѣстникъ", 1888, XI), найденное въ бумагахъ послѣдняго, хранящихся въ императорской публичной Библіотекѣ, явилось новымъ вѣскимъ доказательствомъ искренности „Исповѣди", въ которой несомнѣнно сказалось не только временное настроеніе автора, но всего ярче и нагляднѣе отразился весь умственный и нравственный складъ его личности въ данный моментъ. Еще прежде „Автор-

ской Исповѣди“,—какъ въ извѣстномъ „Завѣщаніи“, такъ и въ лирическихъ мѣстахъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“,—Гоголь, всегда скрытный передъ самыми близкими людьми, торжественно и всенародно возглашалъ тѣ, что захватывало и переполняло его душу, и если мы плѣняемся въ лирическихъ мѣстахъ глубиной чувства, искренность котораго никѣмъ не была заподозрѣна, то было бы, безъ сомнѣнія, непослѣдовательно отрицать ее и въ „Авторской Исповѣди“, этомъ воплѣ измученной и наболѣвшей души.

Но какъ бы мы, въ сущности, ни судили объ искренности Гоголя въ „Авторской Исповѣди“, не могутъ подлежать никакому сомнѣнію нѣкоторыя драгоцѣнныя признанія Гоголя, свидѣтельствующія отчасти противъ него, и притомъ именно въ томъ отношеніи, о которомъ онъ, очевидно, думалъ всего меньше. Отражая упреки и нареканія, вызвавшія появленіе „Исповѣди“, онъ незамѣтно обнаруживаетъ другія свои слабыя стороны, никѣмъ до сихъ поръ не указанныя, но, по нашему мнѣнію, далеко не лишенныя значенія при изученіи Гоголя. Въ его признаніяхъ мы находимъ данныя, получающія цѣну, особенно вслѣдствіе невозможности для самого автора вполнѣ сознательно и объективно въ нихъ разобраться, такъ что во всякомъ случаѣ *въ этихъ признаніяхъ* намъ слышится голосъ сердца, а не холодное слово разсчета. Всего труднѣе судить самого себя всегда и безусловно, а въ подавленномъ и неспокойномъ состояніи—тѣмъ болѣе. Между признаніями Гоголя есть вольныя и невольныя; послѣднія, пожалуй, еще важнѣе первыхъ. И вотъ, въ числѣ этихъ невольныхъ признаній мы находимъ у Гоголя указаніе на постоянный и безусловный перевѣсъ у него живой поэтической наблюдательности и лирической силы надъ критической мыслью и строгимъ анализомъ,—перевѣсъ, ясно засвидѣтельствованный Гоголемъ передъ современниками и потомствомъ. Въ сущности, въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго и предосудительнаго для художника,—напротивъ, такое явленіе совершенно въ порядкѣ вещей. Разбирая первыя произведенія Гоголя, Бѣлинскій говорилъ: „Я нимало не удивляюсь, подобно нѣкоторымъ, что г. Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего, что онъ умѣетъ заинтересовать читателя пустыми, ничтожными подробностями, ибо не вижу тутъ никакого умѣнія: умѣніе представляетъ разсчетъ и работу, а гдѣ разсчетъ и работа, тамъ нѣтъ творчества, тамъ все ложно и невѣрно при самой тщательной и вѣрной копировкѣ дѣйствительности“ (Соч. Бѣл., I, 209—210). По словамъ Бѣлинскаго, главный отличительный признакъ

творчества состоитъ въ „таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сомнамбулизмѣ“ (I, 206).

Въ „Авторской Исповѣди“ мы находимъ убѣдительное подтвержденіе справедливости словъ нашего критика. Чтобы провѣрить это, достаточно внимательно перечитать „Исповѣдь“. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя выраженія изъ нея:

„*Я не могу сказать утвердительно*, точно ли поприще писателя мое поприще“ (этими словами Гоголь начинаетъ чистосердечную повѣсть своего писательства, и такому началу совершенно соотвѣтствуетъ дальнѣйшее изложеніе). „*Знаю только то*, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ, *мысль о писательствѣ никогда не всходила на умъ* [1]); хотя мнѣ всегда *казалось*, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, и что я сдѣлаю даже *что-то* для общаго добра“... „Ни я самъ, ни сотоварищи мои *не думали*, что мнѣ *придется* быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ“... „Говорили, что я умѣю *угадать* человѣка... Но все это не переносилось на бумагу, *и я даже вовсе не думалъ*, что сдѣлаю современемъ изъ этого *употребленіе*“. Но особенно знаменательны слова: „Пушкинъ *заставилъ* меня взглянуть на дѣло серьезно“. Наконецъ, говоря о передачѣ Пушкинымъ сюжета „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь прибавляетъ: „*На этотъ разъ я уже и самъ задумался серьезно*“. Но именно вскорѣ послѣ того времени, когда Гоголь захотѣлъ подчинить своимъ теоретическимъ взглядамъ вопросъ о призваніи и задачахъ своей литературной дѣятельности, съ этихъ-то поръ почти и замѣчается упадокъ его таланта. Конечно, тутъ не было полнаго совпаденія, и пока Гоголь еще не насиловалъ свой талантъ, ради предвзятыхъ идей, его творчество подвигалось и даже выигрывало въ глубинѣ и содержательности, пока онъ стоялъ еще на надежной почвѣ; но, увлекшись неисполнимыми, фантастическими планами, онъ вступилъ на ложную дорогу.

Откуда же у Гоголя склонность къ фантастическимъ планамъ? Не одинъ недостатокъ основательнаго образованія былъ причиной ихъ; этотъ вопросъ не можетъ быть такъ скоро исчерпанъ; но можно смѣло сказать, что въ жизни Гоголя вообще имѣло огромное значеніе то, что присущее каждой геніальной натурѣ инстинктивное сознаніе необъятныхъ силъ *никогда не уравновѣшивалось въ немъ критическимъ анализомъ*.

Прослѣдимъ въ немногихъ словахъ проявленіе указанной черты

---

[1]) Ср. въ недавно изданномъ письмѣ Гоголя къ Жуковскому: „Никогда я не думалъ, что мнѣ придется быть сатирическимъ писателемъ“, и проч.

въ главнѣйшихъ событіяхъ жизни нашего писателя, останавливаясь преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, гдѣ она *отразилась наиболѣе ярко.*

Прежде всего Гоголю еще въ дѣтствѣ казалось, что онъ призванъ совершить *что-то для общаго добра.* Замѣчательно, что при этомъ у него не было никакого *сознательнаго* влеченія къ извѣстному *опредѣленному* поприщу, и когда ему пришлось выбирать по окончаніи школьнаго ученія родъ будущей дѣятельности, то онъ былъ застигнутъ врасплохъ. Въ его головѣ проходили самые разнообразные планы, одинаково смутные и неустойчивые, на что указываютъ слѣдующія строки его письма къ одному изъ родственниковъ: „*Я перебралъ въ умѣ всѣ состоянія,* всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи"; но, какъ показало будущее, и этотъ планъ былъ вскорѣ навсегда оставленъ. Очутившись въ Петербургѣ, онъ переходитъ отъ одного занятія къ другому: пробуетъ поступить на государственную службу, на сцену, принимается за литературные опыты, наконецъ, ѣдетъ за границу, все потому, что призваніе его не выяснилось, и онъ не находилъ приложенія непочатымъ силамъ. Изъ Нѣжина его неудержимо влекло въ Петербургъ: онъ рисовалъ себѣ какую-то волшебную, фантастическую картину, онъ мечталъ о чемъ-то необычайномъ, величественномъ; но когда дѣйствительность предстала передъ нимъ въ своей прозаической наготѣ, она показалась ему возмутительной, и помириться съ нею онъ былъ не въ состояніи. Въ Петербургѣ Гоголя оттолкнула будничная толкотня безцѣльно убивающей жизнь толпы, въ которой онъ тотчасъ же увидѣлъ много родственнаго съ прозябаньемъ, въ иной только формѣ, нѣжинскихъ „существователей"... „Тишина здѣсь необыкновенная", говорилъ онъ: „никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, все погрязло въ низменныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ". Но благородный внутренній голосъ запрещалъ таланту идти по пошлой, избитой колеѣ. Его манило впередъ что-то призрачное, необыкновенное; страстный юношескій пылъ требовалъ идеаловъ, и вдали мелькала надежда осуществить ихъ на чужбинѣ. Бѣдный юноша не догадывался или знать не хотѣлъ, что обыденная жизнь вездѣ одинакова, и что никуда нельзя уйти отъ житейской прозы. Съ него было довольно, что въ душѣ его существовалъ запросъ на что-то призрачно-грандіозное, хотя бы дѣйствительность и не могла дать на него отвѣта. Его начинаетъ тянуть въ какую-то фантастическую страну счастья и разумнаго производительнаго труда, гдѣ онъ мечталъ „передѣлать себя, переродиться, ожи-

виться новой жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности". Нечего и говорить, что все это было только продолженіемъ прежнихъ фантазій и что, говоря, напримѣръ, о „вѣчномъ трудѣ въ будущемъ", Гоголь и не думалъ сдѣлаться труженикомъ въ настоящую минуту. Но онъ былъ еще въ полномъ смыслѣ „зеленый" юноша. Никто даже изъ товарищей его не вѣрилъ, чтобы постоянно мѣнявшіяся мечты могли быть близки къ осуществленію, да и денегъ на большую поѣздку у него недостало бы. Между тѣмъ вотъ какая перспектива рисовалась его поэтическому воображенію: „Пресмыкаться—другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить вѣкъ, гдѣ не представляется впереди совершенно ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!" Въ значительной степени всѣ эти планы могутъ быть объяснены и неудовлетворенностью настоящимъ, потому что они мигомъ исчезли, когда Гоголь вошелъ въ кругъ Пушкина, Жуковскаго и Плетнева и могъ считать свою жизнь достаточно наполненною.

Но, пустившись въ путь съ безотчетной отвагой, Гоголь тотчасъ же содрогнулся передъ дѣйствительностью, оказавшейся на этотъ разъ слишкомъ грозною. Если всѣ здоровые юноши рисуютъ будущность въ заманчивыхъ краскахъ, то отъ этихъ мечтаній грезы Гоголя отличались колоссальностью иллюзіи. Его поѣздка была безумнымъ порывомъ. Его, чувствовавшаго избытокъ жизни и силъ, на зло пошлымъ соображеніямъ грошеваго благоразумія и всяческой житейской прозы, манитъ чудная даль, магическая неизвѣстность, чуждые, далекіе края.

Такую же гигантскую отвагу, при совершенномъ неимѣніи масштаба для правильной оцѣнки собственныхъ силъ и порывовъ, перенесъ Гоголь изъ юности и въ зрѣлые годы, потому что таковъ былъ органическій недостатокъ богато одаренной, но неуравновѣшенной его натуры. Въ первые годы по пріѣздѣ Гоголя въ Петербургъ нельзя не отмѣтить въ его развитіи крупнаго и рѣшительнаго успѣха: душевныя силы его крѣпнутъ и формируются съ замѣчательной быстротой; изъ отрока-мечтателя, какимъ онъ былъ въ Нѣжинѣ, въ незначительный промежутокъ времени онъ выростаетъ въ даровитаго писателя съ самостоятельно сложившимися взглядами на многіе вопросы жизни и искусства (послѣднее видимъ въ „Арабескахъ"). Самъ собою напрашивается вопросъ: чѣмъ объяснить эти быстрые успѣхи? Недавній школьникъ, года за два передъ тѣмъ вынужденный приносить матери жалкія сознанія въ напрасно потерянномъ вре-

мени въ стѣнахъ воспитавшаго его заведенія, не пользовавшійся лестной репутаціей даже въ глазахъ сверстниковъ, съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, которое Гоголь пока не считалъ даже своимъ призваніемъ, онъ сразу заставилъ лучшихъ представителей литературы взглянуть на себя, какъ на крупное восходящее свѣтило. Первыя же произведенія, написанныя имъ въ Петербургѣ, ввели его въ кругъ Жуковскаго, Пушкина, Плетнева. Любопытно видѣть, какъ измѣнившаяся среда, вслѣдствіе новаго, самостоятельнаго положенія, и расширившійся жизненный опытъ заставили развернуться и хлынуть потокомъ силы, долго сдерживаемыя гнетущимъ однообразіемъ жизни въ четырехъ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія. Такъ какъ Гоголь открыто сознавался, что получилъ въ школѣ воспитаніе крайне скудное, и что когда ему въ зрѣломъ возрастѣ пришла мысль объ ученьѣ,—онъ „былъ принужденъ начать съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія“ (Соч. Гог., 3 изд. наслѣдн., IV, 810), то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ его быстромъ развитіи первенствующую роль играла личная даровитость. Сознаніе недостаточности своего образованія, о которой говоритъ Гоголь въ приведенныхъ строкахъ, явилось, однако, едва ли ранѣе половины тридцатыхъ годовъ, такъ какъ въ первое время жизни въ Петербургѣ, перенесенный какъ бы чарами волшебства со школьной скамьи въ тѣсную семью лучшихъ представителей литературы, упоенный неимовѣрнымъ успѣхомъ, едва ли, при своей природной самонадѣянности (см. „Русск. Вѣстн.“, 1862, I, „Воспоминанія о Гоголѣ“, Л. И. Арнольди), Гоголь скоро началъ думать о пробѣлахъ образованія, которые ему не могли дать почувствовать ни добродушная снисходительность Пушкина, ни беззавѣтная доброта и мягкость Жуковскаго и Плетнева. Всѣмъ этимъ кружкомъ Гоголь былъ принятъ, въ качествѣ блестящаго молодого таланта, съ распростертыми объятіями, какъ новый дорогой товарищъ, а богатый природный умъ давалъ Гоголю въ жизни такія преимущества, передъ которыми почтительно отступаетъ самое основательное образованіе. Такимъ образомъ, соединеніе практической смѣтливости и оригинальности сильнаго ума съ крайней самонадѣянностью и привычкой опираться во всемъ на собственныя силы, не благоговѣя особенно передъ вычитаннымъ изъ книгъ чужимъ умомъ, навсегда осталось характерной особенностью Гоголя, несмотря даже на являвшуюся временами потребность пополнять поздно замѣченные пробѣлы, о которыхъ онъ, вѣроятно, еще очень мало помышлялъ, когда выступилъ пре-

тендентомъ на каѳедру всеобщей исторіи сначала въ кіевскомъ, потомъ въ петербургскомъ университетѣ.

Сдѣлавшись на короткое время профессоромъ, Гоголь во всякомъ случаѣ не ожидалъ той убійственной неудачи, которая заставила его такъ скоро оставить избранное поприще. Рискованное притязаніе его возбуждало не разъ строгія порицанія и обвиненія въ недобросовѣстности, но, намъ кажется, что и въ данномъ случаѣ немаловажную роль играли обычныя грандіозныя иллюзіи Гоголя, не сдѣлавшаго строгой оцѣнки себѣ подъ вліяніемъ того почетнаго положенія, которое ему удалось слишкомъ скоро и безъ особеннаго труда занять среди людей, составлявшихъ цвѣтъ современной литературы. Какъ самоучка, Гоголь и не сознавалъ вовсе той бездны, которая отдѣляла его отъ истинныхъ представителей знанія. Исторія всю жизнь была любимой наукой Гоголя, и неудивительно, что онъ счелъ своимъ призваніемъ посвященіе себя ея разработкѣ. Мы видимъ, по крайней мѣрѣ, въ объявленіи замышляемой Гоголемъ обширной исторіи Малороссіи не непростительную опрометчивость недальновиднаго, дюжиннаго человѣка, а скорѣе неспособность щедро одаренной натуры ставить себѣ тѣсныя рамки. По свидѣтельству друга Гоголя, покойнаго А. С. Данилевскаго, еще изъ школы вынесъ Гоголь не мало свѣденій по исторіи; но эти свѣденія ему удалось пріобрѣсти помимо правильныхъ занятій и усидчиваго труда; они были схвачены имъ, такъ сказать, на-лету, причемъ богатое воображеніе даровитаго отрока тотчасъ облекало пріобрѣтаемыя разрозненныя познанія въ яркіе, живые образы. Онъ могъ знать, впрочемъ, и сравнительно немного, но несомнѣнно, что все то, чтò онъ узнавалъ, рисовалось ему въ характерныхъ своихъ признакахъ. Приведемъ, въ подтвержденіе этихъ словъ, отрывокъ изъ его лекціи о среднихъ вѣкахъ, объ алхимикѣ: „Представьте себѣ какой-нибудь германскій городъ въ средніе вѣка, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе, пестрые готическіе домики и среди ихъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаемый необитаемымъ, по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣпится мохъ и старость, окна глухо заколочены—это жилище алхимика. Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы, докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждой,—и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой“. При этихъ одушевленныхъ строкахъ въ нашемъ воображеніи живо

возстаетъ цѣлая картина, нарисованная замѣчательнымъ художникомъ, передъ которой блѣднѣютъ и уничтожаются описанія большинства нашихъ романистовъ-историковъ. И во всемъ, что нѣкогда слышалъ Гоголь на урокахъ исторіи и о чемъ читалъ впослѣдствіи, должны были дышать тѣ же полныя жизни и красокъ картины. Съ этой дивной способностью онъ могъ бы, конечно, написать не одного „Тараса Бульбу“, но, по собственнымъ его словамъ, у него никогда „не было влеченія къ прошедшему“, и умъ его „былъ всегда наклоненъ къ существенности и къ пользѣ болѣе осязательной“. Но вѣдь самый обширный залогъ художественныхъ образовъ, которымъ въ душѣ позавидовалъ бы любой ученый профессоръ, не исключаетъ необходимости для чтенія лекцій усидчиваго, напряженнаго труда, проникнутаго любовью къ наукѣ. Послѣднимъ условіямъ Гоголь удовлетворялъ далеко не въ достаточной степени, да и самая надежда на помощь творческаго воображенія была, можетъ быть, преувеличенная.

Всю жизнь переходилъ Гоголь отъ увлеченія къ увлеченію, и какъ нелѣпо было бы отождествлять его вѣчный рискъ съ легкомысліемъ дюжинной натуры, такъ странно было бы видѣть одну простую безпечность эгоиста въ страстномъ обожаніи Гоголемъ Рима и его готовности войти въ долги, ради возможности жить въ немъ. Если часто самые заурядные сыны сѣвера стремятся при первой возможности урвать мигъ наслажденій ничѣмъ незамѣнимой поэзіей южнаго неба и солнца и тѣми чудными красотами, которыя тамъ расточаетъ природа, эта прекраснѣйшая изъ матерей, немногимъ любимцамъ-избранникамъ; если они уносятъ потомъ навсегда съ собой на родину свѣтлыя воспоминанія, соединенныя съ грустью и очарованіемъ, подобно однимъ только воспоминаніямъ о счастливѣйшихъ дняхъ юности, то что же долженъ былъ чувствовать въ Римѣ, при видѣ этой роскоши, поэтъ, въ этомъ величавомъ городѣ-патріархѣ, достойной главѣ прекраснѣйшей въ мірѣ страны? Что переживалъ Гоголь, наслаждаясь этимъ блескомъ флоры, этими обвитыми плющемъ величественными развалинами, помнящими времена республики и императоровъ и свидѣтелями другого великаго всемірнаго владычества, что чувствовалъ онъ, наконецъ, во время созерцанія чудныхъ созданій итальянскаго искусства? Да и самый языкъ Италіи, изящнѣйшій и звучнѣйшій въ мірѣ, Гоголь называлъ своимъ вторымъ роднымъ языкомъ (въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ къ А. С. Данилевскому) и писалъ на немъ письма своей пріятельницѣ и бывшей ученицѣ, М. П. Балабиной.

Когда Гоголю, по семейнымъ обстоятельствамъ, пришлось оставить на время Римъ, это было для него своего рода несчастіемъ, и неудивительно, что онъ возблагодарилъ судьбу, получивъ, по милости Жуковскаго, возможность снова вернуться въ него. Но онъ былъ искреннимъ патріотомъ, а Римомъ восхищался какъ художникъ по натурѣ. Онъ любилъ также и Москву. Одно время онъ сильно колебался между Римомъ и Москвой. Это было въ промежутокъ отъ 1840 до 1842 года. Черезъ годъ послѣ полученія отъ Жуковскаго „радостной вѣсти освобожденія“ (Соч. Гог., изд. Кул., V, 395), онъ изъ Рима писалъ С. Т. Аксакову: „Теперь я вашъ; Москва моя родина“ (V, 437). Что Римъ и Москва были особенно любимы Гоголемъ, видно изъ его словъ: „Кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому, послѣ Рима, только Москва и можетъ нравиться“. По возвращеніи изъ Іерусалима, онъ говоритъ, что желалъ бы жить въ Москвѣ, если позволитъ здоровье („Зап. о ж. Гог.“, II, 241). Хотя мысль эта, высказанная черезъ шесть лѣтъ послѣ указанныхъ колебаній Гоголя и осуществленная еще позднѣе, была не мимолетная и не случайная, но колебанія также довольно характерны для него. Конечно, здѣсь важное значеніе имѣли и побочныя, второстепенныя обстоятельства. Немедленно по возвращеніи въ Москву въ 1841 г., не успѣвъ почти осмотрѣть ея и отдохнуть съ дороги, онъ уже пишетъ задержанному въ чужихъ краяхъ болѣзнью другу своему, Н. М. Языкову, восторженное письмо [1]), въ которомъ хвалитъ московскій климатъ, тишину въ городѣ и самую жизнь въ немъ; онъ надѣется насладиться съ Языковымъ уединенною жизнью, которая „можетъ быть здѣсь только хороша и безбурна“ [2]). Но это жизнерадостное настроеніе было не надолго. Въ это время Гоголь поссорился крупно съ Погодинымъ, такъ что ихъ отношенія охладѣли навсегда, и перепискѣ былъ положенъ конецъ. Оставаться въ Москвѣ было тягостно, тѣмъ болѣе, что, какъ все болѣе выяснялось, Языковъ не могъ и думать о скоромъ возвращеніи изъ-за границы. Теперь Гоголь уже томился въ Москвѣ и снова желалъ пламенно увидѣться поскорѣе съ Языковымъ, но уже за границей, и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ упомянутаго письма къ нему мы снова читаемъ въ письмахъ Гоголя прежнія жалобы на неспособность работать, вслѣдствіе неудовлетворительности московскаго климата,

[1]) Гоголь пріѣхалъ въ Москву 18-го октября („Зап. о ж. Гог.“, I, 287); письмо было написано 23-го октября.

[2]) Мечты Гоголя о совмѣстной жизни съ Языковымъ въ Москвѣ никогда не осуществились, но они нашли рядомъ мѣсто упокоенія въ Даниловскомъ монастырѣ.

такъ недавно превознесеннаго. 10-го января 1842 года онъ уже жаловался Максимовичу: „Еслибы ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь". Языкову онъ тоже жалуется на какія-то разстроившія его сплетни, заботливо стараясь сгладить противорѣчіе теперешняго минорнаго тона съ прежнимъ мажорнымъ увѣреніемъ въ томъ, что и прежде потому будто бы мало писалъ, что былъ уже „нерасположенъ". Неловко было Гоголю сообщить также и Аксаковымъ о ничѣмъ, повидимому, не оправдываемой перемѣнѣ рѣшенія. Когда же, черезъ нѣсколько времени, они узнали о томъ стороной,—на вопросъ, дѣйствительно ли онъ собирается ѣхать, Гоголь отвѣтилъ уклончиво и только въ рѣшительную минуту заговорилъ о своемъ нездоровьѣ и неспособности продолжать въ Россіи свой трудъ надъ „Мертвыми Душами". Неискренность Гоголя не укрылась отъ Аксаковыхъ, и они сочли долгомъ деликатности прекратить свои вопросы. Гоголя удерживало еще въ Россіи нѣкоторое время печатанье „Мертвыхъ Душъ", но и оно приближалось къ концу; въ первыхъ числахъ мая 1842 года онъ радостно извѣщалъ, наконецъ, Жуковскаго о скоромъ свиданіи: „Здоровы ли вы? что̀ дѣлаете? я буду къ вамъ; ждите меня!" (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 472). Итакъ, при бездомномъ свитальчествѣ Гоголя, очевидно, огромное вліяніе на выборъ имъ мѣста жительства и, такъ сказать, на самую программу жизни имѣли его дружественныя отношенія, а изъ нихъ преимущественно тѣ, которыя меньше всего отличались семейной обособленностью [1]).

Итакъ, присутствіе въ характерѣ Гоголя склонности къ увлеченіямъ и часто мѣняющимся планамъ въ той или другой формѣ проходитъ черезъ всю жизнь его. Если же нѣкоторые изъ этихъ плановъ онъ лелѣялъ десятками лѣтъ, какъ, напр., поѣздку въ Іерусалимъ, мысль о которой возникла у него въ началѣ, а осуществилась въ концѣ сороковыхъ годовъ, или, наконецъ, созданную его воображеніемъ колоссальную утопію предполагаемаго содержанія послѣднихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ", то въ этихъ случаяхъ такъ или иначе играли видную роль свойственные его натурѣ широкіе замыслы. Назначеніемъ „Мертвыхъ Душъ" было, какъ извѣстно, исчерпать въ яркой и полной картинѣ всѣ хо-

[1]) Мы не хотимъ, однако, сказать, что Гоголь чуждался семейнаго быта, которымъ, напротивъ, онъ отъ полноты души наслаждался не разъ у Смирновыхъ и отчасти у Віельгорскихъ, но все же пребываніе его въ этомъ мірѣ, по самой сущности дѣла, могло быть болѣе или менѣе непродолжительнымъ.

рошія и дурныя стороны русскаго человѣка. Даже когда Гоголь изнемогалъ подъ бременемъ неосуществимыхъ идеаловъ послѣ наивно-самоувѣреннаго изданія „Переписки съ друзьями", онъ все-таки не оставлялъ своей мечты, которую хранилъ такъ свято, что писать что-нибудь въ журналахъ для славы и денегъ былъ рѣшительно не въ состояніи. Издавая „Переписку", Гоголь опять-таки шелъ ощупью, увлекаемый своими задушевными стремленіями и инстинктивно отвращаясь отъ досаднаго анализа, и это доказывается сознаніемъ его въ „Авторской Исповѣди", что при всемъ высокомъ мнѣніи о достоинствѣ своей книги временами онъ смутно угадывалъ свой отчаянный рискъ, но, питая мистическую увѣренность, что Богъ своимъ всемогуществомъ можетъ и слабымъ строкамъ дать чудесную силу, гналъ отъ себя всякое сомнѣніе. „Я боялся самъ разсматривать недостатки моей книги, говорилъ онъ, „*и почти закрылъ глаза на нее*, зная, что если разсмотрю построже мою книгу, можетъ быть, она будетъ такъ же уничтожена, какъ я уничтожилъ и „Мертвыя Души", и какъ уничтожалъ все, что ни писалъ въ послѣднее время". Въ напечатанномъ теперь письмѣ къ Жуковскому въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Гоголь также сознается, что „поспѣшилъ выпускомъ „Переписки съ друзьями". Но подъ вліяніемъ глубокаго религіознаго настроенія Гоголь въ самую тяжелую минуту разочарованія въ своей давней мечтѣ не палъ окончательно духомъ. Напротивъ, онъ старался найти себѣ утѣшеніе въ той мысли, что испытаніе было необходимо и было ему же на пользу. „Могъ ли бы я безъ этого большого крюку сдѣлаться достойнымъ производителемъ искусства? могъ ли бы я выставить жизнь въ ея глубинѣ такъ, чтобы она пошла въ поученье" [1] („Русск. Вѣстн.", 1888, XI, 67), писалъ онъ Жуковскому.

Вообще поразительное совпаденіе содержанія „Исповѣди" съ только-что напечатаннымъ письмомъ Жуковскому въ отдѣльныхъ мысляхъ и въ общемъ содержаніи много говоритъ за ея искренность. „Мы ни въ одной литературѣ не знаемъ такого искренняго и полнаго изложенія внутренней исторіи личнаго творчества, какое видимъ въ „Авторской Исповѣди" Гоголя",—писалъ годъ тому назадъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" П. Н. Полевой. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, съ своей стороны, счи-

---

[1]) Изъ этихъ словъ мы имѣемъ право заключить, что никакъ не къ „Перепискѣ съ друзьями", а развѣ ко второму тому „Мертвыхъ Душъ" слѣдуетъ отнести извѣстную жалобу Гоголя на неблагоразумныя подталкиванія друзей въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, первому ударившему въ набатъ по поводу неожиданно явившагося для другихъ, но имъ давно предполагаемаго мистицизма (см. письмо къ С. Т. Аксакову, № 325).

заемъ не лишнимъ въ подтвержденіе его показать, что общее содержаніе „Авторской Исповѣди“ назрѣвало постепенно и слагалось въ головѣ Гоголя въ продолженіе рокового для него 1847 года. Тѣ же точно мысли, почти въ тождественной формѣ, были высказываемы имъ въ письмахъ къ друзьямъ. Сдѣлаемъ сличеніе:

„*Книга эта* (т.-е „Переписка съ друзьями“) будетъ лежать на столѣ моемъ, какъ *вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться*, для того, чтобы видѣть все свое неряшество“ (VI, 350; письмо къ В. А. Жуковскому).

„*Не безъ стыда и краски въ лицѣ я перечитываю самъ многое въ моей книгѣ*, но при всемъ томъ благодарю Бога, давшаго мнѣ силы издать ее въ свѣтъ. *Мнѣ нужно было имѣть зеркало, въ которое я могъ бы глядѣться и видѣть получше себя, а безъ этой книги я врядъ ли имѣлъ бы это зеркало* (Соч. Гог., 3-е изд. наслѣдн., IV, 833).

„Одно помышленіе о томъ, съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностью сказано многое въ моей книгѣ, *заставляетъ меня горѣть отъ стыда*“ (VI, 361; письмо къ кн. В. В. Львову).

„Справедливѣе всего *слѣдовало бы назвать эту книгу вѣрнымъ зеркаломъ человѣка*“ („Авторская Исповѣдь“, соч. Гог., 3-е изд. наслѣдн., IV, 798).

„Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не имѣлъ духа заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; *я краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ себѣ лицо руками*, при одной мысли о томъ, какъ неприлично и какъ дерзко выразился о многомъ“... „*Мнѣ нужно зеркало, въ которое я долженъ глядѣться всякій день, чтобы видѣть мое неряшество*“ (VI, 394; письмо къ отцу Матвѣю).

„На этой книгѣ я увидѣлъ, гдѣ и въ чемъ я перешелъ въ то излишество, въ которое, въ эпоху нынѣшняго переходнаго состоянія общества, попадаетъ почти всякій идущій впередъ человѣкъ. Несмотря на пристрастіе сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ преступать („Русск. Вѣстн.“, 1888, XI, 66; письмо къ Жуковскому).

„*Торжественный тонъ книги и необыкновенный слогъ ея сбилъ болѣе или менѣе всѣхъ* и не поставилъ никого на надлежащую точку воззрѣнія“ (Соч. Гог., IV, 799).

„*Темнота выраженія во многихъ мѣстахъ сбиваетъ только читателя*, но еслибы яснѣе выразить ту же самую мысль, со мною бы многіе перестали спо-

„Много было причинъ къ изданію книги, а между прочимъ и та, чтобы увидали, наконецъ, читатели и почитатели мои (увы! и самые друзья), что не слѣдуетъ торопить меня къ печатанію, когда я самъ еще чувствую, что *не пришелъ еще въ силы выражаться ясно и просто*. До простоты надобно вырости“. (Изд. Кул., VI, 352; письмо къ Шевыреву).

рить (IV, 826). „Я всегда имѣлъ право сказать о томъ, о чемъ говорилъ въ моей книгѣ, *если бы только* выразился попроще и поприличнѣе“ (IV, 833).

„Большая часть упрековъ родилась отъ всякихъ недоразумѣній, къ которымъ *я подалъ самъ поводъ неясностью словъ моихъ*“ (VI, 365; письмо къ Н. Н. Шереметевой).

„Въ „Выбранныхъ мѣстахъ“ есть нѣкоторыя душевныя тайны, которыя не вдругъ постигаются и которыя, покуда, приняты (можетъ быть, отъ *неумѣнія моего ясно и просто выражаться*) совсѣмъ въ другомъ смыслѣ“ (Кул., VI, 362; письмо къ кн. В. В. Львову).

„Скажу вамъ нелицемѣрно и откровенно, что виной множества недостатковъ моей книги *не столько гордость и самоослѣпленіе, сколько незрѣлость моя*“ (VI, 392; письмо къ о. Матвѣю).

„*Словомъ—все въ этой книгѣ обличаетъ невоспитаніе мое*“ (VI, 393; ему же).

Замѣчательны далѣе слова Гоголя, что тѣ же мысли слѣдовало бы ему доказать въ художественныхъ образахъ, „въ лицѣ выведенныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія“. Гоголь могъ быть отчасти правъ: далеко не одинаковое впечатлѣніе, напримѣръ, производитъ осмѣяніе пансіонскаго воспитанія женщинъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ по поводу Маниловой и извѣстное размышленіе его о Коробочкѣ, и, съ другой стороны, совѣты, касающіеся воспитанія женщинъ въ его перепискѣ. Художественное изображеніе темныхъ сторонъ жизни еще не можетъ быть ручательствомъ вѣрнаго теоретическаго ея пониманія, но тактъ художника не позволилъ бы Гоголю въ поэтическихъ созданіяхъ высказывать то̀, что̀ мы читаемъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ“. Въ письмѣ къ Жуковскому („Русск. Вѣстн.“, 1888, XI, 66) Гоголь также говорилъ: „Не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями“.

Много разсѣяно въ письмахъ Гоголя и замѣчаній о значеніи упрековъ и увѣреній въ томъ, что ему напрасно приписывали отреченіе отъ литературной дѣятельности:

„Письма были писаны, когда я, *воспитываясь самъ упреками*, прося и требуя ихъ отъ другихъ, считалъ въ то же время надобностью раздавать ихъ и другимъ“ (IV, 799).

„*Страннымъ показалось мнѣ*, когда изъ одного мѣста моей книги, гдѣ я говорю, что въ крити-

„Упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляютъ теперь мою книгу, которою питаюсь“ (VI, 365; письмо къ Н. Н. Шереметевой).

„Покуда скажу тебѣ вотъ что̀, мой добрый Александръ (письмо къ А. С. Данилевскому, VI, 358). Ты никакъ не смущайся обо мнѣ

кахъ, на меня нападавшихъ, есть много справедливаго, вывели заключеніе, что я отвергаю *всѣ* достоинства моихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ мою пользу" (IV, 861).

„Я употреблялъ *всѣ силы* держаться на своемъ поприщѣ *и придумывалъ всѣ средства* [1]), которыя могли двинуть мою работу, *не имѣя и въ мысляхъ оставлять званіе писателя*" (IV, 815).

„Мнѣ. вѣрно, потяжелѣе, *чѣмъ кому-либо другому, отказаться отъ писательства*, когда это составляло единственный предметъ моихъ помышленій"... „*Не писать для меня совершенно бы значило то же, что не жить*" (IV, 827).

„На завѣщанье не слѣдовало опираться: въ немъ судишь себя строго, потому что готовишься предстать на судъ передъ Того, передъ Которымъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ правъ" (IV, 806, примѣч. внизу).

„Что касается до мнѣнія, что книга моя должна произвести вредъ, съ этимъ не могу согласиться ни въ какомъ случаѣ. Въ книгѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, слишкомъ явно выступило желаніе добра" (IV, 834).

по поводу моей книги и *не думай, чтобы я избралъ другую дорогу писать*", и проч. Но особенно со всѣми этими выдержками слѣдуетъ сопоставить общее содержаніе письма къ о. Матвѣю, въ которомъ Гоголь старается оправдать передъ уважаемымъ имъ пастыремъ свою страсть къ литературнымъ занятіямъ. О томъ же см. въ „Авт. Исповѣди" (IV, стр. 822).

Въ письмѣ къ кн. В. В. Львову Гоголь также говоритъ: „Такъ какъ вы питаете такое искренно-доброе участіе ко мнѣ и къ сочиненіямъ моимъ, то считаю долгомъ извѣстить васъ, что *я отнюдь не перемѣнялъ направленія моего*" (VI, 362).

„Многое выразилось заносчиво, получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть" (VI, 420; письмо къ С. Т. Аксакову).

Мнѣніе это было въ особенно рѣзкой формѣ высказано въ извѣстномъ письмѣ Бѣлинскаго Гоголю, а изъ лицъ противоположнаго направленія о. Матвѣемъ, которому Гоголь отвѣчалъ: „Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе, и что я дамъ за нее отвѣтъ Богу" (VI, 393).

При такомъ постоянномъ, почти буквальномъ, совпаденіи въ выраженіи особенно занимавшихъ Гоголя мыслей въ эпоху появленія „Переписки съ друзьями" и „Авторской Исповѣди", не можетъ быть, очевидно, ни малѣйшаго основанія заподозрѣвать послѣднюю въ неискренности. Намъ особенно важно, что внутреннее сознаніе Гоголя громко протестовало противъ навязы-

[1]) Здѣсь Гоголь имѣлъ въ виду, конечно, и извѣстныя свои просьбы къ разнымъ лицамъ сообщать для „Мертвыхъ Душъ" наблюденія надъ обществомъ и знакомыми. Кромѣ того, необходимо сравнить все письмо Гоголя къ о. Матвѣю, на 420—424 стр. VI тома, о необходимости лучше узнать русскаго человѣка для дальнѣйшихъ литературныхъ трудовъ,—и мысли, высказанныя имъ въ „Авт. Исповѣди" (IV, 808 и 828).

ваемой ему перемѣны въ убѣжденіяхъ,—до такой степени онъ сжился съ своимъ міросозерцаніемъ, что не въ силахъ былъ даже стать на точку зрѣнія противниковъ, и неуспѣхъ „Переписки" объяснялъ единственно ея внѣшними недостатками, но оставался твердъ при убѣжденіи (условную справедливость котораго нельзя отвергать, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ Гоголь), что для того, чтобы мысли его были приняты такъ, какъ онъ желалъ, ихъ стоило только облечь въ поэтическую форму. Но всего замѣчательнѣе, что однимъ изъ капитальныхъ, вопіющихъ недоразумѣній было убѣжденіе современнаго Гоголю общества въ совершенномъ отреченіи его отъ литературы. Такой взглядъ явился вслѣдствіе немногихъ словъ въ „Завѣщаніи", бывшихъ, въ сущности, скорѣе плодомъ аскетическаго самобичеванія, нежели измѣны призванію. Если Гоголь заявлялъ о неоднократномъ сожженіи „Мертвыхъ Душъ", то вѣдь онъ ясно говорилъ, что имъ руководило недовольство написаннымъ и желаніе создать лучшее, но никогда онъ и не думалъ прекращать свою литературную дѣятельность. Плетневу Гоголь писалъ объ „Авт. Исповѣди": „Я готовлю теперь небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства, т.-е. *въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искусствомъ, почелъ его низкимъ, безполезнымъ и тому подобное*" (Кулишъ, VI, 405). Эти слова убѣдительно доказываютъ, насколько ошибочны и вмѣстѣ съ тѣмъ упорны бываютъ иногда взгляды большинства [1]).

Предлагая „чистосердечную повѣсть своего авторства", Гоголь не терялъ надежды, что она можетъ послужить объясненіемъ нѣкоторой части того, что̀ кажется „необъяснимой загадкой". Словамъ этимъ и слѣдующимъ за нимъ авторскимъ признаніямъ, по нашему мнѣнію, еще не придано надлежащаго значенія. Невыгодное впечатлѣніе, произведенное на общество и критику ори-

---

[1]) Далѣе можно указать почти дословное сходство въ слѣдующихъ мѣстахъ „Авт. Исповѣди" съ письмами Гоголя къ разнымъ лицамъ: „Говорили, что я умѣю не то что передразнить, а угадать человѣка", и проч. (IV, 804) и въ письмѣ къ о. Матвѣю: „Я имѣлъ всегда свойство замѣчать всѣ особенности каждаго человѣка" и т. д. (VI, 442—443), и слѣдующія далѣе строки съ письмомъ П. А. Плетневу (VI, 302), о просьбѣ сообщать и присылать наблюденія, какъ матеріалъ для „М. Д." (IV т., 814, и письмо къ С. П. Шевыреву (VI, 375). Слова: „Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ. *Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне-земледѣльцы озабоченные круглый годъ работой, вывели заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народнаго*" (IV, 800). Подъ умнымъ человѣкомъ разумѣется Бѣлинскій, см. письмо къ нему (Кулишъ, VI, 386—387).

гинальностью трубнаго гласа въ „Выбранныхъ мѣстахъ“, сразу и прочно повліяло на репутацію Гоголя, какъ человѣка. Гордыня, ханжество и лицемѣріе Гоголя стали немедленно единодушно признаннымъ фактомъ. Обличеніе автора самимъ собой, торжествующими противниками и раздраженными поклонниками — все это слилось въ стройный хоръ рѣшительнаго осужденія, получившаго вдругъ авторитетъ непогрѣшимой математической аксіомы. Гоголь собственнымъ починомъ погубилъ обаяніе, которое производило на лучшую часть публики и особенно на восторженную молодежь самое его имя. Но общепризнанное ходячее мнѣніе въ глазахъ большинства всегда получаетъ значеніе „гласа Божія“, и притомъ чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ болѣе считается непререкаемымъ, въ силу могущественнаго дѣйствія привычки. Достаточно разъ установиться общественному мнѣнію, самому опрометчивому и апріорному, и оно будетъ упрямо держаться, нерѣдко заслоняя собою даже объясненія, основанныя на фактахъ и изученіи,—не только слова̀ заинтересованнаго лица. Гоголю не надо было особенныхъ усилій, чтобы публично обличить себя, но онъ былъ уже не въ силахъ возвратить къ себѣ довѣріе и напрасно надѣялся, что голосъ его будетъ выслушанъ вторично. „Я еще не признанъ публично безчестнымъ человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать“,—жаловался онъ въ „Авторской Исповѣди“; аскетизмъ и многія другія особенности, ясно обнаруженныя въ „Выбранныхъ мѣстахъ“, заставляли не безъ основанія увидѣть въ немъ мистика съ оригинальными взглядами на себя и на жизнь. Съ тѣхъ поръ противъ него создалось прочное предубѣжденіе, дожившее до нашихъ дней, несмотря на то, что внимательное изученіе писемъ, дающее возможность болѣе основательно познакомиться съ постепеннымъ внутреннимъ развитіемъ Гоголя, уже *тридцать лѣтъ назадъ*, наглядно доказало опрометчивость толковъ о происшедшемъ будто бы въ Гоголѣ пресловутомъ переломѣ („Современникъ“, 1857— 8). Послѣ этой статьи въ „Современникѣ“ и извѣстной статьи А. Н. Пыпина („Вѣстникъ Европы“, 1873—4) не можетъ уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что если въ Гоголѣ произошелъ переломъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, то исключительно въ смыслѣ болѣзненнаго измѣненія его характера и усиленія въ немъ религіозности.

Намъ кажется, что изученію Гоголя въ высшей степени вредитъ то странное обстоятельство, что оба указанные взгляда—въ сущности, противоположные—уживаются рядомъ. Одно изъ двухъ: или въ Гоголѣ дѣйствительно произошелъ переломъ,—онъ вдругъ, неизвѣстно, какъ и почему, сдѣлался ханжой и лицемѣромъ (объ-

ясненіе апріорное, сложившееся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Выбранныхъ мѣстъ“ и естественное со стороны большой публики, не знавшей Гоголя, какъ человѣка), или никакой подобной внезапной перемѣны и никакого отступничества отъ прежнихъ идей въ Гоголѣ не было, но просто онъ неудачно рискнулъ высказать вслухъ то, что̀ думалъ давно про себя (заключеніе, прямо вытекающее изъ названныхъ выше статей). Полагаемъ достаточнымъ выставить и подчеркнуть указанное недоразумѣніе для рѣшенія вопроса въ пользу второго изъ этихъ объясненій, имѣющаго за себя всѣ письма Гоголя и воспоминанія лицъ, близко его знавшихъ.

Зато несомнѣнно, что характеръ Гоголя въ послѣдніе годы сильно измѣнился подъ вліяніемъ жестокой болѣзни, перенесенной имъ въ Римѣ (malaria), отъ которой онъ не могъ никогда совершенно оправиться. Недугъ замѣтно подѣйствовалъ на его душевный строй. Уже знакомый Гоголя, В. А. Пановъ, сопровождавшій его въ заграничной поѣздкѣ въ 1840 г. и заботливо ухаживавшій за нимъ во время болѣзни, писалъ С. Т. Аксакову: „Его физическое состояніе дѣйствуетъ, конечно, на силы душевныя; поэтому онъ ими чрезвычайно дорожитъ, и поэтому онъ ужасно мнителенъ. Всѣ эти причины, дѣйствуя совокупно, приводятъ его въ такое состояніе, въ которомъ онъ истинно несчастнѣйшій человѣкъ“ (Соч. Гог., изд. Кулиша, V т., 424, выноска). Очевидно, что уже тогда, въ самомъ началѣ [1]), болѣзненное состояніе стало рѣзко отзываться на самомъ складѣ характера Гоголя. Прежній дружелюбно искренній и веселый тонъ его писемъ уступаетъ мѣсто сдержанному тону отвлеченныхъ нравоученій. Послѣ болѣзни Гоголь переродился, за нимъ начали замѣчать неровное настроеніе духа, усиленную мнительность и нѣкоторыя странности. Убѣжденный на опытѣ въ спасительномъ дѣйствіи дороги на свой организмъ, онъ вдругъ сталъ приписывать этому средству исцѣленія неимовѣрную силу: „Уже медики махнули было рукою,—говорилъ онъ,—но одно лекарство спасло меня“. Ему даже серьезно приходила оригинальная мысль ѣхать фельдъегеремъ въ Камчатку для того, чтобы поправить разстроившееся здоровье. Мы могли бы еще принять за шутку выраженіе этого страннаго желанія, читая его въ письмѣ къ Погодину, отъ 17-го октября 1840 г., но повтореніе его въ дѣловомъ письмѣ Панова къ С. Т. Аксакову и изумленіе послѣдняго по поводу того, чѣмъ „тѣшилъ себя“ Гоголь, восхищавшійся, что, благодаря дорогѣ,

---

[1]) Мы здѣсь не говоримъ уже о болѣе или менѣе явныхъ признакахъ неблагопріятнаго вліянія на Гоголя его болѣзненности еще ранѣе (въ 1837—1839 годахъ).

у него „свѣжесть, бодрость взялась такая, какой никогда не чувствовалъ", явно свидѣтельствуютъ о ненормальномъ состояніи организма и душевнаго настроенія выздоравливающаго. Съ той поры болѣзненное состояніе, поддерживавшее какое-то лихорадочное возбужденіе въ Гоголѣ, заставляло его въ недугахъ видѣть не тормазъ, а подспорье для умственной дѣятельности. Извѣстны его увѣренія себя и другихъ въ томъ, что болѣзни посылаются для блага страждущаго, для духовнаго его просвѣтлѣнія (см. въ „Выбранныхъ мѣстахъ" — „Значеніе болѣзней" и въ статьѣ: „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенности?" — замѣчаніе по поводу Языкова: „болѣзнь дается только къ ускоренію дѣла, если человѣкъ проникнетъ смыслъ ея"). Гоголь, замѣчая въ себѣ угасаніе силъ физическихъ и душевныхъ, почувствовалъ сильнѣйшую потребность въ утѣшеніяхъ религіи. Во время болѣзни въ Римѣ его ужасомъ поразило внезапное сознаніе возможности не выполнить того, что̀ составляло завѣтную цѣль его жизни. Но онъ не покидалъ надежды, что должно, наконецъ, наступить время, „когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистаніе главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей" (7-ая глава 1 тома „Мертвыхъ Душъ"). Теперь онъ восклицалъ: „Боже! я не боюсь малаго срока жизни, но я былъ увѣренъ, что мнѣ два года будетъ дано плодотворной жизни,—и теперь отъ меня скрылась эта сладкая увѣренность". Причина болѣзни, по его мнѣнію, была въ томъ, что, замѣтивъ приливъ вдохновенія, онъ не воздержался и неумѣренно предался творчеству въ ущербъ здоровью; лихорадочное напряженіе нервовъ и положило его въ постель. „Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей, — писалъ онъ, — не осмѣливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною въ величіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не былъ" (изд. Кул., V, 417). „Я думалъ: можетъ быть, это только мгновеніе, можетъ, это опять скроется отъ меня, и я буду потомъ вѣчно жалѣть, что не воспользовался временемъ пробужденія силъ моихъ". Такъ говорилъ Гоголь въ октябрѣ 1840 г. Уже тогда болѣзненное состояніе его организма то повергало его въ „летаргическое умственное бездѣйствіе", то обусловливало неестественное нервное напряженіе, которое носило на себѣ всѣ признаки нездоровыхъ психическихъ отправленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могло быть сдерживаемо вслѣдствіе сознанія его капризной непрочности. С. Т. Аксаковъ въ то же самое

время отмѣтилъ бросившуюся ему въ глаза перемѣну въ Гоголѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, сказанныхъ по поводу письма его отъ 28-го дек. этого года: „Очевидно, что это письмо уже написано совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предъидущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Должно повѣрить, что много чуднаго совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. *Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде*; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка" („Зап. о жизни Гог.", 1, 172). Съ этимъ горячечно-напряженнымъ состояніемъ совпадало усиленіе обычной потребности широкихъ плановъ. „Я теперь приготовляю, — писалъ онъ С. Т. Аксакову,—къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ". Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, *современемъ выйдетъ кое-что колоссальное*, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно многіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени, но теперь, слава Богу, чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную" (изд. Кул., V, 426). Съ этого времени на первый томъ „Мертвыхъ Душъ" онъ началъ уже смотрѣть какъ только на „крыльцо ко дворцу", который въ немъ „строился" (Соч. Гог., изд. Кул., V, 465; письмо къ Плетневу), и воспиталъ въ себѣ мистическое убѣжденіе, что предпринятый имъ великій трудъ долженъ быть исполненъ по волѣ самого Бога и во славу Божію. То, что̀ сначала высказывалось только какъ робкое предположеніе, вскорѣ по привычной ассоціаціи идей обратилось для Гоголя въ неподлежащую никакому сомнѣнію увѣренность. Черезъ два мѣсяца Гоголь уже писалъ своему „ближайшему", А. С. Данилевскому, что въ своихъ сужденіяхъ о немъ онъ основывался на „небесномъ познаніи природы человѣческой, познаніи, которое мудростью Небесъ вложено ему въ душу". Трудъ свой онъ называетъ прямо „святымъ" и на предположеніе Аксакова принять участіе въ журналѣ („Моск. Сборникъ") отвѣчаетъ съ нескрываемымъ негодованіемъ: „Я умеръ для всего мелочного, — для *презрѣннаго* ли журнальнаго пошлаго занятія ежедневнымъ дрязгомъ я долженъ совершать непрощаемыя преступленія!"

Постепенно явилось такимъ образомъ у Гоголя убѣжденіе, что

для достойнаго выполненія его высокой цѣли онъ долженъ заняться самовоспитаніемъ и устроеніемъ самого себя. Извѣстно, что прежде мастерство свое изображать пошлыхъ и порочныхъ людей Гоголь объяснялъ тѣмъ, что въ немъ самомъ таились крупицы тѣхъ же наклонностей; теперь онъ пришелъ къ послѣдовательному заключенію, что для изображенія людей добродѣтельныхъ прежде всего необходимо возвысить и очистить собственную душу. Задавшись цѣлью изобразить „съ увлекательностью людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ“, Гоголь незамѣтно отказался отъ своего прежняго убѣжденія, что „пора припречь плутоватаго человѣка“, такъ какъ „обратили въ лошадь добродѣтельнаго“. Но чѣмъ больше, чѣмъ грандіознѣе становились его планы, тѣмъ убійственнѣе оказывалось разстояніе между идеаломъ и достиженіемъ, и передъ Гоголемъ все шире раскрывалась та бездна, изъ которой ему не суждено было выбраться.

В. Шенрокъ.

СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ

Соч. Ог. Филона *).

I.—Неравный бракъ.

Старый управитель Моранъ стоялъ на широкой террасѣ зàмка графини де-Вореппъ и пристально вглядывался въ разстилавшуюся передъ нимъ долину.

Наступавшія сумерки окутывали всѣ предметы туманной дымкой; отъ горъ, тѣснившихъ долину, ложились широкія черныя тѣни. Между рѣдкими вершинами разбросанныхъ сосенъ тамъ и сямъ мелькали быстрыя воды бурливаго Изера, прыгавшаго по грядамъ камней и взбивавшаго свои струи въ сѣдую пѣну и брызги о груды прибрежныхъ скалъ.

По ту сторону рѣки на горномъ склонѣ въ зелени виноградниковъ тонули разсыпанные домики маленькой деревушки Вореппъ. Мимо, бѣлой лентой, извивалась дорога въ Шартрёзъ; она уходила въ сторону отъ большого королевскаго тракта изъ Ліона въ Гренобль и терялась въ узкомъ горномъ ущельѣ. Извилистыя очертанія безплоднаго, голаго ската рѣзко выдѣлялись на фонѣ неба, окрашеннаго закатомъ легкими розовато-палевыми тѣнями.

Отъ этого суроваго и печальнаго пейзажа вѣяло въ настоящую минуту какою-то особенною теплотой. Погасавшій закатъ сообщалъ ему меланхолическій колоритъ; надвигавшіяся тѣни, поднимавшіеся туманы смягчали угловатыя очертанія дикихъ скалъ, —и все дышало гармоніей и мирной красотой.

Но старый управитель равнодушно глядѣлъ на знакомую картину, какъ онъ глядѣлъ на нее уже цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ.

---

*) См. „Вѣстникъ Европы“, іюнь, 1890 г.

Прелесть лѣтняго, теплаго вечера не трогала его душу.

Внимательно вглядывался онъ въ потемнѣвшую, широкую аллею, ведшую внизъ на ліонскую дорогу; катившіеся по ней рысью всякаго рода экипажи съ террассы казались мухами, ползущими по мраморной доскѣ стола.

Ночь почти уже наступила, когда подъ старыми вязами, осѣнявшими аллею, раздались быстрые шаги. Скоро затѣмъ на эспланадѣ передъ замкомъ показался молодой человѣкъ, очень статный, въ темномъ, необыкновенно щегольски сидѣвшемъ на немъ, несмотря на свою простоту, судейскомъ костюмѣ, какой тогда носили всѣ принадлежавшіе къ этому сословію, начиная отъ президента парламента и кончая помощникомъ судебнаго пристава. За нимъ, съ чемоданомъ на плечахъ, поспѣшалъ приземистый, запыхавшійся крестьянинъ.

— Отецъ!—вскричалъ молодой человѣкъ, поднявъ глаза и замѣтивъ старика.

Въ три прыжка онъ взбѣжалъ по широкой лѣстницѣ и заключилъ въ свои объятія стараго Морана.

На мгновеніе чувство горделивой радости освѣтило морщинистое, суровое лицо управителя, но сейчасъ же смѣнилось обычнымъ равнодушнымъ выраженіемъ. Холоднымъ, вялымъ тономъ принялся онъ разспрашивать сына о подробностяхъ путешествія. Каковы попались ему попутчики? Нашелъ ли онъ хорошій ночлегъ въ Ліонѣ? Не усталъ ли онъ? и не хочетъ ли поѣсть?

Въ то же время старикъ повелъ сына наверхъ, въ людскія, гдѣ находилось и его помѣщеніе.

— Что тутъ толочься! Сыро становится. Пойдемъ-ка наверхъ. Тамъ будетъ удобнѣе побесѣдовать. Сперва ты поужинаешь, а потомъ мы поговоримъ обо всемъ серьезно.

— Какъ вамъ угодно, папа,—отвѣчалъ сынъ.

Они поднялись по простой деревянной лѣстницѣ въ аппартаменты стараго Морана, состоявшіе изъ трехъ комнатъ и служившіе ему помѣщеніемъ уже добрыхъ сорокъ лѣтъ.

Здѣсь родился его сынъ Жакъ; здѣсь его добрая Бригитта испустила духъ; здѣсь онъ въ одиночествѣ проводилъ послѣднія шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Жакъ уѣхалъ въ Парижъ изучать право.

Неизъяснимое чувство наполнило душу Жака, и слезы невольно выступили на глаза его, когда онъ переступилъ порогъ знакомыхъ, хотя и съ бѣдной обстановкой, но чисто прибранныхъ покоевъ, гдѣ былъ розлитъ неопредѣленный, но пріятный, знакомый запахъ лавенды и свѣжихъ еловыхъ вѣтокъ. Все стояло

на тѣхъ же мѣстахъ; тѣ же были кресла съ высокими, прямыми спинками и кривыми ножками, съ обитыми ковровой матеріей сидѣньями и ручками,—кресла, которыя перемѣна моды изгнала изъ салона графини, и ими-то старый управитель убралъ свое скромное помѣщеніе.

Узенькая постель Жака стояла на прежнемъ мѣстѣ. Надъ нею онъ увидѣлъ образокъ, который вмѣстѣ съ освященной вербой нѣкогда самъ повѣсилъ на стѣну. Въ то время горячая, чистая вѣра наполняла его младенческую душу.

Вспомнилось ему, какъ онъ съ отцомъ посѣщалъ ближній монастырь въ горахъ и тамъ молился Вседержителю Богу вмѣстѣ съ монахами, на кладбищѣ, гдѣ почіютъ мертвые въ ожиданіи великаго дня воскресенія...

Какъ далеко ушли отъ него эти невозвратные дни счастливаго дѣтства! И вотъ вернулся онъ подъ родимую кровлю, гдѣ все осталось по прежнему неизмѣннымъ, но онъ-то былъ уже другимъ!

Старый Моранъ молча, сложивъ руки на животѣ, смотрѣлъ на сына.

— Мнѣ хочется васъ еще разъ обнять, папà!—сказалъ Жакъ.

И онъ принялся обнимать старика. Тотъ подставилъ его поцѣлуямъ свои старыя щеки съ тѣмъ же холоднымъ, безучастнымъ видомъ,—только губы его слегка подергивались отъ внутренней улыбки. Казалось, онъ думалъ про себя: „Совсѣмъ взрослый малый, а какой еще ребенокъ!“

За столомъ имъ прислуживала старая женщина, одѣтая покрестьянски.

— Да вѣдь это Саботта!—воскликнулъ Жакъ, вглядѣвшись въ нее:—что же ты молчишь? Ты не хочешь со мной поздороваться!

— Ты сталъ такимъ господиномъ,—отвѣчала та,—что я и не знала, какъ къ тебѣ и подойти.

— Ахъ, ты, старая!

Они обнялись; старуха прослезилась и принялась утирать глаза концомъ своего передника.

Затѣмъ они сѣли за столъ.

— Послѣ ужина мы съ тобою потолкуемъ,—сказалъ Моранъ, но Жакъ не былъ расположенъ ждать, онъ отлично могъ и ѣсть, и говорить.

Проглотивъ нѣсколько ложекъ супа, онъ обратился къ отцу:

— Я,—сказалъ онъ,—и забылъ васъ спросить, какъ поживаетъ Анри?

— Ты спрашиваешь о молодомъ графѣ?

— Ну, да—о комъ же еще!

— Тебѣ, Жакъ, нужно будетъ оставить эту манеру. Ты не долженъ такъ называть графа де-Вереппъ.

— Что же, прикажете мнѣ звать его „ваше сіятельство"? Вѣдь онъ мой товарищъ дѣтства! Мы съ нимъ вмѣстѣ разоряли гнѣзда и читали по складамъ книжки... И я не могу назвать его „Анри"!

— То было одно время, а теперь другое. Теперь, когда ты сталъ взрослымъ, ты долженъ понимать, какое разстояніе между тобою и графомъ.

Жакъ положилъ ложку и поднялъ голову. Открытое, мужественное лицо его какъ будто озарилось.

— О, если бы ты только зналъ, отецъ!—сказалъ онъ.—Міръ измѣняется, и скоро все станетъ другимъ, такъ что и узнать нельзя будетъ! Великій философъ предсказалъ счастливое будущее молодому поколѣнію, и предсказаніе его сбудется. Время назрѣло, часъ обновленія недалекъ! Уже колеблется почва подъ нашими ногами; старые порядки отживаютъ свой вѣкъ; новое, человѣчное слово раздалось, и близится часъ, когда пустые предразсудки происхожденія и ранга падутъ, и всѣ будутъ равны, и будутъ на землѣ только братья и сестры, только любящіе и любимые!..

Старикъ молча слушалъ эту горячую тираду сына, оставаясь неподвижнымъ и холоднымъ, какъ каменное изваяніе. Когда тотъ кончилъ, онъ помолчалъ съ минуту еще и, наконецъ, проговорилъ:

— Да, я знаю... Здѣсь много тоже болтали. Даже чуть до бунта не дошло... Требуютъ, подумай, свободной продажи хлѣба! Крестьянинъ совсѣмъ испортился. Самое лучшее, по моему, прислать на постой военную команду...

Жакъ наклонился къ своей тарелкѣ, не желая ни соглашаться, ни спорить со старикомъ.

Затѣмъ онъ обратился съ комплиментомъ къ Баботтѣ:—Ты всегда удивительно заправляешь салатъ. Я нигдѣ не ѣдалъ такого!

Ужинъ кончился. Старуха убрала тарелки, поставила бутылку вина, два стакана и удалилась. Моранъ налилъ себѣ и сыну поровну съ педантичною аккуратностью.

— За твое здоровье, юноша!

Онъ медленно отпилъ, потомъ поставилъ стаканъ на столъ, подвинулъ стулъ, прокашлялся и вздохнулъ: все это служило признакомъ, что наступилъ часъ дѣлового разговора, котораго Жакъ ожидалъ съ неопредѣленнымъ безпокойствомъ.

Онъ зналъ, что только что-либо очень важное могло заста-

вить отца внезапно вызвать его изъ Парижа, гдѣ онъ уже третій годъ какъ занимаетъ мѣсто четвертаго клерка въ конторѣ прокурора Риваго̀. Старый управитель не любилъ многословія и всегда, безъ дальнихъ околичностей, прямо шелъ къ цѣли. Онъ и на этотъ разъ не измѣнилъ своей привычкѣ.

— Помнишь ты,—спросилъ онъ,—госпожу де-Сентъ-Эгревъ?

— Сильванію? Маленькую дѣвочку, которую графиня помѣстила къ сестрамъ ордена Благовѣщенія? Какъ мнѣ ее не помнить! Такая милая дѣвочка, съ черными, всклокоченными волосами, веселая, шалунья! Я ее отлично помню!

— Ну, вотъ про нее-то я и хочу сказать. Теперь ей семнадцать лѣтъ, и графиня желаетъ, чтобы ты безъ проволочекъ женился на ней!

— Я?

— Да, ты.

— Но вѣдь она изъ благородныхъ!

— Сильванія де-Сентъ-Эгревъ очень хорошей фамиліи, но она послѣдняя въ родѣ, въ наслѣдство не получила ничего и всѣмъ обязана графинѣ. Въ приданое за нею ты получишь мѣсто совѣтника въ парламентѣ, подъ условіемъ, что ты будешь считаться только исправляющимъ должность; къ этому она присоединяетъ приличное содержаніе, совершенно достаточное; одна же должность, какъ ты самъ, вѣроятно, хорошо знаешь, васъ не прокормитъ.

— Господи! такое неожиданное счастье: жена—милая, хорошенькая женщина, мѣсто совѣтника! Ахъ, отецъ, и ты могъ до сихъ поръ молчать объ этомъ!

— Вы, молодые люди, особенно въ большихъ городахъ, часто связываетесь тамъ съ женщинами...

— Клянусь тебѣ, отецъ!..

— Не надо, не клянись. Кто молодъ не бывалъ! Мнѣ нѣтъ дѣла до твоихъ шалостей.

Жакъ перебилъ его:

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, ничего не было такого! Слишкомъ серьезныя мысли поглощали меня, чтобы я сталъ заниматься интрижками. Благодаря Богу, я сохранилъ мое сердце чистымъ. Оно свободно, и я могу положить его къ ногамъ милой дѣвушки... Вѣдь она, должно быть, восхитительна и достойна обожанія,—не правда ли, отецъ?

— Увидишь самъ.

— Но какія причины могли побудить графиню такъ поступить?

— Она желаетъ устроить счастье своей воспитанницы и,

быть можетъ, хочетъ такъ же наградить меня за тѣ услуги, которыя мнѣ приходилось ей оказывать.

— Я совсѣмъ не думалъ, что она такая!.. Я считалъ ее гордой, безчувственной эгоисткой, тщеславной аристократкой; вижу —я обманывался, и готовъ теперь передъ ней повиниться.

— Тебѣ надо только ее поблагодарить, больше ничего, и это мы сейчасъ и сдѣлаемъ.

И старикъ всталъ. За нимъ поднялся и сынъ. Нѣсколько минутъ спустя они входили въ салонъ графини.

Это была круглая комната, помѣщавшаяся въ нижнемъ этажѣ одной изъ башенъ замка. Стѣны ея были отдѣланы бѣлой рѣзной деревянной обшивкой съ вдѣланными въ нее высокими зеркалами. Изящныя трюмо дополняли убранство комнаты.

Вдовствующая графиня проводила здѣсь все время на кушеткѣ, днемъ стоявшей въ глубокой амбразурѣ окна, теперь же, съ наступленіемъ вечера, отодвинутой въ защищенный отъ малѣйшаго движенія воздуха уголокъ; серебряная лампа, стоявшая на столикѣ, бросала мягкій, но яркій свѣтъ. На покойной кушеткѣ полулежало маленькое, худенькое, закутанное существо, съ гордо приподнятой, рѣзко очерченной головой. Лицо графини, казалось, окоченѣло въ своей мертвенной неподвижности, и тѣмъ разительнѣе выступала живость полныхъ огня и ума глазъ.

Уже двѣнадцать лѣтъ, какъ параличъ приковалъ къ этой кушеткѣ графиню; только въ самые теплые лѣтніе дни она рѣшалась оставлять свой одръ, и тогда ее возили по цвѣтникамъ. Отсюда управляла она своимъ маленькимъ царствомъ, и, не сходя съ мѣста, все знала, все видѣла, всѣмъ распоряжалась.

— А-а-а!—протянула она своимъ тонкимъ, рѣзкимъ голосомъ:—вотъ и нашъ молодой человѣкъ!.. Впрочемъ я уже знала, что онъ къ намъ пожаловалъ. У него очень изящный видъ; что значитъ Парижъ, мой милый Моранъ, онъ даетъ молодымъ людямъ особый лоскъ!

Графиня безъ стѣсненія разсматривала Жака, устремивъ на него строгій, блестящій, проницающій взглядъ. Она и не подумала предложить ему сѣсть. Быть можетъ, графиня, которую судьба приковала къ креслу, не желала ни у кого отнимать счастье стоять предъ нею на ногахъ.

— Вашъ отецъ, вѣроятно, уже сообщилъ вамъ о моихъ намѣреніяхъ? Вы довольны? Да? Больше ничего не требуется. Что же касается дѣвицы де-Сентъ-Эгревъ, которую я желала бы въ эту минуту здѣсь видѣть... Да вотъ и она сама.

Въ самомъ дѣлѣ, дверь какъ разъ отворилась, и Сильва-

нія де-Сентъ-Эгревъ вошла въ комнату. Кровь бросилась въ лицо Жаку; его сердце тревожно забилось. Сильванія сдержала больше, чѣмъ обѣщала въ дѣтствѣ. Изъ милаго, веселаго ребенка она превратилась въ прелестнѣйшую дѣвушку. Прекрасны были ея большіе, ясные глаза необыкновеннаго зеленаго, какъ морская глубь, цвѣта. Нѣжное личико совершенно молочной бѣлизны, сквозь которую, при малѣйшемъ ея движеніи, проступалъ и вновь пропадалъ яркій румянецъ; черные, довольно коротко подрѣзанные волосы набѣгали волнистыми прядями на высокій, строго очерченный лобъ и мраморную шею. Съ рѣзвостью ребенка она то-и-дѣло откидывала ихъ движеніемъ головы. Высокая, хорошо развитая грудь волновалась подъ тонкимъ полотномъ косынки. Во всей фигурѣ ея была разлита неизъяснимая, полная невинности прелесть.

На головѣ была надѣта большая шляпа à la Paméla, отдѣланная матеріей съ бѣлыми и розовыми полосками, съ лентами такого же цвѣта, завязанными подъ подбородкомъ.

Слегка приподнятая юбка позволяла видѣть ея маленькія ножки, ловко охваченныя узкими изъ желтаго сафьяна башмаками на высокихъ каблукахъ. Въ подолѣ юбки она держала охапку цвѣтовъ. Если бы Грёзъ увидѣлъ Сильванію въ то время, какъ она, въ нерѣшительности, куда положить цвѣты, стояла на порогѣ, опустивъ глаза, а длинныя черныя рѣсницы бросали тѣнь на матовую бѣлизну ея щекъ, онъ умолялъ бы ее пробыть нѣсколько секундъ въ этой нерѣшительной неподвижности, чтобы успѣть занести ея дивный образъ на животворящее полотно. Но душа Жака была быстрѣе всякой кисти, и образъ дѣвушки мгновенно запечатлѣлся въ его сердцѣ на всю жизнь, на вѣки.

Сильванія не долго была въ нерѣшительности. Она сдѣлала нѣсколько маленькихъ, легкихъ шаговъ и положила цвѣты на столикъ, стоявшій около кушетки графини.

— Вотъ милая,—сказала графиня де-Ворeппъ:—это нашъ другъ, Жакъ Моранъ, твой будущій мужъ.

Сильванія повернулась къ Жаку, какъ будто только въ эту минуту замѣтила его, и сдѣлала короткій реверансъ.

— Подай руку твоему жениху.

Такъ же безмолвно Сильванія протянула Жаку маленькую, нѣжную ручку, и онъ пожалъ ея тоненькіе, холодные пальчики.

— Ну, вотъ это и будетъ вашимъ сговоромъ. Послѣ завтра васъ обвѣнчаютъ. Въ бракѣ нѣтъ ничего веселаго, но черезъ это надо пройти: таковъ обычай. Не надѣйтесь ни на что особенно пріятное, и вы никогда не обманетесь въ своихъ ожиданіяхъ.

— Могу ли я узнать, охотно ли госпожа де-Сентъ-Эгревъ отдаетъ мнѣ свою руку?

Въ первый разъ дѣвушка подняла глаза на Жака и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Я,—сказала она сдержаннымъ, безстрастнымъ голосомъ, —привыкла во всемъ повиноваться моей крестной матери. Разъ она васъ выбрала—значитъ, и сама я не могла бы выбрать никого лучше.

— Вотъ какъ всегда слѣдуетъ отвѣчать молодой дѣвушкѣ!— скрѣпила графиня.

Мысль, что это прелестное созданье выходитъ за него замужъ только изъ послушанія, заставила сердце Жака болѣзненно сжаться, но онъ постарался отогнать такую мысль, заглушивъ голосъ разсудка, и поспѣшилъ выразить свою теплую признательность графинѣ.

Въ это время короткій, сухой смѣхъ раздался за спиной управителя, бывшаго безмолвнымъ и, повидимому, совершенно равнодушнымъ зрителемъ происходившей сцены.

Въ комнату вошелъ молодой графъ де-Вореппъ. Онъ былъ моложе Жака на два года, но казался гораздо юнѣе его.

Въ его красивой, стройной фигурѣ сквозила какая-то изнѣженность; непринужденныя, ловкія манеры сопровождались легкимъ оттѣнкомъ самодовольной безпечности балованнаго ребенка. Онъ быстро подошелъ къ Жаку и обнялъ его. Помня наставленія отца, Жакъ съ почтительностью принялъ такое выраженіе расположенія графа къ нему, сыну управителя.

— Ваше сіятельство, графъ...—началъ было онъ.

— Ба! — перебилъ графъ:—будь со мною по прежнему, пожалуйста. Повѣрь, ничего не измѣнилось... Тѣмъ болѣе, что ты женишься на моей кузинѣ и такимъ образомъ становишься какъ бы нашимъ.

— Ну, нѣтъ, — замѣтила графиня, не считавшая нужнымъ стѣсняться:—а вотъ дѣти ихъ дѣйствительно могутъ быть господами. Материнская природа ихъ облагородитъ.

Никто не почелъ нужнымъ возражать на это. Часы пробили полночь, и открылось торжественное шествіе—появился лакей и выкатилъ кресло графини на средину комнаты.

Графъ почтительно приложился къ изсохшей рукѣ своей матери. Сильванія низко-низко присѣла, оба Морана тоже отвѣсили глубокій поклонъ, и старая графиня величественно удалилась на покой въ свои аппартаменты, сдѣлавъ на прощанье всѣмъ мило-

стивый жестъ рукою. Лишь только дверь затворилась, всѣ перемѣнили позы, точно актеры, послѣ того, какъ занавѣсъ опустился.

— Ну, теперь,—сказалъ молодой графъ своему другу,—пойдемъ болтать!

Жакъ съ видимымъ сожалѣніемъ обернулся къ молодой дѣвушкѣ:

— Покойной ночи.

Она отвѣчала такъ же серьезно и холодно: — Покойной ночи.

Графъ увлекъ Жака въ бильярдную.

Послѣднему очень хотѣлось разспросить его о Сильваніи, но графъ засыпалъ его вопросами объ оперѣ, объ ужинахъ у знаменитой пѣвицы Гимаръ, о томъ, какія новости по части модъ вывезъ изъ Англіи герцогъ Орлеанскій, о театрахъ, о месмеризмѣ и о тысячѣ другихъ вещей! Было уже очень поздно, когда, наконецъ, Жакъ вернулся въ свою комнату. Тутъ, наединѣ съ самимъ собою, онъ могъ свободно предаться своимъ мыслямъ.

О комъ, какъ не о Сильваніи, было думать ему? Какая чудная женщина выйдетъ изъ этого прелестнаго ребенка! Сколько въ ней наивности, теплоты, жизни,—и все это будетъ принадлежать ему. Ему одному. И она полюбитъ его, непремѣнно полюбитъ,—онъ съумѣетъ заслужить ея любовь!

Хотѣла ли она наказать своею холодностью пренебреженіе къ нему, какъ къ разночинцу, или просто это было слѣдствіемъ дѣвической скромности и застѣнчивости? Жакъ предпочелъ остановиться на послѣднемъ предположеніи.

Одно только его смущало: Сильванія не обмѣнялась ни однимъ словомъ съ его отцомъ. Старикъ даже ни разу не взглянулъ на дѣвушку, а та хоть бы разъ ему улыбнулась. Развѣ она не понимаетъ, что съ этихъ поръ онъ станетъ ей отцомъ? Эти мысли отравляли розовыя мечты молодого человѣка. Онъ долго проворочался, не смыкая глазъ, и заснулъ только на разсвѣтѣ.

Паркъ, прилегавшій къ замку Вореппъ, въ свѣжее, ясное утро былъ прелестенъ. Прямыя подстриженныя аллеи, ряды высокихъ каштановъ, деревцо съ подрѣзанною въ видѣ шара короною, мраморные нимфы и фавны, тамъ и сямъ бѣлѣвшіе между стволами фонтаны въ видѣ группъ миѳологическихъ тритоновъ, со слѣдами нѣкогда покрывавшей ихъ позолоты,—все носило на себѣ отпечатокъ „великой“ эпохи.

Въ полумракѣ этихъ аллей, куда солнечные лучи съ трудомъ проникали сквозь листву переплетавшихся вѣтвей, гулялъ Жакъ. Онъ шелъ то по песку, на которомъ играли солнечныя пятна, то по мятой травѣ газона, заглушавшей его шаги.

Надъ нимъ, въ зеленоватомъ сумракѣ пронизанной свѣтомъ, полупрозрачной листвы чирикали птицы, и ихъ пѣсни сливались съ прерывистымъ ропотомъ фонтановъ.

Неожиданно, на поворотѣ одной изъ аллей, онъ встрѣтилъ ту, которою одной были полны его мысли. Она была одѣта въ платье цвѣта кремъ, на голову накинута отдѣланная кружевами мантилья, похожая на тѣ, какія носятъ испанки; въ рукѣ она держала зонтикъ; къ корсажу приколота гвоздика.

Она была необыкновенно мила со своей не то утомленной, не то насмѣшливой миной, удивительно шедшею къ ней.

Жакъ почтительно ей поклонился.

Она отвѣтила ему съ прежнею холодностью. Она, казалось, была гораздо болѣе занята двумя левретками, прыгавшими вокругъ нея.

— Ici, Пато! ici, Табаринъ!

Но и Пато, и Табаринъ продолжали играть, не слушая ея угрозы, которую они очевидно не желали принимать въ серьезъ; онѣ прыгали и клали свои лапы ей на плечи. Жакъ робко шелъ за дѣвушкой. Онъ говорилъ себѣ, что надо быть смѣлѣе! Вѣдь черезъ двадцать четыре часа эта дѣвушка, до которой онъ теперь не осмѣливается коснуться пальцемъ, должна стать его женой!

Такъ дошли они до круглой площадки, откуда открывался видъ на долину.

— Не правда ли, какъ это прелестно?—сказалъ Жакъ.

— Что?

— Этотъ видъ.

— Я не вижу ничего особеннаго: ручей, деревушка и горы.

— А небо?

— Ну, и небо... Вы все это находите прекраснымъ?

— Да. Смѣю думать, что и вы выбрали этотъ часъ для прогулки въ паркѣ, чтобы насладиться прелестью утра?

— О, нѣтъ, — отвѣчала Сильванія съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ:—я совсѣмъ не умѣю наслаждаться природой.

— Но для этого не надо никакого особаго умѣнья.

— Это вѣрно, но, тѣмъ не менѣе, я ничего въ этомъ не понимаю. Просто я водила гулять Пато и Табарина, вотъ и все.— Наступило молчаніе.

Сильванія присѣла на скамейку. Жакъ разсматривалъ мрамор-

наго Пана. Богъ полей, приложивъ къ губамъ флейту, силился извлечь изъ нея звуки. Казалось, большіе бѣлые глаза Пана съ злобной насмѣшкой смотрѣли на Жака.

Сильванія продолжала играть съ собаками. Она держала надъ ихъ мордами сухарикъ. Нѣсколько мгновеній красивыя животныя неподвижно глядѣли блестящими глазами на лакомый кусокъ, припавъ на переднія ноги. Наконецъ, они бросились на него, но тутъ дѣвушка быстрымъ жестомъ подымала руку еще выше, заставляя псовъ только попустому щелкать зубами.

Казалось, это очень ее забавляло.

Вдругъ, при одномъ порывистомъ движеніи Сильваніи, гвоздика, приколотая къ ея корсажу, оторвалась и упала на землю.

— Ахъ!—сказала она:—мой цвѣтокъ!

Жакъ молча поднялъ его и сперва хотѣлъ отдать ей, но потомъ раздумалъ.

— Смѣю попросить васъ дать мнѣ его,—сказалъ онъ молящимъ, робкимъ голосомъ,—какъ воспоминаніе о счастливой встрѣчѣ съ вами въ это утро?

Она секунду колебалась, но потомъ отвѣтила ледянымъ тономъ:

— Возьмите, если вамъ такъ хочется.

Это было сказано такимъ непріятнымъ, почти презрительнымъ тономъ, что ужъ лучше бы она прямо отказала.

И Жакъ это живо почувствовалъ. Сомнѣнія, которыя онъ тщетно старался отогнать наканунѣ, вновь поднялись въ немъ и превратились почти въ увѣренность. Сердце его мучительно сжалось. Но у него нашлось достаточно мужества, чтобы не отступить на полъ-пути; онъ рѣшилъ узнать истину, чтобы не мучиться понапрасну. Поднявшись со скамейки, онъ сталъ передъ Сильваніею, рѣшительно сложивъ руки на груди.

— Послушайте,—сказалъ онъ,—я боюсь, что между нами возникло недоразумѣніе, послѣдствія котораго будутъ гибельны какъ для меня, такъ и для васъ. Вы разобьете свое счастье, я лишусь душевнаго мира и также, вѣроятно, буду глубоко несчастенъ. Вчера поздній часъ не позволилъ мнѣ поговорить съ вами серьезно, но сегодня я не вижу никакихъ причинъ откладывать необходимое объясненіе. Что заставляетъ васъ насиловать свои чувства, я не знаю. Въ одномъ я глубоко убѣжденъ, что вы отдали мнѣ вашу руку такъ же, какъ этотъ цвѣтокъ, противъ своей воли и желанія.

Сильванія съ надменнымъ видомъ слушала Жака.

— Я,—сказала она, и въ голосѣ ея послышалось раздраженіе,—я уже сказала вамъ вчера...

Жакъ перебилъ ее.

— Я отлично слышалъ, чтò вы вчера сказали, но этого для меня недостаточно. Выслушайте меня теперь: я не знаю тѣхъ мотивовъ, которые побуждаютъ графиню, нашу общую благодѣтельницу, желать этого союза; я не знаю такъ же, чтò именно могло внушить вамъ отвращеніе къ предполагаемому браку; презираете ли вы меня за низкое происхожденіе? Желаете ли остаться въ дѣвицахъ? Или, быть можетъ, ваше сердце уже избрало другого, болѣе достойнаго васъ? Я не знаю. Быть можетъ, ваше еще дѣтское сердце отказывается любить по приказу, и только со временемъ оно раскроется на робкія моленія любви! Богъ, одинъ Богъ знаетъ, какое изъ этихъ предположеній истинно!

Онъ остановился. Глубокое волненіе захватило ему дыханіе. Онъ нервно вертѣлъ цвѣтокъ въ пальцахъ. Сильванія сидѣла безмолвно, не поднимая глазъ, и казалась такою же неподвижной и безотвѣтной, какъ мраморный богъ.

Жакъ совладѣлъ съ собою и продолжалъ:—Вы не удостоиваете меня отвѣтомъ? Прекрасно. Быть можетъ, то, чтò я сейчасъ представлю на ваше усмотрѣніе, раскроетъ вамъ уста. Какъ бы то ни было, вашей недовѣрчивой замкнутости я рѣшаюсь противопоставить полную откровенность. Не скрою, что почетная должность, которую я получу вмѣстѣ съ вашей рукой, является верхомъ моихъ желаній, хотя едва ли соотвѣтствуетъ моимъ заслугамъ. Но не это главное. Было бы безполезно скрывать, что съ той минуты, какъ я васъ увидѣлъ, вы завладѣли мною и навсегда. Назвать васъ женой! одна мысль объ этомъ наполняетъ мою душу блаженствомъ. Если, тѣмъ не менѣе, мнѣ придется отказаться отъ этой надежды,—знаю, я буду глубоко несчастенъ, но эти страданія ничто передъ тѣми, какія придется мнѣ вынести, если вы противъ воли, изъ одного послушанія вашей крестной матери, соедините свою судьбу съ моею. О, это послушаніе разобьетъ мое сердце! и какъ я буду мучиться потомъ, когда вы станете раскаяваться въ немъ!

Сильванія молчала съ тѣмъ же суровымъ видомъ. Наконецъ, она сказала:

— По истинѣ, я не могу васъ понять. Чѣмъ вы собственно недовольны? Я васъ вчера въ первый разъ увидѣла—не могу же я такъ сейчасъ и кинуться вамъ на шею. Я васъ не люблю, и тѣмъ не менѣе вѣдь соглашаюсь же быть вашей женой. Вы говорите, что меня любите, а между тѣмъ сами же создаете затрудненія!.. Чего же вы собственно требуете?

— О, самой простой вещи. Я буду просить графиню отложить нашу свадьбу.

— Она на это не согласится.

— Она согласится на это; у нея нѣтъ никакого разумнаго основанія для отказа. Я буду терпѣливо ждать. Я хочу самъ быть виновникомъ своего счастья. Быть можетъ, не одно слѣпое послушаніе заставитъ васъ отдать мнѣ вашу руку. Если же этому не суждено быть, мнѣ ничего не останется болѣе, какъ удалиться; какъ ни тяжело, какъ ни горько мнѣ будетъ разбить мою жизнь, все-таки у меня останется хотя то утѣшеніе, что я не испортилъ вамъ—вашей.

Онъ возвысилъ голосъ, сперва робкій и тихій, и въ немъ послышалось глубокое, хотя и подавленное чувство.

Въ эту минуту къ нимъ подошла старая Баботта.

— Тебя зоветъ отецъ, Жакъ. Извините, сударыня.

— Сейчасъ иду. До свиданія; умоляю васъ, обдумайте хорошенько то, что̀ я вамъ сказалъ.

Онъ положилъ гвоздику на скамейку, почтительно поклонился и пошелъ за Баботтой.

Едва только Жакъ скрылся изъ виду, какъ раздавшійся за Сильваніей шумъ въ кустахъ заставилъ вскочить спокойно дремавшихъ до сихъ поръ собакъ. Вслѣдъ за тѣмъ, ломая непокорныя вѣтки кустарника, на площадку выскочилъ молодой графъ.

— Вы подслушивали?—сказала дѣвушка.

— Не могу сказать, чтобы я подслушивалъ, но, тѣмъ не менѣе, все слышалъ.

— Мнѣ кажется, однако, что кто, какъ вы теперь, выскакиваетъ изъ кустовъ, тотъ навѣрно очутился тамъ не случайно.

— Не вамъ меня упрекать. Лучше объясните мнѣ вотъ что̀: вчера вечеромъ я свисталъ, кидалъ пескомъ въ окно—все напрасно. Ни отвѣта, ни привѣта. Что это за новая причуда?— И графъ ближе придвинулся къ ней.

— Отчего ты стала такая злая? — прошепталъ онъ, и это „ты“ заставило ее нервно вздрогнуть:—мнѣ столько, столько надо сказать тебѣ!

Онъ хотѣлъ охватить рукою ея талію, но она отстранилась и встала.

— Насъ могутъ увидѣть, — сказала она и пошла впереди графа по узкой дорожкѣ, ведшей въ такъ-называемый „англійскій паркъ“, который развелъ еще покойный графъ, отецъ Анри. Они прошли черезъ мостикъ въ сельскомъ вкусѣ, ведшій на маленькій островокъ, гдѣ находился храмъ Любви. Тамъ, между колоннами,

въ зелени переплетавшихся вѣтвей, стояла статуя Венеры-побѣдительницы. Розовый отблескъ утра оживлялъ ея мраморное тѣло, и статуя, казалось, дышала, гордо приподнявъ прекрасную голову, въ сознаніи своей божественной красоты.

— Эти ночныя свиданія,—сказала Сильванія,—положительно неблагоразумны, особенно теперь. Нескромность какого-нибудь дурака-лакея можетъ погубить все. Замѣтьте, пожалуйста, Анри, то, что̀ я вамъ говорю! надо быть благоразумнымъ... хотя на это время.

— Быть благоразумнымъ не въ моемъ характерѣ... А какая ты сегодня хорошенькая, еслибы ты знала! Ну, что̀ ты думаешь о своемъ мужѣ?

— Я ничего о немъ не думаю.

— Я хочу сказать, какъ ты его находишь?

— Самый обыкновенный человѣкъ, какъ всѣ.

— Онъ не дуренъ собою,—но, знаешь, мужицкая, грубая красота. Жаль только, что у него такія большія руки и ноги.

И графъ, не безъ чувства удовольствія, посмотрѣлъ на свои аристократическія, маленькія ножки.

— Я бы не желалъ, чтобы онъ тебѣ пришелся по вкусу! Чортъ побери!—вскричалъ Анри съ притво̀рнымъ гнѣвомъ:—я ужасно тебя ревную. Выходи замужъ, я ничего противъ этого не имѣю, я даже желаю этого брака, но не смѣй и думать влюбиться въ своего мужа!

И онъ захохоталъ. Сильванія серьезно посмотрѣла на него.

—Вы совсѣмъ не знаете Морана,—сказала она.—И вы, и ваша матушка, глубоко въ немъ ошибаетесь. Это совсѣмъ не такой человѣкъ. Вѣдь вы слышали, что̀ онъ говорилъ мнѣ?

— Вздоръ, моя голубка! Онъ вычиталъ эти фразы изъ романовъ. Всѣ они на одинъ покрой. Тщеславіе и сантиментальность—вотъ и весь онъ тутъ. Надо его немного приласкать... Конечно, въ предѣлахъ, не позволяя ему забываться. Ты это съумѣешь, ты у меня умница.

Сильванія покачала головой.

— Мнѣ это совсѣмъ не нравится,—сказала она.—Мнѣ противно играть такую роль.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами. Онъ хотѣлъ привлечь ее къ себѣ. Сильванія сопротивлялась, отворачивая голову. Но сильныя руки графа охватили ее, и черезъ мгновеніе она была въ его объятіяхъ.

Графиня нашла неудобнымъ, чтобы теперь, когда Жакъ сталъ женихомъ Сильваніи, онъ по прежнему обѣдалъ за однимъ столомъ со слугами. По зрѣломъ размышленіи, этотъ важный вопросъ рѣшенъ такъ: Жакъ долженъ обѣдать вмѣстѣ съ графинею; что же касается старика Морана, то онъ по прежнему будетъ обѣдать вмѣстѣ съ наиболѣе почетными, заслуженными, старыми слугами многочисленной графской дворни. Вечера Мораны пусть проводятъ вмѣстѣ въ отведенномъ имъ помѣщеніи.

Въ то время, когда строгія рамки, раздѣлявшія прежде между собою сословія и ранги, пошатнулись, и высшій классъ сталъ выходить изъ своей замкнутости, особенно тяжело приходилось тому промежуточному классу людей, по образованію и развитію уже ставшихъ выше своего сословія, но въ то же время не принятыхъ въ высшую среду. Находясь въ неопредѣленномъ, фальшивомъ положеніи не то слугъ, не то господъ, они должны были особенно живо чувствовать свое униженіе. Жакъ, въ головѣ котораго уже бродили новыя идеи о равенствѣ и братствѣ, горько засмѣялся, когда узналъ о распоряженіи графини. Между нимъ и его отцомъ проводили демаркаціонную линію, и это тѣмъ сильнѣе раздражало его, что въ будущемъ ему самому предстояло стать въ такое же положеніе относительно своихъ дѣтей.

— Я теперь читаю Мольера,—говорилъ онъ:—и рѣшительно не нахожу между собою и Дандэномъ никакой разницы. Жена моя должна быть изъ того же сословія, какъ и я самъ. Жениться на Сильваніи—значитъ разыграть опять ту же старую комедію „мѣщанина въ дворянствѣ“.

Эти горькія мысли заглушались неопредѣленными, но сладкими мечтами о счастіи съ любимой женщиной, о томъ, какъ онъ заслужитъ ея уваженіе и любовь...

За столомъ у графини Жакъ больше молчалъ, наблюдая за всѣми и давая односложные отвѣты, когда къ нему обращались. Обѣдъ кончился, и графиня опять заняла свой любимый уголокъ. Лишь только слуги удалились, графъ съ безпечнымъ видомъ сказалъ своей матери:

— Кстати, позвольте сообщить вамъ новость. Открывается вакантное мѣсто въ парламентѣ. Г. Гюильо умеръ, не оставивъ наслѣдника мужского пола. Я уже вступилъ въ переговоры съ семействомъ покойнаго, и дѣло идетъ на ладъ.

— И все-таки эти переговоры ни къ чему не приведутъ.

— Почему же, смѣю спросить?

— Потому, что я взяла все дѣло на себя и гораздо раньше твоего обо всемъ распорядилась.

— Я хорошо знаю, что въ Греноблѣ, кромѣ мѣста покойнаго Гюильо, вы никакого другого не купите.

— Но Жакъ и не будетъ совѣтникомъ въ Греноблѣ. Я дамъ ему мѣсто въ Э.

Графъ поблѣднѣлъ и устремилъ на мать загорѣвшійся гнѣвнымъ нетерпѣніемъ взоръ. Оба не могли выносить противорѣчій: сынъ—по избалованности и необузданной юношеской горячности, мать—въ силу многолѣтней привычки повелѣвать своимъ маленькимъ дворомъ, гдѣ всякое ея приказаніе исполнялось безпрекословно.

Однако, несмотря на всю свою пылкость, юный графъ почувствовалъ, что ему не побѣдить упрямства матери, и поэтому предпочелъ уступить.—Мнѣ главное досадно, что всѣ мои мечты рухнули,—сказалъ онъ съ дѣланной небрежностью:—можно было бы новобрачнымъ отвести второй этажъ въ нашемъ домѣ. Мы предоставили бы Жака его дѣламъ, а бо̀льшую часть года Сильванія бы проводила около васъ. Такимъ образомъ, и ваши привычки не нарушились бы. Отсюда до Гренобля не болѣе 10 льё; что̀ значитъ для такого молодца, какъ Жакъ, такое небольшое разстояніе, въ особенности разъ дѣло бы шло о визитѣ женѣ! Такимъ образомъ, все бы устроилось къ обоюдному удовольствію. Не правда ли, кузина?

Сильванія отнеслась совершенно безучастно къ предложенію графа.

— Я поступлю такъ, какъ угодно графинѣ,— сказала она.

Анри бросилъ на нее удивленный и раздражительный взглядъ. Вмѣсто того, чтобы поддержать его, Сильванія способствовала неудачѣ его проекта. Это была явная измѣна и при томъ въ самую критическую минуту.

Графиня молчала.

— Я бы желалъ узнать,—обратился къ ней сынъ:—что̀ вы можете возразить противъ такого въ высшей степени практичнаго проекта?

— Я подумаю еще,—отвѣтила графиня.—Затрудненіе въ томъ, что разъ Сильванія станетъ невѣсткой стараго Морана— отношеніе къ ней совершенно перемѣнится. Поэтому послѣ свадьбы имъ необходимо уѣхать отсюда. Мнѣ тяжело будетъ потерять Сильванію, но надо умѣть приносить жертвы тому, о счастіи кого заботишься.

И мать, и сынъ, принужденные скрывать свои настоящія намѣренія, однако, отлично понимали другъ друга.

Интонація, выраженіе лица, взглядъ, говорили имъ болѣе, чѣмъ слова.

— „Я хочу сохранить свою любовницу и добьюсь своего!"

— „А я не позволю этого!"

Вотъ что̀ выражалъ этотъ тайный языкъ. Сильванія такъ же очень хорошо понимала все. Такъ какъ, кромѣ Жака, никто на нее не обращалъ вниманія, она тихонько вышла изъ салона.

Съ трудомъ сдерживаемое раздраженіе и досада графа, холодное молчаніе Жака—заставили графиню задуматься. Было нѣчто, что̀ могло покорить ея властолюбивый характеръ: это страхъ за сына, единственнаго и нѣжно любимаго, несмотря на его взбалмошность и непокорство.

Жакъ казался ей порядочнымъ человѣкомъ. Богъ знаетъ, что̀ можетъ между ними выйти. Къ тому же ее смущалъ старикъ Моранъ; его скрытный, тяжелый характеръ она никогда не могла хорошенько понять. Въ послѣднее время онъ что-то особенно упрямъ; ужъ не провѣдалъ ли онъ объ этомъ, чего добраго? Если онъ знаетъ, то допуститъ ли совершиться этому браку? Что̀ въ немъ возьметъ верхъ: желаніе ли видѣть своего сына стоящимъ на равной ногѣ съ его господами, или болѣе высокія и благородныя побужденія?

Въ то время, какъ она ломала надъ этимъ голову, Жакъ вдругъ прервалъ молчаніе и заговорилъ.

— Я готовъ повиноваться вашему рѣшенію, графиня, но къ чему такъ торопиться? Бракъ—вещь не шуточная. Что̀ разъ сдѣлано, того уже нельзя измѣнить. Я лично ничего не имѣю противъ брака,—напротивъ; тѣмъ не менѣе желаніе стать мужемъ m-lle де Сентъ-Эгревъ, не заставитъ меня поступить съ необдуманной торопливостью. Сильванія меня совершенно не знаетъ. Мнѣ кажется, что она вообще весьма мало чувствуетъ склонности къ семейной жизни. Я умоляю васъ, графиня, отсрочить предполагаемую свадьбу на нѣкоторое время, чтобы дать ей свыкнуться съ мыслью о предстоящемъ союзѣ, и чтобы, съ своей стороны, я могъ, если только это вообще возможно, заслужить хотя нѣкоторую ея благосклонность.

Въ другое время графиня увидѣла бы въ словахъ Жака возмущеніе противъ ея воли и назвала бы ихъ „блажью" и „сентиментальнымъ вздоромъ". Но на этотъ разъ его смиренная просьба не возбудила ея негодованія.

Она увидѣла въ этомъ средство изучить хорошенько Жака и имѣть возможность отказать ему, если бы это потребовалось.

Къ великому удивленію молодого графа, она сейчасъ же согласилась на отсрочку церемоніи и даже не назначила срока. Анри воздержался отъ возраженій. Онъ въ одно и то же время желалъ свадьбы и ненавидѣлъ самую мысль о ней, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ убѣдился въ необходимости разлуки съ Сильваніей и прекращенія прежнихъ отношеній.

Обладать ею еще нѣсколько недѣль и даже дней—этого достаточно, думалось ему, чтобы удовлетворить капризъ. Она успѣетъ даже за это время ему надоѣсть.

До сихъ поръ Анри довольствовался крестьянками изъ околотка, которыхъ онъ превращалъ въ горничныхъ своей матери, и выходными актрисами въ маленькихъ театрахъ Гренобля и Вуарона. Къ этому надо прибавить еще двухъ или трехъ скучающихъ владѣтельницъ сосѣднихъ помѣстій.

Графиня смотрѣла сквозь пальцы на похожденія сына.

Это было въ порядкѣ вещей и въ духѣ времени и обычаевъ тогдашнихъ высшихъ классовъ.

Но графиня покраснѣла отъ гнѣва и негодованія, когда узнала, что сынъ ея оскорбилъ Сильванію. Этого уже невозможно было допустить! Это переходило всякія границы! Обольстить дѣвушку благороднаго происхожденія, сироту, находившуюся на ея попеченіи! Необходимо положить конецъ этимъ безобразіямъ, и чтобы на будущее время пресѣчь всякую возможность чего-либо подобнаго—женить сына.

Графъ самъ чувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Но что̀ дѣлать! Сильванія такъ мила! А этотъ олухъ—Жакъ—еще проситъ объ отсрочкѣ!

Что касается самой Сильваніи, то она была бы рада тому, что свадьба откладывается, еслибы это могло ее избавить отъ преслѣдованій графа, къ которому она чувствовала безконечное, непреодолимое, возраставшее съ каждымъ днемъ отвращеніе.

Глухая ненависть накипала въ ея груди, такъ какъ она сознавала, что находится въ его власти. Сознаніе безсилія вырваться изъ западни, въ которую она попала, какъ беззаботная, неосторожная птичка, даже и не на приманку, а лишь по одной неопытности, пробуждало въ ней злобу къ своему притѣснителю, о которой онъ и не подозрѣвалъ. Эта злоба, которую она должна была скрывать, душила ее.

Но, быть можетъ, слѣдуетъ теперь разсказать подробнѣе, кто была Сильванія. Мать ея умерла, давъ ей жизнь. Когда ей ми-

нуло два года, отецъ ея былъ убитъ на дуэли. До семи лѣтъ она жила у одного крестьянина въ горахъ. Ее кормили каштанами и надѣляли колотушками, какъ самую простую деревенскую дѣвочку. Когда Сильванія подросла, ее помѣстили въ монастырь. Добрыя „сестры“ были въ отчаяніи, онѣ ничего не могли сдѣлать съ дѣвочкой. Ея мужицкія манеры, мальчишескія выходки, припадки гнѣва и дикой, необузданной веселости—просто пугали ихъ.

Потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ на то только, чтобы пріучить ея ноги къ башмакамъ.

Она выказала рѣшительное отвращеніе къ букварю, катехизису и рукодѣлію. Добрыя „сестры“ бились съ ней, бились и, наконецъ, потеряли терпѣніе. Хотя Сильванія и находилась подъ покровительствомъ важной, богатой дамы,—ее все-таки попросили взять изъ монастыря. Маленькую дикарку графиня увезла въ свой замокъ. Тогда ей уже было одиннадцать лѣтъ.

Но все, что такъ поражало въ ней „сестеръ“ и такъ не гармонировало съ монастырской тишиной и благочиніемъ, съ тѣсными кельями и сумрачными монастырскими переходами, гдѣ жизнь текла по строго опредѣленному, установленному разъ навсегда порядку, все, что тамъ казалось такимъ ужаснымъ буйствомъ, совершенно скрадывалось здѣсь въ замкѣ съ его безконечными амфиладами просторныхъ, высокихъ комнатъ, среди обширнаго парка, покрывавшаго огромную площадь. Сильваніи была предоставлена полная свобода цѣлые дни проводить на открытомъ воздухѣ, и никто не безпокоился о томъ, гдѣ она и что̀ дѣлаетъ. Никто не бранилъ ее, если она возвращалась поздно вечеромъ въ изорванномъ и запачканномъ платьѣ.

Ея воспитаніе графиня поручила учителю, относившемуся съ подобострастнымъ почтеніемъ къ благородной дѣвицѣ, и домашнему капеллану, совершенно глухому старику. Они дѣлали видъ, что занимаются съ Сильваніей. Уроки давались, смотря по ея расположенію и желанію, изрѣдка и совершенно неправильно. Четырнадцати лѣтъ она умѣла читать и писать довольно хорошо, прочла весьма немного, зато отлично ѣздила верхомъ, умѣла бить масло и прививать черенки къ яблонямъ, лазила по деревьямъ, разоряла гнѣзда, умѣла ставить силки и верши, стрѣляла изъ ружья и необыкновенно гордилась своимъ проворствомъ и силой.

Сильванія боялась и избѣгала графини. Но къ своему двоюродному брату относилась съ большимъ уваженіемъ, удивляясь его ловкости во всевозможныхъ физическихъ упражненіяхъ и той смѣлости и граціи, съ которой онъ бралъ барьеры и заставлялъ лошадь переносить его черезъ широкія канавы.

Эта странная дѣвочка обожала его еще за то презрѣніе, съ которымъ онъ къ ней относился. Анри не могъ смотрѣть на нее какъ на женщину. Онъ относился къ этой маленькой дѣвочкѣ съ худенькими, но сильными ручками, съ горящими, живыми глазами и черными спутанными волосами, такъ же, какъ къ своей лошади или собакѣ. Онъ принималъ ея обожаніе, какъ вполнѣ естественное выраженіе удивленія къ существу высшаго порядка, и удостоивалъ ее чести нести его пороховницу или пустую сумку.

Однажды они вмѣстѣ долго ѣздили по лѣсу; на возвратномъ пути Анри немного отсталъ отъ Сильваніи, и когда подъѣхалъ къ дому, то увидалъ, что дѣвочка не знаетъ, какъ ей слѣзть съ сѣдла. Какъ на грѣхъ берейтора, обыкновенно снимавшаго ее съ лошади, не случилось по близости.

— Эге!—крикнулъ онъ ей:—я думалъ, что ты съумѣешь слѣзть съ лошади и безъ помощи берейтора.

— Я боюсь разорвать новую юбку.

— Ну, хорошо, я самъ тебя сниму.

И онъ схватилъ ее своими сильными руками и приподнялъ съ сѣдла. Секунду онъ держалъ въ объятіяхъ ея тонкое и стройное тѣло, трепетное и влажное отъ быстрой ѣзды. Ея горячее, чистое дыханіе коснулось его лица и нѣжная щека дотронулась до его щеки. Затѣмъ Анри поставилъ ее на землю. Съ этого мгновенья отношеніе его къ Сильваніи совершенно измѣнилось. Въ этомъ ребенкѣ онъ увидѣлъ женщину, и постыдная страсть проснулась въ немъ. Мало-по-малу тайныя желанія овладѣвали его душой, пока, наконецъ, не заглушили всѣ тѣ слабыя проявленія благородства, которыя пробуждалъ въ немъ тайный голосъ совѣсти.

Бѣдный ребенокъ радовался тому вниманію, которое ему оказывалъ красивый, ловкій двадцати-пяти-лѣтній кузенъ, всюду слѣдовавшій за нею, находившій ее въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ замка. Она была счастлива, читая на его лицѣ удовольствіе при видѣ ея. Но въ то же время ее смущалъ и пугалъ безумный пламень, горѣвшій въ его взорѣ.

Какъ-то разъ, въ самую жаркую лѣтнюю пору, въ тотъ часъ, когда рабочіе обѣдали, и на заднемъ дворѣ не было ни души, Анри поймалъ дѣвочку въ маленькомъ сѣнномъ сарайчикѣ, гдѣ она отдыхала, утомленная долгой бѣготней.

— Я тебя не пущу,—сказалъ онъ ей глухимъ голосомъ.

Они были совершенно одни. Полуденный жаръ тяготѣлъ надъ землею. Все затихло и притаилось, утомленное палящимъ полднемъ; молчаніе нарушалось только сиплымъ воркованіемъ голу-

бей на крышѣ сарая, да истерическимъ кудахтаньемъ куръ. Онъ ее обнялъ. Она подумала, что онъ ее хочетъ ущипнуть или пощекотать. Но поцѣлуй, еще первый въ ея жизни поцѣлуй мужчины, изумилъ ее и обезсилилъ; все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, что она не успѣла ни защищаться, ни даже сообразить, чтò такое случилось съ нею. Когда онъ убѣжалъ и бѣдная дѣвушка осталась одна, она закрыла лицо руками подавленная усталостью и отвращеніемъ.

Она пыталась понять, собраться съ мыслями. Потомъ побрела домой, чтобы освѣжить лицо водою прежде, чѣмъ сойти къ обѣду.

Она понимала, что съ нею случилось что-то ужасное, но не могла объяснить себѣ, чего собственно она такъ боится, отчего тоска и угрызенія терзаютъ ея сердце. И когда она смыла съ разгорѣвшагося лица поцѣлуи Анри, то подумала, что теперь все прошло, и успокоилась. Но на другой день она вспомнила о случившемся, и ей стало горько и стыдно. Она почувствовала, что случившееся наканунѣ съ нею имѣетъ роковое значеніе въ ея жизни. Ея глаза раскрылись. Все представилось ей въ иномъ свѣтѣ. Она обратила теперь вниманіе на многое, чтò прежде проходило передъ нею, не задѣвая ее. Въ деревнѣ скорѣе узнаются вещи этого рода. Она поняла, почему дочка садовника закрывалась передникомъ, вся багровая отъ стыда, когда графиня распекала ее, называя „неблагодарной“ и „безчестной“, и при этомъ примѣшивала къ своимъ укорамъ имя молодого лакея Франсуа. Она узнала, что двое мальчишекъ, служившихъ на конюшнѣ, подрались изъ-за коровницы и вилами нанесли другъ другу тяжелыя раны. То же наблюдала она и въ мірѣ животныхъ. И изъ всего этого она вывела заключеніе, что у людей порою бываетъ родъ припадковъ, которые по существу и своимъ проявленіямъ совершенно подобны чувству голода или гнѣва, такъ же ослѣпляютъ человѣка, и жертвою этихъ припадковъ становится беззащитная женщина, которой опасно и противиться, опасно и уступить.

Это и есть то, что называютъ любовью! Она не сразу сдѣлала это открытіе, но приходила къ нему постепенно, шагъ за шагомъ, и тѣмъ легче было ей придти къ убѣжденію въ справедливости своего вывода, что Анри болѣе не преслѣдовалъ ее. Напротивъ, онъ, повидимому, старался ее избѣгать, и попрежнему совершенно не замѣчалъ ея присутствія. Но она и не думала теперь о немъ. Въ ней совершилась глубокая перемѣна. Прежде это была рѣзвая, беззаботная, веселая дѣвочка, цѣлые дни проводившая въ паркѣ, въ поляхъ и лѣсахъ; теперь она стала молчаливой, замкнутой, полюбила сидѣть дома и порою впадала въ

какое-то оцѣпенѣніе. Она или сидѣла около графини, или уходила въ паркъ, выбирала самый дальній, заглохшій уголъ и тамъ ложилась на травѣ и, вдыхая грибной запахъ прѣлой листвы и опьяняющее благоуханіе пахучихъ растеній, наблюдала за безчисленными маленькими существами, ползавшими по былинкамъ, или ложилась на спину и, убаюканная щебетаніемъ птицъ, полузакрытая высокой, мягкой травою, слѣдила сквозь просвѣты зеленаго свода древесныхъ вѣтвей, переплетавшихся надъ нею, за легкихъ бѣгомъ тучекъ по безмятежной лазури небесной, слѣдила безъ мысли, въ какомъ-то забытьѣ... Не менѣе быстрая и удивительная физическая перемѣна сопровождала это нравственное перерожденіе. Ея станъ достигъ нормальнаго развитія.

Рѣзкость и неловкость движеній смягчились женственной граціей. Все въ ней прониклось гармоніей и законченностью. Красота ея распускалась, какъ почка весенняго цвѣтка подъ теплымъ апрѣльскимъ дождемъ. Она хорошѣла съ каждымъ днемъ. Анри возобновилъ свои преслѣдованія, но уже совершенно въ новой формѣ. Уже и помину не было о прежней вознѣ и ребяческихъ выходкахъ. Онъ обращался съ нею съ необыкновенной почтительностью, какъ съ важной дамой. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ классическіе пріемы ухаживанія, провожалъ и встрѣчалъ ее вздохами и страстными взглядами, спѣшилъ исполнить малѣйшее ея желаніе, оказывалъ ей тысячи услугъ, всегда на сторожѣ, всегда готовый напасть врасплохъ. Но все это не имѣло такого успѣха. Тогда онъ напомнилъ ей то, чтò между ними произошло, и далъ ей понять, что теперь она уже въ его власти и онъ—ея господинъ. По его словамъ она уже давно ему нравится.

Въ концѣ концовъ, задыхающаяся, негодующая, она склонилась на его требованія. Съ этихъ поръ жизнь ей стала ненавистна, люди казались ей отвратительными, на лицахъ ихъ она читала, что всѣ они рабы той же позорной страсти, время отъ времени, помимо ихъ воли, проявляющейся во взглядахъ, жестахъ, голосѣ. Чувство женской стыдливости проснулось въ ней, отвращеніе ее душило; но, увы, все это пришло слишкомъ поздно и не могло защитить ее.

„О, какая тяжелая женская доля, проклятая доля!"—думала она.

Она теперь не боялась больше старой графини. Напротивъ, она старалась постоянно быть около нея, такъ какъ только въ салонѣ графини чувствовала себя вполнѣ безопасной.

Съ своей стороны, графиня, видя, какъ охотно Сильванія остается въ ея обществѣ, какъ она стала задумчива и спокойна,

приписывала все это своему вліянію. Она часто говорила: „Вотъ какъ эта дѣвочка мила! А еще объ ея характерѣ въ монастырѣ говорили такіе ужасы. Какія, однако, дуры эти сестры!“

У графини была любимая горничная, имѣвшая честь тоже пользоваться одно время вниманіемъ молодого графа. Видя, что онъ окончательно ее оставилъ, эта дѣвушка захотѣла отомстить ему, и въ удобную минуту разсказала графинѣ о томъ, что̀ давно знала вся дворня. Графиня была поражена какъ громомъ. Въ гнѣвѣ она хотѣла немедленно прогнать свою воспитанницу, а сына отправить въ полкъ. Хотя Сильванія и происходила изъ хорошей фамиліи, но о томъ, чтобы графъ женился на ней, не могло быть и рѣчи. Всѣ честолюбивыя мечты графини рухнули бы,—разъ сынъ ея женился на обольщенной имъ дѣвушкѣ. Допросивъ свою воспитанницу, графиня убѣдилась, что сынъ этимъ необдуманнымъ поступкомъ навалилъ на себя порядочную обузу. Пусть бы это была замужняя женщина, но дѣвушка, дѣвица благороднаго происхожденія! Тогда-то она и вспомнила про Жака. Графиня надѣялась на всегдашнее безпрекословное повиновеніе приказу госпожи, на слѣпую, собачью преданность старика Морана ея фамиліи. Кромѣ того, старикъ не могъ не сообразить, какія матеріальныя выгоды извлечетъ изъ этого Жакъ. Да, говоря по правдѣ, для Морановъ и то уже большая честь, если они воспользуются объѣдками со стола графовъ де-Вореппъ! Такимъ образомъ, въ головѣ графини родилась мысль о союзѣ Жака съ Сильваніей. Сынъ тоже былъ не противъ этого брака, такъ какъ надѣялся и послѣ него сохранить тѣ же отношенія къ Сильваніи. Но такъ какъ графиня именно этого-то и не хотѣла и, главнымъ образомъ, надѣялась устроить предполагаемый союзъ, чтобы тѣмъ самымъ разорвать эту въ высшей степени нежелательную связь, то ей пришлось вступить въ борьбу съ сыномъ. Кто изъ нихъ настоитъ на своемъ—могло показать только время. Что касается Сильваніи, то къ своему будущему мужу она сразу почувствовала равнодушное презрѣніе. Хорошъ человѣкъ, рѣшившійся взять на себя подобную роль! Это обыкновенный способъ, какимъ лакеи выходятъ въ люди. Люди его сословія, какъ ей не разъ говорили, и какъ она сама была убѣждена, принадлежатъ къ низшей расѣ. Они иначе чувствуютъ, иначе мыслятъ. Богъ далъ имъ душу низшаго порядка. Безъ сомнѣнія, ей не трудно будетъ держать подобнаго мужа на почтительномъ разстояніи отъ себя.

Она увидѣла Жака, и въ груди ея проснулись сомнѣнія. То, что̀ онъ говорилъ въ паркѣ, было ново для нея. Жакъ хочетъ заставить ее полюбить себя. Но какимъ образомъ? Что это за

неизвѣстная еще ей любовь, которая не наполняетъ человѣка страстнымъ бѣшенствомъ, но говоритъ такъ робко и противъ воли пробуждаетъ въ душѣ не страхъ, а какое-то сладкое, непонятное сочувствіе? Но, пожалуй, въ концѣ концовъ эта послѣдняя—самая страшная. Во всякомъ случаѣ, все это было нѣчто новое, неизвѣстное ей. И мысли Сильваніи постоянно вертѣлись около одной и той же фразы: какъ онъ заставитъ полюбить себя?

Но Жакъ не дѣлалъ ничего особеннаго, чтобы привлечь ея вниманіе и расположеніе. Немного натянутый видъ, бывшій у него въ первое время по пріѣздѣ, теперь совершенно исчезъ. Очевидно, мучившія его сомнѣнія и внутренняя тревога въ немъ улеглись. Онъ совершенно освоился съ обстановкой, входилъ въ салонъ графини вполнѣ непринужденно, бродилъ по парку, по амфиладамъ замка, веселый и беззаботный, напѣвая что-то въ полголоса. Онъ снялъ свое черное, судейское платье, при видѣ котораго всякому приходили въ голову подъяческія кляузы, ябеды и формалистика, и облекся въ сѣрую пару, вполнѣ соотвѣтствовавшую сельской простотѣ нравовъ и деревенскому мирному пейзажу. Онъ не старался попадаться на глаза своей невѣстѣ, не докучалъ ей преслѣдованіями, заранѣе подготовленными, какъ будто неожиданными встрѣчами, вздохами, чувствительными фразами.

Когда онъ говорилъ съ Сильваніей, въ глазахъ его не свѣтился огонь тайныхъ вожделѣній, въ словахъ его не было никакой затаенной, задней мысли, но въ голосѣ его слышалась какая-то особенная задушевная теплота; онъ скорѣе походилъ на степеннаго, старшаго брата, относящагося къ нѣжно любимой сестрѣ съ осторожнымъ покровительствомъ. Однажды утромъ, когда Сильванія безцѣльно скиталась по замку, внезапно слухъ ея поразили гармоническіе нѣжные звуки. Они неслись черезъ безконечную амфиладу нижнихъ пустыхъ покоевъ, изъ той комнаты, гдѣ стоялъ клавесинъ. Сильванія нашла тамъ Жака. Онъ сидѣлъ за клавесиномъ и бралъ аккорды.

— Продолжайте, пожалуйста,—сказала Сильванія,—не обращайте на меня вниманія.

Жакъ сталъ наигрывать какой-то мотивъ.

— Вы, однако, умѣете играть, какъ я вижу, — продолжала она.

— Немного. Но инструментъ довольно плохой и къ тому

же разстроенъ. Слышите? Два клавиша совсѣмъ не дѣйствуютъ. Какъ я вижу, до него уже давно никто не дотрогивался.

— Да, на немъ никогда не играютъ.

— А вы?

— Одно время я училась играть на арфѣ.

— Да, я вижу, вонъ она стоитъ въ углу. Попробуйте, а?

И онъ поставилъ инструментъ передъ Сильваніей.

Она сѣла и стала робко перебирать струны.

— Начинайте съ этого,—сказалъ Жакъ.

Онъ показалъ ей, какъ правильно держать пальцы, и съ величайшимъ трудомъ, поминутно сбиваясь, она сыграла начало романса: „Ah, vous dirai-je, maman?"

— Ну, вы не очень-то сильны въ музыкѣ; но если вы хотите, мы съ вами можемъ заняться.

И онъ сыгралъ романсъ на клавесинѣ.

— Сыграйте еще что-нибудь!—попросила Сильванія.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Онъ сыгралъ „la Belle Bourbonnaise", „les Enfants d'Adam", нѣсколько минуэтовъ и, наконецъ, церковный гимнъ, сочиненный при Людовикѣ XIII; затѣмъ, дополняя собственной фантазіей тамъ, гдѣ память ему измѣняла, отрывки арій: изъ „Devin de village", „la Chercheuse d'esprit", „Déserteur".

Мало-по-малу онъ воодушевился, началъ подпѣвать въ полголоса, припоминая слова, переходя изъ одной мелодіи въ другую; голосъ его, чистый, свѣжій, необыкновенно пріятнаго тембра, росъ, крѣпъ, становился звучнѣе. Героическую арію Блондэна:

O, Richard, ô mon roi,
L'univers t'abandonne!

онъ спѣлъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. И вдругъ голосъ его проникся теплотою и нѣжностью,—казалось, онъ несся откуда-то издалека, какъ тихій вздохъ, какъ робкое моленіе любви:

Du moment qu'on aime
On devient si doux,
Et je suis moi-même
Plus tremblant que vous—

пропѣлъ онъ первую фразу дуэта изъ „Земиры и Азора".

И, повернувшись къ Сильваніи, онъ съ жаромъ заговорилъ о музыкѣ, о музыкантахъ. Онъ видѣлъ Гретри и его милую дочь, разговаривалъ съ Монсеньи, слышалъ Вольфганга Моцарта — этого геніальнаго ребенка. А когда онъ слушалъ знаменитаго органиста Куперина, то положительно не могъ удержаться отъ

слезъ. А Глюкъ! Боже мой, что это за геніальный композиторъ! И Жакъ съ сверкающими отъ восторга глазами разсказалъ, какъ онъ мокнулъ цѣлыхъ три часа подъ проливнымъ дождемъ, чтобы попасть на „Орфея“.

— Ахъ, что за музыка!—И онъ снова заигралъ, пытаясь воскресить звуки, одно воспоминаніе о которыхъ наполняло душу его восторгомъ и заставляло дрожать. Мелодія легкая, полная невинной радости, пастушеская любовная пѣсенка—смѣнилась задумчивыми, торжественными звуками, полными таинственности. Царство блаженныхъ тѣней. Онѣ проходятъ вереницей звуковъ, полныхъ неземной чистоты, легкихъ, воздушныхъ, расплывающихся, неуловимыхъ... И вдругъ раздаются дикіе вопли хора демоновъ, и сквозь эти звуки ярости и страданія поднимается мало-по-малу могущественное въ своей простотѣ воззваніе Орфея къ богу подземнаго царства мертвыхъ, и все разрѣшается отчаяннымъ, раздирающимъ душу воплемъ:

J'ai perdu mon Eurydice!..

Мало-по-малу вопль этотъ перешелъ въ тихія рыданія и, наконецъ, замолкъ... Жакъ закрылъ клавесинъ и всталъ.

Въ царствовавшей тишинѣ, гулко отдаваясь въ пустыхъ покояхъ, раздался меланхолическій бой старыхъ часовъ.

— Полдень!—вскричала Сильванія: — неужели я здѣсь уже цѣлыхъ два часа?

И она побѣжала въ свою комнату, чтобы поправить волосы передъ обѣдомъ.

На другой день, когда Сильванія бродила по парку и зашла въ глухую, запущенную часть его, она случайно набрела тамъ на Жака. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ и рисовалъ. Она молча подошла къ нему и заглянула черезъ его плечо.

— Узнаете, что̀ я рисую?—спросилъ Жакъ.

— Да, вонъ тѣ скалы... Но почему бы вмѣсто этихъ безобразныхъ скалъ вамъ не нарисовать замокъ или тотъ островокъ, гдѣ стоитъ храмъ Любви... Это такой красивый уголокъ! Или бы срисовать какую-нибудь статую.

— Скалы, которыя, по вашему, такъ безобразны, на мой взглядъ—куда красивѣе всѣхъ затѣй парка. Тутъ сама природа, а тамъ все искусственно, условно. Когда я смотрю на эти величественныя горы, мнѣ кажется, что онѣ только-что вышли изъ рукъ Творца, когда все дышало первобытной чистотой и невинностью, къ гимну ликующей природы еще не примѣшивались страдальческіе стоны и дыханіе вѣтра не приносило съ собою

вздоха горести. Жизнь была полна прелести, и человѣкъ не совершилъ еще преступленія.

Онъ вдругъ умолкъ. Потомъ спросилъ:

— Вамъ случалось гдѣ-нибудь въ полѣ идти одной?

— О, не разъ.

— О чемъ вы тогда думаете?

— Право, ни о чемъ.

— А о чемъ вы думаете, когда не думаете ни о чемъ?

Сильванія засмѣялась.

— Я васъ не понимаю.

Онъ наклонился и поднялъ маленькій томикъ, лежавшій передъ нимъ на пескѣ.

— Вотъ писатель, — сказалъ онъ, хлопнувъ по корешку книги,—который растолкуетъ вамъ, что̀ вы думаете, когда ни о чемъ не думаете.

Это былъ Руссо.

Жакъ открылъ книгу и прочелъ вслухъ нѣсколько страницъ, гдѣ Руссо описываетъ мечты, наполнявшія его душу во время уединенныхъ прогулокъ. Музыка этой звучной поэтической прозы необыкновенно подходила къ музыкѣ Глюка. Читатель переживалъ вмѣстѣ съ авторомъ его ощущенія, едва уловимыя, таинственныя, почти незамѣтныя для самой души, въ которой они возникаютъ, порождая неясныя, измѣнчивыя грёзы, погружающія умъ въ сладкое полузабытье.

Когда онъ кончилъ, Сильванія сказала:

— Да, я часто чувствовала то же, что̀ описывается въ этой книгѣ, но я не могла бы этого выразить словами. Вы мнѣ дадите ее прочесть?

— Нѣтъ, для васъ это слишкомъ рано, — отвѣчалъ Жакъ, улыбаясь:—въ этомъ томѣ говорится, между прочимъ, о такихъ вещахъ, о которыхъ не слѣдуетъ читать молодой дѣвушкѣ.

Считая ее невиннымъ ребенкомъ, онъ боится, чтобы книга не познакомила ее со зломъ! Ахъ! еслибы онъ зналъ!.. Сильванія опустила голову. Мучительная тоска внезапно сжала ея сердце. Отъ Жака не ускользнула эта безпричинная тѣнь печали, прошедшая по ея лицу.

Онъ весело спросилъ ее, указывая на букетъ, который она держала въ рукахъ:

— Знаете вы имена этихъ цвѣтовъ?

— Далеко не всѣхъ.

— А вы любите цвѣты?

— Да, очень.

— Отлично! вы должны знать имена своихъ друзей. Если вамъ угодно, я не только назову каждый цвѣтокъ по имени, но разскажу исторію его самого и его семейства. Вѣдь у цвѣтовъ тоже есть своя родословная, не хуже, чѣмъ у графовъ де-Вореппъ.

Сильванія разсыпала цвѣты у себя на колѣняхъ. Жакъ бралъ ихъ по одному и о каждомъ читалъ цѣлую лекцію. Незамѣтно для самой себя, Сильванія провела въ его обществѣ цѣлое утро. Она съ удовольствіемъ слушала его и не чувствовала къ нему прежняго недовѣрія. Возвращаясь домой, она старалась не попасться на глаза Анри и незамѣтно проскользнуть въ свою комнату; но онъ подсматривалъ за ними и теперь неожиданно выросъ, какъ изъ-подъ земли, въ одномъ изъ закоулковъ замка.

Онъ грубо спросилъ ее:

— Чтò вы дѣлали? Чтò онъ тебѣ говорилъ?

— Онъ выучилъ меня пѣть „Portrait charmant".

— Болванъ!.. Что еще?

— Мы говорили о ботаникѣ.

— Оселъ! Вотъ все, на чтò онъ способенъ, оставшись наединѣ съ молодой дѣвушкой!

Сильванія не отвѣчала ничего и, вырвавшись изъ его рукъ, убѣжала. Каждый разъ послѣ-обѣда Жакъ и Сильванія встрѣчались у старой мраморной, поросшей мхомъ, скамейки передъ статуей Пана. Какое значеніе въ ея жизни заняли эти ежедневныя бесѣды, дѣвушка поняла лишь, когда однажды не нашла Жака на обычномъ мѣстѣ ихъ свиданій. Она долго ждала его,—несмотря на свою гордость, она принуждена была признаться самой себѣ, что она ждала его,—Сильванія встала опечаленная и задумчивая и медленно пошла къ дому, хотя и видѣла вдалекѣ Жака, спокойно шедшаго въ одной изъ аллей. Однако онъ замѣтилъ ее и догналъ, держа шляпу въ рукахъ.

— Вы хорошо сдѣлаете, если вернетесь домой. Сейчасъ будетъ гроза.

Въ самомъ дѣлѣ, черная туча, гонимая южнымъ вѣтромъ, надвигалась изъ-за горъ, заволакивая ущелья свинцовой завѣсой лившаго тамъ изъ нея дождя и мало-по-малу охватывая небо. Бурные порывы вѣтра наклоняли вершины деревъ. Старые вязы трещали.

— А вы куда ходили?—спросила Сильванія.

— Я былъ у тетушки Тригò. Вы знаете тетушку Триго?

— Да, я встрѣчала ее. Она бродитъ одна и всегда бормочетъ что-то себѣ подъ носъ. Я ея боюсь. У нея такой злой видъ.

Жакъ слегка пожалъ плечами.

— Не знаю, почему вамъ бѣдная тетушка Триго кажется злой. Она не злая, а только очень несчастная старуха. Горе помутило ей умъ. Вы знаете, вѣдь ея сынъ когда-то утонулъ. Послѣ него остались дѣти. Какъ ей трудно было ихъ выростить! Но мальчика взяли въ солдаты, а дочь убѣжала съ какимъ-то проходимцемъ. Старуха осталась одна какъ перстъ. Теперь она стала очень плохо видѣть и почти не въ состояніи работать. У нея не выплаченъ оброкъ за два года. Сегодня судебный приставъ долженъ описать все ея имущество, а самое ея выгнать изъ дома... Я уже былъ у нея и сейчасъ опять пойду. Надѣюсь, мнѣ удастся помочь ей.

— Чтò же вы сдѣлаете?

— Увижу послѣ.

— Я пойду съ вами.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнулъ Жакъ, и радостная улыбка озарила его лицо. Но надо было спѣшить. Сильванія молча шла за нимъ.

Лачужка тетушки Триго стояла подъ старыми ольхами на склонѣ холма, около быстрой рѣчки, вдалекѣ отъ всякаго жилья.

Приставъ со своими помощниками уже явился описывать имущество бѣдной старухи. Это былъ маленькій, грязный человѣчекъ, нахальный и трусливый въ одно и то же время, вообще имѣвшій очень жалкій видъ.

Изъ лачуги уже вынесли и сложили кучей квашню, жалкую колченогую кровать, деревянныя скамьи, старый, полуразвалившійся стулъ, двуколесную телѣжку, коробъ съ солью, чанъ, въ какихъ бучатъ бѣлье, таганъ, чугунъ, деревянную утварь. Весь этотъ нищенскій скарбъ казался еще болѣе жалкимъ теперь, когда онъ въ безпорядкѣ валялся на землѣ въ пыли. Въ отпертую дверь можно было видѣть всю внутренность хижины. Печальный видъ имѣло это опустѣлое жилище съ голыми стѣнами, на которыхъ чернѣли дыры отъ вытащенныхъ гвоздей.

Тетушка Триго сидѣла въ сторонѣ на камнѣ, охвативъ руками колѣни, и, повернувшись спиною къ своему разоренному гнѣзду, смотрѣла на рѣку. Она ласкала свою козу, хрипло напѣвая что-то себѣ подъ носъ.

Трое дѣтей изъ сосѣдней деревни стояли въ сторонѣ и съ любопытствомъ глядѣли на все происходившее. Но и они чувствовали, что творится что-то недоброе, и стояли молча, не шевелясь.

Жакъ подошелъ къ приставу и назвалъ себя.

— Вы и ее такъ же вышвырнете изъ дома, какъ этотъ хламъ?—спросилъ онъ.

— Такъ слѣдуетъ по закону. Я явился сюда по жалобѣ вашего отца.

— Не можете ли вы дать ей отсрочку?

— Ей ужъ довольно давали отсрочекъ!

— Но куда же она дѣнется?

— Это до меня не касается. Для нищихъ есть богадельни. Да вы посмотрите, что это за упрямая старуха! При мнѣ приходилъ сосѣдній крестьянинъ и предлагалъ ей помѣститься у него въ сараѣ; она отказалась...

— Тетушка Триго,—обратился Жакъ къ старухѣ:—это я.

Она подняла голову. Морщинистое, истощенное лицо ея было страшно. Впалыя щеки какого-то земляного оттѣнка свидѣтельствовали о долгомъ голоданіи, о жестокой нуждѣ, которую она терпѣла много, много лѣтъ. Она устремила на Жака ужасный взглядъ. Глаза ея почти совсѣмъ поблекли отъ невыразимой тоски и казались мертвыми.

— Кто вы?—спросила она.

— Я сынъ Морана—управителя. Вы не узнаете меня? Я въ былое время часто приходилъ сюда. Мы вмѣстѣ съ вашимъ сыномъ ловили рыбу на удочку, ставили верши.

На пергаментномъ лицѣ старухи промелькнулъ какой-то лучъ жизни: это была радость, горделивая радость, пробужденная воспоминаніемъ о погибшемъ сынѣ.

— Ты зналъ Жозефа! Да, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! О, что за молодецъ былъ мой Жозефъ! Съ нимъ, бывало, не соскучишься!— Она умолкла на мгновеніе, какъ будто задумалась. Потомъ сказала совершенно другимъ тономъ:

— Сынъ стараго Морана?.. Да, ты, значитъ, тотъ самый маленькій Жакъ... А эта прекрасная госпожа пришла съ тобою изъ замка... Ага! это та, на которой ты долженъ жениться.

Она произнесла эти слова съ злобной ироніей и засмѣялась сквозь зубы.

— Ну, мой милый юноша, мнѣ не придется плясать у тебя на свадьбѣ; твой отецъ выгоняетъ меня отсюда.

Между тѣмъ приставъ, кончивъ свое дѣло, захлопнулъ дверь хижины, всунулъ ключъ въ замочную скважину и, два раза повернувъ его, вынулъ и спряталъ въ карманъ.

Черная туча облегла все небо. Зловѣщее молчаніе царствовало въ долинѣ. Все попряталось, все притаилось.

— Послушайте, тетушка Триго,—сказалъ Жакъ:—вамъ такъ нельзя оставаться. Дождь васъ замочитъ.

— Дождь! чтò онъ сдѣлаетъ моимъ старымъ костямъ?

— Пойдемте со мною.

— Нѣтъ. Я не пойду отсюда. Здѣсь родились мои дѣти; здѣсь мужъ мой прощался со мною, умирая; сюда принесли моего Жозефа, вытащивъ его изъ воды. Не правда ли, моя козочка, мы останемся здѣсь съ тобою вдвоемъ и околѣемъ у двери дома, откуда насъ выгнали?—И отвернувшись отъ Жака, она снова стала напѣвать что-то, уставившись мертвымъ взглядомъ на потемнѣвшую поверхность рѣки, кое-гдѣ покрытой водоворотами бѣлой пѣны.

— А какъ великъ ея долгъ?—спросила вдругъ Сильванія.

— Тридцать экю,—сказалъ приставъ,—тридцать-три съ судебными издержками.—Молодая дѣвушка быстро повернулась къ Жаку.

— У меня съ собою есть немного денегъ... Я заплачу долгъ тетушки Триго.

— Мы заплатимъ долгъ съ вами пополамъ. Вотъ, господинъ Машиноръ, моя половина. Вы вѣдь подождете остальное? да?—затѣмъ онъ обратился къ помощникамъ пристава:—Поскорѣе, ребята, внесите все назадъ.

Хижину отворили, и прежде чѣмъ старуха могла сообразить, чтò такое случилось, все уже было водворено на старое мѣсто.

— Вотъ это такъ. Теперь, тетушка Триго, вы опять можете жить въ своей хижинѣ. Васъ никто больше не обезпокоитъ.

— Это ты отослалъ сержантовъ?

— Нѣтъ. Госпожа де Сентъ-Эгревъ,—отвѣчалъ Жакъ, въ первый разъ произнося это имя съ нѣкотораго рода гордостью.—Завтра вы ее поблагодарите. А теперь поспѣшимъ. Времени нечего терять; необходимо во чтò бы то ни стало поспѣть въ замокъ прежде, чѣмъ разразится гроза.

Онъ увлекъ ее за собою. Они быстро шли по узенькой, каменистой тропинкѣ, извивавшейся между соснами.

Ослѣпительно яркая молнія на мгновеніе озарила темное небо. Сильванія поблѣднѣла и прижалась къ своему спутнику.

— Обопритесь на меня,—сказалъ онъ ей.

Крупныя капли пролились изъ опускавшейся тучи. Не долетѣвъ до земли, онѣ разлетѣлись въ мелкую водяную пыль. Въ воздухѣ слышался особенный, бывающій только передъ грозою, сѣрный запахъ.

Черезъ минуту полилъ проливной дождь. Жакъ снялъ съ себя тотчасъ свое верхнее платье и набросилъ его на плечи Сильваніи.

— Укроемся подъ этой старой елью,—предложилъ онъ.

— Но говорятъ, что опасно во время грозы становиться подъ деревья: они могутъ притянуть молнію!

— Ну, такъ идемте скорѣе! Въ двухъ шагахъ отсюда есть заброшенный шалашъ. Мы въ немъ можемъ переждать грозу.

По дорожкѣ текла мутными ручьями дождевая вода. Башмаки Сильваніи вязли въ размокшей глинѣ. Внезапно яркая молнія ослѣпила ихъ; почти одновременно съ нею оглушительный трескъ грома заставилъ ихъ невольно согнуться. Молнія ударила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

— Боже мой! я умру отъ страха...

Еслибы Жакъ не подхватилъ ее, она упала бы на траву. Онъ осторожно взялъ ее на руки, и по водѣ, ручьями бѣжавшей съ каждаго пригорка, пробираясь сквозь сучья, царапавшіе ему лицо, пробирался отъ одной рощи къ другой, направляясь къ шалашу. Тамъ онъ сѣлъ на обрубокъ дерева, держа полу-безчувственную дѣвушку на колѣняхъ. Она дрожа спрятала свое лицо на груди Жака, чтобы не видѣть молніи, то-и-дѣло озарявшей окрестности. Но уже гроза стала затихать. Мало-по-малу Сильванія приходила въ себя, и чувство ужаса смѣнилось въ ней отраднымъ успокоеніемъ и какою-то сладкою усталостью.

Она, которая не знала ласкъ матери, теперь лежала на груди человѣка, готоваго защищать ее, любящаго ее. Она могла сосчитать удары этого вѣрнаго, мужественнаго сердца. Неизъяснимое чувство наполнило ея душу; что-то вдругъ словно порвалось въ ея груди, и Жакъ почувствовалъ на своемъ плечѣ горячія слезы.

— Вы плачете,—сказалъ онъ съ участіемъ,—вы чувствуете себя нехорошо?

— О, нѣтъ,—сказала она,—нѣтъ... Вы не можете знать, почему я плачу.

Признаніе готово было сорваться съ ея губъ. Но Жакъ не далъ ей говорить.

— Я не знаю ничего,—сказалъ онъ;—но одно я знаю: слезы очищаютъ и воскрешаютъ душу.

Она припала къ нему, а онъ только повторялъ съ безконечною нѣжностью и состраданіемъ:

— Плачь, мое дитя, плачь!

. . . .

Черезъ полчаса Сильванія вошла въ свою комнату. Она еще вся дрожала отъ перенесеннаго ею душевнаго волненія. Съ ея платья текла ручьями вода. Она разстегнула его и въ ту минуту, какъ оно соскользнуло съ ея тонкаго стана и съ мягкимъ

шумомъ упало около нея на полъ, графъ де-Ворениъ вышелъ изъ-за ширмъ, за которыми спрятался, поджидая ея возвращенія.

— Смотри, жестокая,—сказалъ онъ,—до чего ты меня довела. Я принужденъ былъ битый часъ сидѣть здѣсь, чтобы, наконецъ, тебя увидѣть.—И онъ, смѣясь, хотѣлъ обнять ее.

Но улыбка замерла на его губахъ, когда онъ увидѣлъ выраженіе ужаса и отвращенія, внезапно исказившее лицо молодой дѣвушки.

Мгновеніе она оставалась недвижной, затѣмъ кинулась къ окошку, распахнула его и стала одной ногой на подоконникъ, готовая выброситься.

— Съ ума ты сошла, Сильванія?

— Не смѣйте ко мнѣ подходить! не смѣйте до меня дотрогиваться!

Въ нѣскольких шагахъ отъ окна слышался ревъ бурливаго потока, вышедшаго изъ береговъ, благодаря грозѣ, и превратившагося въ глубокую рѣку.

Анри отступилъ въ сторону и сложилъ руки на груди.

— Я долженъ благодарить за это моего друга Жака,—сказалъ онъ.—Это, безъ сомнѣнія, его дѣло. Но всему свое время! Мы еще скрутимъ вашего муженька!

— Такой человѣкъ, какъ Жакъ, не побоится васъ.

— Въ нашихъ рукахъ его будущее.

— Да, если онъ удостоитъ принять ваши благодѣянія!

— Итакъ, всему конецъ: ты не любишь меня болѣе?—сказалъ графъ послѣ краткаго молчанія.

— Я никогда васъ не любила, милостивый государь, а теперь я васъ ненавижу!

— А я тебя обожаю! Клянусь, ты никогда не была такъ хороша, какъ въ эту минуту!.. Ну, моя маленькая Сильванія, моя трагическая кошечка!..

Молодая дѣвушка стояла на окнѣ, дрожа отъ гнѣва, поблѣднѣвъ какъ скатерть.

— Выйдите сію минуту изъ этой комнаты, или—клянусь вамъ—я выброшусь въ окно!

Пораженный ужасомъ, графъ медленно сталъ пятиться, устремивъ на грозное лицо дѣвушки широко раскрывшіеся отъ удивленія и страха глаза.

Наконецъ, онъ медленно переступилъ порогъ. Тогда однимъ прыжкомъ Сильванія очутилась у двери, захлопнула ее и, налегши на нее изъ всей своей силы, повернула ключъ.

Потомъ она упала на софу, заливаясь истерическимъ смѣхомъ, смѣшаннымъ съ рыданіями.

— Я свободна!—воскликнула она.

Болѣе двухъ недѣль прошло послѣ этой сцены. Наступилъ канунъ того дня, въ который должна была совершиться свадьба. Въ обычный часъ графиня удалилась въ свои аппартаменты. Сильванія пожелала покойной ночи своему жениху, и Жакъ остался одинъ.

Но ему не хотѣлось спать. Теплая лѣтняя ночь окутала таинственнымъ сумракомъ старый паркъ. Трепетный свѣтъ звѣздъ озарялъ лужайки. Жакъ бродилъ по аллеямъ, полный пламенныхъ думъ. Сердце его безумно билось и замирало отъ нѣги. Жакъ испытывалъ блаженство ожиданія счастья, болѣе сладостное, чѣмъ само счастье. Онъ зналъ, что Сильванія его любитъ, онъ чувствовалъ это всѣмъ существомъ. Быть можетъ, она сама еще не понимаетъ хорошенько своихъ чувствъ, но часъ недалекъ, когда глаза ея раскроются. Онъ еще не слышалъ отъ нея прямого признанія, да онъ и не требовалъ его. Но все, все въ Сильваніи доказывало ему глубокую перемѣну, происшедшую въ ней. Ея надменность исчезла. Сердце ея смягчилось, она повѣрила въ жизнь и людей. Она его любила, и это сказывалось въ ея голосѣ, во взглядахъ, во всей манерѣ себя держать, въ той плѣнительной робости, съ которой она подходила къ нему, въ каждомъ самомъ незначительномъ словѣ.

Источникъ высшей жизни открылся ей. Сильванія узнала истинную любовь. Эта любовь ее возродила.

Вечеромъ, когда она прощалась съ Жакомъ, рука ея задрожала и осталась въ его рукѣ долѣе, чѣмъ принято; взглядъ ея, казалось, хотѣлъ проникнуть въ его душу. О, какъ много теперь говорили эти прекрасные глаза, еще такъ недавно безотвѣтные, нѣмые, холодно и презрительно смотрѣвшіе на него! Какъ она старалась хоть немного приручить старика Морана! На-дняхъ она назвала его: „отецъ"... Старикъ вздрогнулъ. Почему?.. Онъ оставался равнодушнымъ къ ея попыткамъ сблизиться съ нимъ.

Онъ по прежнему такъ же холодно, съ церемонною почтительностью относился къ своей будущей невѣсткѣ, съ тѣмъ же покорнымъ видомъ слуги, готоваго повиноваться приказаніямъ своихъ господъ. Но почему, почему?.. О, отецъ—человѣкъ стараго завѣта; онъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что госпожа де-Сентъ-Эгревъ—его невѣстка.

Да и вообще это причудливый, своенравный старикъ. Въ этомъ замкнутомъ, суровомъ характерѣ есть даже что-то дикое. Жаку нерѣдко приходилось слышать, какъ онъ разговаривалъ у себя въ комнатѣ самъ съ собою.

Но все это измѣнится, когда Сильванія станетъ его женою, когда у нихъ будутъ дѣти. Одинокая старость сдѣлала черствой его душу, но она смягчится, когда внуки будутъ окружать старика и карабкаться на его изсохшія колѣни.

— Она будетъ моей женой! Сильванія будетъ моей женой!— шепталъ Жакъ въ упоеніи среди ночного безмолвія и мрака.

Онъ прошелся по цвѣтникамъ и сталъ медленно углубляться въ мракъ, поминутно оглядываясь на замокъ. Тамъ, въ угловомъ окнѣ второго этажа, сверкалъ, какъ звѣздочка, одинокій огонекъ. Она была тамъ, одна, и, какъ и онъ, въ эту минуту, быть можетъ, мечтала о завтрашнемъ днѣ. Черезъ двадцать-четыре часа они будутъ вмѣстѣ и уже далеко, далеко отсюда!..

Эта мысль привела въ восторгъ Жака. Онъ сталъ шагать въ темнотѣ. О, еслибы можно было заставить время поторопиться и поскорѣе приблизить желанный часъ! Онъ находился теперь около той скамейки, на которой еще такъ недавно онъ ей разсказывалъ о цвѣтахъ; статуя Пана едва бѣлѣлась въ тѣни склонившихся надъ нею вѣтвей, скрывавшихъ насмѣшливое лицо бога полей.

Жакъ опустился на колѣни передъ скамейкой, на которой они тогда сидѣли, и прильнулъ жаркими губами къ ея холодному мрамору.

Поднявшись, онъ опять оглянулся на темную громаду замка. Несмотря на большое разстояніе, огонекъ все еще сверкалъ какъ искра, какъ одинокая звѣздочка.

Вдругъ онъ потухъ.

У Жака точно что-то оборвалось въ груди. Сердце его сжалось. Но онъ тотчасъ же пристыдилъ себя: „Какой я ребенокъ! Она, ложась спать, задула свѣчку. Спи спокойно, моя дорогая!“

И онъ побрелъ впередъ, не замѣчая ни времени, ни гдѣ онъ и куда идетъ. Изъ глубины души его—безъ словъ, безъ звуковъ, безъ мысли—изливался какой-то гимнъ и пѣснь любви! Въ немъ была и благодарственная молитва Тому, Кто даровалъ этой душѣ такое безконечное счастье, такую чистую, полную радость!

Было уже поздно, очень поздно, когда Жакъ возвращался въ людскую. Пропѣли первые пѣтухи.

Начинало чуть-чуть брезжить. Жакъ, разгоряченный быстрой ходьбой и внутреннимъ волненіемъ, дрожалъ отъ наступившей утренней свѣжести.

Поднявшись по маленькой деревянной лѣстницѣ, онъ пошелъ по обсаженной елями аллеѣ, ведшей къ дому, стараясь какъ можно менѣе производить шуму и осторожно ступая своими башмаками.

Изъ передней онъ замѣтилъ, что въ кухнѣ еще свѣтится огонь, и прошелъ туда. Въ мѣдномъ подсвѣчникѣ трещало сало догоравшаго огарка. Свѣтильня нагорѣла; огонь вспыхивалъ и снова поникалъ, озаряя кухню трепетнымъ, красноватымъ свѣтомъ.

Бабота, сидя на стулѣ, спала, опершись всѣмъ тѣломъ на столъ и положивъ голову на руки. Жакъ тронулъ ее за плечо:

— Что ты тутъ дѣлаешь, старуха? Почему ты до сихъ поръ не ляжешь спать?

Бабота подняла голову и безсмысленными, сонными глазами посмотрѣла на него. Наконецъ, она пришла въ себя. Взявъ записку, лежавшую на столѣ, она подала ее Жаку.

— Я ждала тебя, чтобы отдать это письмо,—сказала она:— было уже за полночь, когда его принесъ мнѣ мальчикъ. Онъ говорилъ, что одна дама приказала ему доставить письмо господину Жаку Морану.

— Дама! Какая дама?!

— Мальчишка не могъ сказать, кто она такая. Это сынъ какого-то фокусника, пріѣхавшаго на ярмарку, которая будетъ въ половинѣ этого мѣсяца. Онъ не зналъ дороги и чуть было совсѣмъ не заблудился. Я дала ему яблоко и стаканъ виноградного сока.

Жакъ не слушалъ ее больше. Онъ распечаталъ письмо. Оно было написано характернымъ, четкимъ почеркомъ, но замѣтно, что писавшая его была въ сильномъ волненіи. Вотъ что онъ прочелъ:

„Нестерпимая душевная мука заставила меня писать вамъ. Пока я не узнала васъ, я думала, что мнѣ легко будетъ презирать васъ. Потомъ отношеніе мое къ вамъ перемѣнилось. Я узнала благородство вашего сердца, но все-таки мнѣ казалось возможнымъ быть счастливой съ вами, мнѣ казалось, что я могу скрыть отъ васъ истину. Но теперь я поняла все безуміе этой мечты. Я слишкомъ уважаю васъ, чтобы быть въ состояніи притворяться передъ вами! Я слишкомъ—надо, наконецъ, сказать это слово—люблю васъ, чтобы перенести ваше негодованіе и справедливый гнѣвъ. Приготовьтесь узнать ужасную, убійственную тайну. Несчастная дѣвушка, которую вы хотите назвать своею женой, ничего не принесетъ съ собою въ приданое, кромѣ своего позора.

„Это признаніе для меня такъ мучительно, что я не рѣшилась бы сдѣлать его, еслибы осталась въ живыхъ. Я посылаю его вамъ, стоя на краю могилы, потому что я рѣшилась умереть. Итакъ, союзъ, который покрылъ бы безчестіемъ ваше имя, не совершится. О, Жакъ, мой милый Жакъ, я должна умереть, я не могу жить! О, пожалѣйте же меня! Вспомните, какъ вы держали меня въ своихъ объятіяхъ, какъ я дрожала отъ страха! Ахъ, мнѣ страшно умереть! Здѣсь уже не будетъ васъ, вы не придете утѣшить меня, спасти меня... Боже, Боже мой! Какъ бы я была счастлива съ вами! но все кончено, нѣтъ надежды, нѣтъ спасенія, я не могу быть вашей женой, я не должна быть вашей женой... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобы вы меня проклинали!.. Я умру теперь, и вы обо мнѣ вспомянете безъ гнѣва, вы поймете, какъ я любила васъ, если жизни своей не пощадила для сохраненія вашей чести.

„Я рѣшила броситься въ рѣку, въ водоворотъ. Я не долго буду мучиться и тѣло мое не всплыветъ наверхъ. Вы не увидите меня обезображенной смертью. Въ вашемъ воспоминаніи я останусь такою же, какою вы меня любили.

„Вмѣстѣ потерять и жизнь, и вашу любовь... О, Жакъ, хватитъ ли у меня мужества? Ахъ, еслибы вы могли меня простить! Подумайте, я была такъ молода,—я ничего, ничего не знала... Мнѣ только семнадцать лѣтъ, Жакъ, и я такъ васъ люблю!

„Быть можетъ, это трусость, но я все-таки сдѣлаю послѣднюю попытку спасти свою жизнь! Отправивъ къ вамъ письмо, я буду ждать васъ около избушки тетушки Триго. Четверти часа достаточно мальчику, чтобы доставить письмо вамъ. Я буду ждать часъ... Но, нѣтъ, вы не простите меня. Если даже вы и спасете меня теперь, то потомъ раскаетесь, и мы будемъ оба несчастны. Лучше, лучше мнѣ умереть!

„Прощай, Жакъ, прощай! О, еслибы ты былъ теперь со мною! Еслибы я могла обнять тебя! О тебѣ, о тебѣ одномъ буду я думать въ ту минуту, когда вода сомкнется надъ моей головой и зальетъ мнѣ горло... Прощай, я тебя люблю!

„Сильванія“.

Жакъ опрометью кинулся вонъ. Онъ едва не сшибъ съ ногъ Баботу, выходившую въ кухню и столкнувшуюся съ нимъ въ дверяхъ. Лицо его, мертвенно блѣдное, искаженное, было ужасно. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ.

Babota еще не успѣла придти въ себя отъ изумленія, а ужъ его и слѣдъ простылъ. Онъ бѣжалъ по парку, не разбирая

дороги, со всѣхъ ногъ. На мгновеніе онъ остановился, чтобы прислушаться къ бою часовъ на башнѣ замка. Они пробили два. Два часа! А мальчикъ съ письмомъ пришелъ около полуночи! Онъ еще заблудился дорогою! Всѣ эти соображенія, какъ молнія, промелькнули въ его сознаніи. Два часа! Слишкомъ поздно! Все кончено... Она напрасно ждала его—онъ не пришелъ! Она подумала, что онъ не простилъ ее, что онъ ее презираетъ, ненавидитъ и предоставляетъ собственной судьбѣ! Она умерла съ чувствомъ безконечной горечи въ бѣдномъ, растерзанномъ сердцѣ, безъ утѣшенія, безъ прощенія, одинокая, оставленная!.. А онъ въ любовной горячкѣ, самъ того не зная, тратилъ драгоцѣнныя минуты на пошлыя мечтанія... Тратилъ даромъ время, когда еще можно было спасти ее! Это онъ, онъ самъ убилъ ее!

И хотя всякая надежда умерла въ немъ, онъ, задыхаясь, все продолжать бѣжать. Пастухъ, спавшій подъ изгородью, такъ какъ ночь была тепла и спокойна, и бродяги, прикурнувшіе на склонѣ оврага, пробужденные шагами, поднимали голову и съ изумленіемъ смотрѣли на бѣгущую мимо нихъ темную фигуру, и принимая Жака за выходца съ того свѣта,—набожно крестились и шептали молитву.

Наконецъ, онъ прибѣжалъ къ рѣкѣ. Небо уже побѣлѣло на горизонтѣ. Предразсвѣтный вѣтерокъ рябилъ поверхность воды, мѣстами принявшей розовый отсвѣтъ.

Берегъ былъ пустъ. Нигдѣ незамѣтно слѣда живого существа. Тяжелое, угрюмое молчаніе царствовало въ долинѣ. Все спало.

Она—тамъ, въ темной глубинѣ этихъ багровыхъ водъ!

Жакъ бросилъ на траву шапку, разстегнулъ камзолъ. Что̀ хотѣлъ онъ сдѣлать? Нырнуть? Это было бы и безполезно, и безумно. Подъ этой съ виду спокойной поверхностью таился водоворотъ. Онъ поглотилъ и засосалъ ее. А то теченіемъ унесло ее внизъ. Какъ бы то ни было, рѣка отдаетъ только холодный, безжизненный трупъ. Никакой пловецъ не переплылъ бы этой страшной пучины.

Или Жакъ хотѣлъ послѣдовать за тою, которую любилъ больше жизни? Быть можетъ.

Вдругъ онъ услыхалъ за собою шелесть травы и легкій, быстрый бѣгъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ почувствовалъ, что чей-то шершавый, теплый языкъ лижетъ его руку. Онъ вздрогнулъ и обернулся: это была коза, коза тетушки Триго. Тетушка Триго! Какъ это онъ до сихъ поръ не подумалъ о ней?

Ея лачужка—въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ старыми ивами.

Говорятъ, она не спитъ и бродитъ по ночамъ, собирая коренья и травы. Сильванія навѣрно у нея въ хижинѣ и ждала его. Не можетъ быть, чтобы тетушка Триго ничего не видѣла! И Жакъ бросился къ ея дому.

Въ хижинѣ былъ огонь. Подъ дверью на порогѣ лежала свѣтлая полоса. Онъ распахнулъ дверь. При свѣтѣ яркаго огня, горѣвшаго въ очагѣ, онъ замѣтилъ старуху, стоявшую на колѣняхъ у кровати, на которой, вытянувшись, лежало какое-то тѣло.

— Умерла!—воскликнулъ онъ.

Слабый крикъ отвѣчалъ на его отчаянный вопль. Милый голосъ чуть слышно назвалъ его по имени. Онъ уже былъ около нея. Задыхаясь отъ радости, онъ обнималъ ее.

— Вамъ хочется, чтобы я жила?—спросила она.

Страстный поцѣлуй зажалъ ей уста. Старуха разсказала, какъ она вышла искать траву, которую можно собирать только въ новолуніе, и замѣтила барышню, ходившую по берегу. Она стала наблюдать за нею. Когда Сильванія бросилась въ воду, старуха побѣжала за ржавымъ багромъ, оставшимся отъ мужа, и съ нимъ стала на старомъ, гниломъ паромѣ, привязанномъ около прорванной плотины. Когда Сильванія всплыла на поверхность, она зацѣпила ее багромъ за платье и притянула къ парому. Слава Богу, что еще во-время поспѣла. Еще минуту, и Сильванія ударилась бы головой о сваю, торчавшую изъ воды.

— У такой старухи, какъ я,—говорила тетушка Триго,—и силъ бы не хватило вытащить ее, да сама, умница, выкарабкалась. Небось, еще разъ не захочетъ!

Внезапная мысль осѣнила Жака. Онъ шепнулъ Сильваніи одно только слово:—Анри?

Она опустила глаза и знакомъ показала, что онъ не ошибся.

— Мы ни за что не вернемся къ нимъ,—сказалъ Жакъ:—какъ только вы почувствуете себя въ состояніи идти, мы двинемся въ путь. Тетушка Триго дастъ вамъ платье, оставшееся отъ ея сына, служившаго солдатомъ. Вечеромъ мы будемъ въ Шартрёзѣ, на другой день въ Санъ-Лорэнъ-дю-Понѣ, а послѣзавтра—въ странѣ его величества короля сардинскаго. У меня есть другъ въ Тононѣ; онъ насъ пріютитъ, и тамъ мы обвѣнчаемся.

Сильванія выразила полную готовность хоть сейчасъ двинуться въ путь.

Жакъ вышелъ, чтобы дать ей возможность переодѣться. Поднявшееся солнце золотило нивы. Голубое, безоблачное небо отражалось въ рѣчной поверхности. Старыя, дуплистыя ивы съ почками зеленыхъ вѣтокъ, вылѣзавшихъ изъ сѣрыхъ наростовъ, тоже

глядѣлись въ зеркальныя воды; птицы, стаями осыпавшія ихъ раскидистыя зеленыя кудри, наполняли воздухъ немолчнымъ щебетаніемъ.

Природа пробудилась, и радостная, сверкающая жизнь разлилась въ долинѣ, въ рощахъ, въ смѣющихся виноградникахъ дальней деревушки.

Жакъ искалъ свою шапку и не могъ найти. Онъ исходилъ весь берегъ—все напрасно.

„Вѣрно кто-нибудь прельстился ея галуномъ,—подумалъ онъ. —Ну, и пусть себѣ носитъ на здоровье“.

Онъ вернулся въ хижину, гдѣ нашелъ Сильванію уже окончившею свой туалетъ, счастливою и смѣющеюся. Да, она смѣялась. Переодѣванье, предстоявшее путешествіе—все это оживило ее; прежняя дѣтская рѣзвость и веселость возродились въ ней. Послѣ всѣхъ волненій, слезъ, страха и страданій, характеръ и юность взяли, наконецъ, свое. Она смѣялась; за нею смѣялся и Жакъ. Онъ съ наслажденіемъ слушалъ милый смѣхъ той, которая—не подай ей во-время тетушка Триго своего ржаваго багра—теперь лежала бы недвижная и безчувственная въ холодной рѣчной глубинѣ!

Тетушка Триго подоила козу, и они съ аппетитомъ позавтракали кускомъ чернаго хлѣба, запивая его молокомъ. Затѣмъ двинулись въ путь.

Уже давно потеряли они изъ виду замокъ, когда гулъ отдаленнаго выстрѣла пронесся по долинѣ. Но они даже и не обернулись, а продолжали подниматься по узкой горной дорогѣ.

Ночь они провели въ Шартрёзѣ, въ монастырѣ. Сильванія, благодаря мужскому костюму и короткимъ волосамъ, могла войти въ монастырь, не нарушая правила, возбранявшаго входъ въ него женщинамъ. И въ полночь, когда грустный колоколъ созывалъ братію на молитву, когда монахи вмѣстѣ съ богомольцами стояли колѣнопреклоненные, въ сумрачной, пустынной церкви передъ святымъ алтаремъ, не проникъ ли непонятный, таинственный трепетъ въ ихъ безстрастныя, умершія для міра сердца, и тайный голосъ не далъ ли имъ знать, что любовь, безсмертная человѣческая любовь, отъ которой можно только спастись бѣгствомъ, но которую побѣдить невозможно, проникла къ нимъ и расцвѣла на гробовыхъ плитахъ?..

. . . .

Когда Жакъ убѣжалъ, Бабота разбудила своего стараго хозяина:

— Жакъ получилъ письмо и сошелъ съ ума,—вставайте!

Моранъ поднялся, встревоженный этою удивительною новостью.

Онъ нашелъ письмо, забытое Жакомъ на столѣ, прочелъ его, и все ему стало ясно. Онъ поспѣшно пошелъ въ томъ направленіи, по которому, по словамъ служанки, побѣжалъ его сынъ. Между тѣмъ наступилъ и день. Народъ уже копошился въ поляхъ. Управитель взялъ съ собою трехъ рабочихъ, чтобы обыскать берега Изера. Онъ замѣтилъ слѣды на травѣ. Одинъ изъ людей принесъ шапку Жака. Крестьяне боялись тетки Триго, и никому изъ нихъ и въ голову не пришло заглянуть къ ней въ хижину. Управитель, знавшій, какъ горячо любилъ Жакъ свою невѣсту, не сомнѣвался, что оба они погибли. Мрачный, молчаливый, безъ слезъ, безъ жалобъ, возвратился онъ въ замокъ.

Тамъ все было спокойно. Никто еще не зналъ объ исчезновеніи молодой госпожи. Старикъ прошелъ къ себѣ, не отвѣчая ни слова на вопросы, которыми осыпала его Бабота. Тамъ онъ снялъ со стѣны ружье, продулъ стволъ, осмотрѣлъ кремень и забилъ двойной зарядъ.

Въ семь часовъ молодой графъ, сходя съ крыльца, замѣтилъ стараго Морана, который вышелъ изъ людской и направился къ нему, держа въ рукахъ свое ружье.

— Вотъ чудеса! — воскликнулъ Анри: — неужели въ день свадьбы вашего сына вы пойдете охотиться на куропатокъ? Что вы—съ ума сошли, что-ли?

Моранъ продолжалъ идти на него.

— Я вышелъ, графъ, не на куропатокъ,—сказалъ онъ медленно:—я вышелъ отомстить убійцѣ моего сына.

И въ трехъ шагахъ онъ прицѣлился и спустилъ курокъ. Графъ упалъ мертвый. Весь замокъ пришелъ въ волненіе. Прежде чѣмъ искать въ рѣкѣ тѣла молодыхъ людей, побѣжали за объѣздной командой, чтобы арестовать отца. Моранъ не пользовался особенною популярностью, но молодого графа де-Вореппъ ненавидѣли. Революція уже наступила. Въ городѣ, куда привели Морана, улицы были полны народомъ. Едва показался старикъ, съ развѣвающимися сѣдыми, запачканными волосами, скованный и шедшій между двумя солдатами, какъ толпа взволновалась. Въ стражу полетѣли камни, и черезъ минуту старикъ былъ освобожденъ.

Тутъ онъ узналъ, что сынъ его живъ. Такимъ образомъ убійца послѣдняго графа де-Вореппъ остался ненаказаннымъ. Графиня отказалась эмигрировать. Ее арестовали въ концѣ 1793 г.; революціонный трибуналъ приговорилъ ее къ смертной казни, и въ Греноблѣ, на площади Гренеттъ, ей отрубили голову. До гильотины ее несли въ креслѣ.

—

— Мошенники!—крикнула она своимъ пронзительнымъ голосомъ:—не будь вы такъ сильны, васъ бы всѣхъ перевѣшали!

Палачъ позвалъ ее:—Графиня, прошу васъ!

— Въ добрый часъ!—сказала она.—Вотъ хорошій человѣкъ!

Она осталась вѣрной себѣ до конца. Она презирала смерть и толпу—единственныя двѣ силы, которыя тогда царили въ странѣ, и она не покорилась имъ и умерла такою же надменной графиней, какою была всю жизнь.

Жакъ усерднымъ трудомъ обезпечилъ свое положеніе и прожилъ жизнь счастливо и въ неизвѣстности. Онъ не оставилъ слѣда въ исторіи. Его скромность и отсутствіе честолюбія покажутся удивительными въ нашъ вѣкъ, когда всякій стремится къ извѣстности и проклинаетъ себя и жизнь, если ему не удастся хоть на минуту обратить на себя вниманіе толпы.

Но въ то время, когда жилъ Жакъ Моранъ, многіе, достойные по своимъ способностямъ занимать видное мѣсто, предпочитали жить и умереть безъ славы. Они умѣли довольствоваться скромной долей и быть счастливыми въ неизвѣстности.

II.—Въ дорожной каретѣ.

На порогѣ дома, возвышавшагося на склонѣ горы Фужъ, у королевской дороги, ведущей изъ Парижа въ Нанси, стояла кучка изъ четырехъ человѣкъ.

Вечеръ былъ ненастный и темный. На горизонтѣ послѣдній отблескъ закатившагося солнца сверкалъ сквозь собравшіяся надъ нимъ тяжелыя тучи, словно расплавленная мѣдь.

Рѣзкій, порывистый вѣтеръ нагибалъ вершины деревъ, трепалъ юбки женщинъ и вздувалъ пальто у мужчинъ, наполняя окрестность такимъ шумомъ, свистомъ и завываніями, что приходилось кричать, чтобы быть услышаннымъ стоявшимъ бокъ-о-бокъ сосѣдомъ.

Маленькая служанка держала фонарь. Трепетный свѣтъ метавшагося за стекломъ пламени то озарялъ лужи на дорогѣ, то падалъ на неподвижную группу у дверей дома. Впереди стоялъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, почти старикъ. За нимъ пожилая женщина, старавшаяся сохранить невозмутимое спокойствіе, но блѣдность покрывавшая щеки, выдавала ея внутреннее волненіе. Поодаль отъ нихъ стоялъ двадцатилѣтній юноша. Казалось, онъ былъ въ нетерпѣніи. Продолжительное ожиданіе и это долгое,

нѣмое прощанье утомили его. Онъ то-и-дѣло выходилъ на дорогу, всматриваясь въ потемнѣвшую даль.

— Кажется, ѣдетъ! это она!.. Нѣтъ, опять ничего не слышно.

— Она теперь около каменоломенъ, ее не видно за поворотомъ,—сказалъ отецъ, желавшій сохранить философскую невозмутимость и относившійся, повидимому, къ отъѣзду сына совершенно спокойно. Теперь юго-восточный вѣтеръ донесъ совершенно явственный стукъ приближавшейся кареты. Послышался шумъ катящихся колесъ, тяжелый топотъ копытъ и безтолковое звяканье бубенчиковъ. Карета находилась не болѣе какъ въ трехъ стахъ шагахъ и черезъ минуту должна была поровняться съ домомъ.

Наступала минута разставанья. Карета должна увезти отъ матери сына въ тотъ громадный городъ, куда такъ стремится провинціальная молодежь, куда онъ ѣдетъ учиться, пробивать себѣ дорогу, людей посмотрѣть и себя показать. Этотъ городъ отнимаетъ и у тебя сына, бѣдная мать! И твоего Филиппа засосетъ этотъ шумъ; онъ уѣзжаетъ теперь и, вѣроятно, не возвратится совсѣмъ, а если и возвратится, то совершенно другимъ и, Богъ знаетъ, лучшимъ ли! И чего ему недостаетъ здѣсь? Отчего бы не остаться подъ родною кровлей, въ маленькомъ домикѣ, гдѣ жизнь течетъ мирно и счастливо, день за днемъ, безъ шума и треволненій, гдѣ незамѣтно проходятъ мѣсяцы и годы и время течетъ, какъ сонныя воды болотнаго ручейка?.. Но спокойствіе нестерпимо для юности; она жаждетъ борьбы, перемѣны, страданій и бурь.

Филиппъ умолялъ отпустить его; отецъ тоже ему сочувствуетъ; бѣдной матери осталось одно—покориться!.. Въ сгустившихся сумеркахъ показалась темная масса громаднаго, неуклюжаго дилижанса. Два фонаря сверкали, словно глаза сказочнаго чудовища.

— Но! но!—покрикивалъ кучеръ на усталыхъ лошадей.

Подкативъ къ дому, карета остановилась.

— Поспѣшите, пожалуйста!—крикнулъ кондукторъ.

Въ то время, какъ на верхъ кареты втаскивали небольшой чемоданъ (съ какимъ стараніемъ и любовью укладывались въ него вещи наканунѣ!), отецъ и мать спѣшили шепнуть на ухо отъѣзжающему сыну послѣдній совѣтъ, составлявшій резюме всѣхъ предшествовавшихъ наставленій.

— Смотри, берегись пале-рояльскихъ красавицъ!—пробормоталъ, понизивъ голосъ, отецъ.

— Не забывай молиться передъ сномъ!—прошепталъ на другое ухо материнскій голосъ.

Молодой человѣкъ кивнулъ головой въ знакъ готовности помнить и исполнять оба совѣта, торопливо обнялъ своихъ родителей и полѣзъ внутрь кареты.

Чтобы скрыть волненіе, отецъ сердито крикнулъ на маленькую собачонку Мушеттъ, хотѣвшую вскарабкаться за молодымъ человѣкомъ. Мать, не произнося ни слова, устремила страстный взглядъ на своего сына, котораго можно было еще различить сквозь запотѣвшее стекло кареты. Было темно, и никто не замѣтилъ слезы, выкатившейся изъ-подъ темныхъ рѣсницъ маленькой служанки. Слеза упала на землю. Боже, сколько ихъ выпила она съ тѣхъ поръ, какъ плачутъ глаза человѣческіе!

— Съ Богомъ!—Вся махина пришла въ движеніе. Четверка сильныхъ першероновъ покатила ее далѣе по мокрой дорогѣ. Въ темнотѣ нѣсколько минутъ мелькалъ бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ. Еще нѣсколько поворотовъ, и все исчезло.

Итакъ, Филиппъ на свободѣ. Свѣтъ, широкій свѣтъ открылся передъ нимъ... Первыя ощущенія довольно непріятныя. Воздухъ въ каретѣ спертый и зловонный; запахъ мокрой соломы и прѣлой пыли давитъ горло. Такъ какъ Филиппъ сѣлъ послѣднимъ, то ему досталось очень неудобное мѣсто — спиною къ дверцамъ кареты. Входя, онъ вѣжливо поздоровался съ пассажирами. Въ отвѣтъ послышалось неопредѣленное ворчанье. Фонарь, прикрѣпленный къ потолку экипажа, бросалъ тусклый свѣтъ, отъ котораго, казалось, было еще мрачнѣе. Спутники Филиппа, уже привыкшіе къ темнотѣ, устремили любопытные глаза на новаго пассажира. Что касается его, то онъ могъ только различить неопредѣленныя, закутанныя въ плащи и капюшоны, фигуры, потягивавшіяся съ сердитой ворконтей и время отъ времени вздыхавшія отъ усталости и нетерпѣнія.

Карета была полна только на половину. Между пятью спутниками Филиппъ замѣтилъ только двухъ въ длинномъ платьѣ— женщину и монаха. Онъ повернулся къ окну, насколько это позволялъ его толстый сосѣдъ, грузнымъ тѣломъ навалившійся безъ стѣсненія на него, и приложилъ лобъ къ стеклу, по которому вѣтеръ порывами хлесталъ холоднымъ дождемъ.

Онъ едва могъ различить стволы тополей, казалось, бѣжавшихъ мимо экипажа по краю дороги. Въ ночной мглѣ сверкалъ далекій огонекъ. Свѣтъ отъ фонарей упалъ на собаку, съ визгливымъ лаемъ бросившуюся на экипажъ. Мгновеніе, и она исчезла во мракѣ. Звонъ цѣпей, лязгъ желѣза, трескъ дерева, скрипъ рессоръ, топотъ лошадей—всѣ эти звуки сливались въ монотон-

ную мелодію, убаюкивающую и усыплявшую безпокойную мысль молодого человѣка.

До Люньи онъ ни съ кѣмъ не промолвилъ ни слова. Въ Люньи—остановка и ночлегъ.

Скверный ужинъ, сырыя простыни, надоѣдливые пѣтухи, дравшіе горло черезъ каждые полчаса. Къ этому надо прибавить то, что Филиппу пришлось помѣститься въ одной комнаткѣ съ отставнымъ офицеромъ; его побѣдоносный храпъ не далъ ему сомкнуть глазъ. Однако это сосѣдство имѣло и свою хорошую сторону, такъ какъ подъ утро Филиппъ заснулъ какъ убитый и спалъ еще, когда карета уже готова была двинуться въ путь.

— Чортъ побери!—закричалъ добрый старый служака, тряся его за плечо:—васъ такъ же трудно разбудить, какъ и меня въ утро Росбахскаго сраженія... Мой другъ Сенъ-Клэръ, оставшійся на мѣстѣ въ первой же схваткѣ, принужденъ былъ стащить меня за ноги съ кровати... Да здравствуетъ юность!

Было еще только пять часовъ и утро чуть брезжилось, когда путешественники, на̀-скоро проглотивъ по чашкѣ кофе, снова забрались въ карету. Съ покровительственной галантностью кавалера старый военный предложилъ свои услуги единственной дамѣ. Это была молодая женщина, которую совсѣмъ не было почти видно подъ капюшономъ ея салопа. Она скромно поблагодарила кавалера, проскользнула въ карету и заняла мѣсто около монаха. Толстякъ уже забился въ свой уголъ и необыкновенно походилъ на медвѣдя,—здоровый, широкоплечій, очевидно обладавшій силищей неимовѣрной. Казался онъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ. Глаза его мрачно вращались подъ густыми, нахмуренными бровями; онъ тяжело вздыхалъ, словно кузнечный мѣхъ, ни на кого нѐ глядѣлъ и ни съ кѣмъ за всю дорогу не сказалъ ни слова.

Монахъ уткнулся въ требникъ. Онъ былъ изъ премонстрантскихъ братьевъ; высокая, печальная фигура съ голымъ черепомъ, гладкимъ, какъ слоновая кость; исхудалой рукой съ длинными тонкими пальцами онъ поглаживалъ свой острый, бритый подбородокъ, кисло опустивъ углы рта. Маленькій, юркій старичокъ съ хитрой физіономіей занялъ мѣсто по срединѣ кареты. Сразу можно было угадать, что это прокуроръ, отправляющійся въ Парижъ по дѣлу о спорныхъ водахъ и лѣсахъ. Такъ какъ ему смертельно хотѣлось съ кѣмъ-либо поговорить, а отставной офицеръ также былъ большой болтунъ, то между ними сейчасъ же завязался оживленный разговоръ; по поводу только-что покинутой гостинницы заговорили вообще о ночлегахъ, съ какими тому и другому приходилось ознакомиться въ своихъ странствіяхъ, за-

тѣмъ перешли къ различнымъ анекдотамъ и забавнымъ дорожнымъ случаямъ; нѣкоторые были дѣйствительно такъ забавны, что дама принуждена были кусать губы, чтобы не разсмѣяться, и даже у монаха углы рта передергивались отъ улыбки. Но такъ какъ разсказы эти часто касались слишкомъ щекотливыхъ темъ, то и дама, и монахъ принуждены были еще пристальнѣе уткнуться —она въ свое вязанье, а онъ—въ требникъ. Собесѣдники говорили также и о политикѣ, но, повидимому, въ этой области они чувствовали себя менѣе свободными. Такъ, заговоривъ о предстоявшемъ собраніи нотаблей, они ограничились только неопредѣленными фразами, сопровождая ихъ покачиваніемъ головы и многозначительно пожимая плечами.

Повидимому, однако, къ этому событію они относились совершенно различно. Для одного это казалось крайностью; другой находилъ, что этого слишкомъ мало. Впрочемъ они быстро перешли на вопросы менѣе общіе и остановились, наконецъ, на предметѣ, который всегда можетъ служить темою для неистощимыхъ разговоровъ, а именно каждый изъ нихъ сталъ говорить о самомъ себѣ. Офицеръ повѣствовалъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, прокуроръ—о тяжбахъ и судебныхъ дѣлахъ; въ концѣ концовъ, оба стали распространяться о состояніи своего здоровья. Одинъ жаловался на одышку, другой выхвалялъ чудодѣйственныя свойства принимаемыхъ имъ капель. Оба не слушали другъ друга.

Но всему наступаетъ конецъ, даже и разговорамъ о самомъ себѣ.

— Довольно болтать!—сказалъ офицеръ:—сыграемте лучше партійку въ пикетъ.

— Сыграемъ партію въ пикетъ,—отвѣчалъ прокуроръ. Они достали маленькій, складной столикъ, установили его на двухъ подставкахъ и погрузились въ игру. Черезъ каждыя десять минутъ то тотъ, то другой изъ игроковъ доставалъ табакерку и съ изысканной вѣжливостью угощалъ своего партнера.

— Сдѣлайте честь!

— Послѣ васъ!

— Пожалуйста, вы прежде.

— Очень вамъ обязанъ.

Вслѣдъ затѣмъ офицеръ говорилъ прокурору:

— Вы плутуете, мой милый: вы вѣрно задумались о своей тяжбѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ прокуроръ, въ свою очередь, восклицалъ:

— Вы побиты... побиты, какъ при Росбахѣ, когда пруссаки зашли съ тылу.

Затѣмъ опять начиналось взаимное потчиванье другъ друга табакомъ съ обычными любезностями.

Молодая женщина откинула назадъ свой капюшонъ. Она продолжала дѣятельно вязать что-то въ родѣ дѣтской кофточки. Это была еще очень молоденькая дѣвушка, лѣтъ девятнадцати или двадцати, не болѣе.

Роскошные черные волосы, немного взбитые и напудренные, обрамляли ея довольно правильное лицо, выбиваясь на затылкѣ маленькими темно-каштановыми прядями.

Лицо ея было худощаво, шея тонкая и стройная. Большіе, глубокіе черные глаза постоянно мѣняли выраженіе: то они сверкали почти дѣтскимъ задоромъ, то отуманивались мечтательной задумчивостью. Ее нельзя было назвать очень хорошенькой, но мало-по-малу лицо ея приковывало къ себѣ вниманіе и нравилось все болѣе, и болѣе. Это самое случилось съ Филиппомъ. Какъ могъ онъ не заглядѣться на нее? Ему едва минуло девятнадцать лѣтъ, и все въ жизни еще поражало его и было ново. А изъ всего неизвѣстнаго—что̀, какъ не женщина, кажется девятнадцатилѣтнему юношѣ самымъ заманчивымъ, самымъ интереснымъ и плѣнительнымъ, и можетъ наполнить его душу томительно-сладкой тревогой? Понятно, почему онъ тотчасъ же подчинился обаянію черноглазой красавицы. Онъ любовался игрою свѣта на ея бѣлой, какъ алебастръ, шеѣ; слѣдилъ какъ вздрагивали ея длинныя рѣсницы, бросавшія тѣнь на нѣжный румянецъ щеки; какъ вѣтерокъ шевелилъ каштановыя пряди вившихся тонкихъ волосъ на ея затылкѣ, какъ ея тонкіе пальцы быстро перебирали спицы...

На каждой станціи путешественники вылѣзали изъ кареты и расходились, кто куда хотѣлъ, по-одиночкѣ или по-двое, по-трое, смотря по расположенію или случаю. Одинъ шелъ на базаръ и калякалъ тамъ съ торговками, прицѣниваясь къ разнымъ съѣстнымъ припасамъ; другой осматривалъ церковь или городскія зданія, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ разыскивая готическую арку фонтана, какую-нибудь развалину древней архитектуры. Другіе предпочитали распить рюмочку съ кондукторомъ. Когда, наконецъ, всѣ опять забирались въ карету, сообщались замѣчанія о всемъ видѣнномъ, съ громкимъ хохотомъ разсказывались комическія черты изъ мѣстныхъ нравовъ, подмѣченныя во время скитаній по городу. Сосѣдъ, которому все это сообщалось, тоже смѣялся, вставляя и свое словцо. Только толстякъ по прежнему продолжалъ

вздыхать и ворочать глазами, сидя въ своемъ углу и, повидимому, не обращая никакого вниманія на своихъ спутниковъ. Въ Барълe-Дюкѣ, въ моментъ отъѣзда, его напрасно звали сѣсть въ карету. Посыпались замѣчанія на его счетъ.

— Какой медвѣдь вашъ сосѣдъ!—сказалъ офицеръ Филиппу.

— Я думаю, онъ не въ своемъ умѣ,—рѣшилъ прокуроръ.

— Можетъ быть, онъ глухъ, — замѣтилъ Филиппъ, болѣе склонный къ христіанскому милосердію.

— Кто это такой?

— Кондукторъ сказалъ, что это господинъ Флоримонъ, богатый буржуа изъ Люневиля.

— Не похитилъ ли вашъ Флоримонъ модистку?—замѣтилъ кто-то, видя, что и дамы не было въ каретѣ.

Всѣ засмѣялись. Въ эту минуту запоздалые пассажиры появились съ двухъ противоположныхъ сторонъ, спѣша къ дилижансу.

Модистка! это открытіе охладило Филиппа, мечтавшаго о знатныхъ дамахъ. До слѣдующей станціи онъ уже не обращалъ на нее никакого вниманія и разсматривалъ въ окошко виды, мимо которыхъ они проѣзжали.

Въ Сенъ-Дизіé путешественники обѣдали въ гостинницѣ „Золотое дерево", платя по двадцати-пяти су съ человѣка. Это былъ часъ прогулки, и народъ толпился на улицахъ. Гуляющіе, особенно женщины, съ любопытствомъ разсматривали путешественниковъ. На балконѣ дома, выходившаго на площадь, гдѣ стоялъ дилижансъ, собираясь отправляться въ путь, стояла довольно хорошенькая и мило одѣтая дама, небрежно опершись на перила.

Глаза Филиппа, занесшаго уже одну ногу, чтобы вскочить въ экипажъ, встрѣтились съ ея глазами. Взглядъ этотъ потрясъ его, какъ электрическая искра. Дама замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на молодого человѣка, и улыбнулась ему, чуть замѣтно кивнувъ головой. Горячая кровь бурно прихлынула къ его сердцу. Голова его закружилась, онъ поблѣднѣлъ и едва удержался, чтобы не выскочить изъ кареты. Чтò ему до Парижа, до путешествія! Онъ готовъ былъ бросить все и остаться здѣсь и все глядѣть на красавицу и наслаждаться ея улыбкой.

Дверцы кареты уже захлопнулись и лошади пошли въ галопъ. Онъ хотѣлъ отворить ихъ и, приподнявшись, схватился за ручку; но сильный толчокъ экипажа подернулъ его назадъ, и онъ шлепнулся на сидѣнье довольно комичнымъ образомъ. Никто изъ пассажировъ не обратилъ вниманія на эту нѣмую сцену; одна только модистка все видѣла. Разстроенное и испуганное лицо Филиппа показалось ей необыкновенно смѣшнымъ, смѣхъ душилъ ее, и она

старалась подавить его, уткнувшись въ платокъ. Филиппъ покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ. Ему было и стыдно, и досадно; какъ онъ ни старался скрыть свое смущеніе, румянецъ все ярче пылалъ на его щекахъ. Дѣвушка тоже, какъ ни старалась, не могла сдержать своего смѣха. Наконецъ, оба успокоились. Щеки Филиппа приняли обыкновенный цвѣтъ. Дѣвушка принялась опять за свое вязанье. Филиппъ, угрюмый и раздраженный, забился въ свой уголъ, гдѣ онъ составлялъ прелестный pendant къ сидѣвшему напротивъ Флоримону—люневильскому медвѣдю, какъ прозвали его пассажиры. Пріѣхали въ Шалонъ. Прокуроръ уговаривалъ своихъ спутниковъ остановиться въ гостинницѣ „Яблоко"; онъ всячески старался убѣдить ихъ предпочесть это заведеніе Пале-Роялю, съ содержательницею котораго m-me Аппертъ, сварливой и скупой женщиной, у него вышла пренепріятная исторія въ предшествующую поѣздку. Но пассажировъ привлекала возможность получить у m-me Аппертъ морскую рыбу, составляющую рѣдкость въ Шалонѣ.

Филиппъ, по юности своей, еще не понималъ всей ея прелести.

За обѣдомъ онъ почувствовалъ, что черные глаза хорошенькой путешественницы постоянно искали встрѣчи съ его глазами. Сначала онъ старательно избѣгалъ ея взгляда, но, въ концѣ концовъ, не выдержалъ и, все еще сохраняя сумрачный и надутый видъ, исподтишка взглянулъ на молодую дѣвушку. Взоры ихъ встрѣтились...

Послѣ обѣда, когда онъ сидѣлъ въ гостиной, она прошла мимо него, оглянулась и, остановившись на мгновеніе, прошептала, такъ близко наклонившись къ его лицу, что ея горячее дыханіе обожгло его щеки:

— Я васъ разсердила. Извините!

И моментально скрылась, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться и что-либо отвѣтить ей. Онъ пошелъ въ свою комнату, чтобы помечтать наединѣ.

Вдругъ онъ услышалъ женскій голосъ, напѣвавшій бывшую тогда въ большой модѣ пѣсенку: „Ah! que ma voix me devient chère!" Отворивъ окно, онъ высунулся и увидѣлъ въ противоположномъ окнѣ модистку. Ихъ раздѣлялъ только узкій дворъ. Ея окно тоже было открыто. На столѣ стояла свѣча, озарявшая маленькую комнатку. Дѣвушка безъ всякаго стѣсненія раздѣвалась, приготовляясь лечь спать. Она замѣтила Филиппа и сдѣлала ему дружественный знакъ. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Когда она раздѣлась, то подошла къ окну, приложила ладони къ губамъ, какъ рупоръ, и прошептала:

— Доброй ночи!

— Доброй ночи,—отвѣчалъ Филиппъ.

И онъ послалъ ей воздушный поцѣлуй. Она улыбнулась ему, затѣмъ закрыла окно и опустила занавѣску.

Утромъ, на зарѣ, когда предстояло опять двинуться въ путь, они на минуту остались одни.

— Вы все еще мечтаете о той дамѣ, что стояла на балконѣ въ Сенъ-Дизіé?—спросила она съ кокетливымъ видомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Филиппъ:—я мечтаю о другой, которая гораздо лучше ея.

Чуть-чуть замѣтный румянецъ окрасилъ щеки дѣвушки. Тутъ подошли остальные пассажиры, и ихъ tête-à-tête нарушился.

На одной изъ слѣдующихъ станцій почтовый домъ стоялъ уединенно въ полѣ. Утро было чудесное. Дѣвушка отошла далеко отъ станціи, собирая цвѣты, остававшіеся еще въ опустѣлыхъ поляхъ.

Филиппъ незамѣтно проскользнулъ за нею и нашелъ ее сидящею на холмѣ подъ изгородью. Когда она увидѣла его, ужасъ изобразился на ея лицѣ. Она бросила тревожный взглядъ за изгородь, какъ будто ожидала, что тамъ засѣлъ ея врагъ, и прошептала взволнованнымъ голосомъ:

— Ради Бога, не говорите со мною!

Филиппъ остановился передъ нею, изумленный такою неожиданной просьбой.

Было ли это проявленіемъ женской стыдливости или кокетствомъ особаго рода? Или тутъ скрывалась какая-то тайна? Во всякомъ случаѣ и то, и другое только разжигаетъ страсть, подливая масла въ огонь.

Дѣвушка, однако, не угадала его чувствъ и испугалась, не разсердила ли она его опять. Она устремила на него краснорѣчивый взглядъ и сдѣлала успокоительный жестъ рукой. Потомъ поднесла цвѣтокъ къ своимъ губамъ, поцѣловала его и, бросивъ его Филиппу, поднялась и убѣжала, оставивъ его въ изумленіи и восторгѣ.

Офицеръ долженъ былъ здѣсь оставить своихъ спутниковъ. За завтракомъ онъ спросилъ бутылку шампанскаго, желая угостить ихъ на прощанье. Молодая дѣвушка припуждена была омочить губы.

— Боже! какъ крѣпко!—сказала она, закашлявшись. И сейчасъ же прибавила:

— Хотя это очень крѣпкое, но зато и вкусное вино.

— Готовъ биться объ закладъ,—пробормоталъ прокуроръ,— что ты уже не въ первый разъ пьешь его.

Филиппъ занялъ мѣсто стараго военнаго и, такимъ образомъ, очутился возлѣ хорошенькой модистки.

Наступилъ уже вечеръ, когда они подъѣзжали къ Шато-Тьерри. Къ великой радости влюбленнаго Филиппа, кондукторъ забылъ зажечь фонарь. Въ полумракѣ, царствовавшемъ въ каретѣ, Филиппъ могъ различить нѣжную, бѣлую руку, покоившуюся на складкахъ платья и слегка вздрагивавшую при толчкахъ экипажа. Эта рука притягивала его, и, противъ его воли, его собственная потихоньку подвигалась къ ней въ темнотѣ, намѣреваясь пожать ее. Когда кончики его пальцевъ дотронулись до холодной ручки дѣвушки, Филиппъ обмеръ и похолодѣлъ въ страхѣ за свою смѣлость. Послѣдовала продолжительная пауза, прежде чѣмъ онъ вновь набрался храбрости. Маленькая ручка не тронулась. Внезапный порывъ страсти охватилъ его. Онъ схватилъ руку дѣвушки и, несмотря на то, что она хотѣла вырвать ее у него, дрожащая и испуганная, сжалъ ее въ своей. Послѣдовала короткая, молчаливая борьба. Наконецъ, плѣнница сдалась и отвѣчала на его пожатіе.

На тонкихъ губахъ дѣвушки трепетала улыбка. Выражала ли она удовольствіе или смущеніе,—кто знаетъ!

Филиппъ повернулся къ окну и сталъ вглядываться въ глубокій, таинственный мракъ ночи. Въ Шато-Тьерри Филиппу удалось занять комнату рядомъ съ тою, въ которой спала молодая дѣвушка. Притворивъ дверь, онъ заглянулъ въ корридоръ. Служанка замѣтила его блестящій взглядъ и, нахально захохотавъ, крикнула ему:

— Добрый вечеръ и счастливаго успѣха!

Когда модистка осталась одна, Филиппъ подошелъ къ двери ея комнаты и нерѣшительно сталъ нажимать на ручку.

— Кто тамъ?—крикнула молодая дѣвушка.

— Это я.

— Ахъ, какъ вы меня напугали! Къ счастью, у двери хорошая задвижка.

— Задвижка! неужели вы мнѣ не отворите?

— Фи! милостивый государь, какъ вамъ не стыдно!

Филиппъ былъ еще новичокъ въ такого рода дѣлахъ. Эти простыя слова заставили его поколебаться.

— Простите меня,—сказалъ онъ:—требуйте чего хотите, я все исполню, чтобы загладить мою вину.

— Я ничего не хочу, кромѣ того, чтобы вы были умникомъ и шли бы спать.

— Спать! Какъ будто я могу спать? Я могу только думать о васъ.

— Ну, этого я вамъ не могу запретить,—сказала она, смѣясь.

Филиппъ постоялъ еще немного у двери. Онъ слышалъ шелестъ платья и скрипъ половицъ подъ легкими шагами дѣвушки. Затѣмъ она очевидно разулась, такъ какъ послышался глухой звукъ, какой обыкновенно бываетъ, когда ступаютъ на полъ босыми ногами. Затѣмъ слышно было, какъ подалась кровать подъ тяжестью ея тѣла, и свѣтъ погасъ. Филиппъ вернулся въ свою комнату. Онъ сидѣлъ въ темнотѣ, пожираемый страстью; пальцы его дрожали, губы пересохли; онъ чуть не плакалъ отъ гнѣва на эту дѣвушку и на проклятую запертую дверь...

И вѣдь она его любитъ! Онъ прочелъ это въ ея взглядахъ, почувствовалъ въ пожатіи дрожащей ручки.

Цѣломудріе и стыдливость дѣлали ее въ его глазахъ еще прелестнѣе. Завтра они оба будутъ въ Парижѣ. Если никто ее не встрѣтитъ... Онъ принялся строить планы, мало-по-малу успокоился и заснулъ среди своихъ мечтаній.

На слѣдующій день они обѣдали въ Мо и въ семь часовъ вечера въѣхали во дворъ почтовой конторы. Пассажиры смѣшались съ толпою народа... О, радость! дѣвушку никто не встрѣтилъ. Филиппъ слѣдовалъ за нею, наслаждаясь заранѣе счастьемъ остаться съ нею вдвоемъ среди этого незнакомаго, громаднаго города и въ толпѣ чуждыхъ ему людей быть съ нею наединѣ. Она шла медленно, нерѣшительно поглядывая черезъ плечо на молодого человѣка. Громадный дворъ кишѣлъ носильщиками, кричавшими, жестикулировавшими, тащившими багажъ и катившими бочки, пробираясь между извозчичьими экипажами и кучками пассажировъ. Въ воздухѣ носились крики, ржаніе лошадей, громъ колесъ... Наконецъ, дѣвушка вмѣстѣ съ Филиппомъ выбралась изъ толпы и очутилась въ углу двора, гдѣ сравнительно народа было меньше.

— Сударыня,—сказалъ Филиппъ, волнуясь и торопясь:—вы одни. Позвольте мнѣ быть вашимъ кавалеромъ?

Модистка съ минуту молчала, какъ бы колеблясь разрушить его иллюзіи.

— Вы ошибаетесь,—сказала, наконецъ, она:—я не одна.

И она прибавила, послѣ новой паузы:

— Меня сопровождаетъ г-нъ Флоримонъ.

— Флоримонъ! Этотъ толстякъ? Быть не можетъ!

— Тѣмъ не менѣе, это такъ.

— Но вы не сказали ему за всю дорогу ни слова! Нельзя было даже думать, что вы знакомы.

— Онъ запретилъ мнѣ говорить съ нимъ и вообще съ кѣмъ бы то ни было.

— Но по какому праву?

— Увы!

— Да что вы — прикованы, что-ли, къ этому человѣку? Вы его любите?

— Разумѣется, нѣтъ. Но я не могу его оставить. Онъ обѣщался... платить кормилицѣ за выкормку моего ребенка.

— Платить кормилицѣ за выкормку вашего ребенка!?..—Филиппъ былъ совершенно сраженъ. Дѣвушка печально вздохнула. Казалось, она ждала какого-то слова. Но Филиппъ молчалъ, потупившись. Она сказала:

— Вотъ онъ! онъ меня ищетъ! Прощайте!

Филиппъ не отвѣчалъ ни слова. Когда онъ поднялъ глаза, она уже исчезла. Онъ никогда больше не встрѣчался съ нею.

А. Э.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ „ВОСПОМИНАНІЯ“ и „ПЕРЕПИСКА“

Окончаніе.

III *).

Мы останавливались на наиболѣе крупныхъ литературныхъ мемуарахъ о прошедшемъ времени; но кромѣ того за послѣднее время явилась цѣлая масса болѣе мелкихъ воспоминаній стараго и даже новѣйшаго времени и множество переписки. Печатаніе писемъ стало теперь точно маніей; историческіе и даже обыкновенные журналы переполняются множествомъ матеріала этого рода; издаются письма лицъ важныхъ и неважныхъ, по содержанію интересныя и совсѣмъ неинтересныя. Только изрѣдка подобный матеріалъ является въ болѣе или менѣе нормальной формѣ, т.-е. въ извѣстной цѣльности и съ достаточными объясненіями, такъ что можетъ служить для цѣлей исторіи и біографіи; всего чаще письма являются отрывочно и безсвязно, иногда наскучая своей безсодержательностью, а иногда только раздражая любопытство. Все это, впрочемъ, совершенно понятно и по существу дѣла, и по условіямъ нашей литературы. Любителямъ исторіи хочется сохранить документы, имѣющіе отношеніе къ біографіи того или другого историческаго лица; всего чаще документы этого рода попадаются въ ихъ руки случайно; съ другой стороны, все еще мало серьезныхъ литературныхъ силъ, которыя могли бы вносить

*) См. выше: ноябрь, 300 стр.

въ литературу подобный матеріалъ въ формѣ обработанной біографіи. Пока еще найдется такой біографъ, и владѣтель матеріала предпочитаетъ по крайней мѣрѣ сохранить его для будущаго, закрѣпить его печатью. Отсюда эта масса разбросанной, безсвязной переписки, которая въ данную минуту или не имѣетъ для читателя особаго смысла, или получаетъ характеръ анекдота. При томъ, во многихъ случаяхъ, появленіе въ печати подобныхъ матеріаловъ связано съ даннымъ положеніемъ литературныхъ дѣлъ; въ иную минуту изданіе подобныхъ документовъ бываетъ немыслимымъ, въ другую оказывается возможнымъ...

Такимъ образомъ, форма, въ какой эти свидѣтельства прошедшаго находятъ мѣсто въ печати, можетъ назваться весьма неблагодарной. Собирая данныя о томъ или другомъ историческомъ лицѣ, приходится буквально перерывать горы старыхъ изданій, чтобы собирать по крохамъ относящіяся къ нему свѣденія, и это состояніе матеріала безъ сомнѣнія устрашаетъ многихъ отъ біографической работы, не говоря о другихъ трудныхъ условіяхъ подобнаго труда.

Понятно, кромѣ того, что и въ этомъ случаѣ литература только отражаетъ собой ступень историческаго сознанія въ обществѣ. Вообще, мы не привыкли беречь прошедшее,—черта, конечно, не случайная, а напротивъ, очень давняя и закоснѣлая. Мы изстари не бережемъ своихъ историческихъ памятниковъ, и въ этомъ отношеніи мы бѣднѣе всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Мы не привыкли дорожить и новѣйшей исторической стариной, и это опять имѣло свои бытовыя причины, прежде всего въ томъ, что роль личности была до того поглощена ея служебною ролью въ государствѣ, что для нея въ обыкновенномъ теченіи вещей рѣдко представлялась возможность заявлять свою оригинальность и самобытность, на которыхъ, однако, и построенъ интересъ біографіи. Подобнымъ образомъ до очень недавняго времени у насъ была очень мало развита бережность къ памятникамъ литературнымъ. Нашъ литературный кругъ такъ немногочисленъ, и даже въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ спеціально литературные интересы такъ слабы, что, бывало, даже біографія первостепенныхъ дѣятелей нашей литературы представляла чрезвычайныя трудности. Біографія Пушкина стала разъясняться съ достаточною полнотой лишь въ самые послѣдніе годы, когда уже не далеко столѣтіе его рожденія и когда прошло больше полустолѣтія со дня его смерти. Біографія Грибоѣдова остается донынѣ не совсѣмъ разъясненной загадкой; нѣчто подобное представляетъ и біографія Лермонтова. Для біографіи Го-

голя только теперь подбирается достаточно изобильный матеріалъ, и т. д. Внѣшнее положеніе литературы, съ своей стороны, не весьма благопріятствовало развитію біографическихъ интересовъ. Жизнеописаніе каждаго крупнаго писателя необходимо должно было такъ или иначе коснуться цѣлаго общественнаго положенія, а это въ прежнее время бывало почти невозможно. Довольно припомнить первые приступы Анненкова къ біографіи Пушкина; его „Матеріалы“ переполнены недомолвками, темными намеками; многихъ существенныхъ пунктовъ въ біографіи онъ не касался вовсе, и только лѣтъ черезъ двадцать могъ досказать свои біографическія объясненія. Цѣлый рядъ писателей, имѣвшихъ какія-либо столкновенія общественнаго свойства, оставался вовсе безъ біографіи, и наши историки стараются теперь замѣнать этотъ пробѣлъ заднимъ числомъ, собирая крохи свѣденій, когда нѣтъ уже главныхъ свидѣтельствъ, которыя могли бы быть въ изобиліи собраны современниками и очевидцами. Рядомъ шло непониманіе важности предмета въ массѣ общества. Сплошь и рядомъ литературное наслѣдіе погибаетъ тотчасъ по смерти лица, память котораго должна бы быть охранена для исторіи.

Множество разъ бывало, напримѣръ, что бумаги извѣстнаго писателя, ученаго, даже государственнаго дѣятеля по его смерти сбываются, какъ хламъ, букинистамъ и старьевщикамъ. Такъ попадали къ нимъ бумаги Сахарова; такъ не были въ свое время разобраны и утилизированы бумаги Надеждина; библіотека Бодянскаго, богатая рѣдчайшими изданіями, досталась букинистамъ, а въ томъ числѣ и его бумаги, часть которыхъ только счастливымъ случаемъ была пріобрѣтена собирателемъ, понимавшимъ ихъ цѣнность, и въ его рукахъ была спасена для исторіи. Любители и книжные собиратели, которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, очень немного (всѣ они извѣстны поименно) пріобрѣтаютъ у букинистовъ толкучаго рынка вещи по истинѣ драгоцѣнныя, причемъ необходимо, конечно, предположить, что многое, ускользающее отъ нихъ, погибаетъ совсѣмъ, обращаясь въ макулатуру.

Припоминая все это, можно понять, почему этотъ историческій матеріалъ, нерѣдко чрезвычайно любопытный, является въ нашихъ спеціальныхъ изданіяхъ въ томъ отрывочномъ видѣ, о какомъ мы упоминали; этотъ видъ отвѣчаетъ самому положенію вещей; на немъ отражается та скудость историческаго пониманія, какою несомнѣнно страдаетъ масса нашего общества, а эта скудость, въ свою очередь, есть признакъ скудости цѣлаго общественнаго самосознанія. Все это вмѣстѣ сводится просто къ слабому развитію образованности.

Смѣшно и печально читать нынѣшнія сѣтованія на „перепроизводство“ образованныхъ людей въ Россіи; напротивъ, самое поверхностное сравненіе съ западными народами можетъ убѣдить въ крайней бѣдности нашего образованія; для цѣлыхъ милліоновъ нашего народа остаются неизвѣстны славнѣйшія имена русской литературы, которыми мы гордимся, какъ національной славой. Не мудрено, что какъ скоро историческій документъ выходитъ за предѣлъ тѣснаго круга людей нѣсколько образованныхъ и способныхъ понять его значеніе, онъ погибаетъ.

Тотъ историческій интересъ, который породилъ теперь нѣсколько спеціальныхъ изданій, посвящаемыхъ давнему и недавнему прошлому, и который, повидимому, довольно прочно утверждается въ извѣстной части общества, судя по успѣху этихъ изданій,—возникъ очень недавно. Благодаря ему приведено въ извѣстность большое количество данныхъ, которыя со временемъ послужатъ чрезвычайно важными свидѣтельствами о внутренней исторіи нашего общества и самого государства. Къ сожалѣнію, рядомъ съ накопленіемъ матеріала не идетъ его разработка. За послѣднія двадцать, двадцать-пять лѣтъ, когда идетъ усердное изданіе документальныхъ остатковъ старины, можно указать лишь очень немногія попытки настоящихъ историческихъ трудовъ по исторіи общества. Оно, въ сущности, понятно: съ одной стороны мы все еще не привыкли къ настоящей исторической правдѣ, а съ другой—у насъ, какъ мы сказали, мало серьезныхъ литературныхъ силъ, и данный матеріалъ все еще недостаточно обиленъ для того, чтобы можно было приступать къ обобщенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень жаль, что этихъ попытокъ не дѣлается. Во-первыхъ, и въ данномъ положеніи источниковъ такія обобщенія были бы возможны по тѣмъ или другимъ предметамъ нашей общественности, а во-вторыхъ опыты обобщенія были бы важны въ другомъ отношеніи: нужно, чтобы, рядомъ съ собираніемъ сырого матеріала, выяснялись точки зрѣнія, выработывались опредѣленія основныхъ мотивовъ нашего быта, среди которыхъ продолжаетъ идти и жизнь современная. Если, какъ мы говорили, многое изъ историческихъ извѣстій, появляющихся теперь въ печати, имѣетъ для насъ еще только интересъ анекдота (комментируемаго каждымъ по своему), это, очевидно, есть только первая элементарная и почти безплодная ступень историческаго интереса. Извѣстный фактъ, прочитанный въ „Русскомъ Архивѣ“, „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, можетъ броситься въ глаза

своею оригинальностью, необычностью для нашего времени, можетъ занять на минуту, но затѣмъ остаться безъ всякаго вліянія на складъ историческихъ понятій читателя, который не потрудится сопоставить его съ другими фактами, однородными или противоположными, и вывести изъ нихъ историческое заключеніе. Опасаемся, что большинство читателей упомянутыхъ изданій все еще остается на этой ступени. Къ сожалѣнію, и для читателей болѣе приготовленныхъ это состояніе нашихъ историческихъ свѣденій за послѣдніе два вѣка оставляетъ это впечатлѣніе анекдотической отрывочности, которой пора бы смѣняться цѣльными изученіями извѣстныхъ періодовъ, руководящихъ дѣятелей и основныхъ областей нашей общественной и государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ тѣ историческія извѣстія, которыя мы читаемъ по кусочкамъ въ упомянутыхъ изданіяхъ, являются только отдѣльными просвѣтами въ темное цѣлое старыхъ періодовъ нашей исторіи. Передъ нами пройдетъ отдѣльный эпизодъ исторіи XVIII вѣка, отрывокъ интимной переписки Александровскихъ временъ, потомъ тотъ или другой случай, совершавшійся въ стѣнахъ III отдѣленія, литературный доносъ и т. п. Но все это—безъ связи съ цѣлымъ направленіемъ эпохи, съ другими современными событіями, безъ отголосковъ въ обществѣ, такъ что читатель всего чаще лишенъ возможности увидѣть настоящее историческое значеніе переданнаго факта. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ эти факты бываютъ чрезвычайно характерны и, правильно собранные и обслѣдованные, могутъ освѣтить цѣлую эпоху.

Эта недостаточность историческихъ изученій обнаруживается очень ясно въ той крайней неопредѣленности, въ какой пребываютъ понятія большинства о самыхъ знаменательныхъ періодахъ нашей исторіи. Значеніе всего XVIII вѣка для насъ продолжаетъ быть неяснымъ. О временахъ Екатерины II мы еще не составили себѣ точнаго представленія: что̀ было ими пріобрѣтено для государства, общества и народа и въ чемъ были ихъ недостатки? То же самое можно сказать о временахъ Александровскихъ. Вторая четверть столѣтія не вызывала даже и попытки какого-нибудь точнаго опредѣленія: тотъ періодъ находитъ теперь своихъ почитателей, но ни эти почитатели, ни ихъ противники не съумѣли сколько-нибудь отчетливо формулировать то̀, что̀ имъ нравится или не нравится въ этой эпохѣ, въ чемъ они считаютъ ея достоинства или недостатки въ смыслѣ государственномъ, общественномъ и народномъ. Не говоримъ о временахъ ближайшихъ; но казалось бы, что періоды, уже значительно отъ насъ отдален-

ные временемъ, могли бы, наконецъ, вызвать историко-критическое изслѣдованіе и опредѣленіе. Надо согласиться, что этому мѣшаютъ въ большой степени чисто внѣшнія препятствія, и это послѣднее обстоятельство опять говоритъ не въ пользу внутренней состоятельности нашего національнаго самосознанія, о которомъ такъ часто говорятъ теперь, какъ о вещи уже достигнутой. Такимъ образомъ намъ донынѣ приходится ограничиваться лишь отрывочнымъ знаніемъ нашей недавней исторіи, которому еще предстоитъ сдѣлаться дѣйствительнымъ историческимъ знаніемъ.

Какъ мы сказали, въ массѣ издаваемаго теперь матеріала встрѣчается не мало такихъ эпизодическихъ подробностей, которыя для будущаго историка будутъ важными откровеніями о характерѣ людей и событій; мы остановимся на нѣкоторыхъ чертахъ этого рода, имѣющихъ отношеніе къ нашей литературной исторіи.

Образчикомъ того, какимъ случайностямъ подвергалась переписка историческихъ лицъ и писателей, можетъ служить исторія одной коллекціи этого рода, изданной В. Е. Якушкинымъ въ „Русской Старинѣ" [1]).

Въ 1887 году г-жа Шахматова, разбирая старую библіотеку въ своемъ саратовскомъ имѣніи, нашла пачку документовъ, относящихся главнымъ образомъ къ Александровскому времени. Эти документы оказались принадлежавшими нѣкоему А. А. Ивановскому, большому любителю литературы, который въ двадцатыхъ годахъ имѣлъ знакомства въ литературныхъ кругахъ, самъ былъ писателемъ, а послѣ 14-го декабря состоялъ при слѣдственной коммиссіи, учрежденной по дѣлу декабристовъ. Въ прежнее время онъ былъ близокъ съ Александромъ Бестужевымъ, Корниловичемъ, Ѳ. Глинкою, также съ Гречемъ и Булгаринымъ и, вѣроятно, со многими другими представителями тогдашней литературы. Въ упомянутую слѣдственную коммиссію, въ 1825 и 1826 годахъ, онъ попалъ, вѣроятно, по своей службѣ въ военномъ министерствѣ. За отличные труды въ коммиссіи Ивановскій былъ всемилостивѣйше пожалованъ пенсіею въ двѣ тысячи рублей. Когда работы коммиссіи окончились, Ивановскій остался на службѣ при А. Х. Бенкендорфѣ, т.-е. по государственной полиціи. Ему не разъ поручались разныя секретныя слѣдствія не только его непосредственнымъ начальствомъ, но и по Высочайшему повелѣнію. Въ

---

[1]) „Къ (?) литературной и общественной исторіи 1820—1830 годовъ", „Р. Ст." 1888, октябрь, и дал.

1829 году Ивановскій вышелъ въ отставку и прожилъ до 1848 года, не оставляя до конца жизни литературныхъ интересовъ и даже писательства, поддерживая литературныя связи. Главную часть его собранія составляютъ бумаги, принадлежащія декабристамъ, письма разныхъ лицъ къ А. Бестужеву, Рылѣеву, Корниловичу и другимъ, между 1816 и 1825 годами. Откинувъ отсюда письма, незначительныя по содержанію, г. Якушкинъ напечаталъ изъ этой коллекціи до пятидесяти писемъ. Другую часть собранія составляютъ болѣе позднія письма къ самому Ивановскому и третью— бумаги, относящіяся къ слѣдствію по дѣлу о декабристахъ. Какъ попали письма въ руки Ивановскаго, остается неясно; повидимому, онѣ были выбраны имъ изъ самаго слѣдственнаго дѣла и во время производства, или съ вѣдома начальства предоставлены ему по окончаніи дѣла.

Въ цѣломъ эта коллекція доставляетъ не мало историческихъ подробностей о литературѣ того времени. Мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ писемъ тогдашнихъ писателей къ Бестужеву, Рылѣеву, барону Штейнгелю, Корниловичу, находимъ письма Баратынскаго, князя Вяземскаго, Грибоѣдова, Жуковскаго, князя В. Ѳ. Одоевскаго, потомъ Блудова, Греча, Булгарина и другихъ. Здѣсь же нашлись подлинники писемъ Пушкина къ Бестужеву и Рылѣеву; письма эти были извѣстны, но, напечатанныя съ копій, изданы были не совершенно точно. Г. Якушкинъ замѣчаетъ по поводу этой коллекціи: „Въ нашей литературѣ уже не разъ отмѣчался тотъ любопытный фактъ, что въ русскомъ обществѣ 1820-хъ годовъ была полная связь, если не принципіальная, то фактическая, въ общественныхъ направленіяхъ, въ литературныхъ отношеніяхъ. И тѣ, кто принадлежалъ къ тогдашнимъ тайнымъ обществамъ, и тѣ, кто къ нимъ никогда не принадлежалъ, и даже тѣ, которые въ политическомъ отношеніи могли быть подозрительны только въ особомъ смыслѣ слова, всѣ тогда говорили и разсуждали вмѣстѣ, вмѣстѣ писали и печатали, всѣ они составляли вмѣстѣ одинъ общій литературный, интеллигентный кругъ. Самъ Гречъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что трудно было разобрать, кто былъ заговорщикомъ, кто нѣтъ. Наши письма еще разъ указываютъ на эту общую близость въ тогдашнемъ обществѣ; въ нихъ часто встрѣчаются имена Греча и Булгарина; характерно также дружеское письмо Д. Н. Блудова къ М. Ф. Митькову, о которомъ черезъ полтора года тотъ же Блудовъ давалъ рѣзкій отзывъ въ донесеніи слѣдственной коммиссіи. Очень характерна и роль самого Ивановскаго. Бывши близокъ со многими изъ декабристовъ, онъ участвуетъ въ слѣд-

ствіи надъ ними, а вскорѣ затѣмъ получаетъ отъ своего друга Бочкова (впослѣдствіи игуменъ Антоній) письма съ самыми горячими восхваленіями осужденнаго Александра Бестужева и съ глубокими сожалѣніями о погибели Рылѣева, Кюхельбекера, и проч.: „сколько надеждъ погибло!“ Повидимому, Ивановскій доставлялъ ему въ это время для прочтенія письма и повѣсти Бестужева, и тотъ писалъ ему заклинанія „для славы родины сохранить все, что̀ осталось отъ молодца вожатаго“, т.-е. отъ Бестужева. Тотъ же Ивановскій, оставаясь на службѣ при графѣ Бенкендорфѣ, издаетъ въ 1828 году альманахъ „Альбомъ сѣверныхъ музъ“ въ пользу нуждавшагося семейства Корниловича, и въ самомъ альманахѣ помѣщаетъ стихи Рылѣева на смерть Байрона, взятые изъ архива государственной полиціи и смягченные нѣсколько для цензуры, также отрывокъ изъ поэмы А. Бестужева, быть можетъ и другія произведенія декабристовъ.

Наконецъ, не лишены интереса бумаги, относящіяся къ слѣдственному дѣлу. Ивановскій присутствовалъ при засѣданіяхъ, быть можетъ велъ протоколы и пр., и слѣды этого остались въ бумагахъ. „Мы находимъ тутъ,—говоритъ г. Якушкинъ,—нѣсколько листковъ или даже лоскутковъ, на которыхъ сдѣланы записи и помѣты, относящіяся къ слѣдствію надъ декабристами, и притомъ сдѣланы, очевидно, во время самыхъ же засѣданій. Мы встрѣчаемъ показанія о полковникѣ Владимірѣ Глинкѣ и постановленіе о немъ, показаніе Арбузова о Д. Завалишинѣ, показаніе Рылѣева объ Якубовичѣ и, кромѣ того, еще нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Но Ивановскій не ограничивался во время засѣданій и допросовъ однѣми записями, нужными ему для составленія протоколовъ: у него оставалось много незанятаго времени и онъ рисовалъ; иногда рисовалъ такъ какія-нибудь человѣческія фигуры, а иногда портреты лицъ, бывшихъ въ засѣданіи, или даже цѣлыя сцены; такъ мы находимъ тутъ нѣсколько портретовъ военнаго министра Татищева, портретъ Артамона Муравьева и еще неизвѣстныхъ лицъ; мы встрѣчаемъ тутъ каррикатуру: Татищевъ и Бенкендорфъ дерутся на сабляхъ“, и т. д.

Въ литературныхъ письмахъ встрѣчаются дѣйствительно оригинальныя черты времени. Таковы письма князя Вяземскаго изъ той первой эпохи его дѣятельности, которая остается до сихъ поръ наименѣе разъясненною, и которая была не совсѣмъ похожа на послѣдующую. Таковы письма Грибоѣдова, писанныя съ Кавказа, или, изъ людей менѣе извѣстныхъ, письма упомянутаго Бочкова.

Въ томъ же 1826 году, когда только-что закончилась ката-

строфа, Бочковъ пишетъ слѣдующее къ чиновнику государственной полиціи:

„Письма Бестужева, мой любезнѣйшій другъ, я читалъ почти со слезами. Мысль, что онъ погибъ навсегда для насъ и что эта потеря не скоро вознаградится, убивала меня. Его заслуги важны для нашей словесности. До него наши молодые поэты въ какомъ-то раздѣленіи; возникающій отъ любви къ отечественному (взглядъ) хотя изрѣдка и начиналъ уже пробиваться, но они дѣйствовали безъ всякихъ видовъ и только тѣшились сами собою. Бестужевъ первый привелъ ихъ къ одному алтарю, показалъ имъ благороднѣйшую цѣль: славу Россіи, и средство: пламенную любовь къ родинѣ и знаніе старины. Но „Полярная Звѣзда“ скоро закатилась. Бестужевы, Рылѣевъ, Корниловичъ, Кюхельбекеръ,—сколько надеждъ погибло! Безразсудные! зачѣмъ вы поставили свой жертвенникъ подъ дерево вольности?

„Бѣдный Жуковскій, бѣдные наши писатели! Какъ немилосердно клюетъ васъ цензура! Святая наша инквизиція! Не могу удержаться, чтобы не сказать тебѣ похвальное слово въ семинарскомъ вкусѣ, украшенное безпрерывною метафорою, сирѣчь аллегоріею.

„Когда перунъ изъ когтей двуглаваго орла грянулъ и раздробилъ древо вольности, тогда и кумиру Паллады, поставленному подъ сѣнію онаго, нанесенъ мимолетомъ страшный ударъ. Со шлема богини отломленъ огневласый, лучезарный гребень, разливавшій около главы ея благотворное сіяніе. Осталась одна сова (вамъ извѣстенъ этотъ аттрибутъ Минервы). Нетерпящая свѣту, зловѣщая птица, видя себя на свободѣ и во мракѣ, распустила свои мохнатыя крылья и гукнула такъ ужасно, что сама Минерва содрогнулась. Эгидъ выпалъ изъ ея рукъ, и она осталась безъ защиты. Еще ударъ и... горе намъ!!!.. пророчество кн. Вяземскаго сбудется: наша словесность учинится какимъ-то отдѣленіемъ министерства просвѣщенія. Эта грозная сова—наша... не хочу осквернять устъ повтореніемъ ея ненавистнаго имени. Ахъ! даруй, небо, чтобы это похвальное слово сдѣлалось погребальнымъ. Аминь! И вы вѣрно то же скажете?“ [1])

Въ числѣ друзей Ивановскаго былъ, между прочимъ, извѣстный Ѳ. Н. Глинка. Какими-то неисповѣдимыми судьбами Глинка, издавна благочестивый поэтъ и идеалистъ, замѣшанъ былъ въ процессъ декабристовъ и поплатился заключеніемъ въ крѣпости, потерей двухъ чиновъ и высылкой на службу въ Петрозаводскъ.

[1]) „Р. Старина“, 1889, іюль, стр. 113.

Въ іюнѣ 1826 года онъ пишетъ къ Ивановскому: „Противувольный отъѣздъ мой отсель есть такое событіе, которое однимъ ударомъ отсѣкаетъ меня отъ всего знакомаго, милаго, родного и привычнаго; разлучаюсь и съ вами!.. 13-недѣльное сидѣніе безъ свѣта и воздуха и снятіе двухъ чиновъ не столько огорчаетъ, какъ сей отъѣздъ". Въ слѣдующемъ году, въ августѣ, онъ пишетъ изъ Петрозаводска о своихъ служебныхъ занятіяхъ и своемъ трудѣ надъ переложеніемъ Іова. Служба его состояла въ томъ, что онъ былъ старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія. „Развитіе гражданственности,—говоритъ онъ,—ознаменовывается и въ сихъ полудикихъ странахъ необычайнымъ множествомъ бумажнаго дѣла. Въ почтовые дни (понедѣльникъ и вторникъ) мнѣ приходится подписывать большія кипы бумагъ печатныхъ и писанныхъ: нарядовъ, указовъ, меморій и т. п. Недавно въ одно утро, для одной почты, подписалъ я ровно тысячу сто девять бумагъ! За механическимъ трудомъ подписыванія слѣдуетъ большій—трудъ прочитыванія: на каждый день, круглымъ числомъ, достается прочитать до 100 большихъ страницъ. За недостаткомъ низшихъ чиновниковъ у насъ совѣтники работаютъ вполтора". Разсказавъ свой день, онъ кончаетъ: „Странное дѣло! чѣмъ горестнѣе положеніе и состояніе души, тѣмъ прелестнѣйшія вижу сновидѣнія: иногда снятся совсѣмъ невиданныя страны, чудесный климатъ, цвѣтущія долины, такъ что, будучи разбуженъ, очень живо чувствую услажденіе, которое ложится на горесть бытія моего, какъ позолота на жесткій, безобразный металлъ. Вотъ вамъ мой день и ночь! Завиднаго въ судьбѣ моей нѣтъ! Три несчастія тяготѣютъ постоянно надо мною: бѣдность, политическое уничиженіе и одиночество". Условія, къ сожалѣнію, были таковы, что какъ разъ отвѣчали работѣ, предпринятой бѣднымъ поэтомъ. Его радуютъ благопріятные отзывы, какіе онъ получалъ объ отрывкахъ своего „Іова": „Чѣмъ далѣе, тѣмъ въ текстѣ (французск., нѣмецк., польск., итальянск. и славянскомъ) болѣе темноты и единообразія, однако, въ нѣкоторомъ расположеніи души, когда она упитана собственною скорбію, когда слезы мѣшаются съ чернилами, можно угадывать тайны скорби многострадальнаго. Я стану усиливаться выразить чтò можно и сколько можно проще и яснѣе, не гоняясь за піитизмомъ, ни за вѣрностію".

Въ другомъ письмѣ того же года онъ приводитъ слова сенатора Д. О. Баранова, пріѣзжавшаго въ Петрозаводскъ: „здѣсь (т.-е. у насъ), если не имѣть книгъ, должно или съ ума сойти,

или застрѣлиться“ [1]). Это, впрочемъ, были обыкновенныя свойства русскаго захолустья: большинство избѣгало опасности сойти съ ума и застрѣлиться, отдаваясь картамъ или пьянству, и создавая тѣ нравы, какіе изображены въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ“.

Какъ черта времени, любопытны воспоминанія, какимъ предается Глинка въ одномъ изъ тѣхъ же писемъ. Юность его и Ивановскаго прошла вмѣстѣ: „Много минутъ свѣтлыхъ, романтическихъ провели мы вмѣстѣ. Я помню прелестный лѣтній вечеръ въ Смоленскѣ, когда, среди нѣги природы и юныхъ возвышенныхъ ощущеній, мы читали вмѣстѣ письмо Руссо къ Сесиліи. Ахъ! такія минуты похожи на сладкія сновидѣнія, которыя одинъ только разъ могутъ присниться въ жизни“. Судьба оригинально развела въ разныя стороны этихъ поклонниковъ Руссо, одного отправивши въ ссылку въ Петрозаводскъ, другого посадивъ въ чиновники III-го отдѣленія.

Всего больше въ новѣйшихъ изданіяхъ литературной переписки занимаетъ мѣсто Гоголь. Въ „Русскомъ Архивѣ“ и въ „Русской Старинѣ“ помѣщено за послѣдніе годы очень много новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ писемъ и самого Гоголя, и писемъ къ нему отъ разныхъ близкихъ къ нему лицъ. Наиболѣе дѣятельнымъ собирателемъ этого матеріала былъ г. Шенроկъ, который, вѣроятно, рано или поздно, издастъ свои изслѣдованія и свои коллекціи въ цѣльномъ видѣ; но и кромѣ того явилось въ свѣтъ не мало интереснѣйшихъ подробностей, которыя все больше раскрываютъ личныя и литературныя отношенія Гоголя. Такъ, болѣе опредѣленно указываются отношенія Гоголя къ Бѣлинскому; такъ, являются въ печати письма къ Гоголю К. Аксакова, воспоминанія княгини Репниной. Недавно мы говорили подробно о воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова. Въ послѣднихъ была рѣчь о томъ, какъ приняты были въ славянофильскомъ кругу „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“; теперь г. Павловъ, издавшій эти воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ“, помѣстилъ тамъ же письма К. С. Аксакова вмѣстѣ съ объяснительной статьей [2]).

Статья называется: „Гоголь и славянофилы“ и имѣетъ въ виду объяснить не только частный вопросъ ихъ отношеній, но и цѣлую историческую роль Гоголя и славянофильскаго круга въ развитіи русскаго самосознанія. Авторъ придаетъ этому кругу

---

[1]) „Р. Старина“, 1889, іюль, стр. 124.

[2]) „Р. Архивъ“, 1890, кн. 1.

величайшее значенiе: это люди, которые были для русскаго общества откровенiемъ именно потому, что въ нихъ была „русская душа“. Для истолкованiя этого положенiя, авторъ восходитъ къ объясненiю значенiя Пушкина и Гоголя, въ которыхъ видитъ какъ бы символическiя отраженiя цѣлаго внутренняго процесса, совершавшагося въ исторiи русскаго послѣ-Петровскаго общества. Точка зрѣнiя автора на Петровскую реформу и выросшую изъ нея жизнь русскаго общества—чисто славянофильская. Въ Петровскiя времена русское общество оторвалось отъ народа: символическимъ изображенiемъ этой оторванности явился „Онѣгинъ“, а затѣмъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ были сознанiемъ самого общества въ безобразiи тѣхъ результатовъ, которые получились вслѣдствiе этой оторванности. Гоголь высказалъ это общественное признанiе въ силу своего художественнаго инстинкта, самъ не чувствуя его трагическаго смысла; потомъ онъ спохватился, хотѣлъ заставить забыть эту мрачную картину изображенiемъ свѣтлыхъ сторонъ русской жизни, но не находилъ ихъ и палъ въ безсильныхъ попыткахъ: онъ сдѣлалъ что могъ и не въ состоянiи былъ сдѣлать больше. Славянофильство представило новую ступень развитiя: оно нашло и олицетворило въ себѣ „русскую душу“.

Эта тема излагается авторомъ не столько въ историческихъ доказательствахъ, сколько въ лирическихъ воззванiяхъ, очень горячихъ, но иногда, къ сожалѣнiю, нѣсколько безсвязныхъ, и какъ-то по домашнему выраженныхъ.

Изобразивши Онѣгина, Пушкинъ и совершилъ свое дѣло. „Какъ ни долго бродилъ онъ однимъ путемъ „съ Онѣгинымъ моимъ“, но въ концѣ концовъ умѣлъ, однакожъ, „вдругъ разстаться съ нимъ“. Видно, демонъ и въ самомъ дѣлѣ такого рода, что иначе какъ вдругъ съ нимъ не покончить... Гоголь пережилъ Пушкина недолго... увы! какъ бы въ доказательство того, что разъ они вдвоемъ съ Пушкинымъ замкнули цѣлую историческую эпоху, незачѣмъ было ему такъ долго и скитаться по бѣлу-свѣту, отыскивая чего нѣтъ. Пожалуй, еще неотступнѣе самого автора „Онѣгина“ обращался онъ къ своей собственной Татьянѣ, допытываясь у нея: „ужель загадку разрѣшила? ужели слово найдено?“ не добился отвѣта и не разслушалъ ея словъ. Правда, онъ воскликнулъ: „у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!“ Еще прибавилъ къ тому: „не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься“; наконецъ заключилъ: „и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другiе народы и государства“... Но и только всего, на одномъ

этомъ и замолкъ навсегда. Съ одной стороны, оно, конечно... но, съ другой стороны, воля ваша, однако (?!)... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, принять за разрѣшеніе загадки имъ найденное слово, столь прославленное во всѣхъ нашихъ риторикахъ (?), характерное слово о ямщикѣ, что онъ, видите ли, „не въ нѣмецкихъ ботфортахъ, а борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ“.

„Такъ или иначе, обидно это кому или нѣтъ, историческій фактъ таковъ: съ одной стороны „Евгеній Онѣгинъ“, а съ другой „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“—вотъ все, что наша литература выставила, какъ плодъ національнаго самосознанія... за весь „блистательный періодъ“. Угодно ли, православные (?), узнать: чѣмъ возвеличилась родная (?) на берегахъ Невы? Читайте „Онѣгина“. А хотите знать, въ ту ли мѣру возросла тогда же губернская и уѣздная, однимъ словомъ, провинціальная Россія? Вотъ вамъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“, читайте сами. Это нашъ полуторастолѣтній итогъ.

„Великъ же итогъ, дождалися! Ай да Пушкинъ съ Гоголемъ! За что же имъ столбы ставятъ? или нѣжнѣе: такъ за это-то имъ воздвигаютъ монументы?“ (?!)

Грубоватый стиль послѣднихъ строкъ, напоминающій о „маленько-мужицкомъ“ языкѣ „Маяка“, долженъ, вѣроятно, обозначать то, что самъ авторъ желаетъ представить собой настоящаго „русскаго человѣка“: полагается, повидимому, что „русскій человѣкъ“ долженъ говорить грубовато и даже иногда нѣсколько безсмысленно, потому что восклицаніе: „ай да Пушкинъ!“—особаго смысла не имѣетъ. И дальше авторъ, обращаясь къ „простякамъ“, объясняетъ имъ въ формѣ сказки, какъ Пушкинъ и Гоголь открыли своими произведеніями, что русской жизни некуда было идти дальше въ прежнемъ направленіи, и что затѣмъ необходимо долженъ былъ наступить поворотъ къ „народности“. Это послѣднее и было сдѣлано славянофилами.

Мы скажемъ дальше о неудобствѣ слишкомъ огульныхъ и съ высоты птичьяго полета рѣшеній историческаго вопроса, какъ это дѣлаетъ г. Павловъ, и упомянемъ здѣсь еще его заключенія о степени сознательности дѣла, совершоннаго двумя корифеями нашей литературы, и о томъ, насколько возможно было выполненіе той задачи, которую хотѣлъ исполнить Гоголь во второй части „Мертвыхъ Душъ“. Эти два вопроса, въ сущности, остаются невыясненными и до сихъ поръ, и на этотъ разъ заключенія г. Павлова, весьма категорическія, кажутся намъ близкими къ

истинѣ; жаль только, что онъ опять излагаетъ ихъ нѣсколько юродивымъ языкомъ.

Могли ли Пушкинъ и Гоголь сдѣлать больше того, чтò они дали? Затѣмъ: „Понимали ли сами Пушкинъ и Гоголь величіе совершаемаго подвига, всю высоту своего призванія? Отвѣчать не трудно. Со стороны Пушкина—это еще вопросъ, далъ ли бы онъ намъ больше того, чтò далъ, или нѣтъ? Спросите у той пули, которая не мимо шла, такъ преждевременно его сразила: это навсегда открытый вопросъ! Но что Гоголь не понималъ своего призванія, или вѣрнѣе: *то понималъ, то не понималъ* его, это самое авторъ „Мертвыхъ Душъ", по написаніи ихъ, и не переставалъ уже доказывать о себѣ—до гроба. На это израсходовалъ онъ всѣ свои остававшіяся силы и истратилъ полжизни.

„Геніальный писатель самымъ геніальнымъ образомъ не понималъ собственнаго произведенія. Онъ просто написалъ то, чего не могъ бы не написать, чтò ему диктовала его художественная совѣсть—одно это онъ и писалъ. Онъ свою поэму, какъ и всѣ прежнія сочиненія, писалъ вольно, прямо отъ души: это вылилось само собою. А публику ошеломило. Публика вела себя на этотъ разъ такъ, какъ бы покусились на самое ея существованіе [1]) и коснулись, что называется, самыхъ священныхъ ея убѣжденій. „Помилуйте, Бога ради,—обращался авторъ къ волновавшейся публикѣ:—да чтò съ вами?" Онъ обращался къ друзьямъ и недругамъ, наконецъ, чуть не къ цѣлой Россіи, прося растолковать толкомъ, но всѣ были сбиты съ толку, всѣ опалѣли" [2]).

Авторъ не подозрѣвалъ,—говоритъ г. Павловъ,—что, издавая свою книгу, хоронитъ ею цѣлый періодъ; теперь онъ испугался ея впечатлѣнія и проклиналъ плодъ своего легкомыслія. „Необдуманность тутъ всему виною; обдуманность все же исправитъ". „И авторъ съ публикой билъ по рукамъ. Изъ того, чтò лопнуло, чтò исчезло, въ синюю мглу обратилось, вызвался онъ создать непостижимаго героя, и ужъ непремѣнно безсмертнаго на этотъ разъ. Гоголь не въ шутку обѣщалъ публикѣ: изъ „Мертвыхъ

---

¹) Г. Павловъ разумѣетъ здѣсь ту часть публики, которая вознегодовала на Гоголя послѣ „Мертвыхъ Душъ", какъ послѣ „Ревизора", за непольщенное изображеніе русской жизни; но была и совсѣмъ другая публика, которая приняла эти произведенія съ восторгомъ, какъ начало новой эпохи нашей литературы.

²) Опять не всѣ. Упомянутая часть публики, и весьма обширная, вполнѣ понимавшая значеніе Гоголя, нисколько не была „сбита съ толку" и, вполнѣ оцѣнивъ все величіе дѣла, совершаемаго Гоголемъ, уже при появленіи первой части „Мертвыхъ Душъ" отмѣтила неясность теоретическихъ взглядовъ писателя, выразившихся въ извѣстныхъ „лирическихъ мѣстахъ" поэмы.

Душъ“ извести *душу-живу*, и это безъ дальнихъ отсрочекъ“. Но дѣло было невыполнимо. „Авторъ самымъ искреннимъ образомъ не подозрѣвалъ, что періодъ, навѣявшій на него образы „Мертвыхъ Душъ“ и вдохновившій написать столь чудную поэму, не можетъ быть долговѣченъ; разъ онъ сознанъ—онъ уже прошелъ. Авторъ и не подозрѣвалъ, что идти далѣе въ томъ же направленіи—значитъ уже ловить вѣтра въ полѣ и кружиться на одномъ мѣстѣ. Что отсюда возможна лишь такая новизна, въ которой бы старина наша слышалась, что *„пора домой“* (по памятному выраженію К. С. Аксакова), этого ему и въ голову не приходило. Какъ бы въ явное доказательство, что онъ никакимъ, хотя бы самымъ иносказательнымъ, намекомъ, никого не приглашалъ: *пора домой*, авторъ безъ всякихъ иносказаній проживалъ за границей и изъ „чужого-далека“ домой не спѣшилъ“.

Объясняя дальше невозможность вывести „чье-то вселенское значеніе“ изъ той общественной духоты, какая изображена въ первой части „Мертвыхъ Душъ“, г. Павловъ говоритъ: „Разбивъ лживый идеалъ въ дребезги, Гоголь въ его же черепкахъ и сталъ доискиваться идеаловъ. Возможно ли это? Нельзя, хотя бы изъ самыхъ рыцарскихъ, высоко-благородныхъ порывовъ. Поэтическое творчество отказывалось служить поэту, и художественная совѣсть запрещала лгать. Бѣднякъ отчаялся тогда въ собственномъ поэтическомъ дарованіи; пробовалъ истолковать себѣ и другимъ мучившіе его неразрѣшимые вопросы другимъ способомъ. Всѣ носимые въ груди, да еще невыношенные, какіе-то предначатки чего-то, что было то да не то—пробовалъ онъ истолковать не какъ поэтъ, а какъ публицистъ. Изъ области поэзіи спустился въ низменную область публицистики, издалъ свою „Переписку съ Друзьями“. Но, чего и слѣдовало ожидать, вышла со всей этой исторіею двойная чепуха, и поднялась кутерьма такая—знать бы раньше, лучше бы и не затѣвать публицистики... Нѣтъ, не поэта и не публициста приходилось перевоспитывать въ себѣ талантливому писателю (и поэтъ, и публицистъ онъ былъ равно великій), а надо было перевоспитать въ себѣ *человѣка*. Бездѣлицы ли потребовалось напослѣдокъ? Перекреститься въ *„душу нову“*: вотъ чего потребовала напослѣдокъ неумолимая православная совѣсть. Сокрушенный духомъ, не былъ онъ къ тому же здравъ и тѣломъ. Вотъ на что израсходовалъ Гоголь всю вторую половину своей жизни послѣ того, какъ его послѣднее заключительное геніальное произведеніе всѣхъ ошеломило, а главное, ошеломило, больше всѣхъ, самого его. Мученикомъ, какъ пониманья, такъ и непониманья своей задачи, и умеръ великій художникъ—великій не

тогда, какъ писалъ и переписывалъ вторыя „Мертвыя Души", а всякій разъ, какъ ихъ сжигалъ, и особенно великій напослѣдокъ".

Въ томъ, что̀ говорится здѣсь о внутреннемъ процессѣ въ мысляхъ Гоголя, о невыполнимости той задачи, надъ которой онъ мучился въ послѣдніе годы своей жизни, очень много справедливаго. Отыскивать идеальныхъ людей въ той житейской средѣ, гдѣ онъ раньше могъ усмотрѣть только героевъ первой части своей поэмы, было, конечно, дѣло немыслимое. И въ самомъ дѣлѣ, вторая часть „Мертвыхъ Душъ" производитъ, на нашъ взглядъ, крайне тягостное впечатлѣніе этой борьбы таланта съ придуманнымъ намѣреніемъ: на каждомъ шагу чувствуется дѣланность и натянутость, а наконецъ, и незнаніе жизни, которая становилась все больше загадочна для писателя, когда и самъ онъ находился „въ прекрасномъ далекѣ". Свѣжи, художественны и интересны во второй части „Мертвыхъ Душъ" только тѣ эпизоды, гдѣ Гоголь по старой памяти отдавался непосредственному художественному влеченію, гдѣ онъ не придумывалъ и не старался создавать идеальныя лица въ той сферѣ, гдѣ никакъ не создавала ихъ сама жизнь, и въ такихъ условіяхъ, которыя отрицали самую возможность идеала. Когда вторая часть была напечатана, это было болѣе или менѣе почувствовано всѣми, хотя старые почитатели Гоголя изъ любви къ писателю иногда преувеличивали достоинства упомянутыхъ болѣе свѣжихъ эпизодовъ второй части.

Возвращаемся къ общей постановкѣ общественнаго вопроса, олицетворяемаго г. Павловымъ въ Пушкинѣ, Гоголѣ и славянофилахъ. Такія широкія обобщенія, какія дѣлаетъ г. Павловъ, вообще чрезвычайно рискованы. Онѣ могутъ быть иногда допущены, какъ самый общій выводъ, еслибы имъ предшествовало спеціальное обстоятельное изслѣдованіе; но брошенныя, какъ здѣсь, въ видѣ отрывочныхъ и категорическихъ афоризмовъ, онѣ далеко не доказываютъ того, что̀ желаютъ счесть доказаннымъ.

Художественныя произведенія несомнѣнно могутъ бывать характерными показателями внутренней жизни общества, но не бываютъ ея единственными показателями. Нашему критику кажется, напримѣръ, что Пушкинъ установилъ вопросъ объ оторванности нашего общества отъ народа и тѣмъ проложилъ первый путь къ дальнѣйшему развитію мысли о возвращеніи къ народу: невольно вспоминается при этомъ взглядъ, утверждавшій въ послѣдніе годы, что Пушкинъ въ теоретической основѣ своихъ идей былъ своего рода консерваторъ и оставался въ предѣлахъ

той дѣйствительности, какая въ его время господствовала, а эта дѣйствительность очень мало помышляла о сближеніи съ народомъ. Его дѣйствіе было гораздо менѣе прикладное, чѣмъ полагаетъ нашъ критикъ, и гораздо болѣе общее, художественно и гуманно воспитанное. Точно также, при всемъ великомъ значеніи Гоголя для нашего общественнаго самосознанія, слишкомъ много сказать, что онъ „разрушилъ“ ту ложь, которая проникала нашу общественную жизнь, и открывалъ возможность той новой ступени, гдѣ общество приходило къ сознанію, что намъ „пора домой“. Разрушеніе было столь неполно и, по мнѣнію самого критика, произведено столь безсознательно, что на другой же день Гоголь самъ принялся усиленно возстановлять разрушенное. Первые приступы сознанія г. Павловъ считаетъ уже за довершенное дѣло и затѣмъ легко дѣлаетъ переходъ къ дальнѣйшему подвигу русской общественной мысли, который, по его взгляду, былъ дѣломъ славянофиловъ и выразился извѣстнымъ кличемъ: „пора домой“.

Дѣло исторіи несравненно сложнѣе. Великіе художники, какими были Пушкинъ и Гоголь, бываютъ нерѣдко глубокимъ и пророческимъ отраженіемъ внутреннихъ процессовъ общественнаго сознанія: они, какъ свѣтъ молніи въ потьмахъ, раскроютъ картину дѣйствительности, но они не въ состояніи указать подробности труда, который будетъ предстоять обществу для достиженія слѣдующей стадіи развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они сами бываютъ созданіемъ своего времени: та же работа жизни, которая создаетъ ихъ, совершается во множествѣ иныхъ явленій умственнаго и нравственнаго бытія общества; ихъ великій успѣхъ объясняется именно тѣмъ, что ихъ художественныя произведенія находятъ себѣ подготовленную почву и сочувственный откликъ въ людяхъ, проникнутыхъ тѣми же инстинктами и стремленіями. Нашъ критикъ справедливо замѣчаетъ, что самъ Гоголь то понималъ, то не понималъ своего дѣла; но хорошо извѣстно, что его дѣло, съ первыхъ начатковъ и намековъ, было глубоко и восторженно понято молодыми поколѣніями, для которыхъ и стало потомъ навсегда предметомъ величайшаго поклоненія. Эти почитатели и явились послѣ его суровыми противниками въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ „не понималъ“. Очевидно, что великое дѣло, совершонное Гоголемъ, было совершено только въ одной области общественнаго самосознанія и что само по себѣ оно никогда не было какой-либо програмой. Такъ думаетъ и г. Павловъ, и по его дальнѣйшему выводу слѣдуетъ, что программа была дана уже славянофилами; но другіе съ такимъ же правомъ могли бы сказать, что дальнѣйшее развитіе вопроса, поставлен-

наго Гоголемъ, сдѣлано было въ томъ литературномъ кругу, который съ самаго начала примкнулъ къ нравственно-общественнымъ идеямъ, одушевлявшимъ лучшія произведенія Гоголя. Послѣдующее развитіе художественной литературы, которое произвело Тургенева, Некрасова, Островскаго, самого Достоевскаго и др., и которое несомнѣнно исходило отъ Гоголя, не имѣло ничего славянофильскаго, и съ этой послѣдней стороны было даже встрѣчаемо недружелюбно. Выводъ г. Павлова оказывается произвольнымъ. Точнѣе было бы сказать, что и то, и другое направленіе одинаково примыкаютъ къ Гоголю, или, еще точнѣе, къ тому фазису нашей общественной мысли, котораго онъ былъ только величайшимъ выразителемъ въ художествѣ. Нашему критику кажется, что прямымъ выводомъ изъ Гоголя, т.-е. изъ цѣлаго момента развитія, имъ представленнаго, было „пора домой"; другимъ кажется (и это, по нашему мнѣнію, вѣрнѣе), что этимъ выводомъ является вообще критическое отношеніе къ дѣйствительности и еще долгая работа надъ тѣмъ, гдѣ искать исправленія золъ прошедшаго и здравыхъ основъ будущаго общественнаго быта. Дѣйствительнымъ историческимъ преемствомъ сороковыхъ годовъ были реформы прошлаго царствованія, которыя едва ли были по своему характеру возвращеніемъ „домой": ихъ теоретическія основы были найдены не въ старомъ русскомъ бытѣ, а въ началахъ европейской гражданственности, причемъ эти начала совпадали съ истинными потребностями русской общественной и народной жизни.

Другая часть разсужденія г. Павлова посвящена защитѣ славянофиловъ отъ обвиненія въ ихъ вредномъ вліяніи на Гоголя въ послѣдніе годы его жизни. „Пишущему эти строки приходилось слышать отъ весьма ученыхъ мужей, не безъизвѣстныхъ въ нашей литературѣ: это славянофилы погубили Гоголя! Они виноваты въ томъ, что онъ издалъ „Переписку съ друзьями"! По ихъ же винѣ онъ не дописалъ и II-го тома „Мертвыхъ Душъ"!"

Эта защита едва ли не напрасна. Когда говорилось о настроеніи Гоголя за послѣднее время его жизни и о его друзьяхъ, поддерживавшихъ въ немъ это настроеніе, въ которомъ несомнѣнно было нѣчто болѣзненное, то разумѣлись вовсе не славянофилы, а совсѣмъ иной кругъ друзей Гоголя, а именно прежніе друзья изъ Пушкинскаго круга и его великосвѣтскаго сосѣдства; изъ московскихъ людей причислялись сюда развѣ еще Шевыревъ и Погодинъ; о кружкѣ собственно славянофильскомъ было извѣстно еще со времени біографіи Кулиша, что здѣсь Гоголь встрѣтилъ (именно отъ С. Т. Аксакова) довольно рѣзкій отпоръ идеямъ „Переписки". Итакъ, защита славянофиловъ въ этомъ случаѣ, соб-

ственно говоря, была не нужна; но затѣмъ г. Павловъ объясняетъ, что, напротивъ, именно имъ Гоголь былъ обязанъ исправленіемъ многихъ ошибокъ въ его взглядахъ, между прочимъ, имъ обязанъ за указаніе на русскій народъ.

„Если они первые, —говоритъ г. Павловъ,—открывали самому Гоголю глаза на то, что его *бойкой и необгонимой тройки* мало и недостаточно для русскаго человѣка, какъ бы ни льстила шибкая ѣзда патріотическому чувству его компатріотовъ, можно ли за это не благодарить славянофиловъ? Если это, и въ самомъ дѣлѣ, одни они надоумили его всмотрѣться въ просмотрѣнный его поэмою народъ, прежде чѣмъ какія-то вселенскія судьбы выставлять на показъ публикѣ и на позоръ міру,—опять можно ли за это не благодарить славянофиловъ? Если, благодаря именно имъ (въ чемъ сами мы, искренно говоря, позволяемъ себѣ сомнѣваться), Гоголь додумался, наконецъ, и до простой истины, что надо православному человѣку отдунуться и отплюнуться отъ сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его, прежде чѣмъ позволить себѣ зваться христіаниномъ,—честь и слава была бы обвиняемымъ. Съ ихъ стороны, это не только не была бы вина, а истинная заслуга“.

Г. Павловъ говоритъ далѣе: „Да, и славянофилы были дѣтьми своего вѣка, и на нихъ лежалъ отпечатокъ Гоголевской эпохи, хотя они того не замѣчали. Въ чемъ-нибудь, разумѣется, могли ошибиться и „славянофилы“. Но при всемъ томъ и несмотря на то, что они были дѣтьми одного періода съ Гоголемъ, *правда*, однако, по его же собственнымъ словамъ, была на ихъ сторонѣ: „правда тамъ именно и есть, гдѣ они ее ищутъ“,—сказалъ онъ. Кого бы лично ни подразумѣвалъ Гоголь, сказавъ это, воздадимъ вѣчную благодарность, честь и славу такому „славянофильству“. *Быть русскимъ душою*—вотъ въ чемъ заключалось славянофильство Константина Аксакова... Что не за горами отъ насъ старина и что жива русская народность кругомъ, куда ни погляди—этому и научилъ всѣхъ онъ первый. За то самое, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ „русскій душою“, и далось ему такое удивительное прозрѣніе—и родной исторіи, и своего народа“.

Намъ кажется, что желательны были бы болѣе опредѣленныя указанія заслуги славянофильства и Константина Аксакова, чѣмъ ссылки на „русскую душу“, а именно, намъ кажется, что „русская душа“, можетъ быть, и дѣйствительно бывала и бываетъ, и у людей, съ К. Аксаковымъ и съ славянофильствомъ совершенно несогласныхъ, какъ несомнѣнно и то, что историческое прозрѣніе К. Аксакова было далеко не всегда вѣрно. Мы ни мало не отрицаемъ заслуги Аксакова въ изученіяхъ русской исто-

ріи и народности, но должна быть мѣра. На слѣдующей страницѣ авторъ уже скорбитъ о жалкомъ положеніи русской народности, когда только-что передъ тѣмъ Аксаковъ научилъ насъ „всѣхъ“ понимать ее. „Бѣдная русская народность (которую авторъ приравниваетъ къ Пушкинской Татьянѣ) и бѣдная добрая старина наша, которую все мы ищемъ за горами! Изныла, изнемогла она, дожидаясь своего суженаго, своего милаго и желаннаго, котораго звала къ себѣ такъ долго... Молча и гибнетъ, и чахнетъ русская народность, не находя себѣ выхода въ ширь и въ высь: это ужъ не она, а задыхающаяся въ убожествѣ и потемкахъ „простонародность“. Не опоздать бы намъ? Все, отъ чего и до сихъ поръ не рѣшились мы отречься и чѣмъ упорно продолжаемъ коснѣть и болѣть до сихъ поръ, не начинаетъ ли уже мало-помалу спускаться отъ насъ и въ народъ? Не сами ли мы сдаемъ это отъ себя туда внизъ, въ самый народъ? Зло, нѣкогда обуевавшее вершины, уже не касается ли и самихъ низинъ?“

Опять цѣлый громадный вопросъ о судьбѣ русской народности ставится въ тонѣ сантиментальной элегіи: кто эти „мы“, которые не бережемъ народной святыни? „Мы“ оказываемся виновными, когда на дѣлѣ народная жизнь находится подъ такимъ могущественнымъ вліяніемъ и такихъ разнообразныхъ факторовъ, что „мы“ (предположимъ всѣхъ читателей г. Павлова) относительно ихъ совершенно безсильны, какъ безсиленъ оказался и самъ К. Аксаковъ.

Наконецъ, относительно второго тома „Мертвыхъ Душъ“ критикъ говоритъ: „Отъ II-го тома всѣ ожидали чудесъ — всякій въ своемъ духѣ; и самъ Гоголь былъ виноватъ въ томъ. Онъ именно сулилъ, что его книга составитъ эру всеобщаго примиренія: не сомнѣвались и славянофилы въ ея наступленіи тотъ же мигъ. Что и они ожидали II-го тома и вѣрили въ его возможность, и даже не подозрѣвали внутренней, по существу дѣла, невозможности его—это фактъ. Когда самъ Гоголь, изрѣдка и всегда неохотно, прочитывалъ кому-нибудь изъ нихъ отрывки изъ своего II-го тома, и они, какъ всѣ прочіе слушатели, были подкупаемы чтеніемъ автора: даже не разбирали и не примѣчали въ новыхъ „Мертвыхъ Душахъ“ того, что̀ навсегда рѣшило ихъ участь въ умѣ самого Гоголя“.

Переходимъ къ письмамъ Аксакова, давшимъ поводъ къ приведеннымъ разсужденіямъ г. Павлова. Эти письма принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ документамъ для біографіи Гоголя въ послѣдніе годы его жизни, въ частности для исторіи его „Выбранныхъ мѣстъ“. Эта книга произвела, какъ извѣстно, въ семьѣ

Аксаковыхъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе въ сильной степени раздѣлилъ и величайшій почитатель прежняго Гоголя—Константинъ Аксаковъ. Изложенію этого впечатлѣнія посвящено длинное письмо К. Аксакова къ Гоголю отъ 1848 г. Аксаковъ начинаетъ заявленіемъ, что будетъ говорить прямо: прежнія дружескія отношенія требуютъ откровенности; въ такихъ отношеніяхъ должна быть сказана вся правда. По выходѣ книги онъ написалъ Гоголю длинное письмо, которое было „довольно жестко“; но письмо осталось неотосланнымъ, потому что онъ потерялъ его. Аксаковъ подумалъ, что, можетъ быть, это было и лучше: не слѣдовало давать воли негодованію, „когда въ душѣ одно негодованіе“. Теперь Гоголь былъ въ Россіи; отъ него получена была такая „простая“ записочка, которая напоминала старыя отношенія, и Аксаковъ думалъ, что послѣ нея негодованіе уже не ослѣпитъ его, и онъ началъ свое новое письмо. Прежде чѣмъ перейти къ самому существу дѣла, онъ считаетъ нужнымъ устранить одно заблужденіе, которое предполагалъ въ Гоголѣ: „мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—вы понимали нашу дружбу въ родѣ какой-то *привязанности*, подчиненной съ моей стороны, чего никогда не бывало: въ такомъ чувствѣ нѣтъ прочности, ни глубины, не можетъ быть истины, а главное нѣтъ *свободы*“. Аксаковъ замѣчаетъ, что послѣдніе два-три года онъ видѣлъ въ Гоголѣ какую-то перемѣну. Онъ думаетъ, что не онъ ошибался, а что Гоголь перемѣнился. „Если вы увидите въ этихъ словахъ моихъ самонадѣянность, вы ошибетесь. Ваши важныя и еще болѣе важничающія письма, съ ихъ глубокомысліемъ, часто наружнымъ, часто ложнымъ, ваши благотворительныя порученія съ ихъ неискреннею тайной, ваше возмутительное предисловіе ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“, наконецъ, ваша книга, повершившая все, далеко оттолкнули меня отъ васъ. Я нападалъ на васъ и дома, и въ обществѣ почти также горячо, какъ прежде стоялъ за васъ. Не знаю, дошли ли до васъ слухи объ этомъ; я думаю, что дошли. Ваши дополнительныя письма еще болѣе усиливали негодованіе. Знакомство же съ Смирновой, воспитанницей вашей, еще болѣе объяснило и васъ, и вашъ взглядъ, и состояніе души вашей, и ученіе ваше ложное, лживое, совершенно противоположное искренности и простотѣ“.

Затѣмъ онъ подробно объясняетъ, въ чемъ заключалось это ложное:

„Во всемъ, что̀ вы писали въ письмахъ, и въ книгѣ вашей особенно, вижу я прежде всего одинъ главный недостатокъ: это *ложь*. Ложь не въ смыслѣ *обмана* и не въ смыслѣ *ошибки*; нѣтъ,

а въ смыслѣ *неискренности* прежде всего. Это внутренняя неправда человѣка съ самимъ собою, внутренняя непростота и раздвоенность, которая является передъ міромъ и передъ самимъ человѣкомъ, какъ скоро онъ выражаетъ себѣ эту неправду какъ что-то цѣльное. Отъ этого онъ не менѣе виноватъ; виноватъ, что допустилъ эту ложь, виноватъ, что не замѣтилъ ея и вынесъ ее еще съ тайной гордостью на показъ. Такая ложь, ложь внутренняя, рядится всего болѣе въ одежду правды, искренности, простоты и прямоты. Такова ваша книга. Ложь у французовъ, у этого народа дѣтей, смѣшныхъ и жалкихъ дѣтей (не во внутреннемъ значеніи слова, но по внѣшней недозрѣлости), принимаетъ надутыя формы, рядится въ эффекты, становящіеся, отъ ограниченности ихъ народа, наивными. Что же? И у васъ прорвалась природа лжи, и у васъ есть надутыя и такія студеныя фразы, которыхъ странно, какъ сами вы не замѣтили; но вы не французъ, и эти фразы у васъ не смѣшны, не наивны, а возмутительны. Ложь лжетъ истиной, а гордость рядится смиреніемъ. Затронуты нравственныя глубины, и оба зла совпадаютъ. Такова опять ваша книга. Или не видите вы страшной гордости, одѣтой въ рубище, которое носитъ она какъ драгоцѣнное платье? Въ вашей книгѣ нѣтъ даже того труднаго пути униженія искренняго, которымъ доходитъ человѣкъ, часто съ болью, до смиренія, и иногда, тутъ же, грѣшитъ гордостью; не видать, чтобы вы со стыдомъ сперва надѣли рубище духа и потомъ возгордились имъ, какъ драгоцѣнностью. Нѣтъ, вамъ прямо понравилось смиреніе, прямо полюбилось рубище; вы приняли смиреніе, облеклись въ рубище, очень довольные; оно досталось вамъ безъ труда и борьбы: *вы поняли красоту смиренія.* Къ вамъ привилось внутреннее зеркало, сопровождающее васъ всюду и въ движеніяхъ внутреннихъ души; вы уже успѣли въ мигъ посмотрѣться въ зеркало. Вы лежите въ прахѣ и видите себя, какъ вы лежите въ прахѣ"... „Простоты я не вижу въ васъ. Потомъ: самыя мысли ваши ложны; вы дошли до невѣроятныхъ положеній. Таково письмо о семи кучкахъ, непостижимое, возмутительное; о, сколько хитрости и искусственности въ немъ! Таково письмо ваше къ Жуковскому, письмо, такъ сильно противорѣчащее, по моему, вѣрѣ православной. Да и мало ли еще другихъ мѣстъ, ложныхъ уже и по мысли своей, въ письмахъ вашихъ!"

Константинъ Аксаковъ не могъ, конечно, пропустить того страннаго отношенія къ крѣпостному народу, которое, между прочимъ, сказалось въ книгѣ Гоголя:

„...Укажу еще на великій проступокъ вашъ: на презрѣніе

къ народу, къ русскому простому народу, къ крестьянину. Это выражается въ вашемъ предисловіи ко второму изданію „М. Д.“; это выражается въ письмахъ вашихъ, въ вашей книгѣ, особенно въ наставленіи помѣщику, гдѣ грубо и необразованно является незнаемый и, къ сожалѣнію, не подозрѣваемый вами даже народъ, и гдѣ помѣщикъ поставленъ выше, какъ помѣщикъ и въ нравственномъ отношеніи. Странная нравственная аристократія, странное основаніе духовнаго достоинства! Недостаетъ, чтобы вы сказали, что тотъ, у кого больше душъ, выше въ нравственномъ отношеніи. Вотъ великая вина: *поклоненіе передъ публикою и презрѣніе къ народу*. Знаете ли вы знаменитое восклицаніе полицеймейстера: *публика впередъ, народъ назадъ?* Это можетъ стать эпиграфомъ къ исторіи Петра, это слышно и въ вашей книгѣ. Но знаете ли вы, которые говорите о простотѣ и смиреніи, что простота и смиреніе есть только у русскаго крестьянина. Вотъ почему такъ высокъ онъ, выше всѣхъ насъ, выше писателей, и вкривь, и вкось о немъ толкующихъ и не знающихъ его“.

Но какъ же могло случиться, спрашиваетъ Аксаковъ, что Гоголь, человѣкъ русскій, такъ не понималъ русскаго народа? „Отвѣтъ на это простъ. Не вы ли, въ ложномъ мудрованіи, бросили свою землю, бѣжали изъ Россіи и шесть лѣтъ были внѣ ея, не дышали ея святымъ, нравственнымъ воздухомъ? Не вы ли, бѣглецъ родной земли, жили на западѣ и вдыхали въ себя его тлетворныя испаренія? Или вы думаете, что ничего не значитъ для человѣка то окруженіе, въ которомъ онъ находится? Не вы ли собирались ѣхать въ Іерусалимъ, шесть лѣтъ, у святого Петра, въ католическомъ Римѣ или въ другихъ земляхъ? Не Успенскій соборъ, не Софійскій, не Православная Русь и не пустыня готовили васъ къ подвигу, и вотъ что̀ произвели эти шесть лѣтъ. Подвигъ совершенъ. О немъ я не говорю и говорить не смѣю, но говорю вамъ о вашей дѣятельности до этого подвига. Нѣтъ имени святѣе Вѣры, и чѣмъ святѣе имя, тѣмъ больнѣе его злоупотребленіе: таковымъ кажется мнѣ ваша дѣятельность въ эти шесть лѣтъ. Книгу вашу считаю я полнымъ выраженіемъ всего зла, охватившаго васъ на Западѣ. Вы имѣли дѣло съ Западомъ, съ этимъ воплощеннымъ лгуномъ, и ложь его проникла въ васъ“. Аксаковъ прибавляетъ еще одну черту: Гоголь погрѣшилъ своимъ художническимъ даромъ. „Переставъ писать и подумавъ о подвигѣ жизни, вы, въ подвигѣ личной вашей жизни, себя сдѣлали предметомъ художества, но это вопросъ другой, и то̀ самое, что̀ было искренно въ искусствѣ, стало ложно

въ жизни. Искусство не жизнь. Искусство—обманъ: оно можетъ быть искренно, какъ обманъ; но оно станетъ просто обманомъ, какъ скоро перейдетъ въ жизнь".

Таково было мнѣніе К. Аксакова. То было первое время, когда онъ окончательно вступилъ въ славянофильскій лагерь: за два года передъ тѣмъ были написаны его первыя статьи въ этомъ направленіи въ „Московскомъ Сборникѣ". Отсюда это крайнее отрицаніе Запада, который есть въ его глазахъ „воплощенный лгунъ", и которому онъ приписываетъ перемѣну, совершившуюся въ Гоголѣ. Перемѣна произошла, конечно, не оттого только, что Гоголь жилъ въ Римѣ или вообще за границей,—многія изъ лучшихъ произведеній Тургенева были написаны также не въ Россіи,—но въ томъ исключительномъ настроеніи, которое все больше овладѣвало Гоголемъ, могло, конечно, имѣть извѣстную долю вліянія и то „окруженіе", на которое указывалъ Аксаковъ. Но едва ли не больше этого чужого окруженія (объ его вліяніи мы знаемъ до сихъ поръ мало или совсѣмъ не знаемъ) дѣйствовало то домашнее русское, среди котораго находился Гоголь и за границей, и въ Россіи, гдѣ его изысканно фанатическія идеи не встрѣчали никакого отпора, и гдѣ имъ только поддакивали. Исключенія были очень рѣдки, какъ, напримѣръ, со стороны С. Т. Аксакова, но и тѣ являлись очень поздно; при томъ у самого С. Т. Аксакова этотъ отпоръ, который, быть можетъ, раньше навелъ бы Гоголя на болѣе спокойное и трезвое размышленіе, не былъ выдержанъ. Гоголь оставался въ своемъ исключительномъ кругу, со своими исключительными мыслями, и въ результатѣ все больше удалялся отъ дѣйствительности, которую прежде такъ удивительно схватывалъ въ своихъ произведеніяхъ. И, конечно, не Западъ удалилъ его отъ русскаго народа: въ той русской сферѣ, которою онъ окружилъ себя (за исключеніемъ семьи Аксаковыхъ), никто и не думалъ объ этомъ народѣ, и Гоголь принялся давать совѣты помѣщикамъ, какъ лучше управляться съ крестьянами.

Письмо К. Аксакова представляетъ чрезвычайно любопытную параллель съ извѣстнымъ письмомъ Бѣлинскаго: на обѣихъ сторонахъ то же негодующее осужденіе, тѣ же указанія на внутреннюю ложь, но Аксаковъ старается объяснить психологическое происхожденіе новыхъ мыслей Гоголя—и въ его объясненіяхъ есть весьма вѣрныя замѣчанія,—а Бѣлинскій видитъ прямое отступничество отъ прежнихъ идеаловъ и, не вдаваясь въ психологическія изысканія, изображаетъ общественное зло, совер-

шаемое великимъ писателемъ, покинувшимъ свою прежнюю дорогу.

Для исторіи славянофильства въ его новѣйшую пору не лишено интереса извлеченіе изъ письма князя В. А. Черкасскаго къ М. В. Юзефовичу, по поводу вопроса о введеніи русскаго языка въ католическое богослуженіе въ западномъ краѣ [1]). Извлеченіе взято изъ черновой рукописи князя Черкасскаго и не имѣетъ помѣты о времени его написанія: оно относится вообще къ тому времени, когда этотъ вопросъ дебатировался въ правительственныхъ сферахъ, а также и въ печати, какъ одно изъ средствъ „располяченія“ западнаго края. Полагалось, что введеніе русскаго языка на мѣсто латинскаго сблизитъ католическое населеніе съ православнымъ русскимъ и отниметъ существенную связь, привлекавшую русскихъ католиковъ къ польскимъ. Были мнѣнія за и противъ: полагалось, напримѣръ, какъ замѣчаетъ и князь Черкасскій въ данномъ письмѣ, что введеніе русскаго языка въ католическую службу можетъ имѣть и обратное, неблагопріятное, дѣйствіе. Князь Черкасскій полагалъ, что въ этомъ вопросѣ есть существенная разница между сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ краемъ, и указываетъ такія опасенія, возникающія по поводу предполагаемой мѣры: „Опасенія эти касаются главнымъ образомъ, какъ извѣстно, предполагаемой или хотя бы даже только возможной склонности нѣкоторой части населенія, еще недавно обращенной изъ римско-католической или изъ греко-уніатской вѣры, возвратиться въ латинскіе костелы и къ р.-кат. богослуженію, коль скоро русская проповѣдь, огласивъ римскій костелъ, сгладила бы нынѣ существующее рѣзкое различіе, отдѣляющее послѣдній отъ православной церкви съ ея славянскимъ богослуженіемъ и общепонятною, русскою, хотя подчасъ и нѣсколько лѣнивою, проповѣдью. Этого рода опасеніе, не лишенное, какъ мнѣ кажется, нѣкотораго основанія для сѣв.-зап. края, очевидно, не можетъ имѣть примѣненія, въ большей, по крайней мѣрѣ, части кіевскаго края, гдѣ ни католичество, ни унія не могли оставить въ народѣ столь глубокихъ слѣдовъ, гдѣ притомъ и само р.-католическое духовенство, и костелы менѣе многочисленны, гдѣ, наконецъ, народный русскій духъ и православныя нреданія сильнѣе, живѣе, дѣйствительнѣе“.

Интересъ письма заключается, впрочемъ, не въ этихъ замѣчаніяхъ, а въ цѣлой постановкѣ вопроса, нѣсколько неожидан-

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1890, № 9.

ной съ точки зрѣнія того лагеря, къ которому причисляемъ былъ кн. В. А. Черкасскій. Онъ относитъ вопросъ, предложенный ему Юзефовичемъ, къ числу „труднѣйшихъ или, лучше сказать, наищекотливѣйшихъ". Князь Черкасскій сознается, что ему много разъ предлагали этотъ вопросъ по поводу разныхъ частныхъ случаевъ, и онъ обыкновенно избѣгалъ давать на него какой-нибудь категорическій отвѣтъ. Здѣсь онъ отвѣчаетъ на него въ такомъ смыслѣ, въ какомъ говорили бы скорѣе не люди славянофильскаго лагеря, а ихъ противники. Въ вопросѣ о русской народности считалось неизмѣннымъ и неопровержимымъ положеніе, что она нераздѣльна съ православіемъ, что нельзя быть русскимъ, не будучи православнымъ, что самое славянское единеніе невозможно безъ объединенія церковнаго. Князь Черкасскій самымъ рѣшительнымъ образомъ говоритъ о необходимости раздѣлить вопросъ религіозный и народный.

„Вопросъ, вами предлагаемый, въ существѣ, въ отвлеченіи, не можетъ, конечно, получить двоякаго разрѣшенія. Онъ можетъ быть разрѣшенъ лишь такъ, какъ разрѣшаете его вы, и какъ разрѣшаютъ его вмѣстѣ съ вами и „Московскія Вѣдомости". Немыслимо и безразсудно со стороны государства связывать другъ съ другомъ глухою петлею два жгучихъ вопроса—религіозный и народный, изъ которыхъ каждый, взятый въ отдѣльности, въ данную минуту и при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ оказаться довольно сильнымъ, чтобы потрясти и, пожалуй, взорвать какой-нибудь уголъ въ государственномъ зданіи. Точно также, съ другой стороны, прошло то время, когда можно было болѣе или менѣе безнаказанно налагать на цѣлое общество, па народъ цѣлаго государства, требованіе какого бы то ни было правовѣрія. Въ наше время, когда религіозное сознаніе и чувство вновь заговорили въ человѣчествѣ съ почти неслыханною силою и потребность искренней религіозной жизни хотя и скрывалась подъ самыми разнообразными видами и формами, однако бьетъ живымъ ключомъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ, и когда между тѣмъ всѣ почти существующія церковныя учрежденія (establishments) или видимо хилѣютъ, или ожидаютъ и требуютъ себѣ обновленія, въ такое время,—говорю я,—остается государству лишь одно: ему слѣдуетъ, не попирая легкомысленно церковно-государственныхъ преданій, но и щадя человѣческую совѣсть, осторожно и зорко направлять свое плаваніе для пріисканія себѣ того неоткрытаго и неизвѣданнаго еще никѣмъ пролива, который связываетъ собою два, повидимому, такъ рѣзко разобщенныхъ міра— новый и старый.

„Итакъ, съ одной стороны, свобода совѣсти въ дѣлѣ цер-

ковномъ и взаимное освобожденіе церкви и государства, съ другой—разобщеніе вопросовъ религіознаго и народнаго: вотъ тѣ два существенныхъ основанія новой церковно-государственной жизни, которыя (я готовъ вполнѣ признать это) составляютъ необходимое условіе прочнаго ея нынѣ утвержденія, и правильное развитіе которыхъ настоятельно требуется не одною лишь теоріею, но и самыми практическими условіями современной политической жизни. И при томъ скажу болѣе: осуществить одну изъ этихъ задачъ, пренебрегая или упуская изъ виду другую, столько же невозможно на дѣлѣ, сколько и въ отвлеченіи немыслимо. Въ другихъ словахъ: прикажите латинскому ксендзу или лютеранскому пастору, или магометанскому муллѣ произносить свои проповѣди и молитвы на русскомъ языкѣ, и добейтесь этого отъ одного изъ нихъ, отъ многихъ или отъ большинства, но не обезпечьте въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувства и сознанія свободнаго отправленія религіозной и церковной жизни, и самый успѣхъ вашъ, если онъ ограничится этимъ однимъ, не принесетъ пользы, не оставитъ по себѣ прочнаго слѣда и смоется первымъ враждебнымъ движеніемъ мѣстной духовной жизни, оставивъ по себѣ лишь память еще одного лишняго, ненавистнаго, деспотическаго дѣйствія.

„Вы видите, какъ ни сложна предлагаемая вами задача, а я не затруднюсь расширить и усложнить ее еще болѣе, въ томъ убѣжденіи и въ той увѣренности, что для разрѣшенія задачъ сложныхъ и коренныхъ, онѣ необходимо должны быть обнимаемы во всей ихъ многообразной и многотрудной полнотѣ. Затѣмъ отъ той степени разумности и силы воли, которою обладаетъ власть разрѣшающая, будетъ зависѣть болѣе или менѣе удачное умѣніе ея временно съуживать свою задачу, никогда однако не упуская изъ виду ея полнаго объема и общихъ условій ея разрѣшенія“ [1]).

Затѣмъ князь Черкасскій расширяетъ еще болѣе вопросъ и приходитъ къ темѣ, которая не однажды и весьма энергически развивалась главными представителями славянофильской школы. Рѣшенію частнаго вопроса, о терпимости относительно иновѣрныхъ церквей, по словамъ его, „должно быть предпослано еще другое, несравненно важнѣйшее, дѣло—освобожденіе отъ вѣковыхъ государственныхъ путъ самой мнимо-господствующей православной церкви, или лучше сказать, взаимное освобожденіе государства и православной церкви, ибо безъ этого, по крайнему моему разумѣнію, немыслима надлежащая, хотя бы и ограниченная, свобода прочихъ церквей, и невозможно никакое прочное улуч-

[1]) „Русскій Архивъ“. 1890, кн. 9, стр. 98—99.

шеніе въ многочисленныхъ церковно-народныхъ и церковно-національныхъ вопросахъ въ Россіи".

Проповѣдь славянофиловъ въ этомъ направленіи не привела пока ни къ чему.

Къ тому же лагерю принадлежалъ, если не вполнѣ, то въ очень значительной степени извѣстный издатель „Современныхъ Извѣстій" Н. П. Гиляровъ-Платоновъ (ум. въ октябрѣ 1887). Воспитанникъ московской духовной академіи, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1848, онъ началъ свою дѣятельность баккалавромъ этой академіи, по каѳедрѣ ученія о вѣроисповѣданіяхъ, но въ 1855 году оставилъ эту службу, вышелъ изъ духовнаго званія, служилъ цензоромъ въ Москвѣ, состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, наконецъ, управлялъ московской синодальной типографіей, и затѣмъ, вышедши въ отставку въ 1867 г., началъ издавать „Современныя Извѣстія". Кромѣ этого, онъ былъ болѣе или менѣе дѣятельнымъ участникомъ славянофильскихъ изданій, начиная съ „Русской Бесѣды" и кончая послѣдними изданіями Ив. С. Аксакова. Это была личность весьма оригинальная, съ своеобразнымъ дарованіемъ, но онъ успѣлъ сдѣлать, кажется, гораздо меньше, чѣмъ былъ бы въ состояніи при болѣе сосредоточенной работѣ. Изъ его писемъ (которыхъ нѣсколько издано недавно въ „Русскомъ Архивѣ") оказывается, что онъ былъ очень близокъ съ Ив. Аксаковымъ, что ему принадлежатъ многія изъ передовыхъ статей въ изданіяхъ Аксакова, и которыя приписывались обыкновенно послѣднему. Въ литературномъ обозрѣніи „В. Европы" было говорено о его любопытныхъ воспоминаніяхъ, обнимающихъ, впрочемъ, только раннюю пору его жизни, и гдѣ нарисованы живыя картины провинціальной духовной среды, изъ которой онъ вышелъ, и его школы. Знаніе русской жизни было у него очень близкое; московская духовная академія дала ему большія церковныя и философскія свѣденія; въ его умственномъ характерѣ была большая независимость и его общественныя сочувствія клонились къ тому направленію, которое съ 1850-хъ годовъ выражалось славянофильствомъ. Было бы весьма любопытно цѣльное обозрѣніе его литературной дѣятельности. Его газета, на которую онъ положилъ всего болѣе труда и времени, представляла нѣчто весьма своеобразное: въ ней высказывалось не мало вѣрнаго и смѣлаго по нашимъ общественнымъ вопросамъ, но и не мало страннаго, а иной разъ и весьма антипатичнаго. Быть можетъ, послѣднее надо приписать неудачному составу редакціи, гдѣ встрѣчались писатели весьма неудовлетворительнаго качества. Въ общемъ, получался характеръ изда-

нія весьма неровный и мало привлекательный, хотя, повторяемъ, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ газета говорила смѣло и правдиво. Какъ въ цѣломъ славянофильствѣ, такъ въ частности и у Гилярова-Платонова широкіе теоретическіе вопросы бывали въ разладѣ съ дѣйствительностью; такъ и бываетъ, конечно, со всякимъ идеализмомъ, но по крайней мѣрѣ нужно было бы не забывать ближайшихъ нуждъ этой дѣйствительности и тѣхъ средствъ, какія представляетъ она для общественной дѣятельности. Отсюда происходило то, что, съ одной стороны, на факты дѣйствительности это направленіе (такъ это бывало у Гилярова-Платонова) отвѣчало теоретическими планами, похожими на воздушные замки, а съ другой—на то движеніе, которое несомнѣнно сказывалось въ обществѣ, оно отвѣчало консерватизмомъ, иногда грубо выраженнымъ...

Одно изъ писемъ, напечатанныхъ теперь въ „Русскомъ Архивѣ“, относится къ 1861 году. Въ письмѣ, обращенномъ къ неизвѣстному лицу, къ какой-то графинѣ, Гиляровъ отвѣчаетъ на вопросъ: рѣшился ли бы онъ принять каѳедру въ петербургскомъ университетѣ, еслибы представился къ этому случай? Онъ отвѣчаетъ отрицательно, высказывая величайшее негодованіе на происходившія тогда студенческія смуты, и не имѣетъ никакой надежды на то, чтобы въ молодежи снова проснулась любовь къ наукѣ. „Глядя на все происходящее,—пишетъ онъ,—можно ли вообразить хоть на минуту, что наша многочисленная университетская молодежь думаетъ хоть капельку о наукѣ, объ ученьѣ? Слишкомъ смѣшно было бы сказать *да*, хотя и слишкомъ, слишкомъ грустно признаваться, что нѣтъ, что не наука бродитъ въ головѣ молодыхъ людей.

„Вопросъ другой: есть ли хоть крошечка нравственной связи между студентами и составомъ профессоровъ? Способны ли студенты смотрѣть на профессора какъ на профессора, а не какъ на актера, который обязанъ угождать вкусу публики? Опять грустный опытъ отвѣчаетъ: нѣтъ; студенты всего болѣе далеки видѣть въ комъ-либо себѣ руководителя, будетъ ли то въ профессорѣ, въ ректорѣ, въ попечителѣ, или въ министрѣ.

„Наконецъ, свѣтится ли хоть откуда-нибудь надежда, что обуявшая блажь пройдетъ, что хоть что-нибудь похожее на учебный порядокъ водворится въ университетѣ, что въ молодыхъ людяхъ проснется жажда *чистой* любознательности, что ученикъ сознаетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ есть, то-есть ученикомъ, несовершеннолѣтнимъ, нуждающимся въ опекѣ и умственно-нравственномъ руководительствѣ? Не знаю, какъ другіе, но я рѣшительно не

вижу, на чемъ бы опереть такую надежду... Въ этомъ положеніи, честному человѣку съ честными убѣжденіями безчестно принимать каѳедру".

Желчный пессимизмъ зашелъ, конечно, слишкомъ далеко. Болѣе спокойное размышленіе могло бы и тогда предвидѣть, что волненія были дѣломъ временныхъ условій; усомниться въ томъ, чтобы наука когда-нибудь стала увлекать молодыя поколѣнія, было слишкомъ малодушно и просто неразсудительно. Гиляровъ-Платоновъ пошелъ еще дальше.

„Нѣтъ, наше народное просвѣщеніе,—говоритъ онъ,—прогнило все до костей, и никакая сила не сможетъ поновить его, и всѣ эти полу-передѣлки, замазыванья, полу-уступки ведутъ только къ худшему.

„Исходъ одинъ былъ бы возможенъ: *дѣйствительно* закрыть университеты и возстановить совсѣмъ въ новомъ видѣ, совсѣмъ на новыхъ началахъ, можетъ быть, даже въ другихъ мѣстахъ и подъ другими названіями (?). Но для этого нужно, чтобы уже былъ готовъ такой проектъ новаго образованія, чтобы онъ былъ придуманъ послѣдовательно, чтобы онъ вполнѣ соображенъ былъ съ истинными потребностями народа, съ задачами государства". Въ чемъ наше народное просвѣщеніе прогнило, это оставалось весьма неясно, какъ и то, какимъ образомъ сообразить его съ истинными потребностями народа и съ задачами государства. Говоря серьезно, сдѣлать все это было бы весьма не легко не только „при настоящемъ положеніи дѣлъ", на которое неодобрительно ссылается Гиляровъ. Роль нашего просвѣщенія была очень странная съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оно проявилось въ нѣсколько серьезномъ видѣ, и данный случай, смутившій московскаго публициста, былъ только однимъ изъ множества разнообразныхъ примѣровъ труднаго положенія нашего просвѣщенія. Гилярову казалось, что виновата была только необузданность студенческой толпы и слабость начальства. Мысль о томъ, что можно поправить дѣло перенесеніемъ университетовъ „въ другія мѣста", приходила тогда многимъ и, конечно, была мысль ребяческая. Гиляровъ забылъ еще одно условіе дѣла: волненія должны были рано или поздно прекратиться, и тогда именно на обязанности профессоровъ лежало бы снова возбудить въ студентахъ ту любовь къ чистой наукѣ, утрату которой онъ оплакивалъ. И опять можно было бы вспомнить, что студенты бываютъ дѣтьми общества: самое общество, къ сожалѣнію, до сихъ поръ слишкомъ мало цѣнитъ науку, и тѣмъ больше должна бы быть забота о внушеніи уваженія къ

наукѣ молодымъ поколѣніямъ со стороны людей, цѣнившихъ себя такъ высоко, какъ цѣнилъ себя Гиляровъ-Платоновъ.

Въ любопытныхъ письмахъ „къ одному изъ читателей“, котораго Гиляровъ, повидимому, совсѣмъ не зналъ лично, онъ говоритъ о своемъ положеніи матеріальномъ и нравственномъ за послѣднее время. Положеніе матеріальное въ ту минуту, когда шла объ этомъ рѣчь (письмо не помѣчено), было весьма неудовлетворительно.

„У меня было состояніе свыше двухсотъ тысячъ,—говоритъ Гиляровъ,—и все пошло прахомъ: имущество распродано съ аукціона по 5 к. за рубль. Въ предвидѣніи такого оборота, я обратился къ министру финансовъ и просилъ, чтобы казна (банкъ) приняла отъ меня имущество недвижимое въ залогъ на сносныхъ условіяхъ и избавила меня отъ гнета страшныхъ процентовъ, которые я вынужденъ былъ платить по залогу въ частныхъ рукахъ. Рѣшительный отказъ, основанный на формальностяхъ, которыя для всякаго были бы обойдены. Примѣръ: у меня была подмосковная земля, на границѣ между чертой города и уѣздомъ. Въ продажѣ она цѣнится minimum два рубля за сажень, а банкъ принимаетъ ее, какъ уѣздную, *подесятинно*. Такимъ образомъ, имѣніе съ домами, стоившее minimum 50.000, за которое частное лицо дало подъ залогъ 28.000, по правиламъ банка, не могло быть принято въ эту сумму. Я просилъ спеціальной оцѣнки, которая для *другихъ* дѣлается. Для меня этого не найдено возможнымъ сдѣлать. Имѣніе пропало. И такимъ же порядкомъ все остальное.

„Разоренію подвергся я *главнымъ образомъ* отъ неожиданнаго разрѣшенія двухъ уличныхъ листковъ, которые, льстя грязнымъ вкусамъ публики, сразу отняли у меня свыше сорока тысячъ прихода; а на эту самую сумму я только-что купилъ машинъ въ типографію и бумажную фабрику *въ кредитъ*. Другая косвенная причина была—милое обхожденіе цензурной власти. Трудно повѣрить, но въ самый *сѣнокосный* годъ для періодической печати, 1877 г., меня наказали тысячъ на тридцать двукратнымъ запрещеніемъ розничной продажи, между прочимъ, за протестъ противъ передачи Добруджи и вообще за неумѣстное патріотическое направленіе“.

Онъ говоритъ дальше: „Таково положеніе, и ему я не вижу конца, а конецъ будетъ въ этомъ случаѣ печальный. Всѣ, кто меня видитъ, находятъ, что я двужильный, удивляются моей выносливости. Я самъ подчасъ удивляюсь. Повторяю: меня хвалятъ, удивляются *тузовымъ* статьямъ; но какое-то роковое недоразумѣніе

стоитъ между мною и публикою, и не только публикою, но и ближайшими пріятелями.

„Лентовскій издавалъ бы газету удачнѣе, говорите вы. Несомнѣнно: NN, бывшій цѣловальникомъ, пороный за злоупотребленіе кабацкимъ промысломъ—въ три года милліонеръ. Но когда, сцѣпленіемъ, говорю, неотразимыхъ обстоятельствъ, я прикованъ къ тачкѣ, я долженъ ее везти и въ силу своего положенія вынужденъ, большею частью, говорить дискантомъ“ [1]).

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ о принципіальной сторонѣ своей дѣятельности и приходитъ къ заключенію, что онъ былъ всегда человѣкъ одиновій и неудачникъ.

„Я одинъ въ мірѣ,—говоритъ онъ:—одиноко и своеобразно, келейнымъ образомъ совершилось мое воспитаніе. Отсюда я всѣмъ чужой, съ кѣмъ ни встрѣчался; никто со мною и я ни съ кѣмъ не сроднился; почва другая. Меня цѣнили славянофилы, но держались нѣсколько въ сторонѣ. Цѣнили Катковъ и Леонтьевъ, но уморительно!—въ числѣ условій моей работы (письменныхъ) поставлено было, чтобы я являлся въ редакцію (Русскаго Вѣстника) „высказывать (словесно) свои мысли по текущимъ вопросамъ“. Это оттого, что мнѣнія мои суть мои; міросозерцаніе, говоря высокимъ слогомъ, единичнымъ келейнымъ трудомъ выработано, ничьему другому не адекватно (фу, словно изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ словечко выкопалъ). И это какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Ни одна служба не кончилась для меня безъ непріятностей, начиная съ академическаго курса, когда меня Филаретъ хотѣлъ лишить даже степени... Итакъ, я одинъ, остался одинъ и останусь. Извольте взять хоть себя. Вы меня сочли чистымъ славянофиломъ, тогда какъ съ ними со всѣми я спорилъ горячо... Я знаю, меня читаютъ, потому что я не обдѣленъ художественнымъ даромъ и умѣю излагать ясно. Но цѣлыя пучины недоразумѣній неотступно преслѣдуютъ меня, потому что я одинокъ, самородокъ, если хотите. Но не самородокъ: вся моя жизнь была и есть трудъ. Скромность моя отклонила предложеніе философскихъ каѳедръ въ трехъ университетахъ. Теперь я вижу, что я скроменъ былъ излишне; но вижу это теперь, когда на каѳедры влѣзли букашки.

„Нѣтъ, я неудачникъ; вся жизнь моя неудача, именно отъ моего совершенно одинокаго самовоспитанія, отъ той боязни подпасть авторитетамъ, которою я вооружился съ 17-лѣтняго возраста. Отсюда необъятное недоразумѣніе“.

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1890, № 2, стр. 316—317.

Укажемъ еще нѣсколько подробностей объ его отношеніяхъ съ славянофилами. По смерти Ив. Аксакова и въ концѣ своей собственной жизни Гиляровъ-Платоновъ говоритъ о значеніи Ив. Аксакова,—что сила его была не въ немъ, а въ тѣхъ, кто его признавалъ. „Россія и Европа признали его представителемъ и вождемъ извѣстнаго направленія (а Европа—даже партіи). Признавъ бытіе такого направленія, такой партіи, предположили въ ней извѣстную силу и стали къ ней прислушиваться, отчасти даже бояться. Въ своей поминальной, первой о почившемъ статьѣ я сказалъ, что слово его „звучало для иныхъ укоромъ совѣсти, для другихъ было нравственною уздою“. Другими словами, въ немъ олицетворили славянофильство (онъ и былъ его прямымъ выразителемъ и продолжателемъ), за которымъ признали честность, а нѣкоторые и правду (т.-е. за направленіемъ). Вотъ и значеніе Аксакова“. О себѣ самомъ Гиляровъ говоритъ слѣдующее: „Я о себѣ не великаго мнѣнія, но, однако, и не маленькаго. Но я не признанъ. Я въ положеніи какого-то Донъ-Карлоса. Аксаковъ меня цѣнилъ, ставилъ меня очень высоко; во многихъ случаяхъ я былъ для него авторитетомъ. Мало того: покойный Ю. Ѳ. Самаринъ склонился предо мной (по моему мнѣнію, даже сверхъ заслуженнаго); для Хомякова я былъ даже *единственнымъ* человѣкомъ, съ которымъ онъ признавалъ полное свое согласіе. И однако, N. N. смотритъ не то косо, не то сухо. Когда Аксаковъ началъ издавать „Москву“ и предложилъ мнѣ писать руководящія статьи съ неограниченною властью (я и писалъ ихъ), онъ... и не заикнулся ни разу мнѣ предложеніемъ соредакторства. Немногіе знали даже, что нѣкоторыя изъ самыхъ серьезнѣйшихъ передовыхъ принадлежатъ мнѣ... Я игнорированъ, я замолчанъ; нео-славянофилы, народившіеся, когда я былъ уже во цвѣтѣ силъ (въ родѣ Ламанскаго и Миллера), имѣютъ обо мнѣ только внѣшнее понятіе, благоволятъ знать только по наслышкѣ. Покойный Гильфердингъ, въ глазахъ моихъ, Хомякова и К. Аксакова, — мальчикъ нѣкогда и ученикъ, умеръ превознесеннымъ и препрославленнымъ; онъ былъ авторитетъ и предсѣдатель Славянскаго Общества. Я не авторитетъ ни для кого; ни разу никто меня не назвалъ кандидатомъ на выдающееся положеніе“ [1]).

Жалоба была не совсѣмъ справедлива. Если только немногіе знали, что нѣкоторыя изъ серьезнѣйшихъ статей принадлежали ему, то нельзя винить людей, что они не знали настоящаго скрывавшагося автора. Собственная газета Гилярова-Платонова, какъ мы

[1]) „Русскій Архивъ“, 1889, № 10, стр. 267—268.

говорили, отличалась большою неровностью. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „главное предубѣжденіе ко мнѣ публики, что я будто *клерикаленъ*. Совершенная чушь, а подите, толкуйте!“ Лично онъ, быть можетъ, и дѣйствительно не былъ клерикаленъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ употребляетъ это слово, но впечатлѣніе явилось также недаромъ и зависѣло отъ постановки газеты. Сравненіе съ Гильфердингомъ опять неправильно: Гильфердингъ былъ спеціалистъ, оставившій цѣлый рядъ важныхъ изслѣдованій по славянской исторіи и современности, притомъ собранныхъ впослѣдствіи въ цѣльное изданіе, не говоря еще о чрезвычайно замѣчательномъ трудѣ его въ области русской этнографіи. Не мудрено, что сочиненія Гильфердинга остались прочнымъ пріобрѣтеніемъ литературы, когда большинство трудовъ Гилярова-Платонова погребены безъименно въ газетѣ. Онъ замѣчаетъ, что въ первые три года своего изданія онъ именно останавливался на выясненіи своихъ общихъ взглядовъ и не возвращался къ нимъ потомъ, не любя повтореній; но въ періодическомъ изданіи эти повторенія необходимы и особливо въ газетѣ, которая исчезаетъ изъ обращенія гораздо больше, чѣмъ журналъ. Или, эта дѣятельность осталась бы больше на виду и больше была бы признана, еслибы по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ этихъ газетныхъ работъ были собраны и связаны во что-либо цѣльное.

Отмѣтимъ еще подробность. Значеніе Ив. Аксакова Гиляровъ объясняетъ, между прочимъ, просто его связями въ высшемъ кругу и говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„— И вы погибли бы, какъ погибли тысячи другихъ, которыхъ я не знаю; но у васъ есть друзья“... и проч. Вотъ что̀ нѣкогда сказалъ Николай Павловичъ Самарину, привезенному изъ Петропавловской крѣпости къ нему въ кабинетъ. Да, у Самарина были друзья, и онъ былъ двоюродный братъ такихъ-то, племянникъ такихъ-то, и ему не дали сгнить въ крѣпости. И Аксакова положеніе соціальное таково было, что его нельзя было потерять, какъ иголку. Онъ былъ извѣстенъ двору. Анна Өедоровна [1]) тамъ и жила; товарищи и знакомые на высшихъ степеняхъ государственной службы, большія связи, и при томъ даже не въ Россіи только: вотъ что̀ давало ему значеніе вождя и вліяніе до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ отрицательное. Въ этомъ отношеніи положеніе Аксакова не повторится“... Послѣднее относится къ тому, что нѣкоторые друзья по смерти Ив. С. Аксакова приглашали Гилярова поднять его знамя. Что эти связи въ высшемъ

---

[1]) Жена Ив. С. Аксакова.

кругу играли немалую роль въ литературномъ и общественномъ положеніи Аксакова, это едва ли подлежитъ сомнѣнію; онъ могъ говорить гораздо смѣлѣе, чѣмъ могъ бы рѣшиться говорить писатель другого направленія; его газеты запрещались, но ему все-таки возможно было всплывать снова, и въ послѣдніе годы, напримѣръ, его „ссылка“ была весьма непохожа на то, чѣмъ бываетъ она для обыкновенныхъ людей, не имѣющихъ связей въ высшемъ кругу. Подобныя связи дали и благополучный исходъ аресту Ю. Ѳ. Самарина въ сороковыхъ годахъ; но достовѣрны ли слова, которыя, по показанію Гилярова, были при этомъ сказаны: неужели сама власть могла говорить, что тысячи людей погибаютъ потому только, что не имѣютъ этихъ связей? Въ данномъ случаѣ, кромѣ того, что могли быть заступничества и ходатайства, было и то, что императоръ Николай читалъ записку Самарина, изъ которой дѣлалось противъ него обвиненіе, и не нашелъ въ ней ничего преступнаго, кромѣ нѣкоторыхъ излишествъ патріотизма [1]).

Приведенные образчики литературной переписки, какъ мы видѣли, раскрываютъ нерѣдко чрезвычайно характерныя черты нашихъ литературныхъ и общественныхъ отношеній. Какъ любопытна была бы ихъ исторія, еслибы она имѣла въ распоряженіи достаточный запасъ подобныхъ матеріаловъ и еслибы литературныя условія давали такую возможность воспользоваться этимъ матеріаломъ, какая существуетъ въ литературахъ взрослыхъ и полноправныхъ. Мы находимся въ этомъ отношеніи еще на первыхъ ступеняхъ настоящей исторіографіи внутренней жизни общества. Относительно крупнѣйшихъ лицъ и направленій этой жизни мы до сихъ поръ все еще собираемъ данныя, и нерѣдко самыя существенныя, по клочкамъ и отрывкамъ. Этимъ отчасти и объясняется, что до сихъ поръ у насъ очень туго идетъ самая разработка этого матеріала и такъ рѣдко появляются цѣльныя и законченныя біографіи.

Это положеніе исторической разработки, какъ мы уже замѣчали, находится въ связи со всѣмъ состояніемъ литературнаго дѣла. Историческій интересъ въ обществѣ несомнѣнно развивается: свидѣтельство тому огромная масса сырыхъ матеріаловъ по старой и новѣйшей исторіи и несомнѣнный успѣхъ спеціальныхъ историческихъ изданій, какъ „Русскій Архивъ“, „Русская Ста-

---

[1]) Любопытныя подробности о томъ же арестѣ и освобожденіи Ю. Самарина и о другихъ словахъ импер. Николая Павловича приводятся въ дневникѣ Никитенка.

рина“, „Историческій Вѣстникъ“. Эти изданія становятся по истинѣ драгоцѣннымъ складомъ свѣденій для будущихъ историковъ и біографовъ, особливо по ближайшему прошедшему. Не обходится, конечно, безъ болѣе или менѣе крупныхъ или мелкихъ недостатковъ, ошибокъ и даже злоупотребленій. Недостатки и ошибки—отчасти невольные, а отчасти вольные. Является не мало матеріаловъ незначительныхъ, почти безъ пользы загромождающихъ изданія и сбивающихъ историческую перспективу преувеличеніемъ мелочныхъ фактовъ и лицъ; у иныхъ писателей прививается манера исторической беллетристики, стараніе живописать безъ достаточныхъ данныхъ. Историческая живопись, напримѣръ въ манерѣ Костомарова, есть дѣло очень трудное; она имѣетъ цѣну только въ рукахъ большого знанія и большого таланта. Въ послѣднее время начинаетъ распространяться даже простая перепечатка стараго: на эту дорогу вступилъ въ особенности „Русскій Архивъ“. Такъ онъ принялся перепечатывать обширное сочиненіе князя И. М. Долгорукаго: „Капище моего сердца“, уже изданное въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древности; онъ перепечатываетъ переписку Новикова и Карамзина, давно извѣстную; перепечатываетъ „Записки Современника“ С. П. Жихарева, не упомянувъ даже, что онѣ нѣкогда печатались въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и даже вышли отдѣльной книжкой въ концѣ 1850-хъ годовъ, и т. д.

Упомянемъ, наконецъ, еще объ одномъ рядѣ излишествъ новѣйшей мемуарной литературы. Какъ въ прежнее время, бывало, замѣчательныя историческія лица кончали свое поприще, только сухо помянутые современниками, такъ теперь, наоборотъ, мы видимъ иной разъ цѣлый потопъ „воспоминаній“, за которыя берутся иной разъ не тѣ, кто могъ бы разсказать что-либо дѣйствительно исторически важное, а тѣ, кто можетъ сообщить только что-нибудь мелко анекдотическое или что-нибудь понятное и интересное въ ближайшемъ кружкѣ и мало понятное или даже неинтересное внѣ его. Иной разъ являются на сцену прямо какія-нибудь домашнія дрязги, до которыхъ настоящей біографіи могло бы не быть никакого дѣла. Недавно И. А. Гончаровъ высказался противъ излишествъ въ обнародованіи чужой переписки; не менѣе, если не болѣе такихъ излишествъ совершается въ литературѣ мемуаровъ. Не говоря о томъ, что эти излишества бываютъ некрасивы сами по себѣ, онѣ становятся и прямо вредными. Идетъ рѣчь о какомъ-либо крупномъ историческомъ или литературномъ дѣятелѣ, и мемуаристъ, выставляя, конечно, въ качествѣ свѣдущаго человѣка собственную особу, разсказы-

ваетъ о немъ панибратски свои мелочи, не имѣя помышленія о томъ великомъ значеніи, какое принадлежитъ описываемому лицу [1]). Нашъ читатель въ большинствѣ мало приготовленъ къ серьезному историческому пониманію; наша литература, и историческая въ особенности, получаетъ поэтому не только общее научное значеніе, но и болѣе тѣсную задачу воспитательнаго, образующаго чтенія,—а что̀ даетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи та мелкая мемуарная литература, о которой мы говоримъ и которая теперь такъ расплождается?

А. В—нъ.

---

[1]) Но все это, можно сказать, еще весьма невинно, въ сравненіи съ тѣмъ, что въ послѣднее время испытала на себѣ отъ „воспоминаній“ память такихъ лицъ, какъ И. С. Тургеневъ и К. Д. Кавелинъ. Такого рода „воспоминанія“ было бы справедливѣе называть какъ-нибудь иначе: они даютъ понятіе болѣе о самихъ авторахъ, нежели о лицахъ, къ которымъ относятся. — *Ред.*

СУМАСШЕДШІЙ

—Садитесь, я вамъ радъ. Откиньте всякій страхъ
И можете держать себя свободно,
Я разрѣшаю вамъ... Вы знаете, на дняхъ
Я королемъ былъ избранъ всенародно,—
Но это все равно. Смущаютъ мысль мою
Всѣ эти почести, привѣтствія, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданныхъ и очень устаю...
Какъ вамъ моя понравилась столица?
Вы изъ далекихъ странъ? А впрочемъ ваши лица
Напоминаютъ мнѣ знакомыя черты,
Какъ будто я встрѣчалъ, именъ еще не зная,
Васъ гдѣ-то тамъ, давно...
Ахъ, Маша, это ты?
О, милая моя, родная, дорогая!
Ну, обними меня! какъ счастливъ я, какъ радъ!
И Митя... Здравствуй, милый братъ!
Вы не повѣрите, какъ хорошо мнѣ съ вами,
Какъ мнѣ легко теперь... Но что съ тобой, Мари?
Какъ ты осунулась... страдаешь все глазами?
Садись ко мнѣ поближе, говори:
Что наша Оля? Все ростетъ, здорова?
О, Господи, что далъ бы я, чтобъ снова
Расцѣловать ее, прижать къ моей груди!
Ты приведешь ее? Нѣтъ, нѣтъ, не приводи...
Расплачется, пожалуй, не узнаетъ,
Какъ, помнишь, было разъ... А ты теперь о чемъ

Рыдаешь? Перестань! Ты видишь: молодцомъ
Я сталъ совсѣмъ, и докторъ увѣряетъ,
Что это—легкій рецидивъ,
Что скоро все пройдетъ, что нужно лишь терпѣнье...
О, да, я терпѣливъ, я очень терпѣливъ,
Но все-таки... За что̀? Въ чемъ наше преступленье?
Что дѣдъ мой боленъ былъ, что боленъ былъ отецъ,
Что этимъ призракомъ меня пугали съ дѣтства,—
Такъ что̀ жъ изъ этого? Я могъ же, наконецъ,
Не получить проклятаго наслѣдства!
Такъ много лѣтъ прошло, и жили мы съ тобой
Такъ дружно, хорошо, и все намъ улыбалось...
Какъ это началось? Да, лѣтомъ, въ сильный зной
Мы рвали васильки, и вдругъ мнѣ показалось...
. . . .

—Да, васильки, васильки...
Много мелькало ихъ въ полѣ...
Помнишь, до самой рѣки
Мы ихъ сбирали для Оли.

Оличка броситъ цвѣтокъ
Въ рѣку, головку наклонитъ...
„Папа,—кричитъ,—василекъ
Мой поплыветъ, не утонетъ!“

Я ее на руки бралъ,
Въ глазки смотрѣлъ голубые,
Ножки ея цѣловалъ,
Блѣдныя ножки, худыя...

Какъ эти дни далеки!
Долго ль томиться я буду?
Все васильки, васильки
Красные, желтые—всюду...

Видишь, торчатъ на стѣнѣ,
Слышишь,—сбѣгаютъ по крышѣ...
Вотъ подползаютъ ко мнѣ,
Лѣзутъ все выше и выше;

Слышишь,— смѣются они...
Боже! За что̀ эти муки?
Маша! Спаси, отгони,
Крѣпче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стѣной между нами,
Въ голову такъ и впились:
Колютъ ее лепестками...

Рвется вся грудь отъ тоски...
Боже! Куда мнѣ дѣваться?
Все васильки, васильки...
Какъ они смѣютъ смѣяться?

. . . .

—Однако что же вы сидите предо мной?
Какъ смѣете смотрѣть вы дерзкими глазами?
Вы избалованы моею добротой,
Но все же я—король, и я расправлюсь съ вами.
Довольно вамъ меня держать въ плѣну, въ тюрьмѣ...
Для этого меня безумнымъ вы признали,—
Такъ я вамъ докажу, что я въ своемъ умѣ:
Ты мнѣ жена, а ты—ты братъ ея... Что̀ взяли?
Я справедливъ, но строгъ: ты будешь казнена.
Что, не понравилось? блѣднѣешь отъ боязни?
Что дѣлать, милая! Не даромъ вся страна
Давно ужъ требуетъ твоей позорной казни!
А впрочемъ, можетъ быть, смягчу я приговоръ
И благости примѣръ подамъ родному краю.
Я не за казни, нѣтъ! Всѣ эти казни—вздоръ...
Я взвѣшу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, люди, стража, кто-нибудь!
Гони ихъ въ шею всѣхъ! мнѣ надо
Быть одному... Впередъ же не забудь:
Сюда никто не входитъ безъ доклада!

А. Апухтинъ.

НѢМЕЦКІЙ ПОДЛИННИКЪ

и

РУССКІЙ СПИСОКЪ

I.

Вопросъ объ оригинальности и новизнѣ той или другой идеи, того или другого открытія—представляетъ, вообще говоря, мало интереса. Какой-нибудь пиѳагореецъ могъ догадываться о центральномъ положеніи солнца относительно планетъ, тѣмъ не менѣе настоящій взглядъ на солнечную систему несомнѣнно принадлежитъ Копернику, ибо важно здѣсь не случайное приближеніе единичнаго ума къ истинѣ, а общее правильное развитіе астрономіи какъ науки,—оно же безспорно идетъ отъ Коперника, а не отъ Пиѳагора. Норманскіе пираты (а можетъ быть, задолго до нихъ и финикійскіе купцы) доходили не разъ до береговъ Новаго Свѣта, но все-таки открытіе Америки, по справедливости, приписывается не имъ, а Христофору Колумбу, ибо только послѣ его путешествій заатлантическія страны навсегда были присоединены къ остальному міру и вошли въ общее историческое движеніе. Съ другой стороны, когда два современника независимо другъ отъ друга приходятъ къ одинаковымъ умственнымъ построеніямъ (какъ это случилось съ Ньютономъ и Лейбницемъ въ теоріи безконечно-малыхъ), то вопросъ о первенствѣ и о правѣ исключительной собственности имѣетъ интересъ болѣе для нихъ самихъ, нежели для потомства, которое охотно готово утвердить обоихъ въ правахъ общаго владѣнія и вовсе не обязано признавать одного изъ нихъ плагіаторомъ.

Но возможны условія, при которыхъ вопросъ объ оригинальности извѣстнаго умственнаго явленія имѣетъ рѣшающее значеніе для всей оцѣнки этого явленія. Беремъ прямо тотъ конкретный случай, о которомъ намѣрены говорить. Является въ Россіи писатель, объявляющій, что Европа есть для насъ міръ безусловно чуждый, съ которымъ мы не связаны ни кровнымъ, ни духовнымъ родствомъ, и съ которымъ намъ неизбѣжно предстоитъ вступить въ борьбу не на животъ, а на смерть. Такое отношеніе къ Европѣ этотъ писатель, получившій самъ хоть и одностороннее и во многомъ недостаточное, но все-таки европейское образованіе, старается оправдать особеннымъ взглядомъ на всю исторію человѣчества. Эту историческую теорію онъ самъ, а еще болѣе два-три его приверженца выдаютъ за нѣчто совершенно самобытное, за продуктъ русскаго духа, освободившагося, наконецъ, въ лицѣ этого автора и его сторонниковъ отъ болѣзни „европейничанья". И вотъ эта самобытная русская теорія, долженствующая упразднить всѣ европейскіе принципы исторической науки, оказывается плохимъ повтореніемъ взглядовъ, высказанныхъ въ книгѣ третьестепеннаго нѣмецкаго ученаго, появившейся за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Конечно, теорія нѣмецкаго ученаго не стала ни лучше, ни хуже, отъ того, что русскому писателю вздумалось повторить ее своими словами, привязавши къ ней собственные псевдо-патріотическіе взгляды. Но эти-то взгляды, сущность которыхъ состоитъ въ отрицаніи нашего духовнаго родства съ европейскимъ просвѣщеніемъ [1]), безъ сомнѣнія, жестоко посрамляются тѣмъ обстоятельствомъ, что для ихъ теоретическаго обоснованія, хотя бы только кажущагося, потребовалось взять на прокатъ одно изъ дюжинныхъ произведеній нѣмецкаго ума.

Правда, г. Страховъ, самъ указавшій на общность взглядовъ у Данилевскаго съ Рюккертомъ, утверждаетъ теперь, что авторъ книги „Россія и Европа" не читалъ нѣмецкаго историка. Но вѣдь тотъ же г. Страховъ не менѣе рѣшительно увѣряетъ насъ и въ томъ, что Рюккертъ вовсе не употребляетъ ни слова *культурно-историческій*, ни слова *типъ*, терминовъ Данилевскаго, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, эти мнимые термины Данилевскаго въ одной маленькой главѣ нѣмецкой книги повторяются всего двадцать-три раза [2]). При такомъ самостоятельномъ отно-

---

[1]) См. „Россія и Европа", Данилевскаго, изд. 1888 г., особенно страницы 481 и 488.

[2]) См. въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Европы", стр. 448, замѣтку: „Счастливыя мысли Н. Н. Страхова".

шенія г. Страхова къ истинѣ, его свидѣтельство о незнакомствѣ Данилевскаго съ книгою Рюккерта можетъ только укрѣплять предположеніе, что именно изъ этой книги заимствованы основныя мысли нашего панслависта. Тождество терминологіи и нѣкоторыхъ частныхъ выводовъ (какъ увидимъ далѣе) дѣлаетъ такое предположеніе совершенно для насъ несомнѣннымъ.

Но допустимъ, что, несмотря на все это, несмотря даже на свидѣтельство г. Страхова, авторъ книги „Россія и Европа“ дѣйствительно не читалъ книги Рюккерта; все-таки остается въ силѣ тотъ фактъ, что идея культурно-историческихъ типовъ высказана впервые въ Германіи, въ сочиненіи чисто-нѣмецкомъ, и, слѣдовательно, не заключаетъ въ себѣ ничего специфически-русскаго, и во всякомъ случаѣ эта такъ-называемая теорія Данилевскаго съ такимъ же и еще съ бо́льшимъ правомъ можетъ называться теоріею Рюккерта, такъ какъ этотъ ученый „предложилъ“ ее нѣмцамъ двѣнадцатью годами ранѣе, чѣмъ она была предложена у насъ Данилевскимъ. Вотъ этотъ-то безспорный фактъ, совершенно независимо отъ вопроса о прямомъ заимствованіи, ярко подчеркиваетъ всю фальшь нашей анти-европейской и лже-національной проповѣди, для которой книга Данилевскаго, шарлатански прославляемая, служитъ теперь какимъ-то катехизисомъ. Еслибы не зловредныя практическія послѣдствія этой дикой проповѣди, то я, конечно, никогда не сталъ бы останавливаться на произведеніи, внутреннее значеніе котораго вполнѣ ничтожно. То обстоятельство, что авторъ этой плохой книги имѣетъ нѣкоторыя заслуги въ другихъ отношеніяхъ, еще болѣе побуждало бы къ снисходительному молчанію. Вѣдь не приходило же никому въ голову серьезно опровергать книгу Погодина: „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“, гдѣ заслуженный историкъ разсуждалъ о предметахъ, въ которыхъ былъ столько же свѣдущъ, сколько Данилевскій—во всемірной исторіи. Правда, Погодинъ обезоруживалъ критику не только наивностью своихъ разсужденій, но также и ихъ безпритязательностью. Этимъ качествомъ менѣе всего отличается книга Данилевскаго, вся проникнутая претензіей и самомнѣніемъ. Но ни собственныя притязанія автора, ни забавные панегирики г. Страхова и того таинственнаго историка, на котораго онъ теперь ссылается [1]), не представляли еще достаточнаго мотива для того, чтобы заниматься этимъ самобытнымъ продуктомъ нашей необразованности, пока онъ не пре-

[1]) Въ своей послѣдней статьѣ г. Страховъ обстоятельно разсказываетъ, что какой-то историкъ всегда рекомендовалъ Данилевскаго своимъ гостямъ какъ умнѣйшаго человѣка во всей Россіи.

вратился въ какую-то священную хоругвь для всѣхъ проповѣдниковъ общественнаго развращенія, старающихся сознательно и безсознательно извратить и подорвать духовныя силы Россіи.

Еслибы какой-нибудь писатель NN, вовсе лишенный имени, или имѣющій такое нехорошее имя, что самъ стѣсняется ставить его на своихъ произведеніяхъ,—еслибы такой представитель современной русской письменности отъ собственнаго своего лица выставилъ слѣдующее, напримѣръ, заявленіе, что идея справедливости есть анахронизмъ, за который держатся только доктринеры, что лучше казнить десять невинныхъ, нежели помиловать одного... тоже невиннаго; что человѣчество и человѣчность—пустыя слова, и что заботиться объ общемъ благѣ могутъ только сумасшедшіе или идіоты, то подобная проповѣдь не производила бы никакого впечатлѣнія, ибо всякому было бы ясно, что тутъ отъ полноты сердца глаголютъ уста, а сердце г. NN ни для кого не привлекательно. Но когда эти же самыя проповѣди начинаются такою неизмѣнною формулой:—какъ блистательно доказалъ то Н. Я. Данилевскій въ своей превосходной книгѣ „Россія и Европа", общечеловѣческая правда есть пустая фикція, а потому, и т. д.; или такъ:—во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ мы должны исключительно руководствоваться нашими собственными интересами, не обращая вниманія ни на что другое, ибо мы, какъ неопровержимо доказано теоріей Данилевскаго, не имѣемъ ничего общаго съ прочими народами, а составляемъ особый культурно-историческій типъ, слѣдовательно, и т. д.,—тогда проповѣдь общественнаго развращенія, прикрытая именемъ писателя, ни въ чемъ дурномъ не замѣченнаго, легко производитъ свое дѣйствіе на „малыхъ сихъ"; для нихъ остается несомнѣннымъ, что названный писатель дѣйствительно доказалъ, что намъ-молъ законъ не писанъ, и открылъ какіе-то культурные типы, посредствомъ которыхъ всякое злодѣйство превращается въ добродѣтель, если только оно намъ выгодно.

Противодѣйствіе этой растлѣвающей проповѣди, очевидно, должно быть главнымъ образомъ направлено на то мнимо-научное основаніе, которое теперь подъ нее подставляется, а именно на такъ-называемую теорію Данилевскаго. Что эта теорія есть пустой вымыселъ, что никакихъ отдѣльныхъ культурныхъ типовъ, упраздняющихъ общечеловѣческіе принципы и идеалы, въ дѣйствительности не существуетъ, это было уже показано съ достаточною ясностью и останавливаться на этомъ вопросѣ по существу нѣтъ надобности, такъ какъ мои противники хотя говорили очень много, но ничего относящагося къ дѣлу не сказали

и ни на одинъ изъ моихъ аргументовъ прямого возраженія не сдѣлали [1]). Одно только полезное указаніе нашелъ я у главнаго защитника Данилевскаго, г. Страхова, но и то не въ полемическихъ статьяхъ противъ меня, а въ его предисловіи къ новому изданію „Россія и Европа", именно замѣчаніе о книгѣ Генриха Рюккерта. Теперь г. Страховъ объявляетъ, что не только Данилевскій, но и я этой книги не читалъ, а лишь воспользовался его указаніемъ. Эти слова совершенно вѣрны, если ихъ поставить въ обратномъ порядкѣ: я воспользовался указаніемъ г. Страхова, чтобы прочесть книгу Рюккерта. Пользованіе, кажется, совершенно законное, тѣмъ болѣе, что я намѣренъ подѣлиться и съ другими тѣмъ, на чтò меня навело указаніе г. Страхова. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что самое это указаніе на половину ошибочно. „Такъ какъ мысль о культурно-историческихъ типахъ,—пишетъ издатель и защитникъ Данилевскаго,—внушается самими фактами исторіи, то зачатки этой мысли можно встрѣтить у другихъ писателей; укажемъ на Генриха Рюккерта, составившаго самый глубокомысленный изъ всѣхъ существующихъ обзоровъ всеобщей исторіи (Lehrbuch der Weltgeschichte, Leipz. 1857, 2 Bde). Но одинъ Н. Я. Данилевскій оцѣнилъ все значеніе этой мысли и развилъ ее съ полною ясностью и строгостью. Рюккертъ не только не положилъ ее въ основаніе своего обзора, *а говоритъ объ ней лишь въ прибавленіи* (Anhang) *ко всему сочиненію, въ концѣ второго тома*" [2]). Подчеркнутыя мною слова прямо противорѣчатъ истинѣ. Мысль о культурно-историческихъ типахъ излагается Рюккертомъ въ нѣсколькихъ главахъ перваго тома, а въ указанномъ г. Страховымъ прибавленіи эта мысль какъ уже извѣстная, примѣняется къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ національнымъ группамъ, не вошедшимъ въ общій историческій обзоръ. Какъ бы то ни было, благодаря г. Страхову, я могу теперь дополнить свой прежній разборъ теоріи Данилевскаго, сравнивъ ее съ нѣмецкимъ подлинникомъ.

---

[1]) См. „Національный вопросъ въ Россіи", изд. 2. Одинаковую, въ сущности, съ моею оцѣнку „Россіи и Европы" сдѣлалъ проф. Н. И. Карѣевъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Русской Мысли" прошлаго года. Г. Страховъ, на мой разборъ отвѣчавшій многословною бранью и злобными обвиненіями въ недостаткѣ патріотизма и т. п., съ проф. Карѣевымъ поступилъ еще лучше: въ подстрочномъ примѣчаніи выставилъ его почти за своего единомышленника, замѣтивъ, что его возраженія противъ теоріи Данилевскаго произошли только отъ того, что онъ, Карѣевъ, не читалъ разъясненій г. Страхова!

[2]) „Россія и Европа", Данилевскаго, изд. Страхова (1888 г.). Предисловіе, стр. XXV.

II.

Единство человѣческаго рода обыкновенно связывается съ общимъ происхожденіемъ всѣхъ людей отъ одной первоначальной пары производителей. Это представленіе, идущее изъ области религіозной и защищаемое вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшими представителями науки, оспаривалось, однако, нѣкоторыми отдѣльными учеными, къ которымъ примыкаетъ и Рюккертъ. Онъ находитъ существующія племенныя особенности настолько значительными, что не видитъ возможности объяснить ихъ естественнымъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ и климатическихъ условій на разошедшихся потомковъ предполагаемой прародительской четы [1]). Такимъ образомъ, множественность отдѣльныхъ типическихъ группъ есть для него первоначальное данное исторіи. Въ дѣйствительности существуютъ и всегда существовали только различныя видоизмѣненія человѣчества, единство же его есть лишь единство мысли или понятія (Einheit des Gedankens, Einheit des Begriffes) [2]). Правда, Рюккертъ допускаетъ, что за предѣлами исторіи и внѣ всѣхъ условій человѣческой жизни могъ существовать какой-то зачатокъ человѣчества, еще не опредѣлившагося въ своемъ специфическомъ отличіи отъ прочей природы, и что это зачаточное существо, находясь еще, такъ сказать, въ текучемъ состояніи, могло быть болѣе воспріимчиво къ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя и произвели въ немъ такія глубокія видоизмѣненія, какихъ настоящее, уже сложившееся человѣчество претерпѣвать не можетъ [3]). Но это представленіе, до крайности туманное и неопредѣленное, принимается Рюккертомъ лишь гипотетически, какъ отвлеченная возможность, и никакого дѣйствія на дальнѣйшія его разсужденія не оказываетъ. Дѣйствительными субъектами историческаго процесса съ начала и до конца признаются индивидуально обособленныя племенныя группы, которыя Рюккертъ прямо такъ и называетъ историческими или культурно-историческими *индивидами*. Но кто же именно эти историческіе „индивиды"? Такъ какъ генетическое единство человѣчества было отвергнуто на томъ основаніи, что особенности главныхъ расъ слишкомъ будто бы значительны, чтобы допускать ихъ общее происхожденіе, то естественно было бы ожидать, что конкретными представителями отвле-

---

[1]) Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung, von Heinrich Rückert, Professor an der Universität zu Breslau. Leipz. 1857. I Band. S. 31.

[2]) Ibidem, S. 28.

[3]) Rückert, I, 32, 33.

ченнаго понятія: „человѣчество"—и реальными субъектами исторіи явятся именно эти „главныя расы". Но это было бы очевиднымъ сведеніемъ всего взгляда къ абсурду. Разумѣется, еслибы вопросъ былъ исключительно генетическій, то легче произвести отъ одной пары всѣхъ негровъ, нежели всѣхъ людей вообще. Но такъ какъ дѣло идетъ о пребывающемъ единствѣ историческихъ индивидовъ, то признать за такой индивидъ вмѣсто цѣлаго человѣчества желтую или черную расу—это все равно, что, отвергая единство собачьяго рода, считать за реальный индивидъ всѣхъ пуделей, вмѣстѣ взятыхъ. Конечно, съ обыкновенной точки зрѣнія, нѣтъ собаки вообще, но вѣдь и пудель вообще также не бываетъ, а есть только тотъ или другой единичный пудель, хотя и такая единичная реальность можетъ быть окончательною только для житейскаго, а никакъ не для научнаго и философскаго мышленія. Какъ бы то ни было, нашъ историкъ не останавливается на расахъ, а беретъ въ качествѣ реальныхъ представителей человѣчества въ исторіи, или историческихъ индивидовъ, болѣе тѣсныя и опредѣленныя національно-политическія группы, изъ коихъ каждая представляетъ свой особый не только этнографическій, но и *культурный типъ*. Никакого историческаго принципа, опредѣляющаго назначеніе этихъ культурныхъ типовъ и ихъ отношеніе къ расамъ, съ одной стороны, и къ отдѣльнымъ народностямъ—съ другой, Рюккертъ не сообщаетъ: онъ беретъ свои историческіе индивиды эмпирически, причемъ нѣкоторые изъ нихъ просто совпадаютъ съ извѣстными народами, другіе же обнимаютъ бо̀льшее или мéньшее число независимыхъ народовъ и государствъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и отжившихъ.

Съ отрицаніемъ человѣчества, какъ единаго субъекта всемірной исторіи, теряется необходимо и единство самой этой исторіи. Она понимается нашимъ авторомъ не какъ одинъ послѣдовательный процессъ, а какъ нѣсколько параллельныхъ рядовъ культурнаго развитія, соотвѣтственно многимъ независимымъ другъ отъ друга культурнымъ типамъ. Слишкомъ многое въ исторической дѣйствительности не соотвѣтствуетъ такому взгляду, и высказать его безъ оговорки и смягченій совершенно невозможно для писателя, свѣдущаго въ исторіи, каковымъ несомнѣнно былъ Рюккертъ. Онъ и дѣлаетъ всевозможныя оговорки, которыя, впрочемъ, не оправдываютъ, а только запутываютъ въ безъисходныя противорѣчія его историческій „плюрализмъ". Приводимъ почти дословно главныя разсужденія Рюккерта, въ которыхъ читатели книги „Россія и Европа" могутъ узнать знакомую теорію—только въ приличной европейской одеждѣ, вмѣсто дыряваго татарскаго халата.

„Какъ общій выводъ изъ эмпирическаго разсмотрѣнія историческихъ фактовъ и индивидуальныхъ образованій получается та обязательная для всей сферы нашего наблюденія истина, что всякое специфическое образованіе въ исторіи предназначено къ исчезновенію, ибо сочетаніе случайности и необходимости приводило все доселѣ бывшее къ разложенію и гибели. Такъ какъ тѣ же условія господствуютъ и надъ историческимъ будущимъ, то мы заключаемъ, что этотъ законъ сохраняетъ свою силу навѣки [1]).

„Всякое особенное образованіе всемірно-исторической жизни, какъ она индивидуализируется въ формѣ народа, государства, специфическаго духа времени и т. д., содержитъ въ этомъ индивидуальномъ оживотвореніи всеобщую идею, всеобщую задачу исторіи или человѣческаго культурнаго развитія. Но именно тò, чтò кладетъ на нее печать индивидуальности, есть ограниченіе идеи, которая, однако, составляетъ и глубочайшую сущность, и окончательное оправданіе индивидуальнаго бытія. Съ одной стороны, всеобщая идея имѣетъ безусловное право на свое осуществленіе, а съ другой стороны, въ силу фактически несомнѣннаго міроваго закона — она можетъ достигнуть видимаго выраженія исключительно только въ индивидуальной формѣ, т.-е. ея воплощеніе или оживотвореніе всегда должно оставаться несовершеннымъ. Однако она освобождается, такъ сказать, отъ этихъ индивидуальныхъ и потому несовершенныхъ формъ явленія, благодаря тому, что индивидъ существуетъ, какъ таковой, лишь періодически, будучи, правда, замѣщаемъ другимъ индивидуальнымъ произведеніемъ, которое, въ концѣ концовъ, также страдаетъ этою же самою несостоятельностью, хотя бы оно и было совершеннѣе, т.-е. болѣе соотвѣтствовало всеобщей идеѣ, обнимающей цѣлую совокупность индивидовъ. Этотъ законъ имѣетъ силу для всѣхъ индивидуальныхъ явленій. Онъ господствуетъ такимъ образомъ и надъ индивидами въ обыкновенномъ смыслѣ, а также и надъ всѣми другими примѣненіями этого понятія, тамъ, гдѣ оно обозначаетъ соединеніе бòльшаго или мѐньшаго числа индивидовъ, обыкновенныхъ или элементарныхъ, въ одномъ индивидѣ высшаго порядка. Слѣдовательно тому же закону подлежатъ и историческіе индивиды, т.-е. народы и государства съ ихъ духовными и нравственными специфическими образованіями. И они всѣ, какъ индивиды, предназначены къ исчезновенію, т.-е. всеобщая идея человѣческой задачи, которая въ нихъ лишь отчасти реализуется и никогда не

[1]) Rückert, I, 64.

можетъ быть вполнѣ реализована, расторгаетъ ихъ (löst sie auf) и ставитъ на ихъ мѣсто другія образованія (Gestaltungen), въ которыхъ она находитъ себѣ болѣе совершенную реализацію. Но и эти послѣднія, имѣя, въ концѣ концовъ, то же самое основаніе (Basis), какъ и погибшія, носятъ въ самомъ своемъ зарожденіи сѣмя смерти" [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ Рюккерта, относящимся собственно къ культурнымъ типамъ, сопоставимъ приведенный отрывокъ съ слѣдующимъ мѣстомъ въ книгѣ Данилевскаго:

„Всему живущему, какъ отдѣльному недѣлимому, такъ и цѣлымъ видамъ, родамъ, отрядамъ животныхъ или растеній, дается извѣстная только сумма жизни, съ истощеніемъ которой они должны умереть. Геологія и палеонтологія показываютъ, какъ для разныхъ видовъ, родовъ, отрядовъ живыхъ существъ, было время зарожденія, наивысшаго развитія, постепеннаго уменьшенія и, наконецъ, совершеннаго исчезновенія. Какъ и почему это такъ дѣлается, никто не знаетъ, хотя и стараются объяснить на разные лады (Рюккертъ для этой vérité de M. de la Palisse употребляетъ болѣе краткое выраженіе: nach einem als Thatsache hinzunehmenden Weltgesetze). Въ сущности же, — продолжаетъ Данилевскій вслѣдъ за Рюккертомъ,—это остарѣніе, одряхлѣніе цѣлыхъ видовъ, родовъ и даже отрядовъ не болѣе удивительно, чѣмъ смерть отдѣльныхъ индивидуумовъ, настоящей причины которой также никто не знаетъ и не понимаетъ. Исторія говоритъ то же самое о народахъ: и они нарождаются, достигаютъ различныхъ степеней развитія, старѣютъ, дряхлѣютъ, умираютъ—и умираютъ не отъ внѣшнихъ только причинъ. Внѣшнія причины, какъ и у отдѣльныхъ лицъ, по большей части, только ускоряютъ смерть больного и разслабленнаго тѣла" [2]). И далѣе, упрекнувши славянофиловъ за то, что они признавали какую-то общечеловѣческую задачу, Данилевскій говоритъ: „такой задачи, однакоже, вовсе и не существуетъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, чтобы ей когда-нибудь послѣдовало конкретное рѣшеніе, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и для остального человѣчества. Задача человѣчества состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ проявленіи въ разныя времена и разными племенами всѣхъ тѣхъ сторонъ, всѣхъ тѣхъ особенностей направленія, которыя лежатъ виртуально (въ

[1]) Rückert, I. 64, 65.

[2]) Данилевскій, „Россія и Европа", 1888, стр. 75 и 76.

возможности, in potentia) въ идеѣ человѣчества. Ежели бы, когда человѣчество совершитъ весь свой путь или, правильнѣе, всѣ свои пути, нашелся кто-либо могущій обозрѣть все пройденное, всѣ разнообразные типы развитія, во всѣхъ ихъ фазисахъ, тотъ могъ бы составить себѣ понятіе объ идеѣ, осуществленіе которой составляло жизнь человѣчества, рѣшить задачу человѣчества; но это рѣшеніе было бы только идеальное постиженіе ея, а не реальное осуществленіе" [1]).

„Идея человѣка можетъ быть постигаема только чрезъ соединеніе всѣхъ моментовъ его развитія, а не реально осуществляема въ одинъ опредѣленный моментъ" [2]).

То, что̀ говорятъ здѣсь Рюккертъ и Данилевскій, есть конечно, не болѣе какъ злоупотребленіе общими мѣстами. Любопытно только, что и нѣмецкій историкъ, и русскій панславистъ злоупотребляютъ одними и тѣми же общими мѣстами для обоснованія одного и того же взгляда, именно теоріи культурныхъ типовъ. Какъ излагаетъ эту теорію Данилевскій — нашимъ читателямъ болѣе или менѣе извѣстно [3]). Поэтому достаточно будетъ привести ея изложеніе у Рюккерта и затѣмъ сравнить существенные пункты у обоихъ писателей.

III.

„Конкретныя явленія человѣческаго культурнаго развитія, — читаемъ мы у нѣмецкаго историка, — подлежатъ тому основному закону, что не всѣ они стоятъ необходимо въ прагматической связи между собою. Помимо тѣхъ внѣшнихъ и случайныхъ условій, отъ которыхъ это зависитъ, какъ напр. географическое сосѣдство, тѣлесное происхожденіе и родство позднѣйшихъ историческихъ народовъ съ болѣе ранними [4]), помимо этого, здѣсь всегда находится также и нѣкоторый внутренній и необходимый моментъ, который можно обозначить такимъ выраженіемъ: специфическій или индивидуальный характеръ опредѣленнаго вида культуры въ ея временномъ и мѣстномъ ограниченіи.

---

[1]) Дан., 121.

[2]) Дан., 123.

[3]) См., между прочимъ, цитаты въ „Вѣстникѣ Европы" (апрѣль 1888) или послѣднюю главу въ „Національномъ Вопросѣ".

[4]) Указанные моменты, тѣснѣйшимъ образомъ соединяя извѣстные народы между собою, тѣмъ самымъ разобщаютъ ихъ со всѣми прочими и создаютъ такимъ образомъ особую группу, болѣе или менѣе выдѣляющуюся изъ общей прагматической связи всемірной исторіи.

„Поэтому, логически возможно (begriffsmässig möglich), что многіе культурные ряды (Culturreihen), независимо другъ отъ друга, въ одно и то же время, но въ различныхъ мѣстахъ индивидуализируютъ совокупную жизнь историческаго человѣчества, хотя логически (begriffsmässig) не исключена и другая возможность, именно, что эти различные независимые культурные ряды предназначены войти когда-нибудь во взаимодѣйствіе ради всеобщей задачи человѣчества [1]). Въ пользу перваго предположенія, т.-е. въ подтвержденіе окончательной раздѣльности и независимости культурно-историческихъ типовъ и рядовъ развитія, историческій опытъ не только въ прошедшемъ, но и нынѣ, поучаетъ насъ посредствомъ того очевиднаго факта, что рядомъ съ общеевропейскимъ культурнымъ міромъ въ восточной Азіи, въ Китаѣ и Японіи, существуетъ другая культура, въ своемъ родѣ столь же правомочная (in ihrer Art eben so berechtigte) и доселѣ находящаяся съ нашей лишь во внѣшней и къ тому же крайне недостаточной связи, безъ какого бы то ни было органическаго взаимодѣйствія этихъ двухъ культурныхъ міровъ (хотя бы мы и были готовы охотно вѣрить, что зачаточные пункты такого грядущаго взаимодѣйствія и могутъ быть указаны). Точно также между погибшими культурами въ Мексико и Перу и прочими великими культурными кругами нельзя указать никакого ни внутренняго, ни внѣшняго отношенія, да и сами эти двѣ культуры (мексиканская и перуанская), несмотря на ближайшую аналогію ихъ типовъ, были, повидимому, вполнѣ изолированы даже относительно другъ друга“ [2]).

Указавъ на эти факты культурно-историческаго обособленія, съ которыми такъ много потомъ носился авторъ „Россіи и Европы“, добросовѣстный и ученый нѣмецъ не могъ умолчать и о фактахъ противоположнаго характера. „И для второго предположенія,—говоритъ онъ (т.-е. для предположенія о возможномъ будущемъ объединеніи всѣхъ самобытныхъ культуръ),—имѣются доводы изъ опыта. Восточно-семитическій культурный кругъ долгое время развивался самостоятельно рядомъ съ греческимъ, прежде чѣмъ вступить съ нимъ въ связь—сначала внѣшнюю, а потомъ и внутреннюю. Вообще же сліяніе малыхъ культурно-историческихъ организмовъ въ одно болѣе обширное цѣлое есть постоянный фактъ. Чтò возможно въ сравнительно-тѣсныхъ предѣлахъ, будетъ возможно и въ болѣе широкихъ, и съ этой стороны вопросъ о

[1]) Rückert, I, 92.
[2]) Rückert, I, 92—93.

предстоящемъ соединеніи всѣхъ человѣческихъ культуръ въ одинъ великій организмъ остается открытымъ" [1]).

Но, допустивъ такимъ образомъ предположеніе о будущемъ всечеловѣческомъ единствѣ, Рюккертъ всячески старается ослабить его указаніями въ противоположномъ смыслѣ.

„Такъ какъ,—продолжаетъ онъ,—всякая форма явленія въ историческомъ человѣчествѣ можетъ осуществляться только въ извѣстномъ индивидуальномъ типѣ, болѣе или менѣе приближающемся къ абсолютному или общегодному, но никогда съ нимъ не совпадающему, то вмѣстѣ съ тѣмъ всякій самостоятельный культурный кругъ имѣетъ вѣчное право на свой индивидуальный типъ. Понятіе органическаго объединенія всей человѣческой культуры чрезъ это не упраздняется, а, напротивъ, только тутъ получаетъ истинную реальность. Какъ культурѣ никогда не удастся измѣнить основные типы въ чувственномъ явленіи человѣчества, особенно выпукло развившіеся въ такъ-называемыхъ расовыхъ различіяхъ, точно такъ же она никогда не будетъ въ состояніи навязать всѣмъ этимъ различнымъ основнымъ типамъ одинъ и тотъ же идеалъ ихъ жизни и историческаго поведенія. Ибо та культура, которую мы по преимуществу обозначаемъ этимъ именемъ, т.-е. содержаніе нашей собственной прошедшей и будущей цивилизаціи, при всей ея эластичности, какую она уже пріобрѣла и еще болѣе пріобрѣтетъ, все-таки имѣетъ лишь относительное индивидуальное значеніе (ist doch immer nur relativ oder individuell) и въ силу этого гораздо болѣе, нежели обыкновенно допускаютъ, срослась съ самыми чувственными формами явленія принадлежащихъ къ ней частей человѣчества,—съ строеніемъ черепа, образованіемъ лица, цвѣтомъ кожи, короче—съ конкретнѣйшими и матеріальнѣйшими вещами. Если эта культура, столь сильно связанная съ самымъ конкретнымъ, какъ принадлежащая одному (историческому) индивиду и не могущая существовать абсолютно, т.-е. безъ индивидуальнаго субстрата и индивидуальной субстанціи,—если эта частная культура захочетъ выступать какъ абсолютная по отношенію къ другимъ индивидуальнымъ культурнымъ кругамъ, то это ей удалось бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы она формально разрушила и наружно, и внутренно другую, столько же, какъ и она сама, относительно правомочную культуру (потому столько же правомочную, что и она также осталась вѣрною своему первоначальному типу), а съ этимъ неизбѣжно связана и физическая гибель побѣжденнаго культурнаго

[1]) Rückert, I, 93.

индивида. И для этого опытъ представляетъ достаточно примѣровъ: самый извѣстный есть уничтоженіе американскихъ культурныхъ народовъ физическою силою европейской культуры" [1]). Но это можетъ произойти и внутри отдѣльныхъ культурныхъ круговъ, что̀ также достаточно подтверждается опытомъ, ибо то̀, что̀ снаружи является какъ индивидуальное образованіе и дѣйствуетъ какъ таковое, внутри расчленяется на массу индивидовъ, для взаимоотношенія которыхъ имѣютъ силу тѣже законы, которымъ подчинены взаимныя отношенія и величайшихъ индивидуальныхъ образованій (Gestaltungen) [2]).

„Что касается методы обращенія съ культурно-историческимъ матеріаломъ, то изъ предъидущихъ соображеній вытекаетъ необходимость уже изначала (von vorneherein) разсматривать и изображать культурную исторію какъ нѣкоторое число параллельно другъ другу идущихъ рядовъ. Еслибы можно было усвоить всей культурной исторіи одинъ индивидуальный типъ, еслибы только одна единственная человѣческая раса принимала дѣятельное участіе въ историческомъ процессѣ, а всѣ другія были бы приговорены къ пассивности, тогда можно было бы удержать и *единую нить* въ изложеніи исторіи. Тогда не было бы помѣхой и то, что такая нить эмпирически (erfahrungsmässig) обрывалась бы много разъ, лишь бы можно было мысленно (gedankenmässig) продолжать ее далѣе. Цѣль, къ которой она направлялась бы, была бы извѣстна, а потому всѣ извивы ея движенія, хотя и терялись бы здѣсь и

---

[1]) И Данилевскій вслѣдъ за Рюккертомъ не преминулъ пожалѣть объ этихъ культурныхъ народахъ Америки (т.-е. мексиканцахъ и перуанцахъ), будто бы погибшихъ насильственною смертью и не успѣвшихъ совершить своего развитія („Россія и Европа", стр. 91). Вмѣсто того, чтобы оплакивать судьбу далекихъ варваровъ, справедливо и своевременно погибшихъ, лучше было бы отнестись человѣчнѣе къ близкимъ и живымъ народамъ, не называть ихъ „фантастическими" и не отнимать у нихъ права на существованіе.

[2]) Всеобщій законъ, обусловливающій окончательную гибель культурно-историческихъ индивидуальностей, или, чтобы назвать самую конкретную форму — культурно-историческихъ народовъ, — уже изложенъ выше и изъясненъ внутренно изъ законовъ случайности и необходимости въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. Согласно этой аргументаціи побуждающія и разрушающія индивидуальности также имѣютъ съ своей стороны право на такой образъ дѣйствія. Но это то же самое право, какое имѣетъ относительно дерева топоръ въ рукахъ рубящаго это дерево человѣка. Топоръ въ своемъ родѣ служитъ высшему образованію, или высшей зиждительной идеѣ, чрезъ разрушеніе низшаго образованія (Gebildes), а потому имѣетъ право дѣлать то́, что́ дѣлаетъ. Но онъ не знаетъ, что́ дѣлаетъ и зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, а также не знаетъ, что и онъ, быть можетъ, предназначенъ быть нѣкогда брошеннымъ въ огонь и быть уничтоженнымъ съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ онъ самъ уничтожалъ.—*Примѣч. Рюккерта.*

тамъ во мракѣ, были бы опредѣлены, по крайней мѣрѣ, въ своихъ наиболѣе общихъ формахъ, и пробѣлы въ конкретномъ явленіи исторіи,—тѣ мѣста, гдѣ общая нить фактически обрывается и должна быть снова завязана,—могли бы быть, если и не заполнены, то твердо ограничены и поняты въ ихъ прагматизмѣ. Цѣль, къ которой стремилось бы такое историческое изображеніе, была бы дана, само собою разумѣется, въ настоящей фазѣ культуры, на которой покоится наше историческое сознаніе и дѣйствованіе. Тогда дѣло было бы лишь въ пониманіи этого одного культурнаго міра, поскольку оно было бы обусловлено раскрытіемъ законовъ развитія прежнихъ культурныхъ фазъ, на которыхъ основана настоящая. Какъ при такомъ предположеніи одного типа для человѣчества была бы только одна собственно-историческая культура, такъ, соотвѣтственно этому, былъ бы возможенъ только одинъ путь историческаго воззрѣнія. Передъ единымъ и исключительно правомочнымъ типомъ культуры всѣ другія фактическія проявленія человѣчества имѣли бы тогда лишь настолько цѣны и значенія, насколько эта одна культура пользуется или когда-нибудь пользовалась ими какъ своимъ пассивнымъ матеріаломъ. Изъ такого пониманія выходило бы тогда теоретически и абсолютное право этой единственной культуры совершенно разрушать всѣ другія ей противостоящія формы человѣческаго существованія, какъ недостойныя такого существованія, чтобы ставить на ихъ мѣсто свое собственное могущество и наполнять всю землю своими произведеніями (Gebilden), за неимѣніемъ никакихъ другихъ, соотвѣтствующихъ понятію историческаго назначенія человѣка и человѣчества.

„Но такое исключительное понятіе о существованіи и правѣ одного единственнаго великаго культурнаго типа опровергается уже самимъ опытомъ, признающимъ наличность и независимое сосуществованіе, въ настоящемъ или въ прошедшемъ, многихъ такихъ типовъ, а это уже даетъ нѣкоторое право заключить, что также и въ будущемъ ихъ будетъ много. Съ нѣкоторой высшей точки зрѣнія уже оказалось правомочіе различныхъ культурныхъ типовъ на относительно вѣчное существованіе. Они до тѣхъ поръ имѣютъ право существовать въ своемъ различіи рядомъ другъ съ другомъ, пока понятіе индивидуальнаго типа владѣетъ чувственною и духовною природой человѣчества, что по самому этому понятію совпадаетъ вообще съ продолженіемъ человѣческаго бытія во времени. Этимъ, конечно, не исключается и та возможность, что въ будущемъ наступитъ извѣстное органическое взаимодѣйствіе различныхъ великихъ культурныхъ типовъ, и въ настоящее

время на это можно разсчитывать болѣе, чѣмъ когда-либо, откуда можно вывести, какъ это легко усмотрѣть, весьма важное внутреннее доказательство дѣйствительнаго культурнаго прогресса нашей эпохи сравнительно съ прошедшимъ. Ибо, такимъ образомъ, настоящее время стоитъ ближе, чѣмъ какой-либо изъ прежнихъ историческихъ періодовъ къ осуществленію всеобщаго идеала исторіи, къ полному раскрытію цѣлаго человѣческаго типа или поставленныхъ ему задачъ, что̀ можетъ произойти *только чрезъ полное раскрытіе всѣхъ индивидуальныхъ типовъ* и чрезъ необходимо обусловленное этимъ взаимодѣйствіе ихъ между собою.

„Но дѣйствительность, доходящая до нынѣшняго дня, не ручается за возможное будущее, для котораго не исключены случайности всякаго рода, ибо можно выставить также и ту гипотезу, что будущее вообще не пойдетъ по естественно-указанному пути къ достиженію универсальной цѣли человѣческаго развитія, а собьется на окольныя дороги, которыя приведутъ къ погибели эту культурную индивидуальность, которою мы такъ гордимся (т.-е. европейскую цивилизацію), прежде чѣмъ она достигнетъ своей органической цѣли. Или, чтобы перейти въ конкретную область, можно представить и такую гипотезу, что то чаемое и логически необходимое взаимодѣйствіе между различными великими культурными типами человѣчества, которые изначала даны, какъ индивидуальности, и, слѣдовательно, навѣки необходимы, вовсе не произойдетъ и что нынѣ существующіе на это виды окажутся обманчивымъ призракомъ. Вмѣсто органическаго взаимнопроникновенія будущее можетъ привести къ захватамъ (Übergreifen) одного типа на счетъ другихъ и къ погибели этихъ послѣднихъ, какъ уже не разъ случалось по свидѣтельствамъ историческаго опыта. Достаточно сослаться на старую американскую культуру и ея полную гибель при столкновеніи съ одною изъ прежнихъ формъ нашей собственной культуры, чтобы имѣть эмпирически неопровержимый примѣръ.

„Во всякомъ случаѣ, изъ этихъ различныхъ возможностей мы получаемъ тотъ выводъ, что *историческая дѣйствительность* настоящимъ мышленіемъ *не можетъ быть расположена по одной нити* (nicht an einen Faden zu reihen ist). Поэтому, если хотятъ удержать, какъ предметъ наблюденія, всю совокупность человѣческаго развитія въ исторіи, то не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы бросить другія нити въ пользу одной только потому, что удобнѣе при обзорѣ имѣть въ рукахъ одну нить“ [1]).

[1]) Rückert, I, 93—96.

IV.

Такъ излагаетъ Рюккертъ свою основную мысль о невозможности располагать всемірную исторію по одной нити. А вотъ изложеніе главной мысли Данилевскаго, которое даетъ намъ его восторженный панегиристъ, г. Страховъ.

„Главная мысль Данилевскаго,—пишетъ этотъ смѣлый, но неудачливый авторъ,—чрезвычайно оригинальна (?), чрезвычайно интересна. Онъ далъ новую формулу для построенія исторіи, формулу *гораздо болѣе широкую* (курсивъ г. Страхова), чѣмъ прежнія, и потому, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе справедливую, болѣе научную, болѣе способную уловить дѣйствительность предмета, чѣмъ прежнія формулы. Именно, онъ отвергъ *единую нить* (опять курсивъ г. Страхова, который читалъ Рюккерта) въ развитіи человѣчества, ту мысль, что исторія есть прогрессъ нѣкотораго общаго разума, нѣкоторой общей цивилизаціи. Такой цивилизаціи нѣтъ,—говоритъ Данилевскій,—существуютъ только частныя цивилизаціи, существуетъ развитіе отдѣльныхъ *культурно-историческихъ типовъ* (и еще курсивъ г. Страхова, несомнѣнно знакомаго съ Рюккертомъ).

„Очевидно,—продолжаетъ нашъ читатель Генриха Рюккерта,—прежній взглядъ на исторію былъ *искусственный* (его курсивъ), насильственно подгоняющій явленія подъ формулу, взятую извнѣ, подчиняющій ихъ произвольно придуманному порядку. Новый взглядъ Данилевскаго есть взглядъ *естественный* (курсивъ г. Страхова), не задающійся заранѣе принятою мыслью, а опредѣляющій формы и отношенія предметовъ на основаніи опыта, наблюденія, внимательнаго всматриванія въ ихъ природу. Переворотъ, который „Россія и Европа“ стремится внести въ науку исторіи, подобенъ *внесенію* [1]) *естественной системы* (курс. г. Страхова) въ науки, гдѣ господствовала система искусственная.

„Изслѣдователь тутъ руководится нѣкоторымъ *смиреніемъ* (курс. г. Страхова) передъ предметами. Ученые теоретики, *особенно нѣмцы* (курсивъ мой—для обозначенія смиренія г. Страхова передъ нѣмцами, у которыхъ онъ и его учитель заимствовали всѣ „свои“ мысли, лишь отчасти ихъ исказивши), часто ломаютъ по своему природу [2]), подгоняютъ ее подъ извѣстныя идеи, готовы ви-

---

[1]) „Стремится внести“, „подобенъ внесенію“—какая скромность! и какой стиль!

[2]) Ее не ломалъ Данилевскій, утверждавшій, что всѣ александрійскіе философы были чистые греки, и что финикіяне говорили по-ассирійски.

дѣть неправильность и уродство во всемъ, что несогласно съ ихъ разумомъ; но истинный натуралистъ [1]) отказывается отъ слѣпой вѣры въ свой разумъ, ищетъ откровеній и указаній не въ собственныхъ мысляхъ, а въ предметахъ (и потому строитъ историческія теоріи, не изучая исторіи, а недостатокъ собственныхъ мыслей замѣняетъ взятыми напрокатъ изъ нѣмецкихъ учебниковъ). Тутъ есть вѣра въ то, что міръ и его явленія гораздо глубже, богаче содержаніемъ, обильнѣе смысломъ, чѣмъ бѣдныя и сухія построенія нашего ума.

„Для обыкновеннаго историка, такое явленіе, какъ напримѣръ Китай, есть нѣчто неправильное и пустое, какая-то ненужная безсмыслица. Поэтому о Китаѣ и не говорятъ (очевидно, европейскіе синологи занимаются своею наукою, не говоря о Китаѣ), его выкидываютъ за предѣлы исторіи. По системѣ Данилевскаго, Китай есть столь же законное и поучительное явленіе, какъ греко-римскій міръ или гордая Европа [2]).

„Итакъ, вотъ какую важность, какой высокій предметъ и какую силу имѣетъ та *новая, собственно Данилевскому принадлежащая, исходная точка зрѣнія* (курсивъ мой), которая развита въ „Россіи и Европѣ". Столь же оригинальна и та мастерская разработка, которой подвергнута исторія съ этой точки зрѣнія. Если многіе выводы получились славянофильскіе, то они такимъ образомъ (?) пріобрѣли совершенно новый видъ, получили новую доказательность, которой, очевидно, не могли имѣть, пока не существовали начала, *въ первый разъ* (курсивъ мой) указанныя въ этой книгѣ.

„Авторъ „Россіи и Европы" нигдѣ не опирается на славянофильскія ученія, какъ на что-нибудь уже добытое и дознанное. Напротивъ, онъ *исключительно развиваетъ свои собственныя мысли и основываетъ ихъ на своихъ собственныхъ началахъ* (курсивъ мой)" [3]).

Эти „собственныя мысли" и „начала" Данилевскаго самимъ г. Страховымъ сводятся, какъ мы только-что видѣли, къ отрицанію единой нити въ развитіи человѣчества и въ утвержденіи многихъ полноправныхъ культурныхъ типовъ; а эта мысль, какъ несомнѣнно явствуетъ изъ нашихъ цитатъ, была совершенно опредѣленно и съ тѣми же характерными терминами высказана Рюк-

---

[1]) Очевидно, Данилевскій въ качествѣ натуралиста былъ компетентенъ въ исторической наукѣ.

[2]) Остается только ввести китайскій языкъ и литературу въ основу классическаго образованія.

[3]) „Россія и Европа". Предисловіе г. Страхова, XXIII—XXV.

кертомъ. Не даромъ же г. Страховъ съ такимъ особеннымъ усердіемъ и стараніемъ напираетъ на безусловную оригинальность Данилевскаго, на то, что въ его книгѣ въ первый разъ указаны начала теоріи культурно-историческихъ типовъ, что это „начала новыя, до него никѣмъ не указанныя“ [1]). Мы знаемъ, что они указаны Рюккертомъ, знаемъ, благодаря тому же г-ну Страхову, который напрасно только думалъ, что, сдѣлавши глухой намекъ на нѣмецкаго писателя, онъ уже затѣмъ имѣетъ право безъ всякаго стѣсненія приписывать новыя мысли и „начала“ этого писателя Данилевскому, повторившему ихъ черезъ двѣнадцать лѣтъ даже съ воспроизведеніемъ тѣхъ же самыхъ историческихъ иллюстрацій (Китай, Мексика и Перу).

Высказавъ совершенно опредѣленно „главную мысль Данилевскаго“ съ помощью „терминовъ Данилевскаго“—именно мысль объ отсутствіи единой нити и единой всеобщей культуры въ историческомъ развитіи человѣчества и о множественности независимыхъ и равноправныхъ культурныхъ типовъ, Рюккертъ, какъ писатель, свѣдущій въ исторіи и не чуждый философскаго разсужденія, усмотрѣлъ, что съ одною такою мыслью далеко не уйдешь въ объясненіи или даже только въ изложеніи исторической дѣйствительности, а потому и присоединилъ къ этой главной мысли необходимую оговорку, которая оказала нѣкоторое вліяніе и на Данилевскаго, хотя онъ, по недостаточному знакомству съ фактами, и не могъ оцѣнить ея значенія.

Если, по словамъ Рюккерта, для историка не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы держаться одной нити въ развитіи человѣчества, бросая всѣ другія, то вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ онъ, „не изъ случайныхъ только, но и изъ органическихъ причинъ можно вывести и узаконить преобладающее, но только никакъ не исключительное, правомочіе одной культурной нити передъ всѣми другими (eine vorwiegende, nur nicht eine ausschliessliche Berechtigung eines Culturfadens vor allen anderen)“.

„При всей относительной равноправности различныхъ индивидуальныхъ типовъ человѣчества одинъ изъ нихъ уже по натуральному свойству (durch seine Anlage) болѣе другого соотвѣтствуетъ всеобщей идеѣ человѣчества. То же должно сказать и о различныхъ историческихъ произведеніяхъ этихъ большихъ массъ. Тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ особенно выгодно одаренному типу, уже тѣмъ самымъ имѣютъ и притязаніе, и обязанность подойти ближе къ идеальной исторической задачѣ, нежели все, что

---

[1]) Тамъ же, XXII и XXIII.

могутъ произвести менѣе одаренныя расы. Эта часть человѣчества (здѣсь разумѣется ново-европейскій міръ), какъ показываетъ опытъ, дѣйствительно исполнила такую задачу и оказалась достойною того преимущественнаго положенія, которое было ей предуказано ея естественными свойствами, ибо она прошла всѣ различныя ступени культурнаго развитія энергичнѣе и живѣе, чѣмъ это могли сдѣлать племена менѣе одаренныя. И у этихъ послѣднихъ—насколько они принимаютъ дѣйствительное участіе въ исторіи—должны оказаться тѣ же самые необходимые моменты развитія; но если сравнить содержаніе такихъ моментовъ въ томъ и другомъ ряду, то различіе между ними бросается въ глаза" [1]). Оно не бросается въ глаза только г-ну Страхову, который преспокойно объявляетъ, что китайская культура есть нѣчто равноцѣнное греко-римской и ново-европейской.

V.

Что касается самого Данилевскаго, то, повторивъ главную мысль Рюккерта объ отсутствіи одного направленія въ историческомъ развитіи человѣчества и о множественности равноправныхъ культурныхъ типовъ, онъ повторяетъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги и оговорки Рюккерта, безъ всякой, впрочемъ, попытки примирить ихъ съ главною мыслью, или даже поставить ихъ въ какое-нибудь внутреннее съ нею соотношеніе, необходимое для единства общаго взгляда на исторію. Вслѣдъ за Рюккертомъ Данилевскій признаетъ культурные типы хотя и равноправными, но не равноцѣнными. Относительную ихъ цѣнность онъ опредѣляетъ болѣе или менѣе полнымъ содержаніемъ культурной дѣятельности, которую онъ, какъ и Рюккертъ, распредѣляетъ по *четыремъ* основнымъ разрядамъ. „Общихъ разрядовъ культурной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ этого слова,—пишетъ авторъ „Россіи и Европы",— не могущихъ уже быть подведенными одинъ подъ другой, которые мы должны, слѣдовательно, признать за высшія категоріи дѣленія, насчитывается ни болѣе, ни менѣе (?) четырехъ", а именно: 1) дѣятельность религіозная; 2) дѣятельность культурная въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, гдѣ Данилевскій совмѣщаетъ и науку, и искусство, и промышленность; 3) дѣятельность политическая, и 4) дѣятельность общественно-экономическая [2]).

---

[1]) Rückert, I, 96—97.

[2]) Дан., 516.

Въ этой неудачной классификаціи воспроизводится въ нѣсколько искаженномъ видѣ то, также четырехчастное, дѣленіе, которое принимаетъ Рюккертъ въ своемъ обзорѣ всемірной исторіи. Онъ разсматриваетъ всю культурную дѣятельность каждаго типа по слѣдующимъ четыремъ категоріямъ: соціально-политическія отношенія, религія, наука и искусство. Вся разница въ томъ, что Данилевскій соединяетъ въ одно науку и искусство да еще въ придачу и промышленность, раздѣляя зато политическую дѣятельность отъ соціальной, хотя эти послѣднія очевидно находятся въ тѣснѣйшей связи между собою, принадлежа къ одной общей сферѣ, именно сферѣ практическихъ отношеній между людьми, и во всякомъ случаѣ онѣ ближе другъ къ другу, нежели научное познаніе и художественное творчество, относящіяся къ двумъ, въ корнѣ различнымъ, способностямъ и задачамъ человѣческаго духа. Какъ бы то ни было, не только неудачный списокъ у Данилевскаго, но и его болѣе удовлетворительный первообразъ у Рюккерта имѣютъ характеръ число-эмпирическій и случайный. Только самоувѣренность автодидакта могла внушить Данилевскому его забавное утвержденіе, что общихъ разрядовъ культурной дѣятельности насчитывается ни болѣе, ни менѣе четырехъ. На самомъ дѣлѣ, весь культурно-историческій матеріалъ можетъ быть съ большею стройностью и раціональностью распредѣленъ по тремъ категоріямъ, соотвѣтственно тремъ основнымъ сторонамъ человѣческаго существа: воли, ума и чувства.

Впрочемъ это четырехчастное дѣленіе понадобилось Данилевскому для того, чтобы съ помощью произвольныхъ утвержденій и натяжекъ признать русско-славянскій міръ за единственный полный и совершенный, четырехсторонній культурный типъ. Мы можемъ, говоритъ онъ, „питать основательную надежду, что славянскій культурно-историческій типъ въ первый разъ представитъ синтезисъ всѣхъ сторонъ культурной дѣятельности въ обширномъ значеніи этого слова, — сторонъ, которыя разрабатывались его предшественниками на историческомъ поприщѣ въ отдѣльности или въ весьма неполномъ соединеніи. Мы можемъ надѣяться, что славянскій типъ будетъ первымъ полнымъ *четырехъ-основнымъ культурно-историческимъ типомъ*" [1]).

Эта мысль, что, несмотря на множественность независимыхъ и равноправныхъ культурныхъ типовъ, можетъ однако существовать и дѣйствительно существуетъ одна культура болѣе полная и совершенная, чѣмъ всѣ прочія—эта мысль, какъ мы видѣли,

---

[1]) Дан., 556.

принадлежитъ также Рюккерту, который, конечно, примѣняетъ ее не къ предполагаемой въ будущемъ славянской культурѣ, а къ настоящей европейско-христіанской. Наконецъ, и главная оговорка, которою Рюккертъ ограничиваетъ свою теорію, чтобы имѣть возможность излагать, а не искажать всемірную исторію, именно та оговорка, что при многихъ параллельныхъ нитяхъ, связывающихъ историческое развитіе человѣчества въ различныхъ его частяхъ, должно быть одно преобладающее, хотя и не исключительное, теченіе всеобщей исторіи, ведущее къ полнѣйшему осуществленію идеальной человѣческой задачи,—и эта существенная оговорка нашла себѣ мѣсто какъ разъ въ заключительныхъ словахъ Данилевскаго, совсѣмъ и не подозрѣвавшаго, что, благодаря этимъ словамъ, все предъидущее содержаніе его книги, всѣ тѣ анти-историческія утвержденія, въ которыхъ онъ довелъ до каррикатуры односторонніе взгляды Рюккерта,—что всѣ они, благодаря этимъ заключительнымъ словамъ, становятся сомнительными или теряютъ всякое значеніе.

„*Главный потокъ всемірной исторіи*,—такъ заканчиваетъ онъ свою книгу,—начинается двумя источниками на берегахъ древняго Нила. Одинъ, небесный, божественный, черезъ Іерусалимъ и Царьградъ, достигаетъ въ невозмущенной чистотѣ до Кіева и Москвы; другой, земной, человѣческій, въ свою очередь дробящійся на два главныя русла—культуры и политики,—течетъ мимо Аѳинъ, Александріи, Рима, въ страны Европы, временно изсякая, но опять обогащаясь новыми, все болѣе и болѣе обильными водами. На русской землѣ пробивается новый ключъ справедливо обезпечивающаго народныя массы общественно-экономическаго устройства. На обширныхъ равнинахъ славянства должны слиться всѣ эти потоки въ одинъ обширный водоемъ:

И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались“.

Въ прозѣ и безъ излишнихъ метафоръ, все дѣло сводится къ нѣкоторому высшему синтезу христіанскаго откровенія, культурныхъ и политическихъ результатовъ европейской цивилизаціи и соціально-экономическихъ стремленій современнаго народничества. Давай Богъ, и давно бы такъ! И если кому-

нибудь непремѣнно хочется, чтобы такой синтезъ произошелъ на обширныхъ равнинахъ славянства, то отчего же нѣтъ? Лишь бы только произошелъ! Такъ какъ, въ концѣ концовъ, этотъ всеобъемлющій синтезъ соберетъ всѣ народы земли, чтобы утолить ихъ духовную жажду, съ одной стороны, и чтобы обезпечить ихъ соціально-экономически, съ другой, то не все ли равно, откуда онъ начнется—съ равнинъ ли славянскихъ, или съ тибетскаго плоскогорья? Дѣло не въ этомъ, а дѣло—въ дѣлѣ. И если ужъ ставить вопросъ: гдѣ? — то совершенно несомнѣнно, что этотъ религіозно-культурно-соціально-политическій синтезъ произойдетъ тамъ, на тѣхъ равнинахъ или на тѣхъ плоскогоріяхъ, жители которыхъ будутъ наиболѣе о немъ заботиться, будутъ вѣрнѣе высшимъ идеаламъ человѣчества въ мысляхъ и дѣлахъ своихъ.

VI.

Не только основная идея культурно-историческихъ типовъ принадлежитъ Рюккерту, но и взглядъ на православно-славянскій міръ, какъ на особую культуру, независимую отъ западно-европейской или романо-германской. Это, вѣроятно, удивитъ г. Страхова, который хотя и читалъ Рюккерта, но сохранилъ лишь смутное воспоминаніе о прочитанномъ. Взглядъ на отношеніе православно-славянскаго міра къ романо-германскому высказанъ Рюккертомъ со свойственнымъ ему многословіемъ, но достаточно опредѣленно въ особомъ прибавленіи къ первой половинѣ второго тома его всемірной исторіи [1]). Многіе западные писатели выдѣляли насъ—болѣе или менѣе тенденціозно—изъ міра европейской культуры, выдѣляли какъ *варваровъ*, или вовсе не призванныхъ къ высшему просвѣщенію по самымъ свойствамъ расы (извѣстная нелѣпая теорія Духинскаго о нашемъ туранствѣ), или же по историческимъ условіямъ, еще не успѣвшимъ пріобщиться этому просвѣщенію. Но Рюккертъ—и въ этомъ несомнѣнная оригинальность этого, вообще говоря, мало даровитаго писателя — не ограничивается такимъ отрицательнымъ взглядомъ: онъ отдѣляетъ насъ отъ европейскаго міра не потому, чтобы считалъ насъ неспособными къ высшей культурѣ, или отставшими отъ нея, а потому, что причисляетъ насъ къ другому культурному типу, специфически отличному отъ европейскаго и независимому отъ

---

[1]) Это не тотъ Anhang, о которомъ упоминаетъ г. Страховъ въ своемъ предисловіи, а другой.

него. Конечно, онъ не считаетъ этотъ нашъ типъ высшимъ, но вѣдь и Данилевскій могъ признавать славянство за высшую культуру лишь въ чаяніи будущихъ благъ, по мотивамъ субъективнымъ. Рюккертъ, конечно, не могъ имѣть такихъ мотивовъ; но важно то, что онъ предварилъ Данилевскаго не только въ теоріи культурно-историческихъ типовъ, но и въ признаніи православно-славянскаго міра за одинъ изъ такихъ особенныхъ типовъ, независимыхъ отъ Европы.

Дѣло идетъ ближайшимъ образомъ о Византіи, но въ культурную сферу византизма Рюккертъ, какъ и слѣдовало, включаетъ и православные славянскіе народы (слѣдовательно, главнымъ образомъ, Россію), которые, по его мнѣнію, имѣли для Царьграда такое же значеніе, какъ германцы для Рима. Трактатъ, посвященный этому предмету, носитъ слѣдующее заглавіе: „Положеніе восточно-римской имперіи и византійской культуры, относительно германской, западной Европы и средневѣковой культуры“, и начинается такъ: „*Противоположность* (der Gegensatz) между латинскимъ Западомъ и греческимъ Востокомъ въ римской имперіи стала вообще основаніемъ для пребывающей—ближайшимъ образомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ (*zunächst* während des ganzen Mittelalters)—противоположности между европейскимъ Западомъ, имѣвшимъ свое естественное средоточіе въ Римѣ, и между европейскимъ Востокомъ, который хотя и позднѣе, но столь же исключительно нашелъ свое средоточіе въ Новомъ Римѣ, или Константинополѣ“ [1]). Рюккертъ доказываетъ, что это раздѣленіе происходило не отъ внѣшнихъ случайныхъ условій, а отъ внутреннихъ органическихъ причинъ. Этимъ объясняется и пребывающее раздѣленіе церквей восточной и западной, послѣ неудачныхъ попытокъ ихъ соединенія. „Западной церкви,—пишетъ Рюккертъ, — не удалось проникнуть надолго къ востоку и юго-востоку, далѣе венгерскаго королевства, хотя она часто періодически переступала эти предѣлы и старалась привлечь въ свою сферу болгаръ и сербовъ. Еще менѣе прочны были кажущіяся полныя побѣды, которыя она нѣсколько разъ одерживала надъ восточною церковью. Когда крестовый походъ 1204 г. основалъ въ Константинополѣ латинскую имперію, казалось само собою понятнымъ, что прекратится и независимость греческой церкви. Иннокентій III увидалъ и въ этомъ отношеніи папство на вершинѣ его могущества... Но такое состояніе продолжалось съ нѣкоторою видимостью историческаго факта лишь до тѣхъ поръ, пока сама латинская имперія имѣла не совсѣмъ фантастическое

---

[1]) Rückert, II, 479.

существованіе. А какъ скоро восточный духъ или политическія и церковныя антипатіи Востока противъ этого чуждаго нашествія осмѣлились проявиться, такъ сейчасъ же оказалось, что оно не имѣло достаточно внутренней крѣпости, чтобы подчинить себѣ даже такую изжившую государственную и народную силу, какъ византійское царство, а съ паденіемъ латинской имперіи исчезъ и латинскій патріархъ, и греческая церковь выступила со своею старою противоположностью къ западной. Политическій интересъ Палеологовъ приводилъ, правда, еще къ частымъ попыткамъ примиренія, безъ котораго нельзя было разсчитывать на все болѣе и болѣе необходимую помощь Запада противъ турокъ. Но такъ какъ папство твердо стояло на своихъ притязаніяхъ, и всякое примиреніе съ греческою церковью понимало лишь какъ покаянное подчиненіе этой послѣдней римскому владычеству, то не помогли никакіе дипломатическіе фокусы, посредствомъ которыхъ византійская государственная власть старалась кажущимся образомъ угодить Риму, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ на самомъ дѣлѣ прежнее положеніе. Въ теченіе всего четырнадцатаго вѣка не прекращались эти старанія, но только въ пятнадцатомъ привели они, за нѣсколько лѣтъ до окончательной гибели византійскаго царства, къ торжественному возсоединенію церкви, т.-е. къ подчиненію греческой церкви Риму, на флорентійскомъ соборѣ 1439 г.; но именно то обстоятельство, что это возсоединеніе послѣдовало какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вообще прекратилась внѣшняя самостоятельность византійскаго царства, всего яснѣе показываетъ *внутреннюю невозможность* всего этого стремленія. Оно и не имѣло никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что сначала бо̀льшая часть греческой церкви, даже тамъ, гдѣ на нее еще простиралось вліяніе государственной власти, объявила себя противъ соединенія, а потомъ, когда совсѣмъ пало византійское царство, восточная церковь, замѣнившая теперь для покореннаго христіанскаго населенія Востока и государство, и національность, и отечество, сама собою опять заняла свое независимое отъ Рима положеніе.

„Такъ же мало, — продолжаетъ Рюккертъ, — какъ римской церкви, посчастливилось и свѣтскимъ силамъ Запада перешагнуть ту какъ бы естественную границу (die gleichsam natürliche Grenzlinie), которая отдѣляла ихъ отъ восточной Европы, хотя попытки къ этому дѣлались постоянно съ тѣхъ поръ, какъ Западъ вообще пришелъ къ сознанію своей силы и сталъ обращать ее кнаружи“ [1]).

---

1) Rückert, II, 481—483.

„Такимъ образомъ, византійская имперія во все свое болѣе чѣмъ тысячелѣтнее существованіе могла охранить себя какъ отъ насильственныхъ вторженій Запада, такъ и отъ проникновенія западнаго духа". Въ этомъ она успѣла, благодаря своей самостоятельной, хотя и менѣе прогрессивной, культурѣ, находившейся въ болѣе прямой и тѣсной преемственной связи съ культурою античною, нежели романо-германскій міръ" [1]).

Далѣе нашъ авторъ отвергаетъ всякую попытку объяснить различіе между византійской и западно-европейской культурой изъ внѣшнихъ условій, напримѣръ изъ особаго географическаго положенія Царьграда, или изъ первоначальныхъ основъ церковнаго и политическаго строя восточной римской имперіи. Единственное окончательное объясненіе существеннаго различія между этими двумя мірами можно найти только *въ различіи національныхъ элементовъ*, греко-славянскихъ на Востокѣ, латино-германскихъ на Западѣ [2]).

„Для европейскихъ частей византійской имперіи вторженіе славянъ имѣло такое же значеніе, какъ вторженіе германцевъ для римскаго Запада. Они (славяне), казалось, были провиденціально предназначены замѣстить или обновить старое, изжившее населеніе, отъ Дуная до южной оконечности Пелопоннеза, и они исполнили эту задачу (сначала съ отрицательной ея стороны) столь же полно, а во многихъ мѣстахъ и еще полнѣе, нежели германцы" [3]).

Совершивъ это дѣло физическаго обновленія европейскаго Востока, новый этнографическій элементъ подвергся церковно-политическому и культурному воздѣйствію Византіи, которая съ лихвою возмѣстила духовно свои матеріальныя потери. „Восточно-римское государство и восточно-римская культура,—продолжаетъ Рюккертъ, — не удовольствовались тѣмъ, что вернули себѣ, такимъ образомъ, назадъ свою старую область: на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они дѣйствовали въ этомъ тѣсномъ кругѣ, они, затѣмъ, далеко перешли за его предѣлы. Между завоеваніями Византіи, за границами ея государственнаго владычества, особенно было богато послѣдствіями духовное покореніе величайшаго восточно-славянскаго народа, именно русскаго. Здѣсь именно обнаружилось всего яснѣе какое-то внутреннее сродство между византійскою сущностью и славянскимъ духомъ (eine gewisse innere Wahlverwandschaft zwischen dem byzantinischen Wesen und dem slawischen Geiste),—сродство достаточно сильное, чтобы при-

---

[1]) Rückert, II, 484, 485.
[2]) Тамъ же, 487 и слѣд.
[3]) Rückert, II, 500.

тянуть послѣдняго къ первой даже тамъ, гдѣ Византія не могла пользоваться всѣми тѣми средствами, которыя въ другихъ случаяхъ употребляла для покоренія славянства. Русскіе были обращены въ греческую вѣру, хотя здѣсь церковная миссія не была поддержана внѣшнею силою византійскаго государства, какъ это обыкновенно случалось на балканско-иллирійскомъ полуостровѣ. Конечно, и здѣсь обращеніе народа и введеніе византійской культуры, насколько она была связана съ церковью, произошли не безъ принужденія со стороны великихъ князей, отъ которыхъ исходилъ починъ этого дѣла. Но то обстоятельство, что князья по свободному выбору приняли новую религію и приложили свои усилія къ ея распространенію, показываетъ, что въ самомъ духѣ славянъ заключался моментъ, дѣлавшій ихъ непроизвольно воспріимчивыми именно къ славянской культурѣ.

„Но обращеніе русскаго народа къ греческому христіанству или распространеніе византійскаго духа на русскій народъ представляетъ еще, съ другой стороны, свидѣтельство особаго сродства между славянскою и византійскою сущностью. Русскій народъ находился въ положеніи со всѣхъ сторонъ открытомъ и доступномъ всѣмъ вліяніямъ, вслѣдствіе великаго движенія народовъ въ восточной Европѣ,—движенія, послѣдовавшаго за германскимъ континентальнымъ переселеніемъ народовъ и достигшаго своей полной напряженности лишь послѣ того, какъ германскій потокъ совсѣмъ схлынулъ на западъ. Но, несмотря на это открытое положеніе русскаго народа, тяжесть его физической массы и внутренняя тягучесть его существа были такъ велики, что онъ никогда не могъ быть ни увлеченъ, ни потопленъ внѣшнимъ теченіемъ, хотя такая опасность не разъ бывала очень близкою. Особенно она представлялась неминуемою въ самомъ началѣ русской исторіи, когда скандинавское германство здѣсь на почвѣ величайшаго восточно-славянскаго народа получило, повидимому, отъ исторіи ту же самую задачу, какую континентальные германцы исполнили на почвѣ западныхъ славянъ (и кельтовъ). Однако скоро оказалось, что хотя скандинавскіе германцы, варяги, и могли покорить Россію и сдѣлаться князьями и господами въ русскомъ народѣ, но что они въ этой средѣ не могли остаться германцами. Внѣшняя мягкость славянскаго существа допустила безъ сильнаго противодѣйствія вторженіе и господство чуждаго элемента, но тягучее ядро, прикрытое этою мягкою внѣшностью, сдѣлало невозможнымъ, чтобы славянская сущность потерпѣла какое-нибудь внутреннее измѣненіе отъ этого чуждаго элемента. Такъ, въ сравнительно очень короткое время, чужіе властители совершенно переродились въ славянъ, и варяжская династія стала и по крови,

и по духу такою же русскою, какъ самый низшій слой собственно русскаго народа.

„Этимъ замѣчательнымъ фактомъ, который во многихъ отношеніяхъ противорѣчитъ обычнымъ законамъ народообразованія, былъ уже заранѣе рѣшенъ общій вопросъ о возможности или невозможности какого-нибудь вліянія германскаго или западно-европейскаго культурнаго элемента на восточныхъ славянъ, т.-е. ближайшимъ образомъ на русскихъ, какъ значительнѣйшихъ представителей этой группы. Позднѣйшіе историческіе факты доказали, что это рѣшеніе осталось въ силѣ для всѣхъ временъ, ибо никогда не происходило дѣйствительнаго вліянія западно-европейской, германскимъ элементомъ представляемой культуры на Россію, пока эта страна слѣдовала естественному влеченію своего существа (so lange es dem natürlichen Zuge seines Wesens folgte). Лишь долгое время спустя, по окончаніи среднихъ вѣковъ, случайное появленіе такой личности, какъ Петръ Великій, произвело то, что западно-европейская культура, хотя и ненатурализировалась въ Россіи,—*для чего здѣсь*, повидимому, *никогда и ни при какихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности*,—но была привлечена, какъ средство для опредѣленныхъ цѣлей, какъ орудіе государственной власти и политики, и именно тотъ способъ, какимъ это сдѣлалось, служитъ свидѣтельствомъ, что *западная культура никогда не найдетъ здѣсь истинной родины* (Erst lange Zeit nach dem Abschluss des Mittelalters konnte der Zufall es veranlassen, indem er eine Persönlichkeit wie Peter den Grossen hervorbrachte, dass diese westeuropäische Cultur sich zwar nicht in Russland einbürgerte, wozu, wie es scheint, hier zu keiner Zeit und unter keinen Verhältnissen eine Möglichkeit vorhanden ist, sondern als ein Mittel zu bestimmten Zwecken, als ein Werkzeug der Staatsgewalt und der Politik herangezogen wurde, um gerade durch die Art, wie dies geschah, Zeugniss dafür abzulegen, dass sie hier niemals eine wahre Heimat finden könne)“ [1]).

Мы не можемъ согласиться съ г. Страховымъ, будто книга Рюккерта представляетъ самый глубокомысленный изо всѣхъ существующихъ обзоровъ всемірной исторіи, но г. Страховъ *долженъ* съ нами согласиться, что въ этой книгѣ находится все существенное содержаніе „Россіи и Европы“ Данилевскаго, начиная съ главной мысли о культурно-историческихъ типахъ и кончая мнѣніями, изложенными въ главѣ: „Европейничанье—болѣзнь русской жизни“.

---

[1]) Rückert, II, 502—504.

VII.

Итакъ, мнимая „теорія Данилевскаго" находится цѣликомъ въ книгѣ Рюккерта. Между нѣмецкимъ подлинникомъ и русскимъ спискомъ главное различіе состоитъ лишь въ томъ, что ученый германецъ, принимая во вниманіе историческую дѣйствительность, не старается во что бы то ни стало провести свой—въ сущности анти-историческій—взглядъ черезъ всю всемірную исторію, и благодаря этому избѣгаетъ тѣхъ грубыхъ ошибокъ и несообразностей, которыя отнимаютъ всякое серьезное значеніе у книги Данилевскаго. Сочиненіе Рюккерта въ цѣломъ своемъ составѣ принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, къ исторической наукѣ, тогда какъ произведеніе нашего панслависта, какъ уже было замѣчено критикой, относится развѣ только къ наукѣ „Громъ побѣды раздавайся" [1]).

Но, оставляя въ сторонѣ научное отношеніе автора къ историческому матеріалу и оцѣнивая по существу лишь основной взглядъ Рюккерта на исторію, мы должны признать его столь же мало удовлетворительнымъ, какъ и его русское повтореніе.

Въ исторіи человѣчества, также какъ и во всемъ міровомъ процессѣ, котораго она есть главное звено, одинаково существенны для вѣрнаго пониманія и множественность частныхъ элементовъ, и единство цѣлаго. Останавливаясь на отдѣльныхъ частяхъ и упуская изъ виду то, что дѣлаетъ ихъ частями, т.-е. единое цѣлое, которому каждая изъ нихъ по своему причастна, мы теряемъ ихъ смыслъ и значеніе и превращаемъ ихъ своимъ непониманіемъ въ неопредѣленный и безначальный хаосъ. Съ другой стороны, увлекаясь идеей общаго и единаго, забывая или отрицая самостоятельное значеніе и внутреннюю цѣнность частныхъ элементовъ, мы лишаемъ самое цѣлое его дѣйствительнаго содержанія и приходимъ къ понятію единства пустого и мертваго. На самомъ же дѣлѣ обѣ эти стороны—и единство всѣхъ, и самостоятельность каждаго—одинаково реальны и въ своей неразрывной связи одинаково опредѣляютъ всякую живую дѣйствительность. Въ области человѣческой исторіи эти двѣ первоосновы всякаго бытія конкретно представляются единымъ человѣчествомъ, съ одной стороны, и единичнымъ человѣкомъ съ другой; между этими двумя полюсами и изъ ихъ различнаго взаимоотношенія образуется множество частныхъ круговъ или группъ, которыя съ одинаковымъ

---

[1]) Эти ошибки не искупаются здѣсь и полною послѣдовательностью взгляда; ибо, въ концѣ концовъ, и Данилевскій, какъ мы видѣли, долженъ былъ признать единство историческаго развитія, общій потокъ всемірной исторіи.

правомъ могутъ разсматриваться какъ различныя степени расчлененія человѣчества, или же какъ различныя степени разростанія человѣка. Взять произвольно одну изъ такихъ степеней относительнаго дѣленія или относительнаго умноженія, не опредѣливъ даже какъ слѣдуетъ, какую именно—не то народъ, не то племя,—и подъ именемъ историческаго индивида, или культурнаго типа, поставить ее на мѣсто цѣлаго человѣчества, объявивъ это послѣднее только чистою мыслью, отвлеченнымъ понятіемъ и, въ концѣ концовъ, пустымъ словомъ—это значитъ не объяснить исторію, а безбожно исказить и безнадежно запутать ее.

Чтобы сколько-нибудь оправдать это замѣщеніе человѣчества quasi-національнымъ элементомъ, нужно было, по крайней мѣрѣ, доказать, что этому послѣднему принадлежитъ бо́льшая степень реальности, нежели первому. Но ни нѣмецкій изобрѣтатель культурныхъ типовъ, ни его русскіе ученики не представили никакой серьезной попытки такого доказательства [1]). Невозможно считать серьезнымъ указанія г. Страхова на то, что все въ исторіи совершается частными дѣятелями (лицами и народами), а само человѣчество ничего не дѣлаетъ, а слѣдовательно и не существуетъ, какъ реальная единица. Если подъ дѣятелемъ разумѣть непосредственно-наглядную причину дѣйствія, то нельзя считать историческими дѣятелями и народы (не говоря уже о какихъ-то культурныхъ типахъ), ибо и народы, какъ таковые, какъ цѣлые, никогда сами непосредственно не дѣйствуютъ, а дѣйствуютъ только единичныя лица въ бо́льшемъ или ме́ньшемъ числѣ. Если же подъ дѣятелемъ разумѣть существенную и внутреннюю причину, или настоящаго субъекта дѣйствія, то въ этомъ смыслѣ дѣятелемъ всемірной исторіи, какъ таковой, можетъ быть только человѣчество. Когда г. Страховъ пишетъ свои разглагольствія, непосредственно наглядными дѣятелями являются тутъ его пальцы, водящіе перомъ по бумагѣ, но это не мѣшаетъ однако истиннымъ производителемъ его писаній признать его единое *я*, невидимое само по себѣ, но являющее свою реальность въ общей и реальной связи его дѣйствій. Подобнымъ образомъ и единое человѣчество, хотя и не дѣйствуетъ непосредственно ни въ какомъ историческомъ явленіи, тѣмъ не менѣе, обнаруживаетъ свою совершенную реальность въ общемъ ходѣ всемірной исторіи. А что органами человѣчества являются живыя и относительно-самостоятельныя существа, то вѣдь и пальцы г. Страхова не вовсе лишены жизни и раздѣльности, и абсолютной разницы тутъ нѣтъ.

---

[1]) Рюккертъ иногда даже проговаривается въ обратномъ смыслѣ, признавая за человѣчествомъ истинную реальность. См., напр., томъ I, стр. 35.

Невозможность вполнѣ устранить всеединый элементъ изъ исторіи заставляетъ г. Страхова прибѣгнуть къ измышленію какой-то „общей сокровищницы", которая, какъ онъ настойчиво утверждаетъ, слагается только изъ результатовъ частныхъ дѣятельностей, личныхъ и національныхъ, и вовсе не предполагаетъ никакого общаго дѣла и никакого общаго дѣятеля. Къ этой вопіющей безсмыслицѣ онъ возвращается съ особеннымъ самодовольствомъ, причемъ ему, очевидно, предносится образъ какого-то амбара или сарая, въ который складываются для общаго пользованія продукты частныхъ историческихъ дѣятелей. Это онъ называетъ органическимъ взглядомъ! [1])

Чтобы показать преимущественную реальность національнаго элемента, указываютъ еще на *языкъ* и этимъ окончательно обнаруживаютъ свое недомысліе. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, способность понимать всякіе языки и говорить на нихъ, неужели эта способность разумнаго и словеснаго человѣческаго существа есть нѣчто менѣе реальное, нежели способность говорить на своемъ языкѣ и понимать своихъ земляковъ? Неужели внутренній всеединый *логосъ* (слово), создающій человѣческую рѣчь, менѣе реаленъ, нежели его частныя развѣтвленія въ національныхъ разновидностяхъ этой рѣчи? Нѣтъ, прежде чѣмъ провозглашать новое язычество, нашимъ націоналистамъ слѣдовало бы еще поучиться старой азбукѣ у тѣхъ эллинскихъ философовъ, которые вывели сознаніе античнаго міра изъ первоначальнаго языческаго обособленія [2]).

Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) Въ своемъ забавномъ самомнѣніи г. Страховъ принимаетъ измышленныя имъ благоглупости за обязательныя нормы всякаго мышленія. Такъ онъ обличаетъ мою ошибку, состоящую въ томъ, что я отъ общей сокровищницы неправильно заключаю къ общему дѣлу человѣчества. Но вѣдь такая ошибка могла бы произойти лишь въ томъ случаѣ, еслибы я „Страховское" представленіе „общей сокровищницы" принималъ за исходный пунктъ своихъ разсужденій. А такъ какъ я, напротивъ того, считаю это представленіе чистѣйшимъ вздоромъ, то, слѣдовательно, не могъ на немъ и строить ни правильныхъ, ни неправильныхъ умозаключеній.

[2]) Къ сожалѣнію, я долженъ предложить этотъ совѣтъ не одному г. Страхову, но также и П. Е. Астафьеву, который, какъ оказывается изъ его статьи: „Къ спору съ г. Вл. Соловьевымъ", крайне нуждается въ Платоновскомъ „припоминаніи" относительно идеи человѣчества. Г. Астафьевъ увѣряетъ, что человѣчество выдумано или сочинено мною („Русск. Вѣстн.", окт., стр. 237, 238). Право же нѣтъ! Это такъ же несправедливо, какъ и то, будто необходимо нарочно поддерживать и возбуждать въ людяхъ и народахъ ихъ самочувствіе (Selbstgefühl) и самоутвержденіе (Selbstbejahung), потому что иначе они погибнутъ отъ избытка любви къ ближнимъ и самопожертвованія.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Ненастные настали вечера,
И сумерки на землю сходятъ рано.
Я, запоздавъ, съ прогулки шелъ вчера
Не то сквозь дождь, не то среди тумана.

И съ вѣтромъ я изъ всѣхъ боролся силъ,
Медлительно шагая поневолѣ;
А мимо онъ, бушуя, проносилъ,
Какъ быстрыхъ птицъ, сухіе листья въ поле.

И все темнѣй средь поля и темнѣй,
Ужъ я едва могъ различать дорогу...
Но вотъ сперва—миганіе огней,
Затѣмъ и домъ, все ближе понемногу.

Онъ будто звалъ подъ мирный кровъ меня
Оттуда, гдѣ такъ холодно и бурно;
И слышалась, вой вѣтра замѣня,
Мелодія Шопенова ноктурна.

Благая жизнь!.. Участья къ намъ полна
И ласками привѣтствуя насъ часто,
Какъ услаждать умѣетъ насъ она
Пріемами красиваго контраста!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Октябрь.

НОВЫЙ ОПЫТЪ
ИСТОРІИ
ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКИ

— *Ferdinand Brunetière,* l'évolution des genres dans l'histoire de la littérature. Tome premier. Introduction. L'évolution de la critique depuis la renaissance jusqu'à nos jours. Paris, 1890.

Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ намъ часто приходилось говорить о французской критикѣ и французскихъ критикахъ. Мы отмѣчали новыя дарованія, новыя теченія мысли, появлявшіяся въ этой сферѣ; мы указывали на то, что застой, водворившійся послѣ смерти Сентъ-Бёва и окончательнаго перехода Тэна въ область историческихъ изслѣдованій, опять уступилъ мѣсто движенію, довольно разнообразному и разностороннему. Въ большинствѣ случаевъ, однако, молодые французскіе критики ограничивались отдѣльными очерками, разбросанными работами; книги, съ которыми они выступали, были сборниками журнальныхъ или газетныхъ статей, не всегда соединенныхъ внутреннею связью. Попытку создать нѣчто цѣльное сдѣлалъ только Геннекенъ, много обѣщавшій, но слишкомъ рано умершій; его „Научная критика" (La critique scientifique), въ свое время подробно разобранная нами [1]), богаче остроумными парадоксами, чѣмъ прочно-доказанными положеніями. Тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаетъ новое

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1888 г., № 11.

сочиненіе Брюнетьера, названное въ заголовкѣ настоящей статьи. До сихъ поръ вышелъ въ свѣтъ только первый томъ его, за которымъ должны послѣдовать еще три. Составилось оно изъ лекцій, читанныхъ Брюнетьеромъ въ высшей нормальной школѣ [1]), и далеко оставляетъ за собою все прежде писанное этимъ авторомъ. Фердинандъ Брюнетьеръ—присяжный критикъ „Revue des deux mondes". Какъ и журналъ, въ которомъ началась и сосредоточивалась его литературная дѣятельность, онъ былъ до сихъ поръ не чуждъ доктринерства, чопорнаго недовѣрія къ новизнѣ, брезгливаго отношенія къ реализму. Непрерывныя стычки съ Зола, когда слава послѣдняго, какъ теоретика и практика, какъ критика и романиста, находилась въ апогеѣ, возстановили противъ Брюнетьера значительную часть молодого поколѣнія. Его репутація стала подниматься лишь въ послѣднее время, когда ему отдалъ справедливость даже его антиподъ—Жюль Леметръ. Жоржъ Ренаръ включилъ Брюнетьера, вмѣстѣ съ Леметромъ, Франсомъ, Гандераксомъ и Буржэ, въ число „князей молодой критики" (les princes de la jeune critique—такъ называется книга Ренара, вышедшая въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году). „Человѣкъ традиціи, ученый, воинствующій критикъ"—вотъ характеристика Брюнетьера, данная Ренаромъ; и ею, дѣйствительно, опредѣлялись довольно точно отличительныя свойства критика, насколько они выразились въ многочисленныхъ его журнальныхъ этюдахъ [2]). „Брюнетьеръ,—говорили мы три года тому назадъ, сравнивая его съ представителемъ критическаго „импрессіонизма", — Брюнетьеръ постоянно разсуждаетъ, Леметръ передаетъ свои впечатлѣнія; Брюнетьеръ поучаетъ читателей, Леметръ бесѣдуетъ съ ними; Брюнетьеръ держится однажды принятой доктрины, Леметръ не хочетъ знать никакой теоріи". Сильными сторонами Брюнетьера мы считали сравнительное безпристрастіе къ противникамъ, тонкую оцѣнку техническихъ пріемовъ творчества, отличное знаніе исторіи французской литературы, особенно XVII-го вѣка; но мы не ожидали отъ него такого крупнаго труда, ка-

[1]) Высшая нормальная школа (école normale supérieure)—это нѣчто въ родѣ нашего прежняго педагогическаго института; ея спеціальность—подготовка преподавателей для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, но она дала Франціи много замѣчательныхъ писателей по самымъ различнымъ отраслямъ литературы (Тенъ, Прево-Парадоль, Абу, Сарсэ, Жюль Леметръ и др.).

[2]) Критическія статьи Брюнетьера изданы отдѣльно въ девяти томахъ, подъ разными названіями (Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française, Histoire et littérature, Le roman contemporain, Questions de critique, Nouvelles questions de critique). О нѣкоторыхъ изъ числа этихъ сборниковъ мы говорили въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1887 и № 11 за 1889 г.

кимъ является его послѣдняя книга. Онъ сразу поднялся на значительную высоту, и если ему удастся удержаться на ней въ слѣдующихъ частяхъ своей работы, его имя займетъ почетное мѣсто не только въ французской, но и въ общеевропейской литературѣ.

Въ введеніи, составляющемъ первую главу книги, Брюнетьеръ излагаетъ программу, которой онъ намѣренъ держаться. Онъ начинаетъ съ указанія на важность, пріобрѣтенную въ наше время понятіемъ объ *эволюціи*. Изъ области естествознанія она быстро проникла во всѣ науки. Говорятъ объ эволюціи брака, объ эволюціи нравственности или собственности; не пора ли заговорить и объ эволюціи въ литературѣ, въ искусствѣ, въ критикѣ [1])? Не эволюціей ли, напримѣръ, слѣдуетъ признать послѣдовательное развитіе живописи религіозной, миѳологической, исторической, портретной, жанровой, пейзажной—или романа эпическаго, романа приключеній, романа нравовъ? Если различные роды живописи или романа появляются одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ, то есть ли это дѣло случая или необходимости? Внѣшнею или внутреннею представляется связь, соединяющая, въ исторіи искусства, послѣдующее съ предъидущимъ? Можно ли утверждать, что позднѣйшему принадлежитъ здѣсь какое-либо преимущество надъ болѣе раннимъ? Существуютъ ли законы, управляющіе метаморфозами искусства? Прежде, чѣмъ остановиться на этихъ проблемахъ, Брюнетьеръ считаетъ нужнымъ набросать, въ главныхъ чертахъ, исторію критики, процессъ обращенія ея изъ безсвязной совокупности личныхъ впечатлѣній въ нѣчто все болѣе и болѣе приближающееся къ положительной наукѣ. Это составляетъ первую часть его труда, т.-е. именно ту, которая теперь лежитъ передъ нами. Вторая часть будетъ посвящена собственно „эволюціи“ литературныхъ жанровъ. Что̀ такое литературный жанръ: фикція, пустое слово, произвольная выдумка критики—или нѣчто реальное, живущее собственною жизнью, независимо отъ каприза писателей или художниковъ? Брюнетьеръ заранѣе объявляетъ, что онъ склоняется къ послѣднему мнѣнію. Жанры существуютъ, потому что они *должны существовать*, потому что различіе между ними соотвѣтствуетъ различію средствъ, которыми обладаетъ искусство, различію цѣлей, къ которымъ оно стремится, различію натуръ, къ которымъ оно обращается. Если литератур-

[1]) У насъ въ Россіи это давно уже сдѣлано профессоромъ Карѣевымъ, сочиненіе котораго: „Литературная эволюція на Западѣ“ вышло въ свѣтъ еще въ 1886 г. По содержанію своему, впрочемъ, оно имѣетъ мало общаго съ разбираемой книгой Брюнетьера.

ные жанры дѣйствительно существуютъ, то какъ совершается обособленіе ихъ изъ первобытной неопредѣленности, какъ происходитъ дифференціація, которая ихъ сначала раздѣляетъ, потомъ образуетъ характеристическія ихъ черты, наконецъ окончательно ихъ индивидуализируетъ? Брюнетьеръ усматриваетъ здѣсь полную аналогію между искусствомъ и природой. Въ первомъ, какъ и въ послѣдней, господствуетъ переходъ отъ единаго ко множественному, отъ простого къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному. Движеніе не исключаетъ, однако, извѣстную степень стойкости; однажды сложившись, литературные жанры *живутъ*, и эта жизнь имѣетъ начало, средину, конецъ, она можетъ быть пріурочена къ данной эпохѣ. Можно констатировать молодость жанра, можно констатировать его истощеніе, упадокъ, близость смерти. Должны быть и такіе признаки, по которымъ можно судить о его зрѣлости или совершенствѣ... Сумма неустойчивыхъ свойствъ (caractères instables) торжествуетъ, рано или поздно, надъ суммой свойствъ устойчивыхъ; сложное тѣло, рано или поздно, подвергается разложенію или распаденію. Отсюда необходимость изученія разлагающихъ вліяній, соединяемыхъ Брюнетьеромъ подъ общимъ именемъ *видоизмѣнителей* жанра. Сюда относятся условія расы, климата, географическаго положенія, соціальнаго устройства, историческаго развитія. Еще болѣе важную роль играетъ *индивидуальность*, т.-е. совокупность качествъ и недостатковъ, изъ которыхъ слагается сильная творческая личность. Она вноситъ въ искусство нѣчто новое, нѣчто такое, чего въ немъ не было бы безъ нея и что̀, благодаря ей, въ немъ остается. Видоизмѣненія приводятъ, наконецъ, къ полному преобразованію жанра, къ своеобразному естественному подбору; выживаетъ то, что̀ наиболѣе сильно и способно къ жизни. Итакъ, l'existence, la différenciation, la fixation, les modificateurs, la transformation des genres—вотъ пять главныхъ вопросовъ, которые будутъ поставлены во второй части сочиненія Брюнетьера. Изслѣдованію ихъ будетъ предпосланъ общій обзоръ доктрины эволюціи, въ особенности философскихъ ея источниковъ и предпосылокъ, недостаточно обращавшихъ на себя вниманіе естествоиспытателей. Брюнетьеръ намѣренъ показать, что̀ принадлежитъ въ этой доктринѣ самому Дарвину, что̀—его предшественникамъ (напр. Ламарку) или преемникамъ (напр. Герберту Спенсеру и Геккелю). Онъ хочетъ изучить возраженія, вызванныя доктриной, отпоръ, данный этимъ возраженіямъ, степень распространенія трансформизма, положеніе его въ настоящую минуту. Третья часть задуманнаго сочиненія должна заключать въ себѣ иллюстрацію положеній, установлен-

ныхъ во второй части. Исторія французской трагедіи послужитъ примѣромъ зарожденія, роста, усовершенствованія, упадка и смерти литературнаго жанра. Со времени первыхъ попытокъ Жоделля, трагедія долго колеблется между различными вліяніями и различными путями, постепенно выдѣляясь изъ смѣси, образуемой трагикомедіей, мелодрамой, героической комедіей, пасторальной трагедіей, и т. п. Между 1645 и 1675 г., подъ рукой двухъ геніальныхъ писателей, она достигаетъ высшей точки своего развитія. Уже въ „Федрѣ“ чувствуется близость упадка; въ трагедію вторгается лиризмъ; еще позже она усложняется декоративной пышностью, соприкасается съ оперой. Напрасно Вольтеръ старается вдохнуть въ нее новую жизнь; она теряетъ силу противодѣйствія, вмѣщаетъ въ себя все то, что̀ отбросила въ лучшій свой періодъ — и именно потому перестаетъ жить самостоятельною жизнью... Чтобы объяснить наглядно процессъ „трансформаціи“, перехода одного жанра въ другой, Брюнетьеръ намѣренъ показать, какимъ образомъ изъ духовнаго краснорѣчія временъ Людовика XIV возникаетъ лирическая поэзія XIX вѣка. Боссюэ, Бурдалу, Массильонъ—это три ступени, ведущія съ высотъ библейскаго здохновенія въ область діалектики и реторики. Послѣ Массильона наступаетъ молчаніе; въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія краснорѣчіе отсутствуетъ совершенно и появляется вновь, измѣнивъ и видъ, и характеръ, только въ сочиненіяхъ Ж. Ж. Руссо. Онъ возвращаетъ чувству и чувствительности попранныя ихъ права и опять вводитъ въ литературу личность писателя. Изъ этихъ двухъ элементовъ слагается романтизмъ Ламартина, Гюго, Виньи, и лирическая поэзія, разсматриваемая вблизи, оказывается аналогичной, даже тождественной (?!) краснорѣчію Боссюэ, послужившему отправной точкой изслѣдованія... Послѣдній примѣръ, намѣченный Брюнетьеромъ—это исторія французскаго романа; она должна бросить свѣтъ на образованіе одного жанра изъ обломковъ, оставшихся отъ многихъ другихъ. Въ рукахъ Лесажа и Мариво романъ обогащается на счетъ комедіи— комедіи характеровъ, комедіи нравовъ, комедіи интриги; аббатъ Прево и Ж. Ж. Руссо вводятъ въ него содержаніе трагедіи; madame де-Сталь и Ж. Зандъ расширяютъ его владѣнія, вторгаясь сначала въ область морали, потомъ въ сферу политики, соціологіи, религіи и живописи; Бальзакъ и Флоберъ приспособляютъ его ко всѣмъ настроеніямъ мысли, ко всѣмъ условіямъ жизни, ко всѣмъ требованіямъ пропаганды, дѣлаютъ его самымъ широкимъ, самымъ гибкимъ, самымъ подвижнымъ изъ всѣхъ жанровъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе поддающимся опредѣленію

и отграниченію... Въ четвертой части Брюнетьеръ предполагаетъ изложить общіе выводы, для него самого, въ моментъ приступа къ изслѣдованію, еще не совсѣмъ опредѣлившіеся; онъ только намекаетъ, что они будутъ касаться предмета и цѣли искусства, степени научности критическихъ теорій, классификаціи художественныхъ произведеній. Онъ знаетъ, что противъ главнаго орудія классификаціи—противъ *сравненія* авторовъ и произведеній—существуетъ сильное предубѣжденіе; но онъ отказывается понять, почему пріемъ, столь плодотворный въ анатоміи, въ физіологіи, въ филологіи, долженъ быть признанъ непримѣнимымъ къ литературѣ. Онъ напоминаетъ, что каждый шагъ впередъ въ естественныхъ наукахъ сопровождается перемѣной или прогрессомъ въ классификаціи. Изъ смутной и спутанной она становится систематическою (Линней), изъ систематической—естественною (Кювье), изъ естественной—генеалогическою (Дарвинъ, Геккель). Нѣчто подобное—въ этомъ убѣжденъ Брюнетьеръ—должно совершиться и по отношенію къ критикѣ.

Обращаясь къ исторіи французской критики, Брюнетьеръ замѣчаетъ, прежде всего, что нигдѣ критика не играла столь важной роли, какъ именно во Франціи. У другихъ народовъ были отдѣльные критики, но не было приведенныхъ въ систему критическихъ правилъ, не было непрерывной послѣдовательности критическихъ доктринъ, то поддерживающихъ, то смѣняющихъ одна другую. Не даромъ же роль критиковъ такъ часто брали на себя, во Франціи, сами поэты—Ронсаръ, Буало, Вольтеръ, Шатобріанъ, В. Гюго. Родилась, однако, критика не во Франціи, а въ Италіи, въ эпоху возрожденія. Очутившись лицомъ къ лицу съ великими произведеніями классической древности, люди этой эпохи почувствовали потребность разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, разсортировать свои богатства. Начинающаяся эманципація личности открыла широкій просторъ противоположнымъ взглядамъ, внесла необузданную горячность въ ихъ защиту. Поклоненіе любимому писателю сдѣлалось средствомъ проявить собственные вкусы, отразить все чуждое или враждебное собственной натурѣ. Отсюда сатирическая жесткость, отличающая первыхъ итальянскихъ критиковъ. Во Франціи эта черта является нѣсколько смягченной; но французская критика, слѣдуя за итальянской, сохраняетъ сначала тотъ же филологическій, нѣсколько педантскій характеръ. Дю-Беллэ (Du Bellay), въ своей „Défense ou illustration de la langue française“ (1550), старается доказать, что французскій языкъ не уступитъ, по достоинству, латинскому и греческому, лишь бы только онъ развивался по ихъ образу и подобію. Правда,

авторъ предостерегаетъ противъ „плоскаго подражанія" древнимъ, требуетъ претворенія ихъ „въ собственную плоть и кровь"; но эта метафора такъ и остается громкой фразой, потому что „обогащеніе" и „облагороженіе" французской рѣчи сводится дю-Беллэ къ заимствованію у грековъ и римлянъ, составляющихъ для него предметъ неразборчиваго коллективнаго поклоненія. Брюнетьеръ не особенно жалѣетъ о томъ, что увлеченіе древностью порвало связь съ древне-французской традиціей, съ традиціей Виллона и Маро; онъ признаетъ эту традицію исчерпанной, истощенной, умершей—но все-таки ему кажется, что дю-Беллэ, вмѣстѣ съ другими писателями „Плеяды", слишкомъ углубилъ пропасть, отдѣляющую литературу отъ народной жизни, и сообщилъ французскому классицизму оттѣнокъ чего-то книжнаго, разсчитаннаго, черезъ-чуръ искусственнаго... За порывомъ восторга, внушившимъ книгу дю-Беллэ, слѣдуетъ сводъ поучительныхъ примѣровъ, почерпнутыхъ изъ классической литературы. Это—„Поэтика" Скалигера, первое изданіе которой относится къ 1561 году. Вся греко-римская древность является здѣсь разрѣзанною на кусочки, формулированною въ опредѣленія. Что̀ такое трагедія? Что̀ такое комедія? Что̀ такое реторическая фигура? Что̀ такое метонимія или синекдоха? Кто выше: Плавтъ или Теренцій, Гомеръ или Виргилій? Отвѣтами на подобные вопросы переполнена вся книга Скалигера. Это—неблагодарная работа, но она должна была предшествовать дальнѣйшему движенію; она удовлетворяла одной изъ тогдашнихъ потребностей—потребности въ ясности и порядкѣ, въ созданіи точекъ опоры, съ помощью которыхъ удобнѣе было бы обозрѣвать все разнообразіе литературныхъ явленій. Скалигеръ, въ противоположность Ронсару, ставитъ латинскихъ писателей выше греческихъ—и много способствуетъ рѣшительному предпочтенію римской литературы, налагающему свою печать на большинство французскихъ писателей XVII и даже XVIII вѣка. Было ли это добромъ или зломъ—Брюнетьеръ рѣшить не берется. Онъ склоненъ думать, что латинскіе писатели—образцы, вообще говоря, болѣе здоровые (plus sains), чѣмъ греческіе; но онъ не можетъ не признать, что охлажденіе къ эллинизму повлекло за собою новое съуженіе французскаго классическаго идеала. Какъ бы то ни было, Аристотелевская поэтика начинаетъ уступать „Посланію къ Пизонамъ". „L'art poétique" Воклена (1605) носитъ на себѣ явные слѣды подражанія Горацію. Замѣченное у латинскихъ классиковъ возводится на степень правилъ или предписаній; на каждомъ шагу попадаются категорическіе императивы (l'ode aux dames et seigneurs par toi *soit* adressée... la brave

tragédie *ne doit* point avoir plus de cinq actes parfaits). Это стремленіе къ регламентаціи продолжается и во второмъ періодѣ исторіи французской критики (1605—1665), представителями котораго служатъ Малербъ, Шапленъ и Бальзакъ. Малербъ стремится къ очищенію французской рѣчи отъ словъ и оборотовъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ (испанскаго и итальянскаго) и мѣстныхъ діалектовъ. Онъ придаетъ громадную важность неуклонному соблюденію грамматики, правильной разстановкѣ словъ, богатству и благозвучности риѳмъ; онъ преслѣдуетъ гиперболы и аллегоріи, ставитъ выше всего логичность, мѣру, ясность, точность выраженій. Все это, по мнѣнію Брюнетьера, было законно и необходимо, во всемъ этомъ Малербъ является какъ бы предшественникомъ новѣйшихъ ригористовъ стихотворной формы, въ родѣ Теодора де-Банвилля; но вмѣстѣ съ тѣмъ Брюнетьеръ не можетъ не признать, что подъ вліяніемъ Малерба надолго изсякли источники лиризма. Способствовали этому, впрочемъ, и многія другія обстоятельства; къ торжеству разсудочности и порядка вела и философія Декарта, и политика Ришельё, и учрежденіе французской академіи. Законодателемъ въ области литературы не даромъ же становится, на нѣсколько десятилѣтій, авторъ „Дѣвственницы“—бездарный, но методичный Шапленъ. Не онъ первый нашелъ у Аристотеля и пустилъ въ оборотъ знаменитое правило „трехъ единствъ“, но онъ безспорно содѣйствовалъ его побѣдѣ. Его вѣра въ спасительную силу правилъ была безгранична; онъ былъ убѣжденъ, что знаніе и исполненіе ихъ — истинный источникъ поэтическаго творчества. Бальзакъ смѣется надъ грамматическимъ педантизмомъ Малерба, но это не мѣшаетъ ему съиграть въ исторіи французской прозы ту самую роль, какая принадлежитъ Малербу въ исторіи французской поэзіи. И тотъ, и другой—искусники литературнаго ремесла, мастера въ чеканкѣ слоговъ и словъ. Если Малербъ—по преимуществу *стихотворецъ*, то Бальзакъ—по преимуществу *риторъ*, и оба—учители слѣдующихъ поколѣній.

Въ началѣ второй половины XVII вѣка французской литературѣ угрожала съ одной стороны напыщенность и манерность, съ другой—грубый цинизмъ. Первая опасность надвигалась изъ Испаніи и Италіи, подражанія которымъ требовала мода; итальянцы (Марини, Бартоли) создали *прецiозность* (préciosité—отсюда précieux и précieuses, осмѣянные Мольеромъ), т.-е. искусственную утонченность, испанцы (Ледесма, Гонгора)—искусственную шумиху и трескотню словъ (emphase, amphigouri), замѣняющую дѣйствительный подъемъ мысли. Вторая опасность шла

со стороны запоздалыхъ поклонниковъ старой французской веселости, искавшихъ ее въ дешевомъ остроуміи и шутовскихъ выходкахъ (Скарронъ, Сентъ-Аманъ). Противъ обѣихъ опасностей выступилъ Буало, въ которомъ Брюнетьеръ видитъ типичнаго парижскаго буржуа—независимаго, искренняго до рѣзкости, самоувѣреннаго, немного узкаго, немного поверхностнаго, выше всего ставящаго опредѣленность и ясность. Вмѣстѣ съ двумя другими великими буржуа—Паскалемъ и Мольеромъ,—Буало объявляетъ войну недостаткамъ, проистекавшимъ, въ значительной степени, изъ салоннаго, аристократическаго характера литературы. Сначала, въ сатирахъ шестидесятыхъ годовъ, онъ ведетъ эту войну исключительно во имя своего личнаго мнѣнія, личнаго вкуса; но, съ увеличеніемъ числа враговъ и ожесточенности вражды, онъ чувствуетъ потребность въ болѣе прочныхъ точкахъ опоры. Въ своихъ „посланіяхъ“, въ своемъ „Art poétique“ (1670—85) онъ пытается не только формулировать правила, которыми руководствуется онъ самъ и должны руководствоваться другіе, но и создать для нихъ твердую почву, вывести ихъ изъ немногихъ основныхъ началъ, стоящихъ внѣ всякаго спора. Первое изъ этихъ началъ—*вѣрность природѣ*. Буало замѣчаетъ, что его противники вѣчно недовольны природой. Однимъ (напримѣръ Шаплену) она кажется недостаточно правильной и прямолинейной, другимъ (напримѣръ Вуатюру)—недостаточно разукрашенной и деликатной, третьимъ (напримѣръ Скаррону)—недостаточно шумной и крикливой. Отсюда реакція, вождемъ которой является Буало. Онъ проповѣдуетъ возвращеніе къ природѣ и къ правдѣ (que la nature donc soit notre étude unique... la nature plait sans étude et sans art... rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable). Но подражаніе природѣ — понятіе слишкомъ широкое, чтобы быть вполнѣ опредѣленнымъ. Вѣдь въ составъ природы входитъ и странное, и вычурное, и некрасивое, и даже уродливое —входитъ, однимъ словомъ, все то, къ чему были слишкомъ пристрастны противники Буало. Онъ выставляетъ, поэтому, второе, дополнительное положеніе: *авторитетъ* или *верховную власть разсудка*. Подражанія заслуживаетъ въ природѣ только то, что раціонально, логично, согласно съ общимъ ея планомъ. Отсюда запретъ на все исключительное, уродливое въ прямомъ или переносномъ смыслѣ слова. Устраняется, дальше, все частное, преходящее, случайное; изъ дѣйствительности берется преимущественно то, въ чемъ она всегда равна сама себѣ, т.-е. повсемѣстное, вѣчное, всеобщее. И самая правда, наконецъ, „можетъ иногда быть неправдоподобной“ (le vrai peut quelquefois

n'être pas vraisemblable); воспроизводить, поэтому, слѣдуетъ только всѣмъ понятное и доступное. Чтобы описать извѣстное чувство, мало испытать его самому; нужно еще, чтобы его испытывали многіе другіе. Предметомъ изображенія пускай служитъ не собственное *я* поэта, а коллективная личность его читателей; онъ долженъ говорить о нихъ, а не о самомъ себѣ. Природа и разсудокъ—на этихъ двухъ краеугольныхъ камняхъ зиждется все ученіе Буало. Почему, напримѣръ, нужно соблюдать правило трехъ единствъ? Потому что *неестественно* заключать въ трехъ- или четырехъ-часовой спектакль изображеніе дѣйствія, которое на самомъ дѣлѣ продолжалось бы нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ— и *неблагоразумно* разбрасывать, въ пространствѣ или во времени, сюжетъ, эффектность котораго прямо пропорціональна степени его концентраціи. Почему подлежитъ осужденію „преціозность" или претенціозность? Потому что *неестественно* дѣлать изъ слова средство къ затемненію мысли—и *неблагоразумно* говорить, чтобы не быть понятымъ. Какъ убѣдиться, однако, въ согласіи данныхъ правилъ съ разсудкомъ и природой? Критеріумомъ служитъ здѣсь для Буало *постоянство* правилъ—то постоянство, въ силу котораго прекрасное по мнѣнію древнихъ остается прекраснымъ и для XVII вѣка. Въ доктринѣ Буало поклоненіе древнимъ играетъ чрезвычайно важную роль именно потому, что древность даетъ ему масштабъ для измѣренія великаго и малаго. Устойчивостью произведеній доказывается ихъ превосходство — а это превосходство, въ свою очередь, приписывается незыблемости основъ древняго искусства: разсудка и природы. Заимствовавъ у древнихъ мѣрило красоты, Буало примѣняетъ его и къ самимъ древнимъ; оно даетъ ему смѣлость вознести Эврипида — надъ Сенекой, Виргилія—надъ Луканомъ. XVI вѣкъ падалъ ницъ передъ древностью вообще; въ XVII вѣкѣ, благодаря Буало, культъ древности уступаетъ мѣсто культу *великихъ* древнихъ.

Съ какой стороны зданіе, возведенное Буало, было всего болѣе открыто для нападенія? Его „натурализмъ" былъ нерѣшителенъ и боязливъ, но для тогдашняго времени онъ казался слишкомъ смѣлымъ; начало XVIII вѣка было новымъ расцвѣтомъ „преціозности", замѣтной не только у Мариво, но и у Массильона, даже у Монтескьё. Возстать противъ возвеличенія разсудка могли бы развѣ янсенисты, но они были почти всѣ личными друзьями Буало. Оставался только одинъ пунктъ, противъ котораго свободно могла быть поведена атака: это—поклоненіе древнимъ. И дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни Буало начинается знаменитый споръ между приверженцами древ-

няго и новаго („querelle des anciens et des modernes"). Во главѣ лагеря, враждебнаго Буало, стоятъ Перро и Фонтенелль. Уступая Буало по образованію и таланту, они превосходятъ его свободой мысли. Перро расширяетъ границы критики, постоянно заимствуя матеріалъ для сравненій изъ области другихъ искусствъ и отыскивая законы, общіе всѣмъ видамъ творческой дѣятельности. Онъ апеллируетъ не только къ спеціалистамъ, но и къ свѣтскимъ людямъ, къ женщинамъ, увеличивая, такимъ образомъ, разнообразіе критическихъ сужденій. Конечно, въ этихъ нововведеніяхъ было много обоюдоостраго. Къ литературѣ примѣнимо далеко не все выведенное изъ наблюденій надъ музыкой или живописью; сравнительный методъ легко можетъ привести къ опасному смѣшенію. Еще опаснѣе претензіи дилеттантовъ и профановъ; ихъ судъ, слишкомъ часто поверхностный и равнодушный къ вопросамъ формы, можетъ только дополнить, но отнюдь не замѣнить оцѣнку критиковъ и артистовъ. Перро, самъ нечуждый дилеттантизма, грѣшитъ именно тѣмъ, что придаетъ слишкомъ мало значенія художественной красотѣ литературныхъ произведеній; онъ рѣшается утверждать, что наиболѣе правильное мнѣніе о писателѣ можно составить себѣ на основаніи перевода, а не подлинника! Свѣтскіе люди и женщины, во Франціи, предпочитали Вуатюра—Корнелю, Кино—Мольеру и Расину, Ла-Мотта и Фонтенелля—Монтескьё и Вольтеру; о Паскалѣ и Боссюэ нечего и говорить,—они были недоступны для толпы уже въ силу самаго характера ихъ дѣятельности. Почему такіе писатели, какъ Мольеръ или Расинъ, не достигли высоты мысли, свойственной Гёте или Шекспиру? Почему имъ остались чужды вопросы, затронутые въ „Гамлетѣ" или „Фаустѣ"? Потому—отвѣчаетъ Брюнетьеръ,—что, желая нравиться женщинамъ и свѣтскимъ людямъ, они вступали въ сдѣлки съ модой, дѣлали уступки господствующему вкусу... Уменьшивъ, такимъ образомъ, до минимума значеніе пріобрѣтеній, сдѣланныхъ критикою благодаря походу противъ „древнихъ", Брюнетьеръ признаетъ, однако, что въ основаніи этого похода лежала смутно понятая идея прогресса, идея измѣнчивости литературныхъ жанровъ и литературныхъ правилъ, не оставшаяся безъ вліянія на самого Буало. Въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ, имѣющемъ форму письма къ Перро, упорный защитникъ древности соглашается съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современная ему литература выше классической. Онъ допускаетъ возможность движенія, но, въ противоположность Перро, не смѣшиваетъ его съ прогрессомъ. Обѣ спорившія стороны удалились, такимъ образомъ, отъ преж-

нихъ абсолютныхъ понятій, приблизились къ мысли объ относительности литературныхъ явленій. Остается, повидимому, только одинъ шагъ до рѣшительнаго разрыва съ классической традиціей; но XVIII вѣкъ приноситъ съ собою, наоборотъ, новое ея усиленіе. Вольтеръ сначала хочетъ, какъ будто бы, сбросить съ себя докучныя оковы. Въ очеркѣ эпической поэзіи, появившемся въ свѣтъ въ 1727 г. и составившемъ предисловіе къ „Генріадѣ", онъ протестуетъ противъ избытка „правилъ", часто безполезныхъ или фальшивыхъ, предостерегаетъ противъ подражанія древнимъ, слишкомъ, во многихъ отношеніяхъ, далекимъ отъ современной жизни. Онъ расширяетъ кругозоръ французскаго общества, знакомя его съ англійской литературой; къ Иліадѣ и Энеидѣ, какъ образцамъ эпоса, онъ присоединяетъ „Потерянный рай" Мильтона. Эта прогрессивная тенденція скоро, однако, уступаетъ мѣсто полнѣйшему застою; въ „Комментаріяхъ къ Корнелю" (1764) Вольтеръ стоитъ всецѣло на первоначальной точкѣ зрѣнія Буало. Объясняется это, съ одной стороны, тѣмъ, что сама Англія, во времена Вольтера, ставитъ Аддисона выше Шекспира, съ другой стороны—тѣмъ, что главная задача XVIII вѣка лежитъ внѣ области литературы. Его занимаютъ и волнуютъ задачи религіозныя, политическія, соціальныя; затрачивая на нихъ весь свой пылъ, онъ сначала (напримѣръ, въ лицѣ Бейля, этого критика по преимуществу) остается индифферентнымъ къ эстетическимъ вопросамъ, а потомъ является даже консерваторомъ въ эстетикѣ. Замѣчательно, что этотъ консерватизмъ обостряется и крѣпнетъ именно къ концу вѣка, по мѣрѣ приближенія революціи; среди всеобщей расшатанности ростетъ потребность сохранить хоть какую-нибудь твердую точку опоры. Въ это именно время классицизмъ вспыхиваетъ послѣднимъ, предсмертнымъ пламенемъ и торжествуетъ даже въ живописи, гдѣ школа Давида, вытѣсняя Грёза и Буше, подаетъ руку мастерамъ XVII вѣка. Въ критикѣ представителемъ классическихъ традицій служитъ Лагарпъ, котораго Брюнетьеръ беретъ, отчасти, подъ свою защиту. Не отрицая ни узкость и односторонность его взглядовъ, ни даже ограниченность его знаній, Брюнетьеръ ставитъ ему въ заслугу смѣлое предпріятіе, которому до тѣхъ поръ не было примѣра. Онъ первый задумалъ написать исторію литературы, какъ одного цѣлаго, какъ одной непрерывной послѣдовательности явленій.

Какою косностью литературныхъ вкусовъ ни отличался XVIII вѣкъ, онъ таилъ въ себѣ зачатки рѣшительнаго переворота. Дидро поднялъ знамя бунта противъ „правилъ", во имя большей вѣр-

ности природѣ. Онъ никого не увлекъ за собою, какъ потому, что его ученіе нигдѣ не было выражено съ достаточною опредѣленностью, такъ и потому, что крайне слабы были драмы (Le fils naturel, Le père de famille), написанныя имъ въ видѣ иллюстраціи къ его теоретическимъ взглядамъ. Не будучи явнымъ и прямымъ, его дѣйствіе на умы было, тѣмъ не менѣе, весьма глубоко: онъ распространилъ поклоненіе природѣ, подготовилъ почву для натурализма. Еще сильнѣе было вліяніе Руссо, противопоставившаго личное—общему, чувство—разсудку. Въ области критики эти сѣмена долго не давали всхода, по причинамъ, нами уже указаннымъ. Теоретики временъ революціи (Mари-Жозефъ Шенье) и имперіи (Лемерсье, Гара, Сюаръ, Жоффруа) были, бо̀льшею частью, завзятыми классиками,—но вмѣстѣ съ новымъ вѣкомъ появляется и новое направленіе, въ лицѣ *баронессы* де-Сталь и *виконта* де-Шатобріана. Брюнетьеръ нарочно подчеркиваетъ ихъ титулы; онъ полагаетъ, что аристократъ, при равенствѣ остальныхъ условій, имѣетъ передъ не-аристократомъ преимущество бо̀льшаго довѣрія къ самому себѣ, а слѣдовательно и болѣе свободнаго отношенія къ литературнымъ авторитетамъ, начиная съ древнихъ и кончая самыми недавними. Уже въ первомъ, по времени, сочиненіи madame де-Сталь (la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales) она вводитъ въ оборотъ такую существенно-важную идею, какъ зависимость литературы отъ политическихъ и религіозныхъ учрежденій, отъ національнаго характера, отъ прогресса въ области знанія и мысли. Она видитъ въ литературѣ *выраженіе общества*, показываетъ условность понятія о совершенствѣ, а слѣдовательно и правилъ, указывающихъ путь къ совершенству; она примѣняетъ къ критикѣ сравнительный методъ, опредѣляетъ роль германскаго элемента—въ Гёте, англійскаго—въ Шекспирѣ. Болѣе справедливая къ среднимъ вѣкамъ, чѣмъ философы и историки XVIII вѣка, она пролагаетъ дорогу для Шатобріана, который, въ „Духѣ христіанства", рѣшительно ставитъ христіанскій идеалъ, въ области искусства, на одинъ уровень съ античнымъ. Самъ Шатобріанъ говоритъ о себѣ, что онъ замѣнилъ безплодную критику недостатковъ плодотворною критикою красотъ. Въ этой формулѣ есть фактическая ошибка — красоты указывались критиками и до Шатобріана, есть и теоретическая невѣрность—плодотворной можетъ быть и критика недостатковъ. Всего вѣроятнѣе, что она была внушена Шатобріану манерою прежнихъ критиковъ, любившихъ сводить „недостатки" къ несоблюденію „правилъ". Другими словами, Шатобріанъ стремился

къ освобожденію искусства—отъ критической ферулы, и самой критики—отъ стѣснительныхъ преданій. Еще важнѣе, съ занимающей насъ точки зрѣнія, главное сочиненіе madame де-Сталь, „о Германіи“. Хорошій вкусъ, въ глазахъ Шатобріана, все-таки былъ, въ концѣ концовъ, вкусомъ латинскимъ, только усовершенствованнымъ и распространеннымъ; madame де-Сталь полагаетъ конецъ этому единодержавію, признавая, въ области вкуса, равноправность всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. „Французы,—говоритъ она,—расположены въ особенности къ классической поэзіи, подражательницѣ грековъ и римлянъ. Англичане любятъ романтическую поэзію и гордятся тѣмъ, что̀ достигнуто ими въ этомъ родѣ. Я не стану разбирать, какой поэзіи принадлежитъ первое мѣсто; мнѣ достаточно показать, что разница мнѣній по этому вопросу зависитъ не только отъ случайныхъ причинъ, но и отъ первыхъ источниковъ фантазіи и мысли“. Эти слова измѣняютъ самый предметъ критики. Литературныя произведенія будутъ разсматриваемы отнынѣ не сами по себѣ, отдѣльно отъ всего остальнаго, а въ связи съ породившими ихъ фазисами цивилизаціи. Въ лицѣ madame де-Сталь новое одержало, наконецъ, побѣду надъ древнимъ. И это вполнѣ естественно: женщины почти всегда нерасположены къ древности, можетъ быть потому, что она отводила имъ слишкомъ мало мѣста... Въ прямой связи съ взглядами madame де-Сталь состоитъ знаменитое предисловіе къ „Кромвеллю“. В. Гюго не высказалъ здѣсь ничего новаго; многое понято имъ даже не такъ ясно и вѣрно, какъ его даровитой предшественницей.

Все понимая, во всемъ находя источникъ удовольствія, madame де-Сталь рисковала обратить критику въ орудіе умственнаго эпикуреизма; останавливаясь только на прекрасномъ—т.-е. на томъ, что̀ ему кажется прекраснымъ, что̀ всего больше подходитъ къ его личнымъ вкусамъ,—Шатобріанъ рисковалъ водворить въ критикѣ господство индивидуализма. Дилеттанты, слѣдуя по стопамъ madame де-Сталь, могли забыть, что одна изъ задачъ крититики—*судить*, взвѣшивать произведенія, во имя общихъ, высшихъ принциповъ; индивидуалисты, увлекаясь Шатобріаномъ, могли упустить изъ виду, что впечатлѣнія различаются другъ отъ друга не только количественно, но и качественно, и, слѣдовательно, подлежатъ *классификаціи*. Чтобы предотвратить двойную опасность, нужно было найти новыя исходныя точки, новыя основы критики—и найти ихъ именно на тѣхъ путяхъ, которые были проложены madame де-Сталь и Шатобріаномъ. Это было сдѣлано въ концѣ двадцатыхъ годовъ, славной профессорской тріадой,

заслугамъ которой, въ послѣднее время, не всегда отдають должную справедливость. Кузена, Гизо и Виллымена часто упрекають въ пристрастіи къ обобщеніямъ, составляющимъ, наоборотъ, главную ихъ силу. „Общія идеи,—восклицаетъ Брюнетьеръ,—способствують движенію мысли, подобно тому, какъ, благодаря гипотезамъ, прогрессируетъ наука. Пускай онѣ будутъ преждевременны, произвольны, даже фальшивы; во всякомъ случаѣ онѣ вызывають противорѣчіе, наводятъ на новыя догадки, дають поводъ къ новымъ изслѣдованіямъ, поддерживають около великихъ проблемъ ту возбужденную работу мысли, которая составляетъ первое условіе открытій и прогресса. Изъять общія идеи изъ науки—значитъ лишить ее того, что служитъ ея закваской; изъять ихъ изъ преподаванія—значитъ идти въ разрѣзъ съ главною его цѣлью. Подростающимъ поколѣніямъ слѣдуетъ передавать не только пріобрѣтенное знаніе, но и все могущее вести его впередъ, увеличивать его сумму". Краснорѣчивые ораторы, занимавшіе, въ концѣ реставраціи, каѳедры въ Collège de France, были, хотя и не въ одинаковой степени, мыслителями, прямо или косвенно сослужившими великую службу французской критикѣ. Кузенъ и Гизо настаивали на тѣсной связи между всѣми сторонами цивилизаціи, всѣми отраслями умственной жизни, и этимъ самымъ расширяли, углубляли исторію литературы. Еще больше сдѣлалъ въ этомъ направленіи Виллыменъ. Не всегда точный, не всегда безпристрастный, несвободный отъ политическихъ предразсудковъ, слишкомъ еще близкій къ изображаемымъ событіямъ (главное сочиненіе Виллымена — очеркъ литературы XVIII вѣка), Виллыменъ выкупаетъ всѣ эти недостатки тѣмъ, что вводитъ въ критику элементъ біографическій, изучаетъ, вмѣстѣ съ произведеніями, и самихъ авторовъ, старается раскрыть взаимнодѣйствіе литературъ французской и иностранныхъ, соединяетъ разрозненныя явленія въ одну общую картину, ярко расцвѣченную и оживленную. Біографическія данныя, приводимыя Виллыменомъ, слишкомъ часто имѣютъ анекдотическій характеръ; въ его краснорѣчіи не мало реторики, въ его эрудиціи не мало пробѣловъ (Германію, напримѣръ, онъ знаетъ гораздо меньше, чѣмъ Англію); но литература, подъ его перомъ, является не гербаріемъ, въ которомъ разложены засушенные цвѣты, не могильнымъ склепомъ, въ которомъ разставлены гробы, а чѣмъ-то дышущимъ и движущимся— движущимся вмѣстѣ со всею своею обстановкой. Продолжателями Виллымена были Сенъ-Маркъ-Жирарденъ и Низаръ; но они ничего не прибавили къ его дѣлу и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ остались даже позади его. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ лишенъ вся-

кой оригинальности и слишкомъ много отводитъ мѣста буржуазной морали; Низаръ—тонкій эстетикъ и хорошій стилистъ, но односторонній поклонникъ классическихъ традицій, видящій въ исторіи французской литературы исключительно то, что̀ соотвѣтствуетъ предвзятой его идеѣ объ основныхъ свойствахъ французскаго духа.

Прежде, чѣмъ перейти къ Сентъ-Бёву, Брюнетьеръ отмѣчаетъ значеніе двухъ писателей, не занимавшихся спеціально критикой, но способствовавшихъ ея дальнѣйшему развитію. Это—Огюстенъ Тьерри, такъ много сдѣлавшій для выясненія этнографическихъ различій, и Мишле, освѣтившій новымъ свѣтомъ зависимость исторіи отъ естественныхъ условій, среди которыхъ живетъ и движется народъ. Не остались безъ вліянія на Сентъ-Бёва, сверхъ того, Форіель, какъ знатокъ самыхъ раннихъ фазисовъ литературы, Кабанисъ и Биша̀, какъ обновители физіологіи, нѣмецкіе философы, какъ носители идеи относительности знанія. Въ продолженіе своей долгой жизни Сентъ-Бёвъ соприкасался съ самыми различными сферами, ни къ одной всецѣло не примыкая; онъ прошелъ черезъ романтизмъ, былъ близокъ къ сенъ-симонизму, къ нео-католицизму Ламеннэ, къ протестантизму Винэ—и развилъ въ себѣ способность все понимать, ко всему приспособляться. Брюнетьеръ отказываетъ ему, однако, въ одномъ свойствѣ, обладателемъ котораго онъ самъ себя считалъ: въ безпристрастіи, въ объективномъ спокойствіи взгляда. Прежде чѣмъ быть критикомъ, Сентъ-Бёвъ испробовалъ свои силы въ исторіи, въ поэзіи, въ романѣ—и нигдѣ не имѣлъ настолько успѣха, чтобы смотрѣть безъ горечи на побѣдителей. Слишкомъ снисходительный къ второстепеннымъ талантамъ, онъ не былъ справедливъ ни по отношенію къ Ламартину, Гюго и Мюссэ, ни по отношенію къ Бальзаку... Въ дѣятельности Сентъ-Бёва Брюнетьеръ различаетъ нѣсколько періодовъ. Сначала, будучи сотрудникомъ „Globe“ и сеидомъ В. Гюго, онъ больше восхищается, чѣмъ разбираетъ, принадлежитъ больше романтизму, чѣмъ критикѣ. Позже, подъ вліяніемъ Виллымена, онъ начинаетъ обращать вниманіе на личность писателей, изучаетъ ихъ жизнь, ихъ физическій и душевный складъ, ихъ особенности и привычки; его критика принимаетъ характеръ физіологическій, но остается дилеттантской въ томъ смыслѣ, что онъ избѣгаетъ выводовъ, заключеній. Его главное сочиненіе—исторія Поръ-Рояля—даетъ ему недостававшую до тѣхъ поръ точку опоры. Изображая представителей янсенизма, онъ убѣждается въ громадномъ превосходствѣ Паскаля надъ всѣми остальными—и привыкаетъ сравнивать, взвѣшивать, *судить*, т.-е. испол-

нять высшее призваніе критики. Такимъ образомъ вооруженный, онъ достигаетъ, въ „Causeries du Lundi", апогея своего таланта. Его занимаетъ теперь, по его собственному выраженію, „естественная исторія умовъ". Существуетъ нѣсколько категорій умовъ, и онѣ образуютъ, вмѣстѣ взятыя, извѣстную іерархію. Чтобы установить ихъ признаки и границы, нужно дать себѣ отчетъ въ безконечно-разнообразныхъ чертахъ, обусловливающихъ и различіе, и сходство между отдѣльными фигурами. Настоящее положеніе критики напоминаетъ, съ этой точки зрѣнія, положеніе ботаники—до Жюссьё, сравнительной анатоміи—до Кювье. Она должна собирать факты, идти впередъ путемъ монографій, только предчувствуя тѣ обобщенія, для которыхъ ею, мало-по-малу, накопляются матеріалы. Во всѣхъ статьяхъ позднѣйшей эпохи Сентъ-Бёвъ твердо держится одного основного начала: онъ разсматриваетъ литературныя произведенія не только какъ *документы*, характеризующіе эпоху, но и какъ отраженія *личности*, индивидуальности автора,—и отказывается, именно поэтому, подводить ихъ подъ одинъ общій уровень. Движеніе человѣческаго духа—говоритъ Сентъ-Бёвъ—сравниваютъ съ рѣкою; это, до извѣстной степени, справедливо—но необходимо помнить, что въ данномъ случаѣ рѣка состоитъ изъ капель не однородныхъ, а весьма различныхъ *по качеству*. Эта оговорка прямо указываетъ на границу, дальше которой, по мнѣнію Сентъ-Бёва, не должно идти примѣненіе естественно-научныхъ методовъ къ критикѣ и литературѣ.

Слѣдующій шагъ, въ области критики, сдѣланъ Теномъ, задачу котораго облегчили, кромѣ Сентъ-Бёва, Эдмонъ Шереръ и Эрнестъ Ренанъ: первый—какъ посредникъ между французской литературой и литературами Германіи и Англіи, послѣдній—какъ толкователь расовыхъ особенностей и какъ популяризаторъ открытій, обнаружившихъ истинный характеръ Востока. Нельзя отрицать, что Тэнъ испыталъ на себѣ вліяніе нѣмецкой метафизики, французскаго позитивизма и англійскаго натурализма; но это отнюдь не умаляетъ его самостоятельности, какъ не противорѣчатъ ей и отрывочныя мысли о значеніи *среды* и *расы*, встрѣчающіяся, до него, у нѣкоторыхъ другихъ писателей [1]).

[1]) Весьма любопытно, съ этой точки зрѣнія, указаніе Брюнетьера на сочиненіе аббата Дюбо („Réflexions critiques sur la poésie et la peinture"), вышедшее въ свѣтъ въ 1719 г. и поставившее очень опредѣленно тезисъ о вліяніи физическихъ причинъ на искусство и литературу. Разсужденія Дюбо о значеніи климата появились тридцатью годами раньше „Духа Законовъ" Монтескьё, который, по словамъ Брюнетьера, несомнѣнно былъ кое-чѣмъ обязанъ своему мало извѣстному предшественнику.

Отличительная черта и главная заслуга Тэна—это его *конструктивная фантазія*, создавшая великолѣпный „дворецъ идей“, и создавшая его не изъ облаковъ, по примѣру великихъ метафизиковъ, а изъ научныхъ матеріаловъ. Предчувствія и догадки Сентъ-Бёва обратились у Тэна въ стройный методъ. Для Сентъ-Бёва „естественная исторія умовъ“ была, собственно говоря, только метафорой; Тэнъ понимаетъ это выраженіе буквально. Произведенія искусства — говоритъ онъ — нужно разсматривать какъ факты, какъ результаты извѣстныхъ причинъ; нужно только констатировать и объяснять ихъ, а не осуждать или миловать. Ботаника занимается, съ одинаковымъ интересомъ, то лавровымъ деревомъ, то березой; критика—это таже ботаника, только примѣненная къ произведеніямъ мысли. Между отдѣльными сторонами міросозерцанія, эпохи, цивилизаціи существуетъ такое же необходимое соотношеніе, какъ между частями живого организма. Подъ этотъ „законъ взаимной зависимости“ подходитъ, напримѣръ, внутренняя связь между поэзіей Данте, философіей Ѳомы Аквинскаго и готической архитектурой. Въ области художественнаго творчества, какъ и въ области естествознанія, всего важнѣе установить существенныя, главныя свойства изучаемаго предмета. Эти свойства измѣняются подъ вліяніемъ *расы*, *среды и момента*, къ изслѣдованію которыхъ и сводится, первоначально, критика Тэна. Нѣсколько позже онъ убѣждается въ неизбѣжности классификаціи, въ необходимости критерія, посредствомъ котораго можно было бы опредѣлить относительное достоинство художника и художественнаго произведенія. Къ степени важности характеровъ (dégré d'importance des caractères) онъ присоединяетъ, въ „Idéal dans l'art“, степень ихъ *благодѣтельности* (dégré de bienfaisance des caractères) и степень совпаденія эффектовъ (dégré de convergence des effets). Итакъ, самъ Тэнъ перестаетъ видѣть въ искусствѣ *только* коллекцію документовъ, служащихъ къ изученію человѣка, народа или эпохи; провозгласивъ относительность искусства, онъ опять вводитъ въ его область, подъ именемъ красоты, понятіе объ абсолютномъ. Онъ „судитъ“ и „милуетъ“, какъ и его предшественники... По мнѣнію Брюнетьера, Тэнъ преувеличиваетъ значеніе *расы*, въ меньшей степени—значеніе *среды*, и, наоборотъ, недостаточно оттѣняетъ значеніе *момента*. „Существеннымъ свойствамъ“ онъ придаетъ такую важность, какой они не имѣютъ даже въ естественной исторіи. Обѣщая возвратиться ко всѣмъ этимъ спорнымъ вопросамъ, Брюнетьеръ признаетъ, въ концѣ концовъ, громадную цѣнность труда, исполненнаго Тэномъ. Область критики расширена Тэномъ до чрезвычай-

ности. Прежде, во времена madame де-Сталь и Шатобріана, даже во времена Виллльмена, даже во времена Сентъ-Бёва, критику достаточно было обладать вкусомъ, знаніемъ свѣта, проницательнымъ умомъ и нѣкоторымъ талантомъ. Monsieur Taine a changé tout cela. Чтобы быть на высотѣ задачи, современный критикъ долженъ быть знакомъ не только съ французской литературой, но и съ иностранными; ему не должны быть чужды ни научные методы, ни техническіе пріемы, свойственные каждому искусству; ему нужна способность переноситься во всѣ времена, во всѣ страны, испытывать всѣ чувства—и потомъ отрѣшаться отъ нихъ, чтобы стать безпристрастнымъ судьею. Лучше всего критикъ долженъ знать самого себя, чтобы опредѣлить долю личнаго элемента въ впечатлѣніяхъ и мнѣніяхъ,—и затѣмъ возвыситься надъ нею, насколько это необходимо для приближенія къ истинѣ. Все это превосходитъ человѣческія силы,—но ко всему этому слѣдуетъ по возможности стремиться... Въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ своей книги Брюнетьеръ предполагаетъ отправиться отъ той точки, на которой остановился Тэнъ; онъ намѣренъ обращаться за помощью къ Дарвину и Геккелю, подобно тому, какъ Тэнъ обращался за нею къ Кювье и Жоффруа-Сентъ-Илеру.

Итакъ, зарождаясь на почвѣ изученія древности, французская критика, въ первомъ своемъ періодѣ, разыскиваетъ, анализируетъ, приводитъ въ порядокъ средства, которыми дѣйствуетъ искусство. Нѣсколько позже она возводитъ ихъ на степень „правилъ". Для правилъ, однажды установленныхъ, Буало ищетъ основанія въ разсудкѣ и въ природѣ. Защитники „Новыхъ" пытаются возстать противъ „Древнихъ", т.-е. противъ традицій, — но эта попытка, предпринятая безъ достаточнаго запаса силъ и не подкрѣпленная образцами художественнаго творчества, проходитъ почти безслѣдно; XVIII вѣкъ останавливается на формулахъ Буало. Шатобріанъ и madame де-Сталь возобновляютъ движеніе, подготовленное Дидро и Руссо; главнымъ орудіемъ его служитъ знакомство, еще неполное и поверхностное, съ давно прошедшими временами и съ иностранными литературами. Это знакомство становится болѣе глубокимъ, благодаря Виллльмену; появляется мысль о соотношеніи литературы съ обществомъ, съ учрежденіями и нравами. Сентъ-Бёвъ раскрываетъ соотношеніе произведенія съ авторомъ, проникаетъ въ область психологіи и физіологіи; Тэнъ обращается къ методамъ и пріемамъ естествознанія, — и если критика еще не сдѣлалась наукой, то, во всякомъ случаѣ, стремится стать ею. Такова схема развитія французской критики, начертанная Брюнетьеромъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что ему нечуждо, по меньшей

мѣрѣ, одно изъ свойствъ, которыхъ онъ требуетъ отъ идеальнаго критика: онъ знаетъ исторію главнѣйшихъ европейскихъ литературъ, какъ немногіе изъ современныхъ французскихъ писателей. Правда, отношеніе его къ чужому не всегда отличается полнымъ безпристрастіемъ. Онъ расположенъ, напримѣръ, умалять значеніе Лессинга; онъ говоритъ нѣсколько свысока о капитальномъ сочиненіи Брандеса (die Literatur des neunzehnten Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen), — но въ большинствѣ случаевъ онъ отдаетъ справедливость иностраннымъ писателямъ, даже нѣмецкимъ. Онъ указываетъ на книгу Геттнера (Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts), какъ на необходимое дополненіе къ Виллльмену; онъ жалѣетъ, что на французскомъ языкѣ нѣтъ такихъ основательныхъ трудовъ по эпохѣ Возрожденія, какъ сочиненія Буркгардта и Фойгта; ему извѣстна книга Брейтингера о трехъ единствахъ въ до-корнелевскую эпоху. Онъ признаетъ всю важность литературныхъ вліяній, испытанныхъ Франціей со стороны Германіи и Англіи; онъ думалъ даже одно время посвятить имъ особое изслѣдованіе. Что касается до другихъ условій, необходимыхъ для критика, то степень наличности ихъ въ самомъ Брюнетьерѣ обнаружится лишь въ дальнѣйшихъ частяхъ его работы, въ особенности во второмъ ея отдѣлѣ, задача котораго — примѣнить идею „эволюціи“ къ области литературы. Именно здѣсь Брюнетьеру предстоитъ показать, по силамъ ли ему, если можно такъ выразиться, эстетическая *утилизація трансформизма*, пересадка на литературную почву послѣднихъ пріобрѣтеній естествознанія. Воспользоваться ими въ исторіи критики Брюнетьеръ, очевидно, не нашелъ возможнымъ; въ содержаніи и изложеніи ея мало такого, что̀ давало бы ей характеръ введенія къ изслѣдованію объ эволюціи. Благопріятнымъ предзнаменованіемъ для дѣла, задуманнаго Брюнетьеромъ, она служитъ лишь настолько, насколько свидѣтельствуетъ объ умственной свободѣ автора. Исходя отъ поклонника классическихъ „традицій“, отъ защитника „правилъ“, хотя бы и видоизмѣненныхъ сообразно съ потребностями времени, попытка научнаго обоснованія литературныхъ метаморфозъ не имѣла бы никакихъ шансовъ успѣха. Брюнетьеръ, къ счастію для него, не находится болѣе подъ властью исключительныхъ симпатій, предвзятыхъ взглядовъ; XVII вѣкъ не ограничиваетъ больше его кругозора, теорія Буало—для него такой же überwundener Standpunkt, какъ и эстетика Скалигера или Малерба. Онъ готовъ войти на всѣхъ парусахъ въ океанъ смѣлыхъ научныхъ обобщеній—и позволительно ожидать, что плаваніе его не останется безплоднымъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что

нѣсколько узка выбранная имъ тема, что образованіе, видоизмѣненіе, превращеніе „литературныхъ жанровъ"—вопросъ по преимуществу формальный, второстепенный сравнительно со многими другими. Все зависитъ, однако, отъ постановки вопроса—а мы знаемъ, что она у Брюнетьера является весьма широкой. Въ рамку „эволюціи жанровъ" вдвигается предметъ и цѣль искусства, его постепенный ростъ, его зрѣлость и его упадокъ, его роль въ жизни общества и человѣка — однимъ словомъ, все то̀, что долго составляло предметъ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ и надъ чѣмъ только-что начинаетъ работать научная мысль.

К. Арсеньевъ.

ЧЕЛОВѢКЪ-АФИША.

Поэма Фр. Коппе [*]).

Лѣтъ десять передъ симъ, искуснѣйшій работникъ
Былъ дядя Элоа́, по ремеслу же плотникъ;
И онъ, хотя ему минуло шестьдесятъ,
Работы не бросалъ, и дѣло шло на ладъ:
На всѣхъ постройкахъ онъ извѣстенъ былъ недаромъ.
Но прошлой осенью онъ пораженъ ударомъ
Внезапно былъ, и тутъ онъ сразу одряхлѣлъ.
Съ чего бъ? Не пьяница онъ былъ и не бездѣльникъ,
И даже не справлялъ ни разу понедѣльникъ,
А вотъ стряслось,—и онъ остался не у дѣлъ—
Хромой, съ отнявшеюся лѣвой стороною.
И вслѣдъ за этою нежданною бѣдою,
Чтобъ только сохранить и уголъ, и кусокъ—
А скоро-ль справишься съ подобною задачей?—
Онъ радъ былъ сдѣлаться афишею ходячей.

Вы знаете его, не правда ли? И могъ
Изъ васъ на улицѣ его увидѣть каждый.
Сегодня встрѣтился съ бѣднягою я дважды.
Онъ двигался—межъ рамъ громадныхъ заключенъ

---

[1]) „L'Homme-Affiche"—новѣйшій способъ уличной рекламы, еще не достигшій до насъ: изготовляется изъ легкаго матеріала форма колокола или пирамиды, въ человѣческій ростъ, съ отверстіемъ наверху для пропуска головы; человѣкъ, вошедшій въ такую форму, облѣпленную афишами, приподнимаетъ ее на плечахъ и въ такомъ странномъ видѣ бродитъ по улицамъ и бульварамъ, невольно обращая на себя вниманіе проходящихъ.

Изъ грубаго холста, гдѣ былъ изображенъ
Малютка шляпочникъ, съ улыбкою нахальной
Глядящій въ публику, со шляпой колоссальной
Въ рукѣ, помѣченной: „семь франковъ, пятьдесятъ"...
Но—шутки въ сторону. На мой привычный взглядъ
Онъ жалокъ, со своей наружностью почтенной,
Съ какой ученики святыхъ обыкновенно
Рисуютъ; жалокъ онъ—новѣйшій Вѣчный Жидъ,
И грѣхъ надъ бѣднякомъ глумиться злополучнымъ.
Вѣдь онъ,—онъ, несмотря на свой почтенный видъ
И добрые глаза, животнымъ сдѣланъ вьючнымъ.

Онъ бѣденъ, немощенъ и старъ, а потому
Имѣетъ онъ втройнѣ права на уваженье
И самъ я никогда не въ силахъ былъ къ нему
Иначе отнестись, какъ съ чувствомъ сожалѣнья
Глубокаго,—къ нему, кто одаренъ душой,
Какъ люди прочіе, душой такой же самой,
И кто, навьюченный расписанной рекламой,
Что̀ такъ не вяжется съ сѣдою бородой—
Хромая, странствуетъ весь день по троттуарамъ.
И неудачникомъ интересуясь старымъ,
Прошедшею весной я свелъ знакомство съ нимъ.

Однажды вечеромъ я, проходя бульваромъ
Гренельскимъ, сумрачнымъ, отцвѣтшимъ и пустымъ,
Его увидѣлъ тамъ сидящимъ одиноко.
Должно быть, передъ тѣмъ, какъ побрести въ свою
Каморку на ночлегъ—присѣлъ онъ на скамью.
Замѣтивъ, что его жалѣю я глубоко,
Онъ вспыхнулъ и блеснулъ его потухшій взоръ...
Онъ деньги оттолкнулъ; но, тотчасъ разговоръ
Перемѣнивъ, успѣлъ я съ гордостью тревожной
Бѣдняги кое-какъ поладить:
—Съ коньякомъ
Хоть чашку кофе, да? Ужъ это, право, можно...
Вотъ кстати ресторанъ и съ садикомъ. Зайдемъ...

Сѣвъ подъ акаціей невзрачной ресторана,
Разговорились мы, и съ перваго стакана
Старикъ мнѣ выказалъ довѣріе. Уменъ
И честенъ, истинный Парижа сынъ, философъ,

Касавшійся порой общественныхъ вопросовъ,
Таковъ былъ Элоà, и вотъ какъ началъ онъ:

—Сказать по истинѣ—такъ не имѣемъ права
Мы, пролетаріи, на старость. Лучше, право,
Мнѣ было бъ, еслибъ я, свалившися съ лѣсовъ,
Убился дò смерти. Но вѣрно ужъ таковъ
Мой жребій, и притомъ я въ жизни не былъ пьянымъ.
На горе, старики живутъ съ упорствомъ страннымъ,
И ты, изъ-за куска, на всякій трудъ готовъ.
Обвѣшанъ массою гигантскихъ объявленій,
Гдѣ публикуется о рядѣ представленій
Заѣзжихъ клоуновъ, о новыхъ порошкахъ—
Брожу я безъ конца во всякую погоду
И къ вечеру едва держуся на ногахъ,
Какъ кляча, цѣлый день таскающая воду.
Зато—три франка въ день, притомъ же на харчахъ
Хозяйскихъ, и живешь, съ единственнымъ желаньемъ·
Скорѣе умереть, но все-таки гордясь,
Что не протягивалъ руки за подаяньемъ.

—Я жалуюся вамъ, а можетъ быть, сейчасъ
Подумаете вы, что участью своею
Довольный, безъ стыда я примиряюсь съ нею,
И мнѣ не так еще живется тяжело,
Какъ многимъ? Но когда причины, по которымъ
Противнымъ стало мнѣ такое ремесло,
Я выскажу, тогда... Заняться разговоромъ
Со мной хотѣли вы... Поговоримъ.
Такъ вотъ,
Когда я странствую, раздуміе беретъ
Ужасное меня о томъ, что бòльшей частью
Распространяю я безсовѣстную ложь,
Ведущую къ вреду и къ общему несчастью,
Что тѣмъ, которые обманутъ ни за грошъ
Довѣрье публики, я въ этомъ хоть невольно
Обязанъ помогать... Да, смѣйтеся! Но больно
Тому, кто честенъ самъ и въ томъ лишь виноватъ,
Что въ жизни испыталъ несчастій цѣлый рядъ—
Быть вывѣской живой воровъ и шарлатановъ.
Афиша! Гласность! Ахъ, все это—рядъ обмановъ,
Которые собой лишь губятъ бѣдняковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ ходилъ я съ объявленьемъ
Газеты, одного изъ уличныхъ листковъ,
Торгующей семь разъ въ недѣлю „обличеньемъ“
И гнѣвомъ пламеннымъ и льющей безъ конца
Ядъ злобы мелочной и зависти въ сердца
Предмѣстья жителей. Вы знаете, что̀ это?
Оппортюнистская, продажная газета,
Которая то льститъ народу, то надъ нимъ
Глумится, отъ однихъ переходя къ другимъ
Съ завидной легкостью. Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ,
Какъ подстрекательствомъ двусмысленно безчестнымъ
Подобные листки приносятъ страшный вредъ
Во дни коммуны,—да, теперь ужъ двадцать лѣтъ
Исполнилось тому,—мой сынъ,—онъ малымъ честнымъ
Былъ отъ рожденія, но съ пылкой головой,—
Увлекся до того газеткою такой,
Что вскорѣ получилъ и званіе сержанта
У инсургентовъ. Онъ захваченъ былъ и палъ
Подъ пулями, а тотъ, который подстрекалъ
Другихъ, остался цѣлъ, и этого же франта
Теперь и не узнать: въ сановники попалъ.
Проклятіе! Всегда, при каждой „уткѣ“ новой—
Серьезно или нѣтъ—но возбуждать готовой
Всѣ страсти худшія, я думаю съ тоской
И ужасомъ въ душѣ, толкаясь межъ толпой
Бульварною, съ моей афишею ужасной,
Что этотъ листъ ея, большой и яркокрасный,
Запачканъ весь въ крови ребенка моего!...

—Афиша!.. Чортъ возьми! Сплошное воровство!
Я знаю хорошо финансовыя штуки,
Я знаю, какъ дѣльцы нагрѣть готовы руки,
Мороча простаковъ! Громаднѣйшій процентъ
И обезпеченье, и крупный дивидендъ!
Все громкія слова: кредитъ, контора, касса,
На что̀ и ловится довѣрчивая масса,
Тужащая потомъ о скопленныхъ грошахъ.
Три мѣсяца назадъ вы помните ли крахъ
„Трансатлантической компаніи“? Скандальный,
Постыднѣйшій обманъ! А самъ банкротъ нахальный,
Повѣрите ль, его встрѣчаю я на дняхъ
Въ колясккѣ, въ обществѣ разряженной кокотки!

Все поглощаютъ ихъ прожорливыя глотки
И, право, для того, чтобъ на груди своей
И на спинѣ таскать въ теченьи цѣлыхъ дней
Наиглупѣйшія афиши съ именами
Воровъ,—для этого, скажу я между нами,
Быть надо бѣднякомъ и не имѣть угла!

Я ненавижу ихъ за то, что много зла
Мнѣ сдѣлали они, проклятые... Когда-то
Съ покойною моей Клемансъ почти богато
Мы зажили. Я самъ работалъ словно волъ,
Хозяйка же была большою мастерицей.
Сынка лишились мы, но дочери пошелъ
Шестнадцатый; она ходила ученицей
Къ цвѣточницѣ, и я, хоть не былъ богачемъ,
Но все же, сколотивъ пять тысячъ, ни о чемъ
Не безпокоился, считая, что въ сорочкѣ
Я родился. Тутъ все: приданое для дочки
И обезпеченье подъ старость. Вечеркомъ,
Усѣвшись при огнѣ, обзавестись домкомъ
Порой мечтали мы, желая сбереженья
Удвоить и смотря впередъ безъ опасенья.
Мы долго прятали билеты подъ футляръ
Старинный отъ часовъ. Но вышелъ циркуляръ
„Морского общества"—еще обманъ скандальный,
Которому успѣхъ сулили колоссальный,
И соблазнилася покойница!.. Увы,
Всего въ шесть мѣсяцевъ—какъ думаете вы?—
Все сплыло, до-чиста... Не вынесла бѣдняжка
И Богу душу отдала... Не даромъ тяжко
Бываетъ мнѣ, когда въ скитаніяхъ моихъ
Я долженъ помогать успѣху биржевыхъ
Мошенническихъ штукъ.
Но знаете, порою
Бывали случаи, когда казалось мнѣ
Такое ремесло ужаснѣе вдвойнѣ:
Во дни, когда ходилъ съ афишей я большою,
Изображающей танцовщицу, съ ногою
Высоко поднятой, съ улыбкой на губахъ
И съ объявленіемъ внизу о вечерахъ
Увеселительныхъ въ одномъ саду публичномъ.
Къ вамъ отношуся я съ довѣрьемъ необычнымъ

И вамъ довѣрю я несчастіе мое—
Стыдъ дочери. Вѣдь я оплакивалъ ее
Сильнѣе, чѣмъ ея скончавшагося брата:
Онъ умеръ, а она погибла безъ возврата.
Я, знаете, вдовѣлъ, а материнскій взоръ
Вѣдь нуженъ, чтобъ имѣть за дочкою надзоръ.
Притомъ же въ мастерской порядочныхъ немного,
Примѣры... И легко пойти дурной дорогой
Съ красивымъ личикомъ... Ее вчерашній день
Въ коляскѣ встрѣтилъ я, со шляпкой на бекрень
Надѣтою. Она въ Булонскій лѣсъ катила
И многихъ на себя вниманье обратила...
Ужасно! У меня, при мысли о садахъ
Публичныхъ, какъ „Эденъ“ и прочіе, въ глазахъ
Темнѣетъ и едва сдержаться я отъ стона
Могу! Въ одномъ изъ нихъ, быть можетъ, дочь моя,
И Боже праведный!—вѣдь созываю я
Самъ посѣтителей развратнаго притона!..

—Предъ вами душу я, какъ предъ духовникомъ,
Открылъ. Спасибо вамъ, спасибо за вниманье,
Съ какимъ вы слушали мое повѣствованье.
Да, еслибъ говорилъ богатый съ бѣднякомъ
Почаще, отъ него порой о многомъ слыша—
То легче бъ намъ жилось. Нѣтъ, денегъ не возьму
Я вашихъ ни за что, но человѣкъ-афиша,
Кѣмъ вы не брезгали, васъ проситъ, чтобъ ему
Пожали руку вы, и съ чувствомъ состраданья
Чтобъ сохранили вы о немъ воспоминанье...

Онъ удалился. Ночь, прозрачна и ясна,
Спустилась, и небесъ глубокихъ вышина
Блеснула звѣздами, а въ думы погруженный,
Я все еще сидѣлъ, разсказомъ потрясенъ
И полонъ жалости ко всѣмъ, кто угнетенъ
Себѣ подобными. Старикъ, всего лишенный
Безжалостно, кому пришлося перенесть,
Какъ брали у него кровь, золото и честь,
Онъ, показавшій мнѣ на этомъ объявленьи
Смерть сына, дочери позоръ и разоренье
Семьи своей, онъ знать желалъ бы, господа

Сенаторы, и вы, народа депутаты,
О благѣ общества кричащіе всегда—
Зачѣмъ страдаютъ тѣ, кто въ томъ не виноваты
И въ этомъ ли прогрессъ великій нашихъ дней?..

И словно для того, чтобъ мнѣ еще сильнѣй
Собой навѣять грусть—вонъ тамъ, изъ отдаленной
Казармы, въ тишинѣ послышался смягченный
И чистый звукъ рожка, игравшаго сигналъ
Къ зарѣ... И къ небесамъ, что чужды нашей муки,
Гдѣ въ яркой синевѣ созвѣздій рой сіялъ—
Неслися медленно тоскующіе звуки...

О. М—ва.

ОХРАНА
КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Окончаніе.

II *).

Въ нашихъ законахъ встрѣчается много хорошихъ правилъ, но не имѣющихъ и не могущихъ имѣть никакого практическаго примѣненія; таковы, напримѣръ, постановленія о томъ, что „запрещается всѣмъ и каждому пьянство", или что „всѣмъ и каждому вмѣняется въ обязанность жить въ незазорной любви, въ мирѣ и согласіи, другъ другу по достоинству воздавать почтеніе, послушнымъ быть кому надлежитъ по установленному порядку и стараться предупреждать недоразумѣнія, ссоры, споры и пренія, кои могутъ довести до огорченія и обидъ" (Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, ст. 185 и 250). Эта неопредѣленность и безпредметность добрыхъ пожеланій переносятся законодательствомъ въ область реальныхъ экономическихъ интересовъ и потребностей, для которыхъ нужны прежде всего точные и ясные законы. Тамъ, гдѣ необходимо краткое положительное правило, законъ теряется въ многорѣчивыхъ указаніяхъ и повтореніяхъ, дѣлаетъ на каждомъ шагу различныя уступки, оговорки и изъятія, вызываетъ на практикѣ массу недоумѣній, требующихъ новаго истолкованія и разъясненія, а самое существенное остается все-таки недосказаннымъ, вслѣдствіе чего хорошія намѣренія законодателя пропадаютъ совершенно безплодно для дѣйствительной жизни. Съ теченіемъ времени, когда обнаруживаются

*) См. выше: ноябрь, стр. 345 и слѣд.

неудобныя практическія послѣдствія этихъ неясностей и противорѣчій закона, возбуждается вопросъ объ изданіи новыхъ правилъ, въ дополненіе къ прежнимъ, и число законовъ увеличивается, безъ устраненія ихъ недостатковъ, а слѣдовательно, безъ замѣтной пользы для населенія.

Весьма поучительна въ этомъ отношеніи исторія законодательныхъ мѣръ для огражденія сельскаго хозяйства отъ разоренія въ случаяхъ долговыхъ и податныхъ взысканій. Французскій кодексъ, обыкновенно считаемый буржуазнымъ по преимуществу, постановляетъ категорически, что не могутъ быть арестованы ни за какіе долги, даже за долги государству (т.-е. за подати), земледѣльческія орудія, животныя, употребляемыя при обработкѣ земли, одна корова или три овцы или двѣ козы по выбору должника, съ соломой для подстилки и съ запасомъ корма на одинъ мѣсяцъ, сѣмена для посѣва, данныя арендаторамъ или половникамъ, и др., за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда взыскиваются суммы, должныя за эти именно предметы, или за доставленные съѣстные припасы, или за аренду земли, для воздѣлыванія которой служили арестуемыя орудія или животныя, или за наемъ квартиры, занимаемой лично должникомъ (Code de procédure civile, art. 592—3; Code civil, 524). Еще въ XVII вѣкѣ было установлено закономъ (1667 г.), что при арестѣ имущества и продажѣ его за долги оставляются должнику „одна корова, три овцы или двѣ козы, для пропитанія“, а также „лошади, волы и другой рабочій скотъ, плуги, телѣги и орудія, употребляемыя для обработки земли, даже по взысканіямъ королевской казны (même pour nos propres deniers), подъ страхомъ недѣйствительности сдѣланныхъ распоряженій, уплаты убытковъ, расходовъ и потерь, сверхъ штрафа въ пятьдесятъ ливровъ совмѣстно съ кредитора и сержанта“. Такимъ образомъ, продажа рабочаго скота и необходимыхъ принадлежностей хозяйства для покрытія недоимокъ въ податяхъ или для удовлетворенія по заемнымъ обязательствамъ безусловно не допускается по французскимъ законамъ, еще со временъ Людовика XIV. Мотивъ этихъ постановленій настолько ясенъ, что и формулировать ихъ было не трудно; дѣло идетъ о томъ, чтобы у должника или недоимщика не отнималась возможность поддерживать свою жизнь (pour aider à soutenir leur vie, какъ сказано въ законѣ 1667 года). Подобные мотивы имѣютъ своимъ источникомъ не только чувство человѣчности, но и простой фискальный разсчетъ, такъ какъ казна заинтересована въ сохраненіи плательщиковъ податей для будущаго; поэтому и правила такого рода возникаютъ при самыхъ

различныхъ государственныхъ условіяхъ и порядкахъ. Отъ французскаго закона немногимъ отличается, напр., сербскій законъ, по которому не подлежатъ аресту за долги—„плугъ, телѣга, два вола или двѣ лошади, топоръ, коса, и такое количество хлѣба, какое необходимо для должника, его семейства и скота до слѣдующей жатвы".

Принципъ, лежащій въ основѣ этихъ постановленій, много разъ возвѣщался въ нашихъ законахъ и авторитетныхъ судебныхъ толкованіяхъ; онъ разработывался у насъ подробнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и однако онъ до сихъ поръ не имѣетъ у насъ никакого практическаго значенія, ибо онъ никогда не былъ высказанъ у насъ въ той простой и категорической формѣ, въ которой только и достигалась бы предположенная цѣль. Начиная съ устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, изданнаго при графѣ Киселевѣ, наши законы постоянно повторяютъ, что при казенныхъ и частныхъ взысканіяхъ можно подвергнуть продажѣ только ту часть движимаго имущества и строеній крестьянина, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ; но что именно считать необходимымъ въ хозяйствѣ и какъ поступить въ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда никакого другого имущества, кромѣ самаго необходимаго, не оказывается у должника или недоимщика, объ этомъ не содержится никакихъ указаній въ законахъ. Въ упомянутомъ выше старомъ уставѣ, который превозносится теперь нѣкоторыми публицистами, какъ образецъ государственной мудрости, выражено, между прочимъ, слѣдующее правило: „рабочій и вообще домашній скотъ, *необходимый* для полевыхъ работъ и пропитанія, не можетъ быть обращенъ въ продажу, *если въ немъ нѣтъ явнаго излишества*" (ст. 391). Здѣсь допускается мысль объ излишествѣ того самаго рабочаго скота, который необходимъ для полевыхъ работъ и пропитанія, а такъ какъ о дѣйствительномъ и явномъ излишествѣ не можетъ быть рѣчи въ примѣненіи къ крестьянамъ-недоимщикамъ, то приходится заключить, что и необходимый скотъ можетъ быть признанъ излишнимъ для разстроеннаго и запутавшагося хозяйства. Мѣстнымъ властямъ, сельскимъ и административнымъ, предоставлено рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, нужна ли лошадь или корова недоимщику и не составляетъ ли она „явнаго излишества" для должника; на практикѣ этотъ вопросъ даже не ставится вовсе, ибо мѣстныя власти, сельскія и административныя, отвѣтственны лишь за неисправный сборъ податей, а не за разстройство въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Законодательство сдѣлало дальнѣйшій приготовительный шагъ

въ 1871 году: предписано было (или вѣрнѣе „предоставлено") особымъ мѣстнымъ присутствіямъ каждой губерніи составить проектъ правилъ о томъ, какое именно движимое имущество крестьянъ должно быть признаваемо за необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ и, слѣдовательно, за неподлежащее, по положеніямъ 19-го февраля 1861 года, продажѣ на уплату податей и сборовъ, выкупныхъ платежей, оброковъ и всѣхъ другихъ взысканій казенныхъ и частныхъ. Означенныя правила, приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ сельскаго хозяйства крестьянъ и ихъ промысловъ, должны быть утверждены министрами внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, затѣмъ будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ каждой губерніи и будутъ приниматься въ руководство при продажѣ крестьянскаго имущества за долги и недоимки. Такъ было постановлено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, 21-го декабря 1871 года. Изъ этого указа видно, что вопросъ о необходимыхъ принадлежностяхъ крестьянскаго хозяйства оффиціально признавался нерѣшеннымъ и требующимъ болѣе положительнаго точнаго опредѣленія, а пока послѣдняго не сдѣлано, законъ остается слишкомъ неопредѣленнымъ и не можетъ примѣняться на практикѣ, даже при полной добросовѣстности исполнителей. Законодатель и на этотъ разъ не далъ никакой, хотя бы самой общей или предварительной, формулы, въ ожиданіи подробныхъ инструкцій по губерніямъ. Прошло почти двадцать лѣтъ, и предположенныхъ правилъ составлено не было, такъ что до настоящаго времени не установлено еще оффиціально, можно ли продать послѣднюю лошадь или корову крестьянина за долги или нѣтъ.

Многократныя административныя и судебныя напоминанія о законѣ, который самимъ законодательствомъ признанъ недостаточнымъ и неяснымъ, могли имѣть только теоретическое значеніе. „Изъ имѣющихся въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи свѣденій обнаружилось,—читаемъ мы въ одномъ разъяснительномъ министерскомъ циркулярѣ 1875 года [1], — что при производствѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ часто продается самое необходимое въ ихъ хозяйствѣ имущество, причемъ бывали неоднократно примѣры продажи на покрытіе такихъ взысканій рѣшительно всего крестьянскаго имущества. Между тѣмъ, по смыслу 3-го примѣчанія къ 24-ой статьѣ общаго

[1] См. Положенія о сельскомъ состояніи, дополненныя всѣми позднѣйшими узаконеніями (по 1 сент. 1888 г.), съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшеній правит. сената, циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ и другихъ правительственныхъ распоряженій. Составилъ И. Даниловъ. Спб., 1889—90. Ч. I, стр. 28.

положенія о крестьянахъ, денежныя взысканія съ нихъ должны производиться примѣнительно къ правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 384—407 устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, согласно коимъ на пополненіе сихъ взысканій можетъ быть обращена только та часть принадлежащаго имъ движимаго имущества, которая, не разстраивая хозяйства и не останавливая земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, достаточна на удовлетвореніе взысканія, и затѣмъ освобождаются отъ продажи земледѣльческія орудія, сѣмена для засѣва, домашній и рабочій скотъ и т. п. Принимая во вниманіе, что вопросъ о значеніи приведенныхъ статей сельскаго судебнаго устава былъ уже разрѣшенъ опредѣленіемъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, состоявшимся 15-го декабря 1869 года и распубликованнымъ въ 1871 году указомъ 1-го департамента во всеобщее свѣденіе, министръ юстиціи, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, предложилъ кому слѣдуетъ предписать судебнымъ приставамъ руководствоваться вышеизложеннымъ, „впредь до изданія, во исполненіе Высочайше утвержденнаго 21-го декабря 1871 года мнѣнія государственнаго совѣта... особыхъ правилъ о томъ, какое именно движимое имущество крестьянъ должно быть признаваемо за необходимое въ ихъ хозяйствѣ и потому не подлежащее, на основаніи законоположеній 19-го февраля 1861 года, продажѣ по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ". — Очевидно, исполнителямъ судебныхъ рѣшеній оставалось только послѣдовать авторитетному указанію высшей власти и вмѣстѣ съ нею ожидать будущихъ особыхъ правилъ, долженствующихъ устранить противорѣчія и неясности законовъ. Надежда на изданіе этихъ правилъ была довольно слаба и, повидимому, совершенно оставлена въ 1878 году, когда сенатъ установилъ дѣйствующій нынѣ порядокъ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ. Достаточною гарантіею отъ разоренія хозяйства должниковъ признается уже участіе сельскаго старосты и волостного старшины при описи имущества судебнымъ приставомъ, а при взысканіи съ цѣлыхъ обществъ—контроль мѣстнаго крестьянскаго присутствія; но разумѣется само собою, что участіе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, обыкновенно неграмотныхъ и несвѣдущихъ въ законахъ, ни въ чемъ не стѣсняетъ взыскателей, а бумажный контроль крестьянскихъ уѣздныхъ присутствій, заваленныхъ всевозможными дѣлами, превращается неизбѣжно въ простую канцелярскую формальность, лишенную всякаго значенія. Ни сельскія и волостныя власти, ни мѣстныя крестьянскія присутствія

не могутъ брать на себя рѣшеніе неразрѣшимой задачи, поставленной закономъ,— найти въ имуществѣ задолжавшаго и неисправнаго крестьянина или сельскаго общества такія излишнія для хозяйства цѣнности, которыя при продажѣ съ публичнаго торга покрыли бы сполна недоимки по податнымъ и выкупнымъ платежамъ, а также по мірскимъ сборамъ, и оставили бы еще нѣкоторую сумму на удовлетвореніе частныхъ кредиторовъ. При этомъ возможенъ былъ выборъ двухъ путей: или не допускать никакихъ принудительныхъ продажъ, въ виду отсутствія у должниковъ-крестьянъ тѣхъ избытковъ, о которыхъ говоритъ законъ, или, напротивъ, продавать все безъ изъятія, согласно требованіямъ взыскателей, такъ какъ по этому предмету не существуетъ положительныхъ запрещеній или ограниченій. Несомнѣнно, что первый путь не предполагается и не одобряется закономъ, а второй —осуждается только въ принципѣ. Въ „крайнихъ случаяхъ", т.-е. относительно всѣхъ вообще недоимщиковъ и должниковъ, допускается и продажа послѣдней лошади или коровы, по усмотрѣнію мѣстныхъ исполнителей. И этотъ разорительный способъ взысканія примѣняется повсемѣстно и безпощадно, вопреки всему доброжелательному многорѣчію законовъ и оффиціальныхъ разъясненій ихъ. Очень многое сказано и разъяснено законами и сенатскими толкованіями по поводу огражденія крестьянскаго быта отъ насильственнаго разоренія судебными или полицейскими экзекуціями; нѣтъ только одной строчки, которая порѣшила бы всѣ недоумѣнія точнымъ указаніемъ главнѣйшихъ предметовъ, оставляемыхъ должнику, — въ родѣ краткаго французскаго правила, приведеннаго нами выше. Не было, въ сущности, никакой надобности ожидать разработки вопроса о необходимыхъ принадлежностяхъ хозяйства по отдѣльнымъ губерніямъ, когда дѣло идетъ о такихъ элементарныхъ необходимостяхъ, какъ послѣдняя лошадь или корова, плугъ, телѣга. Охрана самаго нужнаго отложена была на десятки лѣтъ ради полнаго изслѣдованія второстепенныхъ деталей, а затѣмъ преданы забвенію какъ это изслѣдованіе, такъ и первоначальное намѣреніе, послужившее для него мотивомъ. Въ результатѣ оказывается, что никакой дѣйствительной охраны не существуетъ и что принудительное разореніе хозяйства можетъ совершаться на законномъ основаніи. Въ противоположность французскому кодексу, законъ прямо разрѣшаетъ подвергать аресту и продажѣ, за неимѣніемъ другого имущества, „земледѣльческія орудія, машины, инструменты и всякаго рода снаряды, составляющіе хозяйство имѣнія; рабочій и домашній скотъ; запасы зерноваго хлѣба, сѣна, соломы и другихъ произ-

веденій земли, *необходимые* для наступающаго посѣва и содержанія людей и рабочаго скота въ имѣніи впредь до новаго урожая (уставъ гражд. судопр., ст. 974). Эта продажа „необходимаго“ сопровождается, по обыкновенію, смягчающею оговоркою о возможномъ избѣжаніи разстройства имѣнія (ст. 975), какъ будто могутъ когда-нибудь представиться случаи, когда рабочій скотъ и „необходимые“ запасы могутъ быть отняты у должника безъ разстройства его хозяйства. Даже самый терминъ, столь часто употребляемый закономъ,—„разстройство хозяйства“,—не имѣетъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и не поддается судебному опредѣленію. Потребовалась бы тщательная и сложная экспертиза для каждаго отдѣльнаго случая, чтобы выяснить, можно ли признать хозяйство разстроеннымъ и въ какой мѣрѣ; взыскатели могли бы, большею частью, ссылаться на то, что разстройство предшествовало судебнымъ мѣрамъ взысканія и не можетъ поэтому считаться ихъ результатомъ. На самомъ дѣлѣ, такія выраженія, какъ „разстройство“ или „необходимость“ въ хозяйствѣ, предназначены къ тому, чтобы остаться мертвою буквою, свидѣтельствующею лишь о неисполненныхъ хорошихъ намѣреніяхъ законодательства.

Многочисленныя, противорѣчивыя и неопредѣленныя указанія на огражденіе крестьянскихъ хозяйствъ отъ разоренія при судебныхъ и полицейскихъ экзекуціяхъ должны быть замѣнены, наконецъ, твердымъ и яснымъ положительнымъ закономъ, который не оставлялъ бы всего дѣла на усмотрѣніе исполнителей, заинтересованныхъ исключительно въ денежномъ успѣхѣ взысканій. Пока не закрыта возможность опираться на законъ при насильственной распродажѣ послѣдняго имущества крестьянина-должника, до тѣхъ поръ не сдѣлано даже перваго и элементарнѣйшаго шага къ охранѣ народнаго хозяйства отъ разорителей. Въ этомъ заключается неотложная и наилегче осуществимая реформа, которая могла бы потомъ получить дальнѣйшее развитіе посредствомъ болѣе широкаго и послѣдовательнаго примѣненія понятій о необходимыхъ принадлежностяхъ хозяйства. Если земледѣліе охраняется отъ принудительныхъ отчужденій, то охранѣ подлежитъ и землевладѣніе, служащее основою сельско-хозяйственной жизни и дѣятельности; съ этимъ логически связанъ принципъ неприкосновенности крестьянскихъ участковъ извѣстнаго размѣра при судебныхъ взысканіяхъ. Но, повторяемъ, прежде всего нужно усвоить то простое правило, которое установлено было французскимъ законодательствомъ еще въ 1667 году,—что налоги и платежи не должны ни въ какомъ случаѣ отнимать у плательщика

ковъ насущныя средства къ жизни и работѣ, „pour aider à soutenir leur vie“.

III.

На ряду съ измѣненіемъ способовъ податныхъ и долговыхъ взысканій, въ высшей степени важно измѣнить роль суда при разборѣ ростовщическихъ сдѣлокъ, хотя бы облеченныхъ въ формальные документы, какъ это принято, напр., въ Германіи и Австро-Венгріи.

Особенныя свойства ростовщичества, въ отличіе отъ обыкновенныхъ кредитныхъ операцій, прекрасно разобраны въ извѣстной книжкѣ покойнаго Лоренца Штейна, вышедшей въ 1880 году, когда не закончилось еще горячее обсужденіе этого вопроса въ германскомъ парламентѣ и въ нѣмецкой печати [1]). Взиманіе высокихъ процентовъ по займамъ смѣшивалось, большею частью, съ ростовщичествомъ, а свобода процента—съ дозволеніемъ ростовщическихъ сдѣлокъ; поэтому, съ одной стороны, повсюду отмѣнены законы о ростѣ, а съ другой—повсюду чувствовалась необходимость законовъ противъ ростовщичества. Въ этомъ заключалось, какъ говоритъ Штейнъ, смѣшеніе разныхъ категорій фактовъ и понятій. Многіе возражали противъ законовъ о ростовщичествѣ только потому, что смѣшивали эти мѣры съ ограниченіемъ размѣра процентовъ, тогда какъ въ дѣйствительности между обоими разрядами явленій существуетъ коренное различіе. Дѣло вовсе не въ высотѣ процента, а въ самой природѣ обязательствъ, въ способѣ увеличенія номинальныхъ долговъ и въ искусственномъ подготовленіи полной неоплатности ихъ, для перевода всего имущества и заработка должника въ руки кредитора. Самъ по себѣ высокій размѣръ процента можетъ быть вполнѣ законнымъ и справедливымъ; онъ можетъ съ избыткомъ покрываться производительностью занятаго капитала, употребленнаго удачно, тогда какъ и низкій процентъ часто не окупается доходомъ и ведетъ къ разоренію при неудачномъ употребленіи денегъ. Такъ какъ заимодавецъ не участвуетъ въ выгодахъ предпріятія, превышающихъ размѣръ законнаго процента, то нѣтъ основанія заставить его участвовать и въ потеряхъ. Если бы процентъ зависѣлъ отъ доходности, то это былъ бы не заемъ, а договоръ товарищества. Высокій процентъ, при неувѣренности въ сохраненіи и возвратѣ капитала, есть не что иное, какъ страховая премія, имѣющая

---

[1]) Der Wucher und sein Recht, von Prof. Dr. Lorenz v. Stein, Wien, 1880.

цѣлью возмѣстить возможную потерю ссуды; чѣмъ вѣрнѣе помѣщенъ капиталъ, тѣмъ ниже процентъ, и обратно. Въ страховыхъ сдѣлкахъ одинъ переплачиваетъ, а другой получаетъ излишекъ; кто достаетъ деньги за 20%, а имѣетъ прибыль въ 200%, находится въ такомъ же положеніи, какъ лицо, застраховавшее корабль со взносомъ небольшой суммы и получающее затѣмъ всю денежную стоимость корабля въ случаѣ его гибели. Для того, чтобы размѣръ страховой преміи могъ быть ниже, нужно, какъ объясняетъ далѣе Штейнъ, перенести рискъ на возможно большее число лицъ, т.-е. нужно веденіе такихъ дѣлъ въ видѣ промысла съ обширнымъ кругомъ кліентовъ; наибольшая величина роста будетъ при маломъ количествѣ сдѣлокъ, такъ что организація заемныхъ операцій въ видѣ самостоятельной и крупной отрасли предпріимчивости является лучшимъ оплотомъ противъ ростовщичества. Нѣтъ нормы для процента, какъ нѣтъ нормы для степени опасности и риска займа.

Вопросъ о ростовщичествѣ, по мнѣнію Штейна, не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о высотѣ процента. Обѣщаніе уплаты должно предполагать дѣйствительный долгъ; требованіе кредитора должно имѣть за собою соотвѣтственную матеріальную основу (causa debendi). Въ векселѣ отдѣляется уже долгъ отъ займа, дѣйствіе—отъ причины; основаніе долга не должно быть доказываемо, какъ это и требуется интересами торговли. Съ распространеніемъ вексельнаго права между другими классами населенія, стало возможнымъ по формальному праву тò, что не можетъ имѣть мѣста по хозяйственнымъ условіямъ: образованіе долга безъ займа. Дѣйствительное полученіе денегъ по займу становится лишь номинальнымъ, и простое обѣщаніе уплаты получило такое же юридическое значеніе и дѣйствіе, какъ и дѣйствительный заемъ. Ссуда денегъ, хотя бы за большіе проценты, съ увеличеніемъ суммы долга при неуплатѣ въ срокъ, но съ назначеніемъ такихъ условій и сроковъ, которые соотвѣтствуютъ производительности труда должника, не будетъ еще ростовщичествомъ. Должникъ имѣетъ еще возможность расплатиться и стать свободнымъ. Но когда дѣло устроивается такъ, чтобы превратить временное хозяйственное разстройство въ постоянное положеніе неоплатности и перевести всѣ заработки и все имущество въ руки кредитора, посредствомъ умышленнаго назначенія неудобныхъ сроковъ уплаты, условій о крупныхъ неустойкахъ и т. п., тогда уже имѣются на-лицо признаки ростовщичества. Ростовщическою слѣдуетъ признать такую „кредитную сдѣлку, при которой нужда и нехозяйственность должника намѣренно

утилизируются, чтобы вызвать долговое обязательство, не соотвѣтствующее ссудѣ и дающее право на имущество и доходы должника, независимо отъ взаимныхъ услугъ кредитора".

Формальное право, — продолжаетъ Штейнъ, — находится при этомъ въ полномъ противорѣчіи съ житейскимъ понятіемъ о правѣ. Пока должникъ обязывается даже преувеличенными уплатами для полученія наличныхъ денегъ, подъ вліяніемъ нужды, безъ искусственныхъ мѣръ со стороны заимодавца, до тѣхъ поръ ростовщичество относится еще къ области гражданскаго права; но когда невозможность платить въ извѣстные сроки и исполнить принятыя обязательства составляетъ именно цѣль ростовщика, когда послѣдній завлекаетъ и запутываетъ должника, пользуясь его нехозяйственностью, слабостью и непониманіемъ, — ростовщичество дѣлается уже преступленіемъ и подлежитъ дѣйствію уголовныхъ законовъ. Если должникъ не можетъ уплатить все сполна въ условленный срокъ (что̀ именно и имѣется въ виду ростовщикомъ), то для отсрочки и избѣжанія судебной экзекуціи должникъ вынуждается увеличить сумму обязательства, и это повторяется при наступленіи дальнѣйшихъ сроковъ, такъ что частныя уплаты и даже полное погашеніе долга разновременными взносами не уменьшаютъ должной суммы; такимъ образомъ, дѣйствительный долгъ вполнѣ погашается взносами процентовъ и срочными уплатами, а затѣмъ заимодавецъ имѣетъ уже, сверхъ того, свободный доходъ въ теченіе неопредѣленнаго времени. Проценты поглощаютъ весь заработокъ должника, а номинальная цифра долга не только остается, но возростаетъ съ наступленіемъ каждаго срока; это чистый доходъ ростовщика, на счетъ труда и лишеній его жертвъ. Продажа всего имущества должника съ публичнаго торга является послѣднимъ актомъ тяжелой и продолжительной драмы, которая почти всегда и вездѣ имѣетъ одинаковый ходъ.

Образъ дѣйствій ростовщиковъ въ разныхъ странахъ представляетъ поразительное сходство, не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ; повсюду примѣняется одна и та же система обиранія и разоренія должниковъ, съ заключительною судебною экзекуціею. То, что̀ сообщалось о ростовщичествѣ въ Эльзасѣ, въ 1850 году, при изданіи закона по этому предмету, вполнѣ совпадаетъ съ свѣденіями, собранными въ новѣйшее время въ разныхъ мѣстахъ Германіи, а эти свѣденія замѣчательно похожи на факты, сообщаемые о дѣятельности нашихъ Халуевыхъ и Дуевыхъ; даже невозвращеніе оплаченнаго векселя подъ разными предлогами практикуется у нѣмецкихъ ростовщиковъ, хотя вторичныя взысканія по такимъ документамъ случаются гораздо

рѣже, чѣмъ у насъ. Должники, особенно сельскіе, вездѣ обнаруживаютъ довѣрчивость и невѣжество; въ заключеніи сдѣлокъ играютъ большую роль обычные крестьянскіе клубы—трактиры и кабаки; сами обираемые скрываютъ свои долги отъ постороннихъ, часто считаютъ кредиторовъ своими пріятелями и благодѣтелями, боятся ихъ на судѣ и признаютъ ихъ преувеличенныя требованія, разсчитывая до послѣдней минуты на ихъ великодушіе и справедливость [1]. Ростовщичество быстро распространяется по селамъ, „подъ охраною закона, разсматривающаго каждое долговое обязательство, какъ дѣйствительный долгъ". Такой порядокъ вещей, по мнѣнію Штейна, оказываетъ громадное вліяніе на элементарныя основы всей народной жизни и вноситъ нравственную порчу въ бытъ крестьянства и мелкихъ землевладѣльцевъ. Ростовщичество дѣлается „великою общественною опасностью", къ которой нельзя уже относиться равнодушно; „стоитъ только примкнуть къ тому взгляду, что оно есть обычное и неизбѣжное зло, связанное съ полною свободою экономическаго оборота, и новые бѣлые рабы, съ ихъ доходами и имуществами, будутъ скоро разсматриваться, какъ простыя юридическія понятія не только по формальному праву, но и по общественнымъ нравамъ, и своею гибелью повлекутъ за собою въ пропасть и самый народъ". Главные аргументы противъ свободы ростовщичества Штейнъ находитъ въ понятіяхъ и формулахъ римскаго права; теоретическая юриспруденція даетъ достаточно сильное оружіе противъ чрезмѣрнаго подчиненія формѣ въ ущербъ реальному содержанію и характеру долговыхъ сдѣлокъ. Штейнъ особенно настаивалъ на принципіальномъ различіи между высокимъ процентомъ и ростовщичествомъ. „Высокій процентъ есть дорогое, можетъ быть, слишкомъ дорогое лекарство для хозяйственно-больного; ростовщичество же есть гіена на хозяйственномъ полѣ битвы, и тогда какъ о справедливости перваго спорили, пока существуетъ исторія, всякое лучшее чувство съ глубокимъ отвращеніемъ отворачивается отъ предпріятій, наносящихъ больному смертельный ударъ, чтобы подѣлить между собою его трупъ". Въ числѣ обычныхъ признаковъ наказуемаго ростовщичества въ земледѣліи Лоренцъ Штейнъ упоминаетъ о долгахъ трактирныхъ и кабацкихъ, о полученіи уплатъ натурою, въ виду вѣроятности чрезмѣрно низкой оцѣнки продуктовъ, и о продажѣ хлѣба на корню; въ послѣднемъ случаѣ провѣрка должна бы

[1]) Der Wucher auf dem Lande. Lpz., 1887, стр. 51 и сл., 133—4, 152—4, 193 и сл., 268 и др.; ср. также Dr. Eugen Jäger, Die Agrarfrage der Gegenwart, II Absch. (Berlin, 1884), стр. 146—9 и др.

быть обязательна для властей. При судебномъ взысканіи необходимо, по мнѣнію Штейна, изслѣдовать происхожденіе долга и опредѣлить дѣйствительную величину должной суммы, хотя бы долгъ былъ вексельный или ипотечный. При продажѣ имущества должника съ публичнаго торга реальные кредиторы могутъ требовать провѣрки обязательствъ ростовщическихъ, такъ какъ самъ должникъ не имѣлъ права заключать сдѣлки въ ущербъ дѣйствительнымъ кредиторамъ; обезпеченіе долга залогомъ, запрещеніемъ и секвестромъ вещей ранѣе назначенія конкурса не должно быть допускаемо, и сумма, полученная посредствомъ продажи этого арестованнаго имущества, поступаетъ въ общую массу для удовлетворенія кредиторовъ по соразмѣрности [1]).

Приведенные взгляды Лоренца Штейна по вопросу о ростовщичествѣ могутъ быть признаны господствующими въ настоящее время въ литературѣ и практикѣ западно-европейскихъ государствъ. Прежнее смѣшеніе свободы процента съ дозволеніемъ ростовщичества нигдѣ и никѣмъ не поддерживается серьезно; законы перестали вмѣшиваться въ опредѣленіе нормы процента, но ростовщичество подвергается законодательнымъ ограниченіямъ и преслѣдованіямъ. Въ Германіи введена была полная свобода процентныхъ сдѣлокъ въ 1867 году, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1868 году, въ Австріи; но не прошло и десяти лѣтъ, какъ вопросъ о спеціальныхъ мѣрахъ противъ ростовщичества выдвинутъ былъ вновь самою жизнью. Въ 1877 году изданъ былъ особый законъ для Галиціи и Буковины; тремя годами позже приняты въ Германіи дополнительныя постановленія къ уголовному кодексу, практическое дѣйствіе которыхъ признается вообще благотворнымъ [2]).

Нѣмецкій законъ 24-го мая 1880 года, изложенный въ трехъ параграфахъ, содержитъ въ себѣ слѣдующія главныя правила, которыя мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь почти цѣликомъ, съ приблизительною точностью. „Кто, пользуясь нуждою, легкомысліемъ или неопытностью другого лица, выговоритъ себѣ при займѣ или при отсрочкѣ денежнаго требованія имущественныя выгоды, которыя настолько превышаютъ обычный размѣръ процента, что при данныхъ обстоятельствахъ эти выгоды находятся въ явномъ несоотвѣтствіи съ оказанной услугою, наказывается за ростовщичество заключеніемъ въ тюрьму до шести мѣсяцевъ и, сверхъ того, денежнымъ штрафомъ до трехъ тысячъ марокъ. Кто выговоритъ себѣ или другому лицу ростовщическія выгоды

[1]) L. v. Stein, тамъ же, стр. 114—120, 160—180 и др.

[2]) См. выше: октябрь, стр. 784—5.

въ замаскированномъ видѣ, по векселю или на честное слово, подъ присягою или другими подобными увѣреніями и обѣщаніями, наказывается тюрьмою до одного года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, денежнымъ штрафомъ до шести тысячъ марокъ. Такія же наказанія назначаются тому, кто пріобрѣтаетъ или передаетъ въ другія руки подобныя обязательства, зная ихъ сущность, или способствуетъ осуществленію ростовщическихъ условій. Кто занимается ростовщичествомъ, какъ промысломъ, можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ и вмѣстѣ денежному взысканію отъ 150 до пятнадцати тысячъ марокъ. Договоры, нарушающіе эти предписанія, недѣйствительны. Всѣ имущественныя выгоды, доставленныя должникомъ или за него, должны быть потребованы обратно, съ процентами со дня полученія ихъ ростовщикомъ. За это солидарно отвѣчаютъ виновные въ ростовщичествѣ. Право обратнаго требованія сдѣланныхъ взносовъ подлежитъ дѣйствію пятилѣтней давности со дня уплаты. Заимодавецъ въ правѣ требовать возвращенія данныхъ имъ денегъ по недѣйствительному договору; это право обезпечивается назначенною гарантіею условленнаго требованія" [1]). Такимъ образомъ, законъ преслѣдуетъ только извѣстнаго рода денежныя операціи и касается только заемныхъ обязательствъ, оставляя безъ вниманія остальныя кредитныя сдѣлки, могущія также имѣть несомнѣнно ростовщическій характеръ; вслѣдствіе этого во многихъ мѣстностяхъ Германіи ростовщичество направилось преимущественно на сдѣлки относительно скота и земли.

Постановленія, подобныя нѣмецкимъ, изданы также въ Австріи и въ Венгріи. Австрійскій законъ 1881 года назначаетъ строгія карательныя мѣры за эксплуатацію легковѣрія, непониманія и нужды должниковъ. По венгерскому закону 1883 года, ростовщическія дѣйствія наказываются тюрьмою до двухъ лѣтъ и денежнымъ штрафомъ до четырехъ тысячъ гульденовъ. Въ этомъ законѣ особенно точно и подробно установлены границы обязательственныхъ отношеній, пользующихся судебною защитою; заимодавецъ не можетъ требовать и судъ не можетъ присудить взысканіе процентовъ свыше 8%; условіе, признанное судомъ ростовщическимъ, уничтожается, а право кредитора опредѣляется суммою, дѣйствительно выданною имъ, съ присоединеніемъ 6%; должнику же засчитываются всѣ взносы и платежи, сдѣланные имъ по этому обязательству. Судъ не стѣсняется общими пра-

---

[1]) Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik, 1880, Bd. I, стр. 140—161 и 366—385: Die Wuchergesetzgebung in Deutschland etc., von Dr. K. v. Lilienthal.

вилами о доказательствахъ при разсмотрѣніи дѣлъ о ростовщичествѣ. Требованія объ уплатѣ долга за крѣпкіе напитки, забранные въ питейномъ заведеніи, подлежатъ особымъ ограниченіямъ; судъ можетъ освободить должника отъ платежа части долга, и цѣна исковъ такого рода не должна превышать извѣстнаго максимума (8 фл.); новый долгъ, сдѣланный до погашенія стараго, признается недѣйствительнымъ; не допускаются также залоги и поручительства въ обезпеченіе долговъ въ питейныхъ заведеніяхъ. За обходъ закона при помощи фиктивныхъ актовъ назначается тюремное заключеніе до одного мѣсяца и денежное взысканіе до трехсотъ флориновъ [1]).

Но наиболѣе полно и основательно организована защита интересовъ должниковъ-земледѣльцевъ по закону 1879 года для значительной части британской Остъ-Индіи. При разсмотрѣніи долговыхъ требованій, если цифра ихъ оспаривается и если признаніе ихъ должникомъ вызываетъ какія-либо сомнѣнія, судъ изслѣдуетъ происхожденіе и основаніе долга, начиная съ первыхъ счетовъ между сторонами, чтобы прежде всего опредѣлить, не было ли въ данномъ дѣлѣ обмана, ошибки, несчастнаго случая или незаконнаго воздѣйствія, и затѣмъ дѣлается подробный разсчетъ должныхъ суммъ, независимо отъ какихъ-либо соглашеній и обязательствъ между сторонами. Капиталъ опредѣляется отдѣльно отъ счета процентовъ; къ капитальному долгу причисляются тѣ деньги, которыя должникъ дѣйствительно получалъ наличными, или цѣнность имуществъ, которыя передавались ему кредиторомъ; при этомъ не принимаются въ разсчетъ суммы, которыя должникъ обязался уплатить безъ законнаго основанія; накопившіеся проценты, превращенные въ капиталъ при заключеніи какого-либо разсчета или посредствомъ особой сдѣлки, не

[1]) Любопытно, что одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ изслѣдователей нашего сельскаго ростовщичества горячо громитъ Европу и „лживыя иноземныя теоріи“ по поводу отсутствія у насъ какихъ-либо ограниченій для хищнаго кулачества; онъ совѣтуетъ даже заняться „разработкою спеціальнаго закона противъ ростовщичества *помимо юристовъ*“,—и это въ книгѣ, вышедшей въ 1889 году и испещренной цитатами изъ иностранныхъ сочиненій, въ томъ числѣ Лоренца Штейна! Заимствовать свои взгляды изъ нѣмецкихъ книжекъ и затѣмъ громить Европу и ея иноземныя теоріи во имя несуществующихъ самобытныхъ идей—это пріемъ довольно часто практикуемый въ средѣ представителей извѣстнаго направленія, къ которому едва ли принадлежитъ указанный авторъ. Источникъ такихъ недоразумѣній—обыкновенно тотъ же самый, который въ другомъ мѣстѣ побуждаетъ, напримѣръ, автора говорить о какой-то „фронѣ“ (съ нѣмецкаго Frohne—барщина) или называть американскіе homestead laws „закономъ о пребываніи на родинѣ“. См. книгу г. Сазонова: „Неотчуждаемость крестьянскихъ земель“, стр. 170, 181, 209, 212 и др.

могутъ быть прибавлены къ капитальному долгу, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда судъ найдетъ это справедливымъ по причинамъ, точно указаннымъ въ мотивахъ рѣшенія. Съ установленной цифры долга считаются простые мѣсячные проценты, размѣръ которыхъ опредѣляется или дозволяется судомъ; всѣ деньги, уплаченныя должникомъ заимодавцу, равно какъ всѣ услуги, выгоды и преимущества разнаго рода, полученныя послѣднимъ въ продолженіе дѣловыхъ отношеній и оцѣненныя, въ случаѣ надобности, судомъ при помощи экспертовъ, засчитываются въ уплату процентовъ, а если сдѣланные платежи превышаютъ сумму процентныхъ взносовъ, то остальное идетъ на погашеніе части долга. Счетъ процентовъ останавливается, когда онъ достигаетъ цифры капитальнаго долга. Судъ можетъ признать несправедливымъ процентъ, условленный между сторонами, и назначить другой, согласно обстоятельствамъ; сдѣлки, въ силу которыхъ извѣстные доходы или продукты принимаются въ уплату процентовъ безъ точнаго разсчета, уничтожаются судомъ. Должникъ можетъ всегда требовать сведенія счетовъ съ кредиторомъ посредствомъ суда, относительно занятыхъ денегъ или должныхъ суммъ по какому бы то ни было обязательству, письменному или словесному, или за пріобрѣтенное имущество; судъ постановляетъ рѣшеніе, въ которомъ опредѣляется, сколько еще должнику остается уплатить кредитору. Въ этомъ рѣшеніи судъ можетъ также назначить уплату по частямъ, въ извѣстные сроки; эти срочные взносы могутъ быть дѣлаемы въ судѣ. Истецъ-должникъ имѣетъ право при всякомъ положеніи дѣла внести въ судъ такую сумму, какую онъ считаетъ достаточною для полнаго удовлетворенія кредитора, о чемъ дается знать послѣднему; со дня этого извѣщенія прекращается счетъ процентовъ съ означенной суммы долга. При исполненіи судебнаго приговора, которымъ поселянинъ признанъ должнымъ кому-либо менѣе 50 рупій, если нѣтъ въ виду другихъ требованій и если судъ убѣдится, что должникъ не въ состояніи уплатить все сполна,—назначается судомъ такая уплата, какая по силамъ должнику, и при этомъ послѣднему всегда выдается удостовѣреніе въ погашеніи долга. Если же есть другія требованія или цифра долга болѣе значительна, то судъ принимаетъ приблизительно такія мѣры, какъ при производствѣ дѣла о несостоятельности. Судъ можетъ всегда распорядиться, чтобы уплата должной суммы по судебному рѣшенію производилась по частямъ, съ процентами или безъ процентовъ. Никакое недвижимое имущество поселянина не можетъ быть подвергнуто аресту или продажѣ по судебному взысканію или распоряженію, кромѣ того случая, когда

данный долгъ обезпеченъ залогомъ этого самаго имущества; но судъ въ правѣ, при рѣшеніи дѣла противъ должника и во всякое позднѣйшее время, поручить сборщику податей управленіе такимъ имуществомъ отвѣтчика, которое не необходимо для содержанія его съ семействомъ, на срокъ не болѣе семи лѣтъ; доходы, получаемые съ этого имущества посредствомъ отдачи его въ аренду или другимъ способомъ, поступаютъ въ пользу кредитора до погашенія долга. Если долгъ обезпеченъ залогомъ недвижимаго имущества, то при несостоятельности должника судъ поручаетъ сборщику податей отдать это имущество въ аренду на срокъ не свыше двадцати лѣтъ, съ тѣмъ чтобы получилась сумма, достаточная для покрытія долга; если же такая сумма не можетъ быть доставлена двадцатилѣтней арендой, то имѣніе продается по общимъ законамъ. Никакой денежный документъ, выданный поселяниномъ, и никакое имущественное обязательство не принимаются къ разсмотрѣнію судомъ, если актъ не составленъ при участіи и подъ контролемъ назначеннаго для этой цѣли сельскаго регистратора. Въ судебныхъ дѣлахъ, когда цѣна иска не превышаетъ извѣстной суммы (ста рупій), не могутъ участвовать адвокаты, въ качествѣ представителей сторонъ; если же въ гражданскомъ процессѣ противъ поселянина дѣйствуетъ такой повѣренный, то судъ можетъ назначить отвѣтчику защитника или представителя, для охраны его интересовъ.

Мы привели только наиболѣе существенныя постановленія англо-индійскаго закона 1879 года, оставивъ въ сторонѣ подробности, которыя также заслуживали бы вниманія [1]). Этотъ замѣчательный актъ имѣетъ двѣ особенности: во-первыхъ, онъ не назначаетъ наказаній и штрафовъ за ростовщичество, не ставитъ принимаемыхъ мѣръ въ зависимость отъ признанія извѣстныхъ сдѣлокъ незаконными, а регулируетъ чисто-имущественныя, долговыя и обязательственныя отношенія поселянъ, насколько эти отношенія доходятъ до суда. Во-вторыхъ, законъ предоставляетъ значительный просторъ усмотрѣнію судебной власти, согласно условіямъ и потребностямъ дѣйствительной жизни, такъ какъ кредитныя сдѣлки и обязательства, по самымъ свойствамъ своимъ и по крайнему разнообразію своихъ фактическихъ формъ, не допускаютъ точной законодательной регламентаціи. Не давая судебной защиты ростовщическимъ требованіямъ, не предписывая принудительнаго исполненія формальныхъ обязательствъ по бук-

---

[1]) Полный текстъ этого закона въ 76 параграфахъ напечатанъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ приложеніи къ книгѣ Лоренца Штейна: „Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft“ (стр. 241—267).

вальному ихъ смыслу, устанавливая гарантіи судебнаго разслѣдованія и провѣрки для устраненія преувеличенныхъ долговыхъ претензій заимодавцевъ, запрещая продавать съ молотка имущество поселянъ для удовлетворенія кредиторовъ, законъ весьма существенно охраняетъ поселянъ отъ ростовщической эксплуатаціи безъ всякаго ограниченія или стѣсненія ихъ общихъ гражданскихъ правъ. Стѣснены только ростовщики, обычные кредиторы поселянъ; но и они не лишаются того, чтò реально дано ими въ ссуду и чтò подлежитъ возвращенію имъ по справедливости, съ обычными процентами. Уголовный, карательный элементъ здѣсь не играетъ никакой роли, тогда какъ въ законахъ о ростовщичествѣ, изданныхъ въ Германіи и Австро-Венгріи, онъ занимаетъ преобладающее мѣсто, въ ущербъ основательной оцѣнкѣ матеріальнаго содержанія сдѣлокъ. Карательныя мѣры противъ ростовщиковъ заставляютъ ихъ дѣйствовать осмотрительнѣе и способствуютъ отчасти искорененію наиболѣе рѣзкихъ и явныхъ формъ ростовщичества; но если судебная провѣрка долговыхъ обязательствъ зависитъ отъ вопроса объ уголовной отвѣтственности кредиторовъ, то громадное большинство обычныхъ и болѣе или менѣе умѣренныхъ ростовщическихъ операцій, направленныхъ къ разоренію сельскаго люда, остается неизбѣжно внѣ всякаго дѣйствія закона. Нельзя сажать въ тюрьму всѣхъ заимодавцевъ, которыхъ судъ признаетъ ростовщиками,—нельзя уже потому, что это неисполнимо и безцѣльно; народу не будетъ легче отъ того, что отъ времени до времени будутъ происходить судебные процессы противъ отдѣльныхъ представителей ростовщическаго промысла, не съумѣвшихъ обойти законъ или скрыть преступныя черты своей дѣятельности. Сами суды не могутъ вполнѣ свободно относиться къ разбору сомнительныхъ или оспариваемыхъ долговыхъ обязательствъ, если дѣло идетъ не просто о юридической силѣ послѣднихъ, а о суровомъ наказаніи одной изъ сторонъ за ростовщичество; при этомъ возможны также злоупотребленія и попытки шантажа со стороны недобросовѣстныхъ должниковъ. Сужденія о виновности и наказуемости лицъ подлежатъ совсѣмъ другимъ правиламъ, чѣмъ рѣшенія о недѣйствительности гражданскихъ актовъ, договоровъ и условій, о количествѣ реальныхъ долговъ, о размѣрѣ процентовъ, о способахъ и срокахъ уплаты. Придавать уголовный характеръ законнымъ мѣрамъ противъ ростовщичества значитъ ставить примѣненіе ихъ въ весьма тѣсные предѣлы и устранять ихъ дѣйствіе въ области обыкновенныхъ кредитныхъ ловушекъ, не имѣющихъ признаковъ преступности, но, тѣмъ не менѣе, разорительныхъ для крестьянскаго земледѣлія и землевладѣнія. При-

ципы, усвоенные англо-индійскимъ закономъ 1879 года, имѣютъ благотворную, спасительную силу для всѣхъ вообще обязательственныхъ и долговыхъ отношеній сельскаго населенія, тогда какъ преслѣдованіе ростовщичества по нѣмецко-австрійской системѣ затрогиваетъ только незначительную часть ростовщическихъ сдѣлокъ и едва ли можетъ замѣтно вліять на сокращеніе фиктивныхъ долговъ и уменьшеніе числа судебныхъ экзекуцій. Было бы въ высшей степени благотворно и цѣлесообразно держаться всегда того правила, что судъ не долженъ служить орудіемъ напраснаго разоренія людей по волѣ хищныхъ кулаковъ, опирающихся на формальные документы, и что провѣрка содержанія и происхожденія послѣднихъ обязательна для суда въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно при безграмотности отвѣтчиковъ. Такой взглядъ на задачи суда въ гражданскихъ дѣлахъ чаще всего выражается въ судебной практикѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. гдѣ живое нравственное чувство всегда сохраняетъ свои права и не подчиняется сухому, бездушному формализму, гдѣ буква закона не господствуетъ надъ его смысломъ и цѣлью, и гдѣ выдающіеся судебные дѣятели суть истолкователи права въ лучшемъ смыслѣ этого слова. По отношенію къ должникамъ принимается во вниманіе, что, кромѣ взыскателей по документамъ, существуютъ кредиторы естественные—семейства, которыя не могутъ и не должны быть забываемы при ликвидаціи имущества по требованіямъ постороннихъ лицъ. Судъ, дѣйствующій отъ имени государства и общества, не имѣетъ основанія давать кредиторамъ всѣ преимущества предъ должниками, руководствоваться интересами первыхъ и игнорировать несвободное положеніе вторыхъ; для общества и государства чрезвычайно важно, чтобы производительные работники, временно или случайно запутавшіеся въ долгахъ, не принуждались къ немедленному разоренію, и чтобы имъ оставлена была возможность постепеннаго выхода изъ критическихъ обстоятельствъ. Наносить обѣднѣвшимъ хозяйствамъ смертельные удары, задуманные ростовщиками,—не дѣло суда; эта простая и ясная мысль все болѣе входитъ въ общее сознаніе культурныхъ народовъ, проявляясь въ новѣйшихъ законахъ противъ ростовщичества и въ такихъ поучительныхъ актахъ, какъ англо-индійскій законъ 1879 года.

IV.

Въ дѣлѣ охраны крестьянскаго земледѣлія и землевладѣнія отъ ростовщическихъ посягательствъ мы, къ сожалѣнію, сильно отстали не только отъ Германіи и Австро-Венгріи, но и отъ нѣкоторыхъ

областей британской Индіи. Заботы о крестьянствѣ занимають много мѣста въ нашихъ законахъ, но онѣ часто остаются лишь отвлеченными, теоретическими, или имѣють старый фискальный оттѣнокъ; самыя лучшія намѣренія, какъ мы уже указывали, приводятъ нерѣдко къ результатамъ отрицательнымъ, вслѣдствіе неясностей и противорѣчій законодательства. Въ недавнее время совершились важныя реформы, имѣвшія, между прочимъ, цѣлью облегчить „правильное развитіе благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей Имперіи". Созданы новыя должностныя лица, на которыхъ „возлагается попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ"; преобразованы мѣстныя крестьянскія и судебныя учрежденія, волостные суды получили новое устройство и для нихъ изданы новыя правила.

Извѣстно, что вопросъ о преобразованіи волостныхъ судовъ дѣятельно обсуждался и разработывался у насъ въ семидесятыхъ годахъ; труды коммиссіи сенатора Любощинскаго дали цѣнный матеріалъ для изученія нашего народнаго обычнаго права. Отзывы представителей крестьянъ различныхъ мѣстностей, собранные коммиссіею, клонились, большею частью, въ пользу сохраненія самостоятельнаго крестьянскаго суда, причемъ выставлялись мотивы чисто-практическаго свойства. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ не утратили своего интереса и въ настоящее время. „Волостной судъ къ намъ близокъ и не строгъ,—говорили крестьяне,—а къ мировымъ судьямъ далеко и изъянисто, надо заплатить аблакату, да и времени много уходитъ". „Мировой судъ—судъ барскій, а крестьянину въ немъ тягостно". „Кто чистъ, идетъ въ волостной судъ, хотя бы и могъ судиться у мирового, а кто не совѣстный человѣкъ, тотъ и лѣзетъ къ мировому". „Къ мировому судьѣ обращаются очень рѣдко, болѣе все праздные люди да озорники". Въ одномъ изъ уѣздовъ тамбовской губерніи крестьяне выразились, что „здѣсь лучше, чѣмъ у мирового; безпокойства да ходьбы меньше, а тиранство все равно, что здѣсь, что тамъ". Крестьяне не скрывали главнѣйшихъ недостатковъ волостного суда; они жаловались, напримѣръ, что „часто судитъ не судъ, а водка, поднесенная судьямъ одною изъ сторонъ". Составъ волостного суда былъ обыкновенно плохой: „въ судьи сдаютъ, точно какъ въ солдаты". „Порядочный хозяинъ въ судьи не идетъ", ибо кому охота и время даромъ терять, и враговъ наживать, а „идутъ въ судьи только бѣдняки да пьяницы, которые ничего не смыслятъ и безъ писаря и старшины ничего разсудить не могутъ". „Они и не стоютъ жалованья", по замѣчанію одного изъ старшинъ [1]).

[1]) Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, т. I, стр 15, 225, 334, 392, 423, 451, 812 и др.

Крестьяне отдавали преимущество волостному суду главнымъ образомъ потому, что онъ судитъ по обычаю, не стѣсняясь формальными доказательствами, тогда какъ мировой судья обязанъ руководствоваться представленными документами, засвидѣтельствованными надлежащимъ порядкомъ, и не можетъ допустить провѣрки ихъ содержанія; поэтому сельскіе ростовщики берутъ отъ должниковъ векселя на сумму болѣе ста рублей даже при ничтожныхъ фактическихъ ссудахъ, чтобы сдѣлать свои иски подсудными не волостному, а мировому суду.

Обязательное значеніе документовъ, хотя бы ростовщическихъ или фиктивныхъ, становится общимъ правиломъ и для волостныхъ судовъ, — быть можетъ, по недосмотру, — въ силу временныхъ правилъ 12-го іюля 1889 года. „Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся доказательствъ" (ст. 25); но рѣшенія его подлежатъ контролю и могутъ быть отмѣняемы или измѣняемы на основаніи такихъ постановленій, которыя еще сильнѣе прежняго выдвигаютъ на первый планъ исключительную важность письменныхъ актовъ. „Содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей", говорится въ правилахъ 29-го декабря 1889 года о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ (ст. 69), а эти правила должны быть примѣняемы и при пересмотрѣ рѣшеній волостныхъ судовъ (тамъ же, ст. 128). Всѣ преимущества и льготы предоставляются кредиторамъ; для нихъ вводится особая быстрота исполненія, которая можетъ быть полезна въ коммерческомъ мірѣ, но едва ли оправдывается условіями и потребностями сельской жизни. „Крѣпостные, нотаріальные и засвидѣтельствованные установленнымъ порядкомъ акты о платежѣ денегъ или о возвратѣ вещей или иного движимаго имущества", подлежатъ „понудительному исполненію", безъ всякаго суда и разбирательства, безъ вызова должника, который можетъ только впослѣдствіи предъявить искъ къ взыскателю „для опроверженія существа его требованій" (тамъ же, ст. 141 и слѣд.). Для облегченія задачи взыскателя измѣняются обычныя отношенія сторонъ; должнику предписывается быть истцомъ, а кредиторъ обязанъ лишь точно опредѣлить въ своей просьбѣ „взыскиваемую по акту капитальную сумму и причитающуюся неустойку и проценты, условленные и узаконенные" (ст. 146). „Взысканная въ порядкѣ понудительнаго исполненія сумма, или отобранныя отъ отвѣтчика вещи, или иное движимое имущество передается немедленно взыскателю, если не

ПОСЛѢДНІЕ ТРУДЫ
Н. И. КОСТОМАРОВА

— *Литературное Наслѣдіе.* Автобіографія, стихотворенія, сцены, историческіе отрывки, малорусская народная поэзія, послѣдняя работа Н. И. Костомарова. Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указателемъ. Спб. 1890.

„Литературное Наслѣдіе“ является чрезвычайно любопытнымъ завершеніемъ того, что̀ сдѣлано было Н. И. Костомаровымъ въ теченіе его долгой и плодотворной литературной дѣятельности. Сильное и оригинальное дарованіе соединялось у него съ большою выдержкою и трудолюбіемъ. Послѣ его смерти остались различныя его работы, отчасти отъ стараго времени, отчасти отъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, изъ которыхъ и составлена настоящая книга. Главнѣйшій интересъ ея заключается въ автобіографіи. Въ предисловіи къ изданію замѣчено, что Костомаровъ началъ диктовать ее въ 1875 году, при невольномъ досугѣ. Въ началѣ этого года онъ перенесъ тяжелую болѣзнь; врачи на долго запретили ему ученыя занятія, требующія напряженія мысли, а также и зрѣнія, которое у него стало ослабѣвать, и одинъ изъ друзей его далъ ему совѣтъ продиктовать свою біографію: это не былъ бы трудъ, а препровожденіе времени, занимательное и для него, и для будущихъ читателей. Костомаровъ сначала колебался: его затрудняло говорить о себѣ, но, наконецъ, онъ убѣдился мыслію, что при этомъ онъ можетъ разсказать и о своемъ времени. Онъ началъ диктовать, потомъ бросалъ, когда, поправившись здоровьемъ, онъ могъ возвратиться къ своимъ обычнымъ

занятіямъ, но изрѣдка возвращался къ автобіографіи, и разсказъ ея конченъ 1877 годомъ. „Печатаніе „Автобіографіи“ цѣликомъ, —говорится въ предисловіи,—было неудобно по близости описываемаго времени, даже и тамъ, гдѣ отзывы о разныхъ лицахъ не представляли ничего, кромѣ выраженія высокаго уваженія къ нимъ. Пропущенныя мѣста замѣнены черточками и многоточіемъ“. Кромѣ подобныхъ пропусковъ въ текстѣ, нѣсколько главъ опущены цѣликомъ, и затѣмъ „Автобіографія“ заключаетъ въ себѣ 217 страницъ.

Замѣтимъ кстати, что мы имѣемъ здѣсь вторую, гораздо болѣе подробную, редакцію „Автобіографіи“; первая, болѣе краткая, была имъ продиктована г-жѣ Бѣлозерской [1]).

„Автобіографія“ исполнена интереса. Какъ подобаетъ историку, изучавшему въ особенности старыя времена, Костомаровъ начинаетъ съ давней исторіи своего рода (своихъ предковъ онъ нашелъ въ XVI столѣтіи) и доводитъ ее въ общихъ чертахъ къ концу XVIII столѣтія, къ біографіи своего отца, разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ, оригинальномъ домашнемъ воспитаніи, потомъ гимназіи, университетѣ (харьковскомъ), затѣмъ о началѣ своего литературнаго и ученаго поприща; какъ мы замѣтили, „Автобіографія“, за исключеніемъ опущенныхъ главъ, доходитъ до 1877 года.

Костомаровъ и здѣсь, какъ въ своихъ лучшихъ историческихъ трудахъ, является оригинальнымъ и занимательнымъ разсказчикомъ. Біографія любопытнымъ образомъ уясняетъ тѣ черты, какія развились потомъ у Костомарова, какъ писателя и какъ человѣка.

„Отецъ мой родился въ 1769 году,—говоритъ онъ,—служилъ съ молодыхъ лѣтъ въ арміи, участвовалъ въ войскѣ Суворова при взятіи Измаила, а въ 1790 году вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи острогожскаго уѣзда въ слободѣ Юрасовкѣ, гдѣ я и родился. Отецъ мой, сообразно тому времени, получилъ недостаточное образованіе, и впослѣдствіи, сознавая это, старался пополнить эту недостаточность чтеніемъ. Онъ читалъ много, постоянно выписывалъ книги, выучился даже по-французски настолько, что могъ читать на этомъ языкѣ, хотя и съ помощью лексикона. Любимыми сочиненіями его были творенія Вольтера, Даламбера, Дидро и другихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка; въ особенности же онъ оказывалъ къ личности Вольтера уваженіе, доходившее до благоговѣнія. Такое направленіе выработало изъ него типъ стариннаго вольнодумца. Онъ фана-

---

[1]) „Русская Мысль“, 1885, май и іюнь.

тически отдался матеріалистическому ученію и сталъ отличаться крайнимъ невѣріемъ, хотя, согласно своимъ учителямъ, умъ его колебался между совершеннымъ атеизмомъ и деизмомъ. Его горячій, увлекающійся характеръ часто доводилъ его до поступковъ, которые въ наше время были бы смѣшны; напримѣръ, кстати и некстати онъ заводилъ философскіе разговоры и старался распространять вольтеріанизмъ тамъ, гдѣ, повидимому, не представлялось для того никакой почвы... Въ политическихъ и соціальныхъ понятіяхъ моего покойнаго родителя господствовала какая-то смѣсь либерализма и демократизма съ прадѣдовскимъ барствомъ. Онъ любилъ толковать всѣмъ и каждому, что всѣ люди равны, что отличіе по породѣ есть предразсудокъ, что всѣ должны жить какъ братья; но это не мѣшало ему, при случаѣ, показать надъ подчиненными и господскую палку или дать затрещину, особенно въ минуту вспыльчивости, которой онъ не умѣлъ удерживать; зато, послѣ каждой такой выходки, онъ просилъ извиненія у оскорбленнаго слуги, старался чѣмъ-нибудь загладить свою ошибку и раздавалъ деньги и подарки. Въ его характерѣ не было никакого барскаго тщеславія; вѣрный идеямъ своихъ французскихъ наставниковъ, онъ ни во что не ставилъ дворянское достоинство, и терпѣть не могъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ хотя тѣнь щегольства своимъ происхожденіемъ и званіемъ. Какъ бы въ доказательство этихъ убѣжденій, онъ не хотѣлъ родниться съ дворянскими фамиліями, и уже въ пожилыхъ лѣтахъ, задумавши жениться, избралъ крестьянскую дѣвочку и отправилъ ее въ Москву для воспитанія въ частное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она стала его женою. Это было въ 1812 году. Вступленіе Наполеона въ Москву и сожженіе столицы не дало ей возможности продолжать начатое образованіе: отецъ мой, услыхавши о разореніи Москвы, послалъ взять свою воспитанницу, которая впослѣдствіи и сдѣлалась его женою и моею матерью"...

Черты отцовскаго характера остались и у Костомарова, какъ, напримѣръ, среди обычной его сдержанности порывы рѣзкой вспыльчивости и упрямства. Чрезвычайно любопытны подробности дѣтской жизни, въ которыхъ опять очевидны зародыши позднѣйшихъ особенностей Костомарова. Онъ отличался, напримѣръ, необыкновенной памятью, составлявшей важную долю въ его историческомъ дарованіи: въ его памяти хранилась огромная масса фактовъ, чтò, конечно, способствовало силѣ исторической комбинаціи; съ другой стороны, отличало его сильное развитіе фантазіи, которая помогала ему создавать изъ обильнаго запаса фак-

товъ цѣлыя картины изучаемаго имъ прошедшаго; далѣе, въ его теоретическихъ понятіяхъ всегда двоилось идеалистическое представленіе объ извѣстныхъ предметахъ—напримѣръ, религіозныхъ—и скептическое отношеніе, переходившее въ шутку, почти вольнодумную. Все это мы видимъ, въ первыхъ зачаткахъ, въ слѣдующихъ эпизодахъ его дѣтства. „Постоянно заставляя меня читать, отецъ мой съ нѣжныхъ моихъ лѣтъ сталъ внушать мнѣ вольтеріанское невѣріе, но этотъ же нѣжный возрастъ мой, требовавшій непрестанныхъ обо мнѣ попеченій матери, давалъ ей время и возможность противодѣйствовать этому направленію. Въ дѣтствѣ я отличался необыкновенно счастливою памятью: для меня ничего не стоило, прочитавши раза два какого-нибудь Вольтерова „Танкреда“ или „Заиру“ въ русскомъ переводѣ, прочитать ее отцу наизусть отъ доски до доски. Не менѣе сильно развивалось мое воображеніе... Отецъ мой нерѣдко, взявши меня съ собой, садился на землѣ подъ одной старой березой, бралъ съ собою какое-нибудь поэтическое произведеніе и читалъ или меня заставлялъ читать; такимъ образомъ, помню я, какъ, при шумѣ вѣтра, мы читали съ нимъ Оссіана и, какъ кажется, въ отвратительномъ, прозаическомъ русскомъ переводѣ. Бѣгая въ ту же рощу безъ отца, я, натыкаясь на полянки и на группы деревьевъ, воображалъ себѣ разныя страны, которыхъ фигуры видѣлъ на географическомъ атласѣ; тогда нѣкоторымъ изъ такихъ мѣстностей я далъ названія. Были у меня и Бразилія, и Колумбія, и Лаплатская республика, а бѣгая къ берегу рѣки и замѣчая островки, я натворилъ своимъ воображеніемъ Борнео, Суматру, Целебесъ, Яву и прочее. Отецъ не дозволялъ моему воображенію пускаться въ міръ фантастическій, таинственный; онъ не дозволялъ сказывать мнѣ сказокъ, ни тѣшить воображеніе разсказами о привидѣніяхъ; онъ щекотливо боялся, чтобы ко мнѣ не привилось какое-нибудь вульгарное вѣрованіе въ лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ и т. п. Это не мѣшало, однако, давать мнѣ читать баллады Жуковскаго, причемъ отецъ считалъ обязанностью постоянно объяснять мнѣ, что все это—поэтическій вымыселъ, а не дѣйствительность“.

Учился Костомаровъ сначала, не долго, во французскомъ пансіонѣ въ Москвѣ, потомъ въ воронежской гимназіи, и разсказъ его, въ параллель съ воспоминаніями Ѳ. И. Буслаева, даетъ картину стариннаго, гораздо болѣе легкаго, чѣмъ теперь, гимназическаго ученія, незамысловатость котораго не мѣшала питомцамъ старыхъ гимназій выходить такими первостепенными дѣятелями въ области науки. Невольно приходитъ въ голову, что именно

большая свобода для отроческой природы сохраняла больше свѣжихъ силъ для дальнѣйшаго юношескаго труда. Въ пору дѣтства Костомарову пришлось испытать великое несчастіе—потерю отца, убитаго дворовыми людьми, которые при этомъ ограбили и его состояніе: по суду (какъ послѣ оказалось, подкупленному частью ограбленныхъ денегъ) вышло, что онъ былъ убитъ лошадьми и только черезъ нѣсколько лѣтъ одинъ изъ убійцъ добровольно при народѣ, созванномъ колокольнымъ звономъ, сознался въ убійствѣ—эпизодъ, напоминающій извѣстную сцену во „Власти тьмы", Л. Н. Толстого.

За гимназіей слѣдовалъ университетъ—опять любопытная картина старыхъ университетскихъ нравовъ, принадлежавшихъ, впрочемъ, въ той мѣрѣ особливо или только университету харьковскому. Наука, за немногими исключеніями, господствовала тамъ весьма умѣренно; но зато профессора занимались тѣмъ, что держали пансіоны для студентовъ и, получая немалыя деньги отъ лѣнивыхъ и невѣжественныхъ баричей, благополучно доводили до кандидатской степени.

По окончаніи курса въ университетѣ Костомаровъ, какъ извѣстно, поступилъ-было въ военную службу, въ драгунскій полкъ, стоявшій въ Острогожскѣ, но уже тогда гораздо больше военной службы занялъ его острогожскій архивъ, гдѣ онъ нашелъ старыя дѣла бывшаго казачьяго полка, со времени основанія города. Командиръ полка посовѣтовалъ Костомарову оставить военную службу, объясняя, что, вѣроятно, онъ принесетъ гораздо болѣе пользы обществу на другомъ поприщѣ. Костомаровъ согласился съ этимъ и отправился снова въ Харьковъ, гдѣ, чувствуя недостаточность своихъ познаній, сталъ опять слушать лекціи двухъ профессоровъ, которые были дѣйствительными учеными—историка Лунина и классика Валицкаго. Здѣсь въ его умственныхъ интересахъ явился новый элементъ, опредѣлившій навсегда его ученую литературную дѣятельность. „Исторія,—говоритъ онъ,—сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не

только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть, чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатывались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ; нужно только приняться поискать—и вѣрно найдется многое, что до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа, а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 года, великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой-нибудь мѣсяцъ я уже зналъ наизусть сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа. Когда же я прочелъ „Запорожскую Старину" Срезневскаго и наивно вѣрилъ какъ подлинности помѣщенныхъ тамъ пѣснопѣній, подъ именемъ народныхъ, такъ и историческимъ объясненіямъ издателя этой книги, то книга эта ввела меня въ заблужденіе".

Личное знакомство съ Срезневскимъ, по словамъ Костомарова, надолго возъимѣло на него сильное вліяніе и содѣйствовало его стремленію къ изученію малорусской народности. Собственно говоря, только въ это время онъ началъ знакомиться съ малорусскимъ языкомъ, сталъ предпринимать этнографическія экскурсіи, записывать пѣсни и т. п.; наконецъ, самъ сталъ писать на малорусскомъ языкѣ. Въ 1838 и 1839 г. явились его первыя сочиненія на малорусскомъ языкѣ. „Любовь къ малорусскому слову болѣе и болѣе увлекала меня; мнѣ было досадно, что такой прекрасный языкъ остается безъ всякой литературной обработки и, сверхъ того, подвергается совершенно незаслуженному презрѣнію. Я повсюду слышалъ грубыя выходки и насмѣшки надъ хохлами не только отъ великоруссовъ, но даже и отъ малоруссовъ высшаго класса, считавшихъ дозволительнымъ глумиться надъ мужикомъ и его способомъ выраженія. Такое отношеніе къ народу и его рѣчи мнѣ казалось униженіемъ человѣческаго достоинства, и чѣмъ чаще встрѣчалъ я подобныя выходки, тѣмъ сильнѣе пристращался къ малорусской народности".

Извѣстно, что первая диссертація Костомарова изъ старой

малорусской исторіи, трактовавшая объ уніи, вслѣдствіе привязокъ знаменитаго Иннокентія, въ то время архіепископа харьковскаго, и рецензіи Устрялова, не была принята, затѣмъ была отобрана и сожжена. Послѣ этого Костомарову „позволено было" написать вторую диссертацію—и онъ написалъ извѣстную книгу „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи" (1843). Если судьба первой диссертаціи свидѣтельствовала о жалкомъ положеніи русской науки, то до извѣстной степени о томъ же свидѣтельствовалъ и пріемъ второй диссертаціи. „Предметъ ея,—говоритъ Костомаровъ,—былъ давно близокъ моему сердцу; уже нѣсколько лѣтъ я записывалъ народныя пѣсни и у меня ихъ накопилось довольно. Теперь-то я предположилъ провести мою задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способомъ выраженія мыслей и чувствованій. Я подалъ свою тему въ факультетъ и тотчасъ встрѣтилъ неодобрительныя отношенія къ ней нѣкоторыхъ лицъ. Профессоръ философіи Протопоповъ первый не одобрилъ ее и находилъ, что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени; но всего страннѣе покажется, что противъ этой темы былъ и Артемовскій-Гулакъ, несмотря на то, что по правдѣ считался лучшимъ знатокомъ малорусской народности, какъ это и доказывали его собственныя малорусскія сочиненія... Протестъ Артемовскаго-Гулака былъ, однако, не настойчивъ, и когда я подалъ свою диссертацію, уже написанную, онъ былъ въ числѣ утвердившихъ ее. Профессоръ Протопоповъ, напротивъ, продолжалъ оставаться при прежнемъ взглядѣ и выразился, что считаетъ даже неприличнымъ ходить на защищеніе такой диссертаціи". Въ это же время Костомаровъ поставилъ себѣ другую историческую задачу, которая заняла его на многіе годы: это была исторія Малороссіи во времена Хмельницкаго. Ему непремѣнно захотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія той эпохи, и онъ отправился въ Кіевъ, желая найти какое-нибудь мѣсто въ кіевскомъ учебномъ округѣ. Дѣйствительно, онъ получилъ на первый разъ учительское мѣсто въ гимназіи въ Ровнѣ, а вскорѣ затѣмъ профессуру русской исторіи въ Кіевѣ. Пребываніе въ Кіевѣ обозначило новый періодъ въ біографіи Костомарова. Здѣсь начались его ревностные труды по малорусской исторіи; здѣсь завязались его отношенія съ украинскими этнографами и патріотами; здѣсь развились его поэтическія мечты о славянскомъ единствѣ,—мечты, которымъ по злостному доносу съумѣли тогда придать политически опасный

характеръ и которыя уже вскорѣ повлекли за собою потерю профессуры, заключеніе и ссылку. Съ этого времени начались также его путешествія по разнымъ краямъ Россіи, на югѣ и на сѣверѣ, съ цѣлью осмотра различныхъ исторически достопримѣчательныхъ мѣстностей и остатковъ древности; прерванныя ссылкой, онѣ были опять возобновлены Костомаровымъ впослѣдствіи. Мы говорили объ его замѣчательной памяти. Въ „Автобіографіи", диктованной, конечно, на память безъ всякихъ справокъ, онъ подробно описываетъ свои первыя путешествія въ половинѣ 40-хъ годовъ, по мѣстностямъ Малороссіи, гдѣ совершилась знаменитая историческая борьба: онъ осматривалъ поля сраженій казаковъ съ поляками и подробно описываетъ мѣстности, гдѣ по слѣдамъ валовъ, могильныхъ насыпей и иныхъ памятниковъ представлялъ себѣ расположеніе и движеніе враждебныхъ войскъ, свѣряя все это съ показаніями лѣтописцевъ; онъ осматривалъ старинные замки, храмы, монастыри, проникалъ въ архивы и библіотеки богатыхъ польскихъ пановъ, собиралъ остатки народныхъ воспоминаній и т. д. Впослѣдствіи, когда онъ занимался старыми періодами сѣверной русской исторіи, онъ такимъ же образомъ подробно осматривалъ старыя области Новгорода и Пскова, сѣверные русскіе монастыри, на Волгѣ собиралъ преданія о Стенькѣ Разинѣ; въ Варшавѣ, послѣ усмиренія возстанія, онъ осматривалъ польскія кладбища, гдѣ встрѣтилъ массу именъ историческихъ, монастырскіе склепы, гдѣ передъ нимъ раскрывали гробы неизвѣстныхъ представителей старой польской аристократіи, и это опять переносило его въ прошедшее и внушило самую мысль написать „Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой". Отличительная черта его историческаго дарованія, кромѣ громадной памяти, державшей въ его распоряженіи массу фактическихъ подробностей, состояла также, какъ мы замѣчали, въ чрезвычайно дѣятельной и живой фантазіи: онъ не иначе овладѣвалъ историческимъ фактомъ, какъ представивъ его себѣ въ живыхъ образахъ и цѣлыхъ бытовыхъ картинахъ. Это стремленіе переноситься въ прошлую жизнь, наглядно представить себѣ ея формы, если можно, даже самому испытать ощущенія этой старой жизни, было именно проявленіемъ и свидѣтельствомъ его оригинальнаго дарованія, и, какъ можно видѣть изъ автобіографіи, оно сказывалось въ немъ еще въ юношескіе годы, выражаясь иногда въ формахъ весьма забавныхъ. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, исторію, происходившую во времена его студенчества, когда онъ жилъ на квартирѣ у профессора Сокальскаго: „Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ,—говоритъ Костомаровъ,—я усиленно занялся изуче-

ніемъ языковъ, особенно латинскаго, который я очень полюбилъ, и вообще меня сталъ сильно привлекать античный міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ ихъ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятникамъ искусствъ. Однажды, читая Иліаду въ подлинникѣ съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ стѣнъ Иліона. Я подговорилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я упросилъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ; одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы по-женски, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромаху. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Стукъ, гамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ его гости— профессоры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ менторскій суровый видъ, но потомъ, узнавши въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и захохоталъ во все горло. За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ, впрочемъ, и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

...глава Пріамида,
Прежде прекрасная, бьется во прахѣ".

Такъ, впослѣдствіи ему нужно было самому продѣлать народные языческіе обычаи; такъ, ему казалось необходимымъ напечатать свою „Славянскую Миѳологію" въ старинномъ большомъ форматѣ и церковнымъ шрифтомъ; такъ, читая Олеарія, ему непремѣнно нужно было приготовить по рецепту, сообщенному знаменитымъ путешественникомъ, старинный русскій ставленный медъ; такъ, читая древнія легенды и апокрифическое житіе Нифонта, онъ очень занятъ былъ различными породами бѣсовъ, являвшихся стариннымъ подвижникамъ, и видывалъ ихъ во снѣ и т. п.

Въ „Автобіографіи" пропущена въ печати глава, въ которой по хронологическому порядку долженъ заключаться разсказъ о его арестѣ и ссылкѣ. Автобіографія переходитъ прямо къ описанію его жизни въ Саратовѣ, гдѣ съ новымъ царствованіемъ была получена имъ амнистія. Онъ посвятилъ нѣсколько теплыхъ строкъ той эпохѣ, на которую взводятъ теперь столько нареканій. Въ 1856 году онъ отправился на время въ Петербургъ. До Москвы надо было ѣхать еще на почтовыхъ. „Съ нами съѣз-

жались на почтовыхъ станціяхъ всякаго рода лица, заводили разговоры и знакомства. Это было время всеобщихъ надеждъ на обновленіе Россіи, котораго всѣ тогда чаяли при наступившемъ новомъ царствованіи; толковали о скоромъ заключеніи мира и объ обращеніи дѣятельности правительства и общества ко внутреннему благоустройству Россіи. Это было истинно *поэтическое* время: казалось, всякія эгоистическія стремленія улегались, люди переставали думать о собственныхъ выгодахъ, у всѣхъ на умѣ и на языкѣ было возрожденіе русскаго общества къ иной жизни, которой оно только желало, но еще не испытывало. У всѣхъ слышалась вѣра въ доброжелательство и умъ новаго государя, и уже тогда наперерывъ говорили, какъ о первой необходимости, объ освобожденіи народа изъ крѣпостной зависимости... Говорили даже о заведеніи школъ для народа и считали дѣло народнаго образованія столько же важнымъ, какъ и дѣло образованія самому Костомарову. Наконецъ, передъ нимъ открылась возможность литературной дѣятельности, а затѣмъ и университетская каѳедра".

Глава, гдѣ по хронологическому порядку должна идти рѣчь объ университетскихъ событіяхъ 1861 года, въ настоящемъ изданіи опущена. Судя по тому, какъ говорится о томъ времени въ первой редакціи автобіографіи, продиктованной Костомаровымъ г-жѣ Бѣлозерской, надо полагать, что, вѣроятно, и здѣсь у Костомарова не было достаточной объективности въ разсказѣ о тогдашнихъ событіяхъ. Считаемъ не лишнимъ объяснить одну подробность, довольно существенную, тѣмъ больше, что она встрѣтила довѣріе у серьезныхъ писателей. Въ автобіографіи, записанной г-жею Бѣлозерской [1]), Костомаровъ разсказываетъ, что въ мартѣ 1856 года познакомился въ Москвѣ у г. Кулиша съ Константиномъ Аксаковымъ, который очень понравился ему „своей прямодушной, увлекающейся натурой"; „онъ съ увлеченіемъ толковалъ о славянскихъ идеяхъ". Нѣсколько лѣтъ спустя, вскорѣ по смерти К. Аксакова, „въ февралѣ (1861),—говоритъ Костомаровъ,—мнѣ было назначено читать рѣчь для акта. Я написалъ о Константинѣ Аксаковѣ. Рѣчь эта возмутила противъ меня (?) Стасюлевича, Пыпина, Б. Утина, которые видѣли въ ней переходъ къ славянофильству. Кавелинъ былъ на ихъ сторонѣ и видѣлъ въ моей рѣчи уклоненіе отъ прямого пути". Это показаніе было повторено г. Дашкевичемъ [2]). Въ дѣйствительности

---

[1]) „Русская Мысль", 1885, май, іюнь.

[2]) См. Отчетъ о двадцать-девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1889, стр. 242. „Съ другой стороны,—прибавляетъ г. Дашкевичъ,—сѣверные славянофилы также относились несочувственно къ Костомарову, какъ то доказываетъ полемика, которая велась противъ Костомарова въ „Днѣ", затѣмъ Гильфердингомъ".

такого факта *не существовало*, и это показаніе есть просто результатъ нелѣпаго слуха, которому Костомаровъ въ свое время повѣрилъ и, къ сожалѣнію, несмотря на достаточныя опроверженія, не воздержался повторить въ автобіографіи первой редакціи [1]).

---

[1]) Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ прежнее время для прочтенія рѣчи на актѣ требовалось одобреніе ея факультетомъ, которое обыкновенно подтверждалось совѣтомъ; такимъ образомъ въ факультетскомъ собраніи, къ которому принадлежали и я, и Костомаровъ, поставленъ былъ на очередь и вопросъ объ этой рѣчи; но такъ какъ ни у кого изъ членовъ факультета не было тѣни сомнѣнія о цензурной и научной удовлетворительности сочиненія профессора, уже тогда пріобрѣвшаго большое имя своими трудами, то факультетъ, не читая, прямо утвердилъ рѣчь къ прочтенію, и утвержденіе сообщено куда слѣдуетъ. 8-го февраля происходилъ актъ, на которомъ я не былъ по неимѣнію мундира, а самую рѣчь я думалъ прочесть уже въ печати. Не имѣя понятія о томъ, что̀ происходило на актѣ, я на другой день получаю письмо отъ Костомарова, въ которомъ онъ меня спрашивалъ, почему я и такіе-то (названы были всѣ упомянутыя выше лица) противодѣйствовали произнесенію его рѣчи на актѣ, и сообщалъ, что объ этомъ говорятъ „во всѣхъ кофейняхъ" и что замѣчено было мое отсутствіе на актѣ. Надобно сказать, что въ *то* время я былъ съ Костомаровымъ гораздо короче, чѣмъ съ другими названными профессорами, съ которыми сблизился уже нѣсколько позднѣе; поэтому, вѣроятно, Костомаровъ и адресовалъ ко мнѣ свой запросъ, относившійся, конечно, кромѣ меня, и ко всѣмъ остальнымъ. Въ письмѣ заключалась такая безсмыслица, что разъяснять ее письменно было просто невозможно, и я, живя тогда въ двухъ шагахъ отъ Костомарова, пошелъ прямо къ нему и спросилъ его о происхожденіи этой безсмыслицы. Онъ встрѣтилъ меня съ видимымъ враждебнымъ недовѣріемъ, но я, охарактеризовавши содержаніе его письма, напомнилъ ему, что онъ долженъ былъ знать рѣшеніе факультета, гдѣ я только и имѣлъ участіе въ вопросѣ о его рѣчи, и такъ какъ онъ, очевидно, былъ вовлеченъ въ заблужденіе сплетней, я потребовалъ отъ него, чтобы онъ указалъ мнѣ свой источникъ. Онъ замялся, ссылался на „всѣхъ", наконецъ, когда я продолжалъ настаивать, далъ отвѣтъ на другой день; оказалось, что „всѣ" были два лица изъ того кружка, который, послѣ факта запрещенія рѣчи, не съумѣлъ объяснить его себѣ иначе, какъ подвохомъ „западниковъ", какъ будто рѣчь Костомарова (весьма сочувственная къ Аксакову, но и относившаяся къ нему критически) могла до того перепугать западническій лагерь, что побудила его даже къ интригѣ для запрещенія ея произнесенія. Костомаровъ, кажется, убѣдился. Я сообщилъ тогда же объ этой сплетнѣ лицамъ, поименованнымъ въ письмѣ Костомарова (кромѣ, помнится, Кавелина, который въ это самое время переносилъ тяжкую болѣзнь послѣ потери сына и давно совсѣмъ не бывалъ въ университетѣ: не время было говорить съ нимъ о дрязгахъ); отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ Костомарову, *вслѣдствіе* поставленнаго имъ обвиненія, и вовсе не по поводу самыхъ взглядовъ его на К. Аксакова, пришлось услышать непріятныя вещи. Этому послѣднему и надо, вѣроятно, приписать то, что у него осталось враждебное чувство, которое онъ, не въ пользѣ истины, нашелъ нужнымъ увѣковѣчить въ своей автобіографіи. Въ дѣйствительности, запрещеніе произнесенія рѣчи произошло совершенно независимо отъ факультета и отъ совѣта, и было дѣломъ соображеній высшихъ начальствъ, которыя, повидимому, опасались, что рѣчь тогда уже чрезвычайно популярнаго профессора, привлекши большую толпу слушателей, можетъ привести къ какой-нибудь шумной

Въ „Автобіографіи“ очень любопытны объясненія, какія Костомаровъ даетъ нѣкоторымъ изъ своихъ историческихъ трудовъ, которые въ свое время бывали предметомъ самой враждебной полемики и даже формальныхъ обвиненій въ недостаткѣ патріотизма, въ сепаратизмѣ, въ союзничествѣ съ поляками и т. д. Понятно само собою, что такія обвиненія не имѣли смысла, что не мѣшало имъ, однако, очень распространяться въ мнимо-патріотическомъ лагерѣ. Выходитъ довольно забавно, что, по объясненію Костомарова, именно эти патріоты говорили въ унисонъ съ поляками. Это были на первый разъ статьи о казачествѣ, гдѣ противнаго взгляда держался, между прочимъ, и столь серьезный ученый, какъ Соловьевъ.

„Обращеніе моихъ занятій отчасти къ Малороссіи вызвало у меня появленіе, напечатанной въ „Современникѣ“, небольшой статьи „О казачествѣ“, гдѣ я старался установить надлежащій взглядъ на это историческое явленіе и опровергнуть возникавшее въ тогдашней литературѣ мнѣніе о томъ, что казаки сами по себѣ были обществомъ анти-государственнымъ, что душою этого общества была анархія и потому на попытки какъ Польши, такъ впослѣдствіи и Россіи къ обузданію казацкой воли надобно смотрѣть какъ на защиту государственнаго элемента противъ вторженія дикихъ, разрушительныхъ побужденій. Такая точка зрѣнія, давно уже поддерживаемая поляками, начинала переходить и въ русскую ученую литературу, и я принималъ на себя призваніе доказать ея несостоятельность и уяснить, что казачество, при всѣхъ временныхъ уклоненіяхъ, было послѣдствіемъ идей чисто демократическихъ. Статья моя возбудила противъ меня возраженія въ польскихъ временныхъ изданіяхъ, и тогда особенно выступило противъ меня лицо, укрывавшееся подъ псевдонимомъ Зенона Фиша. Его возраженія вызвали съ моей стороны новую статью въ защиту своего мнѣнія. Полякъ хотѣлъ доказать, что отношенія польской народности къ южно-русской были нравственно благодѣтельны; что задача польскаго шляхетства была „ушляхетненіе“ русскаго народа, а я возражалъ, что это „ушляхетненіе“ вело не болѣе какъ къ порабощенію народа. Замѣчательно, что наши русскіе ученые, задаваясь идеею госу-

манифестаціи. Но такая манифестація именно и произошла, когда собравшаяся въ университетѣ толпа узнала, что рѣчи не будетъ. Толпу должны были успокоить обѣщаніемъ, что рѣчь будетъ прочтена особо, и дѣйствительно спустя нѣсколько дней Костомаровъ читалъ ее въ видѣ публичной безплатной лекціи въ университетскомъ залѣ, гдѣ и я ее прослушалъ—съ однимъ соглашаясь, съ другимъ не соглашаясь, и безъ всякаго страха за цѣлость своихъ собственныхъ мнѣній.

дарственности, невольно въ то время совпадали съ польскими учеными, а я, защищая законность и плодотворность побужденій, двигавшихъ народною массою независимо отъ государственныхъ условій, возбуждалъ противъ себя обвиненіе въ такъ-называемомъ „казацкомъ взглядѣ", какъ нѣкоторые тогда выражались, не желая вникнуть въ вопросъ поглубже рутинныхъ формъ, которыхъ привыкли держаться".

Далѣе:

„Еще болѣе возбуждала раздраженіе моя статья „Двѣ русскія народности", которую черезъ нѣсколько лѣтъ, вспомнивши о ней, „Русскій Вѣстникъ" назвалъ „позорною". Дѣло въ томъ, что много открылось политическихъ мыслителей, хотѣвшихъ во что бы то ни стало, чтобы на Руси существовала только одна русская народность, и не терпѣвшихъ, если имъ указывали не одну, а нѣсколько, хотя бы даже существовавшихъ въ прошедшія времена. Привычка отыскивать въ разсужденіи о прошедшемъ бытѣ какихъ-нибудь отношеній къ настоящему или будущему заронилась въ нѣкоторой части читающаго русскаго общества. Это было естественно при цензурной строгости, когда многіе писатели по-неволѣ принуждены бывали недосказывать своихъ мыслей, предоставляя читателямъ читать ихъ у себя между строками... Впрочемъ, послѣ выхода моей статьи въ первое время не раздавалось крупныхъ обвиненій въ „сепаратизмѣ", которыми такъ щедро награждали меня послѣ того, какъ вспыхнуло польское возстаніе и русскіе стали горячо хвататься за идею своего національнаго единства. Многіе часто не знали, что, говоря объ Украинѣ, повторяли сказанное ихъ врагами-поляками по отношенію къ себѣ. Пока польское возстаніе не встревожило умовъ и сердецъ на Руси, идея двухъ русскихъ народностей не представлялась въ зловѣщемъ видѣ, и самое стремленіе къ развитію малорусскаго языка и литературы не только никого не пугало призракомъ разложенія государства, но и самими великороссами принималось съ братскою любовью. Притомъ же содержаніе моей статьи о двухъ русскихъ народностяхъ ясно отклоняло отъ меня всякое подозрѣніе въ замыслахъ „разложенія отечества", такъ какъ у меня было сказано и доказываемо, что двѣ русскія народности дополняютъ одна другую и ихъ братское соединеніе спасительно и необходимо для нихъ обѣихъ".

Укажемъ еще подобныя замѣчанія Костомарова по поводу тѣхъ нападеній, какія пришлось ему испытать, когда имъ были написаны изслѣдованія о Куликовской битвѣ и объ Иванѣ Сусанинѣ: въ первомъ онъ привелъ лѣтописныя свидѣтельства, ука-

зывавшія, что Дмитрій Донской не былъ въ Куликовской битвѣ и вообще такимъ героемъ, какъ привыкли его считать по преданію; во второмъ онъ указывалъ историческую несостоятельность или неточность легенды объ Иванѣ Сусанинѣ. По весьма распространенному обычаю, свидѣтельствующему о скудости нашего образованія, мнѣнія Костомарова прежде всего дали поводъ къ обвиненіямъ его въ недостаткѣ патріотизма. „Начала составляться обо мнѣ молва, будто я задаю себѣ задачу унижать доблестныя русскія личности и, какъ говорили, сводить съ пьедестала и развѣнчивать русскихъ героевъ. Укоры эти много разъ заявлялись въ литературѣ, расходились въ обществѣ и повторялись даже такими людьми, которымъ собственно не было ни тепло, ни холодно отъ того, будетъ ли прославленъ или униженъ какой-либо изъ дѣятелей русской исторіи минувшихъ вѣковъ. До меня доходили слухи, что люди высокопоставленные въ чиновной іерархіи оскорблялись моимъ критическимъ взглядомъ на личность Сусанина и говорили, что я человѣкъ злонамѣренный, желаю во что бы то ни стало унижать великія личности русской исторіи. Иные толковали это тѣмъ, что я, какъ малоруссъ, хочу выставлять на показъ лица южно-русской исторіи и въ противоположность имъ унижать сѣверно-русскихъ героевъ. Забавно было слышать мнѣ, что такое мнѣніе обо мнѣ заявлено было однимъ княземъ, который, будучи воспитанъ заграничнымъ способомъ, плохо зналъ по-русски, несмотря на то, что занималъ такое мѣсто, которое не долженъ былъ бы принимать съ плохимъ знаніемъ русскаго языка и русской жизни. И этотъ князь, конечно, не читалъ моихъ сочиненій". По поводу статьи о Куликовской битвѣ „противъ меня поднялась цѣлая буря патріотическаго негодованія. Бывшій тогда предсѣдатель археографической коммиссіи, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, старикъ, хотя добрый и образованный, но считавшій нравственнымъ долгомъ казаться завзятымъ патріотомъ, такъ озлобился противъ меня за эту статью, что почти не могъ выносить моего присутствія въ засѣданіяхъ археографической коммиссіи".

Ограничиваемся этими образчиками содержанія автобіографіи, которая вообще даетъ и любопытнѣйшія черты для исторіи нашего образованія, и много важныхъ указаній для опредѣленія литературнаго характера самого писателя, оказавшаго столь великія услуги нашей исторіографіи. Эти послѣднія указанія тѣмъ болѣе интересны, что авторъ непосредственно, безъ собственнаго вѣдома, рядомъ фактическихъ данныхъ, раскрываетъ намъ особен-

ности своего умственнаго и общественнаго характера, а біографія разъясняетъ свойства произведеній.

Кромѣ автобіографіи, въ „Литературномъ Наслѣдіи" напечатана еще обширная статья: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества", составляющая продолженіе обширнаго труда о малорусской народной поэзіи, первые отдѣлы котораго печатались въ „Бесѣдѣ" (1872) и въ „Русской Мысли" (1880 и 1883): все это вмѣстѣ было развитіемъ его давней магистерской диссертаціи („Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи"). Затѣмъ въ книгѣ помѣщено нѣсколько малорусскихъ стихотвореній и очень интересное русское стихотвореніе, писанное въ Крыму въ 1852 году. Античная древность, остатки которой Костомаровъ видѣлъ въ своихъ поѣздкахъ въ Крымъ, не однажды возбуждала его фантазію, какъ и въ послѣдніе годы его жизни внушила ему историческую драму „Эллины Тавриды". Стихотвореніе 1852 года, писанное гекзаметромъ, интересно и своимъ поэтическимъ замысломъ, и нѣкоторыми чертами, повидимому, автобіографическаго характера.

А. Пыпинъ.

ИЗЛИШЕСТВА и УВЛЕЧЕНІЯ
ПРОТЕКЦІОНИЗМА

— Ходатайства Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Спб. 1890.

Est modus in rebus.

Сторонники высокихъ покровительственныхъ пошлинъ обыкновенно выдаютъ себя за людей практическихъ, руководствующихся лишь данными опыта и пренебрегающихъ всякими отвлеченными теоріями. Они называютъ противниковъ своихъ не иначе, какъ доктринерами, а возраженія и доводы ихъ—пустымъ „фритредерствомъ".

Нельзя отрицать, что приверженцы протекціонизма оказываются большею частью „практиками" въ житейскомъ смыслѣ этого слова;—они хлопочутъ о выгодахъ крупнаго капитала, своего или чужого, въ ущербъ всей массѣ населенія. Промышленники и фабриканты, относящіеся свысока къ доктринерству экономистовъ, имѣютъ за себя двойное оправданіе: во-первыхъ, они вообще беззаботны насчетъ какой бы то ни было науки и литературы, такъ что и экономическія свѣденія для нихъ необязательны; и во-вторыхъ, дѣло идетъ объ ихъ собственныхъ карманныхъ интересахъ, не допускающихъ никакого разумнаго теоретическаго спора. Но, какъ это ни странно, въ союзѣ съ промышленными дѣятелями, усердно ратуютъ за нихъ несомнѣнные теоретики, спеціалисты всякихъ отраслей знанія, кромѣ только одной—и именно той, которая имѣетъ своимъ предметомъ народное хозяйство. Наиболѣе рѣшительными протекціонистами являются у насъ ученые химики, инженеры, технологи, которые не могутъ уже утверждать, что для правильныхъ разсужденій о предметѣ не нужно

знакомство съ его элементарными основами, или что это знакомство даже вредно, какъ признакъ доктринерства. Въ числѣ нашихъ протекціонистовъ есть замѣчательные знатоки балета, но нѣтъ ни одного серьезнаго изслѣдователя экономической жизни, — есть профессора химіи и механики, но ни одного профессора политической экономіи. А между тѣмъ вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ, если смотрѣть на него не съ точки зрѣнія фабрикантовъ, есть прежде всего вопросъ народно-хозяйственный, экономическій. Нѣтъ ничего легче, какъ объявить всѣхъ несогласныхъ съ извѣстною теоріею — доктринерами; но не поразительно ли, что въ чисто-экономическомъ вопросѣ, затрогивающемъ матеріальные интересы всего населенія, считаются болѣе компетентными спеціалисты по химіи или по балету, чѣмъ экономисты?

Обычныя ссылки на доктринерство противниковъ особенно комичны въ устахъ писателей, которые сами проповѣдуютъ доктрину, состоящую изъ ряда произвольныхъ положеній, ничѣмъ не обоснованныхъ и не доказанныхъ. „Протекціонизмъ,—говоритъ извѣстный американскій экономистъ Грэгамъ Сомнеръ,—есть *измъ*, т.-е. доктрина или система, не дающая никакого доказательства, не опирающаяся ни на какіе факты, но предлагающая вѣрить въ ея кажущуюся разумность a priori и въ правдоподобіе аргументовъ, употребляемыхъ при ея изложеніи". Протекціонисты, по словамъ Сомнера, любятъ представлять себя практиками, а приверженцевъ свободной торговли — теоретиками (точно такъ же, какъ у насъ!). Журналы часто употребляютъ слово „теорія" въ смыслѣ чего-то воображаемаго, фиктивнаго. Въ дѣйствительности теорія не можетъ быть противопоставлена фактамъ, ибо она означаетъ раціональное описаніе и объясненіе извѣстной группы связанныхъ между собою фактовъ, въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. „Свобода торговли не есть теорія. Это только одинъ изъ видовъ свободы, одна изъ формъ—и очевидно форма отрицательная—борьбы противъ стѣсненій, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго. Внутри Соединенныхъ Штатовъ существуетъ полная свобода торговли на материкѣ. Никто объ этомъ не думаетъ и не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. Никто этого не чувствуетъ, такъ какъ чувствовать можно только стѣсненіе и гнетъ. Когда всѣ народы дойдутъ до свободы торговли и будутъ пользоваться ею, то нечего будетъ говорить о ней; она исчезнетъ изъ круга заботъ и занятій людей, исчезнетъ изъ учебниковъ политической экономіи, какъ исчезаетъ теперь глава о рабствѣ". Свобода торговли есть протестъ, конфликтъ, реформа, реакція, эмансипація политическаго тѣла, но ни въ какомъ случаѣ не теорія. Другое дѣло —протекціонизмъ: онъ вполнѣ догматиченъ и построенъ на разсуж-

леніяхъ a priori. „Хотятъ достигнуть опредѣленной цѣли — національнаго богатства и благосостоянія. Для этого предлагаютъ, какъ средство, покровительственныя пошлины. Нужно предположить, что существуетъ какая-нибудь связь между покровительственными пошлинами и народнымъ благосостояніемъ, какое-нибудь отношеніе причины и слѣдствія, какая-нибудь зависимость между высокими пошлинами и богатствомъ страны. И если понимать теорію въ смыслѣ спекулятивныхъ гипотезъ о скрытыхъ отношеніяхъ, которыя не были и не могутъ быть опредѣлены опытомъ, то система покровительства была бы прекраснымъ примѣромъ такого пониманія. Другой примѣръ, вполнѣ одинаковый, представляетъ намъ астрологія. Она вѣровала въ отношеніе причинности между движеніями планетъ и судьбою людей, и на этомъ предположеніи она воздвигла цѣлое искусство предсказанія. Алхимія также имѣетъ сходство съ протекціонизмомъ. Признавая безспорнымъ, что требуется превращеніе свинца въ золото, она предполагала существованіе философскаго камня, и, чтобы открыть его, работала неустанно въ теченіе столѣтій по методу опытовъ и неудачъ". Профессоръ Сомнеръ опредѣляетъ протекціонизмъ какъ доктрину, которая учитъ, что „хищеніе создаетъ богатство". Протекціонизмъ, говоритъ онъ, заслуживаетъ только презрѣнія и насмѣшки. „Это столь циничный видъ экономическаго шарлатанства, онъ съ такою аффектаціею маскируется наукой, что съ нимъ слѣдовало бы поступать, какъ со всѣми другими формами шарлатанства. Протекціонизмъ вызываетъ моё нравственное негодованіе. Это лицемѣрный, жестокій и несправедливый способъ завладѣвать правами другихъ; это въ одно и то же время—соціальное злоупотребленіе, экономическая ошибка и политическое зло" [1]).

Безъ сомнѣнія, система покровительственныхъ пошлинъ, осуждаемая столь рѣзко американскимъ экономистомъ, имѣетъ очень мало общаго съ тою теоріею протекціонизма, которая предлагалась въ научныхъ трактатахъ по политической экономіи, какъ, напр., въ сочиненіяхъ Фридриха Листа и Генри Кэри. Умѣренное и разумное покровительство, имѣющее цѣлью поощрить развитіе отечественной промышленности для пользы всей страны, а не только для одностороннихъ выгодъ капиталистовъ, поддерживается и у насъ такими учеными, какъ профессоръ И. И. Янжулъ. Но не о подобномъ покровительствѣ идетъ у насъ рѣчь въ настоящее время. Таможенная политика, которая съ 1877 года, по выраженію проф. Янжула, „такъ упорно держится въ Россіи", привела „къ остановкѣ развитія нашей

---

[1]) Le protectionnisme, par William Graham Sumner. Traduit de l'anglais par Joseph Chailley, Paris, 1886, стр. VIII, 21—28 и др.

внутренней промышленности"; а „возможность получить значительную прибыль, благодаря поддерживаемымъ чрезмѣрными пошлинами высокимъ цѣнамъ на продукты", побудила многихъ иностранныхъ фабрикантовъ перенести свои фабрики на нашу сторону границы, гдѣ они ведутъ дѣло на иностранные капиталы и съ иностранными рабочими и причиняютъ серьезную конкурренцію нашей туземной производительности. Такимъ образомъ, ради поднятія нашихъ фабрикъ и заводовъ, „мы заранѣе обрекаемъ себя, т.-е. весь русскій народъ, на весьма значительныя матеріальныя пожертвованія, такъ какъ, конечно, вслѣдствіе преграждѳнія иностранной конкурренціи потребители должны платить возвышенную цѣну за всѣ продукты. Между тѣмъ, естественно, возникновеніе иностранныхъ фабрикъ съ иностраннымъ трудомъ на границѣ государства одинаково затрудняетъ достиженіе высокой цѣли, поставленной въ данномъ случаѣ правительствомъ, и въ то же время дѣлаетъ безплодными всѣ жертвы народа". Съ другой стороны,—объясняетъ далѣе проф. Янжулъ,—„высокопошлинный тарифъ способствовалъ ухудшенію условій заграничнаго сбыта для нашихъ продуктовъ. Дѣло въ томъ, что, проводя послѣдовательный рядъ мѣропріятій въ пользу крупной фабричной и заводской промышленности, правительство въ значительной степени игнорировало интересы нашего земледѣлія, забывая, что чрезмѣрное покровительство однѣмъ отраслямъ производительной дѣятельности не можетъ не отразиться вреднымъ образомъ на другихъ. Вздорожаніе предметовъ потребленія, вызываемое высокими пошлинами, должно было повести къ увеличенію издержекъ производства во всѣхъ отрасляхъ промышленности и оказаться особенно тяжелымъ для земледѣлія". Въ то же время „увеличеніе таможенныхъ пошлинъ въ Россіи, прекратившее доступъ на русскій рынокъ многимъ заграничнымъ товарамъ, вызвало нѣкоторыя страны къ принятію репрессивныхъ мѣръ, выразившихся въ поднятіи пошлины на хлѣбъ и другіе продукты, привозимые изъ Россіи. Наконецъ, нѣкоторыя новыя пошлины прямо вели къ затрудненію нашей земледѣльческой промышленности и сбыта ея продуктовъ за границу. Такъ, установленіе, а потомъ повышеніе пошлины на земледѣльческія машины и аппараты, въ то время какъ вслѣдствіе конкурренціи новыхъ поставщиковъ хлѣба на заграничные рынки, особенно чувствовалась и чувствуется необходимость усовершенствованій въ нашемъ сельско-хозяйственномъ промыслѣ, несомнѣнно должно было тормозить его развитіе и увеличивать накладныя издержки производства". При этомъ интересы однихъ классовъ населенія страдаютъ ради незаслуженной пользы и выгоды другихъ. „Земледѣліе приносится въ жертву промышленности, рабочіе классы—интересамъ предпринимателей, торговля—производству, по-

требители—производителямъ" [1]). И это говоритъ экономистъ, который далеко не можетъ считаться принципіальнымъ противникомъ охранительныхъ пошлинъ.

Нашъ новѣйшій протекціонизмъ, проповѣдуемый нѣкоторыми специалистами по химіи, балету и музыкѣ, не поощряетъ промышленности, а парализуетъ ее; онъ обезпечиваетъ непомѣрно высокіе барыши отдѣльнымъ промышленникамъ, безъ всякихъ усилій со стороны послѣднихъ, цѣною значительныхъ народныхъ лишеній и жертвъ. Казна, напримѣръ, затратила болѣе 40 милліоновъ рублей на созданіе и обогащеніе пароходнаго общества, которому выдается еще сверхъ того большая ежегодная субсидія, какъ будто для того, чтобы отдѣльные акціонеры могли получать около 40% дивиденда [2]). Пароходное общество по крайней мѣрѣ приноситъ пользу странѣ, хотя по справедливости оно должно было бы остаться въ распоряженіи государства, средствами котораго оно создано. Но чаще всего усиленный протекціонизмъ пускается въ ходъ для поддержки чисто частныхъ предпріятій, которыя и безъ того обезпечены богатою данью съ потребителей или, напротивъ, не имѣютъ у насъ никакой почвы. Самая слабая сторона нашей обработывающей промышленности, по замѣчанію одного компетентнаго писателя (г. Морева), „заключается въ томъ, что она и теперь еще стоитъ не на прочномъ фундаментѣ личной энергіи, предпріимчивости и знанія фабрикантовъ и заводчиковъ, а на искусственныхъ подпоркахъ протекціонизма. Воспитанные подъ защитою строго-охранительнаго тарифа, они привыкли видѣть въ немъ одномъ исключительный залогъ успѣха своихъ предпріятій, а на другія условія, существенно необходимыя для развитія промышленности, въ большинствѣ случаевъ обращаютъ мало вниманія и особенно малую цѣну придаютъ главному двигателю всякаго прогресса— знанію: оффиціально-собранныя въ 1887 году данныя показали, что изъ общаго числа 21.810 лицъ, завѣдывавшихъ въ Россіи фабрично-заводскимъ производствомъ, только 6,8 проц. получили техническое образованіе, да и въ этомъ ничтожномъ числѣ болѣе трети приходилось на долю иностранцевъ; остальные затѣмъ 93,2 процента не имѣли за собою не только технической, но даже элементарной научной подготовки". По этому поводу справедливо замѣчено, что и „винить за это нашихъ предпринимателей не приходится, по той простой причинѣ, что не для чего имъ гоняться за знаніями, когда и безъ всякихъ знаній имѣется возможность получать такую громадную прибыль на затраченный капиталъ, о кото-

[1]) И. И. Янжулъ, Основныя начала финансовой науки, Спб., 1890, стр. 425—9.
[2]) См. „Вѣстникъ Европы", 1887, май, статья г. С. Щ., стр. 331—342.

рой ни въ какой другой странѣ самый всевѣдущій человѣкъ и помышлять не смѣетъ. Изъ опубликованныхъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ" за тотъ же 1887 годъ цифръ усматривается, напримѣръ, что чистой прибыли на свой основной капиталъ получили: товарищество шерстяныхъ издѣлій Торнтона—45%, Кренгольмская мануфактура—44,9%, Невская бумагопрядильня—38%, Никольская мануфактура Морозова—28%, Измайловская бумагопрядильня—26%, бумаго-красильная фабрика Рабенека—25,4, Екатерингофская бумагопрядильня —23%, Сампсоніевская бумагопрядильня—21,3, Нарвская льнопрядильня—18%, товарищество Викулы Морозова—16%, товарищество мануфактуры Балина—16%, россійская бумагопрядильня въ Петербургѣ—15%. На самомъ дѣлѣ эти громадные барыши, по всей вѣроятности, гораздо ниже дѣйствительныхъ, ибо въ оффиціальныхъ отчетахъ расходныя статьи нарочито преувеличиваются, и дѣлается это, по отзывамъ знатоковъ, для того, чтобы, во-первыхъ, громадность барыша не бросалась въ глаза и не давала поводовъ къ новымъ обложеніямъ производствъ; во-вторыхъ, чтобы въ обходъ закона уменьшить трехпроцентный сборъ въ казну, взимаемый съ чистой только прибыли, и въ-третьихъ, чтобы предприниматели могли сохранить за собою право плакаться на „худыя дѣла" и дѣлать дальнѣйшія посягательства на народный карманъ, подъ предлогомъ „покровительства и поощренія русской промышленности". Очевидно, таможенныя пошлины, создавшія возможность получать до 45% на капиталъ безъ всякихъ знаній, „утратили характеръ покровительства отечественной промышленности и, по вѣрному замѣчанію г. Морева, обратились просто въ премію за отсталость и невѣжество нашихъ фабрикантовъ".

Множество поучительныхъ и безспорныхъ фактовъ въ этомъ родѣ собрано въ напечатанной недавно книгѣ, заключающей въ себѣ „ходатайства Имп. Вольнаго Экономическаго Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ" (Спб., 1890), откуда заимствована нами приведенная выше цитата (стр. 149—153). Въ этихъ ходатайствахъ подробно излагаются взятыя изъ жизни и основанныя на оффиціальныхъ данныхъ положительныя указанія на невозможность нынѣшнихъ запретительныхъ пошлинъ съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ. Эти фактическія указанія, по свойству своему, не могутъ уже быть обойдены съ тою легкостью, съ какою обыкновенно перетолковываются или замалчиваются доводы противниковъ развязными защитниками протекціонизма въ нашей печати. Единственное наше общественное учрежденіе, спеціально занимающееся вопросами нашего народнаго хозяйства, высказывается

рѣшительно противъ системы искусственнаго поднятія барышей капиталистовъ до 45% на народный счетъ. Имп. Вольное Экономическое Общество держится того взгляда, „общаго и всѣмъ русскимъ экономистамъ, какіе когда-либо высказывались по этому предмету,—что для развитія нашей торговли и промышленности *вреденъ не принципъ покровительства самъ по себѣ, а только избытокъ его*“ (стр. 140). Общество, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, „не только не усматриваетъ разумныхъ поводовъ къ предположенному составителями разныхъ „записокъ“ для министерства финансовъ дальнѣйшему повышенію таможенныхъ пошлинъ, но полагаетъ, напротивъ, что наступила пора принять починъ и въ таможенномъ разоруженіи, переходомъ къ такой торговой политикѣ, которая, не подрывая силъ русскаго народа, менѣе вредно отзывалась бы какъ на интересахъ общаго мира, такъ въ особенности на интересахъ нашей производительности и нашего благосостоянія, отъ котораго самымъ существеннымъ образомъ зависятъ и интересы государственной казны“. Общество пришло къ этому убѣжденію „не путемъ теоретическихъ воззрѣній, могущихъ казаться спорными, а единственно по указанію фактовъ, которые представляются ему столь же безспорными, сколько заслуживающими правительственнаго вниманія“ (118—9). Фактовъ этихъ такъ много и они такъ интересны, что выбрать изъ нихъ наиболѣе характерные довольно затруднительно; мы можемъ только извлечь нѣкоторыя свѣденія и соображенія, касающіяся особенно важныхъ и общихъ сторонъ предмета, оставляя въ сторонѣ цифры и подробности.

Въ „ходатайствахъ“ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества отводится не мало мѣста опроверженію какихъ-то произвольныхъ и отчасти совершенно фантастичныхъ взглядовъ и проектовъ, изложенныхъ въ запискахъ профессоровъ технологическаго института Тавилдарова и Аѳанасьева, а также химика Менделѣева; очевидно, эти ученые считали себя призванными рѣшать мимоходомъ капитальные народно-хозяйственные вопросы, хотя послѣдніе не имѣютъ ничего общаго съ предметами ихъ постоянныхъ занятій. Если Вольному Экономическому Обществу приходится защищать хозяйственные интересы страны отъ экономическихъ теорій, придуманныхъ химиками или технологами, то это доказываетъ лишь, что послѣдніе могли дѣйствительно повліять на рѣшеніе дѣла, не входящаго вовсе въ кругъ ихъ компетенціи. Тѣмъ пріятнѣе видѣть, что курьезныя политико-экономическія предположенія этихъ оригинальныхъ „свѣдущихъ людей“ встрѣтили надлежащую и своевременную оцѣнку со стороны такого компетентнаго и авторитетнаго учрежденія, какъ Императорское Вольное Экономическое Общество.

Въ одномъ мѣстѣ книги упоминается тотъ любопытный фактъ, что въ

1844 году преемникъ графа Канкрина по министерству финансовъ, Вронченко, оправдывалъ запретительную политику ссылками „не на факты изъ нашей жизни, а на книгу *нѣмецкаго* ультра-протекціониста *Фридриха Листа* „Національная система политической экономіи“ (стр. 141). Почти полвѣка спустя повторяется тотъ же пріемъ: дѣятели нашего протекціонизма все еще не идутъ дальше Фридриха Листа и по прежнему противопоставляютъ авторитетъ давно-устарѣлаго нѣмецкаго сочиненія положительнымъ фактамъ и запросамъ русской жизни. И забавнѣе всего, что эти упорные истолкователи стараго нѣмецкаго теоретика обзываютъ противниковъ доктринерами и пренебрежительно говорятъ о теоріяхъ и доктринахъ экономистовъ. Но цитаты изъ сочиненій Листа и другихъ иностранныхъ проповѣдниковъ покровительственной системы не имѣютъ въ сущности ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о нашемъ современномъ протекціонизмѣ, ибо ни Листъ, ни кто-либо другой въ Европѣ не утверждалъ, что слѣдуетъ обезпечивать фабрикантамъ барыши до 40%, что нужно подавлять и разорять земледѣліе искусственнымъ повышеніемъ цѣнъ на необходимые предметы хозяйства и потребленія, что покровительство капиталистамъ и предпринимателямъ должно сопровождаться невниманіемъ къ настоятельнымъ потребностямъ и интересамъ громаднаго большинства населенія, какъ это выходитъ у насъ на практикѣ и какъ это вытекаетъ изъ домогательствъ нашихъ протекціонистовъ-доктринеровъ.

Извѣстно, что „большинство посѣщающихъ наши порты судовъ вынуждается чрезмѣрно высокимъ таможеннымъ тарифомъ ходить въ наши порты съ балластомъ, вмѣсто котораго многіе изъ нихъ предпочитали въ допошлинное время возить хоть каменный уголь; что убыточность плаванія безъ товара естественно побуждаетъ ихъ вознаграждать себя на обратномъ извозѣ нашихъ продуктовъ, которые чрезъ то искусственно удорожаются на потребительныхъ рынкахъ, а наконецъ, что чѣмъ большее число коммерческихъ судовъ приходитъ въ наши порты съ песчанымъ или мусорнымъ балластомъ, тѣмъ сильнѣе засоряются и самые порты и входы къ нимъ съ моря“. По удостовѣренію проф. Янсона, послѣ принятія въ 1867 году строгихъ мѣръ ко взысканію въ Таганрогѣ ста-рублеваго штрафа за выбрасываніе балласта въ воду, шкипера совсѣмъ перестали выбрасывать часть его въ Черномъ морѣ, включили штрафныя деньги въ свой постоянный расходный бюджетъ и преспокойно начали *выбрасывать весь свой мусоръ въ Азовское море*, въ громадномъ количествѣ *12 милліоновъ пудовъ въ годъ*. „Оно и понятно: по сравненію со всѣми другими изъ русскихъ портовъ, азовскіе даютъ иностранцамъ самые дешовые хлѣба, чѣмъ и объясняется относительное множество прихо-

дящихъ за ними судовъ; ни плавать безъ балласта, ни стоять безъ него предъ такими удаленными отъ стоянки портами, какъ Ростовъ и Таганрогъ, немыслимо, не подвергая судно риску опрокинуться; морской полиціи совсѣмъ здѣсь нѣтъ, а портовая не всегда расположена быть особенно зоркою, и практикуется самый обычный пріемъ, состоящій въ томъ, что къ одному борту судна приходитъ хлѣбъ, а съ другого выбрасывается соотвѣтственное количество мусора, устраненіе котораго очень скоро вызываетъ милліонные расходы на благоустройство портовъ". По оффиціальнымъ свѣденіямъ за 1888 годъ, коммерческихъ судовъ заграничнаго плаванія пришло въ наши порты *безъ товара* 8.680, среднею вмѣстимостью каждое въ 307 ластовъ, гораздо больше, чѣмъ съ товаромъ (6.291, среднею вмѣстимостью каждое въ 307 ластовъ). Если вмѣстимость перевести на пуды такого груза, какъ зерно, мука и т. п., то общая вмѣстимость безтоварныхъ судовъ выразится громадной цифрой въ 319.771.200 пудовъ. Понятно, что Вольное Экономическое Общество признаетъ „крайне убыточными для народнаго хозяйства мѣропріятія, искусственно побуждающія коммерческія суда ходить въ русскіе порты безъ товаровъ" и засорять эти порты милліонами пудовъ мусора ежегодно. И на такіе яркіе и крупные факты отвѣчаютъ у насъ ссылками на Фридриха Листа, на Сѣверную Америку и на доктринерство экономистовъ!

Наибольшее покровительство оказывается у насъ обыкновенно такимъ производствамъ, которыя всего менѣе нужны массѣ народа; послѣдствія этого порядка были живо обрисованы еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ извѣстнымъ адмираломъ Мордвиновымъ. „Первая процвѣтавшая у насъ фабрика была парчевая; за пятьдесятъ лѣтъ назадъ мы выливали зеркала той величины, какой ни одна роскошнѣйшая въ Европѣ страна не имѣла; дѣлали фарфоровыя вазы, огромностью, живописью и позолотой удивлявшія иностранцевъ, но не было у насъ ни хорошихъ стеколъ для оконъ, ни глиняной посуды, необходимо нужныхъ для каждаго дома; гранили хрусталь на подобіе драгоцѣнныхъ камней, но не имѣли бутылокъ; дѣлали столы съ узорочною на нихъ наклейкой изъ разноцвѣтныхъ деревъ, но топорами въ лѣсахъ обдѣлывали доски и домашнюю утварь; построили въ Ямбургѣ огромнѣйшія зданія для суконной фабрики, а на овцахъ нашихъ росла простая грубая шерсть, и обширныя наши степи лежали впустѣ, безъ овечьихъ стадъ; кареты наши не уступали англійскимъ, а на торговыхъ площадяхъ видимъ чухонскія двухколесныя телѣжки; носимъ московскаго произведенія тафту, гродетуръ и атласъ, а полотно и рубашки наши покупаемъ у голландцевъ и англичанъ; вышиваемъ золотыми нитками блестящіе уборы, льняныя же нитки

сучимъ на веретенахъ, помачивая ихъ слюною, при свѣтящейся на верстакѣ лучинѣ; украшаемъ дома наши позлащенной бронзой собственнаго издѣлія, а мѣдь очищаемъ не иначе, какъ очищали ее въ другихъ странахъ за 80 лѣтъ назадъ; дѣлаемъ отличные ланцеты и хирургическіе инструменты, а серпы, косы, ножи и вилки выписываемъ изъ чужихъ краевъ; имѣемъ великолѣпный въ Петербургѣ ботаническій садъ, со всѣми рѣдкими произрастеніями отдаленнѣйшихъ странъ міра, а на поляхъ нашихъ паренина, изнуряющая скотъ; имѣемъ огромныя и многочисленныя зданія, но нѣтъ ни одного малаго дома для школы взаимнаго обученія; Петербургъ, великолѣпнѣйшій въ мірѣ городъ, окруженъ болотами, какъ драгоцѣнный брилліантъ, въ свинцѣ обложенный. Стоитъ обратить взоры на ремесленныя, промышленныя и торговыя мѣста россійской карты; какая откроется пустота и безобразіе на великомъ ея пространствѣ! Не благополезно ли, при такомъ нашемъ состояніи, повторять: *начинайте съ начала*?" Этотъ призывъ знаменитаго адмирала сохраняетъ свою полную силу и въ настоящее время. Въ концѣ прошлаго года извѣстный нашъ ученый, г. Венюковъ, сообщилъ въ газетахъ содержаніе интереснаго разговора съ однимъ американцемъ, только-что окончившимъ путешествіе по Россіи и готовившимъ о ней особую книгу. На вопросъ, какое впечатлѣніе вынесъ путешественникъ изъ продолжительныхъ странствованій по Россіи, американецъ отвѣчалъ: „простите за откровенность,—не радостное; во-первыхъ, я видѣлъ націю, которая живетъ не въ домахъ, а въ какихъ-то курныхъ, крытыхъ соломою лачугахъ, неизвѣстныхъ у насъ даже во вновь водворяющихся колоніяхъ дальняго запада; во-вторыхъ, питаніе огромнаго большинства русскаго народа ниже всякой гигіенической критики, одежда также оставляетъ желать очень многаго, холодъ зимою въ домишкахъ, отапливаемыхъ хворостомъ или соломою, а объ опрятности лучше не говорить; въ-третьихъ, у васъ даже образованнѣйшіе люди мало знакомы съ истинными интересами Россіи и ничего не дѣлаютъ, чтобы выйти изъ такого невѣденія". Среднее годичное потребленіе хлѣба на душу сократилось у насъ въ послѣднія шесть лѣтъ сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ почти на цѣлый процентъ; это уменьшеніе сытости крестьянъ имѣетъ несомнѣнную связь съ искусственнымъ поднятіемъ цѣнъ на многіе продукты и издѣлія, такъ какъ нашъ потребитель вынужденъ переплачивать въ среднемъ размѣрѣ на 198% болѣе противъ финляндца, на 268% больше противъ германца, и на 362% больше противъ австрійца, и „покупательныя силы его не могли не истощаться, и онѣ истощились до того, что даже жить по-человѣчески огромное большинство русскаго народа не можетъ".

При такихъ условіяхъ протекціонисты предлагаютъ наложить на народъ еще большее бремя платежей въ пользу фабрикантовъ и промышленниковъ, чтобы дать имъ будто бы возможность догнать Европу въ дѣлѣ промышленнаго развитія безъ помощи техническихъ и научныхъ знаній, изобрѣтательности и энергіи. Но если возможно догонять Европу, то „только мѣрами иного порядка, а отнюдь не запретительнымъ тарифомъ, который на каждомъ шагу ставитъ преграды самой догонкѣ: мыслимо ли русскому земледѣльцу догнать кого бы то ни было, когда искусственная дороговизна самыхъ орудій догонки вынуждаетъ его, все еще въ печальномъ большинствѣ, пахать землю допотопною сохою, боронить суковатымъ деревомъ (смыковкой), собирать зерно руками, очищать вѣтрами, перемалывать если не въ домашней ступѣ или кадушкѣ, то на вѣтрякѣ, въ которомъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, а наконецъ, даже тщательно объѣзжать шоссированную дорогу, по которой на некованой лошади и въ розвальняхъ безъ подрѣзовъ нельзя ему и ѣздить зимою, не рискуя и собою, и лошаденкой, и пр., и пр., и пр.?“ Высокіе тарифы, въ связи съ свойствомъ всякой цѣны стремиться къ наивысшему изъ достижимыхъ уровню, имѣютъ еще ту особенность, что „они возвышаютъ рыночную цѣну даже такихъ одноименныхъ съ обложенными товаровъ, которые никогда, такъ сказать, заграницы не видали и поступили на рынокъ задолго до повышенія таможенныхъ ставокъ. Изъ послѣднихъ каждая въ отдѣльности мотивировалась обыкновенно простымъ заявленіемъ, что она „будетъ не особенно отяготительна“; но всѣ вмѣстѣ самымъ естественнымъ путемъ привели русскій народъ къ состоянію непрекращающихся въ послѣднее 15-лѣтіе „кризисовъ“, а съ ними и къ „приблизительному“ голоданію (стр. 120 и слѣд., 175 и др.).

Высокія покровительственныя пошлины, уменьшая покупательную способность потребителя, невольно понижаютъ его вкусы и заставляютъ его довольствоваться гнильемъ, лишь бы оно было дешево. „Этимъ и объясняется, почему всякое повышеніе таможенной пошлины имѣетъ послѣдствіемъ, что даже самый безукоризненный заграничный производитель начинаетъ посылать въ Россію завѣдомо-худшій, чѣмъ прежде, товаръ, лишь бы онъ былъ по карману нашего потребителя“. Для многихъ уже утвердившихся внутреннихъ производствъ устраненіе той искусственной дороговизны, какая создается непомѣрно высокимъ тарифомъ, расширило бы область сбыта, такъ какъ на дешовый товаръ всегда и вездѣ больше покупателей, нежели на дорогой, и наоборотъ. „Къ несчастію, эта аксіома часто забывалась и забывается у насъ, какъ самими фабрикантами, такъ и разрѣшающей властью. Что фабрикантъ всѣми правдами и неправдами

стремится удержать за собою право полученія съ народа барышей отъ 15% до 45% на затраченный капиталъ,—это еще доступно пониманію", уже потому, что „вѣдь наши фабриканты въ 93 случаяхъ изъ ста свободны отъ малѣйшаго знакомства съ наукою и смекаютъ только, что „почему не брать, если даютъ"; но съ ними заодно дѣйствуютъ „авторитетные представители разныхъ спеціальныхъ знаній" (кромѣ только экономическихъ, какъ упомянуто выше), которые, очевидно, лишь по недоразумѣнію требуютъ дальнѣйшаго повышенія пошлинъ.

Начало чрезмѣрному обложенію ввоза „положено у насъ въ 1877 г., огульнымъ переводомъ кредитныхъ пошлинъ въ золотыя, и затѣмъ почти не проходило года, въ которомъ та или другая таможенная ставка не повышалась бы въ угоду единичныхъ интересовъ". Разныя европейскія государства, въ видѣ возмездія, обложили съ 1879 года боевыми пошлинами почти всѣ продукты русскаго сельскаго хозяйства. Министерство финансовъ само высчитало, что за одни только зерновые хлѣба, вывезенные нами въ 1888 году въ Германію, Францію и Италію, такихъ боевыхъ пошлинъ пришлось уплатить болѣе 48 милліоновъ рублей; и если даже допустить, что цѣлую половину этой суммы уплатили потребители нашего зерна, то свыше 24 милліоновъ легло несомнѣнно налогомъ на русскихъ его производителей (стр. 117). Сторонники высокихъ тарифовъ должны сами признать, что эти тарифы не охраняютъ, а постепенно разоряютъ тѣхъ, для пользы которыхъ будто бы вводятся запретительныя пошлины. Умѣренно-покровительственный тарифъ 1857 года, дѣйствовавшій съ нѣкоторыми измѣненіями (произведенными въ 1868 году) до послѣдней турецкой войны, былъ впервые въ текущемъ столѣтіи составленъ „не подъ диктовку чуждыхъ намъ теорій и не по требованіямъ лично-заинтересованныхъ фабрикантовъ". Этотъ тарифъ, основанный на указѣ 1845 года, имѣлъ благотворное вліяніе на развитіе *всѣхъ* главныхъ экономическихъ интересовъ Россіи; въ пятилѣтіе 1870—74, сравнительно съ періодомъ 1845—49 годовъ, отпускъ увеличился на 273%, привозъ на 432%, а таможенный сборъ слишкомъ на 69%. Число фабрикъ и заводовъ въ промежутокъ пятнадцати лѣтъ отъ 1856 до 1870 года увеличилось на 76%, а производство ихъ — на 122 процента. Запретительныя пошлины 1877 года сразу измѣнили положеніе дѣлъ: вновь оказался сильнѣйшій упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ, опять стали раздаваться повсемѣстныя жалобы русскихъ хозяевъ на безвыгодность сельскаго хозяйства, снова понадобилась особая коммиссія „для изысканія мѣръ къ поднятію цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія". Обороты нашей торговли съ Европою непрерывно сокращались, и этотъ фактъ былъ оффиціально указанъ госу-

дарственнымъ контролемъ въ 1887 году, для объясненія того, что таможенный доходъ не увеличивался несмотря на повышеніе пошлинъ. Извѣстно, что протекціонисты разсчитываютъ всегда на увеличеніе вывоза и уменьшеніе ввоза; запретительный тарифъ въ пятилѣтіе 1882—86 въ гораздо большей степени сократилъ вывозъ нашихъ собственныхъ продуктовъ за границу, чѣмъ привозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію,—вопреки всѣмъ обманчивымъ разсчетамъ протекціонистовъ. Въ 1882 году отпускъ составлялъ 667.343.000 р., а привозъ—527.512.000 р.; въ 1886 году цифры эти упали до 450.651.000 и 379.715.000, т.-е. вывозъ уменьшился въ пять лѣтъ на 216.692.000 р., или на 48%, а привозъ—на 147.797.000 р., или на 39 процентовъ.

Можно ли представить болѣе наглядный аргументъ противъ таможенной политики, сокращающей обмѣнъ продуктовъ на милліонныя суммы во имя поощренія промышленности? Если три послѣдніе года оказались случайно нѣсколько лучшими для нашего сбыта, то они конечно „не возмѣстили прежнихъ потерь и не улучшили хозяйственныхъ условій, такъ какъ громадный вывозъ хлѣбовъ за эти годы мы купили цѣною уменьшенія собственной сытости на цѣлый процентъ и до такой степени не упрочили экономическаго своего положенія, что недородъ 1889 года уже въ осени ознаменовался мѣстными голодовками, даже въ такихъ по преимуществу хлѣбныхъ губерніяхъ, какъ тамбовская, казанская, полтавская, воронежская, подольская и другія". Сдѣланная въ книгѣ историческая справка свидѣтельствуетъ, что „въ 60 лѣтъ, съ 1822 по 1882 годъ, сельскохозяйственная промышленность Россіи подвергалась четыре раза неисчислимымъ потерямъ, ставившимъ ее въ весьма критическое положеніе, и во всѣ четыре раза ближайшей причиной ихъ были непомѣрно-высокіе таможенные тарифы. Наоборотъ, періодъ времени съ 1845 по 1877 годъ, при болѣе умѣренномъ тарифѣ, обошелся безъ подобныхъ бѣдствій, не взирая на три за это время войны и одну внутреннюю смуту, изъ которыхъ каждая требовала бо̀льшаго или мѐньшаго напряженія всѣхъ финансовыхъ силъ страны, ни даже на тотъ коренной переворотъ, какой пережила Россія, благодаря достопамятному акту 19-го февраля. Такой фактъ говоритъ за себя слишкомъ громко, чтобы могъ остаться неуслышаннымъ".

Весьма обстоятельно изложена въ книгѣ исторія непомѣрнаго вздорожанія сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, подъ вліяніемъ высокихъ и постоянно возроставшихъ таможенныхъ пошлинъ (стр. 10—63). Самою блестящею эпохою развитія нашего машиностроенія является именно періодъ свободнаго доступа болѣе совершенныхъ и непрестанно улучшающихся иностранныхъ машинъ. Сельскіе хозяева имѣли возможность обзаводиться недорогимъ машиннымъ

инвентаремъ на льготныхъ условіяхъ, благодаря значительному числу складовъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи; такихъ складовъ было уже больше двухсотъ въ 1885 году. Послѣ установленія пошлины число это сократилось къ 1889 году до 168, т.-е. упало на 21%. Дѣло въ томъ, что въ допошлинное время складчикъ, выписывая изъ за границы нѣсколько вагоновъ машинъ и орудій въ кредитъ на извѣстный срокъ, вкладывалъ въ свое предпріятіе, въ видѣ уплаты за провозъ, не болѣе 300—400 рублей кред. на каждый вагонъ; 50-копѣечная пошлина съ пуда, не считая хлопотъ и издержекъ по ея очисткѣ, увеличила этотъ расходъ складчика на 300, а 70-копѣечная—на 420 руб. золотомъ, и то̀, что̀ требовало раньше не болѣе 400 рублей, было вогнано въ 1.000—1.100 рублей кред. на вагонъ. Такое увеличеніе первоначальныхъ затратъ оказалось непосильнымъ именно для тѣхъ мелкихъ и небогатыхъ оборотными средствами складовъ, которые были наиболѣе полезны нашимъ хозяевамъ, какъ ближайшіе и сподручные, щеголявшіе притомъ льготными условіями продажи и дешевизной продаваемыхъ издѣлій предъ складами болѣе крупными и отдаленными. Эти-то небольшіе склады, послѣ введенія пошлины, должны были сойти со сцены и развязать руки монополизованнымъ предпріятіямъ. Иностранный привозъ постоянно снабжалъ русскій рынокъ новыми образцами, хорошо и тщательно выполненными, съ которыхъ наши машиностроители снимали копіи, измѣняя и приспособляя ихъ къ требованіямъ русскаго хозяйства, а достаточной охраной отъ заграничной конкурренціи служили для нашего внутренняго машиностроенія—мѐньшія разстоянія по доставкѣ машинъ, бо̀льшая приспособленность ихъ къ условіямъ русскаго земледѣлія, полная доступность безплатнаго пользованія чужими изобрѣтеніями.

На основаніи точныхъ цифръ за послѣднее двадцатилѣтіе, Вольное Экономическое Общество заключаетъ, что безпошлинный ввозъ въ Россію иностранныхъ машинъ и орудій не только не тормазилъ, а, напротивъ, развивалъ распространеніе въ странѣ машинъ внутренняго изготовленія, которыя въ большинствѣ представляютъ лишь болѣе или менѣе удачныя копіи съ заграничныхъ образцовъ. Введеніе пошлинъ на уголь и необходимые металлы значительно сократило потребленіе послѣднихъ внутри страны, какъ это видно изъ того, что цифры привоза и добычи за 1889 годъ не превышаютъ цифру за 1869 годъ, хотя населеніе за этотъ періодъ времени увеличилось на 30%; отсюда у насъ среднимъ числомъ приходится на человѣка всего 22 фунта желѣза въ годъ, тогда какъ въ Германіи—болѣе пяти пудовъ, во Франціи—около шести, а въ Англіи—до 10 пудовъ; дѣло именно въ томъ, что нашему крестьянину надо отдать за пудъ желѣза почти

цѣлую четверть ржи, между тѣмъ какъ прусскій получаетъ его за мѣрку пшеницы. Искусственно-созданная дороговизна металловъ побудила обложить высокими пошлинами иностранныя земледѣльческія машины и орудія, несмотря на очевидный вредъ этихъ пошлинъ для всего сельскаго хозяйства. „Соображенія эти не разъ уже представлялись на усмотрѣніе правительства; но спекуляція, располагавшая большими средствами и способами къ осуществленію своихъ плановъ, восторжествовала, несмотря даже на сочувствіе высшихъ правительственныхъ учрежденій къ умѣренной покровительственной политикѣ, на сторонѣ которой находились всегда и лучшіе представители земледѣльческой нашей промышленности". Пошлина сразу уменьшила привозъ почти втрое, и пріобрѣтеніе необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій превращено въ какую-то роскошь, доступную только богатымъ землевладѣльцамъ. Машины внутренняго приготовленія по своимъ качествамъ не замѣняютъ иностранныхъ и въ сущности обходятся дороже ихъ; онѣ перестали улучшаться и совершенствоваться, при всей своей дороговизнѣ. Послѣ повышенія пошлинъ въ 1887 г. ни одного новаго завода еще не открыто, а нѣкоторые прежніе ходатайствовали даже о выдачѣ имъ правительственныхъ ссудъ на расширеніе предпріятій, откровенно заявивъ, что собственныхъ на это средствъ они не имѣютъ. И эти производители, не имѣющіе вовсе возможности снабжать наше сельское хозяйство хорошими орудіями даже за дорогую цѣну, добиваются теперь дальнѣйшаго повышенія пошлинъ и цѣнъ, — и находятся писатели, предлагающіе и впредь „оказывать незаслуженное баловство едва замѣтному меньшинству, въ явный ущербъ подавляющаго большинства". Многія машины даже совсѣмъ не производятся въ Россіи, а потому невольно выписываются изъ-за границы; наши заводы не могутъ соперничать съ заграничными по той простой причинѣ, что производятъ для сравнительно небольшого спроса и при неблагопріятныхъ условіяхъ научной и технической обстановки, тогда какъ иностранные предприниматели разсчитываютъ на обширный сбытъ, работаютъ старательно подъ вліяніемъ конкурренціи, заготовляютъ много машинъ и продаютъ ихъ дешево, чѣмъ и упрочиваютъ свое дѣло. Между тѣмъ какъ иностраннымъ хозяевамъ всѣ необходимыя машины и орудія доставались въ послѣдніе годы по цѣнамъ, прогрессивно падавшимъ, русскіе хозяева, напротивъ, за тѣ же машины и орудія вынуждались платить цѣны, прогрессивно возроставшія; а такая глубокая разница должна была неизбѣжно подрывать нашу конкуррирующую силу на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ. Наше столь щедро охраняемое машиностроеніе не можетъ успѣшно развиваться уже вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ и топлива, покровительствуемыхъ съ такою же щедростью. Если срав-

нить наши цѣны съ германскими, то получится, что русскій машиностроитель долженъ платить за топливо и матеріалъ на 50—100%, дороже. А такъ какъ эти цѣны искусственно подняты протекціонизмомъ, то выводъ ясенъ самъ собою.

Дороговизна необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій отнимаетъ у нашего земледѣлія возможность удешевлять производство своихъ продуктовъ и удерживать за ними міровой рынокъ; машины же уменьшаютъ издержки производства почти на 50% среднимъ числомъ. Съ точки зрѣнія милліоновъ русскихъ хозяевъ совершенно непонятно, „въ силу какихъ государственныхъ соображеній надо парализовать столь крупныя выгоды русскаго хозяйства, для того только, чтобы за его счетъ могли распоряжаться цѣнами 400—450 машиностроителей". Дѣйствующій тарифъ заставляетъ русскаго хозяина переплачивать за земледѣльческія машины и орудія на 119 процентовъ дороже противъ австрійскаго, на 159% противъ германскаго, и на 498% противъ финляндскаго; но сплошь и рядомъ переплаты эти удвоиваются и утроиваются по усмотрѣніямъ истолкователей тарифа. Безусловно необходимо предоставить сельскому хозяйству возможность обзаводиться съ наименьшими затратами улучшеннымъ инвентаремъ, какъ первымъ условіемъ и залогомъ возвышенія земледѣльческой производительности. Крестьянинъ и теперь переплачиваетъ мелочникамъ за каждую косу по 30—40 коп. свыше оптовой стоимости; а профессоръ (какого предмета—намъ неизвѣстно) Аѳанасьевъ предлагаетъ еще значительно увеличить пошлину на косы и серпы, заступы, лопаты и тому подобныя принадлежности крестьянскаго хозяйства, съ оговоркою, что испорченныя и бракованныя издѣлія оплачиваются одинаково съ годными къ употребленію (стр. 62). Такія невѣроятныя предположенія могутъ имѣть въ виду только разореніе сельскаго хозяйства, особенно крестьянскаго, для выгодъ немногихъ производителей. Имп. Вольное Экономическое Общество предлагаетъ, „во имя самыхъ жизненныхъ потребностей всего русскаго хозяйства, отказаться отъ всякаго обложенія привозныхъ изъ-за границы сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій". Ни одинъ разумный протекціонистъ не станетъ спорить противъ удовлетворенія такой насущной потребности земледѣлія, хотя бы вслѣдствіе этого понизились временно барыши нѣкоторыхъ производителей. Быстрое увеличеніе спроса на машины вполнѣ возмѣстило бы кажущіяся потери отъ иностранной конкурренціи и вновь поставило бы дѣло машиностроенія въ тѣ благопріятныя условія совершенствованія, въ какихъ оно находилось уже до введенія пошлинъ.

Крайне поучительна исторія нашей каменноугольной промышленности и непомѣрнаго повышенія пошлинъ и цѣнъ на уголь по уси-

леннымъ домогательствамъ нѣсколькихъ спекулянтовъ донецкаго бассейна (стр. 178—202). Вздорожаніе топлива заставляло рубить на югѣ послѣдніе лѣса; отсутствіе привознаго угля не только не могло быть пополнено русскими углепромышленниками, при ихъ первобытныхъ пріемахъ разработки и при недостаткѣ капиталовъ, но и сами эти производители нуждались въ громадномъ количествѣ угля для исполненія своихъ обязательствъ передъ кліентами и должны были ради этого выписывать англійскій уголь (въ 1888 году). Больнѣе всѣхъ досталось именно фабрикантамъ и заводчикамъ, въ обезпеченіе которыхъ и установлялось таможенное покровительство: многимъ изъ нихъ необходимый уголь доставался по рублю и дороже за пудъ; громадный бельгійскій заводъ около Екатеринослава нашелся вынужденнымъ сократить до весны свои работы на цѣлую половину; многіе сахарные заводы пріостанавливали производство на болѣе или менѣе продолжительное время. Нельзя и сосчитать, какіе громадные убытки причинила эта пошлина заводамъ винокуреннымъ, сахароваренннымъ, пивоваренннымъ, свѣчнымъ, металлическимъ и пр. Одна провинціальная газета выразилась, что, видно, „всему югу должно быть холодно, лишь бы тепло было небольшой группѣ углепромышленниковъ и прихвостней ихъ". Высокая пошлина на привозный уголь поощрила спекулянтовъ къ скорѣйшему расхищенію подземныхъ богатствъ, и особенно усердно дѣйствовали въ этомъ направленіи нѣмецкіе владѣльцы домбровскихъ угольныхъ копей; эти нѣмцы или точнѣе пруссаки извлекли наибольше выгодъ изъ мнимаго поощренія отечественной каменноугольной промышленности. Даже ярые протекціонисты должны были признать, что пошлина на привозный уголь была „крупнѣйшей финансовой и экономической ошибкою". Можетъ ли быть рѣчь о „покровительствѣ" какимъ-нибудь промысламъ, когда принятыя мѣры признаются „крайне разорительными для всего государства"? Созданіе искусственнаго кризиса и разстройства въ промышленной производительности цѣлаго края было результатомъ мѣры, которая повидимому имѣла цѣлью оказать покровительство интересамъ углепромышленниковъ. Такъ опасно слѣдовать указаніямъ и ходатайствамъ заинтересованныхъ дѣятелей или неудачныхъ экспертовъ, мало знакомыхъ съ свойствами сложныхъ народно-хозяйственныхъ явленій!

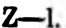
Интересны также свѣденія о чаѣ, который обложенъ у насъ пошлиной „въ такомъ громадномъ размѣрѣ, какого нигдѣ въ мірѣ не существуетъ" (стр. 214 и слѣд.). Чай давно уже успѣлъ сдѣлаться у насъ предметомъ всеобщаго народнаго потребленія, и онъ могъ бы вытѣснить водку, еслибы не былъ такъ дорогъ. Высокая пошлина на чай не можетъ быть объясняема покровительственными цѣлями, такъ какъ въ Россіи нѣтъ чайныхъ плантацій, которыя нуждались

бы въ охранѣ отъ китайской конкурренціи; а искусственное поднятіе цѣнъ на чай вызвало правильно организованную фальсификацію, которая сдѣлалась даже почти обязательною для торговцевъ со времени введенія золотой пошлины въ 21 р. съ пуда, ибо при такой пошлинѣ нѣтъ физической возможности продавать низшіе сорта чаевъ по обычнымъ или доступнымъ публикѣ цѣнамъ, не прибѣгая къ разнымъ подмѣсямъ. Поэтому „наша копорка, признаваемая врачебнымъ уставомъ вредною для здоровья и цѣнившаяся прежде не дороже сѣна, поднялась въ цѣнѣ до 10 р. за пудъ и цѣлыми вагонами вывозится въ Вержболово, для подмѣси къ такъ-называемымъ кантонскимъ чаямъ". Болѣе ста образцовъ двухрублеваго чая, взятаго изъ разныхъ магазиновъ столицы, было подвергнуто анализу врачебнымъ обществомъ, и „почти всѣ оказались съ примѣсью волчеца и иванъчая, причемъ обнаружилось, что трава эта во множествѣ привозится въ столицу изъ окрестныхъ мѣстъ, что изъ ста возовъ ея уловляется не болѣе десяти, а остальные благополучно превращаются въ китайскіе чаи, на ряду съ листьями шиповника, ивы, земляники, ясеня и тому подобнаго сора, ничего общаго съ полезнымъ теиномъ не имѣющаго". Кому и чему покровительствуетъ такимъ образомъ высокая пошлина на чай? Составители тарифа, конечно, не имѣли въ виду оказать покровительство водкѣ и фабрикаціи поддѣльнаго чая, но другихъ результатовъ не имѣла пошлина въ данномъ случаѣ.

Имп. Вольное Экономическое Общество имѣло полное основаніе сказать, что „съ нескрываемою враждебностью оно относится *не къ принципу таможеннаго покровительства*, а только къ неудачному и несогласованному съ насущными нуждами и интересами Россіи его примѣненію" (стр. 235). И въ самомъ дѣлѣ наши высокіе тарифы не только не покровительствуютъ отечественной промышленности, но, напротивъ, парализуютъ ее, вносятъ въ нее разстройство и застой,— такъ что вопросъ о протекціонизмѣ въ серьезномъ смыслѣ этого слова почти не затрогивается фактическимъ положеніемъ этого дѣла у насъ. Это обстоятельство, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что въ дѣлѣ таможенныхъ тарифовъ слишкомъ большую роль играли до сихъ поръ случайные или лично заинтересованные представители промышленности, успѣвавшіе выдавать свои спеціальныя выгоды за общіе интересы русской производительности и торговли. Важное народно-хозяйственное значеніе пошлинъ почти совершенно упускалось при этомъ изъ виду. Въ настоящее время нельзя не видѣть значительнаго и весьма благопріятнаго поворота во взглядахъ правительства уже въ самомъ фактѣ обращенія къ Имп. Вольному Экономическому Обществу, съ приглашеніемъ принять участіе въ пересмотрѣ таможеннаго тарифа,—участіе, къ которому Общество призывалось впервые за 125

лѣтъ его существованія, какъ объ этомъ заявлено въ самомъ началѣ книги ходатайствъ. Не только закулисные аферисты протекціонизма, но и кабинетные ученые, принимающіе тарифные вопросы за чисто-техническія задачи, не могутъ уже оказывать рѣшающее вліяніе на дѣло, къ обсужденію котораго привлечено Вольное Экономическое Общество.

Вслѣдъ за словами о „неудачномъ и несогласованномъ съ насущными нуждами и интересами Россіи" примѣненіи покровительственнаго принципа сказано слѣдующее: „разительнѣйшимъ образцомъ *такого* именно примѣненія служитъ обширная (въ 214 страницъ) докладная записка члена совѣта торговли и мануфактуръ, профессора Менделѣева". Довольно пространный разборъ этой записки (стр. 235—268) обнаруживаетъ не мало любопытнаго и удивительнаго въ политико-экономическихъ разсужденіяхъ и проектахъ знаменитаго химика; но изъ уваженія къ большимъ и всѣми признаваемымъ заслугамъ проф. Менделѣева, какъ ученаго, мы не коснемся погрѣшностей и слабостей его, какъ публициста и дѣятеля протекціонизма.



Z—1.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1890 г.

Трехразрядная избирательная система—больное мѣсто городового положенія 1870 г.—Предположенія, относящіяся къ ея преобразованію.—Необходимость усилить въ думѣ представительство интеллигенціи и массы.—Новыя сообщенія по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

Фактическія данныя, приведенныя нами въ двухъ предъидущихъ обозрѣніяхъ, позволяютъ намъ теперь приступить къ разсмотрѣнію вопроса о реформѣ городского самоуправленія. Неподлежащими никакому сомнѣнію можно, кажется, признать съ самаго начала два основныхъ тезиса: городовое положеніе 1870 г. принесло гораздо меньше полезныхъ результатовъ, чѣмъ земское положеніе 1864 г.—и главная причина этой разницы заключается въ избирательной системѣ, установленной городовымъ положеніемъ. Земству приходилось творить все изъ ничего. На поприщѣ, передъ нимъ открытомъ, не работалъ до него, собственно говоря, никто. Присутственныя мѣста, завѣдывавшія такъ-называемыми земскими повинностями, вели большею частью мнимое, номинальное существованіе или являлись простыми сборщиками платежей, тяжесть которыхъ не уравновѣшивалась, для населенія, никакими существенными выгодами. Въ городахъ, наоборотъ, имѣлись уже давно зачатки самоуправленія, кое-гдѣ—напримѣръ, въ столицахъ—успѣвшаго даже кое-что сдѣлать. Несмотря на это обстоятельство, выгодное, повидимому, для городовъ, послѣдніе далеко отстали отъ земства. Въ земскихъ собраніяхъ, а не въ городскихъ думахъ, можно найти лучшіе образцы живого отношенія къ общественному дѣлу; въ земскихъ, а не въ городскихъ управахъ—лучшіе образцы распорядительности, одинаково свободной отъ легкомыслія и отъ рутины. Есть, конечно, исключенія и въ ту, и въ другую сторону, и ихъ немало; мы говоримъ только объ общихъ, господствующихъ чертахъ обоихъ учрежденій. И эти черты—не случайны. Избирательные порядки, созданные земскимъ положеніемъ 1864 г.,

оставляли желать весьма многаго, но они не давали рѣшительнаго перевѣса ни одной изъ составныхъ частей уѣзднаго населенія, не пріурочивали избирательное право къ одной формѣ имущественнаго ценза, не соразмѣряли степень вліянія на выборахъ съ цифрой платимыхъ сборовъ. Всѣ землевладѣльцы, обладающіе извѣстнымъ, не очень высокимъ, количествомъ десятинъ земли, были равны между собою; на крестьянскихъ избирательныхъ сходахъ размѣръ землевладѣнія не игралъ никакой роли. Главная сила въ земскихъ собраніяхъ принадлежала, съ одной стороны, представителямъ массы, прямо заинтересованной во всѣхъ или почти всѣхъ предпріятіяхъ земства, съ другой—представителямъ мѣстной интеллигенціи, умѣвшей и желавшей, въ большинствѣ случаевъ, служить интересамъ массы. Взаимнодѣйствію этихъ обоихъ элементовъ можно безошибочно приписать все лучшее, сдѣланное земствомъ—напримѣръ, организацію въ уѣздахъ начальной школы и медицинской помощи. Представимъ себѣ, что въ основаніи земства было бы положено нѣчто въ родѣ трехразрядной системы, принятой городовымъ положеніемъ. Центръ тяжести оказался бы тогда въ тѣхъ группахъ, для которыхъ наименѣе нужно развитіе земскаго хозяйства, наиболѣе непріятно повышеніе земскихъ сборовъ—и дѣятельность земства пошла бы совершенно инымъ путемъ, получила бы совершенно иную окраску. Безспорно, положеніе 1864 г. призывало къ участію въ земскомъ самоуправленіи еще далеко не всѣ наличныя силы населенія. Оно оставляло не у дѣлъ ту часть интеллигенціи, которая не владѣетъ землей, не занимается промышленностью или торговлей; оно игнорировало профессіональный трудъ, столь часто обращающійся въ источникъ прочной, тѣсной связи съ мѣстностью. Этотъ пробѣлъ былъ очень замѣтенъ, но до извѣстной степени онъ уравновѣшивался тѣмъ, что много живыхъ, свѣжихъ силъ входило въ составъ земскаго собранія путемъ выборовъ на землевладѣльческихъ съѣздахъ и крестьянскихъ сходахъ. Не то мы видимъ въ городахъ. Масса населенія остается здѣсь вовсе не представленною, потому что она не платитъ сборовъ, обусловливающихъ собою право участія въ избраніи гласныхъ. Непредставленнымъ остается и большинство городской интеллигенціи, изъ среды которой сравнительно немногіе владѣютъ домами или промышленно-торговыми заведеніями. Трехразрядная система отдаетъ городское управленіе въ руки небольшой группы лицъ, рѣдко возвышающейся до пониманія общегородскихъ интересовъ, еще рѣже—до служенія *только* этимъ интересамъ. Какъ ничтожна численность перваго разряда, какъ незначительна численность второго—этому мы видѣли много примѣровъ; мы знаемъ также, какъ невелика общая цифра избирателей, сравнительно съ цифрой городского населенія.

Для полноты картины прибавимъ еще нѣсколько данныхъ, заимствуя ихъ изъ интересной статьи „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 309): „Провинціальная печать о городской реформѣ". Въ Кишиневѣ на 150 тысячъ жителей приходится четыре тысячи избирателей, изъ которыхъ почти $^7/_8$ принадлежатъ къ третьему разряду. Другими словами, 653 избирателя первыхъ двухъ разрядовъ посылаютъ въ думу 48, а 3.409 избирателей третьяго разряда—24 гласныхъ. Въ Вильнѣ избирателей первыхъ двухъ разрядовъ — около 320, избирателей третьяго разряда—около $2^1/_2$ тысячъ. Въ Харьковѣ соотвѣтствующія цифры—698 и 6.192, въ Саратовѣ—606 и 6.650, въ Самарѣ—447 и 3.196. Замѣчательно, что число избирателей высшихъ разрядовъ остается иногда неподвижнымъ или даже клонится къ уменьшенію, между тѣмъ какъ число избирателей третьяго разряда ростетъ довольно быстро. Въ Самарѣ, напримѣръ, избирателей перваго разряда числилось въ 1871 г.—88, въ 1883 г.—77, въ 1887 г.—83, между тѣмъ какъ избирателей третьяго разряда въ тѣ же годы было 2.685, 2.950 и 3.196. Припомнимъ, наконецъ, что во многихъ уѣздныхъ городахъ избирателей перваго разряда меньше, чѣмъ избираемыхъ ими гласныхъ—и мы поймемъ, къ какимъ вопіющимъ несообразностямъ приводитъ дѣйствующая трехразрядная система.

Были же, однако, какія-либо соображенія, побудившія составителей городового положенія заимствовать изъ Пруссіи совершенно чуждый намъ, до тѣхъ поръ, избирательный порядокъ? Конечно, были. Предполагалось, прежде всего, что справедливо выдѣлить изъ среды избирателей наиболѣе крупныхъ плательщиковъ городскихъ сборовъ, такъ какъ они доставляютъ городскому хозяйству наибольшую часть средствъ, для него необходимыхъ. Что же оказывается, съ этой точки зрѣнія, на самомъ дѣлѣ? Оказывается, что въ число избирателей перваго разряда входятъ, во многихъ мѣстахъ, и такія лица, которыхъ вовсе нельзя назвать *крупными* плательщиками. Есть города, въ которыхъ значительное большинство избирателей перваго разряда вноситъ въ городскую кассу менѣе десяти рублей; есть и такіе, въ которыхъ больше десяти рублей не вноситъ *ни одинъ* изъ избирателей перваго разряда. Во второмъ разрядѣ сумма платимыхъ сборовъ падаетъ иногда ниже рубля, иногда не составляетъ даже и пятидесяти копѣекъ. Объясняется это преимущественно тѣмъ, что главную составную часть городского доходнаго бюджета образуютъ, во многихъ городахъ, не городскіе сборы, принимаемые въ разсчетъ при дѣленіи на разряды, а доходы съ городскихъ имуществъ— земель, оброчныхъ статей и т. п. Предполагалось, далѣе, что болѣе крупные плательщики отнесутся съ большею заботливостью къ дѣламъ города, что гласные, избираемые первыми двумя разрядами,

будутъ отличаться особою исправностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Это предположеніе также не оправдалось. Если въ черниговской губерніи, по даннымъ сенаторской ревизіи, засѣданія думы посѣщались гласными перваго разряда чуть-чуть аккуратнѣе, чѣмъ гласными второго разряда, а этими послѣдними—чуть-чуть аккуратнѣе, чѣмъ гласными третьяго разряда (въ среднемъ выводѣ гласный перваго разряда присутствовалъ въ 5⁴/₁₀, гласный второго разряда—въ 5¹/₁₀, гласный третьяго разряда—въ 4⁹/₁₀ засѣданіяхъ), то въ кіевской губерніи результатъ получился совсѣмъ другой: всего исправнѣе были тамъ гласные второго разряда (на каждаго приходилось, въ среднемъ, по 6³/₁₀ засѣданій), за ними слѣдовали гласные третьяго разряда (5⁷/₁₀), а самое низкое мѣсто (4⁹/₁₀) занимали гласные перваго разряда... Пора признать, что ручательствомъ усердія со стороны гласныхъ служитъ не бо̀льшая или мѐньшая сумма платежа, значеніе которой—вполнѣ относительное, зависящее отъ состоятельности плательщика, а степень интереса къ общему дѣлу, сплошь и рядомъ прямо пропорціональная степени умственнаго и нравственнаго развитія избирателей и избираемыхъ. Правда, избирательныя собранія первыхъ двухъ разрядовъ привлекаютъ гораздо большее, сравнительно, число избирателей, чѣмъ собранія третьяго разряда; но это зависитъ вовсе не отъ болѣе серьезнаго взгляда на дѣло, а отъ сознанія важности, принадлежащей, въ малолюдномъ собраніи, голосу каждаго отдѣльнаго избирателя. Большая разница—пожертвовать, разъ въ четыре года, нѣсколькими часами, чтобы провести въ гласные людей близкихъ, а иногда и самого себя, или являться аккуратно въ засѣданія думы, внимательно и дѣятельно относясь къ всему тому, что̀ тамъ происходитъ. На первое достаетъ энергіи у многихъ, въ сущности глубоко равнодушныхъ къ общественнымъ интересамъ; послѣдняго можно ожидать только отъ тѣхъ, для которыхъ городское хозяйство представляетъ собою нѣчто бо̀льшее, чѣмъ цифру платежа въ городскую кассу или цифру ожидаемыхъ изъ нея полученій.

Имущественный цензъ признается иногда косвеннымъ показателемъ образованія или, по меньшей мѣрѣ, способности къ общественной дѣятельности. Весьма вѣроятно, что эта фикція не была чужда установленію трехразрядной системы. Въ избирателяхъ—а слѣдовательно и въ гласныхъ — перваго разряда усматривалась не только среда, наиболѣе заинтересованная, матеріально, въ правильномъ ходѣ городского хозяйства, но и среда, больше всего способная содѣйствовать достиженію этой цѣли. Не то обнаруживаетъ дѣйствительность. Мы знаемъ, что людей образованныхъ между избирателями перваго разряда сравнительно мало, что богаче перваго разряда оказывается иногда, въ этомъ отношеніи, второй или даже третій; мы знаемъ

также, что въ первомъ разрядѣ не рѣдкость — люди неграмотные, что они составляютъ, кое-гдѣ, даже большинство избирателей этого разряда. То же самое слѣдуетъ сказать и о лицахъ привилегированныхъ сословій; совершенно ошибочно было бы думать, что они сосредоточиваются преимущественно въ первыхъ двухъ разрядахъ избирателей... Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на трехразрядную систему, съ какой бы стороны мы къ ней ни подходили, выводъ получается одинъ и тотъ же: для громадной привилегіи, предоставляемой ею двумъ небольшимъ группамъ населенія, нѣтъ рѣшительно никакихъ оправданій. Она извращаетъ выборы въ самомъ ихъ корнѣ, предрѣшая побѣду меньшинства — меньшинства, ничѣмъ, на самомъ дѣлѣ, не возвышающагося надъ большинствомъ, не имѣющаго никакихъ правъ на руководящую роль, на господствующее вліяніе. Всякая сила, заранѣе увѣренная въ успѣхѣ, стремится къ возможно бо̀льшей его полнотѣ; ей нужно не только торжество — ей нужно возможно-бо̀льшее ослабленіе противниковъ. Отсюда происки и интриги, поприщемъ которыхъ нерѣдко служатъ выборы на третьемъ разрядѣ. Руководителями избирательной агитаціи являются здѣсь, бо̀льшею частью, избиратели высшихъ разрядовъ, уже избранные однимъ изъ нихъ, но желающіе обезпечить за собою или за своею партіей рѣшительное преобладаніе въ городской думѣ. Удобную почву для обработки даетъ самая многочисленность избирателей третьяго разряда, увеличиваемая иногда съ помощью искусственнаго средства—пріобрѣтенія ad hoc прикащичьихъ или мелкихъ промысловыхъ свидѣтельствъ. Чѣмъ больше избирателей, тѣмъ продолжительнѣе, сложнѣе, утомительнѣе самая процедура выборовъ. Кто не заинтересованъ въ ней лично, тотъ легко можетъ предпочесть совершенную непричастность къ выборамъ — и этимъ самымъ еще болѣе склонить вѣсы на сторону агитаторовъ. Нѣчто подобное происходило, напримѣръ, въ Кіевѣ, въ 1879 г.—и, конечно, не въ одномъ только Кіевѣ.

На чью же пользу работаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, трехразрядная система? На пользу купечества и той части мѣщанства, которая наиболѣе къ нему близка, наиболѣе съ нимъ солидарна. Доказательствомъ этому служатъ какъ свѣденія о составѣ городскихъ думъ, такъ и данныя о городскомъ хозяйствѣ, приведенныя нами въ двухъ предъидущихъ обозрѣніяхъ. Недостатокъ интеллигентныхъ, образованныхъ людей влечетъ за собою господство рутины, слабую заботливость объ увеличеніи городскихъ доходовъ, непроизводительность нѣкоторыхъ городскихъ расходовъ; недостаточное представительство массы приводитъ къ такому способу пользованія городскими имуществами, который выгоденъ для состоятель-

наго меньшинства, не всегда будучи выгоднымъ даже для городской кассы. Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ остается невысокой, потому что повышеніе ея было бы всего чувствительнѣе для крупныхъ домовладѣльцевъ; городскіе луга и поля сдаются не тѣмъ, которые всего больше въ нихъ нуждаются, а тѣмъ, которые могутъ арендовать ихъ сравнительно обширными участками; для средняго образованія приносятся большія жертвы, прежде чѣмъ сколько-нибудь обезпечено начальное обученіе. Повторяемъ еще разъ — мы далеки отъ мысли, чтобы таковъ былъ вездѣ и всегда характеръ городского самоуправленія. Мы указывали уже и будемъ еще имѣть случай указать на явленія совершенно другого рода — но не они даютъ общій тонъ картинѣ, не они вытекаютъ изъ основныхъ свойствъ избирательной системы, созданной городовымъ положеніемъ 1870 года.

Итакъ, серьезная городская реформа немыслима безъ коренного измѣненія условій, регулирующихъ избирательное право. Гораздо болѣе спорнымъ представляется вопросъ, въ чемъ должно заключаться это измѣненіе. Въ средѣ меньшинства Кахановской коммиссіи —того самаго меньшинства, которому принадлежитъ первая мысль о сословномъ земствѣ — возникло предположеніе о примѣненіи сословнаго начала и къ области городского самоуправленія. Прецедентомъ являлся здѣсь примѣръ обѣихъ столицъ, въ которыхъ около четверти вѣка (1846 — 73) существовали сословныя городскія думы. Члены меньшинства—на этотъ разъ весьма малочисленнаго (4 изъ 24)— находили, что только въ сословной организаціи выборовъ можно найти гарантію противъ „интригъ и партійныхъ происковъ" и основаніе для правильнаго привлеченія къ городскому представительству всѣхъ классовъ городского населенія. Одинъ изъ защитниковъ этого мнѣнія выражался особенно рѣшительно: онъ утверждалъ, что надлежало бы устранить отъ выборовъ весь нынѣшній третій разрядъ избирателей (!), а остальные два разряда „просѣять", удаливъ изъ нихъ всѣ случайные элементы и оставивъ городское управленіе въ рукахъ „коренного населенія" города, принадлежность къ которому опредѣлялась бы запиской въ городскую обывательскую книгу. Тогдашній петербургскій городской голова (покойный И. И. Глазуновъ), присоединяясь къ меньшинству, утверждалъ, что во время существованія сословной организаціи управленіе городскими дѣлами въ Петербургѣ шло лучше (!!), чѣмъ впослѣдствіи, при дѣйствіи положенія 1870 г. Каждый избиратель имѣлъ возможность сознательно относиться къ выборамъ и подавать голосъ за людей одного съ нимъ общественнаго слоя, лично болѣе или менѣе ему извѣстныхъ. Званіе гласнаго получали и принимали, вслѣдствіе этого, лучшіе и достойнѣйшіе люди данной категоріи избирателей. Среди гласныхъ старой

петербургской думы можно было встрѣтить членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ и другихъ почтенныхъ лицъ, способствовавшихъ поднятію думы до той высоты, воспоминанія о которой сохраняются и по настоящее время. Мнѣніе И. И. Глазунова вызвало сильныя возраженія со стороны людей, не меньше его знакомыхъ съ петербургскимъ городскимъ управленіемъ. Нынѣшній петербургскій городской голова, также принимавшій участіе въ работахъ Кахановской коммиссіи, указалъ на трудность сравненія между думами дореформенной и по-реформенной, въ виду гораздо болѣе широкаго круга дѣйствій, открывшагося передъ послѣдней. Другой членъ коммиссіи удостовѣрилъ, что А. П. Заблоцкій-Десятовскій, въ теченіе многихъ лѣтъ состоявшій старшиною дворянскаго сословія петербургской думы (его-то именно и разумѣлъ И. И. Глазуновъ, говоря объ участіи въ думѣ членовъ Государственнаго Совѣта), сложилъ съ себя это званіе именно по убѣжденію въ несостоятельности сословной организаціи думы. Предсѣдатель московской губернской земской управы, Д. А. Наумовъ, заявилъ, что старая московская дума, въ составъ которой онъ входилъ по уполномочію отъ дворянскаго сословія, оставила по себѣ мало практическихъ результатовъ, тогда какъ новая дума, при всѣхъ ея недостаткахъ, принесла, въ сравнительно небольшой промежутокъ времени, не мало пользы городскому благоустройству.

Отвергая сословную организацію городского управленія, большинство Кахановской коммиссіи высказалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, за сохраненіе существующаго дѣленія избирателей на разряды, смотря по размѣру платимыхъ сборовъ. Измѣненіе дѣйствующаго закона было проектировано коммиссіею только по вопросу о томъ, кто долженъ считаться избирателемъ. Никакого разногласія не возбудило исключеніе изъ числа избирателей всѣхъ имѣющихъ промысловыя свидѣтельства на мелочной торгъ и прикащичьи свидѣтельства перваго разряда. Столь же единодушно былъ разрѣшенъ вопросъ о признаніи избирательнаго права: 1) за владѣющими въ городѣ, на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ не ниже опредѣленной цѣнности; 2) за содержащими въ городѣ торговое или промышленное заведеніе не ниже опредѣленнаго размѣра и 3) за выбирающими въ городѣ купеческія свидѣтельства. Въ пользу распространенія избирательнаго права на всѣхъ нанимающихъ въ городѣ, на свое имя, квартиры, за годовую плату не ниже опредѣленнаго размѣра—если они, притомъ, платятъ въ пользу города квартирный налогъ,—высказалось, въ коммиссіи, только незначительное большинство (13 противъ 11); но зато установленіе квартирнаго налога предполагалось, притомъ, предоставить усмотрѣнію городскихъ думъ: отъ каждой изъ нихъ

должно было зависѣть, слѣдовательно, расширеніе или нерасширеніе состава избирателей. Только четыре члена изъ среды большинства предлагали связать избирательное право не съ платежемъ квартирнаго налога, а съ самымъ фактомъ найма квартиры опредѣленной цѣнности... Болѣе широка была реформа, намѣченная Кахановскою коммиссіею въ первоначальномъ, тѣсномъ ея составѣ (такъ-называемымъ „Совѣщаніемъ", работавшимъ еще до приглашенія „мѣстныхъ дѣятелей"). Не ограничиваясь распространеніемъ избирательнаго права на квартиронанимателей (независимо отъ существованія или несуществованія квартирнаго налога), Совѣщаніе проектировало замѣну нынѣшнихъ избирательныхъ разрядовъ другими, въ томъ же числѣ, но на совершенно иныхъ основаніяхъ. Къ первому разряду должны были принадлежать владѣльцы недвижимой собственности, ко второму—купцы и содержатели торговыхъ и промышленныхъ заведеній, къ третьему — квартиронаниматели и представители установленій, имѣющихъ право участвовать въ городскихъ выборахъ. Цифра платимыхъ сборовъ при этомъ дѣленіи въ разсчетъ не принималась, и каждому разряду предоставлялось избирать одно и то же число гласныхъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ разбору всѣхъ этихъ различныхъ предположеній, мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ двумя проектами реформы, принадлежащими частнымъ лицамъ и относящимися къ самому послѣднему времени. Авторъ одного изъ нихъ, напечатаннаго въ № 207 „Саратовскаго Дневника"—гласный саратовской городской думы А. Н. Епифановъ, пользующійся въ Саратовѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, большою и заслуженною популярностью. Онъ предлагаетъ установить *пять* разрядовъ избирателей, соединивъ въ каждомъ изъ нихъ людей однородныхъ занятій и интересовъ. Къ первому разряду онъ относитъ дворянъ и чиновниковъ, ко второму —купцовъ, къ третьему—мѣщанъ, къ четвертому—цеховыхъ, къ пятому—„лицъ образовательнаго и служебнаго ценза" (а чиновники, причисляемые къ первому разряду, развѣ не обладаютъ „служебнымъ цензомъ"?). Условіемъ включенія въ пятый разрядъ г. Епифановъ ставитъ высшее или среднее образованіе, въ связи съ проживаніемъ въ городѣ не менѣе *десяти* (!) лѣтъ и съ занятіемъ мѣста не ниже опредѣленнаго класса (?). Въ составъ того же разряда должны быть введены врачи, практикующіе въ городѣ не менѣе *десяти* лѣтъ. Гдѣ дворянъ и чиновниковъ слишкомъ мало, они должны быть присоединяемы ко второму разряду; гдѣ мало купцовъ, тамъ нѣтъ надобности отдѣлять ихъ отъ мѣщанъ. Число гласныхъ отъ каждаго разряда, кромѣ пятаго, должно соотвѣтствовать суммѣ платимыхъ членами разряда городскихъ сборовъ; что касается до пятаго разряда, то онъ

долженъ избирать приблизительно одну десятую часть общаго числа гласныхъ. Каждый разрядъ можетъ избирать въ гласные избирателей другихъ разрядовъ, но „лица образовательнаго и служебнаго ценза“ могутъ быть избираемы только своимъ разрядомъ. Другой проектъ, также появившійся на свѣтъ въ Саратовѣ, но принадлежащій не одному, а нѣсколькимъ (не назвавшимъ себя) „мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ“, направленъ къ тому, чтобы пріурочить избирательное право исключительно къ владѣнію, въ городѣ, недвижимою собственностью. Домовладѣльцы, по мнѣнію авторовъ проекта, составляютъ по преимуществу коренное, осѣдлое населеніе города; они наиболѣе заинтересованы въ городскомъ благоустройствѣ и всего ближе знакомы съ городскими нуждами и мѣстными условіями. Сверхъ того домовладѣльцы несутъ наибольшую долю городскихъ сборовъ и отвѣчаютъ за цѣлость всѣхъ ввѣряемыхъ городскому банку капиталовъ, за выполненіе всѣхъ обязательствъ, совершаемыхъ отъ имени города. Предоставленіе избирательнаго права однимъ домовладѣльцамъ облегчитъ доступъ въ гласные для лицъ интеллигентныхъ, образованныхъ, тогда какъ теперь, при возможности искусственно составлять собранія изъ подставныхъ лицъ, подавляющее большинство всегда бываетъ противъ избранія лицъ, стоящихъ, по развитію, выше толпы.

Сословная организація городского представительства, въ чистомъ или смѣшанномъ ея видѣ; устраненіе однѣхъ категорій избирателей, созданіе вновь—другихъ; дѣленіе на разряды, по общности занятій или интересовъ, съ принятіемъ или безъ принятія во вниманіе цифры платимыхъ городскихъ сборовъ—вотъ главные вопросы, возбуждаемые реформой городской избирательной системы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что всего больше шансовъ успѣха имѣетъ, въ настоящее время, сословная организація городского представительства и что противъ нея безполезно спорить, такъ какъ она предрѣшена побѣдой сословнаго начала въ только-что состоявшейся земской реформѣ. Мы думаемъ, однако, что такое заключеніе было бы ошибочно. Между уѣздомъ и городомъ существуетъ различіе, которое едва ли можетъ быть упущено изъ виду. Въ уѣздѣ дворянство издавна имѣетъ свои собранія, своего предводителя, своихъ должностныхъ лицъ (депутатовъ, членовъ дворянской опеки). Можно быть различныхъ мнѣній о цѣлесообразности преобразованія, выдѣлившаго дворянъ изъ общей массы личныхъ землевладѣльцевъ и предоставившаго имъ перевѣсъ въ земскомъ представительствѣ—но нельзя отрицать, что для этого преобразованія былъ на-лицо нѣкоторый матеріалъ, были внѣшнія точки опоры. Въ городахъ, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ ни того, ни другого. Дворянъ здѣсь, большею частью,

мало, и они ничѣмъ не соединены въ одно цѣлое, не имѣютъ даже тѣхъ общихъ интересовъ, о которыхъ, съ бо̀льшей или мѐньшей натяжкой, можетъ быть рѣчь по отношенію къ уѣзду. Въ незначительныхъ городахъ, которыхъ у насъ въ Россіи столь много, не найдется, сплошь и рядомъ, даже такого числа купцовъ и почетныхъ гражданъ, при которомъ они могли бы составить отдѣльную избирательную группу. Если сословная организація не удалась даже въ столицахъ, гдѣ для нея, сравнительно, всего больше данныхъ, не удалась даже въ ту эпоху, когда рѣзче и ярче обозначалось различіе между сословіями, то трудно вѣрить въ ея успѣхъ—или хотя бы въ ея возможность—въ наше время, во всѣхъ городахъ Россіи или въ бо̀льшей ихъ части. Неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ была бы крайняя малочисленность нѣкоторыхъ избирательныхъ собраній, со всѣми невыгодными условіями, свойственными котеріи,—а въ городахъ крупныхъ она не обезпечивала бы взаимной близости избирателей, достаточнаго знакомства ихъ между собою. Купеческія избирательныя собранія были бы, въ большинствѣ случаевъ, повтореніемъ нынѣшнихъ избирательныхъ собраній перваго разряда,—а дѣятельность послѣднихъ вовсе не такова, чтобы можно было желать увѣковѣченія ихъ, подъ другимъ именемъ. Мѣщанское собраніе весьма легко могло бы напомнить басню о щукѣ, лебедѣ и ракѣ. У мѣщанъ, ведущихъ болѣе или менѣе крупную торговлю—одни интересы, у мѣщанъ-мелкихъ торговцевъ—другіе, у мѣщанъ-ремесленниковъ—третьи, у мѣщанъ хлѣбопашцевъ, только по имени отличающихся отъ крестьянъ—четвертые. Противъ обособленности мѣщанъ говоритъ, между прочимъ, полнѣйшая неудовлетворительность ихъ сословнаго самоуправленія, бо̀льшею частью либо бездѣйствующаго, либо притѣснительнаго. Въ двухъ городахъ, о которыхъ мы говорили въ октябрьскомъ обозрѣніи, дѣятельность представителей мѣщанскаго общества представлялась, напримѣръ (во время сенаторской ревизіи 1880-81 г.), въ слѣдующемъ видѣ. Вся сумма общественнаго сбора, платимаго мѣщанами города N., простиралась до 3.661 руб. Содержаніе мѣщанской управы, состоявшей изъ старосты и двухъ членовъ, обходилось въ 768 р.; содержаніе ея канцеляріи—въ 868 рублей. 580 рублей тратилось на четырехъ раскладчиковъ и четырехъ десятниковъ, занятыхъ раскладкою и взиманіемъ общественнаго сбора. Итакъ, почти двѣ трети всего сбора поглощались издержками управленія! Что же дѣлало это управленіе? Помимо причисленія къ обществу и увольненія изъ него, оно занималось только перепиской съ разными больницами, въ которыхъ лечились мѣщане, и... отдачей мѣщанъ, въ чемъ-либо провинившихся, въ общественныя работы. Достаточнымъ основаніемъ къ назначенію этой кары служило сообще-

ніе полиціи о безчинствѣ или буйствѣ, учиненномъ мѣщаниномъ. Никакой повѣркѣ полицейское сообщеніе не подвергалось, никакого постановленія управою не составлялось, а прямо посылалась въ полицію, вмѣстѣ съ виновнымъ, „препроводительная бумага", за подписью одного изъ членовъ управы или даже ея письмоводителя. Въ городѣ NN. содержаніе мѣщанскаго управленія также обходилось почти въ двѣ трети всего общественнаго сбора (болѣе четырехъ тысячъ рублей изъ 6.300), а дѣятельность его была не болѣе разнообразна, чѣмъ въ городѣ N. Особенность NN—ской мѣщанской управы заключалась только въ томъ, что отдача въ общественныя работы примѣнялась ею не столько къ пьяницамъ и буянамъ, сколько къ неисправнымъ плательщикамъ общественнаго сбора. Сообразно съ этимъ, иниціатива карательной мѣры принадлежала здѣсь, обыкновенно, не полиціи, а самой управѣ... Въ выборѣ представителей мѣщанскаго общества принимали участіе, въ обоихъ городахъ, весьма немногіе избиратели. Были собранія, на которыя изъ числа нѣсколькихъ тысячъ мѣщанъ являлось лишь нѣсколько десятковъ. Отсутствіе внутренней связи между представителями и представляемыми выразилось весьма ясно въ городѣ N.—во время неурожая 1880 г., въ городѣ NN.—при распредѣленіи между мѣщанами пахатныхъ, луговыхъ и лѣсныхъ участковъ [1]). Между ремесленниками солидарность, общность интересовъ —явленія едва ли болѣе распространенныя, чѣмъ между мѣщанами.

Все сказанное нами до сихъ поръ одинаково примѣнимо и къ чисто-сословной организаціи, какую предлагало, напримѣръ, меньшинство Кахановской коммиссіи, и къ смѣшанному устройству, въ родѣ того, за которое стоитъ г. Епифановъ. Соединеніемъ въ особый разрядъ „лицъ образовательнаго и служебнаго ценза" нельзя уравновѣсить неудобствъ, сопряженныхъ съ сословнымъ характеромъ остальныхъ четырехъ разрядовъ, въ особенности при десятикратномъ численномъ превосходствѣ гласныхъ, избираемыхъ этими разрядами, надъ избранниками „образовательнаго и служебнаго ценза". Мы должны сознаться, однако, что система, рекомендуемая г. Епифановымъ, имѣетъ въ нашихъ глазахъ существенное преимущество передъ проектомъ безъименныхъ саратовскихъ общественныхъ дѣятелей. Предоставленіе избирательнаго права однимъ домовладѣльцамъ (да и всѣмъ ли домовладѣльцамъ?—изъ среды избирателей были бы, по всей вѣроятности, исключены владѣльцы домовъ малоцѣнныхъ) было бы полнѣйшимъ извращеніемъ городского самоуправленія. Совершенно бездоказательной является мысль, будто бы владѣніе домомъ больше связываетъ съ городомъ, чѣмъ рожденіе, воспитаніе, долго-

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстника Европы", стр. 815 и 820.

временная дѣятельность въ городѣ, пріуроченіе къ нему всѣхъ привычекъ, привязанностей, воспоминаній. Домовладѣлецъ можетъ быть постояннымъ обитателемъ не того города, гдѣ за нимъ числится домъ; онъ можетъ быть преданъ всей душою другой мѣстности, можетъ, даже живя въ городѣ, знать его очень мало и оставаться совершенно къ нему равнодушнымъ. Его матеріальная связь съ городскимъ управленіемъ можетъ быть совершенно ничтожна. Припомнимъ, что въ городѣ N., съ пятнадцатитысячнымъ населеніемъ, оцѣночный сборъ—единственный, платимый домовладѣльцемъ *въ качествѣ домовладѣльца*,—составлялъ, десять лѣтъ тому назадъ, только 1.300 рублей, при доходномъ бюджетѣ въ пятьдесятъ семь тысячъ рублей; въ городѣ NN., съ тридцатитысячнымъ населеніемъ, онъ не превышалъ, въ то же самое время, шести тысячъ, при доходномъ бюджетѣ въ сто десять тысячъ рублей. Въ Кіевѣ оцѣночный сборъ во время сенаторской ревизіи, составлялъ съ небольшимъ одну треть общей цифры городскихъ сборовъ и не болѣе одной пятой части всѣхъ городскихъ доходовъ; въ Черниговѣ эти отношенія выражались цифрами $^{1}/_{3}$ и $^{1}/_{6}$. Что касается до отвѣтственности домовладѣльцевъ за цѣлость капиталовъ, ввѣренныхъ городскому банку, и за выполненіе всѣхъ вообще обязательствъ городского управленія, то она существуетъ только въ воображеніи авторовъ разбираемаго нами проекта. Говоря о крахѣ скопинскаго банка и возражая газетамъ, проводившимъ мысль о возможности продажи съ молотка, на удовлетвореніе вкладчиковъ, всего города Скопина, т.-е. всѣхъ безъ исключенія городскихъ построекъ, мы давно уже имѣли случай указать, что отвѣтственность *городского общества* не имѣетъ ничего общаго съ отвѣтственностью отдѣльныхъ домовладѣльцевъ. Какъ передъ вкладчиками городского банка, такъ и передъ своими собственными кредиторами, городъ отвѣчаетъ только имуществомъ, принадлежащимъ ему какъ самостоятельной единицѣ, какъ *юридическому лицу*, а отнюдь не частнымъ имуществомъ обывателей. По отношенію къ вновь учреждаемымъ городскимъ банкамъ законъ 26-го апрѣля 1883 г. отмѣнилъ даже и эту огульную отвѣтственность города, какъ юридическаго лица, *предоставивъ* городу обезпечивать вклады *опредѣленнымъ*, свободнымъ городскимъ имуществомъ, на которое, въ такомъ случаѣ, и налагается запрещеніе. Этотъ же способъ обезпеченія, по просьбѣ городского управленія, можетъ быть допущенъ въ замѣнъ прежняго и по отношенію къ существующимъ городскимъ банкамъ. О какихъ-то особенныхъ обязанностяхъ и тяготахъ домовладѣльцевъ, требующихъ соотвѣтственнаго вознагражденія—въ видѣ монополіи избирательнаго права, не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи. Неоснователенъ, наконецъ, и послѣдній аргу-

ментъ саратовскихъ „общественныхъ дѣятелей“: нѣтъ никакой причины думать, что съ предоставленіемъ избирательнаго права однимъ домовладѣльцамъ увеличилось бы число гласныхъ изъ среды интеллигенціи. Между домовладѣльцами есть, конечно, представители всѣхъ степеней образованія—но главную ихъ массу, особенно въ небольшихъ городахъ, составляютъ лица, не получившія никакого или почти никакого образованія. Возьмемъ, для примѣра, домовладѣльцевъ-избирателей въ черниговской губерніи. Въ двѣнадцати городахъ этой губерніи домовладѣльцевъ-избирателей числилось всего, во время сенаторской ревизіи, 10.104; изъ нихъ *сто восемьдесятъ два* (т.-е. менѣе двухъ процентовъ) получили высшее или среднее образованіе, 4.472 были люди грамотные, 5.450, т.-е. *больше половины*—неграмотные. Въ самомъ Черниговѣ образованныхъ домовладѣльцевъ было 34 изъ 854, въ Стародубѣ—21 изъ 939; всего больше, сравнительно, ихъ было въ Суражѣ (34 изъ 290), но и здѣсь процентное отношеніе ихъ къ цѣлому составляло менѣе одной восьмой. Въ пяти уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи домовладѣльцевъ-избирателей было 5.456; изъ нихъ только 73 (менѣе 1/2%) получили высшее или среднее образованіе. Правда, между избирателями-торговцами процентъ образованныхъ людей еще ниже; въ черниговской губерніи, напримѣръ, онъ не составлялъ даже одного процента (14 изъ 1.577; зато грамотныхъ между торговцами было сравнительно больше, чѣмъ между домовладѣльцами). Но вѣдь избирателей-торговцевъ, вообще говоря, гораздо меньше, чѣмъ избирателей-домовладѣльцевъ [1]), и не отъ нихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, зависитъ исходъ выборовъ. Такъ напримѣръ, въ четырнадцати городахъ черниговской губерніи избирателей-домовладѣльцевъ было, въ 1881 г., 12.010, а избирателей-торговцевъ—только 3.455. Если домовладѣльцы расположены подавать голосъ за людей образованныхъ, то почему же послѣднихъ теперь такъ мало между гласными? Гдѣ основаніе думать, что, очутившись полными хозяевами въ избирательныхъ собраніяхъ, домовладѣльцы начнутъ дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ дѣйствовали до сихъ поръ?.. Допустимъ, наконецъ, что новая роль вдохнетъ въ нихъ новый духъ, наполнитъ ихъ уваженіемъ къ образованію. Устраненными отъ участія въ выборахъ—а слѣдовательно, и отъ участія въ думѣ—останутся цѣлые классы городского населенія, отнюдь не меньше домовладѣльцевъ заинтересованные въ правильномъ веденіи городского хозяйства. Отъ домовладѣльцевъ, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое, нельзя ожидать особой заботливости о

[1]) Можно быть въ одно и то же время и домовладѣльцемъ, и торговцемъ; въ послѣднюю рубрику данныя сенаторской ревизіи включаютъ, очевидно, тѣхъ, кто не принадлежитъ къ числу городскихъ домовладѣльцевъ.

ремесленникахъ, о рабочихъ, о мѣщанахъ-хлѣбопашцахъ. Интересы, не представленные въ думѣ, слишкомъ легко могутъ оказаться интересами, забытыми думой.

Односторонніе защитники домовладѣльцевъ мечтаютъ объ уничтоженіи всѣхъ избирательныхъ категорій, кромѣ одной; другіе, менѣе прямолинейные реформаторы довольствуются исключеніемъ изъ числа избирателей—приказчиковъ и мелочныхъ торговцевъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это мнѣніе имѣетъ за себя двадцатилѣтній опытъ. О пользѣ, принесенной избирателями изъ среды приказчиковъ и мелочныхъ торговцевъ, до сихъ поръ что-то не было слышно—а объ образованіи изъ нихъ, въ избирательныхъ собраніяхъ третьяго разряда, цѣлыхъ партизанскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ по командѣ той или другой „партіи", было, наоборотъ, говорено очень много. Извѣстно также, что свидѣтельство на мелочной торгъ или на званіе приказчика служило, неоднократно, фиктивнымъ источникомъ избирательнаго права. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что всѣ или почти всѣ подобные случаи происходили въ немногихъ большихъ городахъ, при сильномъ обостреніи избирательной борьбы и при значительности выгодъ, ожидаемыхъ отъ избирательной побѣды. Въ уѣздныхъ городахъ и въ большинствѣ губернскихъ приказчики и мелкіе промышленники играютъ на выборахъ болѣе чѣмъ скромную роль и едва ли портятъ результатъ выборовъ. Несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ представлялось бы, съ нашей точки зрѣнія, не сохраненіе избирательнаго права за приказчиками и мелкими промышленниками, а оставленіе внѣ избирательной области нѣкоторыхъ другихъ категорій городскихъ жителей, ничѣмъ, въ сущности, не отличающихся отъ двухъ только-что названныхъ. Ограниченіе избирательнаго права, проектированное Кахановской коммиссіей, было бы, въ нашихъ глазахъ, не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ существующей избирательной системы. Правда, большинство коммиссіи предполагало создать новую категорію „активныхъ гражданъ" —квартиронанимателей; но этимъ не уравновѣшивалась бы мѣра, направленная противъ приказчиковъ и мелкихъ промышленниковъ. Избирательнымъ правомъ воспользовались бы только тѣ квартиронаниматели, которые занимали бы квартиры опредѣленной, вѣроятно— не слишкомъ низкой стоимости. Другими словами, расширились бы только права сравнительно-достаточныхъ классовъ городского населенія, а бѣднѣйшая часть его оказалась бы представленной еще слабѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Указавъ, въ началѣ обозрѣнія, больное мѣсто дѣйствующей избирательной системы—недостаточное представительство интеллигенціи

и массы,—мы намѣтили, этимъ самымъ, тотъ путь, которымъ, по нашему мнѣнію, должна идти реформа. Увеличить число образованныхъ людей, принимающихъ участіе въ городскомъ самоуправленіи, можно двоякимъ способомъ: либо распространеніемъ избирательнаго права на квартиронанимателей, либо учрежденіемъ чего-то въ родѣ пятаго разряда, предлагаемаго г. Епифановымъ. Въ первомъ случаѣ слѣдовало бы опредѣлить въ самомъ законѣ условія, при которыхъ квартиронаниматель, ipso facto, получаетъ избирательное право, а не ставить организацію новой избирательной группы въ зависимость отъ доброй воли городского управленія. Исторія послѣднихъ двадцати лѣтъ показываетъ съ полною ясностью, что городскія управленія не расположены ходатайствовать объ установленіи квартирнаго налога— не расположены именно потому, что за нимъ виднѣется расширеніе избирательнаго права. Стоитъ только связать эти два вопроса, предоставивъ разрѣшеніе ихъ усмотрѣнію каждой отдѣльной думы,—и преобразованіе, въ огромномъ большинствѣ городовъ, останется мертвой буквой. Необходимо, далѣе, чтобы для людей образованныхъ (т.-е. получившихъ высшее или среднее образованіе) была понижена норма, обусловливающая избирательное право — т.-е. минимальная цифра квартирной платы. Если для всѣхъ квартиронанимателей даннаго города будетъ установлена одна общая—и, въ добавокъ, довольно высокая— предѣльная цифра, дальше которой не будетъ опускаться избирательное право, то между квартиронанимателями, особенно въ небольшихъ городахъ, можетъ оказаться подавляющее большинство людей необразованныхъ, и распространеніе избирательнаго права не принесетъ тѣхъ благихъ послѣдствій, которыхъ отъ него теперь ожидаютъ. Что касается до основной мысли г. Епифанова, то здѣсь требовалось бы, прежде всего, устраненіе оговорокъ, ограничивающихъ ея примѣненіе. *Десятилѣтній* срокъ проживанія въ городѣ слѣдовало бы значительно сократить—напримѣръ, до двухъ лѣтъ, какъ это установлено дѣйствующимъ городовымъ положеніемъ по отношенію къ избирателямъ-торговцамъ. Избраніе людей „образовательнаго ценза" слѣдовало бы допустить не только на ихъ собственномъ разрядѣ, но и на всѣхъ другихъ. Процентное отношеніе гласныхъ этого разряда къ общей цифрѣ гласныхъ слѣдовало бы повысить, приравнявъ его, по меньшей мѣрѣ, къ среднему числу гласныхъ, избираемыхъ отъ остальныхъ разрядовъ. Есть еще третій способъ увеличить число образованныхъ избирателей: это—распространеніе на всю Россію примѣчанія къ ст. 17-ой Городового Положенія, имѣющаго силу только для остзейскихъ губерній (дѣйствіе его въ настоящее время пріостановлено, но не отмѣнено). Можно обло-

жить нашихъ, русскихъ „литератовъ“ [1]) сборомъ въ пользу города, и затѣмъ включить ихъ въ соотвѣтствующій избирательный разрядъ. Рекомендовать этотъ способъ мы не беремся. Сборъ съ „литератовъ“ могъ бы быть установленъ у насъ только небольшой; они попали бы почти всѣ въ третій разрядъ—и потонули бы тамъ среди массы необразованныхъ или неграмотныхъ избирателей.

Мы уже сказали, что схема: „домовладѣльцы—купцы и содержатели торговыхъ и промышленныхъ заведеній—квартиронаниматели“ (въ особенности при ограниченіи каждой изъ этихъ категорій опредѣленною цѣностью дома, опредѣленнымъ размѣромъ заведенія, опредѣленной величиной квартирной платы) не оставляетъ мѣста для недостаточныхъ классовъ населенія, почти безусловно лишаетъ ихъ избирательнаго права. Въ этомъ отношеніи она уступаетъ даже сословной организаціи, при которой избирателями являются и бѣднѣйшіе горожане, если они принадлежатъ къ числу мѣстныхъ мѣщанъ или цеховыхъ. Намъ кажется, что эту—единственную—хорошую сторону сословной организаціи необходимо ввести въ новое устройство городского управленія. Этого требуетъ самая элементарная справедливость, въ виду разнообразныхъ услугъ, постоянно оказываемыхъ городу массой трудящагося населенія. Всего больше нуждаясь въ заботливости городского управленія, бѣднѣйшіе изъ числа городскихъ жителей далеко не всегда пользуются ею въ должной мѣрѣ, именно потому, что не имѣютъ достаточнаго участія въ городскомъ представительствѣ. Городское управленіе, построенное исключительно на высшихъ и среднихъ классахъ городского населенія, было бы явленіемъ столь же ненормальнымъ, какъ земство, въ которомъ отсутствовали бы крестьяне. Намъ могутъ возразить, что крестьяне, какъ члены надѣленныхъ землею сельскихъ обществъ, платятъ земскій сборъ, между тѣмъ какъ масса городского населенія не платитъ никакихъ городскихъ сборовъ. Мы отвѣтили бы на это, что не считаемъ платежъ сбора необходимымъ условіемъ избирательнаго права. Городской житель—если только онъ не принадлежитъ къ пришлому, случайному, ежегодно возобновляющемуся элементу городского населенія—связанъ съ городомъ многочисленными, разнообразными нитями, гораздо болѣе прочными, чѣмъ уплата нѣсколькихъ копѣекъ или хотя бы нѣсколькихъ десятковъ копѣекъ городского сбора. Въ освѣщеніи и оздоровленіи города, въ организаціи врачебной помощи, въ устройствѣ городскихъ начальныхъ школъ, въ выборѣ той или другой системы эксплуатаціи городской земли, масса населенія заинте-

[1]) Остзейское понятіе о *литератѣ* совпадаетъ почти вполнѣ съ выраженіемъ: „образованный человѣкъ“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ въ настоящемъ обозрѣніи.

ресована отнюдь не меньше—или даже больше,—чѣмъ зажиточные горожане. Но если и согласиться съ тѣмъ, что избирателемъ можетъ быть только плательщикъ, то этимъ вовсе еще не предрѣшается безправность большинства городского населенія. Пускай будетъ введенъ небольшой поголовный налогъ, обязательный для всѣхъ жителей города, кромѣ абсолютно неимущихъ — и пускай къ нему будетъ пріурочено избирательное право всѣхъ тѣхъ, кто не платитъ другихъ городскихъ сборовъ. Всего проще было бы замѣнить этимъ налогомъ существующій въ настоящее время общественный сборъ съ мѣщанъ и цеховыхъ, идущій почти всецѣло на содержаніе сословныхъ управъ (мѣщанской и ремесленной) и на леченіе больныхъ, уплату больничныхъ денегъ. Обязанности мѣщанской управы могли бы перейти къ городской управѣ; обязанности ремесленной управы и теперь уже, со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ и положеній нотаріальнаго и городового, сведены почти къ нулю, такъ что и самыя управы не вездѣ существуютъ. Привлеченіе бѣднѣйшихъ классовъ городского населенія къ участію въ городскихъ выборахъ могло бы, такимъ образомъ, состояться безъ отягощенія ихъ новымъ сборомъ и безъ чувствительнаго обремененія городского управленія. Къ тремъ группамъ, проектированнымъ „Совѣщаніемъ"—домовладѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ, квартиронанимателей—могла бы быть присоединена четвертая, обнимающая собою всѣхъ остальныхъ осѣдлыхъ городскихъ жителей (признакомъ осѣдлости, повторяемъ еще разъ, можно было бы считать, какъ и теперь, *двухлѣтнее* пребываніе въ городѣ). Что касается до числа гласныхъ, избираемыхъ каждою отдѣльною группою, то его ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы ставить въ зависимость отъ цифры платимыхъ группою городскихъ сборовъ. Оставить преобладаніе за крупными плательщиками—значило бы сохранить главный недостатокъ дѣйствующей избирательной системы. Всего правильнѣе, кажется, было бы послѣдовать примѣру земскаго положенія и опредѣлить число гласныхъ отъ каждой группы для каждаго города отдѣльно, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Наименьшее вліяніе на организацію городского управленія слѣдовало бы, въ виду указаній опыта, предоставить торгово-промышленной группѣ. Тѣ городскіе жители, которые принадлежатъ въ одно и то же время къ двумъ или нѣсколькимъ группамъ, могли бы—какъ это и предполагалось въ проектѣ „Совѣщанія"—приписываться къ одной изъ нихъ, по собственному выбору.

Многочисленность избирателей третьяго разряда служила, до сихъ поръ, источникомъ неудобствъ и злоупотребленій; но гдѣ и почему? Только въ большихъ городахъ—и только потому, что третій разрядъ

не былъ распредѣленъ на *мелкія* территоріальныя группы. Въ столицахъ и еще кое-гдѣ (напримѣръ—въ Кіевѣ) избиратели третьяго разряда давно уже раздѣлялись на категоріи, въ основаніе которыхъ, на послѣднихъ столичныхъ выборахъ, было положено мѣсто жительства избирателей; но категоріи эти все же оказывались слишкомъ многочисленными, и слабая сторона избирательныхъ порядковъ была только смягчена, но не устранена совершенно. Намъ кажется, что въ городахъ сколько-нибудь значительныхъ раздѣленіе всѣхъ избирательныхъ разрядовъ—или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупныхъ по числу избирателей—на *небольшія* территоріальныя группы было бы чрезвычайно желательно не только въ видахъ регулированія самаго процесса выборовъ, но и въ видахъ правильнаго веденія городского хозяйства. Припомнимъ заброшенность, въ которой оставалась одна изъ частей города N.—оставалась именно потому, что значительный перевѣсъ въ думѣ принадлежалъ жителямъ другой, болѣе богатой части. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это—явленіе не случайное; весьма вѣроятно, что оно существуетъ—въ бóльшихъ еще даже, быть можетъ, размѣрахъ—во многихъ другихъ городахъ имперіи. Предупредить его можно только установленіемъ такого порядка, при которомъ всѣ *части* города (не въ полицейскомъ, а въ территоріальномъ смыслѣ этого слова) имѣли бы представителей въ городской думѣ. Само собою разумѣется, что разряды слишкомъ малочисленные могли бы не дробиться вовсе или дробиться на меньшее, сравнительно съ другими, число территоріальныхъ группъ. Въ небольшихъ городахъ возможно было бы даже установленіе меньшаго числа разрядовъ, путемъ соединенія въ одно цѣлое домовладѣльцевъ—съ квартиронанимателями, или торгово-промышленнаго класса—съ ремесленниками и мѣщанами. Оставаясь одинаковою въ главныхъ чертахъ, избирательная система должна быть приспособлена въ подробностяхъ какъ можно ближе къ мѣстнымъ условіямъ каждаго отдѣльнаго города.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что если мы не оставляемъ, въ нашихъ предположеніяхъ, почвы дѣленія на *разряды*, то исключительно въ виду условій настоящей минуты, не позволяющихъ разсчитывать на болѣе коренное преобразованіе городской избирательной системы. Порядокъ, за который мы высказываемся, представляется, въ нашихъ глазахъ, не безусловно-лучшимъ, но лучшимъ изъ осуществимыхъ въ данное время.

Продолжая отмѣчать въ нашемъ обозрѣніи наиболѣе характеристичные факты, относящіеся къ дѣятельности новыхъ судебно-административныхъ учрежденій, мы должны остановиться, прежде всего,

на постановленіи уѣзднаго съѣзда, приведенномъ in extenso въ статьѣ г. Обнинскаго: „Въ области суевѣрій и предразсудковъ“ („Юридическій Вѣстникъ“, № 11). Мѣстность, въ которой происходитъ дѣйствіе, г. Обнинскимъ не названа; онъ говоритъ только, что она весьма недалека отъ одного изъ нашихъ культурныхъ и промышленныхъ центровъ. Крестьянинъ К., на котораго начислена была, за пять лѣтъ, недоимка въ 35 рублей, жаловался земскому начальнику на неправильность разсчета, сдѣланнаго сельскимъ старостой. Когда жалоба эта была оставлена безъ послѣдствій, сельскій староста возбудилъ противъ К., въ волостномъ судѣ, уголовное преслѣдованіе. Волостной судъ приговорилъ обвиняемаго къ наказанію розгами въ высшемъ размѣрѣ, „такъ какъ таковая упорная неуплата со стороны обвиняемаго недоимки, за которую онъ уже дважды судился и былъ наказанъ волостнымъ судомъ, является результатомъ его мотовства“. Уѣздный съѣздъ, разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ К., нашелъ возраженія его „вздорными“ и призналъ, что „упорное нежеланіе его уплатить накопившуюся на немъ недоимку, въ связи съ утвержденіями сельскаго старосты, оставшимися со стороны К. ничѣмъ не опровергнутыми, о распродажѣ симъ послѣднимъ своего крестьянскаго имущества, является вполнѣ характернымъ признакомъ мотовства“. Доказательство „мотовства“ съѣздъ усмотрѣлъ также и въ фактѣ накопленія крупной недоимки, угрожающей продажею всего имущества недоимщика, а слѣдовательно и разстройствомъ его хозяйства. Находя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мотовство, по ст. 38 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, подлежитъ наказанію независимо отъ того, сопровождалось ли оно пьянствомъ, уѣздный съѣздъ утвердилъ рѣшеніе волостного суда. По справедливому замѣчанію г. Обнинскаго, статья 38 вовсе не имѣетъ того смысла, который данъ ей уѣзднымъ съѣздомъ; она говоритъ о мотовствѣ и пьянствѣ, разстраивающихъ хозяйство, и примѣнима, слѣдовательно, только при наличности всѣхъ трехъ перечисленныхъ въ ней условій (пьянство, мотовство, производимое ими разстройство хозяйства), а не одного или двухъ. Точно такъ же редактирована и статья 17-ая, опредѣляющая подсудность волостного суда. Нужно надѣяться, что это толкованіе ст. 17 и 38, прекрасно мотивированное г. Обнинскимъ, получитъ оффиціальную санкцію и будетъ признано обязательнымъ для земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. И при такомъ толкованіи, однако, останется неустраненнымъ главный недостатокъ закона, указанный нами вслѣдъ за обнародованіемъ положеній 12-го іюля 1889 г. [1]). Этотъ недостатокъ—признаніе наказуемости такихъ дѣяній, которыя, въ сущ-

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстн. Европы“ за 1889 г., стр. 382.

ности, вовсе не составляютъ проступковъ и безнаказанно могутъ быть совершаемы всѣми, кромѣ сельскихъ обывателей, подсудныхъ волостному суду. Невозможно найти, невозможно установить черту, которая отдѣляла бы наказуемое, въ крестьянскомъ быту, мотовство—отъ ненаказуемой щедрости или неосмотрительности, наказуемое пьянство—отъ ненаказуемаго употребленія крѣпкихъ напитковъ: до крайности трудно опредѣлить, въ какой степени разстройство хозяйства зависитъ отъ мотовства и пьянства, въ какой—отъ другихъ причинъ, неотвратимыхъ и неизбѣжныхъ. Источникомъ отвѣтственности—и отвѣтственности весьма тяжелой—являются здѣсь сплошь и рядомъ, вопреки основнымъ началамъ справедливости и права, обстоятельства случайныя. Представимъ себѣ двухъ крестьянъ, въ равной мѣрѣ склонныхъ къ мотовству и пьянству. У одного изъ нихъ—многочисленная, трудолюбивая семья, изглаживающая грѣхи хозяина и предупреждающая разстройство хозяйства; другой—одинокій вдовецъ, которому никто не помогаетъ и который, поэтому, спускается все ниже и ниже. Виноваты они (насколько здѣсь можетъ быть рѣчь о „винѣ“) совершенно одинаково, но подходящимъ подъ дѣйствіе закона оказывается только послѣдній. Или возьмемъ другой случай: у одного пьяницы и мота хорошо уродился хлѣбъ, и это поправило его разстраивавшееся хозяйство; у другого, такого же пьяницы и мота, хлѣбъ побило градомъ, и хозяйство его пришло въ окончательный упадокъ. Разница между первымъ и вторымъ совершенно случайная, но она достаточна для обвиненія одного, для оправданія другого... Въ рѣшеніи уѣзднаго съѣзда по дѣлу К. съ явной натяжкой установлена наличность мотовства; къ этой натяжкѣ достаточно было бы прибавить другую, ejusdem farinae—и установленнымъ оказалось бы, вмѣстѣ съ мотовствомъ, и пьянство. Въ самомъ дѣлѣ, много ли найдется крестьянъ, которые бы ни разу въ жизни не напивались до пьяна? Число случаевъ опьяненія, необходимыхъ для признанія *пьянства*, закономъ не опредѣлено и опредѣлено быть не можетъ; стоитъ только признать, на основаніи какихъ бы то ни было данныхъ, что обвиняемый *бывалъ* пьянымъ—и условіе для вмѣненія готово, составъ преступленія дополненъ и завершенъ, буква закона соблюдена всецѣло. Если неуплата недоимки, если продажа крестьянскаго имущества можетъ быть разсматриваема какъ мотовство, то съ такою же точно легкостью нѣсколько стакановъ вина, выпитыхъ съ добрыми товарищами, могутъ быть возведены на степень пьянства... Выходъ здѣсь только одинъ—совершенное изъятіе пьянства и мотовства изъ числа проступковъ, наказуемыхъ по приговору волостного суда. Мы знаемъ, что волостной судъ и прежде имѣлъ право карать—и карать тѣлесно—мотовъ и пьяницъ; но далеко не одно и то же—волостной судъ, за-

мкнутый въ самомъ себѣ и ежечасно ожидавшій коренной реформы, или преобразованный волостной судъ, введенный въ общую судебную іерархію. Далеко не одно и то же приговоръ, произносимый нѣсколькими неграмотными крестьянами подъ диктовку волостного писаря, или рѣшеніе, постановляемое (какъ это было въ данномъ случаѣ) представителями правительственной власти, получившими высшее образованіе. Въ присутствіи уѣзднаго съѣзда, обвинившемъ крестьянина К., предсѣдательствовалъ уѣздный членъ окружного суда—и мы не видимъ изъ статьи г. Обнинскаго, чтобы онъ остался при особомъ мнѣніи. Хорошо еще, что иначе взглянулъ на дѣло другой представитель судебной власти—товарищъ прокурора, дававшій заключеніе на съѣздѣ; вслѣдствіе его протеста, рѣшеніе съѣзда было отмѣнено губернскимъ присутствіемъ.

Въ разсказанномъ нами дѣлѣ есть еще одна печальная сторона, какъ нельзя лучше выставленная на видъ г. Обнинскимъ. Настоящимъ поводомъ къ рѣшенію волостного суда, утвержденному съѣздомъ, послужило немотовство крестьянина К., а накопленіе на немъ недоимки. „Совершенно противозаконный и, тѣмъ не менѣе, очень широко распространенный обычай сѣчь за недоимку, — говоритъ г. Обнинскій,—существуетъ у насъ уже давно; для него установился и особый терминъ — *высѣканіе недоимокъ*. Дѣло пущено въ ходъ съ легкой руки какого-то находчиваго исправника: объѣзжая пункты накопленія недоимокъ, онъ возилъ съ собою трехъ волостныхъ судей, которые тутъ же и присуждали недоимщиковъ къ поркѣ... Но какъ успѣлъ этотъ обычай-фениксъ, возрожденный внѣзаконною практикою реформированнаго волостного суда, благополучно миновать высшую судебную инстанцію, при ея данномъ личномъ составѣ?“ Объясненіе этому г. Обнинскій видитъ въ „радушной встрѣчѣ старыхъ традицій съ новоявленною системой“. По ученію послѣдователей этой системы, „насущнѣйшая потребность времени—*подтянуть* сельскаго обывателя, одержимаго бѣсомъ пьянства, распущенности и недоимокъ. Нашего мужика можно совершенствовать только изъ-подъ палки, а потому, если дозволено сѣчь за одинъ проступокъ,—надо путемъ толкованія раздробить его на два, чтобы такимъ образомъ пересѣчь вдвое больше народу, нежели то положено по закону; если низшая изъ властвующихъ надъ обывателемъ инстанцій и проявитъ чрезмѣрное иногда усердіе, зарвавшись за законные предѣлы, то ради надлежащаго престижа ее необходимо поддержать, а если таковое усердіе отвѣчаетъ и *потребностямъ времени,* то проявленіе его слѣдуетъ провозгласить совершенно правильнымъ и законнымъ. Аргументируются эти принципы всѣмъ, что только попадется подъ руку; прадѣдовскія воззрѣнія, успѣвшія-было порядкомъ заплѣснеть и обрости мохомъ, ре-

ставрируются и отшлифовываются въ самоновѣйшемъ вкусѣ. И вотъ, для того только, чтобы лишній разъ исполосовать спину обывателя, чтобы щегольнуть своимъ ультра-консерватизмомъ, чтобы поддѣлаться къ господствующему въ мѣстности настроенію, чтобы заявить свое презрѣніе къ идеаламъ и сантиментамъ, къ авторитетамъ и наукѣ—беззастѣнчиво искажается законъ, позабываются университетскія преданія, и съ высоты судейскаго трибунала во всеуслышаніе провозглашается жестокосердая, унижающая человѣка доктрина... Данное состояніе общественной атмосферы крайне благопріятно развитію и преуспѣянію подобныхъ доктринъ; современная дѣйствующая молодежь крайне склонна къ ихъ воспріятію, мѣстная аграрная интеллигенція, хранящая еще крѣпостные завѣты, будетъ лишь рукоплескать почину, а потому обычай сѣчь должниковъ фиска, положительно воспрещенный новымъ закономъ, но прилѣпившійся къ нему точно тунеядное растеніе, можетъ получить широкое распространеніе, если въ самомъ началѣ не встрѣтитъ энергическаго отпора". Велика, въ самомъ дѣлѣ, должна быть власть „системы", если ей удается подчинить себѣ даже тѣхъ, отъ кого можно было ожидать систематическаго противодѣйствія „вѣяніямъ времени"—людей съ университетскимъ образованіемъ, представителей судебной власти. Когда мы говорили, въ предъидущемъ обозрѣніи, о постановленіи уѣзднаго съѣзда, создавшемъ новый уголовный проступокъ—*допущеніе себя къ приводу по этапу*—и опредѣлившемъ за него, съ явнымъ нарушеніемъ закона, тѣлесное наказаніе, мы могли утѣшаться тѣмъ, что оно состоялось по большинству голосовъ, вопреки мнѣнію судебныхъ членовъ съѣзда; но гдѣ искать утѣшенія теперь, въ виду фактовъ, приведенныхъ г. Обнинскимъ?.. Правда, рѣшеніе съѣзда отмѣнено губернскимъ присутствіемъ; но на одно дѣло, доходящее до этой инстанціи, сколько приходится такихъ, которыя заканчиваются рѣшеніемъ съѣзда? Всегда ли, наконецъ, можно разсчитывать на возстановленіе закона, если учрежденіе, которому ввѣрена его охрана, дѣйствуетъ при закрытыхъ дверяхъ, при весьма слабомъ участіи судебнаго элемента, и сознаетъ себя солидарнымъ съ подчиненными ему должностными лицами и присутственными мѣстами?

До какой степени прискорбна легкость, съ которою новыя судебно административныя учрежденія прибѣгаютъ къ тѣлесному наказанію — объ этомъ всего лучше можно судить по слѣдующимъ строкамъ, заимствуемымъ нами изъ безспорно „благонамѣренной" и консервативной газеты. „По смыслу новыхъ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, — пишутъ „Кіевлянину" изъ Чернигова, — наказанію розгами должны подвергаться негодяи, лица, на которыхъ другія наказанія не дѣйствуютъ. Между тѣмъ нѣкоторые волостные суды поняли свое

право совсѣмъ иначе и на практикѣ прибѣгаютъ къ наказанію розгами за самые маловажные проступки. Этому наказанію начали подвергать не только лицъ крестьянскаго сословія, но и казаковъ, которые до сихъ поръ считались свободными отъ тѣлесныхъ наказаній. Дѣло въ томъ, что въ черниговской губерніи до сихъ поръ сохранилось весьма многочисленное сословіе казаковъ. По своей бытовой обстановкѣ, воззрѣніямъ и развитію казаки стоятъ выше крестьянской массы. Новое положеніе о волостныхъ судахъ, не выдѣляя ихъ изъ крестьянской среды, тѣмъ самымъ распространяетъ наказаніе розгами также и на нихъ. По крайней мѣрѣ, такъ поняли это многіе изъ волостныхъ судовъ и въ дѣлѣ наказанія розгами уже не дѣлаютъ различія между крестьянами и казаками. У насъ, впрочемъ, не только казаки, но и крестьянская молодежь считаетъ для себя наказаніе розгами страшнымъ позоромъ. Отвращеніе къ розгамъ переносится также и на то лицо, которое беретъ на себя экзекуторскія обязанности. Въ селѣ его зовутъ катомъ, т.-е. палачемъ. Народъ не забылъ еще того времени, когда обязанности палача возлагались на преступниковъ. Вслѣдствіе этого, въ деревняхъ стало очень трудно пріискать лицо, которое пожелало бы взять на себя экзекуторскія обязанности. Страхъ быть наказаннымъ розгами настолько великъ, что молодежь заранѣе стремится снискать себѣ расположеніе судей и, въ особенности, писаря, исполняющаго обязанности дѣлопроизводителя суда, только бы избѣжать этого наказанія. Водка въ волостныхъ судахъ уже вывелась, но зато внѣ суда, въ кабакѣ, всякій крестьянинъ не упуститъ случая поднести писарю или судьѣ чарку водки, въ видѣ гарантіи себя на будущее время".

Насъ поражаетъ, прежде всего, констатируемое здѣсь распространеніе сферы тѣлесныхъ наказаній, не предписанное, но и не предупрежденное новыми узаконеніями. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо было бы необходимо точно опредѣлить условія, освобождающія отъ тѣлеснаго наказанія—и по возможности увеличить ихъ число, ни въ какомъ случаѣ его не уменьшая. Еще бòльшаго вниманія заслуживаютъ свѣденія, сообщаемыя корреспондентомъ объ отношеніи крестьянъ къ тѣлесному наказанію. Мы вполнѣ убѣждены, что въ бòльшей или мéньшей степени то же самое можно было бы сказать о всѣхъ частяхъ Россіи, о всѣхъ племенахъ, ее населяющихъ. Въ саратовской судебной палатѣ разсматривалось недавно характеристичное, съ этой точки зрѣнія, дѣло о „сопротивленіи власти", оказанномъ крестьянами села Привальнаго (новоузенскаго уѣзда, самарской губерніи). 19-го января 1890 г.—читаемъ мы въ судебномъ отчетѣ, напечатанномъ въ „Саратовскомъ Дневникѣ" (№ 218) —„пріѣхалъ въ село Привальное волостной старшина Штайцъ, чтобы объявить содержавшемуся подъ арестомъ Гейнриху Триппель поста-

новленіе новоузенскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, утвердившаго приговоръ волостного суда о наказаніи его розгами [1]). Еще ранѣе до старшины доходили слухи о томъ, что сторонники и друзья Триппеля, которыхъ въ с. Привальномъ имѣется большое число, соберутся въ волостное правленіе и силою воспрепятствуютъ приведенію надъ Триппелемъ приговора въ исполненіе. Поэтому, прежде чѣмъ объявить Триппелю постановленіе присутствія, старшина пригласилъ въ волостное правленіе нѣсколькихъ стороннихъ лицъ и сельскія власти, послѣ чего потребовалъ Триппеля изъ арестантской. Но арестантская оказалась запертой изнутри. На требованіе отпереть Триппель отвѣчалъ отказомъ; когда же было составлено постановленіе о сломѣ двери арестантской и было приступлено къ выламыванію дверей, то Триппель выломалъ кирпичи, выбилъ ими окно и сталъ кричать собравшейся толпѣ своихъ сторонниковъ, что его бьютъ, и призывалъ толпу на помощь. На крикъ сбѣжался народъ, толпа увеличилась до 300 человѣкъ, начался шумъ и крикъ, нѣкоторые ворвались въ корридоръ и залъ волостного правленія съ кольями и полѣньями въ рукахъ, слышались крики и угрозы все разнести и во что бы то ни стало не допустить наказанія Триппеля. Наконецъ, удалось вывести Триппеля изъ арестантской и объявить ему постановленіе уѣзднаго присутствія, послѣ чего Триппель снова былъ запертъ въ арестантскую; наказать же его розгами было невозможно, потому что крики и угрозы толпы все увеличивались, раздавались оскорбительныя выраженія противъ старшины и старосты, пускали въ ходъ палки и колья. Толпа не расходилась до вечера, и уже когда на мѣсто происшествія пріѣхали изъ села Ровнаго полицейскій надзиратель и полицейскій урядникъ и уговорили толпу, что наказывать Триппеля не станутъ, тогда только толпа успокоилась и разошлась по домамъ". Самъ Триппель и еще трое обвиняемыхъ приговорены палатой къ арестантскимъ ротамъ, одинъ—къ тюремному заключенію. Очевидно, что въ дѣйствіяхъ Триппеля и его соучастниковъ выразилось глубокое отвращеніе къ тѣлесному наказанію. Они знали, чѣмъ они рискуютъ—и все-таки противились исполненію приговора, возмущавшаго ихъ нравственное чувство. Такіе факты имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, существенно-важное значеніе; они служатъ показателями настроенія, степень распространенія котораго не можетъ быть опредѣлена съ точностью, но интенсивность уже теперь едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію.

---

[1]) Точнѣе было бы сказать: „оставившаго безъ послѣдствій кассаціонную жалобу Триппеля на приговоръ волостного суда". Крестьянскими присутствіями рѣшенія волостныхъ судовъ по существу, какъ извѣстно, не разсматриваются.

ИСПОЛНЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
за 1889 годъ.

Послѣ многихъ лѣтъ постоянныхъ дефицитовъ въ нашихъ государственныхъ бюджетахъ, по исполненію государственной росписи 1888 года, оказалось, какъ извѣстно, значительное превышеніе доходовъ не только надъ обыкновенными расходами, но и вообще надъ всѣми расходами, какъ обыкновенными, такъ и чрезвычайными. Весь избытокъ доходовъ надъ расходами составилъ 34 мил. рублей [1]). Исполненіе государственной росписи за 1889 годъ оказалось, какъ будто, еще удачнѣе. Недавно вышедшій отчетъ государственнаго контроля представляетъ по этой росписи слѣдующія данныя:

По росписи ожидалось:

доходовъ:		расходовъ:	
обыкновенныхъ	861.313.221 р.	обыкновенныхъ	856.805.084 р.
оборотныхъ	4.149.744 „	оборотныхъ	4.149.744 „
чрезвычайныхъ поступленій	9.378.786 „	чрезвычайныхъ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ . . .	34.206.982 „
всего	874.841.751 р.	всего	895.161.810 р.

слѣдовательно, по росписи предвидѣлось по обыкновенному бюджету превышеніе въ доходахъ надъ расходами въ $4^1/_2$ мил. рублей, а вообще по росписи недоборъ въ 20.320.059 р., который предполагалось покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства.

Въ дѣйствительности оказалось:

доходовъ:		расходовъ:	
обыкновенныхъ (прямыхъ и оборотныхъ) . . .	927.035.439 р.	обыкновенныхъ (прямыхъ и оборотныхъ) . . .	857.881.126 р.
чрезвычайныхъ поступленій	22.298.928 „	чрезвычайныхъ расходовъ	36.957·733 „
всего	949.334.367 р.	всего	894.838.859 р.

Такимъ образомъ, избытокъ доходовъ надъ расходами по обыкновенному бюджету составилъ 69.154.313 р., а по всей росписи, т.-е. со включеніемъ чрезвычайнаго бюджета [2]), 54.495.508 р.; избытокъ

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", декабрь 1889 г., стр. 810.

[2]) Въ отчетѣ государственнаго контроля по чрезвычайному бюджету выведенъ иной балансъ: чрезвычайныхъ рессурсовъ показано 62.899.103 р., а расходовъ

этотъ значительно увеличивается присоединеніемъ къ доходамъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, 17.345.328 р. по обыкновенному бюджету и 3.402.454 р. по чрезвычайному, такъ что въ общемъ превышеніе доходовъ надъ расходами по исполненію государственной росписи за 1889 годъ составляетъ слишкомъ 75 мил. рублей.

Относительно остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ нужно замѣтить слѣдующее: остатки эти получаются отъ того, что нѣкоторая часть суммъ, вошедшая уже въ счетъ расходовъ по исполненію росписи извѣстнаго года (по такъ-называемымъ кредиторскимъ спискамъ или на строительныя надобности), въ дѣйствительности въ концѣ концовъ остается неизрасходованной. Но это опредѣляется не ранѣе, какъ на четвертый годъ, т.-е. въ 1889 году могутъ быть опредѣлены лишь свободные остатки отъ суммъ, исчисленныхъ расходомъ въ отчетѣ за 1885 годъ, а остатки отъ расходовъ 1889 г. обнаружатся лишь въ 1893 году. По принятому съ 1882 года порядку, остатки эти причисляются къ доходамъ того года, когда опредѣлятся. При особенной бережливости въ текущее десятилѣтіе въ разрѣшеніи кредитовъ вообще и сверхсмѣтныхъ въ особенности остатки эти въ послѣдніе годы весьма невелики; они рѣдко превышали $2^1/_2$—3 мил. рублей. Значительный остатокъ отъ заключенныхъ смѣтъ, обнаружившійся въ 1889 году, зависитъ отъ особаго обстоятельства. Въ ряду кредитовъ, исчисляемыхъ по росписи, были кредиты, которые никогда не закрывались [1]), именно суммы, ассигнуемыя по смѣтѣ системы государственнаго кредита, считались подлежащими отпуску на неопредѣленное время, въ виду предположенія, что онѣ рано или поздно все-таки будутъ выданы. Между тѣмъ такой порядокъ безсрочнаго оставленія на счету этихъ суммъ не только не согласовался съ установленными для всѣхъ кредитовъ вообще смѣтными правилами, но не оправдывался дѣйствительною надобностью: но смѣтамъ системы государственнаго кредита постоянно оказывались остатки, окончательно не подлежавшіе расходу: отъ пріобрѣтенія по цѣнѣ ниже смѣтной процентныхъ бумагъ, погашаемыхъ покупкою на биржѣ;

104.957.733 р., потому что къ поступленіямъ причислено 40.600.175 р. свободныхъ остатковъ отъ исполненныхъ въ 1889 г. конверсій прежнихъ займовъ, а въ расходъ включены 50 мил. р., уплаченные государственному банку за временно выпущенные въ восточную войну кредитные билеты, и 18 мил. р. на погашеніе билетовъ государственнаго казначейства. Какъ это мы не разъ объясняли, при опредѣленіи финансовыхъ (не-кассовыхъ) результатовъ исполненія государственной росписи не слѣдуетъ принимать въ разсчетъ ни суммъ, полученныхъ путемъ финансовыхъ операцій (займовъ, конверсій, и пр.), ни уплату крупныхъ долговъ, сдѣланныхъ не въ отчетномъ году.

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1889 г., стр. 825.

отъ курсовой разности при оплатѣ металлическихъ бумагъ и купоновъ кредитными билетами по курсу выше смѣтнаго, отъ суммъ, ассигнуемыхъ по приблизительному разсчету, отъ утраты бумагъ или купоновъ, подлежащихъ оплатѣ, и пр.

Государственнымъ контролемъ, насколько мы знаемъ, давно уже былъ поднятъ вопросъ о необходимости установить срокъ отпуска кредитовъ по уплатѣ государственныхъ долговъ, но разрѣшеніе онъ получилъ только въ нынѣшнемъ году Высочайше утвержденнымъ 1-го іюня 1890 года положеніемъ комитета финансовъ о порядкѣ и срокахъ закрытія остатковъ отъ ассигнованій по смѣтамъ системы государственнаго кредита. Для нѣкоторыхъ изъ ассигнованій опредѣленъ годичный срокъ, для другихъ—четырехлѣтній; остатки же отъ кредита на погашеніе безсрочныхъ займовъ положено по окончаніи года переводить въ особый счетъ суммъ, назначенныхъ на выкупъ этихъ займовъ для расходованія исключительно на предметъ назначенія.

Примѣненіе вновь установленнаго порядка къ росписи 1889 года и имѣло послѣдствіемъ, что кредиты по уплатѣ государственныхъ долговъ, оказавшіеся неизрасходованными по 1887 годъ, въ размѣрѣ 15.200.812 р., были закрыты и образовали тотъ значительный остатокъ суммъ по заключеннымъ смѣтамъ, о которомъ сказано выше. Безъ этихъ 15 мил. р., остатокъ по заключенной росписи 1885 г., подлежавшій закрытію въ 1889 г., не превышаетъ 2.087.514 р. по обыкновеннымъ расходамъ и 2.604.365 р. по чрезвычайнымъ.

Приведенное положеніе комитета финансовъ, помимо упомянутыхъ 15 мил. р., оказало также и непосредственно выгодное вліяніе на бюджетъ 1889 г., такъ какъ вслѣдствіе его въ кредитѣ на уплату государственныхъ долговъ закрыто кредитовъ до 2½ мил. р., независимо 4½ мил. р. слишкомъ, отчисленныхъ изъ кредитовъ этого года въ особый счетъ на уплату долговъ безсрочныхъ [1]).

По обыкновенному бюджету, какъ показано выше, доходы въ 1889 г. простирались до 927 мил. р., а расходы до 858 м. р., превосходя доходы 1888 года (898½ м. р.) на 28½ м. р., а расходы (840½ м. р.)—на 17½ м. рублей. Въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля сдѣлано сравненіе доходовъ и расходовъ за послѣднее десятилѣтіе, причемъ для наглядности сравненія: а) исключены доходы и расходы по выкупной операціи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, вошедшіе въ общія смѣты лишь съ 1885 года; б) доходы и расходы въ золотой валютѣ приняты по курсу 1 р.

---

[1]) Въ особый счетъ на уплату безсрочныхъ займовъ отчислено, за время до 1887 года, 14.811.562 рубля.

50 коп. кред. за металлическій рубль, т.-е. по курсу, принятому для государственныхъ росписей до 1887 года [1]), и в) изъ расходовъ 1887, 1888 и 1889 гг. исключены обороты по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Съ этими измѣненіями доходы и расходы послѣдняго десятилѣтія 1880—1889 года представляются съ округленіемъ цифръ въ слѣдующемъ видѣ:

доходы:
651 м. р. 654 м. р. 706 м. р. $700^1/_2$ м. р. 706 м. р. $712^1/_2$ м. р. $721^1/_2$ м. р. 775 м. р. 830 м. р. 868 м. р.
расходы:
$695^1/_2$ „ „ 734 „ „ 709 „ „ $723^1/_2$ „ „ 728 „ „ 749 „ „ 780 „ „ $769^1/_2$ „ „ 778 „ „ $795^1/_2$ „ „

Изъ этихъ цифръ видно, что за десятилѣтіе государственные доходы возросли на 217 м. р., а расходы ровно на 100 м. р., что̀ и повело къ прекращенію дефицитовъ, въ 40 м. р. слишкомъ въ 1880 г. и въ 80 м. р. въ 1881 г., къ избытку въ доходъ на 58 м. р. въ 1888 г. и на $72^1/_2$ м. р. въ 1889 году. Своевременно, сообщая ежегодно объ исполненіи государственныхъ росписей за предшествующій годъ, мы указывали и на главныя причины, повліявшія на тотъ или другой результатъ ихъ. Въ общемъ, благопріятный финансовый результатъ двухъ послѣднихъ лѣтъ зависѣлъ отъ хорошаго урожая трехлѣтія 1886—1888 гг., оказавшаго выгодное вліяніе на народное хозяйство и въ 1889 году, а главное отъ значительнаго увеличенія въ послѣднее время большой части косвенныхъ налоговъ, при относительной бережливости въ расходахъ. Въ прежнее время, говоря объ условіяхъ почти постоянныхъ дефицитовъ въ нашихъ государственныхъ бюджетахъ („обыкновенныхъ"), мы указывали на непомѣрное увеличеніе расходовъ, при весьма значительномъ, но не поспѣвающемъ за нимъ ростѣ доходовъ. Такъ напр., въ періодъ 1872—1882 гг. расходы увеличились на 188 м. р., съ 523 м. р. до 711 м. р., а доходы—только на $703^1/_2$ м. р., съ 523 м. р. до $703^1/_2$ м. р. Бережливость въ расходахъ замѣчается особенно съ 1882 года: въ періодъ 1882—1889 года расходы увеличились на $85^1/_2$ м. р., съ 709 м. р. до $795^1/_2$ м. р., тогда какъ доходы, равнявшіеся въ 1882 году 706 мил. р., достигли въ 1889 году (за исключеніемъ выкупныхъ платежей и съ переложеніемъ металлическихъ поступленій по 1 р. 50 коп. кред. за метал. рубль) 868 мил. р., т.-е. возросли на 162 мил. рублей.

---

[1]) По росписямъ трехъ послѣднихъ лѣтъ при переложеніи метал. валюты въ кредитную былъ принятъ слѣдующій курсъ: за метал. рубль считалось по росписи 1887 года 1 р. 67 коп. кред; по росписи 1888 г.—1 р. 80 к. кр.; по росписи 1889 г — 1 р. 70 коп. кредитныхъ.

Останавливаясь на сравненіи обыкновеннаго бюджета 1889 г. съ бюджетомъ 1888 г., въ трехъ цифрахъ, какъ онѣ помѣщены въ отчетахъ государственнаго контроля, усматриваемъ слѣдующее (какъ это показано выше):

	въ 1888 г.	въ 1889 г.
обыкновенныхъ доходовъ . .	898½ м. р.	927 м. р.
обыкновенныхъ расходовъ . .	840½ м. р.	858 м. р.

Такимъ образомъ, въ теченіе года доходы увеличились на 28½ м. р., а расходы—на 17½ мил. р. Если же принять въ соображеніе нѣкоторыя случайныя обстоятельства, оказавшія вліяніе на исполненіе росписи 1888 года, по отношенію къ этому бюджету, бюджетъ 1889 года окажется по доходамъ еще болѣе благопріятнымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ послужили въ ущербъ бюджету 1888 года; такъ, по питейному доходу недобрано по питейному акцизу около 7 мил. р., внесенныхъ въ концѣ 1887 г. за счетъ 1888 г. съ цѣлью избѣжать оплаты вина повышеннымъ съ 1 января 1888 г. на ¼ к. съ градуса акцизомъ; вслѣдствіе отмѣны съ 1888 г. льготнаго срока по доходамъ, въ нихъ поступило менѣе на 13½ м. р. Но, съ другой стороны, бюджетъ 1888 года случайно увеличенъ 15 милліонами руб., полученными отъ выкупа таможенныхъ залоговъ прежняго времени, и 15 милліонами рублей одновременной уплаты долга казнѣ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ по Николаевской желѣзной дорогѣ. Въ результатѣ получается случайное увеличеніе дохода 1888 г. на сумму около 10 м. р. противъ нормальнаго поступленія. Сверхъ того, металлическія поступленія, перечисленныя въ росписи 1889 года по 1 р. 70 коп. кред. за металлическій рубль, въ 1888 году сочтены по 1 р. 80 коп. Въ общемъ, по разсчету государственнаго контроля, по устраненіи случайностей, доходъ 1889 года превосходитъ доходъ 1888 года на сумму свыше 47 мил. рублей.

Это превышеніе должно быть приписано: увеличенію дохода отъ желѣзныхъ дорогъ, какъ частныхъ, въ ихъ обязательныхъ платежахъ казнѣ, такъ и казенныхъ, отчасти вслѣдствіе усилившагося на тѣхъ и другихъ дорогахъ пассажирскаго движенія, отчасти отъ расширенія сѣти казенныхъ дорогъ; увеличеніе дохода съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ и со спичекъ; значительному поступленію прибылей отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ ея банковыхъ операцій; болѣе успѣшному и выгодному сбыту казеннаго лѣса; возвышенію въ 1889 году размѣра нѣкоторыхъ налоговъ и введенію новыхъ, каковы: увеличеніе налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, распространеніе дополнительнаго раскладочнаго сбора на предпріятія, содержимыя по документамъ

мелочнаго торга и промысловымъ, возвышеніе съ 1 августа 1889 г., согласно установленному еще въ 1884 г. плану, сахарнаго акциза съ 85 к. до 1 р. съ пуда, установленіе новаго сбора съ проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ по частной надобности; возвышеніе таксы на заграничную корреспонденцію и установленіе новой таксы на вѣсовой сборъ внутри Имперіи, и нѣкоторыя друг.

Изъ отдѣльныхъ доходовъ прежде всего слѣдуетъ остановиться на питейномъ доходѣ, доставляющемъ немногимъ менѣе трети всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, а въ пятилѣтіе 1880—1884 гг. (и ранѣе) доставлявшемъ гораздо болѣе. Въ 1880 году этого дохода было получено 223½ м. р., въ 1889 году—275 м. р.; такимъ образомъ, въ теченіе десятилѣтія этотъ доходъ увеличился на 51½ м. р., т.-е. на 23%. Но въ 1880 году акцизъ съ вина и спирта былъ, да и то не во всѣхъ мѣстностяхъ, въ 7 р. съ ведра безводнаго спирта; теперь онъ въ 9 р. 25 коп., т.-е. болѣе на 32%. Это показываетъ, что въ 1889 г., несмотря на значительный приростъ населенія (и сокращеніе нормы безакцизнаго перекура), спирта, оплаченнаго акцизомъ, разошлось гораздо меньше, нежели въ 1880 году. Еслибы количество его не уменьшилось, питейный доходъ доставилъ бы до 292 м. рублей. Сравнительно съ 1888 годомъ, доходъ этотъ увеличился въ 1889 г. на 10 м. р., но если признать случайное уменьшеніе этого дохода въ 1888 году на 7 мил. р., то увеличеніе составитъ лишь 3 мил. рублей.

Недостаточное поступленіе питейнаго дохода, какъ это мы не разъ упоминали, должно быть приписано нарушенію питейнаго устава, преимущественно контрабандному ввозу спирта изъ-за границы, тайному винокуренію и потребленію суррогатовъ вина. Въ этомъ, помимо оффиціальныхъ свидѣтельствъ въ распространенности злоупотребленій, ежегодно убѣждаютъ цифры отчета государственнаго контроля. Во второй половинѣ 1881 года питейный акцизъ былъ увеличенъ съ 7 коп. до 8, и питейный доходъ въ 1882 и 1883 гг. доставилъ по 253 мил. р. (въ слѣдующіе затѣмъ годы, до 1887, онъ значительно уменьшился). Противъ дохода двухъ упомянутыхъ лѣтъ питейный доходъ 1889 г. представляетъ увеличеніе лишь на 22 мил. рублей, т.-е. на 9%, тогда какъ акцизъ вина увеличенъ слишкомъ на 15%. Но и это увеличеніе оказывается лишь по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ нарушенія питейнаго устава болѣе рѣдки: по Петербургу и Москвѣ, по центральнымъ и нѣкоторымъ степнымъ губерніямъ. Тамъ же, гдѣ обнаруживается наиболѣе злоупотребленій, питейный доходъ или не увеличился, или даже уменьшился: такъ, въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ въ 1883 году поступило питейнаго дохода 25.016.000 р., а въ 1889 году—25.655.000 р., въ Западной Сибири

(въ тобольской и томской губерніяхъ) въ 1889 году 6.400.000 р., а въ 1889 г.—5.400.000 р.; по бессарабской губерніи въ 1882 г. получено 4.122.000 р., а въ 1889 году—3.400.000 р., при еще болѣе значительномъ пониженіи дохода во всѣ промежуточные года.

Такое явленіе весьма понятно, если принять во вниманіе, что акцизъ со спирта въ 6 и даже въ 7 разъ превышаетъ его стоимость, что, слѣдовательно, удачная продажа каждаго ведра спирта или вина, ускользнувшихъ отъ оплаты акцизомъ, доставляетъ прибыль въ нѣсколько сотъ процентовъ. Отъ злоупотребленій противъ питейнаго устава казна теряетъ не менѣе 25 — 30 мил. р., которые все-таки народомъ уплачиваются контрабандистамъ, тайнымъ заводчикамъ, безпатентнымъ торговцамъ виномъ и т. п. Противодѣйствіемъ установившемуся порядку, безполезному для казны и убыточному для народонаселенія, можетъ быть только одно: пониженіе акциза съ вина въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ онъ повышался въ теченіе десятилѣтія, т.-е. до 6 и въ крайнемъ случаѣ до 7 руб. съ ведра безводнаго спита. И въ такомъ размѣрѣ акцизъ все-таки въ пять разъ будетъ превосходить стоимость продукта.

Значительнымъ, болѣе 10 мил. р., оказалось противъ 1888 года приращеніе въ доходахъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, доставившихъ около 33½ мил. рублей. Оно объясняется открытіемъ для движенія вновь построенныхъ желѣзныхъ дорогъ самаро-уфимской, псково-рижской и самаркандскаго участка закаспійской желѣзной дороги (чтó, разумѣется, увеличило и расходы), а также возвышеніемъ доходности нѣкоторыхъ изъ существовавшихъ дорогъ, въ особенности харьково-николаевской, екатерининской, полѣсскихъ и уральской.

Если не считать 15 мил. р., уплаченныхъ въ 1888 г. николаевской дорогой за прежній долгъ, то на 10½ мил. р. болѣе противъ 1888 г. поступило обязательныхъ платежей частныхъ желѣзныхъ дорогъ (всего 49½ м. р.). Тѣмъ не менѣе, этою суммою не покрываются платежи, сдѣланные казною за желѣзныя дороги, долгъ которыхъ и въ 1889 г. значительно увеличился. Подробнѣе о ходѣ желѣзнодорожнаго хозяйства нами будетъ сказано особо.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ доходовъ является, какъ извѣстно, таможенный доходъ, который въ отчетѣ по исполненію государственной росписи 1888 года значится въ размѣрѣ 141.310.000 рублей, а въ 1889 г.—въ размѣрѣ 138.050.000 руб. кредитныхъ, т.-е. менѣе слишкомъ на 3 мил. рублей. Но извѣстно, какъ затруднительно сравненіе по этому доходу одного года съ другимъ, вслѣдствіе того, что онъ, поступая въ металлической валютѣ, вносится въ роспись въ кредитныхъ рубляхъ не по одинаковому изъ

года въ годъ курсу. Въ восьмилѣтіе 1880 — 1887 гг. доходъ этотъ показанъ по росписямъ въ средней суммѣ около 98 мил. р. кредитныхъ (въ число коихъ вошли металлическія поступленія въ размѣрѣ, средней суммой, 63½ мил. рублей въ годъ [1]), перечисленные по курсу 1 р. 50 к. кред. за металлическій рубль). Увеличеніе противъ этой суммы дохода 1888 года на 43 мил. р. слишкомъ оказывается громаднымъ, но оно объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что курсъ золотой валюты для росписи 1888 года былъ опредѣленъ въ 1 р. 80 к. кредитныхъ. Металлическое же поступленіе таможенныхъ сборовъ 1888 г. (77½ м. р.) превысило выведенную выше среднюю цифру 63½ м. р. всего лишь на 14 мил. р., изъ коихъ 8½ м. р. мет. внесены на выкупъ залоговъ прежняго времени, такъ что собственно увеличеніе дохода 1888 г. не превышало, противъ средней цифры предшествовавшаго восьмилѣтія, 5½ мил. мет. рублей. Это увеличеніе зависѣло въ значительной степени отъ возвышенія пошлинъ на многіе товары, хотя и состоявшееся еще въ 1887 году, но существенное вліяніе коего оказалось вполнѣ въ 1888 г. [2]). Отчасти оно было слѣдствіемъ усиленія ввоза заграничныхъ товаровъ.

Въ 1889 г. таможеннаго дохода (сверхъ 1.644.000 р. кредитныхъ) поступило 80 м. р. метал., болѣе противъ средней цифры за періодъ 1880—1887 годовъ на 16½ м. р. и, слѣдовательно, сравнительно съ избыткомъ за 1888 г. (5½ м. р.), болѣе на 11 м. р. метал. Сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ ни въ 1888 г., ни въ 1889 г. не было, такъ что указанное увеличеніе вполнѣ можетъ быть приписано, согласно съ объясненіемъ государственнаго контроля, усиленному ввозу заграничныхъ товаровъ, соотвѣтствующему оживленію нашей заграничной торговли, какъ по привозу, такъ и по отпуску.

О размѣрѣ и результатахъ нашей внѣшней торговли за 1889 г. и о ея значеніи мы говорили въ одной изъ предшествовавшихъ книгъ „Вѣстника Европы" [3]) и потому не будемъ останавливаться на данныхъ, извлекаемыхъ въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля изъ того же источника, который разбирали и мы [4]). Что же касается причинъ увеличенія ввоза, то въ ряду такихъ общихъ, какъ: значительное требованіе нашего хлѣба за границу въ 1888 г., улучшившееся экономическое положеніе страны, и пр., можетъ быть присоединена, кажется, еще одна: состоявшееся уже въ теку-

[1]) Поступленія 1887 года перечислены по курсу 1 р. 67 к. кр. за мет. рубль.

[2]) Возвышены пошлины на кяхтинскій чай, хлопокъ, рыбу, машины, и пр.

[3]) „Вѣстникъ Европы", августъ 1890 г., стр. 827 и слѣд.

[4]) „Внѣшняя торговля по Европейской границѣ, 1889 г., изданіе Департамента таможенныхъ сборовъ".

щемъ году возвышеніе, на 20% и болѣе, таможенной пошлины на бóльшую часть ввозимыхъ къ намъ товаровъ. Хотя указъ объ этомъ возвышеніи состоялся лишь 16-го августа 1890 г., но, какъ это видно изъ самого Высочайшаго повелѣнія, ему предшествовали изслѣдованія и предположенія, необходимыя для полнаго „пересмотра" таможеннаго устава. Какъ извѣстно, заграничные дѣятели и дѣльцы имѣютъ даръ весьма своевременно узнавать о предположеніяхъ нашей администраціи и принимаютъ соотвѣтствующія мѣры. Предстоящій „пересмотръ" тарифа и имѣлъ послѣдствіемъ усиленный предъ этимъ ввозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, такъ какъ результатъ пересмотра при настоящемъ направленіи европейскихъ государствъ, равно какъ и Америки, едва ли подлежалъ сомнѣнію. Необходимо замѣтить, что въ годы, предшествующіе возвышенію у насъ таможеннаго тарифа, таможенный доходъ у насъ постоянно увеличивался, съ тѣмъ, чтобы упасть въ слѣдующемъ году. Такъ было при введеніи взиманія пошлины золотомъ съ 1-го января 1887 года. Въ 9881 году таможенный доходъ доставилъ 72½ м. р., а въ 1887 году упалъ до 52½ м. р. То же повторилось при возвышеніи тарифа въ 1881 году: доходъ 1880 года значительно повысился противъ предшествовавшихъ лѣтъ и достигъ 96½ м. р., а въ 1881 году составлялъ лишь 86 м. рублей. Повидимому, такое же явленіе ожидаетъ таможенный доходъ и въ текущемъ году: за первую половину настоящаго года онъ доставилъ 61 мил. р., почти на 4½ мил. р. менѣе противъ дохода за тотъ же срокъ 1889 г., а это еще предшествуетъ введенію усиленныхъ пошлинъ, взиманіе коихъ установлено лишь во второй половинѣ 1890 года.

Говоря о таможенныхъ тарифахъ, нельзя не отмѣтить замѣтнаго въ послѣднее время поворота въ общественномъ мнѣніи относительно торговой политики, хотя политика правительствъ, и во главѣ ихъ германскаго, все еще остается не только охранительною, но и боевою, т.-е. сопровождающею политическій антагонизмъ экономическими репрессаліями. Если часть голосовъ въ Германіи, толкуя о таможенномъ союзѣ западно-европейскихъ государствъ, и имѣетъ въ виду вящшее изолированіе Россіи, то все-таки на почвѣ относительнаго признанія принципа свободы торговли. А затѣмъ, въ самой Германіи раздается не мало голосовъ противъ обложенія усиленной пошлиной русскаго хлѣба. Такой же поворотъ въ общественномъ мнѣніи въ Италіи и Франціи. У насъ, гдѣ еще недавно любой маменькинъ сынокъ всласть глумился надъ фритредерствомъ и былъ въ патріотическомъ восторгѣ отъ того, что—спасибо нашему покровительственному тарифу!—мы очень много товаровъ отпускаемъ за границу и почти ничего не получаемъ взамѣнъ,—и у насъ, менѣе нежели въ полгода, замѣчается

измѣненіе, если не общественнаго мнѣнія—его у насъ нѣтъ, то настроенія. Благодаря докладу въ вольномъ экономическомъ обществѣ и замѣчательной книгѣ г. Новикова [1]), мы какъ будто стали прозрѣвать,—пока еще, впрочемъ, довольно смутно,—что покровительственныя пошлины служатъ не къ развитію нашей промышленности, а къ ея застою и немощи, налагая въ то же время непосильныя жертвы на народъ. Къ сожалѣнію, современное общество такъ далеко зашло по пути международной нетерпимости, между прочимъ и въ экономической сферѣ, что на скорый поворотъ торговой политики государствъ цивилизованнаго міра разсчитывать трудно, и намъ долго еще и напрасно придется повторять вопросы, которые мы дѣлали нѣсколько лѣтъ назадъ: „если въ пользу отечественной промышленности принесено такъ много жертвъ, то не пора ли, наконецъ, принять во вниманіе и пользу потребителей, число которыхъ равно числу особей цѣлаго народа? Долго ли будетъ длиться въ Европѣ торжество охранительнаго принципа? Не могла ли бы быть выяснена истинная взаимная польза государствъ какими-нибудь таможенными международными конференціями, которымъ, быть можетъ, и удалось бы найти основанія для торговыхъ и промышленныхъ сношеній, одинаково выгодныхъ какъ для народонаселенія различныхъ странъ, такъ и для ихъ государственныхъ казначействъ?“ [2]) Вооружимся терпѣніемъ и подождемъ, что̀ скажетъ по этому предмету XX-й вѣкъ. Благо ждать остается недолго.

Значительное увеличеніе въ 1889 г., сравнительно съ 1888 г., оказалось по акцизамъ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ (на 2.700.000 р., т.-е. 40%) и со спичекъ (на 1.765.000 р., т.-е. на 65%). Въ 1888 году налоги эти стали взиматься не съ самаго начала года: съ нефтяныхъ маслъ съ 15-го января, а со спичекъ—съ 1-го мая. Увеличеніе въ доходахъ, однако, не пропорціонально срокамъ взиманія въ эти два года, и государственный контроль объясняетъ его болѣе нормальными условіями взиманія этихъ доходовъ въ 1889 г., т.-е. во второй годъ ихъ установленія.

Податей, поземельнаго и лѣсного налога поступило 43½ м. р., болѣе противъ 1888 г. на 3 мил. р., но это потому, что именно на эту сумму уменьшилось ихъ поступленіе въ 1888 г., вслѣдствіе отмѣны льготнаго срока по доходамъ, въ теченіе котораго обыкновенно поступала значительная сумма дополнительныхъ окладныхъ сборовъ.

Выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ получено до 92 мил. р., менѣе противъ

---

[1]) Я. А. Новиковъ. Протекціонизмъ. Спб. 1890 г.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, февраль 1886 года, стр. 879.

1888 г. всего лишь на 500.000 р.; но если принять во вниманіе отмѣну въ 1888 г. льготнаго срока, въ который выкупныхъ платежей должно было поступить до $2^1/_2$ м. р., то уменьшеніе составитъ около 3 мил. р. Сверхъ того, въ 1888 г. недоимокъ прежнихъ лѣтъ по отмѣненнымъ (окладнымъ) сборамъ поступило 6 м. р., а въ 1889 г. всего лишь $2^1/_2$ м. р. Сравнительно съ росписью, недоборъ въ окладныхъ сборахъ, считая и выкупные платежи, простирался до 5 м. р., чтó зависѣло отъ плохого урожая хлѣба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ губерніяхъ самарской, оренбургской, тамбовской и херсонской.

Недоимки въ этихъ сборахъ, значительно уменьшившіяся въ 1889 году, снова возрасли въ этомъ году на сумму около 5 м. р. и изъ нихъ на 4 м. р. слишкомъ по выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Изъ этого видно, что, несмотря на обильный и почти повсемѣстный трехлѣтній урожай, 1886, 1887 и 1888 гг., и не особенно дурной урожай 1889 г., платежныя силы сельскаго населенія далеко не оправились въ такой степени, какъ бы было желательно. Изъ свѣденій министерства финансовъ о поступленіи государственныхъ доходовъ съ 1-го января по 1-е августа нынѣшняго года видно, что подати и выкупные платежи за эти семь мѣсяцевъ поступили еще хуже, нежели въ соотвѣтствующемъ періодѣ 1889 года. Ихъ получено всего $41^1/_2$ м. р., тогда какъ въ прошломъ году за это время поступленіе составляло $44^1/_2$ мил. рублей.

Обыкновенные государственные расходы, какъ показано выше, выведены по отчету въ цифрѣ 857.881.126 р., болѣе сравнительно съ такими же отчетами за 1888 годъ (840.419.494 р.) на сумму около $17^1/_2$ мил. р. Но для точности сравненія необходимо было бы сдѣлать нѣкоторыя поправки: а) расходы, произведенные въ металлической валютѣ, перечислены по исполненію росписи въ кредитную въ 1888 г. по 1 р. 80 коп., а въ 1888 г.—по 1 р. 70 коп.; такихъ расходовъ было произведено въ 1888 году 70 м. р., а въ 1889 году около 68 м. р.; разница въ 10 коп. на рубль составитъ, слѣдовательно, около 7 м. р., которые нужно или вычесть изъ расхода 1888 г., или прибавить къ расходу 1889 г., вслѣдствіе чего превышеніе расхода 1889 г. надъ расходомъ 1888 возростетъ до $24^1/_2$ мил. рублей; б) въ смѣтахъ существовалъ авансовый кредитъ на удовлетвореніе потребностей слѣдующаго года, въ отчетѣ объ исполненіи росписи котораго этотъ кредитъ и числился расходомъ. Такъ напримѣръ, военное министерство испрашивало въ 1888 году 5 м. р. на задатки за провіантъ, предназначенный на продовольствіе войскъ въ 1889 году, и относило этотъ расходъ на счетъ сего послѣдняго года. Такой порядокъ, безъ надобности путая счетоводство и пестря отчеты объ

исполненіи росписи, не имѣлъ и внутренняго значенія, не давая средствъ производить хотя бы точный учетъ матеріальнаго потребленія того или другого года: вещи, напримѣръ, заготовленныя изъ сукна, пріобрѣтеннаго въ 1889 году за счетъ 1890 г., въ дѣйствительности могутъ пойти въ употребленіе въ 1891 или 1892 году. Въ нынѣшнемъ году такой порядокъ отмѣненъ государст. совѣтомъ, и постановлено указанные кредиты считать расходомъ того года, въ который отпущены разрѣшаемыя этими кредитами суммы, съ примѣненіемъ вновь установленнаго порядка къ отчету за 1889 годъ. Вслѣдствіе этого и авансовые кредиты вошли въ сумму расходовъ 1889 г. вдвойнѣ: и тѣ, которые были отпущены въ 1888 г. въ счетъ 1889 г. (около 13 мил. р.), и тѣ, которые при прежнемъ порядкѣ слѣдовало бы отнести къ расходамъ 1890 года (8.382.290 р.). Для правильности сравненія эту послѣднюю сумму и должно вычесть изъ расходовъ 1889 года, вслѣдствіе чего выведенная выше разница между расходами 1889 г. и 1888 г. уменьшится до 16 м. р. Разница эта образовалась отъ увеличенія въ 1889 г., противъ 1888 г., расходовъ по смѣтамъ: военнаго министерства—на сумму около 5½ м. р.; государственныхъ имуществъ—на 2¼ м. р.; внутреннихъ дѣлъ—около 3½ м. р.; путей сообщенія—на 6 м. р.; народнаго просвѣщенія—на 463 т. р., и нѣкоторыхъ другихъ, всего на 18½ м. р., и отъ сокращенія расходовъ по системѣ государственнаго кредита на 1.794.392 р., и еще тремъ вѣдомствамъ, всего на сумму около 2½ мил. рублей.

Главное увеличеніе—по министерству путей сообщенія, весь расходъ котораго простирался въ 1889 году до 36 мил. рублей, зависѣло отъ расходовъ: на эксплуатацію вновь открытыхъ самаро-уфимской и псково-рижской казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (1.347.000 р.); на уплату правительственнымъ учрежденіямъ долговъ бывшаго общества муромской желѣзной дороги (1.117.000 р.); на проведеніе новыхъ шести участковъ шоссе въ западныхъ губерніяхъ (1 м. р.); на улучшеніе маріинской системы и укрѣпленіе Дарьинской косы у Нижняго-Новгорода (938 т. р.) и нѣкоторые другіе.

Увеличеніе расходовъ по военному министерству до 226 мил. р. государственный контроль коротко объясняетъ увеличеніемъ размѣра нормальнаго на 1889 г. ассигнованія суммъ этому министерству и усиленіемъ эксплуатаціонныхъ расходовъ закаспійской желѣзной дороги.

Какъ извѣстно, по военному министерству съ 1888 года дѣйствуетъ такъ-называемый нормальный бюджетъ, т.-е. отпускается опредѣленная сумма съ тѣмъ, что распредѣленіе ея по параграфамъ и статьямъ смѣты не стѣсняетъ распоряженій министерства въ предметахъ ея расходованія, а неизрасходованные остатки не поступаютъ

въ распоряженіе государственнаго казначейства, а перечисляются въ запасный кредитъ военнаго министерства. За два года, 1888 и 1889, въ этотъ кредитъ отчислено 10.428.118 р.

Увеличеніе расхода по министерству внутреннихъ дѣлъ (на 3.379.666 р.) было послѣдствіемъ преобразованія почтово-телеграфныхъ учрежденій, введенія новыхъ штатовъ полицейскихъ управленій въ Закавказскомъ краѣ, Прибалтійскихъ губерніяхъ и Сибири и нѣкоторыхъ другихъ мѣръ.

По министерству государственныхъ имуществъ расходы увеличились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе значительной затраты суммъ на окончаніе оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ неисполненными заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ.

Причины уменьшенія расходовъ по системѣ государственнаго кредита заключаются: а) въ примѣненіи въ 1889 году Высочайше утвержденныхъ 1-го іюня 1890 г. правилъ о порядкѣ закрытія остатковъ отъ ассигнованій на уплату государственныхъ долговъ; б) въ измѣненіи паритета золотого рубля по отношенію къ фунту стерлинговъ, цѣна котораго Высочайше утвержденнымъ 8-го декабря 1888 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта опредѣлена въ 6 р. 30½ коп. метал., вмѣсто прежней цѣны въ 6 р. 36 коп., и в) въ уменьшеніи издержекъ на уплату капитала по окончательно погашенному въ 1889 году пятому 4% займу.

Къ этому нужно добавить, что въ суммѣ показанныхъ въ отчетѣ расходовъ по системѣ государственнаго кредита числится 4.838.482 р. остатка отъ кредитовъ на погашеніе безсрочныхъ займовъ, которые по закону 1-го іюня 1890 г. перечислены въ особый счетъ суммъ, предназначенныхъ на выкупъ безсрочныхъ займовъ. Въ эти суммы изъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ отчислено 24.047.873 рубля. Такимъ образомъ, на уплату безсрочныхъ займовъ числится къ 1890 году въ распоряженіи министерства финансовъ остатковъ 28.886.355 рублей.

По чрезвычайному бюджету поступленій, какъ показано выше, было исчислено по росписи 9.378.786 руб., а расходовъ—34.206.982 р., въ дополненіе къ которымъ было перенесено изъ суммъ, назначенныхъ по росписи на обыкновенные расходы, 3.185.774 р. Въ дѣйствительности поступленій оказалось гораздо болѣе, а именно 22.298.918 р., не считая 40 мил. р. слишкомъ остатковъ отъ конверсій прежнихъ займовъ. Это увеличеніе оказалось, главнымъ образомъ, отъ того, что въ возвратъ позаимствованій изъ государственнаго казначейства ожидалось отъ желѣзныхъ дорогъ милліонъ руб. съ небольшимъ, а поступило 12½ мил. р.; сверхъ того военнаго вознагражденія отъ Турціи вмѣсто 3.373.650 р. поступило 4.809.808 р.,

болѣе на 1.436.158 р., уплаченныхъ въ счетъ недобора за предшествовавшій годъ.

Чрезвычайные расходы составляли: 1) производство изысканій по новымъ желѣзнымъ дорогамъ (104.017 р.); 2) работы по сооруженію средствами казны желѣзныхъ дорогъ (11.680.685 р.), изъ которыхъ главныя работы на закаспійской желѣзной дорогѣ (1.792,920 р.), уфа-златоустовской (6.528.565 р.) обходной линіи Сурамскаго перевала (1.765.759 р.); 3) на улучшеніе и усиленіе провозоспособности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (1.522.086 р.); 4) на улучшеніе провозоспособности частныхъ желѣзныхъ дорогъ (7.438.400 р.); 5) на изготовленіе желѣзнодорожныхъ принадлежностей (3.584.817 р.); 6) на выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну (2.362.000 р.), и именно: на уплату акціонерамъ закавказской желѣзной дороги (1.562.000 р.) и на уплату долговъ муромской желѣзной дороги (800.000 р.) и нѣкоторые другіе расходы.

На устройство и улучшеніе портовъ и на нѣкоторыя другія портовыя работы (устройство мола въ Ялтѣ, пристани въ Николаевѣ и проч.) израсходовано 5.000.568 рублей.

Въ счетъ чрезвычайныхъ поступленій мы не включили остатокъ отъ конверсіи займовъ, по принятому нами началу, что такъ-называемыя финансовыя операціи, т.-е. займы, не могутъ считаться источникомъ государственныхъ доходовъ; точно также въ итогѣ расходовъ нами не была принята уплата въ счетъ долга государственному банку 50 мил. рублей.

Долгъ этотъ, какъ извѣстно, казна считаетъ за собою вслѣдствіе выпуска банкомъ во время турецкой войны кредитныхъ билетовъ въ суммѣ 417 мил. рублей. Высочайшимъ повелѣніемъ 1-го января 1881 г. было указано въ счетъ этой суммы 17 мил. р. уплатить немедленно, а остальные уплачивать, начиная съ 1881 г., по 50 мил. р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ уплаты кредитные билеты въ соотвѣтственной суммѣ предавались уничтоженію. Въ первые годы, несмотря на дефициты, уплаты производились наличными суммами, а съ 1884 г. ликвидировались передачей банку пятипроцентныхъ непрерывно-доходныхъ рентъ, право реализаціи которыхъ банку, однако, предоставлено не было. Этихъ рентъ было выпущено: въ 1884 г. на 20 мил. руб. мет. и 25 мил. руб. кред., а въ 1885—1888 гг. по 36 мил. руб. метал. ежегодно, всего на 250 мил. руб. кредитныхъ.

Нынѣ остатокъ отъ 4% золотого займа 1889 года былъ употребленъ для уплаты государственному банку въ погашеніе пятипроцентной ренты выпуска 1888 г. (на 36 мил. руб. метал.), причемъ недостающая до 50 мил. руб. кред. сумма доплачена изъ свободной наличности государственнаго казначейства.

Изъ этого свѣденія отчета видно, что Высочайшее повелѣніе 1881 года объ уплатѣ государственному банку долга по выпуску кредитныхъ билетовъ на потребности войны формально должно считаться исполненнымъ еще въ прошломъ году, въ назначенный срокъ. Но уплата эта на $^5/_8$ долга, т.-е. на 250 мил. р., не была дѣйствительною, такъ какъ нахожденіе въ „портфелѣ“ государственнаго банка неподлежащихъ реализаціи непрерывно доходныхъ билетовъ на эту сумму должно быть признано не уплатой, а лишь повтореннымъ обѣщаніемъ уплаты, которое, какъ это и видно изъ отчета, и исполняется министерствомъ финансовъ при первой возможности. За уплатой 50 мил. р. въ 1889 г. собственно долга банку, изъ 417 м. р., остается еще 200 мил. рублей. Въ отчетѣ государственнаго контроля мы не находимъ свѣденій, насколько исполнена вторая половина Высочайшаго повелѣнія 1 января 1881 года—предать уничтоженію кредитные билеты въ размѣрѣ уплаченнаго долга.

Въ прежніе годы, говоря объ исполненіи государственныхъ росписей, сводившихся до 1887 года съ весьма крупными дефицитами, мы не разъ повторяли, что явленіе хроническихъ дефицитовъ въ русскомъ государственномъ бюджетѣ не можетъ быть допущено и что, во что бы то ни стало, должны быть изысканы мѣры къ его устраненію, причемъ мы разумѣли такъ-называемый бюджетъ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, не касаясь чрезвычайнаго [1]). Какъ извѣстно, нынѣшній министръ финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1889 годъ, поставилъ задачу министерства финансовъ гораздо шире: онъ полагалъ ее въ такомъ состояніи бюджета, при которомъ не только обыкновенные, но и чрезвычайные государственные расходы должны покрываться „помимо кредитныхъ операцій“, т.-е. изъ текущихъ доходовъ. Съ такой широко поставленной программой можно не согласиться, но и оспаривать ее также нѣтъ надобности. Какъ оказалось, исполненіе росписей двухъ послѣднихъ лѣтъ не только выполнило наши пожеланія, но и осуществило, даже съ большимъ излишкомъ, программу министра финансовъ. За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, по исполненію государственной росписи за 1888 годъ оказалось еще превышеніе доходовъ надъ расходами въ 34 мил. рублей, а по исполненію росписи 1889 года—такое же превышеніе въ $38^1/_2$ мил. р.

[1]) При этомъ мы указывали, однако, что многіе расходы, ежегодно повторяющіеся и не имѣющіе характера чрезвычайныхъ, какъ напр. исправленіе портовъ, возведеніе укрѣпленій и т. п., должны быть отнесены къ обыкновеннымъ, а не къ чрезвычайнымъ расходамъ.

Этому результату можно только радоваться, но въ то же время слѣдуетъ не упускать изъ вида и того, какою цѣною онъ достигнутъ.

Наши государственные бюджеты, начавшіе въ семидесятыхъ годахъ, предъ турецкой войною, приходить въ нѣкоторый порядокъ, несмотря на небережливость въ расходахъ, этою войною, обременившею казну громаднымъ долгомъ, а бюджетъ — уплатою по немъ процентовъ и погашенія, были вновь разстроены. Это вызвало необходимость увеличенія существовавшихъ налоговъ и введенія новыхъ. Возвышались прежніе и вводились новые налоги чуть не ежегодно. Возвышенъ, въ нѣсколько пріемовъ, таможенный тарифъ, увеличенъ размѣръ питейнаго акциза (въ два пріема: въ 1881 и 1885 гг.), установленъ прогрессивный акцизъ съ сахара (на болѣе правильныхъ основаніяхъ), возвышенъ акцизъ съ табака, установленъ сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости на желѣзныхъ дорогахъ и пошлины съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, увеличены торговые сборы и введены новые съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ и съ процентныхъ бумагъ, и пр., и пр. Дальше въ этомъ направленіи, казалось, идти некуда, что̀ было признано такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ бывшій министръ финансовъ, Н. Х. Бунге. Тѣмъ не менѣе, съ 1887 года, послѣдовало новое, почти сплошное увеличеніе налоговъ: возвышенъ поземельный налогъ, увеличенъ таможенный тарифъ, увеличенъ акцизъ съ питей, и безъ того уже превосходившій въ 7 разъ стоимость облагаемаго продукта, и т. д., словомъ, снова возвышены всѣ, или почти всѣ косвенные налоги, и введены новые — съ минеральныхъ освѣтительныхъ маслъ, съ зажигательныхъ спичекъ, за почтовыхъ лошадей для частныхъ проѣзжающихъ и пр. При каждомъ проектѣ возвышенія существующаго или введенія новаго налога указывалось на его, будто бы, необременительность для народа. Если даже на минуту и согласиться съ этимъ, то все-таки придется признать, что всѣ налоги вмѣстѣ являются чувствительной, едва выносимой тяжестью. Этого не признать нельзя, даже не оспаривая совершенной неизбѣжности пожертвованій. Европѣ, а вмѣстѣ съ нею и намъ, приходится переживать одинъ изъ труднѣйшихъ историческихъ кризисовъ, сосредоточившійся преимущественно на экономической почвѣ, занявшей господствующее положеніе, въ ущербъ умственному, нравственному и общественному развитію. Существующему порядку вещей неизбѣжно покориться, и народъ несомнѣнно долженъ уплачивать все то, что̀ нужно для государства, но это не устраняетъ обязанности позаботиться облегчить, насколько возможно, лежащую на народонаселеніи тяжесть. Косвенные налоги далеко не такъ справедливы и равномѣрны, какъ это можетъ казаться. „Больше по-

треблять, больше и платить"—афоризмъ вполнѣ логичный. Повторяемъ, косвенный налогъ беретъ съ народа гораздо больше, чѣмъ доставляетъ казнѣ, ведетъ къ злоупотребленіямъ и самымъ процессомъ взиманія создаетъ сѣть стѣсненій, становящихся препоной производительной дѣятельности населенія. Высшій акцизъ на табакъ, напр., потребовавшій усиленнаго надзора, почти уничтожилъ мелкое табаководство. Народъ долженъ заплатить что нужно, но, по нашему мнѣнію, для него выгоднѣе уплатить все требуемое въ видѣ прямого налога, а не косвенныхъ налоговъ. Сознаніе этого, какъ извѣстно, было не чуждо нашей администраціи десять лѣтъ тому назадъ, и разработка проекта подоходнаго налога была подвинута довольно далеко. Въ послѣднее десятилѣтіе объ этомъ проектѣ забыли такъ основательно, какъ только мы одни умѣемъ забывать. Не пора ли вспомнить о немъ?..

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1890.

Новыя реформы въ Пруссіи и внутренняя германская политика. — Торжество тройственнаго союза въ Италіи.—Англійскія дѣла и билль Макъ-Кинлея.—Новое царствованіе въ Нидерландахъ. — По армянскому вопросу.

Германское правительство принялось съ большою энергіею за осуществленіе серьезныхъ внутреннихъ реформъ въ пользу бѣднѣйшей части населенія. При открытіи прусскаго сейма 12 ноября (н. ст.) возвѣщены были такія важныя преобразованія, какъ коренной пересмотръ и объединеніе всей системы прямыхъ налоговъ, въ видахъ болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія государственныхъ тягостей; далѣе, въ тронной рѣчи упомянуты были школьные законы, долженствующіе завершить дѣло прочной организаціи безплатнаго народнаго образованія, а также законы о сельскихъ обществахъ въ восточныхъ провинціяхъ, съ цѣлью оживленія общинной жизни и дѣятельности. Съ первыхъ же засѣданій палаты депутатовъ началось обсужденіе внесенныхъ правительствомъ законопроектовъ о подоходномъ налогѣ, о пошлинѣ съ наслѣдства и о промысловыхъ сборахъ. Эти проекты, старательно разработанные и мотивированные новымъ министромъ финансовъ, Микелемъ, проникнуты тѣмъ разумнымъ началомъ, что размѣры податей должны сообразоваться съ средствами плательщиковъ и что наименьшіе доходы и заработки, необходимые для поддержанія жизни, не могутъ быть облагаемы податями. Обязанность уплаты подоходнаго налога начинается съ дохода, превышающаго 900 марокъ въ годъ; отъ промысловаго налога освобождаются предпріятія, дающія менѣе 1.500 марокъ въ годъ; наконецъ, при переходѣ имущества по наслѣдству въ нисходящей или восходящей линіи или между супругами, остаются свободными отъ пошлины имущества цѣнностью ниже тысячи марокъ, сверхъ домашней обстановки и необходимыхъ предметовъ потребленія. Такимъ образомъ, рабочіе классы не подвергаются никакимъ непосредственнымъ платежамъ въ пользу казны, и все бремя прямыхъ налоговъ возлагается на болѣе зажиточную часть населенія, какъ это и теперь отчасти существуетъ въ Пруссіи. Что касается налога съ земли и строеній, то онъ будетъ постепенно передаваться въ распоряженіе общинъ, по мѣрѣ возростанія государственныхъ доходовъ, въ силу предлагаемой реформы, и со временемъ не будетъ вовсе взиматься

государствомъ. Доходы, подлежащіе налогу, опредѣляются каждымъ въ особой декларацiи, съ указаніемъ источниковъ отдѣльныхъ поступленій; на случай сомнѣнія въ вѣрности этихъ данныхъ устанавливаются способы провѣрки ихъ, а за умышленное сокрытіе истины назначаются крупныя денежныя взысканія.

Объясняя сущность предпринятыхъ преобразованій въ обстоятельной рѣчи, въ засѣданіи 20 ноября, министръ Микель напомнилъ, между прочимъ, что нынѣшнее положеніе прусскихъ финансовъ вполнѣ благопріятно и удобно для широкой податной реформы. За послѣдній бюджетный годъ (1889—90) оказывается излишекъ доходовъ, сравнительно съ смѣтными предположеніями, въ количествѣ свыше ста милліоновъ марокъ (102.103.614 м.), въ томъ числѣ по государственнымъ имуществамъ—около 83 милліоновъ, по прямымъ и косвеннымъ налогамъ—болѣе 15 милліоновъ, по желѣзнодорожному управленію—до 43 мил., по горнымъ заводамъ—около четырехъ милліоновъ. Казенныя желѣзныя дороги, при добросовѣстности и аккуратности прусскаго управленія, приносятъ казнѣ громадный и все болѣе увеличивающійся доходъ; съ 1882 года онѣ доставили всего 1.782.814.000 марокъ, изъ которыхъ значительная часть употреблена на уплату процентовъ и погашеніе государственнаго долга. Излишки доходовъ получаются притомъ безъ всякаго отягощенія плательщиковъ податей, такъ какъ и устарѣлая податная система, дѣйствующая нынѣ, освобождаетъ отъ налога заработки и доходы ниже 900 марокъ въ годъ (до 1883 г. этотъ минимумъ былъ меньше—420 марокъ). Финансовая политика Пруссіи не гонится за внѣшними эффектами, не прибѣгаетъ къ искусственнымъ мѣрамъ для поднятія биржевого курса государственныхъ бумагъ, не руководствуется интересами банковъ и биржъ, а имѣетъ въ виду дѣйствительные, реальные интересы большинства населенія, не жертвуетъ бѣдными и низшими ради выгодъ богатыхъ и высшихъ, не знаетъ податныхъ привилегій и изъятій, заставляетъ всѣхъ вообще гражданъ платить налоги соразмѣрно получаемымъ доходамъ и направлять избытки государственныхъ средствъ на удовлетвореніе такихъ потребностей, какъ устройство безплатныхъ народныхъ школъ, облегченіе мѣстныхъ расходовъ и повинностей сельскихъ обществъ, и т. п.

Разумѣется само собою, что новое преобразованіе налоговъ не можетъ считаться выгоднымъ для богатыхъ классовъ, крупныхъ капиталистовъ и предпринимателей; но въ Пруссіи правительство никогда не служило орудіемъ въ рукахъ денежнаго капитала и дѣйствовало всегда такъ, какъ требуютъ общіе государственные интересы, понимаемые извѣстнымъ образомъ въ данное время, а не по внушеніямъ какихъ-нибудь спеціальныхъ и частныхъ интересовъ.

Возраженія, высказанныя въ палатѣ депутатовъ противъ проектовъ Микеля, не имѣли принципіальнаго характера и относились больше къ практической сторонѣ реформы, къ способамъ ея примѣненія на практикѣ. Консервативные ораторы отозвались о реформѣ сочувственно; одинъ изъ вождей правой стороны, Раухгауптъ, прямо заявилъ, что его партія давно уже (напр., въ 1883 году) выставляла тѣ требованія, которыя теперь поддерживаются правительствомъ, и что она окажетъ министру энергическое содѣйствіе въ достиженіи поставленной цѣли. Партія свободомыслящихъ, въ лицѣ Рикерта и Рихтера, подвергла проекты Микеля наиболѣе рѣзкой критикѣ, ссылаясь не столько на недостатки предложенныхъ мѣръ, сколько на отсутствіе другихъ болѣе широкихъ или радикальныхъ мѣропріятій. Рикертъ полагалъ, что бѣдные классы обременяются косвенными налогами, а не прямыми, и что имперскій бюджетъ болѣе тягостенъ для народа, чѣмъ прусскій; поэтому нужно было бы прежде всего преобразовать косвенные налоги, отмѣнить или облегчить таможенныя пошлины на продукты сельскаго хозяйства и вообще на предметы необходимости; въ томъ же духѣ говорилъ и Евгеній Рихтеръ, который, впрочемъ, внесъ въ дѣло больше партійнаго оживленія и ядовитости. Рихтеръ назвалъ Микеля министромъ національно либеральной партіи, дѣйствующей только въ ея интересахъ; онъ упрекнулъ его за недавнее прошлое, когда Микель одобрялъ въ имперскомъ сеймѣ проектъ князя Бисмарка относительно спиртныхъ напитковъ. Министру не трудно было отвѣтить противникамъ, что неудобство косвенныхъ налоговъ не устраняетъ необходимости преобразованія прямыхъ податей, и что спеціальные проекты, внесенные въ палату, по существу своему, не имѣютъ ничего общаго съ какою бы то ни было партійною политикою. „Прежде,—замѣтилъ Микель,—оппозиція жаловалась, что прямые налоги не подвергаются пересмотру; теперь, когда мы приступаемъ къ этой реформѣ, намъ говорятъ, что она не имѣетъ значенія, пока не преобразованы косвенные налоги. Гдѣ же должна быть начата политика реформъ? Я убѣжденъ, что съ какого бы конца ни начинать ее, всегда будутъ возраженія". Нельзя отрицать, что доводы свободомыслящихъ дѣйствительно касались того, чего нѣтъ въ проектѣ, и только весьма слабо затрогивали существенное ихъ содержаніе. Главною заботою Рихтера и его союзниковъ было какъ будто сказать нѣсколько колкостей по адресу націоналъ-либераловъ и ихъ представителя Микеля; самые проекты реформъ были при этомъ на заднемъ планѣ, тѣмъ болѣе что не требовалось еще болѣе подробной оцѣнки ихъ, при первомъ чтеніи (въ засѣданіяхъ 20—22 ноября).

Любопытно, что по поводу намека оппозиціи на финансовые планы

Бисмарка одинъ изъ національ-либеральныхъ депутатовъ счелъ нужнымъ вступиться за бывшаго канцлера, напомнивъ еще разъ объ его великихъ заслугахъ, которыя „никогда не забываются“ національ-либералами. Это напоминаніе прозвучало какъ-то странно въ палатѣ, послѣ косвеннаго осужденія всей финансовой политики Бисмарка новѣйшими проектами и рѣчами министровъ. Преобразованіе податной системы въ томъ видѣ, какъ оно задумано Микелемъ, задерживалось именно личнымъ авторитетомъ князя Бисмарка и могло быть предпринято только послѣ его удаленія; это сознавали и національ-либералы, которые не хотѣли только согласиться съ мнѣніемъ Рихтера, что своими собственными реформаторскими работами они произносятъ приговоръ надъ политикою и принципами своего бывшаго патрона. Какъ бы то ни было, значеніе проектовъ, обсуждаемыхъ въ палатѣ депутатовъ прусскаго сейма, нисколько не зависитъ отъ вопроса, требуется ли также реформа косвенныхъ налоговъ и таможенной политики имперіи; прусскій министръ финансовъ, Микель, можетъ реформировать только то, что подлежитъ его вѣденію, а дальнѣйшіе шаги несомнѣнно облегчаются сдѣланнымъ нынѣ почином. Проекты Микеля, по всей вѣроятности, будутъ приняты парламентомъ, и успѣхъ этого крупнаго дѣла позволитъ правительству взяться за преобразованіе той системы протекціонизма, которую такъ упорно проводилъ князь Бисмаркъ и которая теперь находитъ все больше противниковъ въ средѣ его бывшихъ горячихъ послѣдователей.

Отдѣльные національ-либералы считаютъ уже долгомъ заявлять въ палатѣ, что они „никогда *не забываютъ*“ заслугъ бывшаго канцлера, какъ будто можетъ быть уже рѣчь о забвеніи по отношенію къ недавнему руководителю судебъ Германіи. И однако, эта возможность забвенія,—конечно, въ весьма относительномъ и условномъ смыслѣ этого слова,—доказана опытомъ въ нѣкоторой мѣрѣ и современемъ превратится, пожалуй, въ безспорный фактъ, по отношенію ко всей вообще внутренней политикѣ бывшаго канцлера. Оптимисты могутъ извлекать утѣшительные выводы изъ того, что въ настоящее время гремитъ по всему міру другая берлинская слава, слава профессора Коха, побѣдителя армій бациллъ; но великія научныя открытія никогда не уменьшали въ Пруссіи преклоненія предъ заслугами политическими и военными. Многимъ кажется, и не безъ основанія, что нѣмцы слишкомъ скоро и легко помирились съ удаленіемъ князя Бисмарка, и что они слишкомъ рано обнаруживаютъ готовность забыть объ его недавнемъ могуществѣ. Эта странная и быстрая перемѣна въ культѣ Бисмарка даетъ интересный матеріалъ для общественной и народной психологіи. Имя „желѣзнаго канц-

лера“. постоянно занимавшаго собою Европу, все рѣже встрѣчается въ европейской и нѣмецкой печати, или приводится далеко не въ смыслѣ односторонняго превознесенія и восхваленія; въ дѣятельности Бисмарка открываются недостатки и ошибки, которыхъ не видно было раньше, и общая оцѣнка бывшаго канцлера становится все болѣе трезвою и сдержанною, даже въ патріотической нѣмецкой журналистикѣ. Быть можетъ, образъ дѣйствій знаменитаго дѣятеля послѣ отставки открылъ въ его характерѣ такія черты, которыя прежде не замѣчались; многіе изъ его горячихъ поклонниковъ въ Германіи были какъ будто удивлены, увидѣвъ въ его поступкахъ и словахъ слишкомъ явные слѣды раздраженнаго самолюбія, признаки преобладанія личныхъ мотивовъ надъ политическими и общественными, хотя эти же черты постоянно и рѣзко выступали и прежде, въ періодъ его величія и славы. Яркій представитель крѣпкой государственной власти обнаружилъ готовность нарушить, повидимому, основные принципы своей же собственной политики; онъ косвенно полемизировалъ противъ Вильгельма II, а самъ всегда признавалъ подобную полемику непозволительною и незаконною; но и прежде онъ не стѣснялся публично бросать тѣнь на императора Фридриха III, на императрицъ Августу и Викторію. Наконецъ, публику смущало и то, что свои возраженія противъ дѣйствій императора онъ высказывалъ въ разговорахъ съ сомнительными репортерами иностранныхъ газетъ, чтó уже безусловно противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ высшей государственной службы. Но онъ всегда славился невоздержностью своего остроумія, и часто поражалъ случайныхъ собесѣдниковъ своею откровенностью; все это причислялось къ особеннымъ свойствамъ его политическаго генія. Теперь, послѣ его паденія, всѣ эти недостатки или слабости ставятся ему въ счетъ и даже открываются въ немъ, какъ нѣчто новое. Тѣ своеобразныя „вольности“, которыя прежде превозносились, рѣшительно осуждаются, и именно имъ приписывается упадокъ того авторитета и обаянія, какими пользовалось имя Бисмарка въ теченіе многихъ лѣтъ. Еще недавно нѣмецкое общество имѣло случай наглядно оттѣнить этотъ упадокъ популярности бывшаго канцлера, по поводу чествованія юбилея графа Мольтке. Въ восторженныхъ и всеобщихъ проявленіяхъ сочувствія, сопровождавшихъ празднованіе этого юбилея, нельзя было не видѣть еще другого скрытаго смысла, кромѣ простого воспоминанія о великихъ заслугахъ 90-лѣтняго фельдмаршала; въ лицѣ графа Мольтке каждый нѣмецъ, отъ императора до послѣдняго рабочаго, чествовалъ олицетвореніе качествъ и достоинствъ, недостающихъ князю Бисмарку,—олицетвореніе сдержанной скромности и правдивости, отсутствіе односторонняго личнаго властолюбія и самолюбія. Всеобщія и

шумныя оваціи по адресу престарѣлаго фельдмаршала имѣли видъ молчаливаго косвеннаго упрека князю Бисмарку, имя котораго почти не упоминалось при единодушномъ восхваленіи его военнаго сподвижника; но нельзя отрицать, что эти оваціи и косвенныя порицанія объяснялись, между прочимъ, и тѣмъ, что бывшій канцлеръ лишился благосклонности императора, а Мольтке сохранилъ ее. Правда, графъ Мольтке велъ себя совершенно не такъ, какъ бывшій канцлеръ, на котораго онъ вообще не похожъ по характеру; онъ отказался отъ руководящей должности начальника штаба не для того, чтобы будировать противъ своего замѣстителя, а по искреннему убѣжденію въ томъ, что престарѣлый возрастъ мѣшаетъ ему добросовѣстно исполнять свои обязанности. Его прямодушіе, твердое самообладаніе, неспособность къ мелочнымъ побужденіямъ, обезпечили ему общее уваженіе всѣхъ партій, даже оппозиціонныхъ, не исключая и соціально-демократической,—рѣдкій удѣлъ для государственнаго дѣятеля, игравшаго такую видную роль въ политической исторіи страны. То неопредѣленное чувство, которое оставилъ послѣ себя князь Бисмаркъ, служитъ новымъ подтвержденіемъ той старой истины, что народная любовь не вызывается и не поддерживается идеями крѣпкой и стѣснительной власти, хотя бы представитель этихъ идей обладалъ великими талантами и оказалъ великія услуги отечеству.

Въ области внѣшней политики принципы князя Бисмарка, въ болѣе или менѣе смягченномъ видѣ, продолжаютъ господствовать въ Германіи; въ этомъ отношеніи „курсъ“ все еще остается прежній; тройственный союзъ, недавно еще казавшійся поколебленнымъ со стороны Италіи, получилъ новое торжественное подтвержденіе въ блестящемъ успѣхѣ итальянскаго министра-президента Криспи на парламентскихъ выборахъ 23-го ноября (н. ст.). Новая палата депутатовъ Италіи заключаетъ въ себѣ 410 сторонниковъ министерства, 40 членовъ конституціонной оппозиціи, 97 радикаловъ и 9 представителей неопредѣленныхъ мнѣній, такъ что Криспи имѣетъ теперь за собою громадное большинство 250 голосовъ. Побѣда Криспи есть въ то же время побѣда для внѣшней политики Германіи, хотя при извѣстной гибкости ума и таланта итальянскаго премьера можно ожидать отъ него постепеннаго поворота въ сторону Франціи, но безъ нарушенія тѣсной дружбы съ германской имперіею.

Положеніе политическихъ партій сильно измѣнилось въ Англіи со времени парламентскихъ выборовъ 1886 года. Либералы потерпѣли тогда неудачу въ ирландскомъ вопросѣ, такъ какъ общественное мнѣніе не было достаточно подготовлено къ радикальной ре-

формѣ, предложенной Гладстономъ; теперь шансы либеральной оппозиціи возростаютъ, и консерваторы все болѣе теряютъ свою популярность, подъ вліяніемъ тѣхъ-же ирландскихъ дѣлъ, которыя по прежнему остаются главнымъ предметомъ текущей англійской политики. Торійскій кабинетъ пытался умиротворить Ирландію двумя способами: во-первыхъ, строгимъ примѣненіемъ репрессивныхъ законовъ для поддержанія общественнаго порядка въ странѣ и, во-вторыхъ, принятіемъ законодательныхъ мѣръ для улучшенія быта бѣднѣйшей части сельскаго населенія Ирландіи. Система репрессіи дала обычные плоды,—усилила недовольство и раздраженіе между ирландцами, создала рядъ ненужныхъ столкновеній и процессовъ, прибавила новые поводы къ борьбѣ и враждѣ. Эта сторона дѣятельности правительства парализовала и положительную часть его программы; сложный проектъ закона объ облегченіи пріобрѣтенія земель для поселянъ посредствомъ выкупной операціи не могъ пройти въ парламентѣ и внесенъ теперь вторично министерствомъ. Къ политическимъ невзгодамъ, преслѣдующимъ Ирландію, присоединились и естественныя, стихійныя: въ западныхъ провинціяхъ острова оказался неурожай картофеля, и бѣдному населенію угрожаетъ голодъ. Министръ по дѣламъ Ирландіи, Бальфуръ, племянникъ маркиза Сольсбери, считалъ своей задачей водвореніе внѣшней законности и спокойствія на злополучномъ островѣ, а такъ какъ законы большею частью направлены къ односторонней охранѣ интересовъ лэндлордовъ, то подъ фирмою законности насильственно водворяется несправедливость, возбуждающая негодованіе и протесты. Принудительныя выселенія фермеровъ по требованіямъ крупныхъ землевладѣльцевъ повсюду сопровождаются безпорядками, сопротивленіемъ властямъ, иногда кровавыми схватками; роль полиціи въ этихъ случаяхъ крайне тяжелая и рискованная. Чисто формальный взглядъ на обязанности мелкихъ арендаторовъ относительно лордовъ приводитъ къ жестокости, осуждаемой нравственнымъ чувствомъ англичанъ; онъ противорѣчитъ также общему направленію всѣхъ новѣйшихъ земельныхъ реформъ въ Ирландіи. Энергическая и отчасти „безсердечная“ политика Бальфура составляетъ главнѣйшую и богатую тему всѣхъ оппозиціонныхъ рѣчей за послѣднее время. Эта же ирландская политика, принесшая одни лишь отрицательные результаты, является самою слабою и уязвимою стороною всей политической дѣятельности нынѣшняго торійскаго кабинета; она же послужитъ, вѣроятно, и причиною его паденія.

Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ союзниковъ Гладстона, бывшій министръ по дѣламъ Ирландіи, Джонъ Морлей, совершилъ еще въ сентябрѣ поѣздку, чтобы собрать на мѣстѣ свѣденія о положеніи

ирландскихъ дѣлъ, и по этому случаю едва не испыталъ на себѣ неудобства полицейской репрессіи; онъ присутствовалъ при народной демонстраціи въ честь арестованныхъ депутатовъ, Диллона и О'Бріена, въ Типерэри, и съ трудомъ избѣгнулъ непріятныхъ послѣдствій, угрожающихъ обыкновенно участникамъ подобныхъ народныхъ движеній. Джонъ Морлей получилъ возможность представить англійской публикѣ яркую картину ирландскихъ бѣдствій, на основаніи своихъ личныхъ впечатлѣній; онъ произносилъ потомъ громовыя рѣчи противъ дѣйствій Бальфура и его администраціи въ Ирландіи, причемъ ссылался на видѣнное и слышанное въ краѣ. Нѣкоторые факты, приводимые имъ съ особенною настойчивостью, должны, вѣроятно, считаться возмутительными въ глазахъ англичанъ; но съ точки зрѣнія постороннихъ наблюдателей они кажутся довольно невинными и даже наводятъ на мысли, имѣющія мало общаго съ заключеніями Морлея. Напротивъ, то, что само по себѣ должно бы вызывать наибольшее осужденіе, всего менѣе подвергается критикѣ. Морлей нападалъ на Бальфура и его агентовъ не за арестованіе двухъ членовъ парламента, а за неправильныя дѣйствія полиціи противъ уличныхъ сборищъ, имѣвшихъ, повидимому, цѣлью освободить арестованныхъ. Полицейскіе агенты старались насильственно разогнать толпу, не пропускавшую конвоя съ „арестантами", хотя толпа, по увѣренію очевидцевъ, и въ томъ числѣ самого Морлея, вела себя довольно сдержанно и не обнаруживала намѣренія напасть на полицію. Это предполагаемое нарушеніе права сходокъ и сборищъ въ Типерэри возведено было на степень событія; всѣ ораторы, говорившіе объ ирландскомъ вопросѣ въ послѣднее время, упоминали подробно объ этомъ событіи, газеты посвящали ему особые параграфы, и самъ министръ по дѣламъ Ирландіи публично возражалъ на приведенныя обвиненія.

Почему же факты, сравнительно мелкіе и неважные, возбуждали столько серьезныхъ споровъ, а самый арестъ Диллона и О'Бріена отступалъ какъ будто на задній планъ въ этой горячей полемикѣ? Дѣло въ томъ, что названные депутаты были арестованы съ соблюденіемъ законовъ, на основаніи исключительныхъ правилъ, утвержденныхъ парламентомъ для Ирландіи, и арестъ былъ мѣрою не полицейскою, а судебною, предшествовавшею началу публичнаго процесса по обвиненію въ противозаконныхъ воззваніяхъ. Тотчасъ по взносѣ потребованнаго денежнаго залога, обвиняемые были выпущены на свободу, въ ожиданіи суда. Арестъ не есть произвольная мѣра даже при дѣйствіи исключительныхъ законовъ въ Ирландіи; онъ обставленъ извѣстными законными гарантіями и не можетъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ судебнаго разбирательства, которое даетъ

возможность обвиняемому и его защитникамъ доказывать съ полною свободою неосновательность принятой мѣры. Такія распоряженія власти, подлежащія публичной судебной провѣркѣ, не могутъ вызывать протестовъ; тутъ дѣло идетъ о цѣлесообразности и своевременности возбужденія судебныхъ процессовъ, а не о законности ихъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ дѣйствія полицейскихъ агентовъ относительно уличныхъ сборищъ; здѣсь полиція неизбѣжно пользуется нѣкоторымъ просторомъ въ истолкованіи и примѣненіи законовъ, руководствуясь своимъ непосредственнымъ чувствомъ и впечатлѣніемъ при опредѣленіи того момента, когда нужно употребить силу: въ этихъ случаяхъ неосторожность и поспѣшность могутъ имѣть печальные и непоправимые результаты, и опасность злоупотребленій гораздо больше и важнѣе съ точки зрѣнія основныхъ гражданскихъ правъ обывателей. Вотъ почему выдающіеся государственные люди Англіи такъ много занимались инцидентомъ въ Типерэри и такъ мало обратили вниманія на арестъ Диллона и О'Бріена, подавшій къ нему поводъ. Подобные аресты и процессы даже приносятъ пользу оппозиціи, ибо они наглядно свидѣтельствуютъ о ненормальномъ положеніи дѣлъ въ Ирландіи и о напряженности происходящаго въ ней политическаго кризиса, послѣ четырехлѣтняго консервативнаго управленія страною. Диллонъ и О'Бріенъ обвинялись въ томъ, что убѣждали фермеровъ дѣйствовать сообща противъ землевладѣльцевъ и воздерживаться отъ уплаты ренты при недостаткѣ средствъ для обезпеченія семействъ на случай неурожая. Эта проповѣдь была незаконна въ Ирландіи, но судить за нее было, конечно, неполитично и неразсчетливо, такъ какъ всѣ симпатіи ирландскаго населенія и значительной части англійскаго общества были безусловно на сторонѣ обвиняемыхъ. Ирландскіе лэндлорды, поступающіе круто съ бѣдствующими мелкими арендаторами, не встрѣчаютъ сочувствія даже въ средѣ консервативной партіи; они осуждаются общественнымъ мнѣніемъ Англіи, и легальная защита ихъ несправедливыхъ требованій была всегда причиною волненій и замѣшательствъ. Судебное разбирательство по дѣлу Диллона и О'Бріена продолжалось, по обыкновенію, очень долго, болѣе мѣсяца; подсудимые и ихъ защитники, члены парламента Гили и Гаррингтонъ, выступали постоянно въ роли обвинителей правительства и рѣзко нападали на его политику, такъ что весь процессъ въ сущности превратился въ рядъ манифестацій противъ Бальфура и его репрессивной системы. Когда судъ, выслушавъ безконечный допросъ свидѣтелей и безчисленныя заявленія сторонъ, произнесъ, наконецъ, свой строгій приговоръ, то обвиняемые поспѣшили уѣхать за границу на извѣстное время; они предполагали совершить поѣздку по Сѣверной Америкѣ для сбора

суммъ въ пользу ирландцевъ, въ виду неурожая, и они рѣшились исполнить это обязательство, прежде чѣмъ отдаться въ руки исполнителей судебныхъ рѣшеній. Столкновеніе съ полиціею въ Типерэри произошло еще въ сентябрѣ, а дѣло Диллона и О'Бріена до послѣдняго времени не сходило съ газетныхъ столбцовъ и комментировалось безпрестанно въ публичныхъ рѣчахъ, такъ какъ оно давало матеріалъ для оцѣнки дѣйствій и промаховъ нынѣшней ирландской администраціи.

На сцену выступилъ затѣмъ и знаменитый Гладстонъ,—„the grand old man", какъ зовутъ его англичане и ирландцы. Неутомимый восьмидесятилѣтній вождь англійскаго либерализма возобновилъ свою обычную осеннюю кампанію въ Шотландіи; онъ произнесъ между прочимъ замѣчательную рѣчь въ Эдинбургѣ 22 октября (н. ст.). Онъ прекрасно и убѣдительно доказывалъ безцѣльность всѣхъ традиціонныхъ пріемовъ борьбы съ народнымъ недовольствомъ, объяснялъ безусловную необходимость покончить съ ирландскимъ кризисомъ посредствомъ удовлетворенія справедливыхъ и насущныхъ интересовъ Ирландіи, оспаривалъ мысль объ опасности ирландской автономіи для государственнаго единства и предсказывалъ побѣду либеральной партіи на будущихъ парламентскихъ выборахъ. Этотъ „великій старецъ", обладающій такою свѣжестью чувства и такою удивительною способностью увлекать людей и господствовать надъ ними единственно лишь силою своего краснорѣчія и нравственнаго авторитета, составляетъ безспорно одно изъ самыхъ утѣшительныхъ и отрадныхъ явленій въ современной Европѣ. Преобладающій тонъ пессимизма, сомнѣнія въ настоящемъ и недовѣрія къ будущему, невольно исчезаетъ при видѣ бодрой, энергической дѣятельности такого защитника человѣческихъ правъ, обличителя неправды и злоупотребленій, глубоко вѣрующаго въ торжество истины и не пренебрегающаго никакими мелочами текущихъ событій для подтвержденія и пропаганды своихъ любимыхъ идей. Гладстонъ говорилъ и о дѣйствіяхъ полиціи въ Типерэри и въ другихъ мѣстахъ, объ обвинительныхъ рѣчахъ Морлея и объясненіяхъ Бальфура, но эти небольшіе факты получаютъ у него какое-то особое освѣщеніе, ставящее весь ирландскій вопросъ на почву общепонятныхъ и никѣмъ не отрицаемыхъ принциповъ. Спокойствіе, ясность и гибкость аргументаціи, а также твердая увѣренность въ правотѣ защищаемаго дѣла, придаютъ необычайную силу рѣчамъ Гладстона и дѣлаютъ его незамѣнимымъ передовымъ бойцомъ оппозиціи, несмотря на его преклонный возрастъ. Частные парламентскіе выборы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ оказываются, большею частью, благопріятными для либераловъ, даже тамъ, гдѣ прежде выбирались консерваторы. Въ обществѣ вновь

возстановляется довѣріе къ проектамъ ирландской автономіи, тѣмъ болѣе, что Гладстонъ отказался отъ мысли о созданіи особаго парламента для Ирландіи и настаиваетъ только на предоставленіи мѣстнаго управленія въ руки самихъ ирландцевъ. На этой почвѣ либералы надѣются одержать побѣду надъ торіями и уніонистами, и Гладстонъ уже опредѣлилъ приблизительную численность либеральнаго большинства въ будущей палатѣ общинъ 1892 года: перевѣсъ оппозиціи составитъ около 80 голосовъ. Самъ Гладстонъ не надѣется уже дожить до новаго либеральнаго министерства, но онъ не сомнѣвается въ успѣхѣ своего дѣла и своей партіи.

Парламентская сессія открылась 25 ноября (н. ст.), но задолго до этого момента, въ промежуткѣ между двумя сессіями, представители обѣихъ партій обмѣнивались интересными рѣчами, затрогивавшими различныя стороны текущихъ политическихъ вопросовъ. Эти рѣчи, не стѣсненныя парламентскою обрядностью и имѣющія часто характеръ настоящихъ программъ, гораздо больше привлекаютъ вниманіе публики, чѣмъ пренія въ самой палатѣ общинъ. Давно уже установилась практика, что главные продукты политическаго краснорѣчія въ Англіи выпадаютъ на долю тѣхъ мѣсяцевъ, когда оффиціальный парламентъ закрытъ; государственные люди и ораторы предпочитаютъ обращаться къ публикѣ на сходкахъ и митингахъ, подготовляя желательный поворотъ общественнаго мнѣнія въ ту или другую сторону, оправдывая одни взгляды и опровергая другіе, чтобы затѣмъ уже дѣйствовать въ палатѣ общинъ. На этотъ разъ парламентская кампанія велась съ особеннымъ оживленіемъ, благодаря неутомимымъ усиліямъ Гладстона и Морлея.

Значительное смущеніе въ рядахъ ирландскихъ автономистовъ и ихъ англійскихъ единомышленниковъ произведено событіемъ, которое не имѣетъ непосредственной связи съ политикою, но можетъ повліять на нее косвенно. Высшій англійскій судъ (high court of justice), при участіи присяжныхъ, разбиралъ дѣло капитана О'Ши о разводѣ съ женою, находившеюся будто бы въ незаконныхъ интимныхъ отношеніяхъ съ „некоронованнымъ королемъ Ирландіи", Парнеллемъ. Капитанъ О'Ши, бывшій ирландскій патріотъ и членъ парламента, считался другомъ Парнелля въ теченіе многихъ лѣтъ; но въ послѣдніе годы онъ разошелся съ нимъ не только лично, но и политически, и перешелъ въ торійскій лагерь. Затѣянное имъ дѣло о разводѣ имѣло всѣ признаки простой политической интриги, направленной противъ Парнелля, и было не особенно серьезно встрѣчено печатью и общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что самъ Парнелль рѣшительно отвергалъ взведенное на него обвиненіе. Однако, развязка получилась совершенно неожиданная. Сама г-жа О'Ши не явилась въ судъ, точно

также какъ и Парнелль; они не приняли участія въ процессѣ и черезъ адвокатовъ, такъ что судья Бюттъ, разбиравшій дѣло, вынужденъ былъ ограничиться матеріаломъ, представленнымъ только одною изъ сторонъ — капитаномъ О'Ши. Г-жа О'Ши письменно сдѣлала заявленіе, въ которомъ, во-первыхъ, отрицала свою виновность и, во-вторыхъ, утверждала въ то же время, что связь ея съ Парнеллемъ поощрялась самимъ ея мужемъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за отрицаніемъ факта объяснялись его причины, — противорѣчіе слишкомъ явное и странное, чтобы оно могло быть устранено дальнѣйшими объясненіями. Но дальнѣйшихъ объясненій со стороны г-жи О'Ши не послѣдовало, да и не было въ нихъ надобности послѣ того, какъ на судѣ прочитаны были письма собственнаго ея сына, вызванныя нѣкоторыми эпизодами печальной семейной исторіи, въ которой участвовалъ Парнелль. Допросомъ свидѣтелей, преимущественно прислуги, и чтеніемъ переписки между дѣйствующими лицами этой продолжительной драмы подтвердилось съ полною очевидностью, что Парнелль съ 1880 года жилъ съ женою своего друга, особою уже пожилою, имѣющею теперь двадцатилѣтняго сына, и что связь эта, извѣстная всѣмъ окружающимъ, оставалась только предметомъ догадки и подозрѣній для мужа, находившагося часто въ отсутствіи по дѣламъ. Какъ это ни странно, но капитанъ О'Ши въ продолженіе цѣлыхъ девяти лѣтъ не зналъ навѣрное, насколько основательны были сплетни, попадавшія даже въ мѣстную печать; то онъ вызывалъ Парнелля на дуэль, то принималъ оправданія жены и приглашалъ его къ обѣду, то опять горячился, то снова мирился съ другомъ. Между прочимъ, Парнелль прямо обѣщалъ ему не поддерживать съ г-жею О'Ши такихъ отношеній, которыя давали бы поводъ къ пересудамъ. Знаменитый ирландскій дѣятель дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ самый обыкновенный „другъ дома", старающійся отвести глаза мужу; онъ усыплялъ его своими увѣреніями и аккуратно пользовался его постоянными отлучками, чтобы проводить время съ его женою. Для этого онъ жилъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ около ея дома, подъ вымышленными именами—Престона или Фокса, или нанималъ особый домъ для свиданій, а чаще всего находился въ ея семейной квартирѣ, въ ея комнатахъ, причемъ попадалъ иногда въ неловкое положеніе: разъ неожиданно раздался звонокъ мужа, и Парнелль съ большимъ для себя рискомъ выбрался черезъ балконъ на улицу, а затѣмъ позвонилъ какъ ни въ чемъ не бывало, желая будто бы посѣтить своего друга. Наконецъ, три года тому назадъ, старшій сынъ О'Ши счелъ своимъ долгомъ написать отцу, что онъ неожиданно вечеромъ засталъ „негодяя" П. у матери и готовъ справиться съ нимъ по своему, если только отецъ ему позволитъ. Тогда дѣло покончено было торжествен-

нымъ обѣщаніемъ г-жи О'Ши и ея друга не встрѣчаться больше, согласно настоятельной просьбѣ сына; но въ прошломъ году, во время пребыванія своего въ Карлсбадѣ, капитанъ О'Ши получилъ свѣденіе, что Парнелль поселился съ его женою въ Брайтонѣ. Тогда онъ обратился въ судъ съ просьбою о разводѣ. Отсюда видно, что совпаденіе этой просьбы съ неудачнымъ для правительства исходомъ слѣдственнаго разбирательства по дѣлу Парнелля съ газетою „Times", вовсе не было результатомъ сознательной политической интриги. Факты, выяснившіеся на судѣ, были доказаны съ такою точностью и съ такими подробностями, что сомнѣній быть не могло: присяжные признали фактъ прелюбодѣянія, и судья Бюттъ постановилъ рѣшеніе противъ г-жи О'Ши и Парнелля. Политическіе нравы Англіи не допускаютъ, чтобы человѣкъ, обвиненный судомъ въ безнравственномъ поступкѣ, выступалъ на поприщѣ публичной дѣятельности; судебный приговоръ, подобный состоявшемуся надъ Парнеллемъ, положилъ конецъ политической карьерѣ одного изъ талантливыхъ сподвижниковъ Гладстона, сэра Чарльза Дилька, и такое же удаленіе, по крайней мѣрѣ временное, считается обязательнымъ и для Парнелля. Послѣдній не раздѣляетъ такого взгляда, какъ видно изъ того, что за нѣсколько дней до открытія сессіи онъ разослалъ всѣмъ членамъ своей партіи обычное извѣщеніе о желательности присутствія депутатовъ въ парламентѣ въ возможно большемъ числѣ, въ виду важности вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Престарѣлый вождь либераловъ требуетъ съ своей стороны, чтобы Парнелль сложилъ съ себя роль предводителя ирландской группы; Парнелль не соглашается, и большинство автономистовъ остается ему вѣрнымъ. Изъ этихъ личныхъ разногласій, вызванныхъ рѣшеніемъ по дѣлу О'Ши, можетъ возникнуть серьезный разладъ между англійскими либералами-уніонистами и приверженцами Парнелля. Разрывъ съ Парнеллемъ не измѣняетъ, конечно, политической программы англійской либеральной партіи, руководимой Гладстономъ, но онъ можетъ значительно ослабить шансы успѣха автономистовъ предъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи. Какъ намекаютъ нѣкоторыя изъ лондонскихъ газетъ, лордъ Сольсбери имѣетъ въ виду воспользоваться впечатлѣніемъ, произведеннымъ на страну приговоромъ суда по дѣлу Парнелля, и распустить парламентъ до истеченія срока его полномочій, для производства общихъ выборовъ въ будущемъ году. Затруднителенъ также выборъ преемника Парнеллю, въ случаѣ согласія послѣдняго выйти въ отставку: такіе вожди, какъ Парнелль, не импровизируются по произволу, и постигшая его неудача есть отчасти неудача для самой Ирландіи и ея интересовъ.

Къ числу непріятныхъ событій въ Англіи за послѣднее время

относится и финансовый кризисъ на лондонской биржѣ, кризисъ, какого не бывало съ 1866 года. Одна изъ первыхъ въ мірѣ банкирскихъ фирмъ едва не подверглась катастрофѣ, которая могла бы повлечь за собою общую панику въ денежномъ мірѣ, и богатѣйшій во всемъ свѣтѣ денежный рынокъ — лондонскій — вынужденъ былъ обратиться за золотомъ къ французскому банку и къ русскому финансовому вѣдомству, чтобы помочь пошатнувшейся фирмѣ и избѣгнуть ея немедленнаго крушенія. Французскій банкъ могъ съ тѣмъ большею легкостью исполнить просьбу знаменитаго банка Англіи и выдать ему въ ссуду 75 милліоновъ на обычныхъ условіяхъ 3%, что запасы золота въ подвалахъ французскаго банка достигаютъ колоссальной цифры, свыше милліарда. Тотъ фактъ, что англійскій банкъ нуждался въ услугѣ французскаго и что денежныя затрудненія, грозившія лондонской биржѣ и сильно отозвавшіяся въ Сѣверной Америкѣ, совсѣмъ не существовали для Парижа и для Франціи, —этотъ фактъ чрезвычайно ярко характеризуетъ удивительное промышленное богатство французовъ и показываетъ въ то же время, что денежный рынокъ Парижа дѣйствительно занимаетъ теперь первое мѣсто по обилію и дешевизнѣ капиталовъ.

Денежные интересы играютъ большую роль въ международныхъ дѣлахъ, какъ это выразилъ весьма картинно маркизъ Сольсбери въ недавней своей рѣчи на банкетѣ новаго лондонскаго лордъ-мэра (10 ноября н. ст.). „Наши разногласія съ другими народами—по словамъ премьера—касаются, большею частью, предметовъ низменнаго, практическаго, прозаическаго свойства, отъ которыхъ вы не можете ожидать возбужденія даже малѣйшаго энтузіазма или такихъ сантиментальныхъ чувствъ, какія обыкновенно волновали міръ... Наши затрудненія заключаются, напримѣръ, въ томъ, что Америка установила обширную систему покровительственныхъ пошлинъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе неподобающаго пріема, встрѣчаемаго американскими свиньями со стороны Европы. Это же животное играло значительную роль въ политикѣ государствъ Балканскаго полуострова, и если мы имѣемъ какое-либо затрудненіе съ нашей доброй сосѣдкой Франціею, то это зависитъ отъ весьма неразумныхъ животныхъ—морскихъ раковъ. И опять затрудненіе съ нашими добрыми друзьями американцами происходитъ изъ-за такихъ не особенно благородныхъ созданій, какъ тюлени. Всѣ наши затрудненія въ концѣ столѣтія имѣютъ по преимуществу характеръ практическій и не заключаютъ въ себѣ ничего сантиментальнаго; но они не дѣлаются отъ этого менѣе реальными. Свобода торговли, которая, какъ казалось намъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, должна устранить всѣ затрудненія, процвѣтаетъ теперь не больше, чѣмъ въ прежнее время. Конфликты,

которые намъ еще предстоятъ, суть также столкновенія изъ-за тарифовъ. Въ каждой странѣ принимаются рѣшенія и выработываются планы, чтобы еще болѣе ограничить торговые обороты одного народа съ другимъ и воздвигнуть таможенныя преграды между производителями одной страны и потребителями другой. И эта борьба будетъ продолжаться многіе годы. Мы видимъ, что различныя націи обдумываютъ свои способы борьбы и обсуждаютъ, какими измѣненіями тарифа можно отвѣтить на враждебныя ввозныя пошлины со стороны сосѣднихъ государствъ, какими мѣрами защитить себя, какъ вынудить смягченіе угрожающихъ репрессалій. Это міровые конфликты будущаго. Мы будемъ относиться къ нимъ философски, ибо какъ ни задѣваютъ они насъ въ дурномъ или хорошемъ смыслѣ, мы не имѣемъ возможности помѣшать имъ. Мы не имѣетъ что̀ предложить взамѣнъ какихъ-нибудь уступокъ, такъ какъ мы уже понизили нашъ тарифъ до низшаго предѣла, допускаемаго требованіями бюджета. Это интересный предметъ для разсмотрѣнія, будемъ ли мы въ состояніи до конца держаться такого образа дѣйствій, и не заставитъ ли насъ безуміе сосѣдей уклониться въ извѣстной степени отъ здраваго и разумнаго положенія, занятаго нами".

Тарифная борьба, о которой говорилъ лордъ Сольсбери, достигла своего апогея въ суровомъ таможенномъ законѣ, извѣстномъ подъ именемъ билля Макъ-Кинлея и примѣняемомъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1 октября (н. ст.). Протекціонисты, располагающіе въ палатѣ представителей незначительнымъ большинствомъ голосовъ, воспользовались благопріятными обстоятельствами для нанесенія грознаго удара европейской промышленности, имѣющей свой рынокъ для сбыта въ Америкѣ. Прежній покровительственный тарифъ сдѣлался почти запретительнымъ относительно главнѣйшихъ предметовъ европейскаго ввоза. Въ Европѣ повсюду принимались мѣры противъ допущенія американскаго хлѣба и скота на европейскіе рынки, для избѣжанія неудобной конкурренціи; поэтому вполнѣ естественно было ожидать соотвѣтственныхъ репрессалій со стороны Америки. Если европейскія государства ограждаютъ себя отъ ввоза американскихъ свиней, какъ иронизируетъ лордъ Сольсбери, то они не имѣютъ уже основанія удивляться или протестовать, когда Америка поступаетъ подобнымъ же образомъ относительно европейскихъ фабричныхъ издѣлій. Внутреннее противорѣчіе и несостоятельность протекціонизма въ томъ и заключаются, что каждый хочетъ ограждать себя отъ конкурренціи, но самъ не хочетъ подвергаться такому же огражденію со стороны сосѣдей, а такъ какъ начало взаимности есть основное правило человѣческаго общежитія, то система односторонней покровительственной политики неизбѣжно приводитъ къ созданію повсе-

мѣстныхъ стѣсненій и конфликтовъ, задерживающихъ повсюду развитіе промышленности и торговли. Вмѣсто предполагаемаго поощренія и покровительства получается на дѣлѣ всеобщее стѣсненіе, въ связи съ чрезмѣрною дороговизною, тягостною для массы населенія. Биль Макъ-Кинлея возбудилъ неудовольствіе и протесты въ промышленной Европѣ, но въ то же время онъ послужилъ отличнымъ урокомъ для всѣхъ европейскихъ протекціонистовъ, показавъ имъ наглядно, что постоянное повышеніе тарифовъ—оружіе обоюдоострое. Охранительная таможенная политика могла такъ долго и упорно держаться у американцевъ только благодаря промышленной энергіи и предпріимчивости гражданъ, при свободной конкурренціи на обширномъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Однако на этотъ разъ сами американцы испытали на себѣ неудобства протекціонистскихъ увлеченій. Подъ вліяніемъ новаго повышенія пошлинъ поднялись цѣны на многіе продукты внутри страны, что особенно чувствительно отражается на интересахъ земледѣлія; общественное мнѣніе стало энергически высказываться противъ билля Макъ-Кинлея, въ виду его вредныхъ послѣдствій для американскаго населенія. Говорили даже, что билль будетъ признанъ недѣйствительнымъ вслѣдствіе формальной ошибки, допущенной при подписаніи его президентомъ Гаррисономъ. Такъ какъ господствующая партія не думала отказываться отъ достигнутаго торжества ультра-протекціонизма, то граждане выразили свое неудовольствіе обычнымъ легальнымъ способомъ, въ качествѣ избирателей. Какъ разъ въ началѣ ноября предстояли выборы членовъ конгресса, а также избраніе законодательныхъ палатъ и губернаторовъ въ отдѣльныхъ штатахъ,— и результатъ оказался совершенно неожиданный: господствующая партія республиканцевъ-протекціонистовъ потерпѣла сильнѣйшее пораженіе въ большинствѣ штатовъ, и самъ авторъ знаменитаго билля, Макъ-Кинлей, провалился въ своемъ штатѣ Огайо. Демократы будутъ имѣть теперь значительное большинство въ палатѣ представителей; изъ 332 членовъ выбрано 242 демократа и 88 республиканцевъ, тогда какъ нынѣшняя палата, выбранная въ 1888 году, заключала въ себѣ 169 республиканцевъ и 161 демократа. Выборы 4-го ноября имѣютъ, очевидно, серьезное политическое значеніе и являются какъ бы предвѣстникомъ будущаго обратнаго перехода власти отъ республиканцевъ къ демократамъ. Избранные теперь члены конгресса и должностныя лица вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей съ марта будущаго года, а новые президентскіе выборы предстоятъ въ 1892 году. Эта крупная неудача республиканской партіи, по общему признанію, составляетъ прямое послѣд-

ствіе раздраженія, вызваннаго въ значительной части Соединенныхъ Штатовъ новѣйшими излишествами протекціонизма.

Въ Голландіи произошла перемѣна царствованія, не имѣющая, впрочемъ, особеннаго значенія ни для самой страны, ни для Европы: 23 ноября (н. ст.) скончался король Вильгельмъ III, занимавшій престолъ больше сорока лѣтъ (съ марта 1849 года), и королевой объявлена десятилѣтняя дочь его, принцесса Вильгельмина, отъ имени которой управляетъ регентша, вдовствующая королева Эмма. Званіе герцога Люксенбургскаго, не могущее принадлежать лицу женскаго пола, переходитъ въ старшую линію герцогскаго дома Нассау. Знаменитая Оранская фамилія угасла въ лицѣ умершаго короля, которому суждено было пережить своихъ двухъ сыновей отъ перваго брака—принцевъ Вильгельма и Александра. Старшій сынъ и наслѣдникъ, принцъ Вильгельмъ, пользовался въ свое время большою и довольно печальною извѣстностью въ Парижѣ, гдѣ его называли „prince Citron" (вмѣсто „d'Orange"), и послѣ бурно проведенной молодости онъ окончилъ свою жизнь въ одиночествѣ. Братъ его, принцъ Александръ, долго страдалъ неизлечимою болѣзнью и тоже умеръ раньше времени. Послѣ смерти своей первой жены въ 1877 году, король женился вторично—на принцессѣ Вальдекъ и Пирмонтъ, отъ которой имѣлъ только дочь Вильгельмину. Покойный Вильгельмъ III только разъ въ жизни имѣлъ случай серьезно вліять на событія: въ 1867 году онъ согласился продать Наполеону III герцогство Люксенбургское и этимъ едва не вызвалъ европейской войны. Въ послѣднее время имя Нидерландовъ упоминалось часто по поводу отказа подписать заключительный актъ брюссельской конференціи объ уничтоженіи невольничества, въ виду присоединенной къ этому акту декларацiи о назначеніи таможенныхъ пошлинъ въ государствѣ Конго. Вырожденіе и исчезновеніе Оранской династіи представляютъ несомнѣнный историческій интересъ, независимо отъ той роли, которую играли послѣдніе ея представители. Король Вильгельмъ III былъ внукъ императора Павла I, по матери.

Мы получили письмо съ упреками по поводу „необъяснимаго пробѣла" въ нашемъ журналѣ—отсутствія свѣденій и разсужденій объ армянскомъ вопросѣ въ нашихъ „иностранныхъ" обозрѣніяхъ. „Печальное положеніе армянъ,—пишетъ корреспондентъ,—въ той части ихъ отечества, которая подвластна теперь Турціи, систематическое стремленіе турокъ подавить въ нихъ всѣ проблески націо-

нальнаго самосознанія и унизить ихъ церковь, языкъ и школьное дѣло, безчисленные аресты среди армянъ, несправедливое и устарѣвшее судопроизводство, не пренебрегающее даже пытками, наконецъ,— и это, быть можетъ, самое главное,—хищническіе набѣги и злодѣйства курдовъ,—все это привлекло вниманіе Европы, когда-то гарантировавшей армянамъ самоуправленіе и безопасность до сихъ поръ невыполненною 61-ю статьею берлинскаго трактата. Вы, вѣроятно, помните,—продолжаетъ авторъ письма,—гуманныя рѣчи старца Гладстона по этому поводу, дѣятельную агитацію въ защиту армянъ либеральной „Daily News" и многихъ другихъ англійскихъ органовъ, статью „Vossische Zeitung", гдѣ эта газета призываетъ Европу вступиться за армянъ, и многія другія манифестаціи европейской печати и общества въ пользу угнетеннаго христіанскаго населенія армянскихъ провинцій. Но не только на западѣ заинтересовались этимъ вопросомъ, и у насъ въ Россіи среди органовъ печати нашлось не мало такихъ, которые съумѣли отрѣшиться отъ національныхъ предразсудковъ, высказали сочувствіе армянскимъ патріотамъ и замолвили свое слово за Арменію, посвятивъ ея нуждамъ отдѣльныя замѣтки и статьи, или отведя обсужденію ихъ значительное мѣсто въ своихъ иностранныхъ обозрѣніяхъ... Только „Вѣстникъ Европы", отъ котораго всего скорѣе можно было ожидать горячей защиты армянскихъ христіанъ и агитаціи (?) въ пользу нихъ среди русской публики, продолжалъ все время хранить невозмутимое молчаніе, не отмѣтивъ даже такихъ важныхъ событій, какъ эрзерумская рѣзня, или національная демонстрація армянъ въ константинопольскомъ соборѣ". Въ виду нашего предполагаемаго равнодушія къ печальной судьбѣ армянъ, авторъ письма спрашиваетъ: „неужели можно не возмущаться тамъ, гдѣ не только стѣсняется свобода печати или совѣсти, но прямо грозитъ опасность жизни и собственности угнетеннаго населенія?"

Въ отвѣтъ на эти вопросы и указанія мы можемъ только напомнить, что значительная часть армянской народности находится подъ властью Россіи и что армянскій вопросъ составляетъ для насъ скорѣе внутренній вопросъ, чѣмъ внѣшній. При всемъ нашемъ живомъ сочувствіи къ угнетеннымъ народностямъ, будутъ ли то армяне или балканскіе славяне, мы не можемъ въ иностранномъ обозрѣніи считать своею задачею возбужденіе спеціальнаго вниманія къ недостаткамъ и злоупотребленіямъ иноземныхъ правительствъ, въ смыслѣ заступничества за подданныхъ чужого государства, хотя бы даже такого, какъ турецкое. Опыты подобнаго заступничества за турецкихъ христіанъ въ европейской Турціи слишкомъ дорого обошлись Россіи, а главное, принесли сами по себѣ слишкомъ мало

пользы, чтобы позволительно было еще разъ поддерживать подобныя иллюзіи въ печати. Можно вполнѣ предоставить Гладстону и другимъ представителямъ Европы нравственно возмущаться по поводу непорядковъ въ турецкой Арменіи, и вовсе не трудно въ этомъ отношеніи быть всегда съ ними; но при этомъ не надо также забывать и того, что Гладстонъ и другіе западно-европейскіе дѣятели осуждаютъ такую правительственную практику повсюду, и что слѣдовать за ними даже на этомъ платоническомъ пути не всегда и не вездѣ удобно— между тѣмъ, того потребовала бы самая обыкновенная логика вещей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1890.

—*Описаніе Турецкой имперіи*, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII вѣкѣ. Изданіе Импер. Правосл. Палестинскаго Общества подъ редакціею *П. А. Сырку*. Спб. 1890.

Палестинское Общество кромѣ заботъ его объ облегченіи русскаго паломничества ко святымъ мѣстамъ Палестины, какъ извѣстно, ставитъ себѣ также задачей историческое изученіе самыхъ святынь Палестины, исторіи старыхъ русскихъ хожденій въ святую землю и т. п. Въ сборникѣ Общества издано было нѣсколько важныхъ памятниковъ этого рода и въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ весьма любопытное старое путешествіе, изданное теперь подъ редакціею г. Сырку. Это сочиненіе существуетъ до сихъ поръ въ единственномъ спискѣ, который былъ найденъ извѣстнымъ покойнымъ славистомъ В. И. Григоровичемъ и въ составѣ его собранія принадлежитъ теперь библіотекѣ московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея. Рукопись, быть можетъ, писанная самимъ авторомъ сочиненія, представляетъ единственное въ своемъ родѣ описаніе турецкой имперіи въ нашей старой литературѣ, единственное и тѣмъ, что другого самостоятельнаго сочиненія этого рода у насъ не было, и тѣмъ, что оно составлено было русскимъ плѣнникомъ, прожившимъ въ Турціи нѣсколько лѣтъ. Въ обширномъ предисловіи къ изданію этого памятника, г. Сырку старается опредѣлить личность автора и условія его работы. Имя его нигдѣ не названо; ничего не сказано о томъ, какъ и когда онъ попалъ въ неволю, какъ отъ нея освободился, даже какіе годы онъ провелъ въ плѣну. Единственнымъ источникомъ какихъ-либо указаній объ авторѣ остается самая книга, и по внимательномъ изученіи ея случайныхъ указаній г. Сырку заключаетъ, что плѣнъ автора приходился къ 1670-мъ годамъ. Въ тѣ времена въ Турціи бывало множество русскихъ плѣнныхъ, вслѣдствіе турецкихъ походовъ въ южную Россію и Польшу, вслѣдствіе набѣговъ татаръ, которые

нерѣдко уводили цѣлыя толпы русскихъ плѣнныхъ, которыми былъ переполненъ потомъ константинопольскій рынокъ. По словамъ Крижанича, на военныхъ турецкихъ галерахъ почти не было другихъ гребцовъ кромѣ русскихъ; ихъ было такъ много по всей Турціи, даже до Египта, что они спрашивали вновь приходившихъ плѣнныхъ: „да уже остались ли на Руси еще какіе-нибудь люди?"

О жизни автора Описанія въ плѣну г. Сырку дѣлаетъ слѣдующія соображенія: „Подневольная жизнь составителя Описанія въ турецкомъ плѣну не была легка, судя по нѣкоторымъ его выраженіямъ о „плѣнной своей неволѣ терпѣнія и страданія". Достовѣрно извѣстно только одно, что нашъ авторъ исходилъ изъ конца въ конецъ, какъ онъ выражается: „въ стопахъ пути ноги своея", т.-е. пѣшкомъ, всю турецкую имперію, кромѣ вассальныхъ провинцій, дѣлалъ разныя наблюденія во время своего путешествія,—однимъ словомъ, изучалъ страну. Въ виду всего этого можно думать, что онъ въ плѣну не раздѣлялъ участи рабовъ, т.-е. не былъ на турецкихъ каторгахъ или галерахъ, подобно другимъ русскимъ плѣнникамъ. Я склоненъ думать, что онъ былъ при турецкомъ войскѣ, можетъ быть, при обозѣ во время передвиженія войска. Не менѣе возможно, что составитель Описанія участвовалъ въ какомъ-нибудь турецкомъ походѣ. Но быть турецкимъ солдатомъ, да еще послѣ того, какъ онъ попалъ къ туркамъ въ качествѣ плѣнника или проданъ былъ имъ въ неволю, значитъ быть и мусульманиномъ; а что дѣйствительно составитель Описанія, будучи въ плѣну, не оставался христіаниномъ, это можно предположить изъ того, что онъ не отмѣтилъ ни одной церкви, ни одной христіанской святыни, кромѣ св. града Іерусалима, въ которомъ онъ, несомнѣнно, былъ, но описалъ его только съ точки зрѣнія военно-топографической, отчасти физической и этнографической. Одно несомнѣнно, по моему разумѣнію, что нашъ авторъ едва ли могъ удержать въ памяти всю массу свѣденій, которыя онъ сообщаетъ намъ; слѣдовательно, долженъ былъ писать замѣтки во время своего путешествія, а это предполагаетъ нѣкоторую свободу".

Г. Сырку дѣлаетъ предположеніе, что авторъ Описанія былъ и дома военнымъ человѣкомъ изъ какихъ-нибудь боярскихъ дѣтей и что трудъ его свидѣтельствуетъ, что въ этомъ классѣ были въ XVII вѣкѣ извѣстные литературные вкусы и потребности. Онъ предполагаетъ далѣе, что авторомъ Описанія могъ быть нѣкто Дорохинъ, русскій военный человѣкъ, рейтаръ, который былъ также въ турецкомъ плѣну и вернулся, и о которомъ сохранились извѣстія въ одномъ донесеніи русскаго кіевскаго воеводы.

Авторъ Описанія, судя по его разсказу, искрестилъ Турцію во всѣхъ направленіяхъ и такъ какъ онъ описывалъ именно то, что̀ самъ ви-

дѣлъ, то его описаніе Турціи является вмѣстѣ описаніемъ его путешествія: онъ побывалъ почти во всѣхъ углахъ турецкаго государства. Описаніе чисто топографическое, по обычному способу тогдашнихъ русскихъ „хожденій" и географическихъ описей: онъ переходитъ отъ одного города къ другому, старается опредѣлить мѣстность, разстоянія, дѣлаетъ краткія замѣтки о характерѣ жителей, о военной крѣпости или слабости города, о степени способности жителей къ военному дѣлу и т. п. Словомъ, это родъ краткаго путеводителя, который не можетъ, конечно, сравниться съ тогдашними западно-европейскими описаніями Турціи, которыя составлялись людьми гораздо болѣе учеными; но старое русское сочиненіе, кромѣ своего значенія для исторіи русской письменности, не лишено и общей важности, какъ замѣчанія очевидца, весьма положительныя и повидимому точныя.

Въ самомъ дѣлѣ, эта старинная русская книжка является очень оригинальнымъ отголоскомъ нашего XVII вѣка. Возможно, что авторъ дѣйствительно былъ мусульманиномъ, какъ предполагаетъ г. Сырку; Описаніе бросается въ глаза отсутствіемъ свѣденій о православныхъ святыняхъ, которыя обыкновенно составляли предметъ величайшаго благочестиваго интереса для русскихъ, попадавшихъ въ Константинополь или въ Іерусалимъ; съ другой стороны, въ самомъ началѣ Описанія авторъ не жалѣетъ бранныхъ эпитетовъ противъ „безбожныхъ агарей (т.-е. агарянъ), злыхъ и нечестивыхъ грѣшниковъ, пакостниковъ поганскихъ и немилосердыхъ турскихъ людей". Былъ ли это тотъ Дорохинъ, о которомъ вспоминаетъ г. Сырку, остается недоказаннымъ; въ турецкомъ плѣну перебывало, конечно, много русскихъ военныхъ людей. Заключеніе комментатора о „литературныхъ вкусахъ и потребностяхъ" боярскихъ дѣтей XVII вѣка, должно быть принято съ большими оговорками. Эти вкусы и потребности были самые элементарные; авторъ Описанія пишетъ такъ, какъ говорилъ бы самый простой человѣкъ о простыхъ, бытовыхъ фактахъ, и въ своемъ родѣ, это, конечно, весьма любопытно, но, отвлекаясь отъ простого реальнаго факта, онъ не въ состояніи построить никакой нѣсколько сложной фразы. Вотъ, напримѣръ, первая фраза Описанія: „Написася же сия книга въ тайнѣмъ, къ сокровеннѣмъ въ сокрыте мною плѣнникомъ въ плѣнной своей неволи терпѣнія страдания своего о соглядномъ изъявление въ толку росписи всему царству турскаму". Рукопись передана въ изданіи со всей точностью,—почти съ полнымъ отсутствіемъ грамматики: авторъ писалъ какъ говорилъ—это очень интересно для изученія стараго языка, но вмѣстѣ свидѣтельствуетъ и о безграмотности боярскихъ дѣтей XVII вѣка. Указатель къ сочиненію (стр. 54—179; самое Описаніе занимаетъ стр. 1—54) превратился въ цѣлый историко-географическій словарь, въ

которомъ собрано множество историческихъ указаній о разныхъ мѣстностяхъ турецкой имперіи изъ старой литературы и новѣйшихъ описаній и путешествій, такъ что указатель становится очень важнымъ пособіемъ для справокъ о старой и новой географіи турецкой имперіи. Въ концѣ книги (стр. 181—210) приведенъ списокъ сочиненій, которыми г. Сырку пользовался въ своемъ комментаріи—опять множество литературныхъ указаній весьма полезныхъ для тѣхъ, кто хотѣлъ бы изучить предметъ въ большей подробности.

— *Историческій обзоръ Туркестана* и наступательнаго движенія въ него русскихъ. Составилъ А. И. *Макшеевъ*. Спб. 1890.

Настоящая книга находится въ связи съ чтеніями г. Макшеева въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи, чтенія о Туркестанѣ предприняты были имъ вслѣдъ за занятіемъ Ташкента въ 1865 году и программа ихъ заключалась въ разсмотрѣніи, во-первыхъ, природы, жителей и исторіи Туркестана; во-вторыхъ, исторіи наступательнаго движенія русскихъ въ Туркестанъ и, въ-третьихъ, особенностей походовъ и военныхъ дѣйствій въ туркестанскихъ степяхъ, или такъ-называемой степной войны. Впослѣдствіи г. Макшеевъ вознамѣрился издать эти чтенія, но тѣмъ временемъ стала накопляться такая масса матеріаловъ, что для внимательнаго изученія ихъ недоставало времени, и авторъ ограничилъ свою задачу тѣмъ содержаніемъ, какое представляетъ настоящая книга. Исторія Туркестана начата здѣсь съ древнѣйшихъ историческихъ извѣстій и закончена послѣдней экспедиціей 1880—1881 года, результатомъ которой было учрежденіе Закаспійской области. Авторъ указываетъ, что исторія движенія русскихъ въ среднюю Азію изложена въ его книгѣ не вполнѣ равномѣрно, но что, между прочимъ, описаніе Акъ-мечетской экспедиціи, наступленія въ Коканское ханство и начала войны съ Бухарой изложены болѣе отчетливо по непосредственнымъ матеріаламъ, собраннымъ на мѣстѣ. По самому назначенію и происхожденію книги, она относится всего болѣе къ военной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и общій интересъ, представляя, во-первыхъ, цѣльное сжатое изложеніе предмета и, кромѣ чисто военныхъ событій, указывая отношенія Россіи къ пограничнымъ инородческимъ племенамъ и движеніе русской колонизаціи (до учрежденія туркестанскаго генералъ-губернаторства). Обширныя спеціальныя сочиненія, какія имѣются въ литературѣ, о войнахъ въ средней Азіи, конечно, недоступны, т.-е. не представятъ особаго интереса для обыкновеннаго читателя, который, напротивъ, съ любо-

пытствомъ встрѣтитъ общее обозрѣніе событій, имѣющихъ въ концѣ концовъ великое историческое и національное значеніе. Авторъ помогъ подобному читателю еще указаніемъ литературы, если по тѣмъ или другимъ вопросамъ желательны будутъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Прибавимъ, наконецъ, что авторъ давно уже извѣстенъ, между прочимъ, своими работами по изученію средней Азіи, и это прибавляетъ компетентности его настоящему труду. Въ интересахъ исторіи не слишкомъ спеціально военной можно было бы желать бо̀льшаго количества свѣденій о современныхъ племенныхъ отношеніяхъ русской средней Азіи и о положеніи прибывающаго русскаго населенія. Для болѣе удобнаго чтенія книги, не лишней была бы также хотя не очень подробная карта.

— А. С. *Пругавинъ. Запросы народа* и *обязанности интеллигенціи* въ области умственнаго развитія и просвѣщенія. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". Москва, 1890.

Цѣль изданія настоящей книги, по словамъ автора—„остановить серьезное вниманіе общества на вопросѣ, огромное значеніе котораго ростетъ съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ днемъ,—и, въ то же время, подвинуть интеллигентную публику на *практическую дѣятельность* въ области этого вопроса". На отдѣльныхъ частяхъ этого предмета авторъ останавливался въ цѣломъ рядѣ статей, которыя печатались въ „Русской Мысли" и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и которыя собраны въ настоящей книгѣ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ статей, еще не бывшихъ въ печати. Въ цѣломъ, это—очень любопытный сборникъ замѣчаній по разнымъ частностямъ народнаго образованія, свѣденій о народномъ чтеніи и предположеній о томъ, какъ долженъ бы быть наиболѣе цѣлесообразно поставленъ вопросъ о народной литературѣ. Не указывая всѣхъ подробностей содержанія книги, отмѣтимъ нѣсколько статей, дающихъ понятіе о разнообразныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ автора: Мірское народное обученіе; грамотность прежде и теперь; вольныя крестьянскія школы; публичныя чтенія для народа; газеты и журналы въ народной средѣ; народныя библіотеки и читальни; лубочные издатели; офени-книгоноши; современная лубочная литература; что и какъ читаетъ народъ?—Еще ранѣе была составлена авторомъ программа для собиранія свѣденій о томъ, что̀ читаетъ народъ; здѣсь она повторена значительно переработанною по замѣчаніямъ, какія получилъ авторъ отъ петербургскаго комитета грамотности и отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Въ приложеніи къ книгѣ помѣщены, во-первыхъ, указаніе матеріаловъ и источ-

никовъ, которые могутъ служить для изслѣдованія предмета и которыми авторъ пользовался, и, во-вторыхъ, разнаго рода практическія правила, относящіяся къ дѣлу народной школы и чтенія; напримѣръ: порядокъ открытія домашнихъ школъ грамотности; правила для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ, Высочайше учрежденныя 24-го декабря 1876 года; правила о безплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними; образецъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ офенямъ-книгоношамъ на право торговли.

Книга начинается статьей о „мірскомъ народномъ обученіи“, гдѣ авторъ сообщаетъ историческія данныя о народной школѣ съ первыхъ вѣковъ русскаго христіанства, когда появилась и первая школа. Авторъ собираетъ указанія о древнихъ училищахъ изъ сочиненій Н. Лавровскаго, Лешкова, Владимірскаго-Буданова, Окольскаго, и др., съ цѣлію доказать, что „вольное, мірское, чисто-народное обученіе существовало задолго до того времени, когда правительство рѣшило придти на помощь народу въ его стремленіи къ образованію. Въ то время, когда оффиціально еще и не помышляли о просвѣщеніи народа, въ селахъ и деревняхъ уже работали въ безвѣстности и тишинѣ вольные грамотеи, разные учителя-самоучки, вышедшіе большею частью изъ среды самаго народа“. Въ этомъ общемъ выводѣ нѣтъ сомнѣнія и авторъ могъ бы найти еще болѣе свидѣтельствъ о распространеніи грамоты въ народѣ въ старыя времена; напримѣръ, въ старыхъ рукописяхъ нерѣдко можно встрѣчать помѣты, что рукопись, иногда серьезная, прекрасно написанная, принадлежала такому-то крестьянину такого-то села, и т. п. При недостаткѣ школъ правительственныхъ развилась дѣйствительно школа частная, домашняя, въ которой между прочимъ учились и тѣ, кто дѣлались потомъ служителями церкви. Въ заключеніяхъ автора о старой школѣ есть однако преувеличенія, въ которыя онъ увлекся между прочимъ вслѣдъ за Лешковымъ и другими своими авторитетами. Сказать, что „ученіе въ древней Россіи до монголовъ обнимало собою, сверхъ чтенія и письма, счисленія и пѣнія, *всѣ предметы*, входившіе въ составъ тогдашняго византійскаго образованія“ (стр. 9), было слишкомъ смѣло; древняя Русь не имѣла никакого подобія той высшей школы, какая существовала въ Византіи, и ссылка на „массу и разнообразіе свѣдѣній, встрѣчаемыхъ въ *Изборникахъ*, начиная съ XI вѣка,—свѣденій, заимствованныхъ составителями изъ риторики, діалектики, философіи, психологіи, географіи, исторіи, богословія, и т. п.“, — ссылка, заимствованная авторомъ у Лешкова, заключаетъ въ себѣ чистое недоразумѣніе. Древній „Изборникъ“, который здѣсь имѣется въ виду и который дѣйствительно заключалъ въ себѣ свѣденія изъ риторики, философіи, и т. д. вовсе не былъ составленъ какимъ-нибудь русскимъ

человѣкомъ, извлекавшимъ свѣденія изъ греческой научной литературы: это былъ просто переводъ готоваго греческаго сборника съ подобными отрывками, при томъ сдѣланный не на Руси, а въ Болгаріи, и къ намъ пришедшій готовымъ вмѣстѣ со многими иными памятниками южно-славянской письменности. Авторъ оговаривается, что „школъ съ такою широкою программой не могло, конечно, быть много въ то время"; собственно говоря, мы не имѣемъ свѣденій ни объ одной подобной школѣ. Бывали въ древней Россіи люди съ извѣстной ученостью,—напримѣръ, знавшіе греческій языкъ и дѣлавшіе съ него переводы,—но люди этого рода представляются единичными примѣрами; большею частью наиболѣе книжные люди были простые начетчики въ родѣ нынѣшнихъ раскольничьихъ начетчиковъ, а книжная масса была только грамотна. Тотъ типъ народной грамотности, состоявшій въ изученіи азбуки, часослова и псалтыри, который дошелъ почти до нашего времени, и былъ, безъ сомнѣнія, господствующимъ пріемомъ обученія въ старину.

„Итакъ,—говоритъ авторъ,—вольное, мірское, чисто-народное обученіе существовало задолго до того времени, когда правительство рѣшило придти на помощь народу въ его стремленіи къ образованію. Въ то время, когда оффиціально еще и не помышляли о просвѣщеніи народа, въ селахъ и деревняхъ уже работали въ безвѣстности и тишинѣ вольные грамотеи, разные учителя-самоучки, вышедшіе большею частью изъ среды самого народа" (стр. 16).

Мы понимаемъ, что друзья народа могутъ увлекаться этимъ принципомъ „вольнаго, народнаго, чисто-мірского" обученія, но не будемъ преувеличивать. Это обученіе, дѣйствительно державшееся въ народѣ, имѣло два существенные недостатка. Во-первыхъ, оно ограничивалось крайне скромными размѣрами, не выходя изъ границъ первоначальной грамотности, и, во-вторыхъ, въ связи съ этой элементарностью оно застыло въ своихъ формахъ и въ самомъ содержаніи. Сколько разъ приходилось намъ читать отзывы враговъ болѣе широкой народной школы, что, дескать, самъ народъ не желаетъ иной школы кромѣ этой старинной, существующей по преданію, что онъ не желаетъ и не признаетъ иного чтенія, кромѣ „божественнаго". Надо согласиться, что преданіе и было именно таково, что старая школа имѣла только единственную цѣль — достигнуть грамотности, и такъ какъ въ старину литература въ громадномъ большинствѣ носила характеръ церковный, и по содержанію, и по языку, то народъ и зналъ только чтеніе „божественное", оставаясь въ полномъ невѣденіи относительно всѣхъ отраслей знанія, имѣвшихъ характеръ мірской, свѣтскій,—или въ полномъ невѣжествѣ. Трудно представить себѣ, какъ могло бы „вольное" народное обученіе, предоставленное самому себѣ

и „вольнымъ“ грамотеямъ, выйти изъ стариннаго заколдованнаго круга азбуки, часослова и псалтыря.

Это народное обученіе имѣло и другую слабую сторону—полное отсутствіе какой-либо организаціи: вольный грамотей и „мастеръ“, какъ называли учителей въ старину, были люди совершенно случайные; такой человѣкъ могъ найтись на мѣстѣ, но могъ и не найтись; его компетентность была также дѣломъ случая. Далѣе, если подобной школѣ предоставлялось быть „вольной“ и власть не оказывала никакого вмѣшательства въ ея существованіе, это, очевидно, происходило только отъ ея полной незначительности. Очень жаль, конечно, что ограниченіе самобытной крестьянской школы, вслѣдствіе „положенія“ 25-го мая 1874 года, уменьшило и ту скудную дозу грамотности, какую давала эта школа, или даже совсѣмъ уничтожало эту школу, но съ другой стороны, какъ мы упоминали, самодѣльная народная школа едва ли бы обезпечила народу хотя скромный запасъ образованія, въ которомъ онъ несомнѣнно нуждается. Словомъ, вопросъ гораздо болѣе сложенъ, и одна защита самобытной народной школы, какою она была до сихъ поръ, едва ли разрѣшитъ его.

Не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ главахъ любопытной книги г. Пругавина, посвященныхъ современному положенію народной грамотности; намъ хотѣлось бы возвратиться къ этому особо.—А. П.

— *Ч. А. Файфъ.* Исторія Европы XIX вѣка. Томъ III. Съ 1848 по 1878 г. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1890. Стр. 365 и LV. Ц. 2 р. 50 к.

Краткій пересказъ политическихъ событій отъ начала текущаго столѣтія до конца семидесятыхъ годовъ не можетъ быть, конечно, названъ „исторіею Европы XIX вѣка“; но какъ простой обзоръ фактовъ, разсматриваемыхъ въ ихъ внѣшней связи, безъ внутренняго разъясненія и освѣщенія ихъ, книга Файфа читается съ несомнѣннымъ интересомъ. Комментаріи и замѣчанія автора слишкомъ отрывочны и неполны, чтобы останавливать на себѣ серьезное вниманіе; отдѣльныя характеристики довольно поверхностны и самое изложеніе не всегда отличается достаточною ясностью и опредѣленностью. Приведемъ два-три примѣра.

Разсказавъ въ нѣсколькихъ словахъ объ образованіи временнаго правительства во Франціи послѣ февральской революціи 1848 года и объ экономическихъ планахъ Луи-Блана, авторъ упоминаетъ затѣмъ объ учрежденіи національныхъ мастерскихъ въ такомъ тонѣ, какъ будто эти мастерскія устроены были по проекту Луи-Блана и согласно его идеямъ объ организаціи труда. „Еслибы опыты 1848 г.,

—заключаетъ авторъ, — производились не группою благодушныхъ теоретиковъ, а компаніей милліонеровъ, поставившихъ себѣ задачей разсѣять всѣ надежды человѣчества на лучшій порядокъ вещей, чѣмъ существующій порядокъ неограниченной конкурренціи, то и тогда они не могли быть произведены при болѣе роковыхъ условіяхъ" (стр. 26). Между тѣмъ Луи-Бланъ въ свое время энергически протестовалъ противъ предположенія о какой бы то ни было солидарности его съ устройствомъ національныхъ мастерскихъ, предпринятыхъ нѣкоторыми членами временнаго правительства, быть можетъ специально для того, чтобы компрометировать соціалистическія идеи въ глазахъ населенія. Книга, въ которой Луи-Бланъ подробно излагаетъ исторію этого предпріятія и свое отношеніе къ нему, даже названа авторомъ въ подстрочной выноскѣ, при указаніи источниковъ; тѣмъ болѣе странно умолчаніе объ этомъ обстоятельствѣ въ книгѣ Файфа.

Насколько кратко и неопредѣленно изложеніе автора, можно видѣть изъ разсказа его о берлинскомъ конгрессѣ, занимающаго буквально двѣнадцать строкъ (стр. 361). „Хотя компромиссъ между Англіею и Россіею былъ установленъ въ общихъ чертахъ еще до конгресса, тѣмъ не менѣе, при обсужденіи подробностей, возникло столько новыхъ затрудненій, что конгрессъ, повидимому, нѣсколько разъ готовъ былъ разойтись. Пренія были доведены до конца, только благодаря настойчивости и благоразумію князя Бисмарка, который заставилъ обсуждать наиболѣе важные пункты не на конгрессѣ, а на частныхъ засѣданіяхъ своихъ гостей, и выступалъ въ роли примирителя всякій разъ, когда князь Горчаковъ складывалъ свои карты или когда лордъ Биконсфильдъ заказывалъ экстренный поѣздъ". И больше ничего! Передавая сущность предшествовавшихъ переговоровъ и коснувшись требованій Англіи о пересмотрѣ санъ-стефанскаго договора во всей его совокупности (стр. 360), авторъ добавляетъ: „Разсужденіе это (лорда Сольсбери) было вполнѣ справедливо", а почему и въ чемъ именно справедливо—неизвѣстно. Дизраэли-Биконсфильдъ названъ „геніальнымъ человѣкомъ" (стр. 339), безъ поясненія, въ чемъ именно заключалась его геніальность; повидимому, авторъ считаетъ его просто талантливымъ артистомъ и фантазеромъ, котораго „британской націи угодно было" поставить во главѣ большой политической партіи, получившей власть въ свои руки. Если почти „всѣ идеи лорда Биконсфильда, всѣ его планы и надежды (въ области восточныхъ дѣлъ) были вполнѣ опровергнуты послѣдующими событіями" (стр. 364), то остается неяснымъ, по какой причинѣ восхваляется его политическая дѣятельность, какъ выдающаяся

и талантливая, и почему его имя пріобрѣло столь громкую популярность не только въ Англіи, но и во всей Европѣ.

Переводъ книги Файфа вполнѣ удовлетворителенъ; намъ кажется только, что писать „Гольштейнъ" вмѣсто „Голштиніи" или „кроаты" вмѣсто „хорватовъ"—неудобно въ сочиненіи, изданномъ для русскихъ читателей. На обложкѣ, послѣ имени автора, значится: „членъ академіи";такъ какъ въ Англіи не существуетъ академіи въ обычномъ смыслѣ этого слова, то означенный титулъ невольно вызываетъ недоумѣніе, которое, быть можетъ, разъяснилось бы, еслибы приведено было подлинное англійское выраженіе. По этому случаю не можемъ не замѣтить, что было бы вообще желательно указаніе подлиннаго заглавія книги и имени автора при изданіи переводныхъ сочиненій.

— *Между Востокомъ и Западомъ*. Рязань, 1890. Стр. 143.

Авторъ этой книжки, г. Г. Д., заявляетъ въ введеніи, что двадцать лѣтъ тому назадъ онъ издалъ за границею брошюру подъ заглавіемъ „Молодая Россія", и что почти все, предложенное имъ въ этой брошюрѣ, нынѣ приведено въ исполненіе. Поэтому, говоритъ онъ скромно, „меня не оставляетъ надежда, что мои предположенія и нынѣ могутъ принести нѣкоторую пользу". Въ книжкѣ собрано много замѣтокъ, свѣденій и заключеній о Китаѣ, Сѣверной Америкѣ, нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, объ экономическомъ состояніи Россіи и о разныхъ другихъ предметахъ, безъ особенной взаимной связи.

Авторъ, очевидно, принадлежитъ къ старому поколѣнію людей, мечтающихъ о возвратѣ добраго стараго времени въ усовершенствованномъ видѣ, по китайскому или какому-нибудь иному образцу. „Китайцы,—объясняетъ онъ,—народъ самолюбивый; они дорожатъ своею честью чуть ли не болѣе, чѣмъ другіе народы; несмотря на то, они считаютъ палочную расправу лучшимъ наказаніемъ" (стр. 101). Далѣе приводится выдержка изъ французской книги Бержерѐ, въ доказательство того, что даже французы, въ сущности, ничего не имѣютъ противъ тѣлесныхъ наказаній въ принципѣ. „Со временемъ предразсудокъ (!) противъ тѣлесныхъ наказаній, особенно при постоянномъ увеличеніи числа преступленій и тюремныхъ заключеній, долженъ исчезнуть, какъ не основанный на здравомъ смылѣ (?). До тѣхъ поръ предстоитъ сохранить эту исправительную мѣру тамъ, гдѣ она существуетъ и пользуется народнымъ сочувствіемъ". Притомъ „можно придумать тѣлесное наказаніе не унизительное, но причиняющее физическую боль. Тотъ, кто изобрѣлъ бы способъ причиненія боли

безъ вреда для здоровья, практическій для наказаній, но не унизительный для виновнаго, оказалъ бы большую услугу человѣчеству" (!!). Само собою разумѣется, что это благодѣтельное средство, причиняющее боль, должно примѣняться исключительно къ низшимъ трудящимся классамъ. „Главная забота правительства у всѣхъ народовъ состоитъ въ огражденіи жителей отъ беззаконій,—говорится въ другомъ мѣстѣ;—что же тогда сказать о нашей деревнѣ, гдѣ крестьяне могутъ быть безнаказанно обижены сходами" (!). Другихъ обидчиковъ не оказывается для крестьянъ, кромѣ ихъ собственныхъ сельскихъ сходовъ. Въ нашемъ общемъ экономическомъ разстройствѣ виноваты также одни лишь крестьяне, работающіе слишкомъ мало и лѣниво,—вѣроятно, меньше и лѣнивѣе остальныхъ сословій. „Прогулъ—вотъ корень зла, тяготѣющаго на экономическомъ положеніи Россіи. Никакія реформы не обезпечатъ нашего быта, пока не убавится нашъ праздничный прогулъ" (стр. 82). „Нельзя не признаться, что мы народъ лѣнивый. Излечима ли эта всесословная язва или ужъ такъ на роду написано? Конечно, вдругъ нельзя издать законъ, предписывающій трудолюбіе, но можно, мало-по-малу, пріучать насъ къ труду. Все дѣло въ привычкѣ" (стр. 96). Но кто и какъ будетъ „пріучать насъ къ труду", если лѣность есть общій недостатокъ, присущій самимъ прожектерамъ и распорядителямъ,—это остается недосказаннымъ. Авторъ кстати и некстати цитируетъ иностранныхъ авторовъ, особенно французскихъ,—Токвилля, Лавеле, Леруа-Болье и другихъ. Книжка производитъ вообще впечатлѣніе чего-то сумбурнаго; это какая-то смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, съ присоединеніемъ еще китайщины, поставленной впереди всего остального. Подобная невѣроятная смѣсь соотвѣтствуетъ, быть можетъ, вкусамъ нѣкоторой части публики въ настоящее время; но скучное и вялое изложеніе г-на Г. Д. едва-ли привлечетъ даже привыкшихъ ко всему читателей нашихъ реакціонныхъ листковъ

— Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою. По поводу сочиненія К. Ордина: „Покореніе Финляндіи", *Рих. Даніельсона.* Борго и Спб., 1890. Стр. 172.

Вопросъ о государственномъ устройствѣ Финляндіи и отношеніяхъ ея къ Россіи, возбужденный въ нашей печати г. К. Ординымъ, породилъ цѣлую литературу въ послѣднее время. Многочисленные у насъ патріоты по профессіи открыли какъ будто новую обширную область для упражненій въ національно-политической травлѣ; открытіе это было тѣмъ болѣе кстати, что прежніе виды „интригъ", занимавшіе Каткова и его подражателей, ужъ слишкомъ истрепались,

вышли изъ моды и грозили окончательно надоѣсть публикѣ. Наши лже-патріотическіе органы съ радостью накинулись на благодарную тему, ускользнувшую отъ вниманія самого Каткова; они съ восторгомъ привѣтствовали попытку г. Ордина заподозрить „благонадежность" финляндскаго народа и его представителей, усердно занялись тѣмъ же привычнымъ для нихъ дѣломъ науськиванія и успѣли, повидимому, выдвинуть на сцену небывалый у насъ прежде „финляндскій вопросъ". Такое внезапное, ничѣмъ не мотивированное нападеніе нашихъ націоналистовъ на Финляндію должно было вызвать вполнѣ естественную тревогу и безпокойство въ этой мирной странѣ, такъ какъ нападающіе говорятъ и дѣйствуютъ, по своему обыкновенію, отъ имени могущественной Россіи и всего русскаго общества.

„Поддержка, оказанная г. Ордину (въ нашей печати),—какъ говоритъ г. Даніельсонъ,—указывала на то, что сравнительно важные элементы русскаго общества желаютъ уничтоженія законовъ и учрежденій, которыя торжественно подтверждены не только императоромъ Александромъ I, но и всѣми его преемниками и подъ сѣнью которыхъ Финляндія въ продолженіе восьмидесятилѣтняго періода развивалась въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи". Недоумѣніе финляндцевъ должно было еще болѣе усилиться, когда двухтомный историко-полемическій трудъ г. Ордина: „Покореніе Финляндіи", былъ удостоенъ преміи нашею академіею наукъ, на основаніи заключенія извѣстнаго историка, г. Дубровина. Въ этомъ заключеніи, изъ котораго печатались выдержки въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", генералъ Дубровинъ, между прочимъ, призналъ важнымъ достоинствомъ разсматриваемаго сочиненія „спокойное и безпристрастное отношеніе автора къ излагаемымъ событіямъ". „Невольно спрашиваешь себя,—замѣчаетъ г. Даніельсонъ,—не иронія ли все это? Дѣло въ томъ, что восхваляемое г. Дубровинымъ сочиненіе отличается не спокойствіемъ и безпристрастіемъ, а прямо противоположными качествами: крайнею нетерпимостью и стремленіемъ длинными разсужденіями стушевывать неоспоримые факты".

Въ книгѣ, заглавіе которой приведено выше, г. Даніельсонъ старается возстановить эти извращенные или невѣрно освѣщенные г. Ординымъ факты, на основаніи подлинныхъ историческихъ матеріаловъ и документовъ. Авторъ уличаетъ г. Ордина во многихъ существенныхъ ошибкахъ, въ сознательныхъ отступленіяхъ отъ истины, въ тенденціозной лживости толкованій и утвержденій относительно важнѣйшихъ актовъ и событій, послужившихъ основою нынѣшняго государственнаго существованія и устройства Финляндіи.

Историческая разработка вопроса о соединеніи Финляндіи съ россійскою имперіею представляетъ, конечно, большой и безспорный ин-

тересъ. Но намъ кажется, что вовсе не въ ней заключается центръ тяжести всей полемики, направленной противъ финляндской автономіи. Мы думаемъ даже, что слишкомъ настаивать на документахъ и обязательствахъ прошлаго, на буквальныхъ толкованіяхъ историческихъ актовъ, манифестовъ и обѣщаній,—было бы ошибкою со стороны финляндскихъ публицистовъ. Въ области публичнаго права, государственнаго и международнаго, господствуетъ элементъ цѣлесообразности, движенія и развитія; нѣтъ такихъ торжественныхъ обязательствъ и соглашеній, которыя не уничтожались бы и не измѣнялись бы съ теченіемъ времени, даже независимо отъ внѣшнихъ политическихъ событій и переворотовъ. Гдѣ теперь обязательная сила актовъ вѣнскаго конгресса, относящихся къ тому же періоду, какъ и акты, касающіеся основанія нынѣшняго великаго княжества финляндскаго? Что сталось съ постановленіями парижскаго трактата, съ обязательствами Пруссіи относительно сѣверной части Шлезвига, даже съ нѣкоторыми важными рѣшеніями послѣдняго берлинскаго конгресса, напр., относительно Восточной Румеліи, реформъ въ Арменіи и др.? Тѣмъ болѣе измѣнчивы по существу внутреннія политическія соглашенія и обязательства, не имѣющія никакой международной санкціи, ничѣмъ не гарантированныя и зависящія въ концѣ концовъ исключительно отъ высшей законодательной власти въ странѣ. То, что въ началѣ столѣтія объявлялось неприкосновеннымъ на вѣчныя времена, могло позднѣе оказаться неудобнымъ, вреднымъ и потому подлежащимъ отмѣнѣ или коренному преобразованію; противъ этого нельзя было бы ничего сказать съ точки зрѣнія исторической справедливости. Финляндскіе публицисты имѣютъ предъ собою легкую и благодарную задачу, несравненно болѣе важную, чѣмъ такое или иное истолкованіе текстовъ: они могутъ указать на экономическое и культурное развитіе, достигнутое Финляндіею при дѣйствіи существующихъ особыхъ законовъ, на образцовое финансовое состояніе страны, на ея желѣзно-дорожные и иные порядки, на процвѣтаніе ея учебнаго дѣла, на общій бытъ ея населенія, и затѣмъ сопоставить съ этимъ положеніе другихъ областей имперіи, несравненно болѣе богатыхъ по природѣ (какъ, напр., Кавказъ) и однако поглощающихъ ежегодно десятки милліоновъ изъ общаго государственнаго казначейства, безъ особенной пользы для благоустройства и благосостоянія населенія. Уже одинъ тотъ фактъ, что бѣдная Финляндія, развиваясь болѣе или менѣе самостоятельно, не требуетъ никакихъ приплатъ отъ казны и доставляетъ государству однѣ лишь выгоды, тогда какъ богатый Кавказъ дорого обходится всему народу и даетъ лишь дефицитъ, а малонаселенныя области, въ родѣ Туркестанскаго или Амурскаго края, просто разоряютъ казну при обычной системѣ на-

шего сложнаго бюрократическаго управленія,—уже этотъ одинъ фактъ рѣшаетъ спорные вопросы въ пользу Финляндіи съ гораздо большею несомнѣнностью, чѣмъ всякіе историческіе документы, истолковываемые теперь г. Ординымъ и его оппонентами. Финляндскіе законы и учрежденія оказались въ высшей степени цѣлесообразными и выгодными, не только съ финляндской, но и съ русской точки зрѣнія,— вотъ тотъ главный и непоколебимый доводъ, на который могутъ твердо опираться финляндскіе публицисты.

— *Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіею.* По поводу таможеннаго вопроса. *Фрит. Неовіусъ.* Переводъ съ шведскаго. Гельсингфорсъ, 1890.

Г. Неовіусъ слѣдуетъ именно тому разумному правилу, на которое мы указали выше,—онъ вдается въ подробный разборъ фактическихъ обстоятельствъ и отношеній для доказательства того, что предполагаемая таможенная реформа, имѣющая соединить великое княжество съ имперіею въ области тарифовъ, была бы пагубна для матеріальныхъ интересовъ Финляндіи и не принесла бы никакой пользы Россіи. Эта чисто-фактическая почва спора дѣлаетъ совершенно излишнимъ тотъ раздражительный полемическій элементъ, который внесенъ г. Ординымъ и его единомышленниками въ нашей печати и который не могъ не вызвать соотвѣтственныхъ увлеченій со стороны финляндцевъ. Г. Неовіусъ утверждаетъ, на основаніи многочисленныхъ данныхъ, что введеніе русскаго таможеннаго тарифа „неизбѣжно тормозило бы торговлю края, оказавшуюся однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для его преуспѣянія, разстроило бы финляндскую промышленность и сравнительное благосостояніе, котораго достигъ народъ благодаря своему трудолюбію, въ сильной степени угрожало бы нынѣшнему благопріятному положенію финансовъ края и повергло бы населеніе искушенію деморализующей контрабанды". Этимъ и рѣшается вопросъ, если указанія автора вѣрны,—ибо ни одинъ разумный человѣкъ не желаетъ у насъ вредить финляндцамъ, разстраивать ихъ благосостояніе и финансы, когда это не вызывается никакою настоятельною необходимостью съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ.—Л. С.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Казаки, донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта въ общедоступномъ изложеніи, для чтенія въ войскахъ, семьѣ и школѣ. Съ рисунками и виньетками. Спб. 91. Стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

Абрамовъ, Я. В.—Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Харьковъ. Тип. Дарре. 90. Стр. 56.

Бабиковъ, В. С.—Среди бѣдноты. Разсказы, очерки и картинки Скептика, съ фотографическимъ снимкомъ. Сарат. 90. Стр. 149. Ц. 60 к.

Барсовъ, Н. И.—Какъ училъ о крестномъ знаменіи святѣйшій Іовъ, патріархъ московскій и всея Руси. По поводу книги преосв. Никанора: „Бесѣда о перстосложеніи". Спб. 90. Стр. 23. Ц. 50 к.

Беллами, Эд.—Черезъ сто лѣтъ. Фантастическій романъ. Спб. 91. Стр. 312. Ц. 1 р.

Бубликъ, В. Д.—Путеводитель по Кіеву. Кіевъ. 90. Стр. 254. Ц. 1 р. 25 к.

Быстренинъ, В.—Очерки и разсказы. М. 90. Стр. 336. Ц. 1 р. 50 к.

Величко, В. Л.—Восточные мотивы, лирическія стихотворенія, фантазіи, эскизы, шутки. Спб. 90. Стр. 245. Ц. 1 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Вып. 27. Спб. 90. Стр. 241—288. Ц. 35 к.

Гольденвейзеръ, А. С.—Соціальное законодательство германской имперіи. Кіевъ. 90. Стр. 180. Ц. 1 р.

Даніельсонъ, Рих.—Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою. По поводу сочиненія К. Ордина: „Покореніе Финляндіи". Борго. 90. Стр. 172. Складъ изд. въ Спб., А. Цинзерлингъ, Нев. пр., 20.

Добряковъ, А.—Учебный атласъ по средней и новой исторіи, съ рисунками памятниковъ искусства и быта народовъ. Картъ 14. Спб. 90. Ц. 1 р. 50 к.

Дройзенъ.—Исторія эллинизма. Перев. М. Шелгунова, съ франц., дополн. авторомъ изданіе, п. р. А. Буша-Леклерка. Т. I: Исторія Александра Великаго. М. 90. Стр. 395 и 185. Ц. 3 р. 50 к.

Ермиловъ, Влад.—Начатки русской грамматики для народныхъ школъ, съ приложеніемъ матеріала для практическихъ упражненій. Воронежъ. 90. Стр. 26. Ц. 15 к.

Ивановъ, В. И.—Стихотворенія, 1879-89. Харьк. 90. Стр. 234. Ц. 1 р.

Игумновъ, Г. И.—Судебные уставы имп. Александра II. По оффиц. изд. 1883 г., со включеніемъ статей по продолж. 86, 87-89 гг. и позднѣйшимъ узаконеніямъ. Изданіе юбилейное. Т. II: Уставъ гражданскаго судопроизводства. Вып. 2: О производствѣ въ окружныхъ судахъ. Т. III: Учрежденіе судебныхъ установленій. Вып. 1: О мировыхъ судьяхъ и ихъ съѣздахъ, объ общихъ судебныхъ мѣстахъ и лицахъ прокурорскаго надзора. Спб. 90. Стр. 984 и 219. Ц. 4 т. 10 р.

Ильинъ, А.—Подробный атласъ Россійской имперіи, съ планами главнѣйшихъ городовъ. Вып. X: 5 картъ. Спб. 90.

Квачевскій, А.—Гражданскіе законы, изложенные по ст. 1 ч. X т. св. зак., изд. 1887 г., съ прибавленіемъ законовъ основныхъ, постановленій дополняющихъ эту часть, и т. д. Вып. 1. Предисловіе, законы основные и законы граж-

данскіе о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Ворон. 90. Стр. 182. Ц. 1 р. 50 к.

Коркуновъ, Н.—Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Ч. I. Государство и его элементы. Спб. 90. Стр. 163. Ц. 1 р.

Костомаровъ, Н. И.—Литературное наслѣдіе. Автобіографія, стихотворенія, сцены, историческіе отрывки, малорусская народная поэзія, послѣдняя работа. Съ портретомъ, факсимиле, 3 рис., библіографическій указатель. Спб. 90. Стр. 521. Ц. 3 р. 50 к.

Коховскій, В.—Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1889-90 учебномъ году. Спб. 90. Стр. 355.

Лабрюйеръ, Жанъ.—Характеры или нравы этого вѣка, съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва. Перев. П. Первова. Спб. 90. Стр. 371. Ц. 2 р.

Лейбницъ, Г.—Избранныя философскія сочиненія, съ портретомъ. Перев. членовъ Психолог. Общ., подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 90. Стр. 363. Ц. 2 р.

Леманъ, А. И.—Домашній кефиръ. Практическое руководство къ тому, какъ приготовлять и употреблять кефиръ. Спб. 91. Стр. 45.

Леонтьевъ, А. Н.—Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ Херсонской губерніи. Херс. 90. Стр. 203. Ц. 2 р.

Львова, А. Д. (Шидловская).—Поэмы и пѣсни. Спб. 90. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ, перев. М. Ремизова. М. 91. Стр. 250. Ц. 1 р.

Мордовцевъ, Д.—Замурованная царица. Романъ изъ жизни древняго Египта. Спб. 91. Стр. 355. Ц. 1 р. 50 к.

Неовіусъ, Фрит.—Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіею. По поводу таможеннаго вопроса. Переводъ съ шведскаго. Гельсингф. 90. Стр. 50.

Полонскій, Я. П.—Вечерній звонъ. Стихи 1887-90 гг. Спб. 90. Стр. 208.

Порфирьевъ, И. Я.—Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Спб. 90. Стр. 471.

Пругавинъ, А. С.—Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія. М. 90. Стр. 282. Ц. 1 р. 50 к.

Райскій, П.—Записки юнкера. Спб. 90. Стр. 271. Ц. 1 р. 50.

Самокишъ, А.—Маневры въ ю.-з. краѣ въ 1890 г. Вып. 1. Съ 8 рис. Изд. А. Ильина. Спб. 90. Ц. 50 к.

Сенкевичъ, Г.—Безъ догмата. Соврем. романъ. Перев. съ польскаго В. Лаврова. М. 91. Стр. 581. Ц. 1 р. 50 к.

Скворцовъ, А.—Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство. Изслѣдованіе въ области экономики земледѣлія. Варш. 90. Стр. VIII и 701. Ц. 3 р. 50 к.

Тамбовскій, А.—Безграничное море любви. Спб. 90. Стр. 58. Ц. 1 р.

Фаррарь, Ф. В.—Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви. Пер. съ англ. А. П. Лопухина. Спб. 91. Стр. 1036. Ц. 4 р.

Чичинадзе, Д. В.—Календарь для юристовъ на 1891 годъ (годъ I). Спб. 91.

Шульгинъ, Я.—Очеркъ коліивщины по неизд. и издан. докум. 1768 и ближайшихъ годовъ. Кіевъ, 90. Стр. 209. Ц. 1 р.

Юрьевъ, С. А.—Въ память изданный Сборникъ друзьями покойнаго. М. 91. Стр. 434. Ц. 2 р. 50 к.

— Архивъ кн. Куракина, издав. подъ ред. М. И. Семевскаго. Кн. 1. Спб. 90. Стр. 387. Ц. 2 р.

— Наша періодическая печать въ 1891 г. Алфавитный и предметный сло-

варь повременныхъ изданій, выходящихъ въ Россіи. Изданіе Русскаго общества книгопродавцевъ и издателей. Спб. 90. Стр. 94.

— Общая программа, распредѣленіе времени и наставленіе для веденія внѣклассныхъ занятій въ кадетскихъ корпусахъ. Спб. 90. Стр. 166.

— Отзывы печати по дѣлу Спб.-Тульскаго банка съ редакціею газеты „Новости". Спб. 90. Стр. 216 Ц. 1 р.

— Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1889 г. Спб. 90. Стр. 72.

— Отчетъ по харьковскому земледѣльческому училищу за 1889 г. Харьк. 90. Стр. 66.

— Памяти А. Д. Градовскаго. Изд. Юрид. общ., съ портретомъ. Спб. 90. Стр. 47. Ц. 1 р.

— Почтово-телеграфная статистика за 1888 г. Спб. 90. Стр. 31, съ приложеніемъ.

— Протоколы Петровскаго общества изслѣдователей астраханскаго края, за май—декабрь 1888 г. Астрах. 90. Стр. 80.

— Пятнадцатый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Издано подъ редакціею *П. А. Соколовскаго*, секретаря с.-петербургскаго отдѣленія комитета. Спб. 1890. Стр. XIV и 88.

— Сенатскій Архивъ. III. Журналы и опредѣленія правительствующаго сената за мартъ—май 1741 г. Спб. 90. Стр. 620.

— Сообщенія с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. 1890 годъ. Выпускъ I. Спб. 1890. Стр. 44 и IV.

— Труды Общества русскихъ врачей въ Спб., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій общества за 1890-91 гг. Спб. 90. Стр. 49.

— Ходатайства Имп. вольнаго экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Спб. 90. Стр. 269. Тип. Демакова.

— Энциклопедическій Словарь, п. р. проф. И. Е. Андреевскаго. Т. II. Араго—Аутка. Спб. 90. Стр. 478.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

La genèse de l'idée de temps, par *M. Guyau*. Avec une introduction par *Alfred Fouillée*. Paris, 1890. Стр. 142. Ц. 2 фр. 50 с.

Это уже третье сочиненіе Гюйо, вышедшее послѣ его смерти благодаря заботамъ его друга и комментатора Альфреда Фулье; о первыхъ двухъ—„L'art au point de vue sociologique" и „Éducation et hérédité"—мы упоминали въ свое время. Если вспомнить, что Гюйо умеръ всего 33-хъ лѣтъ отъ роду и что при жизни онъ напечаталъ цѣлый рядъ капитальныхъ изслѣдованій („La morale d'Épicure", „La morale anglaise contemporaine", „Les problèmes de l'esthétique contem-

poraine", „L'irréligion de l'avenir", „Esquisse d'une morale" etc.), то приходится только удивляться силѣ творчества и производительности этого симпатичнаго и талантливаго философа-поэта, столь рано погибшаго для французской литературы.

Способность придавать живой и яркій колоритъ самымъ отвлеченнымъ научнымъ спорамъ, быть можетъ, ни въ одной изъ книгъ Гюйо не обнаруживается въ такой степени, какъ въ появившемся теперь трактатѣ о „происхожденіи идеи времени". Казалось бы, что можетъ быть отвлеченнѣе этой философской темы, глубокомысленно и обстоятельно разработанной нѣмецкими метафизиками, съ Кантомъ во главѣ? А между тѣмъ Гюйо съумѣлъ изъ этого абстрактнаго вопроса извлечь матеріалъ для ясныхъ и общепонятныхъ психологическихъ образовъ, параллелей, наблюденій и выводовъ, интересныхъ для каждаго читателя. Научная аргументація прикрашена тѣмъ оттѣнкомъ поэзіи, который составляетъ характерную особенность всей литературной физіономіи Гюйо.

Въ вступительной статьѣ Альфреда Фулье разработаны существенные пункты теоріи Канта по вопросу объ идеѣ времени и указана ихъ несостоятельность, съ точки зрѣнія современныхъ реальныхъ знаній. Гюйо проводитъ ту мысль, что идея времени есть не условіе, а результатъ сознанія, что она вовсе не связана необходимо съ представленіями и ощущеніями живыхъ существъ, что она вырабатывается постепенно и можетъ вполнѣ отсутствовать даже у человѣка, въ состояніи болѣзни или экстаза. По обыкновенію, авторъ подкрѣпляетъ свои разсужденія многими фактами изъ области психологіи и физіологіи; наиболѣе любопытны свѣденія и примѣры, приводимые въ главѣ объ „иллюзіяхъ времени, нормальныхъ и патологическихъ". Въ видѣ приложеній помѣщены въ концѣ — этюдъ „о поэзіи времени", изъ сочиненія „L'art au point de vue sociologique", и два стихотворенія подъ общимъ заглавіемъ: „Le temps", изъ книги „Vers d'un philosophe".

II.

X... du Figaro. *Les coulisses du boulangisme,* revues et augmentées de plusieurs chapitres inédits, avec une préface de *Mermeix,* deputé de Paris. Paris, 1890. Стр. XV и 376.

Очерки и воспоминанія Мермекса, одного изъ дѣятельныхъ участниковъ буланжистскаго движенія, вызывали множество толковъ, когда печатались еще въ газетѣ „Figaro"; теперь, въ видѣ отдѣльной книги, эти знаменитыя „кулисы" производятъ впечатлѣніе обыкновеннаго бульварнаго романа, съ интересными героями и героинями,

съ таинственными заговорами, свиданіями и исчезновеніями, съ запутанною завязкою и развязкою, съ трагикомическими сценами и конфликтами. Разница только та, что въ романѣ Мермекса дѣйствующія лица носятъ имена извѣстныхъ всѣмъ политическихъ дѣятелей и публицистовъ современной Франціи, что бульварныя похожденія главнаго героя и его союзниковъ списаны болѣе или менѣе вѣрно съ натуры и принадлежатъ исторіи послѣднихъ лѣтъ, что самъ авторъ играетъ скорѣе роль усерднаго репортера, чѣмъ сочинителя, и что, наконецъ, содержаніе романа вертится около вопроса о судьбѣ французской республики, о политической будущности великаго народа. Политика превращается здѣсь въ какую-то странную и неправдоподобную цѣпь мелкихъ случайностей, личныхъ увлеченій и самолюбій, нервнаго возбужденія и азартной игры; это политика бульварнаго типа, построенная всецѣло на жаждѣ новыхъ впечатлѣній, на непрерывной погонѣ за эффектомъ, разнообразіемъ и неожиданностью комбинацій.

Авторъ книги, Мермексъ, былъ прежде газетнымъ репортеромъ по профессіи; онъ отнесся къ буланжизму именно какъ добросовѣстный репортеръ, и въ этомъ заключается несомнѣнная заслуга его работы. Онъ собралъ всевозможныя свѣденія о постепенномъ ходѣ движенія, о его различныхъ участникахъ, явныхъ и тайныхъ, о закулисныхъ планахъ и интригахъ, причемъ пользовался такими источниками, которые могли быть доступны только человѣку, пользующемуся безусловнымъ довѣріемъ со стороны руководителей партіи. Книга Мермекса есть страница изъ исторіи современной Франціи—и одна изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ страницъ; это рядъ разоблаченій, убійственныхъ для бывшаго любимца французской толпы и для его ослѣпленныхъ закулисныхъ пособниковъ и приверженцевъ. Изъ разсказовъ Мермекса публика впервые узнала нѣкоторые важные факты изъ недавней буланжистской эпопеи. Во-первыхъ, сенаторъ Накè настоятельно совѣтовалъ генералу Буланже совершить государственный переворотъ для захвата власти при помощи возбужденнаго парижскаго населенія, и бывали моменты, когда подобные замыслы могли быть осуществлены съ значительными шансами на успѣхъ; но Буланже отклонялъ эти совѣты и не желалъ принимать на себя отвѣтственность за могущія возникнуть междоусобія и замѣшательства, которыя были бы опасны для Франціи въ виду ея щекотливаго международнаго положенія. Во-вторыхъ, Буланже еще въ 1887 году, будучи командиромъ корпуса въ Клермонъ-Ферранѣ, имѣлъ тайное свиданіе съ принцемъ Наполеономъ на швейцарской территоріи, въ Пранженѣ, а впослѣдствіи велъ переговоры съ монархистами и вступилъ въ личное соглашеніе съ графомъ Париж-

скимъ въ Лондонѣ, въ квартирѣ герцогини д'Юзесъ, такъ что республиканскій радикализмъ его былъ только маскою, которою прикрывались цѣли, не имѣвшія ничего общаго съ доктринами Накè и его единомышленниковъ. Въ-третьихъ, главныя средства на расходы по агитаціи въ пользу Буланже доставлены были роялистскою партіею, которою собрано было для избирательныхъ цѣлей пять милліоновъ франковъ; на дѣло буланжизма громадная сумма въ три милліона пожертвована была, сверхъ того, одною лишь герцогинею д'Юзесъ, увлеченною блестящею перспективою возможнаго торжества генерала, готоваго взять на себя роль Монка относительно династіи Орлеановъ. Самъ глава династіи, благоразумный и разсчетливый графъ Парижскій, одобрилъ союзъ съ Буланже и назначилъ изъ своихъ средствъ два съ половиною милліона на расходы по выборамъ. По словамъ Мермекса, успѣху генерала повредила во многомъ та дама, которая изъ чувства личной любви завладѣла имъ всецѣло, заставила его удалиться въ изгнаніе и предпочитала всѣмъ политическимъ тріумфамъ спокойное пребываніе съ нимъ наединѣ, вдали отъ политическаго шума. Буланже вполнѣ подчинился этому вліянію и упустилъ изъ рукъ тó, чтó такъ легко и упорно давалось ему увлекающеюся толпою французовъ; онъ попалъ теперь въ исторію анекдотовъ, а не событій, и вѣрнѣйшимъ историкомъ его оказывается репортеръ, выдвинутый имъ въ депутаты.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-ое декабря 1890.

Отзывы А. В. Никитенка о К. Д. Кавелинѣ. — Нѣсколько писемъ Кавелина, какъ противовѣсъ этимъ отзывамъ. — Школьный „казусъ" въ саратовскомъ уѣздѣ. — Изъ міра печати.—„Сборникъ" въ память С. А. Юрьева.

Сыновьямъ дорогà репутація ихъ отца, друзьямъ—репутація ихъ друга: дорогà при его жизни, еще дороже—послѣ его смерти. Пока человѣкъ живъ, онъ можетъ самъ постоять за себя, можетъ доказать, словомъ и дѣломъ, неосновательность взводимыхъ на него обвиненій; когда онъ умеръ, его защита становится обязанностью его близкихъ. Есть, однако, люди, въ доброй славѣ которыхъ заинтересованы цѣлыя партіи, цѣлыя общественныя группы, цѣлыя поколѣнія. Несправедливый упрекъ, направленный противъ такихъ людей, затрогиваетъ всѣхъ тѣхъ, на комъ отразилось, прямо или косвенно,

ихъ вліяніе, всѣхъ тѣхъ, кто привыкъ связывать ихъ память съ лучшими завѣтами недавняго прошлаго... Тяжело было, поэтому, впечатлѣніе, произведенное на насъ — и, безъ сомнѣнія, на многихъ и многихъ другихъ—отзывами о Кавелинѣ, встрѣчающимися въ „Дневникѣ" А. В. Никитенка („Русская Старина", №№ 10 и 11). Они обратили на себя общее вниманіе; ихъ поспѣшили перепечатать газеты, безъ комментаріевъ, безъ возраженій, но вѣроятно, въ иныхъ случаяхъ, не безъ тайнаго злорадства. Кавелинъ, какъ и всякій другой выдающійся общественный дѣятель, имѣлъ и имѣетъ враговъ, не примиренныхъ даже его смертью. Открыто выражать свою вражду они не рѣшались, но имъ не могло не быть пріятно, когда противъ него раздался загробный голосъ. „Кавелинъ,—пишетъ Никитенко 11-го мая 1859 г.,—какъ-то младенчески-утопиченъ и либераленъ. Онъ принадлежитъ, впрочемъ, къ числу тѣхъ либераловъ, которые хлопочутъ о свободѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ были свободны отъ деспотизма того, другого, но не отъ деспотизма ихъ самихъ. Этотъ послѣдній они считаютъ вполнѣ законнымъ и за свободу повиноваться ему они на все готовы". Почти то же самое онъ повторяетъ 3 марта 1860 г., по поводу спора съ Кавелинымъ въ только-что образовавшемся тогда комитетѣ литературнаго фонда. „Я отвергалъ, —говоритъ Никитенко,—право комитета входить въ разбирательство поведенія и нравственности кандидатовъ, чтó превращаетъ его въ какую-то цензуру morum. Кавелинъ защищалъ противное... Кавелинъ большой либералъ: онъ допускаетъ и проповѣдуетъ свободу, съ правомъ безпрекословнаго повиновенія его мнѣнію"... „Кавелина,—говоритъ авторъ дневника нѣсколькими днями позже (28 марта 1860),—можно опредѣлить слѣдующими словами: это милый, способный, но взбалмошный юноша (замѣтимъ отъ себя, что этому „юношѣ" было тогда болѣе сорока лѣтъ). Странно, какъ распредѣляются природою способности у людей! Кавелинъ, безспорно, очень даровитый человѣкъ, а между тѣмъ въ умѣ его чего-то не хватаетъ. Онъ часто судитъ ни здраво, ни точно. Онъ вѣчно увлекается, но не столько страстностью своей натуры, сколько неспособностью останавливаться и углубляться въ вещи. Онъ гордится, повидимому, тѣмъ, что не отстаетъ отъ времени, а между тѣмъ не замѣчаетъ, что вѣтеръ времени гонитъ его, какъ щепку, и бросаетъ со стороны въ сторону. Ему непремѣнно хочется быть первымъ между такъ-называемыми передовыми нашими людьми—и онъ готовъ шумѣть, скакать, волноваться и волновать другихъ, чтобы только его замѣтили. Кавелину, подобно многимъ изъ нашихъ передовыхъ людей, кажется, что онъ подвизается единственно за истину, за право, за свободу — а онъ подвизается, въ то же время и чуть ли не больше всего, за свою *по-*

пулярность. Мы крайне незрѣлы во многомъ еще—особенно незрѣлы характеромъ. Насъ безпрестанно увлекаютъ чужіе примѣры, намъ мѣшаютъ спать репутаціи героевъ европейской исторіи. Мы чувствуемъ въ себѣ потребность служить отечеству, но не столько заботимся о томъ, чтобы дѣйствительно для него что-нибудь сдѣлать, сколько о томъ, чтобы казаться сдѣлавшими. Обидно, что на такія размышленія наводятъ даже люди, подобные Кавелину—богато одаренные природой, но не вырабатывающіе въ себѣ характера"...

Замѣтимъ, прежде всего, что наклонность къ деспотизму, прикрытая свободомысліемъ, приписывается Никитенкомъ не одному Кавелину. Еще раньше первой выходки противъ Кавелина, 29 марта 1859 г., въ дневникѣ записано слѣдующее сужденіе о тогдашнихъ „такъ-называемыхъ передовыхъ людяхъ": „при всѣхъ благородныхъ своихъ стремленіяхъ, они не прочь отъ того, чтобы сдѣлаться настоящими вождями движенія и отодвинуть подальше всѣхъ другихъ отъ арены, *если эти другіе не подчинятся безусловно ихъ вліянію или ихъ началамъ*". Къ числу *другихъ* Никитенко относитъ здѣсь, очевидно, и самого себя. Еще недавно онъ былъ, хотя и incognito, „передовымъ человѣкомъ", еще недавно видѣлъ впереди себя—только немногихъ, а позади, и далеко позади—громадное большинство образованнаго общества. Быстрый ходъ событій—припомнимъ, что рѣчь идетъ о второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, — измѣнилъ не самого Никитенка, но его положеніе среди окружающихъ. Онъ остается тѣмъ, чѣмъ былъ—но инымъ стало его мѣсто въ колоннѣ и его отношеніе къ колонновожатымъ. Свыкнуться съ этимъ ему было трудно—тѣмъ труднѣе, что какъ-разъ въ это время онъ сдѣлалъ шагъ, увеличившій еще больше разстояніе между нимъ и новыми „передовыми" дѣятелями. Онъ согласился, какъ о томъ разсказываетъ самъ, принять мѣсто въ „комитетѣ наблюденія надъ печатью", возбудившемъ, и не безъ основанія, величайшее недовѣріе въ обществѣ и въ литературѣ. Судя по дневнику, намѣренія Никитенка были при этомъ самыя лучшія; онъ желалъ и надѣялся „примирить комитетъ съ литературой и съ общественнымъ мнѣніемъ" (10 марта 1859). Неудивительно, что многіе не вѣрили въ осуществимость этой надежды—а отсюда было уже недалеко до недовѣрія къ ея искренности. Рѣшимость Никитенка не одобрялъ даже такой умѣренный „либералъ", какъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій (см. дневникъ 13 марта 1859 г.); что́ же должны были думать о ней болѣе пылкіе, болѣе требовательные люди? Еще въ началѣ февраля 1859 г., раньше привлеченія Никитенка къ участію въ работахъ высшаго цензурнаго комитета, онъ былъ избранъ профессоромъ на новый, пятилѣтній срокъ только большинствомъ тринадцати голосовъ противъ десяти. И тогда уже, слѣдовательно, къ нему

не были расположены многіе изъ профессоровъ—по всей вѣроятности, именно изъ-за долговременной прикосновенности его къ негласному надзору за литературой. Пожилому человѣку, привыкшему соединять съ званіемъ цензора одно отрицательное отношеніе къ господствующей системѣ, эта строгость младшаго профессорскаго поколѣнія должна была показаться нетерпимостью, посягательствомъ на свободу дѣйствій и взглядовъ. И вотъ, у него появляется невольное раздраженіе, обрушивающееся больше всего на Кавелина, какъ на самаго вліятельнаго между молодыми профессорами. Кавелинъ, понятно, увѣренъ въ несовмѣстимости противоположныхъ задачъ; Никитенко видитъ въ этой увѣренности неуваженіе къ чужому мнѣнію, убѣжденіе въ собственной непогрѣшимости. Кавелинъ находитъ, что нельзя служить въ одно и то же время Богу и мамонѣ; Никитенко выводитъ отсюда, что Кавелинъ признаетъ только одну форму служенія истинѣ—ту, которой онъ слѣдуетъ самъ, вмѣстѣ съ своими друзьями. Затаенное въ душѣ Никитенка и высказываемое только на страницахъ его „Дневника", недоразумѣніе ростетъ все больше и больше—и приводитъ, наконецъ, къ той колоссальной ошибкѣ, какою является послѣдняя характеристика Кавелина, помѣченная 28 марта 1860 года. Меньше, чѣмъ кто-либо, Кавелинъ уступалъ „вѣтру времени". „Бросаній изъ стороны въ сторону" напрасно было бы искать въ какую бы то ни было эпоху его жизни. Безспорно, онъ увлекался, увлекался въ старости, какъ и въ молодости — но увлекался всегда въ одномъ и томъ же направленіи, во имя однѣхъ и тѣхъ же идей. Онъ никогда не добивался популярности, не тѣснился въ первые ряды „передовыхъ людей"; напротивъ того, были времена, когда многіе были готовы провозгласить его отсталымъ, именно вслѣдствіе его вѣрности однажды усвоенному взгляду. Значительную часть своей дѣятельности Кавелинъ всегда отдавалъ такимъ работамъ, которыя оставались въ тѣни или никому, кромѣ немногихъ близкихъ людей, не были извѣстны. Не для того, чтобы „казаться что-нибудь сдѣлавшимъ", Кавелинъ принялъ мѣсто профессора въ военно-юридической академіи и страстно полюбилъ своихъ немногочисленныхъ слушателей. Не для того, чтобы сравняться съ какимъ-нибудь „героемъ европейской исторіи", онъ посвящалъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, массу заботъ преуспѣянію дорогихъ ему сосѣдей — крестьянъ сельца Иванова. Вокругъ имени Кавелина по цѣлымъ годамъ не происходило ни малѣйшаго „шума"—а между тѣмъ, это не были для него годы бездѣйствія или апатіи. Ему было все равно, подъ какимъ именемъ и при какомъ освѣщеніи трудиться, лишь бы только онъ чувствовалъ пользу, приносимую его трудомъ. Наши воспоминанія о немъ начинаются именно съ цвѣтущей поры его жизни—

съ той самой поры, о которой говоритъ Никитенко. Окруженный уваженіемъ товарищей, любовью слушателей, онъ оставался простымъ, доступнымъ для каждаго, нуждавшагося въ его указаніяхъ или совѣтахъ. Въ кружкѣ молодыхъ, начинающихъ юристовъ онъ выслушивалъ возраженія, вызывалъ противорѣчіе, не проявляя и тѣни того „деспотизма“, въ которомъ обвиняетъ его Никитенко. Начавъ свою дѣятельность въ комитетѣ литературнаго фонда помощникомъ предсѣдателя, онъ становится, почти десять лѣтъ спустя, секретаремъ комитета и исполняетъ никому не видныя, но далеко не легкія обязанности этого званія съ истинно-юношескимъ жаромъ. Такимъ же онъ является, уже въ старости, и въ качествѣ члена попечительства о бѣдныхъ своего андреевскаго прихода... Вездѣ и всегда, въ большомъ и маломъ, Кавелинъ служилъ дѣлу, только дѣлу, меньше всего заботясь о томъ, что̀ о немъ подумаютъ и скажутъ.

У насъ сохранилось нѣсколько писемъ Кавелина, написанныхъ въ разное время и интересныхъ, между прочимъ, именно какъ противовѣсъ посмертнымъ обвиненіямъ Никитенка. Первое письмо помѣчено 4 марта 1865 года. „Въ Петербургѣ,—говоритъ Кавелинъ четверть вѣка тому назадъ (корреспондентъ его въ то время находился къ Германіи),—въ Петербургѣ неимовѣрно и неизобразимо скучно. Точно будто бы цѣлый органическій пластъ гнилъ и прѣлъ, и вы дышали мефитическимъ, тлетворнымъ воздухомъ, зараженнымъ испареніями отъ этого колоссальнаго трупа. Послѣ горячки—совершенное умственное и нравственное изнеможеніе, пошлость и мелкость интересовъ—и совершенное непониманіе положенія, во всѣхъ и всюду. Мысль какъ будто отупѣла, люди какъ будто сдѣлались автоматами. Но вы очень ошибетесь, если выведете отсюда, что я мрачно настроенъ. Записавши лично себя давно въ расходъ и сдавши въ архивъ, я чрезвычайно спокойно смотрю на окружающее и стараюсь, sine ira et studio, понять то, что̀ совершается, и поднять мыслью завѣсу, скрывающую отъ насъ ближайшее будущее. Послѣ картины, которую я вамъ представилъ, и которую считаю вѣрной, вы можетъ быть удивитесь, если я вамъ скажу, что больше чѣмъ когда-нибудь вѣрую въ Россію и люблю ее. То, что̀ вижу теперь вокругъ себя, представляется мнѣ окончаніемъ цѣлаго періода, заключительнымъ актомъ Петровской реформы, которая уходитъ въ прошедшее, исполнивъ свое дѣло. За видимой гнилью, за полинявшей позолотой и почернѣвшей мишурой проходитъ вѣяніе какой-то другой, невѣдомой еще жизни, чувствуется медленное пробужденіе свѣжей силы, не знающей ни себя, ни формулы, которую она будетъ развивать. Тихъ, какъ утренняя заря, медленный разсвѣтъ этой жизни. Ни бурь, ни землетрясеній не предвѣщаетъ онъ. Исходъ крестьянскаго дѣла, кончившаго старое время

и начавшаго новое, прообразуетъ характеръ наступающей эпохи, по крайней мѣрѣ ея начала. Старое тихо и безсильно умираетъ; новое медленно нарождается, не спѣша заявлять своихъ правъ, какъ будто и вопроса нѣтъ, что они несомнѣнны. Не могу вамъ выразить, какъ умилительно въ моихъ глазахъ это удивительное, здоровое спокойствіе массъ. Копошатся и злобятся псевдо-аристократы, остзейскіе бароны, московскіе умники. Въ головахъ такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ происходитъ вавилонское столпотвореніе. Ходятъ въ потемкахъ и ничего не понимаютъ. Да и надобно признаться, что зорко приглядываться къ дѣйствительности, жадно и чутко прислушиваться къ пульсу новой и непонятной жизни—дѣло весьма нелегкое"... 11-го іюля того же года, по поводу только-что открывшихся тогда первыхъ земскихъ собраній, Кавелинъ пишетъ: „Мои предвидѣнія сбылись—больше даже, чѣмъ я предвидѣлъ. Лучше всего держали себя крестьяне—вездѣ и всюду. У нихъ есть и тактъ, и общественный смыслъ или инстинктъ, конечно, не воспитанный пока, не развитый, но все-таки онъ есть; а у дворянства, за исключеніемъ единицъ, и того нѣтъ. Эти факты, не подлежащіе сомнѣнію, больше и больше убѣждаютъ меня въ томъ, что̀ я давно уже подозрѣвалъ: мы живемъ въ страшныхъ иллюзіяхъ, въ какомъ-то заколдованномъ чаду и не знаемъ русской дѣйствительности вовсе... Наши такъ-называемые высшіе слои общества въ видимомъ упадкѣ и увяданіи. Конечно, они возродятся со временемъ, но не иначе, какъ переродившись совершенно. Міръ, родившій Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, уходитъ въ вѣчность. Много ли, мало ли пройдетъ времени—и его придется изучать съ комментаріями, какъ Виргилія и Софокла,—такъ онъ чуждъ народнымъ элементамъ и народному генію. Вы улыбаетесь на это и называете мой взглядъ чудовищнымъ преувеличеніемъ. Но посмотрите вокругъ себя—и вы убѣдитесь, что этотъ міръ быстро клонится къ упадку: какой-то кретинизмъ имъ овладѣлъ; нѣтъ ни тѣни свѣжести и силы; все въ немъ мертворожденное—и таланты, и мысли, и начинанія. Даже наружность потеряла прежній лоскъ и блескъ: сумрачно смотритъ онъ изъ-за поблекшей позолоты. Знанія какъ будто больше, но изъ него не выходитъ ни малѣйшаго толку; оно какое-то безплодное, непроизводительное. Вспомните, что было лѣтъ десять тому назадъ (въ 1855 г.). Казалось, сто̀итъ отвалить камень—и изъ-подъ него брызнутъ тотчасъ живыя струи. Онѣ и брызнули, да только не изъ того мѣста, откуда мы ихъ чаяли, и совсѣмъ не въ томъ видѣ и не въ той формѣ, къ которымъ мы пріучили свою мысль"...

Окончились шестидесятые, стали приближаться къ концу семидеся-

тые годы. Корреспондентъ Кавелина купилъ небольшое имѣніе и задумалъ переселиться туда совсѣмъ на нѣсколько лѣтъ. „Не могу вамъ передать,—писалъ ему по этому поводу Кавелинъ (21 апрѣля 1878 г.), —какъ я доволенъ, что вы избрали благую часть и что съ вами нашего полка прибыло. Работать для Россіи можно теперь, и еще долгое время впереди, только въ деревнѣ. Вотъ мое глубочайшее убѣжденіе. Пока деревня—тò, чтò она теперь, всѣ лучшія и великодушныя, самоотверженныя усилія будутъ напрасны и безплодны. Намъ надо сдѣлаться маленькими, чтобы изъ нашего дѣла вышло большое и великое. Количествомъ честныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ опредѣлится быстрота или медленность нашего развитія во всѣхъ направленіяхъ. Вооружитесь разными христіанскими добродѣтелями: огромной дозой терпѣнія, выдержки, невозмутимаго спокойствія, участія и состраданія къ дикости людей, виноватыхъ только тѣмъ, что они невѣжественны, заброшены и безпомошны во всѣхъ отношеніяхъ. Если вы хотите сдѣлать для ближайшихъ вашихъ сосѣдей что-нибудь серьезное въ культурномъ отношеніи, нужно вамъ, кромѣ школы, серьезно заняться хозяйствомъ. У насъ хорошее хозяйство есть сильный рычагъ культуры, какъ наглядное указаніе того, что нужно дѣлать, и какъ дипломъ на уваженіе со стороны сосѣдей-крестьянъ. Нашъ народъ—реалистъ по преимуществу. Его словами не проберешь, а дѣлами, примѣромъ. Онъ презираетъ баръ за то, что они не умѣютъ дорожить своимъ добромъ, а пускаютъ его по вѣтру на фантазіи. *Хозяинъ*—это величайшая похвала въ устахъ крестьянина. Если это безцѣнное качество въ его глазахъ да соединено съ честностью, прямотою и душевною добротою безъ слабости и слюнявости—можно дѣлать съ нашимъ народомъ все чтò хотите, стать въ своей мѣстности и Моисеемъ, и Магометомъ. Такому хозяину будутъ вѣрить на слово, его мнѣніе будетъ служить авторитетомъ, его имя будутъ знать и произносить съ уваженіемъ на сто верстъ кругомъ. Это можетъ льстить или не льстить самолюбію, смотря по вкусамъ,— но для того, кто хочетъ дѣйствовать, проводить культуру, это одно изъ необходимыхъ условій, которымъ нельзя не дорожить, безъ котораго ничего не подѣлаешь“... „Кромѣ разныхъ заботъ по хозяйству,— говоритъ Кавелинъ въ другомъ письмѣ, отъ 5 іюля 1878 г.,—я занятъ теперь дѣломъ, которымъ, если оно мнѣ удастся, буду сильно гордиться. Дѣло это—измѣненіе крестьянскаго хозяйства бывшихъ моихъ крѣпостныхъ съ трехпольнаго на четырехъ-или пятипольное съ травосѣяніемъ и особымъ паромъ отъ выгона. Готовлю я это дѣло исподоволь и ежегодно приближаюсь къ цѣли на куриный шагъ, но приближаюсь. Скоро ли наступитъ моментъ—не могу сказать; но твердо вѣрю, что онъ когда-нибудь наступитъ. Дѣло сложное и трудное; но

обстоятельства мнѣ благопріятствуютъ, а терпѣніе у меня во всемъ, что касается крестьянъ, болѣе чѣмъ нѣмецкое—дьявольское"... „Если бы вы знали, — продолжаетъ онъ днемъ позже, — до какой степени мужики не вѣрятъ господамъ, вы бы оцѣнили мою радость и гордость, что крестьяне съ удовольствіемъ приняли мое предложеніе снять на планъ ихъ землю, со всѣми малѣйшими подробностями, безъ чего шагу ступить нельзя въ затѣваемомъ мною дѣлѣ. Съ планомъ въ рукахъ и опираясь на добытые мною въ моемъ хозяйствѣ результаты, я могу говорить съ ними совершенно доказательно. Еслибы мнѣ удалось (а я въ этомъ не сомнѣваюсь) достигнуть своей цѣли, я бы могъ сказать, какъ Симеонъ: нынѣ отпускаешь съ миромъ! Это было бы цѣлое торжество и разрѣшеніе великой задачи. Съ благополучіемъ поднесъ бы я эту конфетку и крѣпостникамъ, и врагамъ общиннаго владѣнія, индифферентамъ, проповѣдующимъ, что съ мужикомъ ничего не подѣлаешь. Удайся мнѣ это дѣло—и началась бы сельско-хозяйственная пропаганда между самими мужиками, гораздо болѣе сильная и дѣйствительная, чѣмъ всѣ наши увѣщанія, вмѣстѣ взятыя. Это было бы цѣлымъ событіемъ въ нашей культурѣ. Есть съ чего помолодѣть на двадцать лѣтъ!"—Шесть лѣтъ спустя, за годъ до смерти (29 апрѣля 1884 г.), въ небольшой запискѣ, при которой посылалась на просмотръ статья знакомаго Кавелину писателя, Кавелинъ пишетъ слѣдующія знаменательныя слова: „онъ (авторъ статьи), *подобно мнѣ*, Никита Пустосвятъ или Аввакумъ—безгранично преданный интересамъ сельскаго русскаго населенія, твердо вѣрующій въ общинные элементы русскаго народа и убѣжденный, что только ими мы можемъ обновиться".

Между подробной характеристикой Кавелина, сдѣланной Никитенкомъ, и первымъ изъ приведенныхъ нами писемъ прошло только пять лѣтъ—промежутокъ времени очевидно недостаточный для радикальной перемѣны, особенно въ человѣкѣ, давно уже созрѣвшемъ. Оставивъ петербургскій университетъ, вслѣдствіе извѣстной „исторіи" 1861 г., Кавелинъ могъ думать, сначала, что ему удастся возвратиться къ любимому дѣлу. Новый министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ, послалъ его за границу, поручивъ ему изученіе тамошнихъ университетскихъ порядковъ. Около двухъ лѣтъ Кавелинъ работалъ надъ этимъ предметомъ, не отдалявшимъ его отъ прежней сферы дѣйствій. Когда онъ, въ концѣ 1864 г., вернулся въ Россію, ему скоро пришлось убѣдиться, что доступъ къ каѳедрѣ, по крайней мѣрѣ въ университетѣ, закрытъ для него навсегда. Онъ вынужденъ былъ принять мѣсто въ министерствѣ финансовъ, мало соотвѣтствовавшее его призванію, его вкусамъ—и съ сообщенія объ этомъ, шутливаго по тону, но въ сущности далеко не веселаго, начинается письмо 4-го

марта 1865 г. И что же? Только-что „записавъ себя въ расходъ и сдавъ въ архивъ“, потерявъ лучшія свои надежды, разставшись съ мыслью о поприщѣ, обезпечивавшемъ ему вліяніе и популярность, Кавелинъ смотритъ на будущее свѣтло и бодро. Онъ забываетъ свое личное горе, чтобы слиться мысленно съ великой силой, которой всегда принадлежало его сердце—съ массой русскаго народа. Разсвѣтъ, наступающій для нея, примиряетъ его съ закатомъ его собственной дѣятельности. Насколько былъ правъ Кавелинъ въ тогдашнихъ своихъ ожиданіяхъ, насколько вѣрна картина, набросанная имъ въ письмахъ 1865 г.—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ; мы хотимъ только показать, какъ далекъ былъ Кавелинъ отъ мелкаго самолюбія, отъ стремленія къ популярности, отъ желанія „шумѣть“, выдвигаться на первый планъ—однимъ словомъ, отъ всего того, что̀ приписываетъ ему Никитенко... Предсказаніе о „сдачѣ въ архивъ“, къ счастію, не оправдалось; Кавелинъ остался на полѣ битвы, если не какъ профессоръ, то какъ историкъ, какъ публицистъ, какъ авторъ „Задачъ психологіи“ и „Задачъ этики“. Сосредоточивается ли онъ на томъ, чѣмъ поддерживается и распространяется его извѣстность, направляетъ ли онъ всѣ усилія къ тому, чтобы „быть замѣченнымъ“? Нѣтъ; онъ посвящаетъ ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ незамѣтному, неблагодарному (съ обычной, житейской точки зрѣнія) труду хозяйственной пропаганды между сосѣдями-крестьянами. Живой, подвижный, увлекающійся, онъ обрекаетъ себя на „нѣмецкое“ терпѣніе, на шествіе „куринымъ шагомъ“, лишь бы только приблизиться къ своей излюбленной цѣли. Конечно, привычка къ обобщеніямъ заставляетъ его вносить и въ деревенскую свою работу широкія идеи, сближающія ее съ его столичной дѣятельностью. Возможность добровольнаго перехода хотя бы одной сельской общины къ новой, усовершенствованной хозяйственной системѣ является, въ его глазахъ, побѣдоноснымъ аргументомъ противъ активныхъ и пассивныхъ враговъ народной массы—но она привлекательна для него и сама по себѣ, какъ перемѣна къ лучшему въ бытѣ людей, лично ему дорогихъ и близкихъ. Многолѣтняя работа Кавелина въ сельцѣ Ивановѣ—это тотъ „долгій трудъ“, тотъ „подвигъ червяка“, о которомъ говоритъ, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній, Иванъ Аксаковъ. На такой трудъ, на такой подвигъ способны только тѣ, для которыхъ награда—не въ шумномъ одобреніи толпы, даже не въ сочувствіи небольшой группы, а въ сознаніи исполненнаго долга. Сопоставимъ, наконецъ, первое изъ приведенныхъ писемъ Кавелина съ послѣднимъ, написаннымъ почти двадцать лѣтъ спустя—и мы увидимъ все ту же вѣру въ народъ, все ту же преданность народнымъ идеаламъ. Вся жизнь Кавелина—одна прямая линія, безъ ма-

лѣйшихъ уклоненій; въ этомъ его главная сила, одно изъ главныхъ его правъ на благодарность русскаго общества и русскаго народа.

Заключимъ эту замѣтку небольшой выпиской изъ воспоминаній А. Ѳ. Кони о Кавелинѣ [1]), какъ бы заранѣе отвѣчающихъ на слова Никитенка. „Кавелина,—говоритъ А. Ѳ. Кони,—упрекали иногда въ крайней исключительности. Упрекъ этотъ основанъ на незнаніи, на непониманіи этой многосторонней личности. Кавелинъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на своекорыстіе, надѣвавшее личину служенія общему благу, и его нельзя было подкупить ни громкими фразами, ни искусно созданными миражами; но онъ никогда не раздѣлялъ мысленно людей на лагери, не окрашивалъ ихъ въ однообразный цвѣтъ и не распредѣлялъ, сообразно съ этимъ, свои симпатіи и антипатіи. Такая узкая исключительность была совсѣмъ чужда его широкому сердцу. Во всякомъ онъ прежде всего искалъ искренности и отсутствія личныхъ видовъ, и радовался, когда могъ найти въ человѣкѣ, чуждомъ ему по развитію и взглядамъ, стороны, заслуживающія уваженія. Человѣкъ *цѣльный* въ полномъ смыслѣ слова, послѣдовательный и твердый—aus einem Guss, какъ говорятъ нѣмцы, Кавелинъ всей своей личностью являлъ настоящій *характеръ*, съ которымъ надо было считаться и по отношенію къ которому нельзя было разсчитывать на какія-либо уступки и уклоненія, подъ вліяніемъ сентиментальнаго настроенія, столь чуждаго дѣйствительной добротѣ". Понятно, что мало знавшимъ его людямъ—и въ особенности тѣмъ, которые испытали на себѣ строгость его сужденій—Кавелинъ долженъ былъ показаться наклоннымъ къ умственному „деспотизму", къ подведенію всѣхъ и каждаго подъ одну заранѣе опредѣленную мѣрку. Отзывъ Никитенка является, такимъ образомъ, объяснимымъ и объясненнымъ,—но это объясненіе равносильно полнѣйшему опроверженію.

Если мы не ошибаемся, въ главныхъ столичныхъ газетахъ прошелъ незамѣченнымъ интересный фактъ, обнаружившійся во время послѣдней сессіи саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія (см. „Саратовскій Листокъ", № 227). Два сельскихъ общества саратовскаго уѣзда (николаевское и кувыкское) составили почти одновременно приговоры, тождественные по изложенію и содержанію. Въ мѣстныхъ земскихъ школахъ — такъ гласили оба приговора — усматривается „ненаблюденіе со стороны начальства"; дѣтей учатъ сказкамъ и

[1]) Эти воспоминанія, принадлежащія къ числу лучшихъ страницъ, написанныхъ о Кавелинѣ, были сначала напечатаны въ „Недѣлѣ" и „Русской Старинѣ", а потомъ вошли въ составъ приложенія ко второму изданію „Судебныхъ рѣчей" А. Ѳ. Кони.

побасенкамъ, а не божественному, и вообще на законъ Божій не обращается никакого вниманія, хотя учительница по своимъ предметамъ занимается прилежно; „дѣти, можетъ быть, будутъ умныя по наукѣ, а божественнаго въ нихъ будетъ мало". Отсюда выводилось довольно неожиданное заключеніе: „пусть отецъ Розановъ (законоучитель обѣихъ школъ) приметъ школы въ свое завѣдываніе и преобразуетъ ихъ въ церковно-приходскія". Неожиданнымъ мы называемъ это заключеніе потому, что мотивы приговоровъ клонились какъ бы къ обвиненію законоучителя. Не отъ него ли, въ самомъ дѣлѣ, зависѣло обученіе „божественному", и что̀ могла сдѣлать въ этой области учительница, не имѣющая, въ силу нашихъ школьныхъ порядковъ, права заниматься съ учениками закономъ Божіимъ?.. Когда загадочные приговоры были прочитаны въ земскомъ собраніи, инспекторъ народныхъ училищъ объяснилъ, что ученики николаевской и кувыкской школъ дѣйствительно „въ духовномъ" ничего не знаютъ,—но почему? Потому что отецъ Розановъ, состоявшій въ этихъ школахъ не только законоучителемъ, но и попечителемъ, въ первые четыре мѣсяца минувшаго учебнаго года не посѣщалъ ихъ вовсе, а въ послѣдніе два мѣсяца, когда его абсентеизмъ былъ раскрытъ ревизіей и доведенъ до свѣденія управы, посѣтилъ ихъ всего три раза. Оказалось, сверхъ того, что у отца Розанова было столкновеніе съ земскимъ медицинскимъ совѣтомъ, на бездѣйствіе котораго была съ его стороны принесена совершенно неосновательная жалоба. Дальнѣйшихъ преній, происходившихъ въ собраніи, мѣстная газета не сообщаетъ, находя ихъ слишкомъ „щекотливыми". Мы узнаемъ только, что въ концѣ концовъ собраніе постановило: школы николаевскую и кувыкскую оставить на прежнемъ основаніи; просить епархіальнаго архіерея назначить въ данный приходъ другого священника; просить училищный совѣтъ избрать, вмѣсто отца Розанова, другого попечителя; просить крестьянское присутствіе уничтожить вышеприведенные приговоры, какъ незаконные. Весь этотъ эпизодъ показываетъ еще разъ, какой осторожности требуетъ преобразованіе земскихъ школъ въ церковно-приходскія. Приговоры сельскихъ обществъ далеко не всегда могутъ выражать собою, въ подобныхъ случаяхъ, истинную волю, сознательное желаніе крестьянъ; они вызываются, иногда, постороннимъ давленіемъ или неяснымъ пониманіемъ различія между обоими главными типами начальной школы. Еслибы крестьянамъ было извѣстно, что священникъ, желающій выдвинуть на первый планъ „божественный", „духовный" элементъ преподаванія, всегда можетъ этого достигнуть и въ земской школѣ, по званію законоучителя и духовнаго отца учениковъ, они не такъ легко соглашались бы

на перемѣну, отвѣчающую, быть можетъ, только интересамъ отдѣльныхъ лицъ, а не интересамъ самаго дѣла.

Поразительное зрѣлище представляютъ, съ нѣкоторыхъ поръ, ультра-реакціонныя и просто реакціонныя газеты. Постоянно празднуя мнимыя свои побѣды надъ уничтоженными, будто бы, противниками, постоянно куря ѳиміамъ передъ крупными и мелкими (большею частью—весьма мелкими) величинами собственнаго лагеря, онѣ привѣтствуютъ все похожее на гнетъ, преслѣдованіе, запрещеніе—и сигнализируютъ, какъ серьезную опасность, все похожее на критическое, отрицательное отношеніе къ дѣйствительности. Въ одномъ изъ органовъ этой окраски раздаются, напримѣръ, жалобы на то, что недостаточно энергично подавляется и искореняется штундизмъ въ юго-западномъ краѣ. „Прихожане, — читаемъ мы въ „Новомъ Времени" (№ 5259), безъ каръ и отвѣта открыто переходятъ въ штунду, возвращаются обратно въ лоно православія, снова идутъ въ штунду и т.д. Пробы остановить движеніе и смѣлость ереси разбились о невѣжество (!) бывшихъ судей, которые давали штундистамъ сплошь оправдательные приговоры. Нигдѣ не получалось столь полной картины бездѣйствія власти, какъ тутъ, на вопросѣ штунды. Новый генералъ-губернаторъ края, сознавая настоятельность дѣла, устроилъ спеціальный съѣздъ губернаторовъ и высшихъ духовныхъ лицъ. Но съѣздъ этотъ, кажется, ничего особеннаго не сдѣлалъ: придавая штундизму одно религіозное значеніе, онъ допускаетъ, однако, необходимость вмѣшательства гражданской власти и проситъ въ концѣ концовъ далекій Петербургъ научить, какъ поступать и что дѣлать". Другая, московская газета спѣшитъ успокоить тоскующаго, встревоженнаго собрата. По словамъ кіевскаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 316), сообщеніе о томъ, что съѣздъ губернаторовъ, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго генералъ-губернатора, „ничего особеннаго не сдѣлалъ" — совершенно невѣрно. „Съѣздъ выработалъ рядъ мѣропріятій и указалъ, что̀ нужно дѣлать свѣтской власти и какъ поступать со штундой... Мѣры проектированы осторожно: въ нихъ слышится правда, милость и твердость. Дай Богъ, чтобы онѣ поскорѣе осуществились; спеціальнаго закона о штундѣ ждетъ съ нетерпѣніемъ самъ народъ" (одна изъ особенностей нашихъ газетныхъ реакціонеровъ заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что они считаютъ себя обладателями точныхъ свѣденій о всѣхъ чувствахъ и мысляхъ народа). Каковы собственныя понятія корреспондента о „правдѣ, милости и твердости" —это можно усмотрѣть изъ другой части его письма. „Было бы несправедливо,—говоритъ онъ,—огульно обвинять всю свѣтскую администра-

цію въ бездѣйствіи въ отношеніи противодѣйствія развитію штундизма на югѣ Россіи. Администрація во многихъ случаяхъ чтò могла, тò дѣлала въ предѣлахъ законныхъ своихъ полномочій. Въ послѣднее время администрація очень усердно относится къ дѣлу обуздыванія и сдерживанія пропаганды, а равно штундистскаго своеволія и фанатизма. Но дѣло въ томъ, что администрація въ своихъ дѣйствіяхъ слишкомъ парализуется закономъ 3-го мая 1883 года о гражданскихъ правахъ и льготахъ раскольниковъ и сектантовъ, и потому не могла произвести вó время необходимаго воздѣйствія на штунду, разрушавшую въ населеніи въ теченіе 25 лѣтъ силу православія и народности. По нашему глубокому убѣжденію, главная вина мѣстной высшей администраціи въ томъ именно и состояла, что она не позаботилась въ теченіе столькихъ лѣтъ развитія штунды выработать и провести въ жизнь законодательнымъ путемъ спеціальныя мѣропріятія противодѣйствія злу, которыя на первыхъ же порахъ должны были дать почувствовать массѣ темнаго народа, что штунда въ глазахъ правительства считается недозволеннымъ явленіемъ и пагубнымъ зломъ. А между тѣмъ доселѣ народъ находится въ заблужденіи насчетъ штунды, предполагая, что она существуетъ на законномъ основаніи, что и Царю, и правительству, нѣтъ никакого дѣла до нея, а что-де это только попы „вяжутся до штундистовъ", и то потому, что ихъ интересы отъ того страдаютъ. Новый начальникъ края сразу понялъ, гдѣ корни зла и чтó первѣе всего нужно предпринять со стороны свѣтской власти для уврачеванія застарѣвшаго недуга; онъ нашелъ, что необходимо издать спеціальные въ отношеніи штунды законы, которые бы дали ей и народу почувствовать, что штунда — измѣна вѣрѣ и народности, что она противна государственному строю и не можетъ по закону оставаться ненаказуемою". Итакъ, „правда, милость и твердость", по мнѣнію корреспондента, заключаются въ томъ, чтобы къ общимъ уголовнымъ и полицейскимъ мѣрамъ, которыя можно, по закону, примѣнять къ штундистамъ и которыми администрація и до сихъ поръ широко пользовалась, были присоединены еще какія-то другія, болѣе дѣйствительныя, т.-е. болѣе суровыя! Преграда, которую нужно устранить—это законъ 3-го мая 1883 г., слишкомъ снисходительный и мягкій! По истинѣ, успокоительныя разсужденія—т.-е. успокоительныя для тѣхъ, кто, вмѣстѣ съ корреспондентомъ „Новаго Времени", во снѣ и на яву мечтаетъ о мѣрахъ „искорененія и пресѣченія". И все это говорится въ то время, когда въ юго-западномъ краѣ, по словамъ достовѣрнаго свидѣтеля, происходитъ, добровольно, приближеніе штундистовъ къ православію! „У насъ, — пишутъ „Кіевлянину" изъ каневскаго уѣзда (кіевской губерніи,)—наблюдается пріостановка роста штундизма и даже замѣтное движеніе среди штун-

дистовъ въ пользу перехода въ православіе. Послѣднее совершается безъ внѣшняго воздѣйствія властей, а только подъ вліяніемъ пастырскихъ наставленій. Такое явленіе наблюдается, между прочимъ, въ с. Исайкахъ, гдѣ штундизмъ, благодаря многочисленности членовъ его (около 100 человѣкъ) и сравнительной давности появленія, получилъ довольно прочную организацію. Недавно къ мѣстному священнику являлась депутація, во главѣ которой стоялъ одинъ изъ вожаковъ штундизма, и выразила желаніе къ возсоединенію съ православною церковью... Замѣтно въ послѣднее время движеніе въ пользу православія и среди богуславскихъ штундистовъ. Оно вызвано, какъ говорятъ православные, рядомъ внѣбогослужебныхъ чтеній, которыя ведутся въ приходскихъ церквахъ Богуслава, и участіе въ которыхъ вотъ уже около полугода приняли учителя мѣстнаго духовнаго училища. Разсчитанныя главнымъ образомъ на укрѣпленіе въ православіи православныхъ же, эти чтенія обратили на себя вниманіе и жаждущихъ истины изъ штундистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали посѣщать чтенія, слушать разъясненіе богослуженія, догматовъ и установленій церкви; потомъ стали ходить въ церковь и къ богослуженію, причемъ крестятся и держатъ себя какъ подобаетъ православному. По слухамъ, въ это лѣто обратилось къ православію уже нѣсколько семействъ". Не ясно ли, что усиленіе административной борьбы съ штундизмомъ могло бы только ослабить или совершенно остановить это движеніе?

А вотъ еще образчикъ настроенія реакціонной прессы, менѣе крупный, но едва ли менѣе характеристичный. „По случаю перехода М. Н. Капустина въ петербургскій учебный округъ, — пишетъ ревельскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 312), — между нѣкоторыми представителями ревельской николаевской гимназіи родилось желаніе увѣковѣчить память глубокоуважаемаго дѣятеля учрежденіемъ стипендіи его имени. Когда этотъ вопросъ былъ предложенъ въ совѣщательномъ залѣ на обсужденіе всѣхъ преподавателей гимназіи, преподаватель закона Божія лютеранскаго исповѣданія, пасторъ К., забывая цѣль добраго дѣла, заявилъ, что учрежденіе стипендіи совершенно противно *духу гимназіи* и безусловно нежелательно. За исключеніемъ *трехъ* преподавателей, въ этой нѣмецкой гимназіи всѣ присоединились къ своему коллегѣ по предмету закона Божія, и совѣщаніе окончилось бурною между двумя неравносильными партіями сценой. Эти три недовольные преподавателя въ тотъ же день донесли объ этомъ случаѣ попечителю дерптскаго учебнаго округа, г. Лавровскому, который выразилъ директору николаевской гимназіи свое неудовольствіе по поводу того, что не онъ поставилъ въ извѣстность свое начальство объ этомъ

происшествіи. Послѣ этого директоръ гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бертингъ, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности директора". Мы думаемъ, что въ этихъ словахъ отразился не столько дѣйствительный фактъ, сколько освѣщеніе, въ которомъ желалъ выставить его корреспондентъ. Подписка на стипендію, особенно въ честь бывшаго начальника — нѣчто безусловно свободное, добровольное; о прямомъ или косвенномъ понужденіи, объ обращеніи къ содѣйствію власти здѣсь не должно быть и рѣчи. Мы не хотимъ вѣрить, поэтому, чтобы преподаватели, оставшіеся въ меньшинствѣ, поспѣшили донести о томъ попечителю учебнаго округа. Такое донесеніе было бы, прежде всего, совершенно безцѣльно, въ виду полнѣйшей невозможности начальственнаго вмѣшательства въ частное, не-оффиціальное дѣло. Оно выставляло бы доносителей въ свѣтѣ не особенно для нихъ благопріятномъ; оно позволяло бы думать, что ихъ ревность не чужда личныхъ видовъ... Еслибы сообщеніе корреспондента было, паче чаянія, фактически-вѣрно, то единственное объясненіе, которое мы могли бы пріискать для излагаемыхъ имъ событій—это такой характеръ „бурной сцены", который давалъ ей значеніе безпорядка въ стѣнахъ гимназіи. О „безпорядкѣ" директоръ гимназіи обязанъ былъ, безъ сомнѣнія, довести до свѣденія своего начальства; о несостоявшейся подпискѣ на стипендію—едва ли. Во всякомъ случаѣ корреспондентъ московской газеты—а также „недовольные преподаватели", если онъ на нихъ не клевещетъ, — забыли, какъ намъ кажется, мудрое правило: pas trop de zèle!

Усердіе не по разуму всегда находитъ подражателей. На страницахъ газетъ, о которыхъ мы говоримъ, подвизаются, рядомъ съ регулярными войсками, разные партизаны, ищущіе случая, чтобы закричать: караулъ!—и, бо́льшею частью, скрѣпляющіе этотъ крикъ подписью своихъ никому неизвѣстныхъ фамилій. Одинъ изъ такихъ добровольцевъ изобличаетъ газету, позволившую себѣ взять эпиграфъ для легкой статьи изъ слишкомъ серьезнаго источника; другой поднимаетъ шумъ по поводу того, что кто-то упомянулъ въ газетѣ о нѣкоторыхъ недостаткахъ нашего духовенства и о сомнительномъ православіи двухъ іерарховъ, жившихъ полтора столѣтія тому назадъ; третій обращаетъ вниманіе на какую-то публичную лекцію, въ которую были включены вредные для юношества отрывки изъ статьи Тургенева о Бѣлинскомъ, и вообще слишкомъ высоко превознесенъ Бѣлинскій. И все это сопровождается призывомъ къ власти, требованіемъ обузданія: „неужели некому сдержать кощунство черезчуръ развязныхъ писакъ?" „неужели нѣтъ мѣръ, чтобы оградить народъ отъ разнузданной проповѣди о православной церкви?" Реакціонная печать часто утверждаетъ, что всѣ подобныя „указанія" никому не

вредятъ, никого и ничего не останавливаютъ. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ—о томъ разскажетъ нашимъ потомкамъ будущій историкъ русской печати.

PS.—Мы оканчивали печатаніемъ хронику, когда получили только-что вышедшій и, судя по содержанію, интересный „Сборникъ въ память С. А. Юрьева, изданный друзьями покойнаго", съ его портретомъ. И память лица, которому посвященъ этотъ сборникъ, и имена его участниковъ обратятъ, безъ сомнѣнія, вниманіе нашихъ читателей на это изданіе. Тамъ, между прочимъ, помѣщена новая комедія гр. Л. Н. Толстого: „Плоды просвѣщенія"; переписка С. А. Юрьева съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Салтыковымъ, Кошелевымъ, Чаевымъ; воспоминанія и очерки изъ жизни многимъ еще памятной и симпатической личности покойнаго и т. д. Чистый доходъ отъ сборника предоставленъ друзьями С. А. Юрьева въ полное распоряженіе его семьи.

ПОПРАВКИ:

Въ ноябрьской книгѣ слѣдуетъ исправить:

					напечатано:	*вмѣсто:*
419	стр.	6	строч.	сн.	Франція	фракція
421	„	15	„	св.	„	„
—	„	13	„	сн.	народномъ	каждомъ

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1890 году.

Въ 1890-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз
1.	Херсонск. .	252	23.	Смоленская.	60	45.	Витебская .	41
2.	Кіевская. .	194	24.	Примор. об.	60	46.	Бакинская .	41
3.	Харьковск..	162	25.	Тверская. .	59	47.	Томская . .	40
4.	Екатериносл.	151	26.	Московская.	59	48.	Уфимская .	40
5.	Таврическ..	148	27.	Нижегород.	57	49.	Симбирская.	38
6.	Тифлисская.	136	28.	Рязанская .	56	50.	Закасп. об.	36
7.	Полтавская.	117	29.	Гродненская	52	51.	Могилевск. .	35
8.	Пермская. .	101	30.	Тульская. .	51	52.	Ковенская .	34
9.	Саратовск. .	101	31.	Иркутская .	51	53.	Сыръ-Д. об.	34
10.	Варшавск. .	97	32.	Забайк. об.	50	54.	Оренбургск.	34
11.	Подольская.	86	33.	Самарская .	50	55.	Астраханск.	32
12.	Казанская .	83	34.	Новгородск.	48	56.	Енисейская.	30
13.	Воронежск..	83	35.	Пензенская.	44	57.	Тобольская.	28
14.	Курская . .	79	36.	Ярославская	44	58.	Люблинская	27
15.	Черниговск.	78	37.	Обл. В. Дон.	44	59.	Акмол. об.	26
16.	Владимірск.	77	38.	Кубанск. об.	43	60.	Кутаисская.	25
17.	Бессарабск.	76	39.	Виленская .	43	61.	Калужская .	25
18.	Тамбовская.	75	40.	Псковская .	42	62.	Курляндск.	24
19.	Орловская .	72	41.	Минская. .	42	63.	Семирѣч. об.	22
20.	С.-Петерб. .	70	42.	Костромская	42	64.	Елисаветпол.	21
21.	Лифляндск.	69	43.	Вятская .	41	65.	Амурск. об.	20
22.	Волынская .	69	44.	Терская об.	41	66.	Вологодская	20

67.	Ломжинская.	20	77.	Дагест. обл.	13	87.	Кѣлецкая. .	8
68.	Эриванская.	19	78.	Ферганская.	13	88.	Выборгская.	6
69.	Эстляндская	18	79.	Карсская об.	12	89.	Черном. окр.	4
70.	Петроковск.	17	80.	Калишская.	12	90.	Тургайск. об.	2
71.	Олонецкая .	16	81.	Самарк. об.	12	91.	Тавастгуск.	2
72.	Архангельск.	16	82.	Плоцкая . .	11	92.	Закат. окр.	2
73.	Ставропол. .	16	83.	Семипал. об.	11	93.	Улеаборгск.	2
74.	Нюландская	15	84.	Якутск. об.	10	94.	Абобьернеб.	1
75.	Сувалкская.	15	85.	Радомская .	10	95.	С.-Михельск.	1
76.	Сѣдлецкая .	14	86.	Уральск. об.	9			4435

II. Въ С.-Петербургѣ. 1279

III. Въ Москвѣ 495

IV. За границей 185

Всего: экз. 6394

А. Хомиховскій
Управл. конторою журнала.

Алфавитный Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1890 г.—см. ниже въ прилагаемомъ Каталогѣ журнала за двадцать-пять лѣтъ, стр. 151—158.

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1890.

Ноябрь. — Книга одиннадцатая.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь. стр.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

КАТАЛОГЪ

ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЗА ДВАДЦАТЬ-ПЯТЬ ЛѢТЪ

1866—1890 гг.

СЪ АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

1866 г. *)

ОТЪ РЕДАКЦІИ

1 декабря, 1865.

Программа „Вѣстника Европы" — съ 1866 года: трехмѣсячное изданіе въ четырехъ томахъ (четыре книги: мартъ, іюнь, сентябрь и декабрь) — томъ около 40 листовъ (I, v; IV, v).

Авсѣенко, В. Г., проф.—Борьба Венеціи съ Австріею, въ 1848—49 годахъ (III, 285; IV, 255).

А. М.—Паденіе германскаго союза. Статья первая (III, Истор. Хр., 168).

Анненковъ, П. В.—Новѣйшая историческая сцена: „Димитрій Самозванецъ", Чаева, и „Смерть Іоанна Грознаго", гр. А. К. Толстого (I, Истор. Хрон., 66).

Арсеньевъ, К. К.—Германія наканунѣ разрыва между Пруссіей и Австріей (II, Истор. Хр., 83).

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.—Письмо въ редакцію, съ біографическими свѣденіями о С. В. Ешевскомъ (I, 211—213).

Богдановичъ, М. И.—Первая эпоха преобразованій императора Александра I: 1801—1805 гг. (I, 155; II, 130).

W. — Результаты сѣверо-американской междоусобной войны (I, Истор. Хрон., 38).—О парламентской реформѣ въ Англіи 1866 года (III, Истор. Хр., 118).—Обзоръ современной политики Австріи съ 1859 года (IV, Истор. Хр., 31).

В. Д.—Новѣйшая исторія Австріи (I, 393; II, 237; IV, 325).

Веселовскій, А. Н. Данте и символическая поэзія католичества (IV, 152).

В. О.—По поводу сочиненія г. Андреевскаго: „Русское государственное право", т. I (IV, Литерат. Хр., 63).

Галаховъ, А. Д. — Образъ мыслей Н. М. Карамзина, какъ историка (IV, xxxIII).

Джунковскій, С. С.—Политика Даніи при Фредерикѣ VII. Изъ записокъ очевидца: 1855—61 гг. (IV, 303).

Е. О.—Корреспонденція изъ южной Италіи (III, Истор. Хр., 186). — Кор-

---

*) Въ 1866 и 1867 гг. первая цифра, римская, указываетъ — томъ, а вторая, также римская или арабская—страницу въ томѣ или въ его отдѣлѣ, причемъ называется и самый отдѣлъ, т. е. хроника, имѣвшая въ тѣ два года каждая свою особую пагинацію.

I. Литературная хроника.

О задачахъ литературной хроники. — Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1865 году: 1) Чтеніе въ имп. Обществѣ исторіи и древностей при москов. университетѣ, вып. 1, 2, 3 и 4.—2) Русскій Архивъ, 12 кн.— 3) Записка гр. Сегюра, 1785—1789 г.— 4) Ученыя записки имп. Академіи наукъ, т. VI, кн. 1; т. VII, кн. 2; т. VIII, кн. 1.—5) Записки археолог. Общества, Каталогъ русскимъ монетамъ, и Извѣстія, т. V, вып. VI. — 6) Акты, издав. Коммиссіею въ Вильнѣ, т. I.—7) Документы Западнаго края, изд. Археограф. Коммиссіи; Акты къ исторіи южн. и западной Россіи, т. II; Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи.— 8) Исторія Россіи, С. Соловьева, т. XV. —9) Исторія войны 1814 г. во Франціи, М. Богдановича, т. I и II.—10) Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи.—*(I, 1—56)*.

I. Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1865 году (окончаніе): 1) Древности. Труды Москов. Археол. Общества, т. I. — 2) О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси, гр. Тышкевича.—3) Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ, въ память тысячелѣтія славянской письменности и христіанства въ Россіи, М. Погодина.—4) Воспоминанія Кавказскаго офицера, 1835—39 гг.— 5) Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи, Н. Барсова.—6) Древніе памятники письма и языка юго-западн. славянъ, И. Срезневскаго.— 6) Описаніе Боровицкаго монастыря.— 7) Кавказскій календарь на 1865 г.— 8) Учебно-историческій сборникъ по русской исторіи, А. Добрякова, т. I.— 9) Древности россійскаго государства: Старинныя знамена, соч. Лук. Яковлева.—10) Три брошюры Бестужева-Рюмина. — 11) Письма Лазаря Барановича.—12) Новыя брошюры съ описаніемъ монастырей и житій святыхъ. — 13) Новгородскій сборникъ, вып. 2 и 3. — 14) Исторія Вольнаго Экономич. Общества, А. Ходнева.— 15) Новыя книги и брошюры по военной исторіи. — 16) О налогѣ на соль, Г. Ѳедченко.—17) Трутень Новикова, 1760—1770.—18) Москва, А. Мартынова и И. Снегирева.—19) Отечественныя Записки, 24 кн. — 20) Русскій Вѣстникъ, 12 кн.—21) Журналъ Мин. Нар. просвѣщенія, 12 кн.—22) Библіотека для Чтенія, 6 кн.—23) Русское Слово, 12 кн.—24) Православный Собесѣдникъ, 12 кн.—25) Православное обозрѣніе, 12 кн.—26) Труды кіевской духовной Академіи, 12 кн. — 27) Москов. Унив. Извѣстія, 12 кн.—28) Вѣстникъ Западной Россіи, I—III кн.— 29) Газеты: Кіевлянинъ, Виленскій Вѣстникъ, Епархіальныя Вѣдомости, Духовный Вѣстникъ.—30) Губернскія Вѣдомости за 1865 г.—31) Перечень книгъ и статей, напечатанныхъ въ 1865 г. на иностранныхъ, славянскихъ и чужеплеменныхъ языкахъ, относящихся до исторіи: а) русской исторіи и русскаго народа; б) другихъ славянскихъ народовъ. — Библіографическая корреспонденція: А) Собраніе сочиненій Шафарика, М. Петровскаго. В) Исторія жизни и царствованія Николая I, россійскаго императора, Поля Лакруа, В. Порошина. С) Исторія конституціи въ Швеціи, Науманна, Л. Тэнена.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: общее современное ея положеніе:—А) Русская литература всеобщей исторіи: 1) Оригинальныя сочиненія и статьи: а) Критическія изслѣдованія древнѣйшаго періода исторіи Сициліи, Ѳ. Соколова.—б) Галлія въ эпоху Кайя Юлія Цезаря, Алекс. Георгіевскаго.— в) Савонарола и Флоренція, Н. Осокина.—г) Очеркъ развитія исторической науки, В. Геррье.—д) Разсказы о великихъ людяхъ среднихъ и новыхъ временъ, П. А. Гайдебурова.— е) Записки Имп. Академіи Наукъ, 1865 года.—ж) Журналы: Русскій Вѣстникъ и Отечественныя Записки.—2) Переводы: а) Бокль, Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. II, вып. 8.—б) Мотлей, Исторія нидерландской революціи, т. I.—в) Каррель, Исторія контръ-революціи въ Англіи, т. I.—г) Маколэй, Полное собран. сочиненій.—д) Дреперъ, Исторія умственнаго развитія Европы, перев. А. Н. Пыпина, т. I и II. — е) Минье, Исторія франц. революціи, т. I, пер. п. р. К. Арсеньева.—ж) Рохау, Исторія Франціи, 1814—1852 г., перев. Пыпина и Антоновича. — з) Исторія Юлія Цезаря, сочин. императ. Наполеона III.—і) Конституціонное начало, Авг. Гакстгаузена, перев. Б. Утина и Кавелина. — к) Гетнера, Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, т. II, пер. Пыпина.—л) Заграничный Вѣстникъ 1—3 кн., п. р. Аѳанасьева-Чужбинскаго. — В) Иностранная литература всеобщей исторіи: 1) Французская литература: а) Biographie universelle, Michaud. — б) Ad. Franck, La philosophie mystique en France. — в) Taine, Nouveaux Essais de critique et d'histoire.—г) Jules César, par Ros-

seuw St. Hilaire.—д) Boissier, Ciceron et ses amis. — е) Dargaud, Histoire d'Elisabeth d'Angleterre.—ж) Remusat, L'Angleterre au XVIII siècle.—з) Correspondance de Louis XV et du maréchal de Noailles.—i) Barbet de Jouy, Les Gemmes et Joyaux de la Couronne.—к) Guiffrey, Lettres inédites de Diana de Poitiers. — л) Broglie, L'Eglise et l'empire au IV siècle. — м) Coquerel, Des premières transformations historiques du Christianisme. — н) Renan, Histoire des origines du Christianisme, II.—о) St. Hilaire, Mahomet et le Coran. — п) Beauregard, Les divinités égyptiennes. — р) Warnier, L'Algérie devant l'Empereur.—с) Comte de Neuilles, Dix années d'émigration. — т) Daremberg, La médecine dans Homère.—у) Labarte, Histoire des art industriels au moyen âge. — ф) Marty-Levaux, La Pléiade française. — х) James, Toilette d'une dame romaine. — ц) Kauffmann, Chronique de Rome sous le pontificat du Pie IX. — ч) Beaumont-Vassy, Les salons de Paris sous Louis-Philippe I.—ш) Costumes historiques de XVI—XVIII siècles. — щ) Dantier, Les monastères bénédictins d'Italie.—ю) De Croze, Les Guises, Les Valois et Philippe II.—я) Campardon, Le tribunal révolutionnaire de Paris, t. I. — аа) Froehner, La colonne Trajane.—бб) Vesinier, La Vie de nouveau César. — вв) Lenient. La satire en France au XVI siècle.—(*II*, *1—184*).

I. Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1866 году: А) Книги (первое полугодіе): 1) Исторія русской церкви, Макарія, архіепископа харьковскаго, т. IV и V.—2) Сборникъ на 1866 г., изд. Общества древнерусскаго искусства.—3) Обзоръ хронографовъ русской редакціи, А. Попова, вып. 1.—4) Холмскій греко-унитскій мѣсяцословъ на 1866 г.—5) Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ и пр., П. Саввантова.—6) Утро, литер. и полит. сборникъ М. П. Погодина.—7) Іезуиты, Ю. Самарина.—8) Украинская старина, Г. П. Данилевскаго.—9) Чтеніе изъ русской исторіи, П. Щебальскаго.—10) Очеркъ русской исторіи, В. Санина.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская: Курсъ международнаго права, Д. Каченовскаго.—В) Иностранная: 1) Французская литература: a) L'Oratoire de la France, par Perraud.—b) Administration de la commune de Paris, par Berquier. — c) Louis XV, par Michelet. — d) La France sous Louis XV, par Jobez.—e) Les cahiers de 1789, par Ponciens.—f) La révolution et la livre de M-r Quinet, par Peyrat.—g) Histoire de Robespierre, par Hamel.—h) Oevres de Danton, par Vermorel. — i) John Forster Kirk, Histoire de Charles le Téméraire. — k) La civilisation moderne, par S. Jousserandot. — l) Correspondance des Réformateurs dans le pays de langue française, par Herminjard.—m) Histoire des guerres de la Moscovie par Isaac Massa de Haarlem, trad. par le prince M. Obolensky. — 2) Нѣмецкая литература: a) Deutschlands Geschichtsquellen v. Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrh., von Wattenbach.—b) Monumenta Germanica historica, ed. H. Pertz, t. XIX. — c) Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets, 1745—1756.—d) Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm v. Brandenburg. — e) Geschichte v. England z. Zeit der Tudors, von S. Thommes.—f) Der Antheil der Eidgenossen an der europäischen Politik in den Jahren 1512—1516, von D-r Gisi.—g) Die deutsche Geschichte, von Kohlrausch.—h) Der Abfall der Niederlande, von Goltzwarth.—i) Holbein und seine Zeit, von Woltmann.—k) Ueber Künstler und Kunstwerke, von Grimm. — l) Denkmale deutscher Baukunst. Bildnerei und Malerei, von Förster.—m) Die Religion und Mythologie der Griechen, von Hartung. — n) Hellenismus. und Christenthum, von Kellner. — o) Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, von Hertzberg.—p) Geschichte der Juden von der Verbannung der Juden aus Spanien und Portugal, von Graetz. — r) Karl von Raumer's Leben von ihm selbst erzählt.—s) Studien v. Joh. Scherr, B. III. — t) Klein-politische Schriften, v. Fröbel. — u) Erinnerung an Leopold I, Konig der Belgier, von Herbert. — x) Don Pedro V, König v. Portugal, v. Schelhorn.—y) Herzog Albrecht v. Sachsen-Teschen, als Reichsfeld-Marschall, von Vivenot.—z) Maria Theresia und Maria Antoinette. Ihr Briefwechsel, herausg. von Arneth. — aa) Marie Antoinette, Joseph II und Leopold II, ihr Briefwechsel, herausg. von Arneth.—(*III*, *1—112*).

I. Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1866 году: А) Книги (второе полугодіе): 1) Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, И. Фирсова.—2) Сборникъ Муханова.—3) Ска-

заніе иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, С. Кличевскаго. 4) Разсказъ изъ исторіи русской церкви, гр. М. Толстого.—5) Взглядъ на мою жизнь, записки И. И. Дмитріева.—9) Записки А. П. Ермолова.—10) Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣв.-зап. краѣ. — 11) Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, Ор. Миллера, ч. I, вып. 1 — 12) Проповѣдническіе подвиги апостоловъ славянъ Кирилла и Меѳодія.—13) Дворцовое царское село Измайлово, А. Мартынова и И. М. Снегирева.—14) Восемнадцать надгробныхъ надписей изъ Крыма, Д. А. Хвольсона. — 15) О языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, А. Гаркави. — 16) Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія, С. Соловьева.—17) Русскіе замѣчательные люди, разсказы А. Суворина.—18) Промышленность древней Руси, С. Н. Аристова. — 19) Воспоминаніе о путешествіи по Уралу Е. И. В. герцога Николая Максимиліановича, Е. Богдановича.—20) Оборотень въ его миѳическомъ и пластическомъ олицетвореніяхъ, Д. Шеппинга.—21) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XVI, соч. С. Соловьева.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская: Общая ея характеристика за послѣднее время.—а) Оригинальныя сочиненія: 1) Сочиненія Т. Н. Грановскаго, въ 2 ч.—2) Бэконъ Веруламскій, Куно-Фишера, въ изложеніи Ф. Терновскаго. — б) Переводы: 1) Исторія американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, К. Неймана, т. I.—2) Гражданское развитіе Америки, Дрэпера. — 3) Америка, ея жизнь и природа, Фрѳбеля.—4) Исторія цивилизаціи Англіи, Бокля. — 5) Исторія нидерландской революціи, Мотлея, т. II.—6) Человѣкъ и природа, Г. Марша. — По поводу сочиненія г. Андреевскаго: „Русское государственное право“, т. I.—В. О.—*(IV, 1—80)*.

II. Педагогическая хроника.

О значеніи у насъ народнаго образованія и общественнаго воспитанія.—О мѣстѣ классическаго образованія въ общемъ ходѣ народной образованности. —О методѣ и матеріалѣ историческаго преподаванія.—Новыя къ тому пособія: сборники историческихъ источниковъ: 1) Учебникъ всеобщей исторіи, препод. Овсянникова. — 2) Учебно-историческій сборникъ, препод. Добрякова.—4) Schöppner, Characterbilder der algemeinen Geschichte, II Theil: Das Mittelalter. — Споры о цѣли и о значеніи историческаго преподаванія въ Пруссіи.—*(I, 1—16)*.

Дополненіе къ предыдущей хроникѣ.—Вопросъ о классическомъ обученіи во Франціи.—Децентрализація высшаго преподаванія наукъ, и участіе французскаго министерства народнаго просвѣщенія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1867 года. — Различіе англійскихъ и французскихъ взглядовъ на народное образованіе, и рѣчь Маколэя объ этомъ предметѣ.—Особенность этого вопроса у насъ.—Новыя книги педагогическаго содержанія: 1) Модзалевскаго, Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—2) Ор. Миллера, Христоматія къ „Опыту историч. обозрѣнія русской словесности“, ч. I, вып. 1.—3) Le Trésor littéraire de la France.—*(II, 1—18)*.

Объ учрежденіи во Франціи новой спеціальной „Нормальной школы“.—Циркуляръ по этому предмету г. Дюрюи.—Спеціальныя коллегіи во Франціи и реальныя гимназіи у насъ.—О „Запискѣ“ и „Программахъ учебника всеобщей исторіи“, составленныхъ въ 1850 г. Т. Н. Грановскимъ, М. Стасюлевича.—*(III, 1—28)*.

Т. Н. Грановскій—о классицизмѣ и реализмѣ. — Современные вопросы о наукѣ и о народномъ образованіи въ Германіи.—Замѣтка о ремесленномъ образованіи у насъ и за границею.—С. П.—Пятидесятилѣтній юбилей доктората Леопольда Ранкэ, М. Стасюлевича.—*(IV, 1—30)*.

III. Историческая хроника.

Общій взглядъ на значеніе исторической хроники.—Земское обозрѣніе: О причинахъ возникновенія у насъ земства, статья первая.—Н. Ѳ. Крузе. —Экономическое обозрѣніе: Нашъ современный экономическій бытъ.—Н. П. Колюпанова.—Иностранное обозрѣніе: Результаты сѣв.-америк. междоусобной войны. — W. — Новѣйшая историческая сцена, П. В. Анненкова.—Археологическая замѣтка о постановкѣ „Рогнѣды“, Сѣрова, письмо къ Н. И. Костомарову В. В. Стасова.—*(I, 1—92)*.

Нѣсколько словъ о значеніи и характерѣ переживаемой нами эпохи.—

Прощальное слово К. С. Аксакова къ своимъ читателямъ.—По поводу покушенія 4 апрѣля.—Земское обозрѣніе: I. Кругъ дѣятельности земства и ея основы, статья вторая, Н. Ѳ. Крузе.—II. Обзоръ начала дѣятельности губернскихъ земскихъ собраній, Н. П. Колюпанова.—Иностранное обозрѣніе: Германія наканунѣ разрыва между Пруссіей и Австріей, К. К. Арсеньева.—*(II, 1—111)*.

„Семидневная война" Пруссіи съ Германіей, и первый шагъ къ объединенію Германіи.—Земское обозрѣніе: Обзоръ дѣятельности губернскихъ земскихъ собраній: 1) Дѣятельность земскихъ учрежденій по народному образованію, Н. П. Колюпанова.—Экономическое обозрѣніе: I. Новѣйшія преобразованія по государственной отчетности, Z.—II. О современномъ городскомъ общественномъ управленіи: значеніе нашего городского общественнаго управленія въ прошедшемъ и настоящемъ; историческій его очеркъ; существующія постановленія о городахъ и ихъ общественномъ устройствѣ; недостатки нынѣшняго городского управленія; ходатайство петербургской Общей Думы о дарованіи городскому общественному управленію большей самостоятельности.—Ревизія петербургской распорядительной Думы и неудовлетворительность этого учрежденія. Необходимость въ этомъ вопросѣ децентрализаціи.—L.—III. Обзоръ городского хозяйства въ 1858 г., въ связи съ необходимостью городской реформы. Статья первая. Н. П. Колюпанова.—Иностранное обозрѣніе: I. О парламентской реформѣ въ Англіи 1866 года.—W.—II. Паденіе германскаго Союза. Статья первая. А. М.—III. Корреспонденціи изъ южной Италіи.—Е. О.—*(III, 1—202)*.

Сто лѣтъ тому назадъ и сегодня: „Наказъ" и „Судебный Уставъ".—Земское обозрѣніе: I. Первые результаты начала дѣятельности земства, статья третья.—Н. Ѳ. Крузе.—II. Обзоръ дѣятельности губернскихъ земскихъ собраній: 2) Пути сообщенія, Н. Колюпанова.—III. На Ковно или на Ригу? Корреспонденція изъ Либавы.—М. Х—овъ.—Иностранное обозрѣніе: I. Обзоръ современной политики Австріи съ 1859 г.—W.—II. Корреспонденція изъ Венеціи.—Е. О.—*(IV, 1—86.)*.

IV. Библіографическій Листокъ.

История Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія Имперіи. 1814—1852. А. Л. Рохау. Перев. и изд. А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича, 2 т.—Очеркъ развитія исторической науки, В. Геррье.—Край крещенаго свѣта, С. Максимова.—Исторія русской церкви. Макарія, арх. харьковскаго, т. IV и V.—Конституціонное начало, бар. Гакстгаузена, перев. К. Кавелина и Б. Утина.—Устройство Соединенныхъ-Штатовъ Америки, Эд. Лабуле.—Самодѣятельность, соч. С. Смайльса.—*(I, на обертки)*.

Bibliotheca bibliographica, von Jul. Petzholdt.—Die Geschichte Griechenlands, unter der Herrschaft der Römer, von G. F. Hertzberg.—Athen und Hellas, von Oncken.—Geschichte Ungarns, von Szalay.—Geschichte des deutschen Reiches unter der Regierung Ferdinands III, von M. Koch.—Gie Geheimnisse des sächsischen Cabinets, Ende 1745 bis Ende 1756. Archivarische Vorstudien für die Geschichte des Siebenjährigen Krieges.—*(II)*.

Atlas universel d'Histoire et de Géographie, par Bouillet.—Mélanges philosophiques, par Jouffroy.—Etudes sur les tragics grecs, par Patin.—Das moderne Kriegsrecht der civilisirten Staaten, als Rechtsbuch, von Bluntschli.—Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur, von Sugenheim.—Karte von Palestina, von Vandervelde.—Die ländliche Verfassung Russlands, ihre Entwickelung und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861, von Baron Haxthausen.—*(III)*.

Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, изд. Я. Гротъ и П. Пекарскій.—Николай Михайловичъ Карамзинъ, М. П. Погодина.—Графъ Блудовъ и его время, Ег. Ковалевскаго.—Высшая администрація Россіи XVIII в., и генералъ-прокуроры, А. Градовскаго.—Закавказье отъ 1803—1806, Н. Дубровина.—*(IV)*.

1867 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

10 іюня, 1867 г.

О ежемѣсячномъ изданіи „Вѣстника Европы“ — съ 1868 года, въ шести томахъ (двѣнадцать книгъ) — томъ около 60 листовъ (III, I; IV, V).

Пещуровъ, М. и Д.—По поводу дѣла объ А. П. Пещуровѣ. Письмо въ Редакцію (IV, Истор. Хр., 134).

Пинто, М.—Пій IX и революція. Изъ записокъ очевидца. 1848—49 гг. (II, 257; IV, 233).

Пржецлавскій, П.—Дагестанъ, его нравы и обычаи (III, 141).

Пыпинъ, А. Н.—Русское масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ: „Новиковъ и московскіе мартинисты", изслѣд. М. Лонгинова (II, 51 bis; III, 1 bis; IV, 1 bis).

Р.—По поводу статьи г. М.: „Княжна Тараканова и Принцесса Владимірская" (IV, Лит. Хр., 36).

Семевскій, М. И.—Матеріалы къ русской исторіи: 1788 г. (I, 297).

Скребицкій, А. И.—Очерки изъ исторіи крестьянства въ Европѣ (II, 201; III, 271; IV, 182).

Соловьевъ, С. М. Эпоха конгрессовъ, гл. III, IV, V и VI (I, 331; II, 300; III, 336; IV, 276).

Стасюлевичъ, М. М.– Памяти Евграфа Петровича Ковалевскаго. Замѣтка (III, 75).—Западная Европа наканунѣ 30-хъ годовъ. Статья вторая (III, 60 bis).

Стоюнинъ, В. Я.—Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ. Изъ біографіи Кантемира: 1732—38 г. (I, 224; II, 97).

Сушковъ, Н.—Изъ записокъ о времени имп. Александра I (II, 175).

Утинъ, Борисъ.—Историко-юридическая литература: „Высшая администраціи Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры", соч. г. Градовскаго (II, Литер. Хр. 35).

Хартахай, Θ.—Историческая судьба крымскихъ татаръ. Статья вторая (II, 140).

Ш. С. Ф.—По поводу вопросовъ о народномъ образованіи. Письмо въ редакцію штатнаго смотрителя Таврическихъ училищъ (II, Пед. Хр., 4).

I. Литературная хроника.

I. Новѣйшая литература русской исторіи: 1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, т. XVI.—2) Графъ Блудовъ и его время, Ег. Ковалевскаго.—3) Н. М. Карамзинъ, т. I и II, М. П. Погодина, и Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Я. Грота и П. Пекарскаго. — 4) Закавказье, отъ 1803—6 гг., И. Дубровина.—5) Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1769—1774 г., П. Петрова, т. I и II. — 6) Малороссійскіе посполитые крестьяне, Ал. Лазаревскаго.—7) Историческ. описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря, А. Мартынова, — 8) Русскій Архивъ за 1866 г.—9) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. россійскихъ, кн. 1, 2, 3.—10) Сочиненія, письма и избранные переводы, Д. И. фонъ-Визина, п. р. П. А. Ефремова.—11) Статьи, написан. для произнесенія въ торжеств. собраніи казанскаго унив. въ 100-лѣтній юбилей Карамзина.—По поводу брошюры Н. И. Тургенева: „О разноплеменности населенія въ русскомъ государствѣ", А.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская: 1) О народномъ представительствѣ, Б. Чичерина. — 2) Обзоръ сельско-хозяйств. учрежденій въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италіи, В. Вешнякова.—3) Сборникъ статей по еврейской исторіи и литературѣ, книга I, вып. 1.—4) Взглядъ на статистику въ историч. и современномъ ея развитіи, Н. Сухомлина.—В) Иностранная: 1) Французская: a) Correspondance secrète inédite de Louis XV, par Boutaric.—b) Le Roi chez la reine (Louis XIII, Anna d'Autriche), par Baschet.—c) Histoire de la vie militaire, politique et administrative du maréchal Davout, par Chénier. — d) Förster Kirck. Histoire de Charles le Téméraire, t. III.—e) Ars. Houssaye, Notre-Dame de Thermidor, histoire de Madame Tallian.—f) Ch. de Mazade, Deux femmes de révolution.—g) Histoire des États-Unis, t. I, II, III, par Ed. Laboulaye.—h) Tableau historique des Beaux-Arts, depuis la Renaissance jusqu'à la fin du XVIII siècle, par Ménard.—2) Нѣмецкая: a) Gervinus, Geschichte des XIX Jahrh. seit den Wiener Verträgen, t. VIII.—b) Ueber Nithard, vier Bücher Geschichten, von Knonau.—c) Die Anfänge des Karolingischen Hauses, v. Bonnell.—d) Die Sclaverei, von Wiskemann.—e) Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges, von Kugles.—f) Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets, 1745—1756. Bd. II.—3) Англійская литература: a) Denmark in the early iron age, by Engelhardt.—b) History of Scandinavia, by Sinding.—

c) Haydn's Dictionary of Dates, by Vincent. — d) The operation of war, by Hamley.—e) The treasury of geography, by W. Hughes. — f) Lectures on the Study of History, by Smith.—g) A new history of pointing in Italy, II — XVI century, by Crove.—h) A history of the city of Rome, its structures and monuments, by Dyer. — Analysis of the history of Germany, by Dawson.—i) A Selection from the miscellaneous inscriptions of Assyria, by Rawlinson. — k) A manuel of Roman antiquities, by Ramsay.—l) Studies in Parliament, by Hutton. — m) The conversion of the northern nations, by Merivale. — n) The history of India, by Elphinston.—(*I,1—102*).

Отвѣтная рѣчь Л. Ранке на 50-лѣтнемъ юбилеѣ его доктората, и вопросъ о національности въ исторіи.

I. Новѣйшая литература русской исторіи: А) Русская: 1) Собраніе анекдотовъ о кн. Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ, С. Шубинскаго.—2) Очерки восточной войны, кн. С. Урусова.—3) Акты, собран. Кавказ. Археогр. Коммиссіею, т. I. — 4) Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1867 г. — 5) Русскій Вѣстникъ, 12 кн.—6) Отечеств. Записки, 24 кн. — 7) Военный Сборникъ, 12 кн. — 8) Православный Собесѣдникъ, 12 кн.—9) Труды Кіевской Духовной Академіи, 12 кн.—10) Православное Обозрѣніе, 12 кн.—11) Странникъ, 12 кн.—В) Иностранная: a) Geschichte des russischen Staats, von Herrmann: 1791—1797.—b) Der General und Admiral Franz Lefort, von Posselt, 2 B-de.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: Исторія индуктивныхъ наукъ, отъ древн. до настоящаго времени, В. Уэвелля, перев. М. Антоновича и А. Пыпина.

III. Историко-юридическая литература: „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры. Соч. г. Градовскаго", Б. Утина. — (*II, 1-60*).

Новѣйшая литература всеобщей исторіи: 1) Французская литература: a) Géographie de Ptolémée, par Langlois.—b) Histoire des Chevaliers Romains, par Belot.—c) Néron, sa vie et son époque, par Latour St. Ybars.—d) Histoire des idées morales et politiques en France, en XIX siècle, par Barni. — e) Histoire de la puissance pontificale depuis St. Pierre juscqu'à Innocent III. par Viennot.—f) Oeuvres de Vergniot, Gensonné, Guadet, par Vermorel. — g) Vie des Savents illustres du moyen âge, par Figuier.—h) Essais sur les oeuvres et la doctrine de Macchiavel, par Deltuf.—i) Bertrand Du-Guesclin et son époque, par Jamison.—k) Lettres inédites de Diane de Poitiers, par Guiffrey.—l) Champfleury, Histoire de fayences patriotiques sous la révolution.—2) Нѣмецкая литература: a) Die Entstehung der Mythologie, von Leitschuh.—Athen und Hellas, Bd. II, von Oncken.—b) Diderot's Leben und Werke, Bd. I, von Rosenkranz. — d) Mysterien des Vaticans, von Griesinger.—e) Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur, Bd. I, von Sugenhain.—f) Die Hohenzollern-Könige in der Kulturgeschichte, von Müller.—(*III, 1—28*).

I. Новѣйшая литература русской исторіи: 1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, т. XVII.—2) Времясчисленіе христіанскаго и языческаго міра, состав. М. Лалошъ.—

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: 1) Paris-Guide par les principaux écrivains et artistes en France.—3) Louis XV et Louis XVI, par Michelet.—4) Archives de l'Ouest. Recueil de documents concernant l'histoire de la révolution 1789—1800, par Proust.—5) Histoire de Napoléon I, par Lanfrey, t. I, II.—Библіографическая замѣтка: Русскіе переводы избранныхъ сочиненій Іер. Бентама. К. К. Арсеньевъ.—По поводу статьи г. М.: „Княжна Тараканова и Принцесса Владимірская".—Р.—(*IV, 1—44*).

II. Педагогическая хроника.

Историческій взглядъ на связь школьнаго образованія съ служебными преимуществами.—Учительская дѣятельность и учительская служба.—Различныя новѣйшія мѣры и предположенія вообще по учебной части. — Новыя книги: 1) Л. Модзалевскаго, Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ временъ, вып. 2.—2) П. Тимошенко, Очерки науки о воспитаніи, ч. I: Педагогика. — 3) Петрушевскаго, Разсказы про старое время на Руси. — Post-scriptum: Торжество 50-лѣтняго юбилея доктората Л. Ранке въ Берлинѣ.—(*I, 1—16*).

Появленіе „новаго классицизма" въ церковно-славянской формѣ. — Предположеніе замѣнить, въ испытаніи на магистра русской исторіи, политическую экономію славянской исторіей.— I. Письмо въ Редакцію старшаго смо-

трителя Таврическихъ училищъ, по поводу вопросовъ о народномъ образованіи.—Ш. Ф. С.—II. О докладѣ „Постоянной Земской Коммиссіи“ въ Москвѣ по народному образованію.—*(II, 1—24)*.

По поводу открытія императорскаго историко-филологическаго института. —О необходимости рядомъ съ нимъ имѣть физико-математическій институтъ.—Реформа духовныхъ училищъ и существенный пробѣлъ въ ихъ программѣ. — Идеи о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени.—П. П.—*(III, 1—18)*.

III. Историческая хроника.

Обзоръ хода внутренней политики за истекшій годъ въ Россіи и за границей.—I. Очеркъ изъ исторіи земства въ 1866 г. Очеркъ первый: Задача настоящихъ очерковъ.—Расширеніе и ограниченіе правъ земства.—Сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ и передача земскихъ капиталовъ.—Правительственныя указанія по составленію земскихъ раскладокъ.—Н. Колюпанова.—II. Городское хозяйство и общественное управленіе въ Петербургѣ. Статья первая: постоянные дефициты въ городскомъ бюджетѣ.—Мнѣніе государственнаго совѣта 1863 г.—Стараніе Думы привести городское хозяйство въ порядокъ.—Городскіе доходы въ 1867 г.—Источники доходовъ: недвижимыя имущества, промыслы.—Предложеніе губернатора о возвышеніи пошлины за мелочный торгъ въ разносъ.—Спеціальные доходы.—Сборъ съ промышленныхъ заведеній.—Причины упадка трактирныхъ заведеній.—Сборъ съ городскихъ общественныхъ имуществъ.—Косвенные налоги.—Доходы вспомогательные.—Вопросъ о питейной торговлѣ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.—Городскіе расходы въ 1867 г. — Невычисленные, дополнительные и посторонніе расходы, и ходатайство Думы по поводу послѣднихъ.—Несоразмѣрность въ распредѣленіи сего расхода.—Стараніе Думы къ его уменьшенію. — Новые штаты петербургской полиціи.—Расходы по строительнымъ работамъ.—Устройство Сѣнной площади и городской скотобойни.—Причины дороговизны мяса.—Городское освѣщеніе и наблюденіе за нимъ.—L.—III. Паденіе Германскаго союза. Статья вторая: 1848—1852 г.—А. М. — IV. Современная Франція. Очеркъ первый.—Е. О.—V. Вовстаніе на островѣ Кандія.—W.—*(I, 1—142)*.

Общественные толки по поводу новой судебной реформы.—Есть ли возможность опредѣлить точнѣе наши отношенія къ греко-славянскому вопросу?—I. Очеркъ изъ исторіи земства въ 1866 году. Очеркъ второй: Уравненіе натуральныхъ повинностей и преимущественно дорожной.—Попеченіе о народномъ здравіи.—Предупрежденіе скотскихъ падежей.—Мѣры обезпеченія народнаго продовольствія.—Взаимное земское страхованіе.—Сельскія почты.—Прекращеніе пьянства и нищенства.—Н. П. Колюпанова.—II. Первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса. Очеркъ первый.—W.—III. Современная Франція. Очеркъ второй.—Е. О.—Корреспонденціи и замѣтки: I. Всемірная выставка 1867 г. Письмо первое изъ Парижа.—Е. О.—II. По поводу новѣйшей русской исторической сцены. — Н. К—овъ.—III. Русская современная исторія въ романахъ Тургенева: „Дымъ“. — П. В. Анненковъ. — *(II, 1—120)*.

По поводу закрытія дѣйствія земскихъ учрежденій въ с.-петербургской губерніи и неполнаго возвращенія къ общему порядку вещей. — Общій ходъ европейской политики за лѣтніе мѣсяцы.—I. Очерки изъ исторіи земства въ 1866 году. Очеркъ третій: Вопросы, переданные на обсужденіе земскихъ собраній высшимъ правительствомъ: о лѣсахъ, строительномъ училищѣ и о селитрованіи въ Россіи.—Вопросы, возбужденные самими земскими собраніями: земскіе банки; наблюденія за правильностью торговли; покровительство внутренней промышленности; сложеніе акциза съ соли; распространеніе права на винокуреніе; разрѣшеніе сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ; разрѣшеніе ярмарокъ и базаровъ; переселеніе латышей; введеніе гипотечнаго права; измѣненіе въ порядкѣ избранія мировыхъ судей; уменьшеніе формальностей при выдачѣ подорожныхъ; освобожденіе крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія; преобразованіе волостей, и объ арендаторскихъ пошлинахъ. — Н. П. Колюпанова. — II. Первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса. Очеркъ второй.—W.—Корреспонденціи и замѣтки: Всемірная выставка 1867 года. Письмо второе изъ Парижа.—Е. О.—*(III, 1- 100)*.

Противорѣчія принциповъ, одобряемыхъ во внутренней политикѣ, съ тѣми же принципами во внѣшней политикѣ. — Новая книга Прево-Парадоля о различіи началъ внутренней и внѣшней политики французской имперіи. — Важное значеніе опубликованныхъ депешъ гр. Мюнстера для разъясненія направленій въ современной политикѣ западныхъ государствъ.— I. Общій взглядъ на первый періодъ исторіи земскихъ собраній въ Россіи.—Н. П. Колюпанова.—II. Обзоръ городского хозяйства въ 1858 г., въ связи съ необходимостью городской реформы. Статья вторая.—Н. П. Колюпанова.—III. Современная Франція. Очеркъ третій.—Е. О.—IV. Австрійскій конкордатъ, въ связи съ вопросомъ о народномъ образованіи. — W.—V. Письмо въ Редакцію: По поводу дѣла объ А. П. Пещуровѣ. — М. и Д. Пещуровы.—(*IV*, *1—140*).

IV. Библіографическій Листокъ.

Землевѣденіе К. Риттера, перев. В. В. Григорьевъ.—Записки о Московіи, бар. Герберштейна, перев. И. Анонимовъ. — Древнее общество. Обзоръ культа, права и учрежденій Греціи и Рима. Соч. Фюстель-Куланжа, перев. Н. Бабкина.—Францискъ Баконъ Веруламскій. Реальная философія и ея вѣкъ. Соч. Куно-Фишера, пер. Н. Страховъ.—Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Пер. П. Бибиковъ, т. I, II, III.—(*I*).

Историческія монографіи и изслѣдованія Н. Костомарова, т. III.—Исторія французской революціи, Минье, т. II, пер. К. К. Арсеньева.—Новѣйшее образованіе, его истинныя цѣли и требованія, Эд. Юманса, перев. М. Антоновичъ.—Авраамъ Линкольнъ и великая борьба между сѣв. и южн. америк. штатами, Макса Ланге.—(*II*).

Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій, драмат. хроника, А. Островскаго.—Исторія индуктивныхъ наукъ, отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени, В. Уэвелля, перев. М. Антоновича и А. Пыпина. — Отзывы и мнѣнія военачальниковъ о польской войнѣ 1831 г., Ф. Смита, перев. В. Квитницкаго.—Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, Н. Дубровина.—Записки охотника восточной Сибири, А. Черкасова. — Исторія французской революціи и ея времени, Зибеля, 2 т., перев. В. Ососова и А. Путяты.—(*III*).

Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами въ 1853—54 гг. Ег. Ковалевскаго.—Іезуиты въ Россіи въ царствованіе Екатерины II и до нашего времени, ч. I, М. Морошкина.— Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. I. — Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи, М. Троицкаго.— Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи, состав. Г. Палеологъ и М. Сивиписъ.—(*IV*).

1868 г.

А.—Императоръ Максимиліанъ и латинофильство (янв. 419). — Новая почтовая такса пересылки журналовъ (нояб., 462).

А—въ, Л.—Гугеноты внѣ Франціи (май, 298).—Наши дѣла въ Туркестанскомъ краѣ (іюнь, 769).—Турецкія реформы и бюрократія (дек. 773).

Анненковъ, П. В.—Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Война и Миръ" (февр. 774).

Арсеньевъ, К. К.—Королева Елисавета и реформація (февр. 796).— Новый законъ о печати во Франціи (апр. 901).—Янъ Гусъ и чешская національность (сент. 360).

Ауэрбахъ, Б.—Дача на Рейнѣ. Перев. съ рукописи (сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595).

I. Ежемѣсячная хроника.

стороны Франціи.—Новыя сочиненія общественнаго значенія: Ег. П. Ковалевскаго и г. М. Степанова.—(*Февр.*, *850*).

I. **Внутренняя политика.** — Классическое опредѣленіе понятія „реальной" школы, какъ „мѣщанской".—Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1866 г.—Можно ли считать приготовленіе учителей для народныхъ школъ „роскошью"? — Дѣятельность „Коммиссіи для доставленія пособія жителямъ отъ неурожая".—Мысль о необходимости налога на капитальную ренту.—Софизмы нашихъ протекціонистовъ.

II. **Иностранная политика.**—Значеніе дружбы Пруссіи съ Франціей.—Новое министерство въ Англіи Дизраели. — Новый законъ о печати во Франціи и пренія по этому поводу.—Рѣчь Тьера въ пользу свободы печати.—(*Мартъ*, *413*).

I. **Внутренняя политика.**—Упраздненіе правительственной коммиссіи въ царствѣ Польскомъ.—Слухъ о реформѣ въ землѣ Войска Донского.—Новый министръ внутреннихъ дѣлъ.—Новыя желѣзныя дороги.—Неудовлетворительность Николаевской желѣзной дороги, и вопросъ о ея продажѣ.—Работы тарифной коммиссіи.

II. **Иностранная политика.**—Колебаніе „союзовъ". — Поѣздка принца Наполеона въ Берлинъ.—Ирландскія дѣла.—Судъ въ сѣв.-американскихъ штатахъ надъ президентомъ республики.—Новый томъ романа гр. Л. Н. Толстого: „Война и Миръ", съ географической картою и философско-политическія теоріи автора.—(*Апрѣль*, *843*).

I. **Внутренняя политика.**—Клеветы Шарля де-Мазада на современную Россію и ея реформы.—Отчетъ государственнаго контролера по исполненію смѣты на 1866 г. и финансовая смѣта на текущій 1868 г.—Смѣта военнаго министерства и платежи процентовъ.—Главныя статьи нашихъ доходовъ и ихъ вредное вліяніе на экономическія силы страны.

II. **Иностранная политика.**—Слухи о всеобщемъ „разоруженіи". -- Процессъ Джонсона въ Сѣв. Америкѣ.—Затруднительное положеніе новаго министерства въ Англіи.—Новая книга въ области русской публицистики: „Польскій вопросъ", М. П. Погодина.—(*Май*, *385*).

I. **Внутренняя политика.** Враждебное отношеніе французской публицистики къ Россіи по поводу восточнаго вопроса.—Сбивчивость понятій о роли Россіи въ общеславянскомъ дѣлѣ. — Отчетъ москов. славянскаго комитета о 10-лѣтней дѣятельности — Наши дѣла въ средней Азіи.—Тарифная коммиссія и вопросъ о пошлинѣ на машины.

II. **Иностранная политика.**—Запросъ Кольба-Бернара о вліяніи либерально-торговой политики на экономическое положеніе Франціи.—Рѣчь Тьера и ея слабыя стороны.—Утвержденіе новаго закона о печати.—Билль о реформѣ въ Англіи.—Успѣхъ абиссинской экспедиціи.—Торжество президента Джонсона.—(*Іюнь*, *809*).

I. **Внутренняя политика.**—Высочайшій указъ 25 мая объ облегченіи наказанія политическимъ преступникамъ. — Возобновленіе с.-петербургскаго земства.—Отчетъ петерб. городской Общей Думы за 1865—68 г. и сборникъ постановленій одесской думы за первое ея 3-лѣтіе.—Хорошія „предложенія" обѣихъ Думъ и постоянныя затрудненія получать на осуществленіе ихъ „установленныя разрѣшенія".—Новые успѣхи нашего оружія въ средней Азіи.—Частныя свѣденія о судьбѣ тарифнаго проекта.

II. **Иностранная политика.**—Положеніе христіанскихъ народностей въ Турціи.— Сербскія дѣла. — Республиканскій конвентъ въ штатѣ Чикаго.—Окончательное принятіе палатою билля объ отмѣнѣ государственной церкви въ Ирландіи.—(*Іюль*, *399*).

I. **Внутренняя политика.** Объ устройствѣ дѣлъ въ западномъ краѣ и объ обрусеніи края.—Мнѣнія, высказанныя по этому поводу въ нашей печати, и назиданіе ей со стороны „Сѣверной Почты".—Изъ исторіи развитія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.—Новый указъ о рекрутскихъ квитанціяхъ.

II. **Иностранная политика.**—Открытіе памятника Лютеру въ Вормсѣ и созваніе пятаго новаго вселенскаго собора. — Рѣчь Олливье по поводу собора.—Полная свобода совѣсти въ Австріи и разрывъ съ папою.—Административная и экономическая реформа въ наслѣдственныхъ земляхъ Габсбурговъ и соглашеніе съ Кроаціею и Венгріею. — Чешскія дѣла. —(*Авг.*, *841*).

I. **Внутренняя Политика.** — „Университетская исторія", излагаемая въ „Русскомъ Вѣстникѣ".—Вопросъ, воз-

буждаемый Н. И. Тургеневымъ въ его новой брошюрѣ: „Чего желать Россіи? —О народномъ пьянствѣ.—Современное положеніе западнаго края.—Рѣшеніе присяжныхъ въ новгородскомъ окружномъ судѣ.

II. **Иностранная политика.** —Шампанская рѣчь Наполеона III и подписка на новый заемъ въ 34 раза выше требованій.—Сужденіе о такомъ успѣхѣ въ Англіи и въ Пруссіи.—Безпокойное внутреннее положеніе Франціи. — Празднество стрѣлковъ въ Вѣнѣ.—Демонстраціи въ Швеціи мѣстныхъ журналистовъ. — Приготовленіе въ Англіи къ новымъ выборамъ. — (*Сентябрь*, *442*).

I. **Внутреннее обозрѣніе.** — Культурная сила церкви вообще и у насъ въ частности.—Характеръ польскихъ реформъ въ духовныхъ училищахъ и окончательный ихъ результатъ.—Выборное начало въ духовенствѣ, и вопросъ объ обезпеченіи низшаго духовенства въ связи съ состояніемъ нашихъ финансовъ.—Новая брошюра о нашихъ финансахъ, вышедшая въ Лондонѣ, и мѣры, предлагаемыя ею къ ихъ исправленію. – Проектъ особой кредитной „Коммиссіи.—(*Окт.*, *845*).

II. **Иностранное обозрѣніе.**—Разладъ между общественными стремленіями и личными видами правительствъ по вопросу о войнѣ и мирѣ.— Новая программа „либеральной лиги“ во Франціи, ея побѣды и неудачи; императорскія и министерскія рѣчи въ ихъ противорѣчіи съ дѣйствіями.— Международные конгрессы. — Франція и Пруссія предъ судомъ Гизо. — Путешествіе и рѣчи прусскаго короля. —Индифферентизмъ Англіи.—Результаты австрійскаго дуализма.—Итальянская оппозиція.—Пиренейскій полуостровъ.—(*Октябрь*, *857*).

I. **Внутреннее обозрѣніе.** — Реакціонныя похоти по крестьянскому дѣлу.—„Своеволіе, пьянство“ народа и стремленіе къ переселенію.—Общій результатъ хода освобожденія.—Двоякая мѣрка при оцѣнкѣ народныхъ движеній.—Переселеніе и крѣпостное право. — Мѣры, предлагаемыя Н. П. Колюпановымъ.—Положеніе о земельномъ отдѣлѣ бессарабскихъ царанъ.— За кѣмъ теперь очередь?—Крестьянскій вопросъ въ Остзейскомъ краѣ и „Окраины Россіи“, г. Самарина. — Исторія правительственныхъ мѣръ и нынѣшніе ихъ результаты.—Обезземеленіе крестьянъ.—(*Ноябрь*, *387*).

II. **Иностранное обозрѣніе.** — Послѣднія 60 лѣтъ испанской исторіи и 45 лѣтъ ея революцій. — Сравненіе аранжуецскаго пронунціаменто 1808 г. съ настоящимъ. – Кортесы 1812 г. и Фердинандъ VII, отецъ Изабеллы. — Возстаніе 1820 г. и Ріего. — Прагматическая санкція и донъ-Карлосъ.—Регентство Маріи Христины. Пронунціаменто Эспартеры и его регентство. — Изабелла II и революція 1854 г. — 18-е сентября и три его дѣйствующія лица: Примъ, Серрано и Олозаго. — Трудности временного правительства. —Прогрессъ въ международныхъ отношеніяхъ Европы и международная политика въ испанскихъ дѣлахъ.— (*Ноябрь*, *403*).

I. **Внутреннее обозрѣніе.**—Отношеніе у насъ къ дѣлу народнаго образованія. — Народная школа и встрѣчаемыя ею препятствія.— Статистика народнаго образованія. — Начальныя школы и министерство народнаго просвѣщенія. — Примѣръ Пруссіи. — Новѣйшіе факты въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. — Вопросъ о гарантіи и руководствѣ концессіями. — Наша податная система и характеръ подушной подати.—Новый проектъ податей. — Оффиціальная печать и новый ея органъ: „Правительственный Вѣстникъ“.—(*Дек.*, *852*).

II. **Иностранное обозрѣніе.** — Положеніе партій и временного правительства въ Испаніи.—Повсемѣстное открытіе парламентовъ, и внутреннія заботы государствъ. — Франція и ея мрачныя историческія воспоминанія. —Книга Тено и дѣло Бодена.—Обвинители—обвиненные, и обвиненные—обвинители. — Австрійскій рейхстагъ. — Прусскій парламентъ и рѣчь короля.—Италія и ея канцлеръ.—Вопросъ о министерствѣ въ Англіи. — Грантъ.—(*Дек.*, *868*).

II. Литературныя извѣстія.

Русская литература: 1) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. II, А. Аѳанасьева. — 2) Путешествіе по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ, М. Венюкова.—3) Изъ Америки. О школѣ вообще, о нѣмецкой и американской школѣ, Р. Дюлона, перев. А. Пальховскаго.—4) Новыя сочиненія Г. П. Данилевскаго, 2 т.—5) Въ сумеркахъ, сатиры и пѣсни Минаева.— 6) Учебникъ гармоніи, Э. Рихтера, пер.

А. Фаминцына. — Отъ Редакціи. — (*Февр.*, *899*).

Древности, труды москов. археолог. общества, т. I, вып. I. — Древности, археологич. Вѣстникъ, п. р. А. Котляревскаго, 4 вып. — Библіографическія и историческія приложенія къ баснямъ Крылова, состав. Кеневичъ. — Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. IX. — Записка адм. С. И. Мордвинова и Автобіографическія записки Д. Б. Мертваго. — Княжна Тараканова и Принцесса Владимірская, П. Мельникова. — Основныя начала финансовой науки, К. Рау, перев. п. р. В. Лебедева, т. II. — Опытъ общепонятнаго изложенія началъ финансовой науки съ примѣненіемъ ихъ къ Россіи, и Обзоръ основаній раціональнаго тарифа, соч. А. Шипова. — Философія уголовнаго права, А. Франка, перев. Д. Слонимскаго. — Исторія индуктивныхъ наукъ, В. Уэвелля, перев. М. Антоновича. — Торговый домъ Домби и сынъ, Ч. Диккенса, перев. И. Введенскаго, 2 т. — Записки о жизни и времени святит. Филарета, митроп. московскаго, В. Сушкова. — Post-scriptum: Письмо сенатора М. К. Цаймерна въ редакцію. — (*Мартъ*, *416*).

Описаніе Кіева, Н. Закревскаго. — Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, И. Хрущова. — O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantinskiego u narodow słowianskych, R. Hube. — Сцены природы въ Сѣв. Америкѣ, Одюбона, перев. К. Жилиной. — Воздухъ и воздушный міръ съ его явленіями и обитателями, А. Манжена, перев. П. Ольхина. — Путешествіе по Амуру и восточной Сибири, А. Мичи, перев. П. Ольхина. — Письмо въ редакцію И. Шамшина съ поправкою къ „Воспоминаніямъ" Панаева. — (*Апр.* *949*).

Очерки юридической энциклопедіи, В. Ренненкампфа. — Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей, т. IV, изд. Н. Некрасова и Н. Гербеля. — Осмнадцатый вѣкъ, кн. 1, изд. П. Бартенева. — Страница изъ книги страданій болгарскаго племени, Любена Каравелова. — Философія природы, Гегеля, перев. В. Чижова, т. I. — Исторія земли, Фр. Мора, пер. Шульгина. — Замѣчательные процессы. — Принцъ Канишь, соч. Эд. Лабулэ. — (*Май*, *437*).

I. Русская литература: Чтеніе въ имп. обществѣ исторіи и древн. россійскихъ, 4 кн. — Исторія крестьянской войны въ Германіи, В. Циммермана, перев. съ нѣм. — Засоренныя дороги и Съ квартиры на квартиру, ром. и разск. А. Михайлова. — Глухія мѣста, разск. Д. Стахѣева. — Изнанка на-лицо, разск. Топорова. — Очерки съ натуры, М. Колосова. — Естественная исторія пчелы, П. Карасевича.

II. Иностранная литература: Mélanges biographiques et littéraires, par M. Guizot. — (*Іюнь*, *869*).

I. Русская литература: Радищевъ и его книга: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790 г." Спб. 1868. — *А. П—нъ.* — О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. А. Котляревскаго. — Логическія изслѣдованія Ад. Тренделенбурга, ч. I, пер. Е. Корша. — *Л. А—въ.* — Уголовная Лѣтопись, процессы всѣхъ странъ, кн. 1, т. I. — Очерки природы и быта Бѣломорскаго края, А. Михайлова. — Записка по поводу предлагаемыхъ измѣненій въ русскомъ тарифѣ 1857 г., Т. Мичеля. — Пережитое и передуманное, В. Кельсіева. — Д. — Замѣтки лазутчика во время усмиренія мятежа въ Польшѣ, въ 1863 г.

II Иностранная литература: Histoire du soulévement des Pays-Bas contre la domination espagnole, par Th. Just. — Histoire d'Olivier Cromwell, par Dargaud. — PS. Отмѣна запрещенія на книгу Радищева. — (*Іюль*. *423*).

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, два тома. — *А. П—нъ.* — Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. правит. синода, т. I. — Б. У. — Некрологъ: Д. И. Писаревъ. — (*Авг*, *889*).

Русско-ливонскіе акты, собр. К. Напьерскимъ. — О капиталѣ и трудѣ невещественномъ, В. Ригера, перев. съ чешскаго Д. Щеглова. — О сельскомъ хозяйствѣ, В. Кренке. — Участь раненыхъ и больныхъ во время войны, Ф. Затлера. — Восточный вопросъ и Болгарія, Н. Липранди. — А. Большаковъ, ром. Н. Кошкарева. — Воспоминанія и впечатлѣнія, стих. А. Висконти. — Теорія счастья. Врачъ и его паціенты, д-ра Пидерита, перев. Н. Вейнберга. — Мессіада, Клопштока, перев. С. Писарева. — Исторія чешскаго народа, В. Томка, перев. съ чеш. В. Яковлева. — О поземельномъ налогѣ, В. Лебедева. — Geschichte der Jahre 1860 bis 1867, v. Ed. Arndt. — (*Сент.*, *473*).

Военно-статистическій сборникъ на 1868 г., вып. 2. — Сказаніе кн. Курбскаго, Н. Устрялова. — Современные

французскіе писатели: Дрозъ, Дюма-сынъ, Рошфоръ.—Мальтусъ, опытъ о законѣ народонаселенія.—Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи отъ Арпада, Н. Попова.—Собраніе сочиненій М. Загоскина.—Внучка панцырнаго боярина, К. Лажечникова.—Geschichte der deutschen Einwanderung in America, v. Fr. Kapp. —(*Окт.*, *897*).

Русскіе на Босфорѣ, замѣтка Н. Муравьева.—Общественное воспитаніе въ Россіи, Ѳ. Уманца.—Сочиненія Е. А. Баратынскаго.—(*Нояб.*, *475*).

Пять лѣтъ изъ исторіи харьковскаго университета, воспом. проф. Роммеля.—*К—ій.*—Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса, М. Н. Галкина.—Окраины Россіи: Русское Балтійское поморье, вып. 1, Ю. Самарина.—Галичина и Молдавія, Вас. Кельсіева.—Д.—The invasion of Crimea, by Kinglake.—Journal humoristique du siège de Sébastopol, par un artilleur.—И. Н. —(*Дек. 917*).

III. Библіографическій Листокъ.

Исторія XIX-го вѣка, Г. Гервинуса, т. V.—Исторія цивилизаціи Германіи, I. Шерра.—Вѣче и Князь, В. И. Сергѣевича. — Военно-статистическій сборникъ на 1868 г., п. р. Н. Обручева.—Военныя силы сѣв.-амер. штатовъ, В. Руссильона, перев. Станкевича.—Гражданская практика кассаціоннаго Сената.—(*Январь*).

Финансовыя системы Англіи, Франціи и Россіи, М. Степанова.—Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, И. Хрущова. — О родѣ Юсуповыхъ, т. I и II.—Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, К. Ушинскаго. — Оправданные, осужденные и укрывшіеся отъ судей.—Новые русскіе уголовные процессы, А. Любовскаго.—(*Февраль*).

Историческія монографіи и изслѣдованія Н. Костомарова: Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка, т. I и II.—Дневникъ I. Г. Корба, перев. съ латин. Б. Женева и М. И. Семевскаго.—Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—64 гг., П. Пекарскаго.—Теорія нравственныхъ чувствъ, Ад. Смита, перев. П. Бибикова. —(*Мартъ*).

Война и миръ, т. IV, гр. Л. Н. Толстого.—Замѣтка по средне-азіатскому вопросу, Д. И. Романовскаго.—Справочная книжка Оренб. Губерніи на 1868 г.—Труды Донского войскового статистическаго Комитета, вып. I.—Курсъ гражданскаго права, соч. Побѣдоносцева, т. I, II.—(*Апрѣль*).

Обыкновенная исторія, ром. Ив. Гончарова, изд. 4-е. — Лейбницъ и его вѣкъ, В. Герье.—Земля и Воля, П. Л.—Сокращенный календарь на 1000 л., кн. Н. Туркестанова.—(*Май*).

Великія Минеи-Четіи, т. I.—Исторія попытокъ къ соединенію церквей, греческой и латинской, А. Катанскаго.—Сборникъ разсказовъ изъ путешествій и быта народовъ, по Дилицу, пер. Трубниковой и Стасовой.—Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи, вып. I, кн. В. П. Мещерскаго. — Руководство для мировыхъ судей. Уставы о наказаніяхъ, Н. Неклюдова.—(*Іюнь*).

Чтеніе изъ русской исторіи, вып. 6, П. Щебальскаго. — Желѣзныя дороги въ военномъ отношеніи, т. I, А. Кивиста.—Римскія древности д-ра Коппа. — Сцены изъ народнаго быта, И. Ѳ. Горбунова.—(*Іюль*).

Государственные доходы, В. Безобразова.—О примѣненіи системъ охранительной и свободной торговли въ Россіи, гр. А. Бобринскаго. — Сводъ сужденій и постановленій земскихъ собраній о земскихъ повинностяхъ, С. Ольхина. — Сводъ рѣшеній кассаціон. департаментовъ правит. Сената, Я. И. Утина. — Описаніе Петергофа, 1501—1868 гг., А. Гейрота.—(*Августъ*).

Собраніе сочиненій А. Гильфердинга.—Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, т. I, А. Д. Градовскаго.—Уходъ за дѣтьми физіологическій и нравственный, состав. А. Комбъ.—Справочная книга для судостроителей, инженеровъ, и пр., состав. А. Прозоровскимъ и А. Рудаковскимъ.—(*Сентябрь*).

Сказаніе кн. Курбскаго, Н. Устрялова.—Мадьярскій историкъ Влад. Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до Прагматической санкціи, Н. Попова.—Общественное воспитаніе въ Россіи, Ѳ. Уманца.—Исторія кабаковъ въ Россіи, въ связи съ исторіею русскаго народа, Ив. Прыжова.—(*Октябрь*).

Калмыцкая степь астраханской губерніи, по изслѣдов. Кумо-Манычской экспедиціи.—Вооруженныя силы Россіи, Р. Фадѣева. — Герои Греціи въ

1869 г.

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Прошедшій годъ; общая его характеристика и различіе въ общественномъ настроеніи. Главнѣйшія событія и новыя реформы. Судьба прежнихъ реформъ, крестьянской, земской и судебной, и дѣла западнаго края. Современное положеніе дѣлъ въ средней Азіи и ихъ cercle vicieux. Новая книга г. Пашино о Туркестанѣ (409 стр.). —**Февраль.** — Новыя правительственныя соображенія. Роспись на 1869 годъ. Отчетъ государственнаго контроля по отношенію росписи 1867 года. Составъ отчета. Превышеніе въ доходахъ. Уменьшеніе расходовъ. Процентъ расходовъ сверхсмѣтныхъ. Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1867 г. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Миссіонерство и вѣротерпимость. Народныя школы духовенства. Характеръ ихъ. Школы государственныхъ имуществъ, и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ по поводу ихъ (898 стр.).—**Мартъ.**—Юбилей Петербургскаго университета. Высочайшій рескриптъ. Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. Экономическіе результаты. Желѣзнодорожная политика. Элементы стратегическій и экономическій. Восемь предположенныхъ линій. Дороги безъ гарантіи. Новая концессія. Моршанское дѣло. Расколъ и школы. Московское земство и народныя школы. Вопросъ объ учителяхъ. Проектъ учительской семинаріи (424 стр.). —**Апрѣль.**—Сессія дворянства петербургской губерніи. Вопросъ объ опекѣ. Правительственный проектъ. Всесословность и сословность. Городской элементъ въ общей опекѣ. Вопросъ о 19-мъ февраля 1870 года. Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ гдовскаго уѣзда. Земледѣльческая ипотека и банки. Что такое почта? Реформа во взглядѣ на умственное право общества. Религіозныя разномыслія. Дѣло Крынина. Дѣло Большакова (921 стр.).—**Май.**—Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. Туркестанская выставка, и наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи. Волненіе въ Оренбургскомъ краѣ. Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 г. Земскіе выборы. Статистика земскаго правительства. Проектъ о новомъ сословіи. „Всеобщее еврейское общество“ и наши евреи. Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи (370 стр.).—**Іюнь.**—Взглядъ на полицію въ обществѣ. Новѣйшія преобразованія по полиціи въ Петербургѣ. Отчетъ о дѣятельности полиціи за 1867 годъ. Необходимость предварительнаго пересмотра полицейскаго права. Сущность послѣдней полицейской реформы и ея недостаточность. Наши города: ихъ происхожденіе и характеристика. Проекты городского преобразованія. Упадокъ вексельнаго курса. Наша финансовая политика. Новое положеніе министерства путей сообщенія. Отношеніе почтоваго дѣла къ желѣзнымъ дорогамъ. Post-scriptum: Циркуляръ министра юстиціи (871 стр.).—**Іюль.**—Реформы относительно духовенства: отмѣна наслѣдственности духовнаго званія; опредѣленіе приходовъ и приходскаго духовенства. Подсудность духовенства. „Свѣтская рука“ въ духовныхъ дѣлахъ. Законы о святотатствѣ, и наказанія по духовнымъ винамъ. Преобразованіе въ положеніи казачьихъ населеній. Отмѣна обязательности службы. Отводъ земель. Концессія либавской дороги. Отчетъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Контрактъ съ братьями Уайнесъ (362 стр.). — **Августъ.**—Право пріобрѣтенія дворянскихъ вотчинъ въ Эстляндіи. Крестьянскій юбилей въ Остзейскомъ краѣ. Крестьянскій вопросъ и полемика по балтійскимъ дѣламъ. Съѣздъ петербургскаго епархіальнаго духовенства. Выборное начало среди духовенства. Новый уставъ духовныхъ академій. Нѣкоторыя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла. Наши дѣла на Востокѣ. Измѣненіе въ судебныхъ уставахъ (842 стр.).—**Сентябрь.**—Внутренній заемъ въ 15 мил. р. Обращеніе безпроцентнаго долга. Возраженія противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго рессурса. Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ. Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ. Расторженіе контракта съ Уайнесомъ. Желѣзнодорожные торги. Воронежско-Грушевская и Бессарабская дороги. Съѣздъ петербургскаго духовенства (347 стр.).—**Октябрь.**—Почтовое дѣло и почтовыя ревизіи. Новыя условія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 г. Наши экономическія дѣла. Спекуляція. Биржа. Банки. Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ. Выпускъ ассигнацій. Кризисъ. Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати. Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. Прекращеніе безпорядковъ въ киргизскихъ степяхъ. Виды въ будущемъ (870 стр.).—**Ноябрь.**—Земское управленіе и его расходы. Петербургская городская смѣта на 1870 годъ.

Степень простора земства въ распоряженіи средствами. Преобразованіе Адресной Экспедиціи. Пріѣздъ Кремьё и еврейскій вопросъ. Евреи въ новомъ городскомъ положеніи. Отчетъ о сборѣ на желѣзныхъ дорогахъ. Проектъ новаго положенія объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ (392 стр.).— **Декабрь.**—Коммиссія для пересмотра постановленій о печати. Одинъ изъ проектовъ податной коммиссіи. Расходы на личный составъ администраціи. Отнятіе у земства даровой почтовой корреспонденціи. Рекрутскій наборъ 1870 года. Народная гигіена. Медицинскій отчетъ Полтавскаго земства. Народное образованіе. Отношеніе къ нему министр. народнаго просвѣщенія (904 стр.).

II. Иностранное Обозрѣніе.

Январь.—Коренная причина всѣхъ затрудненій европейской дипломатіи. Источникъ рѣшительной политики Турціи въ послѣднее время, и румынскія дѣла. Турецкій ультиматумъ 10-го декабря. Національное движеніе въ Греціи и конференція. Отношеніе Австріи къ восточному вопросу. Новое министерство во Франціи въ связи съ греко-турецкимъ столкновеніемъ. Отношеніе къ Турціи новаго министерства въ Англіи. Лордъ Стэнлей и его рѣчь по восточному вопросу. Америка (426 стр.). — **Февраль.**—Парижская конференція по греко-турецкому столкновенію. Забытые трактаты. Любопытная дипломатическая переписка. Бурре, Эллiотъ и Игнатьева. Антинаціональная политика греческаго кабинета. Тронная рѣчь Наполеона III и воинственныя угрозы. Ея отношенія къ внутреннимъ дѣламъ Франціи. Дѣло барона Сегье. Недовольство католической партіи. Волненія въ Италіи и новые налоги. Письмо Гарибальди. Испанія и выборы въ кортесы (913 стр.). — **Мартъ.** — Заключеніе парижской конференціи. Декларація. Торжество Турціи. Графъ Бисмаркъ и конфискаціи. Пренія французскаго сената, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Кортесы и рѣчь маршала Серрано. Тронная рѣчь англійской королевы и открытіе парламента. Рѣчь Гладстона объ Ирландіи (441 стр.).— **Апрѣль.**—Французскій законодательный корпусъ. Прусскіе парламенты. Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. Сѣверо-американскіе Штаты и избраніе новаго президента. Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ. Жизнь Гранта и его политическія идеи. Билль Гладстона объ ирландской церкви (939 стр.).—**Май.**—Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. Рѣчи Тьера и Лавалетта. Оффиціальныя кандидатуры и свобода выборовъ. Эмиль Олливье и его новая книга: „Девятнадцатое января". Выборы въ венгерскій сеймъ. Сближеніе Австріи съ Италіею. Послѣднія испанскія дѣла (393 стр.). — **Іюнь.**— Французскіе выборы 1857, 1863 и 1869 годовъ. Шартрская рѣчь. Значеніе парижскихъ волненій. Бансель и Олливье. Оппозиція въ Парижѣ и оппозиція въ провинціяхъ. Испанія и религіозный вопросъ. Закрытіе австрійскаго рейхсрата. Перемѣна итальянскаго министерства. Англія и Американскіе Штаты (892 стр.).—**Іюль.**—Событія во Франціи. Выборы 24-го мая и 7-го іюня. Народное движеніе. Старая оппозиція и радикальная партія. Письмо Персиньи и программа Наполеона. Книга Тено: Les suspects en 1858. Сѣверогерманскій и таможенный парламенты. Регентство въ Испаніи. Палата лордовъ, и билль объ ирландской церкви (382 стр.). — **Августъ.**—Графъ Бисмаркъ и единство Германіи. Историческій очеркъ развитія идеи нѣмецкаго единства. Антагонизмъ между Пруссіею и Австріею. Фридрихъ II и гегемонія Пруссіи. Вторженіе Наполеона I и война за освобожденіе. Фридрихъ - Вильгельмъ III и священный союзъ. Національное движеніе 1848 г. и франкфуртскій парламентъ. Попытки Фридриха - Вильгельма IV. Торжество Австріи. Прусская политика съ 1859 года. Графъ Бисмаркъ, его жизнь и дѣятельность (863 стр.).—**Сентябрь.**—Конституціонная реформа во Франціи. Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго народа. Диктатура Наполеона I. Божественное право Карла X. Паденіе Іюльской монархіи. Вторая республика и возобновленіе диктатуры. Наполеонъ III. Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію. Посланіе 12-го іюня. Кризисъ второй имперіи (365 стр.).—**Октябрь.**—Русскіе публицисты и братья-славяне. Фальшивый либерализмъ въ нашей журналистикѣ. Янъ Гусъ и Богемія. Празднованіе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ. Палацкій. Москва и рѣчь М. П. Погодина. Выборы въ богемскій сеймъ. Политика Австріи. Пруссія. Петиція Шлезвига. Рѣчи и военные маневры

Вильгельма I. Франція, принцъ Наполеонъ и Кератри. Годовщина испанской революціи. Куба и Сѣверо-Американскіе Штаты. Италія (891 стр.)— **Ноябрь.**—Правительство и партіи во Франціи. 26-ое октября и манифестъ оппозиціи. Вопросъ о престолонаслѣдіи. Стачка рабочихъ. Религіозное движеніе во Франціи и Германіи. Открытіе парламентовъ въ Германіи. Австрія и Пруссія. Министерскій кризисъ въ Италіи. Испанскія дѣла. Суэзскій каналъ (409 стр.). — **Декабрь.** — „Безцвѣтность" нашего обозрѣнія и „цвѣты" русской публицистики. Значеніе въ русской печати „иностранныхъ обозрѣній". Передовая статья „Голоса", и ея трактатъ о будущемъ Россіи и Европы. Защита этнологической правды въ „Спб. Вѣд.". Сравненіе австрійскаго либерализма съ французскимъ. Франція наканунѣ законодательнаго собранія. Рѣчь императора 29 ноября. Отдѣленіе свободы отъ порядка. Неопредѣленность внѣшней политики (923 стр.).

III. Литературныя Извѣстія.

А) **Русская Литература:** Исканіе старообрядцами въ XVIII вѣкѣ законнаго архіерейства, изд. протоіер. Т. Верховскій. Доисторическій бытъ человѣчества и начала цивилизаціи, соч. Е. Б. Тейлора. Правые и виноватые, записки слѣдователя сороковыхъ годовъ, П. И. Степанова.—(**Янв.** 477 стр.). — Раскольники и острожники, соч. О. В. Ливанова. Разсказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи, А. Шуфа. Русскіе писатели: Сочиненія и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчинова. Всемірная исторія, Ф. Шлоссера. Исторія XVIII и XIX стол., Ф. Шлоссера. Изъ жизни, разсказы и повѣсти Н. Ковалевскаго. О вліяніи суда на приговоръ присяжныхъ, Юл. Глазера.—(**Февр.** 969 стр.). — О сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ, изсл. Ф. Юнгъ-Штиллинга. Безъ вины виноватые, разск. А. К. Владимірова. Очерки Японіи, М. Венюкова. Отрывки изъ путешествій по вост. обл. Евр. Турціи, П. Мосолова. За Байкаломъ и на Амурѣ, Д. И. Стахѣева. Драматическія сочиненія Д. И. Стахѣева. Рабочій вопросъ, Эрн. Бехера, пер. П. Н. Ткачева. Русскія сказки, Н. Ахшарумова. Новыя сказки Эд. Лабуле. Дѣти капитана Гранта, Ж. Верна, пер. Вовчка. Очеркъ практическ. педагогіи, Ф. Диттеса, пер. Паульсона.—(**Мар.** 491 стр.). — Признаки времени и Письма о провинціи, М. Салтыкова (Щедрина). Сочиненія и переводы А. Н. Бажанова. Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 1862 гг., соч. А. Подвысоцкаго. Виленскій Сборникъ, В. Кулина. Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ въ книжномъ маг. А. Ѳ. Базунова, сост. В. И. Межовъ. Отвѣтъ г. Шуфа, по новоду рецензіи его историческаго учебника.—(**Апр.** 979 **стр.**). — Сборникъ Русскаго Историческаго общества, т. III. Духовныя жены, В. Диксона. Русь и Русскіе 1812 года, С. М. Любецкаго. Семейство Тарскихъ, Н. А. Вроцкаго.—(**Май**, 445 стр.).—Голосъ изъ земства, А. Кошелева. Исторія царствованія имп. Александра I и его время, М. Богдановича. Столбы, В. Крылова. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, т. III. Жизнь насѣкомыхъ, Луи Фигье.—(**Іюнь**, 917 стр.). — Общепонятныя естественно-научныя, гигіеническія и медицинскія сочиненія, перев. съ нѣм. С. Ловцова.—(**Іюль**, 423 стр.).—Сочиненія И. С. Никитина, изданіе М. Ѳ. де-Пуле. Стихотворенія Н. Пушкарева. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, И. Никольскаго. Современникъ лѣтописи раскола, изд. Н. Субботина. Джонъ Стюартъ Милль, перев. съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Движеніе законодательства въ Россіи, Григорія Бланка.—(**Авг.** 891 стр.). — Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, А. Стоянова. Картины прошедшаго, А. Сухово-Кобылина. Осьмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ.— Недоразумѣніе, повѣсть Данкевича. Популярная гигіена, соч. Карла Реклама.—(**Сент.** 411 стр.). — Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. О подчиненіи женщины, соч. Дж. Ст.-Милля. Исторія литературы (для учащихъ), составилъ А. Кирпичниковъ. Роландъ, древняя французская поэма, вольный переводъ Б. Алмазова. Стихотворенія, басни и пѣсни, соч. А. А. Звонарева. Духовныя стихотворенія Ѳедора Николаевича Глинки.—(**Октябрь** 937 стр.). — Сочиненія Державина, съ примѣчаніями Я. Грота, томъ V. Положеніе рабочаго класса въ Россіи, Н. Флеровскаго. Пролетаріатъ во Франціи, А. Михайлова. Исторія новѣйшаго времени отъ Вѣнскаго конгреса до Парижскаго мира, Фр. Лоренца.—(**Нояб.** 457 стр.).—Романы Шпильгагена въ русскомъ переводѣ: „Изъ мрака къ

свѣту“, и „Между молотомъ и наковальнею“. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, И. Нильскаго. Русскій простонародный мистицизмъ, Н. Барсова. Брошюрки о земскихъ вопросахъ, П. Гурьева. Женщины ученыя и учащіяся. Изданія Н. Ламанскаго: „Право, законодательство и администрація“; „Сказки, разсказы, очерки и рѣчи“ Эд. Лабуле. Нравы и чувства, О. Пашкевича. О современныхъ задачахъ изученія древнерусской литературы, И. Некрасова. Письмо къ редактору отъ автора книги: „Свобода рѣчи“ и проч.

Б) **Иностранная литература:** Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. Aus dem Tagebuch eines nach Sibirien Verbannten, v. Th. v. Falken. Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee, v. W. v. Bock. Die „Nordische Post“ im Lichte der Kollectiv Erklärung der Ritterschaften Liv. Esth. Kurl. und Oesel's, von v. Bock.—(**Іюнь**, 939 стр.).—Lettres sur l'Instruction Publique en Russie adressées à Monsieur le comte D. Tolstoi, ministre de l'Instruction Publique, par D. K. Schedo-Ferroti. Les Révolutions, par Pascal Duprat. Novellen, von Karl Büchner. Musicalische Charakterbilder, von Otto Sumprecht.—(**Іюль**, 431 стр.).—Livländische Antwort an H. Juli Samarin, von C. Schirren. Die Baltischen Provinzen am Rubicon.—History of European Morals etc., by W. E. H. Lecky.—(**Сент.** 439 стр.). — Kritik des preussischen Volksschulwesens, v. A. Freimund. Mes Mémoires, par d'Alton-Shée. Johann Calvin, v. Kampschulte.—(**Нояб.** 481 стр.).

IV. Библіографическій Листокъ.

Январь.—Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Очерки изъ всеобщей исторіи, проф. Петрова. Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, при К. П. и В. генералъ-губернаторѣ, ч. III. Акты о казакахъ (1679—1716), т. II. Die russische Papierwaerung, v. Ad. Wagner. Сводъ рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и разъясненныя ими законоположенія, изд. Я. И. Утина. Коммерческій Календарь на 1869 г, издан. подъ редакц. Ѳ. П. Баймакова.—**Февраль.**—Осмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ, т. II. Военно-статистическій сборникъ, выпускъ третій, составл. подъ ред. Н. Н. Обручева. Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю, М. Н. Галкина. Парижъ и Провинція 2 декабря 1851 г., историческіе этюды Е. Тено, и Разсказъ о переворотѣ 2 декабря, А. В. Кинглека. Очеркъ практической педагогики, сочин. д-ра фил. Диттеса.—Очерки Японіи, М. Венюкова. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. IV.—**Мартъ.**—Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время, сочиненіе автора „Исторіи отечественной войны 1812 года“, т. т. I—IV. Обозрѣніе государственныхъ доходовъ Россіи, А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Александръ Ивановичъ Галичъ, б. проф. Спб. университета, А. Никитенко. Кобзарь Тараса Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. подъ ред. Н. В. Гербеля. Сочиненія и переводы А. Н. Баженова. Гражданская практика Кассаціоннаго Сената, 1866, 1867, 1868 гг., сост. П. Марковъ.—**Апрѣль.**—Исторія политическихъ ученій, соч. Б. Чичерина. Уральское горное хозяйство, и вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ, изслѣд. В. П. Безобразова. Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые, собр. и изд. Т. Юзефовичъ. Руководство къ исторіи искусства, Франца Куглера, обработан. В. Любке. Письма о Греціи, въ 1865—67 гг., С. Н.—**Май.**—Матеріалы для новой исторіи Кавказа, съ 1792 по 1503 г., П. Г. Буткова. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, опытъ педагогической антропологіи, К. Ушинскаго, т. II. Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, А. Стоянова. Столбы, старая погудка на новый ладъ, изд. В. Крылова. Десять лѣтъ изъ жизни редактора журнала.—**Іюнь.**—Наши колоніи, опыты и матеріалы по исторіи и статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи, выпускъ I, А. Клауса. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IV. Исторія Альбигойцевъ, до кончины папы Иннокентія IV, соч. Н. Осокина. Осмнадцатый вѣкъ, историческій Сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ, т. III. Дневникъ Люблинскаго сейма 1869 г.—**Іюль.**—Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія, академика П. Пекарскаго. Бесѣды на

1870 г.

Доппельмайеръ, Юлія. — Темза, стих. изъ Барбье (окт. 529).

Д. Т.—Наши средства къ народному просвѣщенію (янв. 388; апр. 780).

Дубровинъ, Н. Ѳ.—Наканунѣ перваго раздѣла Польши (іюль, 191).

Z. Z.—Наши почтовыя реформы послѣдняго времени (авг. 695).

Ивневъ, Ю. — Перелетныя птицы. Стих. изъ Лонгфелло (окт. 596).

— инъ.—Земскіе итоги (мартъ, 403; апр. 829; іюль, 326; авг. 753).—Новое городовое положеніе (ноябрь, 394).

К.—Корреспонденціи изъ Берлина: Парламентская сессія и министерство (янв. 456).—Парламентскія пренія о смертной казни (апр. 860). Конецъ парламентскихъ сессій (іюль, 356).—Путевыя замѣтки изъ Альпійскихъ горъ (авг. 676).

К. П.—Первые и послѣдніе шаги: по поводу выставки произведеній гг. Айвазовскаго и Каменскаго (мартъ, 452).

Карлова, М. Ѳ.—Турецкая провинція и ея сельская и городская жизнь (іюнь, 721; іюль, 150).

Клаусъ, А. А.—Община-собственникъ и ея юридическая организація (февр. 573; мартъ, 72).

Ковалевскій, П. М.—Стихотворенія: 1. Наши шмели. 2. Скромныя ожиданія. 3. Осенній цвѣтъ (март. 373).—Художественныя выставки Петербурга (апр. 878).—Стихотворенія: 1. Встрѣча осени. 2. Смерть. 3. Я не терплю. 4. Есть дни (май, 189). — Годичная выставка въ Академіи Художествъ (нояб. 365).—Картина Якоби „Арестъ Бирона" (дек. 959).

Колюпановъ, Н. П.—Камышловское дѣло (окт. 598).

Крестовскій, В. (псевдонимъ). — Большая Медвѣдица. Романъ (мартъ, 5; апр. 580; іюль, 5; авг. 574; сент. 5).

Корфъ, баронъ Н. А.—Мировой судъ въ провинціи (янв. 374).

Костомаровъ, Н. И.—Костюшко и революція 1794 г. (янв. 5; февр. 511; мартъ, 137).—Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ (апр. 479).—Начало единодержавія въ древней Руси (ноябрь, 5; дек. 495).

Купреяновъ, Н.—Замѣтка по поводу вопроса о народномъ продовольствіи (авг. 779).

Левитовъ, А. И. — Безпріютный. Шоссейные типы, картины и сцены съ натуры (май, 104).

М. Л.—Новый шагъ въ средней Азіи (іюнь, 802).

М. М.—Проекты мира (окт. 933).—Аракчеевская переписка (авг. 467; сент. 87).

М. П.—Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Біографическій очеркъ (окт. 717).

Н.—Корреспонденціи изъ Парижа: Политика, литература, театръ (янв. 394). — Министерство 2-го января (март. 437).—Второй плебисцитъ второй имперіи (май, 411).—Политическая неурядица во Франціи (іюль, 374).

Н. И.—Война и цивилизація (окт. 830; ноябрь, 254).—Франція и Европа при воцареніи Наполеона III (дек. 847).

Никитскій, А. — Теорія родового быта въ древней Руси (авг. 425).

О. В.—Источники крестьянской реформы (ноябрь, 309).

П. А.—Умственное развитіе русскаго народа (янв. 326).

П. Л.—Европа и ея силы въ 1869 г. (янв. 235; февр. 691; май, 193).—Восемнадцатое брюмера (іюль 407). — Замѣтка о реальныхъ школахъ въ Пруссіи (авг. 851).—Іезуиты въ современной Англіи (сент. 319).

Плещеевъ, А. Н.—Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне (апр. 727). — Струэнзе. Трагедія Михаила Бэра (май, 5; іюнь, 445; іюль, 96).

Полонскій, Л. А.—Очерки англійскаго общества въ романахъ А. Троллопа (авг. 613; окт. 667).

Полонскій, Я. П.—Римъ и революція 1849 г. Двѣ главы изъ поэмы „Братья" (апр. 507).

Поповъ, Н. А.—Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи (іюль, 584).

Пржевальскій, Н. М.—Уссурійскій край (май, 236; іюнь, 543).

I. Внутреннее Обозрѣніе.

Іюнь.—Государственность нашей церкви и возникающія отсюда послѣдствія для государства и для церкви.—Различіе между свободою иновѣрческаго богослуженія и свободою религіи. — Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1868 г. — Православная пропаганда. — Дѣятельность духовенства по народному образованію. — Церковно-приходскія попечительства и препятствія къ ихъ развитію.—Отзывы духовенства о народной нравственности. — Общій взглядъ на отчетъ оберъ-прокурора. — Общество распространенія св. писанія и его первый отчетъ. — По поводу уличной продажи газетъ.—Отвѣтъ Диксона на письмо пр. Капустина (стр. 813).—**Іюль.** —См. выше, „Земскіе итоги", —инъ (стр. 326).—**Августъ.**—Война.—Объявленіе нейтралитета.—Наше миролюбіе и задоръ.—Г. Погодинъ.—Россійская мануфактурная выставка. — Успѣхъ механическаго дѣла.—Роскошь и народная потребность.—Диковины.—О русскихъ мастерахъ.—Музей.—Полуоборотъ въ пользу классическаго образованія. — Успѣхи классическихъ гимназій.—Мародёры классицизма.—Реальныя училища въ Пруссіи.—Николенко (стр. 731).—**Сентябрь.**—Причины безсилія государствъ. — Чему учитъ примѣръ Франціи?—Наше внутреннее положеніе.—Вопросъ о вмѣшательствѣ.— Новая брошюра генерала Фадѣева.—Училищный фондъ черниговскаго земства. — Новое городовое положеніе. — Гарантіи городской самостоятельности.—Начало избирательнаго закона.—Пробѣлы положенія.—Закрытіе выставки.—Нижегородская ярмарка (стр. 361). — **Октябрь.**—Патріотизмъ доморощенныхъ „мамелюковъ" и наши нѣмцеѣды. — Значеніе новаго прусскаго могущества для нашей внутренней политики. — Парижскій трактатъ и Черное море.—Настоящее положеніе остзейскаго вопроса.—Русская семинарія въ Ригѣ.—Открытіе юридическаго лицея въ Ярославлѣ.—Вопросъ о расходахъ на народное образованіе въ псковскомъ земскомъ собраніи.—Чтó сдѣлало военное вѣдомство для дѣла грамотности и для реальнаго образованія?—Реальное знаніе—сила.—Новый силлогизмъ классицизма и вѣсти изъ Кіева (стр. 899).—**Ноябрь.**—Мнѣнія о военномъ преобразованіи. — Различіе цѣлей.— Вопросъ объ увеличеніи военныхъ силъ. — Происхожденіе прусскаго военнаго устройства.—Значеніе его въ общихъ успѣхахъ Пруссіи.—Наши обстоятельства.—Трудное положеніе нѣкоторыхъ патріотовъ.—Что такое патріотизмъ?—Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. — Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ Перми. — Утѣшительный фактъ для нашей печати (стр. 372).—**Декабрь.**—Общая военная повинность и наше реальное образованіе.—Черноморскій торговый флотъ тщетно ищетъ у насъ для своей службы воспитанниковъ реальныхъ гимназій.—Значеніе Высочайше утвержденнаго принципа военной повинности и ожидаемая на основаніи того реформа. — Разборъ мнѣнія дилеттантовъ по этому же предмету и ихъ оригинальное отношеніе къ прусской военной организаціи. — Общій результатъ. — Балтійская дорога и балтійскій край.—Размышленія въ „Балтійскихъ письмахъ" и въ англійской Синей книгѣ о балтійскихъ дѣлахъ (стр. 886).

II. Иностранное Обозрѣніе.

Январь.—Министерскіе кризисы въ западныхъ государствахъ. — Парламентскія партіи и новое министерство во Франціи.—Вѣнскій рейхстагъ и петиція рабочихъ.— Министерскій кризисъ въ Баваріи и его отношеніе къ германскому единству: ультрамонтаны и націоналисты (стр. 434).—**Февраль.**—Настоящее положеніе дѣлъ во Франціи.—Наполеонъ III, Рошфоръ и Олливье.—Слова и дѣла новаго министерства.—Свобода печати и парламентаризмъ.—Стачка въ Крёзо.—Недовѣріе къ рабочимъ. — Программы англійскаго и австрійскаго министерствъ. — Новое министерство въ Италіи. — Кандидатура на испанскій престолъ (стр. 861).—**Мартъ.**—Ожиданія Европы отъ конституціоннаго переворота во Франціи. — Поземельный вопросъ въ Ирландіи.—Гладстона проектъ поземельной реформы въ Ирландіи.—Проектъ новаго закона о народномъ образованіи въ Англіи. — Вопросъ о смертной казни въ сѣверогерманскомъ парламентѣ (стр. 422).—**Апрѣль.** — Папство и католическій міръ. — Причина паденія папства въ его разладѣ съ европейскою цивилизаціею.—Слабость литературной пропаганды папства.—Отношеніе народныхъ массъ къ папству и кобленцское заявленіе.—Равнодушіе правительствъ къ папскому вопросу. — Внутренній разладъ въ средѣ духовенства.— Дюпанлу, Маре и Гратри. — Іезуиты и курія.—Процедура собора и 12 апрѣля

(стр. 848).—**Май.**—Разбойничество въ Греціи и его причины.—Статья Адама Бэдью.—Бюджетная рѣчь Лоу.—Предположеніе объ осмотрѣ монастырей въ Англіи. — Положеніе дѣлъ въ Ирландіи. — Министерскій кризисъ въ Австріи.—Испанскія дѣла на полуостровѣ и въ Америкѣ.—Смерть Лопеца (стр. 394).—**Іюнь.**—Прямое значеніе послѣдняго плебисцита во Франціи. — Что̀ такое плебисцитъ вообще?—Числовые результаты нынѣшняго плебисцита.—Голоса солдатъ, крестьянъ, городскихъ рабочихъ. — Дилемма, представляющаяся непримиримымъ противникамъ имперіи.—Хаосъ среди политическихъ партій. — Что̀ думаютъ о плебисцитѣ республиканцы, буржуазные либералы, бонапартисты?—Задача министерства Олливье.—Республиканцы (стр. 835).—**Іюль.**—Революціонное движеніе въ Италіи.—Полиція и бандиты.—Значеніе итальянской конституціи.— Положеніе финансовъ и сельскаго хозяйства.—Налоги.—Причины революціи и недовольства.—Сокращеніе военныхъ расходовъ. — Разбойничество въ Греціи и Испаніи.—Смѣна министровъ въ Португаліи.—Законъ объ избраніи короля въ Испаніи.—Отмѣна невольничества и движеніе на островѣ Кубѣ.—Смертная казнь въ сѣверо-германскомъ, баварскомъ и нидерландскомъ парламентахъ.—Выборы въ Бельгіи и Австріи (стр. 341).—**Августъ.**—Война на Рейнѣ.— Дипломатическіе переговоры.— Газетная полемика. — Южно-германскія государства и Пруссія. — Патріотическое воодушевленіе нѣмцевъ.—Воззванія прусскаго короля и императора французовъ.—Что̀ говорятъ о войнѣ либеральные французы. — Тьеръ.—Продолжительность войны.—Предположенія объ ея возможныхъ результатахъ. — Идея германскаго единства и ея осуществленіе.—Характеръ прусскихъ войскъ (стр. 792). — **Сентябрь.**—Ложныя предположенія о войнѣ между Германіей и Франціей.—Ошибки второй имперіи и ея несостоятельность въ военномъ дѣлѣ. — Театръ войны и военныя дѣйствія.—Что̀ представляетъ побѣжденная Франція и чего можно ожидать? — Министерство, законодательный корпусъ, комитетъ столичной обороны.— Генералъ Трошю.— Республиканцы.— Національное воодушевленіе французовъ. — Дѣятельность духовенства и надежды бонапартизма.— Вліяніе успѣховъ нѣмецкаго оружія на Германію и другія государства Европы.—Паденіе второй имперіи (стр. 382). — **Октябрь.**—Взглядъ Ренана на современное положеніе дѣлъ.—Составъ правительства народной обороны во Франціи и его заслуги.—Средства Франціи къ продолженію борьбы.—Настроеніе провинцій.—Происки бонапартистовъ. — Вліяніе побѣдъ на будущее Пруссіи.—Взятіе Рима и австрійскія дѣла (стр. 916).—**Ноябрь.**—Вопросъ о мирѣ. —Общій характеръ дѣятельности турскаго и парижскаго временного правительства во Франціи.—Республиканскій régime personnel.—Мецкое правительство и его катастрофа.—Вопросъ о будущемъ Германіи. — Повтореніе извѣстной басни въ московской публицистикѣ по поводу современной войны (стр. 424). —**Декабрь.**—Парижскій миръ и его саморазложеніе (911 стр.).

III. Новѣйшая литература.

Январь.—Судьбы русскихъ писателей, портретная галерея русскихъ дѣятелей А. Мюнстера, томъ II, А. С—на (стр. 488).—**Февраль.**— Русскіе верховники прошлаго вѣка. Исторія Россіи С. Соловьева, т. XIX.—Французская литература: Nos fils, par J. Michelet (стр. 945).—**Мартъ.**—Аракчеевскія военныя поселенія. Матеріалы для новѣйшей русской исторіи (стр. 465).—**Апрѣль.**—Русская церковь XV и XVI вѣковъ. Исторія русской церкви Макарія, архіепископа Литовскаго и Виленскаго, томъ шестой (стр. 892).—**Май.**—Русская женщина въ XVI и XVII вѣкѣ. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. Соч. И. Забѣлина (стр. 426).—**Іюнь.**—Историческія судьбы нашихъ инородцевъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація Закамскихъ земель въ это время. Н. Ѳирсова (стр. 862).—**Іюль.**—Общественное воспитаніе въ Англіи. Среднія учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи. Отчетъ Деможо и Мантуччи (стр. 391).—**Сентябрь.**—Исторія лондонскаго Тоуэра. Her Majesty's Tower, by William Hepworth Dixon. Л. П. (стр. 410).—**Ноябрь.**—Первые опыты исторіи русскаго дворянства. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права, А. Романовичъ-Славатинскаго (стр. 478).—**Декабрь.**—Факты изъ исторіи современной русской цивилизаціи. Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи. Вып. 2-й. Кн. В. П. Мещерскаго (стр. 946).

IV. Новыя книги.

Восемнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ. Кн. IV.—О самоуправленіи. Кн. Васильчикова, т. I (**Янв.** 500 стр.).—Юность знаменитыхъ людей, соч. Евг. Миллера.—Исторія черезчуръ доброй собаки. Переводъ Марка Вовчка.—Сборникъ свѣденій о кавказскихъ горцахъ.—Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. Сост. П. Надеждинъ (**Февр.** 964 стр.).— Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ, И. Л. Горемыкина (**Мар.** 477 стр.).—Медико-топографическій сборникъ, подъ ред. С. Е. Ловцова.—О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, Л. Владимірова (**Апр.** 908 стр.).—Опытъ улучшенія быта крестьянъ. Соч. Г. А. Теплова.—Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени, В. Любке, изд. К. Т. Солдатенкова (**Май**, 441 стр.).—Полный французско-русскій словарь, составленный К. Макаровымъ. Выпускъ первый (**Іюнь**, 866 стр.).—Сборникъ Русскаго историческаго общества. Томъ пятый (**Іюль**, 417 стр.).—Русская Старина, В. Семевскаго.—Библія и наука, Г. Вл. (**Авг.** 843 стр.).— Изслѣдованіе о городахъ въ югозападной Руси, составилъ Влад. Антоновичъ. И. Р.—Послѣднее слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи.—Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ. I. Китай. А. Зыбиной.—Изъ недавней старины.—Воспоминанія и разсказы П. Г. Кичеева. — Видимый міръ. Изданіе А. И. Мамонтова (**Сент.** 424 стр).—Архивъ князя Воронцова. Кн. первая.—О самоуправленіи. Кн. А. Васильчикова. Т. II. — Сѣверъ Россіи. М. Сидорова (**Дек.** 950 стр.).

V. Библіографическій Листокъ.

Январь.—1) Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до начала судебнаго слѣдствія, К. К. Арсеньева.—2) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIX. Сергѣя Соловьева. — 3) Война и миръ гр. Л. Н. Толстого.– 4) Причины вырожденія человѣка по Эд. Рейху, Окт. Мильчевскаго.—5) Исторія національной литературы въ Италіи, М. Пинто.—**Февр.** — 1) Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II, А. Скребицкаго.—2) Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст., И. Забѣлина.—3) Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской Исторіи и Тацитъ, М. П. Драгоманова.—4) Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Д-ра Бока. Перев. подъ редакц. Паульсона.—**Мартъ.**—1) Обрывъ, Ивана Гончарова, 2 тома.—2) Государство, общество и право съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства, томъ I, Гр. Симоненко.—3) Политическая система Петра III, П. Щебальскаго.—4) Путеводитель по Россіи и за границею.—**Апрѣль.**—1) Богданъ Хмельницкій. Н. Костомарова, въ 3 томахъ.—2) О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, Н. С. Таганцева.—3) Полное собраніе законовъ въ извлеченіи къ законамъ о безмездномъ пріобрѣтеніи имуществъ и о наслѣдствѣ, изд. Грибовскаго и Островскаго.—4) Овцеводство въ Россіи, С. П. Щепкина.—5) Историческое призваніе остзейскаго края, Б. И.—6) Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Н. И. Костомарова.—**Май.**—1) Старинный театръ въ Европѣ, Алексѣя Веселовскаго.—2) Живые вопросы, А. П. Пятковскаго.—3) Неронъ, Н. П. Жандра.—4) О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни, Маріи Манасеиной.—5) Воспитаніе и начальное обученіе, I. Шарловскаго.—6) Страховыя артели и долевая рабочая плата, Ѳ. Вредена.—**Іюнь.**—1) Русская начальная школа, бар. Н. А. Корфа.—2) Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ V.—3) Наука о человѣческомъ обществѣ, Д. Глинки.—4) Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія Академіи Художествъ, Д. Ровинскаго.—5) Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. Гербеля. Томъ VII.—**Іюль.**—1) Переписка митрополита кіевскаго Евгенія. Выпускъ второй. 2) Изъ жизни природы и людей, А. Бекетова.—3) Селитреный промыселъ на Волгѣ, Кретовича.—4) Дѣтская библіотека, т. II.—5) Исторія Вятскаго края съ древнихъ временъ до начала XIX столѣтія, С. Васильева и Н. Бехтерева.—**Августъ.**—1) Историческія письма П. Л. Миртова.—2) Путеводитель по Волгѣ между Нижнимъ и Астраханью, Я. П. Кучина.—3) Къ мировому! Комедія, Виктора Крылова (Александрова).—4) Герои труда, по Смайльсу. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной.—**Сентябрь.**—1) Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени. Часть 2-я. Священника Михаила Морошкина.—2) Исторія русской словесности. Часть I. И. Порфирьева.—3) Сельскія ссудныя товарищества, В. Ф.

1871 г.

ціи: Театръ въ Италіи (февр. 868).—Промышленная Италія (іюнь, 883).—Классицизмъ и филологія въ Италіи (авг. 885).—Первый альпійскій туннель (окт. 931).

Жихаревъ, М.—Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. Изъ воспоминаній современника (іюль, 172; сент. 9).

Жуковскій, Ю. Г.—Вопросъ народонаселенія (янв. 167).—Пища какъ предметъ экономіи (сент. 70).

Заблоцкій-Десятовскій, А. П. — Прусскіе финансы (апр. 617).

Забѣлинъ, Ив. Е. — Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ. XVII вѣкъ (янв. 5; февр. 465).

И. В.—Изъ жизни и судебной практики (іюль, 209).

К. А.—Отрывки изъ воспоминаній: Крымская война 1853 — 1854 г. (янв. 208).

К. Корреспонденція изъ Берлина: Открытіе перваго германскаго рейхстага (апр. 889). — Нѣмецкіе клерикалы (май, 448).—Вступленіе войскъ въ Берлинъ.—Конецъ сессіи перваго рейхстага.—Законы объ Эльзасѣ и Лотарингіи (іюль, 435).—Монархія и либерализмъ въ Германіи (авг. 869).—Наканунѣ парламентской сессіи (окт. 926). — Осенніе труды рейхстага и берлинская биржа (дек. 868).

Капустинъ, М. Н.—Московскій исправительный пріютъ (авг. 607).

Ковалевскій, П. М. — Стихотворенія: 1. Позднее счастье. 2. Косьба (янв. 206). Стихотворенія: 1. Забвенье. 2. Затишье. 3. Осенній полдень (апр. 715).

Корфъ, Н. А., баронъ.—Русское народное образованіе и земство (янв. 312).

Костомаровъ, Н. И.—Исторія раскола у раскольниковъ (апр. 470).—Личности смутнаго времени (іюнь, 497).—Личность царя Ивана Васильевича Грознаго (окт. 499).

Крестовскій, В. (псевдонимъ). — Большая Медвѣдица (апр. 637; май, 162; іюнь, 742; нояб. 5).

Линденъ, В.—Въ Тихомъ океанѣ (іюль, 121).

Лихачевъ, В. И.—Швейцарскія исправительныя колоніи (сент. 476).

Лобановъ, Д. И.—А. Н. Сѣровъ и его опера Юдиѳь (іюнь, 919).

Л—ъ, В.—Торговыя задачи Россіи на Востокѣ и въ Америкѣ (февр. 753).

М. Замѣтка о русской почтѣ (іюль, 404).

М. М.—Дѣтство и молодость Шлейермахера (янв. 228).—По поводу полемики о реальномъ образованіи (май, 487).

М. Н.—Замѣтка о податномъ очеркѣ московскаго земства (авг. 841).—О пошлинахъ на право торговли и другихъ промысловъ (сент. 406; окт. 872).

Марковъ, В. В.—Предъ смертью, стих. Рюккерта (нояб. 321).

Мечниковъ, Ил.—Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія (янв. 105). — Задачи современной біологіи (апр. 742).

Н.—Корреспонденціи изъ Парижа: Внутреннія партіи и внѣшнія отношенія Франціи (дек. 881).

Н. И.—Старая и новая Франція (мартъ, 12; іюнь, 560).

Н. Л. М.—Терпѣнье, стих. подр. Беранже (окт. 767).

Нефедовъ, Ф. Д.—Святки въ селѣ Даниловѣ (мартъ, 57). — Лѣшій обошелъ (сент. 55).

Пильцъ, Ив. Ѳ.—По полямъ битвъ и лазаретамъ въ 1870 г. (февр. 563; мартъ, 110).

Плещеевъ, А. Н.—Стихотворенія: Изъ природы, Адольфа Шультса (мартъ, 208).—Изъ Роберта Соути: Блэнгеймскій бой (апр. 661)—Три стихотворенія изъ Байрона (сен. 5).—Стихотворенія Джакомо Леопарди (окт. 572).

Полонскій, Л. А.—Провозглашеніе германской имперіи (мар. 210).- Женскіе типы въ романахъ А. Троллопа (авг. 513). — Конецъ парламентской сессіи въ Англіи и избирательный билль (сент. 455).—Политическія партіи въ Испаніи и новое королевство (нояб. 423).

Полонскій, Я. П. — Нагорный ключъ (дек. 515).

I. Внутреннее Обозрѣніе.

ственность и здоровье.—Что дѣлаетъ по отношенію къ нимъ государство?—Мѣры противъ пьянства.—Сельскія лечебницы.—Охраненіе здоровья рабочихъ.—Новое положеніе о распространеніи женскаго труда.—Оффиціальное разъясненіе дѣла о трехстахъ тысячахъ, не издержанныхъ на народное просвѣщеніе.—В. А. Татариновъ (373 стр.).—**Апрѣль.**—Наканунѣ реформъ въ народномъ просвѣщеніи (814 стр.).—**Май.**—Выжиданіе военной реформы.—Задачи коммиссіи.—Предположеніе объ устройствѣ воинской повинности.—Безпорядки въ Одессѣ и ихъ связь съ общимъ положеніемъ евреевъ у насъ.—Двѣ новыя мѣры относительно остзейскихъ губерній.—Остзейскій комитетъ.—Судьбы латышскаго адреса по новымъ извѣстіямъ (403 стр.).—**Іюнь.**—Начало музея промышленности въ Петербургѣ и рѣчь по этому поводу Е. И. В. герцога Лейхтенбергскаго.—Вопросъ объ отмѣнѣ узаконеннаго роста въ пользу промышленности.—Мнѣніе экономистовъ и законодательное рѣшеніе вопроса о ростѣ на западѣ.—Ходъ его у насъ.—Развитіе промышленности, какъ земскій вопросъ.—Тверскія артели, созданныя земствомъ.—Проектъ о городскихъ начальныхъ училищахъ и учительскіе институты.—Полемика о процентѣ гимназистовъ, кончающихъ курсъ.—Письмо изъ Остзейскаго края (831 стр.).—**Іюль.**—Преобразованіе подушныхъ сборовъ.—Проектъ податной коммиссіи.—Мнѣніе петербургскаго земства о распространеніи прямыхъ налоговъ на всѣ сословія.—Подать съ заработка.—Подать съ дохода.—Результатъ первыхъ городскихъ выборовъ по новому положенію.—Измѣненія въ уголовномъ уложеніи относительно наказаній за убійства.—Статистика убійства (383 стр.).—**Августъ.**—Новый уставъ гимназій 19 іюня (1 іюля).—Выходки журнала мин. народн. просвѣщенія.—Общій планъ преподаванія въ новыхъ гимназіяхъ.—Чего можно желать будущимъ реальнымъ училищамъ.—Грубое усердіе „Московскихъ Вѣдомостей".—Женская гимназія княгини Оболенской.—Судебное разбирательство „Нечаевскаго дѣла".—Податной вопросъ въ московскомъ земствѣ.—Рѣчь г. В. Безобразова (818 стр.).—**Сентябрь.**—Протестантская депутація и князь Горчаковъ.—Вопросъ о свободѣ совѣсти.—Вліяніе такой свободы на общество.—Существующія постановленія.—Мировыя учрежденія въ западныхъ губерніяхъ.—Новое положеніе о колонистахъ.—О привилегіяхъ вообще.—Учрежденіе петербургскаго градоначальства.—Возможность новаго устройства полиціи въ Петербургѣ (384 стр.).—**Октябрь.**—Ожиданіе новаго устава о печати.—Практическая точка зрѣнія на этотъ вопросъ.—Отчетъ о занятіяхъ коммиссій по преобразованію военной повинности.—Предполагаемые сроки службы.—Система призыва и изъятій.—Циркуляръ о введеніи новаго устава гимназій.—Педагогическія указанія.—Гуманность въ школахъ.—Письмо въ редакцію А. Н. Бекетова (848 стр.).—**Ноябрь.**—Новый и новѣйшій проектъ устава реальныхъ училищъ.—Вопросъ о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Главныя черты прежняго проекта и искусственность его основаній.—Изслѣдованіе профессора А. В. Лѣтникова о системѣ реальнаго образованія.—Очеркъ современнаго устройства реальныхъ училищъ въ западной Европѣ вообще.—Почему городскія училища, а не монастырскія, были первыми реальными училищами.—Спеціальный вопросъ о преподаваніи латинскаго языка въ реальной школѣ.—Общая характеристика полемики классицизма и реализма (369 стр.).—**Декабрь.**—Конецъ года и десятилѣтія.—Эпидемія слуховъ и ея источники. Современные политическіе типы и идеалы.—Общеобязательная военная повинность и русскіе евреи.—Примѣръ другихъ государствъ и служебное положеніе магометанъ.—Труды коммиссіи о личномъ наймѣ; проектъ устава и его пробѣлы (831 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Начало и конецъ 1870 г.—Фаталистическій взглядъ европейскаго общества на войну, какъ средство къ разрѣшенію вопросовъ.—Разсужденія Милля о трактатахъ, и безсиліе предлагаемой имъ реформы.—Милль о Россіи.—Новая германская имперія и ея возможное будущее.—Три прежнія формы объединенія Германіи.—Голоса изъ сѣверогерманскаго рейхстага.—Прусскій ландтагъ и министръ народнаго просвѣщенія.—Брошюра Наполеона и Базена.—Ходъ войны въ концѣ прошедшаго года (404 стр.).—**Февраль.**—Четыре мѣсяца войны республики съ Германіею.—Общій ея характеръ.—Начало защиты Парижа и военныя дѣйствія на Луарѣ въ сентябрѣ.—Военное министерство Гам-

III. Новѣйшая литература.

П. Рудченко (441 стр.).—**Февраль.** — Роль воображенія въ наукахъ точныхъ. On the scientific use of the imagination, by J. Tyndall. Ю. Ж. (903 стр.). — **Мартъ.** — Библіографическая судьба Пушкина. Полное собраніе сочиненій Ал. Пушкина, изданное подъ ред. Геннади (445 стр.). — **Апрѣль.** — Русскій офицеръ у нѣмцевъ. Война 1870 г. М. Анненкова (897 стр.). — **Май.** — Беллетристика добрыхъ намѣреній. Русскіе демократы, Н. Витнякова. Свѣтловъ, его взгляды, характеръ, и дѣятельность, Омулевскаго (465 стр.).— **Іюнь.**—Державинская эпоха, ея люди и нравы. Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Т. VI (896 стр.). — **Іюль.** — Новый трудъ о XVII вѣкѣ. Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, соч. Замысловскаго (450 стр.).—**Августъ.**—Незагадочный писатель. Лѣсковъ-Стебницкій, Загадочный человѣкъ (897 стр.). — **Сентябрь.** — Архивъ князя Воронцова. Книга вторая. Бумаги Елисаветинскаго времени (491 стр.).— **Декабрь.**— Наши предки. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ осьмой (898 стр.).

IV. Новыя книги.

Январь. — Археологическая топографія Таманскаго полуострова, Герца (455 стр.). — **Февраль.**—Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, П. Пекарскаго. Т. I.— Русскія дѣтскія сказки, А. Н. Аѳанасьева (920 стр.).—**Мартъ.**—Въ захолустьи и въ столицѣ, Скалдина. — Причины упадка сельскаго хозяйства. Лейпцигское изданіе (463 стр.).—**Апрѣль.** — Свой хлѣбъ, О. Рѣшетникова. — Путевыя замѣтки за границею и по Россіи въ 1870 г., А. Клеванова. — Сельское духовенство во Франціи, Беллюстина (907 стр.). — **Май.** — Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы, Г. О. Тэна, пер. п. р. А. Рябинина и М. Головина.—Отчетъ о помѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 г., ак. Н. И. Пирогова.— Исторія XVIII и XIX столѣтія до паденія французской имперіи, Ф. К. Шлоссера, съ предисл. М. А. Антоновича (478 стр.).—**Іюнь.**—Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности. — Путешествіе по Америкѣ въ 1869 — 1870 гг., Эдуарда Циммермана (912 стр.).—**Іюль.** — Францискъ Сарсэ, Осада Парижа 1870—1871 гг.— Повѣсти, романы и драматическія сочиненія Н. А. Лейкина. — Повѣсти и деревенскіе разсказы Бертольда Ауэрбаха. — Эркманъ Шатріанъ, исторія школьнаго учителя, съ приложеніемъ драмы въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Польскій Жидъ" и критической статьи Жюля Кларети (459 стр.). — **Августъ.**— Московскія смуты въ правленіе Софіи Алексѣевны, Н. Аристова. — Жизнь заключенныхъ, В. И. Никитина. — Сборникъ свѣденій о процентныхъ бумагахъ Россіи, И. К. Гейлера (902 стр.).

V. Библіографическій Листокъ.

Январь.—1. Снопы, стихи и проза Я. П. Полонскаго.—2. Математическій анализъ, П. З. Воскресенскаго. — 3. Общеславянская азбука, А. Гильфердинга.—**Февраль.**—1. Судебное слѣдствіе, К. К. Арсеньева.— 2. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, Л. Костенко. —3. Австралія. Пер. съ нѣмецк. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной.—4. Американки XVIII вѣка, М. Цебриковой.— **Мартъ.**—1. Война 1870 года. Замѣтки и впечатлѣнія русскаго офицера, М. Анненкова.—2. Исторія политической литературы XIX столѣтія, Ю. Г. Жуковскаго. — 3. Изслѣдованіе промышленности ножовой, замочной и другихъ металлическихъ издѣлій въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, инж. техн. Лабзина. — 4. Разсказы о фабрикахъ и заводахъ, Вебера.—**Апрѣль.**—1. Россія и Европа, Н. Я. Данилевскаго. — 2. Руководство къ изученію французскаго языка для всѣхъ учебныхъ заведеній, В. А. Сильмана. — 3. Элементарный курсъ французскаго языка для I и II классовъ сред. учебн. завед., В. А. Сильмана.— 4. Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы, Г. О. Тэна. Пер. подъ ред. А. Рябинина и М. Головина.— **Май.** — 1. Эмиль XIX вѣка. Альфонса Эскироса. Пер. М. Цебриковой. — 2. Сборникъ историческаго русскаго общества. Т. VI.—3. Обозрѣніе японскаго архипелага въ современномъ его состояніи, М. Венюкова. — 4. Журналъ гражданскаго и торговаго права, А. Книрима и Н. Тура. — **Іюнь.**—1. Исторія царствованія императора Александра I и Россія въ его время, соч. автора Исторіи отечествен-

ной войны 1812 г. Т. V и VI.—2. Финансовое управленіе и финансы Пруссіи, А. Заблоцкаго-Десятовскаго.—3. Практическое изученіе французскаго языка по методѣ Оллендорфа, Л. Герцберга.—4. Военно-статистическій сборникъ, выпускъ IV. — **Іюль.** — 1. Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, Н. Аристова. — 2. Разсказы о русской старинѣ съ примѣчаніями С. Шубинскаго. — 3. Нашъ другъ, бар. Н. А. Корфа. — 4. Военная библіотека. Т. I.—**Августъ.**—1. Происхожденіе человѣка и половой подборъ, Чарльса Дарвина, пер. подъ ред. Г. Е. Благосвѣтлова.—2. О самоуправленіи, кн. А. Васильчикова, т. III.—3. Еврейская библіотека, изд. А. Е. Ландау. — **Сентябрь.** — 1. Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ, В. И. Шерцля.—2. Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ, Алекс. Дювернуа. —Наши дни, Б. Ауэрбаха.—**Октябрь.**—1. Описаніе обороны города Севастополя, сост. подъ руковод. ген. Тотлебена.—2. Война за утвержденіе прусской гегемоніи въ Европѣ и отношеніе Россіи къ ней, В. Андреева. — 3. Какъ добывать шолкъ, В. И. Иверсена.—4. Товарные склады и варранты, Н. Х. Бунге. — 5. Дарвинъ, происхожденіе человѣка и половой подборъ, изд. редакц. журн. Знаніе. — **Ноябрь.** —1. Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. VIII.—2. Приходскій священникъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій, подробный біографическій очеркъ, сост. С—овъ. — 3. Замѣтки въ поѣздку во Францію, Италію. Бельгію и Голландію, Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова. — **Декабрь.** — 1. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XXI. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Т. I. Соч. С. Соловьева.—2. Русская исторія. К. Бестужева-Рюмина. Т. I. — 3. Исторія русской литературы, въ очеркахъ и біографіяхъ. Соч. П. Полевого.

VI. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (апр. 912; май, 391; іюнь, 932; іюль, 466; авг. 916; окт. 958; дек. 921).—Второй Археологическій съѣздъ въ С.-Петербургѣ (стр. 823). — Возобновленіе подписки на памятникъ Пушкину (май, 494).

1872 г.

А.—Короткій отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (янв. 424).

Альминскій, П.—Алексѣй Слободинъ (окт. 559; ноябрь, 98; дек. 437).

В., А.—Рекрутскій наборъ. Очерки (іюль, 5; авг. 477).

Вокъ, И.—Письмо къ редактору (ноябрь, 429).

Бушенъ, А.—Письмо къ редактору (ноябрь, 427).

Буренинъ, В. П.—Дочь воздуха, пер. изъ Кальдерона (мартъ, 73).—Изъ русскихъ былинъ: 1) Чурило Пленковичъ; 2) Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ (апр.) 758.—Микула Селяниновичъ (май, 659). — Ролла, Альфреда де-Мюссе (окт. 481).

Буссе, Н. В.—Русскіе и японцы на Сахалинѣ (окт. 513).

В., Е.—Пять дней на выставкѣ въ Москвѣ (сент. 337).

W., — Международный статистическій конгрессъ (авг. 759; окт. 761).

Вейнбергъ, П. И.—Къ дочери моей возлюбленной, изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне (нояб. 258).

√**Веселовскій,** А. Н.—Калики перехожіе и богомильскіе странники (апр. 682). — Двѣ варшавскія диссертаціи (окт. 902).

Гончаровъ, И. А.—Милліонъ терзаній (март. 429).

Головачевъ, А. А.—Десять лѣтъ ре-

Щ—на, Е. — Историческіе этюды, изъ Гейбеля (дек. 679).

Сообщено.—Объясненіе, по требованію министерства народнаго просвѣщенія (янв. 422).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Московская печать о судебной реформѣ. - Вторая сессія финляндскаго сейма и предстоящіе ей труды.—Новость въ дѣлѣ начальнаго образованія.—Льготная отмѣна адресныхъ билетовъ. — Новыя постановленія о почтѣ. — Новое училище рабочихъ и ихъ дѣтей.— Женское перворазрядное училище Н. И. Захаровой и его учебный планъ (стр. 326).—**Февраль**. — Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ.— Различіе между Mittelschule и Realschule. — Мнѣніе г. Баха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи.—Актъ въ рижской реальной гимназіи. – Государственная роспись на 1872 годъ и отсутствіе дефицита. — Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870 годъ. — Вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ предъ частными лицами (734 стр.).—**Мартъ**.—Финляндія наканунѣ третьяго сейма. — Современная конституція Финляндіи и ея историческое развитіе.—Составъ сейма и кругъ его дѣйствій.—Предметы его работъ въ нынѣшнемъ году и петиціи городовъ.— Новѣйшій эпизодъ съ „Московскими Вѣдомостями" (371 стр.). — **Апрѣль**.— Дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева.—Обстоятельства дѣла.—Ходъ судебныхъ преній: обвиненіе, защита и приговоръ. — Ходатайство русскаго общества пароходства о помильной платѣ.—Новые штаты телеграфныхъ станцій. — Письмо въ редакцію, по поводу вопроса о наймѣ рабочихъ (803 стр.). — **Май**. — Распространеніе судебной реформы на царство польское.—Цѣли политическія и юридическія. — Основанія русской политики въ царствѣ. — Національность, какъ новое орудіе въ „борьбѣ за существованіе".—Земскія сельско-хозяйственныя училища.— Земское училище въ Вяткѣ.—Циркуляръ г. управляющаго морскимъ министерствомъ. — Письмо г. Громницкаго въ редакцію (363 стр.).—**Іюнь**.—Государственныя идеи Петра Великаго и ихъ судьба. — 30 мая 1672 года — 30 мая 1872 года (770 стр.).—**Іюль**.—Политехническая выставка и новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи. — Наше свеклосахарное производство.—Новое положеніе о немъ. — Мѣры противъ пьянства, предлагаемыя харьковской думѣ.—Роль пьянства въ экономической жизни страны. — Вопросъ объ учительской школѣ въ петербургскомъ земствѣ. — Еще о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ (343 стр.).— **Августъ**.—Новый законъ о печати и его мотивы. — Проектъ акціонернаго устава —Гарантія правъ и регламентація. — Ограниченіе учрежденія и дѣйствій частныхъ банковъ.—Ревизія судебнаго дѣлопроизводства. — Измѣненіе въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.—Смѣты и раскладка государственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трехлѣтіе (771 стр.).— **Сентябрь**. — Учрежденіе женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи.—Будущее значеніе и практика ея ученицъ. — Ученицы цюрихскаго университета.—Привилегіи воспитанникамъ иностранныхъ гимназій.—Развитіе холеры и условія, благопріятныя для нея въ С.-Петербургѣ.— Холера 1872 года.—Мѣры пресѣченія эпидеміи.—Устройство помѣщенія для прибывающихъ рабочихъ. — Правила о примѣненіи городового положенія въ столицамъ. — Денежныя средства Петербурга и главныя его потребности (357 стр.).—**Октябрь**.—Столѣтній юбилей воспитательнаго дома въ С.-Петербургѣ.—Взглядъ на исторію этого учрежденія.—Новѣйшія преобразованія въ немъ. — Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. — Докладъ кн. А. Васильчикова.—Отчеты товариществъ.—Нынѣшнее положеніе этого дѣла (811 стр.).—**Ноябрь**.—Денежный кризисъ. — Наши знаки цѣнности.—Банки государственные и частные.—О порядкахъ въ государственномъ банкѣ. — Преобразованіе коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ.—Привилегія представительства. — Вопросъ объ отмѣнѣ волостного суда.—Выводы коммиссіи.—Тѣлесныя наказанія въ волости.—Еще о воспитательномъ домѣ (345 стр.). — **Декабрь**. — Вопросъ о начальномъ обученіи.—Новыя предположенія по наблюденію за нимъ, и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ.—Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій. — Роль земства и

II. Иностранное обозрѣніе.

ландіи.—Статья маркиза Сэльсбэри о партіи тори.—Испанскія дѣла.—Бунтъ въ Ферролѣ (345 стр.). — **Декабрь.** — Кризисъ во Франціи.—Посланіе президента.—Запросъ Шангарнье.—Коммиссія Кердреля.—Національныя несогласія въ Австріи.—Взглядъ на сеймы.—Случай въ Тиролѣ.—Сеймъ прусскій.—Реформа въ прусской народной школѣ.—Избраніе Гранта (775 стр.).

III. Русская литература.

Январь.—Литература мемуаровъ.—Девятнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, изд. П. Бартенева, книга 1-я (402 стр.).—**Февраль.**—Екатерина II, по ея письмамъ. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ седьмой (837 стр.). — **Апрѣль.** — Арсеньевскія бумаги. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд. академикомъ Пекарскимъ (899 стр.). — **Августъ.** — Ораторское искусство въ Россіи. Рѣчи, произнесенныя М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1830—1872 г. — **Сентябрь.** — Новости изъ нашей старины. Архивъ кн. Воронцова, кн. 4 и 5. Девятнадцатый вѣкъ, изд. Бартенева, кн. 2-я.

IV. Новыя книги.

Январь. — Поэзія славянъ, Н. В. Гербеля. — Библіотека современныхъ писателей: Гл. Успенскій.—Разоренье; нравы Растеряевой улицы; очерки и разсказы.—А. Л.—Русскій календарь на 1872 г. А. Суворина.- Техническій календарь на 1872 г. Н. М. Бихеле.—Л—б—ъ (409 стр.).—**Февраль**:—Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ, Ив. Кущевскаго.—Внукъ Обломова, Л. Ф. Привольскаго.—Русскіе и иностранные современные романисты. Сост. и изд. В. Радищевымъ. — Изъ жизни, педагогическія наблюденія, И. Бѣлова (846 стр.).—**Апрѣль.**—Кочевая жизнь въ Сибири, Дж. Кенана, пер. Ад. Кондратьевой.—Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка, соч. Дж. Лебока. — Юнкерскія училища, историческое обозрѣніе ихъ развитія и дѣятельности, генералъ-маіора П. О. Бобровскаго (912 стр.). — **Май.**—Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ, сост. Гиппо.—Швейцарія и швейцарцы, соч. Диксона.—Станиславъ Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ, соч. М. де-Пуле.—Историческіе этюды С. С. Шашкова (436 стр.).—**Августъ.**—Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга, 1870 г., Ю. Гюбнера.—Италія, Виктора Гена. — Ленъ и псковская губернія, И. И. Васильева.—Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. III. — Театральное искусство, П. Д. Боборыкина.—Сочиненія и переписка Рылѣева (856 стр.).—**Сентябрь.**—Сочиненія Державина. Т. VII.—Объ отношеніи государства къ народному образованію, А. Окольскаго. — Городскіе общественные банки Россіи, В. Ососова.—Повѣсти и разсказы, Д. Григоровича (455 стр.).—**Октябрь.**—Статистическій временникъ Россійской Имперіи, сессія вторая (918 стр.).

V. Иностранная литература.

Іюнь.—Вопросы народнаго образованія во Франціи.—Quelques mots sur l'instruction publique en France, par M. Breál. L'instruction républicaine, par Am. Guillemin. — Les crimes de l'éducation francaise, par M. Laurentie (868 стр.). — **Іюль.** — Новѣйшій цезаризмъ во Франціи. — Le dernier des Napoléon (449 стр.).—**Августъ.**—Образованіе женщинъ, его направленіе и цѣли.—Mädchenerziehung und Frauenleben, von Kreyenberg. — Essais and Lectures on social and political subjects, by Henri Fawcett and Garret Fawcett (868 стр.). — **Декабрь.** — Результаты американскаго протекціонизма.—Cobden Club Essays, second series (854 стр.).

VI. Новыя книги.

Іюнь.—Anthropologie der Naturvölker, von Th. Waits.—Les pretendants: les Bourbons, les d'Orleans, l'Empire, la commune, la république, par Alb. Delpit.—Manuel républicain, par Jules Barni (885 стр.).—**Іюль.**—Essais sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes, par Em. Lavelaye (465 стр.). — **Августъ.** — Hinterlassene Schriften von G. G. Gervinus.—Du suffrage universel et de la manière de voter, par H. Taine.—Die Industrie Russ-

lands in ihrer bisherigen Entwickelung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870 (892 стр.).—**Декабрь.**—La science des religions, par Barnouf.—L'Internationale remplacée.—Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat, by Tyndal (872).

VII. Библіографическій Листокъ.

Январь. — 1) Сборникъ русскаго Историческаго общества. Т. VII. Первый томъ бумагъ импер. Екатерины II, собраны и изданы академикомъ Пекарскимъ.—За много лѣтъ, В. Спасовича.—Политическая исторія новѣйшаго времени, В. Мюллера.—Государство, общество и право, пр. Симоненко.—Народное изданіе, ф.-д.-Флита и Кочетова.—**Февраль.**—1) Военная библіотека, томъ седьмой.—2) Архивъ Судебной медицины и общественной гигіены.—3) Зодчій, журн., изд. Обществомъ архитекторовъ. — 4) Сказки Кота-мурлыки, Николая Вагнера, изд. Стасовой и Трубниковой.—5) Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, В. Ключевскаго.—**Мартъ.**—1) Вырожденіе Польши, Ѳ. М. Уманца. — 2) Швейцарскія альпы и альпійская жизнь, Берлепша.—3) Отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію, Н. Огородникова.—4) Механическая теорія теплоты, основанная на вращательномъ движеніи молекулъ, Л. К. Попова.—5) Спиритуализмъ и наука, І. Крукса, сост., перев. и изд. А. Аксаковъ.—**Апрѣль.**—1) Древняя русская исторія до монгольскаго ига, М. Погодина.—2) Испанія девятнадцаго вѣка, А. Трачевскаго.—3) Новое руководство нѣмецкаго языка по практико-теоретическому методу Робертсона, Авг. Больца.—4) О средствахъ къ увеличенію числа врачей въ Россіи, Я. С. Кремянскаго.—**Май.**—1) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, Ив. Забѣлина.—2) Меря и Ростовское княжество, Д. Корсакова.—3) Далекая Россія, Алябьева.—4) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, А. Веселовскаго.—5) Постоянный желѣзнодорожникъ Россіи и Европы, изд. А. Ильина.—**Іюнь.**—1) Письма Александра Ивановича Тургенева.—2) Кредитъ и общественные банки, Н. Шимановскаго.—3) Задачи психологіи, К. Кавелина.—4) Малайскій Архипелагъ, соч. Уэллаcа.—5) Многострадальные, В. Н. Никитина.—6) Нѣмецко-русскій научно-техническій словарь, Я. Грахова.—**Іюль.**—1) Севастопольскій сборникъ. Т. I.—2) Предшественники Шекспира, Н. Стороженка. — 3) Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга, Гюбнера.—4) Сборники литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому, Тихомирова.—**Августъ.**—1) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями, Я. Грота.—2) Евреи въ Россіи, И. Г. Оршанскаго.—3) Древняя русская литература, В. Водовозова.—**Сентябрь.**—1) Учебный Атласъ всеобщей географіи, А. Линберга.—2) Тайны палермскихъ монастырей, Оскара Піо, пер. И. А. Петрова.—3) Общій элементарный курсъ практической механики, Евг. Котельникова.—4) Руководство къ педагогической и гигіенической гимнастикѣ, В. Ухова. — 5) Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества, А. В. Яковлева.—**Октябрь.**—1) На досугѣ, Э. А. Россмесслера, пер. съ нѣм. П. Андреевскаго.—2) Столѣтіе Родовспомогательнаго заведенія Императорскаго С.-Петербургск. Воспитательнаго Дома.—3) Телеграфы и примѣненіе ихъ къ военному дѣлу, профессора С. С. Рехневскаго. — 4) Полный французско-русскій словарь, Н. Макарова.—5) Труды Высочайше утвержденной коммиссіи для пересмотра правилъ о служебныхъ преимуществахъ и пенсіоннаго устава.—**Ноябрь.**—1) Европейскіе реформаторы, Е. Лихачевой.—2) Годъ въ деревнѣ, Елисаветы Бороздиной.—3) Славная женщина, автора „Джона Галифакса“.—4) Депутатъ города Парижа.—5) Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки „Конекъ Горбунокъ“, А. К. Ярославцева.—6) О книгѣ кагала, И. И. Шершевскаго. — **Декабрь.** — 1) Политика, какъ наука, Стронина. — 2) О достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы, Ѳ. Вислоцкаго. — 3) Первобытная культура, Эд. Тейлора. — 4) Земля, Эл. Реклю.—5) Теорія промышленнаго права.

VIII. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (янв. 426; февр. 868; мартъ, 467; апр. 922; май, 455; іюнь, 894; іюль, 475; сент. 477; окт. 929; ноябрь, 435; дек. 880).—**О подпи-**

1873 г.

---

*

Распоряженіе г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 6-го іюля 1873 г.: второе предостереженіе (авг. 432).—(Первое—см. 1871 г., дек. 453 стр.).

I. Внутреннее обозрѣніе.

II. Иностранное обозрѣніе.

Кончина короля саксонскаго.—Выборы въ Пруссіи и борьба съ клерикалами.—Переписка папы съ Вильгельмомъ 1. — Положеніе кабинета Гладстона.—Рѣчь Брайта (368 стр.).—**Декабрь.**—Объѣтъ Франціи на семь лѣтъ (стр. 781).

III. Корреспонденціи.

Парижъ. — Тьеръ и правая (янв. 423).—**Франція по смерти Наполеона III** (мартъ, 402).—**Кандидатура Ремюза** и Бародэ (май, 400). — Правительство **Макъ-Магона** (авг. 372).—**Монархическая реставрація во Франціи** (сент. 416).—Смутное время во Франціи и процессъ Базена (ноябрь, 385).—**Берлинъ.**—Политическій кризисъ въ Пруссіи (февр. 864).—Учредительскія плутни и соціальное движеніе (апр. 882).—Парламентскіе труды и политическое развитіе (іюнь, 872). — Военный вопросъ въ Пруссіи и Германіи (авг. 778).—Итоги послѣдней войны (октябрь, 868).—Современное положеніе вопроса о реальной школѣ въ Пруссіи (дек. 803). — **Лондонъ.** — Кабинетъ Гладстона и вступленіе въ министерство Джона Брайта (дек. 827).—**Флоренція**.— Географическія изслѣдованія въ Италіи (февр. 889).—Искусство въ Италіи (май, 416). — Политическій кризисъ въ Италіи (авг. 801).—Наши литературныя утраты (ноябрь, 396).

IV. Русская литература.

Январь.—Наша исторіографія: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXII. Исторія Россіи въ царств. имп. Елизаветы Петровны, т. II, С. Соловьева (стр. 439).—**Февраль.**—Екатерина II по ея письмамъ: Сборникъ Русскаго историческаго общества, т. IX и X (898 стр.).

V. Новыя книги.

Январь.—Азбука, графа Л. Н. Толстого (450 стр.).—**Февраль.**—Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства, А. фонъ-Фрикенъ.—Корабль Ретвизанъ. Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ. Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія, Д. В. Григоровича (910 стр.).—**Іюль.**—Очерки анатоміи и физіологіи человѣка. Лекціи профессора Э. К. Бранта (423 стр.).—**Октябрь.**—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, Н. Костомарова. Первый отдѣлъ: господство дома св. Владиміра (898 стр.).

VI. Иностранная литература.

Январь.—Экономическіе успѣхи современной Англіи.—History of British Commerce and of the economic progress of British nation, by Leone Levy (стр. 457).—**Февраль.**—Литературная дѣятельность во время французской революціи.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—1794, v. Lotheisen (916 стр.). — **Мартъ.**—Пьеръ Жозефъ Прудонъ по его письмамъ.—P. J. Proudhon. Sa vie et sa correspondance. 1838—48. Par Sainte-Beuve (419 стр.). — **Апрѣль.**—Трудъ женщины и лучшая его организація. Le travail des femmes au XIX siècle, par Paul Leroy-Beaulieu (906 стр.). — **Май.** — Нравственная отвѣтственность. Oldfashioned Ethics and common sense Methaphysics with some of their applications, by W. T. Thornton (424 стр.). — **Іюль.** — Современный взглядъ на происхожденіе эпидемій.—Die Seichen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung, von D-r Fr. Oesterlen (402 стр.).—**Августъ.**—Англійскій рабочій: De la situation des ouvriers en Angleterre, par le comte de Paris (809 стр.).—**Сентябрь.**—Недовѣріе къ научному достоинству политической экономіи.—Essays on Political Economy, theoretical and applied, by I. E. Cairnes (428 стр.).—**Октябрь.**—Нѣмецкое національное движеніе. -Die leitenden Ideen und der Fortschritt in Deutschland von 1860 bis 1870, von Herman Michael Richter (879 стр.).—**Ноябрь.**—Нищенство и общественная благотворительность въ Парижѣ.—Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIX siècle, par M. Du Camp. T. IV (405 стр.).—**Декабрь.**—Историческое развитіе матеріалистическаго ученія.—Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart von Friedrich Albert Lange. Zweite, verbesserte und vermehrte Auflage. Erstes Buch: Geschichte des Materialismus bis auf Kant (839 стр.)

VII. Новыя книги.

Февраль. — Leçons élémentaires d'hygiène à l'usage des établissements

d'enseignement secondaire, par V. Cornil (930 стр.).—**Мартъ.**—Histoire du second empire, par Taxile Delord. T. III-me.—L'instruction du peuple, par Emile de Lavelaye (437 стр.). — **Апрѣль.**—Physics and Politics, or thoughts on the application of the principles of „natural selection" and „inheritence" to political society. By Walter Bagehot.—Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes. Par M. Cournot.—L'histoire de France depuis les temps plus reculés jusqu'en 1870, racontée à mes petits enfants, par M. Guizot (923 стр.). — **Май.**—Lettres à la Princesse, par C. A. Sainte-Beuve (443 стр.).—**Іюнь.** — La science au point de vue philosophique, par E. Littré.—De la corruption littéraire en France. Etude de littérature comparée sur les lois morales de l'art, par Ch. Potvin (896 стр.).—**Сентябрь.**—Les grandes écoles de France, par Mortimer d'Ocagne.—Rapport spécial sur l'immigration, accompagné de renseignements pour les immigrants, par Edw. Jung (443 стр.).—**Октябрь.**—Critiques and Adresses, by Thomas Henri Huxley (898 стр.).—**Декабрь.**—Questions d'aujourd'hui et de demain, par L. Blanc.—Liberty, Equality and Fraternity, by James Fitzjames Stephen (862 стр.).

VIII. Библіографическій Листокъ.

Январь.—Статистика русскихъ банковъ, И. И. Кауфмана. Ч. I.—О выраженіи ощущеній у человѣка и у животныхъ, Чарльза Дарвина, пер. подъ ред. проф. А. Ковалевскаго.—Историческій очеркъ нашего законодательства о печати, О. Нотовича.—Малоголовые, Карла Фохта, пер. А. Бера и Карабановича, подъ ред. проф. Н. П. Вагнера. — Очерки Крыма, Евгенія Маркова. — **Февраль.** — Францъ Куглеръ, руководство къ исторіи живописи со вр. Константина В., пер. съ 3 изд. И. К. Васильева.—Донъ Кихотъ Ламанчскій, соч. Мигуеля Сервантеса Сааведры, пер. съ испанск. Б. Карелина. — Техническая школа ремеслъ, искусствъ и промысловъ, сост. подъ ред. инж.-техн. Романовскаго. — Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 — 1854 гг., дневникъ Н. В. Буссе.—Разсказы изъ русской исторіи, Б. А. Павловича. — Очерки ирландской жизни, изъ записокъ Ст. Тренча, перев. съ англійскаго.—**Мартъ.**—Стихотворенія Н. Некрасова, ч. V.—Военная библіотека Т. VIII и IX.—Права и значеніе женщины въ христіанствѣ, А. Надеждина. — Основы физіологіи человѣка, Л. Германна, пер. съ 4 нѣмецк. изд. подъ ред. И. Сѣченова.—Элементарная геометрія для школъ и вообще для начинающихъ, Ад. Дистервега, пер. съ послѣдняго нѣмецк. изданія.—Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, Н. Тихонравова.—**Апрѣль.**—Единство физическихъ силъ, А. Секки, пер. Ф. Павленкова.—О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ, Ф. Мартенса.—Учебникъ акушерства, д-ра К. Шредера, пер. подъ ред. д-ра М. Горвица.—Наши сосѣди въ средней Азіи, изд. ред. журн. Всем. Путешеств.—Приходское духовенство въ Россіи со временъ реформы Петра, соч. П. Знаменскаго.—Сельскія постройки и земледѣльческая механика, сост. Лентовскимъ.—**Май.**—Сочиненія Лермонтова съ портретомъ его, снимками съ почерка и статьею о Лермонтовѣ, А. Н. Пыпина, изд. 3-е подъ ред. П. А. Ефремова. — А. С. Пушкинъ, матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведенія, П. В. Анненкова.—Физіологическія розысканія академика Я. К. Грота.—Полное собраніе сочиненій Гофмана, пер. и изд. подъ ред. Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго, Т. I.—Единственный русскій путеводитель по Вѣнѣ и ея окрестностямъ, соч. Е. Львова-Кочетова.—**Іюнь.** — Онежскія былины, записанныя Александромъ Ѳедоровичемъ Гильфердингомъ. — Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Доктора философіи Эдуарда фонъ-Гартмана. По 2-му нѣмецкому изданію, полное изложеніе съ присоединеніемъ предисловія, введенія и критической оцѣнки системы, А. А. Козлова.—Медицина и медики, Э. Литтре, пер. съ франц. подъ ред. М. Цебриковой.—О значеніи приморскаго города Евпаторіи (Таврич. губерніи) какъ лечебнаго пункта, докт. медиц. Трахтенберга.—**Іюль.** — Исторія Греціи и Рима, Б. А. Павловича.—Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, Ив. Забѣлина.—Кунцово и древній сѣтунскій станъ, Ив. Забѣлина.—Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ, А. Градовскаго. — Народное образованіе, соч. Э. Лавлея.—Сборникъ писемъ и матеріаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому, изд. В. Герье. — **Августъ.**—Доклады и журналы Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. — Первобытная

культура, соч. Э. Тэйлора, пер. съ англ. подъ ред. Д. Коропчевскаго. — Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ, В. Н. Никитина.—Юнкерскія училища. г.-м. П. Бобровскаго.—Основаніе ботаники, М. Мастерса, пер. съ англ. Волкенштейнъ. — **Сентябрь.** — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, Н. Костомарова.—Исторія Бухары или Трансоксаніи, Германа Вамбери, пер. А. И. Павловскаго.—Очерки нашихъ порядковъ административныхъ судебныхъ и общественныхъ, Е. П. Карновича.—Историческія статьи М. Д. Хмырова.—Лѣтописи круглаго окна Тушара-Лафосса.—Проституція и ея жертвы. — **Октябрь.**—О воинской дисциплинѣ и средствахъ къ ея охраненію и надлежащему развитію, бесѣда полковника А. А. Навроцкаго.—Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго.—Изслѣдованія хлѣбной торговли въ верхневолжскомъ бассейнѣ, И. Барковскаго. — Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи, ч. 1-я, В. Чаславскаго.—Основы физіологіи человѣка, Л. Германна, пер. подъ ред. И. Сѣченова.—**Ноябрь.**—Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ, А. Н. Пыпина.—Теорія и практика банковаго дѣла, т. I., И. И. Кауфмана.—Иллюстрированная популярная физическая географія, Н. И. Зуева.—Францъ фонъ-Зикингенъ, Ферд. Лассаля, пер. А. и С. Криль.—Христоматія для всѣхъ, сост. Н. В. Гербель. — Русская христоматія съ примѣчаніями, сост. А. Филоновъ. Ч. IV.—**Декабрь.** — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXIII. Исторія Россіи въ царствованіе имп. Елисаветы Петровны, т. III, соч. Соловьева.—Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ. Съ біографіею и примѣч. Я Грота. — Исторія кусочка хлѣба, соч. Масе. Перев. А. А. Головачева. — Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и изд. подъ ред. Н. В. Гербеля и А. А. Соколовскаго. Т. II. — Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Т. 1-й: Письма лэди Рондо. Перев. подъ ред. и съ примѣч. С. Н. Шубинскаго. — Русскій Календарь на 1874. А. Суворина.

IX. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (янв. 476; февр. 953; мартъ, 445; апр. 959; май, 464; іюль 431; авг. 851; октябрь, 909; ноябрь, 455; дек. 911).—Подписка на памятникъ Пушкину (февр. 953). — Общее собраніе членовъ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи 24 декабря 1872 г. (мартъ, 445). — Самарскій дамскій комитетъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ (ноябрь, 456; дек. 914).—Уставъ Общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета (дек. 914). — Матеріалы журнальной статистики (дек. 920).

1874 г.

Альминскій, П. — Конецъ стараго романа (окт. 441; ноябрь, 5).

Анненковъ, П. В. — Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ Александровскую эпоху (янв. 5; фев. 481).

В., А.—Ирландскія мелодіи. Изъ Томаса Мура (ноябрь, 351).—Изъ Гейбеля (дек. 671).

В. С. А. — Тюркарэ. Комедія въ 5-ти актахъ, Лесажа (ноябрь, 137).

Богдановичъ, М. И.—Два письма военнаго туриста (окт. 792).

Буренинъ, В. П.—Трагедія въ Бристолѣ. Баллада Томаса Чаттертона (іюль, 73).—Изъ Петрарки. Сонеты и канцона (сент. 109).—Испытаніе женъ. Изъ Аріоста (дек. 766).

Вухъ, Л. К. — Податной вопросъ, въ связи съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія европейской Россіи (фев. 870).

Вейнбергъ, П. И.—Изъ Лонгфелло. Стихотвореніе (янв. 559).—Смерть соловья. Изъ Сырокомли (іюнь, 771).

воду quasi-литературной критики „Русскаго Вѣстника“ (фев. 948).—В. Г. Бѣлинскій. Опытъ біографіи (мартъ, 205; апр. 602; іюнь, 573; окт. 469; ноябрь, 68; дек. 491).

Пятковскій, А. П.—Начало воспитательныхъ домовъ въ Россіи (ноябрь, 260).

Р—ъ.—Иностранная литература и наука. Идея личнаго благосостоянія въ современномъ обществѣ (фев. 802).

Р., А.—Поиски клипера „Изумрудъ“ за Н. Н. Миклухой-Маклаемъ (май, 86; іюнь, 673).

Р., П.—Киргизскія пѣсни (дек. 720).

Ровинскій, П. А.—Мои странствованія по Монголіи (іюль, 212).

Россель, Юр. — Джонъ-Стюартъ Милль и его школа (май, 5; іюнь, 473; іюль, 132; авг. 667; окт. 654; дек. 672.

С., М—Первыя реальныя гимназіи во Франціи (окт. 874).—Реализмъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (ноябрь, 440).

Свистунова, М. — Грибоѣдовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской (авг. 572; сент. 115; окт. 542; дек. 637).

Спасовичъ, В. Д.—Вопросъ о такъ-называемой литературной собственности (іюнь, 449).

Соловьевъ, В. С.—Раздѣлъ земли. Изъ Шиллера (окт. 803).—Искушеніе Будды. Изъ Лалитавистары (дек. 630).

Соловьевъ, С. М.—Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ (апр. 457).

С—х—ъ, Д. — Наслѣдство Ильи Петровича Растеряева. Психологическіе очерки (іюнь, 626; іюль, 169; авг. 471).

Сѣченовъ, И. М.—Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „Письма г. Кавелина“ (іюль, 424).

Терентьевъ, М.—Торговая политика Англіи (сент. 73).

Толстой, графъ А. К.—Портретъ. Повѣсть въ стихахъ (янв. 50).

Тургеневъ, Ив. С.—Пунинъ и Бабуринъ. Разсказъ Петра Петровича Б. (апр. 553).

Флоринскій, В. М. — Башкирія и Башкиры (дек. 722).

Фойницкій, Ив.—Общегерманское законодательство печати (янв. 284, фев, 711).

Х.—Письмо объ „Университетскихъ письмахъ“. Статьи г. Любимова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (май, 311).

Чаадаевъ, П. Я.—Неизданныя рукописи (іюль, 83).

Ш.—Классическіе шесты. Ученое открытіе г. Георгіевскаго (май, 441).

Шпильгагенъ, Фр.—Изъ моей записной книги (апр. 760; май, 34).

Э., А.—Куй желѣзо, пока горячо. Романъ миссисъ Брэддонъ (янв. 331; фев. 763; мартъ, 231; май, 251; іюнь, 721; іюль, 305; авг. 707; сент. 294).—Вторая имперія въ романѣ Эмиля Зола (окт. 685).—Рѣчь Тиндалля, въ британскомъ обществѣ поощренія наукъ (дек. 834).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Начало сессіи петербургскаго земскаго собранія.—Отношеніе столичнаго общества къ интересамъ своего земства.—Рѣчь г. губернатора и предложеніе г. Шуберта.—Народное образованіе въ земскомъ бюджетѣ и земская учительская школа.—Вопросы народнаго здравія.—Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества.—Отчетъ комитета за 1872 годъ.—Postscriptum: Отвѣтъ не на вопросъ петербургской „Nordische Presse“ г-ну А. (393 стр.). — **Февраль.** — Брачное торжество 11-го января.—Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія.—Призывъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія.—Адресъ московскаго дворянства и газетные толки.—Прошедшая судьба нашей народной школы и будущее ея развитіе.—Манифестъ о всеобщей воинской повинности. — Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.—Льготы и изъятія.—Очеркъ новаго устройства вооруженныхъ силъ.—Замѣтка по поводу вопроса о стипендіи баронета Вилліе (846 стр.). — **Мартъ.**—Государственная роспись на 1874 г.—Отчетъ

контроля за 1872 г.—Взглядъ на общее экономическое положеніе.—Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ.—Металлическій фондъ.—Голодъ въ самарской губерніи. — Выводы изъ фактовъ.—Облегченія обвиненныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ (334 стр.).—**Апрѣль.**—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1872 г.—Духовно-учебныя заведенія. — Отношенія къ расколу.—Узаконеніе раскольничьихъ браковъ.—Вопросъ о свѣтскихъ метрикахъ.—Безпорядки въ холмской епархіи.—Учительскіе институты.—Клерикальные кружки (802 стр.).—**Май.**—Правила о выдачѣ желѣзно-дорожныхъ концессій.—Новыя четыре дороги.—Уставы 18-го ноября. — Уставы 22-го февраля. — Безусловная гарантія. — Подписка и ея результаты.—Переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ и проектъ очистки города въ Петербургѣ.—Проектъ городского налога въ Москвѣ.—Отчетъ Общества помощи при кораблекрушеніяхъ (340 стр.).—**Іюнь.**—Вопросъ о продленіи срока службы мировыхъ судей.—Дѣло о подлогѣ.—Дѣло о мнимыхъ чудесахъ.—Дѣло о бритьѣ бороды.—Общія собранія Общества Привислянской дороги.—Новыя предположенія о желѣзныхъ дорогахъ. — Образованіе акціонерныхъ обществъ.—Система государственной постройки желѣзныхъ дорогъ (773 стр.).—**Іюль.**—Кто будетъ строить двѣ новыя желѣзныя дороги?—Вопросъ объ эксплуатаціи дорогъ.—Преобразованія гербоваго сбора. — Особенности новаго устава.—Новая воинская повинность и выселеніе.—Судебныя дѣла.—Вопросъ о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ. — Результаты выпускного экзамена въ гимназіяхъ за 1873 г. (371 стр.).—**Августъ.**—Положеніе о народныхъ училищахъ.—Число училищъ.—Вопросъ о надзорѣ.—Взглядъ на развитіе этого вопроса.— Новое устройство надзора.—Правила о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ.—Еще о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.—Судьба двухъ новыхъ линій.—**Октябрь.**—Преобразованіе мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Учрежденіе мировыхъ посредниковъ и ихъ дѣятельность.—Поземельныя дѣла и крестьянское управленіе.—Характеръ новаго устройства.—Издержки земства.—Проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ.—Преобразованіе квартирной повинности (817 стр.).—**Ноябрь.**—Характеръ русскаго раскола. — Новыя секты.—Дѣленіе сектъ на два рода.—Сложность производства по дѣламъ раскола. — Процессъ игуменьи Митрофаніи. — Имущественныя права монастырскихъ начальствъ.—Призывъ къ воинской повинности на 1874 г. (375 стр.).—**Декабрь.**—Уравненіе гражданскихъ правъ. — Узаконеніе раскольничьихъ браковъ.—Вопросъ о юридическомъ бракѣ.—Военная служба донскихъ казаковъ.—Перепись евреевъ.—Вопросъ объ учрежденіи одесской губерніи (865 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Начало парламентской сессіи въ Пруссіи (429 стр.).—**Февраль.**—Распущеніе палаты общинъ.—Посланіе Гладстона и Дизраэли.—Государственный переворотъ въ Испаніи и новое правительство. — Министерскій кризисъ въ Версалѣ. — Бисмаркъ и иностранная печать (895 стр.). — **Мартъ.**—Выборы въ германскій рейхстагъ. — Открытіе сессіи. — Военный законъ. — Рѣчь Рихтера. — Рѣчь Мольтке. — Предложеніе Тейтша. — Выборы въ Великобританіи. — Пораженіе Гладстона.—Новое правительство въ Англіи (377 стр.).—**Апрѣль.**—Значеніе септенната.—Министерство Брольи.—Совершеннолѣтіе Наполеона IV-го.—Реакціонные проекты.—Положеніе военнаго вопроса въ Германіи. — Открытіе англійскаго парламента.—Юбилей короля Виктора-Эммануила. — Новое министерство въ Венгріи) 825 стр.).—**Май.**—Военный законъ въ германскомъ сеймѣ.—Парламентаризмъ и правительство.—Національные либералы и прогрессисты. — Законы объ епископахъ и о печати. — Окончаніе сессіи. — Министерскій кризисъ въ Испаніи.—Освобожденіе Бильбао (363 стр.).—**Іюнь.**—Виды на упроченіе міра.—Пренія въ палатѣ лордовъ.—Учредительные проекты Брольи.—Министерскій кризисъ. — Новый кабинетъ Макъ-Магона. — Новое министерство въ Испаніи. — Окончаніе сессіи прусскаго сейма. — Бисмаркъ и Арнимъ (795 стр.).—**Іюль.** — Брюссельскій конгрессъ. — Права партизановъ.—Вопросъ о занятіи территоріи. — Парламентскія пренія во Франціи. — Предложеніе К. Перье. — Рѣчь Гамбетты. — Обѣщаніе графа Шамбора.—Пораженіе и смерть маршала Кончи (392 стр.).—**Августъ.** — Посланіе Макъ-Магона. — Измѣненіе

въ его кабинетѣ. — Предложеніе К. Перье. — Отголоски киссингенскаго происшествія въ Германіи. — Сессія англійскаго парламента. — Вопросъ о самоуправленіи Ирландіи (808 стр.).— **Сентябрь.**— Брюссельскій конгрессъ. —Соотношеніе силъ въ Европѣ.—Признаніе испанскаго правительства. — Власть маршала Серрано. — Конча и Доррегарэ.—Особенности карлизма.— Общественное мнѣніе въ Германіи.— Германская дипломатія (403 стр.). — **Октябрь.**—Кн. Бисмаркъ и испанскія дѣла.—Интересы германской политики.—Вопросъ о Шлезвигѣ.—Ходъ карлистской войны. — Поѣздка маршала Макъ-Магона.—Вопросы выборовъ.— Политика партій во Франціи (841 стр.).—**Ноябрь.**—Арестъ графа Арнима. — Отношенія Арнима и Бисмарка къ консерватизму.—Вопросъ о частной и оффиціальной перепискѣ.—Открытіе имперскаго сейма.—Испанская нота.— Война съ карлистами.—Возстаніе въ Буэносъ-Айресѣ (395 стр.). — **Декабрь.** — Современное настроеніе въ Европѣ.—Національный принципъ и его увлеченія.—Рѣчь Дизраэли.—Выборы въ Соединенныхъ Штатахъ. — Президентъ Грантъ и его партія. — Настроеніе въ Америкѣ (890 стр.).

III. Корреспонденціи.

Парижъ. — Исходъ роялистскихъ интригъ и процесса маршала Базена (янв. 449).—Политическая неурядица и литературныя новости: романъ В. Гюго (мартъ, 398).—Септеннатъ и монархисты (май, 380).—Безсиліе собранія установить прочный порядокъ и усиленіе бонапартистскаго броженія (іюль, 410). — Поѣздка маршала-президента и новыя усложненія въ иностранной политикѣ (сент. 420).—Правительственное безсиліе во Франціи (нояб. 410).—**Берлинъ.**—Политическій кризисъ въ Германіи (февр. 913). — Сессія германскаго рейхстага (апр. 842). — Результаты послѣдней парламентской кампаніи (іюнь, 814).—Изъ воспоминаній стараго парламентскаго репортера (авг. 826). — Министерскія исторіи въ Пруссіи (окт. 857).—Ультрамонтаны, законъ о ландштурмѣ, и дѣло гр. Арнима (дек. 907). — **Лондонъ.**—Англійская политика въ Ирландіи и въ колоніяхъ (февр. 934).—Первые дни новаго министерства (май, 392).—Религіозный вопросъ (авг. 845).— Народное образованіе и вакаціонные конгрессы (нояб. 425).

IV. Библіографическій листокъ.

Январь.—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 2, Н. Костомарова.—Bibliothèque impériale publique de St.-Pétersbourg. — Основанія политической экономіи, Джонъ Стюартъ Милль. — Трилогія на трилогію, Муція Сцеволы.—Отечественная географія, А. Пуликовскій.—Великія явленія и очерки природы, Е. Лихачевой и А. Сувориной.—**Февраль.**—Дневникъ А. В. Храповицкаго, Н. Барсукова. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 3, Н. Костомарова. — Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей, Адел. и Як. Симоновичъ.—Этнографическія наблюденія, И. С. Полякова. — Популярныя бесѣды о природѣ и человѣкѣ, Отто Улэ.—Исторія Бохары, или Трансоксаніи, Г. Вамбери.—**Мартъ.**— Пугачевцы, Евг. Сальяса.—Международная научная библіотека. Вып. 1, Вальтеръ Беджготъ.—Сборникъ матеріаловъ, А. М. Байкова. — Исторія франкъ-масонства, І. Г. Финделя. — Сочиненія Генриха Гейне, П. Вейнберга.—Устройство человѣческаго тѣла, изд. редакціи „Природы". — **Апрѣль.**—Путешествіе въ Туркестанъ, А. П. Федченко.—Полный хронологическій сборникъ законовъ, В. О. Леванда.—Международные словари М. Макарова.—Международная научная библіотека. Вып. 2. Гербертъ Спенсеръ, т. I.—Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, А. Ильина. — **Май.**— Складчина. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 4, Н. Костомарова. — Путеводитель по Европѣ, П. Якубовичъ.—Курсъ гражданскаго судопроизводства, Кр. Малышева.—Собраніе трактатовъ и конвенцій, Ф. Мартенсъ.—**Іюнь.** — Русская Библіотека. Томъ второй. М. Ю. Лермонтовъ. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 5, Н. Костомарова.—Парижъ въ Америкѣ, Эд. Лабуле.—Эскизы, П. Леонарда.— Антропобіологическія изслѣдованія, В. Я. Буняковскаго.—**Іюль.**—Подъ тропиками, К. Ф. Аппуна.—Записки фельдмаршала графа Миниха, С. Н. Шубинскаго.—Полжизни, романъ, П. Д. Боборыкина. — Учебникъ пандектнаго права, проф. Виндшейда.—Уставъ о воинской повинности.—Путеводитель и собесѣдникъ, М. Владыкина.—**Августъ.**—Исторія общаго государствен-

наго права и политики, I. К. Блунчли. — Славянская взаимность, I. Первольфа. — Руководство для типографщиковъ, Н. Ф. и Р. — **Сентябрь.** — Русскія женщины новаго времени, Д. Мордовцева.—Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка, М. Владимірскаго-Буданова. — Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи.—Холерная эпидемія, Г. И. Архангельскаго. — Превращенія Публія Овидія Назона. — Калейдоскопъ воспоминаній. — **Октябрь.** - А. С. Пушкинъ, П. Анненкова.—Историческія пѣсни малорусскаго народа, В. Антоновича и М. Драгоманова.—Руководство къ общей патологіи, др. Э. Вагнера. — Курсъ политической экономіи, Э. Вредена.—Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи, сост. А. А. Мещерскимъ и К. Н. Модзалевскимъ. — Романы Вальтеръ-Скотта. — **Ноябрь.**—Законы и жизнь, М. И. Заруднаго. — Учебникъ химіи, С. Ковалевскаго.—Руководство къ педагогикѣ, И. Д. Бѣлова. — Варвары и средніе вѣка, Литтре.—Русская Библіотека. Т. III, Н. В. Гоголь. — **Декабрь.** — Русская литература послѣ Гоголя, Ор. Миллера. — Натанъ Мудрый, В. Крылова. — Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. Таганцева. — Гербертъ Спенсеръ, т. II: Изученіе соціологіи.—Указатель юридическимъ вопросамъ, Г. Трахтенберга.—Тарасъ Бульба, Гоголя, Н. фанъ-деръ-Флита и Кочетова.—Робинзонъ Крузе, А. Анненской.

V. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (янв. 478; фев. 962; мар. 454; апр. 904; май, 444; іюнь, 859; іюль, 427; окт. 883; нояб. 443; дек. 928).—Общество вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета (янв. 479; апр. 916; май, 445).—Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній (янв. 480). — Уставъ саратовскаго общества вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію (мар. 454).—Отчетъ саратовскаго Общества вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію, за 1873 г. (апр. 913).—Отъ бердянской уѣздной управы: вызовъ сельскихъ учителей (іюнь, 862; іюль, 428).—Бюллетень общества русскаго мореходства (дек. 929). — Коммиссія по постройкѣ новаго собора въ г. Лугѣ (дек. 934).

1875 г.

А., В. — Наше законодательство о раскольничьихъ бракахъ. Историческій очеркъ (февраль, 775).

А—въ, Л.—Какъ мы живемъ нынче. Очерки изъ романа Троллопа (дек. 726).

Арсеньевъ, К. К.—Движеніе умовъ въ римской имперіи при Флавіяхъ, Траянѣ и Адріанѣ (дек. 609).

В., А. — Изъ Гейне. Стихотвореніе (январь, 250). См.: Отъ редакціи, фев. 876.

Боборыкинъ, П. Д.—Въ усадьбѣ и на порядкѣ. Повѣсть (январь, 5).

Вагнеръ, Н. П.—По поводу спиритизма. Письмо къ редактору (апрѣль, 855).

Вейнбергъ, П. И. -- Мелодіи изъ дома сумасшедшихъ. Стихотвореніе изъ Сырокомли (февраль, 513).—Изъ Дантова ада. Пѣснь третья (май, 115).

Веселовскій, А. Н.—Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: I. Поэма о Дигенисѣ. — II. Девгеній-Дигенисъ. —III. Дигенисъ-Аника и старшіе богатыри (апрѣль, 750).

Г., М.—Первыя представленія комедіи „Горе отъ ума“ въ 1827—1832 г. Изъ воспоминаній участника (іюль, 319).

Г., Ю.—Торговый балансъ и его значеніе (іюнь, 792).

Гербель, Н. В.—Жалоба Тасса. Изъ

Якунинъ, Ив.—Холера въ Тамбовѣ въ 1830 году. По разсказамъ очевидцевъ (сентябрь, 204).

Янсонъ, Ю. Э.—Населеніе Петербурга и его экономическій и соціальный составъ по переписи 1869 года (октябрь, 606; ноябрь, 55).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Вопросъ 1874 года 1875-му году и послѣдующимъ: Что важнѣе—чѣмъ намъ быть? или: какъ намъ быть? Огульная характеристика современнаго общества и его печати.—„Лѣвыя мнѣнія" и ихъ европейскіе корни.—Начало всесословности на Западѣ.—Самоуправленіе въ московской и до-московской Руси.—Правильность исторической почвы новѣйшихъ преобразованій.—„Культурный" слой въ древней и новой Россіи.—Опыты его самоуправленія.—Вопросы будущаго развитія (371 стр.).—**Февраль.**—По поводу новой финансовой росписи.—Десятилѣтіе судебной реформы.—Нынѣшнее ея положеніе.—Уголовная статистика за 1873 годъ.—Улучшеніе въ ея пріемахъ.—Особенности въ дѣятельности судовъ.—Вопросъ о преступленіяхъ, ускользающихъ отъ наказанія.—Отношеніе грамотныхъ.—Слухи въ печати о новыхъ правилахъ относительно высшихъ училищъ.—Прощальный обѣдъ В. Ѳ. Коршу (791 стр.).—**Мартъ.**—Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ нынѣшней росписи.—Отчетъ контроля за 1873 годъ.—Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверхсмѣтныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избіеніе адвокатовъ г. Марковымъ, по избіеніи литераторовъ г-ми Катковымъ и Леонтьевымъ (400 стр.).—**Апрѣль.**—Судебная реформа въ царствѣ Польскомъ.—Сессія петербургскаго дворянства.—Всесословная волость.—Дѣло г. Безобразова.—Приговоръ по дѣлу Исаева.—Общество и полиція.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библіотеки (796 стр.).—**Май.**—Преобразованія въ церковномъ управленіи и устройствѣ.—Отношенія церкви и государства.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1873 годъ.—Древніе польскіе архивы въ Россіи.—Вопросъ о передачѣ польской метрики.—Дѣло Карлова и Казыненко, и приговоры присяжныхъ.—Вопросъ о дуэли.—Оговорка о росписи на 1875 годъ (392 стр.).—**Іюнь.**—Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія о пересмотрѣ университетскаго устава.—Отчетъ шестилѣтія почтоваго управленія.—Почтовое вѣдомство и почтовое дѣло.—Отчетъ рижской городской гимназіи.—Нѣмецкія училища въ Петербургѣ.—Петербургскіе нѣмцы.—Полицейскія правила.—Особый видъ общественной „самодѣятельности".—Съѣздъ машиностроителей (831 стр.).—**Іюль.**—Десятилѣтіе земскихъ учрежденій.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ.—Вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ области войска донского.—Историческій взглядъ на военное управленіе областью.—Вопросъ о подвѣдомственности донского земства.—Земство уфимское.—Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства.—Литературныя диковины (356 стр.).—**Августъ.**—Наше финансовое положеніе.—Пятый выпускъ консолей.—Сравненіе возростанія расходовъ и доходовъ.—Производительность отдѣльныхъ статей доходовъ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣшеніе вопроса о медико-хирургической академіи.—Полемика объ училищахъ военнаго вѣдомства (765 стр.).—**Сентябрь.**—Вопросъ о желѣзно-дорожномъ строительствѣ.—Новая сѣть желѣзныхъ дорогъ.—Новыя правила о выдачѣ концессій.—Проектъ образованія таганрогской губерніи.—Вопросъ о міусскомъ округѣ.—Разрѣшеніе вольной продажи пороха.—Вопросъ о введеніи городового положенія въ остзейскомъ краѣ.—Юбилей въ петербургской думѣ (360 стр.).—**Октябрь.**—Взглядъ на русскую печать.—Судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ.—Обязательность начальнаго обученія въ Петербургѣ.—Средства города.—Положеніе дѣтей на фабрикахъ и заводахъ (800 стр.).—**Ноябрь.**—Вопросъ о вліяніи духовенства на народную нравственность.—Проектъ коммиссіи объ уменьшеніи разгула въ народѣ.—Роль сельскихъ священниковъ.—Наставленіе преосвященнаго Хрисанѳа.—Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ реформъ, какъ противовѣса всякимъ вліяніямъ.—Отвѣтъ „досужихъ" журналистовъ „недосужимъ" (363 стр.).—**Декабрь.**—Вятка прежде и вятка теперь.—Московскій ссуд-

ный банкъ и акцизное дѣло въ виленской губерніи.—Отчетъ Публичной Библіотеки за 1874 г.—Поѣздка министра нар. просвѣщенія на югъ.—Дѣла въ Коканѣ.—Сообщенія „Правит. Вѣстника" и дѣйствія Англіи въ Египтѣ (797 стр.).

II Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Министерскій кризисъ въ Берлинѣ.—Столкновеніе Арнима съ Бисмаркомъ.—Дипломатическія разоблаченія.—Судъ надъ Арнимомъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи (408 стр.).—**Февраль.**—Отказъ Гладстона отъ управленія партіею.—Положеніе либеральной партіи въ парламентѣ.—Современные ея эпигоны.—Маркизъ Гартингтонъ.—Гладстонъ-публицистъ.—Новый переворотъ въ Испаніи.—Несостоятельность всѣхъ партій.—Неизбѣжность воцаренія Альфонса (819 стр.).—**Мартъ.**—Депеша англійскаго правительства объ опредѣленіи законовъ войны.—Два парламентскихъ избранія.—Слухи объ удаленіи германскаго канцлера.—Статистика политической репрессіи Германіи.—Сессія французскаго собранія.—Конституціонные законы.—Соглашеніе центровъ.—Установленіе республики (423 стр.).—**Апрѣль.**—Программа министерства Бюффе.—Закрытіе сессіи національнаго собранія.—Докладъ Савари.—Прокламація Кабреры.—Его прошлое и его отношеніе къ донъ-Карлосу.—Ходъ военныхъ дѣйствій (818 стр.).—**Сентябрь.**—Возстаніе въ Герцеговинѣ и восточный вопросъ.—Измѣненіе въ условіяхъ этого вопроса.—Положеніе дѣлъ въ 1862 году.—Султанъ Абдулъ-Азисъ и администрація.—Турецкіе финансы.—Положеніе райевъ.—Сербія и Черногорія.—Отношенія между державами.

III. Корреспонденція.

I. **Берлинъ.**—Общественныя замѣтки (февраль, 834 стр.).—Обзоръ сессіи прусскаго ландтага (апр. 832 стр.)—Политическія тревоги (іюнь, 856 стр.).—Финансовыя затрудненія и оппозиція.—Выборы въ Баваріи (августъ, 792 стр.).—Профессора и университеты въ Австріи и Германіи (окт. 837 стр.).—Политическое и экономическое положеніе Германіи наканунѣ новой сессіи рейхстага (дек. 827).—II. **Лондонъ.**—Внѣшняя политика Англіи и средне-азіатскій вопросъ (февр. 855 стр.).—Англія на покоѣ (май, 418 стр.).—Рабочій классъ и англійское законодательство (авг. 808 стр.).—Армія и флотъ въ Англіи (ноябрь. 386 стр.).

IV. Библіографическій листокъ.

Январь.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XIII.—Исторія возсоединенія Руси, П. А. Кулиша, т. I.—Міровоззрѣніе талмудистовъ, въ выдержкахъ изъ главнѣйшихъ книгъ раввинской письменности. Составл. по подлин. С. I. Финомъ и Х. Л. Каценеленбогеномъ. пер. Л. О. Леванды съ примѣчаніями Гордона, т. I.—Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Г. Маудсли. Переводъ съ англ., съ дополн. Д. А. Чечотта.—Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ.—Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе разсказы, т. I. Жители Юга, Е. Н. Водовозовой, съ 25 рис. В. М. Васнецова.—**Февраль.**—Замѣтки о русской адвокатурѣ, 1866—1874 гг., К. К. Арсеньева.—Вопросъ о незаконнорожденныхъ. Сочин. А. И.—Монголія и страна Тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи, Н. Пржевальскаго, т. I.—Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ, для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политип.. изд. М. Малышевой и А. Пѣловой.—Для народнаго чтенія. Изданія московск. комитета грамотности. Шесть выпусковъ.—Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и изд. п. р. Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго.—**Мартъ.**—Василій Андреевичъ Жуковскій. Русская Библіотека, томъ IV.—Начала русскаго государственнаго права, А. Градовскаго, пр. спб. унив. Т. I. О государственномъ устройствѣ.—Руководство къ изученію сценическаго искусства, въ 2-хъ частяхъ. Состав. Н. Свѣденцовъ, преподав. сценич. искусства въ имп. театр. училищѣ.—Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I. Введеніе: города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дитятина.—Астрономическій атласъ Брунса, профес. унив. и директ. лейпциг. обсерваторіи. Второе изданіе. Перев. Е. А. Сысоевой, подъ ред. Р. Н. Гришина. Съ 12 таблицами.—Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Воспоминанія, очерки и замѣтки, А. С. Курбскаго.—Исторія ма-

ленькой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. С—вой. — **Апрѣль.** — Путешествіе въ Туркестанъ, А. П. Федченко, т. I, ч. II. Въ Коканскомъ ханствѣ. Тетр. I. Съ портротомъ, 3-мя картами, олеографіей, 4-мя литографіями и 9-ю политип.—Германская конституція. Ч. I. Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. А. Градовскаго. — Соловки. Воспоминанія и разсказы изъ поѣздки съ богомольцами, В. И. Немировича-Данченко.—Апріорная философія или положительная наука? По поводу диссертаціи г. В. Соловьева, К. Кавелина. — Рѣчи, по-русски произнесенныя въ еврейскомъ молитвенномъ домѣ, въ Москвѣ, раввиномъ Э. Миноромъ. Вып. I.—**Май.** — Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Русская Библіотека, томъ V. Портретъ, біографія, изъ критики Бѣлинскаго и Пушкина.—Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Состав. Ник. Вас. Гербель.—Записки Имп. Рус. Геогр. Общества. По общей географіи, т. V.—Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физіологическая основа для теоріи музыки. Г. Гельмгольца. Перев. съ 3-го нѣм. изд. М. Пѣтухова.—Отдыхъ. Два разсказа для дѣтей. Е. Васильевской.—**Іюнь.** — Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Состав. Ф. Мартенсъ, проф. Спб. Универ., т. II.—Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни императора Петра Великаго. Соч. М. П. Погодина.- Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, издан. п. р. Н. В. Гербеля, т. I. Изд. 5-ое.—Опытъ исторіи мысли. Томъ первый, выпускъ 1-й.—Путеводитель по Европѣ, т. IV: Сѣверная Италія и Флоренція; томъ V: Римъ и южная Италія. Якубовича.—**Іюль.** — Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на вѣнской всемірной выставкѣ 1883 года и въ эпоху ея, А. Ермолова.—Новая азбука графа Л. Н. Толстого.—Изъ 25-лѣтней практики сельскаго учителя.—Воспоминанія, очерки и замѣтки Е. Стрѣльцова. Ч. I. Сельская школа, 1849—1864.—Барчуки. Картины прошлаго. Евгенія Маркова.—**Августъ.** —Новая русская литература (отъ Петра до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Составилъ П. В. Евстафіевъ. — Общинное землевладѣніе, А. Посникова. — Выпускъ I. — Пожарная книга. — Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н—въ. Въ текстѣ политипажные рисунки.—**Сентябрь.** — Сборникъ Государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова, т. II.—Историческая хрестоматія. Учебное пособіе для учащихся и преподавателей. Курсъ новой исторіи. Составлена А. Овсянниковымъ. Т. I. — У океана. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. В. И. Немировича-Данченко. — **Октябрь.** — Россія и Англія. Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіею. 1553—1593 гг. Граматы, собранныя, переписанныя и изданныя Юріемъ Толстымъ.—Очерки исторіи и догматики международнаго права. Орд. пр. А. Н. Стоянова. Харьковъ. 1875 г.—Людвигъ Эккардтъ. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій, съ приложеніемъ примѣчаній и краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній перевели и составили приложенія Н. Максимовъ и В. Островскій. — Женское спеціальное образованіе въ Петербургѣ. Состав. М. Л. Златковскій.—Сцены изъ цыганской жизни (Scènes de la vie de bohême). Г. Мюрже. Переводъ съ французскаго. — Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка. Сочиненіе И. А. Порай-Кошица.—**Ноябрь.** —Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. I, V, ч. 1-ая и 2-ая.—Дача на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ. Б. Ауэрбаха. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Перев. съ нѣм. Три тома.—Курсъ гражданскаго судопроизводства. Соч. Крон. Малышева. Т. II.—Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ.—Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова.—**Декабрь.** — Сборникъ Рус. Ист. Общества. Т. XIV. — Исторія Россіи, С. Соловьева. Т. XXV. — Шиллеръ и его время. Соч. I. Шерра.—Обязательственное право. Ф. К. Савиньи, пер. Фуксъ и Мандро.—Эпилогъ прусско-франц. войны. Э. Ватсона.—Руководство къ геологіи. Германа Креднера. Т. I.—Статистика русскихъ банковъ. Ч. II. И. И. Кауфмана.

V. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь, 426; февраль, 874; мартъ, 460; апрѣль, 876;

*

1876 г.

I. Внутреннее обозрѣніе.

по поводу университетскаго акта въ Москвѣ (789 стр.).—**Мартъ.**—Манифестъ о кончинѣ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны.—Университетскій актъ 8-го февраля. — Взглядъ на истинное значеніе объединенія, и отличіе его отъ единообразія.—Записка одесскаго торговаго комитета.—Упадокъ русскаго отпуска пшеницы.—Вопросъ о поднятіи производительныхъ силъ Россіи.—Ходатайство русскаго общества пароходства и торговли.—Торги на донецкую желѣзную дорогу. — Десятилѣтіе общества покровительства животнымъ.—Кончина М. В. Авдѣева (353 стр.).—**Апрѣль.**—Церковно-политическій вопросъ. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1874 г. — О. Ключаревъ о свободѣ совѣсти. — Семинаристы въ университетѣ. — Вопросъ о государственномъ экзаменѣ и академикъ Безобразовъ.—Роль земства въ дѣлѣ народнаго образованія, по указанію „Московскихъ Вѣдомостей" (793 стр.).—**Май.**—Уголовная статистика.—Присяжные и судьи. — Религія и національность. — Религіозныя преступленія.—Семейный бытъ.—Дѣти-преступники. — Отчетъ петербургской земледѣльческой колоніи.—О колоніяхъ для малолѣтнихъ, осужденныхъ вообще (388 стр.).—**Іюнь.**—Сліяніе общеобразовательной духовной школы съ гражданскою. — Съѣздъ уполномоченныхъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ въ Петербургѣ. — Общество любителей духовнаго просвѣщенія и свобода совѣсти. — Вопросъ объ измѣненіяхъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. — „Адвокатскій вопросъ".—О признаніи присяжныхъ по поводу двухъ уголовныхъ дѣлъ.—Разъясненіе второго пункта инспекторской инструкціи, со стороны министерства народнаго просвѣщенія (802 стр.). —**Іюль.**—Десятилѣтіе учебнаго дѣла въ Россіи. — Преобразованіе школъ не есть еще ихъ размноженіе. — Численность высшихъ училищъ прежде и теперь. — Различіе между „предполагаемыми" учебными заведеніями и существующими.—Классическія гимназіи и реальныя училища, и отношеніе къ нимъ общества.—„Русскій Вѣстникъ" о „борьбѣ".—Десятилѣтіе желѣзно-дорожнаго дѣла.—Новѣйшіе взгляды на роль въ немъ государства (351 стр.). — **Августъ.** — „Апатія" и „отсутствіе идеаловъ".—Литература и общество. — Задачи и настроеніе общества.—Поиски публицистики за идеалами.—Вопросъ о „розни".—Обращеніе къ реальности (781 стр.).—**Сентябрь.**—Вопросъ объ изданіи постановленій провинціальной администраціей. — Полиція и мировые судьи.—Опредѣленіе обрядныхъ отношеній между служащими.—Голосъ общества во внѣшнихъ дѣлахъ. — Пожертвованія въ пользу славянъ.—Еще разъ вопросъ о нашей „зрѣлости".—Положеніе крестьянскаго хозяйства.—Надѣлъ и выкупные платежи (сентябрь, 340).—**Октябрь.**—Защитникамъ крайностей.—Экономическое положеніе дѣлъ.—Операція съ размѣннымъ фондомъ.—Война, кредитъ и торговля. —Славянское движеніе и наши органы.—Безпорядки въ Сванетіи.—Выселеніе татаръ изъ Крыма.—По поводу финляндской выставки. Выпускные экзамены гимназіи въ 1875 г.—Спеціальныя и военныя училища (799 стр.).—**Ноябрь.**—Колебанія биржи.—Металлическій запасъ.—Конская перепись и повинность.—Коневодство. — Административныя постановленія. — Упраздненіе канцеляріи по дѣламъ царства польскаго.—Введеніе въ немъ общаго уложенія о наказаніяхъ (414 стр.).—**Декабрь.**—Слова Государя Императора въ Москвѣ. — Война, какъ проба внутренней работы.—Военныя реформы и мобилизація.—Финансовое положеніе и новый заемъ.—Выпускъ кредитныхъ билетовъ.—Взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ.—Необходимость изслѣдованія и новыхъ законовъ по акціонерному и банковому дѣлу.—Рѣчь Струсберга и объясненіе волжско-камскаго банка.—Государственный банкъ и банки частные (858 стр.).

II. Иностранная политика.

Январь. — Выборы во французскій сенатъ (305 стр.).—**Февраль.**—Европа и герцеговинскій вопросъ (814 стр.). — **Мартъ.** — Дипломатическое рѣшеніе герцеговинскаго вопроса (384 стр.).—**Апрѣль.**—Третья республика во Франціи (831 стр.).—**Май.**—Восточный вопросъ и европейская война (409 стр.).—**Іюнь.** Современная политическая роль Германіи (833 стр.).—**Іюль.** —Англія и Россія (377 стр.).—**Августъ.**—Война на Балканскомъ полуостровѣ (804 стр.).—**Сентябрь.**— Сербская война и посредничество (360 стр.).—**Ноябрь.**—Нашъ ультиматумъ и перемиріе (431 стр.). — **Декабрь.** — Оккупація и конференція (882 стр.).

III. Корреспонденція.

IV. Библіографическій листокъ.

Бобровскаго. Т. III, ч. IV.—**Августъ.** —Его превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ изъ временъ второй имперіи. Эм. Зола. Пер. съ франц. Ан. Энгельгардтъ. — Общинное владѣніе. К. Кавелина. — Биржевыя артели въ С.-Петербургѣ. Гр. Немирова.—Кобзарь. Тараса Шевченка, въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. п. р. Н. В. Гербеля.—Историческій очеркъ пересылки арестантовъ въ Россіи. Н. Румянцова.—**Сентябрь.**—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XVII.—Начало цивилизаціи. Сэра Джона Лёббока.—Умственное и общественное состояніе дикарей.—Современная Черногорія. Фриллея и Влохити.—Сборникъ газеты „Сибирь". Т. I.—Бережливость. Соч. Самуила Смайльса. Пер. съ англійскаго Е. Сысоевой.—**Октябрь.**—Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года, съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Сост. пр. спб. унив. Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-е, переработанное и дополненное.—Путешествіе по Финляндіи. З. Топеліуса. Пер. со швед. Ѳ. Хеурена.—Римъ, до и во время Юлія Цезаря. Народъ, войско, общество и главные дѣятели. Военно - историческій очеркъ. Сост. ген. шт. ген.-лейт. Л. Л. Штюрмеръ.—Общественная и домашняя жизнь животныхъ. — Сатирическіе очерки съ 158 рисунками Гранвилля. Пер. Н. А. Шульгиной и А. Н. Плещеева. Изд. Н. Н. Карбасникова. — Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго депар. правит. сената за 1874 годъ. Сост. А. Книримъ и Евг. Ковалевскій. Два тома. — **Ноябрь.** — Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива перваго отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи. Вып. I.—Римскій католицизмъ въ Россіи.—Историческое изслѣдованіе графа Дмитрія А. Толстого. Въ двухъ томахъ.—Историческая христоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Т. I.—**Декабрь.**—Восточная война, М. И. Богдановича. — Дунайская Болгарія и Балканскій полуостровъ, Каница.—Начало русскаго государственнаго права, А. Градовскаго. Т. II.—Исторія Греціи и Рима, Гуревича.—Международные словари, Макарова: Русско-нѣмецкій.

V. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь, 433; февраль, 916; апрѣль, 911; іюнь, 920). — Общество вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета: отчетъ комитета за 1875 г. и ревизія (мартъ, 455).—Отъ бердянской уѣздной управы: вызовъ сельскихъ учителей (іюнь, 920).—Общество для пособія лицамъ женскаго пола, обучающимся на курсахъ ученыхъ акушерокъ при мед.-хир. академіи и въ педагогическихъ курсахъ (іюль, 428). —Отъ с.-петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета (ноябрь, 479).

1877 г.

А.—Новая книга проф. Рамбо о Россіи: Francais et Russes — Moscou et Sévastopol (февр. 891).—Историческая справка, по поводу новаго Тургеневскаго романа (мартъ, 465).

А., С.—Изъ Альфреда Мюссе: 1) Люси. 2) Декабрьская ночь (сент. 271).—1) Къ Нинонѣ. 2) Пѣсня (окт. 548).

А—ой. — Стихотворенія: Усталые (апр. 701).—1) Двѣ пѣсни. 2) На разсвѣтѣ. 3) Ночью (авг. 704).

А—въ, Л.—Эпизодъ изъ жизни министра, очеркъ по роману Троллопа (іюнь, 500).

Ардовъ. — Безъ вины виноватые. Романъ (іюль, 60; авг. 421).

Арсеньевъ, К. К.—Викторъ Гюго по возвращеніи его во Францію: Victor Hugo, Depuis l'exil (авг. 648). — Новости исторической литературы: Исторія Флоренціи, Ф. Перрана; и Католическая лига и кальвинисты во Фран-

---

I. Внутреннее обозрѣніе.

родовое положеніе въ балтійскомъ краѣ.—Пересмотръ учебныхъ плановъ въ гимназіяхъ (781 стр.).—**Іюль.**—Уголовная статистика. — Сравнительная медленность судопроизводства.—Проценты оправданій.—Снисходительность по родамъ преступленій.—Картина семейнаго быта по уголовнымъ даннымъ.—Преступность несовершеннолѣтнихъ.—Образованіе и грамотность. —Племенныя черты (316 стр.).—**Августъ.**—Займы и кредитные билеты.—Паденіе вексельныхъ курсовъ.—Взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ.—Металлическая валюта на жел. дорогахъ.—Табачный акцизъ и возвышеніе пошлины. — Налогъ на музыкальное образованіе.—Пріемные экзамены въ высшія спеціальныя училища.—Новыя условія пріема въ военныя училища (740 стр.).—**Сентябрь.** — Введеніе судебныхъ уставовъ въ западныхъ губерніяхъ. — Полемика по вопросу о примиреніи съ поляками.—Г-нъ Костомаровъ и „всеобщая къ намъ нелюбовь“.—Начала реформы Н. А. Милютина.—Нынѣшнее и будущее польское общество. — Прежнія иллюзіи поляковъ.—Основы для примиренія.—Объясненіе по поводу нашихъ замѣчаній объ учебныхъ планахъ гимназій (359 стр.). — **Октябрь.** — Пятидесятилѣтіе наваринской битвы.—Обзоръ отношенія запада Европы къ Россіи.—Обзоръ нашего „переходнаго времени“.—Реформы и финансы.—Военное устройство.—Флотъ и вооруженіе. — Интендантская и санитарная части. — Финансовыя средства на дальнѣйшую войну (805 стр.).—**Ноябрь.**—Цензъ по образованію для административныхъ должностей. — Школьный или бюрократическій экзаменъ.—Дѣятельность земства.—Введеніе поразряднаго налога.—Свѣденія о земскихъ сборахъ и расходахъ за 1872 — 1874 года. — Разныя извѣстія съ западной окраины (358 стр.).—**Декабрь.**—Общественное сознаніе и печать. — Клерикальный взглядъ на задачи общества.—Вліяніе западнаго консерватизма на судьбу печати и школы. — Радикальное несходство съ тѣмъ нашихъ условій. — Должна ли печать выражать всю мысль общества? — Наши матеріальныя заботы. — Мануфактурный кризисъ.— Вліяніе прекращенія временныхъ заработковъ (782 стр.).

II. Корреспонденція.

I. **Берлинъ.**—Старыя партіи въ Германіи и новая—соціалъ-демократическая (февр. 839).—Приливъ и отливъ въ Германской имперіи (апр. 823).—Канцлерскій кризисъ и ультрамонтанское движеніе во Франціи (іюнь, 809).—Лѣтнія каникулы нейтральныхъ державъ (августъ, 774).—Германія и восточный вопросъ (октябрь, 827).—Наши парламентскія бури (декабрь, 830).
II. **Лондонъ.**—Открытіе парламента и тюремная реформа (апрѣль, 806).—Англія во время послѣдняго кризиса (май, 400).—Окончаніе парламентской сессіи (августъ, 759).—Ирландская политика и голодъ въ Индіи (ноябрь, 382).

III. Обозрѣніе военныхъ дѣйствій.

Первыя шесть недѣль (іюнь, 866).—Іюнь (іюль, 391). — Іюль (авг. 831).—Августъ (сент. 447).—Сентябрь (окт. 905).—Октябрь (нояб. 439). — Ноябрь (дек. 877).

IV. Библіографическій листокъ.

Январь. — Землевладѣніе и земледѣліе. Кн. А. И. Васильчикова.—Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства. Г. Филимонова. 1—12 выпуски.—Изслѣдованіе по вопросамъ, относящимся къ производству торговли и передвиженію скота и пр., И. С. Бліоха. —Очерки критическаго изслѣдованія осново-началъ позитивной философіи. В. Лесевича. — Современная Россія. Т. I. В. Андреева.—**Февраль.**—Сборникъ И. Р. Историческаго Общества. Т. XVIII.—Около денегъ. Романъ А. Потѣхина.—Сочиненіе лорда Байрона. Изд. Н. В. Гербеля. Т. IV. — Русскіе современные дѣятели, съ біографич. очерками. Д. И. Лобанова.—Сравнительная статистика Россіи. Профес. Янсона. — Сочиненія Г. П. Данилевскаго, въ четырехъ томахъ.—**Мартъ.**— Собраніе сочиненій Евгенія Маркова. —Учебно-воспитательная библіотека. Т. I. — Теорія и практика банковаго дѣла. И. И. Кауфмана. Т. II.—Ученіе о пищѣ. Ф. Пэви.—**Апрѣль.**—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. XIX.—Сборникъ государственныхъ знаній. Т. III.—Страна холода. В. И. Немировича-Данченко.—**Май.**—Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсонъ.—Русская библіотека, т. VII: Н. А. Некрасовъ.—Послѣднія пѣсни Н. Некрасова.—Союзъ князей. А. Трачевскаго. — Драматическія сочиненія В. Крылова.—Священная лѣ-

топись. Г. Властова.—**Іюнь.**—Восточная война 1853—1856 гг. М. И. Богдановича. Второе изданіе.—Воспоминанія и критическіе очерки. П. В. Анненкова. Вып. I.—Сборникъ государственныхъ знаній, подъ ред. В. П. Безобразова. Т. IV. — Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей. Выпускъ I.—Rabelais et son oeuvre, par J. Fleury, 2 vols.—**Іюль.**—Профессіональная гигіена, или гигіена умственнаго и физическаго труда. Ф. Эрисмана. — Труды Арало - Каспійской экспедиціи. Вып. IV.—Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. М. Вирта.—Охотничій словарь. С. И. Романова. Выпускъ I.—Поѣздка въ Обонежье и Корелу. В. Майнова.—**Августъ.** — Рудольфъ Женэ: Шекспиръ, его жизнь и сочиненія. — Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе 1777—1877.—Современная Турція. Историко - этнографическіе очерки. Н. Р. Овсянаго.—**Сентябрь.**—Славянскій міръ. В. П. Турбы.—К. Иречекъ. Исторія болгаръ, перев. В. А. Яковлева.—Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Герберта Спенсера. — **Октябрь.** — Новь. И. С. Тургенева.—Стихотворенія И. З. Сурикова. — Историческая хрестоматія по русской исторіи. Я. Гуревича и Б. Павловича.—Новая русская литература. В. Водовозова.—Сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, А. Гожева. т. I.—Хроника петербургскихъ театровъ. А. И. Вольфа. — **Ноябрь.** — Планъ С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи. Ю. Гюбнера. — Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ. В. П. Авенаріуса.—Животныя и ихъ жизнь. А. Саповой.—Русскіе бывшіе дѣятели. Т. I. П. Н. Петрова. — **Декабрь.**—Исторія Россіи, т. XXVII. С. Соловьева.—Сборникъ Р. И. Общества, т. XX.—Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній, Экгардта, переводъ Максимова и Острогорскаго. — Бездольная, драма А. Брянчанинова.—О значеніи психическихъ явленій. В. Манасеина.

V. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь, 466; февраль, 896; мартъ 467; апрѣль, 895; октябрь, 916).—Общество для пособія слушательницамъ женскихъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ (февраль, 896; іюль, 401; ноябрь, 459).—Призваніе Россіи на крайнемъ востокѣ (февраль, 896).—О четвертомъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани (апрѣль, 895). — Общество вспомоществованія студентамъ с.-петербургск. университета (іюль, 401).

1878 г.

Холодковскій, Н. А.—Двѣ сцены изъ „Фауста" Гёте. I. Погребъ Ауэрбаха. II. Вальпургіева ночь (мар. 266).—Отрывки изъ „Фауста" Ленау. I. Первый танецъ. II. Фаустъ у гроба матери. III. Смерть Фауста (окт. 506).

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Стихотвореніе: I. Скользилъ нашъ челнъ. II. Ты, солнце. III. Пока довольные судьбою. IV. Утро (апр. 733).

Черняевъ, Л.—Подоходный налогъ съ финансовой точки зрѣнія (авг. 612; сент. 178).

Шпильгагенъ, Фр.—Старая пословица: The skeleton in the house. Повѣсть (янв. 312; фев. 731).

Э. А. — Новый свидѣтель декабрьскаго переворота. Два тома „Исторіи преступленія", В. Гюго (іюнь, 618; іюль, 210). — Изъ воспоминаній писателя (авг. 647).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Празднованіе столѣтія рожденія Александра I-го. — Пріѣздъ государя императора въ Петербургъ. — Взглядъ на историческую почву развитія. — Свѣтлая сторона нынѣшняго положенія Россіи.—Дѣла мира и дѣло войны.—Сравненіе съ войною 1828—1829 годовъ. — Причины неуспѣха крымской кампаніи.—Успѣхи и недостатки, обнаружившіеся нынѣ.—Внутренніе вопросы и задачи. — Дальнѣйшая работа. — Амнистія печати (379 стр.). — **Февраль.** — Бюджетъ 1878 г.—Отчетъ контроля за 1876 г.—Уменьшеніе доходовъ. — Чрезвычайныя военныя потребности.—Средства къ возвышенію доходовъ.—Временные факты, вызванные войною. — Ея финансовое наслѣдство.—Вопросъ о производительности страны (814 стр.). — **Мартъ.**—Послѣ войны.—Опытъ гражданскаго управленія въ Болгаріи. — Слабость нашихъ предварительныхъ свѣденій и невѣрность разсчетовъ.—Техническіе недостатки въ военномъ дѣлѣ.—Роль земства и печати въ эпоху войны. — Полемика одесскихъ газетъ съ тифлисскимъ „Обзоромъ". — Врачебная помощь со стороны женщинъ.—Финансовый вопросъ и преобразованіе податей.—Наша акцизная система.—Современное состояніе почтоваго дѣла въ Россіи (382 стр.).—**Апрѣль.**—Дѣло народнаго образованія.—Крестьянскіе платежи въ петербургской губерніи.—Число народныхъ школъ въ Россіи.—Государственный починъ въ начальномъ образованіи.—Содѣйствіе земства и обществъ. — Устраненіе препятствій.—Двухклассныя училища.—Учительскія семинаріи. — Постановленія черниговскаго и рязанскаго земствъ.—Слова князя Волконскаго (825 стр.).—**Май.**—Судебный процессъ 31-го марта, и приговоръ присяжныхъ. — Относительныя свойства суда присяжныхъ вообще.—Параллельные случаи оправдательныхъ приговоровъ у насъ и за границею. — Разсужденія въ палатѣ лордовъ по поводу убійства.—Двѣ системы. — Единообразіе и единство. — Жалобы изъ Грузіи, и отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1876 годъ (343 стр.).—**Іюнь.**—Поступленіе таможенныхъ и акцизныхъ доходовъ въ 1877 году.—Вліяніе золотой пошлины.—Изысканіе новыхъ рессурсовъ.—Письмо винокуреннаго заводчика. — Кредитное обращеніе. — Пересмотръ выкупныхъ платежей. — Законъ объ арендѣ общинныхъ земель.—Мысли по поводу полемики о государственныхъ экзаменахъ (731 стр.).—**Іюль.**—Новый сводъ уголовной статистики за 1876 годъ.—Медленное развитіе нашей судебной территоріи. — Устойчивость формъ новаго свода и составныя его части.—Значеніе судебной статистики для министерства юстиціи. — Общая картина судебнаго дѣлопроизводства и ея частности.—Сумма преступности въ 1876 г., и ея распредѣленіе по родамъ преступленій. — Цифра религіозныхъ преступленій. — Кража и ея топографія.— Процентъ оправданій и осужденій.—Значеніе уголовной статистики для законодателя. — Матеріалы для будущей уголовной статистики: апраксинское побоище и т. п. (321 стр.). —**Августъ.**—Первыя заботы послѣ мира. — Новыя назначенія. — Вопросъ о срокахъ уплаты подушныхъ сборовъ.—Вопросъ о подушномъ обложеніи вообще.—Замѣтка о подоходномъ налогѣ. — Нынѣшнее положеніе крестьянскаго хозяйства. — Преобразованіе земледѣльческихъ училищъ. — Сибирскій университетъ. — Усиленіе уѣздной полиціи.—Крестьянское самоуправленіе (717 стр.).—**Сентябрь.**—Убійство ген. Мезенцова.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ.—Отзывы попечителей.—Новый заемъ. — Кредитное обращеніе. — Разрядный налогъ и уравни-

тельность. — Преобразованіе податей. — Удержаніе золотой пошлины (392 стр.). — **Октябрь.** — Старый вопросъ объ общественной самодѣятельности.—Харьковское земское собраніе и инспекція народныхъ школъ. — Школы въ хотинскомъ уѣздѣ. — Инспекція по описанію инспектора. — Измѣненіе сроковъ взноса крестьянами окладныхъ сборовъ.—Злоупотребленія заемщиковъ у земельныхъ банковъ. — Пріемъ войскъ въ Варшавѣ (813 стр.). — **Ноябрь.** — Наши наличныя финансовыя средства. — Общій вопросъ о финансовыхъ преобразованіяхъ. — Консолидація бумажно-денежнаго долга. — Проекты гг. Бунге и Кауфмана, и мнѣніе г. А. Кошелева.—Новые налоги.—Слухи о табачной монополіи.—Акцизъ съ табака.—Казенная монополія во Франціи и Австріи (386 стр.) — **Декабрь.**—Древность вопроса о „поврежденіи нравовъ". — Что такое истинный нигилизмъ? — Осужденіе русской журналистики съ одной стороны. — Упреки ей со стороны противоположной. — Соціализмъ въ Германіи и источникъ его успѣховъ. — Теорія „анархіи" и „вспышекъ". Неудачныя ссылки на исторію.—Замѣтка по поводу преобразованія учебныхъ заведеній въ Финляндіи (818 стр.).

II. Корреспонденціи.

I. **Берлинъ.** — Планы Бисмарковскихъ реформъ (фев. 839).—Конецъ либеральной эры въ Пруссіи (апр. 846). — Роковое время (іюнь, 789). — Отъ покушенія и до выборовъ (авг. 767).—Политическія и неполитическія воспоминанія изъ каникулярной поѣздки (окт. 843).—Подъ новымъ закономъ (дек. 845).—II. **Лондонъ.**—Разноголосица въ сенъ-джемскомъ кабинетѣ (фев. 857).—Военныя приготовленія и военныя силы Англіи (май, 372).—„Coup de maître" лорда Биконсфильда (августъ, 786). — Исторія съ Афганистаномъ (ноябрь, 423).

III. Обозрѣніе военныхъ дѣйствій.

Декабрь (янв. 443). — Январь (фев. 915).—Мѣсяцъ перемирія (мартъ, 443).

IV. Иностранная политика.

Май.—Миръ или война? (362 стр.)— **Іюнь.**—Закрытіе германскаго сейма 778 стр.). — **Августъ.** — Берлинскій трактатъ (740 стр.).—**Сентябрь.**—Положеніе дѣлъ въ Германіи (414 стр.). —**Октябрь.**—Австрійцы въ Босніи и Герцеговинѣ (835 стр.). — **Ноябрь.** — Пренія чрезвычайной сессіи германскаго сейма (412 стр.).—Англія и Афганистанъ (дек. 920).

V. Библіографическій листокъ.

Январь.—Императоръ Александръ I. С. Соловьева.—Нѣмецкіе поэты, п. р. Н. Гербеля. — Очерки общей теоріи гражданскаго права. С. Муромцева.— Городское самоуправленіе въ Россіи. И. Дитятина.—Исторія Востока, Греціи и Рима. Бар. Н. Корфа.—**Февраль.** —Въ средѣ умѣренности и аккуратности. М. Е. Салтыкова (Щедрина).— Анна Каренина. Гр. Л. Н. Толстого.— Очерки Персіи. П. Огородникова.— Міръ реальный и міръ идеальный. Н. Я. Быковъ.—Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой, т. II.— **Мартъ.**—Сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина, т. I.—Сборникъ государственныхъ знаній, т. V. — Историческіе и критическіе опыты Т. Карлейля. — Русскій промысловый налогъ, А. Субботина.— На память о Н. А. Некрасовѣ. — **Апрѣль.**—Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого, новое изданіе.—Статистика производительныхъ силъ Россіи. Составилъ Л. М. Карачунскій.—Основныя начала горнаго искусства. Пер. Домгера и Г. Лебедева. — Книга для первоначальнаго чтенія, II т., В. Водовозова. — Война въ Малой Азіи въ 1877 году. Г. К. Градовскаго.—Публичныя лекціи. Ор. Миллера. 2-ое изданіе.—**Май.** — Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ спеціальною коммиссіею Комитета грамотности. — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, томъ XXII. — Сборникъ государственныхъ знаній, п. р. В. П. Безобразова, т. IV.—Семь сказокъ для дѣтей. Варвары Софроновичъ.—Литературная, музыкальная и художественная собственность, т. I. И. Г. Табашникова. — **Іюнь.** — М. Е. Салтыковъ. Русская библіотека, т. VIII. —Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе.—Разборъ книги князя А. Васильчикова: „Землевладѣніе и земледѣліе". В. Герье и Б. Чичерина.— Исторія педагогики Карла Шмидта, пер. Эд. Циммермана. — Римская религія отъ Августа до Антониновъ, Гастона Буасье, перев. Маріи Кор-

сакъ.—О лѣсоохраненіи по русскому праву. Изслѣдованіе Сергѣя Ведрова. —**Іюль.** — Разыскатели истины. Ип. Панаева.—Сравнительная статистика Россіи и зап. - европейскихъ государствъ. Ю. Янсона.—Затишье и буря. Гр. А. Голенищева-Кутузова.—Хожденіе игумена Даніила въ св. землю. Изслѣд. М. Веневитинова.—О городскихъ налогахъ въ Москвѣ. М. Щепкина.—**Августъ.** — Катакомбы. Евгеніи Туръ. — Письма о научной философіи. Лесевича.—Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. А. Голубева. — Собраніе сочиненій Гёте, въ переводахъ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля.—Сказки и разсказы. Н. Щедрина (М. Салтыкова).—**Сентябрь.**—Изслѣдованіе по римской исторіи, преимущественно въ области третьей декады Ливія. Владиміра Пирогова.—Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ.—Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.—**Октябрь.**—Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, въ пяти томахъ, съ атласомъ. И. С. Бліоха.—Ученіе о цвѣтахъ по отношенію къ искусству и техникѣ. Соч. В. фонъ - Бецольда, переводъ С. Ламанскаго.—Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи, въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. А. П. Субботина.— Турція, ея могущество и распаденіе. А. Чемерзина.—Русская библіотека, томъ пятый: Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. — Второе изданіе. — **Ноябрь.** — Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. XXIII.— Жизнь и труды Строева. Н. Барсукова.—Желѣзно-дорожное хозяйство, т. II. А. Чупрова. — Курсъ русскаго уголовнаго права, вып. II. Н. С. Таганцева.—Очерки Цейлона и Индіи. И. П. Минаева.—Сборникъ законовъ объ охотѣ.—**Декабрь.**—Потерянный и возвращенный рай, Дж. Мильтона, изд. Маркса.—Земля и люди, Эл. Реклю, т. II.—Сонъ и бодрствованіе. И. Оршанскаго.—Сны на-яву. Л. Пальмина. —Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи, адм. Невельскаго.—Юридическій календарь на 1879 г., М. Острогорскаго.

VI. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (янв. 456).— О русской выставкѣ въ Пильзенѣ (мартъ, 455). — I. Извлеченіе изъ отчета Главнаго Управленія Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ за 1877 годъ.—II. Международный литературный съѣздъ во время парижской выставки 1878 года (апр. 908).—Отъ Департамента земледѣлія и сельской промышленности (іюнь, 841). —Отчетъ Общества для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, за 1877 г. (іюль, 427). — Объявленіе Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. — Общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ (августъ, 833).—Отъ коммиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по изслѣдованію формъ и порядковъ крестьянскаго землевладѣнія. Опытъ программы по изслѣдованію поземельной общины (октябрь, 896). — Извлеченіе изъ полугодового отчета Кишиневскаго Общества пособія нуждающимся въ образованіи (ноябрь, 470).— Приглашеніе къ пожертвованіямъ на учрежденіе пріюта для взрослыхъ слѣпыхъ въ Спб. въ память д-ра Блессига.—Китайская художественная этнографическая выставка (дек. 929).

1879 г.

Э. А. — Другъ дома. Романъ Уйда (авг. 636; сен. 174).

Эшеръ, Г. М.- Молоканы или христіане-спиритуалисты восточной Россіи (сент. 368).

Сообщено. — По требованію министерства народнаго просвѣщенія (май, 324; нояб. 341).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Февраль. — О бумажно-денежномъ обращеніи.—Наши приверженцы „инфляціи".—Государственная роспись на 1879 г.—Отчетъ контроля за 1877. — Вопросъ о возростаніи дохода.—Чрезвычайные расходы.—Новые налоги.— Особая коммиссія для сокращенія расходовъ (809 стр.).—**Мартъ.** — Чума и наши нравы.—Одесскій градоначальникъ о городскомъ самоуправленіи.— Польза обнародованія административныхъ отчетовъ. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1877 годъ.— Матеріальное положеніе духовенства. —Церковная статистика.—Отвѣтъ профессору Барсову. — Новая почтовая такса (373 стр.)—**Апрѣль.**—Книга профессора Гусева и ея упреки русской журналистикѣ.—Защита имъ профессора Цитовича. — Опять вопросъ о повреждeніи нравовъ.—Наше объясненіе по поводу второй брошюры г. Цитовича.—Предположеніе о признаніи въ Россіи баптистской секты. — Тургеневскій обѣдъ (800 стр.). — **Май.**— Второе апрѣля.—Указъ сенату о назначеніи и правахъ генералъ-губернаторовъ.—Новыя полицейскія распоряженія и постановленія петербургскаго генералъ-губернатора. — Преобразованіе медико - хирургической академіи.—Отмѣна пріема семинаристовъ въ университеты. — Коммиссія для отмѣны подушныхъ сборовъ. — Коммиссія для пересмотра таможеннаго тарифа (300 стр.). — **Іюнь.**—Вопросъ о расколѣ.—Свѣтскіе законы.— Инструкція 1858 года.—Законъ 1874 г. о метрическихъ книгахъ и его пробѣлы. — Расколъ въ виду народнаго образованія. — Газета „Старообрядецъ". — Отношеніе къ ней раскольничьихъ іерарховъ.—Воззваніе о единеніи старообрядцевъ. — Московскій знатокъ раскола г. Н. С—нъ.—Полемическіе курьёзы.—Вѣроятность дальнѣйшихъ видоизмѣненій раскола (782 стр.). — **Іюль.** — Третій восточный заемъ. — Изъятіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія.—Коммиссія о сокращеніи расходовъ. — Коммиссія о подушной подати. — Коммиссія для пересмотра таможеннаго тарифа. — Обзоръ мѣръ относительно металлическаго производства.—Отзывъ херсонской земской медицинской коммиссіи о планѣ врачебной организаціи.—Законъ о кассахъ ссудъ (375 стр.).— **Августъ.** — Церковное поученіе и свѣтская гласность.—Улучшеніе вексельнаго курса.—Неразмѣнныя деньги. — Ссылки на примѣръ Америки. — Успѣхи производительности въ Америкѣ. — Вопросъ о несовмѣстимости частной службы съ государственною.— Конножелѣзное учредительство въ Петербургѣ.—Копѣечная прибавка (783 стр.).—**Сентябрь.**—Свѣдѣнія объ „испытаніяхъ зрѣлости" въ 1878 году.— Преувеличеніе задачъ школы частью печати.—Статистика успѣховъ.—Отзывы профессоровъ о письменныхъ работахъ.—Исполненіе учебной программы.—Вопросъ о водномъ пути въ Среднюю Азію. — Мысль о поворотѣ Аму-Дарьи въ прежнее русло. — Будущность среднеазіатскихъ владѣній. —Положеніе кустарной промышленности. — Правительственная иниціатива (385 стр.).—**Октябрь.**—Судебная практика и нравы. — Беззащитность ремесленныхъ учениковъ. — Безнаказанность вредной желѣзно-дорожной экономіи. — Подсудность военно-служащихъ за общія правонарушенія.— Дисциплинарный уставъ. — Особенности военно-судебныхъ уставовъ.— Новый законъ о земствѣ.—Поступленіе таможенныхъ сборовъ. — Налогъ на соль (791 стр.).—**Ноябрь.**—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1877 г.—Университеты и гимназіи.— Desiderata современнаго гимназическаго устройства.—Прочія училища.— Защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, и брошюра г. фонъ-деръ-Ховена.— Новый мостъ черезъ Неву.—Событіе въ ревельской думѣ (316 стр.). — **Декабрь.**—Покушеніе на жизнь Государя Императора въ Москвѣ. — Сужденія въ московскомъ земствѣ о земской кассѣ для содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земель.—Общій вопросъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства. — Объясненіе гласныхъ изъ крестьянъ.— Положеніе сельскихъ учителей.—Новый законъ о назначеніи служащихъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и мировыхъ судей.—Возраженіе „Голосу" по поводу отвѣтственности

военно-служащихъ за обиды частнымъ лицамъ. — Общій вопросъ о подсудности военно-служащихъ.—Письмо въ редакцію изъ Нальчика (857 стр.).

II. Иностранная политика.

Январь.—Январьскіе выборы и рѣчь Гамбетты (440 стр.).—**Мартъ.**—Макъ-Магонъ и г-нъ Греви (425 стр.).—**Апрѣль.**—Вопросъ о смертной казни въ Швейцаріи (878 стр.).—**Май.**—Пересмотръ таможеннаго тарифа въ Германіи (425 стр.).—**Іюнь.**—Княжество Болгарія и Восточная Румелія (858 стр.).—**Іюль.**—Французскія дѣла (427 стр.).—**Августъ.**—Князь Бисмаркъ и либералы (869 стр.). — **Сентябрь.** — Австро-венгерскія дѣла (438 стр.). — **Октябрь.** — Чернильная война (880 стр.).—**Ноябрь.**—Наши недоразумѣнія съ Германіею и лордъ Сольсбёри (428 стр.).

III. Корреспонденціи.

I. **Берлинъ.**—Новые порядки и положеніе партій (фев. 835).—Изъ общественной и парламентской жизни (апр. 829).—Куда мы идемъ? (іюнь, 808).—Въ смутное время (августъ, 821).—Наканунѣ рѣшенія всякихъ вопросовъ (окт. 828).—При новомъ порядкѣ (дек. 893).—**Лондонъ.**—Третья афганистанская война (фев. 853).—Африканскія колоніи и война съ зулусами (май, 332).—Новѣйшія передряги въ „Британской колоніальной имперіи“ (авг. 805).—Возстаніе въ Кабулѣ, и аграрное волненіе въ Ирландіи (нояб. 355).

IV. Литературное обозрѣніе.

Январь.—В. Пироговъ. Изслѣдованія по римской исторіи. — Г. Буасье: Римская религія отъ Августа до Антониновъ.—Гербертъ Спенсеръ: Описательная соціологія. Англія. — Th. Poesche: Die Arier.—R. Flint: La philosophie d'histoire en France et en Allemagne.—Renan: Mélanges d'histoire et de voyages (379 стр.).—**Февраль.**—I. Стража. Књига за науку, књижевнст и друштвени живот. Година прва. Уредник А. Пачу. — Громадськиј Друг, — Дзвін, галицко-украјјнска збірка. — Sprawa polska, jako wewnętrzna panstwa Rossyjskiego.—II. Moritz Busch. Graf Bismarck und seine Leute während des Kriegs mit Frankreich. — C. Bulle: Geschichte der Jahre 1871—1877. — III. Н. Стороженко: Робертъ Гринъ, его жизнь и произведенія.—Беккаріа: О преступленіяхъ и наказаніяхъ.—Eug. Réveillaud: La question religieuse et la solution protestante (768 стр.). — **Мартъ.** — I. F. Kanitz, Donau-Bulgarien und der Balkan. — Народы Турціи.—Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и армянъ, дочери и жены консула. Перев. съ англійскаго. — Amand Freih. v. Schweiger-Lerchefeld. Bosnien, das Land und seine Bewohner. — II. E. Haeckel: Freie Wissenschaft und freie Lehren.—O. Schmidt: Darwinismus und Socialdemocratie. — III. В. А. Зайцевъ, Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія Востока (348 стр.).—**Апрѣль.**—I. Черногорія и ея война съ турками въ 1877—78 годахъ. Изъ воспоминаній д-ра А. В. Щербака.—Illyriens Letters the year 1877. By Arthur J. Evans.—Л. Добровъ. Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ.—II. П. В. Анненковъ. Воспоминанія и критическіе очерки (767 стр.).—**Май.** — I. В. Гольцевъ. Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка.—Н. Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка.—II. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе. — III. Angelo de Gubernatis, Dizionario biografico degli scrittori contemporanei. Fascicolo primo (274 стр.).—**Іюнь.**—I. Алексѣй Веселовскій. Этюды о Мольерѣ. Тартюффъ. Исторія типа и пьесы. — II. М. Алексѣенко. Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ (768 стр.).—**Іюль.** — I. Жизнь и труды П. М. Строева. Николая Барсукова. — II. Народне пjесме из старијих највише приморских записа, скупио и на свијет издано В. Богишић (357 стр.).—**Августъ.**—I. П. Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ.—II. Первый процессъ „Обзора“. Полный отчетъ засѣданій тифлисскаго окружного суда и тифлисской судебной палаты. III.—Pi y Margall, Les Nationalités. Essai de philosophie politique. — IV. J. Michelet. Le Banquet. Papiers intimes (749 стр.).—**Сентябрь.** — I. П. Милославскій. Типы современной философской мысли въ Германіи. — Th. Ribot. La Psychologie allemande contemporaine.—II. R. Dozy.

Essai sur l'Islamisme (336 стр.). — **Октябрь.**—I. Образованіе второго болгарскаго царства, Өедора Успенскаго. — Изъ древней исторіи болгаръ. Сочиненіе Матвѣя Соколова.—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ", Романа Брандта. —II. Славянскій Альманахъ. Izdatelj: Radivaj Poznik.—III. К. Мартъ, Философы и поэты-моралисты во времена римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ.—IV. Th. Ferneil, la Réforme de l'enseignement public en France (770 стр.).—**Ноябрь.** — I. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Ивана Забѣлина.—II. Расколъ въ уральскомъ войскѣ, и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ концѣ XVIII и въ XIX в. Сочиненіе В. Н. Витевскаго.— III. Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Максима Ковалевскаго (282 стр.).—**Декабрь.**—I. Истор.-сравн. методъ въ юриспруденціи, М. Ковалевскаго. — II. Наука и религія, Б. Чичерина.—III. Промышлен. товарищества во Франціи и въ Германіи. А. Исаева.—IV. Die Vorurtheile d. Menschheit, v. L. Hellenbach. — V. Unterwegs, v. B. Auerbach. — Заключеніе (821 стр.).

V. Библіографическій листокъ.

Январь.—Исторія славянскихъ литературъ. Т. I. А. Пыпина и Спасовича. — Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I.—Русская Библіотека, т. IX: гр. Л. Н. Толстой. — Робертъ Гринъ, изслѣд. Н. Стороженко.—Историческіе этюды русской жизни, т. I. Вл. Михневича. — **Февраль.**—Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изданіе седьмое, п. р. П. А. Ефремова.—Русскіе бывшіе дѣятели, т. II. Изданіе А. О. Баумана.—Русскіе современные дѣятели, т. III. Изданіе А. О. Баумана. — Гидравлическія начала устойчивости мостовыхъ опоръ. Состав. П. Янковскій.—Уставъ о наказаніяхъ. Н. С. Таганцева. — Очеркъ развитія нашихъ свѣденій о газахъ, А. Столѣтова. — Физическій трудъ, С. Н. Кривенко.—Собраніе сочиненій Гёте, изд. подъ ред. Н. В. Гербеля, т. VII и VIII.—**Мартъ.**—Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, въ четырехъ томахъ.—Избранныя стихотворенія Л. Кондратовича (В. Сырокомли), т. 1.—Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ, т. I.—Жизнь Робинзона, сост. Н. Блиновъ.—Очерки и разсказы. Ф. А. Нефедова.—Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ, М. М. Алексѣенко.—**Апрѣль.** — Земля и люди. Всеобщая географія, Эл. Реклю, т. III. — Картинки домашняго воспитанія. А—вой.—Первоначальные уроки русской грамматики. Состав. Марія Корсакъ.—Родной край. Ө. С. Матвѣева. Сказка о пчелѣ-мохнаткѣ. В. П. Авенаріуса.—**Май.** — Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества, т. XXIV.—Письма изъ Болгаріи, Евг. Утина. — Двѣ войны, 1876—1878 гг., Н. В. Максимова. —Восточная война и брюссельская конференція, Ф. Мартенса.—Вашингтонъ-Ирвингъ, перев. А. Глазуновъ.—**Іюнь.**—Фрегатъ Паллада, Ивана Гончарова. — Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ, К. Кавелина.—Русская исторія, Н. Костомарова. Выпускъ 1-й, 2-е изд.—Сочиненія Н. И. Павлищева, 1, 2 и 3 тт.—**Іюль.**—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXV.—Хорватія, Славонія, Далмація и Военная-Граница. Л. В. Березина. Въ двухъ томахъ, съ картою.—О самовоспитаніи умственномъ, физическомъ и нравственномъ. Сочин. Дж. Стюарта-Блекки. Перев. съ 2-го англ. изд. I. Паульсона —Живописная Россія. Изд. М. О. Вольфа, подъ редакціей П. П. Семенова, т. 1, вып. 1 и 2.— Русская библіографія. Годъ I (1878). Составили А. Г. и Н. С. Выпускъ 1-й.—**Августъ.**—Птичьи Сказки. Д-ра Бальдамуса. Переводъ А. Г. Степановой, подъ редак. д-ра О. А. Гримма. Изданіе Гримма и Степановой.—Мелочи архіерейской жизни (картинки съ натуры). Н. С. Лѣскова. — **Сентябрь.** — Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ивана Забѣлина.—Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Новое изданіе „Книги о кіевскихъ богатыряхъ", В. П. Авенаріуса.—Сборникъ законовъ и постановленій для земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. В. Вешнякова.—Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Барона Н. А. Корфа —Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. Л. З. Слонимскаго. — **Октябрь.**—Въ области вѣчнаго льда. Фр. Гельвальда. — Хивинскій походъ, альбомъ.—Наши дѣятели, т. V.—Русская женщина въ войну 1877—78 гг. Сост. П. А. Илинскій.—Систематическій сборникъ рѣшеній правительств.

сената, разъясняющихъ городовое положеніе, сост. бар. Майдель и В. Белюстинъ. — **Ноябрь.** — Записки Охотника, Ив. Тургенева. 1-е стереотипное изданіе. — Живописная Россія, т. I, вып. 3 и 4. — Родная Старина, Д. С. Сиповскаго. — Русская начальная школа, бар. Н. А. Корфа. — Руководство къ токсикологіи, п. р. Е. Пеликана. — **Декабрь.** — Исторія одного города. Помпадуры и Помпадурши. Благонамѣренныя рѣчи. М. Е. Салтыкова. — Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. П. Пассекъ, т. II. — Очерки Чурукъ-Су и Батума, А. Френкеля. — Соціологія, Е. де-Роберти. — Русскіе поэты, Н. В. Гербеля.

VI. Извѣстія.

Отъ Комитета Общества русскихъ драматическихъ писателей: подписка на Грибоѣдовскую премію (мартъ, 444). — Отъ Общества взаимнаго вспоможенія и благотворительности русскихъ художниковъ въ Парижѣ. — О преміи фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе императрицы Маріи Θеодоровны (апр. 889).

1880 г.

А—вой, А. — Итальянская Новелла и Декамеронъ (фев. 5; мар. 197; апр. 575).

А-н-въ. — Земскія ходатайства въ 1876 и 1877 гг. (іюнь, 778).

Андреевъ, Е. Н. — По поводу вопросовъ о преобразованіи нашихъ школъ (окт. 832).

Андреевскій, С. А. — Стих.: Мракъ (іюнь, 709).

Анненковъ, П. В. — Замѣчательное десятилѣтіе: 1838—1848 гг. (янв. 216; фев. 461; мар. 5; апр. 457; май, 5). — Общественные идеалы А. С. Пушкина (іюнь, 595).

В. Н. — Стихотворенія: I. На закатѣ. II. Тоска по родинѣ. III. Надъ бездной (апр. 710).

Бехтеревъ, В. — Вотяки, ихъ исторія и современное состояніе (авг. 621; сент. 141).

В—нъ, А. — Что̀ дѣлается въ Болгаріи? По поводу книги г. Немировича-Данченко: „Послѣ войны“ (сен. 418).

Весинъ, Л. П. — Наши пожары (іюль, 301).

Воропоновъ, Θ. Θ. — Мелкій земельный кредитъ и крестьянскія переселенія (окт. 712). По вопросу о вліяніи земельнаго надѣла на благосостояніе (ноябрь, 386).

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. А. А. — На выставкѣ М. Антокольскаго. I. Къ Мефистофелю. II. Безвозвратная потеря. III. У памятника молодой дѣвушкѣ (іюнь, 421). — Стихотвореніе *** (іюнь, 638).

Горизонтовъ, И. П. — Послѣдній изъ могиканъ (окт. 613).

Гротъ, Н. Я. — По поводу вопроса о психологіи чувствованій (дек. 839).

Данилевскій, Г. П. — На Индію. Историч. повѣсть (дек. 512).

Зависѣцкій, Ю. Г. — По принципу. Романъ (авг. 522; сен. 79; окт. 441).

Z. Z. — Современный романъ въ его представителяхъ: IV. Викторъ Гюго (янв. 286). — V. Гюставъ Флоберъ (авг. 469) — VI. Братья Гонкуры (окт. 640).

Зола, Эм. — Парижскія письма: LV. Вознагражденіе литературнаго труда во Франціи (мартъ, 420). — LVI. Мадамъ Сурди (апр. 829). — LVII. Стендаль и его труды (май, 360). — LVIII. Художество и администрація художествъ (іюнь, 858). — LIX. Гюставъ Флоберъ, какъ писатель и человѣкъ (іюль, 353). — LX. Жакъ Дамуръ (авг. 821). — LXI.

I. Внутреннее обозрѣніе.

Апрѣль.—Третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. — Отзывы въ печати на обращеніе правительства къ общественной поддержкѣ. — Начальныя городскія училища въ С.-Петербургѣ.—Настоящее положеніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній. — Вопросъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ дѣтей. — Улучшенія состава присяжныхъ засѣдателей.—Новая газета „Берегъ" о реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. — Къ свѣденію редакціи „Голоса" (стр. 772).—**Май.**—Прежніе политическіе процессы въ ихъ связи съ послѣдующими. — Степень участія въ нихъ учащейся молодежи. — Подпольная и „надпольная" печать. — Есть ли въ Россіи партіи?—Облегченіе участи лицъ, подвергшихся административной высылкѣ. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1878 г. —Требы и ихъ вознагражденіе.—Мѣры къ развитію церковной проповѣди.—Сообщеніе объ открытіи новыхъ городскихъ училищъ С.-Петербурга, и перемѣна въ министерствѣ народнаго просвѣщенія (стр. 321).—**Іюнь.**—Четырнадцать лѣтъ тому назадъ и теперь.—Смыслъ единодушія нашей печати по вопросамъ народнаго просвѣщенія, и выводъ изъ того въ „Спб. Вѣдомостяхъ". — По поводу приближающагося 50-лѣтія со времени основанія классической системы въ Россіи.—Сущность „системы графа Толстого", и задачи ближайшаго будущаго. — Пятнадцатилѣтіе нашей безцензурной печати.—Общее направленіе законодательства о печати и практика съ 1865 по 1880 годъ. — Современное ея положеніе.—Обычныя возраженія противъ свободы печати, и ея disiderata (стр. 797).—**Іюль.**—Торжественный актъ начальныхъ училищъ города Петербурга, 30 мая.—„Матеріалы" по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи.—Историческая судьба этого вопроса за послѣднее время, и общіе выводы изъ „Матеріаловъ".—Пересмотръ нѣкоторыхъ постановленій нашего таможеннаго тарифа.—Пошлины на металлъ, металлическія издѣлія и машины. — Вопросъ о безпошлинномъ провозѣ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ.—Значеніе экспертизы въ вопросахъ этого рода. — Отвѣтъ „Отголоскамъ" (стр. 326).—**Августъ.**—Новый взглядъ на наши партіи. — Отношеніе вопроса о партіяхъ къ свободѣ печати.—Введеніе мировыхъ установленій въ прибалтійскихъ губерніяхъ.—Исторія остзейской судебной реформы; два главные ея фазиса и вѣроятная будущность. — Отмѣна обряда публичной казни. — Имущественный цензъ при выборахъ въ мировые судьи.—Отправленіе воинской повинности въ Петербургѣ.—„Московскія Вѣдомости" о системѣ гр. Толстого и о противникахъ ея (стр. 759).—**Сентябрь.**—Шестое августа.—Старый и новый піетизмъ.— Проповѣдь такъ-называемыхъ пашковцевъ, и значеніе ея для современнаго русскаго общества. — Вѣротерпимость, какъ идеалъ ближайшаго будущаго, и дѣла о религіозныхъ преступленіяхъ, какъ характеристика настоящаго. — Уголовная статистика за 1877 г. въ имперіи и царствѣ польскомъ.—Пятидесятилѣтній юбилей бар. А. И. Дельвига, и новыя пожертвованія на техническое образованіе. — По поводу „новаго плана" преподаванія наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Германіи (стр. 386).—**Октябрь.**—Отголоски нашей печати. — Сенаторскія ревизіи и общественное изслѣдованіе. — Административная реформа внизу и вверху.—Вопросы о преобразованіи перваго департамента сената, о комитетѣ министровъ и о „кабинетѣ".—Рѣчи г. министра народнаго просвѣщенія въ Ярославлѣ и Калугѣ.—Отвѣтъ „Zeitung für Stadt und Land". —Смягченіе по преобразованію института инженеровъ путей сообщенія (стр. 742).—**Ноябрь.** — Новый доводъ въ пользу пересмотра нашихъ законовъ о печати.—Необходимость облегченія провинціальной прессы.—Причины, вообще замедляющія у насъ законодательную дѣятельность, и средства къ ея ускоренію.—Формы общественнаго содѣйствія.—Роль реакціонной печати. — Программа газеты „Русь". — Новый „Вѣстникъ" псковскаго земства, и его „отвѣтственная" редакція (стр. 361).—**Декабрь.**—Новая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о печати. — Подобная же задача двадцать лѣтъ тому назадъ. — Возраженія въ средѣ прежней коммиссіи противъ проекта закона о печати 1865 года. — Первое засѣданіе новой коммиссіи, 5 ноября.—Отчетъ государственнаго контроля по исполненію бюджета на 1879 годъ. Общая характеристика отчетнаго года Отдѣльныя статьи его поступленій.—Налогъ соляной и способы его возмѣщенія. — Обыкновенные расходы и ихъ прогрессъ. — Чрезвычайные расходы и безпомощность вѣдомствъ въ

борьбѣ съ ними. — По поводу новой газеты „Порядокъ“ (стр. 869).

II. Корреспонденціи.

I. **Берлинъ.**—Общее положеніе дѣлъ въ Германіи (февр. 849).—Сессія рейхстага предъ пасхальными вакаціями (апр. 806).—Бисмаркъ и политическія партіи (іюнь, 837).—Германія, обозрѣваемая съ птичьяго полета (августъ, 788).—Наши реальныя школы (октябрь, 762). — Парламентская сессія (декаб. 898). — II. **Лондонъ.** — Чего ожидать отъ Гладстона (февр. 878). — Парламентскіе выборы 1880 года (май, 345). — Дебютъ кабинета Гладстона (авг. 806). — Первая сессія новаго парламента (ноябрь, 395).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—I. Курсъ исторіи русской литературы, М. А. Орлова. Русскіе писатели, В. Острогорскаго, вып. I и II. — II. Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель, вып. 1.—III. Янъ Жижка, В Томка. — А. А. IV. Соціологія, Евг. Де-Роберти. — К. К. (стр. 391). — **Февраль.**—I. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. III. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности имп. академіи наукъ, т. XX, № 5.—А. А.—II. Губернскій городъ Владиміръ, А. П. Субботина.—III. Синезій философъ, А. Остроумова.—IV. L'Eglise chrétienne, par E. Renan, t. VI. — V. Der Forstmeister, v. B. Auerbach.—К. К. Портретная галерея русскихъ литераторовъ и т. д., съ біографіями, изд. К. Шапиро (стр. 802).—**Мартъ.**—I. Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи 1855 — 1880 гг. Сост. п. р. г.-л. Богдановича. Т. I—IV. М. Б. — II. Заботы патріота, В. Волчка.—А. А.—III. Нравственная философія утилитаризма, А.Мальцева.—La morale anglaise contemporaine, par M. Guyau.—IV. Ученіе Оригена о св. Троицѣ, В. Болотова.—V. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, А. Субботина.—VI. Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и творчества, Эд. Даудена.—VII. La philosophie expérimentale en Italie, par A. Espinas. — К. К.—Еще два слова о руководствѣ г. Орлова.—А. А. (стр. 315).—**Апрѣль.** —I. М. Ковалевскій, Англійская конституція и ея историкъ.—II. Н. Куплевасскій, Административная юстиція въ Западной Европѣ: Франція.—III. Янжулъ, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ.—IV. И. Кошкаровъ, Нужды русскаго народа.—V. Ежегодникъ министерства финансовъ, в. X.—К. К.—VI. Peter the Great, by Eug. Schuyler, I и II.—А. А. (стр. 746). —**Май.**—I. Всеобщая исторія литературы, вып. 1-й, п. р. В. Ѳ. Корша.—II. Курсъ гражданскаго права, ч. III-я, К. Побѣдоносцева.—III. Э. Фриманъ, Общій очеркъ исторіи Европы, въ двухъ переводахъ: Я. Г. Гуревича и М. Стратилатова.—IV. Земскій Ежегодникъ за 1877 годъ. Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Труды коммиссіи по техническому образованію, и отчетъ о школахъ русскаго техническаго общества.—Замѣтка о пермской брошюрѣ прот. Евгенія Попова, и о казанской книгѣ проф. Флоринскаго: Лечебникъ для народнаго употребленія.—К. К. (стр. 296).—**Іюнь.**—I. Солнышко, А. Радонежскаго.—С. И. —II. Письма къ Погодину, вып. 2 и 3, съ примѣч. Н. Попова.—Сочиненія Ю. Самарина, т. V.—Сборникъ археологич. института, кн. 1—3, изд. п. р. Н. В. Калачова,—А. А.—III. Лѣтописи и памятники древнихъ народовъ: Египтяне, Бругша, пер. Г. К. Властова.—Критическія наблюденія, вып I: Зодчество древняго Египта, А. Прахова. — Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI, П. Лучицкаго. Опыты по исторіи англійской конституціи, Э. Фриманъ и В. Стебсъ, пер. М. Ковалевскаго.—Народный кадастръ, В. Трирогова.—Матеріалы для изученія землевладѣнія и пр. въ Россіи, вып. I.—К. К.—Замѣтка о книгѣ г. Лисицкаго: Le marquis Wielopolski etc. T. I.—В (стр. 719). — **Іюль.** — I. Новости иностранной исторической литературы: Зибель, Мауренбрехеръ и Шассенъ —II. Государственная власть въ европейскомъ обществѣ, А. Блока. —III. Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ-Штатахъ, ч. I. С. Фортунатова. Spielhagen, Quisisana.—К. К. (стр. 282).—**Августъ.**—I. Критика отвлеченныхъ началъ, Владиміра Соловьева.—Позитивизмъ и „Критика отвлеченныхъ началъ“, В. Соловьева; В. Д. Вольфсона.—Пути къ раціональному міровоззрѣнію, 2 ч. Ипполита Панаева. — Философія Шопенгауера, часть I, князя Д. Цертелева.—Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства, часть

третья, А. фонъ-Фрикена.— Сборникъ свѣденій по департаменту земледѣлія и сельской промышленности. Выпускъ второй. — К. К. — II. Путешествіе по Китаю въ 1874—75 гг. Изъ дневника члена экспедиціи, П. Я. Пясецкаго. Въ двухъ томахъ.—А. А. (стр. 730). —**Сентябрь.**—I. Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи, въ 1877—78 гг., Н. Абазы.—М. М.—II. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Николая Грота.— Изученіе психологіи; ея предметъ, область и методъ. Д. Г. Льюиса. Редакція перевода и этюдъ; „Льюисъ, какъ психологъ", П. Д. Боборыкина. — Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, М. Ковалевскаго.— Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ новое время (XVI и XVII ст.), Виктора Гольцева. — Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. Таганцева.—Къ вопросу о податной реформѣ; обзоръ системъ земскаго поземельнаго обложенія, А. Полѣнова.—К. К. (стр. 352). — **Октябрь.** — I. Дневникъ писателя. Ежемѣсячное изданіе. Единственный выпускъ на 1880 годъ. Ѳ. Достоевскаго.—В. В.—II. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. — Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія, Петра Морозова. Спб. 1880. — Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ. Историко-этнографическое изслѣдованіе Константина Грота. Спб. 1880. — А. А.—III. Mittheilungen der Litauischen Literärischen Gesellschaft.—К. В. (стр. 811). — **Ноябрь.** — I. Всеобщая исторія литературы, составл. п. р. В. Ѳ. Корша, вып. II, III и IV.—II. О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, Д. А. Хвольсона, второе изданіе. — III. Новыя изданія министерства государственныхъ имуществъ и центральнаго статистическаго комитета.—IV. Нѣжинскій уѣздъ, А. Руссова.—V. Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, вып. 4 и 5-й.— К. К. — VI. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны, Д. А. Корсакова. Н. И. Костомарова. (стр. 308). — **Декабрь.**—I. Мелочи архіерейской жизни, Н. С. Лѣскова.—II. Изъ воспоминаній жандарма, И. И. Ломачевскаго,— III. Peter the Great, by Eugen Schuyler (Scribner's Magazine: april — september) — А. А. — IV. Politische Geschichte der Gegenwart, v. Müller; Europaeische Staatenkunde, v. Krümmel. V. Brigitta, v. B. Auerbach. — К. К. (стр. 822).

IV. Библіографическій листокъ.

Январь.—Собраніе сочиненій Гёте, Н. В. Гербеля, т. IX и X.—Гекторъ Сервадакъ, Ж. Верна.—Жизнь дѣтей. вып. 2-й. — Волшебныя сказки Музеуса.—Фантастическія сказки, съ нѣмец., пер. А. Степановой и О. Гримма. — **Февраль.** — Сборникъ Рус. Ист. Общества, т. XXVI.—Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. I.— А. А. Ивановъ, изданіе М. Боткина. —Сочиненія Лермонтова, 4-е изданіе. —**Мартъ.**—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, т. XXIX. —Макіавелли, какъ политическій мыслитель, А. С. Алексѣева. — Исторія корабля, въ двухъ томахъ, Н. Боголюбова.—Князь Серебряный, Н. Трескина. — **Апрѣль.** — Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Ѳ. Корша. Вып. 1-й. — Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого, 4-е изд. — Экономическое значеніе машинъ, Ѳ. Е. Орлова.—Полное собраніе сонетовъ Шекспира, въ перев. Н. Гербеля.—Польскія сказки, изложенныя по Войницкому и Балинскому.—**Май.** — Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. I.— Исторія педагогики, К. Шмидта, т. III.—Земля и Люди, Эл. Реклю, т. IV. — Историческая христоматія по новой и новѣйшей исторіи, Я. Г. Гуревича, т. II.— **Іюнь.**—Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. XXVIII. — Всеобщая исторія литературы, п. р. В Корша, вып. 2-й. —Путешествіе по Китаю, П. Пясецкаго, т. I. — Пути къ раціональному міровоззрѣнію, Ипп. Панаева. — Портретная галлерея рус. литер., учен. и артистовъ. К. Шапиро, вып. 2-й. — **Іюль:**—Puschkiniana. Каталогъ Пушкинской библіотеки.—Очерки Пушкинской Руси, В. Острогорскаго.—Воцареніе имп. Анны Іоанновны, Д. Корсакова.—Люди стараго вѣка, Г. Есипова.—Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми, д-ра Гетца.—**Августъ.**—Господа Головлевы, сочиненіе М. Е. Салтыкова. — Исторія русской словесности, древней и новой.—Сочиненіе А. Галахова. Изданіе второе, съ перемѣнами.—Русскіе Палеологи сороковыхъ годовъ, Николая Барсукова.—Торжество открытія памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ 6 іюня 1880 г.—**Сентябрь.** — О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, Д. А. Хвольсона.—Викторъ Рагозинъ: Волга. Томъ 1.—Откровенное слово о важнѣйшихъ событіяхъ нашей внутренней жизни за послѣднее двадцатипятилѣтіе, Л. Доброва.—Вѣнокъ за

памятникъ Пушкину.—**Октябрь.**—Исторія славянскихъ литературъ, А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича; т. II.—Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Ѳ. Корша, вып. 3-й и 4-й.—Сравнительная статистиска Россіи и западноевроп. государствъ, Ю. Э. Янсона, т. II, отд. I. — Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Сост. К. К. Абаза. —**Ноябрь.**—Сочиненія Державина, Я. Грота, т. VIII.—Введеніе въ исторію общиннаго устройства, Г. Мауэра.—Научныя бесѣды, И. Ф. Ціона, т. I.—Князь Борисъ Щеглятевъ, историческій романъ П. А. Салманова. — **Декабрь.**—Трудные годы, А. Градовскаго.—Сельскій Сборникъ, Д. А. Соколовскаго.—Основныя положенія теоріи экономической политики, проф. Иванюкова.—Братъ и сестра, повѣсть для дѣтей, А. Н. Анненской. — Всеобщая исторія литературы, вып. 5-й и 6-й, п. р. В. Корша.—Полное собраніе сочиненій Шекспира, т. III, изд. 3-е, п. р. Н. В. Гербеля.

V. Извѣстія.

I.—Отчетъ о дѣятельности Комитета „Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“ на 1879 годъ.—II. Отъ Комитета по сооруженію въ городѣ Пятигорскѣ памятника поэту Лермонтову (янв. 456). — Изъ отчета Комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ императорскаго московскаго университета, за 1878—79 годъ (фев. 899).—Отчетъ секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и отчетъ казначея Общества за 1879 г. (апр. 867).—Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: Отчетъ казначея, смѣта и свѣденія о состояніи высшихъ женскихъ курсовъ (май, 415).—Отъ Комитета по сооруженію памятника поэту Лермонтову (окт. 877).—Подписка на памятникъ Н. В. Гоголю въ Россіи, и Густаву Флоберу во Франціи (дек. 948).

1881 г.

II. Внутреннее обозрѣніе.

II. Иностранная политика.

III. Корреспонденція.

Германіи (авг. 823).—Современное положеніе партій въ Германіи (октябрь, 858).—Послѣ выборовъ (декабрь, 868). Н. С.—II. Лондонъ: Аграрный вопросъ (февраль, 851).—Англійскія дѣла (май, 397; августъ, 847).—Ирландскія дѣла и экономическое положеніе Англіи (ноябрь, 382).

IV. Литературное обозрѣніе.

I. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, Ивана Соколова.—II. О воспитаніи съ гигіенической точки зрѣнія.—Рѣчь доц. Ир. Скворцова.—III. Dizionario biografico degli scrittori contemporanei, ornato di oltre 300 ritratti, diritto da Angelo de Gubernatis.—IV. Русскія мелодіи.—Первый итальянскій переводъ съ русскимъ текстомъ, Е. В. Фулька и Д. Чіамполи, съ предисловіемъ проф. Анжело де-Губернатисъ (янв. 435). — I. Масоны. Романъ А. Θ. Писемскаго.—Ю. Добрынинъ, Пейсъ-Паша и его консорты.—Русскіе простонародные травники и лечебники, В. М. Флоринскаго.—II. Святе письмо Нового Завіту, малорусскій переводъ, П. А. Кулиша и И. Пулюя (февраль, 892).—Θ. М. Достоевскій.—А. Θ. Писемскій.—А. В. (мартъ, 418).—I. Русскіе диссиденты: староверы и духовные христіане, I. Юзова. — Историческая подготовка, проф. Петрова.—Общепонятные психологическіе этюды, В. Кандинскаго.—Художественный журналъ. — II. Reminiscences, by Th. Carlyle, edited by Froude (апр. 871).—Варшава и варшавяне, В. Михневича.—Калевала, финскій народный эпосъ, переводъ Э. Гранстрема. — Неудачная экспедиція въ Китай 1874 — 1875 гг., П. Пясецкаго. — Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра.—Андрея Стороженка, очерки изъ исторіи чешской литературы. — О компромиссѣ, Дж. Морли, переводъ М. Цебриковой (май, 444).—О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, Н. Ф. Сумцова. — Prosper Mérimée, Lettres à M. Panizzi 1850—1870, publiées par M. Louis Fagan.—Félix Helment, De l'instinct et de l'intelligence.—Georg Schneider, Der thierische Wille, systematische Darstellung und Erklärung der thierischen Triebe u. s. w. (іюнь, 885). — Русскія народныя картинки, собралъ и описалъ Д. Ровинскій. — Саратовскій сборникъ. — Новыя сочиненія, Гельвальда, Фаульмана, Лефевра по исторіи цивилизаціи.—Kautsky, der Einfluss der Volksvermehrung, etc. (іюль, 436).—Въ тихомъ омутѣ, Н. Наумова.—Соловецкое сидѣнье, историческая повѣсть времемъ начала раскола на Руси; Великій расколъ, романы Д. Мордовцева.—Исторія русской словесности, часть II, отдѣлъ I, И. Порфирьева. — Les premiers hommes et les temps préhistoriques, par le marquis de Nadaillac.—Le Théâtre de la Révolution, par Welschinget (августъ, 884).—Земская служба, И. Блинова.—К. Д. Ушинскій, краткій біографическій очеркъ, А. Фролова.—А. Бэнъ: Психологія. Душа и тѣло. Воспитаніе, какъ предметъ науки (сентябрь, 433).—Теорія общественнаго договора на почвѣ современнаго естествознанія: Alfred Fouillée, La Science Sociale contemporaine.—Популярные очерки по естествознанію, Л. Попова.—Стихотворенія Хэйне, въ пер. Мейснера.—Столѣтіе вятской губерніи.—Древніе акты, относящіеся къ исторіи вятскаго края. Изданіе вятскаго губернскаго статистическаго комитета (окт. 897). — Переклады съ Н. Гоголя. Олены Пчилкы.—Викторъ Рагозинъ. Волга. Томы второй и третій. Отъ Оки до Камы.—Дифтеритъ. Критическій этюдъ М. Зеленскаго. — B. Carneri, Grundlegung der Ethik. — Oscar de Vallée, André Chénier et les jacobins (ноябрь, 432).—L'empire des Tsars et les Russes, par An. Leroy-Beaulieu, t. I. — Основы наукъ, пер. М. Антоновича.—Das Erkenntnissproblem v. O. Caspari. — А. Лопухина. Религія въ Америкѣ, Законодательство Моисея. — Фридрихъ Шпильгагенъ, Анджела (декабрь, 912).

V. Библіографическій листокъ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV и V.—Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Θ. Корша, вып. VIII. — Историческая христоматія по русской исторіи, составл. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.—Разсказы для дѣтей младшаго возраста, О. И. Шмидтъ.—Каинъ, мистерія лорда Байрона. Сидъ, драма (траги-комедія), Корнеля. Родогюна, трагедія Корнеля. Пер. Е. Барышевъ (январь).—И. А. Гончаровъ. Четыре очерка. — П. Огородниковъ. Страна Солнца.—Цицеронъ и его друзья. Соч. Гастона Буасье. Переводъ Маріи Корсакъ.—Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова. — Основы гигіены, сост. Я. Симоновичъ (февраль). —

*

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, Ю. Э. Янсона.—Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи, кн. А. Васильчикова. — Воспоминаніе и критическіе очерки, П. В. Анненкова. — Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи, К. Елпатьевскаго (мартъ).—Стихотворенія Н. А. Некрасова. — Основныя положенія теоріи экономической политики, И. Иванюкова.—Балакиревъ. Историческій романъ, П. Н. Петрова.—О преподаваніи русской словесности, А. Незеленова.—Путешествіе А. Э. Норденшельда, въ переводѣ С. Барановскаго и Э. Коріандера (апрѣль).—На закатѣ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго.—Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, томъ VI.—Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія, Фр. Вегеле, переводъ Алексѣя Веселовскаго. — Черниговка. Быль второй половины XVI вѣка, соч. Н. Костомарова (май).—Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова. — Архивъ князя Вяземскаго. Кн. Андрей Ивановичъ Вяземскій.—Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., полковника де-Прерадовича. — Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой.—Исторія Греціи и Рима, А. Гуревича (іюнь).—Невинные разсказы, М. Е. Салтыкова.—На горахъ, Андрея Печерскаго. —Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, В. И. Семевскаго.—Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра.—Въ защиту бѣлаго духовенства, И. Старова (іюль).—Изданія С.-Петербургск. комитета грамотности, 1880—1881 годовъ. — Сельская школа, книга для чтенія, составленная Ерминымъ и Болотовскимъ.—Русскіе въ Ахалъ-Теке, 1879, Туганъ-Мирзы, Барановскаго (августъ).—Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Ѳ. Корша. VIII и IX.—Очерки и рецензіи, И. Г. Воронина.—Отношеніе французскаго языка къ латинскому, Н. Новопашеннаго.—Воспоминаніе о Крымѣ, кн. Е. Г—ой.—Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, Д. Д. Минаева (сентябрь). — Откликъ. Литер. Сборникъ. — Избранныя бесѣды пастора Берсье, А. Забѣлина. — Нашъ другъ, руководство къ „Нашему Другу", барона Н. А. Корфа. — Краткая отечественная географія, И. Михайлова (октябрь). — Историческія сочиненія, В. Стоюнина, ч. II: Пушкинъ.—Долгъ. Сочиненіе Самуэля Смайльса, переводъ съ англійскаго, С. Майковой.—Исторія нашего времени, соч. Макъ-Карти.—Въ области вѣчнаго льда, соч. Гевальда. — Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, А. А. Головачева (ноябрь). — За рубежемъ, М. Е. Салтыкова.—Всеобщая исторія литературы, вып. XI, п. р. В. Ѳ. Корша.—Паденіе крѣпостного права въ Россіи, И. Иванюкова. — Поѣздка въ Іерусалимъ, Д. Л. Мордовцева (декабрь).

VI. Извѣстія.

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, предварительныя свѣденія относительно третьяго международнаго географическаго конгресса въ Венеціи (январь, 450).—Отъ Общества любителей россійской словесности, въ Москвѣ, объ открытіи подписки на памятникъ Гоголю (февраль, 917).

1882 г.

А—го.—Обзоръ дѣятельности коммиссіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла (май, 316; іюнь, 760).

А., Е. — Въ Мареммѣ, изъ романа Уйда (іюль, 239). — Повѣсти-пародіи Бретъ-Гарта (ноябрь, 316).

А. Н.—Послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма II (ноябрь, 295).—Современный новаторъ въ борьбѣ съ рутиной: Дюрингъ (дек. 780).

Андреевскій, С.—Пигмей, стихотвореніе (іюнь, 588).—I. Пѣсня Мару-

---

I. Внутреннее обозрѣніе.

система предъ судомъ двухъ земскихъ врачебныхъ съѣздовъ.—Новое предложеніе по предмету разработки народной медицины (859 стр.).

II. Иностранная политика.

Французскія дѣла въ Европѣ и въ Африкѣ.—(**Янв.** 388 стр.).—Возрожденіе итальянскихъ финансовъ. — (**Фев.** стр. 855).—Политики „легкаго сердца" и славянскія дѣла (**Мартъ**, 425 стр.).—Политическіе итоги 1882 г.—Египетскій кризисъ и остъ-индскія дѣла.—Ирландія.—Внутренняя политика французской республики и революціонныя стремленія. — Мнимый дефицитъ во Франціи.—Центральная Европа и положеніе партій въ Пруссіи.—Австрія и славяне.—Проектъ международнаго третейскаго суда.—(**Декабрь**, 902 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Eug. Hatin, le Journal. — Рибо, болѣзни памяти. — Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега" въ 1878—1880.—Источники русской Агіографіи, Н. Барсукова.— Что такое спиритизмъ? Румилова. — Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу, Уманца. — Государственная отчетность въ Бельгіи В. А. Татаринова, Ил. Кауфмана (409 стр.). — **Февраль.** — Луна, украинскій альманахъ на 1881 годъ, Н. И. Костомарова.—О вліяніи школъ на физическое развитіе дѣтей. Д-ра Нагорскаго.—Новѣйшіе разсказы Жюля Верна (886 стр.). — **Мартъ.** — Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. I.—Жилыя помѣщенія рабочихъ, Л. Ѳедоровича.—Черное море. Разсужденіе М. Литвинова (405 стр.).—**Апрѣль.**—Англійская свободная торговля, И. Янжула.—Государство и общество, В. Безобразова.—Земскіе вопросы, В. Скалона.—Ученіе Огюста Конта объ обществѣ, С. Смоликовскаго.—Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи, А. Лебедева. — Вукъ Караджичъ, П. Кулаковскаго (848 стр.). — **Май.** — В. В., Судьба капитализма въ Россіи. — Мищенко, Опытъ по исторіи раціонализма въ древней Греціи. — Буше-Леклеркъ, Истолкованіе чудеснаго (вѣдовство) въ античномъ мірѣ.—Зайцевъ, Руководство всемірной исторіи. — Ярошъ, Исторія идеи естественнаго права.—Алышевскій. Что такое истинно-русская государственная программа? — Brandes, Moderne Geister (419 стр.).—**Іюнь.** — Чарльзъ Дарвинъ: 1) Vegetable mould's and earth's worms. 2) Erasmus Darwin, Краузе. - Ernest Renan, Marc Auréle et la fin du monde antique.—Edmond de Goncourt, La Faustin (862 стр.).—**Іюль.**—К. Д. Кавелинъ, Крестьянскій вопросъ.—Бар. Н. А. Корфъ, Наши педагогическіе вопросы.—Труды перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, В. Рукавишникова. — Сборникъ статистическихъ свѣденій о Рязанской губерніи, Васильева.—Опытъ статистическо-географическаго словаря Псковского уѣзда.—Ernest Renan, L'eau de Jouvence. — Славянскій ежегодникъ, А. В. Стороженко (356 стр.).—**Августъ.**—В.П. Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. — А. В. Прилежаевъ. Что такое кустарное производство?—Ernest Renan, l'Ecclésiaste.—Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера, А. А. Иностранцева (825 стр.).—**Сентябрь.**—В. Триговъ. Община и подать. — Всеволодъ Данилевскій, Системы политическаго равновѣсія и легитимизма, и начало національности въ ихъ взаимной связи.—А. В. Лихачевъ, Самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи.—Современные церковные вопросы, Т. Филиппова (422 стр.). — **Октябрь**—Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, М. Чалый. — Хуторна поэзія, П. Кулиша. — Духоборцы, О. Новицкаго. — Разсказы В. Гаршина. (874 стр.).—**Ноябрь.**—Боярская дума древней Руси, В. Ключевскаго.—Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, Л. Владимірова.—Король Лиръ, Шекспира, перев. С. Юрьева (427 стр.).—**Декабрь.** —О. К.Нотовичъ, Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія.—К. Л. Лихтанскій, Основаніе научныхъ государственныхъ строеній и польскій вопросъ. — С. Шараповъ, Министерство земледѣлія и его мѣстныя агенства. — В. А. Лебедевъ, Финансовое право (918 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Мартъ. —Рѣчи генерала Скобелева.—Либерализмъ и либеральныя стремленія: либеральная партія и либералы.—Новый московскій голова въ Москвѣ.—Годовщина смерти Ѳ. М. Достоевскаго. — Рѣчь гр. Л. Н. Толстого по поводу московской переписи. — Кар-

V. Библіографическій листокъ.

Старина, В. Сиповскаго. — Руссо, Джона Морлея.—Поѣздка къ пирамидамъ, Д.Л.Мордовцева.—Наши отравители, М. Лазарева.—Всеобщая исторія литературы, В. Ѳ. Корша, вып. XII.—**Мартъ.**—Жизнь и политика маркиза Вѣлепольскаго, В. Д. Спасовича.—Европейскіе писатели и мыслители: I. Свифтъ. II. Боккачіо. В. Чуйко.—Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова.—Лоринъ, гр. П. А. Валуева. — Записки кавказскаго отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. — **Апрѣль.**—Стихотворенія Н. А. Некрасова.—Р. И. Сементковскій. Польская библіотека.—Князь А. И. Васильчиковъ, А. Голубева. — Значеніе классной книги для чтенія въ элементарной школѣ, бар. Н. А. Корфа. — **Май.** — Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова.—Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, Ф. Мартенса.—Энциклопедическій всенародный словарь, В. Клюшникова.—**Іюнь.**—Признаки времени и письма о провинціи, М. Е. Салтыкова. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко.—Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, Н. Гюббинета.—Стихотворенія М. П. Розенгейма.—Княжія и царскія грамоты ярославской губерніи, А. А. Вахромѣева. — **Іюль.** — Минеральныя воды и морскія купанья, Л. Бертенсона и Н. Воронихина.—Стихотворенія кн. В. А. Мещерскаго.—Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ, Н. Лѣскова.—Изъ всемірной исторіи, М. Н. Петрова.—Очерки изъ русской исторіи, XVIII вѣка, В. Водовозова.—**Августъ.** — Причитанья сѣвернаго края, В. Барсова.—Исторія храма Спасителя въ Москвѣ, М. Мостовскаго.—Историческіе этюды русской жизни, Вл. Михневича.—Сибирь, какъ колонія, Н. М. Ядринцева.—**Сентябрь.**—Всеволодъ Гаршинъ, разсказы. — 25 лѣтъ русскаго искусства (1855—1880), Н. П. Собко.—Всеобщая исторія литературы, В. Ѳ. Корша, вып. XIV.—Муаллако Имрууль-Кайса, Г. Муркоса.—Воспоминанія декабриста, А. Бѣляева.—За крашанку-писанка, Д. Мордовцева.—**Октябрь.** — Къ вопросу о реформѣ логики, Николая Грота. — Сочиненія А. С. Пушкина, для школъ.—Скобелевъ, В. И. Немировича-Данченко.—Сказки З. Топеліуса. — L'empire Japonais, par Leon Metchnikoff. — **Ноябрь.**— Письма къ тётенькѣ, М. Е. Салтыкова.—Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг., Н. Л. Яворскаго. — Наука о духѣ, М. Троицкаго.—Маленькая домашняя аптечка, проф. Ф. Нуссбаума.—Всеобщій календарь на 1883 годъ, Гоппе.—**Декабрь.**—Иллюстрированная исторія Петра В., А. Брикнера, ч. I.—Европейскіе писатели и мыслители, изд. В. Чуйко: VI. В. Гюго. VII. Лассаль. VIII. Кондорсэ.—Исторія классическаго періода греческой литературы, Дж. Магаффи, т. I.—О причинахъ современнаго финансоваго и экономическаго состоянія Россіи и о средствахъ улучшенія послѣдняго, Н. Шаврова.

1883 г.

А.—Некрологъ: Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ (авг. 871).

А. Е.—Повѣсти-пародіи Бретъ-Гарта (фев. 773; апр. 581).

А—н—. Новый историкъ французскаго романтизма: Georg Brandes, Die romantische Schule in Frankreich (авг. 612).—Страница изъ исторіи католицизма и свободной мысли: Ernest Renan, Souvenirs d'enfance et de jeunesse (сент. 328).—Некрологъ: Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (окт. 825).—Новый Щедринскій сборникъ: „Современная идиллія", М. Е. Салтыкова (ноябрь, 429).—Некрологъ: Бар. Н. А. Корфъ (дек. 882).

Андреевскій, С. А. — Стихотворенія: Пѣвица (янв. 63).—I. Dolorosa. II. Твердость. III. Раскопка. IV. Иматра. V. Май. VI. Нельзя (ноябрь, 249).

*

Юнге, Екатерина.— Воспоминанія о Шевченкѣ (авг. 837).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Настроеніе общества на рубежѣ двухъ годовъ. — Вопросы о самобытности и о либерализмѣ; необходимость другой ихъ постановки. — Характеристическія событія прошедшаго года, въ связи съ видами на будущее. — Сессія губернскихъ и земскихъ собраній.—Еще нѣсколько словъ о проектѣ уголовнаго уложенія (365 стр.). — **Февраль.** — Общая характеристика нашего финансоваго положенія и виды въ ближайшемъ будущемъ. — Отчетъ главнаго тюремнаго управленія, въ его связи съ проектомъ новаго уголовнаго уложенія. — Смѣта города С.-Петербурга. — Сотрудничество чиновниковъ въ періодическихъ изданіяхъ.—Абсентеизмъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ (814 стр.).— **Мартъ.** — Мнѣніе „умнаго и опытнаго сановника" о современномъ настроеніи русскаго общества.—Разнообразіе понятій, соединяемыхъ со словомъ „общество", и проистекающія отсюда недоразумѣнія. — Рязанское земство и статистика. — Современны ли работы по пересмотру гражданскихъ законовъ?—Возможность совмѣстнаго дѣйствія народныхъ обычаевъ и гражданскаго уложенія. — Роль „сочинительства" въ составленіи кодекса (370 стр.). — **Апрѣль.** — Введеніе судебнаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ въ составъ департамента полиціи.—Ожидаемое измѣненіе законовъ о раскольникахъ.—Проектъ общаго уст. россійскихъ желѣзныхъ дорогъ; фиктивная передача акцій и возможныя противъ нея мѣры; составъ и дѣятельность желѣзно-дорожныхъ правленій; подсудность исковъ, предъявляемыхъ къ желѣзнымъ дорогамъ.—Новый налогъ на заграничные паспорты.—Пятидесятилѣтіе петербургскаго коммерческаго суда.—Что думаютъ „Московскія Вѣдомости" о пятидесятилѣтіи нашихъ общихъ судовъ (803 стр.).— **Май.**—Новая категорія „униженныхъ и оскорбленныхъ", разысканная „Московскими Вѣдомостями". — Вакханаліи въ печати.—Чрезвычайная сессія с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія. — Возраженія желѣзно-дорожныхъ дѣятелей противъ проекта общаго желѣзно-дорожнаго устава. — Значеніе частныхъ уставовъ, какъ договоровъ и какъ сепаратныхъ законовъ.—Формализмъ, подкапывающійся подъ самыя основы реформы.— Ожиданія народныхъ массъ въ остзейскомъ краѣ (342 стр.). — **Іюнь.**— Пятнадцатое мая—день всенароднаго торжества. — Общая характеристика движеній въ русской общественной жизни.—Вопросъ о нашемъ самоуправленіи, и отвѣтъ проф. А. Д. Градовскаго по этому предмету.—Отчеты о призывѣ 1882 г. и конской переписи въ Петербургѣ. — Слухи изъ педагогическаго міра. — По поводу проекта института ученыхъ акушерокъ.—Правила дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка, кредитъ землевладѣльцамъ. — Дѣло кронштадтскаго банка, и фиктивные вклады. — Г. Катковъ о кабакѣ и интеллигенціи (813 стр.).— **Іюль.**—Милостивый манифестъ 15-го мая.—Новый законъ о раскольникахъ; его достоинства и недостатки.—Главное препятствіе къ правильному разрѣшенію вопроса о расколѣ.—Законъ о выморочныхъ дворянскихъ имуществахъ.—Толки о „дворянскомъ принципѣ". — Прекращеніе закавказскаго транзита.—Законы объ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ и земскихъ эмеритальныхъ кассахъ (350 стр.).— **Августъ.** — Метафизика въ теоріи и практикѣ юриспруденціи.—„Обратная сила закона и пріобрѣтенное право" въ примѣненіи къ частнымъ банкамъ.— „Свобода акціонерныхъ собраній" и государственный соціализмъ.—Предубѣжденія противъ слова, мѣшающія правильному отношенію къ дѣлу.— Соглашеніе съ римской куріей. — Новѣйшія законодательныя мѣры (798 стр.). — **Сентябрь.** — Екатеринославскій погромъ. — Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія по вопросамъ гимназической дисциплины. — Новое положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ. — Оффиціальныя или псевдо-оффиціальныя возраженія противъ общаго желѣзно-дорожнаго устава.—Правила о взысканіяхъ за нарушеніе питейнаго и табачнаго уставовъ. — Запрещеніе уплачивать рабочимъ наемную плату купонами.—Примѣненіе на практикѣ закона о землевладѣльческомъ кредитѣ (352 стр.).— **Октябрь.** — Смерть Тургенева, какъ событіе въ исторіи нашего общества.— Вопросъ о неприкосновенности банковыхъ уставовъ, въ связи съ общими понятіями о договорѣ и законѣ, о государственномъ и частномъ интересѣ. — Уголовная статистика за 1878 годъ; запоздалое обнародованіе ея.—

Строгость репрессій въ судѣ присяжныхъ и въ судѣ коронномъ.—Выводы изъ числа обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ въ мир. суд. учрежденіяхъ (779 стр.).—**Ноябрь.**—Продолженіе работъ въ коммиссіи М. С. Каханова.—Вопросъ объ устройствѣ волостного управленія.—Проектъ реформы промысловаго налога; общій его характеръ, хорошія и слабыя его стороны.—Дѣло о супружескихъ несогласіяхъ.—Еще нѣсколько словъ о сводѣ уголовно-статистическихъ свѣденій за 1878 годъ; пробѣлы свода и желательныя дополненія къ нему (343 стр.).—**Декабрь.**—Тэмы, занимающія печать.—Спорный еврейскій манифестъ, и возможное его значеніе.—А. И. Кошелевъ и бар. Н. А. Корфъ †.—Труды губернскихъ коммиссій по питейному вопросу.—Необходимая предпосылка коренной питейной реформы.—Уничтоженіе кабака; общественныя винныя лавки и трактиры.—Удачная мысль херсонской коммиссіи.—Судъ надъ кассаціоннымъ судомъ (стр. 824).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Особенности и послѣдствія вооруженнаго мира.—Внутренняя политика въ европейскихъ государствахъ.—Полемика въ нѣмецкой печати и дипломатическія разоблаченія.—Отношенія между Россіею и Германіею.—Германскія дѣла.—Законъ о соціалистахъ, и республиканцы въ парламентѣ.—Аристократическій соціализмъ въ Австріи.—Колоніальная политика Франціи и французскіе финансы.—Рѣчь лорда Дерби и египетскій вопросъ.—Письмо Араби-паши.—Министерская комедія въ Константинополѣ и ея печальныя причины (400 стр.).—**Февраль.**—Французская, англійская и нѣмецкая печать о Гамбеттѣ.—Г. Аксаковъ и его разоблаченія относительно Гамбетты.—Роль Гамбетты во французской и европейской политикѣ.—Его жизнь и дѣятельность при второй имперіи.—Эпоха національной обороны и важность ея для республики.—Образъ дѣйствій Гамбетты въ позднѣйшіе годы.—Значеніе его смерти для Франціи.—Манифестъ принца Наполеона и министерскій кризисъ (846 стр.).—**Мартъ.**—Министерское междуцарствіе во Франціи и мѣры противъ претендентовъ.—Кабинетъ Жюля Ферри.—Открытіе парламентской сессіи въ Англіи.—Ирландскія разоблаченія и политика Гладстона.—Дунайская конференція въ Лондонѣ.—Церковный вопросъ въ Германіи.—Прусскій сеймъ.—Австрійскія дѣла.—Положеніе дѣлъ въ славянскихъ земляхъ (388 стр.).—**Апрѣль.**—Князь А. М. Горчаковъ и его „полуполитика".—Признаніе въ „Journal de St.-Pétersbourg".—Задачи русской дипломатіи и ошибочное ихъ пониманіе.—Динамитная партія въ Англіи.—Обстановка ирландскаго движенія.—Внутреннія дѣла Франціи.—Министерская шаткость въ Пруссіи.—Личная политика кн. Бисмарка и ея послѣдніе результаты (852 стр.).—**Май.**—Новый тройственный союзъ.—Германскій парламентъ и соціально-политическіе проекты.—Положеніе дѣлъ въ Италіи.—Французскія дѣла.—Общество „друзей мира".—Планы Вальдека-Руссо.—Исключительные законы въ Англіи и ихъ также исключительный характеръ (372 стр.).—**Іюнь.**—Разсужденіе иностранцевъ о Россіи и о русскихъ дѣлахъ.—Возможныя недоумѣнія и ихъ разгадка.—Правители Черногоріи и Болгаріи.—Новѣйшая французская политика и ея значеніе.—Соціальный вопросъ въ Англіи.—Британская нетерпимость.—Шульце-Деличъ и Эд. Лабулэ (851 стр.).—**Іюль.**—„Потѣшные" парламенты въ Англіи.—Юбилейная недѣля въ Бирмингамѣ.—Рѣчи Брайта и Чамберлена.—Англійскіе радикалы и консерваторы.—Политическая жизнь въ Германіи.—Упадокъ національно-либеральной партіи.—Беннигсенъ и Ласкеръ.—Французская политика, внутренняя и внѣшняя (390 стр.).—**Августъ.**—Графъ Шамборъ и графъ Парижскій.—Надежды и колебанія французскихъ консерваторовъ.—Парламентскія сцены; нападки на правительство и на республику.—Разстройство финансовъ и его причины.—Централизація и чиновничество во Франціи.—Внѣшняя французская политика; недоразумѣнія съ Англіею.—Республиканская годовщина въ Америкѣ.—Русское соглашеніе съ Ватиканомъ (818 стр.).—**Сентябрь.**—„Предостереженіе", данное Франціи изъ Берлина.—Внезапная воинственность нѣмецкихъ оффиціозовъ и ихъ фактическая подкладка.—Охлаждающее вліяніе русскаго нейтралитета.—Положеніе дѣлъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.—Роль иноземной „интриги".—Причины и послѣдствія эльзасскихъ недоразумѣній.—Свиданіе въ Ишлѣ и совѣщанія въ Зальцбургѣ.—Секреты сильныхъ міра сего.

—Французская политика и смерть графа Шамбора (380 стр.). — **Октябрь.** — Процвѣтаніе внѣшней политики и культъ князя Бисмарка.—Восторженная статья въ „Deutsche Rundschau".—Канцлеръ, какъ „центральный мыслительный органъ" имперіи. — Національный памятникъ близъ Рюдесгейма. — Надежды и ламентаціи Шарля де-Мазада въ „Revue des deux Mondes".—Графъ Парижскій и президентъ Греви.—Вопросъ о монархіи во Франціи и правильная его постановка. — Рѣчь Вальдека-Руссо при освященіи статуи Лафайета. — Господство адвокатовъ въ правительствѣ. — Русскіе генералы въ Болгаріи и возвратъ къ прошлому. — Король Миланъ и сербскій кризисъ. — Событія въ Австро-Венгріи (799 стр.). — **Ноябрь.** — Политика „здраваго смысла" во Франціи.—Заявленіе Жюля Ферри.—Оцѣнка республиканскаго правительства въ „Nouvelle Revue" и въ „Revue de deux Mondes".—Внѣшнія дѣла Франціи. — Австро-германскій союзъ по объясненіямъ графа Кальноки.—Намеки на враждебность русскаго „народа". — Восточные интересы и положеніе Австріи. — Споры о миролюбіи и о мѣрахъ къ его поддержанію. — Внутренніе вопросы въ Англіи (397 стр.).—**Декабрь.** — Событія въ Сербіи и въ Болгаріи.—Слабость монархическихъ традицій и несоотвѣтствующая ей политика.—Министерство Христича и междоусобная война. — Отзывы европейской печати и „предостереженіе" Гладстона.—Программа сербскихъ радикаловъ. — Особенности болгарскаго кризиса.—Князь Александръ I и король Миланъ.—Газетныя разсужденія о войнѣ.—Свиданіе двухъ министровъ и быстрый поворотъ въ сторону мира.—Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ (755 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, А. Незеленова.—В.—„Кіевская старина", 1882.—Юбилейныя изданія Москов. публичнаго и Румянцевскаго музея.—Н. (440 стр.).—**Февраль.**—Сочиненія Пушкина, изд. восьмое.—Н.—Эммануэля Бенъ-Сіона, Евреи-реформаторы.—М. Филиппова, Русско-еврейскій вопросъ, ч. I.—Autoemancipation, von einem russ. Juden.—К. (866 стр.).—**Мартъ.**—С. Капустинъ. Что такое поземельная община? — J. v. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzer in Russland, Th. II. — Б. Чичеринъ. Собственность и государство. Двѣ части.—К.—Альбомъ Московской Пушкинской выставки, изд. р. Поливанова.—Н. (405 стр.). — **Апрѣль.** — Исторія русской церкви Макарія, митрополита Московскаго, т. XII. — Царевичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко.—Жуковскій и его произведенія, соч. П. Загарина. — Статьи для публики, по вопросамъ историческимъ, политическимъ, и пр., В. И. Модестова (872 стр.).—**Май.**— А. П. Щаповъ. Соч. Н. Аристова. — Путешествіе по Италіи, И. Цвѣтаева.—Н.—Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ, кн. II, Н. Страхова. —Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, Алексѣя Веселовскаго. - Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію, Л. В. Ходскаго.—Настоящее состояніе поземельнаго кредита въ Россіи и пробный проектъ Н. Н. Толстого.—Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи 1877 — 78 г., т. II, Н. Абазы.—К. (390 стр.).—**Іюнь.**—А. Н. Радищевъ, М. А. Сухомлинова. — Земля и люди, всеобщая географія Э. Реклю.—Н.—Женщина-врачъ въ Россіи, П. П. Сущинскаго. — Фабричный бытъ Германіи и Россіи, А. В. Погожева.—Страница изъ исторіи судебной реформы, Гр. Джаншіева (868 стр.).—**Іюль.**—Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности, М. Кояловича.—Н.—Начала русскаго государственнаго права, А. Д. Градовскаго, т. III.—Отчетъ Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, за 1881—82 г.—К.—Впередъ! Романъ В. И. Немировича-Данченко. —Н. — Гастонъ Тиссандье, научныя развлеченія.—Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера.—Н. — Чистяковъ, Учебникъ физики. — Б. (411 стр.).—**Августъ.**—Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, Ф. Мартенса.—Л.—Чтеніе для народа Н. Ѳ. Сумцова.—Стихотворенія Ник. Алек. Некрасова.—И. С. Тургеневъ, „Муму". — Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, А. Ремезова. — Третье путешествіе въ Центральной Азіи, Н. Пржевальскаго.—Н. (855 стр.).—**Сентябрь.** — На дальнемъ востокѣ, разсказы и очерки. А. Я. Максимова. — Въ дали. (Изъ прошлаго). Разсказы изъ вольной и невольной жизни. Мишла (М. А. Орфанова). Съ предисловіемъ С. В. Максимова.—Царица Прасковья. 1664 — 1723. М. И. Семевскаго.—Отчетъ Имп.

Русскаго Географическаго Общества за 1882 годъ, В. И. Срезневскаго. — Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства, Мих. Зеленскаго.—Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ, отъ Витовта до Люблинской уніи, С. А. Бершадскаго.— Новѣйшіе успѣхи метеорологіи. I. Одновременная система наблюденій и предсказаніе погоды, А. Клоссовскаго (396 стр.). —**Октябрь.** — Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, Як. Чистовича.—Война въ Туркменіи. —Походъ Скобелева въ 1880—1881 г., Н. Гродекова. Исторія Петра Великаго. А. Г. Брикнера —В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ Петербургѣ, 29 и 30 января 1883 года. Изданіе Стояновскаго. — Сочиненіе Давида Рикардо, переводъ Н. Зибера (814 стр.).—**Ноябрь.**—Эмиль де-Лавеле, Парламентарный образъ правленія и демократія.— В. Португаловъ, Врачебная помощь крестьянству. — М. Покровскій, Наши санитарныя задачи. —А. Прилежаевъ, Фабричная инспекція во Франціи.—А. Трачевскій, Учебникъ исторіи. Древняя исторія. — Э. Зевортъ, Исторія новаго времени (XVI —XVIII ст.) (413 стр.).— **Декабрь.**— И. Забѣлинъ: 1) Мининъ и Пожарскій; 2) Преображенское; 3) Домострой. — А. Н. — Сочиненіе Г. Успенскаго, т. I.—К. К.— Очерки первобытной экономической культуры, Зибера.—Гражданское право, С. Муромцева.—Л. З. (368 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Январь. — Новый годъ и старые вопросы.— Толки въ печати о старообрядцахъ.—„Безъобрядство" и старообрядство.—Процессъ на югѣ Россіи по преступленіямъ въ дѣлахъ вѣры.—Слово преосв. Амвросія о любви и стремленіяхъ нашего времени. — Пренія въ петербургской думѣ о городскихъ налогахъ. — Замѣтка на замѣтку „Московскихъ Вѣдомостей" (451 стр.).—**Февраль.**—Толки въ печати по поводу слуховъ о проектѣ университетскаго устава. — Противорѣчіе въ нихъ мотивовъ съ результатами.—Двойная задача университетскаго преподаванія, по предположенію газетъ.—„Татьянинъ день" въ Москвѣ и внутреннее противорѣчіе въ рѣчи г. Чичерина.—Слово его въ пользу устава 1863 г., и противъ какого бы то ни было устава вообще.—Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности И. А. Гончарова.—Центральное училище техническаго рисованія, бар. Штиглица. — По поводу столѣтняго юбилея Жуковскаго, и его письма къ покойному государю (882 стр.). — **Мартъ.** — Приватные и авторитетные отзывы о характерѣ нашего современнаго общества и печати.—Сравненіе послѣдней съ до-реформенною печатью. — Корреспонденціи изъ Петербурга въ Москву о Петербургѣ.—Разсужденія въ нихъ по поводу юбилея Жуковскаго и участія въ томъ городской думы.— Письмо акад. Я. К. Грота къ городскому головѣ.—Оцѣнка корреспондентомъ финансовой дѣятельности здѣшней думы, и наши поправки изъ городового положенія. — Письменное привѣтствіе русскихъ женщинъ И. А. Гончарову, и его отвѣтъ (432 стр.).— **Апрѣль.**— Кончина Л. С. Макова. — Воспоминанія изъ времени его управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Открытое письмо г. Лѣскова.— Жалобы г. Каткова на стѣсненія печати со стороны администраціи и судебнаго вѣдомства.—По вопросу о способности православной паствы избирать пастырей (896 стр.). — **Май.** — Конецъ дѣлового сезона.—Новые проекты на будущее время.—„Нужды и потребности", г. В. Кокорева, и картина сельскаго благополучія въ его мечтахъ.—Средства къ ея осуществленію: замѣна кабаковъ винными складами и поощреніе винокуренію.—Ожидаемое устройство новой хлѣбной складочной компаніи, и колебанія „Москов. Вѣдомостей" по этому дѣлу. —Новыя общественныя и политическія теоріи г. Каткова по поводу дѣла г. Скарятина (418 стр.).—**Іюль.**—Политическій эмпиризмъ нашего времени и его рецепты: „солидарное" правительство, перенесеніе столицы, господство „правды".—Мнѣнія незнатныхъ иностранцевъ о Россіи.—Сбивчивость воззрѣній, усматриваемая „Москов. Вѣдомостями" въ судебныхъ сферахъ (437 стр.).—**Августъ.**—Мало освѣщенныя стороны нашей общественной жизни; свѣтъ, бросаемый на нихъ двумя недавними процессами. — Средства борьбы, умѣстныя въ духовной области; условія, затрудняющія пользованіе этими средствами. — Печальная страница изъ исторія нашей печати.—Комическій призывъ по поводу трагическаго событія (881 стр.).—**Сентябрь.**— Молчаніе, неправильно принимаемое за знакъ согласія. — Эпоха „новыхъ вѣяній" передъ судомъ „Руси" въ

1880 и 1883 г.—Походъ противъ „дарового“ высшаго образованія. — Профессоръ Вагнеръ объ университетскомъ вопросѣ.—Рѣчь уѣзднаго предводителя къ крестьянамъ (421 стр.). —**Октябрь.** — Приготовленіе къ встрѣчѣ и преданію землѣ тѣла И. С. Тургенева.—Постановленіе петербургской городской думы по этому предмету.—Актъ начальныхъ городскихъ училищъ г. Петербурга.—Ихъ современное положеніе и послѣдніе результаты народнаго обученія.—Роль благотворительнаго и дѣятельность санитарнаго надзора за городскими училищами (840 стр.).—**Ноябрь.**—Новая характеристика настоящей минуты: „поворотъ отъ фразы къ дѣлу и подъемъ духовныхъ силъ страны“.—Неявка гр. Л. Н. Толстого на судъ, какъ присяжнаго.—Пятидесятилѣтіе общества русскихъ врачей.—Москва безъ городского головы.—Результаты неудачной поговорки (450 стр.).—**Декабрь.**— Опасная шутка и опасное усердіе.—Пренія о Тургеневской улицѣ въ одесской городской думѣ.—„Повелительное полномочіе“, призываемое на помощь противъ земской учительской школы.— Вопросъ о нравственности въ искусствѣ, по поводу новой драмы „Около денегъ“ (885 стр.).

V. Библіографическій листокъ.

Январь.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII.—Сочиненія Лермонтова, 5-е изданіе.—Рукописи Археографической Коммиссіи, Н. Барсукова.—Изъ міра великихъ преданій. В. Острогорскаго. — Отважная охотница, Майнъ-Рида, пер. С. Макаровой. — Новинка, разсказы для дѣтей С. Макаровой.—**Февраль.**—Жизнь и поэзія Жуковскаго, К. К. Зейдлица.— Русско-еврейскій архивъ, изд. С. Бершадскій. — Ферменты и болѣзни, Е. Дюкло, пер. Шмулевичъ. — Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми, Гетца, пер. Н. Воронихинъ.—Третье прибавленіе къ росписи книгамъ магазина И. И. Глазунова, составилъ В. Межовъ. — **Мартъ.** — Мазепа, историческая монографія Н. И. Костомарова. —Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ.—Родная старина. Сост. В. Д. Сиповскій.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, Алексѣя Веселовскаго. — М. П. Соловьевъ, Очерки исторіи Прибалтійскаго края.—**Апрѣль.**—Искусство Италіи, А. Вышеславцева. — Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству. И. Л. Яворскаго.—Исторія XIX вѣка, Мишле.— Не въ бровь, а въ глазъ, Дмитрія Минаева. — **Май.** — Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи, А. Н. Н—на.— Кавказскія минеральныя воды въ медицинскомъ отношеніи, О. А. Халецкаго.—Путеводитель по кавказскимъ водамъ, И. П. Золотницкаго.—Начало русскаго и государственнаго права, А. Градовскаго.—Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера, пер. п. р. И. М. Сѣченова.—Baedeker's Russland.— **Іюнь.**—Жизнь Державина, описанная Я. Гротомъ.—Посошковъ и его сочиненія, Алексѣя Царевскаго.—Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, составилъ Лубенецъ. — Учебный курсъ теоріи словесности А. В. Савицкаго.—**Іюль.** —Кремль въ Москвѣ, М. П. Фабриціусъ.—Очеркъ дипломатической исторіи восточнаго вопроса, В. А. Уляницкаго.—Э. Люкасъ, Математическія развлеченія. — Эдгаръ Зевортъ, Исторія новаго времени.—**Августъ.**—Что сдѣлалъ для науки Чарльзъ Дарвинъ, Ф. Павленкова.—Новѣйшіе русскіе писатели, А. А. Цвѣткова. — Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени, П. Жуковича. — Путешествіе на востокъ князя П. А. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева.—Опытъ разбора повѣсти Гоголя: „Тарасъ Бульба“, К. Хоцянова.—**Сентябрь.**—Очерки новѣйшей исторіи, И. И. Григоровича. —На Араратъ. Д. Л. Мордовцева.— Исламъ и наука. Рѣчь, произнесенная Эрнестомъ Ренаномъ. — Педагогическая психологія, П. Каптерева.—Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи, И. П. Мержеевскаго.—**Октябрь.**—Тикноръ. Исторія испанской литературы, Н. И. Стороженко.—Мининъ и Пожарскій, Преображенское или Преображенскъ, Ивана Забѣлина.—Исторія евреевъ, проф. Г. Гретца.—Мировой судъ въ провинціи, Влад. Березина.—**Ноябрь.**—Записки степняка, А. Эртеля. — Н. А. Гродековъ, Хивинскій походъ 1873 г. —О письмѣ вообще, М. М. Манасеиной,—Петербургскій Некрополь, Влад. Саитова.—О развитіи въ дѣтяхъ чувства народности, А. А. Калиновскаго. —**Декабрь.**—Иннокентій, митрополитъ московскій и пр., И. Барсукова. — Война въ Туркменіи, т. II, Н. И. Гродекова. — Замѣчательныя и загадочныя личности, Е. П. Карновича.— Очерки мелкаго народнаго кредита,

вып. II. А. Мудрова. — Дѣтскіе разсказы, П. Незванова.

VI. Извѣстія.

Списокъ лицъ, жертвующихъ въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ (фев. 902; сент. 432). — Отъ московскаго университета о подпискѣ на стипендію и премію имени проф. Соловьева (мар. 447).—Подписка на памятникъ Жуковскому (авг. 894).—Подписка на памятникъ И. С. Тургеневу (ноябрь, 460).

1884 г.

А., А.—По пути (фев. 755).

А—въ. — Новая книга о Мишле (май, 406).

А., М.—Стихотворенія: I. Сонеты.—II. Изъ путевыхъ замѣтокъ (мар. 143).

Андреевскій, С. А.—Довольно! Стих. (янв. 8).

Анненковъ, П. В.—Молодость И. С. Тургенева (фев. 449).

Анучинъ, Д.—Шестой археологическій съѣздъ въ Одессѣ: I. Труды отдѣла первобытныхъ и языческихъ древностей, и общій обзоръ дѣятельности съѣзда (дек. 812).

Арсеньевъ, К. К.—Многострадальный писатель. Біографія, письма и пр., Ѳ. М. Достоевскаго (янв. 322).—Разлученіе супруговъ, какъ необходимый институтъ брачнаго права (мар. 290) — Русскіе беллетристы новаго поколѣнія: М. Альбовъ, К. Баранцевичъ (апр. 758).—Новые сборники русской поэзіи (май, 257).—Французскій романъ въ 1884 году: A. Daudet, „Sapho"; E. de Goncourt, „Chérie"; E. Zola, „La joie de vivre" (нояб. 293).

Баранцевичъ, К. С.—Дебютъ (іюль, 118).

Боборыкинъ, П. Д. — Безъ мужей (апр. 483; май, 36).

Борскій, И.—Отъ скуки (сент. 164).

В., В.—Раздѣленіе труда земледѣльческаго и промышленнаго въ Россіи (іюль, 319).

Верещагинъ, В. В. — Мормоны и мормонизмъ (дек. 632).

Веселовскій, Алексѣй Н. — Дени Дидро (окт. 561; нояб. 125).

Висковатовъ, П. А. — Письмо въ редакцію по поводу новаго стихотворенія Пушкина (фев. 867).

В., К.—По поводу юбилея перваго русскаго печатника Ивана Ѳедорова (мар. 413).—Корделія-Замарашка (нояб. 53).

В—нъ, А.—Странный путеводитель (авг. 843).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ.—Забытые пахари (мар. 345). — Государственный землевладѣльческій кредитъ (іюнь, 757).

Вырубовъ, Г. Н.—Внѣшняя политика Франціи (дек. 901).

Гольцевъ, В. А.—По вопросу о прекрасномъ (іюнь, 740).—Отвѣтъ автору книги: „Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты" (нояб. 442).

Градовскій, А. Д. — Система Меттерниха (янв. 125; фев. 566). — Крестьянскіе выборы въ гласные уѣздныхъ земскихъ собраній (май, 327).

Елисѣевъ, А. В. — Мусульманскіе паломники (іюнь, 641; іюль, 30).

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія: I. Въ театрѣ.—II. Весны развертывались силы.—III. Замѣтки.—IV. Въ одиночествѣ.—V. Мгновенія мимо.—VI. Ранней осени подарокъ. — VII. Лишь вступитъ жизнь въ такую пору.—VIII. О томъ, какъ насъ судьба влечетъ.—IX. Отголоски (фев. 614).

*

I. Внутреннее обозрѣніе.

та города Петербурга. — Проектируемое ограниченіе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. — Первые шаги крестьянскаго поземельнаго банка (стр. 784).—**Мартъ.**—Мелкія починки въ земскомъ Положеніи, и крупныя земскія неурядицы.—Земская избирательная система, какъ главный ихъ источникъ. — Сословное прожектёрство и его судьба. — Петербургское дворянское собраніе. — Сессіи губернскихъ земскихъ собраній.—Новѣйшія законодательныя мѣры.—М. Е. Ковалевскій † (стр. 327).—**Апрѣль.** — Предостереженіе, данное предсѣдателямъ общественныхъ собраній. — Временныя правила о публичныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія.—Новый фазисъ полемики о судѣ присяжныхъ.—Заключеніе оберъ-прокурора по дѣлу Мельницкихъ въ сенатѣ. — Проектъ новыхъ правилъ о питейной торговлѣ. — С.-Петербургское юридическое общество (стр. 775).— **Май.** — Газетные слухи о новой почтовой таксѣ для русскихъ періодическихъ изданій.—Настоящее положеніе школы грамотности.—Отношеніе ея къ нормальной земской школѣ.—Необходимость всесторонняго ея изслѣдованія. —Мировой судъ въ Петербургѣ (стр. 357).—**Іюнь.**—Совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника. — Правительственное сообщеніе о ходѣ занятій Кахановской коммиссіи. — Вопросъ о совмѣстительствѣ государственной службы съ веденіемъ дѣлъ частныхъ обществъ. — Первый отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка (стр. 770).— **Іюль.**—Училищные совѣты и отношеніе ихъ къ учебному вѣдомству.—Уголовная статистика за 1879 г.; отношеніе оправдательныхъ приговоровъ къ обвинительнымъ; зависимость преступности отъ возраста, степени образованія, времени и мѣста; число лицъ, подвергнутыхъ предварительному аресту. —Новая редакція нѣкоторыхъ постановленій о раскольникахъ (стр. 357). —**Августъ.**—Новыя законодательныя мѣры. — Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ. — Упраздненіе коммиссіи прошеній.—Разъясненія сената относительно земскихъ ходатайствъ и выборовъ.—Измѣненіе наказанія за растрату.—Судьбы проекта о промысловомъ подоходномъ налогѣ. — Еще о „совмѣстительствѣ“.—Графъ Э. И. Тотлебенъ † (стр. 774).—**Сентябрь.**—Правила о церковно-приходскихъ школахъ; способъ изданія ихъ.—Обособленіе церковно-приходской школы; организація ея, срокъ и программа ея учебнаго курса, отношеніе ея къ крестьянской школѣ грамотности, вѣроятные ея результаты.—Списокъ запрещенныхъ книгъ. — Признаки времени (стр. 363).— **Октябрь.** — Новый университетскій уставъ и главныя его особенности.—Ожидаемыя дополненія къ нему. — Газетный обвинительный актъ противъ устава 1863 г.—Еще о церковно-приходской школѣ.—Полезныя нововведенія въ желѣзно-дорожной политикѣ.—Отвѣтъ экономисту „Руси“ (стр. 807). — **Ноябрь.** — Возобновленіе засѣданій Кахановской коммиссіи. — Предположенія ея относительно сельскаго общества и волости. — Отчетъ фабричнаго инспектора московскаго округа. — Необходимость дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства.—Нападенія на крестьянскій поземельный банкъ.—Отчеты департамента неокладныхъ сборовъ и оберъ-прокурора св. синода (стр. 363). —**Декабрь.**—Новый шагъ впередъ въ пересмотрѣ нашихъ уголовныхъ законовъ.—Проектъ постановленій о лишеніи жизни, тѣлесныхъ поврежденіяхъ и поединкахъ.—Необходимость ускорить изданіе уголовнаго кодекса. —Рѣчь г. министра юстиціи въ Москвѣ (стр. 846).

Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Общее политическое положеніе Европы въ 1883 году.—Ходъ дѣлъ во Франціи.—Нерѣшенные вопросы. — Жалобы на упадокъ „престижа“ и на внѣшнія неудачи. — Особенности колоніальныхъ войнъ.— Критика Леруа-Болье и ея результаты.— Политическій застой въ Германіи.—Газетная полемика о войнѣ.— Ненормальное состояніе страны и возможный изъ него выходъ.—Дипломатія князя Бисмарка — Австрійскія дѣла. — Соціальный вопросъ въ Англіи (398 стр.).—**Февраль.**—Колебаніе во внѣшней политикѣ. — Князь Бисмаркъ и Эдуардъ Ласкеръ. — Особенности Ласкера, какъ оратора и парламентскаго дѣятеля. — Политическіе нравы „патріотовъ“.— Положеніе дѣлъ во Франціи. — Рабочій вопросъ. — Соціалистическія партіи и ихъ взаимное соперничество. — Политика рабочаго класса.—Мнимая ересь предъ судомъ французскихъ академиковъ - экономистовъ.—Пропаганда опасныхъ идей и отношеніе къ нимъ въ Англіи (826 стр.). —**Мартъ.**—Особенности внѣшней политики въ Европѣ въ настоящее время.—

Преимущества отдаленныхъ экспедицій и колоніальныхъ заботъ.—Египетскія дѣла и англійская дипломатія.—Нападки Гладстона.—Общее положеніе дѣлъ въ континентальной Европѣ.—Князь Бисмаркъ и Ласкеръ.—Сближеніе Германіи съ Россіею.—Исключительные законы въ Австріи.—Консерватизмъ въ Испаніи и Франціи (372 стр.).—**Апрѣль.**—Князь Бисмаркъ о парламентѣ.—Личная политика и ея слабости.—„Дѣло" о Ласкерѣ въ германскомъ и американскомъ парламентахъ.—Новая партія о свободомыслящихъ.—Рѣчи канцлера о свободѣ и соціализмѣ.—Рабочій кризисъ во Франціи.—Политическій процессъ въ Норвегіи.—„Международный журналъ" г. Де-Губернатиса (830 стр.).—**Май.**—Соціалистическое движеніе во Франціи.—Рабочій конгрессъ въ Рубэ.—Программа революціонеровъ-поссибилистовъ.—Министерскія рѣчи въ Кагорѣ и Перигё.—„Крестьянская" республика.—Соціальныя реформы въ Англіи.—Гладстонъ, Гошенъ и сэръ Леббокъ.—Общество пропорціональнаго представительства.—Консервативная оппозиція и радикализмъ.—Внутренніе вопросы въ Германіи и въ Австро-Венгріи.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи (379 стр.).—**Іюнь.**—Замѣчанія въ рѣчи кн. Бисмарка о русскомъ обществѣ и избыткѣ учащихся въ Россіи.—Отношенія германскаго канцлера къ соціалистамъ и къ рабочимъ.—Прогрессисты въ Германіи и ихъ значеніе.—Процессъ Крашевскаго.—Положеніе дѣлъ во Франціи и въ Англіи (822 стр.).—**Іюль.**—Внѣшняя политика Англіи, и положеніе министерства Гладстона.—Международная конференція въ Лондонѣ.—Колоніальныя попытки европейскихъ державъ.—Закладка новаго зданія германскаго парламента.—Паденіе либеральнаго министерства въ Бельгіи.—Балканскія дѣла.—Президентскіе выборы въ С.-Американскихъ Штатахъ (409 стр.).—**Августъ.**—Пересмотръ конституціи во Франціи.—Французскій сенатъ и его значеніе.—Разладъ въ средѣ монархическихъ партій.—Демонстрація противъ нѣмцевъ въ Парижѣ.—Англійская палата лордовъ и билль о реформѣ.—Народныя собранія въ Гайдъ-паркѣ и въ другихъ мѣстахъ.—Рѣчи лорда Салисбери, Чамберлэна и Фаусетта.—Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ (791 стр.).—**Сентябрь.**—Новыя политическія комбинаціи.—Колоніальные вопросы въ европейской политикѣ.—Значеніе колоній для Германіи.—Нѣмецкія поселенія въ Африкѣ и „международная ассоціація вольныхъ штатовъ Конго".—Отношенія Англіи къ державамъ материка.—Франко-китайская война и англійская политика.—Внутреннія дѣла во Франціи и Англіи.—Индійская журналистика (391 стр.).—**Октябрь.**—Скерневицкое свиданіе трехъ императоровъ.—Разнорѣчивые толки оффиціозной печати: отзывы вѣнской „Presse" и нашего „Journal de St.-Pétersbourg".—Замѣчанія лондонскаго „Times'а" и парижскаго „Temps".—Биржевые интересы въ Египтѣ и защита ихъ Европою.—Внутреннія дѣла въ Германіи и Австріи.—Польскій вопросъ и рѣчь графа Дѣдушицкаго (831 стр.).—**Ноябрь.**—Сближеніе Франціи съ Германіею и предстоящая конференція въ Берлинѣ.—Австро-германскій союзъ и его значеніе.—Брауншвейгское наслѣдство.—Клерикалы и либералы въ Бельгіи.—Англійскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ (401 стр.).—**Декабрь.**—Новый составъ германскаго парламента.—Успѣхи соціальной демократіи и упадокъ прогрессистовъ.—Характеръ нѣмецкихъ партій.—Общая политика Германіи и князь Бисмаркъ.—Мнимолиберальный проектъ о вознагражденіи народныхъ представителей.—Военная предпріимчивость во Франціи и въ Англіи.—Англійскія реформы.—Избраніе президента въ Соединенныхъ Штатахъ (887 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Сочиненія Павла Якушкина, изд. Вл. Михневича.—Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., Перетятковича.—Матеріалы для антропологическаго описанія Россіи. I. Мордва-Эрзя. В. Майнова.—Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи, И. Дмитревскаго.—Очерки Крыма, Евг. Маркова.—А. Н.—Шекспиръ, въ перев. А. Л. Соколовскаго: Гамлетъ.—К. К. (415 стр.).—**Февраль.**—Основаніе философіи, П. Милославскаго.—Л. Галенбаха: Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи, перев. съ нѣм., съ предисл. В. Соловьева.—К. Головина: Наше мѣстное управленіе и наше представительство.—С. А. Приклонскій: Народная жизнь на сѣверѣ.—А. Мальшинскій: Народное благосостояніе по демографическимъ даннымъ.—Г. М. Гер-

ценштейнъ, Страница изъ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи. — Д. М. Львовъ, Налогъ съ наслѣдства, по современному ученію финансовой науки. — Л. Владиміровъ, Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ.—Л. Н. Нисселовичъ, Исторія заводско-фабричнаго законодательства россійской имперіи.—Д. Сентсбери, Краткая исторія французской литературы.—Письмо въ редакцію по поводу книги „Жизнь европейскихъ народовъ", Е. Водовозовой (884 стр.).—**Мартъ.**—Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, т. IX. — Сочиненія Козьмы Пруткова. — Географическій словарь Як. Головацкаго.—А. Н.—О плебисцитѣ въ международномъ правѣ, Л. Ладыженскаго. — О происхожденіи и сущности вѣчно-чиншевого права, Л. В. Гантовера, в. I.—Л. С.—Описаніе славяно-русскихъ книгъ, И. Каратаева.—М. П-ій.—Понятіе о власти и народѣ въ наказахъ 1789 г., В. Герье.—В. Александровъ, Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ, кн. III. — Отчетъ о первомъ съѣздѣ учительницъ въ Твери, Д. Тихомірова. — К. К. (386 стр.). — **Апрѣль.**— Основаніе классификаціи государствъ, Н. Звѣрева.—Теорія денежнаго обращенія, Н. Н. Коссовскаго. — Л. С. — Живописная Россія, пер. П. П. Семенова, т. XI.—Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края, И. Н. Дубасова. — Похвала глупости, Эразма Роттердамскаго, перев., Кирпичникова. — А. Н. (847 стр.). — **Май.** — А. Д. Ушинскій, О причинахъ появленія раціоналистическихъ ученій штунды. — В. С. Пругавинъ, Сельская община и т. д., юрьевскаго у., владимірской губерніи. —Статистическій Ежегодникъ С.-Петербурга на 1882 г. — К. К. — А. И. Кельсіевъ, Записка объ основаніяхъ дѣятельности и проектъ устава истор.-этнограф. музея въ Ростовѣ.—Н. Гиббенетъ, Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона.—А. Н. (397 стр.).— **Іюнь.**—Изслѣдованіе народной жизни, вып. 1-ый, А. Ефименко. — Цѣнность жизни, изслѣд. П. В. Мокіевскаго.— О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, пр. Н. Е. Грота.—Психологія великихъ людей, Г. Жоли, пер. съ франц.—Т. Рибо: 1) Наслѣдственность душевныхъ свойствъ; 2) Болѣзни воли, перев. съ франц. Л. С.— Шабельская.—А., Наброски карандашемъ. — Повѣсти, разсказы, И. А. Салова. — Д. Голохвастовъ, Письма изъ деревни. — Д. Дараганъ, Мысли сельскаго хозяина по разнымъ вопросамъ. — К. К. (840 стр.). — **Іюль.** — Мѣстное управленіе въ Россіи, П. Подлигайлова.—Наше учебное вѣдомство и начальная школа, Н. Дебольскаго.— Популярныя медицинскія брошюры гг. Л. Бразоля, Д. Ахшарумова и М. Чистякова. — Въ Америку, І. Петриковскаго.—Закулисная жизнь аптеки, I. Немировскаго.—Что читать народу? —критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія.— У моря, стих. М. Самойлова. — Замѣтки присяжнаго засѣдателя.—К. К. — Peter the Great, by Schuyler. — А. Н. (426 стр.).—**Августъ.** — Аѳанасьевъ, Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго.—Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами. — С. Цвѣтъ, Прогрессъ и бѣдность, по Генри Джорджу. — Ивановскій, Женевская конвенція 1864 года.—Никольскій, О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права.—Л. С.—Алексѣй Поповъ, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа. — Н. Поповъ, Исторія импер. моск. общества и древностей россійскихъ. Ч. I. — Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—А. Н. (821 стр.). **Сентябрь.**—Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи, Е. Замысловскаго.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ, П. Голубовскаго.—Этюды изъ области новой чешской литературы. Горные разсказы, А. Ираска. А. Степовича.— Владиміръ Соловьевъ, Религіозныя основы жизни. —Пессимизмъ и quasi-научная критика, А. И. Холмскаго.—Переходъ отъ сознанія къ самосознанію, Н. Алферова (410 стр.).—**Октябрь.**—Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи.—Сказки и преданія Самарскаго края, Д. И. Садовникова. — Земля и люди. Всеобщая географія, Элизе Реклю, Дополненіе къ II выпуску V тома.—А. Пузыревскій, Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка (863 стр.). — **Ноябрь.** — Древній законъ и обычай. Г. Мэна, пер. п. р. М. Ковалевскаго.—Моимъ критикамъ, Н. Карѣева. — О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, Г. Блюменфельда, —Л. С.—Генералиссимусъ князь Суворовъ, А. Петрушевскаго. — А. Н. — Грядущее рабство, Г. Спенсера. — Очерки и изслѣдованія, И. И. Янжула.—Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ, А. Ѳедорова.—Eugène Onéghine, trad. par W. Mikhaïloff. — К. К. (427 стр.). — **Декабрь.**—Исторія русскаго самосознанія, М. О. Кояловича.—Л. С. — Госу-

дарственные долги Россіи, К. Бржескаго. — И. К—нъ.—Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра, В. С. Иконникова.— Пугачевъ и его сообщники, Н. Дубровина.—А. Н. (917 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Январь. — Разныя точки стоянія политическаго барометра. — Общественный контроль надъ приговорами присяжныхъ; пермская корреспонденція и дѣло Островлевой. — Г-нъ Маркевичъ и театрально-литературный комитетъ. — Гр. Л. Н. Толстой, „сознающій слабость своихъ твореній".—Женскіе врачебные курсы, побиваемые съ помощью беллетристики. —Обязательно ли исполненіе обязанности?—Новый Лермонтовскій музей въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ (433 стр.). — **Февраль.** — Оправданіе Свиридова и Мельницкихъ.—Возможность уменьшить шансы ошибокъ со стороны присяжныхъ.— Новый походъ противъ самостоятельности суда. — Дѣло г. Россицкаго и странные отзывы о немъ въ печати (868 стр.).—**Мартъ.**—Продолженіе нападокъ на суды.—Дѣло г. Зографа и „Московскія Вѣдомости".—Судъ, администрація и печать. — Вопросъ о правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей въ юридическомъ обществѣ.—25-лѣтіе литературнаго фонда.—Рѣчь г. Базили въ одесской думѣ. — Литературный судъ чести (420 стр.). — **Апрѣль.** — Двѣнадцатая передвижная выставка. — Картина г. Рѣпина: „Не ждали"; портреты г. Ярошенко. — Вопросъ о направленіи въ живописи. — Шпильгагенъ въ Петербургѣ (878 стр.). — **Май.** — Значеніе классицизма въ западной Европѣ и у насъ. — „Русь" о городскомъ самоуправленіи.—Городъ Петербургъ и общество водопроводовъ передъ судомъ (424 стр.). — **Іюнь.** — Новый доброволецъ начальной школы. —Смѣсь энтузіазма съ нетерпимостью. — Учительскія семинаріи и сельскія учительскія школы.—Мономанія политической подозрительности.—Шестьдесятъ-четыре года русскаго журнала. — Бологовская катастрофа. — Примѣръ, достойный подражанія (861 стр.).—**Іюль.**—Отголоски и сообщенія въ столичной печати, по поводу проекта университетскаго устава. — Новый уставъ православныхъ духовныхъ академій, и его сравненіе вообще съ уставами высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній.—Общественное значеніе дополнительныхъ статей къ закону о фабричномъ дѣтскомъ трудѣ, и необходимость новыхъ мѣръ къ регулированію послѣдняго (437 стр.).— **Августъ.** — Наканунѣ новыхъ городскихъ выборовъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Начало восьмого года петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. — Вопросъ о высшемъ городскомъ образованіи, и неправильность его постановки въ петербургской думѣ.—Общій взглядъ на положеніе городскихъ финансовъ Петербурга, и обусловливающія его обстоятельства.—Вопросъ о распространеніи избирательнаго права, съ финансовой точки зрѣнія. — Больничный вопросъ въ Петербургѣ. — Засѣданіе санитарной коммиссіи, по поводу опасеній холеры.—Взгляды „Московскихъ Вѣдомостей" на государственный экзаменъ, и еще о факультетахъ (851 стр.). — **Сентябрь.** — Мысли въ московской печати о судьбѣ нашихъ законовъ.— Новое приложеніе философіи Гартмана къ разъясненію нѣкоторыхъ рѣшеній сената.—Вопросъ о нищенствѣ въ г. Петербургѣ и проектъ устройства „Дома труда". — Причина трудности этого вопроса, и одно изъ средствъ къ ея устраненію. — „Московскія Вѣдомости" о „бѣсѣ 1863 г." въ прежнемъ уставѣ духовныхъ академій.—Критика учебной части новаго ихъ устава.—Первая годовщина смерти И. С. Тургенева (422 стр.).—**Октябрь.** —Студенческіе безпорядки въ Кіевѣ. —Побоище въ селѣ Ровномъ. — Еще „признаки времени": газеты въ роли ценьзоровъ; идеализація прихода; крики о помощи землевладѣльцамъ; вылазки противъ самоуправленія и адвокатуры. — „Русь" о реальныхъ училищахъ (872 стр.).—**Ноябрь.** — Толки о „возвращеніи правительства", въ связи съ университетскою реформою и послѣдними студенческими безпорядками.—Дѣло Ѳедорова и Свиридова.— Два типа народной школы.—Посмертная вражда. — Отмѣняемыя на половину привилегіи.— „Русь" о „Вѣстникѣ Европы" (445 стр.).—**Декабрь.**—Двадцатипятилѣтіе литературнаго фонда. —Характеристическія черты его исторіи, и неисполненная до сихъ поръ обязанность русскаго общества.—Политика или культура? — Отходная прежнимъ „толстымъ" журналамъ, и „отрѣшеніе отъ нравственныхъ путъ" новой журналистики (935 стр.).

V. Библіографическій листокъ.

Январь.—Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, въ X томахъ. Посмертное изданіе.—Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, въ VIII т.—Типы изъ „Записокъ Охотника", въ силуэтахъ, Елиз. Бемъ.—Очерки путешествія въ Гималайи, г-на и г-жи Верещагиныхъ, ч. I. — Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. III.—**Февраль.**—Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова.—Одиссея Гомера, А. Лярскаго. —Опыты изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ, М. П. Щепкина.—Жизнь дѣтей, выпускъ III. —Исторія XIX-го вѣка. Мишле, т. II, перев. М. Цебриковой. — **Мартъ.** — Хроника петербургскихъ театровъ, ч. III, А. И. Вольфа.—Очерки исторіи украинской литературы XIX стол., Н. И. Петрова. — Иллюстрація къ „Запискамъ сумасшедшаго", К. Шапиро. — Соціальный недугъ, Г. Дальтона.—Хлѣбъ насущный, Н. Неплюева.—Война въ Туркменіи, т. III, Н. И. Гродекова.—**Апрѣль.**—Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова, въ одномъ томѣ. — Реальный словарь классической древности, Фр. Любкера, пер. В. Модестова. —Исторія реформаціи въ Польшѣ, Н. Любовича.—Устройство плотинъ, Д. Д. Неелова.—По вопросу о мѣрахъ противъ пьянства, О. Н. Половникова.—Законы о гражданскихъ договорахъ, В. И. Фармаковскаго.—**Май.**—М. Д. Скобелевъ, Г. К. Градовскаго.—Уставъ торговый, ремесленный и фабричный, состав. Д. А. Носенко.—Египетъ, В. Андреевскаго. — Панамскій морской каналъ, Н. Латкина. — Н. И. Уткинъ, Д. А. Ровинскаго. — Сокровище, чтеніе и разговоръ. Вып. I.—**Іюнь.**—Сборникъ Русскаго Историч. Общества, тт. 39 и 40.—Силуэты Крыма, А. Н. Нелидина.—Русскій Якобинецъ, М. А. Загуляева. — **Іюль.** — Дидро въ Петербургѣ, В. А. Бильбасова.—Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Д. Е. Аѳанасьева.—Муравьи, пчелы и осы, Дж. Леббока, перев. Д. В. Аверкіева. — Путеводитель по Балтійской жел. дорогѣ, И. П. Золотницкаго.—Путеводитель по западной Сибири, Н. Левитова. — **Августъ.** — Кавказъ. Географическій очеркъ. Сергѣй Мечъ. — Князь В. Ѳ. Одоевскій, Н. Ѳ. Сумцова.—О народномъ хозяйствѣ, Г. Д. — Письма русскаго путешественника, Н. М. Карамзина. — Иліада Гомера, Н. И. Гнѣдича.—**Сентябрь.**—Странствованія Василія Григоровича Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока, Николая Барсукова. — Судебные уставы Императора Александра II, съ комментаріями и разъясненіями, С. Г. Щегловитова и Л. П. Рошковскаго.—Великое зерцало, П. В. Владимірова. — Карлъ Эльце, Лордъ Байронъ. Переводъ Цацкина. — **Октябрь.**—Исторія русской словесности, И. Порфирьева. — Въ помощь учащимся. Родная старина, В. Д. Сиповскаго.—Словарь практическихъ свѣденій, Л. Симонова.—**Ноябрь.**—Государственные долги, Н. Бржескаго.—Очеркъ морскихъ сношеній и войнъ европейцевъ съ Китаемъ по 1850 г., Д. Мертваго.—Недоконченныя бесѣды (Между дѣломъ), М. Е. Салтыкова (Щедрина).—Курсъ уголовнаго судопроизводства, И. Я. Фойницкаго. — **Декабрь.** — Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева.—Сборникъ Общества для пособія нужд. лит. и ученымъ.—Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова. — Малолѣтніе и преступники, Д. Дриля.—Минеральныя воды въ Россіи и заграницею, Л. Бертенсона и Н. Воронихина. — Къ Животворящему Гробу Господню, разсказъ стараго паломника.

VI. Извѣстія.

Подписка на памятникъ И. С. Тургеневу (янв. 448; авг. 870). — Отъ „Кружка учредителей школьной дачи" (май, 435). — Объявленіе о пожертвованіи въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (окт. 886).—О преміи, имени князя А. И. Васильчикова, отъ Спб. Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ (нояб. 467).

1885 г.

*

I. Внутреннее обозрѣніе.

ственная роспись на 1885-ый годъ; виды на будущее, ожидаемыя нововведенія, мѣры къ ограниченію сверхсмѣтныхъ расходовъ. — Сдача казенной земли, безъ торговъ, въ арендное содержаніе крестьянскихъ обществъ. — Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ.—Новыя правила о покупкѣ, залогѣ и арендованіи имѣній въ западномъ краѣ.—Еще о проектѣ особенной части уголовнаго уложенія (821 стр.).—**Мартъ.** — Новые образцы сословнаго прожектерства. — Сословное земство и привилегированное дворянство.—Безсословность, какъ источникъ всѣхъ золъ, и устраненіе ея, какъ лекарство отъ всѣхъ болѣзней.— „Мечи правосудія" въ остзейскихъ губерніяхъ.—Правила о процентномъ и раскладочномъ сборѣ. — Шестая глава проекта особенной части уголовнаго уложенія.—Новыя свѣденія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ (372 стр.).—**Апрѣль.** — Столѣтняя годовщина дворянской грамоты. - Слухи о ходатайствахъ, къ ней пріурочиваемыхъ.—Способы празднованія юбилея и самый его характеръ. — Глава объ оскорбленіяхъ въ проектѣ особенной части уголовнаго уложенія.— Воинская повинность въ Петербургѣ (810 стр.).—**Май.**—Закрытіе Кахановской коммиссіи. — Администрація и судъ. — Законопроектъ о налогѣ на процентныя бумаги. — Отношеніе его къ подоходному налогу.—Инструкція чинамъ фабричной инспекціи.—Успѣхи и притязанія протекціонизма.—Высочайшій рескриптъ дворянству (360 стр.).—**Іюнь.** — Проектъ положенія о государственномъ земельномъ банкѣ, какъ возможная основа дворянскаго земельнаго банка. — Двѣ противоположныя точки зрѣнія на дѣятельность будущаго банка и обусловливаемые ими спорные пункты.—Необходимые предѣлы и условія удешевленія кредита.—Близкій конецъ подушной подати (821 стр.).—**Іюль.**—Статистико-экономическіе труды земства.—Новые пріемы собиранія матеріаловъ и подворная перепись. — Два типа статистическихъ бюро: московскій и черниговскій, и ихъ отличительныя черты. —Частныя особенности нѣкоторыхъ бюро.—По поводу мысли объ общемъ планѣ для всѣхъ бюро.—Важность и необходимость отдѣла дополненій.— Возраженія противъ статистическихъ работъ по сельскому хозяйству (358 стр.).—**Августъ.** — Второй годичный отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка.—Положеніе о дворянскомъ земельномъ банкѣ. — Новый текстъ проекта общей части уголовнаго уложенія.—Церковно-приходскія школы въ с.-петербургской губерніи.—Новыя правила о питейной торговлѣ (811 стр.). — **Сентябрь.**—Общій желѣзно-дорожный уставъ.—Сравненіе его съ первоначальнымъ проектомъ коммиссіи гр. Э. Т. Баранова. — Неразрѣшенные и неудовлетворительно разрѣшенные вопросы.—Достоинства новаго закона.— Перемѣны въ учрежденіи судебныхъ установленій; высшее дисциплинарное присутствіе сената.—Еще нѣсколько словъ по поводу банковъ крестьянскаго и дворянскаго (351 стр.).—**Октябрь.** — Новый фазисъ вопроса объ административной реформѣ.—„Улучшеніе мѣстныхъ учрежденій", разсматриваемое съ спеціально-сословной точки зрѣнія.—Охраненіе à outrance и такая же ломка.—„Соединеніе властей" и сословное земство, какъ главныя основанія „улучшеній" (805 стр.). —**Ноябрь.** — Общіе вопросы, возбуждаемые процессомъ Мироновича.— Возобновленіе преслѣдованія противъ оправданнаго подсудимаго; обращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію; разрѣшеніе дѣла до окончанія судебнаго слѣдствія и мотивированіе рѣшенія присяжныхъ. — Дворянскій проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, и вызванная имъ историческая справка по вопросу объ обязательности рабочей книжки (388 стр.). — **Декабрь.**— Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи.— Вопросы о независимости судей, о разграниченіи властей, о судѣ присяжныхъ.—Судебная часть въ закавказскомъ краѣ.—Положеніе работъ въ коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.— Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1884 годъ.—Еще два слова о дѣлѣ Мироновича (858 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Политическіе итоги 1884 года. — Колоніальныя предпріятія и ихъ значеніе. — Положеніе дѣлъ въ Англіи и во Франціи.—Экономическіе кризисы.—Новые успѣхи князя Бисмарка и борьба его съ парламентомъ. —Рѣшеніе палаты и его дѣйствительный смыслъ. — Замѣчанія Бисмарка о соціаль-демократіи. — Австрійскія дѣла. — Новый американскій президентъ (392 стр.). — **Февраль.** — Борьба противъ анархистовъ въ различныхъ государствахъ. — Лондонскіе взрывы

и ихъ послѣдствія.—Англичане и ирландцы. Рѣчь Чамберлэна о земельномъ вопросѣ.—Положеніе Гладстона и его вѣроятные преемники.—Французская политика.—„Національная лига" Леона Сэя.—Эдмондъ Абу, какъ писатель и журналистъ (852 стр.).—**Мартъ.**—Либеральные принципы въ иностранной политикѣ. — Неудачи и промахи министерства Гладстона.—Борьба партій и министерскій кризисъ. — Внѣшніе успѣхи Франціи и дѣятельность Жюля Ферри. — Пренія въ парламентахъ французскомъ и германскомъ по поводу упадка хлѣбныхъ цѣнъ.—Рѣчи князя Бисмарка и ихъ особенности (395 стр.). **Апрѣль.** — Международные газетные споры.—Отношенія между Англіею и Россіею. — Патріотическія увлеченія. — Проектъ „Имперской британской федераціи".—Пререканіе между лордомъ Гренвилемъ и княземъ Бисмаркомъ. — Рѣчи въ германскомъ парламентѣ. — Перемѣна въ Вашингтонѣ (837 стр.).—**Май.**—Перспектива войны съ Англіею. — Особенности настоящаго кризиса. — Рѣчь Гладстона въ палатѣ общинъ, при требованіи кредита на военныя надобности. — Русскій отвѣтъ на депешу генерала Лемсдена. — Какой смыслъ для Россіи имѣла бы война съ Англіею, при современномъ положеніи дѣлъ въ Европѣ? — Увлеченія печати. — Паденіе Жюля Ферри во Франціи, и новое министерство Бриссона (386 стр.). — **Іюнь.** — Мирныя вѣянія въ международной политикѣ.—Англійскія парламентскія рѣчи.— Упреки въ парламентѣ русской дипломатіи.—Напрасные поводы къ недоразумѣніямъ. — Результаты англо-русскаго конфликта и отношеніе къ нимъ печати. — Кончина Виктора Гюго; труды и заслуги его, какъ писателя и человѣка (848 стр.). — **Іюль.** — Перемѣна министерства въ Англіи.—Причины и послѣдствія кризиса.—Разсужденія и предположенія печати. — Политическая карьера маркиза Сольсбюри. — Молодые и старые государственные люди. —Лордъ Рандольфъ Черчилль и консервативная демократія. — Значеніе новаго кабинета для международной политики. — Возвѣщенный упадокъ англійскаго парламентаризма (401 стр.). — **Августъ.** — Министерство лорда Сольсбюри и англо-русскій конфликтъ. —Дипломатическія недоразумѣнія. — Поворотъ въ среднеазіатскихъ заботахъ Англіи. — Внутренняя политика новаго кабинета.—Положеніе дѣлъ во Франціи. — Французскія политическія партіи.— Покровительственная система и принципъ взаимности.— Смерть генерала Гранта (845 стр.). — **Сентябрь.** — Свиданія монарховъ въ Гаштейнѣ и въ Кремзирѣ.—Австро-германская дружба. — Отношенія между Германіею и Россіею.—Политическая роль Англіи и мирныя вѣянія въ Европѣ. — Приготовленія къ парламентскимъ выборамъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Ссора нѣмцевъ съ испанцами изъ-за колоніальнаго недоразумѣнія.— Колоніальные захваты и ихъ условія (375 стр.). — **Октябрь.** — Болгарское „возсоединеніе", и его предполагаемая связь съ политикою трехъ имперій.— Роль князя Александра и мѣстныхъ патріотовъ. — Отношеніе европейскихъ державъ, иностранной и нашей реакціонной печати къ совершившемуся перевороту (835 стр.).—**Ноябрь.** —Парламентскіе выборы во Франціи и ихъ значеніе. Успѣхи монархистовъ и кажущаяся непрочность республики. —Французскія политическія партіи.— Избирательное движеніе въ Англіи.— Либеральныя и консервативныя рѣчи. Особенность предстоящихъ выборовъ. —Англійское миролюбіе.—Наши проповѣдники англо-русской войны (418 стр.).— **Декабрь.** — Поворотъ въ балканскихъ дѣлахъ.—Сербія и Болгарія. —Австрія и Сербія.— Мнимые и настоящіе мотивы войны. — Значеніе союза трехъ имперій.—Константинопольская конференція.—Турецко-болгарскіе проекты. — Политика Англіи и ошибочная оцѣнка ея. — Причины сербскихъ неудачъ. — Смерть короля Испаніи Альфонса (882 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Родъ Шереметевыхъ, соч. А. Барсукова, кн. 4.—Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи, В. Эккермана.— М. Ѳ. Раевскій и россійскій панславизмъ, К. Н. Устіановича.— А. В-нъ. — Законосообразности въ общественной жизни, Георга Майра. — Руководство коммерческой экономіи, Д. Морева.—Будда, его жизнь, ученіе и община, Германа Ольденберга.— Л. С. (436 стр.).— **Февраль.**—Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Н. Каблукова. — Г. — Всеобщая исторія литературы, вып. XVI, подъ ред. А. И. Кирпичникова.—Всеобщая исторія литературы, А. Штерна, перев. съ нѣм.—Божества древнихъ славянъ, А. С. Фаминцына.—А. В-на.—Фабричный

быть владимірской губерніи, П. А. Пескова. — Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза, К. Кавелина. — К. К. (868 стр.). — **Мартъ.** — Архивъ юго-западной Россіи, т. IV, ч. I. — Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія, В. Латкина, — В. Острогорскаго: Бесѣды о преподаваніи словесности; Выразительное чтеніе; Русскіе писатели для школъ. — А. В. (435 стр.). — **Апрѣль.** — А. М. Уманецъ, Колонизація свободныхъ земель Россіи. — В. В. — В. В. Чуйко, Современная русская поэзія въ ея представителяхъ. — К. К. (851 стр.). — **Май.** — Исторія Санкт-Петербурга, съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія, 1703—1782, П. Н. Петрова. — О популяризаціи свѣденій по классической древности, Д. И. Нагуевскаго. — Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго, состав. В. Зелинскій. — А. В-нъ (402 стр.). — **Іюнь.** — Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, П. Дирина. — Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края, И. И. Дубасова. — Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, В. Б. Антоновича. — А. В. (862 стр.). — **Іюль.** — Д. Рикардо и К. Марксъ, Н. И. Зибера. — Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ зап. Европы, Н. Карышева. — Что такое догма права? С. Муромцева. — Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта, Ш. Рише. — Происхожденіе войны за наслѣдство испанскаго престола. Я. Гуревича. — Защита въ уголовномъ процессѣ. И. Я. Фойницкаго. — Л. З. — На Алтаѣ, Л. П. Блюммера. — В. Н. — Сборникъ произведеній русской народной словесности, А. Цвѣткова. — Народныя былины, Н. Бунакова, — А. Н. (417 стр.). — **Августъ.** — Литературный сборникъ, Н. Ядринцева. — Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ, И. В. Ягича. А. В. — Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій, проф. Иванюкова. — По Индіи. Путевыя впечатлѣнія, П. Пашино. — Л. С. (873 стр.). — **Сентябрь.** — Учебникъ логики, профессора М. Троицкаго. — Международная хлѣбная торговля, П. Георгіевскаго. — Труды коммиссіи при Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ по вопросу о внѣшней хлѣбной торговлѣ. — Матеріалы въ медицинской географіи и статистикѣ Россіи, Г. М. Герценштейна. — Л. — Закавказскіе сектанты, Николая Дингельштедта. — Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго, В. Зелинскаго. — Русское правописаніе, акад. Я. К. Грота. — А. В. (405 стр.). — **Октябрь.** — Съ русскими паломниками на Святой Землѣ весною 1884 года, А. В. Елисѣева. — А. В. (853 стр.). **Ноябрь.** — Тѣни прошлаго, Н. И. Захарьина. — Тяжелая память прошлаго, Г. В. Есипова; Разсказы изъ русской исторіи, А. Барсукова; Историческіе разсказы изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. — Краткій словарь шести славянскихъ языковъ, Миклошича. — А. П. — Россія и Англія на среднеазіатскихъ рынкахъ, А. П. Субботина. — Торговопромышленныя стачки, Д. Пихно. — Русско-балканскій торговый вопросъ, А. Мурашевича. — Л. С. (434 стр.). — **Декабрь.** — Разсказы бабушки, Д. Благово. — Всеобщая исторія, Г. Вебера, пер. Андреева; т. I. — А. П. — Интеллигенція и народъ, въ общественной жизни Россіи, I. Каблица (Юзовъ). — Востокъ Россія и славянство, К. Леонтьева. — Нашъ нервный вѣкъ, пр. Крафтъ-Эбинга, пер. съ нѣм. — Л. С. (897 стр.).

IV. Изъ Общественной хроники.

Январь. — Трудность опредѣлить характеристическія черты нашей общественной жизни. — Есть ли поводъ къ „разочарованію“ въ могуществѣ науки и общественныхъ порядковъ и къ „великой скорби“ о настоящемъ и будущемъ? Значеніе „подражательности“ въ исторіи русской мысли за послѣднюю четверть вѣка. — Нѣсколько словъ по поводу недавнихъ уголовныхъ процессовъ (446 стр.). — **Февраль.** — „Двоевѣріе“, какъ отличительная черта современной жизни. — Отношеніе „интеллигенціи“ къ „бытовому стану“. — Городскіе выборы въ Москвѣ. — Фабричныя волненія въ московскомъ округѣ; частныя мѣры или законъ, административная расправа или судъ? — Петербургское городское кредитное общество (889 стр.). — **Мартъ.** — Временная пріостановка изданія „Руси“; значеніе этой потери для русской журналистики. — Выборное право для прихожанъ. — Исторія Городового Положенія 1870 г. — Городское самоуправленіе въ Харьковѣ. — Изъ области печати (447 стр.). — **Апрѣль.** — Возстановленіе упраздненныхъ приходовъ и вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ. — Достовѣрность приговоровъ, постановленныхъ присяжными. — При-

сяжные и защита по таганрогскому таможенному дѣлу.— Изъ міра печати.—Начало городскихъ выборовъ въ гласные (879 стр.).—**Май.** — Настроеніе общества и печати, въ виду возможной войны.— Походъ противъ дипломатіи и дипломатовъ. — Духовная связь между воинственнымъ азартомъ и домашнимъ реакціонерствомъ. — Празднество 6-го апрѣля, и внѣшнія къ нему приставки.—Столѣтіе Петербургскаго Городского Общества (427 стр.). — **Іюнь.** — По поводу смерти К. Д. Кавелина. – Окончаніе городскихъ выборовъ.—Выборное начало по Городовому Положенію 1870 и 1846 г.—Отзывы современниковъ о выборахъ и характерѣ городского общественнаго управленія до 1870 года.—Недостатки нынѣ дѣйствующаго выборнаго начала. — Сравненіе нынѣшнихъ выборовъ съ предыдущими и составъ новой Думы (1885—1889 гг.) (875 стр.).—**Іюль.**—Десятый годъ существованія начальныхъ городскихъ училищъ. — Вопросъ о повышеніи въ нихъ платы за ученіе. — Ненормальность отношенія числа начальныхъ городскихъ школъ къ числу городскихъ училищъ двух-и трехклассныхъ. — Пятнадцать лѣтъ „Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ", и современное положеніе Спб. колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. — „Московскія Вѣдомости" по поводу городскихъ выборовъ въ Петербургѣ (444 стр.).—**Августъ.**—Два теченія въ современной общественной жизни.—Полезная сторона двойственности.—Концентрическое движеніе къ свободѣ мысли и слова.—Различіе между путями, по которымъ совершается это движеніе. — Черта сходства между прошедшимъ и настоящимъ (885 стр.). —**Сентябрь.**—Русская печать о Финляндіи. — Представленія, возстающія изъ могилы. — „Русь" и берлинскій трактатъ. — „Хорошіе" и „дурные" учебники.—Наказаніе, идущее вслѣдъ за преступленіемъ.—Кому у насъ весело?—Отставки городскихъ головъ въ Ревелѣ и Ригѣ (420 стр.).—**Октябрь.**—Исполненіе новаго университетскаго устава.—Правила о зачетѣ полугодій и объ экзаменныхъ требованіяхъ правительственныхъ коммиссій.—Регламентація студенческихъ занятій и профессорскихъ лекцій. — Вопросъ о дерптскомъ университетѣ.—По адресу „Московскихъ Вѣдомостей" (861 стр.).—**Ноябрь.**—Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера Головачева, разсматриваемый съ точки зрѣнія „вынесенія сору изъ избы".—Обнаруженное зло и способы леченія. — Путь къ исправленію нравовъ, предлагаемый г. Рачинскимъ. — Продолженіе газетной войны съ Финляндіею (458 стр.). —**Декабрь.**—Засѣданія 30 октября и 6 ноября въ петербургской городской Думѣ. — Дѣятельность „партіи", объясняемая ея „программой". — Общія черты городского самоуправленія въ Москвѣ и Петербургѣ.—Ожиданіе перемѣнъ въ остзейскихъ губерніяхъ.— Н. Я. Данилевскій †. — Разъясненіе одного недоразумѣнія (931 стр.).

V. Библіографическій листокъ.

Январь. — Пошехонскіе разсказы, Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова).—На память, разск. В. Крестовскаго (псевдонимъ).—Всеобщая исторія литературы, выпускъ XVI.—Иллюстрированная исторія Екатерины II, А. Брикнера, вып. 1 и 2.—Сводъ узаконеній о евреяхъ, сост. Е. Б. Левинъ. — Дѣйствія отрядовъ ген. Скобелева, соч. ген.-м. Куропаткина.—Геологія, проф. А. А. Иностранцева, т. I. — Пословицы въ силуэтахъ, Елиз. Бемъ.—**Февраль.**— Мазепа и Мазепинцы, Н. Костомарова.—Этюды В. Ѳ. Корша.—Русскій рубль XVI—XVIII в., В. Ключевскаго.—Сочиненія Е. А. Баратынскаго.— Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще, К. К. Абаза.—Общедоступный лечебникъ, д-ра Кунца. Пер. д-ра Д. Г. Фридберга. — **Мартъ.**—Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева.— Стихотворенія И. С. Тургенева.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности, М. Е. Салтыкова (Щедрина).—Сочиненія и переписка П. А. Плетнева.— Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, Ив. Забѣлина.—Словарь практическихъ свѣдѣній, д-ра Симонова.—**Апрѣль.**—Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій, Ив. Иванюкова.—Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи, Л. М. Чичагова. — Всеобщая исторія литературы, п. р. А. Кирпичникова, вып. XVII. — Земля и люди, Эл. Реклю, т. VII. — Исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ, П. П. Гнѣдича.—Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Франціи, Австріи и Италіи, К. Скальковскаго. — **Май.** — Столѣтіе Спб. Городского Общества. 1785—1885 гг. Изд. Спб. Городской Думы.—Сборникъ Имп. Русскаго Исто-

рическаго Общества, т. 42 и 43.—Учебникъ исторіи, пр. А. Трачевскаго; Русская исторія.—Современный пессимизмъ въ Германіи, кн. Д. Цертелева.—**Іюнь.** — Рѣчь гласнаго В. И. Герье, 21 апрѣля 1885 г., въ московской Думѣ.—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 44 и 47.—Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ, Н. И. Зибера.—Путеводитель и собесѣдникъ въ путешествіи по Кавказу, М. Владыкина.—**Іюль.**—Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства, К. Анненкова, т. V.—Амуръ и Уссурійскій край, изд. Комитета грамотности. — Переселеніе крестьянъ рязанской губерніи, В. Н. Григорьева.—Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. III.—Безпозвоночныя Бѣлаго моря, проф. В. П. Вагнера.—Иллюстрированный охотничій календарь, Л. П. Сабанѣева. — **Августъ.**—Экономическій журналъ, 1885 г., книжки I и II.—Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи, проф. Мержеевскаго. — Очеркъ мелкаго народнаго кредита, А. Мудрова.—Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства, К. Анненкова.—Жизнь и труды В. Г. Барскаго, соч. Н. Барсукова.—**Сентябрь.** — В. Н. Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси.—Полное собраніе сочиненій Я. П. Полонскаго, изд. Ж. А. Полонской. — Словарь практическихъ свѣденій, изд. д-ра Л. Симонова. — Архивъ князя Воронцова.—Методы изслѣдованія низшихъ организмовъ, Л. Л. Гейденрейха.—Отчетъ по главному тюремному управленію за 1883 годъ.—1885 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ.—Полный курсъ коммерческой корреспонденціи С. М. Бараца.—**Октябрь.**—Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ, Ѳ. Г. Мищенко. — Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ, Я. Г. Гуревича.—Переходъ Россіи къ регулярной арміи, П. О. Бобровскаго.—Введеніе въ общее языкознаніе, А. Питта.—**Ноябрь.**—Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пыпина.—Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, Р. Гнейста.—Россія дальняго востока, Фр. Шперка. — Римская исторія, Моммсена, т. V.—Сочиненія П. В. Жуковскаго.—Всеобщій календарь на 1886 г., Г. Гоппе.—**Декабрь.**—Сочиненія Добролюбова, 4 изданіе.—Дома и на войнѣ, А. Верещагина.—Базилика имп. Константина въ Іерусалимѣ, Б. Мансурова.—Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ, д-ра Хвольсона.—Календарь для врачей на 1886.—Русскій календарь на 1886.

VI. Извѣстія.

О подпискѣ на памятникъ Гоголю (іюнь, 882).—Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (августъ, 897).—Отъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ (сентябрь, 432). — Отъ Общества Любителей Россійской Словесности (октябрь, 878).—I.—Отъ Общества Любителей Россійской Словесности о подпискѣ на памятникъ Н. В. Гоголю.—II.—На поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина (ноябрь, 472).

1886 г.

А.—Новый обличитель русскаго либерализма (май, 354).

Абаза, Н. Н.—Стихотворенія (апр. 777).

А. К.—Некрологъ. А. Н. Островскій (іюль, 438).

А—н.—Одинъ изъ дѣятелей реставраціи (окт. 835).

Андреевскій, С. А.—Стихотворенія (нояб. 358).

А—овъ, И. — Изъ приазовскаго края (ноябрь, 385).

Арсеньевъ, К. К. — Французская адвокатура, ея сильныя и слабыя стороны (янв. 257).—Романъ—орудіе регресса (фев. 823). — Валеріанъ Май-

---

I. Внутреннее обозрѣніе.

нодальнаго оберъ-прокурора за 1883 г. —Борьба съ язычествомъ и магометанствомъ на востокѣ, съ католицизмомъ—на западѣ Россіи.—Обращеніе къ православію въ Эстляндіи.—Положеніе раскола при дѣйствіи закона 3 мая. — Церковно-приходскія школы и школы грамотности. — Нѣсколько словъ о податной инспекціи (375 стр.). —**Апрѣль**.—Примѣненіе новыхъ правилъ о питейной торговлѣ.—Питейная монополія казны, какъ гарантія народной нравственности. — „Партія", разыскиваемая московскими реакціонерами.—Нападенія на „законодательную технику" и настоящій ихъ смыслъ. — Новыя законодательныя мѣры. — Уголовная статистика за 1880 и 1881 г. (824 стр.).—**Май**.—Законъ 18 марта о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, сравнительно съ его же законопроектомъ.—Необходимость преобразованія уѣздныхъ земскихъ присутствій, въ видахъ соглашенія ихъ съ новымъ закономъ.—Министерскій циркуляръ по тому же предмету.—Одинъ изъ проектовъ частной поправки къ судебнымъ учрежденіямъ; расширеніе правъ присяжныхъ засѣдателей. — Положеніе этого вопроса въ германскомъ законодательствѣ. — Статья г. фонъ-Резона противъ суда присяжныхъ, и данныя судебной статистики во Франціи за 1884 г. (365 стр.).—**Іюнь**.—Новый походъ противъ учрежденія, занимающагося якобы „игрою въ парламентаризмъ". — Настоящее значеніе большинства и меньшинства. — Ростущая смѣлость лже-пророчествъ. — Ложь и правда о крестьянскомъ банкѣ.—Вопросъ о сліяніи общества взаимнаго поземельнаго кредита съ дворянскимъ банкомъ. — Законопроектъ о замѣнѣ оброчной подати выкупными платежами.—Замѣчательный процессъ (771 стр.).—**Іюль**.—Оправдательный приговоръ по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ. —Нападеніе противъ такого приговора и настоящее его значеніе.—Эксплуатація его врагами финансоваго управленія. — Слухи о перемѣнахъ въ устройствѣ присяжной адвокатуры. — Литературныя мнѣнія по адвокатскому вопросу (373 стр.). — **Августъ**. — Статистико-экономическіе труды земства.—Новыя изданія. — Способы производства подворной переписи.—Сравненіе новыхъ изданій со старыми: отдѣлъ населенія, землевладѣнія, скотоводства и т. д.— Сравнительная полнота новыхъ изданій. — Недостаточное единообразіе въ группировкѣ матеріала.—Особенности нѣкоторыхъ изданій; комбинаціонная таблица.—Критика обычнаго типа послѣдней. — Заключеніе (837 стр.).— **Сентябрь**. — Положеніе 12-го іюня о наймѣ сельскихъ рабочихъ, въ связи съ прежними законопроектами по этому предмету.—Договорные листы. —Срочный и безсрочный наемъ.—Поводъ къ прекращенію договора.—Вычеты изъ заработной платы.—Общая оцѣнка новаго закона; отношеніе его къ вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія (357 стр.).—**Октябрь**.—Законъ 3-го іюня о фабричной работѣ; его сильныя и слабыя стороны.—Губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія.—Законъ 9-го іюня о поземельномъ устройствѣ чиншевиковъ, сопоставленный съ закономъ 1882 г. о вольныхъ людяхъ и съ помѣщичьими домогательствами. — Желѣзно-дорожные тарифы прямого заграничнаго сообщенія.—Новый отдѣлъ проекта уголовнаго уложенія (797 стр.).—**Ноябрь**. —Оффиціальные и оффиціозные отзывы о земствѣ. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1885 г.— Вопросъ о доплатахъ и о задаткахъ.— Вздорожаніе продажныхъ цѣнъ; его размѣры, причины и результаты.— Общая характеристика дѣятельности банка. — Проектируемыя постановленія о ростовщическихъ сдѣлкахъ.— Возможность соединенія денежной пени съ лишеніемъ свободы (361 стр.). —**Декабрь**.—Отчеты фабричныхъ инспекторовъ за первый годъ ихъ дѣятельности.—Отношеніе фабрикантовъ къ правиламъ о малолѣтнихъ рабочихъ. — Уменьшеніе числа малолѣтнихъ на фабрикахъ, ихъ заработокъ и школьное обученіе.—Тенденціозныя нападенія на инспекцію. — Проектируемая паспортная реформа (860 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Общее состояніе Европы за истекшій годъ.—Волненія и разочарованія во внѣшней политикѣ.—Паденіе министерствъ Жюля Ферри и Гладстона. — Англо-русскій споръ и болгарское объединеніе.— Результаты тройственнаго союза, скрѣпленнаго въ Кремзирѣ. — Балканская война и ея послѣдствія. — Усиленіе консервативныхъ элементовъ въ Англіи и во Франціи.—Перспективы ближайшаго будущаго (403 стр.).— **Февраль**.—Непрочность министерствъ въ Англіи и во Франціи. — Новые проекты германскаго канцлера. — Прусскія высылки

и польскій вопросъ въ парламентѣ.— Пренія имперскаго сейма и рѣчь князя Бисмарка въ прусской палатѣ.—Опасности и увлеченія узко-національной политики.—Лордъ Сольсбюри и Гладстонъ. Радикальныя англійскія программы и ихъ исполненіе.—Планы и задачи Гладстона (908 стр.).—**Мартъ.** — Утомительныя дѣла на Востокѣ.— „Маленькіе Бисмарки" въ Сербіи. — Внутренняя политика германскаго канцлера. — Примиреніе съ партіею центра и война съ поляками.—Австрійскія дѣла.—Случай съ барономъ Пино. — Уличные безпорядки въ Лондонѣ (403 стр.). — **Апрѣль.** — Европейская дипломатія и болгарскій вопросъ. — Политика кн. Бисмарка. — Французскія дѣла. — Рабочее движеніе и политическія партіи. — Возстаніе рабочихъ въ Бельгіи (861 стр.). — **Май.** — Ирландскіе проекты Гладстона. — Основы предположенной автономіи и значеніе ея для Англіи.—Парламентскія рѣчи и пререканія.—Противники и сторонники реформы.—Журнальные споры.—Дѣятельность Гладстона и ея особенности (393 стр.). — **Іюнь.** — Печальная дипломатическая кампанія.— Непослѣдовательность и безпринципность въ международной политикѣ.— Крутыя мѣры противъ Греціи и ихъ закулисная подкладка.—Новые заграничные толки о Россіи.—Разсужденія о мнимомъ русскомъ преобладаніи въ Европѣ и о предстоящихъ войнахъ.— Газетныя статьи и ихъ значеніе въ международныхъ дѣлахъ. — Внутреннія дѣла во Франціи (303 стр.).—**Іюль.** —Испанскія и баварскія дѣла. — Перемѣна короля въ Баваріи.—Личность короля Людвига II и особенности его болѣзни. — Французскіе принцы-претенденты. — Избирательное движеніе въ Англіи (394 стр.).—**Августъ.**—Новое министерство въ Англіи. — Неудача Гладстона и ея причины.—Особенности консервативной побѣды. — Разложеніе либеральной партіи и характеръ англійскихъ партій вообще.— „Черныя точки" на политическомъ горизонтѣ. — Политическій и нравственный упадокъ Сербіи. — Замѣчательный „первый министръ". — Болгарскія и Сербскія дѣла (875 стр.).— **Сентябрь.**—Политическія тревоги въ Европѣ. — Свиданія и переговоры въ Гаштейнѣ и Франценсбадѣ.—Ошибки печати и ихъ причины. — Отношеніе газетъ къ болгарскимъ дѣламъ. — Событія въ Болгаріи и ихъ возможная развязка.—Оффиціальныя телеграммы (379 стр.).—**Октябрь.**—Особенное положеніе балканскихъ народовъ и ихъ правительствъ.—Параллель между королемъ Миланомъ и бывшимъ княземъ Болгаріи.—Неудачные правители и претенденты. — Отношенія между державами и болгарскія дѣла (823 стр.). — **Ноябрь.** — Болгарскія дѣла и общій результатъ хода ихъ за послѣдній мѣсяцъ.—Поѣздка барона Каульбарса по Болгаріи и выборы въ Великое Собраніе. — Нота 7-го октября и отправка въ Варну двухъ клиперовъ. — Отношеніе Турціи къ болгарскому вопросу. — Истинное значеніе партій въ Болгаріи. — Сравненіе нынѣшняго положенія Балканскаго полуострова съ положеніемъ Апеннинскаго въ концѣ 50-хъ годовъ. — Правительственное сообщеніе, 21-го октября (401 стр.). — **Декабрь.** — Тронная рѣчь германскаго императора. — Отвѣтъ гр. Робиланта на запросъ о внѣшней политикѣ Италіи.—Законопроектъ объ увеличеніи мирнаго состава германской арміи. — Объясненіе Фрейсинé въ палатѣ о внѣшней политикѣ Франціи. — По поводу преній о бюджетѣ въ палатѣ депутатовъ, и откровенія Дюваля. — Болгарскія дѣла и отъѣздъ барона Каульбарса въ Петербургъ (896 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — Очерки русской исторической географіи, Н. П. Барсова. — Сказанія русскаго народа, собранн. И. П. Сахаровымъ.—А. В.—Иностранная политика Англіи. Сп. Уальполя, пер. съ англ.—Л. С. (419 стр.).—**Февраль.** — Основы механизма душевной дѣятельности, П. И. Ковалевскаго. — Статистическій ежегодникъ московскаго губернскаго земства 1885 г. — Матеріалы для экономическаго изученія Россіи: Торговыя сообщенія восточной Россіи и Сибири, А. П. Субботина.—В. В. (924 стр.).—**Мартъ.**— Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. — Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1883 г.—Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, п. р. В. Ѳ. Миллера. — А. Н. — Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка, Н. А. Осокина.—В. В. (415 стр.).—**Апрѣль.** — Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, 5 томовъ.— Бѣлорусскій сборникъ, Е. Романова.— Сынъ, разсказъ, и Халуй, эпизодъ, Н. Костомарова. — Всемірный языкъ, I. М. Шлейера. — А. В. — Маркизъ

IV. Изъ общественной хроники.

—„Графъ Василій" и русская „либеральная партія".—Девятый годъ самостоятельной жизни петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ (453 стр.).—**Августъ.**—Рѣчь Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича въ Дерптѣ и отзывъ по ея поводу въ московской печати.—Первый шагъ къ судебной реформѣ въ остзейскомъ краѣ. — Городовое Положеніе въ остзейскомъ краѣ и его особенности.—„Махмудкины дѣти", г-на Немировича-Данченко, и возбужденный ими проектъ объ учрежденіи цензуры надъ цензурой. — Двадцатипятилѣтіе „Кронштадтскаго Вѣстника" (904 стр.). —**Сентябрь.**—Г-нъ Ціонъ о русскомъ обществѣ и его партіяхъ.—Источники его свѣденій о „русскихъ либералахъ". —Сравненіе „либераловъ съ нигилистами", и предпочтеніе г-мъ Ціономъ послѣднихъ.—Превосходство русской печати предъ иностранной, и причина того (417 стр.).—**Октябрь.**—Мировой судъ и его роль посреди нашихъ государственныхъ учрежденій.—Недавній сенатскій указъ, усиливающій отчетность мировыхъ судей.—Церковноприходскія школы въ петербургской губерніи.—Національность, какъ основаніе судебнаго приговора.—Газетные толки по поводу награды редактора одной изъ газетъ (864 стр.).—**Ноябрь.** —Наша ежедневная печать и иностранная политика.—Взаимное отношеніе газеты и журнала.—Обязательна ли для земства поддержка церковноприходскихъ школъ?—Новое обостреніе старой агитаціи.—Любимыя традиціи реакціонной печати, не выдерживающія собственной ея критики.— А. И. Языковъ † (441 стр.).—**Декабрь.** —Толки о послѣднихъ процессахъ печати.—Судебная „вендетта" и добровольцы произвола.—Продолженіе похода противъ земской школы.—Петербургская дума и электрическое освѣщеніе. — Юго-Восточная Сибирь на Хабаровскомъ съѣздѣ. — Проф. С. А. Усовъ † (930 стр.).

V. Библіографическій листокъ.

Январь.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. — Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Н. И. Костомарова. — Новые разсказы и сказки для дѣтей, А. Ковалевской.—Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, Н. И. Костомарова, т. II.—Разсказы про Суворова, А. Петрушевскаго.—Русскимъ дѣтямъ, Н. Невзорова. — **Февраль.** — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 41 и 48.—Задачи этики, К. Д. Кавелина, нов. изд.—Отроческіе годы Пушкина, В. П. Авенаріуса. — Дешевая библіотека: Кохановская. — Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путеш. Норденшельда. — Оперативное акушерство, акад. А. Красовскаго. — **Мартъ.** — Славяне, и ихъ взаимныя отношенія и связи, I. Первольфа.— Исторія родовъ русскаго дворянства, П. Н. Петрова. — Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, Эд. Гиббона, ч. VI. — Стихотворенія С. А. Андреевскаго. Европейская Библіотека: Изреченія въ прозѣ Гёте.—Общедоступное изданіе стихотвореній В. А. Жуковскаго. — **Апрѣль.** — Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, т. II.—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 44, 46, 50, 51 и 52.—Собраніе трактатовъ и конвенцій, сост. Ф. Мартенсъ, т. VII.—Земля и люди. Всеобщая географія, Эл. Реклю, кн. VIII. — Горе отъ ума, А. С. Грибоѣдова, съ предисловіемъ: „Горе отъ ума и его критики", А. С. Суворина.—Однолѣтнія и двухлѣтнія растенія; выборъ лучшихъ изъ нихъ и уходъ за ними. Соч. д-ра Регеля. — **Май.** — Ревизоръ, ком. Н. В. Гоголя, изд. Н. С. Тихонравова. — Римскія катакомбы, соч. А. Фрикена, ч. IV.— Всеобщая исторія. Г. Вебера, т. II.— Военное право въ Россіи при Петрѣ В., ч. II, П. О. Бобровскаго.—Городъ Ялта, Ф. Вебера.—Альбомъ геліогравюръ съ картинъ русскихъ художниковъ, вып. I.—**Іюнь.**—Дарвинизмъ, Н. Я. Данилевскаго.—Туркестанъ, Н. В. Мушкетова.—Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера.—Электрическое освѣщеніе, В. Чиколева. — Краткій курсъ растительной гистологіи, Эд. Страсбургера.—Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности, М. Тарасова. — Вода города С.-Петербурга, М. М. Колоколова.—**Іюль.**—Прошедшее философіи, т. II, Е. де-Роберти.— Исторія города Рима въ средніе вѣка, Ф. Грегоровіуса, т. VI. — Введеніе въ механику, П. Фанъ-деръ-Флита.—Математическое образованіе и его значеніе, В. Тенишева.—Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ, Н. С. Ястребова. —Il Libro dell'Amore, da M. Canini.— **Августъ.**—Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, томъ второй. — Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка), Н. Барсова. — И. В. Тархановъ. Гипнотизмъ, внушеніе и чтеніе мыслей. — Лессингъ. Драматическія сочиненія.

1887 г.

I. Внутреннее обозрѣніе.

варишествахъ.—Положеніе о подъѣздныхъ путяхъ и законъ объ общественномъ вознагражденіи.—Роль земства въ санитарномъ дѣлѣ. Царевококшайскъ и Петербургъ (379 стр.).—**Августъ.**—Статистико-экономическіе труды земства.—Текстъ земско-статистическихъ сборниковъ.—Два типа земской статистики. — Труды тамбовскаго бюро, самарскаго, полтавскаго, петербургскаго и курскаго.— Изданіе черниговскаго типа.—Попытка примиренія московскаго и черниговскаго типа изслѣдованія. — Подворная разработка данныхъ переписи (823 стр.), — **Сентябрь.** — Ограниченіе пріема въ гимназіи и прогимназіи: министерское распоряженіе 18-го іюня и циркуляръ попечителя одесскаго учебнаго округа. — Тѣсная связь между этими мѣрами и новыми университетскими правилами. — Вопросъ о сосредоточеніи первоначальнаго народнаго образованія въ рукахъ одного вѣдомства. — Сельская медицина въ западныхъ губерніяхъ.— Новая желѣзно-дорожная политика (371 стр.).—**Октябрь.** — Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1884 годъ.— Наши университеты, въ сравненіи съ нѣмецкими; гимназіи, прогимназіи, реальныя училища. —Правила объ испытаніяхъ и испытательныхъ коммиссіяхъ; отличительныя черты историко-филологической коммиссіи. — Слухи объ отмѣнѣ или ограниченіи служебныхъ привилегій, обусловливаемыхъ образованіемъ. — Одинъ юридическій вопросъ (818 стр.). —**Ноябрь.**—Городскія, уѣздныя, сельскія двухклассныя и начальныя училища, по свѣденіямъ изъ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1884 г. — Еще къ вопросу о сліяніи свѣтской и церковной начальной школы.—Правила объ испытаніяхъ на стипендіи. — Берлинскій институтъ римскаго права. — Инструкція полицейскимъ урядникамъ. — Отчетъ почтоваго управленія за 1885 г.—Проектируемыя финансовыя мѣры (377 стр.).—**Декабрь.**—Вторая половина 80-хъ годовъ, какъ эпоха „прожектовъ". — Проекты „фантастичные" и „дѣловые". —Обязательные майораты и обусловливаемая ими необходимость „жертвъ" или „воспособленій".—Проектируемое введеніе квартирнаго налога въ обѣихъ столицахъ; вопросы объ избирательномъ правѣ квартиронанимателей и о прогрессивности квартирнаго сбора.—Общій результатъ по исполненію государственной росписи за 1886 г. (807 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Общая характеристика минувшаго года. — Усиленіе неустойчивости международныхъ отношеній во второмъ полугодіи.—Министерскій кризисъ во Франціи и вліяніе его на общій ходъ дѣлъ.—Оппозиція въ Германіи военному законопроекту.—Правительственное сообщеніе по внѣшней политикѣ, 3-го (15) декабря.—Болгарскія дѣла (стр. 378).—**Февраль.**—Воинственные слухи и толки.—Важность разоблаченій князя Бисмарка.—Ошибочныя толкованія его послѣднихъ рѣчей. —Засѣданія германскаго парламента и пренія о военномъ законѣ. — Неустойчивость министерствъ во Франціи и Англіи, и причина такого явленія (стр. 853).— **Мартъ.** — Сомнительная побѣда князя Бисмарка.—Избирательная кампанія противъ Франціи.—Призракъ войны и его дѣйствіе.—Выходки берлинской оффиціозной печати.—Результаты выборовъ 9-го февраля.—Послѣдствія военной паники въ Европѣ. —Министерскій кризисъ въ Италіи.—Болгарскія дѣла (стр. 396).—**Апрѣль.** —Поворотъ въ сторону миролюбія въ Германіи. — Лессепсъ въ Берлинѣ и французскіе руссофилы.—Новый тройственный союзъ. — Празднество 10-го (22) марта.— Императоръ Вильгельмъ и его главныя историческія заслуги.—Развитіе свободной политической жизни въ имперіи. — Взгляды и пріемы князя Бисмарка.—Статья сэра Дилька о Россіи.—Болгарскія дѣла (стр. 855). — **Май.** — Натянутость международнаго положенія.—Воинственность газетныхъ патріотовъ въ Германіи и въ другихъ странахъ.—Дѣло Шнебеле и вопросъ о военномъ шпіонствѣ.—Особенности спорнаго факта и ихъ серьезноезначеніе.—Послѣдствія нѣмецкихъ мѣръ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.—Особая теорія государственной измѣны.—Англійскія дѣла (стр. 369).—**Іюнь.**—Перемѣна министерства во Франціи. —Кабинетъ Гобле и французскіе финансы. — Исключительная роль генерала Буланже. — Дѣятельность военнаго министра; его заслуги и слабости. —Популярность Буланже и ея причины.—Французская политика относительно Германіи.—Газетные споры о русско-германскихъ отношеніяхъ. — Рабочее движеніе въ Бельгіи (стр. 805). —**Іюль.**—Новое министерство въ Сербіи и его политическое значеніе. — Король Миланъ и Іованъ Ристичъ. — Основы австрійскаго вліянія въ Бѣлградѣ.—Увлеченія и ошибки нѣкото-

рыхъ русскихъ газетъ. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и напрасные газетные споры.—Наши отношенія съ западными державами.—Отвѣтъ нашимъ оппонентамъ по поводу балканскихъ дѣлъ. — Политическія заботы Англіи и юбилей королевы Викторіи (393 стр.).—**Августъ.** — Избраніе принца Кобургскаго въ Тырновѣ и значеніе этого факта. — Малая вѣроятность успѣха этой кандидатуры.—Закулисная сторона избранія и отношенія къ нему великихъ державъ.—Погоня за иностранными принцами.—Англо-русское соглашеніе. — Русскіе фонды въ Германіи.—Французскія дѣла.—Полемическія недоразумѣнія въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" (865 стр.).—**Сентябрь.** —Австро-германскій союзъ и его значеніе. — Свиданіе императоровъ въ Гаштейнѣ.—Восточная политика Австріи, въ связи съ условіями союза двухъ имперій.—Причины разногласій между Вѣною и Берлиномъ по поводу балканскихъ дѣлъ.—Предпріятіе принца Кобургскаго въ Болгаріи.—Отношенія великихъ державъ къ болгарскимъ событіямъ.—Трудность практическихъ мѣръ для охраны берлинскаго трактата.—Проекты вмѣшательства безъ оккупаціи.—Дѣло внутренняго примиренія во Франціи и въ Италіи (393 стр.).—**Октябрь.**—Безсиліе дипломатическихъ проектовъ по болгарскому вопросу.—Турція въ роли представительницы порядка и законности. — Неизбѣжность политики невмѣшательства.— Нѣмецко-болгарскій инцидентъ и ошибочное его толкованіе. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и способы борьбы съ оппозиціею.—Англія и ирландскій вопросъ.—Политическія дѣла Франціи. — Новое пограничное столкновеніе и манифестъ графа Парижскаго (844 стр.).—**Ноябрь.** —Особенности современной германской политики.—Боязнь войны, какъ основа коалицій.—Союзъ съ Италіею и его значеніе.—Французскія внутреннія дѣла.—Непріятныя разоблаченія и дѣлаемые изъ нихъ выводы.—Успѣхи министерства и приготовленія орлеанистовъ.—Парламентскій кризисъ въ Австріи.—Болгарское народное собраніе и сербская скупштина.—Что такое „русская партія" въ Сербіи?— Мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей" о самихъ себѣ (403 стр.). — **Декабрь.**— Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ.—Разоблаченія „Кёльнской Газеты".—Разумная свобода дѣйствій и газетные споры. — Политика нѣкоторыхъ газетъ по болгарскому вопросу.— Программа и значеніе новаго тройственнаго союза.—Тронная рѣчь императора Вильгельма и вызываемыя ею недоумѣнія. — Возможная перемѣна царствованія въ Германіи. — Правительственный кризисъ во Франціи.— Отставка президента Греви.—Участіе печати и общества въ мирномъ разрѣшеніи кризиса. — Внутреннія дѣла въ Англіи (828 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Histoire de l'art Byzantin, par N. Kondakoff. — Древности Минусинскаго музея. Сост. Д. Клеменцъ.—А. В. (405 стр.).—**Февраль.**— Радищевъ и Пушкинъ, В. Якушкина. —„Демонъ" Пушкина, Л. Поливанова. Подоходный налогъ. А. Свирщевскаго.— Исторія русскаго таможеннаго тарифа, К. Ладыженскаго.—К. К. (870 стр.).— **Мартъ.** — Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву, А. Поворинскаго. — Сборникъ гражданскихъ вопросовъ, А. Гожева и И. Цвѣткова.—Семь лѣтъ мирнаго времени нашихъ финансовъ, И. Колесова.—О финансовой прокуратурѣ въ Австріи и Италіи, Н. Тура.—Русскіе педагогическіе дѣятели, В. Острогорскаго и Д. Семенова.—К. К.—Ученическіе годы Гоголя, В. Шенрока. -Сибирскій сборникъ, кн. II—III, Н. М. Ядринцева.—А. В.—Русскій торговый флотъ, К. Скальковскаго. — А. (411 стр.).—**Апрѣль.**—Очеркъ исторіи чешской литературы, А. Степановича.— Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка черногорскій, и его литературная дѣятельность, П. А. Лаврова.— Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, 4-ре выпуска. — А. В.— Курсъ политической экономіи, А. Я. Антоновича.—Л. С. (869 стр.).—**Май.**— Задачи русской народной школы, П. Горбова. — Современныя задачи, гр. П. А. Валуева.—Литературные очерки, С. Я. Надсонъ.— К. К. — Изъ пережитаго, Н. Гилярова-Платонова.—Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель, А. Скабичевскаго.—А. П.— О. К. Нотовичъ (маркизъ О'Квичъ). Еще немножко философіи. — Прямые налоги и ихъ организація во Франціи, Власія Судейкина.—Л. Н. — (385 стр.).—**Іюнь.**—Народная поэзія, Ѳ. И. Буслаева. — Поволжье, Донъ и Кавказъ, С. Филиппова.—А. В.—Внѣшняя политика имп. Николая I, С. С. Татищева.—Л. С. (820 стр.).—**Іюль.**—Труды

VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ III. — Вологодскій Сборникъ, издаваемый при вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакціею секретаря комитета, Н. А. Поліевктова. Томы III—V.—А. П.—Лекціи по уголовному праву, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть общая, выпускъ первый.—Миѳическій элементъ въ исторіи, публичная лекція профессора В. К. Надлера.—Михаилъ Назаровичъ Петровъ. Біографическій очеркъ А. Деревицкаго.—К. К. — В. Г. Яроцкій. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. Часть первая (общая). Отвѣтственность предпринимателей, какъ основаніе законодательнаго регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ. —Л. С. (414 стр.).—**Августъ.**—Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки, Н. Я. Аристова.— Вліяніе Шекспира на русскую драму, историко-критическій этюдъ Сергѣя Тимоѳеева. — Викторъ Гюго и его время. Перев. съ франц. Ю. В. Доппельмайеръ (878 стр.). — **Сентябрь.**— Дѣтскія игры, преимущественно русскія, въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигіеной, Е. Покровскаго.—Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Изслѣдованіе Е. Барсова.—А. П.—К. Головинъ, Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности.—К. К. — Древніе и современные софисты, Функъ-Брентано, перев. Як. Новицкаго.—Л. С. (408 стр.).—**Октябрь.**—М. Н. Катковъ, 1863 г. Вып. 1.— Лессингъ, какъ драматургъ, Ѳ. Андерсона.— Искусство устнаго изложенія, М. Бродовскаго.—К. К.—О естественныхъ предѣлахъ народовъ и государствъ. — Платонизмъ, А. М. Гилярова.—Публичныя лекціи и рѣчи, И. Тарасова. — Принципъ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, А. Гордона. —Судьбы Ирландіи, Г. Аѳанасьева.— Наслѣдственность болѣзней, перев. М. Тумповскаго. — Письма изъ Персіи, Е. Бѣлозерскаго. — Современная Персія, Уильса.—Л. С.—Гигіена нервныхъ и нейропатовъ, д-ра Кюллера.— А. К. (858 стр.).—**Ноябрь.**—Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба.—Расколъ-сектантство, А. С. Пругавина.—А. П.— Этюды о Ж.-Ж. Руссо, А. С. Алексѣева.—Л. С.—Земскій Ежегодникъ на 1884 г.—Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзно-дорожн. общ., П. И. Георгіевскаго. — М. Н. Катковъ, 1863 г., вып. II. — К. К.— Акціонерные коммерческіе банки, ихъ операціи и балансы, А. А. Рафаловича.—А. К. (423 стр.). — **Декабрь.**— Вилюйскій округъ Якутской области, Р. Маака.—Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Як. Грота.— Бумаги В. А. Жуковскаго, Ив. Бычкова.—Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, Пташицкаго.—А. П. —Конституція Финляндіи, Л. Мехелина, въ перев. К. Ордина. — К. К. (864 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Январь.—Трудность уловить современное настроеніе русскаго общества, и вѣроятная причина перемѣны въ немъ. — Свобода печати, и загробное свидѣтельство въ ея пользу. — Признаки времени въ дѣятельности земства и въ другихъ сферахъ.—Отвѣтъ г. Модестову.—Post-scriptum (444 стр.). — **Февраль.** — Пушкинская годовщина.—Смерть С. Я. Надсона.—Нѣчто о клеветѣ. — Московскій дворянскій „пансіонъ-пріютъ", и ходатайство бессарабскаго дворянства. — Признаки времени.—Перлы консервативной критики (887 стр.).—**Мартъ.** — Значеніе „антецедентовъ" въ уголовномъ процессѣ.—Другіе практическіе вопросы, возбуждаемые дѣломъ Назарова. — Земское собраніе въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ: гласные-крестьяне, „партіи", главныя теченія земской жизни.—Курьёзъ (440 стр.).—**Апрѣль.** — „Переутомленіе" учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ связи съ вопросами объ усиленіи физическихъ упражненій и о преподаваніи церковно-славянской грамматики. — „Русскій Вѣстникъ", опровергаемый „Московскими Вѣдомостями".—Новый походъ противъ суда присяжныхъ.— Нѣсколько словъ о художественной простотѣ (892 стр.).—**Май.** — Публичныя лекціи Георга Брандеса.—Затронутые имъ вопросы о предѣлахъ и задачахъ критики.—Отношеніе Г. Брандеса къ его предшественникамъ. — Разногласіе въ средѣ защитниковъ церковно-приходской школы.—По вопросу о вѣротерпимости (410 стр.).— **Іюнь.**—Старый, но все еще нерѣшенный вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи.—Отчетъ комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ.—Судьба женскихъ врачебныхъ курсовъ.—„Двойная бухгалтерія", примѣняемая къ суду.— Новыя нападки на судъ присяжныхъ. — Еще перлъ

лже-консервативной критики (838 стр.). —**Іюль.**—Впечатлѣнія уголовнаго кодекса на вердикты присяжныхъ. — Закрытіе приготовительныхъ классовъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.—Еще къ вопросу о вѣротерпимости (435 стр.).- **Августъ.**—Обзоры дѣятельности петербургской думы, за истекшій годъ, въ нашихъ газетахъ.— Упреки, дѣлаемые городскому общественному управленію. — Училищное дѣло въ Петербургѣ десять лѣтъ тому назадъ и теперь.—Исторія передачи начальныхъ училищъ въ вѣденіе города.—Новыя правила пріема въ студенты петербургскаго университета. — М. Н. Катковъ, † (892 стр.). — **Сентябрь.**—Свобода сужденій объ умершихъ: ея необходимость, ея границы. — Обзоръ журнальной дѣятельности М. Н. Каткова. — Его нетерпимость; неопредѣленность его положительной программы, недостатки его отрицанія. — Настроеніе, созданное „Московскими Вѣдомостями".—Отношеніе ихъ къ вопросу объ окраинахъ.—Значеніе Каткова для русской печати.—Преемники Каткова.—Церковно-приходскія школы въ Петербургской губерніи (426 стр.).—**Октябрь.**—Защитительная рѣчь профессора Владимірова, по дѣлу подпрапорщика Шмидта.—Давно забытый споръ, какъ иллюстрація къ недавнему прошлому.—Еще два слова о продолжателяхъ и подражателяхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (878 стр.).—**Ноябрь.**—Наша печать, ея разсужденія и выводы по поводу пензенскаго процесса.—Извращеніе азбучныхъ понятій о правосудіи и послѣдствія того. — Нашъ отвѣтъ на возраженія.—Московское общество для защиты дѣтей. — Извѣстія изъ провинціи. — Н. П. Гиляровъ-Платоновъ † (438 стр.).—**Декабрь.** — Впечатлѣнія уѣзднаго гласнаго. — Глубокіе корни, пущенные земской школой. — Новое распоряженіе относительно преподаванія древнихъ языковъ.—Слухи объ ограниченіи программы высшихъ женскихъ курсовъ. — Отрывки изъ одной недавней рѣчи и изъ одного не совсѣмъ недавняго психологическаго изслѣдованія.—Опять вопросъ о словѣ: „клянусь" (892 стр.).

V. Библіографическій листокъ.

Январь. — Матеріалы для исторіи академіи наукъ, т. III. — Исторія города Рима, Грегоровіуса, т. V.—Чрезъ дебри и пустыни, Борисгофера. — Исторія одного маленькаго человѣка, М. Гальтъ.—Афрайя, изъ ром. Мюгге. — Тысяча и одна ночь. — Сказки З. Топеліуса.—Иллюстрированный словарь, д-ра Л. Симонова.—**Февраль.**— Очерки и разсказы, В. Короленко.— Сочиненія Г. П. Данилевскаго, 5-е изд.—Самозванцы и низовая вольница, Д. Мордовцева. — Большіе города, А. А. Исаева. — Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, книга I, Л. Е. Владимірова.—**Мартъ.**—Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. IV, ч. 2.—Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія, А. Барсукова.—Общедоступная военно-историческая христоматія, К. К. Абазы.— Обычное судопроизводство крестьянъ саратовской губерніи, Влад. Птицына. — Всеобщая исторія, Георга Вебера. Перев. Андреева. — **Апрѣль.**—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 56, 57 и 58.—Мысли и воспоминанія, при чтеніи законовъ о дворянствѣ, П. Устимовича.—Данте Алигіери, изложеніе С. Заруднаго. — Отечествовѣденіе, т. VI: Туркестанскій край, состав. Д. Д. Семеновъ.— **Май.**—Этюды о Ж.-Жакѣ Руссо, т. II, А. С. Алексѣева.—Политическая экономія, въ связи съ финансами, Л. В. Ходскаго. — Общедоступная военно-историческая христоматія, кн. 2, состав. К. К. Абаза.—Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. I.—Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета, Н. Н. Булича.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко.—**Іюнь.**— Современная Персія, д-ра Уильса, пер. И. Коростовцева. — Францъ Листъ, П. А. Трифонова.—Древніе и современные софисты, соч. Брентано, пер. Я. Поповицкій.—Русскій мыслитель: Гоголь, собр. И. Щегловъ.—Военные законы Петра В., изслѣд. П. О. Бобровскаго.—Жизнь Іисуса Христа, соч. Ф. В. Фаррара, пер. А. П. Лопухина. —**Іюль.** — П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища, К. Головщикова. — Основы человѣческой дѣятельности, И. В. Свѣчина.—Жизнь Господа Нашего Іисуса Христа, свящ. Т. Буткевича. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 6-й.—**Августъ.**—Дневникъ публициста.—Въ ожиданіи войны, Ив. Ратова.—Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности, Родбертуса. — Страхъ. Психофизіологическій этюдъ А. Моссо; перев. съ франц. С. З. Поповой. — Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Спиритизмъ.

Пер. съ нѣмецк. А. М. Бутлерова. — **Сентябрь.**—Стихотворенія С. Я. Надсона, съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изд. К. Т. Солдатенкова.—Физіономія и выраженіе чувствъ, П. Мантегацци. Пер. Н. Грота и Е. Вербицкаго.—Артуръ Шопенгауэръ. Лучи свѣта его философіи. Пер. Н. Маракуева.—Вл. Михневичъ. Петербургское лѣто. Очерки лѣтняго сезона. Лѣтнія сказки. Дачный романъ. — **Октябрь.** — Мелочи жизни, М. Е. Салтыкова.—Двадцатипятилѣтіе Пермскаго края, Е. Красноперова.—Опытъ статистическаго изслѣдованія о дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ, Н. Осипова.—Свойства матеріи, Дж. Тэта. — Учебникъ акушерства для акушерокъ, д-ра Шнета. —Иллюстрированный словарь практическихъ свѣденій, Л. Симонова, вып. 9. —**Ноябрь.** — Учебный атласъ по русской исторіи, проф. Е. Замысловскаго. — Н. В. Ремезовъ, Очерки изъ жизни дикой Башкиріи.—Стихотворенія Н. М. Минскаго.—С. Я. Надсонъ. Сборникъ журнальныхъ и газетныхъ статей. — А. Мичуринъ. По поводу книги: „Что читать народу?". — **Декабрь.**—Матеріалы для исторіи академіи наукъ, т. IV.—А. Бишофъ, Краткій обзоръ исторіи и теоріи банковъ съ приложеніемъ ученія о биржевыхъ операціяхъ, пер. съ нѣм. п. р. В. Левитскаго. — М. В. Ломоносовъ, соч. Ксенофонта Полевого.—В. С. Баскинъ, Русскіе композиторы: I. А. Г. Рубинштейнъ, II. М. П. Мусоргскій. — Краткій курсъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, д-ръ Б. Ліонскій.—По дальнему Востоку, путевыя записки и воспоминанія М. Г. Гребенщикова.

VI. Извѣстія.

Отъ Совѣта Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края (янв. 459). — Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина (янв. 459; февр. 898; мар. 456; апр. 906; май, 420; іюнь, 850; авг. 906).

1888 г.

Арсеньевъ, К. К.—Новѣйшія произведенія Салтыкова (янв. 348).—По поводу реформы земскихъ учрежденій (мар. 327).—Русское судебное краснорѣчіе (апр. 768).—В. М. Гаршинъ (май, 239).—Новости французской литературы (іюнь, 736).—Современные беллетристы (іюль, 245).—Мнимое безпристрастіе (сент. 252).—За кулисами ретрограднаго романа (окт. 687). — Новый опытъ построенія научной критики (нояб. 298). — Дореформенная Россія въ перепискѣ И. С. Аксакова (дек. 744).

Благовѣщенскій, Н.—Формы землевладѣнія (сент. 334).

Боборыкинъ, П. Д.—У плиты (апр. 605).—За красненькую (нояб. 114).

Брикнеръ, А. Г. — Письма графа С. Р. Воронцова (мар. 232).—Вторая половина XVIII-го вѣка (авг. 519).

В.—Новый отчетъ о внѣшней торговлѣ за 1887 годъ (іюль, 406).

Валуевъ, гр. П. А. — Религіозныя смуты и гоненія (мар. 287).

Вержбовскій, О. — Адамъ Мицкевичъ (сент. 120).

Веселовскій, Александръ.—Русскій эпосъ и новые его изслѣдователи (іюль, 144).

Виницкая, А.—Провалилась, очеркъ (окт. 602).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. — Среди крымскихъ татаръ (мар. 148).

В—нъ, А.—Исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи (іюль, 262).—Меценаты и ученые Александровскаго времени (окт. 703).—Начало русскаго

I. Внутреннее обозрѣніе.

административной реформы. — Два противоположные вида соединенія властей.—Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1885 годъ. — Практическіе результаты закона 3 мая 1883 г. — Различныя формы борьбы съ расколомъ. — Къ вопросу о вѣротерпимости. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1886 г. (352 стр.). —**Апрѣль.**—Проектируемая полицейская реформа въ остзейскомъ краѣ.—Отношеніе ея къ другимъ преобразованіямъ.—Вопросъ о вотчинной полиціи.—Назначеніе или избраніе чиновъ полиціи? — Положеніе православія на западныхъ окраинахъ Россіи, по даннымъ отчета оберъ-прокурора св. синода.—По поводу вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (846 стр.).—**Май.**—Проектъ примѣненія судебной реформы къ остзейскому краю. — Возможно ли введеніе въ этомъ краѣ института присяжныхъ засѣдателей?—Раздробленіе прибалтійскихъ губерній между двумя судебными округами.—Вопросъ о государственномъ языкѣ, въ связи съ преобразованіемъ остзейскихъ судебныхъ учрежденій.—Слухи и толки объ измѣненіяхъ въ проектѣ положенія о земскихъ начальникахъ. — Государственный доходъ и расходъ за 1887 годъ (339 стр.).—**Іюнь.**—Предполагаемое устройство мирового суда въ остзейскомъ краѣ, въ связи съ общимъ вопросомъ о назначеніи или выборѣ мировыхъ судей.—Волостные и верхніе крестьянскіе суды, проектируемые для прибалтійскихъ губерній. — Слухи о новомъ расширеніи административно-карательной власти, предоставляемой земскимъ начальникамъ.—Сенатъ, или только одно министерство внутреннихъ дѣлъ? — Ссылка „Московскихъ Вѣдомостей" на западно-европейскіе порядки въ области суда и мѣстнаго самоуправленія (805 стр.). — **Іюль.** — Законъ 4-го апрѣля о сбереженіи лѣсовъ. — Преграды, встрѣчавшіяся на его пути; категоріи лѣсовъ, подходящія подъ его дѣйствіе, составъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ. — Усиленіе уголовной кары за лѣсныя порубки. — Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ, слухи о проектируемыхъ измѣненіяхъ въ положеніи реальныхъ училищъ. — Законъ о вольныхъ людяхъ. — Распространеніе дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка на царство польское (346 стр.)—**Августъ.**—Земскіе финансы.—Итоги земскихъ сборовъ въ истекшее двадцатипятилѣтіе земства.—Отношеніе доходовъ населенія къ земскимъ сборамъ въ различныхъ губерніяхъ.—Различіе въ обложеніи движимаго и недвижимаго имущества. — Способы обложенія имуществъ земствами и уклоненія отъ обложеній. — Земскія недоимки. — Обязательные и необязательные расходы.—Общіе итоги (779 стр.).—**Сентябрь.**—Новый проектъ реформы мѣстнаго управленія.—Всесословный приходъ, уѣздные и участковые начальники, выборъ гласныхъ по приходамъ. — Хорошія стороны проекта.—Первый отчетъ дворянскаго земельнаго банка. — Организація товариществъ, купившихъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. — Другіе результаты послѣдней законодательной сессіи (357 стр.).—**Октябрь.** —Детальная критика и детальная защита законопроектовъ о мѣстной реформѣ. — Мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей" объ административно-карательной и судебной власти земскаго начальника.—Административная расправа, какъ „прекращеніе нравственной повадки", и судъ, какъ „мѣра предупрежденія и пресѣченія".—Мнѣніе „Русскаго Вѣстника" объ „общественно-частномъ" характерѣ земскихъ учрежденій (805 стр.) — **Ноябрь.**—Общіе вопросы, возбуждаемые по поводу мѣстной реформы. — Отношеніе земскаго положенія и судебныхъ уставовъ къ общему государственному строю. — Розыскъ „либерализма" въ прошедшемъ и въ настоящемъ. — Возможны ли у насъ самостоятельныя и независимыя учрежденія?—Полемическіе пріемы реакціонной печати (406 стр.). — **Декабрь.**— Отношеніе земскихъ начальниковъ къ крестьянскому управленію и самоуправленію. — Расширеніе ихъ функцій, сравнительно съ кругомъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ. — Основныя черты желательной и необходимой административной реформы. — Слишкомъ усердные защитники новыхъ законопроектовъ (820 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Политическіе итоги 1887 г. въ области международныхъ отношеній.—Роль Германіи и князя Бисмарка.—Новыя союзы и новыя вооруженія.—Статья „Русскаго Инвалида".—Политика вѣнскаго кабинета и ея особенности.—Логика оффиціальной печати. — Вопросъ о сооруженіяхъ и толки объ австро-русскомъ столкно-

веніи.—Внутреннія дѣла Франціи за истекшій годъ.—Президентъ Карно и его первое министерство.—Положеніе дѣлъ въ Англіи. — Балканскій полуостровъ (413 стр.). — **Февраль.** — Натянутость международнаго положенія.—Мирныя вѣянія и заявленія. — Болгарскій кризисъ и балканскія дѣла. — Парламенты Германіи и Австро-Венгріи. — Внутренніе вопросы во Франціи.—Столкновеніе съ Италіею (861 стр.).— **Мартъ.** — Австро-германскій договоръ и его значеніе.—Система вооруженнаго мира и ея особенности.—Рѣчь князя Бисмарка.—Дѣятельность германскаго парламента.—Политическое настроеніе Австро-Венгріи.—Англійскія и французскія дѣла. —Балканскія дѣла и правительственныя сообщенія 11-го февраля (391 стр.). — **Апрѣль.** — Перемѣна царствованія въ германской имперіи.—Общая характеристика эпохи императора Вильгельма I. — Манифестъ къ народу и рескриптъ князю Бисмарку императора Фридриха III. — Паденіе министерства во Франціи (876 стр.).—**Май.** —Канцлерскій кризисъ въ Германіи. —„Буланжисты" во Франціи.—Министерство Флоке и его программа.— Личные успѣхи генерала Буланже и ихъ политическое значеніе.—Увлеченіе оппортунистовъ (363 стр.).—**Іюнь.** — Положеніе болгарскаго вопроса и сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника" по поводу статей г. Татищева. —Внѣшняя политика Германіи и Австро-Венгріи.—Двѣ политическія желѣзныя дороги. — Реформа мѣстнаго управленія въ Англіи.—Новѣйшія событія въ Румыніи.—Письмо изъ Сербіи о партіяхъ въ Сербіи (838 стр.). —**Іюль.**—Императоръ Фридрихъ III.— Полемика газетъ по поводу его болѣзни. — Политическое значеніе его царствованія. — Первые акты Вильгельма II и ихъ особенности.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи и во Франціи (378 стр.).—**Августъ.**—Русско-германское сближеніе.—Пребываніе германскаго императора въ Россіи.—Газетные толки и споры.—Отношеніе Германіи къ болгарскому вопросу.—Миролюбивыя попытки и ихъ вѣроятныя цѣли. — Упадокъ „буланжизма во Франціи.—Роль президента Карно. — Семейно-политическій кризисъ въ Сербіи.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи (813 стр.).—**Сентябрь.**—Политическое настроеніе въ Германіи.— Рѣчь при открытіи памятника принцу Фридриху-Карлу. — Дипломатическая полемика изъ-за Массовы и ея печальныя особенности. — Ненормальное международное положеніе Франціи и ложное миролюбіе нѣмецкой оффиціозной печати.—Свиданіе Криспи съ Бисмаркомъ и съ Кальноки.— Внутреннія дѣла Германіи, Австро-Венгріи и Франціи.—Неудачи министерства Флоке и новые успѣхи Буланже.—Общій характеръ политической жизни во Франціи (383 стр.).— **Октябрь.**—Воспоминанія и споры о недавнемъ прошломъ въ Германіи.— „Дневникъ" Фридриха III и его особенности.—Возраженія газетъ и князя Бисмарка.—Прогрессисты и консерваторы.—Внутреннія германскія дѣла и внѣшняя политика. — Нѣмецкія и славянскія дѣла въ Австро-Венгріи.— Положеніе дѣлъ во Франціи и Англіи (823 стр.).—**Ноябрь.**—Пребываніе германскаго императора въ Австріи и Италіи. — Значеніе тройственнаго союза и возможные его результаты.— Симптомы международнаго кризиса.— Конституціонный вопросъ во Франціи. —Проектъ Флоке и его недостатки.— Юбилей Н. К. Гирса (435 стр.)—**Декабрь.**—Современное состояніе Франціи.—Причина республиканской слабости.- Манія разоблаченій.—Министерство и министры. — Внѣшняя французская политика. — Тронная рѣчь имп. Вильгельма II.—Нѣмецкія партіи.—Англо-германскія соглашенія и внутреннія англійскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ (852 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, вып. 3, собр. Е. Романовъ.—Геродотъ, 2 т.; Өукидидъ, 2 т. Послѣсловіе къ переводу Өукидида, Ө. Г. Мищенка.—Лекціи по всемірной исторіи проф. Петрова, изд. п. р. В. Надлера.—А. П. — Стихотворенія Н. Минскаго.—К. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ (452 стр.). — **Февраль.** — Уральцы, I. И. Желѣзнова. — Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., и старинные земскіе соборы, Н. Костомарова, изд. 3-е.—Сборникъ матеріаловъ по этнографіи и систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея, В. Ө. Миллера.—Сарапулъ, Н. Блинова.—А. П.— Основныя начала психологіи, Дж.Сѣлли. — Новыя изданія книгъ и брошюръ (893 стр.).—**Мартъ.**—Очерки изъ психологіи славянскаго племени: Славяно-

филы, М. Урсина.—Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма, перев. В. Невѣдомскій.—Очерки изъ исторіи тамбовскаго края, изслѣдованіе И. И. Дубасова.—Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова. — А. П.—Вопросы и впечатлѣнія (Choses vues). Посмертныя записки Виктора Гюго. Переводъ Ю. Доппельмейеръ, съ предисловіемъ В. Гольцева.—А. К. (413 стр.).—**Апрѣль.** —Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. I.—А. П.—Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, Н. Ремезова.—Пора намъ разобраться. Голосъ Сѣверянина, ч. I. — Балтійская конституція, М. Харузина.—К. К.—Москва и Лондонъ, С. Б. Иппо.—Исторія древняго міра, М. Тумасова.—Въ чужихъ краяхъ, И. Кудинова.—А. К. —Новыя изданія книгъ и брошюръ (898 стр.).— **Май.** — П. А. Матвѣевъ, Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. —В. Мочульскій, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ.—П. В. Владимірова, Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. — А. П. — К. Ярошъ, Вопросы современной морали. —П. И. Георгіевскій: Экономическая отвѣтственность, г. Яроцкаго.—К. К. —Новыя книги и брошюры (373 стр.). —**Іюнь.**—Судебные ораторы во Франціи, перев. А. Шмакова.—О Германіи, В. И. Модестова.—Pouschkine: Poltava, trad. par. W. Mikhaïlow. — Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго город. общ. управленія за 16 лѣтъ. — Максъ Кохъ, Шекспиръ, пер. А. Гуляева.—К. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ (861 стр.).— **Іюль.** — Письма и бумаги Петра В., т. I.– Проф. Петровъ: Лекціи по всемірной исторіи, т. II — III.—А. П. — Земскія повинности, т. I. — В. Александренко, Англійскій тайный совѣтъ и его исторія, т. I, ч. 1-я.—К. К. —Новыя книги и брошюры (292 стр.). —**Августъ.**—Воспоминанія о поѣздкѣ въ Константинополь, А. Коптева.— Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII-го вѣка, С. Ѳ. Платонова.—Путеводитель по Кавказу, Е. Вейденбаума.—А. П.—Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Кролевецкій уѣздъ, П. П. Червинскаго.—Ѳ. В.—Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія, Л. Федоровича. —Подготовительныя мѣры къ возстановленію обращенія звонкой монеты. —La France, la Russie et l'Europe, par A. Leroy-Beaulieu. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (827 стр.). — **Сентябрь.**—Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, проф. Іосифа Первольфа.—Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII-го вѣка, Евгенія Пѣтухова.—А. В. — По Сѣверу Россіи. Т. III. Балтійская сторона. К. Случевскій.—К. К.—Основы народничества. Часть I. Второе дополненное изданіе, I. Каблица (I. Юзовъ). — Исторія нравственныхъ идей XIX-го вѣка, Николая Ланге. — Бумажныя деньги. Изслѣдованіе законовъ бумажно-денежнаго обращенія, В. Б.—Л. С. (400 стр.).—**Октябрь.** — Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1885 г.— „Славянская Бесѣда", „Вѣстникъ Славянства", „Славянская Библіотека Баянъ".—Кіевъ теперь и прежде, состав. М. Захарченко.— Труды VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. II.— А. П.—Діэтетика духа, д-ра Шольца, перев. Е. Герстфельдъ и К. Н. Ковалевской.—А. К.—Новыя книги и брошюры (838 стр.).—**Ноябрь.**—Н. Бржескій, Податная реформа. — Н. Осокинъ, Исторія среднихъ вѣковъ, т. I.—К. К.—Кн. Д. Цертелевъ, Свобода и либерализмъ. — П. Подлигайловъ, Національныя задачи Россіи и мѣры къ ихъ осуществленію.—Л. С.—Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-е, т. V.— А. П.—Новыя книги и брошюры (450 стр.). — **Декабрь.** — Очеркъ исторіи Польши, М. Бобржинскаго, перев. Я. И. Карѣева, т. I.—Записки капитана Мордвинова.—Народныя пѣсни, запис. Н. Пальчиковымъ и З. Радченко, и сельскіе юридическіе обычаи, А. А. Титова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (868 стр.).

IV. Изъ Общественной хроники.

Январь.— Разрывъ нео-славянофиловъ съ своими бывшими союзниками. —Междоусобная война оруженосцевъ Каткова, разсматриваемая съ точки зрѣнія посторонняго зрителя.—Толки объ „отрезвленіи". — Земская медицина въ черниговской губерніи.—Еще о защитѣ дѣтей.– Изъ школьной хроники. — Нѣчто объ одной прекратившейся болгарской газетѣ (464 стр.). —**Февраль.** — Толки въ печати по поводу университетскихъ безпорядковъ. — Паденіе нѣкоторыхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мыслей. — Замѣчательная статья В. И. Ламанскаго. — Общій вопросъ, возбуждаемый частнымъ случаемъ.—Циркуляръ черниговскаго губернатора гг. городскимъ головамъ (918 стр.). — **Мартъ.**—Адресъ евангелическаго сою-

за и отвѣтъ, данный союзу г. оберъ-прокуроромъ св. синода.—Вопросъ о вѣротерпимости на почвѣ исторіи и на почвѣ современности.—Новыя нападенія на судъ присяжныхъ, усложненныя вылазками въ область гражданскаго процесса.—Десятилѣтіе практики женщинъ-врачей.—Два слова о реакціонной печати (445 стр.). — **Апрѣль.** — Петербургскія городскія начальныя училища въ 1877 г. и теперь. —Характеристическія черты ихъ перваго десятилѣтія въ завѣдываніи города.—Министръ, губернаторъ и писатель предъ судомъ реакціонной прессы.—Отзывъ „Южнаго Края" по поводу одного невѣроятнаго слуха (917 стр.).—**Май.**—Заключеніе А. Ѳ. Кони по дѣлу Кетхудова.—Вопросъ о свободѣ защиты и о ея предѣлахъ.—Необходимость возвращенія къ судебнымъ традиціямъ конца шестидесятыхъ годовъ.—Программы испытаній въ юридической коммиссіи государственныхъ экзаменовъ. — Городскія читальни въ Петербургѣ и новый порядокъ для нихъ.—Письмо въ редакцію объ изданіи литературнаго сборника въ память В. М. Гаршина (438 стр.).—**Іюнь.** — Новыя нападенія на адвокатуру. — Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. — Лѣтопись „грѣховъ" самоуправленія.—Рѣчь саратовскаго губернатора.—Способы прекращенія уличныхъ безпорядковъ, выработанные публицистами. — Закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ (876 стр.).—**Іюль.** — Слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ устройствѣ средняго и высшаго женскаго образованія. — Вопросъ о „всесословности" женскихъ гимназій, въ связи съ книгою г-жи Пиллеръ.— Проектируемые вновь высшіе женскіе курсы по иностраннымъ языкамъ и по другимъ предметамъ. — Открытіе томскаго университета.—Новое сообщеніе саратовскаго губернатора. — Переходъ больничнаго дѣла въ Одессѣ изъ рукъ городского общественнаго управленія подъ ближайшее наблюденіе врачебнаго инспектора полиціи (410 стр.).—**Августъ.**—Канунъ тысячелѣтія христіанства въ Россіи. — Рѣчь о. Іакова Новицкаго. — Итоги первыхъ девяти вѣковъ и задачи послѣдняго вѣка.—Наши крупныя городскія хозяйства и ихъ общественное управленіе.—Результаты дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія за послѣднія 10 лѣтъ до 1887 г. включительно, и современное финансовое положеніе города.- Общественное хозяйство города Москвы за двадцать-пять лѣтъ: 1863—1887 гг. (862 стр.).—**Сентябрь.**—Новыя данныя о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности въ петербургской губерніи.—„Раціоналистична" ли свѣтская начальная школа?—Временное закрытіе земскихъ учрежденій въ череповецкомъ уѣздѣ. — Нѣчто объ административномъ „усмотрѣніи". — Еще къ вопросу о присяжной адвокатурѣ (418 стр.).—**Октябрь.**—Отголоски закрытія череповецкаго земства. — Вопросъ объ уменьшеніи земскаго обложенія казенныхъ земель въ пермской губерніи. — Уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ. — Разные виды нетерпимости. — Изъ учебнаго міра.—Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей" (836 стр.). – **Ноябрь.** — Желѣзно-дорожная катастрофа 17-го октября.—Постепенное оскудѣніе историко-филологическаго факультета и вѣроятныя причины того.—Программа испытаній въ историко-филологической коммиссіи. — Послѣдніе отчеты петербургскаго университета. Коечто о церковно-приходскихъ школахъ. —Новая теорія „необходимой обороны". — Юбилей г. Шеллера (Михайлова) (466 стр.).—**Декабрь.**— Заподозрѣнная телеграмма агентства Рейтера и „либеральная интрига".—Попытка тенденціозной эксплуатаціи народныхъ чувствъ. — Теорія отвѣтственности „по долгу службы".—Письмо гр. Л. Н. Толстого о ручномъ трудѣ. — Неожиданное покаяніе.—В. Я. Стоюнинъ † (896 стр.).

V. Библіографическій листокъ.

Январь.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. XI.—Въ Европѣ, Г. Джаншіева. — Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы, гр. А. А. Бобринскаго.—Письменность въ первыхъ шагахъ ея развитія, А. Деревицкаго.—Расколъ-сектантство, А. С. Пругавина, вып. 1-й. —Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства, Х. Житловскаго.—Русскій календарь и Всеобщій календарь на 1888 г.—**Февраль.**—Ближайшія нужды мѣстнаго управленія, бар. П. Л. Корфа.—Къ рѣшенію женскаго вопроса.— Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ.—Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. II.— **Мартъ.** — Сочиненія К. Н. Батюшкова.—Судебныя рѣчи, А. Ѳ. Кони.— Любовь, О. К. Нотовича.—Приключенія и впечат-

лѣнія въ Италіи и Египтѣ, Дѣдлова.— Въ дебряхъ сѣвера, сост. Э. Гранстремъ.—Діэтетика духа, д-ра Шольца, перев. П. Ковалевскаго.— Брюхо Петербурга, А. Бахтіарова.—**Апрѣль.** — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 64.—Сенатскій архивъ, т. I: Именные указы имп. Павла I.—Лекціи по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, вып. 2.—Критическіе этюды по русской литературѣ, К. К. Арсеньева. — Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова.—**Май.**—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, томы 61, 63, 65.—Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 10.—Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева.—Искра божья, гр. Е. А. Саліаса.— Сатиръ и Нимфа, ром. Н. А. Лейкина.— **Іюнь.** — Влад. Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи. — Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, Д. Зварницкаго.—Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе, И. И. Кауфмана. — Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго библіографическаго словаря. — О ядахъ въ организмѣ животныхъ и человѣка, и о борьбѣ съ ними, И. Р. Тарханова.—**Іюль.**—Петербургъ до его основанія, Г. А. Немирова. Вып. I.—Исторія девятнадцатаго вѣка, Г. Гервинуса. Т. VI.—Лекціи по исторіи римской литературы, В. И. Модестова.—Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи, проф. Н. О. Куплевскаго. — **Августъ.**—Замѣтки о мѣстной реформѣ, Г. А. Евреинова.—Великая княгиня Екатерина Павловна, И. Н. Бажерянова.—Физіологія любви. Паоло Мантегаццы.—**Сентябрь.** — Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, проф. Мартенса. VIII.—Сельско-строительное искусство, Ф. Н. Королева. Вып. 2-й. — Статистика слѣпыхъ въ Россіи, по переписи 1886 г., разработано В. Алексицынымъ и А. Сыреевымъ. — Очеркъ исторіи Польши, М. Бобржинскаго. Перев. съ 3-го польск. изданія, Н. И. Карѣева.—Полное собраніе сочиненій Вилліама Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. — **Октябрь.**—Профессіональная гигіена, А. Лайэ, перев. д-ра В. В. и Е. В. Святловскаго. — Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюденій, Як. Мессера.— Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. III.—Краткій словарь наиболѣе употребительныхъ шведскихъ и финскихъ словъ, А. Федотова. — Всесвѣтный бродяга, В. Немировича-Данченко. — Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей, С. А. Венгерова, вып. 11.—**Ноябрь.**—Всеобщая исторія Георга Вебера, т. X. — Система римскаго гражданскаго права, проф. Барона. — Новыя путевыя впечатлѣнія К. Скальковскаго. — Объ иностранцахъ въ Россіи, М. И. Мыша.—По Америкѣ, поѣздка въ Канаду и Соед. Штаты, д-ра П. Алексѣева.— Юридическій Ежегодникъ за 1887 г., В. Маркевича.—**Декабрь.**—Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей при окружныхъ судахъ, М. А. Горановскаго.—О способахъ обученія и воспитанія солдата, Н. Бутовскаго.—Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева, т. VI.—Исторія французской литературы, сост. К. Б. и А. К.— Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. Венгерова, вып. 14.—Гипнотизмъ въ практической медицинѣ, Б. М. Бродовскаго.

VI. Извѣстія.

Отъ редакціи.—Отчетъ о пожертвованіяхъ на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина въ с. Ивановѣ (январь, 478). — По поводу открытія дѣйствій Комитета по улучшенію экономическаго состоянія красноуфимскаго уѣзда, пермской губерніи (февраль, 933). — Отъ Общества „Бѣлаго Креста“ (декабрь, 911).

1889 г.

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Двадцатипятилѣтіе земскихъ учрежденій. — Тамбовское земство и тамбовскій губернаторъ. — Мнимо-политическій характеръ земской и судебной реформы. — Тенденціозность въ подборѣ и оцѣнкѣ данныхъ, относящихся къ составленію земскаго положенія и судебныхъ уставовъ. — Совмѣстимость независимаго суда и самостоятельнаго земства съ русскимъ государственнымъ строемъ. — Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ † (395 стр.). — **Февраль.** — Замѣчанія кіевскаго юридическаго факультета противъ постановленій проекта уголовнаго уложенія, относящихся къ имущественнымъ посягательствамъ. — Расширеніе круга дѣйствій крестьянск. поземельнаго банка. — Введеніе мировыхъ судебныхъ установленій въ архангельской губерніи. — Наши противники и союзники по вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія (825 стр.). — **Мартъ.** — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1886 г. — Борьба съ католицизмомъ въ западныхъ губерніяхъ и съ лютеранствомъ въ остзейскомъ краѣ. — Расколъ при дѣйствіи закона 3-го мая. — Церковно-приходскія школы и церковно-приходскія попечительства. — „Иносословные" воспитанники духовно-учебныхъ заведеній". — Бракоразводныя дѣла. — Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ. — Ликующая московская газета (363 стр.). — **Апрѣль.** — Законъ о порядкѣ возбужденія отвѣтственности министровъ. — Новыя законодательныя мѣры въ области преступленій противъ вѣры. — Предполагаемая нормировка земскаго обложенія. — Неуравнительность земскаго сбора по мѣстностямъ и категоріямъ имуществъ; мѣры къ ея устраненію. — Способы поддержки нуждающихся земствъ. — „Наблюденія и соображенія" г. Безобразова о новомъ фабричномъ законодательствѣ и о фабричной инспекціи (798 стр.). — **Май.** — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1887 г. — Продажныя цѣны и различныя категоріи покупателей. — Помощь малоземельнымъ и безземельнымъ. — Мѣры, проектируемыя въ видахъ бо̀льшей обезпеченности ссудъ. — Отчетъ дворянскаго земельнаго банка за 1887 г. — Слухи о волостныхъ судахъ. — „Великія реформы" или „новшества"? (343 стр.) — **Іюнь.** — Проектъ правилъ о публичной продажѣ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ земельномъ банкѣ; его достоинства и недостатки. — Слѣдователи-судьи, какъ предполагаемые преемники уѣздныхъ мировыхъ судей. — Возможны ли другія комбинаціи, исходящія изъ той же основной идеи? — Графъ Д. А. Толстой † (767 стр.). — **Іюль.** — Подробности проектируемой замѣны уѣздныхъ участковыхъ мировыхъ судей. — Неудобства соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи. — Роль, предназначаемая почетнымъ мировымъ судьямъ. — Стоимость реформы. — Волостные суды и тѣлесное наказаніе. — Постепенность въ осуществленіи преобразованій. — Распоряженіе попечителя дерптскаго учебнаго округа (380 стр.). — **Августъ.** — Пути возвышенія мелкой сельско-хозяйственной культуры въ Россіи. — Самостоятельность путей развитія крупнаго и мелкаго землевладѣльческаго производства. — Индивидуальное и массовое творчество народа въ области сельск. хозяйства. — Результаты дѣятельности крестьянъ и владѣльцевъ въ области скотоводства. — Необходимость участія въ поднятіи сельско-хозяйственной культуры со стороны правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. — В. В. (793 стр.). — **Сентябрь.** — Обнародованіе положенія о земскихъ начальникахъ и правилъ о преобразованіи судебной части. — Различіе между проектами и окончательнымъ текстомъ закона. — Распредѣленіе судебныхъ дѣлъ между волостными судами, земскими начальниками и уѣзднымъ членомъ окружного суда. — Судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда. — Новыя правила о волостномъ судѣ. — Законъ 7-го іюля, ограничивающій сферу дѣйствій суда присяжныхъ. — Квартирное довольствіе полиціи (370 стр.). — **Октябрь.** — Административная власть земскихъ начальниковъ. — Отмѣна мірскихъ приговоровъ; открытіе крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ; попеченіе о благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ; разсмотрѣніе жалобъ на должностныхъ лицъ. — Порядокъ назначенія и увольненія земскихъ начальниковъ. — Правила судопроизводства у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. — Новый отчетъ дворянскаго земельнаго банка. — Статья К. П. Побѣдоносцева о семейныхъ участкахъ. — Случай административнаго тѣлеснаго наказанія (801 стр.). — **Ноябрь.** — Законъ 13-го іюля о крестьянскихъ переселеніяхъ. — Условія переселенія; льготы переселенцамъ: поземельное и административное ихъ

II. Иностранное обозрѣніе.

зультаты. — Русско-германскія отношенія.—Берлинская система союзовъ. —Характеристика германскаго императора по отзывамъ бывшаго его наставника.—Внутреннія дѣла въ Германіи.—Положеніе дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи (411 стр.).—**Декабрь.**—Политическія дѣла Германіи.—Итоги дипломатическихъ путешествій и свиданій.—Внутренніе вопросы и имперскій сеймъ. —Политическія партіи и правительство.—Парламентскія засѣданія.—Газетные толки о всемірной выставкѣ въ Берлинѣ. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Переворотъ въ Бразиліи (849 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Запорожье, Д. И. Эварницкаго,—А. П.—Стихотворенія П. А. Козлова, 2 т. — К. К. — Неотчуждаемость крестьянскихъ земель, Г. П. Сазонова.—Л. С. (447 стр.).—**Февраль.**— Записки Н. И. Толубѣева.—Неплюевъ и Оренбургскій край, В. Н. Витевскаго. Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1886 г.—Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма.—Старый Петербургъ, М. П. Пыляева.—А. П.— Народное образованіе въ свіяжскомъ уѣздѣ за 1887—88 г.—Основы обученія родному языку въ народной школѣ, Н. Горбова.—К. К.—Ссудо-сберегательныя товарищества въ Россіи, П. А. Соколовскаго. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (880 стр.).—**Мартъ.** —Памяти В. М. Гаршина, Художественно-литературный сборникъ. — Красный цвѣтокъ. Литературный сборникъ въ память В. М. Гаршина.—Что̀ читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія.—И. Я. Фойницкій. Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ.—П. В. Макалинскій. С.-Петербургская присяжная адвокатура. — В. Ф. Мухинъ. Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ.—К. К.—Дневникъ школьника. Книга для дѣтей Эдмонда де-Амичисъ.—Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв., П. Житецкаго.—А. П. (403 стр.). — **Апрѣль.**— Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, т. IX.—С. И. Зарудный, Григ. Джаншіева. — О Франціи. Статья пр. В. И. Модестова. — К. К. — Русскія древности, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. 1.— Жизнь и труды Погодина, Н. Барсукова.—А. П.—Императоръ Николай I и иностранные дворы, С. С. Татищева.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (836 стр.).—**Май.**—Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.—А. Незеленовъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху.—А. П.—Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни.— К. К. — Новыя книги и брошюры (389 стр.).—**Іюнь.** — Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-е.—Расколъ на Дону, В. Г. Дружинина.—Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, Н. С. Соколова. — Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст., Л. Н. Майкова.—Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, М. И. Сухомлинова.—А. В.—Новыя книги и брошюры (806 стр.).—**Іюль.**— Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей. Ч. I и II. — Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ.— Н. Лендеръ, Волга. — А. П. Новыя книги и брошюры (413 стр.).—**Августъ.** —Н. Чечулинъ, Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. — Г. Арендаренко, Досуги въ Туркестанѣ.—В. Миллеръ, Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея. — Н. Лопатинъ и В. Прокунинъ, Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ.—А. П.—А. Штиглицъ, Изслѣдованія о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности.—Н. Гиляровъ-Платоновъ, Основныя начала экономіи.—Л. С. (850 стр.). —**Сентябрь.**—Анучинъ, О географическомъ распредѣленіи роста; О задачахъ этнографіи.—Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. десятое, т. IV.—Греко-болгарскій церковный вопросъ, В. Теплова.—А. В. —Связь экономическихъ явленій съ законами явленій, Н. Батюшкова. — Л. С. (407 стр.).—**Октябрь.**—Власть московскихъ государей, М. Дьяконова. — Галицко-русская библіографія XIX-го ст., Е. И. Левицкаго.—Къ вопросу о мѣрахъ противъ вреднаго вліянія школы на здоровье учащихся, д-ра Б. Г. Медема.—Петръ В. въ русской литературѣ, Е. Шмурло.—Историческія пропилеи, Д. Л. Мордовцева. — А. В.—Американская республика, Дж. Брайса, ч. I, перев. В. Н. Невѣдомскаго.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (834 стр.).—**Ноябрь.**—Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. 2. Древности скиѳо-сарматскія. — Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ,

А. В. Экземплярскаго.—Пушкинъ въ портретахъ, С. Либровича.—А. Н.—Новыя книги и брошюры (423 стр.). — **Декабрь.** — А. В. Абрамовъ, Что̀ сдѣлало земство, и что̀ оно дѣлаетъ? М. Я. Капустинъ, Основные вопросы земской медицины.—Я. Т. Нейштабъ, Объ организаціи земской медицины. —Д. П. Никольскій, Обзоръ дѣятельности губернскихъ съѣздовъ.—В. В. Святловскій, Фабричный рабочій.—А. Карабеговъ, Реформы судебныхъ уставовъ.—Кн. Д. Цертелевъ, Нужна ли реформа мѣстнаго управленія?—К. К.—С. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. I. — И. И. Дубасовъ, Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. — А. П.—Новыя книги и брошюры (861 стр.).

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—Les lois du progrès, par Fédérici.—Le suffrage universel et le régime parlementaire, par P. Laffitte. —Trois empereurs d'Allemagne, par E. Lavisse — Frédéric III, par R. Rodd. — Autour d'une révolution, par le comte d'Herisson.—Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik, herausg. v. H. Braun. — Л. С. (436 стр.).—**Февраль.**—I. Principes de politique, par G. Bergeret.—II. Histoire diplomatique de la troisième république (1870—1889), par Ed. Hippeau.—III. L'évolution de la propriété, par Ch. Letourneau.—Л. С.—IV. Les hommes d'état du XIX siècle.—V. Histoire d'un jour, Alfred Darimon. — Mes petits papiers, Hector Pessard. — К. К. (899 стр.). — **Мартъ.** — I. W. Stead, Truth about Russia.—II. The Bismarck dynasty.—III. J. Lubbock, The pleasures of life.—Л. С.—Dietzel, Karl Rodbertus. Darstellungen s. Lebens und s. Lehre.—А. П. (420 стр.).—**Апрѣль.**—I. Le socialisme d'état et la réforme sociale, par C. Jannet. — II. Le peuple allemand, ses forces et ses ressources, par Ch. Grad.—III. Les principes de 1789 et la science sociale, par. Th. Ferneuil. — IV. Souviens- toi du 2 décembre, par J. Simon.—V. Essai sur le régime parlementaire, par X. Combothecra. —VI. Etudes sur l'histoire du droit, par sir H. Sumner Main. — VII. Volk und Nation, von Fr. Neumann.—Л. С. (859 стр.).—**Май.**—I. L. Bresson, Etudes de sociologie.—II. Ed. Goumy, La France du centenaire. — III. Corentin Guyho. Etudes d'histoire parlementaire.—Л. С.—IV. E. Renan, Histoire du peuple d'Israel, t. II.—К. К.—(406 стр.). —**Іюнь.**—I. La morale, l'art et la religion d'après M. Guyau, par A. Fouillet. — II. La guerre et la société, par le général Jung.—III· La France, par le comte de Chaudordy. — Л. С. (821 стр.).—**Іюль.**—I. Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland, v. Dr. J. Engelmann. — В. Д. — II. Fr. Bouillier, Questions de morale pratique.—III. G. Géroult, Le centenaire de 1789.—IV. G. de Greef, Introduction à la sociologie. — V. Achajus, Der Werth der berliner politischen Presse. — Л. С. (425 стр.).—**Августъ.**—B.-Saint-Hilaire, La philosophie dans ses rapports avec les sciences et la religion.—F. Cellarier, Etudes sur la raison. — De Roberty, L'inconnaissable, sa métaphisique. sa psychologie. — K. — Dickel, Ueber das neue Gesetzbuch für Montenegro. — Л. С. (868 стр.). — **Сентябрь.** — Agrarpolitische Zeit-und Streitfragen, von Miaskowski. — Die Sklaverei, von A. Ebeling.—Die Aufgaben der Kulturgeschichte, von Gothein.—Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth, von Brentano.—Zur Duellfrage, von A. v. Oettingen. — Л. В. (422 стр.).—**Октябрь.**—Zwei Jahrzehnte deutscher Politik und die gegenwärtige Weltlage, von Ed. von Hartmann.—Russland und Dreibund.—Histoire de la révolution française, par P. Janet.—Les nouvelles colonies de la république française, par A. Rambaud. — Л. С. (851 стр.). — **Ноябрь.** — I. Oeuvres Economiques et Philosophiques de Quesnay, fondateur du Système Phisiocratique, publiées avec une introduction et des notes par Auguste Oncken. — II. L'art au point de vue sociologique, par M. Guyau.—III. Die Gründung des Norddeutschen Bundes, von Karl Binding.—IV. In neuer Zeit. Briefe eines alten Diplomaten an einen jungen Freund. I: Wallende Nebel und Sonnenschein.—V. Wilhelm II und die junge Generation. Eine zeitpsychologische Betrachtung, von Hermann Conradi.—Л. С. (433 стр.). — **Декабрь.** — I. L'évolution politique dans les diverses races humaines, par Ch. Letourneau.—II. Hermann Roskoschny, Das arme Russland.—Л. С.—(885 стр.).

V. Изъ общественной хроники.

Январь. — Модныя вѣянія въ провинціальномъ захолустьѣ. — Земская кампанія противъ земской школы. —

Другіе „признаки времени“ и погоня за „теплыми мѣстечками“.—Коротоякское дѣло. — Газетные отзывы о гр. Лорисъ-Меликовѣ. — А. Я. Гердъ †. (459 стр.).—**Февраль.** — Походъ изъ Чернигова противъ земской школы и земской учительской семинаріи. — Усмотрѣніе и законъ.—Неожиданная варіація на тему: „Всуе законы писать, когда ихъ не хранить“.— Авторитетныя свидѣтельства противъ "добраго стараго времени“ и въ пользу новыхъ учрежденій.—С. А. Юрьевъ †. (916 стр.). — **Мартъ.** — По вопросу: кого Ашиновъ обманулъ больше — Петербургъ или Москву?—Изъ переписки Ашинова съ И. С. Аксаковымъ и m-me Adam (433 стр.).—**Апрѣль.**— Оффиціальная статистика нашихъ университетовъ. — Перемѣны въ дерптскомъ университетѣ.—Отношеніе нѣкоторыхъ органовъ печати къ остзейскимъ дѣламъ.—Возобновленіе пріема на высшіе женскіе курсы. — Начало городскихъ выборовъ по III разряду въ Петербургѣ и Москвѣ на основаніи новаго закона (867 стр.).—**Май.**— Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и новыя нападенія на присяжную адвокатуру. — Еврейскій вопросъ на адвокатской почвѣ. — Усиленіе надзора надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ.— Спорные вопросы адвокатской нравственности. — Увеличеніе почтовой таксы за пересылку книгъ и ея неизбѣжныя послѣдствія (417 стр.). — **Іюнь.**—Новая кампанія противъ Финляндіи и правительственное сообщеніе по этому предмету.—Крестьянская реформа, какъ результатъ „радикальныхъ бредней“. — Городская дума, ходатайствующая о высылкѣ частнаго лица.—Прекращеніе дѣла о крушеніи 17-го октября и одинъ изъ эпизодовъ этого крушенія.—Отвѣтъ на возраженіе (850 стр.).—**Іюль.** — Продолженіе кампаніи противъ финляндскаго сепаратизма; ея комическія и серьезныя стороны. — Дачники въ роли патріотовъ.—Есть ли въ Финляндіи основные законы?—Надежда Дмитріевна Заіончковская (В. Крестовскій-псевдонимъ) †. — Ея общественные идеалы и литературное значеніе (442 стр.).—**Августъ.**—Первый періодъ „классицизма“ у насъ и сужденіе въ печати о его главныхъ результатахъ. — Журнальная статья о томъ же предметѣ г. А. Георгіевскаго и трудъ г. Ѳ. Еленева: „О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи“. —Записка о классицизмѣ Ив. Ив. Пискарева, директора царскосельской гимназіи. — Постановленіе петербургской думы о „тотализаторѣ“, повторившееся въ московской думѣ.—Противники и защитники тотализатора въ печати. — Образчикъ новѣйшей философіи отечественной исторіи.—Основаніе новаго философскаго журнала въ Москвѣ.—М. Н. Любощинскій † (876 стр.).—**Сентябрь.**—Толки въ печати о новѣйшихъ преобразованіяхъ. — Англійская газета о Россіи.—Продолженіе полемики о финляндскихъ учрежденіяхъ.—А. А. Краевскій † (429 стр.). —**Октябрь.**—Первые государственные экзамены. — Ожидаемое преобразованіе историко-филологическаго факультета. — Вопросъ о предѣлахъ правительственнаго „вмѣшательства“, въ связи съ закрытіемъ тотализатора въ Москвѣ и изданіемъ закона о банкирскихъ конторахъ.—Родители-евреи и сынъ-христіанинъ. — Болѣзнь А. Д. Градовскаго.—В. П. Безобразовъ †.— Столѣтіе города Одессы.—Post-scriptum (858 стр.).—**Ноябрь.**—„Признаки времени“ и жалобы на „наше время“.— Церковно-приходская школа. — Замѣчательная рѣчь предводителя дворянства. — Экскурсія г. Фета въ область публицистики. — Вѣроятная судебная ошибка и ея причины.—Перлъ консервативной критики. — Газетные толки о новомъ займѣ съ выигрышами.— Н. Г. Чернышевскій † (454 стр.). — **Декабрь.**—Юбилей А. Г. Рубинштейна и чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ обществѣ. — Двадцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ.—Изъ жизни провинціи (897 стр.).

VI. Библіографическій листокъ.

Январь.—Памяти Гаршина, худ.-лит. сборникъ. — „Красный цвѣтокъ“, въ память В. М. Гаршина.—Современное международное право, Фед. Мартенса, т. II. — Учебникъ исторіи. Новая исторія, ч. I, А. Трачевскаго.— Дѣятельность животныхъ, В. Тенишева.— **Февраль.**—Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, ч. I.—Земля и люди, Эл. Реклю, т. X.—Богданъ Хмельницкій, пов. О. И. Роговой — Донъ-Жуанъ, Байрона, перев. П. А. Козлова. — Повѣсти и разсказы Ольги Шапиръ.—Шекспиръ, его жизнь и произведенія, В. Чуйко.— Разсказы о любви, М Гольдшмидта, перев. съ датск. Г. Любомудрова. — **Мартъ.** — Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, т. IX. — Приключе-

нія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ, Дѣдлова (В. П. Кигнъ).—Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. I.—Гигіена, А. Доброславина, ч. I. — Эмиль де-Лавеле, Балканскій полуостровъ, пер. Н. Е. Васильева.— **Апрѣль.**—Изъ жизни русской природы, М. Н. Богданова. — Характеръ, Сам. Смайльса; перев. Майковой.—Исторія соціальныхъ системъ, Д. Щеглова, т. II.—Антропологія, Э. Ю. Петри, вып. I.—Очерки современной Испаніи, И. Яковлева (И. Я. Павловскаго).—Chefs-d'oeuvres dramatiques de A. N. Ostrovsky, trad. par F. Durand-Gréville. — **Май.** — Сибирь въ XIX-мъ столѣтіи, В. К. Андріевича. — Библейская исторія, А. П. Лопухина, т. I.—Основные вопросы политики, Л. З. Слонимскаго.— Робинзонъ Крузе, А. Анненской.—**Іюнь.**— Описаніе документовъ и бумагъ въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи, кн. 6. — Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе, д-ра Н. Керра. — О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ, д-ра Л. Кобылянскаго.—Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, ч. I, д-ра И. Яворскаго.—**Іюль.**—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 66.—Кантъ, Имм., Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, перев. Вл. Соловьева. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 16—19. — Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путеш. Норденшельда. — Г. Спенсеръ, Воспитаніе умств., нравств. и физическое.—Н. В. Жукъ, Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи.—**Августъ.**—Сенатскій Архивъ, т. II.—Всеобщая исторія литературы, вып. 23. — Стихотворенія Фр. Коппе, вып. 1, п. р. П. Вейнберга. — Четыре министра путей сообщенія, В. Панаева. — Историческая хрестоматія по русской исторіи, Я. Гуревича, т. III.—Греко-болгарскій вопросъ, по неиздан. источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова.—**Сентябрь.**— Д. Г. Льюисъ, Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени. — Лицемѣрный вѣкъ (Il secolo Tartufo). Сочиненіе Паоло Мантегаццы. — Ч. А. Файфъ. Исторія Европы XIX-го вѣка. Томы I и II. Съ 1792 по 1848 г.—Султаны Кенисара и Садыкъ. Біографическіе очерки султана Ахмета Кенисарина.—**Октябрь.**—Сочиненія В. Д. Спасовича, 2 т.—Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII в., К. Грота.—Исторія среднихъ вѣковъ, Н. А. Осокина, т. II.—Ипотека по римскому праву и по новѣйшимъ законодательствамъ, А. Сопова.—**Ноябрь.**— Русское уголовное судопроизводство пр. Д. В. Тальберга.—Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма, д-ра Крафтъ-Эбинга. — Историческіе очерки. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. А. Н. Пыпина.—Учебникъ исторіи. Древняя исторія. А. Трачевскаго.—Библейская исторія, А. П. Лопухина, т. II.—Фабричный рабочій, В. В. Святловскаго.—**Декабрь.**—Исторія Сибири, ч. II. В. Андріевича.—Всеобщая исторія, Г. Вебера, т. I, 2-е изд. —Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, Н. С. Таганцева, 6-е изд.—Петербургъ до его основанія, вып. III, Г. А. Немирова. — Очеркъ коммерческой и хозяйственной статистики Россіи, сост. Д. Д. Моревъ.

VII. Извѣстія.

Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю (янв. 472; февр. 930; мар. 438). — Отъ Распорядительнаго Комитета по устройству саратовской земской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 года (мар. 438). — Пожертвованія въ пользу земской школы Бавелина (апр. 886).—Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь и февраль 1889 г. (май, 431; авг. 894).— Отъ Распорядительнаго Комитета Кавказской выставки предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности (іюнь, 864; іюль, 454).—Пожертвованія на составленіе капитала имени М. Е. Салтыкова (авг. 894; нояб. 469).— Пожертвованія на надгробный памятникъ Н. Д. Зайончковской (авг 894; нояб. 469). — Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ (нояб. 468). — О съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію (нояб. 469). — Отъ С.-Петербургскаго Комитета грамотности на соисканіе медали, учрежденной въ память А. С. Воронова (декабрь, 905).

1890 г.

563).—Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры: 1829—31 гг. (іюль, 248; авг. 487). — Н. В. Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому (дек. 594).

Шиловъ, В.—Лобановщина, романъ въ двухъ частяхъ (іюль, 184; авг. 445; сент. 34; окт. 433, нояб. 88).

Э. А. — Наканунѣ переворота въ 60-хъ годахъ, ром. Мар. Крофорда (янв. 227; фев. 746; мар. 217; апр. 673; май, 204).—Сто лѣтъ тому назадъ, разсказы Ог. Филона: I. Дѣвическая грёза; II. Кукла (іюнь, 667). I. Неравный бракъ; II. Въ общественной каретѣ (дек. 614).—Подъ игомъ страстей, ром. Рич. Ашкинга, съ англ. (іюль, 316; авг. 679; сент. 275; окт. 685; нояб. 244; дек. 614.

Якушкинъ, В.—Письмо къ Редактору (нояб. 444).

Янжулъ, И. И. — Практическая филантропія въ Англіи (фев. 620; мар. 55).—Новая фантазія на старую тему (апр. 553; май, 173).—Бисмаркъ и государственный соціализмъ (авг. 728).

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, 15 декабря 1889 г.: первое предостереженіе (янв. 3).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Главные итоги истекшаго года (стр. 369).—**Февраль.**—Приведеніе въ дѣйствіе положеній 12-го іюля.—Правила 29-го декабря о производствѣ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей.—Гласность засѣданій и участіе повѣренныхъ.—Повѣрка выборовъ въ земскія собранія.—Нѣсколько словъ по поводу статьи кн. Н. С. Волконскаго.—Земскія новости (стр. 836).—**Мартъ.**—Введеніе въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ, и вызванныя имъ оффиціальныя заявленія.—Рѣчь преосвященнаго Виссаріона и необузданные комментаріи къ ней.—Pia desideria нѣкоторыхъ органовъ нашей печати.—Возстановленіе прежней редакціи закона о дворянскихъ ходатайствахъ.—Движеніе въ средѣ присяжной адвокатуры (стр. 377).—**Май.**—Предстоящій международный пенитенціарный конгрессъ.—Подготовительные къ нему труды петербургскаго юридическаго общества.—Вопросы о неисправимыхъ преступникахъ, о судейскихъ внушеніяхъ и выговорахъ, объ условномъ осужденіи.—Предстоящая реформа фабричнаго законодательства.—Газетныя извѣстія объ обязательномъ выкупѣ въ остзейскихъ губерніяхъ (стр. 353).—**Іюнь.**—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1887 г.—Положеніе православія въ остзейскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ.—Борьба съ язычествомъ на Востокѣ.—Расколъ и сектантство.—Церковно-приходскія школы и школы грамотности.—Международный пенитенціарный конгрессъ и вопросы о преступныхъ дѣтяхъ (стр. 757).—**Іюль.**—Земско-статистическія работы, какъ матеріалъ для изслѣдованія условій сельскаго хозяйства.—Достоинства ихъ и недостатки.—Опытъ вывода изъ нихъ по вопросу о крестьянскихъ платежахъ и недоимкахъ.—Размѣры платежей въ двадцати уѣздахъ великорусскихъ губерній и ихъ сборъ.—Количество недоимокъ въ тѣхъ же уѣздахъ и ихъ особенности.—Что собственно должно быть предметомъ обложенія? (стр. 362)—**Августъ.**—Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.—Сохраненіе прежней компетенціи земства.—Существенныя перемѣны въ его организаціи.—Пониженіе числа гласныхъ и избирательнаго ценза.—Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе.—Отношеніе земскихъ управъ къ администраціи.—Манифестъ о почтовой части въ Финляндіи (стр. 806).—**Сентябрь.**—Распространеніе круга дѣйствій положенія о земскихъ начальникахъ.—Есть ли существенная разница между земскимъ начальникомъ и городскимъ судьею?—Новыя распоряженія, касающіяся церковныхъ школъ.—Законъ о заочномъ разбирательствѣ, уставъ дворянскаго земельнаго банка и другія законодательныя мѣры послѣдняго времени.—Графъ М. Х. Рейтернъ † (стр. 353).—**Октябрь.**—Предстоящій пересмотръ городового положенія.—Картина городского управленія въ двухъ городахъ юго-восточной Россіи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.—Послѣднія назначенія по мѣстному управленію.—Письмо земскаго начальника и корреспонденція о земскомъ начальникѣ.—Газетные слухи

и толки (стр. 807).—**Ноябрь.**—Городское общественное управленіе въ четырехъ губерніяхъ.—Составъ избирательныхъ собраній, городскихъ думъ и городскихъ управъ; городскіе доходы и городскіе расходы. — Точное исполненіе закона и „примѣнительное соображеніе“ съ нимъ, равносильное его нарушенію. — Справедливость и „защита бѣдныхъ“.—Вопросъ объ увеличеніи содержанія земскихъ начальниковъ.—Циркуляръ нижегородскаго губернатора (стр. 367). — **Декабрь.** — Трехразрядная избирательная система —больное мѣсто городового положенія 1870 г. — Предположенія, относящіяся къ ея преобразованію. — Необходимость усилить представительство интеллигенціи и массы.—Новыя сообщенія по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ (822 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Политическіе итоги 1889 года.—Нѣкоторые характерные факты. —Положеніе дѣлъ во Франціи. – Особенности новѣйшаго буланжизма. — Внутренніе и внѣшніе вопросы въ Германіи.—Африканскія экспедиціи. —Австрійскія и балканскія дѣла (стр. 403).— **Февраль.** — Особенности избирательнаго движенія въ Германіи. — Парламентскія партіи и правительство.—Засѣданія имперскаго сейма и законъ противъ соціалистовъ. — Роль императора Вильгельма II.—Чешскій вопросъ въ Австріи. — Нѣмецко-чешское соглашеніе и внутренніе партійные споры.—Французскія дѣла; мнимый антисемитизмъ буланжистовъ и политическія ихъ превращенія. — Англо-португальскій споръ (стр. 865). — **Мартъ.** — Соціально-политическіе проекты Вильгельма II. — Рескрипты 4-го февраля и отношеніе къ нимъ князя Бисмарка.—Парламентскіе выборы въ Германіи. — Газетные толки по поводу предпріятій и рѣшеній германскаго императора. — Французскія дѣла.—Смерть графа Андраши и восточный вопросъ.—Взглядъ „патріота“ на современное положеніе русскаго народа (стр. 411). —**Апрѣль.**—Отставка князя Бисмарка, ея причины и послѣдствія.—Особенность положенія и политики канцлера за послѣдніе годы.—Разногласія съ Вильгельмомъ II и съ общественнымъ мнѣніемъ Германіи. — Дипломатія въ парламентскихъ дѣлахъ. — Злоупотребленія оффиціозной печати.—Значеніе канцлерскаго кризиса для Германіи и для Европы. — Берлинская конференція по рабочему вопросу.—Министерскія перемѣны въ Венгріи и во Франціи (стр. 848). — **Май.** — Новыя вѣянія въ правительствѣ Германіи. — Первыя заявленія генерала Каприви. — Вопросъ о личномъ „престижѣ“ канцлера.—Роль военнаго элемента въ государственномъ управленіи Пруссіи. —Внутреннія нѣмецкія дѣла.—Рабочее движеніе въ Австро-Венгріи и Германіи.—Толки о празднованіи 1-го мая въ западной Европѣ.—Одна изъ особенностей національной борьбы въ Чехіи. — Старочехи и младочехи. — Чешско-нѣмецкое соглашеніе и антагонизмъ двухъ чешскихъ партій (стр. 379).—**Іюнь** —Политическія перемѣны въ Германіи. — Результаты удаленія кн. Бисмарка.—Открытіе новаго имперскаго сейма — прежде и теперь.— Настроеніе парламентскихъ партій.— Законы объ увеличеніи состава арміи и объ охранѣ рабочихъ.—Бесѣды кн. Бисмарка съ газетными корреспондентами.—Французскія дѣла (стр. 799). —**Іюль.**—Новая германская политика и ея практическіе результаты.—Англо-германское соглашеніе. — Внутренній смыслъ состоявшейся сдѣлки и значеніе ея для международныхъ отношеній въ Европѣ. — Депеша лорда Сольсбери къ сэру Малету. — Оффиціальные мотивы уступки Гельголанда. — Значеніе острова для Германіи и сомнительная выгодность его присоединенія.—Военный законъ въ имперскомъ сеймѣ.—Мнимыя таинственныя причины уступчивости Виндгорста.— Вопросъ объ африканскихъ дѣлахъ въ Англіи (стр. 395). — **Августъ.** — Конгрессъ приверженцевъ общаго мира въ Лондонѣ.—Принципъ третейскаго суда въ международныхъ спорахъ.— Странныя противорѣчія и недомолвки. — Вопросъ о нейтрализаціи Эльзасъ-Лотарингіи.—Нѣмецкая брошюрка по этому предмету.—Примирительное настроеніе въ Германіи.—Оффиціозная печать при князѣ Бисмаркѣ и теперь. —Заявленія и отзывы бывшаго канцлера въ бесѣдахъ съ корреспондентами.—Внутреннія нѣмецкія дѣла.— Новыя путешествія Вильгельма II. — Возможное сближеніе съ Россіею и толки о болгарскомъ вопросѣ. — Послѣднія событія въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ (стр. 838). — **Сентябрь.**—Политическое значеніе путешествій Вильгельма II. — Газетные толки по поводу пребыванія его въ Россіи. — Международное положеніе

Германіи. — Особенности нынѣшней нѣмецкой политики. — Принципы кн. Бисмарка и его преемниковъ. — Соглашенія по африканскимъ дѣламъ и ихъ значеніе. — Перемѣна въ политическомъ настроеніи нѣмецкаго общества. — Нѣмецкая соціальная демократія и нынѣшній ея кризисъ. — Англійскія дѣла (стр. 373). — **Октябрь.** — Военные маневры и политическія свиданія. — Австро-германскія отношенія и восточный вопросъ. — Праздные толки о франко-русскомъ союзѣ. — Французское руссофильство и его мотивы. — Школа Каткова: гг. Татищевъ и Ціонъ. — Разсужденія г. Татищева о союзѣ съ Франціею и примиреніи съ Болгаріею. — Болгарскія дѣла (стр. 830). — **Ноябрь.** — Первое октября въ Германіи. — Опасенія въ обществѣ наканунѣ отмѣны закона о соціалистахъ и ихъ неосновательность. — Конгрессъ соціалистовъ въ Галле и первые его результаты. — Торжество старыхъ вождей соціальной партіи надъ молодыми. — Новая организація партіи соціалистовъ въ Германіи, и три главныя резолюціи конгресса. — Восточныя дѣла, и письмо ген. Каульбарса (стр. 417). — **Декабрь.** — Новыя реформы въ Пруссіи и внутренняя германская политика. — Торжество тройственнаго союза въ Италіи. — Англійскія дѣла и билль Макъ-Кинлея. — Новое царствованіе въ Нидерландахъ. — По армянскому вопросу (863 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ ред. И. А. Шляпкина, т. I и II. — Сочиненія А. Скабичевскаго, въ 2-хъ томахъ. — Книга Калила и Димна, перев. съ арабскаго М. О. Аттая и М. В. Рябинина. — А. П. — Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, Н. И. Гродекова. — Киргизы Букеевской орды, А. Харузина. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 428). — **Февраль.** — Чтеніе въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. 2. — Соловки, д-ра мед. П. Ѳ. Ѳедорова. — Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-ое, т. III. — Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ, Н. Г. Мякушина. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 878). — **Мартъ.** — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. III. — На Сѣверѣ, путевыя воспоминанія В. Х. — Новыя книги и брошюры (стр. 429). — **Апрѣль.** — И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758, В. Витевскаго. — И. Н. Смирновъ, Черемисы; его же, Вотяки. — Біографія Александра Ивановича Кошелева, Н. Колюпанова. — Русскія юридическія древности, В. Сергѣевича. — Русскіе лопари, Н. Харузина. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 863). — **Май.** — Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. 10-ое. — Бѣлоруссія и Литва, П. Н. Батюшкова. — Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II, ч. I и II, В. К. Андріевича. — Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири, А. И. Розова. — А. П. — Новыя книги и брошюры (стр. 391). — **Іюнь.** — Казань въ ея прошломъ и настоящемъ, М. Пинегина. — Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства, Ѳ. Булгакова, т. I. — Исторія педагогики, К. Шмидта, т. I. — А. П. — Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. LXX. — Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, В. Левитскаго. — Объ умѣ и методѣ его воспитанія, М. Зеленскаго. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (стр. 826). — **Іюль.** — Е. Щепкиной: Старинные помѣщики на службѣ и дома. — Литературныя встрѣчи и знакомства, А. Милюкова. — Пѣснь о Нибелунгахъ, съ средне-верхне-нѣмецкаго перевелъ М. Кудряшевъ. — Полибій, Всеобщая исторія, перев. Ѳ. Мищенка. — Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, I. Первольфа. — Новыя книги и брошюры (стр. 409). — **Августъ.** — Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, рѣчь В. И. Модестова. — Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1887 годъ. — Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. — Нижегородскій Сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губернскимъ стат. комитетомъ, подъ редакціей А. Гацискаго. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 851). — **Сентябрь.** — Всеобщая исторія литературы (В. Ѳ. Корша), подъ редакціей А. И. Кирпичникова, вып. XXIV. — Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, Д. Цвѣтаева. — Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ Ал. Фаминцына. — Записки Восточно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общества: Сказанія бурятъ; Верхоянскій сборникъ. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 385). — **Октябрь.** — Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Уральскіе разсказы. — С. Н. Сыромятниковъ, Сага объ Эйрикѣ Красномъ. — П. В. Владиміровъ, Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. — Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кон-

даковымъ, вып. 3.—А. П.—Протекціонизмъ, Я. А. Новикова.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (стр. 844).—**Ноябрь.** — Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго, изд. Н. Страхова. — К. Д. Кавелинъ, П. Б.—Лекціи по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, часть общая, вып. 3.—К. К.—Этнографическое обозрѣніе, вып. 2 и 3, п. р. И. А. Янчука, и Живая Старина, п. р. В. И. Ламанскаго. — А. П.—Письмо къ Редактору, В. Якушкина.—Новыя книги и брошюры (стр. 426).—**Декабрь.** — Описаніе Турецкой имперіи, п. р. П. Сырку,—Историческій обзоръ Туркестана, А. И. Макшеева.—Запросы народа и обязанности интеллигенціи, А. Пругавина.—А. П.—Файфъ, Исторія Европы XIX в., т. III.—Между Востокомъ и Западомъ. — Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою, Р. Даніельсона.—Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіею, Фр. Неовіусъ. —Л. С. (стр. 882).

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. par Fustel de Coulanges.—Remarques sur l'exposition de centenaire, par le v-te E. M. Vogüé—Der Boulanger-Schwindel und die Patrioten-Liga, von Bosse (стр. 441).—**Февраль.**—L'état moderne et ses fonctions, par P. Leroy-Beaulieu. —Education et hérédité, par M. Guyau. —Л. С. (стр. 894).—**Мартъ.**—I. Socialism of the Street in England, by Crofts.—Socialism at St. Stephen's, by the earl of Wemyss. — Socialism in England, S. Webb.—И. И.—II.—Idealismus, von Prof. Muff. — III. — Philosophie und Politik, von M. Brasch.— Л. С. (стр 442).— **Апрѣль.**—Travels in France, by Arthur Young, with an introduction etc., by M. Betham Edwards.—И. И.—Adam Smith und der Eigennutz. Eine Untersuchung, von Richard Zeyss. — Sociale Politik im Deutschen Reich, von Dr. Karl Wasserrab.—De la possibilité d'une future alliance franco-allemande, par le colonel Stoffel.—Л. С. (стр. 878).—**Май.**— I.— Vue générale de l'histoire politique de l'Europe, par Ernest Lavisse. — II. Das Problem der Grundbesitzvertheilung in geschichtlicher Entwickelung, von Aug. von Miaskowsky.—Л. С. (стр. 405).—**Іюнь.**—I. E. de Cyon, La France et la Russie.—II. Villot, l'Alliance russe. —III. Antagonismus der englischen und russischen Interessen in Asien.—Л. С. (стр. 847).—**Іюль.**—Les lois de l'imitation, par Tarde.—Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, par Maxime Kovalevsky.— Le surmenage mental dans la civilisation moderne, par Marie Manacéine. Traduit du russe par E. Jauberts, avec une préface par Ch. Richet.—Л. С. (стр. 426).—**Августъ.**—I.—L'évolutionnisme des idées-forces, par Alfred Fouillée.—II.—La civilisation et les grands fleuves historiques, par Léon Metchnikoff. — III. — Der nächste allgemeine Strike der deutschen Bergarbeiter und seine rationelle Bekämpfung, von Ernst Matthias. — Л. С. (стр. 870). — **Сентябрь.** — I. — Fürst Bismarck. 1815—1890. Vom Professor Wilhelm Müller. Dritte Auflage. Stuttgart.—II.—Die Reform der Presse, von Dr. I. G. Weiss. Karlsruhe.—III.—Die Unvereinbarkeit des socialistischen Zukunftsstaates mit der menschlichen Natur. Von. Dr. W. Schaefer.—Л. С. (стр. 401).—**Октябрь.** —I.—Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges. Les origines du système féodal. – II. — Westeuropa Kosakisch oder geeint, von C. Koettschau.—Л. С. (стр. 861). — **Ноябрь.** — I. University extension: has it a Future? by Mackinder and Sadler. — II. The industrial History of England, by Gibbins. — III. The Conflict of Capital and Labour, by Howell.—И. Я.—J. J. Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui, par J. Grand-Carteret. — А. П.—въ (стр. 445). — **Декабрь.** — La genèse de l'idée de temps, par M. Guyau.—II. Les coulisses du boulangisme, par X.. du Figaro (стр. 898).

V. Изъ общественной хроники.

Январь.—С. П. Боткинъ, Э. Э. Эйхвальдъ и А. П. Доброславинъ †. — Сессія губернскихъ земскихъ собраній. — Ходатайство орловскаго дворянства. — Газетный походъ противъ присяжной адвокатуры. — „Юридическій Вѣстникъ" и драмы изъ отечественной исторіи передъ судомъ печати (стр. 447).—**Февраль.**—Петербургское губернское земское собраніе восемь лѣтъ тому назадъ и теперь; что въ немъ перемѣнилось, что осталось попрежнему; слабыя и сильныя стороны собранія.—Радикальное разногласіе по самому простому вопросу.— Съ больной головы да на здоровую (стр. 901).—**Мартъ.**—Отношеніе нѣко-

торыхъ органовъ нашей печати къ дворянскимъ собраніямъ.—Рѣчь графа А. А. Бобринскаго.—„Горе отъ ума", вывороченное на изнанку.—„Грязный хвостъ консерватизма", усмотрѣнный „Московскими Вѣдомостями" (стр. 451).—**Апрѣль.**—Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя.—Ошибки слѣдственной и судебной власти, какъ одинъ изъ источниковъ оправдательныхъ вердиктовъ.—Отличительныя черты нашихъ крестьянъ-присяжныхъ.—Московскія правила о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, и рѣчь, произнесенная въ ихъ защиту (стр. 894).—**Май.** — Двадцатипятилѣтіе закона 6-го апрѣля 1865 г.—Существуетъ ли прямая связь между свободною печатью и ея вліяніемъ?—Процессъ печати въ петербургскомъ окружномъ судѣ.—Вопросъ о подставныхъ акціонерахъ. — Двѣ журнальныя статьи о Финляндіи.—„Московскія Вѣдомости" и наши гимназіи (стр. 408). — **Іюнь.** — Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ послѣ ихъ преобразованія. — Личный составъ слушательницъ и распредѣленіе ихъ по отдѣленіямъ.—Вопросъ о преподаваніи естественныхъ наукъ. — Открытіе интерната. — Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. — Открытіе первой сельской общественной библіотеки (стр. 855).—**Іюль.** — Д-ръ Г. А. Захарьинъ о „переутомленіи" и „классицизмѣ", и его предложеніе: сократить науки въ пользу классицизма.—Другія предложенія автора, и наши оговорки къ нимъ. — Что такое „концентрація" обученія? — Предложеніе съ другой стороны: сократить гимназіи, не сокращая учебныхъ часовъ. — Новые признаки „маніи величія" въ нашей печати и примѣръ самобичеванія (стр. 434).—**Августъ.**—Перемѣна въ гимназическихъ учебныхъ планахъ.—Уменьшеніе „концентраціи" и конецъ господства экстемпоралій. — Увеличеніе гимназическихъ вакансій.—Сенсаціонная корреспонденція.—Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній.—Дѣло Вальмана.—Изъ міра печати (стр. 878).—**Сентябрь.**—Новая погудка на старый ладъ.—„Либерализмъ", какъ источникъ всѣхъ возможныхъ золъ. — Три различныхъ взгляда на настроеніе современнаго русскаго общества.—Новыя свѣденія о мстиславльской исторіи.—Евреи въ одесскомъ исправительномъ пріютѣ.—Н. В. Альбертини † (стр. 408).—**Октябрь.** — Гимназическіе учебные планы по языкамъ древнимъ, русскому, французскому и нѣмецкому.—Новое мѣсто древнихъ языковъ въ системѣ преподаванія русскаго языка. — Продолженіе газетной агитаціи противъ нашихъ инородцевъ. — Рѣчь виленскаго генералъ-губернатора (стр. 867).—**Ноябрь.**—Права женщинъ-врачей въ связи ихъ съ надеждою на открытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Сердобское и щигровское земства.—Опять финляндцы и остзейцы.—Газетные курьезы. — Чествованіе многолѣтней дѣятельности Д. А. Наумова (25 л.), Н. С. Тихонравова (40 л.) и П. Г. Рѣдкина (60 л.) (стр. 464).—**Декабрь.**—Отзывы А. В. Никитенка о К. Д. Кавелинѣ.—Нѣсколько писемъ Кавелина, какъ противовѣсъ тѣмъ отзывамъ. – Школьный казусъ въ саратовскомъ уѣздѣ. — Изъ міра печати. — Сборникъ въ память С. А. Юрьева (стр. 901).

VI. Библіографическій листокъ.

Январь. — Н. Карѣевъ, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Выпускъ первый.—Новѣйшіе успѣхи знанія, популярные очерки Я. В. Абрамова.—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796), Е. Лихачевой.—Сказка про маленькую рыбку и про великаго человѣка, В. Каренина.—Дѣятельность земства по устройству ссудо-сберегательныхъ товариществъ, П. А. Соколовскаго. — **Февраль.** — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. Кн. III. — Изъ лекцій заслуженнаго профессора П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіею философіи вообще. Т. III. —О свободѣ воли. Опыты постановки и рѣшенія вопроса. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго общества. —Снѣжный Король. Сцены изъ тридцатилѣтней войны по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Заимств. съ шведскаго Э. Гранстремъ.—**Мартъ.**—„Пошехонская Старина", М. Е. Салтыкова. — Гуманистическая гимназія и петиція о полномъ переустройствѣ нѣмецкихъ школъ, Оскара Іегера, директ. кельнской гимназіи. — Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. — Я. Бертильонъ, Статистика движенія населенія во Франціи.—**Апрѣль.**—Кн. Сергѣй Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи.—Н. Карѣевъ, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Выпускъ II.—Психологія вниманія. Д-ра Т. Рибо.—Налогъ на осво-

божденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. Соч. В. Брандта.—Н. Карышевъ, Экономическія бесѣды. 2-ое изданіе.—Ник. Энгельгардтъ, Сказки.—Его же, Стихотворенія.—**Май.**—Исторія русской этнографіи, т. I, А. Н. Пыпина. — Энциклопедическій Словарь, п. р. проф. И. Е. Андреевскаго.—Руководство для живописи на фарфорѣ. А. К. Ламанской.—Очеркъ торговаго московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изд. 2-ое. Историч. монографія Николая Костомарова.—**Іюнь.**—Матеріалы для жизнеоп. гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, т. II. — Красноярскій округъ Енисейской губерніи, Н. В. Латкина.—Сазоновъ, Г. П., Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ. — Американская республика, Дж. Брайса, ч. II: Правительство штатовъ. Перев. В. Н. Невѣдомскій.—И. И. Янжулъ, Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Вып. 1.—**Іюль.**—Американская республика, Дж. Брайса. Ч. III. Пер. съ англ. В. Н. Невѣдомскій.—Въ чемъ сила жизни? Второе изданіе. Эльпе (Л. К. Попова).—Основанія политической экономіи. Проф. Д. И. Пихно. — Учебникъ психіатріи, сост. д-ръ Крафтъ-Эбингъ, пер. Александръ Черемшанскій.—Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. Корь, скарлатина, оспа, тифъ, дифтеритъ, коклюшъ, свинка и др. 2-ое изд. А. С. Виренiусъ.—**Августъ.** — Я. А. Новиковъ, Протекціонизмъ. — Сэръ Джонъ Лёббокъ, Успѣхи и радости жизни. Съ англійскаго четырнадцатаго изданія. Пер. М. Ловцовой.—М. М., Интеллигенція, какъ категорія капиталистическаго строя.—Гигіена зрѣнія и выборъ очковъ для публики, врачей-неспеціалистовъ и архитекторовъ, съ прибавленіемъ статьи о гигіенѣ зрѣнія въ школахъ. Съ 47 рисунками. Д-ра Л. Симонова.—**Сентябрь.**—Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина. Т. IV.—Эмминггаузъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Пер. съ нѣм. В. Ф. Якубовичъ.—Энрико Ферри, Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Переводъ съ итальянскаго.—Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. А. Лаппо-Данилевскаго.—Государственное хозяйство Швеціи. Эдуарда Берендтса. — Иллюстрированный словарь, вып. 12. Изд. Л. Симонова.—**Октябрь.** — Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей, соч. д-ра Ф. Лагранжа. Пер. д-ра мед. Е. М. Дементьева. — Сочиненія В. Д. Спасовича, т. III. Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова.—Эволюція собственности. Ш. Летурно. — Генезисъ науки, ея принципы и методы, И. С. Андріевскаго.—**Ноябрь.**—Матеріалы для жизнеоп. гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера. — Путешествіе на Востокъ, Евг. Маркова. — Русскіе труженики моря, В. Вахтина.—Путевыя очерки и картинки, И. И. Горизонтова. — Критико-біографическій словарь, вып. 26, С. А. Венгерова. — **Декабрь.** — Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. I, изд. п. р. М. И. Семевскаго. — Вечерній звонъ, Я. П. Полонскаго.—Стихотворенія В. И. Иванова. — Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей, С. А. Венгерова, т. II, вып. 27.

VII. Извѣстія.

Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей (янв. 463). — Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей (фев. 909). —I.—Отъ Комитета научно-промышленной выставки въ Казани. — II.—Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нужд. литерат. и ученымъ за 1889 годъ. — III. Отъ Редакціи (май, 426).—I. Отъ Совѣта Саратовскаго Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ.—II. Отчетъ по изданію сборника „Памяти В. М. Гаршина" (іюнь, 865).—Объ изданіи этнографическаго журнала „Живая Старина" (сент. 428).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ АВТОРОВЪ *).

---

*) Цифры обозначаютъ страницы Каталога, на которыхъ указаны заглавія статей.

В.

Г.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, издав. п. р. М. И. Семевскаго. Кн. I. Спб. 1890. Стр. 387. Ц. 2 р.

Въ первой, появившейся нынѣ, книгѣ кн. Ѳ. А. Куракинъ издалъ бумаги одного изъ своихъ предковъ, князя Бориса Ивановича, сотрудника, сверстника Петра В. (р. 1676, ум. 1727) и его свояка (были женаты на родныхъ сестрахъ, Евдокіи и Ксеніи Лопухиныхъ). Указы и письма Петра В. къ кн. Куракину и весьма любопытные историческіе труды послѣдняго, вмѣстѣ съ его автобіографіею, составляютъ содержаніе перваго выпуска. Ѳ. А. Куракинъ сдѣлалъ, можно сказать, первую попытку написать русскую исторію отъ начала ея и до его дней: „До нынѣ еще,—говоритъ онъ въ своемъ приступѣ къ этому „увражу“, —справедливаго описанія гисторіи о сей Имперіи не явилося, того ради понужденъ сей увражъ учинить: Гисторію о сей имперіи, собравъ изъ многихъ рукописныхъ вѣдомостей такъ пространно, сколько могъ быть въ состояніи собрать, присовокупляя при томъ о всѣхъ дѣлахъ политическихъ всего царствованія Петра В., императора Всероссійскаго, также и о всей войнѣ противу Швеціи, начатой въ 1700 году; такъ и о всѣхъ негоціаціяхъ съ другими потенціями, а особливо которыя происходили чрезъ меня во всю мою бытность въ посольствахъ при чужестранныхъ дворѣхъ, начавъ съ 1707 году, первой моей коммиссіи при дворѣ Римскомъ и по сѣ число послѣдующихъ, какъ при республикѣ Венецкой, при дворѣ цесарскомъ съ вольнымъ городомъ Гамбургомъ, при дворѣ курф. Ганноверскаго, при дворѣ Агленскомъ, при Статахъ генеральныхъ семи провинцій (Голландіи), при дворѣ прусскомъ и Датскомъ, при дворѣ Французскомъ. И раздѣляю сей мой увражъ для лучшаго вразумленія читателю“—на четыре части. Но изъ этого труда пока найденъ и изданъ только отрывокъ изъ одной четвертой части: „о всѣхъ придворныхъ интригахъ, происходящихъ во время царствованія Петра В., понеже я тому свидѣтелемъ былъ и отъ младенчества лѣтъ моихъ воспитанъ былъ при дворѣ и всегда неотступно при немъ былъ во всю войну и даже въ самую баталію полтавскую по 1709 г.“. Въ такую рѣзкую переходную эпоху изъ одного міра въ другой, почти противоположный, каково было время Петра В., живое свидѣтельство лица, близко стоявшаго къ центру переворота, представляетъ много весьма характернаго и въ высшей степени интереснаго. Авторъ, очевидно, писалъ отрывочно, по главамъ, какъ, напримѣръ: „Теперь будемъ напоминать о началѣ придворныхъ дураковъ и ссорахъ во пьянствѣ между бояры“. Сдѣлавъ историческій очеркъ, въ заключеніи онъ объясняетъ значеніе „придворныхъ дураковъ“—для „политики“—при Петрѣ В., и между прочимъ говоритъ объ одномъ изъ нихъ, князѣ Шаховскомъ, „который былъ ума немалаго и читатель книгъ, токмо самый злой сосудъ и пьяный... И то дѣлалъ, что провѣдывалъ за всѣми министры ихъ дѣлъ, и потомъ за столомъ, при его величествѣ, явно изъ нихъ каждаго лаевалъ и попрекалъ всѣми тѣми ихъ дѣлами, чрезъ который каналъ (каналъ) его величество все вѣдалъ“... „И когда его величеству на котораго министра было досадно, и чтобъ онаго обругать, то при обѣдахъ и другихъ банкетахъ онымъ дуракамъ было приказано котораго министра, или которую знатную персону напоить, и побить, и побранить, то тотчасъ чинили, и на оныхъ никому обороны давано не было“...

Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. Спб. 90. Стр. 208.

Такъ назвалъ одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ поэтовъ произведенія, за первые четыре года втораго пятидесятилѣтія своего литературнаго служенія—по заглавію самаго послѣдняго изъ нихъ: „Вечерній звонъ“. Вмѣстѣ съ лирическими стихотвореніями, часто не уступающими по теплотѣ и задушевности произведеніямъ его прежнихъ эпохъ, въ настоящемъ сборникѣ встрѣчаются и болѣе крупныя, какъ: „Повѣсть о правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой“; разсказъ въ стихахъ: „Анна Галдина“, и сатирическій очеркъ: „Разговоръ критика“ съ посѣтившимъ его гостемъ, отцомъ очень юнаго поэта, жаждущаго узнать—поэтъ онъ или нѣтъ. Послѣдняя тема не нова, но Я. П. Полонскій съумѣлъ найти въ ней новыя стороны, оставаясь въ то же время объективнымъ при разрѣшеніи критикомъ вопроса: почему теперь у насъ такъ много поэтовъ, и такъ мало поэзіи?

......Не оттого ли
Все это (Боже упаси!),
Что сотни тысячъ на Руси
Сидятъ безъ дѣла, что трудиться
Одинъ лѣнивъ, другой боится (?)...
Не даромъ, точно за грѣхи,
Осуждены одни на карты
—На „винтъ“, другіе—на стихи...
. . . .

Стихотворенія В. И. Иванова. 1879—1889. Изданіе И. М. Варшавчика. Харьковъ, 90. Стр. 234. Ц. 1 р.

Вышеупомянутый „критикъ“ Я. П. Полонскаго, вѣроятно, указалъ бы на настоящія стихотворенія, какъ на иллюстрацію своей мысли и образчикъ трудовъ одного изъ многихъ, осужденныхъ „на стихи“. Читатели найдутъ въ этомъ сборникѣ даже и „Пѣсню о винтѣ“—соперникѣ современной поэзіи, по мысли того же критика. Впрочемъ, поэтъ ищетъ и другихъ причинъ паденія современной поэзіи, помимо страсти къ винту: забыты —жалуется онъ—„свобода, трудъ, любовь великая, святая, и вѣра въ истину живая, за ближнихъ муки и печаль“; въ наше время—говоритъ онъ—все это зовется „бреднями пустыми или мечтами молодыми“, а вмѣсто того—

У насъ стоятъ на пьедесталѣ
Теперь такіе идеалы:
Все побѣдившій эгоизмъ
Да пресловутый нигилизмъ...
Два эти „изма“ иссушили
Сердца людскія...

Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова. Т. II, вып. 27. Спб. 1890. Стр. 241—288. Ц. 35 к.

Въ новомъ выпускѣ, кромѣ окончанія довольно обширной и обстоятельной біографіи Батюшкова, помѣщены, между прочимъ, очерки изъ жизни извѣстнаго въ свое время И. И. Бахтина, А. П. Башуцкаго и С. Башилова, ученика Шлёцера.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1891 г.
(Двадцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

С перваго декабря открыта подписка на первую четверть 1891 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.